

Прикосновение к тайнам Царства Божия протоиерей Геннадий Нефёдов

Предисловие

Предисловие

Святитель Феофан, затворник Вышинский, учит, что спасение души тесно связано с очищением своей совести от грехов и исправлением своей жизни через умягчение сердца сокрушением. Цель такой работы – уничтожение в себе самомнения и укоренение в нашем сердце покаянного вопля, обращенного к Богу. Надежду на спасение нам следует полагать в единой милости Божией, а от себя приносить Господу труд усердной работы по всей широте Его заповедей.

В этом труде нам потребуется необманчивое зеркало правосудия, начертанное в слове Божиим, чтобы через него видеть, как мы ниспадаем в самомнение и самочувствие, когда без слов по сердцу проходят помыслы, дающие немалое значение нашим трудам и нашей деятельности в среде других.

Помысл самомнения – один из злейших помыслов, ибо он нападает на чувство сокрушения и охлаждает его. Поэтому с чувством праведности не уживается сокрушение сердца; самочувствие отсекает всякое напряжение сил на добро; а обманчивое самодовольство губит в нас всё доброе.

Мы не сможем войти в двери милосердия Божия, если не войдём до этого в двери сердечного болезнования и сокрушения. Евангелие, учение отцов Церкви возвещают нам истины, которыми, может быть, отверзнутся двери нашего сердца сокрушением. Тяжелый молот, ударяя о камень, разбивает его и мельчит. То же делают и истины Евангелия и святоотеческого учения. Они сокрушат окаменение нашего сердца, извлекут из него вопли раскаяния и выжмут слезы умиления.

Самое главное препятствие к сокрушению сердца кроется в чувстве нашей праведности. Самодовольство и самооправдание, будучи самой пагубной прелестью, у многих подкашивают ноги и останавливают шествие. Посчитав себя праведными, мы теряем нужду беспокоиться и искать милости.

Нам кажется, что цель достигнута – праведность налицо. Остается только посматривать кругом, себя высить, а других унижать. Таким образом, помыслом разоряется то, что достигнуто трудом.

Первый признак неправильной духовной работы над собой – это посмотреть на явных грешников и счесть себя лучше их. Чтобы исключить этот признак из своей жизни, будем смотреть на строгих ревнителей добродетели и благочестия, каковыми являются святые отцы, – и наше сердце просветится познанием наших собственных недостатков. Поэтому нам следует сравнивать себя с добродетелями святых Апостолов, святых подвижников веры, с деяниями Господа Спасителя, с совершенствами Отца Небесного и вводить себя в чин их жизни.

Второй признак – смотреть только на одни правые дела, скрывая от себя самих свои грехи, и в прочих делах смотреть только на внешнюю сторону, не обращая внимания на внутренние чувства и расположения, с какими они совершаются: Богу ли мы хотим угодить и Его ли славу мы ищем или же себя и свои интересы ставим на первое место? Когда с этой стороны рассмотрим свое малое добро, то увидим, что доброго-то ничего не осталось.

Наши добрые чувства нуждаются в обучении. Для этого сначала необходимо вниманием войти внутрь себя. Там найдем мы необманчивое зеркало наших дел – совесть. Извлечем его в центр внимания, вычистим его и сделаем ясным через слово Божие, восстановим в нём написание всех обязательных для нас слов, дел, чувств и помышлений. Потом установим против своего лица так, чтобы нам некуда было укрыться и ничем нельзя было прикрыть себя. Осветим свою внутреннюю храмину, как светом, страхом Божиим, при действии которого все черты нашего сознания до малейших подробностей станут ясно видны в зеркале нашей совести. Не дела только, но и все помышления злые, входящие и исходящие из сердца, будут печатлеться на лице сознания, отражаться в совести и привлекать суд действием страха Божия.

И мы, вчитываясь в творения и беседы преподобных отцов, должны будем воспринять от них страх Божий, который и

пробудит в нас стыд, стыд – обличение, обличение – болезнование о себе. Тогда некогда будет родиться самомнению, а самовозвышение и самооправдание не смогут появиться на свет в нашей жизни.

Таким образом, вчитываясь в беседы и наставления преподобных отцов, мы приобретем самое большое благо в покаянии – оправдание пред Богом. Поэтому от нас будет зависеть спасительная установка – всякому нашему делу и предприятию предпосылать чувство нашей грешности и ставить его во главу угла.

В этом и будет состоять цель наших размышлений об опыте спасения духоносных старцев, а теперь уже и прославленных святых: познать и пережить нашу греховность в чувствах, стремлениях и делах, покаянно исповедать ее пред Господом Богом, и в свете страха Божия увидеть те конкретные добродетели, с помощью которых мы сможем осуществить на деле заповеди Божии. А помощниками в этом деле да будут те святые люди, опыт спасения которых мы будем изучать и в чин жизни которых мы будем принуждать себя вступить.

ИСПОВЕДЬ I. ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ (1722–1784). ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

Чтобы найти путь ко спасению, нам необходимо прилежнее читать Божественное Писание и учение святых и Богоносных отцов наших. Им дано благодатью Пресвятого Духа разуметь тайны Царства Божия. Они открывают нам смысл Священного Писания. В их духопросвещенном учении мы найдем всё, что нам нужно для спасения.

Мы же к такому прилежному чтению Писания и учения отцов себя не приучаем и потому далеки от знания Тайн Царства Божия. Прости нас, Господи.

Премилосердый Бог соделывает наше спасение Православной верой, добрыми делами и Своей Благодатью. Православная вера есть та, которую содержит Святая Соборная и Апостольская Церковь Восточная. Без этой веры Православной никому никак невозможно спастись. Добрые дела – это Евангельские заповеди, без исполнения которых, как и без веры, также невозможно никому спастись. Вера Православная без добрых дел мертва, и добрые дела без веры также мертвы. Желаящему спасения необходимо иметь то и другое вместе: и веру Православную с добрыми делами, и добрые дела с верой Православной. И тогда при помощи Божий Благодати, споспешествующей нашим добрым делам, мы спасемся по слову Христа, сказавшего: «Без Мене не можете творити ничесоже».

Господи, мы постоянно забываем, что Ты соделываешь наше спасение Православной верой, добрыми делами и Своей Благодатью. Мы же и веру Православную не исповедуем со всем вниманием, как заповедует Святая Соборная и Апостольская Церковь, и добрые дела в своей жизни отъединяем от Евангельских заповедей, отчего они становятся мертвыми. И к помощи Благодати Божией мы прибегаем с огромной долей забывчивости, оставляя без внимания слова Христа, говорящего нам: «Без Меня не можете делать ничего».

Прости нас, Господи, за эту забывчивость и оплошность в делах спасения.

Христос Спаситель, Истинный Бог наш, желая всем человекам спасения, поставил нам в закон добрые дела, именуя их Своими спасительными Евангельскими заповедями. От всех православных христиан, и от монахов, и от мирян, живущих с женами и детьми, Он требует самого прилежного их исполнения, потому что Его святые заповеди не требуют больших телесных трудов, а одного доброго произволения души. Ибо *иго* святых его заповедей *благо* и *бремя* делания их *легко есть*.

Как же часто, Господи, закон добрых дел, именуемый Евангельскими заповедями, не попадает в фокус нашего внимания! В результате не являя доброго произволения души, мы не можем прилежно исполнять Твои святые заповеди. Господи, прости, что *иго* святых Твоих заповедей не стало еще для нас благом, и *бремя* делания их не стало для нашей души легким.

Святые заповеди Христовы, при помощи Благодати Божией, легко может исполнять каждый православный христианин, какого бы он ни был звания, пола и возраста: старый и юный, и здоровый и в немощи лежащий, лишь бы было к тому расположение души. Поэтому те, кто преступает их и не кается, в страшное Второе пришествие Христово будут осуждены вместе с бесами на муку вечную.

Господи, и мы можем исполнять Твои святые заповеди при любой обстановке и в различных состояниях здоровья, но мы с огорчением замечаем отсутствие в себе и такого расположения души, и доброго покаяния в этом. Прости нас, Господи, и сохрани от осуждения вместе с бесами на муку вечную.

Святые Евангельские заповеди особенно главнейшие, столь необходимы для спасения, что если какой-либо одной недостает у человека, то и спасения души не бывает. Таковы заповеди о любви к Богу и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и о терпении, о том, чтобы от сердца прощать ближнему обиды, никого не осуждать, не иметь ненависти, любить врагов, творить по силе милостыню и душевную, и

телесную и понуждать себя со всем усердием исполнять все прочие заповеди Христовы, во Святом Евангелии написанные. А больше всего любить Бога всем сердцем своим, всею душою своею, и всею крепостию своею, и всем помышлением своим, и ближнего своего как самого себя; и, подражая кротости Христовой, до крови подвизаться против страсти гнева.

Господи, до нас все еще не доходит, что без исполнения **всех** Евангельских заповедей спасения души не произойдет. Прости нас, Господи, что главнейшие заповеди о любви к Тебе, Богу нашему, и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и о терпении, о прощении от сердца обид ближнему, о неосуждении, о преодолении ненависти, о любви к врагам, о творении по силе милостыни и душевной, и телесной, о понуждении себя со всем усердием выполнять и все прочие заповеди, – мы себя не понуждаем и до крови не подвигаемся против страсти гнева.

А жить в мире со всеми столь необходимо, что Господь счел нужным не раз повторить Своим святым ученикам и апостолам: «Мир вам; мир оставляю вам; мир Мой даю вам». А где мир Христов, там и Сам Христос; а если в душе нет мира, то нет там и Христа. И терпение необходимо для спасения; Христос говорит: «В терпении вашем стяжите души ваши». Терпеть надо не до известного только времени, а до самой смерти: «Претерпевый до конца, той спасен будет». Кто от всего сердца прощает ближнему согрешения его, тому и Бог прощает согрешения его. Кто не осуждает ближнего, тот и сам не будет осужден от Бога. И все прочие Евангельские заповеди желающий спасения должен блюсти как зеницу ока.

Господи, мы каемся за отсутствие у нас подвига в стяжании Евангельских добродетелей: мира со всеми, терпения, умения от всего сердца прощать согрешения ближних и самому не осуждать ближнего. Прости нас, Господи.

Православному христианину необходимо соблюдать еще и заповеди церковные, изложенные в книге «Православное Исповедание». Они также необходимы для спасения.

Прости нас, Господи, за нарушения этих заповедей.

Таинство Покаяния состоит в том, чтобы раскаяться пред Богом в своих грехах, бросить их и положить твердое намерение при помощи Божией к ним не возвращаться. Потом перед отцом духовным как перед Самим Богом исповедать свои согрешения и получить от него прощение в них.

Господи, мы же, хоть и раскаиваемся в своих согрешениях, но не бросаем их и не полагаем твердого намерения при помощи Божией к ним не возвращаться. И еще мы не умеем, Господи, каяться перед своим духовным отцом как перед Самим Тобою, Господом и Богом нашим, чтобы через него, через духовника, получить прощение в этих согрешениях. Прости нас, Господи,

Приготавливать себя к причащению Божественных Тайн должно постом, умилением, чистосердечным исповеданием грехов, совершенным примирением со всеми, выслушиванием в назначенное время всего церковного правила, а приступать ко Святому Причащению со страхом и трепетом, с верой и любовью, с поклонением, единому Богу подобающим.

Господи, мы не готовим себя к причащению подобным образом. Прости нас, Господи, недостойно причащающихся.

ИСПОВЕДЬ II. СТАРЕЦ МОИСЕЙ, АРХИМАНДРИТ БРЯНСКОЙ БЕЛОБЕРЕЖНОЙ ПУСТЫНИ (1772–1848). ОБРЕТЕНИЕ ПОКОЯ НЕВЕРИЕМ СВОЕМУ ПОМЫСЛУ

Этот путь связан с обретением в себе совершенного покоя, обусловленного неверием своему помыслу. «Всякий помысл, – говорил старец, – не имеющий тишины смирения, не от Бога, а от бесов. Господь наш с тихостью приходит. Все же то, что от соперника – со смущением и мятежом. А от бесов воля есть, чтобы себя оправдывать, и себе верить, и тогда они нас улавливают».

Это поучения старца Моисея весьма полезно и нам, часто, ох, как часто следующих своему помыслу. Мы, по отсутствию духовной мудрости, не склонны бываем считать, что всякий помысл, не имеющий тишины смирения приходит не от Бога. Мы упускаем из вида, что такой помысл приходит от бесов, ибо Господь наш с тихостью приходит, а соперник – со смущением и мятежом. Прости нас, Господи, что, живя бурной жизнью, мы не умеем замечать в себе помыслов, имеющих тишину смирения и приходящих от Твоей, Боже, благодати. Прости, Господи, и за то, что хотим творить волю бесов, побуждающих нас оправдывать себя и верить себе. Последуя ей, мы непременно будем уловлены бесами и потеряем путь ко спасению. Прости нас, Господи, и избави от сетей лукавого врага.

Путь ко спасению связан с приобретением высокотворного и Хриstopодражательного смирения, приносящего множество благодетельных дарований. И прежде всего от нас требуется смиренномудрие, без которого ни вера, ни страх Божий, ни милостыня, ни воздержание, ни иная добродетель не может быть нами совершена. Без смирения человек становится злее всякой твари, даже если думает, что равноангельское житие проводит. Смирением только растлеваются все стрелы врага и противника нашего спасения.

Господи, мы мало стараемся над приобретением высокотворного и Христоподражательного смирения. Прости нас.

Нам необходимо всеми мерами стараться хранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других. Если же не можем не смутиться, то по крайней мере, надобно постараться удерживать язык по псалмопевцу: *смятохся и не глаголах*.

Мы же, Господи, не стараемся хранить мир душевный, возмущаемся, когда нас оскорбляют другие, и не удерживаем своего языка, чтобы в ответ не оскорбить обидчика. Прости нас, Господи.

Мы призваны иметь мир и любовь душевную, никогда не разрываемую, так, чтобы и вида какого-нибудь не подать к нарушению любви. Нам следует помнить, что, хотя после и может человек восстановить любовь с братом, то мало в том преуспевает, чтобы любовь стала такой же, как и прежде. Это можно сравнивать с отрезанным хлебом: если и прилепишь его и соединишь одну часть с другой, но уже таков не будет, каков был прежде. На хлебе все еще остается знак там, где был отрезан. Так и нам должно стараться, чтобы не подать и виду к нарушению любви. Это Христос Спаситель нам заповедал: *«Сия заповедую вам, да любите друг друга»* (Ин. 15, 17) и еще: *«Чадца, мир Мой даю вам»* (Ин. 14, 27), и еще: *«О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»* (Ин. 13, 35).

Господи, как же часто мы нарушаем это условие нашего спасения! Мы не боимся нарушить мир и душевную любовь. У нас нет умения и осторожности, чтобы не подать вида к нарушению любви. Прости нас, Господи, что Твою заповедь о любви мы и забываем, и нарушаем и поэтому теряем достоинство Твоих учеников.

Всем нам надо искать помощи Божией, а не надеяться на себя, и во всем прибегать к Богу. Во всем возлагать себя на волю Божию во всяких приключающихся обстоятельствах и говорить: на то воля Божия будет.

Господи, прости нас, что мы не всегда так говорим и так делаем. Поэтому и не всегда бываем в душевном покое и часто смущаемся. Помоги, Господи, всегда полагаться на Твою волю и пребывать в мире и покое душевном. И не о чем находящем на нас не смущаться, все случающееся предоставляя воле Божией.

При следовании по пути спасения, – говорил отец Моисей, – «не полезно нам скорбеть, ибо от этого бывает уныние, а от уныния многие скорбят, сами не зная о чем, понапрасну» Но если мы будем повиноваться воле Божией, то не станем о чем-либо мимоходящем много скорбеть и будет у нас всегда вид веселый.

Прости нас, Господи, за то, что скорби одолевают нас, и мы не бываем веселы. Ведь печаль по Бозе человека не сокрушает, а внешняя печаль истощает человека и у него вид всегда насупленный. Многие этим страдают и понапрасну себя изнуряют. Премудрый Соломон, предостерегая нас от этой понурости, говорит: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сокрушает кости» (Притч. 17, 22). Господи, прости нас, что мы часто унываем из-за неумения предавать себя Твоей воле.

Шествующие по пути спасения должны научиться читать книгу, именуемую **Совесть**. Совесть – это естественная книга для деятельного ее прочтения. Кто читает ее, тот искусом познает Божественное заступление. Законом совести жили наши праотцы Авраам, Исаак и Иаков. Им они так угодили Богу, что и покаяние им не положено. «Не положил еси покаяние праведным Аврааму, Исааку и Иакову, не согрешившим пред Тобою». И чем они так угодили Богу, что и покаяние им не положено? Имели они жен, и рабов, и большое богатство; постов тогда еще не было, храмов Божиих тогда еще не строили. Чем же они так угодили Богу? Тем, что они ни у кого ничего не взяли, никого не обидели, никому не солгали, ни словом, ни делом. И не было тогда иного закона, кроме естественного: что хочешь себе, то и другому желай, как говорит Евангелие: *«Вся убо елика хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы»* (Мф. 7,

12). Здесь скорый путь, возводящий добродетель к цели, говорит нам: если хочешь, чтобы любили тебя враги твои, и ты люби врагов твоих; если хочешь, чтобы никто тебе не досаждал, никому и ты не досаждай; если хочешь быть любимым всеми, и ты люби всех.

Господи, и для нас, по слову старца Моисея, открыта естественная книга совести для деятельного ее прочтения. Читая ее, мы искусом познаем Божественное ее заступление и научаемся подражать нашим праотцам Аврааму, Исааку и Иакову, следуя естественному закону: что хочешь себе, то и другому желай. Учиться-то мы учимся, но это не всегда у нас получается. Например, ни у кого ничего не брать без разрешения, никого не обижать, никому не говорить неправды ни словом, ни делом. Господи, прости нас за то, что того, что желаем себе, другим не делаем и тем попираем закон совести, пытаюсь переписать эту естественную книгу на свой лад.

Господи, помоги нам приложить старание хранить нашу совесть чистой и незазорной и в словах, и в делах, чтобы верно и полезно было сказанное или сделанное. И еще помоги, Господи, во всем соблюдать опасство, чтобы ни в чем не повредить своей совести и не подать людям право сомневаться в нас.

Желающие идти по пути спасения должны употреблять все силы и не оставлять церкви Божией, но всегда приходить на молитву и славословие Божие. Утреннее славословие является благодарением Господу за прошедшую ночь, в начатие будущего дня и провождение его в Боге. Вечернее же славословие в церкви Божией является воздаянием Господу богу за прошедший день, в начатие же будущей ночи, дабы Господь даровал нам ее прожить мирно и безмятежно и избавил нас от всех коварств вражиих. Если же оставим утреннее церковное богослужение, не принеся благодарения Господу Богу за прошедшую ночь, то лишимся испрошения Благодати Божией на настоящий день. Также и вечерние молитвы, в заключение прошедшего дня, и потому должно неотложно исполнять всякий день утренние и вечерние молитвы.

Господи, мы часто оставляем посещение храма Божия и не приходим туда на молитву и славословие Божие. И поэтому остаемся неблагодарными Господу Богу за прошедшую ночь или же за прошедший день. Мы не испрашиваем у Господа благодатных сил провести ночь и предстоящий день мирно и безмятежно, и избавить нас от всех коварств вражиих. И еще мы довольно часто оставляем исполнение утренних и вечерних молитв.

Прости нас, Господи, за невнимательное и пренебрежительное отношение к посещению богослужений и за оставление или сокращение утренних и вечерних молитв.

Когда мы не стремимся к душевному спасению, тогда пребываем в мирном устроении, ибо враг много не наветует на нас. Когда же человек начинает внимать себе, тогда враг все силы обращает на него и не дает ему мирно жить не только дня, но даже и часа. Однако же после скорбных беспокойств Бог посылает ему Свою помощь, в утешение его, на несколько часов, и от этой душевной радости забывает человек свои скорбные обстоятельства и желает терпеть их и далее ради будущего утешения.

Господи, и у нас бывает много случаев, когда мы не стремимся к душевному спасению и не пребываем в мирном устроении, ибо враг много на нас не наветует. Мы должны это вражие послабление замечать и делать соответствующие выводы. Мы же это снижение вражеской активности против нас не рассматриваем как снижение ревности о нашем спасении и в этом не каемся. Прости нас, Господи.

Когда же мы начнем внимать себе, тогда враг все свои силы обращает против нас и не дает нам мирно жить не только одного дня, но и часа. Мы же, замечая это нападение, довольно легко забываем о цели подвига и перестаем внимать себе. Господи, прости нас за испуг скорбных беспокойств и неготовность стерпеть их.

Господи, мы не умеем понимать Твою помощь и утешение после скорбных обстоятельств. Мы не умеем воспринимать эту радость, как от Тебя приходящую нам в утешение. Прости нас,

Господи, что не очень готовы терпеть скорбные обстоятельства и впредь ради будущего утешения.

Всякому внимающему себе необходимо иметь духовного отца и, вопрошая его, все творить, что он скажет. Самому же себе ни како же что начинать, чтобы вместо доброго не принять злое, ибо многие от неразумия своего пострадали, последовав своей воле, ибо нет иного падения монаху, как последовать своей воле (св. Исаак Сирин). Не всякое желание добра попадает в сердце от Бога, но оно бывает и от диавола, и этим диавол наносит человеку вред и понуждает человека взыскать его. Любит диавол, когда найдет человека, не вопрошающего другого, не советующегося с могущим наставить на добро; и тогда удобно прельщает враг самочинника и уловляет.

Господи, мы хотим внимать себе, но духовного отца о пути спасения вопрошать не умеем, стесняясь спрашивать, и услышанное к своей жизни приспособлять не спешим. Прости нас, Господи, что много в нас самочинных начинаний, и мы вместо доброго вкушаем злое. Отцы церкви говорят, что многие из нас страдают, следуя своей воле. По слову Исаака Сирина многие наши падения происходят от того, что следуем своей воле. Прости нас, Господи, за самоволие, часто приводящее нас к скорбным обстоятельствам.

И еще мы должны знать, что не всякое желание добра попадает в наше сердце от Бога. Оно бывает и от диавола. Нанося человеку вред, диавол понуждает его искать самочинного добра, ибо любит тех, кто не вопрошает других, не советуется с могущими наставить на **истинное** добро. Прости нас, Господи, за нежелание советоваться со знающими добро непонаслышке, и сохрани от прельщения врага нашего спасения и уловления в его сети. Господи, не оставляй нас, предлагая нам Свое человеколюбивое руководство!

ИСПОВЕДЬ III. ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ (1754–1833). ТАЙНА ЖИВОГО МОЛИТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ

1. Ограждение молчанием тайны открываемого нам

Все в нашей жизни совершается изволением Божиим. Господь благоволил, чтобы между духовным отцом и духовным чадом устанавливалось живое молитвенное общение, в результате которого нам открывается тайна спасения. Духовный отец молится о том, чтобы его духовному чаду открылась святая воля Божия, и он захотел бы и смог воспринять благодатную помощь нашего Спасителя – Бога, а духовное чадо молится о том, чтобы понимать совет духовного отца и смиренно вручать себя его молитвенному водительству.

Пример такого общения мы видим у последнего келейника старца Серафима Саровского отца Иоанна с Преподобным. Исполняя обязанности будильщика в монастыре, отец Иоанн встал однажды на два часа раньше положенного времени и отправился к памятникам, находившимся близ собора. Находясь между ними, он вдруг приметил, что у кельи отца Серафима что-то движется взад и вперед. С благоговейным трепетом и молитвой он стал всматриваться и увидел, что это был сам подвижник, который тихо переносил дрова, по одному полону, с одного места на другое, ближайшее. Занимаясь богомыслием и, по слову псалмопевца, предзревая выну пред собою Господа, он в то же время, не оставлял и плоть свою без упражнения и некоего удручения. При этом он чуть слышно творил Иисусову молитву.

Преодолев недоумение, келейник, отец Иоанн, в страхе и радости поспешил и бросился к старцу в ноги, и, целуя их, просил у него благословения. Благословив его, старец трижды тихо повторил: «Благодари Господа (за то), что ты видел, огради себя молчанием и внимай себе».

Господи, мы часто забываем о живом молитвенном общении с духовным отцом и, тем самым, лишаем себя возможности приближать себя к открывающимся тайнам нашего спасения. Мы лишаем себя и молитвенного общения с духовным отцом, и не готовы вручать себя его молитвенному водительству по пути спасения. Прости нас,

Господи, что не умеем принимать советы духовного отца и не имеем смирения доверять его наставлениям. Мы не благодарим Господа за то, что видим и слышим от него, не ограждая тайну открытого нам молчанием, и не внимаем себе. Прости нас, Господи, за отсутствие вдумчивой осторожности к тайне открытого и неумение внимать себе.

Отец Серафим всю свою жизнь старался во всем покорять плоть свою духу, и особенно он подвизался против сна. Келейник мог застать его спящим в келье или сенях, сидящим прислонившись спиной к стене и протянув ноги; иногда приклонял голову свою на камень или на деревянный обрубок. Приближаясь к минутам своего отшествия ко Господу, он усугублял свой подвиг против сна. Удрученный пустынными трудами, он по возвращении в свою келью снимал с себя суму и, подкрепив себя малой пищей, предавался сну таким образом: становился на колени и спал ничком к полу, на локтях, поддерживая голову руками. Кровати же вовсе не имел.

Господи, мы же, взирая на этот подвиг преподобного против сна, сознаем свою слабую к этому причастность. Мы любим поспать вволю, даже ради сна отказываемся от молитвы. Господи, прости нас, что не отвоевываем время у сна для делания добра.

Богомудрый старец однажды своего подопечного, пришедшего к нему за благословением носить власяницу, учил духовной мудрости так: он вдруг замахнулся на него своей правой рукой, как бы желая изо всей силы ударить его по щеке; но не ударил, а только прикоснулся к его уху и сказал: «Вот кто тебя таким образом заушит – это духовная и самая тяжелая верига». Потом, набрав в рот слюны и как бы желая ослепить его ею, сказал: «А если кто-нибудь заплюет тебе таким образом глаза – вот это духовная и самая спасительная власяница, только надо носить их с благодарением, зная, что эти духовные вериги и власяница выше тех, которые из тщеславия хочется обыкновенно носить людям. Что же будет в том, что наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить, и есть столько, сколько хочется. Притом же мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата понести великодушно. От

начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние или отчаяние, так что и в другое место работы и послушания выходим мыслью, и с завистью смотрим на братьев своих, которые в милости и доверенности у настоятеля или у другого начальника.

Господи, и нам необходимо духовно взрослеть, и сначала видеть, а потом и переносить «заушения» и «заплевания» от других людей, вменяя их себе как веригу и власяницу, ради Христа на себя возложенную. Господи, прости, что не можем еще с терпением и великодушием их переносить. И все это от того, что не можем отказаться спать, пить и есть столько, сколько хочется. И великодушно не переносим и самомалейшего оскорбления от брата. И от начальнического слова и выговора впадаем в совершенное уныние, и даже отчаяние. И еще мы завидуем тем, кто в милости и доверенности у начальства. Прости нас, Господи.

Желая утвердить свое чадо на пути спасения, отец Серафим благословил своего келейника приобщаться Пречистых Тайн во все двенадесятые праздники. Накануне этого он должен был вкушать пищу только единожды и то с воздержанием, а в прочие дни употреблял бы пищу дважды в день вместе с братией.

Такая духовная установка отца Серафима наводит нас на размышление: есть ли и у нас благословение нашего духовного отца, как часто и в какие дни мы должны причащаться, и как именно готовиться к участию в Причащении Святых Христовых Тайн. Чаще всего мы делаем это самочинно и по своему усмотрению, и тайна молитвенного общения с духовником остается для нас нераскрытой и мудрость духовная не дается нам. Прости нас, Господи, и утверди указанный отцом Серафимом порядок ввести в порядок нашей духовной жизни.

Указанный преподобным Серафимом порядок не всегда проходил у отца Иоанна гладко. Вот как он описывает случившееся с ним однажды.

«Накануне двенадесятого праздника, отпев раннюю обедню и придя в свою келью, я для подкрепления истощенных сил съел просфору и напился чаю. Этим бы и надлежало мне

довольствоваться до принятия Пречистых Тайн, но когда пошли все к трапезе в обыденное время, то и я, по обычаю, пошел туда же и вкусил там пищу.

После же вечерни зашел ко мне один дальний посетитель, который питал особенную веру и любовь к отцу Серафиму, имел и ко мне, грешному, доброе расположение. Угощая гостя братский пищей, я еще вкусил вместе с ним. После этого мне вдруг припомнилось, что настоящий день был накануне двенадесятого праздника, и что я, по завету старца, должен приобщаться Святых Тайн, а потому вкушать пищу должен только один раз. Начиная думать о своем невнимании к старческой заповеди, я начал падать духом, и чем более думал, тем более отчаивался. Тьма ужасающих мыслей, одна за другой, теснились в моей голове. Одна мысль говорила, что если я не соблюл заповеди старца, то недостоин приобщаться Пречистых Тайн, а другая – напротив, что если я не приступаю к причащению, тогда отец Серафим спросит меня о причине, и как я буду отвечать ему. Третья же мысль, еще страшнейшая, твердила мне непрестанно, что если я дерзну приступить к священной трапезе, несмотря на свое недостойнство, то Господь поразит меня смертью. Несмотря, однако, на эту мысленную борьбу, я всячески старался преодолеть ее, чтобы не лишиться себя Святыни и не оскорбить старца, и, готовясь, прочитал правило, потом исповедался. Но хотя духовный отец и разрешил меня, сказав, чтобы я приступил к Святым Тайнам без всякого смущения, ибо заслуги Господа нашего Иисуса Христа разрешают все наши грехи, однако же я не успокоился духом. Враг не захотел оставить видимую добычу и всячески старался удалить мою душу от соединения со Сладчайшим Иисусом. На другой день во время литургии, он напал на меня с теми же убийственными мыслями и в гораздо большей степени. А когда я надел по благословию служащего иерея, стихарь, в котором обыкновенно причащался Святых Тайн, мои мучения дошли до самой крайности. Вместо упования на заслуги Христа Спасителя, покрывающие все согрешения, мне представилось, что, по Суду Божию, за мое недостойнство и презрение заповеди старческой я буду или сожжен огнем, или живой

поглощен землей в виду всех предстоящих в храме, как только приступлю к Святой Чаше. Уже я весь горел адским огнем и, видимо, погибал в отчаянии, в этот самый миг какое-то неизгладимое влечение позвало меня в Священный алтарь, и я без всякого рассуждения последовал туда, как бы на призыв моего Ангела-хранителя, по молитвам отца Серафима. Это была та минута, когда старец только что приобщился Святых Тайн, а служащий иерей готовился отверзать Царские врата. Я взглянул на отца Серафима и увидел, что он сделал мне знак рукой. Со страхом и благоговением обошел я Священный Престол и пал в ноги отцу Серафиму. Старец поднял меня. Благословил и сказал мне вот какие сладостные слова: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он излил на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся, только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которая дается нам во исцеление всех наших грехов».

Многие из нас когда-то переживали подобные бесовские наваждения и борьбу помыслов из-за не совсем доброкачественного поведения при подготовке к причащению Святых Христовых Тайн. Многие, не вручив себя молитвам духовника, отлагали причащение Святых Тайн, не доверив победу над грехами заслугам Господа нашего Иисуса Христа, самонадеянно полагаясь на свои труды и подвиги, и потому уклонялись от пути спасения. Прости нас, Господи, и умудри доверять Твоим спасительным заслугам, а не себе, и в них полагать упование нашего спасения.

2. Стяжание мирного духа

Желая поведать своему келейнику некую великую тайну блаженный старец заграждал его уста, и первое, что он говорил: «Огради себя молчанием». И тут отец Серафим начал раскрывать перед ним историю пророков, апостолов, святых отцов, преподобных, мучеников. Со свойственной ему простотой отец Серафим описывал их подвиги и страдания, твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся каждый свой крест для получения спасения; вспоминал и разные их чудотворения, которые они совершали Благодатью Божией, к славе Господа. Описывал также и подвиги подвижников, в иночестве прославившихся своими подвигами: в злострадании и непрестанном над собой бдении. Он говорил, что все Святые Божии, которых ублажает Святая Церковь, оставили нам, по своем успении, жизнь свою как пример для подражания, и что все они были нам подобострастны, но неуклонным исполнением заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать и сподобились разнообразных даров Святого Духа. «Исполнение же заповедей Христовых есть бремя легкое для каждого христианина», как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти, а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а перед очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестной. Но в то же время необходимо очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Тайн Христовых.

Совет преподобного Серафима при прикосновении к тайне спасения важен и обязателен и для нас: «Огради себя молчанием». У нас же такой заботы нет, и мы, теряя смирение, не ограждаем свои уста молчанием. Прости нас, Господи.

Господи, мы не учимся и не умеем раскрывать перед своими очами и перед взором других собеседников историю пророков, апостолов, святых отцов, мучеников, обращая

внимание на их подвиги и страдания, на твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся свой крест для получения спасения. Прости нас, Господи, за это.

Преподобный говорил, что все святые Божии, которых ублажает Святая Церковь, оставили нам, по своем успении, жизнь свою как пример для подражания. Они все, говорил он, были нам подобострастны, но неуклонным исполнением заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать и сподобились разнообразных даров Святого Духа. Мы же еще твердо не определились, кто из святых нам пример для подражания. Нет у нас и решимости неуклонно исполнять заповеди Христовы, чтобы через них достичь совершенства, и обрести дары Святого Духа. Прости нас, Господи, за отсутствие конкретных действий, ведущих к совершенству и спасению.

Господи, мы не храним в своей памяти заповедей Твоих, в уме и на устах почти всегда отсутствует молитва Иисусова, и перед очами нашими не представляется жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа. Прости нас, Господи, за забывчивость и неприятие Твоей к нам любви.

И еще старец говорил: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» И тут же начал объяснять стяжание мирного духа. По его словам это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или слепому во всех скорбях, клеветах, гонениях и поношениях, которые неминуемо приходят ко всем истинно шествующим по спасительным стезям Христовым, ибо многими скорбями подобает войти в Царство Небесное. «Так спаслись все праведники и наследовали вечное блаженство, а перед ним вся слава мира сего как ничто, все блага и радости мирские и тени того не имеют, что уготовано любящим Бога в Небесных Обителях: там вечная радость и торжество. Для того, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением и памятованием Господа. «Вот я, убогий Серафим, для сего прохожу Святое Евангелие ежедневно: в

понеделник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна; в последние дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и питается оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному». И после этого старец снова сказал отцу Иоанну: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя!»

«Стяжать дух мирен» – актуальная задача и для нас. А это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Господи, мы мало или совсем не подвигаемся в стяжании духа мирного, мы не приводим себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Во всех скорбях, клеветах, гонениях и поношениях мы еще не научились быть подобно мертвым или слепым. Прости нас, Господи, что мы не желаем многими скорбями входить в Царство Небесное. А ведь именно так спаслись все праведники и наследовали вечное блаженство, перед которым вся слава мира сего – ничто, все блага и радости мирские меркнут перед тем, что уготовано в Обителях Небесных любящим Бога. Господи, прости нас, что мы не живем ожиданием блаженства в Небесных Обителях, а пытаемся его подменить земными благами и радостями.

Господи, прости нас, что мы не даем нашему духу возноситься в Небесные селения и питаться от сладчайшей беседы с Господом. Прости нас, Господи, что не желаем смирять себя непрерывным бдением, молитвой и памятованием Господа, следуя примеру преподобного Серафима. Прости нас, Господи, что не слышим в сердце своем мольбу Преподобного, обращенную к нам: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя!» Прости нас, Господи, что мы всем желанием своей души еще не восхотели приобрести этот мирный дух, о котором говорит Преподобный.

Мы не падаем перед иконой преподобного Серафима, не лобызаем ее, со слезами на просим его, как отца и наставника, чтобы он излил свои молитвы пред Господом и Царицей Небесной о спасении нашей грешной души. Мы не умеем в такую минуту всего себя поручать его водительству, чтобы, видя нашу преданность, он еще раз во всегдашнее нам напоминание сказал: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!»

Проявляя заботу о дивеевских сестрах, старец говорил: «Если у них будет хлеб, то унывать не будут, а если не будет хлеба, то уныние одолеет». И потом еще прибавил: «Многие пестуны, по слову апостола, но не многие отцы; многие советуют им терпеть, но сами с ними и за них терпеть не хотят. Пусть за общение с ними нас все поносят и оскорбляют всячески, но мы послушаем апостола Иакова, который говорит: «Ведущему добро творити и не творящему – грех есть», – а не оставлять сирот. Хотя бы они и не давали монашеских обетов, но если сохраняют в обители, при помощи Царицы Небесной, девство свое, то сугубую награду получают в будущем. В мире же бесприютной деве трудно спастись, потому что весь мир во зле лежит».

Господи, мы плохо знаем, у кого нет хлеба, и как им его дать, чтобы люди не унывали. Во многих таких случаях мы склонны быть воспитателями, а не отцами. Ведая, как творить добро, мы не творим его, и тем согрешаем перед Богом. Прости нас, Господи.

Отец Серафим завещал всем монашествующим, равно и каждому христианину правило, извлеченное им из преданий и правил святых отец.

Восстав от сна, всякий должен оградить себя крестным знамением и, став на избранном месте, читать ту спасительную молитву, которую передал Сам Господь, то есть «Отче наш» до конца, трижды; потом трижды «Богородице Дево, радуйся» до конца и, наконец единожды Символ веры.

Совершив это утреннее правило, христианин пусть отходит на свое дело и, занимаясь им дома или находясь в пути, должен читать тихо про себя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а если окружают его люди, тогда,

занимаясь делом, пусть только умом говорит: «Господи, помилуй», – и это продолжать до самого обеда. Перед обедом же совершает вышеуказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий должен читать также тихо: «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», – и это продолжать до самой ночи. Когда же случится проводить время в уединении, тогда нужно читать: «Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного», а ложась спать на ночь христианину следует повторить утреннее правило и после него с крестным знамением пусть засыпает. При этом старец говорил, что христианин, держась этого малого правила, как спасительного якоря среди волн мирской суеты, со смирением выполняя его, может достигнуть меры христианского совершенства и любви Божественной, потому что эти три молитвы суть основание христианства: первая – как слово Самого Господа и которую Он поставил в образец всех молитв; вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Пресвятой Деве, Матери Господа; последняя же заключает в себе догматы христианской веры.

Если же христианин, держась этого правила, имеет еще несколько свободного времени, тогда пусть он присоединяет к нему и другие молитвословия, как-то: несколько зачал их Священного Писания и Апостола и каноны, акафисты, псалмы, молитвы и прочее, через это он восходит мало-помалу наверх христианских добродетелей. Если же кому-нибудь бывает невозможно выполнять и этого малого правила, – например, слуге по обязанности к своему господину, или служащему, по обязанности к своей должности, – то мудрый старец советовал выполнять это правило и лежа, и на ходьбе, и при самом исполнении дела, помня слова Писания: «Всяк бо, иже призовет имя Господне, спасется».

Господи, мы мало вдумываемся в суть молитвенного правила, которое советует нам исполнять преподобный Серафим. Это правило не для сокращения молитвенного последования, а комплексное делание для памятования о Боге, постоянного хождения перед Ним и подтверждения нашей готовности принимать от Господа милость и благодатное

участие Спасителя в нашей жизни. Прости нас, Господи, что эта готовность не всегда нами проявляется и правило, данное нам преподобным Серафимом, не дает нам настоящей молитвенной и духовной выправки.

ИСПОВЕДЬ IV. Проникновение в глубины человеческого сердца руководящей силы Евангелия. По беседам преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского (1773–1846).

1. Угрозы и треволнения житейского моря

Для спасения человеку необходима руководящая и жизнеутверждающая сила Евангелия. По слову архиепископа Антония, оно «нужно не для одних монахов; мирские люди находятся в житейском море; кораблец их угрожает частыми треволнениями. Если не будут держаться Слова Божия и полагать его в основание своих мыслей, чувствований и поступков, то погибнут, не доплывут к желаемому отечеству – к небесам».

Господи, и мы, находясь в житейском море, часто испытываем угрожающие нам треволнения. Испытывая перед ними страх и недоумение, мы еще не приучили себя держаться Слова Божия так, чтобы полагать его благодатные указания в основание наших мыслей, чувствований и поступков. Господи, прости нас, что мы не держимся заданного Евангелием Христовым курса, пролагающего нам путь к желаемому отечеству – к Небесам.

На этом пути, приближающем нас к Богу, важное место отводится благочестию. Подвиги благочестия способствуют созиданию в нас добродетельности и человеколюбия, или через исполнение воли Божией открывается в нас истинное благородство, а в перспективе – слава, которая выше земных почестей.

Господи, благочестие еще не стало основной темой нашей жизни, и его плоды – любовь к добродетели и людям – еще крайне слабо заявляют о себе в нашем сердце, удерживая в нас рост истинного благородства – исполнения воли Божией. Прости нас, Господи, за отсутствие у нас подвигов благочестия и исполнения Твоей, Боже наш, воли.

Опираясь на опыт спасения, которым делится с нами преподобный Антоний Великий, Владыка знакомит свою паству с тремя путями, ведущими людей к Небесному Царствию. Говоря современным языком, Владыка указывает три темы, обдумывая и раскрывая которые усилиями своей жизни, мы сможем не уклоняться от путей спасения. Одни люди, – говорит

Владыка, – от юности возлюбили Бога и всем сердцем работают Ему, – это первый путь спасения. Другие к тому побуждаются страхом будущих мук и ожиданием неизреченных радостей, – это второй путь. А иных по Своему милосердию Господь спасает, посылая им болезни и разные бедствия, которые их исправляют и приводят к добродетели, – это третий путь.

Господи, мы не отдаем себе отчета о существовании трех путей, ведущих к Небесному Царству. Прости нас, Господи, что оказываясь в определенных жизненных ситуациях, мы не рассматриваем указанные темы, как руководство к благочестивым действиям: в одном случае, мы не вспоминаем о нашей любви к Богу и желании всем сердцем работать Господу; в другом – забываем, что страх будущих мук и ожидание неизреченных радостей способны пробудить в нас желание работать Господу, и потому оставляем этот путь; в третьем случае – болезни и разные бедствия, посылаемые нам по милосердию Божию для нашего спасения, мы не используем для собственного исправления и утверждения в себе желания стать добродетельными.

Прости нас, Господи, что неохотно обдумываем пути нашего спасения, не размышляем на заданные темы и остаемся холодны к деланию добра и всецелому служению тебе, Господу нашему и Спасителю.

Известно, что люди бывают порочные и добродетельные. Различают их по их думам и делам. «Порочный думает, – говорит Владыка, – что никто его не видит, когда он предпринимает или делает зло в уединенном месте. Он ошибается. Бог все видит; Ангел-хранитель есть всегдашний свидетель наших дел. Горе грешнику!»

Господи, прости нас, что думаем о совершаемом грехе и зле в уединенном месте, будто бы там нас никто не видит. Но Ты-то нас видишь, и Ангел-хранитель видит. Прости нас за наше забвение о Тебе, и об Ангеле-хранителе, и о том, что мы и в уединенном месте видимы Вами.

«Добрый делает добро не только в присутствии других, но и, находясь наедине, ибо он имеет в сердце страх Божий,

боится оскорбить преступлением всеведущее око Божие. Радость праведной душе!»

Господи, хочется и нам делать добрые дела не только в присутствии других, но и находясь наедине. Но к большому нашему огорчению, мы не всегда имеем страх Божий в сердце, не всегда боимся своими преступлениями оскорбить всевидящее око Божие. От этого и радости нет в нашей душе! Прости нас, Господи, что знаем, как надо правильно делать добро, но не делаем.

Иногда бывают у людей такие состояния души, в которых они не имеют покоя от нечистых, лукавых, законопреступных помыслов и впадают иногда даже в отчаяние, так что готовы лишиться себя жизни. В таких случаях Архипастырь советовал худые мысли, приходящие в душу, считать ни за что, не останавливаться на них, но освобождаться от них и заменять их благими размышлениями; тем более стараться не приводить их в действие.

Господи, и у нас иногда бывают такие состояния души, когда нечистые, лукавые, законопреступные помыслы сильно досаждают нам и лишают покоя, доводят до отчаяния и рождают желание лишиться себя жизни. К сожалению, эти худые мысли мы не научились считать за ни что, останавливаем внимание на них, не заменяем их благими размышлениями. Прости нас, Господи.

«Когда приразится уму порочная мысль, нам следует тотчас обращаться к молитве, – и тьма в уме исчезнет и воссияет свет. Читать надо молитвы: «Царю Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Верую», чаще повторять Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Усерднее воссылайте молитвы к Божией Матери и угодникам Божиим – и сойдет на вас с небес помощь. Исповедайтесь, откройте духовному отцу вашему совесть вашу, ничего пред ним не скрывая, – и тяжкое бремя отпадет от сердца вашего и водворится в нем спокойствие».

Господи, и к нашему уму приражаются порочные мысли, но мы не отражаем их чтением указанных молитв, забываем об усердных молитвах к Божией Матери и святым угодникам

Божиим и не готовы бываем воспринимать помощь с небес, о которой умоляем Бога. Прости нас, Господи, за пассивное отношение к худым в нашем уме помыслам. Потому и исповедоваться не спешим к своему духовнику, ничего не скрывая перед ним. Прости нас, Господи, за нерадение о своем спасении.

«Чувствуя за собой грехи, мы должны от них отставать, исправляться; всегда памятовать Слово Божие и ему следовать. Для чего предаваться печали и отчаянию? Господь благ и милосерд: Он печется о нас. Некоторые желания наши не исполнены? Будем молиться Богу: силен Господь исполнить добрые желания наши выше всякого ожидания. Нас огорчают, нам сделали оскорбление, нанесли обиду? Обидевшего и оскорбившего великодушно простим, все терпеливо перенесем; за зло заплатим добром».

Господи, мы чувствуем за собой грехи, но отставать от них, исправляться не хотим, и отыскивать в Слове Божием указания как это надо делать не спешим. Прости нас. При появлении в сердце печали и отчаяния, мы себе не напоминаем, что Господь благ и милосерд. Он печется о нас. Надо только терпеливо ожидать проявления Его милости, напоминая себе, как Он в древние и настоящие времена помогал людям. Мы же так не делаем. Прости нас, Господи.

Когда некоторые наши желания не исполняются, то надо молиться Богу, веря, что Господь силен исполнить наши добрые желания выше всякого ожидания. А мы и молимся слабо и верим недостаточно в благую помощь Божию. Прости нас.

Когда же нас обижают, наносят оскорбления и обиды, нам следует обидевшего и оскорбившего великодушно простить и все терпеливо перенести и сделать им доброе. Мы же себя не приучаем следовать этому евангельскому совету, и не продумываем какое добро мы можем сделать обидевшему нас. Прости нас, Господи, что мы не вооружаемся добром, чтобы им искоренять зло.

«Мы лишились весьма важного для нас блага? Это совершилось по премудрому Промыслу Божию для нашего же счастья. С благоговением скажем Господу, Начальнику и

Владыке нашей жизни: да будет воля Твоя! Господь может потерянное благо возвратить или взамен того послать нам подобное благо или еще гораздо высшее. В нуждах и недостатках мы? Помолимся поусерднее Богу, и Он пошлет нам пищу и одежду, и покровителя, и благотворителя. Как бы ни было велико бедствие наше, избави Бог, каким бы ни было образом, сократить жизнь свою: за это назначена вечная мука».

Господи, при лишении важного для нас блага мы не всегда умеем принять это как совершившееся по премудрому Промыслу Божию для нашего же спасения и сказать: да будет воля Твоя! Прости нас за это, Господи. В посещающих нас нуждах мы не умеем усердно молиться Богу, веря, что Господь пошлет и пищу, и одежду, и покровителей, и благотворителей. Прости, Господи, что нет в нашей молитве неотступности и терпения дожидаться положительного результата Твоей, Господи, милости. И еще сохрани нас Господи, от искушения в тяжелейших обстоятельствах каким бы то ни было образом сократить нашу жизнь.

2. Сотворить и научить

Свою земную жизнь – дражайший Божий дар – мы должны беречь. Она нам дана для приобретения блаженной жизни в веке будущем. Путь к тому – святая наша Православная вера и добрые дела. Болезни, скорби и всякого рода бедствия здесь, на земле, временны – награда за благодушное их перенесение в небесах бесконечна.

Господи, мы иногда недостаточно внимательны к сохранению своей земной жизни. Мы забываем, что этот дражайший Божий дар дан нам для приобретения блаженной жизни в веке будущем. Ускользает из нашего внимания тот факт, что путь к этой блаженной жизни – святая наша Православная вера и добрые дела. И поэтому они часто остаются в тени нашего сознания. Прости нас, Господи, что яркие цвета веры Православной и добрых дел остаются нами не востребованы.

Прости, Господи, нас и за то, что болезни, скорби и разного рода бедствия здесь, на земле, будучи временными, способны ослеплять нашу память, и мы перестаем верить, что благодушное перенесение их на земле дарит нам бесконечную награду на небесах.

«Не злобствуйте на ближних, – учит Архипастырь, – какое бы ни сделали они вам зло. Господь и Спаситель наш Иисус Христос повелел прощать брату нашему согрешения, сделанные против нас, велел ближних любить, но воспретил их ненавидеть и мстить им. Дурные помыслы от лукавого. Изгоняйте их размышлениями о благодати, премудрости и правосудии Божиим, о законе Господнем. Чтобы приобрести часть с избранными Божиими, старайтесь быть благотворительными, милосердными, терпеливыми, кроткими, воздержными, благочестивыми, верующими, добродетельными и святыми.

Господи, мы не можем со всей искренностью сказать, что у нас нет привычки не замышлять зло на ближнего, особенно, если они сделали нам какое-либо зло. Прости нас за злобу на ближнего. Забываем мы и повеление Господа Иисуса Христа о прощении брату нашему его согрешений против нас. Христос

повелел нам ближних любить, но воспретил их ненавидеть и мстить им. А мы себя от подобного не удерживаем. Прости нас, Господи.

Господи, мы часто забываем, что дурные помыслы от лукавого. Мы не изгоняем их размышлениями о благодати, премудрости и правосудии Божиим, о законе Господнем. Прости нас, Господи, что мы не следуем этому наставлению и не готовы бываем сравнивать свои действия с законом Божиим.

Господи, мы себя не утруждаем жаждой приобрести часть с избранными Твоими. Это видно из того, что мы не стараемся быть благотворительными, милосердными, терпеливыми, кроткими, воздержными, верующими, добродетельными и святыми. Прости нас, Господи, что подобными «вкладами» в наши отношения с ближними мы не очень-то можем утешиться.

«Занимаясь своей должностью, с охотой и прилежанием трудитесь; от трудов честных и похвальных переходите к молитве, а от молитвы опять возвращайтесь к трудам. За все Бога благодарите, а за то обрящете исцеление душе вашей и – спасетесь. Надобно воздерживаться от гордости, ибо по большей части гордым приходят дерзкие помыслы».

Господи, занимаясь своими делами по работе, мы не всегда трудимся с охотой и прилежанием. Прости нас. Мы не всегда трудимся честно и похвально, и от трудов не переходим к молитве, а от молитвы не всегда возвращаемся к трудам. Мы за все не умеем благодарить Бога, и потому исцеление не приходит в наши души и – мы удаляем себя от спасения. Прости нас, Господи. Мы не прилагаем труд к удержанию себя от гордости, что обнаруживается в нас дерзкими помыслами. Прости нас, Господи.

«Бывают люди, – говорит Владыка Антоний, – которые, как младенцы, вовсе не имеют нечистых мыслей. Таков в Киеве был отец Исихий, мой духовный отец... Он жил в Выдубицком монастыре. Этот раб Божий, друг истины и добродетели, по своей чудной простоте и чистоте сердечной, не только уклонялся от всякого зла, от слов праздных и душегубных, но даже вовсе не понимал, что такое неприличные помыслы. Ибо душа его горела непрестанно Серафимской любовью к Богу и

была проникнута живейшей любовью к ближним. Поучая и ближних любви святой, весьма часто он повторял Апостольское слово: «Все вам любовью да бывает».

Господи, с огорчением должны отметить, что мы далеко не младенцы, у которых отсутствуют нечистые мысли. Мы не всегда дружим с истиной и добродетелями, мы слабо приобщены к простоте и чистоте сердечной и потому не уклоняемся от всякого зла, от слов праздных и душетленных. Прости нас, Господи, за беспечность к стяжанию сердечной простоты и чистоты. Прости, Господи, нас, что не уклоняемся от всякого зла и от слов праздных и душетленных. И помоги, Господи, чтобы наши души горели Серафимской любовью к Тебе, Богу нашему, и проникались живейшей любовью к ближним.

«Когда тревога, – говорил Владыка, – тогда и до Бога. Так люди по большей части в несчастьях прибегают к своему Зиждителю: в счастье мало думают о Виновнике и Подателе всех благ – Боге, мало заботятся о спасении души своей. В счастье же, – по словам Иоанна Златоуста, – человек должен почитать себя должником Божиим; а в несчастье, когда несчастье переносит без роптания, с благодарением и молитвой, то Бога имеет своим должником».

В состояниях тревожных и мы вспоминаем о Боге и прибегаем к Нему, в счастье же мало думаем о Виновнике и Подателе всех благ – Боге, мало заботимся о спасении своей души. Прости нас за это, Господи. По слову святого Иоанна Златоустого в счастье мы должны почитать себя должниками Божиими, а в несчастье при перенесении его без ропота, с благодарением и молитвой мы имеем своим должником Бога. Прости, Господи, что мы так не считаем и делаем это не так.

Однажды некто произнес: «Жалко, что святой Иоанн Златоуст мало жил на свете: он бы еще много написал». И услышал в ответ слово богомудрого наставника: «Он все написал, что по Благодати Божией, нужно было ему написать. Он обогатил Церковь, и реки его златых учений в течение веков льются и напаяют умы и сердца верных для творения святой добродетели.

Господи, мы мало или совсем не читали творения святого Иоанна Златоуста и реки его златых учений льются почти всегда мимо нас, и поэтому они не наполняют наши умы и сердца так, чтобы через них творить нам святые добродетели. Прости, Господи, нас за нерадение о совершении святых добродетелей.

Однажды Преосвященный сказал: «Блаженны те, которые сотворят и научат. Творения святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и других, служат к просвещению людей и к обращению их на путь истины, а это приносит творцам большую награду от Бога и до скончания века будет причиной светлейшего венца».

Господи, и перед нами стоит проблема: сначала сотворить, а потом учить, а для этого необходимо ежедневно читать творения святых отец, чтобы их учение просветило нас и обратило на путь истины. Мы же, ссылаясь на занятость, имеем очень скудный рацион духовного чтения. Прости нас, Господи.

«Говорить в церкви не должно, – учил прихожан Архипастырь. – Всему есть свое время, время говорить, время молчать. В церкви же должно молчать, слушать, что читают, поют, и молиться Богу. И епископ слушает, когда чтец читает, и не должен в это время делать возгласа, но покоряясь уставу святой Церкви, пребывать в безмолвии. Грешно говорить в храме, ибо разговоры во время Богослужения унижают любовь Божию. Почему нечестивые и дерзкие, как уничижители Бога великого и страшного, должны опасаться суда Божия».

Господи, мы согрешаем пред Тобою, когда в церкви говорим. В церкви должно молчать, слушать, что читают, поют и молиться Богу, и, покоряясь уставу святой Церкви, пребывать в безмолвии. Прости нас, Господи, что мы разговариваем в храме и этими разговорами на Богослужении унижаем Твою Боже, любовь.

Очень важно всем христианам читать Четьи-Минеи. Ибо здесь изящные добродетели являются в светлых образах; здесь блистает в примерах Евангельская истина; здесь примеры, к святой жизни приводящие. Из жизни святых мы яснее постигаем невидимый мир, где сияет Солнце Правды – Христос Бог наш...

Чтение празднословных сочинений ведет к ошибкам, заблуждениям, к жизни греховной, а чтение житий угодников Божиих включает все нужное к нашему спасению, к счастью временному и к блаженству вечному. Жизнь святых учит нас, каким образом исполнять заповеди Господни. Господь рек в Евангелии: *«Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем»* (Мф. 11, 29). Что же значит кротость и смирение? Читайте Четьи-Минеи. Угодники Божии, эти земные Ангелы и небесные человеки, научат вас.

Господи, как же много мы теряем для своего спасения, когда не читаем Четьи-Минеи! В них изящные добродетели являются нам в светлых образах, в них блистает в примерах Евангельская истина, в них примеры, приводящие к святой жизни. Не читая их, мы лишаем себя импульсов к деланию добрых дел. Прости нас, Господи, и научи через опыт святых исполнять Твои заповеди.

3. Греховная слепота как препятствие для света Евангельских велений

Иногда архипастырь Антоний учил тому же, чему и святитель Димитрий Ростовский, чтобы, слыша бой часового колокола, читать: «Богородице Дево, радуйся» или другие молитвы в честь Божией Матери, чтобы в каждый час вспоминать о чудесах Ее и неизреченных благодеяниях, человеческому роду оказанных через воплощение от Ее пречистой утробы Сына Божия.

Господи, у нас нет необходимого навыка, ежечасно читать молитвы в честь Божией Матери, чтобы вспоминать о Ее чудесах и неизреченных благодеяниях, оказанных всем нам через воплощение от Ее пречистой утробы Сына Божия. Господи, прости нас, что по звону часового колокола мы не делаем так, как делали наши отцы.

Будучи спрошен о том, как проводить Великий пост Преосвященный Антоний говорил: «Ходите в церковь. Матерь наша Церковь учит нас: «с молитвой соедините воздержание от запрещенных Церковью снедей, с воздержанием милостыню, с милостынею любовь, смирение и прочие святые добродетели. Нужно говеть, исповедываться, причащаться Святых Христовых Таин и, спасительно приготовившись, встретить в небесной, неизглаголанной радости и Светлое Воскресение Христово».

Господи, для говения Великим постом мы, кроме хождения в церковь, молитвы и воздержания от запрещенной Церковью пищи, больше ни о чем особенно не бдим. Прости нас, Господи, особенно за то, что с воздержанием мы не соединяем милостыню, любовь, смирение и прочие святые добродетели. Прости нас, Господи, и за то, что говея, исповедуясь, причащаясь Святых Христовых Таин, мы прилагаем слишком мало усилий к тому, чтобы приготовление было *спасительным* и вело к небесной, неизглаголанной радости в день Светлого Христова Воскресения.

Всеблагой Господь награждает верующих Своих, Его любящих и усердно Ему работающих, особенно в великие

праздники, на Рождество Христово, в Крещение, на Пасху и другие, посылая им бесценные праздничные подарки: иному слезы о грехах, любовь, смирение; иному долготерпение, кому чистую молитву, а иногда посылает и временные вещественные награды.

Господи, мы мало Тебя любим и работаем Тебе неусердно, и поэтому мало «внимаем себе» и не умеем воспринимать те праздничные подарки, которые Ты посылаешь нам в дни Твоих праздников. Прости нас, Господи, за то «малое», что мы делаем для Тебя. И сподоби нас быть внимательными и восприимчивыми к Твоим праздничным подаркам: к слезам о грехах, к любви и смирению, к долготерпению и благодати, к чистой молитве, а иногда и к вещественным наградам. Научи нас, Господи, без лености работать Тебе, Господу и Богу и Спасителю нашему.

«Слепота есть не одна телесная. Но и душевная. Душевная слепота бывает и при мудрости земной, когда человек не старается узнавать волю Божию или, узнав, действует вопреки оной. Неверие помрачает ум, и препятствует видеть истину; злоба затемняет око души, оттого вместо добра желают и делают зло. Слепота душевная есть незнание себя, удаление от себя памятования смерти, суда и геенны. Эту слепоту составляют все смертные грехи и порочные страсти, которым предается человек и не старается их в себе истребить. А чувствуя в душе своей слепоту греховную, столь пагубную, обратимся в усердных молитвах ко Господу, и, подобно слепцам, в Евангелии упоминаемым, вознесем к Нему, с умилением глас свой: «Помилуй ны, Иисусе, Сыне Давидов!» Или каждый из нас да произносит иную молитву: «Просвети очи мои, Христе Боже, да не когда усну в смерть». Человеколюбивый Господь, Спаситель наш, Который есть истинный свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, просветит мысленные очи и нашего сердца светом Божественных Своих велений и Своей благодатью поможет нам неуклонно проходить путем добродетели, необходимой для наследования обетованных благ».

Господи, как же часто мы думаем о себе, что мы зрячие, мы все понимаем, все держим под контролем, а на самом деле в нас, при мудрости земной, живет душевная слепота. Ибо мы не стараемся узнавать волю Божию или, узнав, действуем вопреки ей. Прости нас, Господи. Что же порождает в нас эту слепоту? Неверие. Оно помрачает ум и препятствует видеть истину. Злоба. Она затемняет око души, и, оттого вместо добра мы желаем и делаем зло. Прости нас, Господи, за эти ослепляющие нашу душу качества. Слепота душевная приходит к нам от незнания себя, через удаление от себя памятования смерти, суда и геенны. Эту слепоту составляют все смертные грехи и порочные страсти, которым предается человек и которые не старается в себе истребить. Господи, прости нас, что эта греховная слепота плотно вошла в нашу душу, и не дает свету Евангельских повелений войти в нее.

Чувствуя в душе своей эту пагубную греховную слепоту, мы остро не переживаем ее опасность и угнетающую печаль, и потому не обращаемся к Господу в усердных молитвах о помиловании. Подобно Евангельским слепцам мы не возносим к Нему с умилением глас свой: «Помилуй нас, Иисусе, Сыне Давидов!» Прости нас, Господи, мало выражающих свою нужду в Твоей помощи. Просвети очи мысленные нашего сердца светом Твоих Божественных велений, и Своей благодатью помоги нам неуклонно проходить путем добродетели, необходимой для наследования обетованных благ.

В церкви мы слышим возгласение служителя алтаря Господня: «Святая Святым!» Эти слова должны вразумлять нас, чтобы не иначе жили, как свято. Ибо святое только святым назначено. По звавшему вы святому, говорит святой апостол Петр, и *«сами святы во всем житии будите. Зане писано есть: святы будите, яко Аз, то есть Господь Бог, свят есмь»* (1Петр. 1, 15–16).

Господи, и мы, посещая храм, слышим эти спасительные слова: «Святая святым!», но не имеем опыта соотносить их со своей жизнью, чтобы нам жить свято. Прости нас, Господи, что не выполняем заповедь Твою, гласящую: «Святы будите, яко Аз

свят есмь». Прости, Господи, нас, что тема святости у нас не в большой чести.

«Я не советую вам, – говорил Владыка собравшимся у него, – заниматься во время богослужения ничем посторонним. Если бы вы послали, например, закрыть окно, то на вас бы обратили внимание, и на того, кто стал бы закрывать окно. Через это вы у предстоящих отвлекли бы мысль от Бога, да и вам самим после развлечения трудно было бы возгреть в себе дух благоговения и усердной молитвы».

Господи, и мы очень часто, бывая на богослужении, не задумываясь отвлекаемся на действия, прямого отношения к богослужению не имеющие. И тем и свою мысль, и стоящих рядом богомольцев отвлекаем от Бога. Пагубность такого «развлечения» очевидна: трудно, ох как трудно, после этого возгреть в себе дух благоговения и усердной молитвы. Господи, прости нас, что мы часто подобными, вроде бы «естественными», заботами отвлекаем свою мысль от Твоего, Боже наш, на богослужении присутствия.

При посещении болящей монахини Таисии Преосвященный Антоний говорил ей: «Чаще беседуй с Богом, читай молитвы». На это Таисия ответила: «Такая слабость бывает, что молитв читать не могу. Архипастырь сказал: «Читай Иисусову молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Таисия отвечала: «Так иногда бываю слаба, что и этой молитвы прочесть не в силах». Преосвященный подал такой совет: «По крайней мере, произноси сладчайшее имя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, говори: Иисусе мой!. Иисусе мой! – и ты получишь подкрепление душе твоей.

Господи, и мы, когда болеем, не озадачиваем себя необходимостью «почаще беседовать с Тобой, нашим Богом, и чтением молитв» для подкрепления нашей души. Прости нас за это небрежение, Господи.

4. Обогащение души словом Божиим

Преосвященный Антоний поучал тайной молитве. Имеешь время, в уединении твоей комнаты усердно молись Богу. Вдруг услышал, что кто-то к тебе идет: встань, поговори, что нужно с пришедшим. Потом, проводив его, опять встань на молитву. Если и еще кто придет, ты, не давая заметить, что занимался молитвой, прими его и удовлетвори его просьбу. А после снова можешь обратиться к беседе с Богом. Тайная молитва возлагается на нас заповедью Христовой: *«Ты, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве»* (Мф. 6, 6).

Господи, пребывая в уединении своей комнаты, мы не ставим перед собой задачу: усердно молиться Тебе, Богу нашему. И если кто-нибудь придет к нам, и мы уделим ему внимание, то, проводив, призваны вернуться к молитве. Мы же, отвлекшись вниманием на прозу жизни, забываем о молитве и не возвращаемся к беседе с Тобою, Господи. Прости нас, что мало уделяем внимания и время тайной молитве и тем не выполняем предписанное заповедью Христовой: войти в клеть свою и помолиться Отцу нашему в тайне.

«Надобно любить Бога нашего, Спасителя Иисуса Христа, к Нему прилепляться, в Нем находить блаженство наше. Все здесь, на земле, изменяется, но в Господе Боге нашем блаженство наше неизменно, вечно».

Как же важно и нам об этом всегда помнить! И Бога любить, и прилепляться к Нему и в Нем находить блаженство наше. Господи, прости нас, что мы не каждую минуту об этом помним.

«Господь нас на рамо свое воспринял; говорил за обедом Преосвященный, чтобы скитаться по стремнинам и дебрям – деланием святых Его заповедей постараемся угодить Ему, – и Он принесет нас к Своему Отцу, в вечное Царство святых Своих».

Господи, и нам во время обеда прилично вспоминать и проговаривать эти слова владыки Антония, чтобы обновить в

себе веру в Господа, берущего нас на рамо Свое! И не только сказать их, но и проникнуться надеждой, что не будем оставлять Его, и не будем убегать от Него, чтобы скитаться по стремнинам и дебрям греха. Господи, прости нас, что в обеденное время мы не всегда готовы обращать свою мысль к Тебе и чувствовать Твою о нас любовь и заботу. Не вспоминаем мы в это время и святых Твоих заповедей, чтобы угодить Тебе, Спасителю Христу, в непоколебимой надежде оказаться в числе тех святых, которых Ты приведешь к Своему Отцу, в вечное Царство святых Своих. Прости нас, Господи, теплохладных в этом благочестивом ожидании.

«Легко было создать человека, но чтобы воссоздать, нужно было Слову воплотиться. Никакой Ангел, ни Архангел не спас человека, но Сам Сын Божий. Господи, как Ты Себя истощил ради нас грешных. Научи нас творить волю Твою. Ты Бог наш, наш добрый Пастырь, а мы овцы пажити Твоей, впадаем в грехи; через то отрекаемся Христа, но должны немедленно и раскаиваться, смывать слезами покаяния наши согрешения, как сделал Петр, отрекшись от Искупителя. Сколь пламенно было обращение святого апостола Петра ко Господу, и Господь любил Петра за его усердие, великую приверженность, за его сильную любовь; если бы и Иуда обратился ко Господу так, как Петр, рассуждает Златоуст, то Господь по человеколюбию Своему простил бы его. Грешница, слезами омочившая ноги Христовы, получила прощение; а Иуда и ученик был, но сребролюбием омраченный, погубил себя».

Господи, Ты для нас – Сын Божий, Ты – Тот, Кто не только создает человека, но и воссоздает нас. Ты истощаешь Себя ради нас, грешных. Ты учишь нас творить волю Твою. Ты наш добрый Пастырь, а мы овцы пажити Твоей. Впадая в грехи, мы отрекаемся от Тебя, Христа и Бога нашего. Прости нас за это попадание в грехи и за слабое, вялое в них раскаяние. Мы не омываем слезами покаяния наши согрешения, как сделал апостол Петр, отрекшись от Искупителя. Сколь пламенно было обращение святого апостола Петра ко Господу, и Господь любил Петра за это усердие, за великую приверженность, за его сильную любовь. Господи, прости нас, что наше обращение от

грехов не отличается пламенностью исправления, усердия, великой приверженностью, сильной любовью к Тебе, нашему Господу. Господи, сколь же сильно мы нуждаемся в слезах покаяния, чтобы очиститься от грехов! Пошли их, Господи, нам и сохрани от помрачения сребролюбием, дабы не погубить себя.

Предостерегая от злословия и клеветы, в одно время сказал: Сколь мы грешим, что с языком не умеем обращаться. Дорогие одежды, как пишет Златоуст, бережем, а свою душу без всякого внимания оставляем. Маленькая коробочка пустая, но в нее можно положить много бриллиантов. Так и душа. Обогатим ее Словом Божиим и добродетелью, и она будет блаженна.

Господи, с языком и мы не умеем обращаться, разрешаем себе злословие и даже клеветы, прости нас. И душу свою оставляем без всякого внимания, ибо не обогащаем ее Словом Божиим и добродетелью. Прости нас, Господи.

Указывая на зелень, цветы и деревья своего сада, Владыка так говорил своим приближенным: «Кто бы мог подумать, видя зимой это обнаженное место, чтобы оно исполнилось такой красотой. Но вот и пришла весна, а не все деревья облеклись зеленой своей одеждой и цветами. Посмотрите – вот между зеленеющими есть и сухие деревья. Они обнажены и ничем не украшены – так и во Второе славное Пришествие Христово воскреснут мертвые! Восстанут праведные и грешные. Но праведные просветятся как солнце в Царстве Отца Небесного, а грешные явятся во всей безобразной наготе своей. Праведные воскреснут для жизни вечной и блаженной, а грешные пойдут в муку вечную.

Господи, мы мало думаем о страшном Суде Христовом, и ассоциаций, связанных с ним, у нас крайне мало. Прости нас за это, и помоги нам избежать состояния сухости и неукрашенности добродетелью.

Часто за столом архипастырь обращал внимание на читанные за литургией Апостол и Евангелие. Он делал это для того, чтобы возобновить в нашей памяти Божественные истины, служащие нашему спасению. Он желал нас вразумить, чтобы мы всякий раз по окончании обедни, придя домой, и до обеда, и за обедом помнили читанное во храме слово Божие, его имели

в сердце и сообразно ему препровождали свою жизнь. Если же кто и забыл бы читанное в церкви Апостол и Евангелие, то зная, сколь они нужны для душевного спасения, внимательно прочитал бы их дома для изучения и своего руководства к блаженной вечности.

Это правило христианской жизни предлагает и нам, Владыка, для следования ему в нашем житии. Мы же этого правила почти совсем не придерживаемся: не вспоминаем поучения Апостола и Евангелия, читанного за Литургией, и не прочитываем их дома, если не запомнили в Церкви. Мы не возобновляем в памяти Божественные истины, служащие нашему спасению. Мы до обеда и за обедом не вспоминаем читанное в храме слово Божие, не внедряем его в наше сердце и сообразно ему не препровождаем свою жизнь. Прости нас, Господи, за пренебрежение к слову Божию и за нашу неотзывчивость на него. Придя домой из храма и поняв, что забыли читанное в храме, Твое, Боже, слово, мы не предпринимаем усилий внимательно прочесть их дома для изучения и руководства к блаженной вечности. Прости нас, Господи, за духовное разгильдяйство.

Преосвященный говорил: «Кротким открываются тайны Божии». *«На кого воззрю, сказал Господь, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих».* Кто же кроткий? Тот, которого когда укорят, а он не гневается.

Господи, мы мало готовы быть кроткими и молчаливыми и трепещущими словес Твоих. И потому нам не открываются Твои, Боже, тайны. Прости нас и помоги не гневаться, когда нас укоряют, чтобы быть кроткими.

«Смиранный сердцем уподобляется Сыну Божию. Смиранный и клеветы, и злословия, и оплевание, и биение, и всякого рода бедствия благодушно терпит и молится за самых врагов своих. Смиранный думает, что он всех хуже, грешнее.

Всех он любит, всем желает добра. Нося Бога в душе своей, смиренный не носит никаких скорбей. При напастях он радуется; он всегда спокоен; все ему друзья. Еще тут он предвкушает радость жизни небесной. Господь Иисус Христос, Спаситель наш, принял нашу плоть; Создатель наш пришел, чтобы

помиловать нас грешных. Он нам прощает долги наши, наши беззакония, наши оскорбления, которые мы Ему делаем. Как же нам не прощать ближним нашим их против нас несправедливости, оскорбления? Если Господь нас любит и заповедал нам любовь взаимную: любите, сказал Он, друг друга; то как нам всех не любить? Как не повиноваться такому Благодетелю?

Господи, и мы ищем в себе смирение и не находим его, потому что не уподобляемся Сыну Божию. Мы благодушно не терпим клевету, злословие, оплевание, биение и другие бедствия. Мы не молимся за своих врагов, не считаем себя хуже всех. Прости нас, Господи.

Признаки, указанные владыкой Антонием в поведении смиренного человека, бывают изредка и у нас: иногда нам кажется, что мы любим всех, всем желаем добра; в напастях радуемся, всегда спокойны, все нам друзья. Но если Господь посылает нам испытания, то оказывается, что эти признаки в нас ненадежны. И мы можем рассчитывать только на Твою милость, Боже. Прости нас, Господи, и помоги повиноваться во всех жизненных обстоятельствах только Тебе, нашему Благодетелю.

5. Милостыня для очищения грехов

Говорил Преосвященный Антоний директору гимназии и учителям: «Вы мои помощники, я один ничего сделать не смогу. Я подобен человеку, который поставлен на высокой колокольне – приглашаю, зову: но кто меня слышит? Насаждайте в детях страх Божий; научайте их знать Бога, Его любить и усердно Ему молиться; запечатлевайте в сердцах их святую веру, любовь к Православной Церкви нашей и к ее святым уставам; любовь к Родине, к Отечеству. Вот христианское богатство наше!

Господи, и мы призваны насаждать в наших детях страх Божий, учить их знать Бога, любить Его и усердно Ему молиться. Мы призваны запечатлевать в их сердцах святую веру, любовь к Православной Церкви и Ее святым уставам, любовь к Родине, к Отечеству. И понимать, что в этом наше христианское богатство. Мы же это звание выполняем с прохладцей, а иногда правильнее сказать, совсем не выполняем. Прости нас, Господи.

Сыновей и дочерей своих нам необходимо обучать в числе других полезных предметов и славянскому языку, нужному для уразумения Священного Писания, книг церковных, а также и молитвенных. В Воронеже, говорил архипастырь, прежде было обыкновение, что отцы за дочерьми давали в приданое Евангелие и круг Четьих-Миней.

Господи, мы зачастую бываем не склонны учить детей славянскому языку и тем обедняем их восприятие смысла Священного Писания, церковных и богослужебных текстов, а также ими произносимых молитв. Прости нас, Господи. Незнакомы мы и с обычаем давать в приданое своим дочерям Евангелие и круг Четьих-Миней. Прости нас, Господи за незнание и благослови так делать.

Скорбь о ближних, говорил Владыка, иногда полезнее для души собственной скорби. Жаль, что эта скорбь редко нас посещает. Нетерпение надобно побеждать упованием: Господь и утешит такую скорбь нашего сердца, а врачевство – молитва и молитва.

Господи, мы не всегда склонны, чтобы скорбь о ближних посещала нас, ибо такая скорбь полезнее нашей собственной. И жаль, что она редко посещает нас. Наше сердце поражено черствостью и неотзывчивостью на чужую скорбь. Прости нас, Господи. Мы нетерпеливы к такой скорби, а ее надо побеждать упованием: Ты, Господи, способен утешить такую скорбь нашего сердца, если мы в качестве лекарства будем прибегать к молитве и еще раз к молитве. Прости нас, Господи, за слабое упование на Тебя во время скорби и за недоверие к врачевным свойствам нашей молитвы.

Преосвященный Антоний отличался смирением. Всегда видя пред очами своими Бога, по слову пророка: «презрех Господа предо мною выну, да не подвижуся» он умалил себя, почитая себя ничтожным. «Много лет прожил, – говорил он, а добрых дел нет. Когда я рассматриваю людей, все они хороши, святы; один я грешен, сам себя обвиняю, а всех считаю добрыми. Один я не хорош».

И нам всем необходимо отличаться смирением. Всегда, видя пред очами своими Господа выну, нам надо умаливать себя, почитая себя ничтожными. Мы же мало уделяем внимания и времени упражнению в смирении. Прости нас, Господи.

«Гордый радуется о похвале, а смиренный о бесчестии своем утешается. Когда кто преосвященному объявлял, что такой-то вас злословит, тогда архипастырь говорил – «Он еще не все знает мои слабости и недостатки; я еще хуже, нежели как он думает обо мне». А когда приходил к нему тот, кто худо о нем говорил, Преосвященный ему не выговаривал, пред ним не оправдывался, а с отличной любовью и ласковостью его принимал, угощал, благоденствовал ему, хорошо о таковом отзывался во исполнении глагола Спасителя: *«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите клянущия вы и молитесь за творящих вам обиду»* (Лк. 6, 27–28).

Господи, когда нас хвалят мы любим радоваться, а во время бесчестия не умеем утешаться. Прости нас, Господи, за гордость и недостаток смирения и научи, по примеру владыки Антония, любить наших врагов, творить добро ненавидящим

нас, благословлять проклинаящих нас, молиться за творящих нам обиду. И в таком поведении находить для себя утешение.

«Милостыня очищает нас от грехов, создает нам вечные чертоги на небесах, дарует нам сокровища неистощимые, приближает нас к Богу. Святой Златоуст советует: когда ты идешь в церковь, умой руки. Это значит – подай милостыню. Лучше при жизни подать милостыню, а по смерти нашей кто за нас будет подавать? И сам так поступал».

Господи, мы неохотно пользуемся милостыней для очищения от грехов, для созидания вечных чертогов на небесах, для собирания сокровищ неистощимых, приближающих нас к Богу. Прости нас, Господи, что мы слабо в это верим и, когда идем в церковь, не умываем рук подачей милостыни.

Нам необходимо почаще обращаться в молитвах к Пресвятой Госпоже Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, к этому словесному Раю; ибо если и в земном раю не было никакой беды, ни болезни, ни печали, ни воздыхания, то если кто начнет притекать к Богородице – мысленному радостотворному Раю, избавиться всех бед и зол, и ожидаемый рай наследует этим Раем. Ибо Царица Небесная есть райских дверей отвержение.

Господи, мы имеем нужду почаще обращаться в молитвах к Пресвятой Богородице – к мысленному радостотворному Раю и просить Ее избавить нас от всех бед и зол. Мы не используем для этого те благие слова, которые Пресвятая Богородица открывает нам, будучи словесным Раем. Прости нас, Господи, если мы не часто обращаемся к Твоей Пречистой Матери с просьбой об избавлении от бед и зол, посещающих нас. Прости нас и за то, что из Ее слов мы не создаем в себе радостотворный Рай, который удаляет от Себя всякую беду, печаль; болезнь и воздыхание.

Когда одному помещику Преосвященный подарил слово Златоуста о страхе Божием и о правильном изображении креста, то этот господин между прочим сказал, что уже теперь выходит из употребления креститься и молиться перед обедом и после обеда. Преосвященный Антоний со скорбью сказал: «Жалко, что люди сами себя уподобляют скотам

несмысленным. Как не молиться Богу? Мы, одаренные разумом, способным постигать благодеяния Божии, должны непременно молиться Богу и в начале стола, и после него. Первой молитвой испрашивать благословения у Бога на принятие пищи; а второй благодарить за насыщение земными благами и просить, чтобы Господь не лишил нас и небесных благ.

Господи, и у нас случаются моменты, когда мы перед обедом и после него забываем креститься и оставляем молитву, в которой должны были бы обращаться к Тебе, нашему Богу, прося у Тебя благословения на принятие пищи и воздавая благодарение за насыщение земными благами, а также прося, чтобы Ты не лишил нас и Небесного Твоего Царствия. Прости нас, Господи, за забывчивость и неблагодарное отношение к проявлению Твоей к нам милости.

**ИСПОВЕДЬ V. ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ
ВРАЧЕВАНИЯ СЕБЯ. По беседам
преподобного Вонифатия (1785–1871).**

1. Видение малейших неисправностей своей души

Чтобы Господь услышал нашу молитву, мы, когда станем пред Ним и прострем к Нему руки свои, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должны от всего сердца молиться о врагах своих. За это доброе дело Господь услышит нас, если предмет молитвы угоден Ему.

Господи, мы чужды этого молитвенного правила и не готовы бываем молиться о врагах своих прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей. Прости нас, Господи, что не делаем этого доброго дела – не молимся о врагах своих.

Чтобы работать Господу, необходимо нам помнить слово: если Ты со Христом умрешь для греха, то и оживешь с Ним, если переносим скорби, живя по учению Иисуса Христа, то с Ним и царствовать будем. Но если отвергнемся умереть для греха и жить по учению Христову, то и Христос отвергнется нас. *«Помни же это верное слово»*, – говорит апостол Павел (2Тим. 2, 11–14).

Господи, мы желаем работать Тебе, но умереть с Тобой для греха еще не умеем, да часто и не хотим. И потому не воскресаем с Тобою. Прости нас, Господи. И скорбь не желаем переносить, живя по учению Иисуса Христа, и потому не можем и царствовать с Тобою. И желания умереть для греха, чтобы жить по учению, Христе, Твоему, мы в себе не обретаем. Прости нас, Господи, дай силу помнить об этом условии спасения и не отвергай нас.

Важно нам узнавать свою греховность. А для этого добрые наставники обыкновенно советуют обращаться с молитвой к Святому Духу о просвещении. Это очень хорошо и необходимо. Свет Всесвятого Духа, по нашей молитве, конечно, может показать и действительно показывает нам все, даже малейшие неисправности нашего сердца.

Господи, нам важно узнавать свою греховность и для этого следует обращаться к Святому Духу о просвещении души. Свет Всесвятого Духа действительно покажет нам, по нашей молитве, все, даже малейшие неисправности нашего сердца.

Мы же с такой молитвой к Всесвятому Духу не прибегаем, и потому неисправности нашего сердца остаются нам неведомы. Прости нас, Господи, за небрежение к просвещению души светом Всесвятого Духа. Прости, Господи, и за отсутствие у нас такой молитвы.

Но одной только молитвой не должно довольствоваться; нам надо стараться и самим увидеть, что показывает Дух Святой. Дневной Божий свет ясно показывает все, что находится в нашем доме, но чтобы нам увидеть, что в нем есть, надо открыть глаза и самим внимательно осмотреть, что в нем находится. Иначе, как бы ясно не показывал дневной Божий свет находящееся в нашем доме, мы не будем знать, что в нем, если не осмотрим его.

Господи, прости нас за то, что мы не осматриваем дом своей души и потому даже при дневном Божием свете ничего не знаем о себе.

Каждому христианину необходимо знать искусство обуздания языка. Начало ему полагает память произносимого святой Церковью к Богу псаломского гласа: *«Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих»* (Пс. 140, 3).

Господи, мы мало думаем о своем языке на предмет его обуздания. Нет у нас привычки вместе со святой Церковью помнить псаломский глас: *«Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих»* (Пс. 140, 3). Господи, прости, что не напоминаем себе эти спасительные слова Пророка и не вдумываемся в них.

И еще об одном надо нам знать несомненно, что язык – это неудержимое зло, исполненное смертоносного яда. *«Аще кто в слове не согрешит, сей совершен муж, силен обуздати и все тело»* (Иак. 3, 8, 2).

Все время мы теряем из вида, что язык – это неудержимое зло, наполненное смертоносного яда. И пользоваться им надо с осторожностью. Мы часто согрешаем в слове, показывая свое несовершенство и, потому, не можем обуздать свое тело. Прости нас за это, Господи.

Познать себя и свою греховность мы можем с помощью зеркала, в котором всякий, кто только хочет, очень удобно и ясно может увидеть всю свою греховность. Но это чистое и совершенно ясно показывающее всю нашу внутренность зеркало наш век почти совершенно вывел из употребления и довольствуется зеркалом, которое показывает нам только нашу наружность. Чистое зеркало, о котором идет речь – есть закон Божий, выраженный в десяти заповедях Божиих; кто беспрестанно смотрится в это зеркало, тот совершенно верно может усмотреть всю свою греховность.

Господи, мы мало прибегаем для познания себя и своей греховности к зеркалу, которым являются заповеди Божии. У нас нет привычки беспрестанно смотреть в это зеркало, чтобы увидеть свою греховность. Господи, прости нас, ибо мы этого не делаем, забываем о зеркале заповедей Твоих.

Слово Божие показывает нам, что мы должны прощать всем обидящим нас. Оно говорит нам, кто не прощает обидящего, тот не должен называться христианином, потому что христианство весьма требует прощения обид. Вот что говорит нам Спаситель: *«Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искреннего твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы»* (Мф. 5, 43–44). *«Аще любите любящих вы, кая вам благодать есть?»* (Лк. 6, 32). *«Не будьте побеждены злом, но побеждайте зло добром. Писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь»* (Рим. 12, 19).

Господи, слово Твое говорит нам, что прощение обид является важнейшим качеством христианина, так что тот, кто не прощает обидящего, не должен называться христианином. Требуя от нас прощения обид, Спаситель говорит нам: *«Любите враги ваша, благословляйте клянущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы»*. У нас же, Господи, мало внимания и усилий уделяется этому вопросу: мы почти всегда не готовы эту Твою заповедь выполнять и показывать доброту нашего сердца.

Прости нас, Господи, за неумение прощать обиды по слову Твоему.

Если возникает соблазн, когда мы видим, что другие вольно выражают свои мысли, или же мы оскорбляемся, когда у иных не видим кротости в обращении с другими, то надо уверить себя, что это нам кажется от невнимательности и нерассуждения нашего. Не должно никого осуждать, ибо мы не знаем, с какой целью они это делают, равно и с какой целью и мы с кем-нибудь так, а не иначе поступаем. Надо стараться более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты, христианин, а потому не имеешь права судить – где, когда, как и с кем поступают.

Господи, бывают и у нас случаи, когда мы соблазняемся вольным поведением людей или оскорбляемся отсутствием у них кротости в обращении с другими. И тогда у нас не хватает мудрости уверить себя, что это нам кажется от нашей невнимательности и нерассуждения. Господи, прости нас, что не стараемся внимать себе, а разбираем дела, обращение и поступки других. Прости и за то, что мы забываем о недопустимости христианам осуждать других.

Когда чувственная страсть ратует на человека, то первое и обыкновенное средство к отсечению плотской страсти состоит в удалении от предметов, разжигающих душу плотской страстью, равно как и строгое воздержание. Трудно уцеломудриться среди соблазнов мира. Так же памятование о своей тленности и скором приближении часа смертного к погашению ее очень полезно. Как жалко видеть людей, прежде обладаемых ею, поверженными в неудобоисцельные болезни, или лишившимися ума, или изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменой и мучившимися прежде смерти в адском огне отчаяния.

Господи, очень часто чувственные страсти ратуют на нас, а мы не отсекаем их удалением от предметов, разжигающих нашу душу, и не прибегаем к строгому воздержанию. Прости нас, Господи, за отсутствие желания победить плотские страсти. Не пользуемся мы и такими средствами как памятование о своей тленности и скором приближении часа смертного. Прости нас,

Господи, за эту забывчивость. Когда же мы видим людей, которыми обладают чувственные страсти и которые, в результате их действия повержены в неисцельные болезни, или обезумели, или изнурены ревностью, пронизаны вероломством и изменой и мучающимися в адском огне отчаяния, – то мы этих людей не жалеем, не скорбим о них перед Тобою, Господи, и о них не печалимся. Господи, прости нас за очерствение и огрубение нашего сердца: люди страдают, а мы не готовы их пожалеть!

2. Смотр нашей готовности к доброделанию

Если желаешь приносить Богу молитву, чтобы Он услышал ее, то прежде испытай ум свой и устрой так, чтобы, когда будешь говорить: умилосердись надо мной, и ты был бы милосердным к умоляющим тебя; когда будешь говорить: не помяни моих согрешений, и ты не поминал бы согрешений ближнего своего; когда будешь говорить: не помяни моих грехопадений вольных и невольных, и ты не памятовал бы обид, которыми ты огорчен. Если этого не сделаешь, то все будешь молиться. И Бог не услышит тебя, как свидетельствует Священное Писание. Так, в Евангелии Господь заповедует молиться таким образом: *«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. Аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный»* (Мф. 6, 12, 14) . И в Евангелии от Луки говорит: *«отпускайте, и отпустят вам»* (Лк. 6, 37). И в другом месте научает учеников молиться так: *«и остави нам грехи наша, ибо и мы оставляем всякому должнику нашему»* (Лк. 11, 4).

Господи, согласно этому наставлению Преподобного мы, когда захотим принести Богу молитву, в уверение, что Он услышит ее, должны испытывать ум свой и устраивать смотр нашей готовности: при прощении – умилосердись надо мной – быть самым милосердным к умоляющим нас; при словах – не помяни наших согрешений – и мы не поминали бы согрешений наших ближних; когда будем говорить – не помяни наших согрешений вольных и невольных – мы не помянули бы обид, которыми нас огорчили. Мы же такого испытания своего ума не делаем и о смотре своей готовности оказывать милосердие ближним не радим. Мы поминаем согрешения наших ближних, мы поминаем обиды, которыми нас огорчили. Прости нас, Господи, и помоги понять, что Ты нас в этом случае не услышишь, ибо молитва наша будет все. Прости нас, Господи, что при такой суетной молитве, мы удаляем себя от исполнения Твоей заповеди о молитве: *«И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим»*. «Если отпускаете человекам

согрешения их, то и Отец ваш Небесный отпустит согрешения ваши».

Покаяние есть врачевство, грех потребляющее, оно есть дар небесный и сила чудесная, которая, по милости Божией, силу возмездия за преступление закона превозмогает. Вот почему оно не отвергает блудника, не отвергает прелюбодея, не отвергает пьяницы, не гнушается идолослужителя, не презирает ни укорителя, ни хульника, ни гордого, но всех переменяет: ибо покаяние есть горнило, всецело очищающее грех. Настоящая жизнь наша есть время покаяния. Великая опасность предстоит нам, обремененным грехами, если покаянием не предотвратим вечного наказания, не *«предварим лице Его во исповедании»* (Пс. 14, 2) и не угасим пожар греховный слезами раскаяния и умиления. Велик огонь греха, но угашается слезами.

Господи, да будет и нам известен взгляд Преподобного на покаяние. Он видит в нем врачевство, потребляющее грех. В этом врачевстве проявляется дар небесный и сила чудесная, которая по милости Божией силу возмездия за преступление закона превозмогает. Вот почему оно подходит всякому согрешившему человеку, ибо оно всех изменяет. Прости нас, Господи, что мы не смотрим на Покаяние как на врачевство, как на горнило, всецело очищающее грех. Прости нас, Господи, что покаянием не стремимся предотвратить вечное наказание за грех. Прости нас, что не *«предваряем лице Твое во исповедании»* и не угашаем пожара греховного слезами раскаяния и умиления. Знаем, Господи, что велик огонь греха, но угашается он слезами. Даруй их нам, Господи!

В благоустроенном обществе различные звания и сословия существуют для того, чтобы члены общества «носили тяготы других», то есть помогали друг другу в достижении благоденствия внешнего и внутреннего, чтобы высшие заботились о мире и безопасности низших, а те в свою очередь служили высшим по мере своих сил, по роду своих занятий. Поэтому, очевидно, не самолюбие, не своекорыстие должны руководить христианином в исполнении гражданских обязанностей, но желание блага ближнему, искренняя любовь к нему. Святой апостол Павел, научая христиан повиноваться

гражданским властям и законам (Рим. 13, 1–18) и сообразно со степенью и значением начальств гражданского общества воздавать каждому из них должное, говорит: *«ему же (убо) урок, урок; а ему же дань, дань; а ему же страх, страх; а ему же честь, честь»*. Все эти и подобные им обязанности гражданские апостол соединяет в одну великую обязанность христианина: *«Не единому же должны бывать, точию еже любите друг друга; любяй бо друга закон исполни»*.

Господи, и нашему сознанию должно стать доступно понимание, что различные звания и сословия существуют для того, чтобы члены общества «носили тяготы других», помогая друг другу в достижении внешнего и внутреннего благоденствия. Мы же друг ко другу не готовы так относиться и проявлять подобную заботу о членах общества не умеем и не учимся этому. Прости нас, Господи, за эту неготовность. У нас много побуждений самолюбивых и своекорыстных при исполнении наших гражданских обязанностей и очень мало пожеланий блага ближнему и искренней любви к нему, Прости нас, Господи, за эту черствость.

Господи, святой апостол Павел учит нас повиноваться гражданским властям и законам и сообразно со степенью и значением начальств воздавать каждому из них должное: урок, дань, страх, честь. Все же гражданские обязанности по сути дела сводятся к одной: *«Ни единому же должны бывать, точию еже любите друг друга: любяй бо друга закон исполни»*. Мы же, выполняя свои обязанности, не всегда их наполняем любовью и не чувствуем, что через них мы исполняем закон. Прости нас, Господи.

При виде соблазнов, которые имеют место вокруг тебя, обращайся от них к святилищу своего духа, и они легко останутся вне тебя. Гнетут ли сердце твое обиды, обращайся к живущему в тебе духу благодати, и они составят евангельское блаженство. Затрудняют ли путь твоей жизни мрачные обстоятельства, держись *«помазания, еже имаши от святого, и оно научит тебя всему»* (1Ин. 2, 20, 27). Изнемогают ли в чем твои силы, ты и прежде не должен был надеяться на них, а

теперь опытом убеждаешься прибегнуть к силе Божией, которая совершается в наших немощах.

Господи, мы еще не умеем обращаться от соблазнов к святилищу нашего духа; мы не обращаем свой взор к живущему в нас духу благодати; мы не держимся помазания, которое имеем от святого, чтобы преодолеть мрачные обстоятельства нашей жизни. Господи, прости нас за потерю веры в Твою спасающую силу и помоги прибегать к помощи Твоей силы, которая совершается в наших немощах.

Область терпения широка и тянется по долготе всей нашей жизни, равно как объемлет собою и все судьбы человечества в этом мире. С терпением человек приобретает и охраняет все блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приражение зол; если выходит из терпения, тотчас испытывает опасность утратить благо и пострадать от зла или, что более бедственно, самому сделать зло. Без терпения нет подвига, нет спасения. Ибо *«Царствие Небесное нудится»* (Мф. 11, 12).

Господи, рождаясь в этот мир, мы вступаем в область терпения, широкую и тянущуюся по долготе всей нашей жизни. Эта область объемлет собой и все судьбы человечества в этом мире. Терпение помогает нам приобретать и сохранять все блага, преуспевать в предприятиях, достигать исполнения желаний, безвредно выдерживать приращения зла. Мы же часто не возлагаем на терпение созидательной и охраняющей нашу жизнь роли. Прости нас, Господи, за это. Мы склонны бываем выходить из терпения и тогда подвергаем себя опасности потерять благо и пострадать от зла или, что более бедственно, сделать самим зло. Прости нас, Господи, за оставление терпения, ибо тогда мы теряем суть подвига, мы ставим себя вне спасения. Будем помнить, что *«Царство Божие нудится»*.

Чтобы иметь всегда покой, не должно полагаться на свои силы, а постоянно поучаться в Божественном слове: оно нам опора, крепость и спокойное пристанище. Есть в Священном Писании обетование Господне, которое для нас стена и ограда. Господь нам сказал: *«Аз с вами во вся дни до скончания века»* (Мф. 28, 20).

Господи, мы бываем склонны полагаться на свои силы, нет у нас и прилежания постоянно поучаться в Твоем Божественном слове. По этой причине нет в нашей душе покоя. Прости нас, Господи, и научи нас видеть в Твоих Божественных словах опору, крепость и спокойное пристанище. Помоги нам, Господи, помнить Твое обетование: «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» и крепко держаться за него.

Писание упоминает человека, «упившегося не вином» (Ис. 51, 21). Без вина упивается тот, кто не оставляет обуморение и не удерживает буйства страстей благочестивым рассуждением. Можно и употребляющему вино быть трезвым душой и бодрым во всех душеспасительных делах, ибо если бы было невозможно, святой апостол Павел не дал бы своему ученику Тимофею такого совета: *«мало вина приеми стомаха ради твоего и частых твоих недугов»* (1Тим. 5, 23). Ибо пьянство не что иное есть, как иступление естественного ума, превращение сердца, оскудение смысла, лишение разума: все это не от одного винного пьянства происходит, но от пьянства ярости и от непорядочного похотения.

Господи, тело свое мы можем уморить голодом, а ум – буйством страстей, если не сдержим их благочестивым рассуждением. В этих случаях мы уподобляемся людям, упивающихся не вином. Господи, прости нас, что теряем осторожность и воспроизводим в себе состояние людей, опившихся не вином. И помоги нам быть трезвыми душой и бодрыми во всех душеспасительных делах, как это делал ученик святого апостола Павла Тимофей.

Господи, прости нас, что, употребляя вино, мы забываем быть трезвыми душой и бодрыми во всех душеспасительных делах. И еще, Господи, помоги нам осознать, что пьянство – это ни что иное, как способ искажения наших естественных качеств и способностей: иступление ума, извращение сердца, оскудение смысла, лишение разума. Все это случается не от одного винного пьянства, а от пьянства ярости и от беспорядочного пожелания. Прости нас, Господи, за греховную склонность исказить и умалять наше человеческое достоинство.

3. Разумная предосторожность от пристрастия к тленным вещам

Всего более укрепляет и усиливает нашу любовь к Господу Иисусу Христу сердечное размышление о страданиях Христовых. Для этого хорошо всякий день поутру выбирать какое-либо одно из страданий Христовых, обстоятельно размышлять о нем и чаще вспоминать о нем в продолжение дня. От этого всегда получим дар терпения, кротости, ежедневного произвольного умерщвления и благодарной, совершенно преданной любви ко Христу. Как ты проводишь время? – спросили пришельцы одного почти не умевшего читать пустынника. Пустынник сказал: «Спаситель наш одарил меня зрением, и я все смотрю». – «На что?» – «На страдания Христовы. Они всегда у меня пред глазами. В них я нахожу все, что мне нужно, и никто так не прилеплял меня любовью ко Господу Иисусу Христу, как дарованное Им мне зрение». Все мы без исключения можем подражать этому пустыннику.

Господи, хорошо всем нам упражняться в добродетели, именуемой любовью к Господу нашему Иисусу Христу, проявляемой ежедневным выбором поутру какого-либо одного страдания Христа, обстоятельного размышления о нем и частого вспоминания о нем в течение дня. Господи, прости нас за оплошность сдержанного проявления любви к Тебе. Поэтому мы и не приемлем от Тебя дар терпения, кротости, ежедневного произвольного умерщвления и благодарной, преданной любви к Тебе, Богу и Спасителю нашему, ибо скупое сеющий, скупое пожинает. Господи, мы искренно печалимся о лишении дара благоугождать Тебе, скорбим, что терпение, кротость, ежедневное умерщвление и благодарная, преданная любовь к Тебе не стали нашим внутренним сокровищем. Прости нас за это, и полученным от Тебя зрением сподоби всегда взирать на Твои, Христе наш, страдания и прилепляться к Тебе любовью.

Душу свою нам необходимо предостерегать от пристрастия к тленным вещам. Достигается это благоговейным и благодарным размышлением о благодати и величии души.

Представим себе, как на картине обширно пространство земли, и рассмотрим беспристрастно вещества, наполняющие ее: сколь они ничтожны покажутся нам в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием, священнотайне до степени совершенства равноангельского. Из этого увидишь, что всякая вещь до крайности малоценна при высоком благородстве души христианской. *«Какая польза человеку, – говорит Господь нам, – аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит»* (Мф. 16, 26). Если же это так, то подумай – несравненно худшее недостойно быть любимо пред драгоценнейшим и без сравнения лучшим, то есть тленное вещество пред нетленной и бессмертной душой. Поэтому правильная любовь к своей душе требует ревновать о даровании благ духовных, для спасения нашего полезных, а не увлекаться пристрастием к тленным вещам, не могущим насытить бессмертную душу.

Господи, прости нас за отсутствие правильной любви к нашей душе.

Господи, наша душа требует разумной предосторожности от пристрастия к тленным вещам. Достигается это благоговейным и благодарным размышлением о благодати и величии нашей души. Мы же мало размышляем об этом. Прости нас, Господи, за слабое присутствие в нашей жизни размышлений о своей душе.

Правильная любовь к нашей душе требует от нас ревности о даровании благ духовных, для спасения нашего полезных, а не пристрастного увлечения тленными вещами, не могущими насытить бессмертную душу. Прости нас, Господи, что достоинство нашей души мы осознаем весьма смутно, и высокое ее благородство не ценим, и не ревнуем о духовных благах, полезных для нашего спасения. Прости и за пристрастное увлечение тленными вещами, не могущими насытить нашу бессмертную душу. Помилуй нас, Господи, и даруй нам те благодатные размышления, которыми возвышается достоинство нашей души.

Размышляя о важности времени земной жизни мы должны помнить, что оно (время земной жизни), во-первых, весьма

важно потому, что коротко и неизвестно, когда кончится; во-вторых, оно весьма важно тем, что неовозвратно; в третьих, потому, что оно назначено для исполнения многих, весьма важных дел; далее оно весьма важно потому, что оно находится в связи с нашей вечной жизнью; наконец, время земной жизни для нас крайне важно потому, что только в настоящей жизни нам дается Благодать Божия, а поэтому только в настоящей жизни мы можем делаться способными получить вечное спасение, постоянно пользуясь к нашему спасению Божией Благодатью. *«Лежит человеком единою умерети, потом же суд»* (Евр. 9, 27).

Господи, мы мало задумываемся о важности времени земной жизни. Житейская суета мешает нам думать, что эта наша земная жизнь – коротка и неизвестно, когда кончится; это время – неовозвратно. Это время назначено для исполнения многих, весьма важных дел; это время находится в связи с нашей вечной жизнью. И, наконец, только в это время мы можем воспользоваться Благодатью Божией, к нашему спасению подаваемой. Господи, прости нас, что мы мало думаем о важности времени и не используем возможности данного нам времени для осуществления благих дел.

Во время молитвы нам следует наблюдать, чтобы наши мысли не развлекались. Для этого молясь устами, молись и умом, то есть устремляй ум в силу слов молитвы. Если по немощи или прилогу вражью увлечешься среди молитвы размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, вздохни с сокрушением ко Господу и с жаром углуби свое внимание в молитву; всегда поступай так, и ощутишь пользу. Постоянство ума и бодрственность привлекают в душу особые дары Благодати.

Господи, прости, что мы мало заботимся во время молитвы о том, чтобы наша мысль не развлекалась посторонними предметами. Мы еще не умеем при молитве устами, молиться и умом, мы не умеем устремлять свой ум в силу слов молитвы. Прости нас, Господи, за это неумение. И когда мы по немощи или прилогу вражью будем увлечены среди молитвы размышлениями о каком-либо предмете, то, ощутив свою

неосмотрительность в том, должны будем вздохнуть с сокрушением ко Господу и с жаром углубить свое внимание в молитву. Мы же о таком духовном приеме плохо осведомлены и поэтому так не поступаем. Прости нас, Господи, что и не поступаем так, и пользу для души не ощущаем. Помоги нам Господи, помнить, что постоянство ума и бодрствленность сердца привлекают в нашу душу особые дары Твоей Благодати.

Змее невозможно совлечь с себя старой кожи, если она не проползет сквозь тесную скважину, так и мы своих застарелых во грехах привычек и греховной одежды ветхого человека совлечь с себя не сможем, если не будем ходить по тесному пути воздержания и самоотвержения.

Господи, конечно же нам хочется совлечь с себя застарелые во грехах привычки и греховную одежду ветхого человека, но как только доходим до тесного пути воздержания и самоотвержения страх перед испытаниями нас останавливает, и мы дальше желаний никуда не идем. Прости нас, Господи, и помоги научиться самоотвержению.

Существует в жизни человека не только слепота телесная, но еще и слепота душевная. Слепец по телу сознает свое несчастье посредством ума; но кто убедит душу в слепоте душевной?

Слепец по телу не любит своего состояния, но духовно слепотствующий обыкновенно любит свою тьму. Слепец по телу любит и стремится к чувственному свету; но для слепотствующего духом нестерпим свет духовный. Никогда слепые не позволяют себе состязаться о том с видящими, чего не могут ощущать зрением; не таковы духовно слепотствующие: они твердо уверены в том, что видят ясно и чисто, даже называют слепцами тех, которые не умствуют и не поступают подобно им.

Слепец никогда не берется быть руководителем другого по пути, неизвестному для него; но не так поступают слепотствующие духом: они наипаче и приглашают себя в вожди для других, отчего и вводят их в заблуждение. Кто осознает свою слепоту духовную, тот перестает уповать на себя и свою правду и, подобно пророку Давиду, вопиет: Господи!

«Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс. 118, 18).

Господи, мы тоже страдаем слепотой духовной. Но у нас нет наставника, и мы не нуждаемся в том, чтобы нас убедили в слепоте душевной. Духовно слепотствуя, мы любим свою тьму и для нас нестерпим свет духовный, свет заповедей Божиих. Слепотствуя, мы твердо уверены в том, что видим ясно и чисто, даже называем слепцами тех, кто не умствует и не поступает подобно нам. Будучи слепотствующими духом, мы спешим пригласить себя в вожди для других, и вводим тем самым их в заблуждение. Господи, прости нас за столь неосмотрительное, грехолюбивое поведение и научи нас осознавать Твою правду и почаще просить: «Господи, отверзи очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего».

4. Совершенство христианской свободы

Весьма полезно нам знать, что такое христианская свобода. Свобода в своем существе есть даруемая нам Благодатью Господа Иисуса Христа нравственная сила противиться греху и побеждать зло и вместе творить дела благие, или служить правде Божией, как говорит апостол: *«Свободшеся от греха, поработистеся правде»* (Рим. 6, 18).

Совершенство христианской свободы восходит постепенно через подвиги духовного делания и самоотвержения, через усиленную борьбу духа с плотью, так что постепенно вырастает перевес первого над последней, пока, наконец истребитися в нас совершенно семя, или начало греховное, и воцарится в нас правда Божия во Христе Иисусе, Господе нашем.

Господи, мы не очень-то задумываемся о христианской свободе и поэтому не бываем настроены ее требования выполнять. Так мы не связываем со своей свободой нравственную силу – противиться греху и побеждать зло и вместе творить дела благие и служить правде Божией, как говорит апостол: *«Свободшеся от греха, поработистеся правде»* (Рим. 6, 18). Господи, прости нас, что Твою благодатную нравственную силу мы не направляем на освобождение от греха и на подчинение Твоей правде.

Господи, прости нас, что мы мало интересуемся подвигами духовного делания и самоотвержения; мы не боремся за перевес в нас духовного над плотским; мы не совершенствуемся в делании правды Твоей, оставляя без внимания заповеди и повеления Твои.

Скорби, подобно водам Мерры неизбежно встречаются на пути к Небесному Отечеству; ибо венец получается не иначе, как по неуклонном несении креста. Когда глава наша увенчается тернием, прилично ли ногам ходить по путям, усеянным розами? Скорби и болезни суть святые врачевства; мы можем услаждать их верой и сердечной молитвой, но мы сами по большей части делаем их горькими, полагая в чашу испытания примесь нашего нетерпения и маловерия. А притом скорби

всегда полезны. Они в деснице Господа суть средства для врачевания наших духовных недугов, для смирения гордости, укрощения страстей. Они смягчают жестокое сердце наше, заставляют прибегать с молитвой к Богу, делают нас нищими духом и ничтожными в собственных глазах.

Господи, скорби неизбежны на нашем пути к Небесному Отечеству. Господи, прости нас, что мы еще не подготовили себя к неизбежным встречам со скорбями. А ведь скорби и болезни – это святые лекарства, и принимать их мы можем, услаждая их верой и сердечной молитвой. Господи, прости нас, что мы сами по большей части делаем их горькими, полагая в чашу испытания примесь нашего нетерпения и маловерия. Господи, прости нас, что мы не всегда улавливаем духовную пользу скорбей и пытаемся роптать за них на Тебя, Спасителя нашего, потому что не видим в скорбях средства для врачевания наших духовных недугов. Прости нас.

В храме употребляется особый святой хлеб, именуемый антидором. Антидор значит вместо даров. Святая Церковь заповедует употреблять антидор прежде вкушения пищи и с благоговением, потому что он хлеб с жертвенника Божия, часть от приношений к алтарю Христову, на котором получает небесное освящение.

Господи, теперь нам ясно, что такое антидор. Прости нас, что мы не всегда его с благоговением вкушаем и не имеем к нему должного почтения.

Некоторый человек, проходя через скит, вошел в находящуюся при этом ските лечебницу. Увидев многих больных, лежащих в ней, он приступил к врачу и спросил «Есть ли растения, исцеляющие от грехов?» «Есть, – отвечал врач, – и я тебе укажу их. Возьми корень послушания, ветвь терпения, цвет чистоты и плод добрых дел, сотри все это в сосуде смирения, просей сквозь сито здравомыслия, всыпь в коноб упования, полей воздыханиями и прибавь несколько слезной воды; потом разведи огонь божественной любви, покрой коноб милостынею и обложи его дровами трудолюбия. Когда приготовленный состав совершенно разварится, тогда простуди его братолюбием и приеми лжицею покаяния. Принятием этого

врачевства, с чистой верой, при пособии воздержания и поста, ты излечишься от всякой греховной болезни и будешь здоров как телом, так и душой».

Господи, прости нас, что мы не углубились еще в технологию приготовления снадобья от грехов, продолжаем болеть всякой греховной болезнью и не можем обрести здоровья телу и душе. Господи, даруй нам пытливый ум и прилежание к приготовлению данного лекарства.

Люди склонны искать утешения в дружбе – этом даре небес. Это утешение приходит к нам только с небес, из дальних стран Горнего Отечества нашего. Только оттуда мы можем его получить. А потому не друг наш утешает нас, но Бог посылает нам друга или в утешение, когда мы огорчены, или на вспоможение, когда находимся в нужде, или для уврачевания, когда мы больны, или для советов, когда в недоумении и не знаем на что решиться.

Господи, и мы все время находимся в поисках дружбы, но не умеем в ней видеть дара небес. Мы не прониклись еще мыслью, что утешение от дружбы приходит к нам из дальних стран Горнего Отечества нашего, что не друг наш утешает нас, но Бог посылает нам друга в разных обстоятельствах жизни, чтобы при огорчении были утешены, в нужде получили вспоможение, в болезни врачебную помощь, в недоумении услышали совет на что решиться. Именно так мы поиск друга не осмысливаем, и утешение от дружбы не воспринимаем как из Твоих рук, Боже. Прости нас, Господи, и не отказывай нам в утешении дружеском, приходящем из дальних стран Горнего Отечества нашего.

Когда душа охладевает, то согревает ее слово Божие, молитва, смирение, покаянное и благодарное в отношении к Богу чувство сердца во всех изменениях не только внешнего, но и внутреннего состояния.

Господи, прости нас, что при охлаждении души мы не сразу и не всегда прибегаем к чтению слова Божия, к молитве, смирению, покаянному и благодарному в отношении к Тебе, Богу нашему, чувству сердца. Мы часто невнимательно относимся к изменениям и внешнего нашего состояния, и

внутреннего, и потому не предотвращаем охлаждения души указанными средствами. Прости нас, Господи.

В присутствии лиц противоположного пола, а также при случайном воображении о них, мы можем ощущать необыкновенно сильные ощущения сладострастия. Поэтому при виде лиц противоположного пола должно хранить ум и чувства от всякого размышления и нескромного движения, особенно не нужно говорить без осмотрительности и скорее удаляться от их собрания. Если же блазнит тебя воображение, воспламененное демонской лестью, то нужно удерживать порывы мыслей и с благоговением ограждать себя крестным знамением. Для предохранения себя от плотских и мысленных сладострастных волнений полезна благоразумная во всем умеренность; но первое и более всего должно умолять Господа Всемогущего о защите от нападений на нас лютейшей этой страсти, ибо человек сам собой никогда ее не искоренит. Но при нашем произволении и молитве, Бог милосердный утишает порывы этого пламени тихим наитием Своей благодати.

Господи, и мы часто в своей жизни оказываемся среди лиц противоположного пола, а также иногда воображаем отношения с ними. Поэтому мы часто ощущаем необыкновенно сильные приращения сладострастия и можем побеждаться ими. Прости нас, Господи. Чтобы избежать этого, мы должны хранить ум и чувства от всякого размышления и нескромного движения, особенно нам не нужно говорить без осмотрительности и скорее удаляться от их собрания. Мы же такой предосторожности в большинстве случаев не соблюдаем и улавливаемся в сети пагубного влияния. Прости нас, Господи, за отсутствие предосторожности и осмотрительности при общении с лицами противоположного пола.

Когда же проблемы сладострастия ставит перед нами воображение, воспламеняемое демонской лестью, то мы забываем удерживать порывы мыслей и с благоговением не осеяем себя крестным знамением. Прости нас, Господи, и дай нам Свою благодатную силу предохранять себя от плотских и мысленных сладострастных влечений проявлением благоразумной во всем умеренности. Но первое и более всего,

Всемогущий Господи, умолен буди и защити нас от нападений на нас этой лютейшей страсти, ибо мы сами собой никогда ее не искореним. Прими наше произволение и молитву, Господи, утиши порывы этого пламени тихим наитием Твоей, Боже милосердный, благодати.

5. Отражение врага – знак доброго и верного воина

Очень часто человеку приходится бороться с ленью. Если мы нерешительно будем сражаться с ленью, то никогда не победим ее, а коль скоро восстанем против нее с твердым намерением, хотя и не без внутренней болезни, но с Божией помощью можем одержать над нею победу. Отражать врага есть знак верного и доброго воина; но обращать хребет свойственно одному ленивому и недостойному оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно этого порока, чтобы не услышать в последний день ужасного определения Сердцеведца. В Писании сказано: *«что верному до смерти даст Господь венец живота»* (Апок. 2, 10). Значит, дается венец только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, не оставляет оружия даже в минуту самых ужасных опасностей, и не предает сердца своего врагу. Таковой, хотя и бывает иногда повержен, не оставляет своего священного рвения и никогда не теряет надежды, а потому, успевает или не успевает, за одно свое намерение и непреклонность венчается как добрый воин, стремившийся к небесной почести.

Господи, леность побеждает и нас, мы же нерешительно сражаемся с нею и потому не побеждаем ее. Прости нас, Господи, и подаждь нам силу восставать против нее с твердым намерением, хотя и не без внутренней болезни, с Твоей, Боже, помощью одерживать над нею победу. Господи, прости нас, что в отношении борьбы с ленью мы чаще поступаем как ленивые и недостойные оруженосцы, а не как верные Твои воины.

Господи, мы не выходим на борьбу со страстями с твердым намерением нести борьбу до последнего издыхания, не оставлять оружия, даже в минуту самых ужасных опасностей и не предает сердца своего врагу. Господи, прости нас, что не готовы сражаться до последнего издыхания с ленью, что оставляем свое священное рвение и надежду на победу. Господи, умножь в нас веру, что за одно это свое намерение и непреклонность мы будем увенчаны как добрые воины,

стремившиеся к небесной почести. Удостой нас, Господи, этих венцов.

Мы не должны бояться страшного Суда Христова, но те, которые не испытывают здесь наказания за свои грехи, те должны бояться более. Эта ненаказанность и долготерпение Божие в будущем Суде увеличит их наказание.

Господи, мы должны бояться страшного Твоего Суда, но далеко не всегда боимся Его, прости нас. Господи, прости нас за чувство глупой безнаказанности на Суде Твоем.

Испытывая обиду на ближнего, нанесенную братом словом или делом, мы должны научиться прощать ему. Послушай, что говорит об этом Священное Писание: *«Блюдайте, да никтоже зло за зло кому воздаст: но всегда доброе гоните»* (1Сол. 5, 15). *«Аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете»* (Гал. 5, 15). *«Остави обиду искреннему твоему, и тогда помольшутися, греси твои разрешатся»* (Сир. 28, 2). Итак, прощай грехи брату твоему, чтобы и тебе получить от Господа прощение грехов твоих.

Господи, при обиде на ближнего мы должны простить его, по слову Писания, да не будем «истреблены друг другом». «Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои». Господи, прости нас, что не прощаем грехи брату, чтобы и мы получили прощение своих грехов. Господи, прости, что эти слова Священного Писания еще не проникли в наше сердце и не оказывают на нас своего руководящего влияния.

Когда враг попадает в твои руки, то почитай это время временем не наказания его, а спасения. Мы тогда должны преимущественно щадить врагов, когда они подчиняются нам. Оскорбил ли кто тебя, ты не воздавай оскорблением, чтобы не уподобиться оскорбившему, ибо зло врачуется не злом, а добром (Златоуст).

Господи, прости нас, что не имеем благоразумия милосердно щадить врагов в случае их подчинения нам, не забывая, что зло врачуется не злом, а добром.

Всем нам следует придерживаться поста и воздержания. По мнению святых отцов пост и воздержание состоит в

умеренности, и что все вообще домогающиеся совершенной добродетели должны принимать пищу, дозволенную для поддержания тела, воздерживаться же от похоти. И слабый телом может сравняться в добродетели со здоровыми и крепкими, если будет истреблять похоти, которых не требует немощь плоти, ибо и апостол говорит: «Плоти угодия не творите в похоти плоти», то есть он не запрещает пещись о плоти, но только говорит, чтобы это не делалось в похоти, тем самым уничтожает страстное попечение о теле, а не то, которое необходимо для поддержания жизни, и уничтожает потому, чтобы мы, потворствуя плоти, не стали, ко вреду себе, исполнять похотей; между тем пещись о теле нужно потому, чтобы, испортив его небрежением, не потерять возможности исполнять духовные и необходимые обязанности наши. (Слово Кас. Римлянина о посте).

Господи, для нас пост и воздержание состоит в умеренности. Домогаясь совершенной добродетели, мы должны принимать пищу, дозволенную для поддержания жизнедеятельности тела, но воздерживаться от похоти. Господи, мы виноваты пред Тобою, что не имеем должного разграничения в понятиях: немощь тела и похоть плоти. Прости нас за то, что в наших действиях все время видна путаница в этих понятиях. Господи, прости нас, что мы, исполняя похоти плоти, вредим себе. Научи нас, Господи, заботиться о своем теле так, чтобы не испортить его небрежением и, тем самым, не лишиться возможности исполнять духовные и необходимые наши обязанности.

Известно, что телесно мы воздерживаемся для того, чтобы посредством поста стяжать чистоту сердечную. Но телесное воздержание бывает тщетно, когда мы не можем достигнуть того конца, для которого предпринимались труды воздержания; ибо когда мы, постясь телесно, будем жить по внушению страстей, то оскверним самую лучшую часть самих себя, потому что осквернили то место, где должен обитать Дух Святой, Которому жилищем, как известно, служит не тленная плоть, а чистая душа.

Итак, смиряя постом внешнего человека, по слову апостола, будем очищать и внутреннего человека, чтобы сделать его способным к принятию Христа, Который, по словам апостола, «верую вселяется в сердца наши» (Слово Кас. Римлянина о посте).

Господи, для нас совершенно новое звучание приобретают слова о посте, открывая нам цель пощения – приобретение чистоты сердечной. Телесное воздержание оказывается тщетным, когда мы не достигаем того конца, для которого предпринимаем труды воздержания. Постаюсь телесно, мы, однако, живем по внушению страстей и оскверняем самую лучшую часть самих себя, потому что оскверняем то место, где должен обитать Дух Святой. Господи, прости нас за это.

Господи, мы виноваты перед Тобой, что смиряя постом внешнего человека, мы не очищаем человека внутреннего и остаемся не способными к принятию Христа, Который «верую вселяется в сердца наши». Прости нас, Господи, за это небрежение и помоги в жилище Тебе готовить не тленную плоть, а чистую душу.

Страсти опасны для истины и добродетели. Самая же опасная из них – зависть. *«Завистию диаволею смерть вниде в мир»* (Прем. 2, 24); завистью же и грех плодится в земной юдоли. Этот один порок порождает многие другие, и особенно опасен потому, что обладаемые им скрывают его даже от самих себя. Этот непримиримый враг добродетели и заслуг раздражается всем тем, что возбуждает в людях удивление и не прощает никому и ничему, кроме порока и незнатности. Надобно сделаться недостойным всеобщего воззрения, чтобы привлечь к себе его взоры и пощаду. Нет зла, к которому бы не сродна была зависть, как скоро возобладает душой, то ее из сосуда, устроенного в честь, делает сосудом бесславия и великой мерзости.

Господи, мы благодарны Тебе, что Ты проливаешь Свой свет на пагубность страстей для истины и добродетели, и особенно на зависть, самую опасную из них. Писание говорит, что *«завистию диаволею смерть вниде в мир»* и ею же грех плодится в земной юдоли. Господи, мы постоянно видим в

окружающих нас людях добродетели и заслуги, которые в нас активизируют зависть. Господи, прости нас за то, что этой страстью мы из сосуда, устроенного в честь, делаемся сосудом бесславия и великой мерзости.

6. Власть избирать то, что нам хочется

Наша будущая жизнь будет, несомненно, превосходнее жизни настоящей. Сила, поддерживающая жизнь души, будет там не совокупность чего-либо твердого и жидкого, но видение Божественной природы, общение с истинным и Святым Духом. Там нет ни горестей естества, там нет разнообразных болезней, которые терзают наше тело. Там не завидуют счастливым, не презируют нечестных. Там, в том народе душ, царствует совершенная справедливость прав и законов, с высочайшей мирной свободой, ибо там каждый имеет то, что, еще быв здесь, приготовил себе по собственному произволу и выбору. Если кто по неблагоразумию приготовил себе худшее вместо лучшего – смерть не виновата, ибо всякий имеет здесь власть избирать то, что ему хочется. (Св. Григорий Нисский. Сл. о будущей жизни).

Господи, для нас размышление о превосходстве жизни будущего века над настоящей тоже весьма важно. Знание об этой жизни пробуждает в нас силу, поддерживающую жизнь души. Эта сила дает нам ведение Божественной природы общения с истинным и Святым Духом. В этой жизни каждый имеет то, что, еще быв здесь, приготовил себе по собственному произволу и выбору. Прости нас, Господи, что по своему неблагоразумию мы готовим себе худшее вместо лучшего.

В каком бы кто состоянии ни жил, всякий по вере во Христа Спасителя, при помощи Его Божественной Благодати, будет идти ближайшим путем спасения, если он до конца будет следовать примеру святых отцов; и если он до конца пребудет в истинной вере, любви и уповании на Бога, то придет, наконец, туда, где лики святых отцов, и будет участвовать с ними вечно в радостях небесных.

Господи, мы еще мало следуем примеру святых отцов, и наше пребывание в истинной вере, любви и уповании на Тебя, Господа Бога нашего, малоактивно и часто утрачивает целевую направленность – придти туда, где лики святых отцов пребывают в радости небесной. Прости нас, Господи, что мы очень часто теряем веру в Тебя, нашего Спасителя, и не

прибегаем к помощи Твоей Божественной Благодати. И еще прости за то, что не учимся в своей жизни следовать примеру святых отцов.

Если по демонскому насилию поползновенный твой ум обуяли сладострастные помыслы, то сойди мыслью твоею в преисподняя и при свете Божественного Писания, равно и некоторых тайнозрителей, посмотри там на мучения плоти угодников. Ужели ты пожелаешь за временную греха сладость ужаснейшей вечной муки? Помни непрестанно час смертный и страшное безобразие разрушающейся тогда нашей красоты. Смиренно проси Бога помощника да отразит разженные стрелы врага, неукротимо бунтующего против законов ума нашего.

Господи, прости нас за то, что мы не имеем должного навыка в подобных искушениях сходить своей мыслью в преисподняя, чтобы рассмотреть там мучения грешников. Прости, Господи, нас и за то, что не помним постоянно час смертный и страшное безобразие разрушающейся нашей телесной красоты. Господи, отрази от нас разженные стрелы врага, бунтующего против законов нашего ума.

Все мы, живущие на земле, призваны помогать усопшим своей усердной молитвой к милосердному Спасителю о упокоении и помиловании душ почивших братьев наших. Это всего спасительнее для них. Чем пламеннее молитва, чем большее число молящихся за умерших, тем обильнее на них изливается Благодать Божия, тем более им отрады, утешения и блаженства. Потому-то благочестивые христиане подкрепляют свои молитвы богоугодными милостынями бедных братьев, получающих их ради Господа Иисуса Христа для умиловствования за отшедшие души.

Господи, мы призваны помогать усопшим принесением усердных молитв к милосердному Спасителю о упокоении и помиловании их душ, подкрепляя свои молитвы богоугодными милостынями бедным братьям. Прости нас, Господи, что мы не всегда этому правилу следуем и не всегда вовлекаем в молитву за умерших большее количество богомольцев.

Но еще спасительнее молитва всей Церкви и принесение за почивших бескровной жертвы, которой открыт источник

спасения для всего мира. Не помилует ли Господь бедную душу ради бесконечных заслуг Единородного Сына Божия, ради всесильного ходатайства Господа Иисуса, умершего и воскресшего для воскресения и вечного блаженства всех чад Адамовых.

Прости нас, Господи, что не всегда прибегаем к спасительной молитве всей Церкви и не приносим за почивших бескровной жертвы – источника спасения для всего мира.

Бывает в нашей жизни время, когда мы недовольны своей участью. Тогда нам необходимо обновить в себе веру, что над всеми нами бдит премудрый и преблагий Промысл Божий, а не слепой произвол и случай. Тебе, христианину, должно быть известно, что и волос с головы нашей не падет на землю без воли Отца нашего Небесного. Премудрость Творца видит все пути к нашему предназначению. Благодать Его избирает лучшее из них и ведет нас по ним. Все пути Божии ведут к добрым и спасительным целям и судьбы наши составляют предмет высочайшего смотра Божия.

Господи, и в нашей жизни бывает недовольство своей участью, но мы не спешим обновить в себе веру в премудрый и преблагий Промысл Божий, веру что бдит он о нас, а не слепой произвол и случай. Прости нас, Господи, за слабую, не четко выраженную веру в Твой Промысл. Прости нас, что не отдаем себе отчета о благодати Твоей, избирающей для нашего спасения лучшие пути и ведущей нас по ним.

Итак, что значит роптать на судьбу свою? Значит роптать на Самого Бога, и это не постыднейшее ли богохульство? Довольствуйся лучше всем, что пришлось и приходится на твою долю. Иначе ты будешь метать к небу камень, которое будет падать на твою же голову.

Господи, ропот на свою судьбу это то же, что роптать на Тебя, Боже. Святые усматривают в этом наипостыднейшее богохульство. Прости нас, Господи, за ропот на свою судьбу. Вразуми нас, Господи, лучше довольствоваться тем, что приходится на нашу долю, чтобы не метать к небу камней, которые будут падать на наши же головы.

Размышляя над тем, от чего рождается в нас недовольство своей судьбой, следует иметь в виду, что оно рождается: 1) от неумеренных ожиданий, 2) от неблагоприятного сравнения своей участи с участью других, 3) от незнания, где искать себе довольства.

Господи, мы виноваты пред Тобою тем, что накапливаем в себе причины недовольства своей судьбой. Мы живем неумеренными ожиданиями, позволяем себе неблагоприятное сравнение своей участи с участью других и еще дозволяем себе незнание того, где искать себе довольства. Прости нас, Господи, за несформированное христианское сознание.

Чего не вымышляют и не предпринимают люди для своего счастья? Все стихии мира в беспрестанной суете от них, а счастье не является им, – или всегда только в области их мечтания. Какая причина этому? – Его не там ищут, где должно, ищут весьма далеко.

Вечное слово истины так говорит нам: *«Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк. 17, 21). *«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам»*.

Мы, в минуты недовольства своей судьбой, не ищем Царства Божия и правды его внутри себя самих. Прости нас за это, Господи.

В нашей жизни бывает так, что никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся бесчувствию. В этих случаях нам должно принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько умягчится душа, должно изыскивать причину такой холодности. Если возникло нечувствие духовное от неудовлетворения какой-либо страсти, то презри движение страсти и удали от себя предмет, ее раздражающий; и когда это горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Всемогущего Господа, да отразит Своей Благодатью все страстные прилоги и теплотой ее да согреет охладевшее сердце твое.

Господи, мы часто подвергаемся испытаниям бесчувствием. В это время никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное, предавшееся бесчувствию.

Ты, Господи, в этих случаях ждешь от нас молитвы, излияния нашей души пред Тобою. Но мы так не делаем.

Господи, прости нас, что в эти минуты мы не прибегаем к молитве для умягчения сердца, и когда умягчится душа, то не отыскиваем причины своей холодности. Господи, нечувствие духовное, появляющееся в нас от неудовлетворения какой либо страсти, мы не врачует отказом этой страсти пребывать в нас, лишением ее раздражающей силы. Прости нас, Господи, за это попустительство. Когда же причина ожесточения души не открывается нашему сознанию, мы не просим всемогущего Господа отразить Своей благодатью все страстные прилоги и Своей теплотой согреть охладевшее наше сердце. Господи, прости нас, что не доводим до победных результатов наши в это время совершаемые молитвы, как это делала, например, преподобная Мария Египетская.

7. Добронравие и сердечное произволение

Особый интерес представляет для нас самолюбие. Оно усиливается в нас от недостатка самопознания и есть излишнее к самому себе уважение и возрастает в душе при невнимании нашем к себе и при внимании к льстивым похвалам от людей. Корень его есть прирожденная нашей природе гордость. Уничижается самолюбие памятованием смерти, внимательным исследованием своих поступков, а паче представлением Страшного Суда Божия.

Господи, прости нас за пренебрежение к самопознанию, за излишнее уважение к самим себе и за внимание к льстивым похвалам от людей. Прости нас, Господи, и за то, что мы памятованием о смерти, внимательным исследованием своих поступков и представлением Страшного Твоего Суда не уничтожаем в себе самолюбие.

Наша нетвердость в добре происходит от того, что мы еще и не начинали добродетельной жизни как должно. Правда, святая истина в проповедях или тихом размышлении часто затрагивала наше сердце, но после проповеди, после размышления, мы снова возвращались на прежнюю, широкую стезю; впечатление добра терялось, и зло снова принимало свой скипетр. Часто посещала нас святая решимость, истинно исповедовали грехи свои пред Богом и Его священником-служителем; но тотчас после покаяния делались снова прежними грешниками.

Решимость еще не овладела нами всецело, мы хотим и не хотим! Видя смерть друга, и провожая его до могилы, мы говорим себе: «Теперь уже пора бросить эти греховные привычки, которые мы доселе любим вполне». Но вскоре после смерти друга, вскоре после погребения его, предавались снова прежним грехам, потому что не хотим и хотим.

Итак, вот причина нашей нетвердости в добре.

Да, Господи, мы действительно еще не начали добродетельной жизни, как должно. В этом можно видеть нашу теплохладность и побуждение искренно поскорбеть о ней.

Прости нас, Господи, за небрежение к добру. Решимость еще не овладела нами всецело, мы хотим и не хотим! Господи, прости нас за нашу половинчатость, когда хотим и не хотим добра и исправления.

Человеку необходима вера в крестные заслуги Сына Божия и в Его человеколюбие, чтобы быть при условии покаяния уверенным в своем спасении. Каков бы ни был грех наш, он есть грех человеческий, а неизреченное милосердие Божие всегда сильно преодолеть злобу нашу, в какой бы степени она по немощи нашей не развилась. *«Идеже умножится грех, – говорит апостол, – преизбыточествует благодать»* (Рим. 5, 20). *«Пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? О, да не будет сего»* (Рим. 6, 1).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, мы каемся в своей греховной немощи, мешающей нам верить в Твои крестные заслуги и неизреченное человеколюбие. Прости нас. Воздвигни силу Твою, Боже, к преодолению нашей злобы. Ибо «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20). «Что же скажем? Остаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Господи, прости, да не будет этого» (Рим. 6, 1) с нами.

Бог не требует долгого времени к покаянию. Грешник, как только в истинном сокрушении объявил грех свой, так и оправдался, как только истинно покался, так и помилован стал. Не время удовлетворяет Божией правде, но усердие кающегося уничтожает грех, ибо возможно и долгое время проходящему покаянную жизнь не получить спасения и в коротком времени искренно покаявшемуся освободиться от греха.

Господи, и мы часто думаем о времени покаяния, а не о истинном сокрушении сердца и истинном покаянии. Прости нас, Господи, что не являем своего усердия к уничтожению греха, как только он показал нам свое присутствие.

Бог долготерпит наши грехи, чтобы мы покались. Апостол Петр пишет: Господь *«долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут»* (2Петр. 3, 9).

Господи, мы не рассматриваем Твое долготерпение к нашим грехам как знак, что нам надо хорошенько покаяться. Господи, Ты «долготерпишь нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2Петр. 3, 9). Так говорит апостол Петр. Мы же эти слова апостола еще не вписали в закон нашего сердца. Прости нас, Господи, и Твоим долготерпением пробуди в нас жажду покаяния.

Верить надо, что тело наше по воскресении преобразится. Вот что об этом говорит апостол Павел: *Господь Иисус Христос «уничужденное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою он действует и покоряет Себе все»* (Фил. 3, 2).

Что же это за тело смирения, которое преобразит Господь сообразно телу славы Своей? Очевидно, что тело это есть плоть, которая теперь уничтожается, отходя в землю. Преображение же плоти значит то, что она, будучи смертной и тленной, преобразается не сама по себе, а по действию Господа, Который смертное облакает бессмертием, а тленное нетлением.

Господи, для нас важно верить в преобразование нашего тела по воскресении и знать, что оно будет сообразно славному телу славы Христовой. Господи, прости нас, что эта вера в нас слаба и мы редко задумываемся, а надо бы чаще, о преобразении нашей плоти по смерти по Твоему, Господи действию.

Не место спасает человека, но добронравие и сердечное произволение. Адам, живя и в раю, согрешил, а Лот и в Содоме спасся; Иов на гноище заслужил оправдание, а Саул, находясь в чертогах царских, лишен царства настоящего и будущего. Спасть возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся.

Господи, мы часто думаем, что место спасает человека, а на самом деле спасает добронравие и сердечное произволение. Спасть возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся. Прости, Господи, что мы не подражаем Лоту, спасшемуся в Содоме, и Иову, на гноище заслужившему оправдание.

Размышляя о смерти, не должно почитать ту смерть худой, которой предшествовала добрая жизнь. Смерть худа от своих последствий. Итак, нужно заботиться человеку, смерть которого неизбежна, не только о том, от чего он умрет, сколько о том, куда препроводит его смерть.

Господи, прости нас, что, размышляя о смерти, мы мало заботимся о том, чтобы ей предшествовала добрая жизнь, и куда препроводит нас смерть. Господи, прости нас за отсутствие подобной заботы, благотворно влияющей на суть нашей земной жизни.

Из грешников Бог более всего отвращается *«убога горда, богата лжива и стара прелюбодя»* (Сир. 25, 4), отвращается еще и памятозлобного человека и гневливой души. Хотя бы мы были довольно праведны, но если памятозлобствуем, то все дела наши тщетны и спасения получить не можем. А потому всякую вражду, несомненно должны уничтожать и всегда иметь мир и любовь со всеми, без коих *«никтоже узрит Господа»* (Евр. 12, 14).

Ты, Господи, из грешников более всего отвращаешься *«надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодя»* (Сир. 25, 4), отвращаешься еще человека памятозлобного и гневливого душой. Если Ты, Господи, так относишься к этим людям, то и мы должны к ним относиться также. Прости нас, Господи, что в отношениях с подобными людьми у нас не возникает чувства осторожности, мы легко *«заражаемся»* памятозлوبيем и гневливостью и тогда наши дела будут тщетны, и мы не сможем получить спасения. А, простив, помоги нам, Господи, уничтожать всякую вражду и всегда иметь мир и любовь со всеми, чтобы нам иметь возможность всегда лицезреть Тебя, Господа и Спасителя нашего.

8. Испытание добродетели

Великодушие – это признак достоинства человеческого. Истинно великодушен тот, кто решается лучше терпеть бедственную жизнь, нежели избегать ее, и кто, имея светлую и чистую совесть, предупреждает суждения человеческие, особенно народные, как большей частью погрешительные.

Господи, прости нас, что великодушие не стало и у нас неперменным качеством души. Прости нас, Господи, что мы не имеем решимости терпеть бедственную жизнь, а совесть наша не всегда светла и чиста. Прости нас и за то, что мы не готовы бываем с осторожностью воспринимать суждения человеческие, как большей частью погрешительные. Поэтому и великодушие у нас недостаточно устойчивое. Прости нас.

Встречаясь с клеветущими на ближнего, мы никогда не должны слушать эти клеветы и уважать того, кто клеветает на ближних своих. Лучше сказать таковому: перестань, брат, я сам ежедневно еще в тягчайшие впадаю грехи и потому не могу и не должен никого осуждать. Этими словами, как лечебным лекарством, исцеляются две болезни: своя и клеветущего.

Господи, прости, что у нас же часто не хватает смелости таким образом заграждать уста клеветникам. Прости нас за отсутствие мужества и за неумение пользоваться самоуничижением, как лечебным лекарством, чтобы исцелить две болезни: свою и клеветущего.

Добрые наемники всякое зло, какое они терпят от своих хозяев, воспринимают не как наказание за преступление, а искушение добродетели. Ибо добрый, если служит, свободен, а злой, хотя бы царствовал, есть раб, у которого не один хозяин, а столько господ, сколько пороков.

Господи, и нам, если хотим быть добрыми работниками на производстве, всякое зло, какое приходится терпеть от своих работодателей, воспринимать не как наказание за проступки, а как испытание нашей добродетели. Господи, прости нас, что свои трудности, которые мы рассматриваем как зло, мы не оцениваем как испытание нашей добродетели. При этом в

фокусе нашего внимания нет убеждения, что добрый, когда служит, свободен, а злой, хотя бы он царствовал, есть раб, у которого не один хозяин, а столько господ, сколько пороков. Господи, прости нас, что свободу мы ищем не в проявлении доброты, а в анархии, в желании все делать «по-своему», следуя амбициям своих страстей и пороков.

Наше обращение к Богу мы ни по каким причинам не должны откладывать, да медлительностью не потеряем времени исправления. Тот, кто обещал милость кающимся, не заверил будущего для нерешительных.

Господи, мы довольно часто медлим с обращением к Тебе, Богу нашему, и своей медлительностью теряем время исправления. Прости нас, Господи, и пусть устрашится наша душа от мысли, что нерешительные не имеют будущего.

Пение наше совершается во славу Божию. Хорошо поет во славу Божию тот, жизнь которого согласуется с поемыми словами. Ибо по окончании пения умолкает слово, а жизнь в добрых делах никогда не умаляет славы Того, действию Которого в себе радуется.

Господи, нам хочется петь во славу Твою, и петь хорошо. А для этого необходимо, чтобы наша жизнь согласовывалась со словами, которые мы произносим во время пения. Господи, прости нас, что мы недостаточно прилежно этому правилу следуем. И помоги нам всегда помнить, что по окончании пения умолкает слово, а жизнь в добрых делах никогда не умаляет славы Того, действию Которого в себе радуемся.

Смирение – важная добродетель для идущих по пути спасения. Истинное смирение состоит в том, чтобы ничем не гордиться, ни на что не роптать, не оказывать неблагодарности, недовольства и за все судьбы Божии благодарить и хвалить Бога, все дела Которого ознаменованы или правосудием, или благодатью.

Господи, мы далеки от истинного смирения, ибо любим погордиться, пороптать на обстоятельства жизни, можем быть неблагодарными, недовольными, мы не готовы хвалить и благодарить Тебя, Боже, за все Твои судьбы, касающиеся нас. И в делах Твоих, Господи, мы не склонны бываем видеть

знамения Твоего правосудия или Твоей благости. Прости нас, Господи, что явное отсутствие этих спасительных качеств в нашей душе не позволяет нам успешно идти по пути спасения.

Идущим по пути спасения необходимо иметь понятие о духовной бедности. Очень бедны те, кто богат от беззакония, они не имеют сокровищ правды и премудрости. Напротив, те, которые служат Богу, приобретают такие блага, которые не могут погибнуть.

Господи, нам, по слову Преподобного, теперь ясно, кто является духовно бедным: им является тот, кто богатеет от беззаконий и не имеет сокровищ правды и премудрости. К ним относимся и мы. Прости нас, Господи, за удобопреклонность богатеть беззакониями и оскудевать сокровищами правды и премудрости. И дай нам, Господи, мудрость служить Тебе, Богу и Спасителю нашему, и приобретать блага, которые не могут погибнуть.

Удерживаться от зла – это полдела, надо еще делать добро. Мало того, чтобы никому не вредить, а нужно еще стараться быть полезным для многих.

Господи, мы виноваты перед Тобой, что думаем о возможности удерживаться от зла достаточным условием для спасения. А оказывается, что надо еще учиться делать добро. Оказывается нам мало не вредить никому, надо еще стараться быть полезным для многих. Господи, нет у нас такого старания. Прости нас.

На высоту Божию люди восходят только смирением. Предающий себя Богу приближается к Нему, а возносящийся далеко отстоит от Него.

Господи, прости нас за отсутствие смирения, которым нам надлежит восходить к Тебе, нашему Богу. Прости нас и за превозношение, которым мы далеко от Тебя отходим.

Да не страшит тебя, христианин, то, что ожидаемое по вере твоей отлагается впредь. Хотя обетованное сокрыто, но ты продолжай молитву с упованием. Упражняйся в делании, возрастай в добродетелях. Когда испытывается постоянство веры, тогда умножается слава возмездия.

Господи, нас устрашает и расстраивает, что просимое и ожидаемое нами благо, откладывается впредь. Прости нас за это. Когда обетованное сокрыто, нам следует продолжать молитву с упованием и упражняться в делании, возрастая в добродетели. Через задержку в исполнении просимого Ты, Господи, испытываешь постоянство нашей веры, и, соответственно, умножаешь славу возмездия. Господи, мы мало знаем об этой закономерности духовной жизни и не упражняемся в ее освоении. Прости нас.

Человек, прилепляющийся к Богу и всегда творящий волю Его, есть постоянное жилище Божие. Если он терпит какое-либо бедствие, то это испытание, а не оставление от Бога.

Господи, прости нас, что мы не отличаемся постоянством: и по временам прилепляемся к Тебе, Богу нашему, и хотим творить волю Твою, а по временам этого не делаем. Прости нас, Господи, и помоги быть надежным Твоим жилищем. И еще помоги случающиеся бедствия воспринимать как испытание нашей преданности Тебе.

Хорошо и спасительно для нас исповедание грехов, когда за ним (исповеданием) следует исправление.

Господи, прости нас, что исповедать грехи мы любим, а исправляться не спешим. И тем самым остаемся вне спасительного ковчега.

Первым даром благодати Божией является познание нашей низости. Ибо все доброе мы творим силой Того, «без Кого не можем творить ничесоже».

Господи, для нас настоящее откровение знать, что есть первый дар Твоей благодати. Познание нашей низости не входит в наши планы. Прости нас за это. И все доброе мы не творим силою Твоею, согласно Твоим заповедям. Прости нас.

Когда нас просят помолиться о спасении другого, мы не должны отрицаться, хотя и не стяжали еще дара молитвы. Ибо часто вера того, кто просит, спасает его, при старании его исправить свою жизнь.

Господи, когда и нас просят помолиться о спасении другого, то мы склонны бываем отказаться, думая, что еще не стяжали дара молитвы. Прости нас, Господи, за этот отказ. Мы не

учитываем того, что часто вера просящего спасает его при старании его исправить свою жизнь. А отказывая в молитве, мы отказываем ему в спасении и исправлении. Прости нас, Господи, за это недоброжелательство.

Искушение Иисуса Христа есть наставление христианину. Мы должны быть подражателями нашего Наставника не в произведении чудес, которых никто не требует, но в соблюдении смирения и терпения, к чему призывает нас Господь Своим примером.

Слушая об искушениях Иисуса Христа, мы не исполняем свое сердце желанием соблюдать смирение и терпение, к чему призывает нас Господь Своим примером. Прости нас, Господи, за нежелание подражать Тебе в смирении и терпении.

9. Блаженство в единении с Богом

Причина истинной радости для христианина, век не настоящий, а будущий. Должно пользоваться временными благами так, чтобы они не были препятствием к достижению благ вечных. Как путешественники в дороге, будем любить то, что ведет нас к Отечеству.

Господи, век будущий еще не стал для нас причиной истинной радости. Прости нас. Мы не научились пользоваться временными благами так, чтобы они не стали препятствием для достижения благ вечных. Прости нас, Господи.

Лучше для нас смиренно сознаваться в грехах, нежели горделиво хвалиться добродетелями.

Прости нас, Господи, что мы часто делаем наоборот: грехи скрываем, а добродетелями горделиво хвалимся.

Когда увидим кого-либо по жизни развратного и словами увлекающего к соблазну, вспомним о змие, о котором Писание говорит: *«Змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли»* (Быт. 3, 1). И не последуем, подобно Еве, его злему обаянию. Эта мудрость и ему во вред, потому что не сопутствуется добродетелью и должна утешить всякого невинного, как самая губительная и смертельная язва.

Господи, при виде человека по жизни развратного и словами увлекающего к соблазну мы редко вспоминаем о змие, о котором говорит Писание: *«змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли»* (Быт. 3,1). И поэтому, подобно Еве, готовы следовать его злему обаянию. Прости нас, Господи, что эта лукавая мудрость приносит нам вред, ибо не сопутствуется добродетелью и не утешает нас, как самая губительная и несущая смерть, язва.

Задумываясь о путях разумения, что его открывает и что его закрывает, необходимо знать, что вера открывает, а неверие закрывает путь разумению.

Прости нас, Господи, что редко об этом задумываемся и верой не находим путь разумения.

Для разумной твари нет блага, могущего ее сделать блаженной, кроме Бога. Ибо ее благо, как сотворенной из ничего, происходит не от нее самой, а от того, кем она сотворена. В соединении с ним – она блаженна, в разлучении от него – несчастна.

Господи, разумная тварь – это мы. И для нас нет блага, могущего сделать нас блаженными кроме Бога. Наше благо, как сотворенных из ничего, происходит не от нас самих, а от Того, Кем мы сотворены. Поэтому в соединении с Ним – мы блаженны, а в разлучении – несчастны. Прости нас, Господи, что мы не ищем блага у Тебя и не домогаемся блаженства в общении с Тобою.

Смерть для благочестивых людей есть наказание за грех. Но для одних смерть – благо, потому что они употребляют ее во благо; для них она конец зол временных и переход к жизни вечной. Ибо как неправда употребляет во зло не только злое, но и благое, так правда обращает во благое не только благое, но и злое.

Ожидание смерти для нас должно стать благом, концом зол временных и переходом к жизни вечной. За нами остается выбор: придерживаться правды или же довольствоваться неправдой, помня при этом, что неправда употребляет во зло не только злое, но и благое. А правда обращает во благое не только благое, но и злое. Имея право выбора, мы, по известным причинам, держимся неправды гораздо чаще, чем правды. Прости нас, Господи, что память о смерти не препровождает нас во благое.

Кто хочет стяжать добродетель, тот прежде должен возненавидеть противное ей зло. Итак, если ты хочешь иметь печаль о Боге и плач, должен возненавидеть суетные радости и смех. Хочешь ли иметь смирение? Возненавидь пресыщение. Хочешь быть милостивым? Возненавидь сребролюбие. Желаете быть целомудренным? Возненавидь сладострастие. Желаящий удерживать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желаящий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит самомнение и тщеславие, возлюбит скорби, тесноту и тогда может служить искренно Богу.

Для нас по-новому звучит подход к деланию добра. Ему должно предшествовать ненависть к противоположному ему злу. Господи, мы каемся, что такого опыта в делании добродетелей мы не имеем и плохо знаем противоположное добродетелям зло, чтобы его возненавидеть. Прости нас, Господи, и умудри работать над собой в этом направлении.

Воля человека тогда истинно свободна, когда не рабствует порокам и грехам. Такая свобода дана человеку Богом, и когда потеряна, то не может быть возвращена никем, кроме Того, Кто даровал ее. Потому-то истина говорит: *«Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете»*.

Господи, мы каемся, что к такой свободе мы стремимся, но ее у нас пока нет. Господи, прости нас и даруй ее нам, ибо кроме Тебя никто этого сделать не сможет.

Пока живет человек на земле, он не может с несомненностью ответить принадлежит ли он к числу спасаемых. Ибо *«один Господь знает сущия Своя»* (2Тим. 2, 19). Мы можем отчасти только судить о том, на пути ли стоим к Царствию Божию или, напротив, далеко от прямого пути. Каким образом? Настоящая жизнь в отношении к будущей – то же, что семя растения по отношению к жатве. Итак, кто здесь не посеет, тот и там не пожнет, кто здесь не положил начала к своему спасению, не сделал себя способным ко вступлению в Царство Небесное, тот и там останется вне Царствия Божия.

Господи, мы верим, что мы Твои, и Ты знаешь нашу сущность. Ты учишь нас воспринимать настоящую жизнь по отношению к будущей так же, как семя растения относится к жатве. Мы здесь не сеем, и там жать будет нечего. Господи, мы виноваты, что не продумываем зависимость нашей жизни будущей от настоящей и не готовим себя к вступлению в Твое, Боже, Царство. Прости нас, Господи, за нашу халатность.

Гражданами земными рождает нас природа, зараженная грехом, и мы становимся сосудами гнева Божия. Гражданами же Отечества Небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха, и делает нас сосудами милосердия.

Господи, Ты открываешь перед нами две возможности: быть гражданами земли и гражданами Отечества Небесного. Господи,

прости нас, что мы больше держимся за природу, зараженную грехом, нежели за благодать и не дорастаем до того, чтобы быть сосудами Твоего, Господи, милосердия.

Самая труднейшая добродетель – непрестанно молиться Богу. Когда только захочет человек молиться Богу, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто им так не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы не предпринял человек, после усиленного труда получает упокоение, а молитва, хотя и доставляет по временам небесные и святые утешения, но до последней минуты жизни христианина требует от него бдительности. Чтоб неослабно иметь побуждение к молитве, христианин должен непрестанно внимать себе и обличать душу свою, говоря: увы мне! Как я предстану на суд Христов, и чем буду оправдываться пред Ним? Если всегда будешь размышлять так, можешь спастись.

Непрестанно молиться Богу – самая труднейшая добродетель. Как только мы захотим молиться Богу, враги стараются отвлечь нас от нее, ибо знают, что ничто им так не противодействует, как молитва к Богу. Враги то знают, а мы очень часто об этом забываем и относимся к молитве как к общей добродетели. Прости нас, Господи, за забывчивость и нерадение к непрестанному подвигу молитвы. Господи, водрузи в нашем сердце побуждение к молитве через непрестанное внимание себе и обличение нашей души напоминанием: увы нам! Как предстанем на Суд Твой, Христе, и чем будем оправдываться пред Тобою. И помоги, чтобы такое спасительное размышление не покидало нас и работало на наше спасение.

10. Желание не уклоняться от исправления

Последняя цель скорбей, посылаемых Богом, состоит в том, чтобы в яснейшем свете представить небесное блаженство, дать глубже почувствовать беспредельность милосердия Божия и премудрость Божественного Промышления. Кто после этого без благодушия не будет переносить кратковременные страдания, которые ведут за собой столь спасительные действия? Кто не скажет с Апостолом: *«недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас»* (Рим. 8, 18)? *«Еже бо ныне легкое печали наша по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает видимая бо временна, невидимая же вечна»* (2Кор. 4, 17. 18).

Господи, мы редко задумываемся о последней цели посылаемых Тобою скорбей. А она, эта цель, состоит в том, чтобы в яснейшем свете представлять себе небесное блаженство, дать почувствовать беспредельность Твоего, Боже, милосердия и премудрость Божественного Промышления. И не только представить, но и захотеть благодушно переносить кратковременные страдания, которые ведут за собой столь спасительные действия. «Думаю, – говорит Апостол, – что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18). «Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор. 4, 17. 18). Господи, прости нас, что и задумываемся редко о цели скорбей, и представляем себе небесное блаженство неясно, и благодушно ради него переносить кратковременные страдания не умеем. Прости, Господи, что не ждем откровения в себе той славы, которая ныне еще невидима, но потом, в вечности откроется в преизбытке.

Видя злых людей, не должно о них отчаиваться, а должно прилежнее о них молиться, чтобы они сделались добрыми. Число святых всегда умножается от числа грешных.

Господи, какое замечательное наблюдение: число святых всегда умножается от числа грешных. Прости, Господи, что видя злых людей, мы о них отчаиваемся и прилежно не молимся, чтобы они стали добрыми.

Ищущий мира от Бога должен быть мирен с самим собой, да не будет у него одно исповедание в исповедании уст, а другое в тайне сердца. Ибо нет пользы в том, чтобы в сердце содержать истину, а устами говорить ложь. Не только надо верить истине, но и говорить истину.

Господи, прости, что мы не ищем мира у Тебя, нашего Спасителя, и не заботимся о мире с самими собой. У нас наблюдается разночтение: одно исповедание в исповедании уст, другое в тайне сердца. Мы верим в истину, но не всегда говорим истину. Прости нас, Господи, за это.

Есть три подвига, которые многоценны пред Богом: во-первых, когда человек, падши в напасть и подвергаясь другим искушениям, принимает их с благодарением; во-вторых, когда кто старается, чтобы все дела его были сокровенны от людей и чисты пред Богом и не иметь суетных побуждений; в-третьих, когда кто пребывает в послушании своему духовному отцу и отказывается от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих.

Господи, эти три подвига, многоценные пред Тобой, должны стать предметами нашего изучения и практического их исполнения. Господи, мы с благодарением не переносим искушений, Тобой посылаемых нам; мы не стараемся сокровенно от людей и чисто пред Тобою делать дела свои; мы не пребываем в послушании своему духовному отцу и не отказываемся от всех своих желаний. Прости нас, Господи, за невнимание к этим спасительным подвигам.

Нет более тяжелой казни, чем казнь порочной совести, которая, не имея в себе Бога, не имеет и утешения. Для этого и нужно призывать Избавителя, чтобы, когда скорби возбудят нас к покаянию посредством сознания, получить нам прощение.

Господи, прости нас за порочную совесть, не ощущающую в себе Твоего присутствия, и не умеющую призывать себе в

помощь Тебя, Избавителя нашего, чтобы получить от Тебя прощение.

Никогда нам не следует быть беспечными, и в счастье тем более, потому что беспечность для души опаснее нежели бедствие для тела; счастье, нанеся вред человеку, отнимает у него силу для перенесения испытаний.

Господи, прости нас за то, что в счастье мы бываем беспечными. И не замечаем, что беспечность для души опаснее, нежели бедствие для тела. Прости нас, Господи, и научи видеть вред, который наносит нам счастье, отнимая у нас порой силу для перенесения испытаний.

Объядения и пьянства должно всячески блюстись, ибо они суть начало и корень блуду и нечистоте, ходатаи и приготовители вечной муки, от них тяжесть души, помрачение ума, воспаление плотской похоти, возгорание гнева, удобный приступ к нам бесу, а божественной любви отчуждение. Напротив, жизнь воздержанная и трезвая есть рай еще на земле, тогда как растленная и греховная есть величайшее томление души и ад на земле.

Господи, прости нас, что не блюдемся от объявления и пьянства и тем привлекаем в свою жизнь томление души и ад на земле. Пошли нам, Господи, жизнь воздержанную и трезвую, ибо она есть рай уже на земле.

Во всяком деле, и в деле спасения одной добродетели недостаточно. Каждый да возьмет крест свой, то есть крест, сообразный со своей духовной нуждой и со своим нравственным состоянием. Каждый должен исправить или умертвить в себе или волю тщетную, погруженную в земные расчеты, или ум кичливый и высокомерный. Тогда и только тогда он может истинно последовать Господу и, не соблазняясь Крестом Христовым, видеть во Христе Распятом Божию силу и Божию премудрость.

Господи, Ты даешь нам через Преподобного отца возможность обратить внимание на правильность добродетели. Господи, прости нас, что при добродетели мы не берем креста, сообразного с нашей духовной нуждой и нравственным состоянием. Прости, Господи, и за отсутствие

желания исправлять тщетную, погруженную в земные расчеты волю и умерщвлять свой кичливый и высокомерный ум. Сподоби, Господи, истинно последовать за Тобой и видеть в Тебе, Христе Распятом, Божию силу и Божию Премудрость.

Конец для верных – Христос. Кто к Нему направил все свое сердце, тот не имеет более предметов для искания, ему нужно только не уклоняться от своего направления.

Господи, это ценное наблюдение напоминает нам, что мы должны быть верными, и в своей верности иметь сердце, направленное ко Христу. А признаком верности иметь желание не уклоняться от исправления. Мы же верность свою не приносим Богу, уклоняясь от исправления. Прости нас, Господи.

Когда с верой молимся о нуждах житейских, то молитву нашу Бог и не исполняет по милосердию: что полезно больному то лучше знает врач, нежели больной. Если просим того, что Бог Сам предписывает и обещает, то непременно будет. Любовь получает то, что готовит истина.

Господи, бывает и у нас, что просим о делах житейских, но не получаем. В этом случае мы больше склонны обижаться на Тебя, нежели считать невыполнение делом Твоего милосердия. Ведь врач лучше знает, что нужно больному, нежели сам больной. Прости нас, Господи, за недопонимание Твоего милосердия. Для нас лучше просить у Тебя того, что Ты, Господи, Сам предписываешь нам и обещаешь. А мы будем верить: любовь получает то, что готовит истина.

Совершенство не достигается без искушений, и никто не познает самого себя, если не подвергнется испытанию. Не увенчивается, кто не победит; не победит, если не будет сражаться, и кто сражается, если не имеет врага и не противостоянет искушению.

Господи, нам думается, что мы можем жить без искушений, а именно они помогают нам достигать совершенства. И самих себя мы можем познать только подвергая себя испытаниям. Прости нас, Господи, за то, что мы избегаем испытаний и не видим явной от них пользы при познании самих себя. Господи, прости нас, что борьба с врагом нашего спасения у нас проявляется весьма слабо.

Два рода любви производят два рода гражданства в целом мире: любовь к Богу делает нас гражданами Иерусалима, любовь к миру – гражданами Вавилона. Спроси же сам себя: что ты любишь? – и узнаешь, чей ты гражданин.

Господи, у нас нет обычая уточнять свое гражданство, исходя из преобладания в нас любви к Богу или же к миру. Прости нас, Господи, что в нас чаще преобладает любовь к миру и его интересам, и ею мы подтверждаем свое гражданство в Вавилоне. Прости нас.

11. Благожелания праведника

Всякая заповедь Божия легка для любящего. Легкость ига Христова тем именно объясняется, что Господь подает Духа Святого, Который изливает любовь в наши сердца, да с нею охотно исполняем волю Божию. Кто исполняет эту волю по одному страху, тот поступает как раб, и тот не друг правды, кто желал бы не быть обязанным повиноваться ей.

Господи, мы каемся, что еще не любим выполнять Твои заповеди, и делание их для нас не воспринимается как легкое иго. Наше сердце не испытывает жажды по Духу Святому, изливающему в наши сердца любовь. Прости нас, Господи, что без полученной от Духа Святого любви пытаемся исполнять Твои заповеди. Прости и за то, что только по страху хотим выполнить волю Твою, что не становимся друзьями Твоей правды, отказывая себе в обязанности повиноваться ей.

Добрыми называются только те дела, которые производятся верой и любовью вместе: одна без другой не рождает плода истинного.

Господи, прости нас, ибо мы не склонны бываем замечать в наших делах, которые должны стать у нас добрыми, наличие веры и любви одновременно. Прости нас за это. Прости, что из-за отсутствия этого одновременного проявления веры и любви, наши «добрые» дела не приносят нам плода истинного.

Глубина грехов тогда заключает в себе человека, когда он не только погружается в них, но еще старается извинять их и теряет самое сознание своей вины.

Господи, наши грехи часто затягивают нас в свою глубину, и мы погружаемся в них. При этом мы стараемся извинить их, и даже теряем самое сознание своей вины. Прости нас, Господи.

Богатые христиане, если они христиане истинные, совершенно бедны, потому что в сравнении с благами небесными, почитают все свое золото прахом, и то не составляет их богатства, чем они нисколько не увеселяются.

Господи, мы не научились еще свои богатства сравнивать с благами небесными и почитать свое золото прахом. Прости нас.

И еще нам надо стяжать убеждение, что то, чем наша душа увеселяется – не составляет нашего богатства. Прости нас, Господи, и помоги нам такое убеждение приобрести.

Всякая жизнь – двояка: телесная и душевная. Как жизнь тела – душа, так жизнь души – Бог, и как тело, разлучаясь с душой, умирает, так и душа умирает, когда оставляет ее Бог.

Наша жизнь, Господи, имеет две составляющих: тело и душу. Жизнь тела – в душе, жизнь души – в Боге. Тело, разлученное с душой, умирает, и душа, когда оставляет ее Бог, умирает. Знание этого жизненного положения важно для нас, и горе нам, когда Бог оставляет душу. Прости нас, Господи, что и по телу, и по душе имеем себя полумертвыми. Не оставляй нас, Господи, Своим участием в нашей жизни, чтобы жива была душа наша, потому что Ты жив и спасаешь нас.

Разумная душа должна возвышаться к тому, что есть самого лучшего в природе духовной, и тогда она будет мудрствовать горняя, а не земная.

Господи, Ты дал нам душу разумную, способную возвышаться к тому, что есть лучшего в природе духовной, и мудрствовать горняя, а не земная. Мы этим даром Твоим не умеем пользоваться: не возвышаемся до лучшего в природе духовной и не умеем мудрствовать о горнем, думая преимущественно о земном. Прости нас, Господи.

Наша жизнь есть море, постоянно воздвигаемое бурей напастей, страстей и соблазнов; продолжение жизни – непрерывное плавание, ежеминутно сопряженное с великими опасностями. Опасность в плавании по ней производят ветры искушений, внезапные приключения. Много путей в многобедственной жизни этой, и на каждом встречаются свои скорби; на пути добра нужна борьба со злом. Утешительно для нас то, что Бог не попустит нам искушения сверх наших сил, но дарует нам помощь, чтобы искушения мы могли перенести.

Прости нас, Господи, что мы не смотрим на свою жизнь как на море и не готовим себя к тем опасностям, которые на море всегда встречаются, и живем так, будто их и вовсе не существует. А в многобедственной жизни этой много путей и на каждом нас встречают свои скорби, и на пути добра нам

необходима борьба со злом. Господи, прости, что мы не готовы к борьбе со злом и часто им побеждаемся. Господи, утешь нас, не попусти нам искушения сверх наших сил, даруй нам Свою благодатную помощь, чтобы мы смогли перенести находящиеся на нас искушения с помощью Твоей благодатной силы.

Свойство смиренных – не хвалиться знанием: они почитают истину, как и свет, общим достоянием всех.

Господи, это свойство смиренных – не хвалиться знанием – не стало ещё достоянием нашей жизни. Прости нас, Господи, и помоги почитать истину, как и свет, общим достоянием всех.

Благожелание, а не зложелание являет праведник, когда радуется отмщению, постигнутому нечестивых. Его радует при этом не гибель грешника, коему желает он исправления, а правда Божия, о которой уверен, что она может обратить многих.

Господи, при стремлении быть благочестивыми нам придется столкнуться с фактом отмщения, постигающего нечестивых. И мы должны быть уверены, что благожелание, а не зложелание будет причиной нашей радости по поводу их отмщения. Нас должна будет радовать не гибель грешника, которому мы желаем исправления, а правда Божия, которая, верим, может обратить многих. Господи, прости нас, что не имеем благожелания в тех случаях радости, но подпускаем проникновение в нее (радость) неких капель «дегтя», именуемых зложеланием.

Ко всякому доброму делу приводит любовь к Богу и страх Божий, ко всякому греху приводит любовь и страх мира. Итак, для того, чтобы делать добро и уклоняться от зла, нужно различать, что должно любить и чего не должно любить и бояться.

Господи, и у нас достоянием разума должно стать убеждение: к доброму делу приводит любовь к Богу и страх Божий, а ко греху – любовь и страх мира. Господи, и мы должны любить добро и уклоняться от зла и в этом уклонении от зла различать, что должно любить и чего не нужно любить и делать. Прости нас, Господи, за отсутствие различения добра от зла по признаку любви и страха.

Человек, стяжавший истинное раскаяние, говорит мало, действует решительно. Придя в чувство, он спешит изменить к лучшему свою жизнь, в уверенности, что настала для него минута спасения. Волнуемый сильными размышлениями о превратностях мира и переменах своей прежней жизни, он изыскивает уединенное место, где бы мог свободно беседовать с собой и проливать обильные потоки слез. Не могши более владеть своей печалью, при воспоминании прежних своих дел, он преклоняет чело свое к земле и не смеет возвести взоров к небесам, откуда, впрочем, ожидает помощи и избавления: он часто из глубины сердца воздыхает ко Господу, прося у Него помощи к укреплению в добродетели.

Господи, раскаяние в грехах – необходимое условие для изменения нашей жизни на лучшее. Преподобный Вонифатий указывает нам целую цепочку действий, которые помогают нам из глубины сердца воздыхать ко Господу, прося у Него помощи для укрепления в доброделании. Господи, прости нас, что не освоены нами последовательные действия, приводящие нас к искреннему раскаянию. К сожалению, мы в этой последовательности не сильны и подобные навыки в себе не воспитываем. Прости нас, Господи.

12. Возрождение праведных от веры и благодати Божией

Всякий лжец желает скрыть истину, но не всякий, желающий скрыть истину, есть лжец. Часто скрывают истину не обманом, а одним молчанием. Так поступил и Господь, когда сказал: *«Еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне»* (Ин. 16. 12).

Господи, есть две формы отношения к истине: скрывать истину обманом или же молчанием. Скрывающий истину обманом есть лжец, а скрывающий умолчанием делает это мудро, учитывая возможности восприятия ее другими людьми. Господи, мы недостаточно хорошо умеем пользоваться умолчанием истины, задумываясь о возможностях человека вместить ее в данное время. Прости нас. И еще мы часто скрываем истину обманом, говоря ложь. Прости нас, Господи, за столь недостойное поведение.

Заповедь Божия, если исполняется по страху наказания, а не по любви к правде, исполняется рабски, неохотно, а потому как бы не исполняется. Ибо не может быть плода доброго в том, что произрастает не от корня любви.

Господи, мы не рассматриваем заповеди Твои с точки зрения любви к правде Божией и потому не видим плодов добрых в том, что произрастает в нас не от корня любви. Прости нас, Господи, за отсутствие любви к Твоей правде.

Похвала вере состоит в том, что она верует невидимому; награда ей будет тогда, когда верующие получают то, чему веровали.

Господи, когда мы верим невидимому (например, присутствию Господа в храме), то этим мы творим похвалу вере. И награда ей будет тогда, когда мы получаем то, чему верим. К нашему сожалению, мы не всегда так веруем, и не готовимся получить то, чему верим. Прости нас, Господи.

Всякого грешника не должно любить как грешника, но должно любить как человека, и любить для Бога. Бога же нужно

любить для Него Самого, от Которого все любящие Его имеют все – и то, что существуют, и то, что любят Его.

Господи, нам не позволено любить грешника как грешника. Нам велено любить его как человека, предназначенного жить в общении с Богом, для Бога. А Бога любить для Него Самого, ибо от Него мы имеем все – и то, что существуем, и то, что любим Его. Мы же еще не научены так думать и так поступать. Прости нас, Господи.

Слова: *«Аз есмь путь, истина и живот»* значат: чрез Меня, сказал Иисус Христос, приходят ко Мне, приходят и во Мне пребывают. Ибо, когда к Нему приходим, приходим и к Отцу, познаем посредством равного Того, кому Он равен, и связуемся Духом Святым, да вечно пребудем в соединении с верховным и неизменным благом.

Христос для нас «путь, истина и жизнь». Это значит, что мы через Него приходим к Нему, приходим и в Нем пребываем. Когда мы приходим к Нему, приходим и к Отцу и познаем посредством равного Того, кому Он равен, и связуемся Духом Святым да вечно пребудем в соединении с верховным и неизменным благом. Господи, мы еще не умеем приходить ко Христу, чтобы через Тебя придти ко Отцу и быть связанным Духом Святым. Прости нас за это и соедини нас с верховным и неизменным благом.

Не должно смущаться, когда видим, что праведник тяжело и незаслуженно страдает. Вспомним, что пострадал Праведник праведников и Святой святых. Его страдания выше всех страданий, потому что нет никакого сравнения между тварью и Творцом ее.

Господи, бывают и у нас случаи, когда мы по этому поводу смущаемся. Прости нас, Господи.

Напрасно раздавать имение нищим, если в сердце нет любви, которая *«вся уповает, вся терпит, не превозносится, не завидует, не ищет своих и не бесчинствует»* (1Кор. 13, 7, 4, 5). Без исправления нравов щедроты наши сами собой не могут спасти нас. Милостыня очищает грехи, в коих мы раскаялись, но не оправдывает тех, в коих упорно каменеем. Она есть долг наш, но не единственный долг, и хотя не

исполнять его – значит нарушать закон в самом его основании, однако же, исполнив его, мы обязаны сохранять и другие заповеди закона.

Господи, наше желание раздавать свое имущество нищим не будет иметь ценности, если в нашем сердце не будет любви. А любовь выражается в том, что она «всего надеется, все переносит», «любовь не завидует, не превозносится, не ищет своего и не бесчинствует». Господи, прости нас, что оказывая милосердие ближним, мы явных признаков любви в себе не отыскиваем: и надежда у нас слаба, мы не готовы все невзгоды, связанные с раздачей имущества, переносить терпеливо; при этом мы склонны бываем завидовать, бесчинствовать, превозноситься, искать своего. Прости нас, Господи, что, милосердствуя, мы не исправляем своих нравов, и наши щедроты не идут на пользу нам – не спасают нас. Ведь милостыня очищает грехи, в которых мы каемся, но не оправдывает тех, в которых упорно каменеет. Господи, прости нас за подобную узость взглядов, ведущую к неисполнению и других заповедей закона.

Многие жалуются на этот мир оттого, что мир этот исполнен сетей и все, что ни окружает нас, ополчается совокупно с растленной природой нашей против нас: богатство развращает нравы, бедность выводит из терпения, счастье надмевается, бездействие нежит, несчастье крушит, знание напыщает, невежество сдруживается с заблуждением, здравие поддерживает страсти, немощи наклоняют к нечувствительности или ропоту, словом, все, что ни есть в нас или окрест нас, становится для грешного человека сетью и камнем преткновения. Одна надежда остается ко спасению человека простирать вопль ко Престолу Всемилосердного Бога, да благоволит Сам прийти на помощь нашу, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи, управить на победу духовную борьбу и восстановить от падения.

Господи, нам известно, что этот мир исполнен сетями и все, что окружает нас, ополчается совокупно с растленной природой нашей против нас. Прости нас, Господи, что все время мы попадаем то в сети, то спотыкаемся о камни. Пусть наша

надежда на спасение облечется в вопль, простирающийся к Твоему, Всемилосердный Боже, Престолу. Благоволи Сам придти на помощь нам, обуздай неукротимые страсти, озари светом Твоего богоразумия наше невежество, укрепи нас в немощи, управь к победе духовную борьбу и восставь нас от падения.

Награда дается по заслуге добрым делам после того, как они совершаются, а благодать не по заслуге и дается прежде дел добрых для того, чтобы они совершились.

Господи, мы в своей жизни больше рассчитываем на награды, а даром благодати пренебрегаем, потому-то и дела добрые у нас не совершаются. Прости нас, Господи.

Суды Божии нельзя сравнивать с судами человеческими. Не должно сомневаться в том, что Бог справедлив и тогда, когда какое-либо дело кажется несправедливым.

Господи, у нас есть склонность сравнивать Твои суды с нашим собственным суждением, хотя этого и не следует делать. Прости нас за это. И отгони от нас сомнение в том, что Ты, Господи, справедлив и тогда, когда какое-либо дело покажется нам несправедливым.

Нам следует знать, что праведный рождается от Бога, а не от людей. Ибо праведным он бывает не по рождению, а по возрождению. Поэтому возрожденные и называются сынами Божиими.

Господи, мы верим, что праведные рождаются от Тебя, а не от людей. Праведными мы становимся по возрождению, а не по рождению. Прости нас, Господи, что не подвигаемся «до крови», чтобы возродиться от Тебя и стать сынами Твоими по благодати.

Праведный суд Божий состоит и в том, что каждый погибает от своего греха, потому что Бог греха не сотворил. Не сотворил Он и смерти, однако достойных смерти умерщвляет. Противоречия здесь нет, если будем различать суды Божии от дел Божих. Ибо иное в сотворении не предопределить к смерти, иное по суду казнить преступника.

Господи, праведен суд Твой, когда мы погибаем от своего греха, ибо Ты греха не сотворил. Прости нас за грех. Прости

нас, что еще не различаем Твои суды от дел Твоих.

13. Способность к вере и любви и само дело любви и веры

Отягощение души телом – не от Бога. Бог сотворил весь мир и все тела; но то, что тело тленное отягощает душу и плоть похотствует на дух, не от Него: это не первоначальное свойство природы человеческой, а следствие и казнь греха.

Господи, мы постоянно соприкасаемся с этим свойством греха, когда тело отягощает душу и плоть похотствует на дух. Господи, мы до конца не вдумываемся в то, что это не от Тебя, а это грех тяготеет на нас. Прости нас, Господи.

Родители не могут упразднить прирожденный грех, но некоторые прирожденный грех отягчают, некоторые облегчают. Но никто не отъемлет его, кроме Того, о Ком сказано: *«Се Агнец Божий, взявляй грехи мира»* (Ин. 1, 29). Тот, Кто может произвести всякое благо, может и упразднить всякое зло.

Прости нас, Господи, что хотим своими силами побороть грех, и в результате либо отягчаем, либо несколько облегчаем, но не упраздняем его. Господи, возьми наше тяжкое бремя греховное, насади в нашем сердце благо и упраздни всякое зло.

По свойству человеческой природы мы можем иметь способности к вере и способность к любви. А иметь самую веру как и самую любовь – дело благодати в верующих.

Господи, иметь способности к вере и к любви еще не значит иметь самую веру и самую любовь. Они – дело благодати в нас. Мы же, смешивая свои способности с обладанием верой и любовью, не взываем к благодати Божией, чтобы она наделила нас этими спасительными качествами. Прости нас, Господи, за допускаемую путаницу.

Велика и вредоносна сила славолубия! Ее чувствует тот, кто сражается с этой страстью. Ибо легко не желать похвал, когда они не даются, но трудно не находить в них удовольствия, когда предлагаются.

Господи, мы мало сражаемся с силой славолубия и потому и похвал желаем, когда они не даются, и находим в них

удовольствия, когда предлагаются. Прости нас, Господи, падких на похвалы.

Все блага мира презирает тот, кто презирает не только все, что мог, но и все, что хотел иметь. Впрочем, здесь нужна осторожность, чтобы не вкралась в душу гордость. Лучше удерживать земные блага со смирением, нежели оставлять их с гордостью.

Господи, презрение всех благ мира для нас – высокая материя. Мы не умеем презирать их ни в наших возможностях, ни в желаниях. Прости нас, Господи, что нет у нас смирения при удержании земных благ, а если хочется от них отказаться, то часто делаем это с гордостью.

Иногда гнев превращается в ненависть. Кто, гневаясь, не почитает своего гнева справедливым? Почему нужно от всех неприязненных чувствований скоро возвращаться к чувствованиям кротким; ибо если не скоро прощаем что-либо другому, то упорное негодование против него обращается в ненависть.

Часто гневаясь, мы почитаем свой гнев справедливым и не скоро прощаем что-либо другому. Прости нас, Господи. И помоги, Господи, от всех неприязненных чувствований скоро возвращаться к переживаниям и чувствам кротким. Помоги нам уяснить себе, что упорное негодование против ближнего обращается в ненависть к нему. Прости нас, Господи, что имеем по временам упорное негодование к ближним, готовое перерасти в ненависть.

Одним из великих грехов является лицемерие. И это потому, что лицемерие глаголет *«мир с ближними своими»*, но в сердце его зло» (Пс. 27, 3). Часто приветствует гласом ангельским, объемлет отверстыми объятиями, лобзает, являет готовность к услугам и дружбу; но тогда же направляет "лук", уготовляет *«стрелы, состреляти во мраце правых сердцем»* (Пс. 10, 2), и точно пускает эти стрелы! «Лучше меч поражающего врага, нежели язык льстивого», – сказал некто из отцов. Врага можно избежать, а от лести лицемера кто удобно может избавиться? Ибо когда лобзает, тогда продает, когда услуживает, тогда погубляет и разоряет; когда хвалит

совершенства, тогда, как злое насекомое, умножает раны, громко проповедует слабости и падения ближнего и видит всякий сучец в глазе брата своего. Великий и язвительный грех есть лицемерие!

Господи, прости нас, что поддаемся приражениям лицемерия и ведем себя как настоящие лицемеры. Мы готовы бываем приветствовать наших ближних гласом ангельским, заключать других в свои открытые объятия, целовать, являя готовность к услугам и к дружбе; но тогда же можем направить «лук» и готовить стрелы, чтобы стрелять во мраке ночи в правых сердцем. Прости нас, Господи, за то, что поддаемся урокам лицемерия и наполняем наше сердце коварством: когда целуем, тогда и продать можем; когда услуживаем, тогда и губить и разорять можем; когда хвалим совершенства, тогда, как злое насекомое, умножать раны можем, громко проповедуем слабости и падения ближнего и видим сучец в глазе брата нашего. Господи, прости нас за язвительность греха лицемерия, действующего в нас.

Случалось, что лучшим праведникам божественные ведения были открываемы во сне. Такие сны имели ясный признак откровения свыше, ибо сопровождались явлением Ангелов или святых угодников и даже самого Христа. Но вообще в сновидениях должно остерегаться, чтобы через них не впасть в самообольщение, ибо через веру снам многие прельстились. Верующий снам подобен бегущему за своей тенью и покушающемуся схватить ее, а никакому мечтательному сну не верующий имеет истинное любомудрие.

Господи, мы без должной осторожности относимся к своим сновидениям и поэтому через них впадаем в самообольщение. Прости нас, Господи, что, веря сновидениям, мы пытаемся догнать свою тень и схватить ее. Помоги нам не верить своим снам, чтобы не оставило нас истинное любомудрие.

Родители имеют перед своими детьми обязанности. Апостол Павел говорит о них родителям: *«отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни»* (Еф. 6, 4). Вот сокращение всех обязанностей

родительских: воспитание детей в наказании, то есть в наставлении и учении Господнем.

Господи, мы плохо знаем и исполняем эти родительские обязанности – воспитывать детей в наставлении и учении Господа. Прости нас, Господи, за оставление этих обязанностей.

Сам от себя человек имеет только ложь и грех. Если он имеет истину и правду, то это из того источника, которого должно нам жаждать в этой пустыне, да орошаемся его струями и не ослабеваем на пути.

Господи, нам необходимо помнить, что сами по себе мы ложь и грех. И чтобы иметь истину и правду, нам пить ее можно и должно лишь из источника, которым является Христос. Господи, прости нас, что мы об этом забываем и из источника этого не жаждем пить истину и правду, орошаться его струями и не ослабевать на пути.

Душа может стать храмом Божиим, если мы будем искать в себе особенного и святого места для молитвы, очистим свое внутреннее и, изгнав оттуда всякое злое пожелание, уготовим себе в тишине сердца клеть. И когда в храме будем молиться, будем молиться в себе самих. Поступая так всегда, мы сами станем храмом Божиим. Ибо Бог там внимает молитвам, где обитает.

Господи, прости нас: мы за подобную подготовку своей души не проливаем кровь, чтобы принять дух молитвы. И в храме, совершая молитву, мы не молимся в себе самих, забывая, что Бог там внимает молитвам, где обитает. Прости нас, Господи, что с небрежением относимся к делу молитвы и не получается у нас стать Твоими, Боже, храмами.

Христианские обязанности нам предписывает высочайший Законодатель, Источник правды и всех законов, Всесвятое, вечное и бесконечно великое Существо. Ему мы обязаны всем, что имеем, – и бытием, и жизнью, и всеми благами жизни. Ему мы обязаны и пакибытием, новой жизнью, то есть обновлением и восстановлением нашей падшей природы. Словом, – это Бог, Всесвятая Троица – Отец, Сын и Святой Дух предписывает нам христианские обязанности.

Господи, забывая об этом важном установлении Законодателя и Бога нашего, мы бываем готовы к отказу от христианских обязанностей и тем вступаем в разлад с Богом и Его законами. Прости нас, Господи, что все от Тебя имеем, и бытие, и жизнь, и все блага, а повиноваться Твоим законам не хотим.

14. Обретение на путях спасения волццов и терний

Первоначальной причиной всех несчастий являются грехи. За грехи посылаются печали, за грехи беспокойства, за грехи страдания. И все ныне приключающиеся нам неудобоцелимые болезни первоначально произошли от греха. Бог, полагая жене за преступление наказание, сказал ей: *«в болезнях родиши чада»* (Быт. 3, 16), и болезнь оказалась плодом греха. Но как рождающийся от дерева червь съедает само дерево, так и печаль, от греха рожденная, потребляет грех, если приносится при покаянии. *«Печаль, яже по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделывает»* (2Кор. 7, 10).

Господи, конечно же, мы слышали и знаем, что причиной всех несчастий являются грехи. За грехи посылаются печали, беспокойства, страдания, неудобоцелимые болезни. Подвергаясь этим посещениям Твоим, мы не доискиваемся какого рода грех лег в основание наших страданий. На страдания жалуемся, а с грехом не боремся. Прости нас, Господи, что печаль, рождающаяся от греха, не приносится нами при покаянии. Червь, рождающийся от дерева, может съесть само дерево. Так и печаль, рожденная грехом, может его уничтожить, если входит в состав покаянного процесса. *«Печаль, яже по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделывает»* (2Кор. 7, 10), – говорит Апостол. Господи, пусть же печаль ради Тебя оздоравливает нас во всех несчастьях!

Нет на земле совершенного счастья, ибо здесь не время утешения, но скорби. Высокий сан имеет свой труд и лишения, простое звание – особенные печали и неудобства, мир – свои прихоти, уединение – свою горесть и скуку, брачное состояние – свои утраты и заботы, дружество – свои неприятности и вероломство, благочестие – свои горести. По уставу, неизбежному для чад Адамовых, всяк обретает на своем пути волчец и терние. Тысячи случаев убеждают нас, что блаженству нашему на земле всегда многого и многого недостает.

Господи, современный человек больше ищет утешений, а скорбеть не желает. Это касается и нас. Мы ищем счастья в

развлечениях, но забываем, что скорбь таится за каждым поворотом нашего пути и все время дает о себе знать волчками и тернием. Мы же, Господи, часто бываем не готовы встречать скорби и неприятности и даже готовы ими возмущаться. Прости нас.

По заповеди Божией мы должны любить Бога всеми силами души, а потому действия и проявление этой любви должны быть в уме, в воле, и в сердце души нашей, как главных способностях ее. Все эти силы да покоряются Господу Богу, всегда благоговеют пред Ним, да служат и поклоняются Ему.

Господи, если пристально за собой смотреть, то обнаруживаем, что действия и проявления этой любви не всегда в уме, в воле и в сердце нашей души. Прости нас, Господи, за теплохладное проявление любви к Тебе и сподоби наши силы покоряться Тебе, благоговеть пред Тобой и поклоняться Тебе.

Зная как спастись, мы по собственному нерадению теряем спасение. Прежде всего и больше всего важно сохранить нам то, что сказал Господь: *«Возлюбиши Господа Бога твоего... всею душею... и искренняго твоего яко сам себе»* (Мф. 22, 37, 39). Вот где спасение – в двойственной любви.

Господи, прости нас за нерадение к нашему спасению. А начинается оно с того, что мы не помним слова Господа о необходимости любить Его всей душой и ближнего как самих себя. Господи, помоги нам помнить, что спасение для нас в этой двойственной любви.

Дым отгоняет пчел, и тогда берут сладость их делания. А излишний телесный покой отгоняет от души страх Божий и губит все благое делание ее.

Господи, прости нас, что у нас есть пристрастие к телесному покою. Им мы отгоняем от души страх Божий и благое ее делание губим.

При искушении блудным помыслом молчи, бди, постись, плачь и, может быть, Бог помилует тебя. Ибо кто не трудится здесь, тот будет страдать в неугасимом огне вместе с дьяволом.

Господи, прости нас, что при искушении блудным помыслом мы не прибегаем к молчанию, бдению, плачу, посту. Видимо, мы хотим спастись лежа. А такого не бывает. Прости нас и помоги потрудиться над собой, чтобы Ты, Боже, помиловал нас.

«Много зла приносит нам сребролюбие. От него лихоимство, мщения, вражды, распри. Они простирают свои руки на отцов и братьев, извращают и естественные законы, и Божии заповеди. Как некоторые противные и сильные ветры, некогда вторгнувшись в тихую пучину, возмущают ее до оснований, так что и песок дна смешивается с верхними волнами: так все превращает сребролюбие: корыстолюбец не знает ни одного друга, – и что говорю: друга? он не знает и Бога, потому что от страсти своей сделался как бесноватый» (Златоуст).

Господи, великое зло рождает в нас сребролюбие: это лихоимство, мщения, вражды, распри, которые, простирая свои руки на отцов и братьев, извращают человеческие законы и Божии заповеди. Господи, прости нас, что согрешили в этом пред Тобою. И друзей теряем через эту страсть, и о Тебе, Боге нашем, знать ничего не хотим, и уподобляемся бесноватым. Прости нас, Господи, и помоги Твоей благодатной силой и собственным трудом эту страсть побеждать.

Всем хочется быть богатыми. Но истинное богатство только то, которое обогащает нас добродетелями. Итак, если хочешь быть богатым, возлюби богатство истинное; если ищешь высшей чести, стремись к Царству Небесному; если любишь славу достоинств, поспеши вписаться в горнее служение Ангелов.

Господи, многие из нас стремятся к богатству, но свои стремления не связывают с обогащением добродетелями. Мы еще не полюбили богатство истинное, мы не ищем высшей чести, не возлюбили славу достоинств Твоих. Прости нас, Господи, что не стремимся к Небесному Царству и не спешим вписаться в горнее служение Ангелов.

Богач, когда умрет, ничего не возьмет с собой. Тот с собой берет свои блага, кто раздал их требующим. Ибо все земное таково, что если сбережем его, оно теряется, а если раздаем,

сохраняется. Старайся, чтобы тление, долженствующее погибнуть, изменить на награду, никогда не гибнущую.

Господи, мы еще не научились смотреть на богатство в перспективе вечности. В этой перспективе не те богатства ценятся, которые мы накапливаем, а те, которые раздаем нуждающимся. Прости нас, Господи, что тленное, долженствующее погибнуть, мы не меняем на награды, никогда не гибнущие.

Богат тот, кто в Бога богатеет. Земное, что угодно миру и в нем только остается, также достойно презрения, как и самый мир. Пусть богатство твое почувствуют бедные, наследство поручи Богу, питай Христа, приобрети себе стяжание небесное. Большое наследство – большое искушение, если не употребляется во благо, ибо в нем, кто богаче, тем более должен искупать, а не умножать грехи свои.

Господи, мы не прилагаем усилий и трудов, чтобы богатеть в Тебя. Прости нас, что не презираем угодного миру: богатство наше бедные еще не почувствовали, и делами милосердия мы не приобретаем стяжание небесное. Господи, прости нас, что, имеющимся у нас богатством мы не искупаем, а умножаем грехи свои.

Нам следует знать, что память о Боге отгоняет следующее: многословие, услаждение чем-нибудь, смех, оставление размышления, излишнее попечение о суетности мирской, непамятование о смерти. Все это отгоняет память о Боге. Если заметишь одно из этих зол, спеши исправиться, как усердный раб Божий, и избежишь таким образом всех сетей лукавого.

Господи, мы весьма часто впадаем в одно из этих зол: многословие, услаждение чем-либо, смех, оставление размышлений, излишнее попечение о суетности мирской, непамятование о смерти. Прости нас, Господи, что замечаем в себе какое-либо из этих дел, но не спешим исправиться и потому нам не удастся избежать сетей лукавого.

В нашей жизни мы призваны беречь язык и слух, чтобы не говорить и не слушать пустых речей осудительных, и не слушать их с пристрастием. Не слушай пустого и не будешь вместилищем чужих пороков. Если примешь в себя смердящую

нечистоту речей, то через помышление положишь пятно на молитву твою. Наслушавшись безжалостных поносителей, на всех будешь смотреть косо, подобно глазу, который, насмотревшись прежде на яркий цвет, после защурясь, смотрит на предметы.

Господи, наша беда в том, что мы говорим и слушаем пустые осудительные речи и слушаем их с пристрастием. А слушая пустое, становимся вместилищем чужих пороков. Прости нас, Господи, за бесчестное обогащение этими пороками, за смердящую нечистоту речей, отрицательно влияющих на нашу молитву, и за прищур, с которым мы косо смотрим на людей.

Пока живем в теле, не возносись в сердце своем, как бы совершивший что-нибудь доброе, чтобы враг, нашедши через то доступ к тебе, не вверг тебя в страсть бесчестную.

Господи, прости нас за превозношение в своем сердце из-за того, что как бы совершаем что-нибудь доброе. И сохрани нас от врага, который за превозношение может ввергнуть нас в бесчестную страсть.

15. Развитие нравственной силы самообладания

Видимая природа – это огромная книга, в которой крупными буквами написаны и в живых красках изображены необходимые и первоначальные истины, направляющие нас на путь спасения. Ее могут и должны читать все. Благодетельные явления природы раскрывают и питают чувство любви и благодарности к Господу; явления грозные внушают чувство благоговения и страха к Нему; явления тихие – чувство умиления и молитвенное расположение духа; явления высот, и поразительные, порождают в нас чувство нашей человеческой немощи и бессилия, а потому возбуждают чувство смирения, производят веру и живое упование на Творца вселенной.

Господи, мы невнимательно читаем книгу, именуемую видимой природой, и истины, ею открываемые, не направляют нас на путь спасения так часто, как хотелось бы. Прости нас, Господи. Благодетельные явления природы не раскрывают и не питают в нас любви и благодарности к Тебе, Господу нашему. Явления грозные не внушают нам чувство страха и благоговения к Тебе. Явления тихие не пробуждают чувство умиления и молитвенного расположения духа. Явления поразительных высот не порождают в нас чувство нашей человеческой немощи и бессилия, не возбуждают в нас чувства смирения, не производят веру и живое упование на Творца вселенной. Прости нас, Господи, за скудные отклики нашего сердца на столь впечатлительные явления природы, наставляющие нас ко спасению.

Грешить против своего тела – значит делать то, что весьма вредит его благосостоянию, что заражает его разными, нередко отвратительными болезнями, разрушает его крепость и силу.

Господи, и мы часто согрешаем против своего тела, когда наносим ему вред, разрушая его крепость и силу. Прости нас, Господи, за грехи против нашего тела.

Кто потеряет золото и серебро, то может на его место приобрести другое. Но кто потеряет время в суете жизни своей,

тот не может уже найти его. В час смерти много будет жаловаться таковой, потому что часть его с демонами.

Господи, и мы теряем время в суете своей жизни. Прости нас за столь неприятную потерю, Господи, и помилуй нас в час нашей смерти.

Если стяжешь какие добродетели Благодатью Христовой, не возносись сердцем своим и не говори: такие и такие совершил я добродетели. Но хотя бы ты совершил их все, говори, как раб: я исполнил то, что повелено. Если будешь всегда так помышлять в сердце своем, то Господь пошлет тебе милость от святого жилища Своего и избавит от сетей вражиих.

Господи, прости нас, что мы непрестанно «якаем» и не говорим, как нам повелевает Твоя правда. Расположи наше сердце помышлять по написанному в Евангелии и пошли Свою милость нам, избавляя от сетей вражиих.

Фимиам кадильный издревле служил изображением молитв, воссылаемых нами Богу, и пламенного желания, чтобы они взошли пред Него так, как возвышается горé дым кадильный. Еще святой пророк Давид желал, чтобы молитва его возносилась пред Бога с легкостью дыма благовонного: *«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою»* (Пс. 140, 2). То же значение кадила повторяется в богослужении Православной Церкви. *«Кадило Тебе, Христе Боже, приносим в воню благоухания, – говорит священник, благословляя кадило, – еже прием в пренебесный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать всесвятого Твоего Духа»*. Сообразно с этим знаменованием Церковь наша употребляет каждение фимиамом и при частных своих молитвах.

Фимиам кадильный да будет и нам напоминанием о молитвах наших, возносимых к Богу и о пламенном желании, чтобы они взошли пред Него так, как возвышается горé кадильный дым. Господи, прости нас, что кадильный дым не всегда является нам напоминанием о пламенности наших молитв с желанием, чтобы они достигли престола Божия.

Молиться всегда и непрестанно не то значит, чтобы всегда читать псалмы или молитвы написанные, – это дело невозможное. Ибо всякому христианину надобно делать дело,

по званию своему; так же плоть утружденная требует упокоения сном и прочее. Но значит то, чтобы часто, во всяком начинании о деле, возводить ум, и сердце, и воздыхание к Богу и просить у Него милости, помощи и заступления.

Господи, нам необходимо непрестанно молиться, что значит часто, при всяком начинаемом деле возносить свой ум, и сердце, и воздыхание к Тебе, Богу нашему, и просить у Тебя милости, помощи и заступления. Но мы этому апостольскому слову не следуем, ум, сердце и воздыхание забываем возносить к Тебе и не испрашиваем у Тебя милости, помощи и заступления. Прости нас, Господи.

Непрестанно молиться нам надо потому, что сатана во всякое время со своими духами наветует нам, также плоть всегда похотствует на дух, а этим врагам мы сами противиться не можем. Поэтому должны вооружаться молитвой, стоять и крепиться. Умом и духом можно молиться во всякое время и на всяком месте. Ходишь ли, сидишь ли, лежишь ли, за трапезой ли сидишь или дело делаешь, в народе или в уединении находишься, всегда можешь ум и сердце к Богу возводить и таким образом просить у Него милости: ибо Бог везде и на всяком месте, и везде и всегда, по Своему человеколюбию, готов нас слушать и нам помогать.

Господи, мы находимся в окружении сатаны и злых его духов, которые во всякое время наветуют на нас, да и плоть всегда похотствует на дух. С этими врагами мы справиться сами не можем, хотя ошибочно думаем, что можем. Поэтому мы должны вооружаться молитвой, стоять и крепиться, прося помощи у Тебя. Господи, прости нас, что ничего из этого мы не умеем толково делать. Не умеем ум и сердце возводить к Тебе, Богу нашему, и таким образом просить у Тебя милости, человеколюбия и помощи. Господи, прости нас, с трудом обучающихся церковному деланию.

За неправды родителей страдают дети. В доказательство этого представим пример. «К святому Аммоню, подвижнику египетскому, родители привели больного, находящегося уже при смерти, сына и с глубоким сокрушением о неожиданной потере терзали себе волосы и умоляли святого старца исцелить

умирающего отрока. Они говорили, что сына их укусила бешеная собака, и пособие обыкновенного врачевства оказалось недействительным. Святой Аммоний сказал им: «Сын ваш вовсе не нуждается в исцелении от меня; если согласитесь отдать вола, которого похитили, он тотчас исцелеет». Так и случилось. Как скоро вол был отдан, недуг оставил отрока».

Господи, нам надо знать и крепко помнить, что наши дети могут страдать за грехи родителей. Поэтому при болезни детей необходимо исследовать свои поступки – нет ли в них греха, за который страдают наши дети. Господи, прости нас, что страдания наших детей мы не ставим в зависимость от своих грехов.

Воспитывать малых детей дело не легкое. Замечая в ребенке пробуждающееся чувство и мысль, ему нужно дать угодную христианину пищу. Эта пища заключается преимущественно в религиозных понятиях. Пусть на первом месте ребенку слышится сладчайшее имя Господа Иисуса Христа, пусть первый луч сознания упадет на понятие о Боге, нашем Творце, Вседержителе, Промыслителе и Спасителе; пусть нежное чувство сотрясется ощущением любви к Отцу Небесному, в обширном доме Которого живет он и родители его, из десницы Которого он получает не только все нужное и все приятное для жизни, и в самом начале возникающего разумного бытия дитяти возжегся тот небесный свет, который указал путь истины и добра.

Господи, в нелегком деле воспитания малых детей нам необходимо, как только заметим пробуждающееся в нем чувство и мысль, дать ему пригодную для христианина пищу. Эта пища преимущественно заключается в религиозных понятиях. Господи, прости, что эти понятия мы не прививаем своим детям с раннего возраста и не потрясаем их нежного чувства любовью к Небесному Отцу. Мы не умоляем Бога в самом начале возникающего разумного бытия дитяти возжечь в нем тот небесный свет, который укажет ему путь истины и добра. Прости нас, Господи, за эти опущения в молитве и наставлениях.

Замечая в ребенке своеобразие и своеволие, мы не должны оставлять эти капризы без исправления. Если оставим, то обречем близких сердцу своему на верное несчастье в жизни. Полагай пределы прихоти ребенка, обуздывай стремления его воли, приучай к лишению, нужде, терпению, и ты разовьешь нравственную силу, которая состоит в самообладании и с которой можно быть счастливым среди величайших в жизни злоключений, твердым и несокрушимым среди самых бурных волн жизни.

Господи, когда мы замечаем своеобразие и своеволие у своих детей, то относиться к ним не должны как к капризам, которые можно оставлять без исправления. Прости нас, Господи. Мы не полагаем пределы прихотям своих детей, не обуздываем стремлений их воли, не приучаем к лишениям, нужде, терпению. Прости нас, Господи. И помоги развивать в них нравственную силу, которая состоит в самообладании, ибо только с этой силой можно быть счастливым среди величайших в жизни злоключений.

Недопустимо в жизни христианина пьянство. От него возникают распри и раздоры, отсюда разные пляски и отвратительные кривляния, отсюда происходят прелюбодеяния и убийства. Когда же от опьянения переходят в совершенное бесчувствие, то все мужество оканчивается тем, что их относят в самом омерзительном виде на их ложа, и ты видишь перед собой жалких страдалцев, безотрадно выражающих собой в глазах омрачение, в голове – боль и кружение, во всех членах – дрожание, а в душе отсутствие всякой разумности.

Господи, в жизни каждого из нас случался горький опыт пьянства с вытекающими из него последствиями: распрями и раздорами, плясками и отвратительными кривляниями, а может быть прелюбодеяниями и убийствами. Прости нас, Господи, за унижение в себе богоподобного достоинства.

16. Ежедневное исповедание Богу наших грехов перед сном

На страшном Суде Божиим, кроме дел, будут испытываемы и помыслы: «яко страшен суд Твой, Господи, делом испытываемым и помыслом истязуемым». Вместе с историей жизни нашей раскроются перед нами и пред всеми внутренняя жизнь души нашей. Судия *«приведет тайная тьмы и объявит советы сердечныя»* (1Кор. 4, 5). Это раскрытие внутренней жизни души нашей, это истязание помыслов наших и объявление советов сердечных едва ли не страшнее самого испытания дел.

Господи, мы мало задумываемся о том, что на Страшном Суде Твоем будут испытываемы и помыслы. Тогда раскроется пред нами и пред всеми внутренняя жизнь души. Господи, прости нас, что мы не готовы к истязанию наших помыслов и объявлению пред всеми наших советов сердечных. Мы очень страшимся этого. Господи, помилуй нас по великой Твоей милости.

Пьянство не есть какой-нибудь удобоизвиняемый недостаток, нет, это есть зло положительное, порок весьма пагубный и богомерзкий. Оно тем опаснее, что проникло во все слои общества. Неуважающие заповедей Господних даже не считают его за грех; многие за трапезами своими, по ложному понятию о дружбе, не стыдятся упрашивать, умолять, заклинать друг друга с тем, чтобы пить им более надлежащего, не понимая, что заставляя ближнего напиться допьяна, они больше причиняют ему зла, убивая душу пьянством, как если бы поразили его тело мечом.

Господи, наше отношение к пьянству должно стать принципиально отрицательным, ибо оно есть зло положительное, порок пагубный и богомерзкий. Господи, прости нас, что мы такой отрицательной позиции в себе не создаем. А причина этому – неуважение к заповедям Господним, из-за которого мы пьянство даже за грех не считаем. Поэтому за трапезами, по ложному понятию о дружбе, провоцируем друг

друга пить более надлежащего и тем приносим ближнему зло, убивая душу пьянством. Прости нас, Господи, за это.

Мы призваны каждый день исповедовать свои грехи, ибо каждый день грешим пред Богом. Грешникам надлежит каяться каждое мгновение. Святая Церковь, снисходя к нашей слабости, зная нашу многозаботливость в продолжение дня, заповедала нам делать это преимущественно в конце дня перед сном. Ты не хочешь каяться? Не грехи же! Тебе тягостно каяться и однажды в день? Зачем же грешить каждый день, может быть каждый час, каждую минуту? Не хочешь каяться? А что будет с тобой, если нечаянно умрешь во время сна ночного? «Я встану завтра, как встал сегодня». Но так говорили и те скончавшиеся, которые имели несчастье не встать со одра своего. Сегодня ты встал, благодари Бога! А встанешь ли завтра – это тайна судеб Божиих. И если не встанешь, где тогда вдруг явится душа твоя? Там, где она никогда не бывала, – в другой жизни, о которой она не хотела думать вечером, пред Престолом Судии, Которого доселе оскорбляла.

Господи, мы еще не приучили себя исповедовать свои грехи ежедневно, в конце дня перед сном. Прости нас. Мы не боимся «некогда уснуть в смерть» и не думаем, что тогда явится душа наша пред Престолом Судии, Которого доселе оскорбляла. Прости нас, Господи, за беспечное отношение к судьбам Твоим.

«Для чего благословлять брашна, – вопрошает святой Златоуст, – ужели они нечисты?» «Не они нечисты, – ответствует сей великий учитель, – но мы сами, принимающие их, нечисты и требуем ежеминутного освящения». «Я боюсь, Господи, не нечистоты брашен, – говорит блаженный Августин, – ибо знаю, что они от Тебя, но я боюсь собственной нечистоты, и потому всякий раз предваряю вкушение брашен молитвой, ибо чрез нее я признаю, что они от Твоей десницы, что Ты виновник их, и я имею их только от Тебя. Принимая их так, я принимаю с признательностью, благодарением и любовью, и через это очищаю мою душу!»

Господи, святой Иоанн Златоуст ставит нам на вид необходимость благословлять пищу, которую мы должны вкушать. Делать это надо не потому, что пища нечиста, а

потому, что мы, вкушающие ее, нечисты и требуем ежеминутного освящения.

Господи, прости нас, что мы так не считаем и потому не каждый раз благословляем предлагаемую пищу. И блаженный Августин учит, что благословением пищи он узнает, что она от Тебя, от Бога, и потому предваряет вкушение ее молитвой. Ибо через молитву он признает Тебя, Господи, виновником этой пищи и принимает ее от Тебя. Господи, прости нас, что не всегда мы принимаем свою пищу как от Твоей десницы, принимаем без признательности, благодарности и любви. Прости нас, что через эти благочестивые переживания мы не очищаем свои души.

Господь Бог посылает разные средства, чтобы обратить к Себе сердца грешных людей. Он посылает страшные громы, потрясает землю и заставляет трепетать человека. И вот, небо не посылает на землю дождя, и земля не дает плодов своим живущим на ней; народ пробуждается от сна греховного бичом войны или смертоносной заразы, посылается на землю ангел-истребитель, который не щадит и первенцев. И смотри, какие бывают прекрасные последствия того. Не хотевшие знать Бога – познают Его, не хотевшие молиться – воздевают к Нему руки и вопиют вместе с апостолами: *«Господи, спаси ны, погибаем»* (Мф. 8, 25).

И к нам Господь применяет эти средства, каждому свои, чтобы мы, не хотевшие знать Бога, познавали Его, не хотевшие молиться, взывали вместе с апостолами: *«Господи, спаси ны, погибаем»*. Господи, прости нас, что от многих испытаний мы не просыпаемся от сна греховного и не учимся благочестиво жить.

Может случиться, что христианин недостойно приобщится Святых Христовых Таин. Тогда Бог часто предаст такового сатане, и от того случаются болезни, напасти, скорби, бедствия, как показывает апостол Павел: *«От того многие из вас немощны и больны, и не мало умирают»* (1Кор. 11, 30).

Господи, Ты и нам даешь предостережение через болезни, напасти, скорби, бедствия задуматься: достойно ли мы причащаемся святых Твоих Таин? Прости нас, Господи, за недостойное приобщение Святых Твоих Таин.

Дерево, чем выше растет, тем глубже пускает корни в землю. Возносясь, оно смиряется, а смиряясь, возвышается. Так должно поступать и тебе, во Христе брат. Если ты возвышаешься преимуществами умственными или нравственными, естественными или благодатными, внешними или внутренними, всегда и везде, тем более смирай себя. Без глубоких корней смирения ты никогда не будешь безопасен от падения.

Господи, замечательный для нашего назидания дается образ смирения – растущее дерево. Чем оно выше, тем глубже корни уходят в землю. Замечая в себе какие-либо преимущества, которые нас возвышают в глазах людей, мы должны тем более смирать себя. Должны, но не всегда это делаем. Прости нас, Господи, и пошли нам глубокие корни смирения, чтобы мы были безопасны от падения.

Жена дана мужу для вспомоществования ему, для того, чтобы он, при ее утешении мог удобно переносить все с ним случающееся. Если жена честна и ласкова, то ее сообщество не только послужит мужу утешением, но и во всех случаях подает ему великую помощь, все трудное сделает легким и удобным, и не попустит почувствовать нисколько тех неудовольствий, какие случаются и вне дома, и в доме. Настанет ли душевная буря? Добрая жена, искусный кормчий, приведет в тишину и благоразумием своим утешит мужа.

Господи, жена дается мужу, чтобы помочь ему. В чем же эта помощь выражается? Она утешает мужа, с ее помощью он удобно переносит все с ним случающееся, поэтому она должна быть честной и ласковой, все трудное для мужа сделать легким и удобным, не попустит ему почувствовать тех неудовольствий, которые случаются вне дома, и в доме. Во время бурь она, как искусный кормчий, приводит в тишину и благоразумием своим утешает мужа. Не каждая женщина, жена, может сказать о себе, что она именно так помогает мужу. Господи, прости ее и помоги ей быть честной и ласковой, трудное для мужа делать легким и удобным, во время бурь приводить в тишину и благоразумием своим утешать мужа.

Осуждение и братское обличение никак не одно и то же. Первое воспрещается в Евангелии: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1); второе, напротив, заповедуется: «Аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином» (Мф. 18, 15), и еще: «не прикасайтесь к делом неплодным тмы, паче же и обличайте» (Еф. 5, 11).

Господи, мы виноваты тем пред Тобою, что часто осуждаем других, хотя это и запрещено Твоей заповедью, а братским обличением не пользуемся, хотя оно и заповедано нам. Прости нас.

Обличению других учит нас святой апостол Иуда: «Возлюбленнии, – пишет он, – святою вашею верою назидаяще себе, Духом Святым молящися, сами себе в любви Божией соблюдайте (это главное начало для христианского обличения). И овех убо милуйте рассуждаяще, овех же страхом спасайте, от огня восхищаяще: обличайте же с боязнию, ненавидяще и яже от плоти оскверненную ризу» (Иуд. 1, 20–23).

Вдумаемся в эти слова апостола Иуды: «А вы, возлюбленные, наблюдая себя на святейшей вере нашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни. И в одном будьте милостивы, с рассмотрением; а других страхом спасайте, исторгая из огня, (обличайте же со страхом), гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотию» (Иуд. 1, 20–23). Таким образом, чтобы обличать, нам необходимо себя назидать святейшей верой, молиться Духом Святым, сохранять себя в любви Божией и ожидать милость от Господа для вечной жизни. Господи, прости нас, что мы этих качеств в себе не накапливаем и поэтому не бываем готовы к обличению ближнего. У нас не получается быть милостивыми с рассмотрением или спасать страхом из огня подлежащего искушения. Господи, прости нас, что, желая обличить, осуждаем и теряем мир с ближним.

17. Небрежение маловажными грехами

Святой апостол Павел запрещает не только осуждать других, но еще учит не подавать никакого повода к тому, чтобы нас осуждали другие. *"Кийждо, говорит, нас о себе слово даст Богу. Не ктому убо друг друга осуждаем, но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна»* (Рим. 14, 12, 13).

Господи, мы виноваты пред тобой, что этому запрету святого апостола Павла не следуем, не думаем как за себя дать отчет Богу, осуждаем друг друга и подаем брату случаи к преткновению и соблазну. Прости нас, Господи, за склонность к осуждению братьев.

Крестное знамение установлено святой Церковью для того, чтобы мы постоянно имели перед глазами важнейшие Таинства христианства и, соединяя с ним известные слова в честь Пресвятой Троицы, при всяком случае, разумно славословили и благодарили Отца, и Сына, и Святого Духа, и таким образом и сами освящались и все освящали именем Пресвятой Троицы и силой Господа, распятого на кресте. «Не пренебрегай крестным знамением, – говорит святой Кирилл Иерусалимский, – не потому только, что оно туне и легко досталось тебе, но по сему самому, еще более благоговей пред Благодетелем, даровавшем тебе оное».

Господи, прости нас, что мы не всегда осмысленно пользуемся крестным знамением, что не соединяем с ним известные слова в честь Пресвятой Троицы, что не при каждом случае разумно славословим и благодарим Отца, и Сына, и Святого Духа и таким образом и себя не освящаем и все вообще не освящаем именем Пресвятой Троицы и силой Господа, распятого на кресте. Господи, прости нас, что пренебрегаем крестным знамением, считая, что оно даром и легко досталось нам.

Душа праздного человека со дня на день портится все более и более: чувство угасает, рассудок становится слабым, воля леденеет, праздный человек не чувствует себя способным

ни к чему трудному. Праздность не менее губительна и для тела. Слабость, изнеможение, преждевременная вялость и хилость, и оттоле целый ряд различных болезней, – таковы обыкновенные последствия праздности! Она сама кладет страшную печать на своих поклонников: у одного тело задавлено тучностью, другой страдает от избытка крови, у того поражены или отняты члены, иной остается без всякого движения от подагры, у другого от неумеренности на заре жизни притупились чувства. Какое-нибудь легкое беспокойство, усталость, мгновенная перемена погоды или другой какой-нибудь непредвиденный случай сопровождаются всегда болезненным потрясением в этих искаженных праздностью телах. Так для души и для тела праздность есть зло великое и ужасное.

Господи, мы часто согрешаем пред Тобою праздностью и вкушаем плоды ее горького на нас воздействия. Мы замечаем, как чувство в нас гаснет, рассудок слабеет, воля леденеет, появляется чувство неспособности ни к чему трудному. Прости нас, Господи, за праздность и за горькое воздействие ее на душу. Праздность губительна и для тела нашего. Она несет нам слабость, изнеможение, преждевременную вялость и хилость, различные болезни. Прости нас, Господи, за эти болезненные потрясения наших тел праздностью и огради нас от великого и ужасного зла, именуемого праздностью.

Пост приносит человеку пользу – он соединяет нас с Богом, а прельщение обращает и спасение наше в погибель. Что удалило Исава от Бога и придало его в рабство брату? Не одна ли снедь, за которую он продал свое первородство? Что, напротив, даровало Самуила матери его? Не молитва ли, соединенная с постом? Что крепкого Сампсона сделало непоколебимым? Не пост ли? Пост рождает пророков, укрепляет мучеников, доставляет мудрость законодателям, он верный страж души, надежный поборник тела, оружие ратоборцев, укрощение подвижников, друг благой бодрости, зиждитель трезвости. Он прогоняет искушения, воодушевляет к благочестию, придает мужество на брани.

Господи, мы мало размышляем о пользе поста. Прости нас. Мы не приводим себе на память имена праведников, которых пост препровождал к подвигам и победам. Прости нас, Господи, и помоги через пост вооружаться к благочестию и обретать мужество на брани.

Святитель Иоанн Златоуст советует не пренебрегать маловажными грехами. Он говорит так: «Никто да не питает в себе злой тщетной мысли, через которую проникает в душу развращение, того легкомыслия, которое побуждает нас говорить: это ничего не значит, это маловажно! Потому что от этого могут родиться тысячи зол, ибо древний оный строитель всякого зла диавол, по лукавству своему, нередко употребляет для гибели человеческой некоторую постепенность и как бы снисходительность и обыкновенно начинает с маловажного. По этой-то причине старайся истреблять в себе самые зародыши греха, ибо, хотя бы они и не возросли в великие грехопадения, однако пренебрегать ими не должно по той причине, что от беспечности они постепенно могут увеличиться и усилиться».

Господи, мы еще не приучили себя не пренебрегать маловажными грехами. Мы склонны питать в себе злую тщетную мысль, с помощью которой проникает в душу развращение, и которая побуждает нас говорить: это ничего не значит, это маловажно! Прости нас, Господи, за невнимательность к маловажным грехам и за отсутствие желания их в себе искоренять. Святой Златоуст уверяет нас, что диавол, по лукавству своему, нередко употребляет для нашей гибели подсказку – начинать наше вхождение во зло с маловажного. Господи, прости нас, что мы не стараемся истреблять в себе самые зародыши греха, пренебрегаем этим спасительным действием, не «разбиваем младенцы» грехов своих о камень веры и даем им увеличиться и усилиться в себе. Господи, прости.

«Пересматривая ежедневно наши недостатки и проступки, – говорит святой Златоуст, – мы будем стараться исправлять их своевременно – один за другим, и, таким образом, постепенно будем улучшаться, каждый раз восходя к небу, как бы по ступеням лестницы, виденной Иаковом». Уверенный

собственным опытом в действительности этого способа к умножению добродетели, преподобный Иоанн Лествичник советовал братии своей не только ежедневно подвергать себя самоиспытанию, но даже по окончании дня делать общий обзор всему.

Господи, самонаблюдение для нас весьма полезно. Ежедневно пересматривая наши недостатки и поступки, нам надо стараться своевременно исправлять их – один за другим. Господи, прости нас, что такого обычая у нас нет, и мы постепенно не улучшаемся, стараясь восходить к небу как бы по ступеням лестницы, виденной Иаковом. Нам можно еще следовать совету преподобного Иоанна Лествичника, ежедневно подвергая себя самоиспытанию и даже более: ежечасно записывать свои помыслы и деяния, чтобы по окончании дня делать общий обзор всему. Господи, прости нас, что и совета преподобного Иоанна Лествичника о ежедневном самоиспытании не знаем и, конечно же, по этой причине ему не следуем.

Богатство души составляют безмолвие, молчание и воздержание. Стяжавши эти добродетели, можно спасти душу.

Господи, нет у нас указанного богатства – безмолвия, молчания и воздержания, прости нас и помоги приобрести эти добродетели.

Человек не должен принимать особенно двух помыслов: блуда и осуждения ближнего. Но когда враг подложит какой из них, то должно встать на молитву и с плачем против них молиться Богу, и Бог избавит его.

Господи, мы виноваты пред Тобою, что часто, ох как часто! принимаем эти помыслы. Вставать на молитву и молиться Богу против них не имеем привычки, а если и встанем, то не имеем терпения и веры дождаться, когда Господь избавит нас от них. Прости нас, Господи.

Священное Писание говорит, между прочим, о гордости и это: *«Не возносися сердцем твоим паче братьий твоих... зане в гордыни погибель и развращение многих»* (Тов. 4, 13). *«Во одеянии риз не похвалися и в день славы не превозносися: яко дивна дела Господня и тайна дела Его пред человеки»* (Сир. 11,

4). *«Возненавидена пред Богом и человеки гордыня»* (Сир. 10, 7). *«Нечист пред Богом всяк высокосердый»* (Притч. 16, 5). *«Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется»* (Лк. 18, 14). *«Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом»* (Лк. 16, 15). *«Касаяйся смоле очернится, и прикасайся гордому точен ему будет»* (Сир. 13, 1).

Господи, мы постоянно замечаем за собой, что любим возноситься сердцем своим перед братьями, в одеянии риз похвалиться, провоцируем в людях ненависть нашей гордыней, являем пред Богом свою нечистоту высокосердием, не смиряем себя, думая о себе высоко, на самом деле являем свою мерзость пред Богом и, прикасаясь гордому, становимся точной его копией. Прости нас, Господи, за столь пагубные «успехи» пред Тобою.

18. Приготовление себя к вступлению в небесное наследство

Священное Писание, между прочим, о смирении говорит это: *«Чадю, в кротости дела твоя препровождай, и человеком приятным возлюблен будешь. Елико велик еси, толико смирайся, и пред Богом обрящеши благодать. Мнози суть высоцы и славни: но кротким открываются тайны, яко велия сила Господня, и смиренными славится»* (Сир. 3,17–20). *«Иже убо смирится яко отроча, той есть болий в Царствии Небесном»* (Мф. 18, 4). *«Да хвалит тя искренний, а не твоя уста, чужия, а не твои устне»* (Притч. 27, 2).

Господи, мы не проводим в кротости дела свои, мало себя смиряем, поэтому и не открываются нам тайны, что велики дела Твои. Прости нас, Господи, что любим сами себя хвалить, а не ждем, когда уста других сделают это. Смири нас, Господи, да обрящем пред Тобой благодать.

Причина осуждения заключается в том, говорят подвижники, опытные в духовной жизни, что мы не знаем самих себя, а кто хотя бы однажды обратил на себя надлежащий взор, тот никогда не будет смотреть на погрешности братьев.

Господи, и в нас эта же причина для осуждения: мы не знаем самих себя. И ни разу еще мы не обратили на себя надлежащий взор, ибо все еще смотрим на погрешности братьев. Прости нас, Господи, неразумных и как бы подслеповатых, когда смотрим на самих себя.

«Прежде суда испытай себе», – говорит премудрый (Сир.18,20). Вот самое верное средство против осуждения! *«Испытай себе»*, то есть думай, не поступаешь ли ты подобно собрату? Не поступил ли бы ты еще хуже, если бы находился в таких обстоятельствах, в каких находится брат? Помни, что Господь на Своем суде не примет от нас никаких даров, если мы не принесем Ему любви; *«а любы не завидует, не раздражается, всему веру емлет, вся уповает и вся терпит»*.

Господи, мы не «испытываем себя», не думаем о том, что поступаем подобно брату, или даже хуже его, мы не приносим

Богу любви, согрешая завистью, нетерпением, маловерием, безнадежием. Прости нас, Господи.

Жены по отношению к своим мужьям должны соблюдать следующее: 1) любить своих мужей и угождать им во благое и по воле Божией; 2) хранить верность супружеского ложа и не знать никого, кроме своих законных мужей; 3) быть благоговейными к своим мужьям: «жена да боится своего мужа», впрочем страх этот должен быть сопряжен с любовью; 4) повиноваться своим мужьям: *«Жены, повинуйтесь своим мужьям, якоже подобает о Господе»*, – говорит апостол Павел (Кол. 3, 18).

Зная эти обязанности свои, жены, любя своих мужей, не всегда угождают им во благое и по воле Божией; не всегда бывают благоговейны к своим мужьям, не всегда повинуются своим мужьям, как Господу. Господи, просит Тебя Твоя Церковь: прости им невыполнение обязанностей к своим мужьям и пошли им мудрость и силу «да тихое и безмолвное житие поживут во всяком благочестии и чистоте».

Для христианина отечество есть небо, где слава Отца Небесного, Которому он молится: «Отче наш, Иже еси на небесех»; где преславный дом Его, в котором «обители многи суть», где град великий, святой Иерусалим, *«имуц славу Божию: и град не требуя солнца и луны, да светят в нем, слава бо Божия просвети его, и светильник ему Агнец»* (Апок. 21, 22–23).

Господи, мы очень мало знаем о своем небесном отечестве, свидетельства Священного Писания о нем еще не стали достоянием нашего сердца и слава Божия еще не просветила нас. Прости, Господи, нас, что Ты, Агнец Божий, еще не стал для нас светильником, каким Ты будешь в нашем отечестве всегда.

Отечеством христиан является небо, и наследство их на небе. Там они наследят, по Писанию «жизнь вечную», наследят обители Отца Небесного, наследят пребывание со Христом, да видят славу Его; наследят венец нетленный, венец правды, венец жизни, венец славы, наследят Царство и славу Божию.

Господи, мы не живем проблемой, как вступать нам в наследство Небесное, не знаем толком в чем оно состоит и как себя подготовить к обладанию им. Прости нас, Господи, что не готовим себя наследовать жизнь вечную, обители Небесного Отца, пребывание со Христом, к видению славы Его, к получению венцов нетления, правды, жизни, славы, Царства Небесного. Сподоби нас, Господи, хотя бы разочек взглянуть на них, чтобы потом искать их.

При крещении бывают восприемники для того, чтобы поручиться перед Церковью за веру крещаемого, а по крещении принять его в свое попечение, для утверждения его в вере.

Господи, прости нас, что мы приглашаем в восприемники своих детей при крещении не с этим смыслом и не оговариваем обязанности восприемников.

Древние христиане причащались в каждый воскресный день, но из нынешних немногие имеют такую чистоту жизни, чтобы всегда быть готовыми к столь великому Таинству. Церковь материнским гласом заповедует исповедоваться перед духовником и причащаться Тела и Крови Христовой, ревнующим о благоговейном житии, четырежды в год или в каждый месяц, а всем непременно однажды в год.

Господи, мы виноваты в том, что у нас не хватает ревности о благоговейном житии и такой чистоте жизни, чтобы причащаться хотя бы каждый месяц. Прости нас, Господи, за нашу неготовность быть участниками причащения Твоих бессмертных Таин Тела и Крови.

К достижению блаженного воскресения душам умерших с верой, но не успевших принести плода достойного покаяния, вспомоществуют приносимые за них молитвы, особенно соединенные с приношением бескровной жертвы Тела и Крови Христовой, и благотворения, с верой совершаемые в память их.

Господи, прости нас, что мы не приносим молитвы о душах умерших с верою, но не успевших принести плодов, достойных покаяния. Мы мало вспомоществуем им принесением бескровной жертвы Тела и Крови Христовой и с верою совершаемых в память их благотворений. Прости нас невнимательных к памяти их.

В будущей жизни будут разные степени блаженства, по мере того, как кто подвизался в вере, любви и добрых делах. *«Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе. Такожде и воскресение мертвых»* (1Кор. 15, 41–42) .

Господи, мы виноваты пред Тобой, ибо не подвигаемся, как следует в вере, любви и добрых делах. А, не подвизаясь, не можем рассчитывать на более высокую степень блаженства. Прости нас за это упущение, Господи.

Вознося ум и сердце к Богу, христианин должен, во-первых, прославлять Его за Божественные совершенства; во-вторых, благодарить Его за Его благодеяния; в-третьих, просить Его о своих нуждах. Поэтому три рода молитвословий: славословие, благодарение, прошение.

Господи, прости нас, что не отдаем себе разумный отчет за каждый вид молитвословий, вознося ум и сердце к Богу.

У каждого из нас есть Ангел-хранитель. Об этом удостоверяют нас следующие слова Иисуса Христа: *«Блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного»* (Мф. 18, 10).

Господи, мы недостаточно уверены в бытии нашего Ангела-хранителя, не чувствуем его близость и забываем молиться ему о нашем спасении. Прости нас, Господи.

Злые духи называются дьяволами потому, что стараются коварствовать над человеками и, обольщая их, внушать им ложные мысли и злые желания. Об этом Иисус Христос к неверующим иудеям говорит: *«вы отца вашего дьявола есте и похоти отца вашего хотите творити; он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи»* (Ин. 8, 44).

Господи, нам постоянно следует помнить, что злые духи, называясь дьяволами, стараются над нами коварствовать и, обольщая нас, внушать нам ложные мысли и злые желания. Господи, прости нас, что очень часто мы, не усматривая их коварства, начинаем творить волю отца лжи.

Библия дана нам по благодати Божией и по действию Святого Духа, чтобы с помощью этого же Святого Духа мы могли понимать и веровать, что есть только один истинный Бог и един Спаситель Иисус Христос, Которого Бог послал по Своему обещанию, чтобы все, кои будут веровать в Него, получили жизнь вечную. Святой апостол Павел предаёт проклятию всякого, кто введёт другую веру и другой путь спасения, кроме того, который открыт во Иисусе Христе, ибо Ему, как и Богу Отцу и Святому Духу, принадлежит всякая честь и слава во веки веков.

Господи, и нам необходимо верить, что Библия дана по благодати Твоей и по действию Святого Духа, чтобы с помощью того же Святого Духа мы могли понимать и веровать, что есть только один истинный Бог и един Спаситель Иисус Христос, Которого Бог послал по Своему обещанию, чтобы все, которые будут веровать в Него получили жизнь вечную. Господи, мы виноваты пред Тобой, что не смотрим на Библию как на дар благодати Твоей, дар, который с помощью Духа Святого учит нас понимать, что есть только один истинный Бог, дарующий нам жизнь вечную. Господи, прости нас, что мы не воспринимаем Библию как дар Твоей благодати и с ее помощью не готовим себя к жизни вечной.

19. Вера в Церковь и жизнь в ней

Ад есть место, лишенное света. В христианском учении под этим именем разумеется духовная темница, то есть состояние духов, грехом отчужденных от лицезрения Божия, и соединенного с ним света и блаженства.

Понимая ад, как место, лишенное света, как темницу духовную, где души пребывают отчужденными грехом от лицезрения Божия и соединенного с ним света и блаженства, мы должны испытывать чувство страха и надеяться на милосердие Божие, что Он избавит нас от мрачного пребывания в аду. Господи, прости нас, мы мало размышляем о своей участи, связанной с адом.

На страшном Суде совесть каждого человека откроется пред всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто делал во всю свою жизнь на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления. *«Придет Господь, Иже во свете приведет тайныя тьмы и объявит советы сердечныя, и тогда похвала будет комуждо от Бога»* (1Кор. 4, 5).

Господи, как же мало мы думаем об этом и будем не готовы к обнаружению и всех дел своих, и слов сказанных, и желаний и помышлений в сердце сокровенных. Господи, прости нас и пощади на страшном Суде Твоем.

Веровать в Церковь значит благоговейно чтить истинную Церковь Христову и повиноваться ее учению и заповедям, по уверенности, что в ней пребывает и спасительно действует, учит и управляет благодать, изливаемая от единой вечной главы ее, Господа Иисуса Христа.

Веруя в Церковь, мы не всегда благоговейно чтим истинную Церковь Христову и повинемся ее учению и заповедям. Прости нас за это, Господи. Не хватает у нас и достаточной уверенности, что в ней пребывает и спасительно действует, учит и управляет нами благодать, изливаемая от единой главы ее, Господа Иисуса Христа. Прости нас, Господи, за недостаточную веру в спасительное управление нашей жизнью Твоей, Христе, благодати.

Всякому христианину необходимо крещение. Его необходимость, как нового благодатного рождения показал Сам Христос, когда сказал Никодиму: «аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). Итак, крещение столь необходимо человеку, что без него никто не может принадлежать к благодатному Царству Христову, и только того спасение несомненно, кто имеет веру и благодать Крещения.

Господи, мы крещены, но не до конца осознаем свою принадлежность благодатному Царству Христову и не дорожим своей верой и благодатью крещения. Прости нас, Господи, за отсутствие вдумчивости и благоговения к дару благодати крещения.

Хранящий молчание искусен во всякой добродетели и честен пред Богом. Таковой без труда достигает Царствия Божия. Как во время тишины и спокойствия моря играет дельфин, так и в тишине сердца молчащий радуется с Господом.

Господи, нам нравится молчание, но мы не умеем молчать. Наверное, поэтому нет у нас искусности в доброделании и честности пред Тобою. Прости нас, Господи, что через молчание, не достигаем Твоего, Боже, Царства и не умеем в тишине сердца радоваться Твоему присутствию в нас.

Не осуждай священника Божия за тайные или явные грехи его, какие слышишь о нем. Не говори: он грешен и приступает к Тайнам, а потому не приходит дар Духа Святого; ничего подобного не помышляй. Он есть судия и испытатель тайных. Помни, что священник, во всяком случае, выше тебя, и предостави суд праведному Судии. Если священник и согрешил, то согрешил против Божественных заповедей, и ты не поставлен судьей и испытателем других, знай же свою меру и звание. Но ты скажешь: не подлежит ли священник суду и канонам церковным? Подлежит, но не тобой судится или испытывается. Что ты судишь пастыря, будучи овцой? Восхищаешь фарисейски Божий суд, судя священнический чин, тогда как он не поручен и не предан тебе от Бога? Умоляю тебя, не осуждай никого, а наипаче священника Божия.

Господи, мы виноваты пред Тобой – мы дерзаем осуждать священников Божиих, присваиваем себе право судить их, которого никто не давал нам. Прости нас, Господи, что судим пастырей, будучи овцами.

Апостол Павел учит нас приступать к святой трапезе Господней после определенной подготовки. Он говорит: *«Да искушает человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет. ядый бо и пийй недостоине, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня»* (1Кор. 11, 28–29). Нужно поэтому искушать себя, то есть испытывать свою совесть; очистить ее покаянием, возбудить в душе веру и любовь, и таким образом с духовной жаждой приступать к Таинству. «Суд себе яст и пьет недостоине причащающийся», то есть осуждение, а не оправдание приемлет, кто приступает с нечистой совестью, без веры и любви. Притом, как научает Сам Господь, необходимо в особенности примирение с ближним. *«Аще, говорит, принесеши дар твой к олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: оставь ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирся с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой»* (Мф. 5, 23–24). С миром в душе, с любовью в сердце приступай к трапезе Господней.

Господи, приступать к святой трапезе Твоей мы должны после испытания совести: очищения ее покаянием, возбуждением в душе веры и любви и пробуждением в душе духовной жажды к общению с Господом. Мы же совесть еще как-то испытываем, а возбуждением веры и любви не озадачены и жажду к общению со Христом испытываем крайне слабо. Прости нас, Господи. Еще мы не выполняем условия для участия в трапезе Господней – примирение с ближним; прости нас, Господи, и помогай нам всегда с миром в душе и любовью в сердце приступать к Твоей святой трапезе.

Мы призваны помнить о конце нашей жизни. «Поминай последняя твоя, – говорит премудрый Сирах, – и во век не согресиши». Укоряй сам себя всегда и говори: бедная душа моя! Вот приближается час твоего разрешения от тела. Что услаждаешься еще тем, что теперь уже должно оставить и чего не увидишь уже вовеки? Внимай тому, что ожидает тебя, и

рассмотри соделанное тобой: что и как. С кем шествовал ты все дни жизни твоей, со Христом или врагом Его? Кто принял труд деяния твоего, кого радовал ты в житии твоём, кто потому встретит тебя во время исхода твоего?

Господи, когда-то и для нас настанет минута разрешения нашей души от тела, и мы должны будем к этому готовиться. Господи, мы виноваты пред Тобою, что не думаем о исходе своем, не задаем себе контрольных вопросов: с кем мы и кого радуем своими поступками в этой жизни и не трепещем перед минутой исхода своего. Прости нас, Господи, что не укоряем себя за свою неготовность предстать пред лицом Твоим.

В Херувимской песне изъясняется: да подражаем Херувимам, да отложим житейские заботы в столь важный час и, таким образом, «подыдем», то есть прославим, вознесем духовно «Царя всех», сопровождаемого ангельскими воинствами.

Господи, во время Херувимской песни мы не замечаем в себе желания подражать Херувимам и, отложив житейские заботы, прославлять, духовно возносить Тебя, «Царя всех», сопровождаемого ангельскими воинствами. Прости нас, Господи.

Не отчаивайся и не предавайся беспечности и, когда после покаяния впадешь в тот же грех, который прежде господствовал в тебе, восстань, падший, не дожидаясь времени другого поста, без отлагательства тогда же иди к духовному отцу и поведай ему о своем падении, прими новую епитимью и исполни ее. Да сохранит всех нас милосердие Божие от пагубной беспечности, от закоснения в грехах и нераскаянности.

Господи, мы склонны расстраиваться и терять самообладание, когда после покаяния вновь впадаем в тот же грех, который прежде в нас господствовал. Прости нас, Господи, за отчаяние и впадение в беспечность. У нас не хватает решимости встать и без отлагательства идти к духовному отцу и поведать ему о падении, чтобы принять от него новую епитимию, и ее исполнить. Прости нас, Господи, за пагубную беспечность, закоснение в грехах и нераскаянность.

Пастыри Церкви Христовой служат видимыми представителями и уполномоченными раздавателями благодатного тайноводственного благословения Сына Божия. Еще в Ветхом Завете Самим Богом дана им власть *«благословлять сынов Израилевых»* (Числ. 6, 23) и возлагать на них имя Господне для того, чтобы Сам Господь благословил их. *«Да возложат имя Мое на сыны Израилевы, – сказано было в законе, – и Аз Господь благословлю я»* (Числ. 6, 27).

В Новом Завете преподана эта власть апостолам и их преемникам вместе с повелением Господа учить и крестить, вязать и решить. Известно, в каком внешнем виде преподается благословение служителей Божиих. «Бесценные сокровища благодатного царства заключены в скудельных сосудах, всегда подручных нам, всегда готовых отверзаться для восполнения и усиления наших немощей душевных и телесных, для благопоспешения во всех делах. И однако же, как не многие дорожат знаками величайшего милосердия Божия, открывающегося через пастыря церкви, и как иногда небрежно и без должного уважения к священническому сану принимают благословение! Не о том думайте, какой рукой или в каком сосуде, но какой божественной лозы духовное вино подается вам через благословение служителя Христова», – замечает по этому поводу знаменитый первосвятитель нашей церкви Филарет, митрополит Московский.

Господи, нам необходимо всем знать, что священнику вверено право раздавать благодатное тайноведственное благословение Сына Божия. Благословляя сынов Израилевых, еще в Ветхом Завете священники возлагали на них имя Господне для того, чтобы Сам Господь благословил их. Мы не всегда об этом помним и благословения от Господа не воспринимаем. Прости нас, Господи. И в Новом Завете благословение священника дается с тем, чтобы восполнять немощи и усиливать возможности нести душевный и телесный подвиг и для благопоспешения во всех делах. Господи, прости нас, ибо мы часто не дорожим благословением священника – этим знаком милосердия Божия и небрежно, без должного уважения к священническому сану принимаем благословение.

Прости нас, Господи за это и помоги, благословляясь, воспринимать духовное вино от божественной лозы служителя Христова.

20. Благотворение и общение ради Богоугождения

Необходимыми и естественными преподавателями Божия благословения в семейной жизни являются родители. Давая бытие своим детям, они продолжают действие творения Божия и, следовательно, носят на себе печать власти и силы Божией, которая дает и поддерживает жизнь всего живущего. Вот почему значение власти родительской ограждается самим Богом, когда между десятью заповедями только одна о почитании родителей заключает в себе явное обетование награды: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет» – и прибавлено: «и долголетен будешь на земли».

Господи, давая бытие своим детям, мы, родители, продолжаем действие творения Божия и, поэтому, носим на себе печать власти и силы Божией. Сознывая это, мы каемся, что этой властью пользуемся неэффективно, ибо благословение своим детям ежедневно не преподаем, чтобы «благо им было» о Господе, и они были бы долголетны на земли.

Милостыня состоит и в следующем. «Если брат или сестра наши, и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром грейтесь и питайтесь: не даст им потребного для тела: что пользы?» (Иак. 2, 15–16). «А кто имеет достаток в мире, но видя брата своего в нужде, затворит от него сердце свое: как пребывает в нем любовь Божия?» (1Ин. 3, 17). «Когда у тебя будет много, твори из того милостыню, а когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу. «Давай алчущему от хлеба твоего и нагому от одежд твоих; от всего, в чем у тебя избыток, твори милостыни, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню. Раздавай хлебы твои при гробе праведных, но не давай грешникам» (Тов. 4, 8, 16–17).

Господи, мы видели брата или сестру, нуждающихся в одежде и дневном пропитании, но оставляли их без внимания и помощи, прости нас. Господи, мы имеем достаток в мире, но, видя брата в нужде, затворяем от него свое сердце. Прости нас. Когда у нас много, то из многого должны творить милостыню, а

когда мало, нам следует творить ее и из немногого. Господи, прости, что все время уклоняемся от раздаяния милостыни. И еще: часто при проявлении милостыни глаз наш жалеет то, что желаем отдать ближнему – хлеб или одежду, или чего-либо от избытка нашего. Прости нас, Господи, за жадность, ограничивающую нашу милостыню.

Милостыня более других добродетелей угодна Богу. *«Милости хочу, а не жертвы»*, – сказал Господь (Ос. 6, 6). *«Благотворения и общения не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Бог»*, – сказал апостол Павел (Евр. 13, 16). *«Доброхотна дателя любит Бог»*, – говорит тот же апостол. *«Мужа тиха и дателя любит Господь; суету же дел его скончает»*, – сказал премудрый Соломон (Притч. 22, 9). *«Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога: милостыни твоя помянушася пред Богом»*, – сказал Ангел Божий Корнилию (Деян. 10, 4, 31). Вот как угодна Богу милостыня!

Господи, мы виноваты пред Тобой тем, что не даем Тебе, Богу нашему, милости, забываем благотворения и общение, чтобы ими благоугодить Тебе; мы не пребываем в любви Твоей, Боже, ибо не желаем с охотой раздавать милостыню; мы не заботимся, чтобы молитвы наши и милостыни взошли на память пред Тобою, ибо их у нас почти нет. Прости нас, Господи.

Для мужчины занятия и упражнения могут быть весьма разнообразны, смотря по возрасту, званию и положению каждого.

Цари не стыдились иногда, после трудов управления, упражняться в самых простых занятиях, а патриархи наши все сами делали и разделяли труд вместе с рабами своими.

Привычка к постоянному труду и воздержанию укрепляет тело человеческое и сообщает ему естественную красоту. А не имеющие никакого упражнения подвергаются многим недугам, о которых другие и понятия не имеют; здоровье же – прекрасный удел трудолюбивого и воздержанного человека.

Общий закон для всех телесных упражнений должен быть таков: не надобно быть никогда праздным, но не должно упражняться или заниматься делом чрез меру по силам.

Правила умеренности в пище и питье имеют приложения к телесным занятиям нашим. Если, с одной стороны, постыдно вести жизнь изнеженную, то, с другой стороны, нехорошо чрезмеру утруждать себя. Надобно держаться середины между этими двумя крайностями.

Господи, в самых простых трудах, которых цари не избегали и патриархи совершали, мы упражняемся мало. Прости нас. Привычка к постоянному телесному труду и воздержанию у нас слаба и не оказывает на наше здоровье положительного влияния. Прости нас, Господи, что не бережем свое здоровье как дражайший Твой дар.

Господи, мы всем сердцем желаем не быть праздными, но, к сожалению, праздность все же находит в нас место. И еще мы, делая какие-либо дела, часто не соблюдаем необходимой меры, не учитывая свои силы. Прости нас, Господи, за праздность и за нарушение правил умеренности в своих делах. Прости нас за изнеженность и за чрезмерное утруждение себя. Помоги, Господи, держаться середины между этими двумя крайностями.

Женщины должны находить занятия свои в доме своем. Они – главные распорядительницы внутреннего хозяйства, их обязанности – смотреть за всем в доме; поэтому они не должны стыдиться никакого занятия, полезного для семьи. Приготовление пищи, питья, одежды и разные рукоделия – это им свойственно и все это не только не унижает, но и возвышает ее в глазах других людей. Прочтем в Писании изображение истинно доброй супруги и рачительной матери семейства: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов; уверенно в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник. Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и – светильник ее не гаснет и ночью.

Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено. Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся» (Притч. 31, 10–20).

Господи, каждая женщина должна, по слову Соломона, находить себе занятия в доме своем: смотреть за всем в доме, делать для него полезное: приготовление пищи, питья, одежды и разные рукоделия. Прости нас, Господи, что из сказанного не всегда все удается ей: она не всегда воздает мужу добром, не всегда работает с охотой своими руками, не всегда длань ее открывается бедному, и рука ее подает нуждающемуся. Господи, помоги каждой женщине быть добродетельной, чтобы цена ее была выше жемчугов, чтобы уверено было в ней сердце мужа ее.

Мужчины и женщины, идя в церковь Божию, должны быть одеты просто, скромно и прилично, держаться с некоторой важностью, только без всякой изысканности, должны соблюдать благоговейное молчание, возгревать в сердце истинную и пламенную любовь христианскую, должны быть чисты телом и сердцем, должны быть святы, сколько возможно для них, чтобы могли возносить молитвы свои к Святому Святым.

И при выходе из храма христиане должны вести себя так же, как и в самом храме, то есть должны быть так же степенны и любвеобильны к другим.

Господи, мы не всегда, идя в церковь Божию, ведем себя просто, не всегда скромно одеты и прилично, не держим себя с некоторой важностью, не ограждаем уста свои молчанием и не имеем привычки возгревать в своем сердце искреннюю и пламенную любовь христианскую, мы не обеспечиваем себе чистоту тела и сердца, не заботимся о присутствии в нас святости, чтобы иметь возможность возносить свои молитвы Святому Святым. Господи, прости нас и за незнание этих вещей, и за невыполнение их, когда о них узнаем. И по выходе из храма мы не ведем себя так же, как и в самом храме, не ведем себя степенно и любвеобильно к другим. Прости нас, Господи.

Ознакомимся с плодами невоздержания и плотской жизни.
«Утрезвитесь, пиянии, от вина своего и плачьтеся; рыдайте,

все пьющим вино до пияства, яко отъяся от вас веселие и радость», говорить пророк Иоиль (Иоил. 1, 5).

«Всяк бо пианица и блудник обнищает, и облечется в раздранная», говорит премудрый (Притч. 23, 21).

«У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно (Притч. 23, 29–31).

«Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра, и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют» (Ис. 5, 11–12). Вот плоды невоздержания и пьянства!

Господи, и мы согрешаем плодами невоздержания и пьем вино. Мы пресыщаемся и беднеем. И наши дома посещают вой, стоны, ссоры, горе, раны без причины, у нас бывают багровые глаза. И мы подолгу сидим за вином, а на дела Твои, Господи, не взираем и о деяниях рук Твоих не помышляем. Прости нас, Господи, что разгорячаем себя вином и помоги нам вести трезвый образ жизни.

21. Долг знать волю Божию

Основание земного счастья составляют вера, надежда и любовь, которым учит воплотившийся Сын Божий и влагает в сердца наши Духом Святым. Следовательно, постоянная опора земного счастья – христианская вера, христианская надежда и христианская любовь.

Господи, мы ищем земного счастья, но не всегда связываем с ним веру, надежду и любовь, которым учит воплотившийся Сын Божий и которые влагает в наши сердца Дух Святой. Прости нас, Господи, что постоянной опорой земного счастья не делаем христианские веру, надежду и любовь.

Мучения грешных не будут для всех одинаковы: будут степени мучений, как будут и степени блаженств. Все определится строжайшей правдой, сообразно с делами каждого. Большее наказание определится тому, кто хорошо знал волю Божию, но не хотел исполнить ее, нежели тому, кто мало знал или совсем не знал заповедей Господних. Ибо так говорит Господь: *«Раб ведевый волю Господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воле его, биен будет много: неведевый же, сотворив же достойная ранам, биен будет мало»* (Лк. 12, 47–48). Почему спросишь, и не знавший воли Божией будет наказан? Потому что всякий может и должен знать волю Божию, но если не знает, то потому не знает, что не старался познать, не радел о столь важной обязанности своей.

Господи, мучения грешных ожидают нас, особенно тех, кто хорошо знал волю Божию, но не хотел ее исполнить. Прости нас, Господи. И даже если мы мало знали волю Божию или совсем не знали заповедей Господних, все равно мучения грешных будут ожидать нас, ибо знание велений Божиих есть наша величайшая обязанность. Прости нас, Господи, нерадивых к знанию Твоих заповедей и за невыполнение их.

Глава и сущность всех добродетелей есть любовь, но любовь правильная, христианская, без которой ни пост, ни бдения, ни труды ничего не значат. Дьявол всему может подражать в человеке: назовешь ли пост, бдения? – но и он

никогда не спит и всегда «рыкая ходит» (1Петр. 5, 8). Только одна любовь и смирение не подражаемы для него.

Господи, нашей любознательности известно, что любовь есть глава и сущность всех добродетелей. Здесь имеется в виду любовь правильная, христианская. Мы эту любовь в себе и в своих добродетелях не создаем с помощью Божией и являемся нищими и бедственными из-за ее отсутствия. Прости нас, Господи, за отсутствие любви и смирения в наших добродетелях.

В призывании молитвы Господней открывается сущность самой молитвы. Молиться, значит от всего сердца взывать Богу: Отче наш, Иже еси на небесех! – то есть с сыновней любовью, и вместе со священным страхом приближаться к Богу и представлять всего себя Ему, как сына отцу, предавать себя Его всеблагой воле и силе. Это сущность молитвы, это уже самая молитва, хотя бы мы еще ничего не сказали Богу.

Господи, у нас же все это не получается: любви сыновней и страха священного нет и предания себя Твоей всеблагой воле и силе не происходит. Господи, прости нас, что даже не задумываемся о сущности молитвы.

Быть нищим духом значит иметь убеждение, что ничего своего не имеем, а имеем только то, что дарует Бог, и что ничего доброго не можем сделать без Божией помощи и Благодати. Таким образом мы должны вменять себя за ничто и во всем прибегать к милосердию Божию. Кратко, по изъяснению святого Златоуста, нищета духовная есть смиренномудрие.

Господи, нам бы хотелось иметь нищету духовную в убеждении, что ничего своего не имеем, а имеем только то, что даруешь Ты, Господи, и что ничего доброго не можем сделать без Твоей помощи и благодати. Но при этом желании мы не умеем себя вменять в ничто и во всем прибегать к Твоему милосердию. Господи, прости нас, что мы не пользуемся благами смиренномудрия и желание наше иметь нищету духовную остается только желанием, а до дел не доходит. Прости нас!

И люди богатые могут быть нищими духом, если помыслят, что видимое богатство есть тленное и скоропреходящее и что

оно не заменяет недостатка благ духовных. *«Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою»* (Мф. 16, 26).

Господи, и нам, если Ты пошлешь богатство, можно будет оставаться нищими духом в убеждении, что видимое богатство тленно и скоропреходяще, оно не может заменить недостатка благ духовных. Господи, прости нас, что эти простые истины не укоренились еще в нашем сердце, и мы видимому богатству придаем большое значение и готовы бываем заменять им недостаток благ духовных. Прости нас.

У Царства Божия есть три главных врага: *плоть*, или плотская зараженная грехом природа наша; *мир* или люди, живущие по духу века развращенного, не верующие, и *диавол*. Все они домогаются того, чтобы вместо воли Божией мы отдавались их воле, и хотят отвлечь нас от Царства Божия. Знай же и помни, что «творяще волю плоти и помышлений» мы бываем, по слову апостола, «чадами гнева» (Еф. 2, 3), что кто любит мир и его тройственную похоть: *«похоть плотскую, похоть очес и гордость житейскую, несть любви Отчи в нем»* (1Ин. 2, 15, 16), и вместе с ними есть противник Богу. А, зная это, всегда желай и проси не того, что угодно плоти, миру и диаволу, а того, что благоугодно всеблаговому и всеправедному Отцу нашему Небесному.

Господи, желая войти в Царство Божие, мы непременно встретим на своем пути три главных врага его: *плоть*, *мир* и *диавола*, которые будут домогаться того, чтобы вместо воли Божией, мы захотели бы выполнить их волю. Они захотят отвлечь нас от Царства Божия. И это им удастся, мы творим волю плоти и ее помышлений, и становимся «чадами гнева», мы любим мир и его тройственную похоть: похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, которые вытесняют в нас любовь Отчую. Прости нас, Господи, и умудри просить того, что благоугодно Тебе всеблаговому и всеправедному Отцу нашему Небесному.

Христианин должен молить Бога за всех. Он должен желать всем благодати и спасения, всем, даже врагам своим, всем, даже неверным, даже гонителям и презрителям веры, если они

еще не ожесточились совершенно. О тех, которые ожесточились, говорит апостол Павел: *«Мнози ходят... враги креста Христова: имже кончина погибель, имже Бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют»* (Флп. 3, 18–19). Апостол Иоанн пишет: *«Есть грех к смерти, не о том, глаголю, да молится»* верующий (1Ин. 51, 6). Остается молиться так: Господи! обрати к Тебе и сердца врагов наших, и если невозможно уже ожесточенным обратиться, то положи преграду разливу зла их и защити от них избранных Твоих.

Господи, мы должны молить Тебя о всех людях, желая им благодати и спасения: и врагам, и неверным, и гонителям, и презрителям веры. Но нашего сердца на всех не хватает, и мы о всех людях не молимся. Прости нас, Господи, что такая молитва у нас не получается. Мы не жалеем ожесточенных, что они – враги креста Христова, что их кончина погибель, их Бог чрево и слава в студе их, что они мудрствуют только о земном. Прости за это, Господи, и научи молиться о них хотя бы так: Господи, обрати к Тебе и сердца врагов наших, и если невозможно уже ожесточенным обратиться, то положи преграду разливу зла их и защити от них избранных Твоих.

Злые духи, или злые ангелы, сотворены от Бога добрыми, ибо Бог что сотворил, то сотворил добрым, но они сделались злыми по собственной воле, как свидетельствует Господь наш о начальнике их: *«он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем, егда глаголет лжу от своих глаголет: яко ложь есть и отец лжи»* (Ин. 8, 44). Они виновники всякого нечестия, хулители Божеского величия, развратители человеческих душ, сами и орудия их, как говорит Священное Писание: *«Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити»* (1Петр. 5, 8). Они не могут принудить человека ко греху, а только обольщают его искушениями, ибо человек имеет свободную волю, и этой свободе и Сам Бог не делает насилия или принуждения. Поскольку же они осуждены навек, то никогда не могут получить благодати Божией, как сказано: *«идите от Мене, проклятии, в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его»* (Мф. 25, 41).

Господи, нам необходимо знать, что злые духи не были такими сотворены. Бог, что творил, то творил добрым, но они сделались злыми по собственной воле. С этого времени они – виновники всякого нечестия, хулители Божественного закона, развратители человеческих душ. Господи, мы виноваты в том, что появление в нашем сознании злых мыслей и желаний не связываем с влиянием на нас злых духов и не боремся с этим влиянием. Прости нас, Господи. Злые духи не могут нас принудить к совершению греха, ибо нам Богом дана свобода воли. Они обольщают нас искушениями, и мы очень часто у этих обольщений идем на поводу. Прости нас, Господи.

По миру за милостыней ходить не следует, лучше трудиться и жить трудами рук своих. Послушай, что об этом говорит Священное Писание: «Не живи жизнью нищенскою: лучше умереть, нежели просить милостыни. Кто засматривается на чужой стол, того жизнь – не жизнь; он унижает душу свою чужими яствами; но человек разумный и благовоспитанный предостережет себя от того. В устах бесстыдного сладким покажется прошение милостыни, но в утробе его огонь возгорится» (Сир. 40, 29–32). «Главная потребность для жизни – вода и хлеб, одежда и дом, прикрывающий наготу. Лучше жизнь бедного под досчатым кровом, нежели роскошные пиршества в чужих домах. Будь доволен малым, как и многим» (Сир. 29, 24–26).

Господи, лучше нам трудиться и жить трудами рук своих, а по миру за милостыней не ходить. Священное Писание говорит: лучше умереть, нежели просить, ибо начало жизни человеческой вода и хлеб, риза и дом, покрывающий наготу. О малом и великом надо быть довольным. Мы же не всегда довольствуемся малым в собственном доме. Мы засматриваемся на трапезы чужих и не готовы бываем довольствоваться тем малым, что посылаешь нам Ты, Боже. Прости нас, Господи, что опечаливаем свои души, засматриваясь на чужие столы с пищей.

В состоянии невинности все люди были в Адаме, и как скоро он согрешил, то в нем согрешили и все и стали в состоянии греховном. А поэтому не только греху подвержены,

но и наказанию за грех. *«Якоже едином человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиши»* (Рим. 5, 12). Поэтому с этим грехом мы и зачинаемся во чреве матери, и рождаемся, как говорит святой пророк: *«Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя»* (Пс. 50, 7).

Господи, совершая свой жизненный путь, мы редко учитываем свою причастность прародительскому греху. Мы не только греху подвержены, но и наказанию за грех. Поэтому с этим грехом мы зачинаемся во чреве матери и рождаемся с этим грехом. Господи, прости нас, что мы в своем поведении не обеспокоены присутствием этого греха и не преодолеваем с помощью благодати Твоей последствия его.

Нам должно творить милостыню. Вот как этому учит нас Евангелие: *«Внемлите, милостыни ваша не творити пред человеки, да видими будете ими: аще же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на небесех. Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою, якоже лицемери творят в сонмищах и в стогнах, яко да прославятся от человек. Аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою. Тебе же, творящу милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя, яко да будет милостыня твоя в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве»* (Мф. 6, 1–4).

Господи, у нас еще не устоялся взгляд на творение милостыни: нас так и подмывает сделать ее напоказ, перед людьми. Прости нас за это показное милосердие. Мы не можем порадоваться, что, творя милостыню, наша левая рука не знает, что делает правая. Прости нас, Господи, за отсутствие тайны в деле совершения милостыни. Отче Небесный, видя тайну в совершении нами милостыни, воздай нам явными милостями Твоими.

22. Любовь, свидетельствуемая добрыми делами

Вера без любви и добрых дел есть не действующая и мертвая, а потому и не может привести к вечной жизни. *«Не любяй бо брата, пребывает в смерти» (1Ин. 8, 14).* *«Кая польза, братие моя, аще веру кто глаголет имети, дел же не имать, еда может вера спасти его? Якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть» (Иак. 2, 14, 26).*

Господи, прости нас, что веру свою мы не подтверждаем любовью и добрыми делами, и потому не сможем придти к вечной жизни. Такая вера напоминает нам тело без духа, и спасти нас не может. Господи, дай нам веру, ведущую ко спасению.

Любовь, не сопровождаемая добрыми делами, не есть истинная. Ибо истинная любовь, естественно, показывает себя добрыми делами. Иисус Христос говорит: *«Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя... аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет» (Ин. 14, 21, 23).* Апостол Иоанн пишет: *«Сия есть любви Божия, да заповеди Его соблюдем» (1Ин. 5, 3).* *«Не любим словом, ниже языком, но делом и истиною» (1 Ин, 3, 18).*

Господи, мы виноваты пред тобою, что свою любовь не сопровождаем добрыми делами. Прости нас, что заповедей Твоих не соблюдаем, Твои слова, Господи, забываем, а любим больше словом и языком, нежели делом и истиною.

Если начальство вверит тебе людей в подчинение, то помни совет премудрого Сираха: *«Если поставили тебя старшим на пиру, не возносись: будь между другими как один из них; позаботься о них и потом садись. И когда все твое дело исполнишь, тогда займи твое место, чтобы порадоваться на них и за хорошее распоряжение получить венок».*

Когда нам, Господи, начальство вверяет людей в подчинение, мы бываем склонны возноситься перед ними и не хотим считать себя равными им. Прости нас, Господи.

Святой Златоуст говорит: «Ты желал бы чудес? Одолевай грех, и твое желание исполнится: изгнав его из твоего сердца, ты сотворишь чудо, и притом важнейшее того, какое производят наши заклинатели, изгоняя из бесноватых духов нечистых. Старайся о доброй жизни, полезной для тебя и для других, и ты будешь чудотворцем. Сделайся из скупого щедрым; ты исцелишь руку иссохшую и не могущую простираться для милостыни; отвращай взор от опасных предметов, влекущих его ко злу: ты возвратишь себе слепому зрение; закрывай слух от мирских развратных песней, и пусть уста твои открываются только для святых песней: ты сделаешь то же, что отверзешь уста немому. Вот из всех чудес самые важные. Они наиболее могут содействовать к нашей истинной славе и к обращению других».

Господи, благодаря научению святого Иоанна Златоуста, мы теперь знаем, что можем быть чудотворцами. Прости нас, Господи, за отказ себе в чудотворении, о котором говорит святой Златоуст, и которое содействует нашей истинной славе и обращению других.

В разговорах с другими помни наставления премудрого Сираха, который говорит: «Для слов твоих сделай вес и меру, и для уст твоих дверь и запор» (Сир. 28, 29). «Будь скор к слышанию и обдуманно давай ответ. Если имеешь знание, то отвечай ближнему, а если нет, то рука твоя да будет на устах твоих. В речах слава и бесчестие, и язык человека бывает падением ему» (Сир. 5, 13–15). «Прежде, нежели исследуешь, не отвечай, и среди речи не перебивай... Один молчит, потому что не знает, что отвечать; а иной молчит, потому что знает время. Мудрый человек будет молчать до времени; а тщеславный и безрассудный не будет ждать времени. Многоглаголивый опротивеет и кто восхитит себе право говорить, будет возненавиден» (Сир. 11, 8; 20, 6–8). «Говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен, говори главное, много в немногих словах. Будь, как знающий и вместе, как умеющий молчать». (Сир. 32, 9–10).

Господи, мы не научены давать вес и меру своим словам, а для уст наших часто нет двери и запора. Мы не расположены к

слышанию и необдуманно порой даем ответы. Часто даем советы, не имея для этого нужных знаний. Прости нас, Господи, что язык наш служит нам к падению и бесчестию. Мы не любим исследовать и часто среди речи перебиваем других. Мы не умеем молчать до времени, но часто тщеславимся и ведем себя безрассудно. За свое многоречие мы делаемся людям противными и, выхватывая себе право говорить, порожаем к себе ненависть. Прости нас, Господи. Мы не умеем говорить кратко и говорить главное, многое в немногих словах. Прости нас, Господи, и помоги нам быть знающими и вместе умеющими молчать.

Все человеки наши ближние, потому что все суть создания единого Бога и произошли от единого человека. Но присные по вере сугубо близки нам, как чада Единого Отца Небесного по вере в Иисуса Христа.

Господи, мы недостаточно ясно осознаем свою близость с другими людьми и по созданию от единого Бога, и по происхождению от единого человека, и особенно как чада Единого Отца Небесного по вере в Иисуса Христа. Прости нас, Господи, за стертую память о своей близости к людям.

Гордый выше всего ценит свои способности и преимущества, и таким образом они для него – идол; а тщеславный желает, чтобы и другие этого идола почитали. Такое расположение гордого и тщеславного даже чувственным образом оказалось в вавилонском царе Навуходоносоре, который поставил сам себе идола и велел поклоняться ему (Дан. 3 гл.).

Господи, мы тоже склонны выше всего ценить свои способности и преимущества, делая их для себя идолом, а тщеславие пробуждает желание, чтобы и другие этого нашего идола почитали. Господи, прости нас, что мы через гордость и тщеславие впадаем в идолопоклонство.

Ангелы-хранители – это бесплотные духи, посылаемые Богом каждому человеку со дня вступления его в благодатное царство, то есть со времени крещения, и остающиеся с ним до самой его кончины, если только христиане своими поступками не отгонят их от себя.

Не станем же забывать Ангела-хранителя; не будем удалять его от себя нераскаянностью и беззаконием, – и он не оставит нас до самой кончины нашей, в час смертный, когда наступит время, передаст нас из школы воспитания Тому, Кто даровал нам жизнь и приставил к ней невидимого пестуна; мы сами узрим его радующимся и сопутствующим душе нашей в место радостей нескончаемых.

Господи, со времени крещения ангел-хранитель пребывает с нами, мы же забываем о нем, удаляем от себя нераскаянностью и беззакониями. Прости нас, Господи, что отгоняем его от себя своими проступками перед Твоей правдой и сподоби, чтобы ангелы наши передали нас из школы воспитания Тебе, даровавшему нам жизнь и приставившему к нам невидимого воспитателя-ангела.

Людам, не исполняющим заповедей Божиих, Господь Бог грозит: *«И придут на тя вси клятвы сия, и постигнут тя, донднже потребят тя... аще не послушаеши Господа Бога твоего хранить заповеди Его, и оправдания Его, елика заповеда тебе»* (Втор. 28, 15, 45).

Господи, сознательно не исполняем заповедей Твоих, Боже, и мы, когда не слушаем Тебя, Бога нашего. Прости нас, Господи, за неисполнение заповедей Твоих и избави нас от проклятия и страшных его последствий. Господи, не лиши нас Твоей милости.

**Исповедь VI. молитва и занятие ею. по
беседам старца-затворника
Гефсиманского скита иеросхимонаха
Александра (1810 – 1878)**

1. Дисциплина молитвенного делания

По слову Господа: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мк. 14, 38) и Апостол говорит: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5, 17). Из этих слов Писания усматривай себе правило.

Господи, Боже наш, мы виноваты пред Тобой тем, что в словах Писания не усматриваем себе правила. Прости нас и научи непрестанно молиться.

Желая тебе спасения, как и самому себе, зачем мне возлагать на тебя бремя, которое ты не в силах понести? Ты несешь теперь один пуд, возложи на тебя два пуда, ты бросишь оба. Разве ты не знаешь, что когда объезжают молодую лошадь, то сначала кладут на нее немного тяжести, а когда она втянется в работу, тогда возлагают много? Знает хозяин лошади, что она привыкла к труду. Так и в духовной жизни поступают. Смущаться этим не надо. Скажу тебе главное: храни ум твой в смирении и самоукорении.

Господи, Спасителю наш, многие из нас желают себе келейного правила и просят его себе у духовных отцов или старцев. Но во время молитвы мы теряем главное – это хранение нашего ума в смирении и самоукорении. Прости нас, Господи, за слабое желание смирять и укорять себя.

Еще скажу тебе, брате мой, что пользы будет, если дать тебе правило, установить для тебя известное количество поклонов и облечь прочими формами? А ум у тебя будет занят только тем, как бы исполнить и когда исполнить удобнее, и ты будешь, как работник, ожидать награды от своего хозяина за работу и не будешь замечать, как ум твой будет кичиться этим и осуждать других. Не лучше ли всегда считать себя должником перед Господом Богом и воссылать сердечные ко Господу молитвы, чтобы Он умилился на нашу нищету. Я, брате мой, не желаю тебя иметь под законом, но под благодатью. Какая польза возложить на тебя тяжкое бремя, которое может навести на тебя смущение, а враг этим пользуется, чтобы повредить тебе, потому что он всегда вкладывает в нас мысли

будто бы добрые и тем незаметно вовлекает нас во зло: ведь он живет восьмью тысячу лет – знает он как с нами управиться.

Господи, облакая молитвенное правило в определенную форму, мы часто теряем из виду необходимость считать себя должниками у Бога и воссылать сердечные молитвы к Тебе, Господу, Спасителю нашему, чтобы Ты умилил нас на нашу нищету. Прости нас, Господи, и помоги быть не под законом, но под благодатью. Сохрани нас, Господи, чтобы враг не вложил в нас свои мысли и тем незаметно вовлек во зло.

Для начала мы начнем говорить с тобой беспрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», но ум свой отклоним от счета молитв и не будем считать себя праведниками исправными, а лучше будем считать себя великими грешниками, по Апостолу: *«забывая заднее, простираясь же вперед»* (Флп. 3, 13).

Господи, Вседержителю неба и земли, прости нас за то, что мы не приучаем себя вдыхать кислород вечности говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а ведя счет молитвам, полагаем основание считать себя исправными праведниками. Прости нас, Господи, что мы еще не умеем считать себя великими грешниками.

По заповеди Господней и Апостольской необходимо всем христианам памятовать о Господе, а тем более монашествующим, как средним и совершенным, так и новоначальным, потому что слова *«непрестанно молитесь»* (1Сол. 5, 17) сказаны всем христианам. Нам надо спасение свое соделывать, не меряя на аршин, но подвизаясь в смиренномудрии.

Господи, Боже спасения рабов твоих, наша молитва еще далека от непрестанной, ибо «меряя на аршин», мы теряем смиренномудрие. Господи, прости нас, что часто наблюдение за количеством молитв мешает нам памятовать именно о Тебе.

Когда кто-либо не исполнял келейного правила, то отец Александр советовал пополнять недостающее смирением и самоосуждением. Иногда же скажет шутливо: «Смирнее будешь». Другим советовал заменять правило в случае нужды молитвой Иисусовой. Так одной монахине он говорил: «Когда не

можешь совершать правило, то сядь, твори Иисусову молитву сколько можешь – один час или полчаса, и вменится вместо правила». И вообще советовал более всего заниматься молитвой Иисусовой сердцем и устами: «Старайся, – говорил он, – имя Господне произносить устами: оно очищает и избавляет сердце от страстей».

Господи, случается и нам не выполнить домашнего правила, тогда и нам необходимо пополнять его смирением и самоосуждением, или же с сокрушением сердца говорить себе: «Смирнее будешь». Мы же так не делаем, прости нас, Господи. И когда не можем совершить молитвенного правила, то не приучили себя, сколько можем, творить Иисусову молитву, час или полчаса, чтобы и это вменилось вместо правила. Заниматься молитвой Иисусовой надо сердцем и устами. Но мы еще не знаем, что надо стараться произносить имя Господне устами: оно очищает и избавляет сердце от страстей. Прости нас, Господи, за это незнание и за неумение подключать к произношению имени Господня уст своих.

Молитва Иисусова выше всех деланий духовных. Но если кто понудит себя усердию к ней и на опыте вкусит сладость от нее, тот скажет тогда: «Блажен человек, который ею занимается». К этим словам святитель Феофан добавляет: «Молитва Иисусова должна идти после успеха в обычных молитвословиях, когда утвердится позыв к молитве в сердце. Кто прежде сего начинает, тот ничего не приобретает. Он похож на того, кто дует на холодный уголь».

Господи, Пастырю наш добрый, поведи нас на пажити молитвы Иисусовой, усердия к которой у нас, прямо скажем, очень мало, мы не нудим себя к ней и на опыте не вкушаем сладости от нее. Прости нас, Господи. И подготовка к совершению этой молитвы у нас слабая: мы не видим у себя успеха в обычных молитвословиях, не слышим в сердце своем позыва к молитве. Прости нас, Господи, что похожи мы на людей, дующих на холодный уголь.

Чтобы научиться молитве Иисусовой и не перестать ею заниматься, необходимо себя нудить. Без самопринуждения ни в чем не успеешь. Трудно идти в гору – под гору бывает легче;

трудно бывает также слепому, пока он не прозреет; а когда прозреет, радуется и веселится, что увидел свет. Так и в молитве, хотя плохо и с трудом будем учиться, но со временем научимся, если не ослабеем; зависеть это будет от нашего самопринуждения. Божия же помощь всегда готова к нам прийти.

Господи, мы не горим желанием, – а надо бы! – научиться молитве Иисусовой, мы не принуждаем себя к ней, а без самопринуждения не преуспеешь ни в чем, тем более в молитве. Прости нас, Господи, за отсутствие у нас желания молиться Иисусовой молитвой, принуждая себя к ней.

Не обращай внимания на помысл, говорящий тебе о возможном ущербе твоему уму, от действия Иисусовой молитвы. Не обращай внимания на него. Помысл этот от врага; а ты скажи помыслу: «Хотя бы случилось и умереть – но с именем Господним», и знай, продолжай молитву со вниманием.

Господи, Щедре и Человеколюбче, по немощи своей мы поддаемся помыслу, который пугает нас ущербом нашему уму от действия Иисусовой молитвы. От него мы смущаемся и молитву прекращаем на всякий случай. Прости нас, Господи, за это. Помысл этот от врага и нам это понятно. Поэтому скажем помыслу: «Хотя бы случилось и умереть, но умрем с именем Господним на устах и в сердце». И продолжим молитву со вниманием. Прости нас, Господи, что большей частью мы не готовы так говорить и делать.

Враг наш диавол, кругом нас окрадывающий и обманивающий, через нерадение и беспечность о нашем добром делании хочет отнять у нас время, как сказал некоторый святой старец: «Если кто-либо потеряет золото или серебро, то он может найти другое; если же потеряет время, живя в праздности и лени, то не сможет найти другого, взамен потерянного».

Господи, Иисусе Христе, положивый в Своей власти времена и сроки, Ты учишь нас дорожить временем, а диавол, наоборот, окрадывает нас, насылая нерадение и беспечность о нашем добром делании. А через это он отнимает у нас время,

насылая на нас праздность и лень. Господи, прости нас, что мы ему в этом содействуем.

Когда мы предстанем на суд Божий, совесть обличит нас в том, что все время провели в лености и нерадении, мало помнили о Боге и редко к Нему обращались, считая молитву и беседу с Ним скучными и невыносимыми; а Господь нам сказал: «Какую милость чаете получить от Меня вы, обращавшие весь свой ум и заботу только на дела свои? Идите же в место, уготованное для тех, кто проводил время жизни в суете, лености и нерадении о своем спасении: с кем вы проводили дни ваши, с теми и примете мзду за вашу беспечность».

Господи, когда Ты придешь судить живых и мертвых, совесть наша осудит нас за нерадение и беспечность о нашем добром делании и за время, которое мы отдали суете, лености и нерадению о своем спасении. Прости нас, Господи, за нашу беспечность.

Когда мы говорим, что нет времени сходить в храм Божий, или помолиться дома, то говорим это для того, чтобы не признать своей неправды и оправдаться. Если мы имеем усердие ко храму Божию или к молитве, то никакие дела нам не воспрепятствуют. Когда придет, например, к нам в гости кто из знакомых или родных или случится что-либо подобное, то мы оставляем свои дела и идем к гостям. А на молитву у нас не хватает времени: так мы делаем дело Божие с леностью и небрежением.

Господи, мы часто говорим, что у нас нет времени ходить в храм Божий или же помолиться дома. Говоря так, мы лукавим и скрываем свою неправду, чтобы оправдаться. Ибо на светские дела, разговоры и встречи времени у нас хватает, а на молитву его нет. Прости нас, Господи, что дело молитвы мы делаем с леностью и небрежением.

Провести с кем-либо в праздной беседе несколько часов мы готовы и рады были бы продолжить беседу после того, как она кончится. А когда станем на молитву, тотчас становится скучно, и представляются дела неотложные, и что настало уже время отдыха, и прочие невзгоды приходят.

Прости нас, Господи, что на молитве мы скучаем, представляем неотложные дела, допускаем мысли об отдыхе и прочих невзгодах жизни.

Мы сами себя здесь же осуждаем, потому что насколько в здешней жизни приобретаем мы усердие к всегдашнему памятованию Господа, настолько познаем Его и в будущей жизни. Если же в здешней жизни мы ленивы к молитве, то и в будущей окажемся в том же положении.

Господи, прости нас, что не требуем от себя усердия к всегдашнему памятованию о Тебе, Спасителе нашем. Прости нас, Господи, за отсутствие усердия к познанию Тебя и помоги усвоить мысль: насколько в этой жизни мы приобретаем память о Тебе, настолько в жизни будущей мы познаем Тебя, Господи.

Когда старцу отцу Александру говорили: «Совсем осуетились, не находим времени помолиться и о сем скорбим», то он отвечал: «Не тот блажен, кто начал, но кто окончил. Изберите время, хотя три раза проговорите молитву Иисусову, и то спасительно».

Господи, похожие суждения возникают и у нас, когда не находим времени помолиться. Мы не скорбим, что, начав молитву, не доводим ее до конца. Этим мы теряем верность Тебе, Господу нашему, и блаженство. Прости нас, Господи, и помоги найти время, хотя бы три раза в день проговаривать молитву Иисусову, ибо и это будет вести нас ко спасению.

Старец ставил внутреннюю молитву выше всех других добродетелей. Один ученик сказал старцу: «Батюшка, простите меня, я очень мало работаю для обители и скорблю о том». Старец ответил: «Не заботься о том, а больше работай над душой своей; зачем пришел сюда, чего искать – не спасения ли души?» И на вопрос ученика: «Батюшка, как исполнить слово Евангелия: «был болен, и посетили Меня» (Мф. 25, 36), – старец ответил: «Не заботься о сем; посещай свою душу усердной ко Господу Богу молитвой, ибо душа твоя больна».

Господи, вслушиваясь в наставления старца, невольно испытываем желание свою внутреннюю молитву ставить выше всех других добродетелей. Для этого нам надо при внешних послушаниях и работах думать и искать спасения душе своей; и

еще усердной ко Господу Богу молитвой посещать душу свою, ибо она больна. Прости, Господи, что такая работа над спасением своей души нам весьма трудна и нет в нас должного настроения исполнить Евангельское слово: посетив молитвой свою душу, мы посещаем Тебя, Христа и Бога нашего.

Старец не предписывал иметь при молитве какое-либо определенное положение тела. «Молится, – говорил он, – можно, и сидя, и лежа, и ходя, и одному, и в присутствии других, чтобы ум внимал тому, что говорится устами, а не о другом чем мечтал». Так, когда монахиня Каллисфения высказала старцу: «Батюшка, иногда хочется помолиться, а при товарке я стесняюсь; еще скорблю, что не имею умиления». На это старец ответил: «Можешь молиться при единомушной товарке, если и она желает спастись. Сядьте обе и творите молитву Иисусову; придет и умиление».

Господи, и нам надо молиться, не связывая молитву с положением тела. Главное, чтобы ум внимал тому, что говорится устами, чтобы он не мечтал ни о чем другом. Господи, прости нас за невнимательную молитву и за мечтания во время ее совершения. И еще прости нас, что стесняемся молиться в присутствии других людей, не уточняя – не единомушны ли они нам.

«Нам старцы говорили, – наставлял своих учеников отец Александр, – хотя бы вверх ногами, да творить молитву; многие по немощи лежа творили молитву, да бесов стоящих побеждали полки».

Господи, мы не готовы в любом положении тела совершать молитву Иисусову и побеждать ею бесов полки». Прости нас, мы слишком часто не настроены на победу.

«Надо зажигать лампаду своего сердца, чтобы оно горело любовью ко Господу Богу, а для этого необходимо молиться иногда устами, иногда умом, держа внимание ума в сердце. Когда изнеможет ум и сердце, творить можно молитву устами, выговаривая слова молитвы вслух, чтобы сердце чувствовало».

Господи, мы не озадачиваем себя возжиганием лампы своего сердца, чтобы оно горело любовью к Тебе, Господу нашему и Богу. Прости нас. И еще: мы не вводим в нашу

молитву правило: молиться то устами, то умом, держа внимание ума в сердце. При изнеможении ума и сердца мы не выговариваем слова молитвы устами, произнося их вслух, чтобы сердце почувствовало. Господи, прости нас за отсутствие внимания и дисциплины в молитве.

2. Стяжание добродетелей

«Замечай, что когда у тебя душа неспокойна и помысл говорит тебе: сделай поскорее то или другое дело, то знай, что это враг хочет тебя смутить и навести скорбь душе твоей».

Господи, прости нас, что часто принимаем подобный помысл, признаем за ним право руководить нами и, в результате, пожинаем смущение и скорбь своей душе.

Невозможно стяжать добродетели без трудов. Они достигаются усиленными трудами и долгим временем. Тогда-то ты будешь их ценить, когда они достанутся через труды твои. Если же что без трудов приобретено, то скоро и потерять можно. Мы бываем спокойны, когда беспрепятственно можем исполнять все свои желания, и когда никто нас не тревожит: захотим что есть – едим, захотим пить – пьем, захотим спать – спим, захотим пройтись куда – тоже себе не отказываем, если захотим бороться против этого, то увидим скорби.

Господи, конечно же, нам хотелось бы приобрести добродетели с меньшей затратой сил, но это невозможно, ибо дело становится добрым только в результате усиленных трудов и долгого времени упражнений. Забывая об этом и не прилагая усилий к доброделанию, мы скоро теряем их. Прости нас, Господи, за ослабление усилий и за потерю желания трудиться ради стяжания добродетелей. Отказывая себе в желаниях есть, пить, спать, пройтись куда-нибудь, мы бываем не готовы встретить скорби и потому не отказываем себе в желаниях и тем сводим свои труды на «нет». Прости нас, Господи, за утрату желания трудиться над совершением добрых дел.

Опытные и искусные в духовной жизни старцы удерживают ревностных новоначальных от разных подвигов духовных в начале их пути, потому что знают козни врага рода человеческого, который всегда под видом добра ищет нашей гибели, стараясь после подвигов вринуть нас в отчаяние или лень. Старцы, опытные в духовной жизни, так как сами проходили этот путь и видели опасности, бывающие на нем, знают, сколь многие погибают на этом пути от самочиния.

Господи, и мы подвержены бываем этим козням врага, ибо часто под видом добра он ищет нашей гибели, когда после подвигов желает нас вринуть в гибель – в отчаяние или лень. Господи, прости нас, не умеющих еще распознавать козни дьявола, не ищущих для себя руководства старцев и часто впадающих в самочиние.

Бывает ревность и не по разуму, как говорили нам старцы. В одно время я шел по саду и вижу, что садовник с молодых яблонь срывает цветы. Я спросил садовника, зачем он срывает цветы. А он мне и говорит, что если не срывать, то будут плоды, то есть яблоки. Меня это удивило, и я спрашиваю опять. «Что же, это хорошо, что плоды будут». А садовник говорит мне в ответ, что эти плоды повредят самой яблоне, и она впоследствии будет бесплодная. Эти плоды теперь вытянут сок из корня, и она может погибнуть, но когда корень возмужает, тогда и плоды будет приносить сугубо. Вот так и человек плоды дает во время свое.

Господи, и мы согрешаем ревностью не по разуму, когда в начале пути желаем совершать большие труды, чтобы и большее количество плодов внести в окружающий мир. И если не остережемся, не дадим своему организму возможность накопить силы, то добродетели наши не смогут плодоносить. Прости нас, Господи, что не даем корням веры и деятельности в себе возмужать и потому в зрелом возрасте делаемся малоспособными к плодоношению.

Старцы говорили нам, если кого враг чем замял (обманул), то надо советовать им, чтобы они делали себе насилие поступать напротив, именно: кого замял чрезмерным постом, то чтобы они оставили чрезмерность поста, а тем, кого замял многими поклонами, надо советовать, чтобы они оставили полагание поклонов без молитвенного к Богу возношения и в этом случае довольствовались одной Иисусовой молитвой, хотя это, может быть и будет казаться странным для многих, кто не знает этого духовного делания.

Господи, и нас враг не обходит стороной и часто чем-то заминает (обманывает). Поэтому мы должны заставлять себя поступать напротив. Например, когда мы постимся без меры,

нам следует оставить эту чрезмерность при соблюдении поста, при занятии чрезмерными поклонами, особенно без молитвенного обращения к Богу, поклоны отложить и довольствоваться одной молитвой Иисусовой. Господи, прости нас за чрезмерность в тех духовных подвигах, которые мы на себя берем и наносим себе вред своим неразумием.

Помысл о том, что можно подождать утруждать себя подвигами ради спасения души, безусловно, от врага. Ведь мы не знаем, когда придет час нашей смерти.

Господи, прости нас, не готовых отражать помысл врага о несении подвигов ради спасения души.

Есть корабли, которые претерпевают и крушение, но многие и пристанища достигают. Да, прискорбно бывает слушать о людях, потерявших ревность и ослабевших. Это дело сатаны, сам он мыслями смущает и потом научает людей говорить о своих слабостях, дабы ослабить ревность к благочестию. Нужна бывает сильная помощь Божия нам же. Надо удаляться от людей, смущающих нас такими, ослабляющими ревность о спасении, разговорами. Господь нас сотворил и добрыми, и благими, но большей частью чрез людей научаемся всякому злу и неправде.

Господи, бесполезно бывает нам слушать разговоры людей, потерявших ревность о спасении души и ослабевших. В них звучат мысли сатаны, желающего ослабить в нас ревность о спасении души, и нашими пересказами этих мыслей вводить в смущение и других людей. Господи, прости нас за слушание разговоров о людях, потерявших ревность о спасении души, и провоцирующих в нас склонность к расслаблению. И огради нас, Господи, от людей, научающих нас всякому злу и неправде.

Стоит человек в добродетели до тех пор, пока умом своим не отступает от Бога, а то, как муха в сметане, погибнет.

Господи, прости нас, что мы, при делании добрых дел, отступаем от Тебя, Бога нашего, и погибаем, как муха в сметане.

Праздник каждым христианином переживается неодинаково. Приходит однажды ученик к старцу и говорит: «Батюшка, поздравляю Вас с праздником». Старец ответил:

«Тогда у монаха праздник, когда на душе его отрада бывает». И при этом старец рассказал из жития преподобного Пахомия Великого, как старец его, преподобный Паламон, ударил себя рукой в лоб, говоря: «Господь мой Иисус Христос был распят, а я хочу вкушать с молоком», – и простоял на молитве три дня.

При этом старец прибавил: «Вот, чадо, и праздник».

Господи назидательный рассказ старца побуждает и нас смотреть на праздник как на событие, от которого на душе отрада бывает. И не только отрада, но и молитвенный подвиг имеет место. Мы же суть праздника не связываем с внутренним переживанием отрады от Господа и приливом молитвенного предстояния пред Христом распятым. Прости нас, Господи, не готовых к указанному способу празднования.

Отрада на душе бывает у нас не всегда, иначе мы забылись бы. А когда у нас ее нет, то мы начинаем ее искать.

Господи, прости нас, что мы не ищем отрады у Тебя.

Больше молчи и не внимай никаким помыслам, даже и добрым, никого не осуждай и не раздражайся. Авва Арсений сказал одному брату: «Молчи, непрестанно молчи».

Господи, мы часто бываем обеспокоены тем, что ничего не прибавляется к нашим добрым делам. И дается нам совет: молчать, не осуждать и не раздражаться; совет, который мы очень часто не выполняем. Прости нас, Господи.

Порой мы видим, что во всякое доброе дело вмешивается помысл тщеславия и приносит нам скорбь. Лучшее лекарство от этой скорби – смирение. Старец рассказывал о себе: «Вот какой у меня был случай. Ко мне пришел один клиросный брат и сказал про себя, что он имел дар слез. «Однажды, – говорил он, – стоял я с братьями посреди церкви на пении и не мог удержаться от слез; вдруг вижу видение: Матерь Божия стоит на воздухе, пред ней на коленях стоял монах и просил помилования. Она показала на меня и сказала: Вот, проси его, он достоин; Я послушаю его». Вот, видишь ли, враг везде строит козни, и слезы не всегда бывают полезны».

Господи, нам нужно научиться иногда не плакать и не жаловаться на помыслы, а терпеть и бороться с ними. Удивляться и сильно смущаться при каждом явлении помыслов

свойственно человеку при неправильно высоком мнении о своей чистоте, от которого и происходит печаль и смущение. Так говорит преподобный Иоанн Лествичник. Поэтому, когда мы видим, как в наши добрые дела вмешиваются помыслы тщеславия, мы не должны скорбеть и смущаться, тем самым показывая неправильно высокое мнение о своей чистоте. Господи, прости нас, что удивляемся и сильно смущаемся при явлении помыслов тщеславия и оставляем без внимания лекарство от этой скорби, именуемое смирением.

Бывали и у меня помыслы; враг говорил мне: «Ты чудотворец», – но я ограждал себя крестным знамением и с самоукорением говорил себе: «Может ли быть, чтобы великий грешник был когда чудотворцем?» И эти помыслы скоро всегда проходили; или псалом говорил: «Боже, в помощь мою вонми» (Пс. 69, 2).

Господи, бывают и у нас помыслы, через которые враг говорит нам о каких-то невероятных делах, которые мы якобы совершаем. В этом случае мы не пользуемся опытом отражения этих помыслов, которым пользовался старец Александр, а именно: мы не ограждаем себя крестным знамением и с самоукорением не говорим: «Может ли быть совершенно что-либо духовно значимое таким великим грешником как я. Или же говорить псалом: «Боже, в помощь мою вонми"... Господи, прости нас, что таким образом не отражаем приходящие помыслы и не умоляем Тебя, Бога нашего, запретить им приходить к нам.

В прежние времена были святые мужи, как преподобный Антоний Великий, преподобный Сергей и другие, которые жили тогда в глубокой пустыне и людей не видели, а если видели, то мало, поэтому им были видения и страхования; а мы живем в общежитии и боремся общими силами; Господь не попускает нам искушений сверх наших сил.

И нам следует уяснить, что мы не в пустыне живем, а в общежитии, и бороться должны общими силами. Господи, прости нас, что не обращаемся к поддержке и молитвенной помощи людей, с которыми живем. И еще, прости, Господи, что не умеем терпеть искушения и переносить их тяжесть в

уверенности, что Ты, Господи, не посылаешь искушений сверх наших сил.

На просьбу ученика помолиться о нем, ибо его сильно обуревают помыслы, старец ответил: «Терпи, чадо, и Господь тебе поможет, я бы и сам рассказал кому свой помысл, чтобы получить наставление и утешение. С тобой борется простой бесенок, а к нам приступают князья бесовские, с ними борьба и страшнее и опаснее».

При этом старец начал отирать рукой ланиты и глаза свои, наполненные слезами.

Господи, и мы не остаемся в стороне от обуревания помыслами и нуждаемся в молитвах духовно-опытных людей, но забываем к их молитвам прибегать. Прости нас, Господи, что не умеем потерпеть находящие на нас помыслы, и не напоминаем себе о том, что против нас пока еще ведет брань простой бесенок, но впереди может быть борьба и пострашнее, и поопаснее – с князьями бесовскими. Господи, укрепи нас в терпении и даруй нам мужество в борьбе с серьезными помыслами.

Мы должны знать, что враг делает невероятные усилия, чтобы отклонить человека от молитвы и от добродетели вообще, что он готов для этого дать человеку все сокровища мира. От врага сила не отнята, как мы видим из жития преподобной Евдокии (1 марта ст. ст.). Когда Архангел Михаил вознес душу преподобной Евдокии на воздух, тогда явился страшный образ (сатана) и говорит Архангелу: «Оставь ярость и послабь немного узы, которыми я связан. Увидишь, что я в мгновение ока истреблю от земли человеческий род и наследия его не оставлю». Видишь ли, что силу он имеет, только власти не имеет, даже и над свиньями, как видно из Святого Евангелия (Мк. 5, 12–13).

Господи, богомудрые отцы открывают нам знание о том, что враг делает все для него возможное, чтобы нас отклонить от молитвы и добрых дел. А для этого враг готов дать нам все сокровища мира, чтобы мы увлеклись ими и только о них и думали, и только их искали. И мы эту наживку, как рыба крючок, заглатываем и идем на поводу у врага нашего спасения. Прости

нас, Господи, что этими приманами мы легко оставляем молитву и прочие добрые дела. И еще мы должны знать, что сатана имеет силу, направленную на истребление рода человеческого, а вот власть ему для этого не дана. Не имея же власти, он не может помешать нашему спасению, лишь бы мы имели веру в спасающую силу Твоего Сына, Иисуса Христа. Господи, прости нас за слабую веру в спасающую силу Иисуса Христа, Господа нашего, Который разрушил царство сатаны и лишил его власти вредить роду человеческому.

3. Смирение и внимание себе в добродетели

Для спасения человеку необходимо смирение: насколько человек смирит себя пред Господом, настолько и обрящет благодать. В житии святого Евстафия Плакиды (20 сент. ст. ст.) мы читаем, как Господь явился ему и сказал: «Когда ты придешь в глубину смирения, Я вознесу тебя и прославлю на небесах пред Ангелами Моими».

Господи, для спасения нам необходимо смирение: его проявлению в нас соответствует дар благодати. Мы не твердо об этом помним и умножением в себе смирения не озабочены. Прости нас, Господи.

Многие, – говаривал старец, – творили великие добродетели и даже претерпели некоторые мучения, как видим мы из «Слова пятидесяти» святого Макария Египетского, а после впали в гнусные страсти и погибели.

Эти слова старца предостерегают нас от падения в гнусные страсти и погибели, советуя прочесть «пятьдесят слов» святого Макария Великого. Из них мы узнаем, что без смирения мы не сможем быть добродетельными до самого конца. Прости нас, Господи.

«Легко спастись можно только со смиренномудрием. Надо полагать, что многие погибли, не имея этой добродетели, то есть смирения, понадеялись на себя, и развратились».

Господи, мы еще не достигли меры смиренномудрия, чтобы не надеяться на себя и не развратиться. Прости нас, Господи, и научи нас восполнять недостаток других добродетелей смирением.

«У царя земного не все воины бывают генералами, есть у него и офицеры, и простые солдаты. Так и у Небесного Царя: если не будешь генералом, то будешь простым солдатом, а все будешь воин Небесного Царя. Смирять и укорять себя во всем, как непотребного раба».

Хорошая вещь – знание. И когда мы видим у земного царя генералов, офицеров и простых солдат, то прекрасно понимаем, что не всем предназначено быть генералами. Кто-то будет

офицером, кто-то солдатом. И если мы не будем генералами, то будем простыми солдатами. Вся суть тут в том, что мы будем воинами Небесного Царя, если будем смирать и укорять себя во всем, как рабов непотребных. Прости нас, Господи, что не умеем смирать и укорять себя во всем, чтобы быть Твоими воинами.

При проявлении лености и нерадения, при отсутствии поста, молитвы и воздержания, нам необходимо заготавливать себе более смирения и самоукорения; придет время, и ты будешь поститься, а то теперь ты будешь поститься, а прочих презирать и осуждать. Многие плоть свою постом иссушили, а страсти не одной не победили, ибо без смирения трудно спастись.

Господи, когда мы замечаем в себе леность и нерадение, когда не ладится у нас пост, молитва и воздержание, то это для нас должно стать знаком – пора заготавливать себе смирение, и самоукорение вводить в действие. Мы же, Господи, этого не делаем, а если постимся, то готовы презирать и осуждать других. Прости нас, что, постясь, не победили ни одной страсти и нехваткой смирения не приближаем к себе время спасения.

«Немощнейшее дитя мое, – говорил старец одной монахине, – хотя и ревностно твое устроение, но слабо. Смирись и не осуждай других. Смирение и одно сильно представить пред Богом».

Господи, и мы немощны: все на сердце холодно, и нет у нас чистой молитвы, греховные помыслы обуревают нас, мы забываемся в них, замедление и услаждение ими постигают нас. Прости нас, Господи, за слабое устроение. Прости, что не смиряемся и осуждаем других. Помоги, Господи, положить начало благое во спасение и согрей оледеневшее наше сердце.

«В мирской жизни торговец, торгуя каким-либо товаром, видит, что у него есть избыток и барыш от торговли. Он радуется этому, потому что приобретает богатство. Так и монах или обыкновенный добродетельный человек, если живет благочестно и приобретает истинное смирение от дел своих, то пусть радуется, что не с пустыми руками отидет от здешней

жизни, а если нет смирения, то напрасны все его труды и подвиги, предпринятые им в здешней жизни».

Господи, мы, желающие быть обыкновенными добродетельными людьми, желаем жить благочестно и приобретать истинное смирение от дел своих. Мы желаем этому радоваться, потому что приобретаем богатство, и не с пустыми руками отойдем из здешней жизни. Но желание – это одно, а на деле мы увлекаемся внешними добродетелями, смирение же и самоукоренение оставляем без внимания. Прости нас, Господи.

Мы будем осуждены не за то, что не совершили великих подвигов внешних и добродетелей (все это хорошо, но при внутреннем делании, и когда совершается со смирением) или не творили чудес, а за то, что не плакали о себе, как говорит святой Иоанн Лествичник. Будем осуждены за наше неправильное (высокое) мнение о себе и за успокоение себя и совести своей помыслами о достаточности одних внешних добродетелей.

Господи, мы много уповаем на подвиги и добродетели внешние, и, действительно, они хороши, но при внутреннем делании и когда совершаются со смирением. Без внутреннего делания мы не станем плакать о себе и будем осуждены за наше высокое и потому неправильное мнение о себе и за то, что любим успокаивать себя и свою совесть помыслами о достаточности одних внешних добродетелей. Прости нас за эту неправильность, Господи.

Слова Евангелия: *«Да не смущается сердце ваше... В доме Отца Моего обителей много»* (Ин. 14, 1. 2) сказаны тем, которые сетуют и плачут о грехах своих и познали свою нищету духовную, а не тем, которые успокаивают свою совесть одними внешними добродетелями.

Господи, мы склонны бываем успокаивать себя и свою совесть одними внешними добродетелями и не научились еще сетовать и плакать о своих грехах и не познали свою нищету духовную. Прости нас, Господи, что смущается сердце наше о несоответствии нашей жизни и жизни Царства Небесного.

«Полной пользы мы не получим от поста, если не научимся смиряться и укорять себя во всем и если не обратим все наше

внимание на внутреннее делание. Многие много сеяли, но, когда пришло время жатвы, ничего не могли пожать, так как сеяли они неразумно, то и ничего не пожали. И нам надо исправить то, что неразумно в нашем посте. Пост бывает разумен, когда человек при сем смиряет своего внутреннего человека и очищает сердце свое от страстей».

Господи, постясь, мы не учимся смиряться и укорять себя во всем, мы не обращаем должного внимания на свое внутреннее делание. А от этого поститься у нас как-то получается, а полной пользы от поста мы не получаем. Признаком неблагополучного поста следует считать нашу неготовность выносить от кого-либо слова, сказанного против нас, от чего воспаляется в нас сильный гнев и ярость. Господи, прости нас, что пост у нас проходит неразумно, ибо мы не смиряем своего внутреннего человека и не очищаем сердце свое от страстей.

Хорошо, если мы стяжем Господа в уме и сердце и будем Его иметь всегда пред собой и молитвой к Нему возноситься всегда, и стяжем нищету духа. Нам старцы советовали более заботиться о внутреннем человеке, а внешнее само собой придет. Когда мы стяжем Господа в разуме, тогда возрадуемся радостью неизглаголанной. Наши старцы нам не велели держать в келье воды святой без нужды, а довольствоваться тем, что в храме употребляется. У Исихия читаем: «Оттолкни искушающий помысл и к Господу обратись с молитвой, – и все тут».

Правильным устройением христианина является устройство, когда мы стяжем Господа в уме и сердце, будем иметь Его всегда перед собой и непрестанно возноситься молитвой к Нему, и тем самым приобретем нищету духа. Господи, прости нас, что такого настроения мы не имеем. Господи, прости нас, что мы не стяжали Тебя в разуме, потому и лишены радости, и средством отражения искушающего помысла считаем святую воду или просфору. Старцы же наши не велели нам держать в келье святой воды без нужды, а довольствоваться тем, что употребляется в храме. И по слову святителя Феофана, взятому у преподобного Исихия, мы должны «оттолкнуть искушающий

помысл и обратиться ко Господу с молитвой, – и все тут». Господи, прости нас, что мы на внешнее надеемся больше, чем на внутреннюю молитву.

Спасение можно получить там, где кто пребывает по слову апостола Павла (1Кор. 7, 20). Господь наш Иисус Христос сказал: «Истинные поклонники поклоняются Отцу духом и истиной на всяком месте» (Ин. 4, 23–24). Многие люди стремятся на Афон или здесь, переходя с места на место, ищут Царства Небесного в людях, а не в себе, забывая сказанное в Евангелии: *«Царствие Божие внутри вас»* (Лк. 17, 21). Конечно, бывают переходы с места на место и по благословным причинам, но по большей части это бывает по недостатку смирения и терпения и по осуждению других.

Господи, мы должны искать спасения, поклоняясь Отцу духом и истиною на всяком месте; а мы стремимся отыскать Царство Небесное в людях, и для этого переходим с места на место. Но ищем Его не там: не в людях Его надо искать, а в себе, по слову Евангелия: *«Царство Божие внутри вас»*. Прости нас, Господи, за эту ошибку. Прости нас за недостаток смирения, терпения и за осуждение других, из-за чего мы и не видим в себе Царства Божия, пребывающего в силе.

Возблагодарим Господа Бога за Его великие к нам милости, что Он премудро устрояет наше спасение, а дарования предадим Его святой воле, как Ему будет угодно, так пусть и устрояет сие. Нам со своей стороны нужно только побуждать себя к добродетели. Как в мирской жизни бывает, что богатый господин доверяет свое богатство верному и надежному приказчику, зная, что его богатство в руках этого человека будет сохранено, так и Господь посылает особенные дары таким лицам, которые употребляют их во спасение себе и ближним.

Господи, мы не научены благодарить Тебя за Твои великие к нам милости, ибо Ты премудро устраиваешь наше спасение, и по Своей святой воле наделяешь нас дарованиями, как Тебе угодно, так Ты это и устраиваешь. Прости, Господи, нас неблагодарных и не желающих исполнять Твою святую волю. А она требует от нас побуждения себя к добродетели. Добродетель – это знак верности и надежности, знак, что мы

употребим полученные от Господа дарования во спасение себе и ближним. Прости нас, Господи, что своими добродетелями мы не подтверждаем свою верность Тебе и надежность в сохранении и правильном употреблении (во спасение себе и ближним) полученных от Тебя, Боже наш, дарований.

Старцы запрещали нам просить себе духовных дарований. Многие просили, Господь Милосердный давал им, желая успокоить их неразумный крик, хотя знал, что данное им не на пользу будет (пример этому Евлогий Каменосечец в Прологе, 27 марта; хотя в Прологе сказано о вещественном богатстве, но это можно применить и к духовному). Скажу тебе, брате мой, не желай получить или достигнуть каких-либо духовных дарований; самое это желание неправильно и пагубно. Но старайся хранить себя как можно более в глубоком смирennemудрии, а остальное все предай воле Божией. Ибо мы не знаем, полезно ли нам получить какие-либо дарования. И еще скажу тебе: малоразумное дитя просит у отца ножик, но отец не дает ножа, зная, что дитя, по неразумию своему, может им себя обрезать. Брате мой, все тщание и все намерение твое обрати на то, чтобы увидеть себя, как пишет об этом святой Исаак Сирин: «Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов».

Господи, теперь нам понятно, что нельзя нам просить себе духовных дарований, даже самое это желание неправильно и пагубно. Господи, прости нас, что нет-нет, а подобные желания появляются. Мы же, чтобы удалить от себя подобное желание, не стараемся углубиться в смирennemудрие и предать себя воле Божией. И еще: мы все тщание и все намерение свое не обращаем на то, чтобы увидеть себя, что намного лучше, чем увидеть Ангелов. Господи, прости нас за то, что «видение себя» нас мало интересует.

По писанию святых отцов и по опыту, насколько нам Господь открыл, увидеть себя – это значит сознать себя великим грешником и счесть себя хуже великого грешника, увидеть свои грехи паче песка морского и недостойным себя считать даже хождения по земле.

Господи, мы не видим себя, как видели это святые отцы. Прости нас, что не видим себя великими грешниками, не считаем себя хуже великих грешников и не видим свои грехи, которых у нас более, чем песка на берегу моря. Прости, Господи, что нет у нас чувства, что мы по грехам нашим недостойны ходить по земле.

Нам не хочется таким образом видеть себя, потому что, как нам кажется, это очень трудно и не под силу. Но это видение ложное, мы больше сами этого не хотим, ибо для того, кто желает спастись, это очень легко. Помощь Божия ждет нас и всегда готова для нас. От нас же требуется понуждение, без него ничего не будет. Сказано: *«Понуждающие себя восхищают Царство Небесное»* (ср. Мф. 11, 12).

Господи, прости нас, что гасим в себе желание видеть себя «страхами», думая, что это трудно и нам не под силу. Прости нас, что не пользуемся Твоей помощью, которая всегда готова для нас. Прости, Господи, что не понуждаем себя к «восхищению Царства Небесного».

Труд смирения себя бывает неодинаков, смотря по тому, кто каким путем идет. Но только труд этот легче для простых сердец, у которых вера сильнее и простоты больше, как это видим, например, у Павла Препростого.

Господи, прости нас, что на пути смирения себя у нас не достаёт простоты сердца, и что вера у нас слабая.

Человеческое сердце, как зеркало или чистое стекло; если оно чисто от страстей и пороков, то эту чистоту только и видит во всяком человеке и никого не осуждает и не порицает. Поэтому надо молить Господа Бога, дабы даровал нам «зрети своя согрешения и не осудати брата своего». Как велик этот грех осуждения ближних и какую великую доставляет нам потерю и препятствие ко спасению, об этом Спаситель наш Иисус Христос сказал в Святом Евангелии: *«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы»* (Мф. 7, 1–2). Но если сердце у кого нечисто и осквернено страстями и пороками, тот эту нечистоту видит почти во всяком человеке, за всеми замечает и подозревает

дурное, как об этом пишет святитель Димитрий Ростовский. То же говорит святитель Тихон, Задонский чудотворец.

Господи, прости нас, что мы не смотрим на свое сердце, как на чистое стекло, чтобы и в других видеть только чистое и не осуждать и не порицать ближних. Господи, прости, что мало молимся Тебе, чтобы Ты оказал нам милость и даровал нам «зрети наши согрешения» и среди них – грех осуждения ближних, доставляющий нам потерю и препятствие к спасению. Господи, мы осознаем, что наше сердце осквернено страстями и пороками, мы понимаем, что эту нечистоту видим почти в каждом человеке, замечаем и подозреваем за ними дурное. Прости нас, Господи, за неоправданную подозрительность к людям и осуждение их.

Самое начало вашего преподавания, когда вы идете в класс, всячески подготовившись, мысленно составив план занятий, есть гордое, высокоумное и самонадеянное. Поэтому вы и возвращаетесь после уроков домой расстроенными и беспокойными. Не лучше ли поступать так: когда вы идете на дело, сначала помолитесь к Господу Богу усерднее, чтобы Он Сам управлял вашим делом во славу Свою, и смирите себя, сознавая свое бессилие и неможение, ибо без помощи Божией мы и рта не можем открыть. Итак, если вы будете держать свой ум в смирении и во время ваших занятий в классе будете прибегать умом в молитве ко Господу и от Него будете ждать себе помощи, то, поверьте, тогда вы будете всегда мирны и спокойны.

Господи, те из нас, кто преподает или воспитывает детей и взрослых, пользуются тем же методом подготовки к урокам и самое начало преподавания получается гордым, высокоумным и самонадеянным. Прости нас, Господи, за это и научи нас полагать начало благое. Оно будет состоять в усердной молитве к Тебе, нашему Господу и Учителю, в просьбе, чтобы Ты Сам управил нашим делом во славу Твою. Этим мы смирим себя, ибо без Твоей помощи мы и рта не сможем открыть. Господи, прости нас, что не держим ум в смирении и во время наших занятий в классе умом не прибегаем в молитве к Тебе и

не ищем у Тебя себе помощи, отчего и посещали нас состояния немирности и беспокойства.

Когда бывает тяжело, а посоветоваться не с кем, то трижды помолитесь Богу и куда помысл склонится, так и поступите.

Господи, прости нас, что мы так не познаем волю Твою.

Не желайте без времени о многом знать, старайтесь опытом и делом учиться, тогда вернее обо всем будете знать. Наши старцы говаривали: «Если человек богатеет мирскими благами, тогда он скупее и расчетливее бывает, а у кого приход с расходом равен бывает, тот не бережет копейки», – так же и в духовной жизни бывает.

Желая без времени о многом знать, мы будем опыт и дело отстранять от учебы и тогда верного знания об этом не достигнем. Прости нас, Господи, за поспешность в приобретении духовных знаний и за нежелание приобретать их опытом и делом. По этой же причине мы скупее и расчетливее бываем в делах, связанных с духовным подвигом и не сразу за них беремся. Прости нас, Господи, за расчетливость в приобретении благ духовных, а это весьма бесполезно.

4. Исповедание помыслов старцу

По нашим грехам, хоть и нет ныне старцев, какие были прежде, но кто истинно хочет спастись, тому Господь не даст погибнуть и пошлет ему старца, или же Сам, имиже весть судьбами, вразумит его. А говорить, что нет теперь таких старцев, свойственно тем, кто не хочет смирять своего сердца и своего мудрования. Таковым весьма трудно спастись. *«Праведник же не оскудеет на земле до скончания века».*

Господи, прости нас, что и в нашем сознании нет-нет, да и мелькнет подобная мысль об оскудении старцев на земле, и мы перестаем тогда искать их, перестаем смирять свое сердце и свое мудрование. Прости нас, Господи, и помоги всегда держать в памяти, что «праведник не оскудеет на земле до скончания века».

Господь и Бог наш хочет, чтобы все спаслись; мы так себе не желаем спастись, как Он нам этого желает. А случается это с такими людьми большей частью от высокоумия, гордости и осуждения других. Когда предпринимают они подвиг, то ни с кем не хотят советоваться, живут по своей воле, от того и погибают.

Господи, мы знаем, что Ты желаешь нам спасения даже больше, чем мы сами себе желаем. А случается это с нами от высокоумия, гордости и осуждения других. Прости нас за это превозношение перед другими, Господи. Прости, что не хотим советоваться, когда предпринимаем подвиг, что свою волю хотим творить и от того спотыкаемся и погибаем.

Подобным людям спастись можно, если они захотят, только трудно это. Старцы нам говаривали: «Горбатого могила только исправит». А, впрочем, отчаиваться не надо: милосердия у Господа – неисчерпаемая пучина. Но, во-первых, им надо сделаться подобными малым детям и ничего без благословения не делать; обо всем надо советоваться, конечно, не со всеми, а к кому имеют доверие – со своим духовным отцом или с братом, имеющим духовный разум.

Господи, мы верим в Твое милосердие и к нему прибегаем, чтобы, получив благодать Твою, захотеть сделаться подобными

малым детям и ничего не делать без благословения, обо всем советоваться со своим духовным отцом. Господи, прости нас, что с этой верой у нас не сочетаются наши дела. Помоги, Господи, нам сделаться подобными малым детям и все время жизни своей искать благословения духовного отца на свои дела.

Святые не все жили под руководством старцев. Многие и без руководителя угодили Богу. Примеров таких много: такова преподобная Мария Египетская; у нее было уязвлено сердце теплотой скорби о грехах ее. Она осознала свою греховную жизнь и удалилась в глубокую безлюдную пустыню. И какие там не предпринимала подвиги и какие не терпела злострдания, все считала себя великой грешницей. Через это она стяжала нищету духовную и просияла, яко светило, на земле, и до сего дня Святая Церковь ее ублажает и почитает. Так и к старцу ходят не ради чего иного, как ради того, чтобы смирить свое мудрование и преломить свою злую волю, дабы сделать ее покорной воле Божией и исполнять заповеди Господни впоследствии без труда.

Когда мы не можем жить под руководством старцев, то должны просить Бога, чтобы Он уязвил наше сердце теплотой скорби о наших грехах, как это было у преподобной Марии Египетской. И нам надо предпринимать подвиги и терпеть злострдания, чтобы считать себя великими грешниками. Мы же такую задачу перед собой не ставим и доказательств своей греховности не отыскиваем. Прости нас, Господи, за нежелание считать себя великими грешниками и через то приобретать нищету духовную. И еще: мы не ищем встреч с духовно опытными людьми, чтобы, вопрошая их, смирить свое мудрование и переломить свою злую волю и сделать ее покорной воле Божией и исполнять заповеди Божии без труда. Господи, прости нас за самостоятельное мудрование и удобопреклонность исполнять свою злую волю.

Детей своих мы обучаем грамоте, отдаем их в школы и училища, чтобы учителя растолковали им, что написано в книгах. Одни книги без учителей не принесут им пользы. И это делают для обучения наукам в течение нескольких лет, хотя науки полезны только для здешней кратковременной жизни.

Поэтому пренебрегают душой бессмертной те, кто говорит, что не нужно руководство в жизни духовной.

В обычной жизни книги без учителей не приносят нужную пользу детям. А в духовной жизни тем более необходимо руководство пастырей Церкви даже при наличии книг. Прости нас, Господи, что не считаем себя обязанными прибегать к совету духовников.

Истинно желающим спасения Господь в нынешнем веке пошлет невидимо наставника. В Священном Писании, как свидетельствует апостол Петр, *«есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают»* (2Петр. 3, 16). Оттого многие из читающих впадают в лжеучение, ереси и расколы. В чтении Божественного Писания непременно должен быть наставник. В Деяниях святых апостолов мы читаем, что когда святой апостол Филипп спросил евнуха царицы Муриной, читавшего книгу пророка Исаии, понимает ли он, что читает, тот отвечал: *«как могу разуместь, если кто не наставит меня?»* (Деян. 8, 31).

Господи, мы верим, что истинно желаем спасения, и что Ты пошлешь нам наставника. То неудобовразумительное, что есть в Священном Писании, мы без помощи наставника, конечно же, разуместь не можем, как это было с евнухом царицы Муриной, читавшего книгу пророка Исаии. Ему был послан апостол Филипп и наставил его, и он принял крещение. Так и мы, Господи, если читаем Священное Писание без наставления опытного в духовной жизни и богопросвещенного, многие вещи понимаем превратно, подпадаем вражьей лести и делаем ошибки, провоцирующие нас на грех. Прости нас, Господи, что мы мало испытываем нужду в наставнике и больше рассчитываем на свои силы и, конечно же, заблуждаемся. Помогите нам, Господи, в эти минуты с наставником, и дайте нам способность услышать от него то удобовразумительное, что исправит нашу жизнь к благим делам.

Когда я жил еще в Оптиной пустыни, многие новоначальные покупали себе священные душеполезные книги, например, «Добротолюбие» и другие и говорили: «Вот нам старец – книги».

Но ни в одном из них толку не оказалось. Действительно они изощряли свой ум учить других, а сами на деле проходить добродетели не научились. Это встречается и в миру: если кто-нибудь читает или спрашивает о торговле или о мастерстве каком, а сам на опыте заниматься этим не будет, то как же он может научиться сему?

Господи, нам хотелось бы, чтобы книги заменили нам старческие советы, но на деле оказывается, что наш ум от чтения книг изощряется учить других, а сами мы делом проходить добродетели не учимся. Прости нас, Господи, что, поучая других, себя в добродетели не упражняем.

Человека, который растолковал бы нам Писание, нам надо искать непременно и обрящем, искать усиленно и найдем. Если будем усердно молиться Господу Богу, то после этого и малое дитя скажет великое на пользу душе нашей. А то, что иные будто желали бы найти руководителя, но не находят, говорят те, которые не хотят смириться. К тому же и враг рода человеческого, который всегда хочет нашей гибели, препятствует: знает он, что если кто со смирением будет искать совета у человека опытного в духовной жизни, то этот разъяснит спрашивающему коварство врага (как пишет святой авва Дорофей в пятом поучении).

Господи, мы больше любим читать Священное Писание, нежели его изучать. Поэтому и не ищем того, кто растолковал бы его нам. Мы, конечно, ищем, но не усердно. Мы молимся об этом, но усердие приложить к молитве забываем. Прости нас, Господи, за потерю усердия в поиске наставника. Помоги, Господи, помнить, что и малое дитя после такой молитвы сможет открыть нашей душе великое. Прости нас, Господи, и за то, что в желании найти себе руководителя у нас не хватает смирения, чтобы опытный в духовной жизни человек разъяснил нам коварство врага.

Если не смирим себя и не отсечем своей воли, никогда себя не успокоим; найдем сначала в себе Царство Небесное, тогда найдем и в людях. Сказано в Писании: «И враги человеку – домашние его» (Мф. 10, 36). Вот с этими-то врагами и надо бороться. Когда будем бороться и познаем свою немощь и

бессилие – что без Божией помощи мы сами ничего не можем сделать, тогда сочтем мы всякого человека лучшим себя и найдем благопотребного для себя руководителя.

Господи, мы не умеем смирять себя, и не отсекаем своей воли, поэтому и покоя в себе не обретаем. Прости нас, Господи. И Царства Твоего, Господи, не ищем сначала в себе и не можем оттого найти его и в людях. В Писании сказано: «И враги человеку – домашние его». Вот с этими-то врагами мы не боремся, свою немощь и бессилие не осознаем, не понимаем до конца, что без Твоей, Боже, помощи мы сами ничего не можем сделать. Господи, прости нас за то, что время от времени исключаем из своей жизни Твою благодатную помощь. Помоги, Господи, обрести такое видение, по которому увидим всякого другого человека лучшим себя и найдем благопотребного для себя руководителя. Буди, буди так, Господи!

Бывают старцы святые, но не искусные. Таковыми бывают те, которые в себе сохранили благодать по Святом Крещении. Они, восприняв ревность о спасении, вскоре освящаются, не испытывая борений, которые обычны для падавших по Крещении. Как они не испытали борьбы, то и советниками в этом деле быть не могут. Но есть и такие святые, которых только мир почитает святыми и ублажает как прозорливцев, – к таким не прилепляйтесь.

Нам старцы говорили: «Ищи себе старца не столько святого, сколько искусного и опытного: бывает много святых старцев, но мало искусных». Надо советоваться с людьми благоразумными, и сострадательными, и имеющими духовный разум, особенно же ищи себе такого старца, который ищет нищету духа, кроткого и смиренного, и прочими добродетелями украшенного, как пишет святой апостол Павел (Гал. 5, 22–23). Такие большей частью миром бывают презираемы, их мир ненавидит, как о них Господь сказал в Святом Евангелии (Ин. 5, 18–19). Блажен человек, который обрящет опытного и искусного для своего спасения.

В поисках старца нам следует знать, что бывают старцы святые, но не искусные. Ими бывают те, кто в себе сохранил

благодать Святого Крещения, воспринял ревность о спасении и освящение, но не испытывают борений, которые обычны для падавших после Крещения. Не испытав борьбы, они и советниками в этом деле быть не могут. Господи, прости, что мы не подготовлены к такому наблюдению и поиску искусного советника. И сохрани нас, Господи, от таких «святых», которых только мир почитает святыми и ублажает как прозорливцев.

Опытные в духовной жизни советуют нам искать старца не столько святого, сколько искусного и опытного. И советоваться нам надо с людьми благоразумными, и сострадательными, и имеющими духовный разум, особенно же ищущего нищеты духа, кроткого и смиренного, украшенного добродетелями. Мы же таким поиском не озадачены. Прости нас, Господи, что не нашли себе опытного и искусного для нашего спасения наставника.

5. Чтение книг и молитва

При помысле закупить книг и читать их запомним одно. Надо выучить то, что уже читал, а то от многого знания у нас будет надмение. Более же надо заниматься молитвой Иисусовой. Тогда не захотим и книг никаких читать, когда она нас будет улаждать и научать.

Господи, при желании иметь побольше книг следует напомнить себе, что лучше выучить то, что уже читал и тем самым избежать надмения. Прости нас, Господи, что покупаем много книг и надмеемся, и не занимаемся молитвой Иисусовой, чтобы она улаждала и учила нас.

Ум у нас один, он может ослабевать в книжном чтении и, в результате, не сможем трезвенно молиться. А я нахожу более полезным для себя заниматься молитвой.

Господи, прости нас за то, что при выборе читать или молиться, мы находим, что для нас полезнее читать, чем молиться. И делая неправильный выбор, удаляем себя от пути спасения.

Из книг для чтения нам полезно читать те, которые учат, как побеждать страсти.

Господи, прости нас, что мы не имеем желания читать такие книги, чтобы научиться побеждать страсти.

Когда помысл внушает нам выписать что-либо назидательное из прочитанной книги, ты этого не делай. Враг только хочет отнять у нас время, дабы отклонить от молитвы. Если бы мы знали, какие он делает усилия, чтобы отклонить человека от молитвы: он бы готов был дать этому человеку все сокровища мира. Знает он, коварный, какие блага человек приобретает через молитву.

Господи, прости нас за то, что мы много тратим времени на выписки из прочитанных книг в ущерб молитве.

Лучше читать книги преподобного Паисия (Величковского), Иоанна Лествичника, Серафима Саровского, с приложением правил о молитве Иисусовой, Исихия Иерусалимского, аввы

Дорофея и прочие, которые поучают добрым деяниям и молитве. Но читай меньше, а больше занимайся молитвой.

Господи, мы мало читаем книг, поучающих нас молитве Иисусовой и добрым деяниям. Прости нас за это, Господи, а также за то, что читаем больше, чем занимаемся молитвой.

Святой Макарий Египетский говорит: «Евангелие показывает прямо, как надо полотно ткать, а Апостол поясняет, как и волну приготавливать». Надо жить по Евангелию и Апостолу, чтобы приобрести опыт, который всему «научит; без опыта, если и будем читать эти книги, будем знать это дело поверхностно и ум свой острить, но сердце мало будет сочувствовать читаемому. Лучше всего и полезнее всего новонаначальному забыть свое «я», повергнуть свое мудрование под ноги благоразумных людей, отсечь свою волю и отвергнуться себя, взять крест, как Господь говорит в Святом Евангелии. Трудно спастись без смирения. Хотя бы мы познали всю мудрость века сего, но если у нас не будет смирения, то толку никакого не будет, и душа наша будет пуста, если только на одном познании будем основываться».

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, мы призваны жить по Евангелию и Апостолу, чтобы приобрести опыт, который всему научит. А мы этот опыт в своей жизни не создаем. Поэтому когда читаем эти книги, не основываясь на опыте, то ум наш изостряется, а сердце мало сочувствует читаемому. Прости нас, Господи, за поверхностное чтение духовных книг и за то, что не умеем свое «я» повергнуть под ноги благоразумных людей, отсечь свою волю и, отвергнув себя, взять крест, явив, тем самым, наше смирение. Господи, обереги нас от пустоты душевной, основанной на одном познании.

**Исповедь VII. духовные беседы о
спасении. по беседам с сестрами
Иверской Выксунской обители
преподобного Варнавы Гефсиманского
(1831– 1906)**

1. Лествица на небо

Убеждая сестер учиться молитве Иисусовой и денно и ночью прославлять Пречистую Богородицу, старец нередко приводил следующий замечательный рассказ.

«Один благочестивый инок, – рассказывал старец, – старался научиться молитве Иисусовой и наконец после великих усилий приобрел себе этот дар непрерывного призывания всесильного имени Иисусова, коим всю жизнь нещадно поражал невидимых духов злобы. Не имея возможности лично приступить к подвижнику, лукавый враг поселил ненависть к нему в сердце другого брата-инока, который с той поры всячески старался повредить и досадить своему брату.

Стоя однажды в храме за утреней, этот брат взглянул в сторону ненавидимого им инока и увидел, что возле него стоит прекрасная Жена в черном одеянии инокини и плетет венок из цветов, которых подле Нее лежит весьма много. Берет Она девять роз белых и десятую пунцовую и вплетает их в венок. При возгласе иеродиакона: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим» – Жена вдруг поднялась на воздух и увенчала инока сплетенным венцом.

В ужасе брат этот пал на помост церковный. Затем, подойдя к иноку, увенчанному от руки Прекрасной Жены чудным венком, он падает перед ним на колени и умоляет открыть ему, чем он так благоугодил Богу и Царице Небесной, что заслужил такую награду от Нее. Благочестивый инок-молитвенник с удивлением и смирением отвечал, что ничего за собой доброго не знает, кроме навыка к безмолвному творению молитвы Иисусовой. Он молился постоянно так: девять раз произносил молитву Иисусову, а десятый – песнь Богородице.

Понял тут брат, почему Прекрасная Инокиня вплетала в венок через каждые девять белых роз одну пунцовую. Умилился он душой и просил благочестивого инока принять его к себе в ученики».

Господи, мы не научены безмолвному творению молитвы Иисусовой и не прилагаем великих усилий приобрести себе этот дар непрестанного призывания всемогущего имени Иисусова. Мы не настроены нещадно день и ночь поражать невидимых духов злобы. Прости нас, Господи, что в рамках обычной жизни мы не приносим Тебе, Господи, достойной молитвы и Твоей Пречистой Матери не воздаем достойную честь.

Здоровье – Божий дар. Оно по воле Божией может быть отнято у нас ради спасения душ наших. Принимая эту волю, нам не следует нарушать правила иноческого жития, установленного святыми отцами, и ради болезни вкушать мясо. Нам следует заботиться о том, чтобы, укрепив силы телесные, в то же время не расслабить сил душевных.

Господи, мы знаем, что здоровье – это дар Божий, и что его Господь может у нас отнять ради спасения души. Воля Божия будет выявлять, в этом случае, нашу готовность не отступить от правила иноческого жития, установленного святыми отцами. Господи, прости нас, что во время болезни желаем положиться на лечебные свойства недозволенной пищи и, укрепляя силы телесные, расслабляем силы душевные.

Нам, монахам, более должно заботиться о душе, нежели о здоровье тела; должно стараться посильными трудами и терпением изыскивать путь ко спасению, а за скорби и различные лишения, ниспосланные от Бога, благодарить Его, потому что они – лестница на небо.

Господи, как же важно нам научиться заботиться о душе, не поставляя во главу угла заботы о здоровье и покое тела. Нам должно посильными трудами и терпением изыскивать путь ко спасению. Господи, прости нас, что в это время мы за цикливаемся на скорбях и лишениях, а труд и терпение устраним от пути спасения. Прости нас, Господи и за то, что мы не готовы благодарить Тебя за скорби и различные лишения, ниспосланные нам от Тебя, а ведь они – лестница на небо.

Мне самому врачи советовали оставить на время постную пищу и есть мясную. Иначе, говорили они, я проживу не более двух дней. Это было в первое время по вступлению в обитель, когда действительно я был почти в безнадежном состоянии.

Но, не получив согласия и благословения моих старцев на вкушение мяса, я отказался есть его, и вот остался жив.

Ведь Сама Матерь Божия, указывая одному иноку путь ко спасению, заповедала ему не вкушать мяса. Усердно просил инок Царицу Небесную указать ему этот желанный путь, и Она, Владычица, явившись ему, сказала: «Не ешь мяса, не пей вина, чаще молись Богу и будешь спасен».

Итак, сестры, еще раз повторяю вам: не думайте получить себе здоровье только от питания себя мясом, ибо без воли Божией не поможет вам и мясо, а, пожалуй, и повредит еще. Поэтому убедительно прошу вас: всегда и во всем полагайтесь на волю Божию, а не на свой человеческий разум, советующий вам, как и в сем случае, нарушением постановления Святой Церкви принести себе якобы некоторую пользу. Святой апостол говорит: *«Когда я немощен, тогда силен»*; также сказано, что *«сила Божия в немощи совершается»* (2Кор. 12, 9).

Как же важно нам все делать с благословения и согласия старцев, особенно в желании исполнять иноческие уставы. Здесь от нас потребуются и вера установлениям Церкви, и доверие старцам, и мужество не уклониться с пути спасения, как это было у самого старца Варнавы. Прости нас, Господи, мы уставы монашеской жизни не сделали еще своим законом, по которому мы призваны жить, мы часто свои рассуждения и мысли ставим выше старческих, и не являем мужества в перенесении болезненных скорбей. Господи, помоги нам возыметь веру, что здоровье приобретается не кормлением себя мясом, а исполнением воли Божией, полагаться на нее, а не на свой человеческий разум, говорящий нам, что нарушением постановлений Святой Церкви можно принести себе якобы некоторую пользу. Господи, помоги нам познать в своей немощи Твою силу, ибо сила Твоя в немощи совершается.

Нам необходимо всегда прибегать под защиту святого Креста и к силе крестного знамения, – говорил отец Варнава.

Одна кроткая, смиренная девица проживала несколько лет в монастыре. Враг рода человеческого не оставил в покое эту добродетельную девицу, щедро одаренную от природы прекрасной наружностью. Один юноша, увлекшись ее красотой,

упрашивал ее оставить монастырь и выйти в мир. Не получая ее согласия на это, он обратился за содействием к родному дяде инокини, который так же желал, чтобы она оставила тихую обитель и возвратилась в мир. Но и после этого девица осталась непреклонной в своем намерении до конца дней своих служить одному Господу. Она решилась жить в монастыре, мужественно побеждать врага, действовавшего через этих людей. Видя ее твердость, решился сатана на последнее средство к соращению ее с доброго пути. Явившись к инокине в образе ее дяди, он стал прямо-таки упрашивать ее возвратиться из монастыря в мир. Обольститель говорил, что она может получить спасение и в миру, как спаслись многие великие пророки, апостолы и некоторые святые жены. Юная девица смутилась, слыша такие доказательства правоты слов и убеждений мнимого своего дяди. Но не поколебалась она и при этом в своем намерении не оставлять обитель и, призывая на помощь Пресвятую Богородицу, оградила себя крестным знаменiem. Мгновенно с шумом исчез обольститель, не терпя силы крестного знамения, и девица увидела, что она одна. Тут бедная инокиня ясно познала, что совершилось с ней.

Господи, мы виноваты пред Тобой, что не дорожим силой крестного знамения и не прибегаем под защиту Твоего, Господи, Креста. В результате мы не распознаем козней врага нашего спасения и его приражений, смущающих нас. Прости нас, Господи.

Избегайте, сестры, в своих обычных разговорах всяких пересудов, укоров и иногда совершенно неправильных обвинений в чем-либо греховном посторонних. Мы часто поступаем в данном случае легкомысленно. Судить ближних не имеем власти, да и судить-то правильно весьма часто не можем.

Господи, мы не держим под контролем наши обычные разговоры и поэтому впадаем в пересуды, укоры и иногда совершенно неправильные обвинения в чем-либо греховном посторонних. Прости нас, что поступаем в этих случаях легкомысленно: ибо судим других, на что у нас нет права, да часто и судить-то правильно не умеем.

«Один брат, – рассказывал батюшка сестрам, – живя в монастыре много лет, был невнимателен к обязанностям монашества: то к обедне опоздает, то утреню проспит... Все почитали его нерадивым. При кончине же его все с удивлением заметили какую-то необыкновенную радость, светившуюся на его лице, и спросили его: «Что ты так весел? Разве тебе не страшно умирать? Ведь ты всегда жил в небрежении». «Нет, не страшно, – отвечал он. – Со времени моего вступления в монастырь я никого не осуждал и ни на кого злобы не имел. Жил я все время с полной верой в слова Спасителя: не осуждай – и не будешь осужден, прощай – и будешь прощен. Теперь же я видел Ангелов Божиих, разорвавших рукописание грехов моих. Поэтому я радостно отхожу в вечность».

Из этого видно, поясняет старец, что не должно спешить с обвинением и тех, кто, по-видимому, действительно виноват, потому что всегда можно осудить невинного. И действительно, не можем мы быть судьями ближнего, так как видим его только согрешающим, а не видим кающимся. Каждая из сестер должна усиленно следить за собой, замечать и искоренять собственные погрешности и дурные наклонности. Тогда никто не станет судить ближнего – не только судить, а будет считать его гораздо даже лучшим себя.

Господи, как же часто мы составляем о ближнем осудительное мнение и ошибаемся. Ибо видим его согрешающим, но не видим его кающимся. Прости нас, Господи.

Господи, прости нас, что усиленно не следим за собой, не замечаем и не искореняем собственные погрешности и дурные наклонности. И потому не можем считать ближнего гораздо лучшим себя. Прости нас.

Если кто из вас, замечая свои грехи, внимательно следя за своими сокровенными мыслями, впадет в уныние и отчаяние, тогда вдвойне погрешит, ибо самая эта безнадежность есть величайший грех. Помните ли видение святого Пахомия? Видел он великий ров и в нем множество иноков, которые стремились выйти из него, но сталкивались с другими встречными иноками, обрывались со стен рва и падали в бездну, исчезая во мраке; только некоторые из них с великим усилием выходили из

мрачного рва в место света. Проснувшись и размыслив о виденном, святой Пахомий стал со слезами взывать к Богу:

– Господи Вседержителю! Если так, то для чего Ты попустил устраиваться монастырям? Помяни завет Твой, которым Ты обещал хранить до скончания века служащих Тебе! Ты знаешь, Господи, что с тех пор, как принял я монашество, всегда смирялся пред Тобой и не вкушал хлеба, не пил воды досыта!

– Пахомий, – услышал он голос с неба, – не хвались: ты человек, проси прощения! Моим милосердием монастыри устоят, и семя духовное не оскудеет до скончания века! Из тех, кто будет после тебя, многие Моей помощью спасутся из глубины рва мрачного и станут выше древних подвижников, потому что они без наставников вырвутся из мрака греховного, собственным лишь трудом, и пойдут усердно путем иноческих добродетелей и угодят Мне. Иные же получают спасение за благодушное перенесение скорбей.

Вот, дети, как Господь наставлял и утешал Своего раба Пахомия, великого наставника монахов. Помните поэтому, что, так как мы немощны и не в силах понести трудов и подвигов древних иноков-подвижников, то наша обязанность – быть терпеливыми в перенесении скорбей, всем довольными в жизни. Главное же – вы не должны давать какого-либо повода приразиться к нам темным духам. Это да будет вашим подвигом: не храните злобы на ближнего в своем сердце, как сказано: *«солнце да не зайдет во гневе вашем»* (Еф. 4, 6). Обуздывайте язык свой, чтобы не говорить злого во гневе на ближнего. Сказанного слова не возвратишь, а оно, произнесенное во гневе, острее ножа поражает сердце ближнего».

Господи, мы сознаем свою немощь и не в силах понести трудов и подвигов древних иноков-подвижников. И наша обязанность – быть терпеливыми в перенесении скорбей, быть довольными всем в своей жизни. Мы же таковую обязанность себе не вменяем в подвиг, остаемся нетерпеливыми, недовольными своей жизнью. Прости нас, Господи, что не делаем главного – даем приразиться к нам темным духам, когда храним злобу на ближнего в своем сердце, когда не обуздываем

своего языка, когда говорим злое на ближнего во гневе своем. Прости нас, Господи, что сказанным во гневе словом мы, как острым ножом, наносим раны сердцу ближнего.

2. Избранничество

Поступив в обитель, не думайте, сестры, что вы, оставя мир и вся «*яже в мире*» (Ин. 2, 15): богатство, почести, удовольствия мирские, – чего-либо лишились в этом мире. Нет, сестры, все это, что представляют собой все радости и удовольствия мирские – мутный призрак, за которым следует пустота, уныние духа и недовольство. Вы благодарите Бога, что водворились в тихом пристанище святой обители и теперь являетесь уже избранницами Царя Небесного. Поэтому да будут все ваши мысли в Боге, и Господь поможет вам во дни скорби. Одно только нужно в обители: молитва, отсечение своей воли, труд и терпение. Не забывайте, дети, что без скорбей и искушений невозможно нам и спасение. Велико искушение – тут-то и борьба: проси помощи у Подвигоположника Господа, от Которого великая награда готовится потерпевшим искушение.

Поступив в монастырь и оставив мир и все, что в мире – не будем думать, что мы чего-либо лишились в этом мире. Прости нас, Господи, что таким мыслям в себе не отказываем и не научились еще благодарить Тебя, Царя Небесного, за честь быть Твоими избранницами. Осознаем теперь, что все наши мысли должны быть в Тебе, Боге нашем, и тогда Ты поможешь нам в дни скорби. Как избранницам Твоим, Господи, нам к лицу только молитва, отсечение своей воли, труд и терпение. Прости нас, Господи, что жестоко ошибаемся, когда думаем, что без скорбей и искушений возможно наследовать спасение. Верим, что только Ты, Подвигоположниче наш, можешь помочь нам преодолеть искушение и подать награду тем, кто потерпит до конца.

Старайтесь, сестры, стяжать смирение и послушание. Помните, что Сам Господь говорит нам: «*На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих*» (Ис. 66, 2). Смиранный всецело предает себя воле Божией, ничем не гордится, всякий успех в деле приписывает не своим способностям, а благодати Божией, ни в чем не доверяет своему

разумению, во всем беспрекословно следует повелению настоятельницы или рассуждению своего отца духовного.

Господи, приобрести смирение и послушание – это Твое нам задание на всю монастырскую жизнь. Это задание имеет огромное значение и для жизни приходской. Задание это как закваска, как дрожжи для теста, связано с памятованием слов Господа, говорящего, что Он останавливает Свой взор на тех, кто кроток, молчалив и трепещет от Его слов. Господи, прости нас, что наш нрав еще не соответствует этим словам Твоим, и мы всецело не предаем себя воле Твоей, бесконечно гордимся, всякий успех в деле приписываем своим способностям, забываем о благодати Твоей, Боже, слишком много доверяем своему разумению, с недоверием и не спеша следуем желанию настоятельницы или рассуждению своего духовного отца. Прости нас.

Также, сестры, прошу вас, не опускайте церковных служб. Что делать? Иногда и не хочется идти или трудно рано вставать к службе. Понудьте себя, за это-то и награда вам готовится от Господа. Неопустительное присутствие при богослужениях со вниманием и усердной молитвой будет возгревать в вас любовь к Богу и к тщательному исполнению Его святых заповедей. Свободное от богослужений и от послушаний время, советую и даже с усердием прошу, не проводите праздно, более читайте душеполезные книги, делайте из них выписки для большей памяти, удаляйтесь, как можно, от разговоров о мирском, шуток и смеха. Это для инока нетерпимо. Мы шли в монастырь не за этим, а чтобы упражняться в богомыслии.

Господи, без церковных служб невозможно нам утвердить в себе монашеское житие. Каждая служба испытывает нас, готовы ли мы получить награду от Господа? Часто нам не хочется идти или трудно рано вставать, но необходимо себя к этому понудить, ибо присутствие на богослужении со вниманием и усердной молитвой будет возгревать в нас любовь к Тебе, Богу и Спасителю нашему и к тщательному исполнению святых Твоих заповедей. Господи, прости нас, что пропускаем церковные службы, не понуждаем себя к ним, а присутствуя на службах, теряем внимание к богослужебным текстам,

оставляем усердие в молитвах и поэтому не возгревается в нас любовь к Тебе, Господу нашему, и к исполнению святых Твоих заповедей. Прости нас, Господи, и благопоспеши нам свободное от богослужений и послушаний время не проводить праздно, читать душеполезные книги, делать из них выписки для большей памяти, удаляться от разговоров о мирском, шуток и смеха. Господи, буди нашим Помощником и Покровителем во спасение.

При первом ударе в колокол, сестры, у кого есть в руках рукоделие какое, откладывайте в сторону (кроме послушания) и тщательно спешите в церковь. Придя, встав на своем обычном месте, помолясь, испроси у предстоящих благословения; став прямо, не переступай с ноги на ногу, глаза и руки имей опущенными вниз, не смотри по сторонам, не разговаривай и отнюдь не смейся, тщательно блюдись, чтобы мысли не рассеивались чем-либо посторонним, помни, что место сие есть свято, храм Божий – рай земной, и устремляй ум свой горé к Богу, из глубины души взывай к Нему: «Боже, очисти мя, грешную!» или: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Со вниманием слушай поемое и читаемое, и тогда Господь не оставит вас, согреет Своей Благодатью сердца ваши к тщательному исполнению Его святых заповедей.

Господи, Ты – Пастырю наш добрый, Ты делаешь для нас храм земной раем. Поэтому при первом ударе колокола нам следует отложить все свои дела и спешить в церковь. Господи, прости нас, что показанным образом мы не настраиваем себя на благоговейное стояние в храме и молитвенную сосредоточенность. И пошли, Господи, нам Свою Благодать со вниманием слушать поемое и читаемое, чтобы обрести в своем сердце теплоту умиления к тщательному исполнению святых Твоих заповедей.

Вы, певчие и чтецы, подобно Ангелам на небеси, всегда славословите Бога, а посему и старайтесь быть примером для всех предстоящих, будьте кротки, смиренны, избегайте ссор. Молодые послушницы, чтобы без старших, уставщицы и регентши, не могли распоряжаться в пении и чтении; при

Аллилуиа, Приидите поклонимся, и при Трисвятом неопустительно класть по три поклона.

Господи, прости нас, что, будучи певчими и чтецами, мы не стремимся в славословии Тебя, Бога нашего, уподобляться Ангелам, и посему не стараемся быть примером для всех предстоящих. Мы позволяем себе не быть кроткими, смиренными, не избегаем ссор. Прости нас, Господи, за несоответствие уставным требованиям монастырского устава и помоги помнить о неопустительном требовании делать по три поклона при пении *Аллилуиа, Приидите поклонимся и при Трисвятом* и тем выполнить старческий наказ.

За новопреставленных молитесь, сестры, усерднее; по разлучении души от тела каждая душа очень нуждается в молитве, и с усердием возносимые за новопреставленных молитвы много помогают и делают утешительного и отрадного каждой душе, а я вам замечу, сестры, что у вас молитва за усопших охладевает; вот вам мое завещание – по двенадцать поклонов каждое утро и вечер за усопших.

Господи, прости нас, что и мы мало уделяем времени помнить об усопших, особенно новопреставленных, и усердно молиться о них. Господи, сохрани в нашей памяти завещание старца и помоги утром и вечером молиться за усопших с двенадцатью поклонами.

Келейное правило неопустительно каждое утро и вечер исправляйте: от тщательного исполнения правила просвещается и укрепляется душа.

Господи, прости нас, что, опуская совершение домашнего правила, мы лишаем свою душу просвещения и укрепления благодатью Божией.

Во время трапезы, и входя и выходя из нее, разговоров не имейте; когда вкушаете пищу, со вниманием слушайте читаемое вам, а мысленно творите молитву Иисусову, по сторонам не смотрите; если кушанье вам не понравилось, не ропщите, а говорите каждая про себя: это за мои грехи сегодня такой плохой обед; если и хорош обед, опять не думай, что это за твои молитвы, а говори смиренно, что за сестринские молитвы

Господь послал нам сегодня такой хороший обед, а я, грешная, этого недостойна.

Господи, трапеза всегда рассматривалась иноками как продолжение богослужения. От этого и требования к поведению на трапезе соответствующие: при входе, во время трапезы и при выходе разговоров не иметь; при вкушении пищи со вниманием слушать читаемое, а мысленно творить молитву Иисусову, по сторонам не смотреть. Пока же мы замечаем за собой бесконечные нарушения этих требований. Прости нас, Господи. И в оценках кушаний мы теряем смиренное благоразумие. Прости нас, Господи, что вкушение пищи мы не употребляем для стяжания смирennemудрия.

Старайтесь, сестры, при встрече со священником принять от него благословение, особенно же когда он бывает служащим Божественную литургию. Отец Серафим Саровский всегда после каждой литургии стоял на паперти, выжидая выхода священника, чтобы принять благословение.

Господи, прости нас, что мы не дорожим по примеру преподобного Серафима, благословением служащего священника и не всегда его берем.

Без крестного знамения из кельи никуда не выходите, и не начитайте никакого дела, и вы всегда будете хранимы Богом от врага.

Господи, прости, что забываем это и выходим из кельи и дома без крестного знамения; без него же начинаем свои дела и, тем самым, теряем страх перед вражескими нападениями. Прости нас.

Без четок никогда не бывайте: если руки заняты делом, можете на шею надеть, – это меч духовный, им побеждайте врага.

Господи, бывают у нас моменты, когда четок с нами не бывает, и мы, оставаясь без меча духовного, не сможем победить врага. Прости нас, Господи, Иисусе Христе.

При встрече сестры с сестрой предваряйте друг друга поклоном, это дело великого смирения; а у вас, у некоторых есть привычка говорить: прежде ей кланяться нужно мне, я постарше ее летами, да и побольше в монастыре живу – это

глупое слово и произносимое от гордого сердца. Почитайте образ Божий и Ангела-хранителя тем, чтобы прежде другой поклонится при встрече и тем принять от Господа благословение.

Господи, прости нас, что при встрече с другими сестрами мы не первыми кланяемся и тем удаляем от себя смирение и благословение Господа, ибо благословение Господа достается тому, кто поклонился первым.

Сестры, еще есть у вас привычка: соберетесь вместе несколько человек и начинаете судить, кто хорошо живет, кто плохо; старайтесь, сестры, Бога ради, никого никогда не осуждать, вы видите только согрешающих, а покаяния их не видите, покаяние же чистосердечное есть второе крещение: как бы велик ни был грех, он после сокрушения и чистосердечного покаяния прощается, и этот человек делается чистым и приятным Богу. Не на начало смотрите, сестры, а на конец, что покажет.

Господи, старцем подмечена наша недобрая привычка: собираться вместе и судить, кто хорошо живет, кто плохо. При этом мы забываем, что видим этих людей согрешающими, а покаяния их не видим. Прости нас, Господи, за привычку осуждать. Прости, что забываем напомнить себе, что чистосердечное покаяние есть второе крещение и тот человек, кто так кается, делается чистым и приятным Богу. Прости, Господи, что любим смотреть на начало и ослабеваем вниманием к его концу.

3. Истинное житие с Богом

Берегитесь, сестры, почаству оставлять кельи ваши и ходить без крайней нужды к другим сестрам, хотя и будете кем призываемы, дабы не согрешить празднословием, которое вместе есть и празднолюбие, помятуя, что за каждое праздное слово мы воздадим Богу ответ; аще себя не понимаем, то можем ли рассуждать или учить других? Лучше нам претерпеть временную скуку, чем за наше нерадение впоследствии терпеть нескончаемую вечную муку, от чего да избавит вас Господь. Помни последняя твоя – исход и Страшный Суд, – вовеки не согресишь.

Господи, мы часто согрешаем празднословием, которое выявляет в нас празднолюбие. Прости нас, Господи, что этим мы нарушаем Твой закон: за каждое праздное слово давать Тебе, Боже, ответ. А тянет нас в кельи других сестер временная скука и желание порассуждать о других и поучить их. Прости нас, Господи, за эти скверные привычки и избави нас от нерадения в этой жизни и от нескончаемой вечной муки в будущей.

Сестры, если иногда по вражескому искушению найдет на вас скука, уныние, спешите открыться в этом старшей по летам и опытной монахине или матери игуменье, а в особенности перед своим духовным отцом не скрывайте ничего; если зародится в мыслях какое-либо греховное желание, не соизволяйте и не принимайте к сердцу, а, повергшись пред Богом, просите Его всесильной помощи, боритесь и увенчаётесь венцом нетленным; при усердной молитве, трудах и заботах некогда мыслям развращаться и страстям бушевать. *«Поминай последняя твоя, и во веки не согресиши»* (Сир. 7, 39).

Господи, конечно же, у нас случаются искушения, когда по вражескому наваждению нападет скука, уныние. Закон монашеской жизни повелевает открыться в этом старшей по летам и опытной монахине или матушке игуменье. И еще перед своим духовным отцом ничего такого не скрывать. В этом открытии помысла – секрет преодоления искушения. Господи,

прости, что не сразу по приходу искушения, открываем его опытным в духовной жизни; прости, Господи, что греховное желание, зародившееся в мыслях, не встречаем «в штыки», соизволяем ему, принимаем к сердцу. Не повергаем себя перед Тобою, Богом нашим, чтобы от него избавиться, не просим для себя Его всесильной помощи, не боремся с искушениями и имеем слабое желание получить нетленный венец в виде награды за победу. Прости нас, Господи, и помоги усердной молитвой, трудами и заботами не давать мыслям развращаться и бушевать страстям.

Каждое утро и вечер, сестры, поверяйте свою совесть, уделяя на это благое дело, хотя по десять или пятнадцать минут ежедневно, и вы со временем получите большую пользу. Встав утром, благодарите Господа за прошедшую ночь и просите, чтобы Господь помог и день провести безгрешно. Вечером молитесь со слезами и с сокрушенным сердцем умоляйте Господа о прощении ваших согрешений, молитесь усердно за благодетелей вашей обители, которые, надеясь на молитвы ваши, ради Царствия Небесного не оставляют вас своими милостями, молитесь о своих сродниках, живых и умерших, и о всех православных христианах. Мы, иноки и инокини, затем и шли в обитель, чтобы в чине ангельском служить непорочно пред Богом и умолять Его Благодать о всем православном мире. Не ропщите, сестры, и не падайте духом, если кому из вас придется потерпеть недостаток, скудость в чем-либо: нам, монахам, богатство вовсе не на пользу, это дело мирян, а мы иноки. Наше богатство, при помощи Божией, должно состоять в приобретении всех добродетелей и неуклонном исполнении Его святых заповедей. Господь знает, что нам нужно, то и посылает. Нестыжательность – это первая ступень ко спасению, будьте всем и малым довольны, о всем благодарите Бога, и Господь вас не оставит.

Господи, и нам надлежит каждое утро и вечер поверять свою совесть, соотносить ее с нашей верой в Господа. Уделять на это благое дело надо хотя бы по десять или пятнадцать минут ежедневно. Господи, прости нас, что не сверяем

ежедневно свою совесть с нашей верой и что не ожидаем со временем получить от этого большую пользу.

Господи, встав утром, мы забываем благодарить Тебя за прошедшую ночь и просить Твою Благодать излиться на нас, чтобы с ее помощью и день провести безгрешно. Прости нас, Господи, что каждый день мы так не поступаем.

И вечером у нас не получается молиться со слезами и с сокрушенным сердцем, умолять Тебя о прощении наших согрешений. И еще: нет у нас навыка каждый вечер усердно молиться за благодетелей обители, или храма, которые, надеясь на молитвы наши, ради Царствия Небесного, не оставляют нас своими милостями. Прости нас, Господи, за небрежность в таких молитвах или оставление их совсем. Забываем мы молиться о своих сродниках, живых и умерших, и о всех православных христианах. Прости нас, Господи, что в чине ангельском мы обязались служить непорочно пред Тобою и умолять Твою Благодать о всем православном мире, а мы этого не делаем. Нет-нет, Господи, а вырывается из уст наших ропот, мы переживаем упадок духа от того, что приходится когда-то потерпеть недостаток, скудость в чем-либо. Прости нас, Господи, ибо богатство нам, монахам, не на пользу. И помоги, Господи, нам хорошенько помнить, что наше богатство должно состоять в приобретении всех добродетелей и неуклонном исполнении святых Твоих заповедей, помоги нам быть довольными во всем и в малом и о всем благодарить Тебя. Господи, не остави нас.

Сестры, у каждой из вас в келье есть Псалтирь и Евангелие, в трапезе вы ежедневно слышите чтение о дивных житиях угодников Божиих и их наставления о пути ко спасению, – и оправдаться, что не знаем мы, не можем. Вот, каким тесным и скорбным путем достигали себе спасение угодники Божии! А пространный путь ведет к вечной гибели. Скорби, теснота, труды и болезни сближают нас с Богом и готовят нам за безропотное перенесение их венцы нетленные.

Господи, имеем мы и Псалтирь, и Евангелие, и жития святых слушаем за трапезой, и из их наставлений знаем о пути спасения. Знаем мы, каким тесным и скорбным путем достигали

они себе спасение. И нечем нам оправдаться, что мы не подражаем им, когда с пристрастием смотрим на широкий путь, ведущий к вечной гибели. Прости нас, что ищем способы избежать скорби, тесноту, труды и болезни, сближающие нас с Тобой, Господи, и готовящие нам за безропотное перенесение их венцы нетленные.

Вот вам пример, сестры, – житие преподобного Симеона Нового, и вы постарайтесь положить начатки жития такого: молитва в устах и сердце его была непрестанная, нрав кроткий, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душой чисто, девство непорочно, нищета истинная, нестяжание пустынноическое, послушание безропотное, повиновение тщательное, делание терпеливое, труд усерден. В чем и вам да поможет Бог!

Мы виноваты пред Тобой, Господи, что не знаем житие и подвиги преподобного Симеона Нового, и сами положить начатки такого жития не можем. Прости нас, Господи, и помоги главную суть его жития и главные добродетели вписать на скрижали своего сердца. Господи, мы просим Тебя Духом Твоим Святым сделать доступными нашему пониманию молитву в устах и сердце непрестанную, нрав кроткий, уста молчаливые, сердце смиренное, дух умиленный, тело с душой чистые, девство непорочно, нищету истинную, нестяжание пустынноическое, послушание безропотное, повиновение тщательное, делание терпеливое, труд усердный. Прости нас, Господи, что не размышляем о добродетелях сих, не знаем их суть и, потому, не полагаем начатки жития такого. Господи, не откажи нам в милости и помоги эти начатки нового жития возыметь.

Сестры, будьте готовы отвечать на всякое слово, которое слышите: прости меня; этим стяжете смирение, которое разрушает все козни врага.

Господи, нам надлежит уразуметь, что часто козни врага приходят в нашу жизнь через слова, сказанные в наш адрес людьми. Ты ждешь от нас на каждое такое слово один ответ: простите меня. Сказав так, мы приобретаем смирение, разрушающее козни врага. Господи, прости нас, что и

готовности произносить такие слова нет, и дефицит смирения испытываем, и легко от услышанных слов побеждаемся кознями врага.

Сестры, внимайте себе и имейте страх Божий, как бы нам не обмануться: избрав жизнь подвижническую ради любви к Богу, как бы не совратиться на пространный путь, который ведет в вечную погибель. От чего да избавит вас Господь!

Господи, всем нам необходимо вести жизнь внимательную по отношению к себе и быть бдительными с помощью страха Божия к крадущемуся за нами обману: предпочесть пространный путь, ведущий в вечную погибель, жизни подвижнической ради любви к Богу. Господи, прости, что часто мы не видим обмана из-за потери страха Божия и совращаемся на путь гибели. Господи, избави нас от этого.

«Если вступление твое в обитель, – говорил старец, новоначальной монастырской сестре, – поистине только ради любви к Богу и спасения души, то сие соблюди: во-первых, постарайся понудить себя на все доброе, будь добра, благочестива, кротка, смиренна и приветлива со всеми; встретившись с сестрой, поклонись ей, испроси благословения; если что спросит, ответь со смирением, потом испроси прощения и молитв и уходи; походка чтобы была неспешная, скромная, глаза имей опущенные вниз, представляй себе, что из земли взята, в землю и отидеши; свою совесть каждый вечер поверяй и очищай ее искренним покаянием, отнюдь никого не осуждай, не гневайся и никого не уничижай, на всех смотри одинаковыми глазами, с одинаковым сердечным расположением и в простоте сердца своего принимай всех как Самого Христа, всегда смотри на свои недостатки, укоряй и уничижай себя ежедневно, люби бесчестие и считай себя хуже всех, – и будешь поистине жить с Богом!»

Вступление в обитель совершается ради любви к Богу и спасения души. Эту цель надо соблюсти, подтверждая ее наличие всей своей жизнью: надо стараться понуждать себя на все доброе, быть доброй, благочестивой, кроткой, смиренной и приветливой со всеми. И все остальные указания старца стараться выполнять, чтобы поистине быть с Богом. Господи,

прости, что все эти добрые установки мы не готовы ежедневно
поверять своей совести и добиваться, чтобы они оживали в
наших мыслях, желаниях и делах.

4. Победа над вражескими искушениями

«Юность, – говорил старец, – если имеет смирение, сего ей достаточно, ибо Бог ничего более не требует от юного, как только чистоты и смирения; ты же, чадо, подвизайся, держи уста твои во многом молчании, будь медленна на беседу и скоро на молитву, укоряй себя ежечасно, говори себе всегда так: «Знаешь ли, душа моя, что мы грехами превзошли и бесов, а доброго дела никакого не делали, и горе нам будет, – какой ответ дадим мы в День Судный?» Во все течение жизни твоей постарайся всегда содержать в себе молитву сию и с сокрушением сердца повторяй мысленно на всякое время: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» и «Боже, очисти мя, грешную!» Повторяй в себе и эти слова: *«От тайных моих очисти мя, и от чуждѣх пощади раба Твоего»* (Пс. 18, 13–14). А посему, чадо, уповай всегда на помощь Божию, а себя всегда считай за бесполезный прах – отсюда и последует исправление».

Всем нам полезно знать, что от юности Бог требует только чистоты и смирения. Господи, прости нас, что не упражняемся в подвиге, необходимом юности. Прости, Господи, что не стараемся содержать в себе молитву Иисусову и мысленно не повторяем ее на всякое время. И еще просим Тебя, Господи, очистить нас «от тайных согрешений и пощадить рабов Твоих от чуждих». Помоги, Господи, всегда уповать на Твою помощь, считая себя бесполезным прахом. И помоги наследовать исправление.

Победа вражескому искушению состоит в молчании, смирении и преданности себя воле Божией; все дела смиренномудренного благоугодны Богу и похвальны пред святыми Ангелами Его, грозны же и страшны бесам.

Господи, мы мало упражняемся в молчании, смирении и не умеем предавать себя в Твою, Боже, волю. Потому и вражеские искушения не побеждаем. Прости нас, Господи, за это и помоги, чтобы наше смиренномудрие, укрепляемое Твоей благодатью,

было благоугодно Тебе, похвально пред Ангелами и грозно для демонов.

Чадо мое! Понудь себя на все доброе, будь смиренна сердцем, дабы Дух Святой возжелал вселиться в тебя, и Он подаст тебе силу отвергнуть от себя всякое житейское попечение. Знай и то, что без борьбы и принуждения никому ничего не достается, а тем более душевное спасение, что и должны мы всеми силами стараться достигнуть, тогда и будем истинные монахи не по одежде только, а по душе и сердцу. В чем да поможет тебе Бог!

Господи, прости нас, что мы не понуждаем себя на всякое доброе дело и, тем самым, не показываем Духу Святому, что мы нуждаемся в Его присутствии в нас, в Его силе для отвержения от себя всякого житейского попечения. Без борьбы и понуждения мы не сможем достигнуть душевного спасения, а это значит, что мы должны показать себе, что мы монахи не по одежде только, но по душе и сердцу. Господи, прости нас, что таких доказательств о сути монашеской жизни у нас совсем мало.

Матери и сестры! Вы, живя в обители, знайте, что она охраняет вас от многих соблазнов. Жизнь в монастыре удобно ведет ко спасению; тут непрестанно можно слышать Святое Евангелие, апостольские и святых отец поучения, а посему должны пребывать всегда в молитве; которые же допускают в этом леность, у тех закосневает сердце и доходит до неверия, и тяжко согрешают они пред Богом. Ибо и Спаситель говорит: *«бдите и молитесь, да не внидите в напасть»* (Мф. 26, 41).

Господи, живя в монастыре, (неся определенные послушания в храме), мы охраняемся от многих соблазнов. Жизнь в монастыре удобно ведет ко спасению через слышание Святого Евангелия, апостольских и святых отцов поучений. Поэтому мы должны всегда пребывать в молитве. Но должны, безусловно, еще не значит, что пребываем. Прости нас, Господи, что неохотно слушаем Евангелие, апостольские и святоотеческие поучения, с ленцой занимаемся молитвой. Прости, Господи, что от этого сердце наше закосневает до неверия, и мы тяжко согрешаем пред Тобой.

Также, сестры, советую вам во все святые посты, а также, если приключится какая болезнь, как можно чаще с верой, с умилением и сокрушением сердца приобщаться Святых Таин, потому что приобщение Тела и Крови Христовой отгоняет все искушения, просвещает сердце и соединяет дух со Христом, оно есть исцеление души и тела.

Господи, прости нас, что мы регулярно не приобщаемся Святых Твоих Таин с умилением и сокрушением сердца. Прости, что результат этого Причащения – отгнание искушений, просвещение сердца, соединение духа со Христом и исцеление души и тела – мы в своем духовном опыте не всегда связываем с приобщением Твоих Святых Таин.

Матери и сестры! Об одном прошу вас всегда – понуждайте себя на все доброе, да не нерадите о своем спасении. Сказано и в Священном Писании: горе нерадивым монахам, горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Господа Бога и не узрят лица Бога Живого. Старайтесь стяжать благодать Святого Духа, потому что без благодати человек мертв, а стяжать ее надо молитвой теплой, со слезами горячими и умилением, кротким терпением и смирением и со страхом Божиим. Молитесь за творящих вам напасти и старайтесь всегда читать молитву Иисусову; весь ум ваш да будет в Боге, потому что как птице нельзя летать без крыльев, так и человек не может приблизиться к Богу без молитвы. Андрей Христа ради юродивый видел инок, идущего и шепчущего молитву, из уст же его исходяще пламень и досязаше до Небеси, Ангел же Божий идяше одесную его и имеяше в руке меч, имже отгоняше бесов.

Господи, говоря честно, мы не стремимся все время делать доброе и о спасении своем не радеем. Поэтому над нами нависает угроза; горе монахам нерадивым и богатеющим златом, горе от того, что не увидим мы лица Бога Живого. Прости нас, Господи, за нерадение и потерю желания лицезреть лицо Твое, Боже. Старание стяжать благодать Святого Духа в нас крайне замедленное, это видно из того, что нет у нас молитвы теплой, со слезами горячими и умилением, кротким терпением и смирением и со страхом Божиим. Прости, Господи,

нас за отсутствие таковых молитв в поиске благодати Святого Духа. Господи, мы не находим в себе сил молиться за творящих нам напасть. Мы не всегда читаем молитву Иисусову, ум наш не пребывает в Боге и потому наше приближение к Тебе, Богу нашему, весьма затруднено. Прости нас, Господи, за это.

Сестры! Постарайтесь приобрести смирение нелицемерное в душе и сердце вашем, считая себя всегда самой последней из всех и грешнейшей пред Богом, помня то, что лучше быть грешником смиренным пред Богом, нежели праведником горделивым, имейте послушание безропотное и строго наблюдайте, дабы не исполнять своей воли и желаний, да будет вам известно, что с нашей волей часто соединяется воля врага душ наших – диавола, а потому без совета и спроса старших ничего не делайте.

Господи, вот мы смотрим на себя и не видим, что мы стараемся быть нелицемерно смиренными, что считаем себя самыми последними из всех людей и самыми грешнейшими пред Богом. Прости нас. Отцы говорят, что лучше быть грешником смиренным пред Богом, нежели горделивым праведником. Мы же охотнее, на погибель себе, подражаем второму, нежели первому, прости нас, Господи. Безропотно нести послушание и строго наблюдать, чтобы не исполнять своей воли и желаний, к большому нашему огорчению, у нас пока не получается. Прости нас, Господи, и помоги крепко помнить, что часто с нашей волей соединяется воля врага душ наших – диавола, и мы незаметно начинаем творить волю его.

Еще, матери и сестры, «солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26); аще и прилучится на кого разгневаться, сейчас же со смирением испросите прощения взаимно друг у друга, потому что Господь не принимает ни молитвы и ничего от гневающихся; кто терпит много в здешней жизни, в особенности понапрасну, то, о, как близок к тому и с какой любовью смотрит на того Сам Подвигоположник Господь и Его Всепетая Мать и как радуются о нем все святые Ангелы, и невидимо возлагают на того райский пресветлый венец, и приготавливают нескончаемое вечное блаженство в Будущей Жизни! А как кратковременна здешняя жизнь! Как сон пройдет вся слава, все

почести и богатство, а будущность наша бесконечна! Спасайтесь о Господе!

Господи, когда обстоятельства подадут случай разгневаться на кого, то нам следует со смирением испросить друг у друга прощения, потому что Господь не принимает молитвы гневающихся. Господи, прости, что не можем потерпеть в здешней жизни недостатки других и гневаемся на них. Помоги, Господи, помнить, что проявляющему терпение в здешней жизни, Ты, Подвигоположнице наш, и Матерь Твоя и Ангелы будете близки, особенно, терпящим понапрасну.

Сестры, берегитесь почаству без крайней нужды оставлять ваши кельи или часто выезжать в мир в гости к родным; берегитесь, да не рассеетесь между людьми: редко бывает, чтобы человек такой же возвратился в келью, каким вышел из нее. Пустыня и уединение собирают добро, а соблазны мира расточают его. Ничем, сестры, не грешим так, как языком, в уединении же избегаем того греха. Келья соблазнить не может и соблазна не приемлет. Юным же наипаче должно держаться уединения, да не подадите и да не примете соблазна. Полюбить же уединение вы тогда только можете, когда реже будете оставлять келью, и когда будете принуждать себя к уединенной жизни; впоследствии, сестры, найдете в ней сладчайшее утешение. Очень похвально для инокини как можно реже выезжать в мир и даже совсем не делать этого. Как свято ваше тихое убежище, неужели возможно сменять его на суетный мир, где сама мудрость бессильна? Оставьте суетное людям суетным, а вы занимайтесь тем, к чему вас Господь призвал, и тогда да ничто же не нарушит спокойствие вашего сердца и ваш душевный мир.

Господи, мы не очень-то бережемся выходить из своих келий. Нас очень тянет выехать в мир в гости к родным, нет у нас осторожной бережливости получить изрядную дозу рассеянности и это нас ничуть не пугает. Прости нас, Господи. Мы не напоминаем себе наблюдение отцов-подвижников: уединение собирает добро, а соблазны мира расточают его. Так, кто согрешает языком, в уединении избегает этого греха. Юные среди нас, не держась уединения, будут подвержены испытанию

подать или принять соблазн. Прости нас, Господи, что мы не приучаем себя к уединению, ибо покидаем келью и не принуждаем себя к уединению. Мы замечаем в себе желание выехать в мир суеты и лишиться за это похвалы от Тебя, Бога нашего. Мы теряем ощущение святости нашего тихого убежища, где не нарушается спокойствие нашего сердца и не ослабевает наш внутренний мир. Господи, прости нас, что не дорожим уединением и не занимаемся тем, к чему Ты нас призвал: чистотой сердца и спасением души.

**Исповедь VIII. жемчужины духовные. по
беседам схиигумена Германа, устроителя
Зосимовой пустыни (1844 – 1923)**

1. Смиреномудрие

Беседа первая

Поступив в монастырь, я все чувствовал свое недостойнство: жалкий, ничтожный я человек, и ничего я не могу сам по себе, ничего! И это чувство и нужно хранить и иметь в себе – это главное в монастыре и в миру тоже.

Господи, и мы, приходя в храм, или воспринимая себя членом приходской общины, тоже должны чувствовать свое недостойнство. Мы жалкие, ничтожные люди, мы ничего сами по себе не можем, ничего! Господи, прости нас, ибо мы не осознаем свое недостойнство, и не имеем и не храним его в себе, а оно главное и в монастыре и на приходе.

Помнить надо завет Спасителя: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим»* (Мф. 11, 29). А еще терпение надо иметь в послушании. Читали вы житие Павла Препростого – ученик он был Антония Великого? Непременно купите себе эту книгу: много там назидательного. Так вот, когда пришел он к Антонию, стучит к нему в келью, просит принять его в число братии, а Антоний взглянул на него и говорит: «Нам таких не надо: стар ты слишком, ничего делать не можешь». Ему шестьдесят два года было. Долго умолял его Павел Препростый, говоря, что он все будет исполнять. Но Антоний прогнал его от себя и затворился в келье. Три дня и три ночи простоял Павел Препростый у кельи преподобного, на четвертый день открыл преподобный дверь и видит его, исхудавшего, измученного, и спрашивает: «Ты еще здесь?» А тот ему отвечает: «Здесь и умру, святой отче, если не примешь меня». И принял его старец. Велел одежду ему самому шить. Только тот кончил с трудом, а преподобный Антоний велел ему все распороть и потом опять заново шить. Ведь иной, незнающий, подумает: «Вот дурак какой, что же это? Сшить, распороть и опять сшить?» А Павел Препростый смиренно это выполнял на пользу душе своей.

Господи, мы так мало учимся у Тебя кротости и смирению, и даже совсем не учимся. Прости нас. И еще, Господи, мы не

имеем терпения в послушании, как это показал Павел Препростый в своей жизни, прости нас.

Смиреномудрие – великая вещь и глубина бесконечная. Святые отцы сравнивают и говорят, что вот как жемчуг драгоценный из глубины моря достают, так и из глубины смиреномудрия драгоценнейшие жемчужины духовные достаются. Читали вы жизнь и подвиги старца, затворника Гефсиманского скита Александра? Ведь это мой старец был, я у него келейником был да записал о нем. Много там поучительного!

Дивный был старец отец Александр. Вот он был делателем молитвы Иисусовой. Бывало, приду к нему, а он сидит в углу на низеньком стуле и весь ушел в молитву, так что не замечает моего прихода. Стану я на коленки у входа в его келью, да так и стою, долго стою; наконец, он меня заметит: «Ты что пришел?»

Я скажу, да и опять стою, как стоял, все хочется услышать от него что-нибудь поучительное, а старец опять весь ушел в молитву.

Молитва Иисусова? Не всем она дается, не всем: а смиренным она дается, а иным и совсем не дается.

Господи, мы не воспринимаем смиреномудрие великой вещью и бесконечной глубиной, из которой достают драгоценные жемчужины духовной мудрости. Дивный старец отец Александр из ее глубины доставал благодать молитвы Иисусовой. Господи, прости нас, что мы еще не стали ловцами жемчуга и молитва Иисусова нам не дается.

Беседа вторая

Всю свою жизнь прожил в монастыре, а чему научился? В чем преуспел? Что сделал? Ничего! Из всех людей я самый грешнейший; и вот теперь уже с трудом хожу, еле передвигаюсь; и гроб мне уже давно готов, и все в нем готово для погребения – только еще меня одного в нем нет. Скоро положат и меня в него, защелкнут ключом, и предстану я пред Господом моим. Только вот с чем предстану и куда пойду потом? Не знаю. А уже скоро это будет. Вот ведь я с трудом уже хожу, еле ноги передвигаю. Говорят мне многие: «Вы, батюшка, не утруждали

бы себя службами церковными». А по мне лучше даже умереть у Престола Божия, чем у себя в келье. Но на все воля Господня! И страшно только, когда подумаешь, что ничего-то я не сделал, ничего не собрал, ничему не научился. А ведь у какого старца я был! Мог бы кое-что перенять; да вот так, по моей лености, да по моему нерадению, ничего у меня и не вышло.

Господи, мы не учимся считать себя самыми грешнейшими и не готовимся к суду Божию: мы не готовы сказать Господу чему мы научились у своих духовников и старцев. Прости нас, Господи, за леность и нерадение, из-за которых мы не научились подражать им в делах спасения.

А про старца моего, отца Александра, я вам рассказывал. Книжечку вам давал? Да это я написал ее, да не написал, а так кое-что собрал, записки о нем вел еще при его жизни. И вот когда старец мой умер, так меня многие просили эти записки издать, да я все не решался; а потом послал эти записки отцу Амвросию Оптинскому, он их одобрил. И епископу Феофану Затворнику, так вот он в них кое-что исправил, пересмотрел да и написал мне, чтобы я их непременно издал, и даже выразился так, что «сохранять их под спудом было бы не совсем безгрешно». Ну вот я и решился их напечатать. Некоторые из моих духовных детей, ученые иеромонахи, мне эти записки поправили: расставили, где нужно знаки, все в порядок привели, и потому хорошо и вышло.

Удивительное смирение показывает нам схиигумен Герман, говоря о написании им книги об отце Александре, своем старце. Это смирение необходимо проявлять и нам, когда мы говорим о духовно значимых вещах и людях. Прости, Господи, что многие наши жизненные программы воплощаются в жизнь без соответствующего руководства и благословения духовно опытных людей.

Одной женщине старец говорил: «В монастырь собираетесь? Зачем вам, голубушка, монастырь? Рано вам еще. А вот вы дома живите, как в монастыре: в театры не ездите! Кто бы не говорил вам – этого держитесь».

Вот я в молодости тоже в театре был; был у меня брат старший женатый; он и в театры ездил, и вообще образ жизни

вел светский, а я нет; меня все в монастырь тянуло. Было мне лет восемнадцать. Так вот брат этот мой старший и взял меня с собою в театр; и ушел я оттуда, не высидел.

Упросил я родителей моих отпустить меня в монастырь. Они меня благословили, и я ушел в Гефсиманский скит, от Троицы недалеко. И взял меня к себе послушником старец отец Александр. Дивный был старец! Вот он был молитвенник, делатель молитвы Иисусовой, в затворе жил. Вот и вам в послушании надо быть, в полном послушании у духовного отца; надо такого выбрать, чтобы сам в послушании был у старца, и без его благословения ничего не делать. Или вам старицу иметь, но это – уже потом. Правило молитвенное исполнять надо с осторожностью: лишнего не набирать и тоже без благословения отца духовного нельзя».

Желающим поступить в монастырь старец советовал жить дома, как в монастыре до времени: не ходить в театры, быть в послушании у духовного отца. Господи, прости, что мы искус такой себе не устраиваем и очень многое делаем без благословения духовного отца.

Книг у старца было немного: авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Макарий Египетский, Исаак Сирий да преподобный Серафим: «О молитве Иисусовой», только это он и читал, особенно «Семь слов» Макария Египетского.

«Вы это читаете? И хорошо. Читайте, да не раз, не два, а четыре, пять прочтите! Очень это смиряет – меня это очень смиряло».

Читать одну и ту же книгу из указанного перечня помногу раз – это еще не наше правило. Потому, очевидно, и смирения у нас нет. Прости нас, Господи.

Помню еще: выхожу я раз от старца, слышу, кто-то подъезжает. Выхожу на крыльцо – вижу, офицер, лица на нем нет, вид такой страшный. Спрашивает меня, можно ли видеть старца? Я говорю, что старец в затворе и никого не принимает, а он мне в ответ прерывающимся голосом: «Попросите старца меня принять, иначе я лишу себя жизни! Я испугался: иду к старцу, говорю ему – так и так; он говорит: «Впусти его!»

Я пошел за приезжим и ввел его к старцу, а сам вышел пред крыльцом, там, где ждал офицер, и вижу на дорожке крупными буквами начертано три раза: «Преподобный отче Сергие, помоги мне». Видно, в крайней нужде был этот человек. Я постоял, постоял да потом подумал: «Как же это я его так к старцу одного впустил? Вид у него страшный – а ну как он моего старца убьет?»

Испугался я и пошел к дверям его кельи. Все было тихо. Только были слышны глухие рыдания приезжего и тихий голос старца. Уезжая, офицер сказал, что он открыл старцу то, чем мучился пять лет, что старец спас его от гибели и теперь он совсем спокоен и счастлив.

В чем было дело, он не сказал.

Господи, в своих духовных поисках мы не накопили еще в себе решимости ехать куда-то вдаль, чтобы духовно опытному лицу открыть свою душу и снять со своей души моральную тяжесть. Господи, прости нас, что когда тяжело на душе, мы эту тяжесть не через исповедь хотим удалить от себя, а разного рода внешними приемами: развлечением, едой, питием, сном, разговорами. А до старцев и духовно опытных людей не доходим, и через них духовную силу не принимаем, чтобы обрести покой и счастье.

После смерти старца возгордился по греховности своей: кое-кому из братии советы давал, и ко мне приходили; даже старцем прикинулся; вот как я возгордился. А сам ничего не знал, ничему не научился, а о делании молитвы Иисусовой только от других понаслышке знал. Потом меня перевели в Зосимову пустынь, игуменом поставили. Когда я приехал, здесь одни были бедные деревянные строения да деревянная ограда кругом; а вот как Господь все устроил, помимо наших трудов, снисходя к нашей немощи. И вот здесь я весь в дела ушел, о молитве не радел; из Марии в Марфу превратился. А в монастыре трудно жить. В житии святых мучеников Евлампия и Евлампии сказано: когда мучили святого Евлампия, бросили его в котел с маслом горящим, а он восхвалял Бога, как бы не чувствуя мучений. И пришла его сестра Евлампия, с твердым намерением пострадать вместе с ним. И он стал звать ее к

себе. Святая Евлампия, желая войти к нему, ухватилась за край раскаленного котла, страшно обожгла себе руки и не могла войти. Когда же святой позвал ее опять, она с разбега сразу впрыгнула в котел и умерла с братом мученической смертью. Память их 10 октября.

Старец, давая нам пример самоукорения, учит нас во всем доверяться Господу, Который из деревянных строений Зосимовой пустыни все устроил помимо трудов братии. Он трудился для Господа, и Господь помогал ему. Жизнь в монастыре стала для него подвигом за Христа до самой смерти. Господи, прости нас, мы слабо себя укоряем и довольно редко. Мы не умеем себя предавать Тебе, как это делали святые мученики Евлампий и Евлампия, как делал это схиигумен Герман. И в своих делах мы не возлагаем руководство на Господа, на Его милость к нам. Прости нас, Господи.

О монастыре и о жизни в нем не мечтайте: на все да будет воля Божия. Вот я в монастыре весь свой век прожил, а ничему не научился. Недостойный игумен! Скоро предстану пред лице Божие; а с чем предстану – не знаю. Ничего не имею, кроме грехов. Помните всегда завет Спасителя: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим»*.

Пребывая в монастыре и живя в миру, мы должны многому научиться у Господа, и особенно кротости и смирению. Но этого научения у нас нет; добродетели отсутствуют, а грехов тьма. Прости нас, Господи, за грехи и вразуми, как кротости и смирению научиться.

Читайте непременно молитву Иисусову: имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке: стоите ли, лежите ли, сидите ли, идете ли, за едой – всегда-всегда повторяйте молитву Иисусову. Это очень утешительно! Без нее нельзя. Ведь можно молитву Иисусову и короче говорить: это отцы святые советуют для новоначальных. Это полезнее и крепче будет. Помните шесть слов: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Повторите медленнее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную» – и еще медленнее: «Господи – Иисусе – Христе, – помилуй мя, – грешную». Так хорошо!

Учитесь самоукорению: без него нельзя. Вот я пятьдесят лет в монастыре живу, мне семьдесят шесть лет, слепой, еле ноги передвигаю; и только потому меня Господь милует, что я вижу свои грехи: свою лень, свое нерадение, гордость свою; и постоянно себя в них укоряю – вот Господь и помогает моей немощи».

Господи, мы забываем всегда читать молитву Иисусову, и потому не испытываем утешения, о котором говорит старец. Прости нас. Как новоначальные, мы не практикуем говорить молитву Иисусову обычно, чуть медленнее и еще медленнее. Господи, прости нас, что мы так не учимся говорить Иисусову молитву. И еще прости, Господи, что не укоряем себя, потому что не видим свои грехи: свою лень, свое нерадение, свою гордость. И помоги нам в нашей немощи.

2. Смирение, восполняющее отсутствие добрых дел

Беседа третья

Что теперь кругом делается?! Трудно вам жить среди такого развращенного мира. Меня все спрашивают: «Конец ли это мира?» Что можем мы на это ответить? Спаситель сказал: *«О дне сем и часе никто не знает, ни Ангелы на небеси; а только Отец ваш Небесный»*(Мф. 24, 36). Я думаю, что это еще не конец! Но сердце Божие к нам теперь близко. Не до конца прогневается Господь. Он милостиво хранит нашу обитель под покровом Матери Божией. И опять будет мир и тишина. Господь нас помилует за веру нашу – все-таки еще многие веруют и многие молятся на Руси.

Будем и мы помнить, что Господь изливает свою милость на тех, кто верует и кто молится. Господи прости нас, что мы веруем слабо и молимся недостаточно усердно.

Молитва – это главное в жизни. Если чувствуете лень, нерадение, как вы говорите, что же делать? Таков уж есть человек! А вы молитесь Богу в полном внимании, просто, как дети, говорите слова молитвы Самому Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Господь Сам знает, что вы – грешная. Так и молитесь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Так легче, короче и лучше будет внимание удерживать на словах. Вот так и молитесь. Да укрепит вас Господь Бог.

Господи, молитва для нас должна стать главным в жизни. Нам надо молиться Богу в полном внимании, просто, как дети, говорить слова молитвы Самому Господу. Господи, прости нас, что мы утратили эту детскую простоту и помоги нам удерживать внимание на словах молитвы.

Беседа четвертая

«Любить надо Господа. Ведь Господь добрый! Господь Кровь Свою за нас пролил. За это надо Господа благодарить; и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи. Молитесь стоя

или даже сидя: ведь Господь видит, что вы дети маленькие, сил у вас мало. Он не взыщет. Просто говорите с Господом. Ведь Он так близок к нам. Святитель Тихон Задонский так молился: «Кормилец мой, батюшка!» Вот как он Господа призывал! Вникайте в каждое слово молитвы умом; если ум отбежит, опять его возвращайте, принуждайте его тут быть, а сами языком слова молитвы повторяйте. Так будет хорошо! А сердце пока оставьте и не думайте о нем, довольно вам такой молитвы. Главное, чтобы чувство самоукорения неотступно было бы, чувство своей греховности и безответности пред Богом. Разве это трудно? Говорите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную» – и чувствуйте, что говорите. Вы говорите: «Страшно». Но разве Сладчайшее имя Господа может быть страшно? Оно благодатно, но надо произносить Его с благоговением. Епископ Феофан говорит: «Надо стоять пред Богом, как солдат на смотру». А укорять себя надо не только в делах плохих. Дел-то греховных у вас, может быть, и немного, а за мысли греховные тоже отвечать будем».

Господи, мы должны любить Тебя, ведь Ты кровь Свою за нас пролил, мы сердечно за это должны Тебя благодарить, как дети Отца, и молить простить грехи наши. Господи, прости нас, что мы так не делаем. Помоги, Господи, обращаться к Тебе словами святителя Тихона Задонского: «Кормилец наш, батюшка!»

Господи, мы должны вникать в каждое слово молитвы умом, принуждая его возвращаться, когда он отбегаёт, повторяя языком слова молитвы, сосредотачиваясь на главном: неотступном чувстве самоукорения, вместе с чувством своей греховности и безответности пред Тобой. Прости нас, Господи, что все эти вещи бывают у нас легкими намеками и не удерживаются надолго. Прости нас, что не заключаем свой ум в слова молитвы, ум рассеивается, блуждает, а мы его не принуждаем быть тут, даже языком забываем повторять слова молитвы. К тому же мы теряем чувство самоукорения, чувство своей греховности и безответности. Прости нас, Господи, ибо не чувствуем в большинстве случаев, что говорим.

Господи прости нас, что из-за рассеянности не ощущаем благодатности молитвенных слов и не произносим их с благоговением. Господи, мы должны помнить, что будем отвечать перед Тобой не только за греховные дела, но даже за греховные мысли. Прости, что не укоряем себя не только за дела плохие, но и за мысли греховные.

«Люди мирские и не знают, что такое помыслы; они каются только в делах, а монахи все свои мысли перед глазами имеют, в греховных помыслах каются и себя за них укоряют. А за помыслами надо следить; а главное – на них не останавливаться, скорее укорить себя да помолиться Богу. Если себя не укорять и своей греховности не чувствовать, можно в прелесть попасть. Вот один монах – я его сам знал, он до сих пор в одном монастыре просфоры продает. Вот этот монах, кажется, послушником тогда был, захотел молитвой Иисусовой заниматься, не узнав как следует о ней; и начал заниматься. Появились у него чувства отрадные; и он думает, что это уже плод молитвы. И все больше и больше надмевается. Видения у него начались; а он все утешается. И казалось ему, что будто он порой ходит в чудном саду; и так всякий раз ему отрадно было молитву начинать.

Только один раз поговорил он с кем-то из знающих, и его спросили: вникает ли он в слова молитвенные? А он даже и не знал, что это нужно. А как начал он вникать в слова да укорять себя, так и пропали чувства утешительные да видения всякие; потому что все это неправильно. Смирения, самоукорения, да простоты держитесь!»

Господи, нам никто не объяснял, что такое помыслы и как с ними бороться! Поэтому мы, мирские люди, каемся только в делах, а монахи все свои мысли перед глазами имеют и в греховных помыслах каются и себя за них укоряют. Скорбно, Господи, что мы относимся к первым, а не ко вторым. Прости нас, Господи, что мы не следим за помыслами, останавливаемся на них, себя за них не укоряем, своей греховности не чувствуем и не молимся Богу об избавлении от них. И поэтому чувствуем, как надмение становится главным плодом отношения к себе. Господи, прости нас, что, произнося

молитвенные слова, мы не вникаем в их содержание, и не укоряем себя, что не улавливаем их смысла. Прости нас, Господи, за отсутствие работы над помыслами и помоги держаться смирения, самоукорения и простоты.

Беседа пятая

«Ничего не могу я сказать вам. Сам ничего не знаю, ничему не научился; а что же еще могу сказать другим? Ведь я неученый, вы понимаете? Малоученый. Ведь как меня учили-то? Читать научили по Псалтири, «Отче наш», «Богородицу» – это когда мне восемь лет исполнилось; и больше ничему не учили. Хотелось бы дальше поучиться, спросили: что книжки стоят? Говорят: «Пять рублей». Откуда же нам было такие деньги взять? Так я восьми лет свое образование и кончил – совсем необразованным остался, ничего не знаю. А хотелось бы тогда еще поучиться».

Господи, какой замечательный пример самоукорения и доверия Промыслу Божию показывает нам схиигумен Герман! Прости нас, что мы не имеем самоукорения и часто ропщем на Промысл Божий.

Беседа шестая

«Все жду смерти, а смерть ко мне не приходит. Вот думал: «Не доживу до семидесяти лет», а 20 марта исполнился мне семьдесят седьмой год; и вот уже тринадцать дней я прожил семьдесят восьмого года, а все смерть не идет за мной. На что я живу? Кому я нужен? Всем я в тягость! Братия терпят меня – спасибо им, не выгоняют! А я, лентяй, живу, ничего не делаю, на соблазн другим. Братия кругом работают, трудятся, а я, лентяй, ничего не делаю. Недостойный монах, недостойный игумен! В монастыре живу уже пятьдесят пять лет, и ничего не сделал – о монашеской жизни и понятия не имею. Вот мой старец отец Александр жил семьдесят лет, преподобный Серафим семьдесят лет, отец Амвросий Оптинский семьдесят три года – а какие светильники были, истинные старцы, подвижники; а я семьдесят семь лет прожил и не сумел угодить Богу. И с чем

предстану я, окаянный, на Страшный суд Божий? Всем меня наделил Господь: привел двадцати двух лет в святую обитель, через восемь лет меня посвятили в иеродиаконы, через одиннадцать лет – в иеромонахи; и в схиму Господь меня облек. Все мне даровал Господь; а я ничего не сделал, ничем не угодил Богу и страшусь праведного Суда Божия на Страшном Суде Его.

Обитель вся устроена трудами братии; все они у меня хорошие, труженики, послушные такие! Один я показываю им пример лени и нерадения».

Господи, вот и еще пример самоукорения, которому нам следует подражать, когда обзираем собственную прожитую жизнь. Господи, прости, что мы подобного самоукорения не имеем и благодарности к Тебе, Господу нашему, не выказываем. Горе нам!

Беседа седьмая

«Многие монашествующие боятся схимы, боятся накладывать на себя обеты, которых сдержать не смогут. Была у отца Александра, моего старца, духовная дочь, монахиня Евфросиния, она потом у меня исповедовалась и умерла года два тому назад. Я ей всегда говорил: «Принимай схиму!» А она мне отвечала: «Батюшка, да разве я могу? Разве я достойна?» А я ей отвечал: «Кто же из нас-то достоин? Кто может считать себя достойным? Мы только смиряться можем и смирением дополнять дела, которых у нас нет... Какой я схимник?! Господи, Ты видишь немощь мою! Никуда я не гожусь! Без Тебя, Господи, я – ничто!»

Господи, вопрос принятия на себя обетов – это и наш вопрос. Мы боимся налагать на себя обеты, брать на себя обязанности: быть, например, крестным отцом или матерью, быть служителем церкви, возглавлять ответственные послушания в церковной общине. В этом случае надо принять порученное и смиряться, и смирением дополнять дела, которых у нас нет. Господи, Ты Сам видишь немощь нашу! Мы никуда не годимся! Господи, без Тебя мы – ничто! Господи прости нас за боязливость, не совсем безгрешную, и помоги нам окрепнуть

духом для смиренного возложения на себя обетов. Господи,
милостив буди нам, грешным, и помилуй нас!

**ИСПОВЕДЬ IX. воспитание христианского
сердца. по духовным беседам
преподобного старца Алексия
Зосимовского (1846 – 1928)**

1. Умение брать на себя душевные страдания ближнего

Покойный батюшка, отец Алексей всегда был снисходителен к истинно желавшим спасения. Не было греха, которого бы не прощал отец Алексей, за исключением греха духовной гордости. «Смирися, и спасе мя Господь», – говорил отец Алексей. «Знаешь ли ты, – поучал он, – знаешь ли, мне кажется, что люди оттого и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распявшегося ради нас. Помни, где горе, где беда, ты должна быть первой. Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучит человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг; это подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может утешать отчаянного, кто сам силой своего духа сможет взять в это время его душевное страдание на себя».

Господи, мы истинно желаем спасения, но у нас остается грех духовной гордости. Он то и дело откуда-то вылезает. Писание говорит: «Смирися, и спасе мя Господь». Мы редко вспоминаем эти слова, и смирения очень не хватает нам. Прости нас, Господи. Нам следует помнить, что надо быть первыми там, где горе, где беда. А для этого необходимо проливать много слез сокрушенного сердца, чтобы сделаться способными утешать других о Господе. Мы виноваты пред Тобой, Господи, что оказываемся далеко не первыми там, где горе, где беда, где туга сердечная мучит человека и доводит до отчаяния. Прости нас, Господи, что мы не готовим себя к этому нелегкому подвигу, граничащему с истинным распятием своей греховности. Господи, Своим благодатным посещением научи нас в нужных случаях силой своего духа брать душевное страдание бедствующего человека на себя.

«Нет ничего удивительного, что ты страдаешь, – нередко говорил батюшка, – ты должна страдать, чтобы понять страдания других. Терпи, Христос терпел, будучи Безгрешным,

поношения от твари, а ты кто такова, чтобы не пострадать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием, знаешь ли, что Христос помнит тебя; если Он посещает тебя скорбями, особенно помнит. Путь жизни труднее всего избрать самому. Нужно при вступлении в жизнь молить Господа, чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает свой крест сообразно со склонностями человеческого сердца. Кто тебе сказал, что Бог наказывает людей за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь. Нет, пути Господни неисповедимы, нам, грешным, не надо знать, почему Всевышний Христос допускает на свете часто уму человеческому непостижимые как бы несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Ученики Христовы никогда не думали, что Христос дает счастье в смысле благополучия земного здесь, на земле. Нет, они были счастливы лишь общением духовным со Сладчайшим своим Учителем. Ведь Иисус явился в мир для того, чтобы Своей жизнью утвердить последователей Своих в мысли, что земная жизнь есть непрестанный подвиг. Христос мог избежать страдания Своего, однако, Он Сам добровольно пошел на Крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради».

Господи, когда нам приходится страдать, мы должны помнить, что, страдая, мы лучше будем понимать страдания других и терпеть, вспоминая Христа, Который, будучи Безгрешным, страдал, терпя поношения от твари. Если Господь посещает нас скорбями, значит, Он помнит нас. Господи, все эти мысли в день скорби мы забываем и потому терпеть не можем, унываем и ропщем. Прости нас.

Прости нас, Господи, что постоянно не умоляем Тебя управить наш путь, не принимаем от Тебя свой крест и не идем по пути, Тобой указанному. Прости нас! Люди думают, что Господь наказывает за грехи, когда видят ближних, впадших в какую-либо беду или болезнь. Нам, грешным, не надо знать, почему Всевышний Христос допускает на свете нашему уму видеть как бы непостижимые несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Господи, прости нас, что мы домогаемся

человеческой справедливости, не задумываясь о том, что пути Господни неисповедимы.

Прости нас, Господи, что наши интересы застряли в похотях земных, и мы не ищем духовного общения с Тобой, Иисусе Христе, подобно Твоим ученикам и Апостолам. Господи, прости нас, что мы не воспринимаем жизнь свою как непрерывный подвиг, нам часто хочется передохнуть, расслабиться, развлечься, избежать страданий ради Тебя, Господи. Ты же, Боже наш, особенно любишь тех, кто добровольно идет на страдания ради Сына Твоего. Прости нас, что мы еще не хотим страдать добровольно.

Мы должны жить не для себя потому, что только так мы обречем мир о Господе, если отдадим себя на служение ближнему.

Господи, прости, что нам больше хочется жить для себя и потому оскудевает в нас мир, который Ты даешь нам. Прости, что не отдаем себя на служение ближнему. Умножь в нас желание, Господи, послужить ближнему, и мир Твой не скрывай от нас!

Отец Алексей никогда не спешил со многими из своих посетителей. Он много раз говорил: «Господи, Господи, едут, едут за столько верст, ведь приезжают ко мне недостойному, ну как их торопить!»

Господи, мы часто не сострадаем людям, приезжающим к нам, за труд нелегких путешествий, не сочувствуем им в этом и торопимся отстраниться от них. Прости нас, Господи.

Относительно молитвенного правила всегда давал он определенный ответ: «Твори молитву Иисусову всегда, чтобы ты не делала, если же рассеешься, вздохни перед Господом и снова, и снова продолжай».

Господи, прости нас: мы склонны рассеиваться и забывать о молитве Иисусовой. Вздыхаем пред Тобою, Господи, укрепи молитву продолжать и продолжать.

«Страх Божий, вот что потеряли люди. Потому они и скорбят, что думают, что они сами своими силами могут чем-нибудь помочь. Нет, люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своей «благородной», как они

называют, гордостью. Гордость изгнала из рая прегордного Денницу, потерявшего из-за нее свое небесное величие. Думают люди, что вот-вот они достигнут здесь, на земле, благодаря своим личным трудам, земного счастья и благополучия, удивляются и печалются, если выходит наоборот, забывая, что сам человек ничего не может сделать, если Всевышний не изъявит на то Своей воли. Волос человека не падет с головы без воли Божией, неужели ты думаешь, что что-либо в жизни целых народов происходит без воли Творца? Нам, правда, часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо не согласное с божественными законами. Да ведь не знаем мы, что из этого произойдет в психологии этих исстрадавшихся ныне, не знаем мы, что, быть может, Христос и решил очистить всех, всех, благодаря этим нечеловеческим как бы страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь николиже отпадает, и Христос с небесного Своего Престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли, Он все видит, все допускает, а вот **почему** Он допускает, нам грешным знать **не полезно**".

Господи, мы осознаем, что потеряли страх Твой. Мы часто скорбим о неудачах в помощи людям, ибо думаем, будто своими силами можем помогать им. А люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своей, так называемой благородной гордостью. Прости нас, Господи, за нездоровую скорбь, за гордость и самонадеянность. Среди других людей и мы, забыв об истине, нет-нет да и подумаем, что благодаря нашим личным трудам достигнем здесь, на земле, земного счастья и благополучия. При этом мы забываем, что ничего не сможем сделать, если Ты, Господи, не изъявишь нам на то Своей воли. Волос человека не падает без Твоей, Боже, воли. И в жизни целых народов ничего не происходит без воли Творца. Нам часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо не согласное с божественными законами. И мы, безумные, готовы предложить Господу свое видение, свое решение Божественных задач, не понимая, что произойдет в психологии этих исстрадавшихся людей. Прости нас, Господи, за эту дерзость. Нам не открыто: решил ли

Христос очистить всех, благодаря этим нечеловеческим страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь николиже отпадает, и Христос с небесного Своего Престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли. Он все видит, все допускает, а вот почему Он допускает, нам, грешным, знать бесполезно. Прости нас, Господи, что этим словам старца мы не готовы выражать свое доверие, и свое послушание.

«Ты помни одно, что ты христианка, и с этой точки зрения всегда поступай в жизни. Долг христианки какой? Долг христианки исповедовать Христа безбоязненно и никогда ни в чем не поступаться своей христианской совестью. Вот я, – говорил про себя отец Алексей, – думал ли я, что мне придется утешать столько людей, мне, когда я и теперь зачастую чувствую, что я сам немощен и телесно, и духовно, а тут столько немощных беру на свою ответственность. Ведь я на поруки как бы пред Богом беруверяющихся мне людей, ведь ответ дам за них пред Престолом Божиим. Ведь это не шутка взять на себя под свою ответственность пред Всевышним сотни людей,веряющихся духовному руководству. Многие думают – ну что за важность советов то ли иное? Да ведь знаешь ли ты, что мне Христос полагает на сердце дать тот или иной ответ, ведь я сам, как говорится, в себе не волен. Лучше совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его совета. Враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание человека Божьему через старца совету опутать несчастного своими сетями».

Господи, мы должны помнить, что мы – христиане, и с этой точки зрения всегда поступать в жизни. Долг христианина и христианки – безбоязненно исповедовать Христа и никогда ни в чем не поступаться своей христианской совестью. Прости нас, Господи, что забываем о своем христианском звании, своей жизнью не исповедуем Тебя, Христа Бога нашего, и имеем тенденцию поступаться своей христианской совестью.

Прости нас, Господи и за то, что ищем совета старца (духовника), а выполнять его не спешим и даже забываем данные нам советы. А враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание наше Божьему через старца совету, опутать нас, несчастных, своими сетями. Прости нас, Господи, что своим

непослушанием даем врагу Божию власть связать нас его сетями, и таким образом удаляемся от пути спасения.

«Всех, всех Христос пришел спасти. Так и помни, что ты сама только потому веруешь в Бога, что вера тебе Им дана – вера ведь дар Божий. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это зачастую бывает промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя. Апостол Павел из величайшего из гонителей сделался ревностнейшим проповедником Христовой истины. Но велико, велико дело исповедничества Христовой истины, кому это, конечно, Им дано. «Всяк иже исповесть Мя пред человеки, – исповем его и Аз пред Ангелами Божиими». Есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое – это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще подвергают каким-либо физическим страданиям за имя Христово – это наши первые мученики. А есть и теперь мученики, которые добровольно сами распинают свою плоть со всеми ее страстями и похотями. Вот наши, хотя бы для примера, ближайšie угодники Божии: Серафим Саровский, Сергей Радонежский, да и старцы, не прославленные еще открыто Церковью, – Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадский. Ведь эти последние два жили еще так недавно, жили среди нас, а разве все, все оценили их по заслугам?

Были люди, которые ценили их, а были, которые и порицали их. И так было и будет во все времена и лета, и никогда не надо удивляться или негодовать на это, ибо и это происходит по воле Божией».

Господи, и нам надо поверить, что Ты, Спаситель наш, пришел спасти всех, всех. И каждый из нас верует в меру, которую Ты даешь нам, ибо вера в Бога – Твой дар нам. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это зачастую бывает промыслительно. Господи, прости нас за отсутствие такой веры в нас.

Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя. Господи, как же мало мы молимся о том, чтобы в нас и в окружающих нас людях

умножился дар веры, и мы сделались бы свидетелями, как Ты, Боже, чудесным образом из гонителей делаешь нас ревнителями в деле проповеди Твоей, Христе, истины. Господи, прости нас, что не выпрашиваем у Тебя дара веры и, соответственно, не приемлем от Тебя силы быть ревностными исповедниками Твоей, Христе, истины.

Господи, два вида мученичества могут ожидать нас: насильственное мученичество и физическое уничтожение за веру, и мученичество добровольное, когда мы сами будем распинать себя, свою плоть с ее страстями и похотями. Господи, прости нас, что еще не имеем должной веры, чтобы распинать свою плоть с ее страстями и похотями, а тем более не готовы идти на физические страдания за веру. Прости нас, Господи, умножь в нас веру и укрепи на подвиг несения скорбей, как несли его преподобный Амвросий Оптинский, святой праведный Иоанн Кронштадтский.

2. Земной яд страстей: опыт нейтрализации их

«Скорби, скорби, – говорил Батюшка, – только так и очистишься». «Да как же я очищусь, – возражала я, – когда все более погрязая?» – «Ну, ну, погрязнешь и вылезешь, а то, знаешь, бывает и наоборот, вылезает, а вдруг и погрязнет, не спеши вылезать, так-то вернее будет, а тебе нужно узнать всю изнанку жизни, хоть ты и нежный цветочек. Не бойся грязи, грязи видимой в человеке, значит, он спасен, когда вся грязь наружу, то есть когда духовная грязь в нем уже заметна, этим он искупает вполне свое недостойнство, а вот надо бояться той грязи, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в тайниках нашего сердца, где никакая человеческая помощь не может заставить ее обнаружиться во всей ее закоснелости, где может помочь лишь десница Божия».

Господи, Ты даешь нам знание, что скорби нас очищают. И если нам кажется, что мы все более погрязаем в грязи духовной, то следует пробудить в себе надежду, что вылезем из нее. Гораздо опаснее перспектива: вылезти из грязи и вдруг снова погрязнуть. Поэтому надо не спешить вылезать, ибо так вернее будет. Бог попускает видеть грязь, чтобы узнать нам изнанку жизни. Господи, прости нас, что спешим вылезти из грязи жизни и боимся ее. А делать этого, оказывается, не надо – бояться, когда вся грязь наружу, когда духовная грязь в нас уже заметна. Мы должны бояться той грязи, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в тайнике нашего сердца. Господи, прости нас, что мы не видим ее в себе, в своем сердце, или же просто не хотим ее видеть, и погибаем от загрязнения ею всего нашего существа. Господи, только десница Твоя, верим, может помочь нам в готовности заставить ее обнаружиться во всей ее закоснелости. Боже наш, помоги нам в этом.

Приезжай к нам в Великий Четверг: все чудные службы проведешь у нас; останутся они у тебя в памяти. В Светлую Заутреню стань ближе к Зосимовой пустыни, познакомься с ней, с ее духом. Читай утром и вечером молитвы по молитвослову,

затем можно, по усердию, и каноны: Спасителю, Божией Матери, Ангелу-хранителю, а потом акафисты разные – какие захочется. Нужно непременно ежедневно, в течение десяти минут (это пока), без счета, чтобы это не было машинально, читать молитву Иисусову, не скорым галопом, а с размышлением. Когда приедешь в следующий раз, тогда скажу тебе: увеличить ли время на это до одного часа или нет. Во время молитвы Иисусовой можно класть поклоны, можно и не класть. Самое главное – это молитва. Большого правила на тебя не возлагаю, потому что, когда ты получишь начальство в монастыре, то кто знает, успеешь ли ты все выполнить? Годишься ли ты... Если ты только заметишь, что в монастыре не строго, не все по монашескому строю совершается, то, говорю тебе, не поступай в такой монастырь, в другом месте можно, а отец Иоанн Кронштадтский везде-везде тебя сохранит. Хорошо, если ты будешь по своей матери читать Псалтирь, по усердию, сколько возможно, только помни, что есть там особая молитва при каждой кафизме. Если ты не понимаешь, что читаешь из Святого Евангелия, то советую тебе: день читать по-русски, день по-славянски, а спустя месяц, вот пятого числа, начни снова с того Евангелия, с той же главы, скажем, с третьей, но теперь уже или по-русски, или по-славянски и, таким образом, из месяца в месяц.

Господи, для становления в нас духовной жизни нам очень важно стать поближе к Зосимовой пустыни, познакомиться с ней и с ее духом. Господи, прости нас, что духа Зосимовой пустыни мы не знаем, усердия к молитве не проявляем, акафисты Спасителю, Божией Матери и Ангелу-хранителю по усердию не читаем, по десять минут молитву Иисусову не творим.

Надо непременно читать авву Дорофея и святого Иоанна Лествичника. Еще и еще читай. Одно всегда помни: буду ли я твоим духовным отцом или другой, помоложе, – имей к нему полное доверие, иначе ничего не выйдет для спасения твоей души. Доверие к старцу или духовнику необходимо, но враг будет всячески смущать и постарается тебя от меня отбивать, и даже ты можешь меня возненавидеть...

Господи, мы пытались читать авву Дорофея и святого Иоанна Лествичника. Но чтобы читать еще и еще этого у нас нет. Прости нас, Господи, за неустойчивый интерес к поучениям этих святых отцов. Прости и за то, что их советы не вводим руководящим началом в свои жизненные шаги. И еще: нам надо помнить, что к старцу или к духовному отцу нам следует иметь полное доверие, иначе ничего не выйдет для спасения нашей души. Доверие к старцу или духовнику необходимо, ибо враг будет всячески смущать и постарается нас отбить от него и даже возбудить ненависть к нему. Господи, прости, что недоумения по отношению к своему духовнику враг довольно часто всевает в наше сердце, а мы не всегда со всей настойчивостью их от себя удаляем. Господи, помоги нам всегда иметь неослабное доверие к нашему духовнику.

Те, которые поступают в монастырь, непременно будут обуреваемы известной страстью (блудной). Очень часто, правда, так бывает, но этим не нужно смущаться и этого бояться – нужно только тотчас прибегнуть к старцу или духовнику. Те, которые до сорока лет были свободны от этой страсти, после сорока вдруг бывают ею обуреваемы. Особенно это бывает с теми, которые гордились своим целомудрием, смеялись над теми, которые были под гнетом врага, и не жалели о них, не молились о них.

И нам, если Бог кому-то благоволит поступить в монастырь, полезно знать, что не избежим обуревания известной страстью; что надо не смущаться и не бояться, но тотчас прибегнуть к старцу или духовнику. Господи, прости, что мы этого не делаем, но скрываем в себе действие страсти, гордимся своим целомудрием, смеемся над теми, кто бывает под гнетом врага, не жалеем их и не молимся о них. Господи, прости нас не открытых для исповеди этой страсти, когда она начинает жечь нас своими огнедышащими желаниями. Прости нас, что не бежим к своему духовнику, желая через него получить для себя Божию защиту.

Держись духовника, он никогда тебе не даст впасть в неверие, будет тебя пробуждать. Только крепко держись и все

ему рассказывай. Избрала меня или другого – всегда обо всем посоветуйся с духовником.

Господи, и нам через преподобного Алексия, автора этих наставлений, Ты даешь наказ: держаться духовника, и он не даст нам впасть в неверие, будет нас пробуждать. Господи, прости нас, что мы вроде бы и держимся духовника, но не все ему рассказываем и не всегда с ним обо всем советуемся.

Побуждай себя к милосердию, к добру для ближних – это своего рода подвиг – нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь.

Господи, подвиг милосердия недостаточно ценится нами. Прости нас. И даруй нам усердие помогать нуждающимся, развивать в себе жалость к людям и любовь.

О старчестве преподобный старец говорил: «Преподобные отцы, живя в пустыни, говорят про себя так: в продолжение седмицы диавол жжет нас своим змеиным ядом, а мы в субботу и воскресенье прибегаем на источники водные, исповедуясь у своих старцев и причащаясь Святых Таин, этим мы избавляемся от змеиного яда».

Господи, мы мало наблюдаем за собой и поэтому не замечаем, как в течение седмицы диавол жжет нас своим змеиным ядом. А, не замечая, мы не стремимся в субботу и воскресенье на «источники водные»: исповедаться у своих духовников и старцев и причаститься Святых Таин, чтобы избавиться от змеиного яда. Господи, прости нас, что случаемое с нами греховное отравление, мы не ассоциируем с отравлением «змеиным ядом» диавола, и не видим в исповеди у духовника и причащении Святых Таин самого действенного лекарства от змеиного яда. Господи, помоги всегда помнить и прибегать к этим благодатным лекарствам в борьбе с диаволом.

И мы, живя в Зосимовой пустыни, когда теряли душевный мир, приходили к старцу отцу Алексию и открывали ему свою душу. Старец говорил нам, что мир душевный теряется больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец нас останавливал, говоря: «Нам до других дела нет, говори

только свое. Правила святых отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других. И мы, придерживаясь этого правила, строго следили за собой, чтобы не сказать какое-либо слово о других. «Кто любит говорить про других, – наставлял старец, – про того и люди много говорят».

Господи, мы часто теряем мир душевный по причине осуждения других и от недовольства своей жизнью. Прости нас. И еще: во время исповеди из-за своей невнимательности нам хочется говорить о других, и действительно говорим о них, нарушая правило святых отцов, запрещающих это. Прости нас, Господи, что на исповеди не следим за собой и частенько говорим недоброе слово о других. Помоги, Господи, говорить о других мало, чтобы и люди мало говорили о нас.

Старец еще учил нас: «Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбит ее Бог, тогда – что еще нам нужно? После исповеди и прочтения разрешительной молитвы у нас опять возвращалась жажда духовной жизни, и мир в душе водворялся.

Господи, когда наша душа научится обвинять себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, – это предел наших желаний. Господи, прости нас, что мы к этому пределу никак не приблизимся, ибо никак не научимся обвинять себя во всем. И еще прости нас, Господи, что не наблюдаем, как по прочтении разрешительной молитвы к нам возвращается жажда духовной жизни и водворяется в нашей душе мир. Именно по этим признакам – жажде духовной жизни и водворению мира в душе – мы можем судить о прощении наших грехов. А мы такого наблюдения за собой не ведем. Прости нас, Господи. И дай нам силы наблюдать за появлением жажды духовной жизни и утешаться миром в своей душе.

Отец Алексей говорил нам: «Хотя Господь во ад меня пошлет за мои грехи, но я все-таки буду благодарить Его всегда за то, что я монах». Он и в миру еще читал и любил святых отцов и был как бы ненасытен в монашеских подвигах.

Господи, прости нас за неумение благодарить Тебя за свою причастность к христианству, к подвигам духовной жизни.

Прости нас, Господи, что мало читаем и любим святых отцов, и пошли нам «ненасытность» к христианским подвигам, совершаемым под руководством святых отцов.

Высоко ставя послушание, и сам во всем слушаясь своего духовника, отец Алексей и учеников своих учил этой добродетели. Идя однажды на послушание, встретился я с одним из учеников батюшки, студентом Академии отцом Игнатием Садковским, который катил маленькую двухведерную бочку. Сам он был очень высокого роста, а бочка-то маленькая, подпрыгивала и перевортывалась. Ему поэтому приходилось ежеминутно нагибаться и подталкивать бочку. Я ему и говорю: «Вы бы ее, отец Игнатий, взяли на плечо, да и несли бы». А он отвечает: «Меня благословили катить».

Господи, прости нас, что мы высоко не ставим послушание и во всем не готовы слушаться своего духовника, как это делали ученики старца Алексия. Господи, помоги нам быть внимательными к тем благословениям, которые дает нам наш духовник, чтобы точно их выполнять.

Один духовный сын отца Алексия приехал в Зосимову пустынь поговеть Великим постом на первой неделе. Он стал ходить неопустительно ко всем службам. А службы там были уставные, долгие. В то время огонь в монастырской кухне не зажигался, и ничего варить для братии первые дни не полагалось. Со временем он стал изнемогать и слабеть. Наконец, не выдержав подвига, он бросился к отцу Алексию: «Батюшка, не могу больше без пищи, благословите что-нибудь съесть!» – взмолился он. А тот со свойственной ему мудростью ответил: «Как же ты просишь меня, твоего старца, благословить тебя нарушить устав той обители, в которой он живет? Другое было бы дело, если бы ты, не могший дольше терпеть, сам что-нибудь съел и потом пришел ко мне просить прощения». Не получив благословения нарушить пост, молодой человек ушел от отца Алексия, но не смог больше поститься, раздобыл где-то соленый огурец и кусок черного хлеба, съел их и затем пришел к старцу с повинной головой. Конечно, тот отпустил ему грех с любовью. Сам же старец всегда вкушал то, что давали всем на

трапезе, а когда очень уставал от исповедников, то выпивал стакан крепкого чая, и это его подкрепляло.

Господи, у нас нет навыка подчиняться уставу монастырскому и домашнему. Мы оскудеваем в терпении и воздержании и готовы просить духовника хотя бы частично ослабить пощение. А просить у духовника нарушить пост недопустимо, ибо он не может дать такого позволения, согласно устава святых отцов. Нарушить пост – это дело самого человека, а дело старца или духовника дать прощение в этом грехе, если нарушитель придет к нему на исповедь. Господи, мы просим у Тебя прощения, что тоже просим позволения у духовника нарушить пост, чтобы на него переложить ответственность за нарушение поста. Прости нас, Господи.

Монах должен знать два слова: «простите и благословите». Ему надо выучить наизусть стихирю 7-го гласа: «Виждь твоя пребеззаконная дела, душе моя, и почудися како тя земля носит, како не расседися, како дивие зверие не снедают тебе; како же солнце незаходимое сияти тебе не преста; восстани, покайся и возопий ко Господу: согреших Ти, согреших, помилуй мя» (неделя вечера).

Господи, прости, что мало вдумываемся и редко произносим слова: «простите и благословите». И еще, что не знаем наизусть стихирю, в которой Церковь учит нас задавать душе своей справедливое вопрошение: увидеть свои пребеззаконные дела и пережить удивление, как носит меня земля, как не расселась, как дикие звери не съели меня, и солнце незаходимое не перестало светить мне? Господи, прости нас и прими наш вопль: помилуй нас, согрешивших.

3. Молитва – ограждение для ума и добрых дел

Когда слушаешь колокольный звон на улице, он разлетается и разбивается о разные встречные предметы; иногда же его восприятию мешает какой-либо треск, визг или писк. Напротив, когда сидишь в четырех стенах, то этот же звон слышишь очень явственно, ибо стены его не ограждают, не дают ему разлетаться. Точно так же небесные звезды бывают видны только вечером, днем же их не видно. Если ты спустишься в глубину земли (например, в колодец), то оттуда увидишь много звезд, которых ты раньше не видел. Так точно и человек – если более приобучает себя молитве Иисусовой, то эта молитва делается ограждением для его ума, не дает ему развлекаться соседними лицами, предметами; помогает ему схватывать слова церковного пения и чтения и вообще помогает ему более внимательно стоять церковную службу. Но это относится не к начинающим делателям молитвы Иисусовой, а только к тем, которые привыкли к этой молитве.

Господи, нам преподобный приоткрывает тайну молитвенного делания, связанного с молитвой Иисусовой: эта молитва должна стать ограждением для ума нашего, должна искоренить привычку к развлечению ума соседними лицами и предметами. Молитва Иисусова должна еще помочь нам схватывать слова церковного пения и чтения, помочь более внимательно стоять церковную службу. Господи, мы каемся, что не приучили себя к такой молитве, и та духовная польза, о которой свидетельствуют преподобные отцы, только малыми каплями проникает в наше сердце. Прости нас, Господи, что эта молитва не ограждает наш ум от развлечений соседними лицами и предметами, не формирует в нас способность схватывать слова церковных песнопений и читаемых в храме молитв, не способствует нам внимательно стоять церковную службу. Господи, прости нас, что не видим еще в молитве Иисусовой того благодатного пособия, которым достигаются заданные нашему церковному сознанию указанные задачи.

Молитву Иисусову когда творишь, заключа́й ум в слова молитвы, то есть молись со вниманием. Молитву Иисусову лучше ограничить во времени (например, пятнадцать-двадцать минут), нежели количеством: в этом случае произносишь молитву неторопливо и более внимательно. Это правило пусть, как урок, творится постоянно, кроме дней праздничных двенадесятых.

Господи, прости, что Иисусову молитву мы читаем не достаточно внимательно, не ограничиваем произнесение ее временем и, как урок, ежедневно не произносим.

При ежедневном чтении Евангелия и Апостола лучше читать из того и другого по одной главе в день. В Пасху и двенадесятые праздники Псалтирь оставляется, и читаются только Евангелие и Апостол.

Господи, прости нас, что мы не всегда этого правила придерживаемся.

Псалтирь в келье лучше читать стоя, нежели сидя, несмотря на то, что в церкви кафизмы Псалтири выслушиваются сидя; келейное чтение Псалтири есть молитвенный труд. (Если в церкви и сидят во время кафизм, то ради седален, читаемых после кафизм, а не ради самих кафизм).

Евангелие непременно надо читать стоя. Апостола можно читать и сидя и стоя, но лучше стоя. Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочесть книгу епископа Феофана «Что есть духовная жизнь». Эта книга представляет как бы ворота в духовную жизнь.

Господи, мы с этими правилами чтения знакомы поверхностно и поэтому выполняем их небрежно, или совсем не выполняем. Прости нас.

Из Оптинских старцев более серьезен и полезен для монахов отец Макарий Оптинский. У него все сводится к смирению и самоукорению. Нет письма, где бы ни говорилось о смирении. Как масло в кашу, он повсюду подливает самоукорение.

Господи, и нам полезно смирение и самоукорение. Прости нас, что, как масло в кашу, мы во все дела свои не подливаем

самоукорения.

Оптинские старцы оттеняют одну черту в Таинстве Елеосвящения, именно это Таинство облегчает хождение по мытарствам.

Господи, мы еще не знали об этом и не ждем от этого Таинства облегчения в прохождении мытарств. Прости нас.

«Плоды Святого Причащения: здоровье души и тела, мир душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням. Бывает, например, так: больной, причастившись Святых Таин, говорит: «Если бы я долго не причащался, то давно умер бы».

Господи, прости, что мы мало знакомы с тем благом, которое именуется плодами Святого Причащения, и, когда готовимся к участию в этом Святом Таинстве, оказываемся не готовыми порадоваться этим милостям Божиим.

Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню. Если же оскорбляем ее, то в тот же день причащения она перестает действовать. А оскорбляем мы святыню чем? Зрением (зрение, по словам святых отцов – опасный проводник блудной страсти); слухом и другими чувствами; многословием и осуждением. Поэтому в день причащения надо преимущественно хранить зрение, больше молчать, «держаться язык за зубами».

Господи, и мы ловим себя на том, что оскорбляем в себе святыню зрением, слухом и другими чувствами, многословием и осуждением. Господи, прости нас и помоги хранить зрение и больше молчать.

Если мы не получили плодов после Святого Причащения, надо раскаиваться, смирать себя, считать себя недостойным этих плодов: быть может и недостойно причастился? Рассеялся во время службы – ведь можно рассеяться не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Отчаиваться же и скорбеть, что я не получил плодов Святого Причащения, не нужно. Иначе Святое Причащение будет для нас талисманом каким-то. Такое отношение к Причащению – своекорыстие.

Господи, бывают в нашей жизни дни, когда и мы, к нашему великому огорчению, не видим плодов Святого Причащения, но

раскаиваться не спешим, и не смиряем себя, и не считаем себя недостойными этих плодов. Прости нас, Господи. И еще причиной лишения плодов Святого Причащения может быть рассеяние во время службы не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Прости нас, Господи, за это рассеяние и за скорбь, что не получили ожидаемых плодов. Прости, Господи, нас за своекорыстие, когда причащаемся только ради этих плодов.

Если кто-то батюшку спрашивал о чтении молитв: нужно ли что-то вычитывать или можно пропустить, – то он иногда так отвечал: «Лучше перемолиться, чем немолиться».

Господи, мы чаще склонны бываем немолиться, чем перемолиться. Прости нас за отсутствие любви к молитве и за склонность к сокращению молитвы.

За новопреставленного полагается утром и вечером делать по двенадцать поясных поклонов. Один брат сказал батюшке: «Вот я по несколько дней забываю сделать эти поклоны, а потом уже зараз поклонов сто и сделаю с таким расчетом, чтобы пополнить пропущенное. Можно ли так и впредь делать?» Батюшка сказал: «Хорошо все делать, когда полагается, в свое время».

Господи, нет у нас знания, нет усердия делать по двенадцать поясных поклонов за новопреставленных. Прости, Господи. И еще виноваты мы, Господи, в том, что самовольничаем в деле поминовения усопших и делаем это не когда полагается, не в свое время, а измышляем свои «правила». Прости нас, Господи, за самоволие.

Об осуждении отец Алексей как-то сказал: «Осуждаем мы оттого, что за собой не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевети и не давай неправильных советов ближним, ну а если тебе придется сделать это, то спеши исправить зло. Скажи, что ты неправильно сказала, предупреди, извинись письмом, наконец, если сама не можешь увидеть их, а то знаешь, много неприятностей от этого бывает».

Господи, мы не приучены наперед следить за собой, потому и осуждаем других. Господи, прости нас за это и помоги никого не осуждать, не клеветать и не давать другим неправильных

советов. А если такое зло допустим, то помоги поспешить исправить допущенное зло.

О гордости и помыслах тщеславия старец говорил следующее: «Гордиться нам нечем, ведь если и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божие. Нашего ничего нет. Когда тебе придет в голову помысл гордый и тщеславный о себе, так ты вот что делай: гони его сию же минуту и говори прямо вслух, если одна: «Знаю я, какая я хорошая, а это кто сделал, а это кто сделал? – и начни перебирать свои грехи – помысл и отойдет».

Господи, прости нас, что мы не напоминаем себе, что гордиться нам нечем, ибо все, что есть в нас хорошее, не наше, а Божие. При каждом появлении в нашей голове помысла гордого и тщеславного, нам следует напомнить себе: «Знаю я, какая я хорошая, а это кто сделал, а это кто сделал? – и перебирая свои грехи, помысл и отгонишь. Господи, прости нас, что мы это редко делаем, и помысл, тем самым, не отгоняем и тщеславимся о себе, и гордимся. Господи, помилуй нас.

О тайне исповеди старец часто говорил так: «Будь покойна, детынька, старческая душа – это могила, что слышала она, то и похоронила в себе навеки и никому того не отдаст. Не надо и тебе другим рассказывать про исповедь. Зачем? Исповедь – это тайна твоя и духовника. Мало ли что духовник может тебе сказать на исповеди, что сказать-то другим и неудобно?

Господи, нас часто беспокоит вопрос о тайне исповеди. Поэтому надо понять, что душа старца – это могила и все, что слышит от нас, он похоронит в своей душе. Господи, прости нас, что мы допускаем сомнения в сохранности сказанного о себе старцу. Прости нас, Господи, что и сами мы не храним тайну исповеди, и слова, сказанные нам духовником на исповеди.

Жалующиеся на свою тяжелую жизнь и на множество недостатков и грехов слышали от него следующие слова: «Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя или не был к Тебе милостив, то жива-то не была бы; только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись

всегда, конечно, об избавлении тебя от скорбей и от грехов твоих, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя».

Господи, и нам, когда хочется пожаловаться на свою тяжелую жизнь и множество грехов и недостатков, очень полезно напоминать себе слова старца Алексия: Господь не забывает нас, Он к нам милостив, иначе бы и живы не были бы. Но мы часто не видим Его милостей к нам, потому что желаем своего и молимся о своем, и себе не напоминаем, что Господь знает, что нам лучше и полезнее. Господи, прости нас за удивительное упорство стоять на своем и не слышать, что Ты о нас речешь, и не видеть Твоих к нам милостей. И еще: когда мы молимся об избавлении нас от болезней и грехов наших, то забываем прибавлять в конце молитвы слова: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя!»

Во время пения и чтения в церкви могут смущать тебя помыслы тщеславия и теряется спокойствие совести. Чтобы в себе это преодолеть вспомни о том, кто тебя на это дело благословил, о его желании, чтобы ты принимала деятельное участие в службах. «Перед тем, как выйти читать, – говорил старец – вспомни обо мне, детынька, вспомни, что далеко-далеко в пустыньке есть у тебя старичок отец Алексий, и скажи про себя: «Господи, молитвами отца моего духовного, старца иеросхомонаха Алексия, помоги мне». И посмотри, как будешь читать, все помыслы отойдут.

Господи, и нас во время пения и чтения в церкви посещают помыслы тщеславия и теряется спокойствие совести. Прости нас и помоги всегда помнить, кто благословил нас на это дело и, уповая на его молитвы, читать порученное нам. И помоги, Господи, заметить духовную пользу от этого.

Все помыслы нечистые и хульные отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола, тебя смущающего. Ведь вот, когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола, и на дела его и дует, и плюет – так и ты делай!»

Господи, мы не приучили себя отгонять молитвой Иисусовой помыслы нечистые и хульные, а когда они очень сильно докучают, то, незаметно для других, и плюнуть на них и на диавола. Прости нас, Господи, за забывчивость повторять уроки святого Крещения – дунуть и плюнуть на диавола и на дела его во время искушения нечистыми и хульными помыслами.

О чтении духовных книг и Святого Евангелия старец говорил: «Не ленись читать Слово Божие и духовные книги. Слово Божие поддержит и укрепит тебя в Истине». В первую очередь старец советовал читать следующее: авву Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадского.

Господи, прости нас, что ленимся читать Слово Божие и духовные книги, а, не читая их, мы ослабляем в себе усердие и не удерживаем себя в Истине. Прости нас, Господи. И еще первоочередные для нашего спасения книги: авву Дорофея, преподобного Иоанна Лествичника и святого праведного Иоанна Кронштадского, – мы не изучаем и многих важных понятий, относящихся к делу спасения, не осваиваем соответствующими делами. Прости нас, Господи.

Часто жаловалась я старцу, что не могу держать постов из-за домашних условий. Много неприятностей у меня из-за этого выходило и поститься не было никакой возможности – это значило: ничего не есть. Но на все мои просьбы разрешить мне не поститься старец говорил решительно и твердо: «Не могу, детынька, не могу я на это тебя благословить: я – монах, и пост положен у нас в уставе. Смотри сама, молись, Бог видит условия твоей жизни. Только на исповеди не забывай каяться в нарушении постных дней».

Господи, и у нас есть проблема с проведением постов, и мы приступаем с просьбами к своим духовникам – разрешить не соблюдать установленных постов. Но устав церковный один для всех, и духовник не может нас благословить его нарушать. Так что нарушение поста – дело самого человека, но дело, в котором мы должны обязательно каяться на исповеди, ибо это нарушение устава церковного. Господи, прости нас за

нарушение поста и постных дней, когда это нарушение находит место в нашей жизни.

Открыв старцу свои смущения, возникшие из-за некоторых непонятых мной поступков духовного отца, я услышала очень внушительным и строгим тоном ответ старца: «От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманным тобой. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет нашептывать тебе, что духовный отец невнимателен-де к тебе, он-де холоден с тобой и не хочет иметь тебя около себя. Кричи прямо вслух ему в ответ: «Не слушаю тебя, враг, это все неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного».

И у нас бывает много случаев, когда мы испытываем смущения от некоторых непонятых нами поступков духовного отца. И вот здесь нам жизненно необходимо будет вспомнить строгие слова преподобного Алексия Зосимовского: «От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманным тобой. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет шептать тебе, что духовный отец невнимателен к тебе, что холоден в общении, не хочет иметь тебя около себя. Кричи прямо вслух ему: «Не слушаю тебя, враг, ибо все это неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного». Господи, прости нас, что мы не делаем так и не кричим о своем доверии к духовнику. Прости нас, Господи.

Спрашивала я как-то о музыке и танцах старца: «Можно ли играть на рояле и танцевать?» Батюшка сказал мне так: «Играть на рояле благословляю тебя только классические вещи, например Бетховена, Шопена и других. Есть и легкие вещички, некоторые хорошие, но вообще легкая музыка служит только страстям человеческим, там, знаешь, и аккорды-то все страстные...» «Ну а танцы, – продолжал батюшка, – это совсем дело бесовское, унижающее достоинство человека. Знаешь, я как-то, когда был еще в миру, смотрел раз из своего окна и увидел напротив в окне бал. Так мне со стороны смешно даже

смотреть было – кривляются люди, прыгают, ну точь-точь как блохи».

Господи, прости нас, что часто смотрим как музицируют и танцуют люди и это не вызывает у нас внутреннего протеста и неприятия. Прости нас.

«Батюшка, – сказала я как-то старцу на исповеди, – я очень жестокая, не умею жалеть несчастных и больных людей». На это старец ответил мне: «Надо быть милостивой, детынька, «блажени милостивии, яко тии помилованы будут». Главное же, милуй души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душой надо больше жалеть, чем больных и страждущих телом. Милуй и не причиняй страданий даже животным, потому что и о них в Писании сказано: «Блажен, иже и скоты милует».

Господи, и мы замечаем за собой, что не умеем жалеть несчастных и больных людей. И особенно не умеем миловать души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душой надо жалеть больше, чем больных и страждущих телом. Прости нас, Господи. Не умеем мы миловать и причиняем страдания животным, что живут с нами. Прости нас, Господи.

4. Преодоление житейских помыслов во время богослужения

О подвигах духовных и работе над собой батюшка говорил так: «Не вдавайся очень в подвиги и желания чрез меру, выше твоих сил, – можешь легко погибнуть. Иди средним путем. Средний путь – царский. Нет цены умеренному деланию.

Когда на молитве ты вдруг заплачешь, если вспомнишь, что кто-то тебя обидел или на тебя гневался, – то эти слезы не в пользу душе. Вообще нужно подавлять слезы, чтобы не превозноситься, что «вот я какая – уже молюсь со слезами!» Если будешь думать о своих грехах и читать покаянные молитвы – это спасительно. Вообще знай, что враг всегда настороже, всегда за тобой следит, смотрит на выражение твоего лица, твоих глаз и старается уловить твою слабую сторону, слабую струнку, гордость ли, тщеславие ли, уныние.

Господи, мы не подавляем слез на молитве и готовы ими тщеславиться, прости нас. И еще нам надо помнить, что враг всегда настороже и за нами следит, смотрит на выражение нашего лица, на выражение наших глаз, чтобы уловить нашу слабую сторону, гордость ли, тщеславие, уныние. Прости нас, Господи, что эти слабые свои струнки мы выдаем ему выражением своего лица, выражением своих глаз.

Святые отцы учат, что на хульные помыслы совсем не следует обращать внимания – сами тогда отскочат. Нужно только сказать врагу: «Это не моя мысль, а твоя, навеянная». Если он возразит – нет, твоя, то ответь ему: «Мой духовник мне приказал так говорить» – и тотчас враг отбежит от тебя.

Господи, у нас нет навыка указанным образом отгонять от себя хульные помыслы, прости нас.

Светские люди всегда удивляются, что мы, монахи, видим злых духов, а они – никогда. Нет ничего удивительного, ибо они находятся во власти злых духов, и они оставляют их в покое, монахов же не оставляют в покое, потому что они борются с ними и им не поддаются.

Господи, мы склонны забывать о злых духах, не думаем о них, и не боремся с ними. Прости нас за это и помоги быть начеку и не поддаваться им.

Против скуки, уныния есть несколько средств: молитва, дело, поделье и, наконец, завернуть себя в мантию и уснуть. Когда на монаха надевают мантию, тогда начинается борьба сатаны с ним.

Господи, и к нам в миру часто приражаются скука, уныние, но мы не противопоставляем им молитву, дела, поделье и иногда сон. Прости нас за бездеятельное во время приражения их поведение.

Отца твоего (лютеранина) нельзя поминать во время церковных служб: ты уж по нему не заказывай парастаса и заупокойных служб. Я тебе дам молитву, составленную отцом Леонидом Оптинским, которая как раз подходяща для твоего отца, и молись по нем. Благословляю тебя с сегодняшнего дня начать молиться о твоём отце по этой молитве. Ещё при жизни отца Леонида были извещения о пользе этой молитвы. Старец вручил следующую молитву: «Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба Твоего (имя), отошедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви. Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей, но да будет воля Твоя».

Господи, нам неизвестна была эта молитва, но теперь, если случится такой случай, то будем помнить, что ею нам надо будет молиться. Прости нас, Господи, за незнание и помоги удержать этот совет в своей памяти.

Когда во время Херувимской или в другие важные минуты приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Творить крестное знамение и произносить молитву Иисусову немного вслух про себя, это очень поможет тебе не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться со вниманием и умилением. Иисусову молитву должно творить с великим вниманием и с покаянным чувством, с ударением на слова: «помилуй мя грешную». С сердечным сокрушением и с детским доверием следует ею молиться, и Господь за такое доверие пошлет умиление, и

ощутишь плод великий от такой молитвы. Понуждай себя. На исповеди нужно открываться не только в дурных помыслах, но также и в хороших. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы от себя потечет внутренняя молитва, но все же принуждать себя нужно непременно.

Господи, в борьбе с житейскими помыслами, приходящими во время богослужения, мы не прибегаем тотчас к молитве Иисусовой, не молимся ею с великим вниманием и покаянным чувством. Нет у нас сердечного сокрушения и детского доверия при произнесении этих молитвенных слов, прости нас, Господи, за это и пошли нам умиление, помоги понуждать себя на такую молитву. Господи, помоги нам на исповеди открывать не только дурные помыслы, но также и хорошие. Этого мы, к сожалению, не делаем. Прости нас. Не понуждая себя к молитве, мы даем возможность заглохнуть в себе молитвенному порыву. Прости нас за это, Господи, и помоги с чувством благодарности к Тебе заметить как сначала с трудом, а затем как бы от себя потечет в нас внутренняя молитва. И помоги, Господи, принуждать себя к этому непременно.

Сознание, что ты духовно не двигаешься вперед, да послужит тебе для самоукорения. Смирять себя надо. Нужно наедине громко, с покаянным чувством молиться Иисусовой молитвой. Не запускай же ее.

Господи, и у нас есть сознание, что мы духовно не движемся вперед. Да послужит и нам это сознание поводом для самоукорения и смирения себя. Прости нас, Господи, за отсутствие самоукорения и нежелания смирять себя, говоря громко, с покаянным чувством, Иисусову молитву. Помоги нам, Господи, не запускать ее.

Ты говоришь, что нет памяти смертной. Вот и смирайся, и кайся в этом. Одно крыло – смирение, другое – самоукорение с терпением. Ты должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к Святейшему Патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении. Без умиления нельзя было стоять при его посвящении.

Господи, взирая на себя, мы видим, что нет у нас памяти смертной, и мы в этом не каемся. Прости нас, Господи, что забываем об этом, ибо одно крыло – смирение, другое – самоукорение с терпением. Прости и нас, Господи, что у нас нет должного чувства благоговения к Святейшему Патриарху и к его сану, ведь столько благодати излилось на него при посвящении.

Я рассказала старцу свой сон: будто он ко мне подошел (я лежала), благословил двумя руками и тихо удалился, произнося следующие слова: «С самоукорением и с молитвой». Старец мне ответил: «Да, эти слова знаменательны. Помнишь, что старец Амвросий велел молчать и не рассказывать своих снов о нем?» – И старец погрозил пальцем. «Будешь верить в Промысл Божий, поручишься ему и обрящешь великий мир. Только тогда будешь спокойна. Чтобы не случилось с тобой, никогда никого не вини, кроме самой себя. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Старец отец игумен говорил: «У кого больше смирения, тот больше преуспеет в Иисусовой молитве. Если вас прервали по делу, то потом снова начинайте ее, и так всегда. Господь, конечно, видит ваше желание – соединиться с Ним в молитве».

Господи, и нам очень важно жить с самоукорением и молитвой. И никогда не рассказывать своих снов. Господи, прости нас, что не умеем поручать себя Твоему Промыслу, часто не способны благодарить Тебя за неприятности и невзгоды. Господи, прости нас, что нет у нас должного смирения и очень скромнен труд над преуспеянием в Иисусовой молитве. Господи, Иисусе Христе, умножь в нас желание соединяться с Тобой в молитве.

В первый год моей замужней жизни у меня было такое искушение: ежедневно за вечерним правилом, которое мы с моим мужем всегда читали вслух, начинали смущать меня помыслы о том, что завтра приготовить к обеду, и до такой степени было сильно это искушение, что я совершенно не могла молиться и очень этим мучилась. При первой возможности я пожаловалась об этом старцу и получила от него мудрый совет: «Чтобы не было у вас подобных искушений, – ответил он, – я советую вам каждое воскресение вечером сесть с вашим мужем

за столик, взять бумажку и расписать на всю будущую неделю меню обедов. Вы тогда будете покойны, и думать об этом каждый день вам не нужно будет». Я глубоко была благодарна за этот совет, в то же время мы им воспользовались, и искушения как не бывало. Кроме того, составлять расписание обедов на неделю доставляло даже удовольствие.

Господи, подобное искушение посещает и нас, отвлекая от молитвы. Господи, прости нас, что в большинстве случаев мы не бываем свободны от этих помыслов, приходящих во время молитвы. Помоги нам, Господи, почаще вспоминать мудрый совет старца отца Алексия и следовать ему.

Как-то я спросила батюшку: «Нужно ли мне кланяться первой всем знакомым, которые встречаются, будь они старше или моложе меня?» Батюшка всегда велел кланяться первой.

Господи, прости нас: мы не всегда кланяемся другим первыми.

Если по приказанию врача нам приходилось так или иначе нарушать пост, батюшка велел все равно себя окаявать и молиться так: «Господи, прости меня, что я по предписанию врача, по своей немощи нарушила святой пост», а не думать, что это как будто так и нужно. «Смирять себя нужно».

Господи, подобные ситуации встречаются в нашей жизни, и мы нарушаем святой пост по предписанию врача. Господи, прости нас, что по предписанию врача и по своей немощи мы нарушили пост, и пошли нам смирение и самоукорение.

Однажды, напутствуя свою духовную дочь в монастырь, старец так ее учил: «Надо прежде всего учиться на всякое обвинение тебе говорить «простите», хотя бы ты и была в этот раз невинна. «Простите», говори. Подруга за тебя захочет заступиться, скажет: «Ведь это не ты разбила, зачем же ты просишь прощения?» А ты скажи: «В этот раз я не била стекла, но, вероятно, я когда-нибудь в своей жизни делала какие-нибудь ошибки и портила что-нибудь, а наказание за это не терпела – ну пусть я за то теперь потерплю».

Господи, прости нас, что на всякое обвинение мы не готовы говорить «простите», хотя бы на этот раз мы были и не виноваты.

«Нужно себя понуждать исполнять церковные уставы, молиться. Прошу тебя, молю – понуждай себя: сначала будет трудно, но потом станет легко, так что часами прстоишь на молитве. Сладость от этого ощутишь. Ты должна молиться – понуждай себя непременно. Если нет времени, читай половину правила или сколько сможешь, но только всегда с благоговейным чувством, иначе ты только прогневаешь Бога своей недостойной молитвой. Помолись Господу, чтобы Он помог тебе творить молитву Иисусову. Ее нужно творить беспрестанно. Я знаю одного человека, простого, необразованного, которого Господь сподобил такой благодати, что каждый раз, как он становится на молитву, он проливает потоки слез.

Господи, мы плохо знаем церковные уставы и не понуждаем себя их исполнять; нужно и к молитве себя понуждать, а мы неохотно это делаем. Прости нас, Господи. Когда нет у нас времени, то должно прочесть половину правила и сколько получится, но обязательно с благоговейным чувством. Господи, прости, но мы и этого не делаем. Господи, мы в долгу у Тебя. Помоги, Господи, творить молитву Иисусову беспрестанно.

Нет у тебя духа исповедничества, за это тебе будет трудно умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, Которого ты не исповедовала открыто при жизни своей, а только тайно, боясь насмешек. Ты стыдилась отвечать неверующим, открыто исповедовать свою веру. Всегда, при всяком обстоятельстве, можно говорить о Боге. Например, ученики тебе скажут: «Нам не удастся такая-то арифметическая задача», а ты в ответ: «Ничего, с Божией помощью одолеете ее. Молитесь Богу усерднее» и так далее. На каждом шагу можешь так поступать.

Случается и нам утратить дух исповедничества, поэтому тяжело будет отвечать перед Богом за то, что не исповедовали открыто Бога при жизни своей, а только тайно, боясь насмешек. Прости нас, Господи, за скрытность нашей веры и что усердно не молимся Богу, чтобы у нас открылась сила исповедничества.

Если мы не молимся и не призываем нашего Ангела-хранителя себе на помощь, то мы этим оскорбляем Бога,

Который нам с первого дня нашего рождения приставил его как хранителя нашей души и тела.

Господи, мы небрежно призываем на помощь себе Ангела-хранителя и тем оскорбляем Тебя, Господи, приставившего его к нам для сохранения нашей души и тела. Господи, прости нас.

**ИСПОВЕДЬ Х. духовные наказы ученику.
по беседам преподобного Льва
Оптинского (1768 – 1841)**

1. «Внимание себе»: предметы внимания

Святая Церковь повелевает помнить произносимый ею глас к Богу: «Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих».

Господи, мы не очень-то помним эти слова Писания и не полагаем «дверь хранения устам своим». Прости нас.

При этом надобно воображать, что те, которые делают это в разуме духовном, сего достойны, а ты считай себя недостойным разговора с ними, и, когда спросят тебя, отвечай с благоговением.

Дверь ограждения, которую нам надо иметь – это умение подумать (вообразить) о том, что те, которые полагают хранение устам своим, делают это в духовном разуме, в этом их достоинство. А нам, новоначальным, надо считать себя недостойными разговора с ними. И если они нас спросят, то отвечать надо с благоговением. У нас же такого рассуждения не обнаруживается, и отвечать с благоговением мы не умеем. Прости нас, Господи.

Когда же увлечешься противным этому, кайся и старайся неотложно исправиться. Должно еще вести себя так, чтобы братия не заметили в тебе твоей отличности в исправлении.

Господи, мы с огорчением замечаем за собой увлечение противоположным сказанному, не каемся в этом и не спешим исправиться. Прости нас. И еще мы не научены вести себя так, чтобы братия не заметили в нас отличности в исправлении. Нам же хочется показать, что мы на «пятерку» исправляемся. Прости нас за этот показ, Господи.

Когда ты видишь в других вольное выражение мыслей и соблазняешься, то знай, что это тебе кажется от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какой целью они это делают. Таковыми поступками скорее обнаруживается внутренний людской характер, и для дышащих презорством это нужно. Итак, ты несправедлив. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты пришел в

училище самоотвержения, исполнять повеленное тебе, но не имеешь права судить, где, когда и как с кем поступают.

Господи, мы подмечаем в себе склонность к невнимательности и нерассудительности, что побуждает и подталкивает нас видеть в других вольное выражение мыслей и соблазняться. Прости нас, ибо не знаем, с какой целью они это делают, а мы их осуждаем. И не только осуждаем, но и чувствуем в себе дыхание презорства (презрительности). А это – пища для несправедливости. Господи, помоги нам прилагать старание внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Мы призваны учиться самоотвержению, и исполнять нам повелеваемое. Мы же присваиваем себе право судить: где, когда и как людям следует поступать. Явно, что это не дело смирения. Прости нас за это, Господи.

Не может быть, чтобы у братии не было любви. Так должно думать и по справедливости заключать. Если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь. Покажи прежде сам истинные черты любви, и тогда увидишь, что любовь у них обитает, и к тебе хранится обильно. Притом мы имеем заповедь Божию любить чистосердечно ближних; а искать от них любви, о том нигде не сказано.

Господи, когда нам кажется, что у наших ближних нет любви, то надо уточнить для себя правильность своего суждения и справедливо заключить: мы не видим в них любви потому, что ее нет у нас самих. Господи, прости нас, что сами не имеем любви и показать ее истинные черты не умеем. Потому и не видим, что любовь к нам у ближних обитает и хранится обильно. Господи, при подобном недоумении дай нам силу помнить, что заповедь Твоя велит искренне любить ближних, а не искать от них любви. Именно это незнание заповеди располагает нас думать и поступать наоборот. Прости нас, Господи.

А что братия не могут, или лучше сказать, не дерзают беседовать с тобою от Писания, то ты не должен искать сего с ревностью. Где смирение у них, там и простота, а сия Божественная отрасль не испытывает судеб Божиих: она только верою повинуетя, а до времени довольствуется только теми

понятиями, которые ей открывает вера. Не будет Бог о том послушника испытывать: почему он не богословствовал, но почему не внимал себе. Бог не оставит их относительно спасения; если Ему благоугодно будет, то и откроет им тайны Своего смотрения; а разум, просвещенный светом Божиим, по мере веры, выше всякого учения, ибо естественно, разум избрел учение, а не учение разум.

Господи, оказывается, когда мы хотим побеседовать с кем-либо от Писания, то не должно искать этого желания с ревностью. Мы должны знать, что люди, обучаясь смирению, учатся и простоте, а эта Божественная отрасль (простота) не испытывает судеб Божиих. Она именуется верой и до времени довольствуется только теми понятиями, которые ей открывает вера. Господи, прости нас: мы не ищем простоты, именуемой верой, а более желаем богословствовать. Господь не о том будет испытывать нас, почему не богословствовали, а почему не внимали себе. Господи, прости, что не внимаем себе. Верим, Господи, что Ты не оставишь нас относительно спасения и, если Тебе угодно будет, то откроешь нам тайны Твоего смотрения, дашь нам разум, просвещенный светом Твоим, по мере нашей веры, который выше всякого учения. Господи, прости, что такой веры у нас маловато и помоги, Господи, помнить, что разум избрел учение, а не учение разум. Господи, просвещай наш разум светом Твоим присносущным!

Мы – младенцы в рассуждении судеб Мироправителя, нередко у Него просим таких орудий, которые по достоинству своему и силе спасительны, но по нашему неискусству могут быть употреблены нами в совершенный вред; почему любвеобильный Отец светов скрывает от некоторых благочестивых дары, которые одним спасительны, а других приближают к гибели.

Господи, не считая себя младенцами в рассуждении Твоих судеб, Мироправителю, мы нередко просим у Тебя таких орудий, которые по достоинству и силе спасительны, но по неискусству нашему могут быть употреблены нами в совершеннейший вред. Господи, прости нас, что не хотим быть младенцами в рассуждении о делах Твоих и просим иногда бесполезного для

себя, ибо по своему неискусству, не можем полученный дар употребить во благо.

Что бы было, если бы Бог Всеведец совершенно исполнил все наши желания?.. Я думаю, – говорит старец Лев, – хотя и не утверждаю, что все бы земнородные погибли. Бог, хотя не презирует молитвы избраннейших Своих, но желаний их иногда не исполняет, и естественно для того, чтобы по Божественному Своему намерению устроить все лучше.

Господи, прости нас, что не всегда мы согласны с Твоим Божественным смотрением, ошибочно думая, что без него мы сделали бы лучше.

При сем можно заметить, что живущие без внимания к самим себе никогда не удостоятся посещения благодати; а если по единственной благодати Божией и удостоятся, то уже пред кончиной.

Господи, прости нас за жизнь без внимания к самим себе и, хоть и перед кончиной, удостой нас посещения Твоей благодатью.

Но видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное неспеяние. Таковые чувства могут насаждать в сердце искреннее смирение. А когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся неослабно усиливать стремление к Богу.

Господи, мы не всегда видим себя успешными в угождении Тебе и потому не стремимся насаждать в сердце искреннее смирение, и не стараемся неослабно усиливать стремление к Тебе. Прости нас за неимение плодов духовных и за отсутствие усилий приближаться к Тебе.

Когда мы находим себя лишенными добродетелей, и потому не имеем о себе мнения, то сие самое может привлекать Божественное призрение, которое укрепит нас надеждою противу смертного духа отчаяния.

Господи, мы редко видим себя лишенными добродетелей, потерявшими мнение о себе. Прости нас и укрепи надеждою против духа отчаяния.

Когда мы не успели в добродетелях, то нет ближайшего средства ко спасению, как смиренномудрие. Высокомерие и при

добродетелях богопротивно: но кроткая мысль пред Богом забвена не будет.

Господи, мы, не успевая в добродетелях, не прибегаем к смиренномудрию, ближайшему средству ко спасению. Прости нас и помоги избегать высокомерия, которое и при добродетелях противно Тебе. Вложи в нас, Господи, кроткую мысль, которая не будет забыта пред Тобою.

Вера (к словам старца) теряется от подозрительности, благоговение – от дерзости, а недействие назиданий на сердце бывает от того, что ты слушаешь с некоторым любопытством, считаешь, что я делаю сильные переходы от предмета к предмету, и что решаю твои вопросы простыми выражениями.

Господи, прости нас за подозрительность, за дерзость, за слушание слов духовника с некоторым любопытством и за недовольство, что он решает наши вопросы простыми выражениями.

Оставь любопытство; храни умеренность в дерзновении; веруй, что Бог тобою руководит в лице других; не высокоумствуй; держись с простотою послушания, и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей.

Господи, малую, но непростую ставит старец перед нами задачу: оставить любопытство, хранить умеренность в дерзновении, верить, что Бог руководит нами в лице других, не высокоумствовать, держаться с простотой послушания и начинать ощущать в своей душе и веру, и благоговение перед духовником. И ещё понять, что назидания духовника начинают действовать на наше сердце желанием соответствовать им в своей жизни. Господи, прости нас, что эту программу духовных действий мы не полагаем в основу нашего исправления.

Если же ты благоразумной простоты не имеешь, приобретай ее не доверием к себе, а памятью твоего намерения – за чем пришел; вспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале посещения твоего сердца Богом, священную измену десницы Вышняго.

Господи, нет еще у нас благоразумной простоты. Прости нас и помоги приобретать ее не доверием себе, а памятью нашего намерения, – за чем пришли сюда, воспоминанием того жара,

тех расположений души, которые мы ощущали в самом начале посещения нашего сердца Богом, священную измену десницы Вышнего.

Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобноисполнимого: истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким. Если искушения не превышают даров Божеских, то желающий спастись все может силой имени всех укрепляющего Господа Иисуса. И это столь священная истина, что всякий, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится. Для маловерия и пылинки кажется горою, равно как для верующего переставлять горы искушения весьма удобно и легко.

Господи, прости нас, что не имеем спасительного самоотвержения и веры, способной переставлять горы искушений.

2. Старание не быть соблазнителем ближнего

Когда тебе придется бывать в кругу первейших обители старцев, которые иногда между собой в разговорах, помещают такие происшествия, что, слыша их, трудно бывает одерживать победу над смехом, то в этом случае должно думать так: я не понимаю по скудоумию своему, на какой конец они говорят это. А не зная цели их, не должно смеяться. Если же нечаянно и невольно усмехнешься, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства святых отцов, что ничто так не разрывает цепь добродетелей и любви евангельской, как смех и смехотворство. Как обращение скверных мыслей во внутренних чувствах лишает присутствия благодати; так упражнение в смехе и склонность к нему удаляет ангела-хранителя; добродетели бывают тщетными, – сопряжены, каждая с душевными какими-либо пороками; ограда преспеяния разрушается, и Спаситель мира назначил вечную горесть углубляющимся в смехотворения: «горе вам смеющимся ныне!»

Господи, через опыт святых Ты открываешь нам пагубность смеха и смехотворства, ибо смех разрывает цепь добродетелей и любви христианской; удаляет от нас ангела-хранителя, добродетели делает тщетными, разрушает ограду преуспеяния и заставляет вкушать горечь, назначенную Спасителем мира: «Горе вам смеющимся ныне!» Господи, прости нас за то, что мы своей склонностью к смехотворству привлекаем в свою жизнь подобные невзгоды.

Чтобы избавиться от необыкновенно-сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем, необходимо хранить ум и чувства, особенно ничего не говорить без осмотрительности, стараясь скорее удалиться; а при воображении удерживать мысли. Полезно воздержание, а еще вернее – благоразумная умеренность. Но первое всего должно умолять Господа всемогущего об избавлении от нападений лютейшей сей страсти, ибо человек сам собою никогда ее не искоренит. Но при

нашем произволении, Бог премилосердый угащает порывы сего пламени.

Господи, при подобном искушении мы не храним ум и чувства, говорим без осмотрительности, не стараемся удалиться от противоположного пола, при воображении не удерживаем свою мысль. Прости нас. Но первое всего мы не умоляем Тебя, Господи, чтобы Ты избавил нас от нападений лютейшей этой страсти. Прости нас за это.

Когда ум твой влекут насильно за собой помыслы сладострастия, сойди умом твоим во ад, и через зеркало Священного Писания посмотри на плотоугодников. Ужели и ты пожелаешь за временную греха сладость, вечной гибели? Помни, что ты смертный.

Господи, и нас часто насильно влекут помыслы сладострастия, но мы не идем умом своим во ад, чтобы через зеркало Священного Писания посмотреть на плотоугодников. Неужели и мы пожелаем за временную греха сладость вечной гибели? Господи, прости нас, мы указанных старцем аргументов не употребляем на борьбу со сладострастием.

Смиренно проси Бога, как победителя страстей, да отразит мысленные стрелы плоти, – этого врага, неукротимо бунтующего против закона ума и духа, ибо без Вышнего сделать блага не можем ни малейшего.

Господи, мы слабо верим, что Ты – Победитель страстей, и поэтому не просим Тебя смиренно отразить мысленные стрелы нашей плоти. Прости, ибо без Тебя мы не можем сделать ни малейшего блага.

При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится к взаимному отмщению, сообрази (сопостави) состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Сей, великого совета Ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел великодушно величайшие скорби; не тем ли более должны терпеть горестные случаи и мы, – люди грешные, достойные наказаний.

Господи, и мы подвержены насилию помыслов, побуждающих нас к осуждению ближнего за нанесенную ими

нам обиду. Господи, прости нас, ибо рассвирепевшая буря мысли устремляет нас к взаимному отмщению, а мы не противостояем ей, соотнося состояние своей скорби с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Господи, мы достойны наказания за наши грехи, но потерпеть находящие на нас горестные случаи не бываем готовы. Прости нас.

Мы должны так же более и обвинять себя: в сем случае оружием самоосуждения мы будем сражаться с возбудителем духа нашего, невидимым филистимлянином, окрадывающим богообразный кивот души нашей. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение.

Господи, мы должны обвинять более себя, чтобы оружием самоосуждения сражаться с возмутителем нашего духа, невидимым филистимлянином, окрадывающим богообразную жизнь нашей души. Мы же не делаем этого. Прости нас.

Таким образом, мы будем почитать обижающих нас благодетелями, и когда начнем приучать себя к самообвинению, тогда неприметно успеем во внутреннем обвинении, тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться в духовном смысле мягким, кротким; человек соделается вместилищем благодати и мира духовного.

Господи, прости нас, что у нас еще не сформировался взгляд на оскорбляющих нас, как на людей, через которых Ты, Господи, устраиваешь наше спасение и помощи почитать обижающих нас благодетелями. Господи, Боже наш, помощи таким образом приучать себя к самообвинению, особенно преуспеть во внутреннем обвинении, чтобы сердце наше с Твоей помощью, Вышний, сделалось в духовном смысле мягким, кротким, сделалось вместилищем благодати и мира духовного.

Тогда душа почувствует такой мир, которого мы в состоянии горести ощущать, или лучше сказать, вкушать не можем. Сей-то мир будет просвещать разум подвижника; заря кротости духовной прострет свои лучи на ум, слово, умное чувство; тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце

всему тому, что только спасительно. Неудовольствия будут уже казаться радостными и приятными.

Господи, до сих пор мы и не думали о внутреннем обвинении и, особенно, о том, что оно делает наше сердце в духовном смысле и мягким, и кротким. Прости нас, Господи, и помоги нашей душе почувствовать такой мир, которого мы в состоянии горечи вкушать не можем. Сподоби, чтобы этот мир просвещал наш разум, заря духовной кротости простирала свои лучи на ум, слово, умное чувство. Прости, Господи, что мы не ищем такого духовного воздействия мира на нас и покажи нам, как удобнее можно будет отразить зло, покорить и посвятить свое сердце всему, что только спасительно. И сделай, Господи, так, чтобы все неудовольствия воспринимались нами радостно и приятно.

Чтобы умягчить себя, когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся нечувствию, необходимо уединяться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько ослабеют волны нечувствия, тогда изыскивай причину такой холодности. Если возникло чувство от какой-нибудь страсти, удали ее от себя; а когда это столь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Вездесущего, да отразит благодатью Своею все причины неверия, злые порождения нечувствия.

Господи, мы во время сердечного раздражения и нечувствия еще не знаем, что необходимо уединяться, принуждать себя к молитве, к излиянию нашей души пред Тобою. Прости нас за это незнание. Когда же несколько ослабеют волны нечувствия, то нам следует отыскивать причину такой холодности: если замешена страсть, то удалить ее от себя, а если горестное ожесточение от непроницаемых причин, то нам следует усиленно просить Вездесущего Бога отразить Своей благодатью все причины неверия и злые порождения нечувствия. Господи, прости нас, что мы этого не делаем.

Охладевшая душа согревается Словом Божиим, молитвой, смиренным чувствованием сердца к Богу во всех изменениях,

не только наружного состояния, но и внутреннего.

Господи, опыт святых нам показывает, что при охлаждении души ее необходимо согревать словом Твоим, Боже, молитвой, смиренным благодарным чувством к Тебе во время всех изменений и наружного состояния, и внутреннего. Прости нас, Господи, что согревание сердца при охлаждении мы не считаем первостепенной обязанностью и не делаем так, как нам советует опыт святых.

Ощущая в себе не только склонность, но самые действия тщеславия, и желая от этого избавиться, ты можешь успеть в этом следующим образом. Если ты будешь продолжать послушание с откровенностью, если не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волей, и изыскивать их благоволения к себе, если совершенно повергнешь свое ничтожество пред Богом, то всемогущую благодать Его можешь со временем избавиться от тщеславия. Сия страсть от юности до преклонных лет и до самого гроба нередко простирается: она не только страстных, преуспевающих, но иногда и совершенных преследует, почему и требует немалой осмотрительности. Бесстрастный Творец лишь может искоренить ее. О! коль трудно избежать сего яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей.

Господи, и мы подвержены вирусу тщеславия и должны принимать лекарства, отнимающие у него силу. Сила этих лекарств состоит в том, чтобы продолжать послушание с откровенностью, чтобы не склонять старших к соглашению со своей волей, чтобы не изыскивать их благоволения к себе, чтобы повергать свое ничтожество пред Богом. Господи, прости нас, что мы этих «лекарств» не употребляем для благодатного уничтожения вируса тщеславия. А он преследует и угрожает нам с юности до гроба, и только Ты, бесстрастный Творец, можешь искоренить его. Господи, прости, что мы не очень усердно Тебя умоляем избавить нас от этого яда, способного убивать плоды и самых зрелых добродетелей.

При чтении книг Священного Писания мой старец, которому я более 20 лет повиновался, запрещал мне делать пометки назидательнейших изречений. Назначенные тобой заметки

неприметным образом рожают в сердце следы высокоумия, черты пагубнейшей гордости. Это познано из опыта. Когда Бог мира озарит истинным светом память твою, тогда и без замечаний будешь помнить, где о чем написано и на какой конец. Разум, просвещенный благодатью, укажет тебе в Священном Писании все, что нужно для твоего спасения. Ибо Писание хотя вообще дано нам от Бога, как бы некоторое руководство к преуспеянию, однако имеет свои разделения; например, что особенно относится к властям, что к подчиненным, что к преклонным в летах, что к среднему и малому возрасту, что к инокам, мирским лицам, супругам, девам. Но ты читай книги просто, проси Всепремудрого, чтобы Он начертал волю Свою святую в душе твоей. А когда ты оную исполнишь со смирением, тогда будешь богомудр и остропамятен о Господе.

Господи, оказывается никаких пометок в Священном Писании, даже назидательнейших, старцами делать запрещено. Причина запрета состоит в том, что эти заметки неприметным образом рожают в сердце высокоумие, черты пагубнейшей гордости. Нам надо верить, что когда Бог мира озарит истинным светом нашу память, тогда и без замечаний будем помнить, где о чем написано и с какой целью. Господи, прости, что мы не придерживаемся этого правила. Господи, подай нам разум, просвещенный Твоей благодатью, чтобы Он указывал нам в Священном Писании все, что нужно для нашего спасения. Господи, прости нас, что мы не научены читать книги просто, прося Тебя, Всемудрого, начертать Твою святую волю в нашей душе. Господи, помоги нам смиренно выполнить волю Твою и быть богомудрыми и остропамятными о Тебе.

Если ты видишь новоначального брата в некоторых поступках неосмотрительным или делающим что-либо неблагопристойно, то не должно поправлять его. Ты обязан более внимать себе, и если ты не имеешь на то благословения от начальника, и признаешь себя подверженным страстям, то не входи никак в те предметы и случаи, кои до тебя не касаются. Молчи. Всяк своему Господеви стоит или падает. Старайся сам всемерно не быть соблазнителем ближних. Врачу исцелися сам.

Господи, и нам этот совет старца может и должен послужить на пользу. Когда мы видим людей, неосмотрительных в некоторых поступках, то нужно вспомнить, что мы более обязаны внимать себе, и без благословения начальника, да еще признавая себя подверженным страстям, мы не должны входить в те предметы и случаи, которые нас не касаются. Мы же не сдерживаем себя и не преминем влезть в такие случаи со своими поправками. Господи, прости нас. Мы молчать не умеем и не помним, что всякий своему Господеви стоит или падает, и не стараемся всемерно не быть соблазнителем ближних. Прости нас, Господи, и вразуми, как, желая стать врачом, исцелиться самому.

3. Желание исправить себя

Если ты, быв в отлучке, изнемог, то успокойся; правило оставь, смиряясь, и не смущайся о том. А когда послушание будет умеренным, постарайся совершить твое правило, и получишь от того не малую пользу. Так однако же делай до 10 часов, а когда сие время протечет, то, прочитав со вниманием вечерние молитвы, успокойся, творя Иисусову молитву, доколе уснешь, дабы готовее быть к утрени и к продолжению послушания на следующий день, если угодно будет Богу благополучно тебя восставить. Но это должно относиться только к послушникам.

Господи, и нам случается быть настолько усталыми, что свое правило молитвенное нам выполнить не под силу, и мы его оставляем. И смущаемся этим. Прости нас.

Желай исправить себя, хоть и увлекаешься стремлением страстей. И Бог всемогущий даст тебе по сердцу твоему: ибо начало добродетелей и источник есть расположение, желание добра о Господе. Страсти победить сам собою человек не может. Это дело десницы Вышнего, действие силы Божеской. С нашей стороны должно только непосредственно хранить данное нам от Бога святое произволение, и по оному пролагать старание достигнуть в страну бесстрастия: и Вышний, без сомнения, совершит подвиг желающего. Итак, если желаешь воскреснуть от гроба страстей, то имей о том всегда внимательную мысль, попечение, неуклонную деятельность, ревность. Уповай на Бога, могущего показать силу Свою в немощах наших благодатию Своею, и спасешься.

Господи, желание исправить себя, хотя и увлекаемся стремлением страстей, у нас есть. Мы верим, что Ты, Бог всемогущий, дашь нам по сердцу нашему. Ты дашь нам знание, что начало добродетелей и источник их есть расположение, желание добра ради Тебя, Господи. Ты дашь нам убеждение, что страсти победить сами собой мы не можем, это дело десницы Твоей, Вышний, действие Твоей силы, Божеской. Господи, и вера и убеждение у нас есть, но постоянство их в нас

отсутствует. Прости нас, Господи. И благослови нам, Господи, со своей стороны непосредственно хранить данное нам от Тебя святое произволение и по нему пролагать старание достигнуть страны бесстрастия. Мы убеждены, Вышний, что Ты совершишь подвиг желающего. Господи, мы желаем воскреснуть из гроба страстей, но не всегда имеем для этого готовой внимательную мысль, желание, неуклонную деятельность, ревность, указанную старцем. Прости нас, Господи, и утверди нас в надежде на Тебя, могущего показать Свою силу в немощах наших Своею благодатию, да и мы спасемся.

От рассеяния мыслей во время молитвы можно избавиться следующим образом: молясь устами, молись и умом, то есть заключай ум в силу слов молитвы.

Если увлечешься размышлением о каком-либо предмете, то ощутив свою неосмотрительность в том, углуби свое внимание в молитву. Всегда поступай так и ощутишь пользу.

Постоянство ума привлекает особенные действия благодати.

Господи, мы не всегда справляемся во время молитвы со своим умом, мы не заключаем его в силу слов молитвы. Прости нас.

Увлекаемся мы и размышлениями о разных посторонних предметах и, ощутив свою неосмотрительность в том, не стараемся углубить свое внимание в молитву. Господи, прости нас, что так не поступаем и поэтому не ощущаем пользы: из-за непостоянства ума не ощущаем особенные действия благодати, приходящие к нам в молитве.

Если ты нерешительно будешь сражаться с ленью, то никогда не победишь ее, а коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя не без внутренней болезни, то с помощью Божией можешь одержать победу. Отражать, хотя и быть гониму, есть знак верного и доброго воина, но обращать всегда хребет – прилично одному ленивому оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно этого порока, дабы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца: лукавый рабе и ленивый!

Господи, мы нерешительно сражаемся с ленью, потому и не побеждаем ее. Прости нас, Господи. При нападении лени мы не отражаем ее и чаще всего показываем ей знак ленивого оруженосца – хребет свой. Прости нас и пробуди в нас страх последнего суда, дабы не услышать Твое определение, Сердцеведче: «лукавый рабе и ленивый». Господи, умом понимаем последствия этих слов, но сердцем не уstraшаемся. Прости нас.

В Писании сказано: «побеждающему», а не победившему, потому что мы без помощи Вышнего не можем одолеть врага совершенно, не можем никогда приобрести над ним никакого перевеса. Только побеждающему дается венец, и только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, и кто никогда не оставляет оружие в минуту самых ужасных опасностей, будучи и уже в невольном плену, не предает сердца своего врагу. Таковой хотя и бывает иногда разбит, никогда не послабляет своего священного рвения, жертвует собой неуклонно с духом надежды; и потому успевает, и за одно свое намерение венчается, как храбрый и достойный небесных почестей.

Мы знаем, Господи, что без Твоей помощи, Вышний, мы не никогда не сможем получить перевес над нашим врагом. Опыт святых говорит нам, что венец победы достается тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания; тому, кто не оставит оружия в минуту ужасных опасностей; тому, кто даже в невольном плену не предаст своего сердца врагу; тому, кто хотя и бывает иногда разбит, никогда не послабляет своего священного рвения; тому, кто неуклонно жертвует собой с духом надежды. Господи, у нас эти черты духовного преодоления лени, хотя по отдельности и проявляют себя, но все вместе еще не утвердились в нас. Господи, прости нас и пошли нам небесные Свои награды за одно это намерение преодолеть лень, нападающую на нас.

Вероятно ты увлекаешься и угнетаешься духом уныния по собственной воле. Если оставишь самораспоряжение, будешь начинать всякое дело с благословением Божиим, то с

благословением пожнешь мир душевный и прочие плоды Святого Духа.

Господи, мы все, так или иначе, угнетаемся духом уныния. И происходит это по нашей собственной воле, ибо мы всякое наше дело начинаем самораспоряжением. Если же будем делать его с благословением Божиим, то с благословением будем пожинать мир душевный и другие плоды Святого Духа. Господи, мы виноваты пред Тобой потерей мира душевного и других плодов Святого Духа. Прости нас.

Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостного мрака уныния. Свирепейшие волны страстей утихнут; на их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестный мир, которые просветят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь непрерывное внимание и самонаблюдение, то уподобишься мудрым девам и внидешь в чертог бессмертного Жениха. Жених грядет в полнощи!

Господи, мы совершенно не готовы оставить свою волю и потому Ты попускаешь нам ощущать тягостный мрак уныния. Господи, пощади нас, укроти свирепейшие волны страстей и на их место насади ясность мыслей, тишину помыслов, кротость духа, нелестный мир, чтобы они просветили нас и водворились в наших душах. Господи, только с Твоей помощью мы можем сохранять в себе непрерывное внимание и самонаблюдение. Пробави нам милость Свою, да уподобимся мудрым девам и войдем в чертог Твой. Ты, Женише, грядешь в полнощи, поэтому нам следует наблюдать, чтобы наше сердце не отяготилось унынием.

Блюди же, да не отягчишь сердце твое унынием. Дажь славу Господеви Богу твоему, прежде даже не смеркнется. Гряди во имя Господне путем самоотвержения, если желаешь истинно спастись. Уныние преследует всех; даже в великих людях уничтожает спасительные плоды трезвения. Но в простом и истинном послушнике оно не должно иметь места. Кто себя отвергся с упованием на Бога, о чем когда будет унывать? В таковом «врагу оскудеша оружия в конец».

Мы, Господи, постоянно согрешаем в этом, оступаемся и унываем, прости нас. Помоги, Господи, воздавать Тебе, Богу нашему, славу прежде даже не смеркнется и идти во имя Твое путем самоотвержения, потому что мы истинно желаем спастись. Господи, опыт святых говорит, что уныние преследует всех, даже в великих людях уничтожает спасительные плоды трезвения. Но у нас оно не должно иметь места. Господи, мы отвергаемся себя с упованием на Тебя, о чем же нам унывать? Не дай врагу власти нападать на нас, пусть в нас «оскудеют его оружия в конец». Господи, благопоспешి же нам!

Осуждение есть когда ты, видя или зная грех, или порок брата твоего, говоришь от сердца: «он по моему мнению достоин или муки или казни, или болезни». Тогда ты становишься якобы судия ближнего, и хочешь воссесть на престол единого Судии – Христа; потому за гордое безумие твое ты и применяешься к антихристу. Ино есть злоречие и оглаголение, но это еще не осуждение. Ино есть соблазн, когда невольно, по естественному чувству, душа соблазняется на постыдное дело или слово. Молчание отцов, занимавшихся внутренним деланием, не знало грехов ближнего, а видело только одно свое падение.

Господи, Ты через старца открываешь нам суть осуждения, и мы видим, что согрешаем им, когда выносим свой приговор ближнему, говоря от сердца: «по моему мнению этот человек достоин муки, или казни, или болезни». Господи, прости нас за осуждение ближних и за желание воссесть на престол судии; прости нас за гордое безумие наше, которым мы приравниваемся к антихристу. Господи, нам полезно знать, что злоречие и оговаривание ближнего еще не осуждение. К этому же относится и соблазн, когда душа соблазняется на постыдное дело или слово. Этим мы тоже согрешаем, прости нас и пошли нам, Господи, молчание отцов, занимавшихся внутренним деланием, чтобы не знать грехов ближнего, а только одно свое падение.

Надо учиться различать помыслы собственно наши от помыслов противника. Мне сказывал один Коневский пустынник, что, занимаясь не малое время умным вниманием,

он не мог отличить свои помыслы от вражиих. Враг, увлекая мысль твою на что-либо, не говорит тебе: «иди, сделай то и то», а как будто думает за тебя, и говорит тебе мыслью твоею: «мне хочется сделать то и то; я полагаю, что это полезно, а то вредно; я решился на то и то». И все это частенько не твои, а вражеские помыслы, прикрытые твоим или его «я». Ты полагаешь, что это твои мысли; нет, ты только слушаешь вражеские внушения.

Господи, мы не умеем отличать помыслы вражии от своих. Прости нас, что его мысли считаем своими и не бываем настороже.

Благодать Божия более всего привлекается простосердечием. Если бы ты был подобно апостолам простосердечен, не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы нелицемерствуя, то этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен; а этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, – вот что приятно смиренному сердцем Господу. «Аще не будете яко дети, не внидете в Царствие Божие».

По наставлению старца Льва благодать Божия привлекается простосердечием, которого у нас крайне мало. Мы не умеем не скрывать своих человеческих недостатков, мы притворно прибавляем себе благочестия, не чуждаемся лицемерия. Прости нас, Господи, что мы часто и подолгу оставляем путь, ближайший ко спасению, который и привлекает Твою благодать. Прости нас, Господи, что непритворство, нековарство, откровенность души еще не стали теми качествами нашей души, которые Тебе, смиренному сердцем Господу, особенно приятны. Вкорени их, Господи, в наше сердце, и «дух прав обнови» в нашей душе.

ИСПОВЕДЬ XI. значение веры к словам старца. по беседам преподобного Антония Оптинского (1795 – 1865)

Старец отец Антоний придерживался общего для всех старцев правила: без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только бесполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем отец Антоний зорко следил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае ничего не отвечал.

Господи, не из праздного любопытства мы вслушиваемся в слова старческой беседы, а движимые душевной потребностью. И если закрадется в наше сердце пытливость, противоречащая общему правилу старцев, то Ты, Господи, прости нас и, по милости Твоей открой духовную пользу от этой беседы.

«Когда кого вопрошают, – говорил отец Антоний, – то по мере веры получают и пользу: кто приходит с малой верой, получает малую пользу, а кто с великой – великую». Случалось и мне вначале спрашивать старца, как бы искушая: «Что-то он на это скажет? Ну уж и ответы такие выходили. А если положишь на сердце, что слышишь от старца ответ Бога Самого, то и Бог известит, и совсем человек другой станет, и услышишь, чего не ожидаешь».

Господи, мы не умеем вопрошать своих духовных отцов с верой. Чаще всего мы вопрошаем с верой малой и, поэтому, и пользу получаем малую. Великая вера пока недоступна нам. Прости нас, Господи, за малую веру и вразуми, как следует вопрошать своего духовника, чтобы услышать от него ответ Самого Бога, услышать то, чего и не ожидаем.

Некоторым посетителям отец Антоний говорил об их обстоятельствах намеками, а людям простым, которые принимали его слова в простоте сердца и с верой, он говорил прямо и просто. Если же кто многолетним духовным общением уже доказал свою искренность и преданность, тех он иногда даже вызывал на объяснение. Случалось, что кто-нибудь из его

духовных детей, тревожимый помыслом, открывал о нем не в чине исповедания, а в простом разговоре, повествовательно; тогда старец сам возобновлял о том разговоре и успокаивался лишь тогда, когда все было как следует исповедано, и в заключение говорил: «Вот теперь-то хорошо; а то скорлупку покажешь, самого же зернышка не покажешь».

Господи, когда нам приходилось говорить со старцами, мы не всегда держали себя с ними просто и не всегда принимали слова их в простоте сердца и с верой, поэтому и ответы о наших обстоятельствах слышали в виде намеков, а не в простом изложении. Господи, прости нас за отсутствие простоты и веры к старческим советам. Прости, Господи, и за то, что мы еще не доказали своему духовнику свою искренность и преданность. Мы показывали духовнику «скорлупку», а «зернышка» не показывали. Прости нас, Господи!

Бывало и то, что он некоторым из относившихся к нему напоминал о случаях, о которых они не только ему не открывали, но и сами забыли; или заповедовал молиться о каком-нибудь грехе, которого они не признавали в себе и даже вовсе не понимали, или не считали за грех, и уже по времени, при внимательном испытании своей жизни, открывали в себе с удивлением указанное старцем. Но так поступал старец с теми, чью искренность испытал, и когда ему было ясно, что они скрывают то или другое не по упорству или недостатку откровенности, а именно по неведению. В других же случаях с необыкновенным терпением выжидал, пока сам человек придет в чувство и сознается, потому что тогда только духовное врачевание и бывает действительно. Также, когда замечания, сделанные по отеческой любви и попечительности, почему-либо принимались не так, как следовало бы, то он уже воздерживался от подобных замечаний; и кого не имел возможности воспользовать словом, того старался привлечь к полезному втайне приносимой о нем молитвой.

Господи, и мы еще не доказали своему духовнику свою искренность и желание до конца быть откровенными с ним, поэтому и замечания, сделанные нам по любви и попечительности, мы не принимаем так, как следовало бы.

Таким неискренним отношением к духовнику, мы побуждаем его воздерживаться принести нам пользу своим советом. Прости нас, Господи за это.

Отец Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия или даже сладкоречия; слово его всегда было растворено духовной солью; даже в шутливой форме оно содержало высокое назидание и отличалось особой меткостью и своеобразной выразительностью. Всеми чувствовалось, что в красноречии отца Антония крылась какая-то высокая духовная сила, и сила эта заключалась, конечно, в том, что старец поучал не от книг, а от дел, что все слова его проистекали от искреннего доброжелательства к вопрошавшим его и всегда предварялись и сопровождались усердной молитвой о них ко Господу.

Господи, при взгляде на самих себя мы не можем утверждать, что в наших словах, обращенных к людям, присутствует некая духовная сила. И это потому так, что мало в нас искреннего доброжелательства к людям, и слова свои мы не предваряем и не сопровождаем усердной молитвой о них к Тебе, Господу нашему. Прости нас.

Познакомившись с кем-нибудь, старец как бы присматривался к нему; сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда, наконец, начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с железным непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось какими-то новыми чувствами; и между тем как прежде во всю жизнь свою никому ни в чем не уступали, от слов отца Антония возгоралось в них желание ни чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу.

Господи, при знакомстве с людьми и нам необходимо присматриваться к ним и молиться, чтобы от дальнейшего общения с ними возгоралось у них желание не следовать своей воле, а следовать духу заповедей Божиих. Господи, прости нас, что не озабочены мы своими словами направлять умы и сердца

людей к Тебе, Богу нашему, следуя руководству своего духовника.

Под духовным влиянием отца Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светской жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Святой Церкви; люди, предавшиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись, посвящали себя смиренной иноческой жизни; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, обращались к христианской жизни, отрекались мира и остаток дней своих посвящали Богу... Многие испытывали над собой духовную силу отца Антония; сначала были привлекаемы его любовью и снисходительностью, а потом незаметно переходили к тому, что и всю жизнь свою отдавали в его руки.

Господи, и среди нас появляются люди, увлекающиеся вольнодумством и светской жизнью; люди, предающиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, которых мы, по примеру отца Антония, должны привлекать к церкви своей любовью и снисходительностью, чтобы и они свою жизнь отдавали на служение Богу. Мы же мало себя принуждаем так поступать. Прости нас, Господи.

Отеческую снисходительность к человеческим немощам отец Антоний умел, где следует, соразмерять с благоразумной строгостью. Во-первых, относительно учения, и преданий, и заповедей Святой Православной Церкви, и вообще относительно всего Божественного, он был неумолимо строг. Если кто отступал от строгости понятий церковных, то хотя судить о нем отец Антоний уклонялся, но сам никогда не соглашался с тем, что противоречило учению Церкви во всей его чистоте и строгости; никто не мог убедить его дать благословение на отступление от канонических правил. Он повторял в подобных случаях слово: «Нам дана власть разрешать грехи, а не разрешать на грехи». Несомненно, веруя всему, чему учит Церковь, и неуклонно соблюдая, что она заповедует, он и от всех духовных детей своих требовал такой же несомненной веры и такого же послушания. На прекословия

других отвечал молчанием или уклонялся от прений, отвечая на все возражения одно: «так учит Церковь, так принято Святой Церковью». Во-вторых, сам, подавая высокий пример совершеннейшего послушания старшим, он и от тех, кто к нему относился, с большой строгостью требовал повиновения и почтения к родителям, и начальствующим, и к духовным отцам, говоря, что к ним относится слово Господне: «Слушай вас, Мене слушает».

Господи, нет у нас неумолимой строгости относительно учения, и предания, и заповедей Святой Православной Церкви, и всего Божественного, чтобы неуклонно исполнять их. Прости нас, что нет-нет, да и отступаем от канонических правил святой Церкви. И еще, Господи, прости нас, что нет у нас должного повиновения и почтения к родителям, к начальствующим, и к духовным отцам. Прости, что не относим к ним слово Твое: «Слушающий их, Меня слушает».

От тех, кто находился под его полным руководством, он требовал и в отношении к себе точного послушания. Однажды сказав, не любил изменять и дважды повторять своего слова; при этом указывал на изречение святого Григория Богослова: «Не безумными ли считаем тех, которые дважды об один и тот же камень спотыкаются?» Если кто-нибудь из его духовных детей, получив заповедь, переспрашивал старца, то уже ответа не получал. Для преданных его духовных детей не было строже наказания, как если старец скажет: «Как хотите». Если при этом лицо его, всегда приветливое, принимало строгий вид, то этого никто из них не мог вынести без тяжелой скорби. Вообще, кто отступал от полученного решения, тому старец умел давать почувствовать его вину и уже после слезного, искреннего раскаяния прощал и становился, по-прежнему милостив и любвеобилен. Впрочем, он так поступал только с преданными духовными детьми.

Господи, и у нас бывают пробелы и неполадки с точным послушанием своим духовникам; мы довольно часто изменяем тем решениям, которые принимаем совместно со своими духовниками; нам часто хочется поступить «по-своему»,

отступить от полученного решения. Господи, прости нас за эту неготовность слушаться.

Если старец в ком-либо замечал недоверие к его словам, то, незаметно для них самих, умел уклоняться и предоставлял их собственной их воле, тяготу которой они сами должны были и понести. Но и в таком случае старец не изменял ни своей любви к ним и благоволения, ни даже благой о них мысли, стараясь и внутренне извинить их. Одного старец не мог вынести равнодушно – ропотливости, особенно по пустым причинам, и говаривал, что по слову святого Исаака Сирина, и сам Бог всякие немощи человеческие сносит, человека же, всегда ропщущего не терпит и не оставляет без наказания (Сл. 85).

Господи, и мы согрешаем ропотливостью, больше по пустым причинам, и не избежим за это наказания Твоего. Господи, прости нас и уменьши меру гнева Твоего, который Ты можешь излить на нас.

Если в чье-либо сердце вкрадывалось неудовольствие против отца Антония, то он не оправдывался, а часто просил прощения, говоря, что хотя совесть его ни в чем не обличает, но несть человека, иже поживет и не согрешит, что один Бог без греха и что святой апостол Павел о себе говорит: *«Ничесоже бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя Господь есть»* (1Кор. 4, 4).

Господи, мы не умеем просить прощения у людей, в сердца которых на нас закрадывается неудовольствие; мы не напоминаем себе, что нет человека, который в своей жизни, хотя и один день прожил и не согрешил, один только Бог без греха. В оценке самих себя мы должны подражать святому апостолу Павлу, говорящему: *«ибо хотя я ничего не знаю за собой, но тем не оправдываюсь: судия мне Господь»*. Господи, прости нас, постоянно оправдывающихся и не желающих просить прощения у имеющих на нас неудовольствие.

Однажды пришел к нему некто в великом горе, что единственного его сына, на которого он полагал всю надежду свою, исключили из учебного заведения. «Да молитесь ли вы о сыне?» – неожиданно спросил его старец. – «Иногда молюсь,

отвечал тот, запинаясь, – а иногда не молюсь». – «Непременно молитесь о сыне, усердно молитесь о нем: велика сила родительской молитвы о детях». По этому слову безутешный отец, который доселе не очень был усерден к молитве и к Церкви, от всей души стал прибегать к Господу и молиться о сыне. И что же? Через некоторое время обстоятельства переменились, мальчик был принят в заведение и благополучно окончил в нем курс, к великому утешению отца, который во всю жизнь только это наставление и принял от отца Антония, но всегда с умилением о нем вспоминал и рассказывал, говоря, что одно это простое слово богомудрого старца доставило ему величайшую пользу на всю его жизнь.

Господи, и мы о своих детях иногда молимся, а иногда не молимся. Вот у них и случаются разные жизненные коллизии, которые ввергают их в пучину житейских скорбей и испытаний. Прости нас, Господи, за отсутствие усердной о детях молитвы.

Одна девица, прощаясь со старцем, шутя, попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. «Да ведь вы не хотите идти замуж? – сказал он ей. «Хочу», – настаивала она на своем. Через некоторое время, посетив старца, была встречена им такими словами: «Зачем вы меня все обманываете? Я вам даже хотел писать». Когда та, забыв про свою шутку, которую она по светским понятиям считала невинной даже в разговоре с духовным мужем, в недоумении отвечала, что не помнит, чтобы обманывала его, отец Антоний и напомнил ей о ее последней просьбе при прощании: «Я по вашему слову три раза принимался молиться о том, и три раза слышал голос: не то ей нужно! Зачем же вы меня обманываете?»

Господи, прости нас за то, что с духовным отцом и мы иногда шутим и обманываем его, прося того, что нам не нужно.

Другая особа, когда однажды отец Антоний устремил на нее испытующий пронизательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит: «Вы видите все мои грехи», – прибавила она. – «Напрасно вы так думаете, – возразил старец. – О чем я помолюсь и что Бог

мне откроет, то я и знаю, а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю».

Господи, нам теперь ясно, что знания старца о нас зависят от того, что ему, когда он помолится о нас, откроет Бог. Поэтому, забывая об этом, мы думаем, что старец знает что-либо о нас сам по себе. Прости нас, Господи, и помоги доверять словам старца «как откровению Бога», которое старец, помолившись, доносит до нас.

**ИСПОВЕДЬ XII. Хранение совести при
несении послушания. по беседам
преподобного Илариона Оптинского (1805
– 1873)**

1. Следование воле своего наставника

Желая оставить мир, нам должно оставить и прежние свои навыки и во всем последовать воле своего наставника, которому себя, по благословению настоятеля, мы вручаем. По своей воле никто ничего не должен делать и начинать, хотя бы что и доброе было, как-то: келейное, молитвенное правило, чтение какой-либо книги, пощение, рукоделие и всякие другие подвиги или труды, но прежде объявить отцу своему духовному, положиться на его рассуждение, и со смирением просить его совета.

Господи, в приходской жизни, когда мы вливаемся в приходские труды, мы обязаны оставить свои прежние навыки и во всем последовать воле своего наставника и все делать с его благословения. Мы же этого благословения не ищем, прежде совершения даже доброго дела не просим со смирением у него совета на его исполнение. Прости нас, Господи, за следование в приходских делах своей воле, а не воле духовных наставников.

Ищущий спасения должен добровольно и чистосердечно открывать отцу все свои помыслы, как добрые, так и порочные. Враг ратует на нас через помыслы, развращая ум и сердце и обременяя их страстями, которыми мы поработочены, а через откровение помыслов получается и прощение, и примерное духовное наставление о том, как побеждать мир, плоть и диавола. Не стыдись обнажать струны твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи твои и посрамление, чтобы через него избежать вечного стыда.

Господи, мы не умеем добровольно и чистосердечно открывать духовному отцу своему все свои помыслы, как добрые, так и порочные. Прости нас. Через откровение же помыслов мы сподобимся и прощение получить, и примерное духовное наставление о том, как победить мир, плоть и диавола. Скрывая же свои помыслы, мы лишаем себя ожидаемой победы. Прости нас, Господи. И еще, Господи, мы стыдимся обнажать струны свои духовному наставнику и, тем

более, не готовы бываем принять от него посрамление за свои грехи и через него избежать вечного стыда. Прости нас, Господи.

Учил также старец иметь любовь и послушание к настоятелю, хотя бы и случалось когда понести от него оскорбление, обличение, выговор или даже наказание, хотя бы и незаслуженные, не разбирая, расположен ли к нему игумен или нет. Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николи же отпадает.

Господи, мы не выявляем в себе любовь и послушание к настоятелю, а особенно когда случится нам понести от него оскорбление, обличение, выговор и наказание, хотя бы и незаслуженные. И еще мы не можем избавиться от разбирательства: расположен он к нам или нет. Прости нас, Господи, за забвение своей обязанности любить настоятеля и за забывчивость, что истинная любовь не раздражается, не мыслит зла и никогда не отпадает.

Наставлял старец быть усердными к храму Божию, без благословной вины не упускать церковного богослужения, приходить к началу, к совершению проскомидии, для прочитывания заздравных, заупокойных, благодетельских и братских синодиков, которые, по заведенному порядку, вычитываются всеми братьями. Церковь для нас есть земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и назирает предстоящих, поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением. Будем любить церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях.

Господи, у нас нет должного усердия к храму, и часто мы без уважительной причины не участвуем в церковном богослужении или приходим не к началу. Господи, прости нас за эту небрежность и помоги нам осознать, что Церковь для нас – земное небо, где Ты Сам, Господи, невидимо присуствуешь и назираешь предстоящих Тебе. Прости нас, что не стоим мы в церкви чинно, с великим благоговением. Научи нас, Господи, любить церковь и быть к ней усердными. Помоги нам осознать, что она для нас отрада и утешение в скорбях и радостях.

Послушание, поучал отец Иларион, должно проходить с хранением совести, без небрежения, лени и невнимания; должно наблюдать за собой и быть внимательным ко всем своим и малым действиям и послушаниям. Тогда привыкаем ко вниманию и в важных делах, а от небрежения в малом незаметно перейдем к небрежению и в большем. Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь Имени Божия, ибо занятия, освященные молитвой, будут благотворны для нашего душевного спасения. Во всем братия должны руководствоваться смиренномудрием и иметь между собой мир и любовь.

Господи, проходя послушание, мы не заботимся о хранении совести, допускаем небрежение, лень и невнимание к нему. Прости нас, что не наблюдаем за собой, что бываем невнимательны ко всем своим даже малым действиям и послушаниям. Помоги, Господи, через внимание к малым воспитать в себе привычку быть внимательными и в важных делах. И еще прости нас, Господи, что через небрежение в малом, незаметно переходим и к небрежению в большем. Господи, мы довольно часто забываем призывать в начале наших дел Твое святое Имя, чтобы сделать их благотворными для нашего душевного спасения. Мы не умеем смиренномудрие делать нашим руководителем в жизни и не получается у нас иметь между собой мир и любовь. Прости нас, Господи.

Много учил отец Иларион о незлобиво и безгневном перенесении оскорблений, учил принимать их с самоукорением, как посланные Промыслом Божиим за грехи наши для душевной пользы; гнев свой обращать не на оскорбившего, а на духа злобы и на себя, что не смогли перенести оскорбление с кротостью и миролюбием. За оскорбившего необходимо молить Бога и стараться примириться с ним и не оставлять в себе неприязненного к нему чувства.

Господи, духовная наука переносить оскорбления незлобиво и безгневно говорит нам о том, что можно осуществить это задание, если будем принимать оскорбления с самоукорением как посланные Промыслом Божиим за наши грехи для душевной пользы. Господи, прости нас, что мы не

готовимся оскорбление встретить указанным старцем образом. И гнев свой в этом случае мы обращаем на оскорбившего, а надо его обращать на духа злобы и на себя. Прости нас, Господи, что не стараемся перенести оскорбление с кротостью и миролюбием. И научи нас, Боже, молить Тебя за оскорбившего, стараться мириться с ним и не оставлять в себе неприязненного к нему чувства.

Какие же мы монахи, – говорил старец, – когда не хотим понести никакой скорби от брата. Нельзя же прожить так, чтобы никто нас не опечалил или не оскорбил. Апостол говорит: *«Яко многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие»* (Деян. 14, 22), и *«друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»* (Гал. 6, 2). Будем поэтому просить, чтобы нам с самоукорением и смирением нести скорби, не быть побежденными от зла, но благим побеждать злое и с пророком сказать: *«с ненавидящими мира бех мирен»* (Пс. 119, 6).

Господи, в глубинах своих мы наблюдаем нежелание понести скорбь от брата. Верно слово, что нельзя нам прожить так, чтобы никто нас не опечалил или не оскорбил. Апостол говорит: *«Многими скорбями подобает нам войти в Царствие Божие»* (Деян. 14, 22) и *«друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов»* (Гал. 6, 2). Господи, прости нас за неготовность и нежелание понести скорбь от брата своего. Помоги нам, Господи, понести скорби с самоукорением и смирением, помоги не быть побежденными от зла, но благим побеждать злое и с пророком говорить: *«с ненавидящими мира был мирен»*.

В ободрение скорбящих старец часто говаривал: *«Аще Бог по нас, кто на ны?»* (Рим. 8, 31). Потерпим немного и получим вечное блаженство. Предадим забвению все утехи и радости земные – они не для нас. Сказано: где сокровище наше, тут будет и сердце наше; а сокровище наше на небеси, поэтому будем стремиться всем сердцем к Небесному Отечеству. Там все скорбное наше превратится в радость, поношение и унижение – в славу, печали, слезы и воздыхания – в утешение; болезни и труды – в вечный безболезненный покой.

Господи, во время скорбей мы не ободряем себя словами Апостола: «Если Бог за нас, кто против нас?» Мы не понуждаем себя потерпеть скорби в надежде получить вечное блаженство. Господи, прости нас. И еще: мы не предаем забвению все земные утехи и радости, мы не помним слов Писания: «Где сокровище наше, тут будет и сердце наше». А сокровище наше на небе, но зная это, мы, однако, не стремимся всем сердцем к Небесному Отечеству. Прости нас, Господи, что не оцениваем свои поступки Небесными мерками: в скорбном мы не видим просвечивающую реальность радости, в поношении и унижении – славу, в печалях, слезах и вздыханиях – утешение, в болезнях и трудах – вечный безболезненный покой. Прости нас, Господи.

2. Строгость и взыскательность к самому себе

Братиям, которые по усмотрению и благословению настоятеля, назначаемы были старшими над другими, старец давал такого рода наставления: стараться с помощью Божией оправдывать его доверие, исполнять свою обязанность со страхом Божиим, усердно и внимательно, без упущения, с хранением совести. С младшими по послушанию обращаться не как с подвластными слугами, а как с братьями во Христе. Советовал избегать тщеславия, надменности и высокомерия, всем оказывать равную любовь и расположение, а не так, чтобы одному оказывать предпочтение, а другому нерасположение и презрение.

Господи, когда нам повелевается быть старшими над другими, мы не очень стараемся с Божией помощью оправдать доверие настоятеля или руководителя производства, не получается у нас исполнять свои обязанности со страхом Божиим, усердно и внимательно, без упущения, с хранением совести. Господи, прости нас за отступление от нормы исполнения послушания. И еще: с младшими по послушанию мы склонны бываем обращаться как с подвластными слугами, а не как с братьями во Христе. Прости нас, Господи. При исполнении своего послушания мы не стараемся избегать тщеславия, надмения и высокомерия; не оказываем всем равную любовь и расположение, одному оказываем предпочтение, а другому нерасположение и презрение. Прости нас, Господи.

«Все пришли, – учил отец Иларион, – ради Бога душу свою спасти. Будем же помогать друг другу, ибо брат от брата помогаем яко град тверд. Будем стараться быть примером для младших, располагать их к себе любовью, чтобы и между ними сохранились мир и единокровие. Тогда послушание будет легко и полезно обители, а главное – будет благоприятно Богу».

Господи, нам необходимо ради Тебя душу свою спасти, а для этого надо помогать друг другу, ибо «брат от брата помогаем, яко град тверд». Господи, прости нас, что программа

помощи окружающим у нас все время остается за кадром нашего внимания. И более того, мы не стараемся стать примером для младших, не привлекаем их к себе любовью, чтобы и между ними сохранить мир и единоподушие. Господи, прости нас за это и помоги, чтобы послушание наше стало для нас легким и полезным для обители и благоприятным Тебе, Богу и Спасителю нашему.

Старец учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно, ибо не у всех одинаковые способности и произволение к делу, – к слабосильным и немощным должно быть более снисходительным. В случае чьей-либо неисправности или упущения должно сделать замечание или выговор без гнева, с кротостью, соображаясь с устройством каждого, чтобы не оскорбить и не ожесточить брата, а воспользоваться им.

Господи, старческое наставление повелевает нам немощи и недостатки подчиненных нести благодушно, учитывая неодинаковые у всех способности и произволение к делу. Господи, прости нас, мы не умеем к слабосильным и немощным относиться более снисходительно. И еще: в случае чьей-либо неисправности или упущения мы не умеем делать замечания без гнева, с кротостью, соотнося его с устройством каждого, чтобы не оскорбить и не ожесточить брата, и принести ему пользу.

Когда мы делаем замечания, нельзя давать пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого. Знай, когда можно сделать замечание, а когда лучше смолчать. Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце, а тогда можешь говорить с братом. Если нужно вразумить брата, а ты видишь, что он возмущен гневом или смущен, не говори ничего, чтобы еще более не раздражить его. Когда же увидишь, что и ты, и он спокойны, говори, не укоряя, а с кротостью.

Господи, прости нас, что, делая замечания, мы и пищу даем собственному самолюбию, и требуем от других того, чего сами

понести не можем. Мы недостаточно внимательны, чтобы знать, когда можно сделать замечание, а когда лучше смолчать, прости нас. Господи, прости нас, что в подобных случаях у нас не хватает мудрости и терпения дождаться внутреннего успокоения, чтобы говорить с братом. Господи, нам не хватает выдержки отложить вразумление брата, когда видим, что он возмущен гневом или смущен. Прости нас, ибо, говоря не вовремя, мы только раздражим его и нанесем вред его душевному покою. Господи, помоги нам видеть, когда и мы, и он покойны, чтобы сделать ему замечание не укоряя, а с кротостью. Господи, благопоспеш же нам!

Иногда нужно быть и строгим, и взыскательным, но не столько к другим, сколько к самому себе. Если окажутся нерадивые, дерзкие, упрямые, с совета старца принимай к исправлению, а если меры твои окажутся безуспешными – можно предложить на усмотрение настоятеля. Не будем давать цены собственным нашим трудам.

Господи, строгость и взыскательность к самим себе у нас не всегда в почете, прости нас. Господи, мы высокую цену даем своим собственным трудам и не прибегаем к советам старца или даже настоятеля. Прости нас.

Младших старец учил оказывать старшим почтение, избегать прекословия, ни с кем не быть дерзким, отнюдь не оскорблять. Когда старший, увещевал отец Иларион, делает тебе замечание или выговор, который не соответствовал твоему ожиданию, и если это даже случится при других, ты перемолчи и со смирением скажи: «Прости Бога ради»; ибо сказано: *«уготовихся и не смутихся»*. Ничего ты этим не потеряешь во мнении других, а, напротив, выиграешь. Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать. Вспомни, что если бы ты был и прав, или не так в этом случае виноват, как говорят, то все же мы пред Богом все виноваты и во грехах, аще и один день будет жития нашего на земли. Господь же оправдывает только тех, кто в сердце своем сознает себя великими грешниками.

Господи, мы виноваты пред Тобою, что, будучи младшими, не готовы бываем оказывать почтение старшим, не избегаем прекословия, бываем дерзкими с ними, и даже случается оскорблять их. Прости нас. Когда старший делает нам замечание или выговор, который не соответствует нашему ожиданию, и если это даже случится при других, нам следует перемолчать и со смирением сказать: «Прости Бога ради», ибо сказано: «уготовихся и не смутихся». Господи, прости нас, что такой внутренней установки и говорить и делать у нас нет. И думать, что этим мы потеряем во мнении других неправильно. Полезнее для души сделать себя во всем виноватым и последним из всех, а мы, не видя этой пользы, прибегаем к самооправданию, которое приходит от гордости, а Бог гордым противится, смиренным же дает благодать. Господи, прости нас, что не сознаем себя виноватыми и последними из всех. Приведем себе на память, что все мы виноваты пред Богом, как говорит Писание, если и один день проживем на земле, и что Господь оправдывает всех, кто в сердце своем сознает себя великим грешником. Господи, прости нас, что не сознаем себя великими грешниками.

Двое немирствовавших между собою братьев просили старца позволить им лично между собой перед ним объясниться для прекращения их ссоры. Старец, по примеру отца Макария, обыкновенно не допускал таких личных объяснений, так как опытом дознано, что они не ведут к прочному миру, к которому ведет не самооправдание, а только самоукорение.

Господи, прости нас, что и мы, имея случай немирного отношения к ближнему, хотим примириться не самоукорением, а самооправданием.

По просьбе братьев старец на этот раз допустил им объясниться в своем присутствии. Выслушав их, старец сказал: «Из ваших слов выходит, что вы оба правы, но не один не хочет сознать себя виновным». Далее старец объяснил каждому из них, что было причиной их смущения, в чем они и сознались. Одному старец назначил в келье прочесть 10-е поучение аввы Дорофея о том, как проходить путь Божий, где, между прочим, говорится о том, как должно принимать оскорбления, если сам

подал к ним повод, что должно почитать находящие на нас скорби и искушения за наши собственные.

Господи, прости нас, что не умеем принимать оскорбления, когда сами даем повод к ним, и не почитаем эти скорби и искушения как наши собственные.

Потом Старец сказал им, что оба они не правы, и чтобы покончить ссору и примириться, должны один у другого испросить прощения с земным поклоном. Братья поклониться один другому не захотели. Видя их непреклонность к примирению, старец вздохнул и со скорбью сказал им: «Ну, не ожидал я от вас таких плодов! Горе вам! Вот как трудно сказать: «Прости, Бога ради». По-вашему выходит, что вы оба правы; остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению; ну видно этого стою». При этом старец, к изумлению их, смиренно поклонился им в землю, сказав: «Простите, Бога ради!» Таким неожиданным поклоном своего наставника братия были глубоко тронуты, сознали свое самолюбие и виновность и просили старца простить их, и обещали положить начало своему исправлению. Опытный старец не вдруг их простил, а сказал: «Вы люди – правые; в чем же вас прощать? Прощают только виновных, тех, которые чистосердечно сознают свою виновность пред Богом и людьми; то дело совсем другое; там есть надежда на исправление. Нет, идите от меня, некогда мне с вами время терять. Вот какие плоды наши! Пришли спасаться, а уж первое начало на песке полагаем. Ну, посудите сами, что же больше от вас будет? Лучше и не вступать в обитель!» Наконец, старец простил их, и они, поклонившись друг другу в ноги, испросили обоюдного прощения. Старец, отпуская их, сказал: «Не нужно бы долго томить и себя и меня. Монашеское дело наше: смириться, да поклониться, да попросить прощение – тем и оправдан».

Господи, прости нас, что и мы своим немирным общением с ближними, озадачиваем своих духовников нашим примирением и нежеланием испросить друг у друга прощения.

Старец не благословлял ходить по чужим кельям или других в свою призывать, иметь исключительную дружбу или любовь с кем-либо из братий, ибо это не соответствует

монашескому жителству и ведет ко вреду и скорбям; но ко всем должно иметь равную любовь о Христе и расположение. В келье в свободное от богослужения, келейного правила и послушаний время советовал упражняться в чтении святых и отеческих писаний, и, предпочитая нестяжание, не заводить отличной от других тонкой одежды и обуви, как и отец Макарий не допускал, сам довольствуясь общим монастырским одеянием. У кого еще затем оставалось свободное время, предлагали употреблять на рукоделие, какое кто мог, по силе и способности каждого, но не для прибытка и не по пристрастию. При занятии рукоделием ум держать всегда в молитве, так чтобы рукоделие не отвлекало от других главнейших занятий.

Господи, эти особенности монашеского жития нужны нам, чтобы знать те принципы, которым и мы в мирской жизни могли бы следовать во время своего пребывания в наших жилищах. Мы же не склонны этих принципов придерживаться, не считая себя монахами. Прости нас, Господи, что не учимся жизни у монахов, как они у ангелов.

**ИСПОВЕДЬ XIII. житие по правилам
святых отец. по поучениям преподобного
Амвросия Оптинского сестрам Казанской
Амвросиевой пустыни в Шамордино (1812
– 1891)**

1. Сладость смирения

«Лучше не исполнить чего-либо и укорить себя в глубине души за неисправность, – говаривал старец, – нежели все выполнить и подумать, что хорошо сделал». Бывало, батюшка, заметив в ком-либо склонность к формализму и буквальному исполнению своих правил и обязанностей, заставлял нарушить что-нибудь, говоря, что такому полезнее остаться неисправным. Точно так же и слабых, и немощных он воодушевлял тем, что Бог не требует подвигов выше сил физических и Ему приятнее наше сокрушенное сердце, почему никогда не следует смущаться, что не пришлось наравне с другими попоститься, или не в силах выстаивать все долгие службы, или не можешь трудиться в обители.

Господи, мы больше склонны бываем быть «хорошими», нежели в глубине души укорить себя за неисправность в делах, прости нас. Господи, прости нас и за то, что имеем склонность к формализму и буквальному исполнению своих правил и обязанностей, берем на себя подвиги выше своих физических сил, и забываем напоминать себе: Богу приятнее наше сокрушенное сердце и самоукорение за недоработки в делах спасения своей души. Прости нас.

«Если не можешь, – говорил батюшка, – стоять всю службу, сиди, но не уходи из церкви; не в силах держать поста – поешь и поневоле смиришься, и не будешь осуждать других». Тех, кто по болезненному состоянию не мог нести послушания и скорбел об этом, батюшка утешал, говоря: «Благодари Бога и за то, что живешь в обители, и это милость Божия». «А я вот ничего не делаю, а все лежу», – прибавит таким в ободрение любвеобильный отец.

Господи, бывает и у нас немощь, когда не можем стоять службу и норовим уйти из церкви. Прости нас, Господи, и помоги вспомнить в эти минуты завет старца: лучше сидеть, чем уходить со службы. И еще: не в силах держать поста – можно поесть и тем самым укорить себя, смириться и не осуждать других. Господи, прости нас, что возможность поесть, когда нет

сил поститься, мы не воспринимаем как знак внутренней работы над собой: проявить смирение и не осуждать других. И еще: когда по болезненному состоянию мы не можем нести порученного нам послушания, то надо скорбеть об этом и благодарить Бога и за то, что живем в обители, или пребываем в числе сотрудников храма, и видеть в этом милость Божию. Прости нас, Господи, что не скорбим, когда нет возможности выполнять послушание, и не укоряем себя, как это делал преподобный Амвросий.

Будучи мудрым и снисходительным к немощным, старец от здоровых требовал сильного понуждения. Он говорил, что лень и немощь так тесно сплетаются в человеке, что очень бывает трудно разобрать, где кончается лень и начинается немощь, и что очень легко принять первую за вторую. Он увещевал неопустительно ходить к службам церковным, говоря: «В Писании сказано: «Пою Богу моему дóндеже есмь» и «Воздам Господеву молитвы моя пред всеми людьми Его». Кто понуждает себя ходить в храм Божий, того Господь сподобляет особенной милости Своей. Кто не справляет своих монашеских правил и пятисотницы по лени, то горько пожалеет об этом, когда будет умирать. За оставление нами правила Господь оставляет нашу душу».

Господи, мы, будучи здоровыми, должны сильно понуждать себя к различению лени от немощи, неопустительно ходить к службам церковным, выполнять свои монашеские и христианские правила, чтобы Господь сподобил нас особой милости Своей. Мы же, Господи Боже наш, много ленимся, оправдываясь нездоровьем, и к службам ходить ленимся, и домашние правила оставляем. Прости нас, Господи, за оставление правил и просим Тебя: не оставляй нашу душу в час смерти нашей, но сподоби особенной милости Твоей.

Самочинных подвигов тоже не велел на себя накладывать. Одна сестра начала подолгу ночью молиться и класть без числа поклоны. Все это ей легко давалось, и она так привыкла, что как заснет, то тотчас точно кто к двери подойдет и постучит – и она снова встает на молитву. Наконец рассказала она об этом батюшке, который ей на это серьезно сказал: «Вот когда тебя

будут опять ночью будить, то ты не вставай и не клади поклонов, а лежи всю ночь. За полчаса, как идти на послушание, встань и положи двенадцать поклонов». Она так и сделала: в двенадцатом часу по обыкновению просыпается, и точно кто говорит ей: «Вставай молиться». Но она, помня приказание старца, пролежала на постели до половины пятого утра и тогда, встав, хотела положить назначенные старцем двенадцать поклонов, как вдруг ударилась лбом об стул, который раньше никогда на этом месте не стоял. Пошла носом кровь, и она, провозившись, не успела положить ни одного поклона. Рассказав все батюшке, она получила такой ответ: «Вот видишь теперь, кто тебя будил; когда ты по своей воле молилась, то тебе не было тяжело сотни поклонов класть, а за послушание и двенадцати не положила, потому что врагу эти двенадцать поклонов гораздо тяжелее, чем твоя тысяча, и раньше он тебя будил, а теперь даже и не допустил».

Господи, случается, что и мы накладываем на себя самочинные подвиги и ими ввергаем себя в сети дьявола. Прости нас, Господи, и помоги все делать только с благословения духовника за послушание ему.

Батюшка советовал чаще вспоминать слова: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся». «Помните, – говорил он, – что Господь зрит на вас, на Ваше сердце и ожидает, куда вы склоните свою волю. Господь готов каждую минуту прощать нас, если мы только готовы с сокрушением воззвать к Нему: «Прости и помилуй!» Но мы большей частью на вопрос Господа: «Адаме, где еси?» – стараемся обвинить других и потому вместо прощения готовим себе двойное осуждение».

Мы не часто приводим себе на память слова Писания: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся», поэтому и не помним, что Господь видит нас, наше сердце и ожидает, куда мы склоним свою волю. Прости нас, Господи, за беспамятность и дай нам готовность каждую минуту взывать к Тебе: «Прости и помилуй!» А пока мы стараемся обвинить других и потому вместо прощения готовим себе двойное осуждение. Прости и помилуй нас, Господи.

Предостерегая от лени и праздности, преподобный Амвросий любил приводить слова святого Ефрема Сирина: «Трудясь, трудись притрудно, да избежишь болезни суетных трудов». Так, однажды, батюшка велел всем написать на бумажке и приклеить к стенке следующее изречение: «Скука – уныния внука, а лень – дочь; чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись – скука пройдет, и усердие придет». Побуждая к терпению, он указывал на примеры святых и по своей привычке выражаться иногда полушутя составил и на этот случай четверостишие: «Терпел пророк Елисей, терпел пророк Моисей, терпел пророк Илия, так потерплю ж и я». *«В терпении вашем стяжите души ваша и претерпевый до конца, той спасен будет»* – эти слова были любимыми его, и он часто повторял их унывающим.

К великому нашему сожалению лень и праздность частые гости в нашей жизни. Поэтому нам следует почаще приводить себе на память слова святого Ефрема Сирина: «Трудясь, потрудись притрудно, да избежишь болезни суетных трудов». Мы эти слова святого, можно сказать, слышим впервые и понимаем, что мы не избегаем «болезни суетных трудов», ибо не «трудимся притрудно». Прости нас, Господи, за этот некачественный труд и помилуй. И еще мы, Господи, привечаем в своем доме скуку. А ее надо безжалостно выпроваживать за дверь, помня совет преподобного Амвросия: «Скука – уныния внука, а лень – дочь; чтобы отгнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись – скука пройдет и усердие придет». Господи, прости нас, что скучаем, унываем, ленимся, в делах не трудимся, в молитве ленимся. И еще, Господи, прости, что мало у нас расположения к терпению. Научи этой добродетели частым воспоминанием слов преподобного Амвросия: «Терпел пророк Елисей, терпел пророк Моисей, терпел пророк Илия, так потерплю же и я». Будем вдумываться и в слова Писания, которые говорят, что в терпении мы лучше понимаем свою душу, приобретаем ее для доброделания и спасение приходит только к тем, кто умеет потерпеть до конца. Господи, прости нас: и вдумываемся мы в эти слова мало, и исполняем их с небрежением.

Ошибками своими батюшка никогда не велел смущаться. «Они-то нас и смиряют», – добавлял он. «Кабы на хмель не мороз, так он бы и дуб перерос», – говорил батюшка, поясняя этим, что если бы разные наши немощи и ошибки не смиряли нас, то мы возомнили бы о себе очень высоко.

Господи, мы, не имея правильного духовного воспитания, не привыкли не смущаться своими ошибками, и не учимся через ошибки смирению. Прости нас.

Учил батюшка предаваться во всем воле и Промыслу Божию и не любил, когда роптали и говорили: «Отчего со мной не так поступили, почему другим иначе сказали?» «На том свете, – говорил старец, – не будут спрашивать, почему да отчего, а спросят нас, почему и отчего мы не хотели терпеть и смиряться. В жизни человеческой все идет вперемешку, как пряжа – идет ровная нить, а потом вдруг переслега (тонкая нить)».

Господи, мы еще не научены предаваться Твоей воле и Твоему Промыслу, поэтому и допускаем ропот, говоря: «Отчего со мной не так поступили, почему иным иначе сказали?» Прости нас, Господи, за ропот и придирки к другим людям. Благослови нас, Господи, помнить, что на том свете Ты спросишь с нас, не почему да отчего, а почему и отчего мы не захотели потерпеть и смириться.

Батюшка, как сам был преисполнен смирения, так особенно заботился, чтобы и сестры старались и понуждали себя к этой добродетели. «Бог любит только смиренных, и, как только смирится человек, так сейчас Господь поставляет его в преддверие Царства Небесного, но когда человек не хочет добровольно смиряться, то Господь скорбями и болезнями смиряет его. Раз одна сестра за невольное послушание подверглась строгому выговору от настоятельницы. Сестра не могла поступить иначе и хотела объяснить причину, но разгневанная настоятельница не хотела ничего слушать и грозила тут же, при всех, поставить ее на поклоны. Больно и обидно было ей, но, видя, что нельзя оправдываться, она, подавив в себе самолюбие, замолчала и только просила прощения. Возвратившись к себе в келью, сестра эта, к

великому своему изумлению, заметила, что, несмотря на то, что она потерпела такое незаслуженное обвинение, в особенности при посторонних мирских лицах, у нее вместо стыда и смущения, наоборот, на душе было так светло, отрадно, хорошо, как будто она получила что-нибудь радостное. Вечером же того дня она попала к батюшке (старец в это время жил в Шамородино) и рассказала ему обо всем случившемся и о своем необычайном настроении духа. Старец внимательно выслушал ее рассказ и затем с серьезным выражением лица сказал ей следующее: «Этот случай промыслителен – помни его; Господь захотел показать тебе, как сладок плод смирения, чтобы ты, ощутивши его, понуждала себя всегда к смирению, сначала к внешнему, а затем и к внутреннему. Когда человек понуждает себя смириться, то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та *Благодать*, которую *Бог дает смиренным*. Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение». «Когда бываешь в Оптиной, – сказал батюшка в другой раз, – ходи на могилку отца Пимена и читай надпись на его памятнике, которая говорит о том, что он за кротость и смирение был любим всеми. Замечания настоятеля и старших принимал без всякого самооправдания, а сложив смиренно руки, просил прощения».

Господи, мы виноваты пред Тобою, что не принуждаем себя к смирению и внешнему, и внутреннему. А не понуждая, мы лишаем себя того внутреннего утешения, которое ты, Господи, подаешь смиряющему себя человеку, мы лишаем себя *Благодати*, которую *Ты даруешь смиренным*. Прости нас, Господи, за отсутствие в нас понуждения к смирению и за тяготение к самооправданию. Мы, в безумии нашем думая им облегчить свою душу, на самом деле пускаем туда мрак и смущение. Прости нас, Господи, что нет в нас кротости и смирения, позволяющие нам принимать замечания старших и без всякого самооправдания просить у них прощения.

В унынии и в томлении душевном старец был особенно сильным помощником; тут, конечно, главным образом действовали его молитвы, но тем не менее он не оставлял и без подкрепления словом. «Это крест монашеский, – говаривал

он, – надо нести его без ропота, считая себя достойной, и получишь за это особенную милость Божию. Бог посылает этот крест любящим Его, но виновным в нерадении и за самомнение. Если в это время придут хульные помыслы отчаяния, то не должно смущаться: это внушение вражеское и не вменяется в грех человеку; нужно чаще говорить: «Господи, хочу или не хочу, спаси мя!» Трудящиеся, живущие в повиновении и понуждающие себя к смирению и самоукорению, избавляются от этого креста, но и он полезен и необходим в монашеской жизни, и кто испытал его, будет бояться как огня самомнения и возношения».

Господи, и у нас случаются проявления уныния и душевного томления. Этот крест мы не готовы бываем нести без ропота, не считаем себя достойными его. Через слово преподобного мы должны знать, что Бог посылает его любящим Его, но виноватым в нерадении и за самомнение. Прости нас, Господи, и за нерадение, и за самомнение. Помоги, Господи, почаще взывать к Тебе: «Господи, хочу или не хочу, спаси меня!» Благоволи, Господи, трудиться и жить в повиновении Тебе и понуждении себя к смирению и самоукорению. И даруй нам чувство как огня бояться самомнения и возношения.

«Батюшка, – сказала одна сестра, – как я могу иметь смирение? Святые, которые жили праведно и считали себя грешными, этим действительно показывали свое смирение, а я, например, кроме грехов, ничего не имею, какое же это смирение, когда я вижу только то, что есть?» Батюшка на это ответил: «Смирение в том и состоит, чтобы в чувстве сердца иметь сознание своей греховности и неисправности, укорять себя внутренне и с сокрушением из глубины взывать: «Боже, милостив буди мне, грешному», – а, если мы, смиряясь на словах, будем думать, что имеем смирение, то это не смирение, а тонкая духовная гордость».

Господи, из этих слов преподобного отца мы имеем возможность понять смирение как осознание в сердце своей греховности и неисправности, внутреннего укорения себя и готовности с сокрушением из глубины сердца взывать: «Боже, милостив буди мне, грешному». Но мы такого спасительного

навыка себе не приобрели, а смиряемся больше на словах и, думая, что у нас есть смирение, тем самым, впадаем в тонкую духовную гордость. Прости нас, Господи, за отсутствие навыка смирать себя.

Батюшка говорил, что иночество действительно требует постоянного понуждения и есть наука из наук, но в то же время она имеет громадные преимущества перед жизнью в миру. «Святые отцы сказали, – добавлял батюшка, – что если бы известно было, какие скорби и искушения бывают монахам, то никто не пошел бы в монастырь, а если бы знали какие награды получают монахи, то весь мир устремился бы в обители».

Господи, понимая иночество как науку из наук, мы не всегда уважительно думаем и говорим об иноках. Мы не утруждаем себя размыслить о том сколь велики бывают у них скорби и искушения и какие награды они получают за свой монашеский труд. Прости нас, Господи, что мы и скорбей боимся, и о наградах не радим.

Отец Амвросий вообще был снисходителен, и, зная, что люди теперь не могут выносить столь сурового образа жизни, какой вели древние иноки, он позволял по немощи телесной иметь что-нибудь лишнее из пищи и одежды, но желание большого приобретения никогда не одобрял и особенно был всегда против выигрышных билетов и надежды на выигрыш, говоря, что если нужно для человека, то Бог сумеет и без этого послать. Так, одна его духовная дочь имея билет и, желая непременно выиграть, огорченная неудачей, говорит ему раз на общем благословении: «Вот, батюшка, опять я ничего не выиграла, а уж я просила Господа, намеряла всю «Херувимскую» промолилась!» «Оттого-то ты и не выиграла, что молилась об этом во время «Херувимской»; поют «Всякое ныне житейское отложим попечение», – а ты просишь о выигрыше», – сказал ей на это старец со свойственной ему улыбкой.

Господи, и мы падки на разные рекламные обещания выиграть что-то или получить в подарок, занимаем во время служб церковное свое внимание и молитвенное время ожиданием успеха – выигрыша. При этом мы забываем, что если нам что-то нужно, Бог сумеет и без этого послать нам.

Господи, прости нас за слабую в Тебя веру и за ложное упование на незаслуженные выигрыши.

2. Мозаика знаний для правильного жития

Поучения преподобного Амвросия, записанные монахиней Евфросинией (Розовой)

«Когда бывает бдение, минут за восемь до благовеста, надо читать вечерние молитвы».

Господи, прости нас, что мы этого не знаем и, конечно же, эти молитвы не читаем.

«Когда ложишься спать, кровать и келью (комнату) необходимо крестить с молитвой «Да воскреснет Бог». На ночь ложиться и утром вставать, – все члены крестить можно: сердце – с молитвою «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь», а прочие члены – уши и перси и даже всю, с молитвою – «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

Господи, мы виноваты пред Тобой, что так не делаем, прости нас.

«Ничего не желай во сне видеть, а то с рожками увидишь. Когда проснешься, сначала перекрестись. В каком состоянии будешь с утра, так и на целый день пойдешь. У святого Иоанна Лествичника об этом написано».

Господи, у нас еще нет навыка так говорить и делать, прости нас.

«Утром, когда проснешься, говори: «Слава Тебе, Боже! – Батюшка отец Макарий всегда это говорил. И не должно вспоминать прошедшее и сны».

Господи, прости, что, восстав от сна, не воздаем Тебе славу и вспоминаем прошедшее и сны.

«Когда нельзя ходить в церковь, должно дома вычитывать: вместо утрени – утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час; а вместо обедни – третий и шестой часы с изобразительными».

Господи, конечно же, мы такой молитвенный труд не берем на себя, думая, что это больше монашеское правило, а не для мирян. Прости нас.

«Утренние молитвы читать и в это время ничего не делать. И ко всякой службе ходить. Антоний Великий видел Ангела,

который показал ему, как нужно жить: то помолиться, то поработать. А во время работы «Господи, помилуй» читать».

Господи, прости нас, что утренние молитвы на ходу читаем и совмещаем с какой-то работой. И не ко всякой службе ходим, и не умеем чередовать в своей жизни молитву и работу.

«В праздности грех время проводить. И службу церковную, и правило для работы упускать грех. А то смотри – Господь как бы тебя не наказал за это»

Как же часто, Господи, мы этот грех совершаем и не боимся наказания за это. Прости нас, Господи.

«К службе церковной непременно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болезнью наказывает. А будешь ходить, здорова и трезвеннее будешь. Батюшка отец Макарий, случалось, заболит, а все пойдет в церковь. Посидит, потом в архиерейскую келью выйдет, там места не найдет, перейдет еще в келью к отцу Флавиану, там побудет, но когда уже увидит, что не в силах быть долее в церкви, перекреститься да и уйдет. А то все не верит себе».

Господи, прости нас, что мы не следуем этому указанию старца, и свое нездоровье не связываем с опущением церковных служб. Господи, помоги нам быть трезвеннее и с любовью посещать церковные службы даже при нездоровье.

«Когда в церковь идешь и из церкви выходишь должно читать «Достойно есть». А в церковь придя, положить три поклона со словами: «Боже, милостив буди мне грешному».

«Когда ходим к началу службы, бываем трезвеннее. Кафизму надо иногда стоять и непременно вставать на славах. Пробуй стоять ее в уголке, а потом выйди на свое место. В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби».

Господи, мы не придерживаемся этих правил и своей трезвенностью не преодолеваем злых привычек. Прости нас, Господи.

«Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должно слушать, что читают, и перебирать четки с молитвой: «Господи, помилуй», а когда не слышно чтения, то: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя

грешную». Непременно устами читай молитву Иисусову, а умом бесполезно – повредиться можешь. Хотя шепотом произноси молитву Иисусову, а от умной многие повредились».

Господи, прости, что во время церковной службы мы не читаем «Господи, помилуй», а когда не слышно чтения, тогда не произносим молитву Иисусову полностью. И еще, Господи, помоги нам читать эту молитву устами, ибо читать умом – нам бесполезно, можно повредиться. Господи, не допусти нас повредиться умом и даруй нам внимательную, словесную и трезвенную молитву.

Во время чтения Апостола дома можно сидеть, когда не в силах стоять.

От того мы дремлем в церкви и не слышим службы, что помыслы бродят туда и сюда.

Господи, прости нас, что нарушаем эти уставные нормы поведения.

«Прежде всего, нужно милости просить у Господа и молиться: «Ими же веши судьбами, помилуй мя грешную». «От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу твою». (Читать): «Помилуй мя, Боже», «Отче наш», «Богородицу», «Да воскреснет Бог», «Боже, милостив буди мне грешной». Читайте «Отче наш», да не лгите: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем...»

Господи, мы ленивы на чтение этих молитв, прости нас.

«Надо молиться и прибегать к Царице Небесной: помоги, спаси, помилуй». «Богородицу» читать двенадцать раз или двадцать четыре раза в день. Она у нас одна Заступница. «Богородице Дево» читать хоть с поясными поклонами, как одной, явившись во сне, сказала Сама Божия Матерь, прибавив, что это для ее же пользы».

Мы мало молимся и прибегаем к Царице Небесной, прося Ее помиловать нас. Прости за это нас, Господи.

«Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается. Не должно говорить, что молишься (или будешь молиться) за других. Отец Антоний и тот говорил: обязываюсь молиться. Не должно тебе молиться за сестер. Это враг под видом добра подушает. Это дело

совершенных. А ты только перекрестись и скажи: Господи, помилуй нас».

Господи, мы не бываем готовы к искушению, когда усердно помолимся, часто с удовольствием отмечаем, что молимся за других и не замечаем, что враг нас к этому делу подушает, желая, чтобы мы взялись за подвиг совершенных. Прости нас.

«После приобщения надо просить Господа, чтобы Дар сохранить достойно и чтобы Господь подал помощь не возвращаться назад, то есть на прежние грехи. Когда приобщаешься, то один только день не полоскать рот и не плевать. Если большая частица Святых Даров, то раздроблять ее во рту; а маленькую так проглотить и не обращать внимание на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осуждение других».

Господи, мы не просим Тебя после приобщения помочь нам достойно сохранить Дар Тела и Крови, полученный от Тебя. Мы не просим у Тебя помощи, чтобы нам не возвращаться к прежним грехам, прости нас, Господи, за самонадеянность. Прости, что не укоряем себя и осуждаем других.

«Если пьешь воду или лекарство до обедни, то не должно есть антидор и вынутую просфору. Просфору можно есть стоя – это дело благочестия; а кто сидя ест, того не осуждать».

Господи, прости нас, что в вопросе и практике вкушения просфор и антидора у нас нет почтительной четкости и должного благоговения. И помоги помнить, что вкушение антидора и просфоры – дело благочестия, которое нам, в силу занятости или из-за суеты жизни, не следует оставлять.

«К образам прикладываться, как все делают: прежде положить пред иконой два поклона и приложиться, а потом еще один поклон».

Прости нас, Господи, что забываем про уставные поклоны и прикладываемся к иконам нерассудительно и в нарушение устава.

«Своих поклонов на себя не накладывать, а если хочешь больше молиться, то ночью вставай. Когда справляешь келейное правило, то опускай занавеску. А когда посмотришь в окно, то вспомни, что каяться надо. У Иоанна Лествичника

написано: если хочешь что не должно сделать, вспомни, что должно сказать о сем старцу, то и остановишься».

Господи, нам иногда хочется наложить на себя поклоны, а ночью на молитву себя поднять не хотим. Прости нас. И когда совершаем вечернее правило, часто и в окно заглядываем, интересуясь, что там. А об этом любопытстве надо каяться своему духовнику. Прости нас, Господи, за это отвлечение от молитвы.

«Не должно говорить случившейся посетительнице: иду правило справлять, а скажи: пойду по своим делам. А то скажи ей: давай Казанской Божией Матери акафист читать».

Господи, нет еще у нас такой мудрости в ответах и поведении; уроки покаяния не всегда нами прочно усваиваются. Прости нас.

«Молитву в келье читать устами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Или: «Боже, очисти мя грешную». А в церкви: «Господи, помилуй». И слушай больше, что читают. А если не слышишь, то всю молитву читай: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

Господи, прости, что к чтению молитвы устами мы относимся недозволенно легкомысленно и навыка должного чтения мы в себе не утверждаем. Прости нас.

«Когда ударят к «Достойно» (если находишься в келье) нужно встать и положить три поклона Святой Троице: «Достойно и праведно поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу». Просить заступления Царицы Небесной и читать: «Достойно есть яко воистину...» А если кто чужой будет в келье, то только перекреститься».

Господи, мы не придерживаемся этого правила во время пения «Достойно есть», не полагаем по три земных поклона, осмысленно поклоняясь Святой Троице. Прости нас, Господи. И не просим заступления Царицы Небесной, когда читаем: «Достойно есть яко воистину». Прости нас.

«С покровенной головой нужно молиться. Когда бьют часы, должно перекреститься с молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную», как пишет святой Димитрий Ростовский, для того помилуй мя, что час прошел, ближе к

смерти стало. Можно не при всех креститься, а по рассмотрению, при ком можно, а то и не надо, в уме же молитву должно сотворить».

Это правило монастырское не везде распространено. И мы не все с ним знакомы. Оно хорошо тем, что напоминает нам о Боге, приучает творить Иисусову молитву. Господи, прости нас, что мы редко его применяем в своей жизни.

«Если что представится, нужно перекреститься. Не надо верить приметам и не будут исполняться. Лампаду засвечать, а если масла не будет, не скорбеть – пускай не горит. Свечей восковых в церкви не ставить, а самой свечкой быть».

Господи, мы забываем осенять себя крестным знамением, если нам что-то представляется, скорбим, когда в лампаде кончается масло, а оказывается этого делать не надо, и в храме не стоим как свечечка. Прости нас, Господи.

«Не должно обращаться свободно с мирскими – ты их соблазнишь. Книги читать поутру с четверть часа до работы, а потом целый день жуй, что прочитала, как овца жвачку. Списывать с книг, пожалуй, можно, только нужно усваивать: что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать. Только хоть прочитай книгу: если и не запомнишь ничего во время чтения, получишь пользу».

Господи, прости нас, что читаем духовные книги, не ожидая от чтения пользы. А не получаем пользы потому, что «не жуем» прочитанное в течение дня, как овца жвачку.

«Евангелие можно читать сидя только не в положенное время. Перед причастием читать святого Ефрема Сирина о покаянии. В день Причащения надо более читать книги, особенно Новый Завет, послание к Ефесеянам и Апокалипсис. Оттого мы не любим отеческих книг, что они обличают нас».

Господи, чтение должно стать для нас трудом, приводящим нас к познанию Тайн спасения. Господи, прости нас, что перед причастием не читаем преподобного Ефрема Сирина о покаянии, а в день Причащения – Новый Завет, послание к Ефесеянам и Апокалипсис. Помогите нам, Господи, теперь, когда мы узнали что надо читать в день Причащения, непременно это делать.

«По воскресеньям не работать. А если праздник, например, Иоанна Златоуста и тому подобное, то к вечеру можно поработать. Чай пить без хлеба. А если сильно захочется, то после чая маленький кусочек можно съесть на глазомер. Когда поутру чай с хлебом пьешь, то скажи себе: разве ты на постоянный двор пришла? – Это от привычки. С малого начнешь – привыкнешь к большому. Чай пить по три чашки без хлеба и никому этого не рассказывать. А если у кого в гостях будешь, то раскроши только хлеб, как делал митрополит Филарет (Московский). Подали ему уху стерляжью, он ущицу поел, а рыбу только раскрошил».

Господи, мы часто этот запрет не работать по воскресеньям, нарушаем. Прости нас. И к питью чая, мы не относимся по сказанному старцем Амвросием. Прости нас.

«Чай постом в другой раз – с покаянием. Великим постом поставишь самовар и скажи: кто не хочет осуждать, тот пей чай. Хоть не осуждайте-то, а то и напьетесь, и осуждаете. Если будете помногу чай пить, то зубы будут болеть. Если будешь пить после правила вечернего, то нужно положить за это двенадцать поклонов. Не осуждать людей, а сказать себе: «ах я, окаянная!»

Постом нам необходимо пить чай, ограничивая себя в количестве и ставить перед собой задачу: пить чай только тогда, когда не осуждаешь других. Если же после вечернего правила будем пить чай, то полагать за это по двенадцати поклонов. Господи, прости нас, что мы этого правила не придерживаемся: и пьем когда хотим, и других осуждаем.

3. Простота жизни

«Надо благодарить Господа, что Он тебе все посылает. Это для трех причин – чтобы привести в чувство, сознание и в благодарность. Когда будешь кого осуждать, то скажи себе: «лицемере! изми первое бревно из очесе твоего». Бревно в глазу – это гордость. Фарисей имел все добродетели, но был горд, а мытарь имел смирение, и был лучше. Все помыслы недолжные от гордости. У тебя есть гордишка. Гордых Сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренние скорби, которыми врачуется гордость, посылаются от Бога, а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей все несет, и все будет говорить: достоин сего».

Господи, мы должны помнить, что все, что мы имеем, нам посылается Тобой ради трех причин – привести нас в чувство, в сознание и в благодарность. Мы же эти причины упускаем из вида и совершенно их забываем. Прости нас, Господи. Мы создаем благоприятные условия для того, чтобы в нашем глазу водворилось бревно – гордость и помыслы недолжные. А исцелить их можешь только Ты, Господи, посылая нам внутренние скорби, которыми и врачуется гордость. Мы же не можем, будучи гордыми, понести скорбь от людей, как могут это делать смиренные. Прости нас, Господи.

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают. Когда нападёт гордость, скажи себе: чудачка ходит».

«На объяснение, что в разговорах с другими говорю – «я», батюшка сказал: «Отец архимандрит Моисей никогда не говорил – «я», а: «Это опытом удостоверено» или скажет: «мы».

Господи, мы часто преисполняемся гордостью, но связи между гордостью и похвалами от людей не прослеживаем, и потому надмеваемся. Прости нас, Господи. И еще: мы много говорим – «я», а отец архимандрит Моисей никогда не говорил – «я». Он обычно говорил: «Опыт看 удостоверено», или скажет: «мы». Господи, прости нас за то, что слово «я» преобладает у нас над словом «мы».

«Дом души – терпение, пища души – смирение. Если пищи в доме нет, жилец лезет вон (обычное выражение: выходить из терпения). Когда разворчишься, то укори себя, скажи: окаянная! что ты расходишься, кто тебя боится? Если очень зацепят тебя, скажи себе: не ситцевая, не полиняешь. Много в этой голове ума, да вон нейдет».

Замечательно выражение старца Амвросия о доме души и о его пище, и о жильце, который выходит из дома. Господи, прости нас, что терпение не считаем домом для своей души, а смирение пищей. Прости, что часто оставляем дом без пищи, ворчим и не укоряем себя говоря: что ты расходишься, кто тебя боится? Или ещё: «не ситцевая, не полиняешь». Господи, прости нас, что не напоминаем себе: «много в этой голове ума, да вон нейдет».

«Когда бывает такое время, что желаешь и сама не знаешь чего, то напиши в уме эти слова: кто я и кто ипостась моя? И чего я желаю? – в гости не иду и дома не остаюсь – везите меня к нам – Подойди и почитай».

Господи, бывает и у нас время, когда сами не знаем, чего мы желаем. И нет у нас способности писать в своем уме указанные старцем слова, чтобы прочитывать их. Прости нас, Господи, что, когда нужно, мы таких слов не находим в своем уме, не прочитываем их и себя не исправляем.

«Тщеславие и гордость – одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх, так и гордость. Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: кожу дерут».

Господи, мы виноваты в том, что разрешаем тщеславию и гордости обладать нами. Мы склонны показать, как ловко мы ходим и все делаем, то есть работаем на тщеславие, а гордость заставляет нас презирать всех. Прости нас, Господи, за это тщеславное поведение.

«Когда хвалят, сказать хвалящей: не хвали, а то после рассоримся. Лествичник велит опасаться таких людей. Лучше принять злословившего человека. Если будут тебя хвалить,

должно молчать – ничего не говорить, как написано у аввы Варсонофия. Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославление, за то, что здесь все кланяются, тело по смерти испортится. У аввы Варсонофия написано: «Серид какой был старец! А и то по смерти тело испортилось».

Господи, прости, что мы к похвалам относимся заинтересованно и, когда хвалят, не молчим. Нам приятно прославление и поклоны других. Прости нас.

«Уступай NN во всем, предложи свой совет, только не настаивай. Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорее мимо проходи. Надо вниз смотреть. Ты вспомни: «земля еси, и в землю пойдешь».

Господи, мы очень не любим уступать, а любим давать советы и настаиваем следовать им; бываем непочтительны, ласкательны, но не ласковы. Прости нас, Господи.

«Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет».

«Ведати подобает, яко три суть совершенного смирения степени. Первая степень покоряться старейшине, не превозноситься же над равными. Вторая степень покоряться равным, не превозноситься над меньшими. Третья степень покоряться и меньшим и вменяти себе ничтоже быти, яко единому от скотов, недостойну сопребывания человеческого».

Господи, мы еще не умеем уступать другим и считать себя хуже всех. Мы еще не научились покоряться старейшине и не превозноситься перед равными. Прости нас, Господи. Мы иногда задумываемся о том, чтобы покоряться равным и не превозноситься над меньшими, но делать этого не думаем. Прости нас. А того, чтобы покоряться и меньшим и вменять себя ни во что, об этом у нас даже и речи не ведется. Прости нас, Господи, и помоги, по крайней мере, эти степени смирения представлять в уме и стараться по ним практически восходить к достижению сути смирения.

«Прежде надо наружно кланяться в ноги старцам. Это положили святые отцы. А потом внутри будет ощущаться, точно как кто (кланяющийся) беден, а затем кучу золота дадут, и он богат будет».

Господи, прости нас, что наружно в ноги старцам не кланяемся, оттого и внутренно не видим, как мы бедны. Прости нас, Господи.

«Сестра! Кайся, смирайся, сестрам уступай, что можно и не осуждай других – все с немощами. Кто уступает, тот больше приобретает. Смирайся и все дела твои пойдут. Иди мытаревым путем и спасешься, говори: «Боже, милостив буди мне грешной!» Прочитай «Живый в помощи Вышняго», да и иди, прощения проси, на кого немирна».

Господи, не озадачены мы подобным наполнением своей жизни: не смиряемся, не каемся, сестрам не уступаем и осуждаем других. Прости нас и, уступая, помоги больше приобретать: смирение и мытарево покаяние.

«Если не имеешь любви к ближним, смирайся. Если кто не покоен, (то есть не мирен на тебя, а не высказывает сего), то угождай ему, будто не замечаешь сего. Если помысл будет говорить тебе: отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, то и это не сказала? – то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить – опоздала».

Господи, не имея любви к ближним, мы не смиряемся, видя некоторых, имеющих на нас дух немирный, но от нас скрываемый, мы не угождаем ему, не замечая этого; видя, что кто-то сердится на нас, мы не спрашиваем у него причину; прости нас, Господи. И еще: мы не преодолеваем помыслов мщения. Прости нас.

«Если кого хочешь уколоть словом, то возьми булавку в рот и бегай за мухой. Будь сама к другим снисходительна. Нужно ближнего успокаивать – и с тобой то же может быть. Сама живешь нерадиво, а с других строго требуешь, чтобы исполняли все. Ты молчи перед всеми, и тебя будут все любить».

Господи, у нас высвечивается желание уколоть словом других людей, быть при собственном нерадении очень строгими к другим; мы не успокаиваем ближнего и не умеем молчать. Прости нас, Господи, и помоги, чтобы этого с нами больше не было.

«Шуточками лучше высказывай, когда немирна на кого бываешь. Смотри на всех просто. Будь проста, и все пройдет.

Считай себя хуже NN. Если будешь внимать себе, то поймешь, что ты действительно хуже NN. Жить просто – значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет кто-нибудь. Прошла и только. Это значит, думать просто. А то при виде проходящей N подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у нее такой-то. Вот уже это непросто».

Господи, когда мы бываем немирны, то и не прибегаем к шуткам, чтобы скрыть свою немирность. Мы не умеем смотреть на всех просто и считать себя хуже других. При отсутствии простоты мы осуждаем и зазираем других. Прости нас, Господи, что все делаем непросто. И помоги исправиться.

«Когда ты непокойна на NN, то клади поклоны от трех до девяти с молитвой: Господи, яко же веси, помози рабе Твоей NN, и за ее молитвами меня окаянную помилуй. Тогда клади поклоны, когда непокойна, а то не надо. Истина без смиренномудрия основывается на злопамятности. Истина значит – кто ставит ланиту и обращает другую; а на злопамятности – кто оправдывается, что не виноват. Злопамятность скрытна и тонка».

Господи, мы бываем непокойны своим сердцем на других людей и не знаем, что надо класть поклоны с молитвой: «Господи, яко же веси, помоги рабам Твоим, из-за которых мы потеряли покой свой и за их молитвы помилуй нас». Господи, прости что такие действия смиренномудрия не применяются нами. Кроме этого мы пытаемся истину основывать на злопамятности, оправдывая себя и говоря о своей невинности. Прости нас, Господи. Не умеем мы истину свидетельствовать смиренномудрием и уступчивостью. Прости нас, Господи.

«Внутренняя скорбь значит: например, памятозлобствовать или терпеть отсечение своей воли потому, что другой никто не может знать, что у тебя внутри. А внешняя скорбь со стороны других».

Господи, нам ежедневно приходится иметь внутреннюю скорбь, ибо необходимо бывает сделать выбор: между памятозлобием и терпением при отсечении своей воли, ибо никому не дано знать, что у нас внутри, кроме нас самих.

Господи, прости нас, что мы недостаточно мало уделяем внимания и не желаем иметь подобную внутреннюю скорбь. Да и к внешней скорби со стороны других мы не готовы и не умеем ее благодушно переносить. Прости нас.

«Смеяться надо поменьше, а то от этого недолжные помыслы приходят. Смех изгоняет страх Божий. За столом не смеяться. Надо знать время на все. Ежели рассмеются, то одна сжала бы губы и вышла в сени, положив там три поклона. Если помыслы будут говорить: никаких больших грехов у нас нет, то вспомни, что смеетесь много – большой грех».

Господи, мы часто согрешаем смехом, и этим провоцируем приход недолжных помыслов, отгоняем от себя страх Божий, не пресекаем смеха удалением из среды смеющихся и не полагаем по три поклона. Прости нас, Господи, за это и помоги помнить, что много смеяться большой грех.

«Если перебивать разговор, то это дело дерзости. Если кто шутя до кого дотронется, то десять поклонов положить. Дерзка и смела от смеха – страха Божия, стало быть, нет. Господь тебя избавит от всех недолжных помыслов, только смирайся».

Господи, прости нас за дерзость, за вольное прикосновение к другим, за греховное бесстрашие, и помоги нам смиряться, чтобы избежать недолжных помыслов.

«Если придут хульные помыслы и осуждающие других, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания. Когда найдет день, что будто хорошо живешь – весело и покойно, а вдруг сделается беспокойство, и помыслы будут тебя смущать, тогда скажи себе: что же ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна».

Господи, при помыслах хульных и осуждающих других мы не укоряем себя в гордости и «зацикливаемся» на них. Прости нас, Господи. Дни, когда нам весело и покойно живется, нам следует запоминать, чтобы противопоставить эту память дням беспокойным и помыслам смущающим, напоминая себе как было хорошо в эти дни. Господи, прости нас за неумение этот «прием» вводить в состав своих действий и потому не поддаваться смущению и сохранять спокойствие.

«Начинать внимать себе следует с навыка записывать: как в церковь ходишь, как стоишь, как глядишь, как гордишься, как тщеславишься, как сердишься и прочее».

Господи, прости, что мы не внимаем себе по указанному старцем правилу и через запись словом не контролируем себя.

«Помыслы записывать каждый день. А когда пойдешь для откровения их, то выпиши их вообще, например, сердилась и тому подобное. Помыслы надо говорить, они и ослабеют. А откуда они – от гордости. Старице или старцу все должно говорить, сказать, что осуждаю, и помыслы приносятся, а повторять их не надо. Это враг наносит. Ефрем Сирийский называет это лаянием бесовским. Если бывают помыслы против старицы и старца, то надо говорить: приходят помыслы хульные против вас и осуждающие».

Господи, у нас нет правила каждый день записывать помыслы и на исповеди говорить о них вообще. Господи прости нас и избави от «лаяния бесовского» Своей божественной помощью.

«Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей. Чужие дела не передавай. Не рассказывай, где что делается. Помыслы те надо говорить, которые беспокоят. Иной помысл целый день приражается – и ничего, а другой враз оцарапает – тут и нужно говорить».

Господи, прости нас, что больше любим говорить о грехах людей, а не о своих собственных. И о помыслах любим говорить обо всех, которые к нам приражаются, а надо только о тех, которые нас оцарапают. Прости нас.

«Кадка меду, ложка дегтю. Враг покажет десять раз правду, а однажды ложь – все дело пропало. Вспоминай батюшки отца Макария слова и исполняй – вот и будешь его слушаться».

Господи, нам следует знать тактику врага: десять раз говорить правду, а один раз ложь, чтобы дело наше пропало. Прости нас, Господи, часто мы попадаемся на эту пагубную его уловку. И еще: чтобы быть послушницей – надо вспоминать слова духовного отца и исполнять их. Мы же так не делаем и потому у нас не получается слушаться. Прости нас, Господи.

«Уныние значит та же лень, только хуже. От уныния и телом ослабеешь и духом. Не хочется ни работать, ни молиться, в церковь ходишь с небрежением – и весь человек ослабевает».

Господи, прости нас, что, унывая, ослабеваем и телом и духом, и многое делаем с небрежением.

«В наше время совершенных во всем совсем нет, а спасающиеся есть. Не каждый может быть генералом, а иной – генерал, другой – полковник, майор, офицер, солдат, и простой человек такой же, как и они».

Господи, прости нас, что не ведаем спасающихся из-за желания увидеть совершенных во всем.

**ИСПОВЕДЬ XIV. УРОКИ ДУХОВНОГО
ОЗДОРОВЛЕНИЯ. по беседам
преподобного Иосифа Оптинского (1837–
1911)**

1. Терпение и самоукорение

Все наставления старца проникнуты духом святоотеческого и старческого учения. Перед иночествующими он ставил выше всего послушание и самоукорение, так как обе эти добродетели рождают смирение, которое вселяет в душу Бога и дает то, о чем сказано в Евангелии: «Царство Божие внутрь вас есть». Старец никогда никому не разрешал отказываться от послушания, говоря, что кто до конца несет данное послушание, тот сподобляется блаженной кончины.

Господи, мы склонны бываем отказываться от послушания, прости нас и, по слову старца, помоги до конца нести послушание, данное нам, и сподоби за это блаженной кончины.

Когда ему приносили жалобы на трудность послушания и на сопряженные с ним скорби, то лицо старца озарялось радостью, в глазах светилась нежная отеческая любовь, и он как-то особенно одушевленно говорил: «Ну что ж? За то мученики будете». При этом всегда старался внушить, что всякий человек должен иметь терпение во всем, на всяком месте, до конца. «За что взялся, – говорил он, – того и держись, и терпи все находящее; только с места не сходи и себя всегда укоряй, – и спасешься».

Господи, прости нас за жалобы на трудность послушания и сопряженные с ним скорби. Мы не стараемся иметь терпение во всем, на всяком месте, до конца. Мы побеждаемся помыслами оставить дело, за которое взялись, не готовы бываем держаться заданного направления и терпеть до конца находящие скорби, мы слабо боремся за то, чтобы не сойти с места, и не укоряем себя за это. Прости нас, Господи, и сподоби нас спасения.

Батюшка отмечал важность телесных подвигов для того, чтобы вырастить в себе внутреннего монаха. Он говорил: «Не вырастивши дерева, откуда же ждать плодов? Дерево же, на котором вырастает внутренний монах, есть пост, всякое воздержание, хождение к церковным службам, телесный труд, тогда уже на нем и вырастет плод, то есть внутренний монах».

Перед каждым из нас Евангелием поставлена задача: вырастить в себе «внутреннего человека». А для этого необходимы и телесные подвиги. Мы должны вырастить дерево, чтобы ждть плодов. Господи, прости нас, что не растим в себе этого дерева, – поста, всякого воздержания, хождения к церковным службам, телесного труда, – на котором только может вырасти наш «внутренний человек».

Как-то на общем благословении старец вспомнил о фельдшере, который, после бывшего с ним обмирания, во время которого он видел много поучительного на том свете, поступил в Оптинский скит. Но затем, когда ушел отбывать воинскую повинность, то опять сошелся со своими неверующими товарищами и они, убедив его, что с ним была простая галлюцинация, сбили его, и он остался в миру при больнице. Батюшка на это сказал: «Над ним исполнились Евангельские слова: *аще Моисея и пророков не послушают, то аще кто и от мертвых воскреснет, не имут веры*".

Господи, этот рассказ и комментарий старца Иосифа еще раз наводит нас на мысль, что когда мы сами или наши дети удаляются от церкви, то это знак, что мы теряем веру и не желаем слушать Моисея и пророков. Прости нас за это удаление от чтения Священного Писания и за предпочтение советам неверующих людей перед святоотеческим учением.

Однажды старец вел беседу об исповедании грехов и между прочим сказал: «Если не можешь сказать грехов своих, то уж лучше написать их». И рассказал при этом, как одна женщина написала грехи свои и подала епископу (Василию Великому), прося разрешения, но тот послал ее к преподобному Ефрему Сирину. Преподобный все грехи ее разрешил, кроме одного, с которым послал ее снова к святителю. Придя в город, женщина узнала, что архиепископ скончался, и в страшном горе и слезах она припала к его гробу и положила бумагу, на которой были написаны грехи, а сама упала, обливаясь слезами. Тогда все стали спрашивать ее, и она рассказала свою скорбь. В это время один священник, взял из гроба бумагу и развернул ее, – она оказалась совсем чистою, – грехи все были изглажены.

Господи, из слов старца мы видим, что к исповеди необходимо готовиться заранее и, может быть, даже записать грехи, чтобы произнести их в слух священника, ясно сознавая свои грехи и оплакивая их. Прости нас, Господи, что не всегда ясно осознаем и оплакиваем свои грехи на исповеди.

Старец говорил: «Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: полежу еще немножко, то в конце-концов и просыпаться от его звона не будешь».

Господи, мы к своей совести часто относимся невнимательно и велений ее сразу же часто не исполняем, а потом и голос ее слышать перестаем. Прости нас, Господи.

Еще сказал: «Сильнее всего в человеке действует противоречие. По своему желанию человек иногда и трудное что сделает, а скажи ему легкое что сделать, то сейчас же расстроится. А надо слушаться, хотя и не так кажется. К одному старцу пришли пять учеников в монастырь проситься. Он их послал сажать капусту корнями кверху, а листьями в землю. Двое стали сажать, как он велел, а трое говорят: разве так нужно сажать, – и стали сажать по-своему. Старец пришел посмотреть, как они делают, и которые по его сажали – взял в монастырь, а тех не принял».

Господи, прости нас, и мы в огромной мере страдаем противоречием, оттого и руководителей у нас духовных нет, что все делаем по-своему.

Однажды старцу сказали, что в одном монастыре есть затворницы. Батюшка ответил: «Затворничество – путь опасный. В уединении страсти растут, а на народе полезнее. Вон где ходят (на дороге), там и трава не растет, а где не ходят, там она густая. Они и в уединение уходят от нетерпения. А нам полезно, когда нас толкают. То дерево, которое ветер больше качает, больше корнями укрепляется, а которое в тишине, то так сразу и валится».

Господи, нам тоже полезно знать, что на народе нам полезнее, потому что в уединении страсти растут, и что в

уединение уходят от нетерпения. Господи, прости нас, что уединяясь от других, мы даем повод расти нашим страстям и маскируем им наше нетерпение.

Одна монахиня просила у старца благословения вечным домом заранее запастись. На что старец Иосиф ответил: «Запасайся терпением! Сказано *в терпении вашем спасайте души ваша*. Без терпения и временный дом не строится, тем более вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение истинно. А мы все ищем что полегче. Что легко для тела, то бесполезно для души. А что полезно для души, то трудно для тела, – вот и надо трудом идти в Царствие Небесное».

Господи, мы не стремимся запастись терпением, чтобы через него спасти свои души. И временный дом не строится без терпения, тем более вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение дорого своей истинностью. А мы все ищем что полегче. Прости нас, Господи. Ибо, ища легкого для тела, мы убеждаемся, что оно бесполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела. Господи, прибави нам милость Свою, чтобы по совету и молитвам старца Иосифа, «с трудом идти в Царство Небесное».

Когда старцу сказали: «Хоть бы вы пожили, батюшка», он ответил: «Поживем, пока новое орудие не приготовлено, Господь не отнимает старого». И помолчав немного, добавил: «Только надо самим стараться жить хорошенько, а то за наше непослушание Господь берет старцев и никого не оставляет».

Господи, и нам полезно знать, что живут духовно опытные люди до тех пор, пока Ты, Господи, не приготовишь новое орудие для спасения. Прости нас, Господи, что мы не связываем правильности своей жизни с продолжительностью жизни старцев и не стараемся жить хорошенько. А за наше непослушание Ты, Господи, берешь старцев и никого не оставляешь нам. Прости нас, Господи.

По поводу неурожая старец говорил: «Да, всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что теперь совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародии; так вот и приходится поневоле поститься».

Господи, прости нас, что и за наше нарушение постов Ты посылаешь в наше время неурожаи и полуискусственные продукты, которыми мы разрушаем нашу биологическую жизнь. Господи, прости нас невоздержанных.

Старец Иосиф говорил: «В нынешнее время частые самоубийства происходят кроме неверия еще и от нетерпения, – ничего не хотят терпеть, – и если бы Господь не вложил в человека естественное желание жить, то почти все бы себя убивали. Святой Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и через это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу». «Вот, – прибавлял старец, – и язычник самым делом дошел до этой истины, что неизбежно надо терпеть, что случается. И святые все просили у Бога терпения, значит и они в этом нуждались.

Господи, мы нуждаемся в умении терпеть и преодолевать свою нетерпеливость убеждением, что все в нашей жизни делается по воле Твоей, Боже. Прости нас, Господи, что многие трудности мы не преодолеваем терпением и не просим его, как делали святые, у Тебя, нашего Спасителя.

Однажды старцу высказали желание, чтобы он сам открывал затаенные (и какие не хочется высказывать) грехи. Он ответил: «Нет, этого не должно; нужно, чтобы каждый сам высказывал и каялся, а то ему пользы не будет в этом; а за забытые и невысказанные грехи должен терпеть все находящее».

Господи, мы бываем склонны ожидать, чтобы духовник наш открыл нам затаенные и какие не хочется открывать грехи. Это ожидание не верно: каждый должен сам открывать свои грехи. Господи, прости нас, что все время ожидаем, что духовник расскажет нам о наших грехах и тогда-то мы в них покаемся. Господи, прости нас за эту ложь, которую враг нам подсовывает, как правду. И еще прости, что не готовы терпеть за забытые и невысказанные грехи находящие на нас обстоятельства.

На жалобы о постоянных болезнях старец Иосиф отвечал: «При болезни нам полезно думать, что Господь хочет нам спастись и очищает от скверны греховной. Хотя и нелегко терпеть прижигания, но ради здоровья душевного надо терпеть все. Если неисправно живем, то будем иметь о сем сердце сокрушенное и покаянное, и на это призрит Господь и не оставит Своею милостью».

Господи, когда мы болеем, мы не думаем о том, что Ты хочешь нам спастись и очищаешь от греховной скверны, посылая для этого нам прижигания, которые мы и должны потерпеть ради душевного здоровья. Мы же эти мысли от себя удаляем и живем неисправно. Прости нас, Господи, что не имеем сердце, исполненное сокрушения и покаяния. И помоги не потерять надежду на Твою, Господи, милость.

«Скорби – наш путь; будем идти, пока дойдем до назначенного нам отечества – вечности. В миру больше скорбей, а у нас хоть и есть, но не такие, и те ради Бога; только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрека словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начнем роптать. Во всем нужно терпение и великодушие, как кораблю якорь, чтобы во время бури не разбился о камень».

Господи, скорби это и наш путь, который ведет нас в вечность, их мы призваны научиться терпеть ради Бога. Мы же этого не делаем и потерпеть и малого упрека словом не умеем. Прости нас, Господи. Прости и за то, что увеличиваем свои скорби, когда ропщем и отказываем себе в терпении и великодушии.

Спросили старца, что означают слова апостола: «мудрствуяй день – Господеви мудрствует, и не мудрствуяй – Господеви не мудрствует». Старец ответил: «Апостол это сказал, чтобы мы никого не осуждали, потому что никто не знает, что кроется внутри у человека. Апостол дальше и прибавляет: «Ядый не ядущего да не укоряет и неядый ядущего не осуждает». Один, как будто, видимо все исполняет, но, может быть, делает это холодно, или превозносится, а другой ничего не исполняет, но укоряет себя, кается, смиряется и за все благодарит Бога».

Господи, мы редко удерживаемся от осуждения, хотя и не знаем, что кроется внутри человека. Прости нас.

Батюшке рассказали про одну барыню, которая умерла без напутствия потому, что в ее приходе был священник, о котором она знала много нехорошего и не захотела у него приобщиться. Старец пожалел умершую и сказал, что не должно смущаться жизнью иерея, так как рука его только действует, а таинство совершает благодать. При этом он рассказал как один преподобный, заболев к смерти, пожелал принять Святые Тайны. Ближайший иерей, которого нужно было позвать, был очень порочной жизни и, казалось, совсем недостоин священства. Преподобный несколько смутился, но затем, победив этот помысл, призвал его. Во время причащения Господь сподобил его такого видения: он видел, что его приобщили Ангелы.

Господи, при виде недостойного иерея и нас когда-то может смутить помысл: а нужно ли у него причащаться? Старец советует помнить, что в таком случае действует только рука иерея, а таинство совершает благодать. Господи, прости нас, что и мы соблазняемся помыслами недоверия священнику и даже можем лишать себя приобщения Святых Христовых Таин. Господи, прости нас, маловерных.

Один священник писал старцу, что умершая в его приходе девица является (во сне) своей подруге, прибавляя, что последняя еще совсем юная, чистая и невинная. Старец на это ответил ему, что блаженный Диадох советует не доверяться даже истинным благодатным явлениям. Господь не взыщет за то, видя, что люди делают это не из презрения к Богу, а чтобы не поддаться вражескому обману. Один Киево-печерский подвижник увидел в своей келье молящегося ангела и рассудил: если бы он был от лукавого, то не молился бы. Тогда этот мнимый ангел стал уже давать ему такой совет: ты теперь сам-то уж не молись, потому что отныне я за тебя буду молиться. Подвижник послушался и впал в прелесть, от которой едва только был избавлен молитвами преподобных отцов.

Господи, случается и нам сталкиваться или слышать, как некоторым являются умершие и якобы чистые души умерших

людей. Доверяться этим явлениям святые отцы нам не разрешают, даже если они будут явлениями истинными и благодатными. Господь не взыщет за то с нас, видя, что мы делаем это не из презрения к Богу, а чтобы не поддаться вражескому обману. Господи, прости нас, что у нас нет твердой установки быть осторожными к обману со стороны врагов нашего спасения. Господи, молитвами святых отец наших избави нас от лукавых советов диавола.

На этом основании и названная девица может говорить являющейся: хоть ты и молишься, а я все-таки не могу верить тебе, и прошу тебя, не являйся ко мне, ибо я великая грешница и недостойна благодатных явлений. И пусть она усерднее молится Богу, чтобы Господь избавил ее от этих явлений, ибо в них кроется большая опасность. Еще прибавлю: не имеет ли данная девица тонкого о себе мнения, что она исправно живет. А если имеет, то вот и причина, почему враг приступает к ней с искушением. Все великие святые считали себя грешными и окаянными паче всех людей, и только через такое смирение они и сделались угодными Богу. А что умершая является в небесной одежде и светлою – это пустяк.

Господи, безусловно, мы недостойны таких борений со стороны врагов нашего спасения, но, слыша о них от других, должны быть готовы запрещающими просьбами устранять себя от них и молиться, чтобы Ты, Господи, избавил нас от этих явлений, ибо в них кроется большая опасность. И еще, Господи, помоги нам посмотреть на себя с точки зрения «тонкого о себе мнения, что мы исправно живем», ибо в нем может скрываться причина, почему враг приступает к нам с подобным искушением. Огради нас, Господи, смирением, на примере великих святых почитая себя грешнейшими и окаяннейшими паче всех людей. И только через смирение удостой нас угодить, Господи, Тебе.

2. «Умное делание»

Старец писал: «Чтобы совсем не рассеиваться на молитве, для нас, грешных людей, невозможно. Но все-таки должно стараться по возможности собирать свой ум, заключая его в слова молитвы, то есть вникать в каждое слово молитвы. Холодностью и окаменением смущаться не следует, а продолжать понуждать себя к молитве, сознавая себя недостойным утешения и умиления. Если молитва холодна, то из этого не следует заключать, что она и негодна Богу, а иногда даже такая молитва вменяется человеку в подвиг, если только человек смиряется и всячески укоряет себя перед Богом».

Господи, болит душа наша, когда мы рассеиваемся на молитве и не стараемся по возможности собирать ум свой, заключая его в слова молитвы, вникая в каждое ее слово. Прости нас, Господи, за небрежность в молитве. Мы часто замечаем в себе холодность и окаменение сердца, смущаемся этим и даже готовы из-за этого оставлять молитву. Прости нас, Господи, что, замечая это, не понуждаем себя к молитве и не сознаем, что недостойны утешения и умиления. Прости, Господи, и за то, что, видя холодность своей молитвы, мы спешим заключить, что она негодна Тебе, Богу нашему; тогда, как такая молитва иногда может быть вменена нам в подвиг, если будем смирять и укорять себя пред Тобою, Господи, прости нас и научи преодолевать унылые и безнадежные движения нашего сердца во время молитвы смирением и всяческим укорением себя перед Тобою.

Уча других терпению, смирению, незлобию и всему необходимому для христианского расположения души, старец Иосиф первый сам подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби и неприятности он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние и не догадывались даже, какие испытания он имел.

Христианское расположение души и у нас зависит от умения терпеть, проявлять смирение и незлобие, всякие скорби и неприятности переносить с благодушием и спокойствием.

Господи, мы каемся в том, что не озабочены созидать в себе христианское расположение души исполнением добродетелей терпения, смирения, незлобия, нам не хватает благодушия и спокойствия в испытаниях. Прости нас, Господи.

Случалось, что ему с возмущением указывали на некоторые поступки других, явно вредные или производящие смущение. Старец и в таких случаях кротко говорил: «Что же делать? Надо потерпеть; нам от этого вреда не будет, а польза большая, если со смирением перенесем». Нередко говорил: «Бывает и ревность не по разуму; или: *не знаете коего духа есте*. На оскорбляющих он никогда не гневался и даже как будто вовсе не замечал дурного.

Господи, когда и нам приходится встречать людей, позволяющим себе совершать поступки вредные или производящие смущение, то мы не обнаруживаем навыка говорить себе: «Надо потерпеть, нам от этого вреда не будет, а польза большая, если со смирением перенесем их». Господи, прости нас, что в эти минуты не приводим себе на память этих слов и не смиряемся. И еще: не осаживаем в себе чувство возмущения напоминанием, что «бывает и ревность не по разуму», и уточнением «какого духа мы?» Прости нас, Господи.

Когда приходилось на исповеди каяться в осуждении лиц, неодобрительно к нему относившихся, то старец обыкновенно говорил: «Осуждать не нужно; ведь это не они, а враг их возмущает, а за них молиться надо».

Господи, при осуждении лиц, недоброжелательно относящихся к нашему духовнику, необходимо удалять от себя желание осуждать приведением на память совета: «Осуждать не нужно; ведь это не они, а враг их смущает, а за них молиться надо». Господи, прости нас, что мы так не делаем и не пресекаем осуждения смирением и благодушием.

Своим примером старец Иосиф учил духовных чад спокойно принимать и честь и бесчестие, и с таким же глубоким смирением относиться и к похвалам. Когда ему говорили какие-нибудь похвалы или выражали свое удовольствие по поводу какого-либо его возвышения, он всегда на это отвечал: «Сие да мудрствуется в вас еже и во Христе Иисусе». Один раз ему

сказали: «Вот вы, батюшка, всегда уклоняетесь от чести, а она сама за вами следует». Старец на это серьезно ответил, глубоко вздохнув: «Да к чему это? На что это нужно?.. Впрочем, – прибавил он, – как не должно искать чести, так не должно и отказываться от нее, живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога».

Господи, мы должны признаться, что не умеем спокойно принимать и честь, и бесчестие и с глубоким смирением относиться к похвалам. Прости нас. Господи, слыша в свой адрес похвалы, нам должно на это отвечать себе: «Мы не умеем мудрствовать о них во Христе Иисусе». Господи, прости нас, что не приучены быть одинаковыми и в бесчестии ради духовной пользы других. Прости нас, Господи Боже наш, что налагаемую честь не связываем с Тобою, хотя знаем, что она от Тебя.

Внутренняя духовная жизнь старца была для всех сокровенна. Одно только достоверно известно, что он занимался внутренней молитвой, или так называемым «умным деланием». Его ближайший келейник рассказывал, что он часто заставлял его творящим молитву Иисусову. Батюшка, лежа на кровати, с великим благоговением и сокрушением сердечным, полупшепотом произносил слова молитвы, особенное ударение делал на словах: Господи, Иисусе Христе... и во избежание самообмана, косточками от маслин отмечал количество пройденных четок, для чего на столике около кровати у него всегда стояла коробочка с этими косточками. Особенно же умилительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный старец весь погружен был в молитвенное созерцание, и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри и громко призывал имя Божие.

Господи, для нас подобный опыт высок и недоступен, мы даже помыслить о нем не можем, если Ты не окажешь нам милость и не наставишь нас. Прости нас за это безинициативное отношение к молитве.

Однажды у него спросили, как и давно ли получил он дар молитвы? Батюшка со свойственным ему простосердечием

ответил: «Молитва сама учит». Сказано: «даяй молитву молящемуся», ибо кто расположен к ней, тот услышит о ней одно слово и уже держится ее, а я читал «Добротолюбие» – и дальше старец не закончил, так как остальное было ясно.

Господи, мы еще не получили дар молитвы, произносим ее без простосердечия и невнимательно. Господи, мы не читаем «Добротолюбие», чтобы расположиться к ней. Господи, прости нас, не умеющих ожидать от молитвы научения.

Батюшка как сам был непрестанный молитвенник, так и других располагал к занятию Иисусовой молитвой, и в своих наставлениях особенно хорошо говорил о молитве, как о самом необходимом для каждого человека деле. Нетерпеливых и неопытных старец решительно и строго предохранял, не допуская касаться высоких степеней молитвы, уча их проходить этот путь постепенно, начиная с молитвы Иисусовой, произносимой устно и непременно по четкам в определенном количестве. «Это предохраняет от высокоумия, – говорил старец, – иной раз, не соблюдая счета, можно подумать, что по количеству очень много молитв проговорил, а если считать по четкам, то окажется, что и одной сотни не прошел».

Господи, мы еще не можем сказать о себе, что молитва для нас стала самым необходимым делом. У нас нет постепенности в делании Иисусовой молитвы. Как новоначальные и неопытные мы торопимся уйти от молитвы Иисусовой, произносимой устно и непременно по четкам в определенном количестве. Не делая так, мы навлекаем на себя опасность высокоумия и постоянно в нем согрешаем. Прости нас, Господи.

«Если и не достигнешь вполне плодов и совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней. Высокого (то есть утешения и духовных озарений) не ищи: оно приходит, когда Богу угодно». Сам закалившийся в терпении, старец и других вел этим же путем. «В терпении вашем стяжите души ваша»; и «претерпевый до конца, той спасен будет», – были и его, также как и старца Амвросия, любимыми словами. «От утешений, даже и духовных, для неопытных бывает больше вреда, чем пользы, – говорил он, – и от них душа незаметно возносится и, привыкши к ним, слабеет, и потому в

случающихся скорбях малодушествует и падает. Терпение есть мать утешения, – вот что говорят святые отцы».

Господи, мы мечтаем о плодах и совершенстве в молитве. Прости нас, что не отсекаем эти горделивые помышления. Мечты о высоком, то есть об утешениях и духовных озарениях, также не оставляют нас. Прости нас, Господи, и помоги твердо помнить, что это высокое приходит к нам, когда угодно Тебе, Богу и Спасителю нашему. Молитва же требует от нас терпения, поэтому терпением мы приобретаем свои души для Бога, и, только потерпев до конца, мы будем спасены. Прости нас, Господи, за нетерпеливость и поспешность, чего не должно быть в деле спасения.

И еще: нам хочется утешений, даже и духовных, и мы ищем их, а от них для нас, неопытных, оказывается больше вреда, чем пользы: от них душа незаметно возносится и, привыкая к ним, слабеет, и потому в случаях скорбей малодушествует и падает. Господи, прости нас, что мы сразу это не совсем замечаем за собой и падаем. Помоги, Господи, покрепче помнить слово святых отцов, говорящих: «терпение есть мать утешения».

На вопрос: какое истинное намерение должно быть при молитве? Старец ответил: «Спасение; чтобы просить помилования, а не утешения. И не по тщеславию молиться, а чтобы терпеть со благодарением все скорбное находящее. И если какое утешение получаем в молитве, то еще больше должно считать себя виновным и должником, что задаром получили».

Господи, ускользает у нас из памяти истинное намерение молитвы – спасение. Господи, прости нас, что в нашей молитве мы допускаем тщеславие и не готовы с благодарением потерпеть все находящие на нас скорби. А когда еще и утешение получаем в молитве, то еще больше должно считать себя виновными и должниками, что задаром получили. Мы же этого не делаем. Прости нас, Господи.

И в церкви можно внимательно слушать, что читается и поется, сопровождая слушание молитвой со счетом. В древние времена преподобные отцы творили молитву по счету. Для

этого же они и изобрели четки. «Один скитский послушник жаловался мне, – говорил старец Иосиф, – что ему скучно долго стоять в церкви и потому всё хочется тихо подпевать клиросным. Тогда я ему сказал, чтобы он вместо этого творил по четкам молитву Иисусову. Он начал это исполнять и говорил, что ему стало легко стоять в церкви и нескучно, и время богослужения казалось непродолжительным. Итак, он и во время болезни своей творил молитву Иисусову и все желал быть один; так и умер с молитвой».

Господи, оказывается, чтобы внимательно слушать в церкви, что читается и поется, нам можно и нужно сопровождать свое участие в службе совершением молитвы Иисусовой по четкам (по счету). И поскольку мы этого не делаем, то начинаем на службе скучать, тяготиться продолжительностью служб, согрешаем рассеянностью мыслей. Прости нас, Господи, за это и привяжи наше сердце твоею благодатью к указанной молитве.

Своим смиренным словом и живым примером старец возбуждал, поднимал дух и доказывал воочию, что как в древние времена, так и теперь упражнение в молитве возможно и даже необходимо для всех. Что молитвой все получается и даже самая молитва, поэтому не нужно никогда оставлять ее.

Господи, дай нам силу понять, что упражнение в молитве Иисусовой возможно и даже необходимо нам, ибо только с ее помощью все у нас получится и даже самая молитва. Прости нас, Господи, что упускаем представляющиеся случаи помолиться ею и дома, и на богослужении, и во время работы, и в домашних делах.

Батюшка наставлял: «Должно понуждать себя к молитве, хотя бы она была и рассеянная. Молиться с самопринуждением состоит в нашей воле, а молиться с умилением – зависит от Бога. Мы же должны молиться молитвою, какою можем, а за самопринуждение Бог даст и умиление в свое время, когда Ему угодно будет. Лучше сухим хлебом питаться, нежели оставаться совсем без хлеба».

Господи, очень часто видя рассеянность на молитве, мы перестаем понуждать себя к ней. Прости нас, Господи, что молиться с самопринуждением нам неохота.

Однажды батюшка сказал: «Внимай себе и будет с тебя». Еще говорил, чтобы чаще себя укорять, во всем быть терпеливым и за все находящее благодарить Бога. При этом старец в назидание рассказывал следующее: «Однажды один святой отец слышал, как нищий укорял себя. Время было зимнее, а он полунагой лежал на куче навоза, едва прикрытый рогожей, и трясся от холода. Между тем он говорил себе: сего ли не хочешь потерпеть, окаянный! Святые мученики не то терпели – зиму нагие, в темницах проводили, ноги были забиты в колодах; а ты ноги-то вон как протянул, да еще и рогожей покрыт».

Господи, мы не можем сказать о себе, что внимаем себе и часто укоряем себя, бываем во всем терпеливыми и за все находящее благодарим Тебя, нашего Благодетеля и Бога. Прости нас и помоги для назидания себя помнить пример нищего, укоряющего себя, чтобы самым подобным образом укорять себя.

3. Принуждение себя во всем

Однажды один внимающий себе инок обратился к старцу: «Батюшка, – сказал он, – вот я очень побеждаюсь леностью, и знаю, что нехорошо, но снова побеждаюсь».

Старец сказал: «В Евангелии говорится, что «нуждницы восхищают Царствие Божие», а потому и нужно себя понуждать во всем, и страсти следует отсекал вначале, пока они молоды, ибо тогда они подобны маленьким лающим щенкам – пугнешь их, и они отбегут от тебя. А если дашь им укрепиться и запустишь в себя, то они будут уже, как львы, восставать на тебя; и ты будешь не в силах бороться с ними».

Господи, леность часто, если не всегда, побеждает нас. И это потому, что мы не понуждаем себя во всем, отсекая страсти в самом начале. Господи, мы виноваты пред Тобой, что «прикармливаем» свои страсти и создаем им условия для роста, не понуждая себя на борьбу с ними. Господи, прости нас и помоги быть воздержными и во сне, и в пище, и в питии, и в разговоре, а больше всего помоги нам понуждать себя не говорить в церкви.

Во время нерадения и разлечения, когда ни на что нет охоты, спишь и ешь без меры, молиться не хочется, правило свое келейное оставляешь, необходимо нудить себя на все доброе и на молитву. Здесь все будет зависеть от нас самих: мы сами должны принудить себя к молитве. А если будет ревность ко всему доброму, то это – дар Божий.

Господи, Ты через старца открываешь нам, что значит нерадение и разлечение: это состояние, когда нет ни на что охоты, когда мы сами едим без меры, когда не хочется молиться и свое келейное правило оставить хочется, следуя лукавым оправданиям. Господи, мы виноваты, что даем в себе постоянную «прописку» этим состояниям и не понуждаем себя именно в это время на делание доброго и на молитву. Господи, прости нас, что наша самоорганизованность дает в это именно время «пробуксовку», и мы не двигаемся вперед. И когда чувствуем в себе ревность ко всему доброму, что является

знаком милости Божией к нам, то у нас не хватает сообразительности поблагодарить Тебя, Боже, за это. Прости нас.

Старец советовал иноку: «Чтобы хоть немного сосредоточиться в себе, начни с простого: сиди в келье и никуда не выходи, и келья всему тебя научит, – только терпи, будут смущать помыслы выйти, – не поддавайся им. Ведь все святые этим путем шли. Прочти у Феодора Студита, как он не велит останавливаться и разговаривать, когда выходишь из церкви; да и в уставе об этом сказано. А то мы уж извратили порядок монашеской жизни: у нас все навыворот пошло».

Господи, мы для собственного сосредоточения не пользуемся совсем простым приемом: сидеть в своей келье, в своей комнатке, и келья нас всему научит. Надо только потерпеть и не поддаваться смущающим нас помыслам выйти из нее. Прости нас, Господи, что извращаем порядок христианской жизни.

Говорил также батюшка, что старец Лев писал одной духовной дочери: «Вот тебе три орудия в брани духовной: смирение, терпение, самоукорение – сими побеждай».

Господи, мы еще очень плохо владеем этим оружием, поэтому и побеждать не умеем. Прости нас за эту оплошность.

«Можно, – говорил старец, – и давать что-то другому, если это у тебя лишнее, но не монастырское, на которое тебе не дано благословения».

Господи, прости нас, что часто хочется давать не свое, а «монастырское».

«Можно и принимать – это тоже знак смирения, как говорит авва Дорофей; но если не имеешь нужды, то, конечно, лучше не брать».

Господи, прости, что не умеем принимать так, чтобы в этом увидеть знак смирения. И помоги, Господи, воздерживаться брать без видимой в этом нужды.

Старец Иосиф наставлял: «Имей, что нужно и необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь, да будешь скорбеть, то что толку? – Лучше держаться середины. Можно

иметь, только не привязываться ни к чему, и быть как неимущему; такое устройство и было у святых».

Господи, мы не всегда довольны тем, что имеем, нам хочется еще и еще. Не имея чего-то мы скорбим, а если обладаем этим, то нам мало и хочется больше. Господи, прости нас, что не умеем держаться золотой середины и при имени мы не научились быть как неимущие.

«Молитва Иисусова как бы и простая вещь, а неудержима; сказал несколько раз и забыл, – вспомнил, еще проговорил десять раз – и опять рассеяние. В день-то сотню одну скажешь, а воображаешь, что молитву проходишь. Поэтому вначале надобно непременно количеством на счет проходить пока не получишь навыка».

Господи, все здесь сказанное старцем, сказано и про нас: мы не можем по невниманию своему удерживать в памяти молитву Иисусову: прочтем раз-другой и забудем; вспомним, прочтем еще с десятков, и вновь забудем. И воображаем при этом, что молитву проходим. Прости нас, Господи, крайне неорганизованных для молитвы, и помощи, Господи, проходить эту молитву со счетом, как учит старец Иосиф.

Во время скорби о своей невнимательной жизни, когда враг обкрадывает нас, старец Иосиф советовал молиться о своей неисправности перед Богом. У преподобного Макария Великого написано: «Безстыдно должно вопиять к Богу, чтобы Он смиростивился и Сам помог нам, потому что мы своими силами и сами собой ничего не можем сделать хорошего. А если будем часто молиться, докучать Богу, вопиять безстыдно в великом смирении, то Господь и поможет».

Господи, замечая за собой, что мы ведем невнимательную жизнь, мы забываем молиться о своей пред Тобою неисправности. Прости нас за это и научи безстыдно вопиять к Тебе о помиловании, ибо сами собой мы ничего не можем сделать хорошего. Вонми, Господи, гласу моления нашего и помилуй нас.

«Пятисотницу не надо оставлять никогда. Если не пришлось исполнить с поклонами, то можно без поклонов, – сказал старец. – Если нездоровится, или устанешь, то можно сидя

пройти ее; но, конечно, если здоров, то надо исполнять ее стоя и с поклонами».

Господи, не каждый имеет благословение от своего духовного отца проходить пятисотницу. И если такое благословение будет, то выполнять пятисотницу необходимо неотложно. Господи, прости нас, что не отдали еще себя во власть благодатной молитвы и не подружились с «пятисотницей» – особым молитвенным правилом.

Однажды инок пришел к старцу со словами: «Батюшка! Вашими святыми молитвами, слава Богу, я как бы немного привыкаю к молитве, конечно, внешней». Старец сказал: « Это хорошо. Ничего, что внешне. При неопустительном исполнении келейного правила явится охота и помимо правил заниматься Иисусовой молитвой».

Господи, прости нас, что мы не благодарим Тебя и духовника нашего за то, что понемногу привыкаем к молитве, хотя только внешней.

Еще батюшка говорил, что молитву Иисусову надобно произносить отдельно, редко; а что помыслы приходят, – это обычно диаволу – навевать, дабы отвлечь внимание от молитвы. Но тут-то и нужно усерднее и более углубляться в молитву, и помыслы, то есть сам диавол, жегомый страшным именем Иисусовым, бежит. А иногда враг держит за сердце, раздражает ненавистью к кому-либо и осуждением.

Господи, мы мало стараемся произносить молитву Иисусову отдельно, редко. Прости нас. Мы позволяем диавольским помыслам отвлекать нас от молитвы, не противопоставляя им более усердную и более углубленную молитву. Прости нас. И когда враг держит нас за сердце, раздражает ненавистью к кому-либо и осуждением, то прости нас за это обдержание и молитвами нашего духовного отца сохрани, Господи, от прелести, и обольщения, и от ревности не по разуму.

Однажды батюшка говорил: «Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно; много скорбящих, но не о грехах; много есть как бы смиренных, но не истинно. Чтобы преуспевать в молитве

Иисусовой, надобно смиренно себя вести во всем: во взгляде, в походке, в одежде».

Господи, мы не отслеживаем насколько у нас получается вести себя смиренно во взгляде, в походке, в одежде. Прости нас, Господи, и даруй нам остроту зрения духовного, чтобы мы могли видеть черты смирения, которые Ты, Господи, нам являешь для спасения.

Говорил старец, что молитва Иисусова великую пользу доставляет тому, кто ее творит; и непременно надо привыкать творить ее. Она будет утешать, особенно во время болезни. Если кто привык творить ее всегда, то и в болезни будет творить, и ему не будет так скучно, ибо молитва будет служить ему утешением. А если человек, будучи здоровым, не занимается молитвой, то, и когда заболит, не в состоянии будет молиться, как не имеющий навыка, и ему тяжело бывает. А посему, пока здоров, и надо учиться и привыкать к молитве, и творить ее часто; хотя и не чисто, но все же будешь со смирением выговаривать: Господи, помилуй мя грешного! А сердца сокрушенна и смиренна, сказано, Бог не уничтожит.

Господи, мы мало думаем о пользе, которую нам доставляет молитва Иисусова, когда мы навыкаем творить ее. Но наша трудность состоит в том, что мы к навыку не стремимся и не готовим себе, тем самым, утешение на день скорби и болезни. Прости нас, Господи, и помоги, как можно чаще творить эту молитву и со смирением выговаривать: Господи, помилуй нас грешных.

Однажды спросили батюшку про одно духовное лицо, почему он человек необразованный, а письма его дышат таким духовным разумом, что так и проникают в душу? Батюшка отвечал: «Как луч солнечный не может проникнуть сквозь туман, так и речи человека только образованного, но не победившего страсти, не могут действовать на душу. А кто сам победил страсти и стяжал разум духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого».

Господи, мы имеем образование, но еще не стяжали духовный разум. Прости нас, что страсти не побеждены у нас, и речи наши не обладают духовной проникновенностью в сердце

другого человека. Научи нас, Господи, побеждать наши страсти, приобретать разум духовный, чтобы иметь доступ к сердцу каждого.

Одна сказала: «Батюшка, скорблю, что средств нет и все должна зарабатывать, а между тем хочется то того, то другого». Старец на это ответил: «Ищите прежде Царствия Божия и прочее все приложится вам. С таким устроением и поступали прежние монахи, и Господь снабжал их всем необходимым и сверх того даже. У нас вот в скиту, когда я поступил, самоваров ни у кого не было своих, а был один большой самовар у начальника на весь скит, и после службы братия по очереди пили там чай, и все были довольны и счастливы. Также было и во всех других потребностях; старались больше исполнять службы церковные, да свои послушания, и за это Господь все им прилагал, ни в чем не имели нужды. А теперь поступают в монастырь со слабым произволением и только думают, что об одежде, да о пище, оттого и Господь не посылает нам грешным (восполнение нужд)».

Господи, наша жизнь показывает, что мы не ищем «прежде всего Царства Божия» и не имеем веры, что остальное, необходимое для жизни, приложится нам. Прости нас, Господи, что мало стараемся исполнять службы церковные да свои послушания. Оттого и уверенности нет, что Ты восполнишь все наши нужды. Прости нас, Господи, что со слабым произволением приступаем работать Тебе.

Одной монахине старец дал такое наставление:

«Если возмущают тебя поступки и грехи ближнего и похищают твое духовное спокойствие, то вспомни о сем:

а) Погрешность ближнего, которую ты хотела бы исправить, если она нарушает твой духовный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь, и, следовательно, не исправить погрешности погрешностью, – она исправляется кротостью.

б) Ревность, хотящая истребить всякое зло, сама есть великое зло.

в) Помни, что в твоём глазе бревно, а ты указываешь на сучец брата.

г) Есть несовершенства неизбежные, есть и полезные. Бывает, что злом искушается добро.

д) Пример долготерпения Божия должен обуздывать нашу нетерпеливость, лишаящую нас покоя.

е) Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, и если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло.

ж) Каждому тот поступок ближнего кажется великим, который обличает его самого в чем-нибудь.

з) Ничто так не успокаивает и не примиряет нас с поступками ближних, как молчание, молитва и любовь».

Господи, бывают у нас неоднократные случаи, когда поступки и грехи ближних возмущают нас и похищают наше духовное спокойствие. А мы не знаем, чем исправляются погрешности ближних, и восстанавливается нарушенный покой сердца. Прости нас.

Господи, мы понимаем, что погрешность ближних, которую нам хотелось бы исправить и которая нарушает наш душевный покой и раздражает нас, поставляет и нас в число согрешающих. Поэтому мы оказываемся в числе людей, которые желают погрешность исправить погрешностью, что невозможно. Прости нас за этот самообман и помоги стяжать кротость, ибо ею только искореняются погрешности ближних.

Господи, мы должны помнить, что ревность, хотящая истребить всякое зло, сама есть великое зло. И не только помнить, но и, с Твоей, Боже, помощью истреблять ее в себе. Прости нас, что мы так не делаем.

Господи, и еще надлежит помнить, что в нашем глазе бревно, а мы указываем на сучец брата. Прости нас.

Господи, мы должны разбираться в несовершенствах своих: когда они неизбежные, а когда полезные, ибо бывает, что злом искушается добро. Прости нас, Господи, что мы не приглядываемся к своим несовершенствам и не ставим им правильного диагноза. Поэтому и теряем душевное спокойствие. Прости нас.

Господи, мы не взираем на пример Твоего долготерпения, чтобы им обуздывать нашу нетерпеливость, лишаящую нас покоя. Прости нас за отсутствие в нас желания взирать на пример Твоего долготерпения.

Господи, нам известно с какой кротостью и терпением Ты переносил погрешности человеческие. И нам надлежит делать также и, если мы не начальствуем над людьми, равнодушно взирать на зло. Господи, прости, ибо мы не умеем добродушно взирать на зло.

Господи, нам следует на проступок ближнего посмотреть и с такой стороны: проступок ближних кажется нам великим, потому что он обличает нас в чем-нибудь. Господи, прости нас: мы плохо видим обратную сторону того, что нас возмущает.

Господи, через опыт святых Ты открываешь нам путь к примирению с поступками ближних и душевному покою: это молчание, молитва и любовь. Прости нас, что мы на пути примирения с проступками ближних не прибегаем к молчанию, молитве и любви.

**ИСПОВЕДЬ XV. СТУПЕНИ, возводящие нас
в чертог небесного царя. по беседам с
духовными чадами преподобного
Варсонофия Оптинского (1845–1913).**

1. Опасность для спасения бездумной жизни

«Блаженны вы, что возлюбили Господа и проводите сей великий праздник Рождества Христова в стенах обители. Мир теперь погружается в пороки и беззакония, и многие гибнут безвозвратно, вы здесь безопасны в таком святом пристанище, в гостях у Божией Матери. Это все Ее Материнские молитвы, и Ее заступничеством попали вы сюда. Благодарите Бога, что Он охраняет вас от бед и напастей. А может быть, кто из вас и сподобится ангельского чина. Я не зову вас ни в монастырь, ни за монастырь – и в миру можно спастись, только Бога не забывайте, но в монастыри идут для достижения высшего совершенства. Правда, здесь больше искушений, но зато дается помощь от Господа, и больше, чем в миру.

Господи, нам не всегда предоставляется возможность проявлять свою любовь к Тебе проведением Твоих праздников в стенах обители. Мы не живем ожиданием, что хоть на несколько дней оставим мир с его пороками и беззакониями и ощутим безопасность в святом пристанище, в гостях у Божией Матери. Прости нас, Господи, что до конца не понимаем, что мы попадаем в обители и монастыри Материнскими молитвами Богоматери и Ее заступничеством. Прости, Господи, что не благодарим Тебя и Божию Матерь за милость, оказываемую нам.

Один святой желал узнать, как Господь помогает инокам, и ему было видение. Он видел инок, окруженного сонмом Ангелов с горящими светильниками. Говорят, в миру искушений меньше, но представим себе человека, за которым гонится злодей. Положим, он успел ускользнуть от него, но тот грозит ему издали кулаком со словами: «Смотри, только попадись!» Или идет человек, и на него нападают целой ватагой бандиты, бежать некуда. Но вдруг, откуда ни возмись, полк солдат, они бросаются на его защиту, и обидчики разбегаются с окровавленными физиономиями. Пожалуй, последний находится в большей безопасности, чем первый, не правда ли? Так и в обители: хотя враг сильнее, но поблизости есть

благодатная сила Божия. В монастыре – труды, но и высокие утешения, о которых мир не имеет ни малейшего представления. Трудно положить начало благое, а когда оно уже положено, то становится легче и отраднее работать Богу, потому что окрыляет надежда на спасение.

Господи, мы знаем теперь, что в монастыре человека ожидают многие труды, но и утешения – высокие; трудно полагать начало трудам, но когда оно положено, то становится легче и отраднее работать Тебе, потому что окрыляет надежда на спасение. Господи, прости нас, что мы не преисполнены надеждой на спасение и живем бездумно.

Само лицо человека, работающего Богу, выражает его духовное преуспеяние. Однажды я видел в церкви епископа, лицо которого привлекло мое внимание. Мне вспомнились слова Евангелия: *«яко лице его бе грядущего во Иерусалим»* (Лк. 9. 53). Действительно, этот епископ вел подвижническую жизнь и неуклонно шел к Горнему Иерусалиму. Наоборот, лицо порочного человека отражает его душевное настроение. Но что особенно бывает грустно – иногда люди с душой хорошей невнимательно относятся к жизни, живут день за днем, не отдавая себе отчета в своих поступках, и гибнут.

Господи, работая Тебе, мы не задумываемся, что наше преуспеяние в этом отображается на нашем лице. Оно становится лицом человека, идущего в Иерусалим, ибо всецелое наполнение нашей жизни тогда становится жизнью во Христе, в Его Царстве. Господи, прости, что мы живем день за днем, не отдавая себе отчета в своих поступках, не выдерживаем экзамена на благочестие и оказываемся у края, где нас стережет погибель. Господи, помоги нам приложить труд к труду, чтобы Твоей благодатью спастись.

Из далекого прошлого, – говорил старец Варсонофий, – предо мной встает образ одного из моих хороших знакомых – музыканта и композитора Пасхалова. Он обладал огромным талантом; на концертах, которые он давал, собирались тысячи слушателей.

В миру, – продолжал старец, – я был большим любителем музыки и сам играл на фисгармонии. Чтобы

усовершенствоваться в игре, я начал брать уроки у Пасхалова. Он потребовал большую плату за уроки, но деньги у меня были, и я согласился. Потом он полюбил меня, недостойного, и предлагал заниматься бесплатно, но я от этого, разумеется, отказался. Наши занятия шли успешно, но мне было очень печально, что Пасхалов совсем отошел от Церкви.

Господи, есть и у нас знакомые, которые отошли от Церкви. Мы же не молимся о них и не ведем об этом с ними беседы. Господи, прости нас, что не учимся у преподобного, как это надо делать, чтобы Господь призвал их ко спасению.

По поводу этого мне не раз приходилось вести с ним беседу.

– Без Церкви невозможно спастись, – говорил я ему. – Ведь вы в Бога-то веруете, зачем же отвергаете средство ко спасению?

– Что же я такого делаю? Живу, как и все или большинство, к чему нужны обряды? Разве без хождения в церковь и спастись нельзя?

– Невозможно, – отвечаю, – есть семь дверей для спасения; в одну вы уже вошли, но надо войти и в другие.

– Какие семь дверей? Ничего подобного я не слышал.

– Семь дверей – это семь Таинств. Святое Крещение над вами совершено, следовательно, одни двери пройдены, но необходимо пройти двери покаяния, соединиться со Христом в Таинстве Причащения...

– Ну, что вы говорите, Павел Иванович! – Каждый служит Богу, как умеет, как, наконец, считает нужным; вы вот в церковь ходите, посты соблюдаете и так далее, а я служу Богу музыкой – не все ли равно?

Господи, и нам порой приходит на мысль: не все ли равно как служить Богу? И мы начинаем работать над развитием своих талантов, безумно полагая, что в Церковь можно не ходить, а служить Тебе, Богу нашему, своими талантами. Господи, прости нас за отступление от истины.

И, не дожидаясь ответа, Пасхалов заиграл.

Никогда я не слышал такой музыки, неподражаемо он играл в этот вечер. Я жил в меблированных комнатах, и вот все

коридоры наполнились народом, двери всех комнат открылись, все желали послушать гениального композитора. Наконец он кончил играть.

– Удивительно хорошо, – заметил я, – но музыка музыкой, а церковь она все-таки заменить не может, всему свое время.

Наша беседа с ним затянулась в этот вечер далеко за полночь. Ушел он в особом настроении, умиротворенный и радостный. На другой день он пришел ко мне снова.

– Знаете ли, Павел Иванович, всю-то ночь я продумал какой я великий грешник, сколько лет уже не говел. Вот скоро наступит Великий пост, непременно буду говеть и причащаться.

– Зачем же ждать поста? Говейте теперь.

Хорошо думал Пасхалов, только он забыл, что есть враг, которому неприятна такая перемена в нем, и что нужно подготовиться к борьбе. Все это он опустил из виду.

Господи, и мы хорошо думаем, когда мечтаем и желаем исправить свою жизнь на лучшее, но забываем, что есть враг, которому неприятна такая в нас перемена. Господи, прости нас, что мы не готовимся к противодействию вражью, когда по-настоящему хотим исправиться.

Однажды поздно вечером он приехал домой и велел горничной расплатиться с извозчиком. Та вышла на улицу, но вместо извозчика увидела на облучке какое-то чудовище. Вид его был так страшен, что горничная упала в обморок. Куда враг возил Пасхалова – неизвестно, только на другой день он скоропостижно скончался. И погибла душа навеки. Сердечно мне его жаль. Враг всюду расставляет сети, желая погубить человека, и губит неосторожных.

Господи, пример, рассказанный старцем, обращает наше внимание на активное пребывание в нашей жизни врага нашего спасения. Он уводит нас, внимающих ему, от церкви и может даже внезапной смертью не допустить к участию в Таинствах, к достижению спасения. Прости нас, Господи, что не готовимся к борьбе с ним, живя беспечно, и полагаясь только на себя.

Когда я был еще в миру, но уже начал постепенно от мира отходить, я перестал бывать во многих домах, оставив для посещения два-три благочестивых семейства. Так посещал я

одно семейство, состоящее из старой матери, дочери (вдовы) и внучки. Однажды мы сидели за чайным столом и беседовали. Вдова рассказала мне следующее.

– Несколько лет тому назад, когда я только что лишилась мужа, то тосковала безмерно. Жизнь потеряла для меня всю привлекательность. Мысль о самоубийстве все чаще приходила на ум. Никогда не забуду я канун Пасхи того печального для меня года. Заботами мамы все у нас было приготовлено к празднику, квартира наша приняла праздничный вид, только на душе у меня не было Пасхи, там было полное и мрачное отчаяние.

Господи, в нашей жизни бывают случаи безмерной тоски, когда жизнь теряет свою привлекательность и приходит мысль о самоубийстве. Господи, прости нас за такие мысли и сохрани нас от подобных нападок вражиих.

Мама, зная мое тяжелое состояние, почти не оставляла меня одну, и для приведения в исполнение моего замысла о самоубийстве я решила воспользоваться пасхальной ночью. Мама всегда ходила к заутрене, следовательно, кроме моей маленькой дочери, никого не будет, и мне не помешают. Я сказала маме, что к заутрене не пойду, так как у меня болит голова.

– Да ты ляг, отдохни, – уговаривала мать, – и может быть и поправится твоя голова, тогда в церковь вместе пойдем.

Чтобы не разговаривать с матерью, я легла и незаметно уснула. Вдруг вижу страшный сон. Стою я около какого-то мрачного подземелья, вдали виднеются клубы пламени, а из глубины подземелья, обгорелая, страшная, с веревкой на шее, бежит ко мне моя подруга по институту.

– Оля, Оля, что с тобой? – воскликнула я.

– Несчастливая, и ты хочешь прийти сюда! – кричит она мне. И вдруг громко и отчетливо раздается благовест большого колокола. Я открыла глаза, полная страха и ужаса, и, увидев свою комнату, обрадовалась, что я не в подземелье. В это время в комнату вошла мама.

– Ну что, проснулась, дорогая моя? Как твоя голова?

– Голова моя прошла, я иду с тобой в церковь.

– Ну вот, слава Тебе, Господи! – обрадовалась мать. – А то я уже загрустила, как это ты без утрени останешься.

После службы, когда мы с мамой похристосовались, разговелись, я рассказала ей все. С трудом мы разыскали адрес Олиного дяди, проживающего в Симбирске, и написали ему, спрашивая, где Оля. Он сообщил нам печальную весть, что уже два года, как его племянница покончила с собой. Тогда мы обе поняли значение сна.

Господь вразумил рабу Свою через сон. Вообще, я не придаю значения снам, но иногда бывают сны особенные. Я знал человека, который видел сон про одну монахиню. Видел он, будто пришла игуменья, и сестры привели одну связанную монахиню и, открыв люк, стали ее туда спускать. «Господи, куда же ее спускают?» – подумал он. А матушка велит опускать все глубже, конец же веревки, которой связана монахиня, держит в своих руках. Проснулся он. Утром встретил одну старушку-монахиню из той обители и рассказал ей свой сон.

– Да какая же она на вид-то?

– Белокурая, высокая, с веснушками на лице.

– Да ведь сон-то твой в руку. Действительно с такой монахиней случился грех, и игуменья отослала ее на отдаленную монастырскую дачу.

Когда спросили батюшку Амвросия про падшую монахиню, он ответил:

– Она не погибнет, ведь матушка-игуменья веревку-то из своих рук не выпустила, значит, спасется.

И я говорю вам, спасайтесь, детки мои, да сподобит вас Господь стать послушницами Его Царства.

Господи, и против нас воюет диавол, подсовывая нам мысли о самоубийстве, или же доводит до падений и отступлений от уставной Евангельской жизни. И мы в минуты слабости готовы бываем уступить его наветам, и, наверное, последовали бы им, если бы милость Твоя, Господи, Тебе известными путями, не хранила бы нас. Господи, прости нас, что временами разрешаем вражеским мыслям преобладать в себе.

Смотрит Господь на сердце человеческое и если видит сильное желание исполнить Его святую волю, то помогает ему «ими же Сам веши судьбами». Желает, например, человек идти в монастырь и там служить Господу, и далеко от людей прячет свое намерение, а Господь-то видит его желание и помогает ему.

Господи, если мы внимательно будем следить за собой, то и в наших намерениях увидим, что Ты, Господи, видишь наше сердце и помогаешь нам осуществлять наши духовные поиски. Господи, прости нас, что Твои судьбы оставляем без внимания и нет у нас видения Твоей, Боже наш, помощи и благодарного удивления не проявляем к Твоей о нас заботе.

О существовании Оптиной пустыни я узнал самым неожиданным образом, – говорил старец Варсонофий. Поехал туда. Отец Амвросий был в Шамордино, я поехал к нему. И он меня благословил в скит. Помню, когда я увидел отца Амвросия, то какой-то голос мне сказал: «Ну вот, он-то тебя и возьмет».

Господи, и у нас так бывает. Когда мы озабочены определенным желанием, стремимся к определенной цели, то Ты, Господи, подаешь нам Свой знак и внутренний голос положительно удостоверяет нас о Твоем благоволении. Господи, прости нас, что не наблюдаем, как мы слушаем Тебя, и от невнимательного вслушивания не узнаем волю Твою.

Перед поступлением в монастырь поехал помолиться преподобному Сергию. В это время в Черниговском скиту подвизался отец Варнава. Пошел я к нему на благословение. Благословил он меня, да и говорит: «Простудился, жениться надо». Эти слова привели меня в страшное смущение. Некоторые из бывших со мною, не любившие отца Варнаву, говорили: «Вот видите, какие советы дает? Великий старец Амвросий благословил в монастырь идти, а этот жениться предлагает». Слова отца Варнавы запали мне в душу и сильно смущали меня. Когда я, уже став иноком, рассказал об этом батюшке отцу Амвросию, то он мне так растолковал эти слова: каждая душа христианская есть невеста Христова, следовательно, надо жениться, соединиться со Христом, слово

же «простудился» означает духовную болезнь, от которой страдает человек, пока не вообразится в нем Христос.

Господи, через духовные советы святых людей Ты даешь нам разумение Твоих путей, по которым нам следует идти, внимая душе своей и стараясь понять волю Твою. А воля Твоя в устах святых часто бывает прикровенна и не поддается пониманию простому, человеческому. О ней надобно судить духовно. Так отец Амвросий истолковал слова старца Варнавы. Господи, мы зачастую не имеем духовного рассуждения и слова старцев не вразумляют нас, а даже смущают. Прости нас, Господи, и помоги распознавать в себе духовные болезни и трудиться над своей душой, пока не вообразится в ней Христос.

Это было давно, когда я еще был Павлом Ивановичем. Однажды поехал я в театр. Шли в первый раз «Гугеноты». Сидел я с моим начальством. Поют на сцене любовные песни, а мне приходит на ум: «А что, если я сейчас умру, куда пойдет душа моя? Уж, конечно не в рай. Но если не в рай, то куда же?» Страшно мне стало, уж и на сцену смотреть не хочется. А внутренний голос говорит: «Уйди отсюда!» Но как же уйти? Начальство сидит, неудобно. А внутренний голос все повторяет: «Уйди, уйди...»

Я встал, тихо дошел до двери и вышел. Сначала пошел медленно, а затем все скорее и скорее, взял извозчика и поехал домой.

С тех пор я стал избегать театра. Бывало, придут товарищи, ложу предлагают взять пополам, а я отказываюсь то по одной причине, то по другой. Затем глаза у меня разболелись, так больше я и не ходил в театр.

Очень мне захотелось узнать через несколько лет, кто помог мне уйти от «Гугенотов». Оказалось, что в первый раз «Гугеноты» шли 4 октября, когда празднуется память святителя Варсонофия. Понял я тогда, что этот святой убедил меня уйти из театра.

Много лет прошло после того. Я был уже в монастыре, готовился к постригу. Вдруг я опасно заболел. Все отчаялись в моем выздоровлении; решили поскорее совершить пострижение. Помню, наклонившись надо мной, спрашивают:

«Какое хочешь получить имя?» Я с трудом едва мог ответить: «Все равно». Слышу, при пострижении именуют меня Варсонофием. Следовательно, и здесь святитель не оставил меня, но пожелал быть моим покровителем.

Господи, и в нашей жизни, если внимательно присмотреться, мы заметим удивительное участие святых, которые заботятся о нас и помогают нам иметь «лицо человека, грядущего в Иерусалим». Мы же на эту помощь не откликаемся по беспечности своей и по отсутствию целеустремленности. Прости нас, Господи, и помоги нам видеть лики святых, которые выявляют нам свое покровительство. Помоги нам постоянно думать о своем спасении.

2. Опасность нехватки смирения

Великая награда уготована любящим Господа. Апостол Павел говорит: *«Око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его»* (1Кор. 2, 9).

Да, действительно, много прекрасного и удивительного уготовал Господь любящим Его. Но мы-то этой любви к Господу еще не обрели в должной мере: и влечения к божественному в себе не находим, и не осуществляем его через добрые дела, и обязанности свои плохо знаем по отношению к Любимому, и, конечно же, небрежно их исполняем. Прости нас, Господи.

Да, бесконечно блаженны будут сподобившиеся получить Жизнь Вечную. Что такое рай, мы теперь понять не можем. Некоторым людям Господь показывал рай в чувственных образах, чаще всего его созерцали в виде прекрасного сада или храма. Когда я еще жил в миру, Господь дважды утешал меня видениями рая во сне. Вижу я однажды великолепный город, стоящий на верху горы. Все здания города необыкновенно красивы, какой-то особенной архитектуры, какой я никогда не видел. Стою я и люблюсь в восторге. Вдруг вижу, приближается к этому городу юродивый Миша. Одет только в одну рубашку, доходящую до колен, ноги босые. Смотрю на него и вижу, что он не касается земли, а несется по воздуху. Хотел я у него что-то спросить, но не успел: видение кончилось, и я проснулся. Проснулся я с чувством необыкновенной радости в душе. Выйдя на улицу, я вдруг увидел Мишу. Он, как всегда, спешит, торопится. «Миша, – говорю, – я тебя сегодня во сне видел». Он же, взглянув на меня, ответил: *«Не имамы бо zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем»* (Евр. 15, 14). Сказав это, он быстро пошел вперед.

Господи, мы мало задумываемся о Жизни Вечной и не стремимся войти в нее: желание у нас есть, но дела наши говорят об обратном. Прости нас, Господи, что у нас нет чувства, что *«не имамы бо zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем»*.

В другой раз вижу, что стою в великолепном храме. Царские двери открыты, служат Пасхальное богослужение. На амвоне стоит диакон из одной казанской церкви. Говорит он песню Пасхального канона, а хор вторит ему. Особенно запечатлелись в моем уме последние слова: «Совершен речеся». Удивительно пел хор. Я никогда в жизни не слышал такого пения: казалось, что звучал каждый атом воздуха. Пение это умиляло и приводило в неопиcуемый восторг. Теперь уже я, грешный, таких снов не вижу, не дает Господь такого утешения – иди так на жизненном пути, – а хотелось бы еще хоть раз пережить те восторги. Помню, долго я был под впечатлением сна. Старался припомнить каждую его подробность. Думалось мне еще, отчего это в небесном храме я видел нашего диакона. Стал о нем расспрашивать знающих его людей. Сначала получал неудовлетворительные ответы: бас у него, говорят, отличный. Что бас – ради него в рай не угодишь. Потом я узнал, что он тайный подвижник. О, если бы нас всех Господь сподобил улучшить рай небесный! Впрочем, нужно надеяться на это: отчаиваться – смертный грех. Разные есть степени блаженства, смотря по заслугам каждого: иные будут с Херувимами, другие – с Серафимами и так далее, а нам бы только быть в числе спасающихся.

Господи, сподоби и нас улучшить рай небесный! Мы очень надеемся на Твою милость. Спаси нас и сподоби быть в числе спасающихся. Господи, надежда хороша тем, что обязывает нас готовиться к получению тех благ, от которых зависит наше спасение. Господи, прости нас, что надеясь спастись Твоей благодатью, мы не готовимся к достойному восприятию Твоих благ.

Такие великие подвижники, как преподобный Серафим, были Серафимами по духу и теперь унаследовали их славу. Конечно, не все могут достигнуть такой святости. Покойный батюшка отец Макарий говорил: «Такие светила, как преподобные Антоний Великий, Макарий Египетский и прочие, были у Господа генералами, они и заняли генеральские места, мы же солдатики, и благо нам будет, если хоть самое последнее место займем среди спасающихся».

Господи, жизнь по духу и правилам святых готовит нас к унаследованию и славы святых. Конечно, мы не можем достигнуть такой святости, не можем занять генеральские места в славе святых, но нам по силам быть среди спасающихся простыми солдатами и наследовать их славу. Господи, прости нас, мечтающих быть генералами, но не научившихся быть простыми солдатами.

Дух злобы, распаляемый завистью к роду человеческому, стремится всех совратить с пути правого – и ленивых и нерадивых действительно совращает.

Однажды к некоему подвижнику чувственным образом явился диавол. Подвижник спросил его:

– Зачем вы с такой злобой нападаете на род человеческий?

– А зачем вы занимаете наши вакантные места? – ответил злой дух.

За гордость свою лишились духи злобы райского блаженства, и их места занимают теперь люди за смирение! Оно нас ставит выше сетей диавольских.

Господи, прости нас ленивых и нерадивых, ибо за это нерадение враг совращает нас с пути правого. И удостой нас, Господи, смирения, которое может поставить нас выше сетей диавольских.

Однажды преподобному Антонию было видение о том, как враг всюду и всем расставляет сети. Смутился подвижник и, вздохнув, сказал: «Господи, кто же может избежать этих сетей?» И услышал ответ: «Смиранные». Надо стараться стяжать смирение, без него все наши подвиги ничего не значат. Если подумает человек, что он – нечто, то пропал. **Для Господа приятнее грешник смиренный, чем праведник гордый.**

Господи, и для нас ощутимы сети врагии. И нам следует приобретать смирение, без него наши подвиги ничего не значат. Господи, прости нас, что думаем, что мы – нечто, и тем отстраняем от себя смирение.

Преподобный Макарий Египетский отличался особыми духовными дарованиями. Он и называется не просто святым, а Великим. Но вот у него однажды появилась мысль, что он для области, где жил, служит как бы духовным центром, солнцем, к

которому все стремятся. На самом деле это так и было. Но когда преподобный помыслил нечто такое о себе, то был к нему голос, говоривший, что в ближайшем селении живут две женщины, которые угоднее Богу, чем он. Старец взял посох и пошел искать тех женщин. По Промыслу Божию он скоро их нашел и вошел в их жилище.

Женщины, увидев преподобного Макария, упали ему в ноги и не находили слов для выражения своего удивления и благодарности ему. Преподобный поднял их и начал просить открыть ему, как они угождают Богу.

– Святый отче, – сказали женщины, – мы ничего не делаем угодного Богу, помолись за нас, Господа ради.

Но преподобный начал настаивать, чтобы они не скрывали от него своих добродетельных дел. Женщины, боясь послушаться старца, начали говорить ему о своей жизни:

– Мы были чужими друг другу, но выйдя замуж за родных братьев, стали жить вместе и вот уже пятнадцать лет не разлучаемся. За это время мы ни разу не поссорились и не сказали друг другу ни одного обидного слова. Стараемся, по возможности, почаще бывать в храме Божиим, соблюдаем установленные посты. Сколько можем помогаем неимущим... Ну, с мужьями живем, как с братьями, а уж больше решительно ничего нет у нас доброго.

– А что, – спросил старец, – считаете ли вы себя святыми или праведными за добро, которое делаете?

– Святыми? – удивились женщины. – Какие мы святые или праведные?! Мы величайшие грешницы. Помолись о нас, святой отче, да помилует нас Господь.

Преподобный преподал им свое благословение и удалился в пустыню, благодаря Бога за полученное вразумление. Женщинам он не сказал ни слова о своем видении, боясь, как бы не повредить им своей похвалой.

Господи, весьма поучителен для нас рассказ о преподобном Макарии и двух женщинах, к которым преподобный был послан Ангелом. Житие этих жен было показано преподобному, как образец добродетельного жития. Господи, мы благодарны Тебе, что Ты и нам показываешь этот

высокий пример жизни, но и скорбим, что ничего из указанного нам примера мы не пытаемся воплотить в нашей жизни. Прости нас, Господи, что реальных добродетелей нет в нашей жизни, нет благодарности Тебе за открытое нам вразумление.

Подобно Макарию Великому, и святому отшельнику Питириму Ангел возвестил однажды, что, несмотря на его подвиги, он не достиг еще той святости, как одна послушница, живущая в общежитии в монастыре. По внушению Ангела святой Питирим отправился в указанный монастырь. Придя туда, он попросил игуменю показать ему всех сестер обители. Когда все явились и начали подходить под благословение, святой Питирим сказал:

– Нет ли еще сестры?

– Есть, – сказала игуменья, – но ее нельзя привести, она наполовину безумная, и мы ее терпим в монастыре только из сострадания.

Святой все-таки велел ее привести. Пришла она в жалком рубище, со сбитым платком на голове.

– Где ты была, мать? – спросил святой.

– У выгребной ямы лежала.

– Что же ты, мать, лучшего места не нашла?

– Да лучшего места я и не стою.

Святой Питирим позволил ей уйти, а затем, обращаясь к игуменье и сестрам, сказал:

– Ваш монастырь имеет неоценимое сокровище: эта смиренная сестра ваша есть великая угодница Божия.

Услышав это, все сестры взволновались. Одна призналась преподобному, что часто била сестру; другая всячески поносила ее; третья относилась к ней с величайшим презрением, не считая ее даже за человека; четвертая призналась, что часто нарочно выливала на нее помои. Сестры хотели тотчас же просить прощения у обиженной, но та, узнав об их намерении, тайно оставила монастырь, избегая славы, которая погубила бы ее. Господь сказал: *«Всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется»* (Лк. 14, 11).

Господи, и на нашем жизненном пути встречаются люди, которых мы считаем полоумными, а они, вдруг, неожиданно для

нас оказываются перед Богом высокими, людьми, угождающими Богу. И мы с ужасом видим свое недоброжелательство к ним: и бьем, и поносим, и помоями обливаем таких людей, не замечая своего зложелательства к ним, даже думаем, что, тем самым, мы «служим» Твоей, Боже, правде. Господи, прости нас, не выдерживающих Твоего экзамена на наше доброжелательство к людям, своим внешним видом как бы располагающим к осуждению их.

3. Неготовность нашей жизни к Жизни Вечной

В настоящее время не только среди мирян, но и среди молодого духовенства начинает распространяться такое убеждение: будто бы вечные муки несовместимы с беспредельным милосердием Божиим, следовательно, муки не вечны. Такое заблуждение происходит от непонимания дела. Вечные муки и вечное блаженство не есть что-нибудь только извне приходящее. Но все это, прежде всего, **внутри самого человека**. «...Царствие Божие *внутри вас есть*» (Лк. 17, 21). Какие чувства насадит в себе человек при жизни, с тем и пойдет в Жизнь Вечную. Больное тело мучается на земле, и чем сильнее болезнь, тем больше мучения. Так и душа, зараженная различными болезнями, начинает жестоко мучиться при переходе в Вечную Жизнь. Неизлечимая телесная болезнь кончается смертью, но как может закончиться душевная болезнь, **когда для души нет смерти**? Злоба, гнев, раздражительность, блуд и другие душевные недуги – это такие гадины, которые ползут за человеком и в Вечную Жизнь. Отсюда цель жизни и заключается в том, чтобы здесь, на земле, раздавить этих гадов, чтобы очистить вполне свою душу и перед смертью сказать со Спасителем нашим: «Грядет сего мира князь и во мне не имать ничесоже» (Ин. 14, 30). Душа грешная, не очищенная покаянием, не может быть в сообществе святых. Если бы и поместили ее в рай, то ей самой нестерпимо было бы там оставаться и она стремилась бы уйти оттуда.

Господи, через старца Ты открываешь нам, что вечные муки и вечное блаженство не есть что-либо приходящее извне. Начало их открывается **внутри нас** самих. «Царство Божие *внутри вас есть*» (Лк. 17, 21). Господи, прости нас, что наше сердце – настоящий «зверинец» и грозит нам гибелью. Помоги нам, Господи, в связи с этим, получше понять цель своей жизни, которая заключается в том, чтобы здесь, на земле, раздавить этих гадов и вполне очистить свою душу и перед смертью сказать вместе с Тобой, нашим Спасителем: «Грядет сего мира князь и во мне не имать ничесоже» (Ин. 14, 30). Ибо, в

противном случае, наша душа не сможет пребывать в сообществе святых. Господи, утверди нас иметь твердое намерение осуществить цель нашей жизни и раздавить этих гадов: злобу, гнев, раздражительность, блуд и другие душевные недуги. Господи, помоги осознать, что душе нашей немилосердной нелегко будет среди милосердных, блудной среди целомудренных, злобной среди любвеобильных. Помоги, Господи, с добрыми навыками вступить в Жизни Вечную.

Один бедный учитель попал однажды на великосветский обед. Посадили его между генералами. Неловко он себя чувствовал: с ножом и вилкой не так обращался, как его высокие соседи; подвязал салфетку, видит, нехорошо, другие соседи не подвязывают, положил на колени, а она предательски на пол соскользнула, пришлось нагибаться и поднимать с пола. Блюд было много, учитель от некоторых отказывался, так как не знал, как к ним приступить. Весь обед сидел он как на иголках и только мечтал, когда же все кончится. Остальные вели себя как дома, все блюда отведали, весело разговаривали, смеялись. Наконец обед кончается. После десерта несут последнее блюдо: маленькие стаканчики, наполненные какой-то беловатой жидкостью, поставленные в большие стеклянные чашки. Подали сначала генералу, сидевшему рядом с учителем, тот взял и поставил рядом с собой. Учителю очень хотелось пить, взял он стаканчик и выпил залпом. Не особенно вкусным показалось – вода теплая с мятой. Но каково было смущение бедного учителя, когда он увидел, что все стали полоскать рот и никто эту воду не пил. Вконец смущенный, встал он из-за стола и в глубине души дал клятвенное обещание никогда не бывать на великосветских собраниях.

Если уж на земле так неприятно быть не в своем обществе, то тем более на Небе.

Господи, мы не изучаем обычаи святых, не следуем им в своей обычной жизни и потому не готовы сказать, что мы готовы быть знающими участниками на трапезе в Царстве Небесном. Прости нас, Господи, и умудри понять, что значит быть «своими Богу».

Сильно распространен теперь неправильный взгляд на муки вообще. Их понимают как-то слишком духовно и отвлеченно, как угрызения совести. Конечно, угрызения совести будут, но будут мучения и для тела, не для того, в которое мы сейчас облечены, но для нового, в которое мы облечемся после Воскресения. И ад имеет определенное место, а не есть понятие отвлеченное.

Господи, через старца Ты открываешь нам правильный взгляд на муки вообще. Они будут состоять из угрызений совести и из мучений для тела, но тела нового, в которое мы облечемся после Воскресения. И ад есть место определенное, а не отвлеченное понятие. Господи, прости нас, что мы тоже слишком духовно и отвлеченно думаем о муках, которые ожидают грешников в будущем веке.

В одном городе жил один молодой офицер, ведущий пустую, рассеянную жизнь. Он, кажется, никогда не задумывался над религиозными вопросами, во всяком случае, относился к ним скептически. Но вот что однажды произошло. Об этом он сам рассказывал так: «Однажды, придя домой, я почувствовал себя плохо. Лег в постель и, кажется, уснул. Когда пришел в себя, то увидел, что нахожусь в каком-то незнакомом городе. Большие полуразрушенные серые дома уныло вырисовывались на фоне бледного неба. Улицы узкие, кривые, местами нагромождены кучи мусора – и ни души. Хоть бы одно человеческое существо! Точно город был оставлен жителями ввиду неприятеля. Не могу передать это чувство тоски и уныния, какое охватило мою душу. Господи, где же я? Вот, наконец, в подвале одного дома я увидел два живых и даже знакомых мне лица. Слава Тебе, Господи! Но кто же они? Я стал усиленно думать и вспомнил, что это мои товарищи по корпусу, умершие несколько лет тому назад. Они тоже узнали меня и спросили: «Как, и ты тут?» Несмотря на необычность встречи, я все-таки обрадовался и попросил показать, где они живут. Они ввели меня в сырое подземелье, и я вошел в комнату одного из них. «Друг, – сказал я ему, – ты при жизни любил красоту и изящество, у тебя всегда была такая чудная квартира, а теперь?» Он ничего не ответил, только с бесконечной тоской обвел глазами мрачные стены своей

темницы. «А ты где живешь?» – обратился я к другому. Он встал и со стоном вошел вглубь подземелья. Я не решился следовать за ним и начал умолять другого вывести меня на свежий воздух. Он указал мне путь. С большим трудом я выбрался, наконец, на улицу, прошел несколько переулков, но вот перед глазами моими выросла огромная каменная стена, идти было некуда. Я обернулся – позади меня стояли такие же высокие мрачные стены, я находился как бы в каменном мешке. «Господи, спаси меня!» – воскликнул я в отчаянии и проснулся. Когда я открыл глаза, то увидел, что нахожусь на краю страшной бездны, и какие-то чудовища силятся столкнуть меня в эту бездну. Ужас охватил все мое существо. «Господи, помоги мне!» – взываю я от всей души и прихожу в себя. Господи, где же я был, где нахожусь теперь? Унылая однообразная равнина, покрытая снегом. Вдали виднеются какие-то конусообразные горы, Ни души! Я иду. Вот вдали река, покрытая тонким ледком. По ту сторону какие-то люди, они идут вереницей и повторяют: «О горе, о горе!» Я решаюсь переправиться через реку. Лед трещит и ломается, а из реки поднимаются чудовища, старающиеся схватить меня. Наконец я на другой стороне. Дорога идет в гору. Холодно, а на душе бесконечная тоска. Но вот вдали огонек, какая-то палатка разбита, а в ней люди. Слава Богу, я не один! Подхожу к палатке. В сидящих там людях я узнал моих злейших врагов. «А, попался ты нам, наконец, голубчик, и не уйдешь от нас живым», – со злобной радостью воскликнули они и бросились на меня. «Господи, спаси и помилуй!» – воскликнул я. Что же это? Я лежу в гробу, кругом много народа, служат панихиду. Я вижу только старого священника. Он отличался высокой духовной жизнью и обладал даром прозорливости. Он быстро подошел ко мне и сказал: «Знаете ли вы, что душой были в аду? Не рассказывайте сейчас ничего, успокойтесь!»

С тех пор молодой человек резко изменился. Он оставил полк, избрал себе другую деятельность. Каждый день начал посещать храм и часто причащаться Святых Таин. Видение ада оставило в нем неизгладимое впечатление. Воспоминание о смерти и аде очень полезно для души. «...Поминай последняя твоя и во веки не согрешиши» (Сир. 7, 39).

Господи, это описание пребывания души во аде полезно и нам. О нем надлежит вспоминать постоянно. Оно поражает душу тем жутким одиночеством, которое тягостно для души и которое побеждается призыванием имени Твоего, Господи. Боже, прости нас, что мы в своей земной жизни редко вспоминаем о смерти и аде. Мы мало помним «последняя своя» и потому не полагаем преграды своим согрешениям. Прости нас.

Воспоминание райских удовольствий тоже может предохранить человека от падений.

В одном монастыре жил инок по имени Пимен. Был он из малороссов, неграмотный, уже старец лет семидесяти. По послушанию колол дрова, носил воду, разводил очаг. Повар монастырский отличался вспыльчивым характером, часто, рассердившись, бил отца Пимена чем попало: кочергой, ухватом, метлой. Никто никогда не видел, чтобы отец Пимен рассердился на повара или сказал ему обидное слово. Иногда кто-нибудь из братии спросит: «Больно тебе, отец Пимен?» «Ничего, по горбу попало», – ответит он, и его старческое лицо осветится улыбкой.

Однажды один иеромонах этой обители заснул на молитве и увидел сон: оказался он в саду с деревьями необыкновенной красоты, покрытыми плодами, испускающими тонкое благоухание. «Кто хозяин этого чудесного сада?» – подумал иеромонах, и вдруг видит отца Пимена. «Как, ты здесь?» – воскликнул он. – «Господь дал мне сие – это моя дача. Как сделается на душе тяжело, я ухожу сюда и утешаюсь». – «А можешь ты дать мне райских плодов?» – «Отчего же, с удовольствием, протяни мне твою мантию». Иеромонах протянул, и отец Пимен насыпал в нее много чудных плодов. В это время иеромонах увидел своего покойного отца, бывшего священником. «Тятенька, тятенька, и вы тут!» – воскликнул он и протянул к нему свои руки. Конец мантии выпал из рук, а с ним и плоды упали на землю. Иеромонах проснулся. Было утро. Иеромонах подошел к окну своей келлии и услышал крик: «Ах ты, негодяй!» – кричал повар. – Опять мало воды принес, надо, чтобы все ушаты были наполнены, а ты и не заглянул в них

вовсе, скотина!» Ругаясь, повар тузил отца Пимена кочергой сколько у него хватило сил. Иеромонах вышел.

– Оставь его, – обратился он к повару.

– Отец Пимен, где ты сейчас был?

– Да заснул немного в поварне и по старческой памяти забыл воды принести в достаточном количестве, чем и навлек на себя справедливое неудовольствие повара.

– Нет, отец Пимен, не скрывай от меня, где ты сейчас был?

– Где я был? Там же, где и ты. Господь по неизреченной Своей милости уготовил мне сию обитель.

– А что было бы, если бы я не уронил плоды? – спросил иеромонах.

– Тогда они остались бы у тебя, и ты, проснувшись, нашел бы их в мантии, но только я тогда оставил бы монастырь, – отвечал отец Пимен.

Вскоре после этого отец Пимен скончался и навсегда переселился в уготованную ему обитель. Да сподобит и нас Господь вселиться во святые Его дворы со всеми благоугодившими Ему!

Господи, мы с трудом переносим людей со вспыльчивым характером. Мы не терпим от них никаких оскорблений и «наездов», как мы теперь говорим, мы сердимся на таковых, говорим о них обидные слова. Прости нас, Господи, за это нетерпение гнева ближнего и, потому, утерю права иметь, по милости Твоей, «дачку» в Жизни Вечной.

Один афонский монах рассказал оптинскому старцу следующее: «В молодости я был очень богат и вел самый веселый образ жизни. Счастье мне всюду улыбалось. К зрелым годам я сделался очень крупным фабрикантом, доходы свои считал миллионами. Обладая отличным здоровьем, я никогда не задумывался над жизнью, воздаяние за гробом казалось мне басней.

Однажды после обеда я заснул в своем кабинете. Вдруг вижу ясно, как наяву, светлого Ангела, который, взяв меня за руку, сказал: «Пойдем, я покажу тебе место, которое будет твоим вечным жилищем». Я в страхе последовал за Ангелом. Спустились мы в долину. Посреди нее возвышалось

конусообразная гора, из которой вырывались клубы дыма, а из недр той горы слышны были вопли. «Вот, – сказал Ангел, – то место, в которое ты переселишься после смерти, если будешь жить, как теперь живешь. Господь повелел открыть тебе это». Ангел стал невидим, я проснулся. Встав, я воздал благодарение Богу, давшему мне время на покаяние. После этого я поспешил завершить свои дела. Жене оставил больше миллиона денег, столько же детям, а сам удалился на Святую Афонскую Гору.

Игумен сначала не хотел меня брать, видя мои зрелые лета и неспособность к труду, но я пожертвовал на монастырь миллион, и меня взяли. В настоящее время сподобился схимнического чина и с Божией помощью надеюсь избежать того места мучений».

Этот рассказ еще раз говорит нам, сколь полезно знать ожидающие нас мучения и решительно изменять свою жизнь согласно заповедей Божиих. Мы же не прилагаем к этому изменению нашего образа жизни решительных усилий. Прости нас, Господи.

4. Неумение достигать цели при нападении помыслов

В Евангелии мы читаем о пребывании Господа Иисуса Христа в Капернауме. Господь сказал жителям этого города, что придут многие от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом, а сыны царствия изгнаны будут вон. Куда вон? Очевидно, в ад. Разъяренные капернаумцы, как дикие звери, бросились на Спасителя, окружили Его и повлекли к высокой скале, с которой хотели сбросить Его, но *«Он же прошед посреде их, идяше»* (Лк. 4, 30). «Идяше» – без указания начала и конца действия, «идяше» все время.

В Евангелии скрыт глубокий смысл, который постепенно проясняется для человека, внимательно читающего Писание. И по этой неисчерпаемой глубине содержания узнаем мы о Божественном происхождении Книги, потому что всегда можно отличить дело рук человеческих от творения Божия.

Господи, мы не всегда внимательно читаем Евангелие и оттого не проясняется наш ум. Мы не чувствуем неисчерпаемой глубины его содержания, не осмысливаем его как творения Божия. Прости нас, Господи.

Чем больше мы вчитываемся в Евангелие, тем явственнее разница между ним и лучшими произведениями величайших человеческих умов. Как бы ни было прекрасно и глубоко любое знаменитое сочинение – научное или художественное, но всякое из них можно понять до конца. Глубоко-то оно глубоко, но в нем есть дно. В Евангелии дна нет. Чем больше всматриваешься в него, тем шире раскрывается его смысл, неисчерпаемый ни для какого гениального ума.

Господи, мы не вчитываемся в Евангелие и потому не обращаем внимания, что в нем нет дна, как в любом произведении человеческом; ибо, чем больше мы вчитываемся в него, тем шире раскрывается его смысл. Прости нас, Господи, что при чтении Евангелия мы не углубляемся в его смысл.

Но *«Он же прошед посреде их, идяше»*. Кто? По историческому смыслу – Господь. Но кроме исторического

значения евангельская история имеет другое, применительное к каждому из нас звучание. Кто же это он? Это – ум наш, идущий горé. «Горé имеем сердца» – стремится наша душа, ум наш к Господу. Но как дикие звери, окружают его помыслы, искушения, суета, и опускаются крылья, поднимающие дух, и кажется, никогда не устремиться ему горé. «Господи, Господи... жажду общения с Тобой, жизни в Тебе, памятования о Тебе, но постепенно рассеиваюсь, развлекаюсь, ухожу в сторону. Пошла в церковь к обедне. Только началась служба, а у меня появляются мысли: «Ах, дома я то-то и то-то не так оставила. Такой-то ученице надо вот что сказать. Платье-то я выгладить не успела...» И много других мыслей о якобы неотложных делах. Смотришь, уже и «Херувимскую» пропели, уже и обедня к концу. Вдруг опомнишься: молилась ли? Разве я с Господом беседовала? Нет, телом была в храме, а душой – в будничной суете. И уйдет такая душа из храма со смущением, неутешенная.

Господи, и наш дух, хоть и стремится горе, но окружают его помыслы, искушения, суета и опускаются крылья, поднимающие дух наш горé, к Господу. Прости нас, Господи. И за рассеянное пребывание на службе, прости нас. Прости, что телом мы на службе, а душой – в будничной суете.

Что же скажем? Слава Богу, что хоть телом побывала в храме, хотя бы пожелала к Богу обратиться. Вся жизнь проходит в суете. Ум идет посреди суетных мыслей и соблазнов. Но постепенно он навькнет помнить о Боге так, что в суете и хлопотах, не думая, будет думать, не помня, – помнить о Нем. Только бы шел не останавливаясь. Пока есть в тебе это стремление вперед – не бойся, цел твой кораблик и под сенью креста совершает свое плавание по жизненному морю. Цел он – и не надо бояться возможных житейских бурь. Без непогоды не обходится никакое обычное плавание, тем паче жизненный путь. Но не страшны жизненные невзгоды и бури шествующим под прикрытием спасительной молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Не страшны они, только бы не впасть в уныние, ибо уныние порождает отчаяние, а отчаяние уже смертный грех. Если и случится согрешить, верь в

милосердие Божие, приноси покаяние и иди дальше, не смущаясь.

Господи, и наша жизнь вся проходит в суете. Ум идет среди суетных мыслей и соблазнов. И нам хотелось бы навыкнуть помнить о Тебе, Боге нашем, так, чтобы в суете и хлопотах, не думая думать, не помня помнить о Тебе. Только бы ум наш шел не останавливаясь. Пока есть это стремление вперед – нам не следует бояться: цел наш кораблик и под сенью креста совершает свое плавание по житейскому морю. Господи, прости нас, согрешающих остановками в стремлении «вперед». Помоги нам находиться под прикрытием спасительной молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных». Господи, прости, что впадаем в уныние, а иногда доходим и до отчаяния, ибо не верим в эти минуты в милосердие Твое, не приносим покаяние и не идем вперед, желая без смущения приблизиться к Тебе, Боже наш премилостивый.

За одним монахом бес ходил тридцать лет, стараясь соблазнить его, и все не удавалось. Наконец через тридцать лет он соблазнил его блудом и монах пал. Впасть в этот грех монаху – все равно, что уничтожить все свои предшествовавшие труды. Бес пришел к падшему и сказал ему, что он теперь отпал от Бога и стал рабом греха и дьявола.

– Ты теперь мой, – говорил бес.

– Никогда, я – раб Божий.

– Да как же ты можешь быть Божиим, когда впал в мерзейший грех? Ты ужаснейший грешник.

– Ну что ж, что грешник? Я – Божий, а тебя знать не хочу.

– Да ведь ты пал?

– А тебе-то какое до этого дело?

– Куда же ты теперь пойдешь?

– В монастырь.

– Разве место тебе в монастыре после такого ужасного дела? Твое место теперь в миру. Да к кому же ты идешь?

– К духовнику на исповедь.

Бес всячески хулил духовника, останавливал монаха, но тот стоял на своем. Что же сказал духовник? Грех он его отпустил.

– Все свои прежние труды, брат, уничтожил ты своим падением. Встань и начни сначала.

А в ночь игумену того монастыря, мужу высокой жизни, явился Господь Иисус Христос. Он держал за руку монаха.

– Узнаешь ли ты, кто это? – спросил Господь игумена.

– Узнаю, Господи, это монах из моего стада, да еще падший.

– Знай же и то, что этот монах, не поддавшись наветам бесовским, склонявшим его к унынию и отчаянию, в самом своем падении посрамил беса, и Я оправдал его.

Такое значение имеет твердость и мужественная готовность, потерпев поражение в борьбе, начать ее снова, не впадая в уныние и отчаяние.

Господи, когда у нас бывают падения, у нас не хватает твердости и мужественной готовности начать борьбу снова, не впадая в уныние и отчаяние. Прости нас, Господи, за уныние, когда спотыкаемся и падаем.

Но «Он же прошел посреде них, идяше» – приходится нашему уму в своем стремлении «горе» идти между суетными помыслами, между соблазнами. Часто смущают его помыслы хульные. Иной приходит и заявляет, что он погиб, так как у него возникают мысли, хулящие Бога, святых, Таинства, а хула на Духа Святого не простится ни в сем веке, ни в будущем.

Здесь многое понимается превратно. Хулой на Духа Святого, непростительной и ведущей к гибели, считается упорное неверие и отрицание бытия Божия, несмотря на воочию совершающиеся чудеса, несмотря на множество фактов, неопровержимо доказывающих существование Бога. Упорное отрицание и неверие является хулой на Духа Божия, это не прощается ни в сем веке, ни в будущем, и человек, умерший, не покаившись в своем неверии, погиб.

Между тем многие под хулой на Духа Святого разумеют дурные, скверные мысли, которые откуда-то появляются в уме верующего человека, и считают такого человека погибшим. Глубоко ошибаются они. Разве может тот, кто верует в Бога, любит Его, надеется на Него, мыслить хулу? Очевидно, не его это мысли, а нашептываются они врагом нашего спасения,

которому выгоднее всего, чтобы человек впал в отчаяние, счел себя отпавшим от Бога, тогда он весь в руках дьявола.

Господи, прости нас, что мы склоняемся считать под хулой на Духа Святого скверные мысли, которые приходят к нам откуда-то. И вдруг выветривается из нашей памяти, что мы веруем в Бога, любим Его, надеемся на Него. Какая же здесь хула с нашей стороны? Очевидно, что не наши это мысли, а нашептываются они врагом нашего спасения, которому выгоднее всего, чтобы мы впали в отчаяние, сочли себя отпавшими от Бога. Господи, прости нас и не допусти впасть в руки врага нашего спасения.

Еще так скажу. Идете по дороге. Навстречу попадается пьяный, который извергает страшнейшие ругательства. Что вам нужно сделать? Поскорее пробежать мимо, стараясь не слышать того, что он говорит. Если что-нибудь, помимо вашей воли, осталось в вашей памяти, будет ли вас за это судить Бог как за хулу? Нет, не будет.

Иное было бы дело, если бы вы подошли к этому пьяному и стали ему говорить: «Вот хорошо, ну скажи еще что-нибудь, а теперь вот это...», обнялись бы и пошли с ним вместе, наслаждаясь тем, что он говорит. В этом случае вы были бы осуждены вместе с ним.

Так и с помыслами; если вы стараетесь гнать их от себя, то ошибочно приписываете их себе: не ваши они, а внушаются вам врагом. Только когда вы добровольно останавливаетесь на какой-нибудь непотребной мысли, и она вам доставляет удовольствие, тогда вы виноваты и должны каяться в этом грехе.

Господи, мы виноваты, что неверно воспринимаем помыслы, всеваемые нам дьяволом. Мы не всегда стараемся гнать их от себя и ошибочно приписываем их себе и ищем возможности получить от них удовольствие. Господи, мы сознаем свою вину за такое соглашательство с вражескими помыслами. Прости нас, Господи, за отождествление себя с этими непотребными мыслями.

В городе Костроме жил некогда блаженный, который часто спрашивал у одного благочестивого купца: «Ну что, живы ли

еще покойнички?» Некоторые смеялись над его словами, не понимая их значения, но человек духовный понимал, что под покойничками блаженный подразумевал страсти, которые замирают у людей благочестивых, но все еще живы, и надо всегда быть настороже.

Господи, мы не наблюдаем за своими «покойничками» и не держим себя настороже по отношению к ним. Прости нас.

Люди, борющиеся со страстями, как мы все, то одолевают их, то побеждаются ими. Борющиеся будут спасены. Господь не презрит их трудов и усилий и пошлет им христианскую кончину. Люди же плотские, вовсе не думающие о спасении души своей, погибнут, если, конечно, перед смертью не принесут покаяния.

Господи, мы пытаемся бороться со своими страстями, но, то одолеваем их, то побеждаемся ими. Мы, Господи, верим, что Ты пошлешь нам спасение, ибо Ты не презираешь трудов и усилий, направленных на умерщвление страстей, Ты посылаешь христианскую кончину людям борющимся. Но к великому нашему огорчению мы мало боремся, живя жизнью плотской и забывая о необходимости спасения. Господи, прости нас, пошли нам покаяние, и удостой непостыдной христианской кончины.

Различны устроения людей, различную славу наследуют они и в Жизни Будущей. Апостол Павел пишет: *«Ина слава солнцу... ина слава звездам»* (1Кор. 15, 41). Даже Ангелы Божии не в одинаковой славе у Бога. Ближе всех к Престолу Божию пламенные Серафимы, затем Херувимы, потом Престолы, Господствия, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы. Эти девять чинов Ангельских совершенствуются ежесекундно; так и души людей, смотря по тому, насколько они были приготовлены на земле, не остаются в одном состоянии, а переходят из клеточки в клеточку.

Господи, прости нас, что мы не готовимся к Жизни Будущей, что не заинтересованы в получении допуска участвовать в славе Божией и, по примеру чинов Ангельских, ежесекундно совершенствоваться, переходя из клеточки в клеточку. Господи, помоги нам быть в твердой памяти об этой стороне Жизни Будущей.

5. Милосердие Божие к ищущим спасения

Рассматривая внутреннее состояние человеческой души, мы можем разделить людей на три категории сообразно их внутреннему устройству. Первая категория – люди совершенные, победившие все страсти. Вторая – борющиеся, которые то одолевают страсти, то побеждаются ими, и, наконец, третья – плотские, которые всецело предаются страстям.

Действительно, каждый человек различно относится к борьбе со страстями. Впрочем, и совершенные люди имеют страсти, вполне бесстрастных людей нет, бесстрастие существует в полной мере лишь за гробом. Но у совершенных страсти замерли, так как им не дают хода. Каждый человек, какую бы высокую жизнь он ни вел, каких бы благодатных даров ни сподобился, должен помнить и никогда не забывать, что и он человек страстный.

Господи, мы никак не осознаем, что мы – люди страстные и что своим страстям мы не должны давать ходу, заставляя их замереть. Господи, прости нас, ибо усилия для этой борьбы со страстями мы прилагаем минимальные и режим умирания страстей не делаем постоянным. Господи, прости.

Преподобный Иаков Кармильский своей равноангельской жизнью достиг такой святости, что совершал великие чудеса: больных исцелял, прокаженных очищал, бесов изгонял, мертвых воскрешал. Но вот однажды нашло на него искушение. Ночью постучалась в его келлию женщина, прося приюта, так как сбилась с пути. Преподобный сжалился над нею и, боясь, как бы не разорвали ее дикие звери, пустил к себе ночевать. После скудной трапезы святой ушел в свою внутреннюю келлию, но лукавый помысл начал смущать его, он вошел снова и, увидев женщину обнаженной, впал с нею в грех против ее воли. Когда же грех был совершен, диавол начал внушать Иакову убить женщину, чтобы не огласился его грех и не подвергнуть нареканию все монашество. Слушаясь этих злобных внушений, он совершил и другой смертный грех – убийство.

После этого его охватило отчаяние, он бросил свою келлию и пошел в мир. Но Господь не восхотел его гибели. На пути преподобный Иаков встретил какого-то старца-инока, исповедовал ему свои грехи, и тот убедил его поселиться в некоей пещере, обещая приносить туда пищу. «У Господа – море милосердия, неужели для тебя одного не хватит», – говорил старец. Двенадцать лет безвыходно подвизался преподобный в этой пещере, и Господь отпустил его грехи.

Однажды в городе, ближайшем к этой пещере, где подвизался преподобный, разразилась сильная засуха. Епископу этого города, человеку святой жизни, явился во сне Господь и повелел ему и всему народу отправиться к пещере преподобного и просить его святых молитв. Епископ объявил народу о своем видении, и все пошли к святому. Когда начали просить его молитв и говорили о явлении Господа, то преподобный отвечал: «Вы ошиблись, это не ко мне Господь послал, так как я – великий грешник». Епископ же молил его, говоря: «Не противься велению Божию, помолись о нас». Когда святой начал молиться, пошел сильный дождь, и понял преподобный Иаков, что Господь простил его.

Господи, если и нам Тыпустишь впасть в великие грехи, то сохрани нас от отчаяния напоминанием слов, сказанных согрешившему преподобному Иакову: «У Господа – море милосердия, неужели только для меня одного его не хватит». Господи, непусти нам впасть в тяжкие согрешения, а еслипустишь, тооткрой перед нами условия для покаянного подвига и прости нас. И дай, Господи, силы этот покаянный труд совершить до конца.

Много появилось у нас воров. Не тех, которые лезут в карманы или грабят дома, нет, новоявленные воры злее и опаснее. Они прилично одеты, говорят громкие фразы, а в результате крадут самое дорогое – веру. Когда же у человека украли веру, он спрашивает у своих учителей: «А как же теперь жить?» «Живите по своему разуму», – отвечают. Разум же, как известно, без веры не всегда бывает хорошим советником, и человек начинает следовать своей плоти и падает все ниже и ниже.

Деточки, берегите святую веру, это неоценимое сокровище, с ним войдете в Царство. Ведь не для малого мы трудимся, а для завоевания Царства, да еще какого – Небесного! Хотим сделаться его гражданами. Вот и я, грешный игумен, с утра до ночи не знаю покоя. Из-за чего? Очень хочется попасть в Царство, а то вдруг, сохрани Бог, а ад попадешь, вся жизнь пойдет насмарку.

Господи, и нам постоянно приходится сталкиваться со случаями, когда у нас крадут веру, а мы не бережем ее – святую веру. Только через веру мы можем войти в Царство Небесное и сделаться ее гражданами. Господи, прости нас, что не бережем святую веру и не горим желанием попасть в Христово Царство.

Хотел я сегодня после литургии сказать слово, но накануне не попросил благословения отца архимандрита. Он, конечно, охотно бы разрешил, но не благословясь ничего не следует делать. Если мирские люди в делах более или менее важных спрашивают совета у более опытных людей, то тем более инок должен пребывать в послушании.

Господи, мы часто забываем благочестивый обычай – все делать, испросив у священноначалия благословение, а без него ничего не делать. От этой забывчивости у нас очень много неполадок и прискорбных случаев. Прости нас, Господи.

У нас в скиту был такой случай. Один инок зимой собрался идти в монастырскую лавку, и пришла ему в голову мысль: не стоит таким пустяком беспокоить старца и спрашиваться, а сходить-то в лавку займет не более четверти часа. Правда, приходил и другой помысл: лучше благословиться, но первое желание превозмогло, и инок пошел не спрашиваясь.

Смеркалось. Дорога шла лесом. Шел он, шел, но никак не может дойти до места. Вот уже и совсем стемнело. Что же это такое? Деревня какая-то виднеется, оказывается, он уже до Прысков дошел. Вдруг перед ним выступают какие-то чудовища. Вскрикнул Марк (так звали инока) от страха. Подойдя ближе, он увидел, что это стог сена, и стал звать на помощь. Прибежали крестьяне, извлекли его из стога и на телеге привезли в скит. Правая нога Марка совершенно отмерзла, так что доктор предложил ее отнять. Но Марк не согласился на операцию,

говоря: «Пусть моя нога, ходившая по своей воле, мучается теперь до конца».

Действительно, Марк стал терпеть ужасную муку. Двенадцать лет он пролежал в постели. Нога его почернела и стала гнить. В ней завелись черви, смрад от нее шел страшный. Когда кто-нибудь приходил его навестить, он говорил: «Вот и смотрите на самочинника». «Успокойся, брат Марк, – говорили ему, – Господь простил тебя». – «Да, конечно, это свойство Его милости, но сам-то я себя не должен прощать».

Великое смирение стяжал брат Марк. После смерти он явился одному брату и возвестил ему, что Господь его помиловал и теперь он утешается в раю.

Господи, и мы страдаем недугом самочиния, любим себя оправдывать и не берем на себя подвига приносить плоды, достойные покаяния. Господи, прости нас за это.

В скиту бытует обычай принимать у старца благословение на ночь и на день. Утром и вечером весь скит приходит к игумену, и он всех благословляет. Великое значение имеет крестное знамение: никто не знает, что принесет наступающая ночь, потому так важно оградиться силой Честного и Животворящего Креста. Иногда у нас в кельях случаются странные вещи.

Не так давно здесь, в скиту, скончался один схимник, отец Панфил. Был он раньше на военной службе, участвовал в Венгерской войне и Крымской компании, а затем все оставил и ушел в монастырь.

Однажды он пришел к утрени очень расстроенный. Охает и большой палец у него перевязан.

– Что случилось? – спрашиваем.

– Да вот, братцы, ночью бесы одолели. Только что я лег в постель, и заснуть еще не успел, как вижу: вереницей идут ко мне люди в пиджаках, точь-в-точь как слуги в трактирах. Думаю, откуда бы прийти этим людям, обе двери закрыты на ночь. Тогда я понял, кто это.

– Зачем вы идете сюда окаянные? Кто вас звал?

– А вот мы тебе покажем, – отвечают, – распните его!

– Схватили меня. А я-то растерялся и перекреститься не успел. Начали меня распинать. Растянули руки и ноги, и один из бесов ударил меня молотком, хотел, по-видимому, в ладонь, но промахнулся, попал в палец, весь его раздробил. Сильную я ощутил боль и воскликнул: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Бесы тотчас исчезли. Смотрю я, вся рубашка у меня в крови, палец болит нестерпимо. Перевязал я его. Вижу – пора идти к утрени. Верьте мне, братие, не лгу я.

Господи, мы не придаем благословию священника такого же значения, как это делали братия скита. Прости нас, что не ограждаем себя силой Честного и Животворящего Креста Твоего, и при находящих на нас искушениях забываем призывать святое имя Твое.

Действительно, из Житий святых известно, что бесы могут наносить человеку и телесный вред. На преподобного Антония бесы часто нападали чувственным образом и били его. Однажды, явившись во множестве, они начали бить преподобного скорпионами, то есть ремнями, оканчивающимися острыми зубцами, которыми вырываются у человека куски мяса. Это была страшнейшая из пыток у римлян. Святой Антоний ощутил нестерпимую боль и воззвал: «Господи, Господи!» Бесы исчезли. Весь окровавленный лежал святой без движения, и вдруг явился Спаситель. Одним прикосновением Он исцелил его.

– Господи, где же Ты был? – воззвал преподобный Антоний.
– Отчего попустил надругаться над рабом Своим?

– Здесь был, ответил Спаситель, – но не являлся тебе раньше, чтобы ты сам посрамил бесов.

Господи, пример преподобного Антония показывает нам, что терпением и призыванием имени Иисуса Христа посрамляются бесы. Прости нас, Боже, Спасителю наш, что мы недостаточно внимательны во время испытаний и не преодолеваем их терпением и призыванием святого Твоего имени.

В Оптиной был другой случай. Поступил к нам в скит послушником фельдшер Иван. Батюшка отец Амвросий взял его

под свое руководство. Этот Иван рассказывал про себя следующее.

Жил он в Тульской губернии и познакомился однажды с одним чародеем. Тот был по происхождению еврей, неизвестно только крещеный или некрещеный. Захотелось фельдшеру поучиться искусству волхования. Тот согласился принять его своим учеником. На первый раз принес скамейку и велел Ивану положить на нее руки. Тот положил – и скамейка поднялась до потолка. Испугался ученик и бросился бежать, а учитель останавливает, говоря: «Куда ты, трус? Хочешь постичь всю премудрость, а сам от ничтожной вещи пугаешься». Успокоился Иван, вернулся. С тех пор учение пошло успешно. Скоро он начал видеть самих духов. С одной стороны кажется странным, что бестелесные духи являются чувственным образом и притом многообразно: то в виде человека, то – кошки, то в виде лунного луча, как он однажды явился чародею с учеником. Надо думать, что духи избирают себе тело из материи, находящейся в пространстве, которой и сообщают ту или иную форму.

Господи, в настоящей нашей жизни нам навязывают искусство волхования и в книгах, и по телевизору, и в кино. И есть люди, которые увлекаются этим и соизволяют этому искусству учиться. Господи, прости нас, что благосклонно взираем на предложения научиться искусству волхования. Господи, огради нас от подобных увлечений и спаси нас.

Погибал фельдшер, но Господь, не хотящий гибели человеческой, неисповедимыми путями привел его в нашу святую обитель. Жил он у нас некоторое время. Раз ночью приходит к отцу Амвросию и просит келейника разбудить батюшку. «Ну куда ты пришел ночью, – говорит келейник, – батюшка спит, он устал, приди завтра». «Нет, – отвечает Иван, – батюшка велел мне приходить во всякое время дня и ночи». Разбудили отца Амвросия. Тот внимательно выслушал пришедшего, который рассказал ему следующее: «После вечернего правила я хотел лечь, как вдруг вижу, сидит у меня какой-то человек уже преклонных лет. Двери у меня крепко заперты, следовательно, войти он не мог. Я догадался, что это бес. А он говорит мне:

– А ведь ты негодно поступил. Был нашим другом, мы сообщили тебе уже некоторые тайны, и вдруг ты все бросил и привязался к этому старикашке.

– Что же мне делать? – спрашиваю.

– А вот что: как ты бросил нас, так брось и его. Только пожелай, и я тебя в одно мгновение перенесу отсюда к твоему бывшему наставнику.

– Да у меня и шубы нет, а на дворе мороз.

– Не беспокойся и лошади, и шуба – все есть.

– Скит заперт.

– Перелезем через ограду, а там уже тройка ждет.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, – воскликнул я, и бес моментально исчез.

Но на меня напал неизъяснимый страх, думаю: «вдруг он опять вернется и задушит меня? Вот я и прибежал к вам, отче».

Среди духов не все равны. Как в войске есть солдаты, офицеры, генералы и генералы над генералами, так и в бесовском войске. Взять евангельский рассказ об исцелении гадаринского бесноватого. Когда Господь спросил обитавшего в человеке беса, как имя его, тот ответил: «Легион». В римском войске легион состоял из шести тысяч четырехсот человек, следовательно, в бесноватом был начальник бесов. Когда отец Амвросий выслушал монаха, то сказал:

– Хорошо, что ты пришел; у тебя был бес восьмилегионный, силы страшной, и почти никто не избавляется от него.

– Господь возвестил мне, что ты в опасности, и я вставал на молитву. Слава Богу, что ты вспомнил Его страшное и святое имя и изгнал им беса.

Что стало потом с этим монахом – неизвестно. Ушел он на военную службу и больше в обитель не вернулся.

Господи, мы не имеем правила обо всем случающемся говорить своему духовнику и попадаем в непоправимые обстоятельства и можем даже погибнуть. Господи, прости нас, что не считаем себя защищенными молитвой своего духовника.

Великое имеем мы, верующие, оружие! Это сила Животворящего Креста. Как подумаешь, страшно становится за неверующих, они совершенно беззащитны. Это то же самое, как

если бы человек, совершенно безоружный, ночью отправился в дремучий лес; да его там растерзает первый попавшийся зверь, а защищаться ему нечем. Мы же не будем страшиться бесов. Сила крестного знамения и имя Иисусово, страшное для врагов Христовых, спасет нас от лукавых диавольских сетей.

Господи, мы мало пользуемся оружием Твоего Животворящего Креста и призыванием Твоего святого имени. Прости нас и спаси от лукавых диавольских сетей и враждебных против нас действий.

6. Умение видеть заботу Божию о нас

Торговать трудно, и мы сейчас ведем торговлю, только другую. Мы спасаем души, духовно питаем их и за их святые молитвы цепляемся сами и спасаемся. Так и идет все вкруговую.

Я вот свою эту молельню, свой уголок, не променял бы ни на какой дворец, как, например, в Москве Кремлевский. Залы там такие, малахитовые колонны, мрамор и так далее. А у меня все же лучше, да и тут, и в подземельях люди жили – везде хорошо со Христом. А слышали вы историю Меншикова? Идет раз Петр I, а ему навстречу мальчик с лотком.

- Что у тебя на лотке?
- Олады.
- Олады? Дай-ка мне попробовать.
- Ничего оладышки, хорошие. А ты сам откуда?
- Из крестьян Орловской губернии.
- Приходи ко мне, ты меня знаешь?
- Нет, – сказал мальчик, – а оладышков приносить?
- И оладышки приноси.

Царь Петр I имел проницательный ум и умел выбирать людей. И вот Александр Данилович Меншиков сделался генералиссимусом. Одна из его дочерей была царской невестой. При Екатерине I Меншиков достиг полного расцвета, но при Петре II нашлись клеветники, да и сам Меншиков нагрел руки – им овладел дух сребролюбия. Однажды ждали царя Петра II в церковь, приготовили трон, а он не приехал. Тогда Меншиков сам встал на его место. В то время как Александр Данилович стоял на царском месте, около него все скакал на одной ножке блаженный и кричал: «Данилыч – царь, Данилыч – царь». Хотя в то время не было телефонов, но это быстро дошло до царя. Тот сильно разгневался и приказал описать все имение Меншикова в казну (одного золота в вещах было сто двадцать пять пудов), а самого с семьей отправить в ссылку.

Жена Меньшикова умерла, не доехав до Березова, а дочери жили с ним. В ссылке Меньшиков совсем переменялся; зажжет, бывало, лампаду или свечечку и начнет читать Псалтирь (которую у нас теперь не принято читать, ее, мол, старухам хорошо читать по покойникам). При Петре III Меньшиков был прощен, но не дождался известия, умер в Березове, а дочери вернулись в Петербург и были выданы замуж. Веруем, что Меньшиков удостоился царского венца в селении Божием, как сказано в Откровении Иоанна Богослова.

Видимо, это и предсказывал ему блаженный словами: «Данилыч – царь».

Господи, и мы имеем возможность перемениться, если будем, зажегши свечу, любить молчание и читать Псалтирь. Господи, прости нас, что не вверяем себя благодатному чтению Псалтири и не готовим себя к восприятию венца царского в селении Божием.

И вам приготовлены эти царские венцы, если вы сумеете воспользоваться ими. А как воспользоваться? Это длинная история. Вкратце – исполнение заповедей Евангельских, а главное – заповеди о любви. На этом – весь закон и пророки: никого не осуждать, никого не обижать, молиться по силе нашей и умению. Когда вы достигнете конца жизни, который рано или поздно будет, вы можете получить царские венцы и стать «царями и священниками Бога Вышнего во веки веков». Сейчас я пока этих венцов не вижу, но получить их вы можете.

Господи, нам очень хочется получить царские венцы, но мы еще не научились исполнять Евангельские заповеди, и особенно заповеди о любви. У нас никак не получается никого не осуждать, никого не обижать и добросовестно молиться по нашей силе и умению. Господи, прости нас за эти неполадки в нашей жизни, помоги их исправить, сподоби нас получить царские венцы и удостой нас стать «царями и священниками» Твоими, Боже Вышний.

Известен следующий рассказ. Однажды царь Иоанн Грозный ехал к обедне. Народ, снимая шапки, низко кланялся ему, только Василий Блаженный прыгал на одной ножке, не обращая внимания на царя. «Васенька, сними шапку, вон царь

идет», – говорили ему. «Вон царь, вон царь», – указывая на какого-то простолюдина, говорил блаженный. Так и не убедили его поклониться царю. А это оттого, что он своими духовными очами видел венец не над Иоанном Грозным, а над простолудином. Дивен Промысл Божий, приводящий человека на истинный путь!

Господи, прости нас, что мы не умеем замечать Твой дивный Промысл, приводящий нас на истинный путь.

В Курске жили известные богачи, купцы Антимоновы, имеющие миллионные обороты. Был у них единственный сын Иван, постоянно стремившийся в монастырь; родители же хотели непременно женить его. Наконец умирает мать и перед смертью говорит сыну: «Иди, Ваня, в монастырь». Проходит год, и отец, найдя богатую, молодую, красивую невесту, идет смотреть ее для сына. В прежнее время ведь и в этом деле не рассуждали, а как скажут родители, так и поступали. Вот вернулся отец, а сын и спрашивает:

– Ну что ж, тятенька, хороша невеста?

– Очень хороша.

– Когда же благословите меня ехать посмотреть ее?

– Да спешить нечего.

– Как же, тятенька, мне ведь жениться, все же надо посмотреть невесту.

– Незачем ее смотреть, так как хотя невеста и есть, да не про твою честь.

– Как же так?

– Да так – сам женюсь на ней.

– Женитесь, тятенька, а меня на рыбные промыслы отпустите.

– Поезжай с Богом.

Господи, дивно Ты устраиваешь судьбы человеческие и избранным Своим строишь пути в святые обители! Господи, прости нас, что не вглядываемся в пути Промысла Твоего и не видим Твоего благорасположения к нам.

Он сел и поехал, да вместо рыбных промыслов – прямо в Оптину. Едет на тройке, а кучер нечаянно и проехал мимо гостиницы. Отец гостинник вышел на звук колокольчика и видит:

катит тройка и везет мирского человека, а на голове у него митра. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Что же это такое, ведь в полном разуме и не сплю». Побежал в гостиницу: так и так, говорит, вот что я видел.

– Да что ты, отец, в уме ли?

– Пойдем на крылечко, посмотрим.

Вышли. Кучер в это время лошадей повернул и подъезжает. Выходит Антимонов, кланяется.

– Вы проезжали сейчас?

– Да, кучер нечаянно вперед проехал. Да что вы, отец, так на меня смотрите?

– Да на голове-то что у вас было?

– Картуз.

– Картуз?

Отправился гостинник к архимандриту отцу Моисею и рассказал ему обо всем. Но отцу Моисею не было возвещено об этом.

– Не знаю, что тебе сказать, ступай к батюшке отцу Макарию.

А батюшка сам встретил:

– Ну что? Видел архимандрита? Какова митра-то на нем! Великим будет архимандрит Исаакий.

Так впоследствии и случилось. Но Антимонову об этом не сказали. Отец так рассердился на сына, что три года не видел его. Потом приехал и сказал: «А ну-ка, покажите мне ослушника. И так понравилось ему в Оптиной, что чуть сам не остался. Но батюшка отец Макарий сказал ему: «Нет, вы уж живите как живете, жизни вашей уж немного осталось»».

Отец Исаакий управлял обителью тридцать восемь лет. Разными путями приводит Господь людей ко спасению.

Господи, вот и еще пример как Твой дивный Промысл ведет нас по пути спасения. Есть он и в нашей жизни. Нам очень важно замечать заботу Божию о себе, и благодарить Его за это. Мы же не благодарны Тебе за те жизненные обстоятельства, которые крепкою рукою Твоего провидения направляют нас к Небесному Отечеству. Прости нас, Господи.

7. Умение во всем полагаться на волю Божию

Слава Тебе, Господи! Опять мы собрались все вместе. Люблю я эти вечера, на них я отдыхаю душой. Люблю я и один сидеть в келлии. Многие нашли здесь душевное успокоение. Наш великий писатель Н.В. Гоголь переродился духовно под влиянием бесед со старцем Макарием, которые происходили в этой самой келлии: великий произошел в нем перелом. Какая цельная натура! Он не был способен на компромисс. Поняв, что нельзя жить так, как он жил раньше, он без оглядки повернул ко Христу и устремился к Горнему Иерусалиму. Из Рима и святых мест, которые он посетил, он писал друзьям своим письма, и письма эти составили целую книгу, за которую современники осудили его. Гоголь еще не начал жить во Христе, он только пожелал этой жизни, и мир, враждебный Христу, воздвиг гонение на него и вынес ему жестокий приговор, признав его полусумасшедшим.

Всякая душа, стремящаяся к новой жизни, жизни во Христе, испытывает гонение извне от мира и переживает великую борьбу с внутренними врагами. Эти искушения неизбежны, по слову Спасителя: *«Меня гнали, и вас будут гнать»*. Но тут же утешает Господь: *«Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше»* (Ин. 15, 26).

Господи, наши души, стремясь к новой жизни во Христе, не готовы еще испытывать гонение извне от мира и переживать борьбу с внутренними врагами. Прости нас. Но вести её все равно придется. Господи, помоги нам и научи нас законам этой брани.

Относиться же к этим искушениям нужно различно: с внутренним врагом упорно бороться, побеждая его с помощью благодати Божией; внешним же врагам – прощать. Бояться этой борьбы не надо. Господь укрепляет нас в ней и дает нам такую неизглаголанную радость, что по сравнению с одной минутой этой радости ничто всякая мирская радость. По собственному опыту говорю я это. Было время, когда я жил не скажу в отчуждении от Бога, но как все живут. Целым рядом

совпадений, казавшихся мне тогда случайностями и понятых мною только впоследствии, вел меня Господь к духовному перерождению. Это водительство Божие началось следующим образом.

Господи, мы не относимся к искушениям дифференцированно: с внутренним врагом упорно не боремся, не побеждаем его с помощью благодати Божией, а внешним врагам не умеем прощать. Господи, прости, что мы этой борьбы боимся, выражаем слишком малую надежду, что Ты укрепишь нас в ней и дашь нам неизглаголанную радость. Господи, помоги и нам понять случающееся с нами, как Твое водительство к духовному перерождению.

Однажды в Казани Великим постом оттянул я говение до последней недели. В Четверг на Страстной неделе собрался я в военную церковь исповедаться. По дороге обратил внимание на неизвестный мне маленький храм старинной архитектуры. На мой вопрос, как называется эта церковь, мне ответили, что Ивановский монастырь во имя Иоанна Предтечи, основанный Иоанном Грозным. Вошел я туда и стал осведомляться, где здесь живут священники (не зная тогда, что они называются иеромонахами).

– Да кого вам именно надо? – спрашивают.

– Священника, чтобы исповедаться.

Указали мне на иерея преклонных лет отца Сергия. Подошел я к нему, объяснил ему свое желание и исповедался. После спрашиваю:

– Куда ведет эта дверь?

– К игумену нашего монастыря отцу Варсонофию.

– Какое трудное имя!

– Чем же трудное? Ведь в нашем монастыре почивают мощи святителя Варсонофия, вы бы сходили туда помолиться.

С тех пор я частенько стал бывать в этом монастыре, к великому смущению своих сослуживцев. И с этого времени мир восстал на меня, начались бесчисленные толки о моем странном образе жизни. «Что с ним случилось? Принятый во многих аристократических семействах, у Обуховых, у Молоствовых, он находит теперь удовольствие в беседе и

чаепитии с монахами. Да он просто с ума сошел!» – «Однако начальство им довольно, служба у него идет прекрасно, он получает чин за чином, отличие за отличием, – поднимался робкий голос в мою защиту, – и пост занимает ответственный – мобилизация всей армии восточной России. Дело, требующее неустанной бдительности, находится у него в руках, и он вполне с ним справляется», – «Ну уж не знаю, как это происходит, а только он с монахами познакомился».

Последний довод казался таким убедительным, что умолкали голоса, пробовавшие защищать меня, и все успокаивались на одном: сердечно его жаль, а умный был человек.

Эти и подобные толки еще более способствовали моему отдалению от мира. Но целых десять лет прошло среди искушений и исканий, прежде чем я нашел истинный путь.

Господи, мы не приводим себе на память водительство Божие к нашему духовному перерождению, как это делал старец Варсонофий. Прости нас, Господи, и помоги ради этого перерождения духовного удаляться от мира.

Господь в это тяжелое время не оставлял меня без утешения: я переживал минуты такого духовного восторга, что с радостью согласился бы, чтобы резали и жгли мое тело, делали с ним что угодно, лишь бы сохранить мне эти восторги. Так жить было больше нельзя. Но как же? Посоветоваться было не с кем. В таких томлениях и исканиях прошло три года. В это время я ездил по Волге, был в нескольких монастырях, но ни один из них мне не приглянулся. Куда поступить? В Казани меня все знают, а хотелось бы уйти подальше от родных, хоть в Верхний Египет, где бы меня никто не знал.

Один из моих знакомых, очень доброй души человек, зная о моих устремлениях, сказал мне: «Положитесь во всем на волю Божию, не предпринимайте сами ничего. *«Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду»* (Пс. 142, 8), и увидите, что все устроится». И действительно, после его слов я совершенно успокоился. По силе своей молился, прочитывал утренние и вечерние молитвы, иногда прибавляя канончик. Много молиться мне было некогда по обязанностям службы.

Господи, иногда и нас посещают томления и искания из-за необходимости переменить направление жизни, или найти другую работу, или поменять место жительства. Мы бываем в это время виноваты в том, что забываем совет: «Положитесь на волю Божию, не предпринимайте сами ничего. Молитесь словами: «Скажи мне, Господи, путь воньже пойду и увидите, что всё устроится». Господи, прости нас, что выбор решения мы не предоставляем Тебе.

Однажды я пришел в штаб с докладом к начальнику. Но прошел час, а он все не появлялся. Я решил подождать, а в это время явился ординарец и сообщил, что начальника сегодня не будет, ему нездоровится. Делать мне было нечего, я начал прохаживаться по штабу. Идя по коридору, заметил в одном из отделений книжечку в коричневой обложке – журнал «Вера и разум», издававшийся в Харькове архиепископом Амвросием. Стал перелистывать: богословский отдел, миссионерский, известия и заметки. Читаю: «В Калужской губернии недалеко от города Козельска находится Оптиная пустынь, и в ней есть великий старец Амвросий, к которому ежегодно со всех концов России стекаются тысячи богомольцев за разрешением своих недоумений».

– Так вот кто укажет мне, в какой монастырь поступить, – подумал я и решил взять отпуск.

– Давно пора проветриться, десять лет сиднем сидите, и здоровье ваше, кажется, неважноецкое, – сказал мне мой начальник, – товарищи ваши успели уже по два, даже по три раза прокатиться. Я доложу наверх, и вам выдадут из экономического отдела приличное пособие. Сколько времени вы хотите быть в отпуске, двадцать шесть дней или два месяца?

– Довольно и двадцати шести дней.

– Поезжайте по Волге.

– Да я уже по ней ездил, – отвечаю, а в душе думаю: махну прямо в Оптину, к батюшке Амвросию.

Приезжаю, иду в скит, из монахов никого нет.

– Что же, – думаю, – перемерли все, что ли?

Идет навстречу мне мирянин, обращаюсь к нему:

– Скажите, пожалуйста, где же монахи?

– Они по келлиям у себя, а вы, верно, к батюшке Амвросию?

– Да, мне он нужен.

Прихожу, народу было много, пришлось подождать. Наконец батюшка принял меня. Я выразил ему свое желание поступить в монастырь, и просил указать в какой именно.

– Искус должен продолжаться еще два года, – сказал старец, а после приезжайте ко мне, я вас приму. Сколько вы получаете жалованья?

– Столько-то.

– Ого! Ну, вот вам послушание: пожертвуйте на такие-то церкви.

Между прочим, батюшка назвал церковь Спаса за Верхом, куда велел послать двести рублей. До сих пор я не понял, отчего именно в эту церковь, но, конечно, и это имело свое глубокое значение.

– А в отставку теперь подавать? – спрашиваю.

– Нет, подождать два года.

Господи, видим, что серьезное решение переменить жизнь требует длительного терпения и неослабного послушания. Господи, прости нас, что не запаслись терпением и желаем побыстрее придти к ожидаемому решению.

Приехав в Казань, я распродал свою обстановку, зеркала, картины и поселился в меблированных комнатах. Снял небольшой номерок, в котором было довольно уютно. Чтобы не жить одному, взял к себе сына коридорного, очень хорошего мальчика, лет двенадцати.

Через два года снова отправился к батюшке Амвросию, который в это время находился в Шамордине.

Встретив меня, батюшка сказал:

– Теперь подавай в отставку и к празднику Рождества Христова приезжай к нам, я укажу тебе, что делать.

Когда я вернулся в Казань, мальчик мой очень обрадовался, не знал он, что скоро расстанется со мной навсегда.

Сидим мы раз с ним за чаем.

– А я вас, Павел Иванович, во сне видел, – сказал он.

– Как же ты меня видел?

– Да очень странно. Вижу, будто вы идете из города по направлению к кладбищу во всем белом и поете ирмос: «Воду прошед яко сушу, и египетского зла избежав».

Впоследствии мне истолковали этот сон: город – мир, кладбище, которое в Казани было расположено в восточной стороне, означало Горний Иерусалим; шел я, чтобы умереть для мира; белые одежды – убеление души, так как в это время у меня созрело решение оставить все. Ирмос «Воду прошед, яко сушу» поется при отпевании младенцев и означает отпевание умершего для мира.

Господи, в своих жизненных испытаниях мы не умеем полагаться на Твою, Боже, волю и не вопрошаем Тебя: «Скажи мне, Господи, путь вонже пойду», чтобы все о нас устроилось. Прости нас, Господи, за это неумение полагаться на волю Твою.

Выехал я из Казани в Оптину в день святых отроков Анании, Азарии и Мисаила, спасшихся в вавилонской печи; в этот день я избавился от мира. Приехал в Москву. В моем распоряжении оставалось дня три, а потому я решил остановиться. На день памяти святителя Петра пошел ко всеобщей в храм Христа Спасителя. В церкви царил полумрак, особенно в куполе. Пение мне не понравилось, я начал чувствовать усталость, нетерпение и решил уйти в другую церковь, поискать хороших певчих. Рядом со мной стоял какой-то господин.

– Скажите, пожалуйста, есть ли у вас в Москве храм с хорошими певчими? – спросил я его.

– Да ведь и здесь прекрасный хор.

– Но мне совсем не нравится.

– А это потому, что нет самого регента. Он, вероятно скоро придет. Потерпите.

Я подумал: собираюсь идти в монастырь, надо привыкать к терпению. И остался. В это время запели ирмос «Христос рождается, славите». Я вдруг почувствовал, что это относится ко мне, как и дальнейшие слова: «вознесый род наш». Но что же это такое? Пение совершенно изменилось. Оказалось, что пришел регент. В невыразимом духовном восторге, которого

никогда не испытывал раньше, достоял я всенощную. Насколько первая половина была утомительна, настолько вторая – торжественна и радостна. На другой день отправился к обедне, и когда вошел в храм, священник, держа чашу, возгласил: «Всегда, ныне и присно, и во веки веков». Хор запел: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи!»

Господи, мы не умеем анализировать свою жизнь, согласуя ее с памятью святых, не учимся на службах церковных терпению, посещает нас и чувство усталости. Прости нас. Мы редко замечаем, что слова богослужений относятся к нам; что и наши уста должны исполняться Твоего, Господи, хваления. Прости нас, что такое самопознание редко приходит к нам.

Впоследствии я понял значение того, что раньше мне казалось простой случайностью. Всенощная в Москве была изображением моей жизни, сначала печальной и тяжелой, затем радостной о Христе. «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи!» Всякому, только помыслившему вступить на правый путь, приходится переносить массу всевозможных искушений. Блаженны и преблаженны вступившие на правый путь. Но как удержаться на этом пути, ведь враг нападает со всех сторон? Исполнением заповедей Евангельских и молитвой Иисусовой. Обидел ли кто – потерпи. Враг научает отомстить, а Христос с высоты говорит: «Прости». – «Не хочу Тебя слушать, Господи, мне слишком тяжело», – и наговорит человеку другому того, что после сам ужаснется. Иисусова молитва приучает нас к кротости, незлобию, терпению. Дай, Господи, нам если не любить врагов, то, по крайней мере, прощать им.

Господи, и нам приходится терпеть массу всевозможных искушений, и нам приходится удерживать себя на правом пути исполнением Евангельских заповедей и молитвой Иисусовой. Господи, прости нас, что в минуту трудную испытаний мы не в первую очередь прибегаем к исполнению Твоих Евангельских заповедей и к молитве, именуемой Твоим именем. Господи, через молитву, к Тебе обращенную, приучи нас к кротости, незлобию, терпению. Научи нас, Господи, если не любить врагов наших, то, по крайней мере, прощать их.

8. Приход в наше сердце Господа и открытие там Его Царства

У многих наших великих писателей встречается стремление к иной, лучшей жизни, но ищут эту жизнь не там, где надо. Отсюда неудовлетворенность и тоска, выраженная в их произведениях. Вот, например, М. Ю. Лермонтов. Томится он суетой и бесцельностью жизни и хочет взлететь горé, но не может – нет крыльев. Из его стихотворения «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» видно, что не понимал он настоящей молитвы. Пророк говорит: «Молитва их будет в грех». Действительно, что выражает Лермонтов, о чем молится? «Не о спасении, не с благодарностью иль с покаянием» – какая же это молитва? Человек вовсе не думает ни о своем спасении, не кается, не благодарит Бога. Печальное состояние, если поэт называет свою душу «пустынею»! Вот эта пустынная душа его и дошла, наконец, до такого состояния, что стала воспевать демона. Обособленно стоят два действительно прекрасные по идее стихотворения: «Ангел» и «В минуту жизни трудную». В последнем стихотворении выражается настоящая молитва, при которой «и верится, и плачется, и так легко, легко». Но эти проблески не осветили пустынную душу поэта, и он кончил свою жизнь таким ужасным образом – был убит на дуэли.

Господи, и мы не всегда ищем иной, лучшей жизни там, где надо. Отсюда страдаем и неудовлетворенностью, томимся бесцельностью жизни и хотим взлететь горé, но не можем – нет крыльев. Господи, прости нас, что, по слову пророка, молитва наша бывает во грех, ибо молимся не о спасении, не с благодарностью и покаянием, так что делаем свою душу «пустыней». Господи, прости нас, что не научились молиться настоящей молитвой, при которой «и верится, и плачется, и так легко, легко».

В бытность свою в Мукдене, – говорил старец, – познакомился я с инженером, который проводил туннель в горах. Фамилия его была Разгильдеев, хотя характером он совсем не соответствовал своей фамилии. Предок его был

татарский князь Урус Гильдеев, перешедший затем в подданство к московскому князю. Разгильдеев был человеком всесторонне образованным: окончил университет по двум факультетам – медицинскому и филологическому. Этому ему показалось мало, пошел на факультет путей сообщения; окончил, захотел учиться искусствам. Отец его был богат, сын – единственный, ну и предоставлена ему была полная свобода. Поехал в Италию учиться пению, у него выявился прекрасный голос, и он стал артистом. Занялся музыкой и, вернувшись в Россию, кончил консерваторию. Говорил он на девяти языках. Несмотря на такое обширное образование, Разгильдеев чувствовал некую неудовлетворенность и стремился учиться дальше. Мы с ним часто беседовали. Уйдем, бывало, в горы и говорим, говорим. Один раз он спросил меня:

– Скажите, батюшка, отчего это сквозит такая грусть и неудовлетворенность в произведениях наших писателей? Замечается это и в сочинениях известных композиторов: Бетховена, Мендельсона, Мейербера...

– Оттого, что живут они не той жизнью, которую предписывают Евангельские заповеди.

Господи, случается и мы живем не той жизнью, которую предписывают Евангельские заповеди и потому грусть и неудовлетворенность сквозит в наших делах. Господи, прости нас, что, чувствуя некоторую неудовлетворенность во всем, мы не изменяем свою жизнь в пользу Евангельских заповедей.

– А слышали ли вы известного кантора варшавской еврейской синагоги, который получает пятьдесят тысяч рублей в год?

– Да за что же так много?

– За чудный голос. Да я вам сейчас воспроизведу. И завел граммофон. Боже, что это было за беспредельное отчаяние, мрак и ужас! Ад в душе, состояние, вполне понятное для души отвергнутого Богом народа.

Апостол Павел говорит о евреях, что остаток их спасется, но евреи, не обратившиеся ко Христу, – будущие насельники ада. Может ли быть у них истинная радость, когда они и здесь,

на земле, находятся в мрачном подвале, каковым является их еврейская вера. Пение кантора навело на меня уныние.

Господи, слушая иногда пение современников, мы испытываем беспредельное отчаяние, мрак и ужас, бываем охвачены унынием. Прости нас, Господи.

После этого пришлось услышать наш православный церковный хор. Пел маленький любительский хор, а дирижировал им один почтамтский чиновник, человек глубоко верующий. Была ночь. Ярко светили звезды, в воздухе было тепло и тихо, и только ветерок слегка колебал верхушки деревьев. И в этом затихшем воздухе вдруг разлились спокойные и умирительные звуки церковного пения. Пели канон, не помню, какого гласа, но никогда еще эти напевы не казались мне столь пленительными. Действительно ли хорошо пели или мне только так показалось после полного отчаяния пения варшавского кантора, не знаю, только я долго простоял, внимая пению.

Господи, мы не часто бываем пленяемы спокойными и умирительными звуками церковного пения. Прости нас, что душа наша не открывается навстречу проникновенному пению церковного хора.

Однажды Разгильдеев сказал мне:

– Батюшка, хочу еще научиться, но не вполне решил, чему именно. Что вы мне посоветуете?

– Есть одна великая наука, которую необходимо вам изучить.

– Ах, это вы, наверное, говорите об астрономии, это действительно интересно; я одно время хотел поступить в Пулковскую обсерваторию.

– Нет, я говорю про другое.

– Так вы, может быть, думаете, что мне надо заняться изучением восточных языков? И об этом я думал и хотел поступить в Лазаревский институт.

– Ну зачем же туда, когда и во Владивостоке есть такой институт?

– Да, но в Москве программа шире.

– И это не то.

– Так какая же наука? Не томите, батюшка, скажите.

– Наука эта великая, наука о спасении души и достижении Царства Небесного. Вот за что вам надо взяться.

Господи, мы не горим желанием еще чему-то научиться и тем более науке о спасении души и достижении Царства Небесного. Прости нас, Господи.

– Да, положим, это верно, только как? Постов, например, я соблюдать не могу.

– А вы пробовали?

– Положим, что нет. Вы скажете: ходите в церковь, а откровенно говоря, она меня нисколько не удовлетворяет. Я, правда, люблю вашу службу, вы служите без вычурностей, просто, но впечатления это на меня не производит.

– Но вы верите в Бога?

– Да или хотел бы, по крайней мере, веровать. Догматы Церкви я признаю все целиком, но как обрести действительную веру?

– Такую веру можно обрести, только исполняя все заповеди Христовы. В Евангелии от Иоанна Господь говорит: «Испытайте Мое учение и увидите». Вот что нужно посоветовать каждому неверующему. Испытайте и увидите. Бог ли Христос или великий пророк, философ?

Такие беседы бывали у нас часто. Не знаю, что теперь стало с Разгильдеевым. Года три тому назад я писал ему, но ответа не получил.

Господи, и нам свойственна любознательность, но только к расширению своих знаний светских, в плане расширения своего образования, но мы имеем крайне малое стремление к обретению действительной веры, веры, которая создается исполнением заповедей Христовых. Мы не испытываем учения Христова и потому не видим. Прости нас, Господи, за отсутствие готовности изучать Твое учение и за нерешительность понимать и исполнять его в своей жизни.

Подобные беседы вели мы и с доктором Валяшко. Это тоже был человек ищущий, но таких людей было немного. С иными невозможно было вести духовные разговоры, слишком сильно

прилепились эти люди к земле. «И что вы там говорите? – скажут. – Давайте лучше выпьем да закусим».

В низменных удовольствиях полагали они всю свою жизнь, не допуская даже мысли, что могут существовать иные радости, иные восторги. А происходит это от огрубления души, от полного незнания Евангелия, от равнодушия к Церкви.

Господи, были и у нас дни и недели, когда мы полагали свою жизнь в низменных удовольствиях и не допускали мысли, что могут существовать иные радости, иные восторги. Прости нас, Господи, за эти бесцельно прожитые дни и часы своей жизни. Прости за огрубение нашей души.

Когда я был в гимназии, в моем классе были два товарища, отчаянные шалуны. В общем, они были добрые малые и их шалости никогда не были скверными. Незаметными стали их прежние выходки, когда все свободное от занятий время они посвящали чтению. Спросишь, бывало: «Что ты читаешь?» И получишь ответ: «Пушкина, Никитина и других наших великих писателей. Под влиянием чтения даже лица у них изменились, сделались более серьезными, осмысленными.

Если чтение великих писателей так облагораживает душу, не более ли облагородит и освятит ее чтение Слова Божия и святых отцов? Проникновение в Священное Писание вводит человека в глубину богопознания и дарует ему такое блаженство, с которым не может сравниться никакая земная радость. Внешний мир с его красотами благотворно действует на человека, и душа, способная наслаждаться красотой мира, есть душа возвышенная, но человек, достигший совершенства, созерцает в душе своей такую красоту, перед которой видимый мир ничего не стоит. Господь сказал про душу человека, любящего Бога: «К нему придем и обитель у него сотворим». Непостижимо, как это в маленьком сердце помещается Господь, а где Господь, там и рай, там и Царство Божие. *«Царство Божие внутри вас есть»* (Лк. 17, 21).

Господи, нередко мы замечаем, что слишком сильно прилепились к земле, что удовольствия земные так желательны нам, что мы не допускаем даже мысли, что могут существовать иные радости, или восторги. Господи, прости нас за это

огрубение души, за полное незнание Евангелия и за равнодушие к Церкви, от которых это огрубение и происходит.

И еще, Господи, прости нас, что не читаем Священное Писание и Святых Отцов и поэтому не вводимся ими в глубину богопознания и для нас остаются ничего не значащими реально слова Писания: «Царство Божие внутри вас есть». Господи, помоги понять, как Ты приходишь в наше маленькое сердце и открываешь там Свое Царство, хотя бы отчасти.

На горе Афонской много православных монастырей. Немало там и отшельников, подвижающихся в пещерах и скалах. У одного отшельника была пещера на высокой горе. Из нее открывался чудесный вид на Средиземное море, на покрытые роскошной растительностью берега, отдаленный Родос. Ночью миллионы звезд загорались на небе и луна обливала все своим серебряным светом. А подвижник уходил вглубь пещеры своей и не хотел ни на что смотреть. Красота видимого мира уже не трогала его душу, созерцавшую красоту мира невидимого.

В Киево-Печерской лавре жил один подвижник, который единственное окно своей келлии заставил образом, чтобы видимый свет не мешал ему созерцать невидимый. Я знал одного юношу, который страстно любил музыку. Когда начинался концерт, он садился в отдалении, закрывал лицо руками и весь погружался в слушание любимой музыки, не желал ни видеть, ни слышать ничего постороннего. Но к Священному Писанию и молитве мы привыкаем, и они уже не действуют на нас. Грубеет сердце наше. Великий древнегреческий математик Пифагор был в свое время и известным астрономом. Он является автором долго существовавшей гипотезы о планетной системе. Пифагор предполагал, что земля занимает центральное место в мировом пространстве, а около нее вращается семь планет. Все планеты составляют гамму. При вращении они создают чудесную музыку, но мы ее не слышим, так как привыкли к ней с младенчества.

Но не будем только слушателями Божественных слов нашего Спасителя, будем стараться по силе исполнять Его заветы, и Господь не презрит труды наши, и в наше сердце

придет Царствие Божие, и радости нашей никтоже возмет от нас.

Господи, мы восторженно смотрим на красоту видимого мира и совсем не умеем созерцать красоту мира невидимого, как это делали подвижники, настоящие делатели умной молитвы. Прости нас, Господи, за неспособность созерцать невидимый свет, когда читаем Священное Писание или молимся; прости, что огрубело сердце наше, и мы не слышим чудной музыки, которую при вращении издают планеты.

Господи, мы стараемся слушать слова нашего Спасителя, хотя и плохо, но не стараемся по нашей силе исполнять Его заветы. Господи, прости нас за это упущение. Господи, призри милостивно на наши труды и пусть в наше сердце придет Твое Царство и нашей радости пусть никто не возьмет от нас.

9. Дружба с послушанием

Отец Варсонофий рассказывал о себе. Молодость моя проходила шумно и весело. Денег было много, делай, что хочешь. Но вот однажды вижу я странный сон. Ясно, как наяву, входит ко мне какой-то старец, подходит близко, берет за руку, и, указывая на часы, стоявшие при моей кровати, спрашивает: «Который теперь час?» – «Половина седьмого». – «Через три года ты умрешь». И вторично спрашивает: «Который час?» – «Половина седьмого». – «Через три года ты умрешь». И опять: «Который час?» – «Половина седьмого», – отвечаю я уже с раздражением. – «Через три года ты умрешь».

Я проснулся, зажег свет, посмотрел на часы. Было 35 минут седьмого, следовательно, явление старца было как раз в половине седьмого. Оделся, позвонил, велел подать самовар. «Что это, Павел Иванович, сегодня так рано встать изволили?» – спросил лакей. – «Да так, не хочется спать».

Налил себе чаю – не пьется. Неужели мне жить осталось только три года? А там – смерть. Господи, так тяжело и страшно.

С тех пор мысль о смерти не покидала меня. Я стал уклоняться от всяких развлечений. Впрочем, я не сразу порвал со всем.

Мир – это такое чудовище, что если повернуть круто, разорвет. И вот стал я постепенно освобождаться от мира, становилось все легче и легче, и, наконец, совсем освободился от него. Я перестал бывать у большинства моих прежних знакомых. Оставил два-три благочестивых семейства, где бывал изредка.

Прошло три года, наступило 17 сентября, памятный для меня день, в который я видел старца. С раннего утра, я уехал в один монастырь, исповедался и приобщился Святых Таин. После причастия стою в церкви и думаю: «Вот грохнусь!» Не грохнулся.

Впрочем, слова старца исполнились. Я действительно умер в тот день, но для мира.

Господи, из рассказанного старцем нам видно, что мысль о смерти действительно удаляет нас от мира и побуждает изменять нашу жизнь. Господи, прости нас, что мы, хоть и задумываемся иногда о смерти, но думы наши не серьезны и не становятся побуждением для удаления от мира, а тем более смертью для него.

Вначале Господь сотворил мир невидимый: блаженные духи разделились на девять чинов: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господствия, Власти, Силы, Начала, Архангелы и Ангелы. Но сотворенные духи не все сохранили верность Богу; треть отпала от своего Создателя, и из благих они сделались злыми, из светлых – мрачными. Чтобы возместить потерю, сотворен был человек. Теперь люди, по кончине своей вступают в мир Ангелов и, смотря по заслугам, становятся или просто Ангелами, или Архангелами и так далее. Этот видимый мир будет стоять до тех пор, пока будет пополняться их число, а тогда – конец. Неизвестно только, когда наступит это время: завтра, или через год, или через миллионы веков. Дай, Господи, нам всем войти в это число, чтобы вовеки пребывать со Спасителем нашим. Но чтобы войти в Царство, прежде всего надо быть смиренными. Как же обрести смирение?

Господи, для нас важно знать, что мы созданы Богом, чтобы по кончине своей вступить в лик Ангелов и, смотря по заслугам, станем просто Ангелами, или Архангелами и так далее. Господи, прости нас, что мы не задумываемся об этом и не готовимся к пополнению Ангельского лика. И даруй нам, Господи, благодать Твою, чтобы войти в это число, чтобы вовеки пребывать с Тобой, нашим Спасителем. А для этого научи нас быть смиренными.

Чтобы научиться великому дару смирения, нам надо молить Господа о ниспослании этого дара. В одной из вечерних молитв мы читаем: «Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание». Смирение уподобляет нас Самому Богу, Который *«смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя»* (Флп. 2, 8). Сам Господь является учителем смирения: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем»* (Мф. 11, 29). Смирение можно стяжать посредством

послушания. Человек, подчиняющий свою волю духовному руководителю, побеждает гордость и приобретает смирение. Оттого-то людям, особенно монахам, послушание необходимо.

Господи, мы не усердно умоляем Тебя даровать нам смирение и послушание. Мы не стремимся подчинить свою волю духовному руководителю, не побеждаем гордость и не познаем, что такое смирение. Господи, прости нас за то, что не дружим с послушанием, которое нам крайне необходимо для стяжания смирения.

Известен следующий случай. В одном пустынном месте подвизался старец. Однажды к нему пришел молодой инок, прося взять его на совместное жительство для обучения добродетелям. Старец согласился с условием, что инок будет ему беспрекословно повиноваться. Однажды старец велел своему ученику взять сухую палку, воткнуть ее в землю на расстоянии пяти верст от их келлии и каждый день ходить поливать ее. Инок все исполнял в точности. Каждый день он поливал эту палку, и для этого ему приходилось проходить десять верст по раскаленной солнцем пустыне с тяжелым ведром. Дух зла, не переносящий смирения, стал соблазнять подвижника такими помыслами: «Что ты делаешь? Зачем слушаешь безумного старца? Ты оставил монастырь, чтобы научиться высшим добродетелям, а он заставляет тебя исполнять нелепейшее, никому ненужное дело». Но инок не поддался этим искушениям, прозрев в них козни врага, он продолжал безропотно нести свое послушание.

Раз пришел он поливать свой сук и ужаснулся: на месте его раскинулся великолепный оазис; финиковые пальмы высоко поднялись к небу, более нежные растения росли под ними, защищенные тенью пальм от палящих лучей солнца, а посередине оазиса бил источник чистой, прозрачной воды. Вне себя от радости и удивления, пошел инок к своему старцу и воскликнул: «Отче, ты совершил чудо!» – и рассказал ему все подробно.

Выслушав его, старец заметил: «Чудо, это не я совершил чудо, а ты своим послушанием. Знай, что ничто так не приятно Богу, как полное послушание без рассуждений, так как оно дает

человеку смирение, а это есть верх добродетелей. Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать.

Господи, мы, живя в миру, не умеем связывать смирение с нашим беспрекословным послушанием старцу или духовнику. Во многих помыслах, отвлекающих нас от исполнения послушания, мы не прозреваем козней врага и перестаем слушаться. Прости нас, Господи, и даруй нам через продолжительное и беспрекословное послушание обрести смирение. И как смиряющим себя послушанием пошли Твою благодать.

10. Божественный Промысл, все устрояющий во благо

Поздравляю Вас, детки, со светлым праздником Воскресения Христова. Велик нынешний день: **«Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь»**. Конечно, все были сегодня у обедни, она у нас торжественно совершается. А мне не удалось быть за службой. Утром совершил правило и уже собрался идти, но почувствовал такую слабость, что с трудом поднялся с дивана. Должен был дать знать архимандриту, что у литургии не буду. Впрочем, Господь наказал меня за некоторую самонадеянность. По примеру прошлых лет надо бы утреню совершить келейно, а я понадеялся на свои силы и отправился в храм. Утреню простоял хорошо, а потом и плохо стало. Теперь чувствую себя гораздо лучше и радуюсь, что могу вас принять.

Господи, и у нас бывает самонадеянность даже при посещении храма и богослужений. Понадеемся на себя, а сил вдруг не хватает. Прости нас, Господи.

Как важно полагаться во всем на волю Божию! Крепко нужно верить в Его Божественный Промысл, устрояющий все во благо. Эту Пасху я был утешен приездом двух иноков, которые раньше жили у нас, а потом были переведены в Петроград. Скучают они по Оптиной обители, дорога дорогá, при скудных средствах часто не поедешь. Они сетуют: вот денег нет, а было бы их много – часто навещали бы святую обитель. Я же отвечал им на это: «Было бы у вас много денег, верьте, вовсе не приехали бы к нам». Люди богатые часто забывают *«едино же есть на потребу»* (Лк. 10, 42) и все время проводят лишь в том, как бы удовлетворить свои бесчисленные прихоти.

Господи, мы не умеем во всем полагаться на волю Твою и не умеем верить в Твой Божественный Промысл, устрояющий все во благо. Прости нас, Господи, что мечтая о богатстве и получая его по милости Твоей, совсем забываем, что же является *«единым на потребу»* и стремимся удовлетворять лишь своим бесчисленным прихотям.

Сохранилось одно древнее сказание. В некоем пустынном месте подвизался инок по имени Даниил. Однажды случилось ему зайти к одному рудокопу по имени Евлогий. Человек этот был бедный, но необычайно добрый. Свой дневной заработок он отдавал нуждающимся, дверь его убогой хижины была открыта для всех. Даниила он встретил радушно. «Как ты живешь?» – спросил его инок. – «Да слава Богу! Я о завтрашнем дне не забочусь, по слову Спасителя, и Господь никогда меня не оставляет. Он щедро посылает не только на потребу мне, но и на долю нищей братии». Долго беседовал инок с рудокопом. На другой день при прощании дал он иноку еды на дорогу. Умиленный душой и обрадованный, возвращался Даниил в свою пустынь, рассуждая дорогой про себя: «Вот бы этому человеку богатство, сколько бы добра он сделал!»

Придя в свою келлию, инок стал умолять Спасителя послать рудокопу богатство. Во время этой горячей молитвы Даниилу явился Господь и сказал: «А ты ручаешься Мне за душу этого человека, что она не погибнет, получив богатство?» «Ручаюсь, Господи!» – воскликнул инок. «Хорошо, пусть будет по-твоему», – сказал Спаситель, и видение исчезло.

Вскоре после этого рудокоп Евлогий нашел богатейшие золотые россыпи; золото лежало большими слитками на поверхности. Призадумался Евлогий, как быть. Отправился он в селение, купил лошадку, затем перевез все золото в свою убогую хижину. На другой день он уже не принял тех нищих, которые по старой привычке толкнулись в его дверь. Через некоторое время он бросил свое дело и переехал в Константинополь. Здесь он стал вести роскошную жизнь и сделался известным даже императору. В великолепном дворце прежнего рудокопа часто давались пиры на славу, но нищие и убогие уже ничего не получали от трапезы богача. Напротив, у него на дворе были злые собаки, которые не пускали туда никого постороннего.

Однажды к пустыннику Даниилу во время молитвы опять явился Господь, но лик Его, обращенный на пустынника, был строг. «Твои посты, молитвы и коленопреклонения неприятны

Мне, так как душа Моего раба Евлогия погибает. Ты поручился Мне за него, верни же Мне теперь его душу!»

В страхе и трепете упал Даниил на землю перед Господом, прося Его милости, и Господь повелел ему идти в Константинополь. Инок оставил свою пустыню и после трудного путешествия достиг великого города. Здесь он начал разыскивать Евлогия и узнал, что он теперь важный вельможа. Пришел к пышному дворцу, но его прогнали. Инок все же решил добиться свидания. И вот когда величественная колесница Евлогия остановилась у крыльца, Даниил, пробравшись сквозь толпу, пал на колени перед вельможей, прося его выслушать, тот же приказал слугам поскорее прогнать его. Тогда увидел инок, что ничем не может подействовать на Евлогия, и единственное средство, которое осталось, – это молитва. С горячими слезами и сокрушенной душой взывал Даниил ко Господу и был услышан. Случилось так, что Евлогий чем-то прогневал императора, и тот приговорил его к смертной казни. Бросив все, Евлогий обратился в бегство и после многих скитаний прибыл, наконец, в место прежнего своего жительства. И опять в поте лица своего стал он зарабатывать своей хлеб и вновь сделался сострадательным к бедным и несчастным. Когда Даниил узнал об этом, он возблагодарил Бога и воскликнул: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко! – и вскоре почил о Господе.

Господи, случается и нам когда-то просить у Тебя для детей своих или знакомых богатство, рассчитывая по своему разумению, что они будут сострадательны и милосердны к людям нуждающимся. При этом мы совсем упускаем из вида, что, прося о них, мы ручаемся пред Господом за души этих людей, что, получив богатство, они не погибнут. И вдруг оказывается, что душа человека не справляется с полученным и погибает. Господи, прости нас, что мы просим у Тебя того, с чем человек не справляется и погибает.

Подобный же случай был и у нас в Казани. Жил тут один офицер, необычно набожный. Часто ходил он в монастырь молиться Богу и жертвовал на обитель из своих скудных сбережений, сколько мог. То коврик принесет, то лампадку, то

кулич копеек за сорок в подарок кому-либо из братии. Все любили его, особенно радовался за него один из схимников монастыря. И вот начал этот схимник просить Господа послать офицеру богатство. Молитва была услышана. Понравился этот офицер дочери миллионера, и он на ней женился. А потом произошла в нем резкая перемена. Он вышел в отставку, начал вести роскошную, праздную жизнь и в монастырь уже больше не заглядывал, разве что проездом на своих рысаках вместе с супругой. Но по молитвам схимника Господь не допустил гибели раба Своего. Бывший офицер разорился и вернулся к своему прежнему образу жизни. Отсюда следует, что не должно желать себе богатства, а надо благодарить Господа за то, что Он посылает. Имейте все необходимое и будьте довольны. Господь никогда не оставит вас, детки мои, если вы будете стремиться по силе исполнять Его святыя заповеди. *«Заповеди же Господни тяжки не суть»* (1Ин. 5, 3).

Господи, прости нас, что мы желаем себе богатства и не умеем довольствоваться тем, что ты посылаешь нам и не благодарим Тебя за посылаемое. Прости нас, Господи, и за то, что не стремимся по силе исполнять Твои святыя заповеди.

11. Блаженство жизни

Жизнь есть блаженство. Эти слова могут показаться странными. Как можно жизнь назвать блаженством, если в ней на каждом шагу встречаются неудачи, разочарования, огорчения. Сколько горя терпят люди! Жизнь, говорят некоторые, есть труд, и часто труд неблагодарный, какое уж тут блаженство? Блаженством для нас станет жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нам будет сиять светом Солнце Правды – Господь, к Которому мы устремляемся.

Господи, жизнь и для нас становится блаженством, если мы учимся исполнять заповеди и любить Христа. Господи, прости нас, что не прилагаем труд к труду, чтобы вживаться в то блаженство, о котором говорят заповеди.

Все Евангельские заповеди начинаются словом «блаженны»: блаженны кроткие..., блаженны милостивые, блаженны миротворцы... (Мф. 5, 5, 7, 9). Отсюда вытекает как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье. История христианских мучеников с особенной яркостью подтверждает это. Какие только мучения ни переносили они, каким пыткам ни подвергались, весь ад восставал на них. Резали и жгли тела исповедников Христовых, разрывали их на части, измученных бросали в смрадные темницы, а иногда в склепы, наполненные мертвыми костями и всевозможными гадостями. Иногда для большего устрашения им показывали покойников, восстающих из гробов и устремляющихся на них, а мученики радовались.

Господи, мы без усердия исполняем заповеди Твои и потому нам закрыт доступ к высшему счастью, прости нас. Прости нас и за то, что боимся стать мучениками за Христа.

Из бесчисленного сонма мучеников вспомним хотя бы святую Перепетую. Ее подвергали ужасным пыткам, желая вынудить отречение от Христа, но святая мученица осталась непоколебимой. Вот, наконец, ей выносят смертный приговор.

Услышав о нем, святая Перепетуя исполняется такой неизреченной радости, что лицо ее сияет. Удивленный мучитель спрашивает:

– Какова причина твоей радости? Сейчас ты расстанешься с жизнью – и вдруг ликуешь?

– Умирая за Христа, – отвечала святая, – я получу Вечную жизнь в Царстве Жениха моего.

– Пришли нам из этого Царства плодов, – со смехом сказал мучитель.

Святая обещала. Как только ее голова упала под ударом палача, явился юноша необычайной красоты. Он держал вазу, наполненную плодами, от которых исходило дивное благоухание. Подавая плоды мучителю и окружавшему его синклиту, юноша произнес:

– Это прислала вам святая мученица Перепетуя из рая Жениха своего.

С этими словами он стал невидимым. Все присутствующие исполнились удивления, вкусили от предложенных плодов, и множество людей уверовало во Христа.

Господи, в ежедневных своих трудах и невзгодах мы не умеем умирать за Христа, веруя, что получим за это Жизнь Вечную и Царство Небесное. Господи, прости нас за то, что трудности жизни не связываем с подвигом страдания за Христа и не доводим свои усилия до победного конца.

Без Христа жизнь действительно не имеет никакой цели, она вполне бессмысленна. Недавно в «Братском листке», издаваемом в Саратове, было сообщение о самоубийстве одной девушки. Она жила самостоятельно, обладала колоссальным богатством, капитал ее доходил до девяноста миллионов рублей, что дает в месяц около девяноста с лишним тысяч рублей. Подле нее нашли записку: «Не вижу смысла жизни». И немудрено, что не видела! Смысл жизни – в исполнении заповедей Евангельских, и пойдя она со Христом, сколько добра могла бы сделать, но она не искала Христа и погибла. Конечно, исполнение Евангельского закона вначале может показаться трудным, но не оставляет Господь работающих Ему.

Господи, из прочитанного мы теперь жизнь понимаем по иному. Она и для нас – блаженство, если научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. А исполняя заповеди, мы радостно будем жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нам будет сиять солнце Правды – Господь, к Кому мы и устремляемся. Все Евангельские заповеди начинаются словом «блаженны»: блаженны кроткие, блаженны милостивые, блаженны миротворцы. Отсюда вытекает истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье. Господи, а мы еще не вжились в исполнение заповедей Христовых так, чтобы это исполнение приносило нам высшее счастье. Прости нас, Господи, что исполнение заповедей для нас не стало еще условием блаженной жизни. Прости, Господи, что по этой же причине мы не научены радоваться страданиям, как это умели делать святые мученики.

Однажды я возвращался от батюшки Амвросия и на пути заехал в Васильсурск. Остановился в знакомом монастыре, и мне предложили посетить послушника монастыря брата Василия, жившего отшельником в лесу. Постучался я, сотворил молитву. Старец с любовью меня принял.

– Кто ты такой будешь? – спросил он меня.

– Я – воин Павел, благословите меня, батюшка.

– Какой я батюшка, я – простой послушник.

Разговорились мы с ним. Стал я спрашивать, как он живет, как угождает Господу.

– Жить в лесу – от людей спокойно, – сказал старец, – вот только с бесами воевать приходится. Каких только страхований не нагоняют они! Однажды среди белого дня вдруг вижу, едет к моей келье множество саней, в которых сидят чуваша. Остановились, стучат в дверь. «Отвори скорее, – говорят, – мы иззябли». Отец настоятель запретил мне пускать кого-либо без молитвы. «Сотворите молитву». «Какую там молитву, – отвечают, – отвори». «Скажите: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». За дверью раздался смех. Затем все сели в сани и уехали. Вышел я на улицу посмотреть, вижу – никаких следов на снегу, сугробы вокруг моей келлии огромные,

следовательно, все это было призрачное. А то покойник приходил по ночам, стучит кулаком и ревет, что есть мочи.

Господи, у нас не в чести обычай пускать кого-либо в свой дом с молитвой, которую произносит пришедший или хозяин дома. Господи, прости нас, что нарушаем этот обычай и часто из-за этого терпим скорби.

– Да такие искушения были и у преподобного Серафима, – сказал я.

– То преподобный, а то – я, и молитва у меня слабенькая, а все-таки Господь помогает. Больше всего упражняюсь в Иисусовой молитве.

Я попросил указания, как ее совершать.

– Страшная это молитва, – отвечает пустынник, – очень не любит ее сатана и старается всеми силами отомстить тем, кто ее совершает. Без руководства эту молитву проходить опасно. Если хочешь начать, то начни с небольшого. Возьми четки – у тебя есть? По четкам сто молитв Иисусовых в день с поклонами, хочешь с земными, хочешь с поясными, все равно.

Господи, прости нас, что при творении молитвы Иисусовой не начинаем небольшого и не проходим её по четкам с поклонами.

Такой раз был случай со мной, никому не рассказывал, а тебе расскажу.

– Отчего же мне такое предпочтение?

– Оттого, что ты будешь монахом и больше того... Стал я вечером на молитву, есть у меня не то что рогожа, а так себе ковришко. Ну, стою я на коленях и вдруг чувствую – шевелится ковер. Все больше и больше, и поднимаюсь на воздух. Достигнул потолка, он раздвинулся, я поднялся на страшную высоту. Узенькой ленточкой виднелась Волга и Сура с ней, наш город казался совсем крошечным, подо мной расстилалась бездна. Господи! Если грохнусь, косточек не останется! Прильнул головой к своему коврику и стал молиться: «Господи, спаси меня, Господи, помози мне!» Поднимаю голову и вижу, что я опять в своей келлии.

Господи, при вражиих страхованиях, если Тыпустишь нам их испытать, дай нам разумение молиться Тебе: «Господи,

спаси мя, Господи, помози мне». Господи, прости нас, что испуг застигает нас память о Тебе, и мы боимся случившегося так, что забываем Тебе молиться о спасении. Прости нас.

Много и других искушений пришлось вытерпеть старцу. Иисусова молитва есть необходимейшее оружие в деле нашего спасения. Но кто берется за нее, должен ожидать искушений и приготовиться к борьбе внутренней, к борьбе с помыслами. Бесы не любят Иисусовой молитвы и всячески мстят человеку, бьющему их этим бичом. Они начинают нашептывать ему (конечно, невещественными устами) всевозможные сомнения: как это доказать, какой смысл в этом, это неправда, этому никто не верит, это обман и так далее. Чем же бороться подвижнику с этими помыслами? Непринятием их? Но легко сказать – не принимать помыслы. Выполнить это дело настолько нелегко, что борьбу с помыслами Господь принимает за мученичество.

Господи, мы пытаемся иногда молиться молитвой Иисусовой и бороться с помыслами, направленными против нее. Но особого успеха у нас нет. Прости нас, Господи, и помоги неукоснительно молитвой Иисусовой побеждать вражеские помыслы.

12. Молитвенный труд и его результаты

Молитва Иисусова требует от человека труда, она же несет с собой высокие утешения.

В Оптиной при батюшке отце Макарии был один инок, часто приходивший за советом к старцу, по-видимому, с искренним желанием исправления. Старец сказал ему, что ближайший путь к усовершенствованию есть непрестанная Иисусова молитва.

Господи, мы не навываем молитвенному труду, нет у нас искреннего желания исправиться. Вот и оставляем ближайший путь к усовершенствованию – непрестанную молитву Иисусову. Прости нас, Господи.

– Отчего же именно эта молитва, батюшка, – ведь о ней ничего в Евангелии не сказано.

– А ты читаешь Евангелие?

– Как же, каждый день по главе.

– Ну, если читаешь, то должен помнить слова Спасителя: *«именем Моим бесы ижденут»* (Мк. 16, 17).

– Помню, помню эти слова! Значит они и сказаны о молитве Иисусовой?

– Ну, конечно, в этой молитве и призывается имя Иисусово.

Инок начал говорить молитву Иисусову. Через некоторое время приходит он опять к отцу Макарию с печалью.

– Ну что, брат? – спрашивает старец.

– Прохожу, отче, Иисусову молитву, но какая от нее может быть польза, если я произношу ее только устами, сам не понимая, что говорю, ум все бежит в сторону.

– Ты не понимаешь, – возразил старец, – зато бесы понимают и трепещут. Успокойся, брате, и по силе продолжай молитву.

Господи, и к нам в сознание вползает, как змея, сомнение о том, что мало пользы мы получаем проходя молитву Иисусову, произнося её только устами, не понимая, о чем в ней говорится. Господи, прости нас, что недопонимаем, как бесы трепещут от этой молитвы. Господи, помоги нам по силе продолжать эту молитву.

Прошло немного времени после этой беседы, и инок приходит к батюшке. С радостью он сообщает, что Иисусова молитва открывает ему Тайны Божии. Старец возразил ему: «Не обращай внимания и не придавай этому значения». Вскоре инок опять сообщил отцу Макарию о тех же духовных дарованиях, которые дает молитва Иисусова, и снова старец запретил ему придавать этому значение. Другим же отец Макарий сообщил, какой великой милости Божией сподобился брат в такое короткое время. Ему возразили, что вот такой-то много лет совершает Иисусову молитву, а откровений не имеет. От чего это? От недостатка смирения. Сам Христос кроток и смирен сердцем. С приобретением смирения мы достигаем полного спокойствия душевного.

Господи, мы ощущаем недостаток в нашей жизни смирения и потому не достигаем полного душевного спокойствия. Прости нас, Господи.

Известен исторический пример о светлейшем князе Меншикове. Был он из простых и торговал оладьями. Однажды Петр увидел его и стал покупать у него оладьи. «Ты знаешь, кто я?» – спросил у него Петр. – «Нет, не знаю», – ответил Меншиков. «Я – царь Петр». – «Теперь знаю». Таково было первое знакомство. Петр заметил в Меншикове необыкновенный ум и выдающиеся способности к военной службе, приблизил его к себе, и Меншиков занял первое место при дворе. Но высшей славы достиг Меншиков при императрице Екатерине I, при которой он самодержавно управлял государством, так как сама императрица, не имевшая на то подготовки, не вмешивалась в дела правления. Но вот над Меншиковым разразилась гроза. Он уже думал твердой ногой стать у престола, и дочь его была помолвлена с Петром II, его поминали на ектениях, как вдруг он попал в опалу. Был над ним наряжен суд, по которому, лишенный всего состояния, он был сослан в Березов. Жена его только доехала до Казани и умерла от горя. Ее могила существует и поныне. Меншиков же остался тверд. В Березове сделали для него меховую юрту, и стал он жить в ней с остальными членами семьи. Здесь он познал Промысл Божий, ведущий его ко спасению, и начал он с

увлечением читать Псалтирь. *"Благо мне, яко смирил мя еси... Господи"* (Пс. 118, 71), – часто говорил прежний властелин. В ссылке он прославил Бога и начал ощущать такие духовные радости, о которых прежде не имел понятия.

Господи, мы не готовы бываем подобно Меньшикову в минуту жизненных испытаний с увлечением читать Псалтирь и говорить: *«Благо мне, яко смирил мя еси... Господи»* (Пс. 118, 71). Господи, прости нас, что мы слабо вникаем в Твой Промысл, ведущий нас ко спасению.

Наверное, если бы ему теперь предложили вернуться к прежней жизни, он не согласился бы. Меньшиков умер как праведник, и в Сибири его считают святым. Это по внешнему суждению великое несчастье доставило ему вход в Царство Небесное, которого он, наверное, не достиг бы, находясь в славе. В Евангелии говорится: *«Блаженни есте, егда поносят вам...»* (Мф. 5, 11). На первый взгляд кажется странным: какое тут блаженство? Бранят, возводят клевету – ведь это одна скорбь! Но нет, это – блаженство, если терпеть во имя Христово.

Господи, когда бранят нас, возводят клевету, то – это одна скорбь. Но, одновременно, это и блаженство, если будем терпеть во имя Христово. Господи, прости нас, что не находим мы указанного в Евангелии блаженства, когда необходимо потерпеть во имя Христово.

Одного старца спросили, как он относится к поношениям.

– Со скорбью, – ответил тот.

– Неужели и тебя трогают поношения?

– Нет, – отвечал старец, – за себя я радуюсь, но скорблю за тех, которые слышат эти поношения, потому что они лишаются той пользы, которую могли бы получить от Господа через меня, грешного.

Это враг научает злословить рабов Божиих, чтобы отвлечь от них людей. Действительно, врагу выгоднее всего, когда люди бегут от светильников Божиих и пребывают во тьме. Происки врага бывают и у нас в Оптиной. У отца Макария, несмотря на его святую жизнь, было много недоброжелателей из скитян. Бывали такие случаи: приедут из Москвы богатые купцы на

тройках к батюшке отцу Макарию. Подъезжают к скиту и спрашивают:

– Где живет известный отец Макарий?

– У нас такого нет, – отвечают ему.

– Как же такого нет, а нас именно и послали к отцу Макарию.

– Макариев-то в монастыре много, которого же вам?

– Да это Оптин скит?

– Оптин, Оптин!

– Ну как же, тогда нет сомнения, что здесь живет отец Макарий.

– Ах, вам верно, иеромонаха Макария? Есть, есть, только это зачем вы к нему приехали, никакой пользы вы от него не получите, не советуем к нему идти.

Озадаченные такими словами купцы, выругавшись, поворачивали обратно. Некоторые иноки с негодованием передавали отцу Макарию о подобных случаях и говорили:

– Как вы, батюшка, таких монахов терпите? Да их метлой надо гнать из монастыря. Если уж вам все равно, так обитель лишается помощи. Ведь среди купцов были богатые фабриканты. Мы же живем милостыней.

– Успокойтесь, – отвечал обычно отец Макарий, – иноки тут не причем, значит, не дорога этим людям быть у меня; кого Бог посылает, тот меня найдет.

Господи, старцем нам дается понять, что врагу выгодно злословить рабов Божиих, чтобы люди бежали от них. Прости нас, Господи, что теряем из поля зрения тот факт, что кого Бог посылает, тот находит духовно опытных людей и пользуется их советом и руководством.

Сильно работает диавол, желая отвлечь людей от служения Богу, и в миру он достигает этого легко. В монастыре же ему труднее бороться; оттого дух злобы так ненавидит монастыри и всячески старается очернить их в глазах людей неопытных. А между тем не погрешу, если скажу, что высшего блаженства могут достигнуть только монашествующие. Спасись в миру можно, но вполне убелиться, отмыться от ветхого человека, подняться до равноангельской высоты, до высшего творчества

духовного в миру невозможно, то есть весь уклад мирской жизни, сложившийся по своим законам, разрушает, замедляет рост души. Потому-то до равноангельской высоты вырастают люди только в лабораториях, называемых монастырями.

Господи, для нас ценно высказывание преподобного, что равноангельской чистоты, высшего творчества духовного в миру достичь невозможно, потому что весь уклад мирской жизни, сложившийся по своим законам, разрушает, замедляет рост души. Господи, прости нас, что мы редко посещаем лаборатории равноангельской высоты, именуемых монастырями, и тем замедляем рост своей души.

У батюшки отца Амвросия был в миру друг, очень не сочувствующий монахам. Когда отец Амвросий поступил монастырь, тот написал ему: «Объясни, что такое монашество, только, пожалуйста, попроще, без всяких текстов, я их терпеть не могу». На это отец Амвросий ответил: «Монашество есть блаженство». Действительно, та духовная радость, которую дает монашество еще в этой жизни, так велика, что за одну минуту ее можно забыть все скорби житейские, и мирские, и монашеские.

Господи, и нам Ты даешь знать через старцев, что «монашество есть блаженство», что в нем открывается духовная радость, за одну минуту которой забываются все скорби, и мирские, и монашеские. Прости, Господи, что мы не думаем об этом блаженстве, не стремимся к исполнению заповедей Божиих, препровождающих нас к этому блаженству. Прости нас, Господи, что мало прилагаем усилий, чтобы отмыться от ветхого человека, подняться до равноангельской чистоты, до высшего творчества духовного.

13. Монашество и стремление к высшему идеалу

Лучшие писатели наши сознавали всю суету мирской жизни и стремились душою в монастырь. Например, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тютчев. Главную героиню своего романа «Дворянское гнездо» Тургенев помещает в монастырь. Вспомните Лизу! Шекспир в «Гамлете» высказывает свой взгляд на мир и монастырь. «Мир – это сад, заросший сорными травами, – говорит Гамлет Офелии, – иди в монастырь. Если ты будешь белее снега, что на горных вершинах, и тогда мир забросает тебя грязью». В этом преклонении перед монастырем видно стремление к высшему идеалу, которого желали достигнуть многие поэты и художники и не достигали.

Преклонение перед высшим идеалом – жизнью в монастыре – свойственно и нам, сознающим всю суету мирской жизни. Господи, прости нас: мы сильно привязаны к миру, представляющему сад, заросший сорными травами, и помоги хранить высший идеал через связь с жизнью монастыря.

Огромное большинство наших лучших художников и писателей можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, где служба началась и храм полон народа. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилия, кое-что из богослужения доносится и сюда: «Херувимская песнь», «Тебе поем», «Господи, помилуй». Так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так поэты и художники столпились у врат Царства Небесного, но не вошли в него. А между тем как много было дано им для входа туда! Души их как динамит вспыхивали от малейшей искры, но, к сожалению, они эту искру не раздували, и она погасла. Мысли поэта, выраженные в его произведениях, – это его исповедь, хотя сам писатель и не сознает этого. Для примера возьмем хотя бы стихотворение Лермонтова:

У врат обители святой
стоял просящий подаянья
бедняк иссохший, чуть живой...
Куска лишь хлеба он просил,

и взор являл живую муку,
и кто-то камень положил
в его протянутую руку.

Этот нищий, о котором говорит Лермонтов, есть он сам. А «кто-то» – это сатана, подкладывающий камень вместо хлеба, подменяющий саму веру. Под его влиянием создается новое христианство. Им вдохновлен Толстой, сочиняющий свое евангелие, свое христианство. Далее у Лермонтова говорится: любви просил. У кого? У всех, кроме Бога, Который один может дать любовь, кроме Христа, к Которому он не обращался и Которого не любил. И получил камень вместо хлеба. Не знал он, как и многие не знают, каких неизглаженных радостей сподобляется душа от общения с Господом – Источником любви. Чтобы найти Его, вступить в богообщение, более глубокие натуры стремятся к уединению, бегут от людского шума и суеты. Ведь чтобы хорошо оценить произведение искусства, например какую-нибудь музыкальную вещь, нужно углубиться в нее, сосредоточиться. Известно стихотворение молодого поэта и любителя музыки, обещавшего быть светилом по таланту, но рано умершего. В нем поэт высказывает мысль, что стук, аплодисменты, восклицания и прочее вовсе не есть признак хорошей оценки, а, наоборот, все это показывает недостаточное проникновение в художественную вещь, что человек, испытывающий высокое наслаждение, пребывает в молчании.

Господи, говоря о монастырях, и мы по временам испытываем в себе стремление к высшему идеалу, которого хотели бы достигнуть. И мы, подобно им, толпимся у входа в храм, наполненный народом, но внутрь не входим, довольствуясь тем, что и здесь, в дверях, что-то слышно: чуточку постоим и уходим, не входя в самый храм и не вникая в содержание богослужения. И наши души похожи на динамит, готовы вспыхивать от малейшей искры, но мы, к сожалению, этой искры в себе не раздували, и она погасла. Прости нас, Господи, за это самоустранение от стремления к совершенству, в результате которого мы, «прося куска лишь хлеба», сталкиваемся с кем-то, кто камень кладет в нашу протянутую

руку. Этим кем-то является сатана, подкладывающий камень вместо хлеба, подменяющий саму веру. Господи, прости нас, что любви просим у всех, кроме Тебя, Бога нашего, Господа Иисуса Христа. Ты один только можешь дать любовь. И поскольку просим не у Тебя, то получаем камень вместо хлеба. Прости нас, Господи, что не углубляемся мыслью и сердцем в Источник любви и поэтому не можем порадоваться достаточным проникновением в созерцание этого Источника.

Итак, для полного постижения Бога человеку нужно углубиться в Его учение, исполняя Его заповеди. «Заповеди...» же Господни *«тяжки не суть»* (1Ин. 5, 3). Это сказал Сам Господь, а слово Его не ложно.

Господи, прости нас, что не любим углубляться в Твое учение и исполнять Твои заповеди.

Из наших русских писателей более других искал Бога Пушкин, но нашел ли Его – не знаю. Достоверно известно, что он решил поступить в монастырь, однако исполнить это желание ему не удалось.

Помню, однажды задумался я о нем. В какой славе был Пушкин при жизни, да прославляется и после смерти. Его произведения переведены на все европейские языки, а ему как теперь там? На вечерней молитве я помянул его, сказав: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Александра», и заснул с мыслью о нем. Вижу сон: беспредельная, ровная степь. Никаких селений, стоит только один старый покосившийся дом с мезонином. Много народа идет туда, иду и я, поднимаюсь на расшатанное крыльцо, затем по лестнице вверх. Вхожу в зал. Там стоит множество людей, все их внимание сосредоточено на Пушкине, который декламирует что-то из «Евгения Онегина». Одно место в этой поэме было мне непонятно, и я решил спросить о нем самого Пушкина. Пробираюсь к нему. Он смотрит на меня и произносит знаменательные слова, которые я не нахожу нужным передавать вам. Затем Пушкин оставляет зал. Я следую за ним. Выйдя из дома, поэт вдруг изменился. Он стал старым, лысым, жалким человеком. Обернувшись ко мне, он сказал: «Слава? На что мне она теперь?» Грустно покачал головой и тихо пошел по

степи, делаясь все меньше и меньше, и наконец слился с горизонтом.

Этот сон был ответом на мои мысли о Пушкине. Впрочем, может быть, само желание чистой жизни Господь вменит ему в дело.

Господи, мы видим, что в будущей жизни произойдет переоценка ценностей и встанет вопрос: «слава земная, человеческая, на что она нам теперь?» Господи, прости нас, что мы именно этой земной славы ищем теперь, а к участию в славе Божией не готовимся.

Замечателен один случай из жизни Пушкина. Однажды в обществе он познакомился с известной красавицей – мадам Керн. Повстречался он с ней на одном балу, где она имела такой успех, что сам государь Николай Павлович ни с кем кроме нее не танцевал. Пушкин, как художник, поклонник всего прекрасного, был очарован ею и по возвращении с бала

написал стихотворение, которое посвятил ей:

Я помню чудное мгновенье –

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты...

Прошло с тех пор много времени. Дороги Пушкина и Керн совершенно разошлись. Мадам Керн, овдовев, стала вести такую скромную жизнь, что к старости сделалась истинной христианкой, чуть ли не подвижницей. Известен рассказ о том, что «гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву», чтобы поставить на Тверском бульваре. Так сбылось чудное мгновение, и перед статуей, как бы перед самим Пушкиным, мелькнула эта старица в гробу, но по жизни – истинный ангел чистой духовной красоты. Таким образом, исполнилось желание Пушкина:

Душе настало пробужденье,

И вот опять явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

Господи, и нам дороги чудные мгновенья, когда нашему взору открывается чистая красота истинно христианской жизни,

дающая душе истинное пробуждение. Господи, прости нас, что мы мало ценим эти чудные мгновения из-за отсутствия в нас истинной чистоты.

Многие искали Бога в явлениях природы. Красота и величие ее возвышают душу человека над мирской суетой и дают душе высокое наслаждение. У Тютчева есть стихи: «Восхождение на Альпы», в которых поэт удивляется величию Божию при созерцании тех гор. Тютчев долго жил за границей и наблюдал Альпы в различное время года. Я никогда не был за границей, а теперь всей душой стремлюсь туда, да стар уже и капиталов нет. Не поймите мои слова в буквальном смысле, надо все понимать духовно. Жажду я перейти за границу страстей и достигнуть истинного Света.

Господи, углубляясь вниманием в свое сердце, мы обнаруживаем в нем жажду перейти границу страстей, но, к сожалению, очень малую, и достигнуть истинного Света. Прости нас, Господи, за слабое желание пересечь эту границу.

Я не о смерти говорю, умереть страшно; туда, в Жизнь Вечную, идут «капиталисты», стяжавшие всякие добродетели. Конечно, как миллионеру, ничего не стоит дать нищему тысячу рублей, так и Всещедрый Господь может покрыть нашу нищету, но желать смерти страшно. Стар я уже для подвигов, и больше ешь и спишь – какие уж тут подвиги! Нет добродетелей, а хотелось бы их стяжать. Вся наша жизнь есть великая Тайна Божия. Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они малы и ничтожны, имеют громадное значение. Смысл настоящей жизни мы поймем лишь в Будущем Веке! Как осмотрительно надо относиться ко всему, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, лист за листом, не отдавая себе отчета в том, что там написано. Нет в жизни случайного – все творится по воле Создателя. Да сподобит нас Господь этой жизнью приобрести право на вход в Жизнь Вечную! Святые такое право имели. Например, апостол Павел был восхищен до третьего Неба, следовательно он был небесным насельником, но мы, грешные и немощные можем достигнуть Царства Небесного не ради своих подвигов, которых мы не имеем, но единственно ради заслуг Христа Спасителя, пострадавшего за нас Честною Своею

Кровию. Будем иметь твердую веру и надежду на Него и не посрамимся в день Страшного Суда.

Господи, мы мало учимся все понимать духовно. Так, когда мы хотим поехать за границу, то духовное понимание подсказывает нам, что мы жаждем перейти за границу страстей и достигнуть истинного Света.

Господи, прости нас, что не умеем рассуждать духовно об обстоятельствах нашей жизни. Господи, прости нас, что желания быть «капиталистами» всяких добродетелей мы в себе не обретаем; не умеем мы в своей жизни прикасаться к великим Тайнам Божиим; мы не готовим себя к пониманию смысла настоящей жизни в будущем веке. Прости нас, Господи. Нам необходимо осмотрительно относиться ко всему, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, лист за листом, не отдавая себе отчета в том, что там написано. Господи, мы упускаем из вида, что в нашей жизни все совершается по воле Создателя. Господи, прости нас за это упущение и сподоби нас обрести право на вход в Жизнь Вечную. Прости нас, Господи, что мы, немощные и грешные, теряем убеждение, что достигаем Царства Небесного не ради наших подвигов, которых мы не имеем, но единственно ради заслуг Христа Спасителя, пострадавшего за нас Своею Честною Кровию. Господи, подай нам твердую веру и надежду на Тебя, чтобы не посрамиться нам в день Страшного Суда.

14. Паспорт для Жизни Вечной

Я хотел продолжить беседу с вами о переезде за границу. Вы уже знаете, что это надо понимать духовно. Переехать за границу своих страстей означает совершенное избавление от них и замена их на противоположное – на добродетели. Когда переезжают настоящую границу, то необходимо иметь при себе паспорт. Так и побеждая страсти, мы получаем как бы новый вид – паспорт для Жизни Вечной.

Господи, нам хочется заиметь такой паспорт, чтобы иметь возможность выехать за границу страстей. Господи, прости нас, что не предпринимаем необходимый труд и не искореняем в себе страсти.

Каждая страсть есть болезнь души, ведь зависть, гнев, скупость не телесны, а душевны. Лечат больше тело, тем более необходимо лечить больную душу. Для борьбы со страстями и существуют монастыри. Впрочем, и мирские люди не могут быть избавлены от этой борьбы, если хотят спасения. Вот и у нас в скиту ведется борьба. Никто сразу не делается бесстрастным. Один поступает гордым, другой – блудником, если не чувственным, то мысленным, третий так зол, что мимо него надо проходить со страхом, четвертый скуп, дорожит каждой копейкой, так что невольно скажешь: зачем же он в монастырь шел? Пятый – чревоугодник, ему все есть хочется. «Ведь ты уже был на трапезе?» – говорят ему. «Что мне трапеза, мне этого мало», – отвечает и ест потихоньку в келлии, устраивая себе и полдник, и полуночник, и так далее. И все в таком роде. Такие люди сами сознают свои грехи и каются в них, но в начале исправление идет очень медленно. Опытные в духовной жизни старцы смотрят на них снисходительно: ведь он – новоначальный, что же от него еще ждать? Но проходит лет двадцать пять, и видим, что труды не пропали даром. Из чревоугодника сделался постником, из блудника – целомудренным, из гордого – смиренным и так далее.

Господи, мы еще не определили, кто мы по существу: гордые, блудники, злобные, скупые, чревоугодники. Мы еще не

до конца раскаиваемся в этих страстях и не ведем с ними борьбу. Прости нас, Господи, за эти грехи и за то, что не приобретаем противоположные им добродетели, ибо через них готовится паспорт для Жизни Вечной.

В миру редко кто знает об этой борьбе. На вопрос, как спастись, более благонамеренные отвечают, что надо молиться Богу для спасения, а будешь молиться – и спасешься. И не выходят из этого круга. А между тем молитва человека страстного не спасет его. Цель, единственная цель нашей жизни и заключается в том, чтобы искоренить страсти и заменить их противоположным – добродетелями. Начать эту борьбу лучше всего так: хотя нам присущи все страсти, но одни в большей степени, другие в меньшей. Надо определить, какая страсть в нас господствует, и против нее вооружиться. Вести борьбу со всеми страстями сразу невозможно – задушат. Победив одну страсть, переходить к искоренению другой и так далее.

Господи, через старца Варсонофия Ты открываешь нам необходимость выезда за границу своих страстей. Это значит, что мы должны обрести огромное желание избавляться от страстей и заменять их на противоположное – на добродетели. Господи, прости, что мы не ищем победы над страстями и не ищем новый вид на жительство – паспорт для Жизни Вечной.

Господи, Ты нам ставишь на вид, что каждая страсть есть болезнь души, и что над этими болезнями мы должны работать, чтобы искоренить их. Господи, Ты говоришь нам через духовно опытных старцев: молитва человека страстного не спасет его, а это значит, что единственная цель нашей жизни в том состоит, чтобы искоренять страсти и заменять их противоположным – добродетелями. Господи, прости нас, что мы по-настоящему не ведем эту борьбу со страстями. Господи, прости нас, что мы не определяем какая страсть в нас господствует, чтобы против нее вооружиться и довести борьбу до победы над этой страстью. А потом уже переходить к другой. Прости, Господи, что у нас появляется желание вести борьбу сразу со всеми страстями, и в этом проявляется наша неопытность: страсти могут нас задушить. Прости, Господи, нас за отсутствие в нас стратегии поочередного искоренения страстей.

Человек, достигший бесстрастия, получает как бы диплом на право входа в Царство Небесное, делается собеседником Ангелов и святых. Человеку, не победившему страсти, невозможно быть в раю, его задержат на мытарствах. Но предположим, что он вошел в рай, однако остаться там не в состоянии, да и сам не захочет. Как тяжело человеку невоспитанному быть в благовоспитанном обществе, так и человеку страстному быть в обществе бесстрастных. Завистливый и в раю останется завистливым, гордый и на Небесах не сделается смиренным. Люди с противоположными взглядами не понимают друг друга и часто приносят вред.

Господи, Ты открываешь нам, что только достигшие бесстрастия получают «диплом» на право входа в Царство Небесное и становятся собеседниками Ангелов и святых. Мы же еще не победили страсти и надеяться на получение указанного диплома не имеем права. Господи, прости нас, что не справляемся со страстями и остаемся недипломированными христианами. И терпим от этого духовный вред.

Недавно я получил письмо от одной моей духовной дочери. Возвращались они из Оптиной в самом радостном настроении духа, да разговорились с одной неверующей, возвращавшейся оттуда же.

– Ну что особенного в Оптиной, – говорила та, – удивляюсь, что многие туда стремятся.

– А вы были у кого из старцев?

– Нет, да зачем туда ходить?

– Отчего же вы так решили? Вот ваша подруга находит нравственное удовлетворение в обращении к старцу Варсонофию.

– У нее иной душевный склад, а к Варсонофию я никогда не пойду. Не отрицаю, что он – отличный психолог, хорошо умеет судить обо всем, но ничего благодатного в нем нет.

Ну и смутилась юная душа, слушая такие доводы. Действительно, я лично – ничто. Все совершает Господь. Как солнце освещает какого-нибудь человека и он, оттого делается светлым, хотя это зависит не от него, так и благодать Божия действует через меня, грешного. Если приходит человек

верующий, то удастся иногда ему сказать свое на пользу. С неверующими труднее, ничего не открывает о них Господь иногда, вот и не знаешь, что сказать, а на образ посмотришь – и молиться посоветуешь. Что, говорят, молиться, это мы и без вас знаем. Но без веры не спасет не только человек, но и Бог.

Преподобный Варсонофий убеждает нас, что все в нашей жизни совершает Господь. Он, подобно солнцу, освещает нас, и мы от этого делаемся светлыми, хотя это зависит не от нас, а от Тебя, Господи. Так и благодать Божия действует через нас, грешных. Когда приходит к нам человек верующий, то удастся иногда сказать ему свое на пользу. А с неверующими труднее, ничего не открывает о них Господь. Без веры не спасает не только человек, но и Бог. Прости нас, Господи, мы не вопрошаем Тебя о людях, с которыми ведем общие дела. И еще свое участие в их жизни мы не связываем с их верой. Прости нас, Господи, нерадивых.

Известен евангельский рассказ о жителях Капернаума, где Сам Господь не мог сотворить чудес и удивлялся их неверию. Неверующих людей много всюду – и в миру, и даже в монастыре. У нас в скиту, в бытность батюшки отца Амвросия, был один инок по имени Феодосий, постоянно обращавшийся к батюшке. Однажды, придя к нему, он сказал:

– Вот, батюшка, уже двадцать лет, как я с вами связан, а все не имею сил признаться в одном помысле.

– В каком же?

– Очень трудно сказать, так как помысл против вас, батюшка.

– Ну, что ж тебе помысл говорит? Я – блудник? Убийца? Вор?

– Нет, еще хуже.

– Ну, поджигатель?

– Нет, хуже.

– Сейчас же признайся, – повелительно сказал отец Амвросий.

И как бы, по выражению отца Феодосия, замок спал с его уст.

– Батюшка, – вымолвил он, – хотя я постоянно пользуюсь вашими советами, но не считаю, что вы имели какую-нибудь благодать, у вас есть дар рассуждения.

– Что же, – ответил отец Амвросий, – ведь и это что-нибудь да значит.

Прошло несколько лет, отец Амвросий уже скончался, а инок Феодосий, читая однажды Пролог, с удивлением прочел место, в котором рассказывается такой случай. Однажды знаменитые подвижники, в том числе и преподобный Антоний Великий, собрались вместе и рассуждали, какая добродетель всех важнее. Один говорил – терпение, ему возразили: такой-то был терпелив, но пал. Наконец все согласились на том, что самая важная добродетель есть духовное рассуждение. Тогда-то понял Феодосий, что покойный батюшка обладал неоценимым духовным даром.

Господи, мы нуждаемся в Твоем даре духовного рассуждения, но по своей недостойной жизни не умеем им пользоваться, потому его и не имеем, Прости нас, Господи.

Слова мои просты, понятны и пятилетнему ребенку, но в них заключается смысл всей жизни. Научиться бороться со своими страстями очень важно и даже необходимо. Лучшим руководством будет для вас чтение Житий святых. Мир давно уже оставил это чтение, но не сообразуйтесь с миром – и оно много утешит вас. В Житиях святых мы найдем указания, как вести брань с духом злобы и остаться победителем.

Господи, прости нас, что не имеем духовного рассуждения и не считаем его самой важной добродетелью. И еще, Господи, прости за отсутствие практики чтения Житий святых и за то, что этим оставлением чтения Житий святых мы сообразуемся с миром и остаемся незнающими, как вести брань с духом злобы.

Совершение молитвы Иисусовой очень важно. В Оптиной пустыни все иноки обязаны ежедневно совершать пятисотницу, то есть правило, состоящее из трехсот молитв Иисусовых, ста – Божией Матери, пятидесяти – Ангелу хранителю и пятидесяти – всем святым. Хотя это правило обязательно только для иноков, но хорошо было бы, если бы миряне совершали его по возможности. Хорошо также ежедневно прочитывать 90-й и 50-й

псалмы. 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго» полезно читать три раза в день: утром, в полдень и вечером. В полдень на человека особенно нападает блудный бес, этот псалом далеко отгоняет его прочь. Апостол Петр говорит: «*Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*» (1Петр. 5, 8). Как поэтому необходимо всегда творить молитву Иисусову, которая есть крепкое оружие против врага! Господь сказал: «*Именем Моим бесы ижденут...*» (Мк. 16, 17). Молитва эта открывает человеку вечные тайны Божии.

Господи, мы благодарны Тебе: через старца Варсонофия Ты открываешь нам необходимость молиться молитвой Иисусовой и открываешь суть пятисотницы, которую необходимо нам выполнять ежедневно. И еще показываешь нам силу псалмов 90-го и 50-го, особенно полезных для борьбы с блудным бесом. Господи, прости нас, мы не очень-то прилежим к творению пятисотницы и забываем о важности чтения псалмов, потому и вечные тайны Божии остаются сокрытыми для нашего разумения. Горе нам, неразумным и грешным! Прости нас.

В Сибири подвизались два друга – Василиск и Зосима. Последний был человеком образованным, а первый даже неграмотным. Несмотря на такое различие, они искренне любили и дополняли друг друга. Василиск, хотя был и неграмотным, отличался высокой духовной жизнью. Непрестанное творение Иисусовой молитвы доставляло ему невыразимое наслаждение и вводило в глубину богопознания. Часто, когда Зосима приходил к Василиску, тот был в таком духовном экстазе, что не мог вести обыкновенную беседу. Василиск сообщал Зосиме высокие истины, которые тот записывал и после даже издал книгу, но многое не было в нее внесено, так как Василиск не все позволил записывать.

Исполняйте и вы, мои детки, по силе, эту молитву, она сохранит вас от всякого зла. Исполняя ее, вы будете постепенно приобретать кротость, смирение и незлобие. Вы сознаёте свои недостатки, и вам не захочется осуждать ближнего, к врагам отнесётесь благодушно, к недругам – доброжелательно. Эта святая молитва будет хранителем вашего девства. Если же

кто из вас соберется выйти замуж, то она же отведет вас от всякого дурного человека и пошлет доброго, верующего друга для совместной помощи на жизненном пути.

Господи, мы не задумываемся о том, что молитва Иисусова хранит нас от всякого зла и помогает приобретать кротость, смирение и незлобие. Читая ее, нам не захочется осуждать ближнего, к врагам станем относиться благодушно, к недругам – благожелательно. Эта святая молитва будет хранителем нашего девства и, если кто соберется выйти замуж, то она же отведет от всякого дурного человека и пошлет доброго, верующего друга для совместной помощи на жизненном пути. Господи, мы не думаем об этом значении Твоей молитвы и, потому теряем прилежание ее совершать, да и просто ее не совершаем. Прости нас, Господи, за утрату чувства значимости и духовной пользы молитвы Иисусовой.

15. Милосердие Божие к идущим по пути к Нему

Есть три пути: замужество, девство и монашество. Каждый путь может привести в Царство Небесное. В замужестве – исполняя во имя Христова обязанности матери и жены; в девстве – посвящая его Богу; в монашестве – отрекаясь от всего Царствия Божия ради. Я не зову вас в монастырь, при настоящем упадке монашеской жизни иногда легче спастись в миру. У всякого своя дорога, только бы человек искренне искал Бога, стремился к Нему. Конечно, путь монашеский – это путь царский, и кто, поступив в монастырь, будет истинным монахом, тот сподобится великой награды.

Господи, сознаем, что есть три пути – замужество, девство и монашество – каждый приводящий нас в Царство Небесное. В замужестве во имя Христова исполняются обязанности матери и жены. В девстве оно посвящается Богу. В монашестве происходит отречение от всего ради Царствия Божия. Каждый из нас, выбирая свой путь и идя по нему должен искренне искать Бога и стремиться к Нему. Господи, прости нас, что не всегда так делаем и не стремимся к Тебе со всей искренностью.

Интересный случай произошел всего несколько лет тому назад. В некой пустыне один послушник решился выйти из монастыря. Накануне собрал он свои вещи и пригласил нескольких послушников прийти к нему на другой день прощаться. Обещал напоить чайком, а может быть, и водочкой. На следующий день пришли гости и удивились. Все вещи опять были разложены, а инок сидел на лавке, по-видимому, не собираясь уходить. Где угощение? Где самовар?

– Самовар стоит на полке, – был ответ. – Впрочем, если хотите, я его, пожалуй, поставлю.

– То есть как это, если хотите? Ведь ты же нас собирався угостить на прощанье!

– Да я, братие, никуда не ухожу. Господь вразумил меня.

И инок рассказал о своем сновидении. Он удостоился видеть обитель, уготованную инокам; по красоте своей она была несравненно лучше обители мирских людей. Этот рассказ

произвел на всех сильное впечатление. Передали игумену, тот – архиерею. Архиерей признал сон духовным. Он был издан отдельной книжечкой.

Дивны дела Твои, Господи! Сохрани и нас от огорчения сойти с избранного пути, проявив малодушие. И прости за помыслы, понуждающие нас к этому.

Но как ни спастись, лишь бы спастись! Господь всех зовет в Свое Царство: *«Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною»* (Откр. 3, 20), – говорит Христос. Блаженны те, кто слышит глас Господень и следует за Ним!

Господи, прости нас, ибо мы не умеем слушать глас Твой, зовущий нас в Твое Царство, и не отверзаем двери нашего сердца, чтобы Ты, Господи, вошел в него и разделил с нами вечернюю трапезу, и мы с Тобою. Сподоби нас, Господи, слышать глас Твой и следовать за Тобою.

В Казани я знал одну старицу, матушку Евфросинию. Святая это была душа, с юных лет услышавшая призыв Спасителя. Матушка Евфросиния была единственная дочь богатых и знатных родителей. Когда ей минуло двенадцать лет, ее отвезли в Смольный институт. Здесь свободное от занятий время, проводила она за чтением священных книг. Ее в шутку называли монашечкой. Она окончила институт и вернулась к родителям, которые были вне себя от радости. При уме и образованности Евфросиния отличалась необыкновенной красотой, что вместе с огромным богатством сулило ей счастливую жизнь. Но сердце Евфросинии не лежало ни к чему земному, она неудержимо стремилась ко Христу, Которого возлюбила с детства. Суета и роскошь в доме родителей ей были нестерпимы. По случаю окончания института родители устроили ей великолепный бал; они любовались и гордились дочерью, которая в бальном платье, вся усыпанная бриллиантами, была поразительно хороша. Но вот среди бала Евфросиния выбирает удобный момент и незаметно покидает зал. Придя в свою комнату, она срывает с себя бриллианты, переодевается в платье горничной и, оставив родителям записку, чтобы ее не искали, вместе с верной служанкой

покидает родительский дом. Долго скитались молодые девушки, во многих монастырях их боялись принять. Наконец поселились они в Смоленском монастыре и жили там не постригаясь.

Господи, если бы нам довелось повторить решительный поступок матушки Евфросинии, то с глубоким сожалением должны будем признаться, что у нас не хватило бы мужества так поступить, ибо сердце наше слишком привязано к земному и не стремится неудержимо ко Христу, Которого мы не возлюбили с детства и не посвящали все свободное от учебы время чтению Священных книг. Господи, прости нас. Потому и призыв Спасителя к совершенствованию не слышали. Прости нас, Господи, что суета и роскошь волнуют наши умы и отвлекают от следования за Тобою, Господи.

Впоследствии матушка Евфросиния приехала в Казань. Здесь один благочестивый купец выстроил ей отдельный домик, и святая старица мирно доживала свои дни. Я по временам посещал ее. Интересны были ее беседы, всегда живые, глубокие, назидательные. Она была очень умна и начитанна, и в беседе с ней время летело незаметно.

Однажды она рассказала мне о том, как слышала пение ангельское. Это было так. По какому-то делу матушка Евфросиния ходила к преосвященнейшему митрополиту Киевскому Филарету. Подходя к дому владыки, она услышала чудное, необыкновенное пение. Наслаждаясь им, матушка недоумевала: кто бы мог так дивно петь? «Верно, к владыке приехали откуда-нибудь певцы», – подумала она. Матушка Евфросиния рассказала ему о том, что слышала, и о своем предположении. Владыка задумался. «Нет, – сказал он, – петь у меня некому; ты слышала, мать, пение Ангелов, но не придавай этому большого значения, чтобы не возгордиться».

Господи, чистое сердце матушки Евфросинии помогло ей услышать пение Ангелов согласно заповеди: «Блаженни чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Господи, прости, что дорога к чистоте сердца завалена у нас греховной суетой и мы, по гордости своей, этого не замечаем, ибо святые говорят: «Полезнее нам видеть грехи свои, нежели Ангелов». То же мы можем сказать и о слышании пения Ангельского.

Однажды с месяц я не был у матушки Евфросинии. Когда отправился к ней, то у ворот встретил купца, который сказал мне: «Идите же скорее, матушка Евфросиния у нас кончается». Я вошел в ее келью. Старица лежала, тяжело дыша, глаза ее были закрыты. Когда я подошел к ней, она открыла их, и лицо ее озарилось ласковой улыбкой. «Слава Богу, Павел Иванович пришел», – произнесла она медленно. Я взял ее руку и, сложив персты для крестного знамения, трижды осенил ее. Лицо ее еще больше просветлело. Она слегка вздохнула, затем дыхание ее сделалось коротким, и через несколько минут ее не стало.

С утра до вечера келья матушки Евфросинии была полна народа. Все хотели отдать последний долг усопшей, непрерывно читали Псалтирь. Я лично не читал, так как много было желающих. Сидел я в келлии между шкафом и дверью и пристально смотрел в лицо усопшей. Прекрасное было лицо – такое спокойное, радостное и в то же время величественное. Тяжело мне было. Я чувствовал себя таким одиноким. Хоронили ее во вторник, как помню. Когда вносили ее в церковь, хор запел: «Радуйся, Варваро, невеста Христова прекрасная». Оказывается, читали акафист святой великомученице Варваре. Впоследствии оказалось, что это не было простой случайностью: матушка Евфросиния была в тайной схиме, хотя почти никто этого не знал, и имя имела – Варвара. Слова припева так ясно относились к ней.

Господи, не часто Ты сподобляешь нас присутствовать при кончине блаженно почившего человека, каким была матушка Евфросиния. Мы не научены отдавать последний долг усопшему, не читаем Псалтирь, не вглядываемся в лицо усопшего. Прости нас, Господи, за отсутствие духовного опыта провожать усопших в путь всея земли.

Господь утешил меня в моей скорби. Вскоре после погребения я увидел сон: обширное беспредельное поле, кругом ни души. Посреди поля стоит гроб с матушкой Евфросинией, и я стою возле. Раннее утро, и еще темно. Вдруг вижу – по небу движутся полки воинов со знаменами; казалось, они шли после решительной битвы и очень устали. Я не могу ясно различить их лиц, так как совсем не рассвело, но восходящее солнце уже

освещало вершушки их знамен с золотыми крестами. Я проснулся и недоумевал, что означает этот сон. Мне объяснили так: воины со знаменами – это полки ангельские, воевавшие с супротивными силами за душу матушки Евфросинии и победившие. Ангелы принимают деятельное участие в судьбе человека. Если враги нападают на нас со всех сторон, то тем более светлые, любвеобильные Ангелы стремятся защитить нас, если только человек сам сознательно не переходит на сторону зла.

Господи, удивителен для нас путь матушки Евфросинии и назидателен, ибо ее решимость служить Тебе, Господи, выше всякого понимания и любовь к Тебе, Богу нашему, недоступна для нас. Мы не умеем ради Тебя делать такие решительные поступки и всю свою жизнь посвящать Тебе, перенося различные житейские невзгоды ради Тебя, Господи. Прости нас за отсутствие столь живой любви к Тебе. Помоги, Господи, чтобы и за нас воевали Ангельские полки и побеждали демонов ради спасения наших душ.

Меня поразила рассказ матушки Евфросинии о слышанном ею ангельском пении, но в жизни святых встречается много таких примеров. Известно повествование о святом Пимене Многострадальном. Он жаждал пострига; и вот однажды ночью видит: приходит игумен с братией и совершает над ним пострижение. Через некоторое время пришел игумен того монастыря с братией и удивился, что отец Пимен облачен в иноческие одежды. На вопрос, кто постригал Пимена, тот, изумившись, сказал: «Да ты же сам, отче!» Стали спрашивать монахов, бывших в соседних кельях, и все подтвердили, что слышали дивное пение молитв, поющих при пострижении. Понял тогда игумен, что Пимен был пострижен Ангелами.

Господи, мы мало умоляем Тебя, чтобы лики Ангельские принимали в нас деятельное участие. Господи, прости нас, что этому участию мы придаем малое значение и не молимся об этом.

Об ангельском пении еще есть повествование, сравнительно недавнее. Это было в Вологодской губернии. Служили в одном храме обедню. Вдруг на улице произошел пожар. Все

бросились из храма, остались только диакон и священник. Певчие тоже разбежались. Но когда диакон начал ектению, с клироса послышалось чудное пение. Мимо церкви проходил в это время один поляк. Привлеченный дивным пением, он вошел в церковь и был поражен небывалым зрелищем. Церковь пуста, только престарелый священник в алтаре и диакон на амвоне. На хорах – светлые мужи в белых одеждах. Они-то и пели.

По окончании литургии поляк подошел к священнику и спросил его, кто были эти благолепные мужи, которые так дивно пели.

– Это Ангелы Божии, – ответил иерей.

– Если это так, то я сегодня же хочу креститься, – сказал поляк.

– Вы уже крещены, – ответил священник, – примите только Православие.

И поляк был присоединен к Православной Церкви благодаря ангельскому пению.

Господи, мы часто не ожидаем участия Ангелов в церковных службах, хотя и слышим: «мы, подобно херувимам, припеваем трисвятую песнь». Господи, прости нас, до конца не осознающих участия Ангелов на наших богослужениях.

Сохранилось предание об одном иноке, который, достигнув уже высокой духовной жизни, совершив, всевозможные подвиги, начал смущаться помыслом о том, в чем же будет заключаться вечное блаженство. Ведь человеку все может наскучить. В смущении инок не находил себе покоя, душа его скорбела. Однажды пошел он в лес и зашел в густую чащу. Усталый, присел он на старый пенек, и вдруг ему показалось, что весь лес осветился каким-то чудным светом. Затем раздалось невыразимо сладостное пение. Объятый духовным восторгом, старец внимал этим звукам. Он забыл все на свете. Но вот, наконец, пение прекратилось. Сколько времени оно продолжалось – год, час, минуту, – старец не мог определить. С сожалением поднялся он со своего места. Как бы хотелось ему, чтобы это небесное пение никогда не прекращалось! С большим трудом выбрался он из леса и пошел в свой монастырь. Но почему-то на каждом шагу старец удивлялся, видя новые,

незнакомые ему здания и улицы. Вот, наконец, монастырь. «Да что же это такое, – сказал он про себя, – я, верно, не туда попал». Старец вошел в ограду и сел на скамью рядом с каким-то послушником.

– Скажи мне, Господа ради, брат, это ли город Н.?

– Да, – ответил тот.

– А монастырь-то ваш как называется?

– Так-то.

– Что за диво? – И старец начал подробно расспрашивать инока об игумене, о братии, называл их по именам, но тот не мог понять его и отвел к игумену.

– Принесите древнюю летопись нашего монастыря, – сказал игумен, предчувствуя, что здесь кроется какая-то Тайна Божия.

– Твой игумен был Иларион?

– Ну да, ну да! – обрадовался старец.

– Келарий такой-то, иеромонахи такие-то?

– Верно, верно, – согласился обрадованный старец.

– Воздай славу Господу, отче, – сказал тогда игумен. – Господь совершил над тобой великое чудо. Те иноки, которых ты знал и ищешь, жили триста лет тому назад. В летописи же значится, что в таком-то году, такого-то числа и месяца пропал неизвестно куда один из иноков обители.

Тогда все прославили Бога.

Господи, дивны дела Твои и утешения Твои, которые Ты открываешь и посылаешь верным служителям Своим! Мы, хоть по названию и верные, но по сути дела далеко не такие. Прости нас, Господи, за это несоответствие понятию верности и удостой нас прилежно служить Тебе, чтобы рассчитывать на утешение, о котором будет томиться наша душа.

Существует предание, что в древности были птицы, пение которых звучало так сладостно, что человек, слушая, умирал от умиления. На старце, триста лет слушавшем ангельское пение, явил Господь Свое милосердие. Не оставил он в смущении раба Своего, столько лет Ему работавшего, и вразумил, и утешил его Ему Единому ведомыми судьбами. Любит Господь кротких, смиренных, ибо Сам кроток и смирен сердцем. «На

кого воззрю, – говорит Господь, – токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих " (Ис. 66, 2).

Господи, для нас хорошее напоминание, что существуют такие добродетели как кротость и смирение, что Ты, Господи, любишь таковых, взираешь на кротких и молчаливых и трепещущих Твоих словес. Господи, прости нас, мы не умеем быть такими добродетельными, как указанный старец, слышавший пение ангелов. Прости, Господи, что не умеем молчать и не любим делать этого, не умеем быть кроткими и трепещущими словес Твоих. Господи, яви и нам Твое милосердие, идущим по пути к Тебе.

16. Молчание и кончики добродетелей

Святитель Исаак Сирин говорит: «Если на одну чашу весов положить множество добрых дел, а на другую молчание, то молчание перевесит».

Епископ Феофан так высоко ценил молчание, что в последние годы своей жизни оставил все и затворился в своей безмолвной келлии. Помещение его состояло из нескольких комнат и домашней церкви, где епископ Феофан ежедневно совершал литургию. Он писал иногда друзьям своим и замечал между прочим: «Я – архиерей, я и иерей, я и диакон, я и псаломщик».

При епископе жил келейник, который убирал его помещение, готовил ему пищу; епископ Феофан любил чистоту, и у него было даже уютно. Когда келейник входил, епископ уходил в другую комнату. Безмолвие доставляло ему высокое утешение, возносило его дух горé.

Господи, мы пугаемся молчания и безмолвие для нас затруднительно; мы забываем слова преподобного Исаака Сирина о том, что на чаше весов молчание перевесит множество добрых дел. Прости нас, Господи, что мы мало углубляемся в молчание, и оно не возносит наш дух горé.

И все мы твердо верим, что принял Господь его чистую душу в Свое Небесное Царствие. Но в обыкновенной жизни иногда молчание бывает преступно. Садится, например, семейство за обед, а одна из дочерей не хочет ни с кем разговаривать. Ну молчит, молчит, и мать начинает смотреть на нее косо: «Что это она не разговаривает? Верно, считает нас ниже себя». Мать начинает говорить дочери нечто неприятное, а та думает: «Ах, так! Так я совсем ничего не скажу». Наконец мать замолкнет, но по лицу ее видно, что она недовольна. Кончается обед, и все стремятся уйти друг от друга подальше. Скажите, кому нужен такой «подвиг» молчания? Людям он не нравится, да вряд ли и Господу угоден. Господь заповедует: *«О сем разумеют в си, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»* (Ин. 13, 35).

Господи, Ты хочешь, чтобы мы знали и о молчании преступном, которое разрушает мир между людьми и изгоняет любовь из отношений людей между собой. Прости нас, Господи, за путаницу в понятиях о молчании и за разрушение мира с нашими ближними.

Старайтесь, детки, жить в мире со всеми, насколько, конечно, это от вас зависит. Апостол говорит: *«Мир имейте и святыню со всеми...»* (Евр. 12, 14). И если будете к этому стремиться, то Сам Господь не оставит вас Своею помощью, поставит вас в такие условия жизни, при которых легче всего спастись, и, наконец, наполнит сердце ваше истинной любовью, которая есть верх совершенства и является источником неизреченной радости, неизреченного блаженства.

Господи, мы не всегда стараемся иметь мир между собой и тем замедляем приход Твоей, Боже, милости к нам, препятствуем созданию для нас таких условий жизни, при которых мы сможем спастись. Прости нас, Господи, за это и наполни наше сердце истинной любовью, и препроводи нас к истинному блаженству, которое есть исполнение заповедей Твоих.

Сейчас приходили ко мне иноки на благословение. Среди них несколько новопостриженных. У нас в монастыре такой обычай: после пострижения иноки обитают безвыходно четыре дня в храме, туда им и пищу приносят. Затем они исповедуются, причащаются Святых Тайн и после литургии расходятся по своим кельям. Безвыходное пребывание в храме доставляет инокам, особенно внимательным, высокое духовное наслаждение. Спрашиваю я недавно постриженных, что они чувствовали, пребывая в храме. «Было, – отвечают, – радостное, восторженное чувство, но видений никаких не было». Тогда подошел ко мне один из иноков, облаченный в монашеский чин несколько лет тому назад. «Батюшка, – обратился он, – мне все хотелось, но не удавалось вам рассказать нечто из того, что я чувствовал после пострига. Однажды ночью я задремал, прислонясь, к гробнице отца Моисея, и вдруг вижу: дивный сад, а в нем множество храмов с голубыми куполами. Вид всего этого был так необычайно величествен, что я

невольно залюбовался. Плодов в саду не видел; не слышал и пения, но от созерцания сада и храмов моя душа исполнилась такой духовной радости, такого блаженства, какого я никогда еще не испытывал. Вот уже несколько лет прошло с того времени, но и теперь, когда становится на душе тяжело, стоит только вспомнить об этом видении, чтобы успокоиться и благодушно перенести всякие скорби».

Да утешит Господь рабов Своих, трудящихся во славу имени Его! Труден путь иноческий, но зато самый благонадежный ко спасению. Но где же лучше, удобнее служить Господу, как не в обители? Я не зову вас в монастырь, и в миру можно спастись, хотя неудобно это, так как весь уклад мирской жизни не приближает, а отдаляет от Бога.

Господи, и мы, имея уклад мирской жизни и не подражая укладу монастырскому хотя бы в малых чертах, тем самым удаляем себя от Тебя, Бога нашего. Прости нас за это, Господи, и помоги осознать пагубность такого удаления и пробуди в нас Твоей благодатью желание приближаться к Тебе и следовать за Тобой.

Царствует в миру дух века сего. Порок там ничем не удерживается. Какое, например, безобразие в Москве, особенно в праздники. Целомудренной девушке и по улицам-то проходить страшно: в витринах выставлены такие скверные картины и статуи, что, глядя на них, чувствуешь, как оскорбляется чувство стыдливости и целомудрия. Впрочем, есть люди, живущие и в миру по-монашески, к которым не пристаёт мирская грязь, душа же их нераздельно принадлежит Господу. Это те, о которых сказал Лермонтов, что «они не созданы для мира, и мир был создан не для них».

Господи, к большому нашему сожалению, к нам часто прилипает мирская грязь, которой оскорбляется чувство стыдливости и целомудрия. Прости нас, Господи, за эту уступку мирскому греховному влиянию и помоги нам помнить, что душа наша должна нераздельно принадлежать Тебе, Спасителю нашему.

Из далекого, прошлого встает передо мной образ матушки Евфросинии.

Познакомился я с матушкой Евфросинией у одного игумена, а затем стал бывать у нее. Когда я с ней познакомился, она была уже старушкой, но лицо ее сохранило следы прежней красоты. Особенно хороши были ее голубые глаза – в них светилось столько неземной красоты! Да и вообще во всем ее облике была какая-то особенная духовная красота. Матушка Евфросиния получила прекрасное образование, знала основательно английский и немецкий языки, а может быть, и французский (я не, слышал, чтобы она говорила на этом языке), очень любила поэзию, необычайно хорошо читала стихи, это последнее она в некоторой степени передала и мне. Подобно мудрому книжнику, который износит новое и ветхое, она умела заимствовать полезное не только из Священного Писания, но и из произведений светских писателей. В молодости она любила литературу, но потом стала читать исключительно Священное Писание, Псалтирь и отцов Церкви; особенно любила Исаака Сирина, которого сравнивала с орлом, парящим в поднебесье.

Господи, мы не умеем заимствовать полезное не только из Священного Писания, но и из произведений светских писателей; мы мало читаем Священное Писание, Псалтирь и отцов Церкви. Прости нас, Господи, что не делаем этого и за то, что не определили для себя, кто у нас особенно любимый духовный писатель.

Однажды зашел я к ней после всенощной на праздник Покрова Пресвятыя Богородицы: всенощная у нас окончилась рано, в половине восьмого. Матушка встретила меня, как всегда, очень приветливо.

– Чайку хочешь?

– Не надо, зачем вам возиться?

– Какая возня, у меня уже все готово.

Я не заметил, как появился на столе самовар. Матушка Евфросиния налила мне стакан, а себе свою чашечку, маленькую, как наперсток. Разговорились мы.

– Вот удивляюсь я, отчего ты приходишь ко мне, убогой?

– Матушка, – отвечаю я, – когда Христос спросил учеников, не хотят ли от Него отойти (как отошли некоторые ученики), то они отвечали: «Господи, куда мы пойдем, Ты имеешь глаголы

Вечной Жизни». То же и я могу сказать вам. Куда мне от вас идти? Вы имеете глаголы Вечной Жизни. Хорошо мне здесь, в вашей маленькой уютной комнатке, с образами и горящей лампадой, спокойно и радостно.

Господи, мы скорбим от того, что не имеем человека, имеющего «глаголы Жизни Вечной», и не приходим к нему, чтобы с его помощью брать крест свой, крест спасения. Прости нас, Господи, что не связываем с крестом своим исполнение заповедей Христовых.

– **Днесь благодать Святаго Духа нас собра**, и вси, взявши крест свой, глаголем: осанна в вышних, – сказала старушка, – а понимаешь ли ты, что значит слово «осанна»?

– Спасение, – отвечаю.

– Да, осанна – спасение, но, чтобы спастись, необходимо исполнять заповеди Христовы. На Страшном Суде Своем Господь потребует от нас отчета, как мы провели свою жизнь, как исполнили Его святой закон. Здесь ничем нельзя оправдаться: ни богатством, ни обычаями мира. Вот, думалось мне, когда я еще в родном доме жила, явится Господь и спросит: «Исполнила ли ты Мои заповеди?»

– «Но я была единственной дочерью богатых родителей». – «Отлично, но исполнила ли ты Мои заповеди?» – «Но я окончила институт». – «Хорошо, но исполнила ли ты Мои заповеди?» – «Но я была красавицей». – «Но исполнила ли ты Мои заповеди?» Страшно становилось от таких мыслей, и я решила оставить все мирское.

– Да, вы оставили, но нельзя же убегать с бала, – возразил я.

– Это и не нужно, но исполнять закон Христов можно и должно во всяком звании и состоянии.

– А вы надеетесь спастись?

– Надеюсь, – ответила матушка с уверенностью, – не оттого, что я исполняла все заповеди, а хоть за кончики-то бралась. Но главное, уповаю на бесценные заслуги Спасителя моего. Сердце свое очистить надо, чтобы увидеть Господа, – продолжала матушка Евфросиния, – помнишь, Пушкин в стихотворении «Пророк» говорит:

И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход.

Это ясное изображение души человеческой: у нас в сердце может быть «и горний Ангелов полет, и гад морских подводный ход». Чистое сердце созерцает великие Тайны Божии. Наоборот, в сердце, отуманенном страстями, замечается «гад морских подводный ход», то есть низменные стремления и желания, всякая нечистота...

Господи, мы имеем слабую уверенность, что спасемся, потому что не только заповедей Христовых не исполняли, но даже за «кончики» их не брались, а главное, не уповали на бесценные заслуги нашего Спасителя. Прости нас, Господи, что не очищали для Тебя нашего сердца, отуманенного страстями, и в нем оставляли без внимания низменные стремления и желания, и всякую нечистоту.

Когда я возвращался домой после ее похорон, то чувствовал не скорбь, а радость, что сподобился присутствовать при кончине праведницы. Похороны матушки Евфросинии были торжественные, много народа провожало ее до могилы. Погребение совершал архиепископ, который после предания земле ее праха сказал проникновенное слово, о ее тайном постриге с именем Варвара. Кроме нее и архиепископа никто не знал этого, и от меня скрыла. Очень смиренна была покойница. За святую жизнь Господь сподобил ее дара прозорливости, но она старалась не обнаруживать этого дара. Она часто говорила мне: «Может быть, тебя Господь сподобит послужить Ему в монашестве». Наверно, ее духовному оку было открыто мое будущее, но, по своему смирению, она никогда не говорила утвердительно, а всегда прибавляла «может быть».

Похоронили ее около Смоленского собора. Все, знавшие ее, со слезами, но и с надеждой проводили ее в лучший мир, веруя, что помянет она и их святыми своими молитвами у Престола Божия. Напишите и вы в свои поминания имя монахини Варвары, чтобы и за вас она помолилась Господу. Да сподобит Господь и нас христианской кончины, как молится Церковь: *«Христианския кончины живота нашего, безболезненны,*

непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном Судище Христове просим».

Господи, дух века сего обдержит нас своим безобразием и готов оскорблять наше чувство стыдливости и целомудрия. Господи, прости, что эта мирская грязь лезет в нашу душу и мешает нам всецело принадлежать Тебе, потому что мы даем свое согласие на ее присутствие в себе.

И еще, Господи, мы не отличаемся прилежным чтением Священного Писания, Псалтири, творений Святых Отцов. Прости нас. Мы не любим внимать глаголам Жизни Вечной и неохотно исполняем заповеди Христовы, а ведь на Страшном Своем Суде Господь именно об этом будет спрашивать нас: «Исполнили вы Мои заповеди?» А нам и ответить-то нечего.

Одно только может послужить оправданием, что за кончики их (заповедей) брались и уповали получить спасение ради крестных заслуг Твоих, Сыне Божий. Не посрами нашего упования, Господи, спаси нас ради милости Твоей.

Нам когда-то открывается душа и тогда в сердце у нас может быть «и горний Ангелов полет, и гад морских подводный ход». Только чистое сердце созерцает великие тайны Божии. Прости нас, Господи, что нет еще в нас чистого сердца, и в сердце, отуманенном страстями, замечаем только «гад морских подводный ход», то есть низменные стремления и желания, всякую нечистоту. Прости нас за это, Господи.

17. Клапан для духовных восприятий

Слава Господу! Дожили мы до праздников, нынешние дни называются святыми днями, так как Церковь посвящает их воспоминаниям о Рождестве Спасителя мира!

Но что теперь происходит в миру! Страшно и подумать – объединение, пьянство, разврат...

Сейчас мы переживаем лютые времена. После объявления всяких свобод при Александре II усилилась разнузданность, люди восстают один на другого, не щадя ни родства, ни дружбы. Восстают против законной власти – все поперано: вера, добродетель, стыд. Театр развращающим образом действует на душу. В нем разыгрываются безнравственные вещи... Страшно жить на таком свете! Впрочем, не следует приходить от этого в уныние, было и хуже, да прошло, так и настоящее успокоится. Это еще не время перед Антихристом. Господь милосерд, но и правосуден. Священное Писание говорит: «...Бог поругаем не бывает...» (Гал. 6, 7). Долго терпит Он грехи и беззакония, но если человек не хочет исправиться, то наказывает нечестивцев внезапной смертью. «В чем застану, в том и сужу», – говорит Господь. Ужасна будет участь человека, умершего внезапно во время совершения грехов. Один богач, женившись на бедной девушке, начал вскоре всячески издеваться над ней, а сам предался разгульной жизни. Однажды он был в театре на одном безнравственном представлении. В антракте он отправился в буфет, взял себе рюмку вина и вдруг упал мертвым. Каково такой душе явиться на Суд Божий?

Господи, случается и нам согрешить разнузданностью, восстанием на своих ближних, когда не щадится ни родство, ни дружба. Мы готовы выступить против законной власти, попираем веру, добродетель, стыд. Театр, кино, телевидение развращающим образом действуют на нашу душу, а мы этому не противимся. Господи, прости нас за наши грехи и беззакония, не дай нам умереть внезапной смертью.

Однажды в Вене, в Ринг-театре, шло какое-то кощунственное представление. Вдруг вспыхнул пожар и быстро

распространился по всему зданию. Множество людей погибло. Потрясающее впечатление произвело зрелище массы гробов, которые затем потянулись по направлению к кладбищу. А какова загробная участь этих людей! Страшно подумать.

Теперь все разрешено, театральные представления будут даже в большие (церковные), праздники. Прежде же в казенных театрах под праздники не играли. Помню однажды в Казани под праздник святителя Николая давалось представление. Вдруг за кулисами вспыхнул пожар, возбудивший всеобщую панику. Впрочем, жертв человеческих не было, Господь помиловал за молитвы святителя. Долго после этого под праздник святителя Николая Чудотворца представлений не давалось.

Когда я был в миру, то любил оперу. Хорошая, серьезная музыка доставляла мне удовольствие, и я всегда имел абонемент – кресло в партере. Впоследствии, когда я узнал другие, духовные, утешения, опера перестала меня интересовать. Когда в сердце закрывается клапан для мирских наслаждений, тогда, открывается другой клапан – для восприятия духовных. Но как стяжать это? Прежде всего миром и любовью к ближним. *«Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает...»* (1Кор. 13, 4–8).

Господи, мы не заслужили еще Твоей милости, результатом которой закрывается в сердце клапан для мирских удовольствий и открывается другой – для восприятия духовных утешений. Причина этому – потеря нами мира и любви к ближним. Господи, прости, что нет у нас долготерпения, милосердия, мы завидуем, превозносимся, гордимся, бесчинствуем, ищем своего, раздражаемся, мыслим злое, радуемся неправде, не радуемся о истине; нет у нас любви ко всему, не воспринимаем все верой, не имеем упования и терпения. Прости нас, Господи, и удостой нас спасения.

Кто же спасется? «Претерпевый до конца», далее – удалением от греховных удовольствий, каковы, например,

карты, танцы и так далее.

Один, человек видел во сне танцующих кадрили, и Ангел Господень вразумил его: «Посмотри, что они делают». Господи, да ведь это поругание Креста Христова! Действительно, французская кадрили была выдумана в эпоху революции для попрания креста, ведь и танцуют ее четыре или восемь человек, чтобы как раз вышел крест. Подобный сон видела одна схимница: ей представилось, что танцующие были объаты пламенем и окружены канатом, а бесы прыгали и злорадствовали о гибели людей.

Господи, и мы теперь сталкиваемся с разнузданностью и восстанием людей один на другого, когда не щадится ни родство, ни дружба. Восстают против законной власти – попирают веру, добродетель, стыд. И не только сталкиваемся, но и участвуем во всем этом, страшимся жить, приходим в уныние. Прости нас, Господи, что мало думаем о загробной участи своей души, когда попираем веру, добродетель, стыд, участвуя «в делах неплодных тьмы».

Вот теперь праздники, но какая разница между тем, как празднуют эти святые дни в миру и в монастыре! Там служат врагу, здесь, в монастыре, – Богу. В то время как в миру беззакония достигают самого большого развития, в монастыре радость и мир о Господе! Торжественная служба умиляет душу и располагает ее сильнее восчувствовать всю беспредельную благодать Господа, родившегося ныне от Безвестной Девы Марии. У нас, например, даже сама природа располагает к тихой радости о Господе. В то время как в миру увлекаются светской литературой, часто безнравственной, в монастыре – чтение Псалтири и в свободное время – Житий Святых. Когда я поступил в монастырь, то у меня явилось желание перечитать всех наших классиков; я открыл это старцу, но тот запретил. Теперь я радуюсь, что послушался мудрого совета, так как желание заняться светской литературой было приманкой врага, чтобы возбудить во мне воспоминания о мирской жизни, а может быть, и сожаление о ней.

Господи, желание заняться чтением светской литературы – это, по старческому слову, приманка врага, чтобы пробудить в

нас внимание к мирской жизни, повышенный к ней интерес. Господи, прости нас, что мы часто эту наживку врага заглатываем и более склоняемся к жизни мирской, нежели к духовной.

Я не хочу сказать, что чтение наших великих писателей было грехом, но есть чтение более полезное и назидательное. Например, чтение Псалтири: здесь мы можем почерпнуть все эстетические наслаждения. Книга эта написана святым пророком и царем Давидом по внушению Святого Духа, сам пророк говорит об этом: «...Язык мой – трость книжника скорописца» (Пс. 44, 2).

Незаменимое чтение представляют собой Жития святых, особенно на славянском языке. В настоящее время славянский язык не всегда понимают, а между тем он несравненно красивее и богаче русского. Один знаток, сравнивая, славянский язык с русским, говорил, что между ними такая же разница, как между дворцом и трактиром. Представьте себе великолепный Миланский собор или собор Святого Петра в Риме, а рядом с ними – простую деревянную церковь, и это будет подобием славянского и русского языков. В миру чтение Жития святых, в особенности на славянском языке, совсем оставили; вы же не сообразуйтесь с обычаями века сего, а занимаетесь этим спасительным чтением. Посещайте монастыри, особенно в праздники; когда и меня не будет, не забывайте приезжать сюда, чтобы отдохнуть душой. А может быть, кого из вас Господь сподобит монашеского чина. Хотя монастырская жизнь полна скорбей и искушений, но она же несет с собой и великое утешение, о котором мир совсем не имеет ни малейшего понятия. Впрочем, как бы ни спастись, только бы спастись и достигнуть Царствия Небесного, которого да сподобит нас всех Господь.

В святые дни, предшествующие празднику Рождества Христова, мы мало времени посвящаем воспоминаниям о Рождестве Спасителя мира. Прости нас, Господи. Видя по телевизору и наяву происходящие объядение, пьянство и разврат, мы не скорбим об этом и уязвляемся подражанием тем, кто так поступает. Прости нас, Господи.

Господи, мы постоянно видим усиление в мире разнузданности, восстание людей одного на другого, и в этом проявлении, как нам кажется, свободы, мы не щадим ни родства, ни дружбы; восстаем против законных властей, попираем веру, добродетель, стыд. Прости нас, Господи.

Не умея искать духовных утешений, мы предаемся поиску удовольствий земных: слушанию музыки, посещению театра и другим. Поэтому часто забываем, что для восприятия духовных утешений сердце наше должно закрыться для наслаждений мирских и наполниться миром и любовью к ближним. Прости нас, Господи, что не умеем и не стараемся долготерпеть, милосердствовать к ближним; завидуем, превозносимся, гордимся, бесчинствуем, ищем своего, раздражаемся, мыслим зло, радуемся неправде... (1Кор. 13, 4–8). И таким образом теряем любовь, а без нее клапан для духовных восприятий не открывается. И от греховных удовольствий мы не удаляемся. Прости нас, Господи.

Господи, прости нас, что мы праздники проводим по-мирскому обычаю, а не по-монастырскому: в миру чаще служат врагу, а в монастыре – Богу; в миру беззакония достигают самого большого развития, в монастыре – радость и мир о Господе, торжественная служба умиляет душу и располагает ее сильнее восчувствовать всю беспредельную благодать Господа; в миру увлекаются светской литературой, часто безнравственной, в монастыре – чтение Псалтири и в свободное время – Житий Святых. Господи, прости нас, что не посещаем в праздники монастырей, чтобы отдохнуть душой. Прости, Господи, что небрежно читаем или же совсем опускаем чтение Псалтири, этой написанной святым пророком и царем Давидом по внушению Святого Духа книги, а так же не читаем Житий Святых. Прости нас.

18. Помощь самоукорения в стремлении к Богу

«Воскресения день, просветимся, людие, Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к Небеси, Христос Бог нас преведе, победную поющая».

Что может быть восторженнее, радостнее этого канона? Полной радости не бывает в этой жизни, где мы зрим Бога яко зеркалом в гадании. Настанет эта радость там, за гробом, когда мы увидим Господа, «лицом к лицу». Не все одинаково будут зреть Бога, но по мере восприятия каждого; ведь и зрение Серафимов отличается от зрения простых Ангелов. Одно можно сказать: кто не видел Христа здесь, в этой жизни, тот не увидит Его и там. Способность зреть Бога достигается работой над собой в этой жизни. Жизнь всякого человека-христианина можно изобразить графически в виде непрерывно восходящей линии. Только видеть это восхождение не дает Господь человеку, скрывает его, ведая немощь человеческую и зная, что, наблюдая за своим улучшением, человеку недолго и возгордиться, а где гордость, там падение в бездну.

Ужасную вещь выдумал Бенджамин Франклин, предлагавший на особых табличках отмечать, в чем ты преуспел за день, за неделю и так далее. Этим путем до невероятной прелести можно дойти и в бездну погибели рухнуть.

Господи, празднуя «Воскресения день», мы еще не умеем видеть, как Христос Бог приводит нас «от смерти к жизни и от земли к Небеси». И это потому, что в этой жизни мы можем зреть Бога только «зеркалом в гадании». Потому и полной пасхальной радости постигнуть не можем, ибо эта радость доступна только тем, кто увидит Господа за гробом и «лицом к лицу». Господи, прости нас, что мера нашего восприятия Тебя крайне низкая, да и мера работы над собой в этой жизни не дает нам навыка зреть Тебя, Бога и Спасителя нашего, со смирением и страхом. Прости нас.

Старец Варсонофий открывает нам, что зрение Бога будет зависеть от меры восприятия каждого, ведь и зрение Серафимов отличается от зрения простых Ангелов. Господи,

прости нас, что мы не изостраем своего зрения, чтобы даром Твоей благодати лучше зреть Тебя, нашего Спасителя.

Жизнь каждого из нас можно изобразить графически в виде непрерывно восходящей линии. Но видение этого восхождения Ты, Господи, скрываешь от нас, чтобы мы не возгордились и не попали в бездну. Господи, прости нас, что мир учит нас наблюдать свое преуспеяние за день, за неделю и так далее, предрасполагая нас к невероятной прелести. И мы к своей гибели идем на поводу у мира. Прости нас.

Нет, у нас путь иной, мы все должны стремиться к Богу, Небу, к востоку. Но должны видеть свои грехи и немощи, исповедуя себя первыми из грешников, видя себя ниже всех и всех над собой. А это-то и трудно. Все мы норовим замечать за другими: вот он в чем слаб, а я нет, я паинька, я лучше его – и так над всеми... С этим надо бороться. Тяжела эта борьба, но без нее нельзя узреть Бога. Правда, «лицом к лицу» видят Его немногие, вроде Серафима Саровского, но хотя бы отображение Его видеть должны стремиться все без исключения. Если веруем во Христа и по силе стремимся исполнять Его заповеди, то хотя бы в щелочку, а все же видим Его. Наше зрение, то есть способность видеть Христа, и зрение святых людей можно сравнить со способностью человека и орла смотреть на солнце. Орел высоко поднимается над землей, парит в небе и немигающими глазами смотрит на солнце, а человеческое зрение к этому не приспособлено, человек не может вынести всей полноты света, а орел может. Так и с Божественным Светом: те, у кого приспособлено к тому духовное зрение, будут Его видеть, а прочие – нет. Пишет мне один мятущийся интеллигент: «Очень тяжело мне. Внешне все обстоит благополучно, и дела идут хорошо, семья дружная, жена хорошая, но беда в том, что душу свою мне открыть некому. Того, о чем я тоскую, не понимает жена, а дети теперь еще малы. Что мне делать? Как избавиться от тоски и скорби?»

Я посоветовал, ему читать Псалтирь. Там есть в 93-м псалме: *«По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою»* (Пс. 93, 19). «Возьмитесь за этот

стих, – написал я ему, – и принимайтесь читать Псалтирь. Думаю, что Бог Вас утешит».

Проходит некоторое время, получаю письмо: «Послушал Вас, начал читать Псалтирь и ничего там не понимаю». Отвечаю: «Ты не понимаешь, но зато бесы понимают и бегут прочь. Читай пока не понимая, а когда-нибудь понимать начнешь». Не знаю, что будет с ним дальше. И вам повторяю: читайте Псалтирь ежедневно, хотя бы понемногу, и Господь не оставит вас Своею милостью, будет всегда вам Помощником и Утешителем.

Преподобный Варсонофий учит нас, чтобы мы стремились к Богу, Небу, к Востоку. Но при этом должны видеть свои грехи и немощи, исповедуя себя первыми из грешников, видя себя ниже всех и всех над собой. Именно это и трудно. Цель этого труда – с помощью самоукорения понять, что мы хуже всех. Без этой борьбы нельзя узреть Бога. Господи, прости нас, мы оставляем труд видеть хотя бы Твое отображение. Господи, прости нас, что верим в Тебя, Христа и Бога нашего, слабо и по силе своей не стремимся исполнять Твои заповеди, Это нерадение и не позволяет нам хотя бы в щелочку видеть Тебя, Господи. Прости нас.

Господи, мы с сокрушением сердечным отмечаем, что наша способность видеть Тебя, нашего Христа, и зрение святых людей сопоставимо со способностью человека и орла смотреть на солнце. Орел высоко поднимается над землей, парит в небе и немигающими глазами смотрит на солнце, а человеческое зрение к этому не приспособлено, человек не может вынести всей полноты света, а орел может. Так и с Божественным светом: те, у кого приспособлено к этому духовное зрение, будут Его видеть, а прочие – нет. Господи, прости нас, что мы более подпадаем под разряд – «прочие», и не укрепляем своего духовного зрения, хотя бы ежедневным чтением Псалтири, молитвой и доброделанием. Господи, умудри нас укреплять свое духовное зрение, прибегая для этого к известным духовным упражнениям.

В первые дни христианства последователи Христа Спасителя причащались каждый день и жизнь вели равноангельскую,

были готовы предстать перед лицом Божиим каждую минуту. Часто случалось, что утром христианин причащался, а вечером его могли схватить и отвести в Колизей. Конечно, находясь в опасности, христиане зорко следили за своим внутренним миром и проводили жизнь в чистоте и святости.

Господи, мы не готовы каждую минуту предстать пред Тобою, как готовы были к этому первые христиане. Прости нас, Господи, что зорко не следим за своим внутренним миром и не проводим жизнь в чистоте и святости, как они.

Но первые века прошли, гонения со стороны неверных прекратились, всегдашняя опасность миновала. Тогда вместо ежедневного причащения стали причащаться один раз в неделю, затем раз в месяц и даже сократили до одного раза в год.

У нас в скиту держатся устава Афонской Горы, где он был составлен святыми старцами и передан во всегдашнее назидание, и в монастыре у нас придерживаются тоже этого правила. Все иноки причащаются пять раз в год, но по благословленной причине можно и чаще. К этому так привыкли, что более частое причащение обращает на себя всеобщее внимание.

– Что это отец Иероним сегодня причащается?

– Ему разрешил старец.

– Но отчего?

– Ему явился диавол чувственным образом, а потому он совсем расслабел.

– Тогда понятно...

Впрочем, исповедоваться можно всегда, даже каждый день, и у нас исповедуют часто. Скитяне даже каждый день приходят к старцу на откровение помыслов, а монастырская братия – раз в неделю. И от монастырской братии, особенно от скитян, требуется высокая жизнь по заповедям Христовым, жизнь равноангельская.

Наши почившие старцы осуществили эти высокие заветы, и Господь прославляет их. Тела их, веруем, лежат нетленными. Про батюшку отца Макария достоверно известно, что тело его не подверглось тлению, в чем могли убедиться, когда ставили

над ним часовню, а ведь он скончался лет шестьдесят тому назад.

Господи, старец Варсонофий говорит, что исповедоваться можно каждый день; от скитян требуется высокая жизнь по заповедям Христовым, жизнь равноангельская. Господи, прости, что мы не придерживаемся этого благочестивого обычая ежедневно исповедоваться и неохотно живем по Твоим, Христе, заповедям. Прости нас, Господи, что мы не осуществляем высоких евангельских заветов.

19. Умение распознавать страсти и стремиться к Богу

Замечательное явление! Тела праведников и подвижников нетленны, от тел же царей и владык мира сего остается горсть золы и больше ничего. Недавно писали, что при раскопках катакомб найдены могилы Диоклетиана, Нерона и других владык, перед которыми когда-то трепетала вся Вселенная. И какова же судьба их праха? Когда служителя спросили, что было в урнах, он равнодушно ответил – зола.

– Да где же она?

– А я отдал ее жене для стирки белья – хорошая зола!

Боже мой! Могли ли эти властелины когда-нибудь предполагать, что прах их попадет в бак для стирки грязного белья! Как много заботились эти люди о своем теле – и вот какова участь этих тел! Святые же, также и все наши оптинские старцы, умерщвляли свое тело – и оно оставалось нетленным.

Господи, нам не безразлично какова будет участь и наших тел. А зависеть это будет от сути нашей жизни: заботились ли мы в течение нашей жизни о своем теле или же умерщвляли его постом и молитвой. Господи, прости нас, что первое нам гораздо ближе, чем второе. И помоги нам помнить и подражать принципам жизни оптинских старцев.

Наша святая обитель привлекает к себе многих богомольцев и часто слышится такое мнение, что, побывав раз в Оптиной, стремятся туда всей душой. Не имеет наша обитель ни чудотворных икон, ни прославленных мощей, но вся земля здесь как бы полита кровью и потом святых старцев, и молитвами их низводится благодать на души верующих. Нигде в другом месте этого нет. Даже наш владыка, как епископ, посещающий обители, всегда говорил, что в Оптиной есть что-то особенное.

Господи, редко нам приходится ступать на землю, политую кровью и потом святых старцев и приобщиться благодати, низводимой на души верующих их молитвами. Господи, прости нас за нерадение бывать в Оптиной пустыни.

В России немного скитов – скитов десять, наверно, будет. Есть у нас один скит, где в храме бывает очень редко кто-нибудь из посторонних, и то лишь за обедней. Утреню же мы совершаем всегда только своей скитской семьей. Сильное впечатление производит наш храм на посторонних посетителей – тихий, пустынный. Один благочестивый человек пожертвовал однажды колокол в сто пятьдесят пудов весом, но он не подошел для скита и был снят. У нас самый большой в тридцать девять пудов.

Господи, наше посещение утрени мы, по примеру скитян, не ассоциируем с принадлежностью к храмовой семье и единению с ней, поэтому и посещаем её менее охотно, чем литургию. Прости нас, Господи, за подобную расположенность не ходить к утрени.

Слава Богу, что в нынешний день, в век неверия и полной разнузданности нравов, есть еще в России святые места, тихие пристанища для желающих спастись.

Трудно спастись среди развращенного общества. В Священном Писании говорится: *«С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши... и со стропти вым развратишися»* (Пс. 17, 26).

Греховные страсти губительно действуют на душу и тело. Уже находясь в монастыре и читая святых отцов, я узнал, что страсти столь же заразны, как и болезни, они также могут передаваться через предметы, как и зараза.

Трудно спастись среди развращенного общества. В священном Писании говорится: *«С преподобным преподобен будеши, с мужем неповинным неповинен будеши..., и со строптивым развратишься»* (Пс. 17, 26). Греховные страсти губительно действуют на душу и тело. Ибо страсти столь же заразны, как и болезни, они также могут передаваться через предметы, как и зараза. Господи, прости нас, что не остерегаемся заразиться страстями, беря и приобретая чужие вещи.

Когда святитель Спиридон, епископ Тримифунтский, ехал на Вселенский Собор, то на пути остановился в одной гостинице. Сопровождавший святого инок, войдя к нему, спросил:

– Отче, не могу понять, отчего это наша лошадь не ест капусту, которую я ей купил у нашего хозяина. Капуста хорошая, впору человеку есть, а лошадь не ест?

– Оттого, – сказал святой, – что лошадь чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты по той причине, что наш хозяин заражен страстью скупости.

Человек, не просвещенный духом, этого не замечает, но святые имеют дар Божий распознавать страсти.

Господи, прости нас, что, будучи не просвещены духом, мы не имеем Божия дара распознавать страсти и не распознаем их присутствия в вещах.

Однажды один из посетителей батюшки отца Амвросия просил продать его шубу, почти совсем новую, на дорогом меху, за половинную цену. С этой целью он оставил шубу у старца. Услышав о ней, козельский исправник приехал к батюшке, прося его благословения на покупку. «Нет, – сказал старец, – не благословляю, она вам не подходит. В Козельске есть один еврей, он ее и купит».

Исправник послушался. Оказалось, что шуба принадлежала человеку, зараженному гордостью, и эта страсть передалась тому, кто ее купил.

Будучи не просвещены духом, мы часто не замечаем этого. Но святые имеют дар распознавать страсти. Так, святитель Спиридон, епископ Тримифунтский, объяснил сопровождавшему его иноку, почему их лошадь не желает есть купленную у хозяина гостиницы капусту. «Лошадь чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты по той причине, что наш хозяин заражен страстью скупости». Похожее было и в Оптиной. Желавшему купить шубу козельскому исправнику отец Амвросий не дал благословения, ибо знал, что шуба принадлежала человеку, зараженному гордостью, и эта страсть передалась бы тому, кто ее купил. Господи, прости нас, что не умеем распознавать страсти и не берем на свои покупки благословения у своих духовников.

У одного богатого помещика случился пожар в доме. Вдруг в комнату вбежал его отец, умерший незадолго перед тем, одетый, как в гробу, и воскликнул: «Пожар!» Собака, спавшая

тут же, бросилась на покойника с отчаянным лаем. Проснулся хозяин и не мог понять, что случилось с собакой, так как покойного отца он не видел, видели только его слуга и собака. Слуга потом и рассказал об этом.

В Священном Писании рассказывается, как ослица видела Ангела, а пророк не видел. У животных бывает особенное зрение, конечно, для нашего вразумления.

Господи, Ты даешь животным особое зрение для нашего вразумления, ибо они видят то, что мы не видим. Прости нас, что не всегда вразумляемся поведением животных.

Много назидательного дает нам и наблюдение окружающей природы. Все знают растение подсолнечник. Свою желтую голову он всегда обращает к солнцу, тянется к нему, откуда и получил свое название. Но случается, что подсолнечник перестает поворачиваться к солнцу, тогда опытные в этом деле говорят, что он начал портиться, в нем завелся червь, надо его срезать.

Душа, алчущая оправдания Божия, подобно подсолнечнику стремится, тянется к Богу – Источнику света. Если же перестает искать Его, следовательно, такая душа гибнет. Необходимо в этой жизни ощутить Христа; кто не узрел Его здесь, тот не увидит Его и там, в Будущей Жизни. Но как увидеть Христа? Путь к этому возможен – непрерывная молитва Иисусова, которая одна способна вселить Христа в наши души.

Душа, алчущая оправдания Божия, подобно подсолнечнику стремится к Богу – Источнику света. Если же перестает искать Его, следовательно, такая душа гибнет. Необходимо в этой жизни ощутить Христа. Путь к этому – непрерывная молитва Иисусова, которая одна способна вселить Христа в наши души. Господи, мы не алчем Твоего оправдания и не идем по своему жизненному пути с помощью Иисусовой молитвы, прости нас.

20. Признаки омертвления души и спасительная риза Христова

У преподобного Иоанна Лествичника спросили, есть ли верные признаки, по которым можно узнать, приближается ли душа к Богу или отдаляется от Него. Ведь относительно обыденных предметов есть определенные признаки – хороши они или нет. Когда, например, начинают гнить капуста, мясо, рыба, то легко заметить это, ибо испорченные продукты издают дурной запах, изменяют цвет и вкус, и внешний вид их свидетельствует о порче.

Ну а душа? Ведь она бестелесна и не может издавать дурного запаха или менять свой вид. На этот вопрос святой отец ответил, что верный признак омертвления души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего, начинает избегать ходить в церковь. Сначала старается прийти к службе попозже, а затем и вовсе перестает посещать храм Божий. Оттого-то для иноков и обязательно посещение службы. Правда, по неотложным делам иногда разрешается не ходить ко всем службам, но при возможности это вменяется в необходимую обязанность. У нас в скиту даже обходят кельи по праздникам, чтобы никто не уклонился от церковной службы.

Есть верный признак омертвления души, о котором говорит преподобный Иоанн Лествичник. По этому признаку душа уклоняется от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего, избегает ходить в церковь. Сначала старается прийти к службе попозже, а затем и вовсе перестает посещать храм Божий. Господи, и нам этот признак хорошо известен. Порой мы подмечаем в себе нежелание ходить к церковным службам. Прости нас, Господи, за уклонение от церковных служб и за разрешение омертвевать нашей душе для Господа.

Есть и другая причина. Страшные явления бывают иногда в кельях иноков. У нас живут в отдельных кельях, но обязательно не менее двух человек в отдельном помещении. Это для того,

чтобы в случае каких-либо бесовских наваждений можно было постучать в келью соседа и попросить помощи.

Был у нас флигелек, где жил один монах, но теперь там не позволяют жить одному. Однажды был такой случай. После вечернего правила он увидел, что в его келлии сидит какой-то человек уже преклонных лет и говорит ему:

– Что ты здесь? Только небо коптишь! Вернись к своим прежним занятиям, ты там принесешь гораздо больше пользы и, получая хорошее содержание, будешь жить в свое удовольствие.

– Но как отсюда уйти? Двери скита крепко заперты.

– Ты об этом не беспокойся, только пожелай – и я мгновенно перенесу тебя. У ворот уже стоит тройка.

– Но кто же ты? Верно, демон? Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – воскликнул опомнившийся инок, и злой дух исчез.

Было около двенадцати часов ночи, когда инок прибежал к батюшке отцу Амвросию и рассказал ему о случившемся.

– Да, страшное видение ты имел, – сказал старец. – У тебя был восьмилегсионный бес, кому он является, почти всегда того убивает.

– Как же я-то спасся?

– Господь известил меня, что ты в опасности, – ответил отец Амвросий, – и я встал на молитву; и тебе Господь напомнил о Своем страшном и славном имени, которого трепещут адские силы.

Да, страшные вещи бывают у нас иногда. Но в монастыре легче победить дьявола, в миру же несравненно труднее, и восьмилегсионный бес, явившись, убивает. А является он людям, которые еще не начали праведно жить, а только еще думают об исправлении жизни.

Господи, прости нас, что мы не открываемся перед духовником о тех испытаниях, которые Ты, Боже, посылаешь нам. Поэтому Господь и не извещает его об опасности, которая другой раз угрожает нам.

Когда я был в миру, то имел товарища, скептически относившегося к монастырям. «Не понимаю, для чего это люди,

особенно иноки, сидят в одиночных кельях и удаляются от людских взоров», – говорил он. А между тем этот человек был монахом в душе, и душа его была чистая, возвышенная. Поэт и музыкант, у него был особый дар читать стихи, как ни у кого другого. Музыка была его страстью. Бывало, рассказывает нам что-нибудь и вдруг восклицает:

– Нет, я не умею объяснить этого словами, а это вот что! – Сядет к роялю, закинет голову, сыграет импровизацию.

– Поняли? – спросит потом.

Часто и не понимали его, но он не изменял своей системы объяснений. Квартира его была обставлена со вкусом и не банально: не было в ней диванов со столами перед ними и креслами по бокам, но было все красиво, изящно, оригинально, как незауряден был и ее обитатель. Душа его всегда питалась высокими идеалами и далека была от всякой житейской прозы. Вначале он отвергал монашество, но позже нашел полное удовлетворение своих высоких устремлений именно в монашестве – в монастыре на Афоне, куда ушел, оставив все в миру.

Господи, наша душа редко питается высокими идеалами и не бывает далека от всякой житейской прозы. Прости нас, Господи, за это.

Я счастлив был в миру тем, что сближался с людьми, действительно заслуживающими глубокого уважения. Случалось мне бывать и в больших собраниях. Другие играют в карты, танцуют, а мы с несколькими лицами такого же душевного склада уйдем куда-нибудь в самую отдаленную гостиную и беседуем. Я, бывало, и в миру не любил говорить глупостей. Иногда нечего говорить – и молчу, а иногда откуда что берется. Это многие замечали.

Господи, мы не умеем сближаться с людьми, действительно заслуживающими глубокого уважения, не имеем смелости беседовать с ними. Прости нас за это, Господи.

Мое удаление от соблазнов мира сего многих смущало, и когда я перестал посещать шумные собрания и полюбил ходить в монастырь, обо мне начали отзываться как о сумасшедшем или, по крайней мере, не совсем нормальном.

– Слышали, Павел-то Иванович с монахами сошелся!

– Неужели? Вот несчастный человек!

Таково было мнение обо мне мирских людей. Да, тяжело спастись в миру! Святитель Николай Мирликийский ушел в пустыню, чтобы там подвизаться в посте и молитве, но Господь не благословил его остаться там. Явившись святому, Господь велел ему идти в мир. «Это не та нива, на которой ты принесешь Мне плод», – сказал Господь.

Таисия, Мария Египетская, Евдокия также не жили в монастырях. Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову – и Он не оставит вас.

Старец Варсонофий говорил, что спастись можно и в монастырях, и в миру. Только не надо оставлять Спасителя. Надо цепляться за ризу Христову – и Он не оставит нас. Господи, прости, что мы мало болеем проблемами спасения, не цепляемся за ризу Христову, не подражаем святым, которые этим «цеплянием» угодили Богу и получили от Него спасение.

Нынче дни Святой Пасхи, самого великого праздника христианской Церкви, – праздник праздников и торжество торжеств. Каждый день церковь оглашается радостными песнями Пасхального канона. Помню, как восхищалась каноном матушка Евфросиния: «Вот, – говорила она, – прошла моя жизнь, ничего не знаю за собой хорошего, с чем предстать перед Престолом Божиим, а услышу пение: **«Воскресения день, просветимся, людие...»** – и радостно, и спокойно становится на душе. **«От смерти бо к жизни, и от земли к Небеси Христос Бог нас приведе...»**

Господь исполнил желание матушки Евфросинии, и скончалась она на Пасху. Когда подняли гроб с ее иссохшим телом, хор запел «Воскресения день» вместо «Святый Боже», двери церкви широко раскрылись, и с улицы волной хлынул свет, и она ушла к вечному, незаходимому Свету.

Да сподобит и нас Господь такой блаженной кончины. Молитесь об этом и, когда диакон возглашает: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны», не забывайте положить поклон, да упокоит вас Господь со всеми святыми.

Проходит наша жизнь, не знаем мы о себе ничего хорошего, с чем предстанем перед Престолом Божиим. И когда диакон возглашает: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны...» нам не следует забывать положить поклон, да упокоит нас Господь со всеми святыми. Прости нас, Господи, что мы мало думаем и молимся о своей христианской кончине.

21. Тоска о потерянном блаженстве

«Житие наше на Небесах есть» – это всегдашняя тема моих бесед, этой мыслью отрываю я себя, своих слушателей от привязанности к земному, тварному. «Житие наше на Небесах есть».

Неудовлетворенность земным чувствуется и у наших великих писателей, например у Тургенева, Пушкина, и у иностранных – Шиллера, Шекспира, Гейне.

Лет пятьдесят тому назад, когда я еще ходил по стогнам мира сего, я читал Гейне, но он всегда производил на меня тяжелое впечатление. Это был великий талант, но не просвещенный духом Христовой веры. Родом еврей, он хотя и принял христианство, но только для получения привилегий. В душе же он был атеист, не верующий ни в христианство, ни в иудейство. И древние языческие философы, например Аристотель, Платон, Сократ, не удовлетворялись земным. Но вот печальное явление: чем выше старались они взлететь, тем глубже падали. С христианином этого не бывает. Напротив, возносясь, от земли, отрывая свое сердце от житейских привязанностей, возносясь горе – к Богу, он изменяется, перерождается и бывает способен ощущать великие радости. Тоска о потерянном блаженстве сквозит в произведениях великих писателей и художников, но нигде эта скорбь, растворенная, впрочем, утешением, не выражается так сильно, как в наших церковных песнопениях и молитвах. В них слышится то рыдание о потерянном рае, то глубокое сокрушение о грехах, то радостная и победоносная песнь о нашем Исккупителе. Взять хотя бы Пасхальный канон. Как он величествен и сладостен, как умиляет и утешает душу, еще не утратившую вкус к духовному! **«Ныне вся исполнишася света, небо, и земля, и преисподняя, да празднует убо мир, видимый же весь и невидимый».**

Господи, прости нас, что мы не стараемся оторвать свое сердце от привязанностей земных и со всей горячностью не ищем духовного изменения, перерождения и потому не

способны еще ощущать великие радости. Господи, прости нас и за то, что наше сердце еще не способно слышать в церковных песнопениях рыдание о потерянном рае, не готово иметь глубокое сокрушение о грехах, и неотзывчиво оно к радостным и победоносным словам о нашем Искупителе. Прости, что не умеем еще перенести центр нашего внимания на наше Житие на небесах.

Да, великие ныне дни. В эти дни радуются и в миру, но не по-духовному. Один радуется, что получил деньги, другой – чины и ордена, третий – по другим причинам. Некоторые радуются, что пост прошел и наступило разрешение на все. Это, пожалуй, законная радость, если только в пище не полагать главного счастья. Но во святых обителях радость бывает о Воскресшем Иисусе. Не оставляйте посещать святые обители, особенно в праздники, когда и меня не будет. Здесь теплится духовная жизнь, согревающая душу человека. Правда, есть и земные радости, облагораживающие душу. Нет греха, например, наслаждаться красотами мира сего. Есть на земле необыкновенно красивые местности. Прекрасны Альпы, освещенные солнцем, великолепны многие места в Италии, про Неаполь сложилась пословица: «Посмотри на Неаполь – и умри». Ни о Париже, ни о Риме этого не говорится. А говорят именно о Неаполе, который действительно дивно хорош со своим голубым морем и горами.

Хороша и наша северная природа. Тургенев живо и ярко описал ее в своих произведениях. Он, между прочим, был в Оптиной и восхищался красотой нашей обители. Но нынешний мир есть только слабое подобие мира, бывшего некогда до грехопадения. Есть мир Горний, о красотах которого мы не имеем понятия, а понимают его и наслаждаются им только святые люди. Этот мир остался неповрежденным, но земной мир после грехопадения резко изменился. Все равно как если бы кто-нибудь лучшее музыкальное произведение, например, Бетховена, разделил на отдельные тона – тогда впечатления целого не получилось бы. Или картину, например Рафаэля, разорвал на клочки и рассматривал отдельные кусочки. Что увидели бы мы? Какой-нибудь пальчик, на другом лоскутке

часть одежды и так далее, но величественного впечатления, которое дает произведение Рафаэля, мы, конечно, не получили бы. Разбейте великолепную статую на части – впечатления от прекрасного не получится. Так и нынешний мир. Некоторые подвижники даже отвращали от него свои взоры. Известен один подвижник, который загородил иконой единственное окно своей келлии, а из него открывался восхитительный вид. Его спросили:

– Как это ты, отец, не хочешь даже взглянуть, а мы не могли налюбоваться на небо, на горы и на Эгейское море с его островами?

– Отчего я закрываю окно, вам не понять, но созерцать красоты мира сего я не имею желания, – ответил подвижник.

Это оттого, что он созерцал красоту Горнего мира и не хотел отвлечь от него своего внимания. Действительно, кто познал высшее блаженство, тот нечувствителен к земным утешениям. Но для сего познания надо иметь высокую душу.

Господи, в наших умах и сердцах даже в пасхальные дни преобладает радость мирская, не духовная. Мы не умеем радоваться о Воскресшем Иисусе Христе, не замечаем теплоты духовной жизни, согревающей душу человека, которая теплится в святых обителях. Прости нас, Господи, что, восхищаясь красотой окружающего нас мира, мы забываем, что он есть только подобие мира, бывшего некогда до грехопадения, и что о красотах этого Горнего мира мы не имеем надлежащего понятия. Прости нас, Господи, что мы не умеем наслаждаться этим Горним миром так, как это делают святые люди, которые от теперешнего мира, измененного грехопадением, отвращали свои взоры, чтобы созерцать красоту мира горнего. Господи, прости, что для познания и созерцания мира горнего мы не имеем высокую душу и не развиваем ее, что не воспитали в себе особый вкус к духовной жизни.

Мне вспоминается такой случай. В одном богатом семействе был вечер. На нем одна талантливая девушка удивительно хорошо исполнила лучшее произведение Моцарта. Все были в восхищении, а у притолоки стоял лакей, подававший папиросы и вообще прислуживающий гостям, и позевывал: «И что это

господа слушают такую скучную музыку? Вот бы поиграли на балалайке...». Он был прав в своем суждении, так как серьезная музыка была ему непонятна. Чтобы понимать произведения земного искусства, и то надо иметь художественный вкус. Возьмем, например, пение. Теперь даже в церковь проникают театральные напевы и мелодии, вытесняя старинное пение, а между тем оно часто бывает высокохудожественным, но его не понимают.

Как-то я был у обедни в одном монастыре и в первый раз слушал там так называемое столповое пение. «Херувимская», «Милость мира» и другие произвели на меня сильное впечатление. Народу было мало, я стоял в уголке и плакал, как ребенок. После обедни я зашел к игумену и рассказал ему о своем впечатлении.

– А вы, верно, никогда не слышали столпового пения? – спросил меня игумен.

– Нет, – отвечаю, – даже названия не знал.

– А что такое столбовой дворянин?

– Ну, это значит имеющий древний род.

– Так и столповое пение – это древнее пение, мы заимствовали его от отцов, а те – от греков. Теперь оно редко где встречается, забывают его, много появилось новых напевов – Алябьева, Львова и других. Правда, и из новых есть необычайное... Турчанинов, например, его напевы известны не только в России, но и за границей, даже в Америке и то оценили его по достоинству. Недавно регент спрашивает меня:

– Благословите запричастный спеть «Воскресения день».

– Бог благословит, – отвечаю, – это и нужно.

– Только новым напевом.

– Каким же? Пропойте хотя бы на один голос.

Он пропел.

– Ну, – говорю, – такой напев может вызвать только слезы уныния, а вовсе не радостное настроение. Нет уж, пойте по-старинному.

Так и спели.

Напев Пасхального канона составлен Иоанном Дамаскиным, и так дивно, величественно составлен. Он

возвышает душу и исполняет духовной радости по мере воспринимаемости каждого. Но появляется вопрос: где ключ для открытия духовных радостей? На это ответ один – в молитве Иисусовой. Великую силу имеет эта молитва. И степени она имеет разные. Самая первая – это произнесение слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». На высших степенях она достигает такой силы, что может и горы переставлять. Этого, конечно, не всякий может достигнуть, но произносить слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» каждому нетрудно.

Господи, из назидательной беседы преподобного Варсонофия нам становится известно, что Пасхальный канон составлен святым Иоанном Дамаскиным. Он возвышает душу, исполняет ее духовной радости по мере воспринимаемости каждого. Ключ же для открытия этих духовных радостей в молитве Иисусовой. Господи, прости нас, что мы не чувствуем великой силы этой молитвы и мало упражняемся в ней.

22. Польза от Иисусовой молитвы

Громадная польза от молитвы Иисусовой. Она – сильнейшее оружие для борьбы со страстями. Одна, например, горда; другую обуревают блудные помыслы, кажется, и мужчин не видит, а все в мыслях блудит, третья завистлива, а бороться с грехами нет сил, где взять их? Единственно – в Иисусовой молитве. Враг всячески отвлекает от нее. Ну что за бессмыслица повторять одно и то же, когда ни ум, ни сердце не участвуют в молитве, лучше заменить ее чем-нибудь другим. Не слушайте его – лжет. Продолжайте упражняться в молитве, и она не останется бесплодной. Все святые держались этой молитвы, и она становилась им так дорога, что они её ни на что не променяли бы. Когда их ум был отвлекаем чем-нибудь другим, они томились и стремились, опять начать молитву. Их стремление похоже было на желание человека жаждущего, например, после соленой пищи утолить жажду. Иногда за неимением воды это не сразу удастся, но желание еще больше усиливается от этого, и, найдя источник, он пьет ненасытно. Так и святые жаждали начать молитву и начинали ее с пламенной любовью.

Господи, мы каемся в том, что не применяем молитву Иисусову в борьбе со страстями, как это делали святые. Прости нас за это оставление молитвы Иисусовой, прости, что не испытываем жажду этой молитвы, не пламенеем любовью к ней.

Иисусова молитва приближает нас ко Христу. В Задонске подвизался известный в свое время подвижник Георгий. Рано познал он всю суету жизни и ушел в монастырь, но и этим не довольствовался, а избрал себе совершенное уединение – затвор. Здесь в посте, молитве и богомыслии проводил он время, но искушения не оставили его. Когда он был еще в миру, то любил чистой любовью одну девушку, и образ ее часто возникал перед ним, смущая его душевный покой. Однажды, чувствуя свое бессилие в борьбе, он воскликнул:

– Господи, если это мой крест, то дай силы понести его, а если нет – изгладь из моей памяти, само воспоминание о ней!

Господь услышал его. И вот той же ночью он видит во сне девушку необычайной красоты, облеченную в золотые одежды. В ее взоре светилось столько неземного величия и ангельской красоты, что Георгий не мог оторвать от нее глаз и с благоговением спросил:

– Кто ты? Как твое имя?

– Мое имя – целомудрие, – ответила девушка, и видение исчезло.

Придя в себя, подвижник возблагодарил Господа за вразумление. Образ, виденный им во сне, запечатлелся так в его уме, что совершенно затмил все другие образы.

И я усердно прошу вас: изгоните все образы из головы и из сердца вашего, чтобы там был только один образ Христа.

Но как этого достигнуть? Опять же молитвой Иисусовой!

На днях приходит ко мне один скитянин-схимник.

– В уныние прихожу я, авва, так как не вижу в себе перемены к лучшему, а между тем ношу высокий ангельский образ. Ведь Господь строго взыщет с того, кто инок или схимник только по одежде. Но как измениться? Как умереть для греха? Чувствую свое полное бессилие...

– Произносите всегда Иисусову молитву и все предоставьте воле Божией.

– Но какая же польза от этой молитвы, если в ней не участвуют ни ум, ни сердце?

– Громадная польза. Разумеется, эта молитва имеет множество подразделений: от простого произношения этой молитвы до молитвы творческой, но нам хотя бы на последней-то ступеньке быть и то спасительно. От произносящего эту молитву бегут все вражеские силы, и такой рано или поздно все-таки спасется.

– Воскрешен! – воскликнул схимник, больше не буду унывать.

И вот повторяю: произносите молитву хотя бы только устами, и Господь никогда не оставит нас. Для произнесения этой молитвы не требуется изучения каких-либо наук.

Господи, прости нас, что мы не чувствуем как Иисусова молитва приближает нас ко Христу и помогает изгонять из ума и сердца все искушающие нас образы, чтобы там остался только один образ Христа. Господи, помоги нам произносить эту молитву хотя бы только устами и не оставляй нас.

Граф Толстой был человек всесторонне образованный, но не имел Христа – и погиб. Земные знания не помогли ему. Отверг он Святую Церковь – и сам был отвергнут.

Господи, прости нас: мы все время стремимся быть всесторонне образованными, а Христа в сердце не имеем и погибаем. Прости нас, Господи, что свою надежду возлагаем на земные знания, а не на Тебя.

Нынче радостное время – Пасха. **«Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»**. Кто это «сущие во гробех»? Это все люди, грешники, прежде мертвые для Бога, но воскрешенные к новой жизни смертью Христа Спасителя.

Старец Варсонофий начинал беседы об Иисусовой молитве чтением отрывка из книги «На горах Кавказа».

Начинается отрывок словами: «Какой ангельский язык может выразить все значение Иисусовой молитвы?» Итак, автор думает, что не человеческому языку говорить о ней. Но каков же этот ангельский язык? И есть ли такой язык? Конечно, нет. И мы не можем представить себе его свойств, ибо он состоит не из звуков, там ведь не будет ничего чувственного.

Знаем мы, что люди часто понимают друг друга по выражению глаз, хотя между ними ничего не было сказано. Есть язык жестов, которым изъясняются глухонемые.

Каков будет ангельский язык, мы не знаем, но только ангельского языка будет достаточно, чтобы выразить значение Иисусовой молитвы. Понятым это значение становится только тем, кто на опыте узнал его. Для занятия Иисусовой молитвой автор книги удалился в горы Кавказа, вел уединенную жизнь и лишь изредка приходил в обитель для исповеди и причащения Святых Тайн.

Все описанное в книге заслуживает полного доверия, как осознанное автором на опыте. Действие этой молитвы покрыто

величайшей тайной. Не в одном говорении слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» она состоит, но доходит до сердца и таинственно водворяется в нем. Через молитву мы входим в общение с Господом Иисусом Христом, молимся Ему, сливаемся с Ним в одно целое. Эта молитва наполняет душу покоем и радостью среди самых тяжелых испытаний, среди всякой тесноты и суеты житейской.

Господи, через старца Варсонофия нам открывается тайна: не в одном говорении слов «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» состоит молитва, но она доходит до сердца и таинственно водворяется в нем. Через молитву мы входим в общение с Господом Иисусом Христом, молимся Ему, сливаемся с Ним в одно целое. Эта молитва наполняет душу покоем и радостью среди самых тяжелых испытаний, среди всякой житейской суеты. Господи, прости нас: мы еще не навыкли так воспринимать Твою молитву и не умеем пользоваться покоем и радостью, исходящими от действия этой молитвы.

Я получил письмо: «Батюшка, задыхаюсь! Со всех сторон теснят скорби, нечем дышать, не на что оглянуться... Не вижу радости в жизни, смысл ее теряется». Что скажешь такой скорбящей душе? Что надо терпеть? А скорби, как жернов, гнетут душу, и она задыхается под их тяжестью.

Заметьте, что не о неверах и безбожниках я сейчас говорю, не о тех, кто тоскует, когда потеряли Бога, – не о них я говорю. Нет, теряют смысл жизни верующие души, вступившие на путь спасения, души, находящиеся под действием Божественной благодати, Не знают они, что это состояние временное, переходное, которое надо переждать. Пишут: «Впадаю в уныние, что-то темное обступает меня».

Я не говорю, что такая скорбь законна, не говорю, что эта скорбь – удел всякого человека. Это не наказание, это крест, и этот крест надо понести. Но как же понести его? Где поддержка? Иные ищут этой поддержки и отрады у людей, думают найти покой среди мира – и не находят. Отчего? Оттого, что не там ищут. Покой, свет и силу надо искать в Боге, через молитву Иисусову. Станет тебе очень тяжело, мрак обступит тебя –

встань перед образом, зажги лампадочку, если она не была зажжена, встань на колени, если можешь, а то и так, скажи: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Скажи раз, другой, третий, говори так, чтобы не одни уста произносили эту молитву, а доходила бы она до сердца. Впрочем, дойдет непременно и до сердца сладчайшее имя Господа, и мало-помалу удалятся тоска и скорбь, просветлеет на душе, тихая радость воцарится в ней.

Господи, бывают в нашей жизни минуты, часы и дни, когда скорби теснят со всех сторон, нечем дышать, не на что оглянуться. Не видно радости жизни и смысл ее теряется. В этих обстоятельствах мы часто забываем, что находимся под действием Божественной благодати, что состояние это временное, переходное, которое необходимо переждать. Господи, прости нас, что не сознаем, что эта скорбь – наш крест, который надо понести. Прости нас, что поддержку себе ищем у людей, думая найти ее среди мира. А надо искать ее в Боге через Иисусову молитву. Господи, прости нас, что, когда становится тяжело, когда мрак обступает нас, мы не встаем перед образом, не зажигаем лампадочку, если она не была зажжена, не встаем на колени и не говорим: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Прости, что не говорим этой молитвы раз, другой и третий, не говорим так, чтобы не одни уста произносили эту молитву, а доходила бы она до сердца. Прости, Господи, мы не добиваемся, чтобы сладчайшее Твое имя мало-помалу удалило тоску и скорбь, просветило душу и тихая радость воцарилась в ней.

23. Удаление из сердца мирских привязанностей

Понять это чудное действие Иисусовой молитвы может только тот, кто на опыте познал его. Представьте, какой-нибудь человек никогда не пробовал меда и станет расспрашивать, что это такое. Как ему объяснить? Скажешь: он сладкий, готовится пчелами, соты с медом вынимают из улья, режут на части... Вряд ли он что-либо поймет. Не проще ли сказать: хочешь узнать мед – так попробуй его. Так и с молитвой Иисусовой. Многие, познав ее сладость и значение, всю жизнь отдавали ей, чтобы сродниться с ней, слиться со Сладчайшим именем Господа Иисуса Христа.

Вам при ваших учебных или иных занятиях невозможно всю жизнь наполнять Иисусовой молитвой, но каждая из вас проходит по двадцать, пятьдесят или сто молитв в день. Каждая по силе своей навывает ей. Пусть одна преуспела на дюйм, другая – на аршин, третья – на сажень, а иная, может быть, на версту ушла вперед, важно, что хоть на дюйм-то продвинулась, и слава Богу за все.

Господи, опыт святых показывает нам чудное действие Иисусовой молитвы. Сладость меда может понять только тот, кто его попробовал. Так и с молитвой Иисусовой. Многие, познав сладость и значение этой молитвы, отдали ей всю свою жизнь, чтобы сродниться с ней, слиться со сладчайшим именем Господа Иисуса Христа. Господи, прости нас за то, что мы не стремимся идти вперед в делании этой молитвы, не продвигаемся хотя бы на дюйм. Прости нас, Господи.

Для занятий этой молитвой уходят люди в монастырь. Правда, в настоящее время монастыри, особенно женские поставлены в такое положение, что все время уходит на исполнение послушаний, хлопоты, работу. Трудно монахиням, а все-таки постепенно проникаются они молитвой и навывают ей. Помню, поступая в монастырь, я вообразил, что там только и знают, что вот так (батюшка молитвенно возвел руки). Но когда поступил, оказалось совсем другое. Мало молитвы, мало труда молитвенного, на одной молитве не проживешь, нужен еще и

труд послушания. Если труд молитвенный и исполнение послушания чередуются, сменяя один другое, так и хорошо, и этим путем легко достигнуть спасения.

Господи, старец нам открывает, что для спасения нам необходимы молитва, молитвенный труд, а также труд послушания. При этом молитвенный труд и исполнение послушания должны чередоваться, сменяя один другое. Идущий этим путем легко достигает спасения. У нас же не так. Мы не придерживаемся чередования молитвенного труда и исполнения послушания. Прости нас, Господи, за это опущение.

Молитву постичь может только тот, кто удалил из сердца всякие мирские привязанности; только в сердце, свободном от пристрастия к миру, может вселиться Господь.

У нас же с этим удалением дело обстоит неблагополучно. Прости нас, Господи, за сердце, еще не свободное от пристрастий к миру.

Помню, лет сорок, а то и пятьдесят тому, назад, был я в одном доме. Собралось там много гостей. Одни, как водится в миру, играли в карты, другие разговаривали, потом начались танцы. Это не был настоящий бал, как-то все вышло неожиданно. На этом вечере была девушка удивительной красоты. Ни в чем она не принимала участия. Потом вдруг встала, подошла к роялю и начала играть. Чувствовалось, что она совершенно ушла от окружающей обстановки, ушла в себя, в свой внутренний мир и, пожалуй, в эти звуки. Стояла чудесная лунная ночь. Долго играла девушка, а когда наигралась, подошла к окну и задумалась. Меня все это заинтересовало, и я решил с ней познакомиться.

Ей было не помню сколько лет, но не менее двадцати. Она оказалась очень глубокой натурой, жившей своей внутренней жизнью. Она любила, и любила так, как умеют любить только такие люди.

Господи, мы не умеем жить внутренней жизнью и любить так, как любила эта девушка. Прости нас, что предмет любви не становится для нас всем, чем мы живем, чтобы им всё наполнялось вокруг нас и в нас.

– Понимаете, он все, чем я живу, свет моей жизни, им все наполняется вокруг меня и во мне; без него все – мрак, все – темнота, и жизнь теряет всякий смысл. Я ему отдала всю себя, свою душу, свое сердце.

– Да, я люблю его, и никого другого не люблю. Все у него, все он унес с собой в могилу, а у меня ничего не осталось.

Недолго продолжалось мое знакомство с этой девушкой, скоро она уехала в Самару, но то время, пока я ее знал, она оплакивала свою первую любовь.

– Я никогда не люблю другого, – упорно повторяла она.

Эта встреча была пятьдесят лет тому назад. Если бы я встретил эту девушку теперь, я бы знал, что ей сказать. Я бы сказал: «Вы говорите, что не любите другого? А я вам советую полюбить знаете кого? Господа Иисуса Христа! Вы хотели отдать свое сердце человеку – отдайте его Христу, и Он наполнит его светом и радостью, вместо мрака и тоски, оставшихся вам после любви к человеку».

Господи, мы не умеем отдавать свое сердце Христу, чтобы Он наполнил его светом и радостью. Господи, прости нас, что мы лелеем свет и мрак, который порой остается в нашем сердце после любви к человеку.

Господи, кто-то из нас, может быть пережил такое чувство и оно, наполовину угасшее, теплится чуть видной искрой в нашем сердце. Прости нас, Господи, и помоги затушить эту искру.

Другие, может быть, сейчас переживают самый разгар этого чувства – гоните его, не отдавайте ему своего сердца, так как его требует Господь Себе. *«Даждь Ми, сыне, твое сердце...»* (Притч. 23, 26), – обращается Он к человеку. Не давайте сердцу привязываться к тленным благам мира сего, гоните из него всякое пристрастие, так как только в свободном сердце, свободном от всех пристрастий, может сотворить Себе обитель Господь.

Господи, мы не спешим гнать из своего сердца чувство, гнетущее нас своей безысходностью. Мы не гасим этой искры, не освобождаем свое сердце от него в пользу животворной любви ко Христу. Мы же привязываем свое сердце к тленным благам мира сего, не освобождаем его от пристрастий. Прости

нас, Господи, за неосвобожденность от мирских пристрастий и сотвори в нас, по милости Твоей, обитель Себе.

24. Мудрость в исполнении заповедей Божиих

Основание всего закона Божия – любовь к Богу и ближним. Старайтесь возлюбить Господа. Как достичь этого? Он Сам сказал об этом: *«Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя...»* (Ин. 14, 21). Итак, по слову Самого Господа, путь к Нему, к Божественной любви один – исполнение заповедей Его, о которых Он, в свою очередь, говорит: «Заповеди Моя не тяжки суть».

Господи, основание нашей христианской жизни – это любовь к Богу и ближним. Мы же не стараемся достичь этого через исполнение заповедей Твоих в должной мере, считая их тяжелыми для исполнения, чем противоречим Тебе. Прости нас, Господи, что неисполнением заповедей Твоих мы не прикасаемся к Твоей Божественной любви.

Заповеди эти все знают, каждый день они читаются или поются на Божественной литургии: «блажени кротцыи; блажени милостивии» и др. (Мф. 5, 3–12). Иная скажет: «Этой заповеди я соблюсти не могу, так как у меня нет средств на милостыню». Нет, и такая может исполнить заповедь о милости, и она может подать если не материальную, так духовную милостыню. Спросите: как же это? А вот как: тебя оскорбила такая-то или такой-то – прости его, вот и будет духовная милостыня.

– Нет, я этого не могу! Разве можно простить такое ужасное оскорбление? Да я как вспомню о нем, так готова растерзать того, кто нанес мне его, а вы говорите: «Прости».

– Так не можешь простить?

– Не могу!

– А простить-то надо! Сил не хватает? Так проси у Бога. Обратись к Нему и скажи: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя, грешную, и помоги мне простить». Скажи раз, другой, третий...

– И что же будет?

– Сама на опыте узнаешь – простишь обидчика.

Господи, заповеди Твои мы знаем, мы слышим напоминание о них на каждой Божественной литургии, но все

время ищем повода, чтобы не исполнять их, например, заповеди о милости, особенно милости духовной. Да, своих сил у нас не хватает, но мы не прибегаем к Твоей Божественной помощи, не просим сил у Тебя с настойчивостью. Прости нас, Господи, и помоги узнать сколь утешительна духовная милостыня – простить обидчика.

Другая говорит:

– Вот та-то пронесла мое имя, яко зло, перед людьми, такого наговорила, чего никогда и не было, прохожу мне не дает колкостями и насмешками.

– А ты молчи, не отвечай ничего, потерпи.

– А разве это можно стерпеть?

– Не можешь? Опять обратиться к Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, и помоги мне стерпеть». Попробуй так просить и на опыте увидишь, что из этого выйдет. И так во всяком трудном положении обращай к Господу – и поможет. Исполни заповеди Его и проси Его помощи.

Беда, если кто понадеется на свои силы и вздумает сам, не прибегая к Божественной помощи, исполнять заповеди, кто вздумает обойтись без смирения.

Господи, мы и потерпеть не можем колкостей и насмешек, потому что в этом деле мы не обращаемся к Тебе за помощью, не просим помочь нам потерпеть. Прости нас. Господи, мы не просим Твоей помощи и во всяком другом деле, чтобы обрести в себе Твою силу исполнять Твои заповеди. И еще мы бедствуем от того, что надеемся на свои силы и, не прибегая к Божественной помощи, думаем исполнить Твои заповеди. Прости нас, Господи, что думаем обойтись в этом делании без смирения.

Две добродетели необходимы в деле спасения: одна – любовь, другая – смирение. Без этих двух не только умная молитва, но и само спасение невозможно.

Господи, прости нас, что без этих двух необходимых добродетелей, любви и смирения, желаем и умную молитву творить и само спасение наследовать.

Ведь вот Толстой, как он ужасно кончил, а раньше был религиозный человек, молебны заказывал, молился со слезами, все, казалось, было, одного не было – смирения. Любил осуждать других, не умел прощать людских недостатков.

Заговорили с ним об одном его соседе.

– Что вы, – говорит, – разве он человек?

– А то как же? Конечно, человек!

– Ну вот, какой же он человек? Просто тварь.

– Да ведь и все – тварь. Ангелы и то тварь: **«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род».**

– Да нет, его нельзя человеком считать!

– Почему же?

– Он безбожник, он в церковь не ходит, в Бога не верит, разве это человек?

А старая нянюшка скажет ему: «Левушка, не осуждай их, пусть они, как знают, а ты их не суди, тебе-то что! Сам за собой смотри». Не мог он переделать себя и плохо кончил.

Господи, прости нас, что и мы любим осуждать других, не умеем прощать людских недостатков и слабостей, не умеем переделывать себя и конец такого отношения к закону Твоему – плох.

Вот теперь иная думает: «Я в церковь хожу, а вон та не ходит, ну какая же она! И та вон что делает, на что уж это похоже», – да так все машет, да машет ручкой, себя лучше других считает. Глядишь, и домахала до того, что упала ниже тех, кого осуждала.

Надо себя недостойнее всех считать – вот верный и единственный путь, ко спасению, и еще – исполнение заповедей Господних. О них Господь сказал, что они «не тяжки суть», но своими силами нам их не выполнить, надо просить помощи у Господа – и даст. Кажется, просто. Просто, но сложно. Помолимся Ему, да просветит и укрепит Он нас в любви Своей.

Господи, мы не умеем считать себя недостойнее всех. Из-за этого мы сходим с верного и единственного пути, ведущего нас ко спасению, Прости нас, Господи, что уклоняемся от пути

спасения, отказывая себе в упражнении считать себя недостойнее всех.

И ещё: на этом пути необходимо исполнять заповеди Божии. Прости нас, Господи, что думаем выполнить их только своими силами, не прибегая в этом вопросе к Твоей помощи.

«Там за далью непогоды есть блаженная страна». Когда я ехал по Сибири к Мукдену, смотрел в окно вагона и думал, что вот так к востоку начинаются неведомые нам страны – Китай, Корея, со своими обычаями, своими нравами. Прежде эти страны коснели во тьме язычества, теперь просвещаются светом Христовым. В столице Японии – Токио, где раньше поклонялись дракону, возвышается великолепный собор. А потом от этих неведомых стран мысль неслась дальше, в страну, где блаженствуют небожители, где нет ни печали, ни воздыхания. О ней хочется говорить, туда вознестись мыслью от земли.

Господи, отказывая себе в размышлении о том, что «там за далью непогоды есть блаженная страна», мы лишаем себя возможности уноситься мыслью в страну, где блаженствуют небожители. Господи, прости нас, что мы не возносимся мыслью туда, где нет ни печали, ни воздыхания. Прости нас.

Земля – это место изгнания, ссылка. За уголовные преступления людей осуждают на каторгу, кого на двадцать лет, кого на пятнадцать, а кого и навсегда, до смерти. Вот и мы провинились перед Господом и осуждены на изгнание, на каторгу. Но как бесконечно любвеобилен Господь, что даже в этом месте изгнания оставил Он нам много красот, много отрады и утешения, которые особенно понимаются натурами, обладающими так называемым художественным чутьем. Эти красоты здешнего мира только намеки на красоту, которой был преисполнен мир первозданный, каким его видели Адам и Ева. Та красота была нарушена грехом первых людей.

Представьте себе чудную статую великого мастера, и вдругхватили по ней обухом. Что от нее останется? Осколки. Мы можем подобрать их, отыскать шею, часть лица, руки. Признаки красоты сохраняются и в этих отдельных осколках, но уже не обрести прежней гармонии, цельности, прежней красоты еще не

разрушенной. Так и грехопадение первых людей разрушило красоту Божия мира, остались нам только осколки, по которым мы можем судить, как прекрасно было все раньше – до грехопадения.

Господи, и мы осуждены на изгнание, на каторгу, но находимся под опекой Твоей любви, и даже в месте изгнания видим много красот, много отрады и утешения, присущих первоначальному миру и нарушенному грехом первых людей. Господи, прости нас, что не чувствуем себя под опекой Твоей любви и разрушаем своими грехами красоту Твоего мира, увеличивая ими количество осколков, по которым мы можем судить, как прекрасно все было раньше, до грехопадения.

Но придет время всемирной катастрофы, весь мир запылает в огне. Загорится земля, и солнце, и луна – все сгорит, все исчезнет, и воцарится новый мир, гораздо прекраснее того, который видели первые люди. И настанет тогда вечная радость, полная блаженства во Христе. По этой-то блаженной жизни и тоскует теперь на земле человеческая душа. Есть предание о том, что раньше, чем человек рождается в мир, душа его видит те небесные красоты, а вселившись в тело земного человека, продолжает тосковать по этим красотам. Так Лермонтов объясняет присущую многим людям непонятную тоску. Он говорит, что за красотой земной душе снился лучший, прекраснейший мир иной. И эта тоска о Боге – удел большинства людей.

Господи, прости нас, что мы не всегда замечаем в себе этой тоски о Тебе и о неземной красоте лучшего, прекраснейшего мира. Прости нас, что мы потеряли способность устремляться к Небу и тосковать о нем.

Так называемые неверы сами по себе верят, и, не желая в этом признаваться, тоскуют о Боге. Только у немногих несчастных так уж загрязнилась душа, так осуетилась она, что потеряла способность устремляться к Небу, тосковать о нем. Остальные ищут. А ищущие Христа обретают Его по неложному Евангельскому слову: *«Ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам»* (Мф. 7, 7).

«В дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14, 2). И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях. И не только о внутренних, но и о внешних. Каждую душу Господь ставит в такое положение, окружает такими обстоятельствами, которые лучше всего способствуют ее преуспеванию. Это и есть внешняя обитель. Когда душа исполняется мира, покоя и радости – это внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

Господи, Ты открываешь нам знание обителей не только небесных, но и земных, не только внутренних, но и внешних. Окружение нас такими обстоятельствами, которые лучше всего способствуют преуспеянию нашей души, являет нам внешнюю обитель, а исполнение души миром, покоем, радостью созидает обитель внутреннюю. Господи, прости нас, что мы не наблюдаем, как созидаются в нас «стены Иерусалимские» и обновляется наше сердце чистотой.

25. Область восторгов от молитвы

Что такое благовест? Знаете, что он собой изображает? Архангельский глас, который прозвучит в конце мира. Об этом конце и напоминает нам благовест, а когда-нибудь и мы услышим тот страшный глас. Но сейчас нас о нем предупредили, мы уже ожидали его. А с тем гласом будет не так. Внезапно, без всякого предупреждения, раздастся он, а за ним – Страшный суд, который будет длиться не год, не месяц и даже не день, а один лишь миг, одно слово решит участь человечества, только слова «приидите» или «отыдите» – и все кончено! Блаженны, кто услышит «приидите», для них начнется жизнь в раю.

Господи, у нас нет внутренней установки, по которой мы не связываем благовест к службе с напоминанием о приближении Страшного Суда. Прости нас, Господи, за это и сподоби нас услышать «приидите», чтобы и для нас открылась блаженная жизнь в раю.

Достоевский, который бывал здесь и сживал в этом кресле, говорил отцу Макарию, что раньше он ни во что не верил.

– Что же заставило вас повернуть к вере? – спрашивал его отец Макарий.

– Да я видел рай. Как там хорошо, как светло и радостно! И насельники, его так прекрасны, полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, и с тех пор повернул к Богу.

И действительно, он круто повернул вправо, и мы веруем, что Достоевский спасся.

В Апокалипсисе апостол Иоанн тоже изображает рай в виде великолепного храма на двенадцати основаниях. Одно основание – яхонт, другое – сапфир, третье – тоже драгоценный камень. В этот храм ведут двенадцать ворот, и каждые ворота состоят из одной цельной жемчужины. Так рисует Иоанн Богослов Град Господень – Новый Иерусалим. Но, конечно, ничего в этом описании нельзя понимать буквально, и эти двенадцать ворот вовсе не похожи вот хотя бы на Святые

ворота скита Оптиной церкви или еще какие-нибудь. Объясняющие Откровение говорят, что под двенадцатью воротами надо понимать двенадцать апостолов, просветивших Христовым учением всю Вселенную.

Господи, прости нас, что не вникаем со всем прилежанием в учение 12-ти Апостолов и остаемся мало просвещенными Христовым учением.

В своем стремлении к этому Граду Господню душа иной раз находит утешение в музыке. Я в миру любил серьезную музыку – Бетховена, Шуберта, например. Иду как-то с концерта. Встречается мне знакомый и спрашивает:

– Откуда вы идете и отчего вы такой радостный и торжественный?

– В концерте был. Что за чудная музыка! В какой восторг приводит она душу!

– Нет, есть иные высшие восторги, выше всяких восторгов от музыки. Сходили бы вот к такому-то, он вас введет в иную область, в область восторгов от молитвы.

И он не солгал. Я любил бывать в церкви, особенно у всенощной в нашем Воскресенском соборе. Любил полумрак, тихий, мерцающий свет лампы, там особенно хорошо молиться. Вот и вы сейчас пойдете ко всенощной, помолитесь там, постарайтесь помолиться хорошенько, постарайтесь войти и углубиться в себя. Ведь в каждом из вас есть мир неизреченной красоты, в котором таится много чистых восторгов, неизглаголаных радостей. Войдите в себя – и они откроются вам. Впрочем, не ждите от молитвы одних восторгов, не унывайте, когда не ощутите радости. Ведь и так бывает: стоишь в церкви, а внутри как будто не сердце, а деревяшка, и деревяшка-то еще и не оструганная. Ну что же, и за то, то есть за деревяшку, слава Богу! Значит, так надо было. Ведь иная душа, пережив высокие восторги, и возмнить о себе может, а состояние «окамененного нечувствия» смиряет ее. И вообще, мы не можем требовать от Бога молитвенных восторгов. От нас требуется молитвенный труд, а радость посылается от Бога, когда это угодно Богу и нам на пользу. Итак, будем молиться Ему и положимся во всем на Его святую волю.

Приходя ко всенощной, нам надо стараться помолиться хорошенько, постараться войти и углубиться в себя. Ведь в каждом из нас есть мир неизреченной красоты, в котором таится много чистых восторгов, неизглаголенных радостей. Господи, мы мало стараемся войти в себя, у нас нет прилежания молиться хорошенько. Господи, прости нас. Нам не следует ждать от молитвы одних восторгов и не следует унывать, когда не ощущаем радости. Господи, мы не смиряемся, когда внутри будто не сердце, а неотструганная деревяшка. Господи, за эту деревяшку мы не склонны благодарить Тебя, посчитав, что так и надо было. Мы не отмечаем, что пережив высокие восторги, начинаем мнить о себе. Господи, прости нас и состояние «окамененного нечувствия» пусть смирят нас. Будем прилагать молитвенный труд, а радость нам пошлет Бог, когда Ему это будет угодно и нам пойдет на пользу. Прости нас, Господи, за нескромное желание восторгов и неумение полагаться на Твою святую волю.

Когда я жил еще в миру, товарищи называли меня идеалистом. Бывало, придут звать меня куда-нибудь:

– Устраивается пикник, целой компанией едем за Волгу с самоваром и закуской. Будет очень весело.

– Сколько же это стоит?

– По десять рублей с человека.

Вынимаю деньги и отдаю за себя, чтобы не слышать упрека, будто уклоняюсь из корыстных побуждений; А потом в день пикника заболеваю некоей дипломатической болезнью и остаюсь дома. Вечером иду на берег Волги. Луна, в городском саду гремит музыка. Я хожу один, люблюсь красотой ночи – и хорошо мне!

А наутро товарищи говорят между собой:

– Был он?

– Нет, не был.

– Ну, конечно, ведь он у нас идеалист.

Вот этот-то «идеалист» и привел меня в конце концов сюда, в скит.

Господи, прости нас, что мало заботимся о проявлении в нас идеалистических настроений и соответствующего им

поведения, пример которого нам показывает старец Варсонофий.

26. План жизни, имеющей своей целью спасение

Сегодня был я в монастыре по делам. Богу было угодно, чтобы, выходя оттуда, встретил я одну девицу, ищущую спасения своей души, и одну монахиню. Зашла у нас речь о том, как строится жизнь человеческая.

Епископ Игнатий (Брянчанинов), с творениями которого некоторые из вас, может быть, уже знакомы, говорит, что жизнь всякой человеческой души строится по заранее намеченному Божественному плану. Иные спросят: что это за план и одинаков ли он для всех людей или каждая отдельная жизнь идет по плану, присущему ей одной?

Придется сказать, что у всех людей, идущих ко спасению, жизнь строится по одному плану, но пути, по которым они идут, бывают различны. Представьте себе круг: от разных точек окружности идут линии, которые все сходятся в одной точке у центра. Центр – это Христос, цель всякой души, ищущей, спасения, а радиусы – различные пути, которыми люди подходят ко Христу.

Господи, мы не стремимся подойти к Тебе, потеряв желание найти путь ко спасению. Прости нас. План же спасения нашей души мы можем увидеть в истории древнего Израиля.

Еврейский народ жил в Египте под властью фараонов. Не довольствуясь господством над Израилем, фараоны начинают притеснять его народ, заставляют исполнять тяжелые работы, участвовать в постройке пирамид, которые сохранились и до нашего времени. Мало того, фараоны издают приказ убивать еврейских младенцев мужского пола, так как евреи очень быстро размножались. Стонет народ под чужим игом и ждет избавителя от Бога. В лице Моисея, «взятого из воды» (заметьте себе – «взятого из воды»), посылается им избавитель. Он совершает много чудес, наводя различные казни на египтян, и наконец фараон отпускает евреев. Моисей выводит их из Египта. Такова история древнего Израиля, но она служит прообразом того, что совершается до наших дней с новым Израилем, с каждой христианской душой, ищущей спасения.

Господи, прости нас, что не вдумываемся в эту аналогию пути спасения, связанную с историей древнего Израиля.

Каждая душа томится под игом мысленного фараона – сатаны, каждая стонет и ждет себе избавителя; и является Избавитель – Господь Иисус Христос, прообразом Которого был древний Моисей.

Господи, мы живем беспечно: и, страдая от обстоятельств внешних, и будучи пригибаемы к земле фараоном мысленным, мы не ищем для себя Избавителя в Лице Господа Иисуса Христа. Прости нас, Господи, за разлечение нашей души.

Знал ли он сам, что является прообразом Спасителя? Думаю, что знал. Господь избавляет душу от гнета фараонова, но что происходит дальше? Едва Израиль ушел из Египта, и уже фараон пожалел, что отпустил народ, и погнался вслед за ним. Так бывает и с человеческой душой. Оставив прежнюю нерадивость, ступили на путь добрый. Неужели твердо, непреткновенно пойдут по нему? Ошибаетесь. Сатана, выпустивший их из-под своей власти, непременно пожалеет о том и устремится вслед. Бегут израильтяне, и вот они у Чермного моря. Сзади погоня, справа – разбойники, слева пустыня, перед ними – вода. Куда деваться? Где искать спасения? Казалось бы, безвыходное положение. Что же Моисей? Помолился он Богу, ударил жезлом по воде, и она расступилась. В длинный водный коридор вступили евреи: идут со страхом по дну моря, а за ними втягиваются полчища египтян. Не маленький был этот коридор. По исследованиям ученых, до сорока верст длиною простирался он. Вышли евреи из воды, а фараон с войском уже на середине моря. Что же делает Моисей? Снова молится, и новое движение посохом, которое вместе с прежним движением составило крест, и волны смыкаются над египтянами. Все войско погибло, ни один не спасся, по слову Писания. Нет больше опасности, нет больше погони, и Израиль спокойно продолжает путь, направляясь к земле обетованной. Подобное состояние переживает и всякая душа человеческая. Но сатана не оставляет ее в покое: отовсюду надвигаются скорби и искушения, кругом обступает

мрак, кажется, положение ее безвыходно, кажется, неоткуда ждать помощи. Но тут-то и является Бог со Своей помощью.

Господи, преподобный Варсонофий нам напоминает о том, что, когда мы оставим прежнюю нерадивость и вступим на добрый путь, то именно тогда и потребуются от нас все мужество, на которое мы способны. Господи, прости, что не запаслись мы мужеством, ибо сатана, выпустивший нас из-под своей власти, непременно пожалеет о том и устремится вслед.

Господи, в минуту опасности мы не умеем, подобно Моисею, прибегать к молитве, к Тебе, Богу нашему, и к вере так, чтобы силой креста быть защищенными от нападений врага и не сходить от страха со своего пути. Прости нас, когда теряем мы веру и больше боимся мы врагов, нежели Тебя, Заступника и Спасителя нашего.

Подобное состояние переживает всякая человеческая душа. Ибо сатана не оставляет ее в покое: отовсюду надвигаются скорби и искушения, кругом обступает мрак, кажется, положение ее безвыходно, кажется неоткуда ждать помощи. И тут-то и является Бог со своею помощью.

Господи, мы, под злым воздействием сатаны, забываем о всегда готовой нам помощи, теряемся от панической боязни и теряем покой, который дать можешь только Ты. Прости нас, Господи, подчас теряющих надежду на Тебя и не умеющих с молитвой дожидаться Твоей помощи.

Крестом спасен древний Израиль – Крестом Христовым спасется и новый Израиль, и часто близкая к отчаянию душа не знает, что стоит на грани, за которой начинается новый путь. Итак, Чермное море пройдено. Но далеко еще до земли обетованной, до земли, текущей медом и млеком. Не сразу попадают туда евреи, сорок лет кружит с ними по пустыням Моисей. Иной человек, узнав о спасительном пути и встав на него, думает, что все уже сделано, что он достиг святости и готов чуть ли не на Небо взлететь. Ошибается. Мало начать спасительный путь, мало обратиться к Богу – еще не здесь начинается страна, где текут мед и млеко.

Господи, Ты и нас часто подводишь к грани, за которой начинается новый путь. Но нам – ой как еще далеко до земли, в

которой течет мед и млеко. Господи, прости нас за поспешность своих желаний взойти чуть ли не на Небо, а надо еще долго ждать и трудиться над собой, чтобы войти в землю обетованную. Прости нас, Господи, за думы о легком пути, где теряется добродетель терпения и даже долготерпения.

Сорок лет ходят израильтяне с Моисеем по пустыне, стремясь к земле обетованной. Бесплодна пустыня, ничего нет кругом, не раз одолевают сомнения евреев, но Господь не допускает им погибнуть. Так и души, избравшие путь богоугождения, высвободившись из-под гнета страстей, оторвавшись от всего, что прежде составляло содержание их жизни, часто устрашаются, увидев себя сразу в пустыне: «Господи, что же теперь делать? Чем жить?» Напрасно смущается такая душа. Бог, пославший ей Моисея, чтобы вывести ее из Египта, пошлет и манну, как послал древним евреям.

Господи, не допусти нас погибнуть, когда перед нами открывается пустыня, ибо мы встали на путь богоугождения, оторвались от всего, что прежде составляло содержание нашей жизни. Господи, прости нас за испуг перед пустыней и открой нам «Моисея» нашего, который бы вывел наши души к земле обетованной и послал бы манну через него, как древним евреям.

27. Величайшее таинство Креста

Кончается сорокалетнее странствование евреев, прообразовавшее странствование каждой души, ищущей Горнего Иерусалима.

Понимали ли евреи, что они служили таким прообразом? Думаю, не понимали. Кто же вводит Израиль в землю обетованную? Моисей? Нет, за то, что усомнился он в Божественном Промысле, умирает он, не достигнув Ханаана, а вводит туда евреев Иисус Навин. Обратите внимание на это имя: Иисус вводит в обетованную землю, и Иисус Христос отверзает нам двери рая. Крестом Своим вводит Он нас туда. Крест Христов – вот величайшее таинство.

Господи, и нам случается сомневаться в Твоем Божественном Промысле и в Кресте Твоем не замечать величайшее Таинство. Прости нас, Господи.

Обратите внимание на подробности, связанные со спасительными страданиями Христа. Распинается Он посреди двух разбойников. Почему между разбойниками? Здесь тоже глубокий смысл. Распятием Своим Господь спасает от проклятия и смерти нас, людей, а все мы, грешные, отпавшие от Бога, являемся разбойниками перед Ним. Разбойники висят справа и слева от Христа тоже не случайно, в этом последующая история всего человечества. Висящий слева изрыгает хулы, а справа слышится голос: *«...помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое»* (Лк. 23, 42).

Господи, прости нас, что мы отпадаем от Тебя за свои грехи и уподобляемся разбойникам, и чаще по левую от Тебя сторону, допуская ропот, говорим о своих обидах на Тебя, требуем доказательств Твоей силы. Господи, прости нас за это и помоги нам держаться правой стороны, чтобы говорить Тебе: «помяни нас, Господи, когда приидешь во Царствие Твое».

И ныне мы видим разделение среди людей, и ныне мы знаем и правых и левых. Приняв такое название, они изрекают себе приговор, не устрашает их пример повешенного по левую сторону. В различной участи этих разбойников судьбы всего

человечества: одна часть его вместе с хулителем низвергается в ад, другая слышит голос Самого Господа: «...Днесь со Мною будеши в раи» (Лк. 23, 43). Одни идут на гибель; другие – в Жизнь Вечную.

Господи, мы не видим в судьбах всего человечества разной участи этих разбойников: одни идут на гибель, а другие – в Жизнь Вечную. Господи, прости нас, что часто замечаем себя на пути левых, и вместе с хулителем будем низвергнуты в ад. Прости нас, Господи, и за то, что нет в нас внутренней установки слушать Твой голос, возвещающий нам: «Днесь со Мною будеши в раи».

Цель всей жизни земной – наследовать Жизнь Вечную, ту Жизнь, где не будет никакого труда, не будет ни скорби, ни воздыханий. Для достижения этой Вечной Жизни идут в монастыри. Впрочем, я никого не зову в монастырь и не говорю, что спасение невозможно в миру. Только не могу не заметить, что взоры лучших людей устремлялись именно к монашеству. Не буду приводить мнения учителей Церкви, воспитавшихся в монастырях. Обращу ваше внимание на творения гениев светской литературы. Возьмем представителя протестантского народа, гиганта человеческой мысли Шекспира, и посмотрим, что он говорит о жизни в миру. Устами героя одного из лучших своих произведений – Гамлета так аттестует он мир: «Мир – это старый сад, заросший сорной травой», А затем добавляет, обращаясь к Офелии: «Офелия, иди в монастырь». Вот как отнесся Шекспир к миру и монастырю.

Господи, прости нас, что наши взоры не устремляются к монашеству, как выразителю наследования Жизни Вечной, той Жизни, где не будет никакого труда, не будет ни скорбей, ни воздыханий.

Иные говорят, что монашество не установлено Господом, что в Евангелии нет указания на него. Это неверно. «...Могий вместити да вместит», – говорит Господь именно о жаждущих высшей жизни (Мф. 19, 12).

Спасть можно в миру, но высшее совершенство достигается в монастырях. И в Писании сказано: «...Не

женивыйся печется о Господних, како угодити Господеви, а оженивыйся... како угодити жене» (1Кор. 7, 32–33).

Господи, нам, живущим в миру, еще не доступен смысл Твоих слов: «Могий вместити, да вместит» и потому мы не устремляемся к высшему совершенству, не заботимся, как угодить Господу. Прости нас, Господи, за инертное отношение к смыслу и цели жизни.

Вот и разница между миром и монастырем. И снова повторяю: я не зову в монастырь – и в миру много путей, которые ведут к Богу и к ближним. Святое это дело, несомненно: спасая других, и сам спасается. Иные посвятили свою жизнь служению больным – и это великое дело. Иные учительствуют – тоже великое дело быть при детях, сеять в их сердца семена Божией истины, насколько это в их силах, насколько они сами поняли и усвоили ее. А иные, может быть, не удовлетворяясь своим служением, хотят достичь высшего совершенства, порвать связи с миром и вступить во святую обитель, и исполняют это, если только их желание угодно Богу.

Господи, мы, когда охотно, когда с принуждением себя, делаем социальную работу для людей, и это великое дело. Но иные из нас, может быть, не удовлетворяясь этим, хотят достичь высшего совершенства, порвать связи с миром и исполняют это, если только их желание угодно Богу. Господи, прости нас, что не имеем желания и стремления к высшему совершенству и не стараемся через это стремление сделать нашу жизнь осмысленной, сделать ее служением Богу и людям.

Сколько верст от Петербурга до Козельска? Пожалуй, больше тысячи, и это расстояние поезд проезжает в одни сутки! Может быть, впоследствии удастся и на воде устраивать железные дороги, укрепив рельсы на особого рода площадках, и понесутся тогда любители путешествий в Африку, Америку Австралию... Наука идет вперед большими шагами; если бы нашим отцам или дедам сказали, что люди по телеграфной проволоке научатся говорить на огромном расстоянии или, например, переговариваться по телефону, то они не поверили бы и, пожалуй, сочли бы человека, рассказывающего о таких вещах, за сумасшедшего.

Да, действительно, в области разных изобретений мы далеко ушли вперед, но стало ли лучше жить людям? Увы, наоборот, стало еще хуже. В 1884–1885 годах была в Париже выставка. Ее посетил один профессор Оксфордского университета. Возвратясь домой, он говорил студентам: «Видел я всевозможные машины, только одной, притом простой, машины я не видел, и на мой вопрос, будет ли такая изобретена, дают отрицательный ответ.

– Какая же это машина? – удивленно спросили студенты

– Машина, делающая счастье, – ответил он.

Господи, Иисусе Христе, когда мы желаем создать счастливую жизнь без Тебя, то горько ошибаемся. Даже занимая скромное положение в обществе, мы, имея веру и любовь ко Господу, будем обладать миром душевным и преуспевать в делах добра, а когда эти качества оставим, то будем разрушать свое счастье и нанесем ущерб нашему спасению. Прости нас, Господи, мы перед Тобою виноваты за самонадеянность и утрату веры и любви к Тебе.

Действительно, счастья нет, так как его хотят создать без Христа – и горько ошибаются. Вот вы занимаете скромное положение, но имеете веру и любовь ко Господу, а потому и обладаете миром душевным. Теперь многие неверы кричат: «Не нужно нам Неба, мы и на земле устроим счастье». А болезни? На это доктора, хорошие доктора, говорят, что медицина отстала, а болезни прогрессируют с удивительной силой.

Появляются все новые и новые болезни, и доктора решительно не знают, как их лечить. Например, недавно появилась новая болезнь: кость становится хрупкой, в ней как бы образуется песок. Отчего это происходит – неизвестно, только больной испытывает адские муки, а медицина бессильна облегчить его страдания. Если приглашают доктора, то не может же он сказать больному: «Я не понимаю вашей болезни» или «Вы должны умереть». Нет, он начинает лечить, как ему Бог на душу положит!

Господи, прости нас: мы не видим в болезнях призыв благодати Божией всё в жизни возложить на Христа и всё

потерпеть как посылаемое нам для спасения. Помоги нам, Господи, брать крест свой и следовать за Тобой!

28. Превращение горечи пережитого в радость

Нет, непрочно земное счастье, и благо человеку, который за ним не гонится, но возлагает все упование свое на Христа Спасителя. Он не будет посрамлен. Сегодня как раз у меня человек, которого сильно обмануло счастье, – это Евгений Николаевич Погожев, пишущий под псевдонимом Поселянин.

Евгений Николаевич происходит из старинного дворянского рода, получил хорошее образование, но сначала был неверующим. Привел его ко Господу случай. Однажды он с тетей собрался в Крым, а та перед этим путешествием захотела побывать у батюшки отца Амвросия.

Господи, вот и мы перед большим путешествием не очень-то спешим попасть к старцу или духовнику за благословением. Прости нас за какую-то внутреннюю упертость.

– Вы, тетушка, поезжайте, а я вас в Калуге подожду, – решительно заявил он.

– Да почему же? Поедем вместе, мне веселее будет, а к старцу ты можешь не ходить.

Евгений Николаевич согласился. Приехали. Тетка спрашивает, не сходит ли он хоть разок к отцу Амвросию, но племянник решительно объявляет: «Нет уж, не просите, к отцу Амвросию я ни за что не пойду. Он замучает меня текстами».

Так и не пошел. Тетка же рассказала о нем отцу Амвросию.

– А нужно бы ему ко мне зайти, – сказал батюшка, – передайте ему, что грешный Амвросий просит его зайти к нему на шесть-десять минут.

Он вышел от отца Амвросия другим человеком. С тех пор начал посещать Оптину и просился в монастырь, но батюшка возразил: – Нет, сначала надо окончить университет, а там я скажу вам, что делать.

Господи, мы часто, не окончив основного дела, устремляемся под влиянием свежих впечатлений на другое. Прости нас. И помоги помнить, что за новое дело надо браться, окончив предыдущее, и взяв на это благословение.

По окончании университета Евгений Николаевич приехал к отцу Амвросию и спрашивает, что же теперь ему делать.

– А теперь, – сказал батюшка, – пишите в защиту веры, Церкви и народности.

Погожев – художник в душе, и это отражается на его произведениях.

Прошло несколько лет, отец Амвросий умер, и Евгений Николаевич осиротел. Приезжал он по привычке в Оптину, но ни к кому из старцев не обращался, так как, по его словам, никто не мог заменить ему батюшку отца Амвросия. Гребцов много, и хорошие гребцы, а кормчего нет. Правда, был кормчий, который поджидал его к себе, и, наверное, беседа с ним принесла бы Евгению Николаевичу большую пользу – это покойный батюшка отец Анатолий, великий старец и преемник отца Амвросия, но Погожев не пожелал к нему обратиться. Однажды зашел он ко мне, я тогда был еще послушником. Разговорились мы с ним.

– Вы – идеалист, Евгений Николаевич, – сказал я ему, – в миру вам не место, ступайте в монастырь, все равно в какой, хотя лучше бы в наш, конечно, где хранятся заветы старцев. Пять лет пребывали бы послушником, десять лет – монахом, пять – иеродиаконом...

– Ну а потом?

– Потом вы были бы старцем, как отец Амвросий. Вы теперь внешний художник, а тогда сделаетесь внутренним.

Господи, мы не стремимся стать художниками внутренними, прости нас. А это очень важно, особенно когда теряем духовного руководителя и не ищем другого, зашориваем свое зрение и не видим других людей, способных помочь нам духовно. Господи, прости нас за замкнутость на самих себе.

Вспомните слова поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Хотя здесь говорится про поэтов, но эти слова больше относятся к монахам. Поступайте в монастырь и найдете мир и радость души.

Не согласился.

– И в миру можно приносить пользу, – ответил он.

– Да, конечно, можно, но в миру и множество соблазнов. Знаете ли вы историю индийского царевича Иоасафа? Царь Авенир, отец его, устроил сыну великолепный замок и хотел, чтобы сын жил у него в роскоши и неге, беззаботной веселой жизнью. Но старец Варлаам обратил юношу ко Христу, и он совершенно изменился. Отец, желая вернуть сына к язычеству, привез ему красавицу Рояйлю, на которой хотел женить его, но Иоасаф не соблазнился красотой невесты, отверг все удовольствия мира и наследовал Царствие Небесное. Как бы и вас не соблазнила Рояйля во дворце.

Не знаю, отчего я это ему сказал, но через несколько лет я узнал, что Евгений Николаевич женился на дочери одного известного сановника, и великий князь Константин Константинович устроил им во дворце свадьбу. Выбор невесты был неудачен: скоро они возненавидели друг друга и через полгода разошлись. Она была женщина практичная и совсем не понимала его. Я не видел Евгения Николаевича двадцать лет, сегодня он приезжал ко мне. Я ему говорю:

– Пройдет время, поступайте в монастырь, я дам вам келлию, и успокоится душа ваша после всех житейских тревог.

– Поздно!

– Ко Христу никогда не поздно, Евгений Николаевич, вспомните разбойника, кажется, и жить-то осталось ему несколько минут, а он возопил: «Господи, помяни меня во Царствии Своем» – и спасся!

Задумался. Не знаю, на что решится, а жаль мне его. Полагайтесь во всем на волю Божию; кто жаждет спасения, вопиет ко Христу: «Спаси меня, Господи, как, Ты Сам знаешь» – того Господь спасет.

Господи, мы часто думаем, что поздно приниматься за серьёзный труд ради Христа. Мы не научились во всем полагаться на волю Божию, жажда спасения у нас очень слабая. Прости нас, Господи, и научи вопить к Тебе: «Спаси меня, Господи, как Ты Сам знаешь».

Расскажу вам страничку из моей жизни. У меня всегда было желание спасения, но окружающие меня люди были равнодушны к вере, опоры найти было не в ком. А между тем мысль говорила мне, что так жить нельзя. Я не знал, на что решиться. Один знакомый инок утешил меня: предайтесь на волю Божию. Когда молитесь утром и вечером, всегда говорите: «Имиже веси судьбами спаси меня, Господи» – и спасет. Так я и молился. Всегда ходил в церковь святого Иоанна Крестителя при монастыре и молился. Туда ходил ко всенощной, а к обедне – в Спасо-Преображенский собор и там, у раки святого Варсонофия, молился: «Святой отче Варсонофие, помози мне!» Не знал я, что выбрать. Идти в монастырь боялся, там поклоны да посты – редька, квас, а я избалован; затем командовать все станут, а я привык к некоторой власти – не выдержать мне. Но Господь все устроил, и я теперь, хотя недостойный, но все же инок. Как бы случайно, но, конечно, по Промыслу Божию узнал я об Оптиной пустыни и о старце Амвросии, взял отпуск на двадцать шесть дней и приехал к нему для решения вопроса, как мне жить. Батюшка Амвросий сказал: «Надо в монастырь идти, но не сейчас, а через два года», – и дал мне некое послушание, а через два года я поступил в скит Оптиной пустыни.

Так и вам поможет Господь на вашем жизненном пути. Молитесь Матери Божией. Она будет ходатайствовать за вас и в этой жизни, а по смерти поможет пройти мытарства и достигнуть Царствия Небесного.

Господи, верим, что Ты помогаешь нам на нашем жизненном пути и всё устраиваешь ко спасению. Но для наследования спасения нам еще нужно молиться святым и Божией Матери, чтобы они ходатайствовали о нас перед престолом милосердия Божия и помогли нам достичь Царствия Небесного. Господи, прости нас, что на своем жизненном пути мы больше полагаемся на себя, а не на Твой дивный Промысл.

Во время пребывания в Оптиной епископа Серафима (в ответ на жалобы одной из духовных дочерей, что много горького пришлось пережить и услышать).

«Горечь сия да превратится в радость».

Когда евреи путешествовали по пустыне, они подошли к громадному озеру Мерра, которое существует до сих пор. Их томила жажда, но вся вода в озере оказалась горькой. Не было возможности ее пить. Народ готов был возроптать, но Бог указал Моисею некое дерево. Погрузил его в воду Моисей, и вода потеряла горечь, стала приятной на вкус. Но то были образы, непонятные для народа, разве только Моисей разумел сокрытый смысл происходившего. Что же преобразовало это дерево, усладившее горечь вод озера Мерра? Древо Креста.

Господи, в своих житейских треволнениях мы испытываем определенную горечь, но не молимся, чтобы «горечь сия превратилась в радость». Мы склонны бываем от этого роптать и забываем прибегать к спасительному древу Креста Христова. Прости нас, Господи, за эту забывчивость и за то, что не видим как Им, Крестом Христовым, жизнь наша услаждается.

И ныне во всех самых горьких обстоятельствах жизни христианин имеет большую отраду в Кресте Господа Иисуса. Как бы ни был грешен христианин, он имеет драгоценную веру в Господа Иисуса и этой верой спасается. И ты спасешься, только держись за Христа. Вопи к Нему – и услышит. Конечно, не голосом вопи, а сердцем: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» И помилует. Помилует!

Господи, и мы имеем драгоценную веру в Тебя, Господа нашего Иисуса Христа, и этой верой надеемся спастись. Прости нас, Господи, если когда-то мы забудем держаться за Тебя и наше сердце не вопит Тебе: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» Помоги нам, Господи, держаться за Тебя и во всех горьких обстоятельствах помнить и верить, что услышишь и помилуешь нас!

29. Жизнь как блаженство

Вы не заметили перемены в моей молельне? Немного вещей я беру с собой. (В это время отца Варсонофия перевели настоятелем в Старо-Голутвин монастырь.)

Образа все останутся, а из картин возьму с собой только портреты великого старца и духовного моего благодетеля отца Анатолия и батюшки отца Амвросия, остальное все останется, как было.

Вот и портрет схимонаха Бориса останется. Дивный это портрет, замечательно выражение его лица, полного любви и кротости. Останется он здесь молиться за меня, грешного. Был он из крепостных и часто говаривал: «Старые порядки лучше были, хотя от барина сильно попадало».

– Вот видите, отец Борис, – отвечал я ему, – попадало, а говорите, лучше было?

– Да я сам был виноват. Бывало, уйду в Херсонскую губернию, начнут искать и вернут этапным порядком. Ну, конечно, на съезжую. Сильно накажут. Я поправлюсь да и опять уйду.

Уходил он, конечно, для молитвы, посещал святые обители, Христа искал и нашел Его.

– Теперь худо стало, – продолжал отец Борис, – потому что власти нет, всякий живет сам собой.

– Ну про Оптину этого сказать нельзя, – возражал я.

– Еще бы, если бы в монастырях всякий жил по своей воле, то совсем была бы гибель.

Господи, мы не умеем искать Христа с таким упорством, какое было у отца Бориса, потому и не находим Его. Прости нас, Господи, что живем сами собою, нет над нами власти.

Отец Борис был необычайно смиренным и считал себя за последнего. Скончался он на Пасху в 1898 году. Пришел я к нему, когда он лежал в больнице. По-видимому, Господь открыл ему время его кончины.

– Молись за меня и братию, попроси молиться в воскресенье и понедельник.

– Да вся братия молится за вас, отец Борис, и я, конечно, обязательно буду за вас всегда молиться, а не только в воскресенье и понедельник.

Отец Борис, как бы не слыша меня, повторил:

– Пусть молятся обо мне в воскресенье и понедельник.

Я не понял его. Утром во вторник я пришел навестить больного и узнал, что он уже скончался. Так и оправдались слова старца: действительно, только в воскресенье и понедельник можно было за него молиться как за живого, а во вторник – уже за усопшего. В час кончины отца Бориса одной шамординской схимнице было видение. Идя к утрени, она увидела зарево на востоке, как раз по направлению Оптиной пустыни. Вглядываясь в зарево, она увидела душу, быстро возносящуюся к Небесам, так же, как преподобный Антоний видел возносящуюся душу пустытника. Схимница рассказала о своем видении, но ей не поверили. Вскоре приехал вестовой из Оптиной к игуменье Евфросинии с известием, что схимонах Борис скончался в четыре часа утра. Видение было как раз в это время.

Господи, и праведные, умирая, нуждаются в молитвах, мы же еще не всегда оказываемся отзывчивыми на их просьбы и неохотно молимся о них из-за суеты и небрежения. Прости нас, Господи, за слабое желание о них помолиться.

Ожидаю сейчас моего бывшего товарища по службе, и мысль как-то колеблется – не могу беседовать с вами так, как обычно. Товарищ этот, хотя я не просил его, хлопотал за меня: был у членов Синода, но сделать ничего не мог. Перевод мой состоялся. Вижу в этом волю Божию, действующую через людей.

Господи, мы не всегда видим волю Твою, действующую через людей, и не готовы по-доброму следовать ей. Прости нас за это.

Может быть, мне не удастся больше беседовать с вами. Утешался я нашими беседами. Помните, всегда на Рождество бывало у меня свободное время. Со второго дня дней пять было в нашем распоряжении, и мы употребляли это время во славу Божию. Выходил я к вам без подготовки, и что внушал

мне Господь, говорил вам на пользу. Были у меня недавно студенты Духовной академии и вспоминали свое первое посещение меня, недостойного. Было их несколько человек. Некоторые из них – иеромонахи. Все с богословским образованием, многие прекрасно говорят проповеди. Шли они ко мне и рассуждали:

– Что может он нам сказать в назидание? Ведь игумен Варсонофий не имеет богословского образования!

– Вы же задали нам такой вопрос, на который никто из нас не мог дать надлежащего ответа. Мнения разошлись. А когда спросили вас, вы дали прямой ответ, который сначала всех удивил, а потом все с ним согласилось. Вы спросили: «Что такое жизнь?» Затем определили это понятие кратко: «Жизнь есть блаженство». Сначала начали возражать: «Как блаженство? Когда на каждом шагу скорби, болезни, неприятности», Вы же говорили: «Жизнь есть блаженство, и не только оттого, что мы верим в блаженную жизнь (вечность), но и здесь, на земле, жизнь может быть блаженством, если жить со Христом, исполнять Его заповеди. Если же человек не будет привязан к земным благам, но будет во всем полагаться на волю Божию, жить для Христа и во Христе, то жизнь еще и здесь, на земле, сделается блаженством. Сам Христос сказал, что есть у врат для достижения блаженства». Из-за оригинальности сравнения мы вас не поняли и недоумевали, о каких вратах вы говорите. Вы тогда пояснили нам: «блажени милостивии, блажени чистии сердцем», они получают наивысшее блаженство.

Господи, мы всецело еще не можем жить с Тобой, исполнять Твои заповеди. Прости нас и удостой пережить блаженство еще здесь на земле через исполнение Твоих заповедей.

Христос всех призывает к блаженству. Вот теперь Пасха, и Царские врата открыты, но входить в них не может непосвященный, а только священники и диаконы; в двери же блаженства может войти каждый, кто только пожелает. Другое дело, как войти, а войти можно и должно. В настоящее время многие живут по плоти и духовной радости не ищут. Чего

прежде всего хотят достигнуть? Во-первых, богатства. Затем – славы. Для достижения же этого ничем не брезгают. Господь сказал: «*За умножение беззакония, иссякнет любовь*» (Мф. 24, 12). Большинство людей уклонились, отошли от Христа. Людей, не разделяющих их взгляды, люди века сего называют отсталыми, непрактичными. По поводу слова «непрактичный». Это значит – не вор. Например, взять хотя бы генерала Черняева: боролся с турками, много услуг оказал государству, он был человеком «непрактичным», то есть не хапнул ни из сербской казны, ни из нашей, хотя и мог. За это люди практичные осуждали его, а затем посыпались на него всякие беды. Спаси вас, Господи, быть людьми практичными!

Господи, через старца Ты нам напоминаешь, что в двери блаженства может войти каждый, другое дело, как войти, а войти можно и должно. Господи, прости нас, что мы живем по плоти и не ищем духовной радости. Мы ищем богатства, славы; и многие, чтобы достичь этого, ничем не брезгают. В результате «за умножение беззаконий, иссякает любовь». Господи, прости нас, что уклоняемся от Тебя, теряем любовь к Тебе.

Люди века сего, других людей, не разделяющих их взгляды, называют отсталыми и непрактичными. А слово «непрактичный» означает – не вор. Господи, прости нас, когда мы ведем себя как люди практичные.

Будьте всегда с Господом, Христос посреди нас есть, и был, и будет.

Людей непрактичных часто упрекают в мнимой гордости: он – гордец, говорят, и это кажется им истинным. И первых христиан обвиняли в гордости. Приводят их, например, к игемону, и тот требует: «Поклонитесь богам!»

– Не поклонимся, так как мы поклоняемся Единому Богу, создавшему небо и землю, – Господу Иисусу Христу.

– Гордецы вы! Смиритесь перед богами!

– Никогда!

И так обрекают их на мучения. Игемон требует смирения ложного; исполнять его желание – значит отречься от Христа что, конечно, невозможно исполнить. И в частной жизни говорят: «Смирись, живи, как все живут, не будь гордой, не выделяйся

среди других». Не слушайте этих советов, некоторые смущаются, отпадают от Христа и гибнут навеки.

Людей непрактичных часто упрекают в мнимой гордости. Мир часто требует смирения ложного: исполнять его желания – значит отречься от Христа, что, конечно, невозможно исполнить. И в частной жизни говорят: «Смирись, живи как все живут, не будь гордой, не выделяйся среди других». Господи, прости нас за то, что слушаем эти советы, смущаемся, и кто-то отходит от Христа и приближает к себе гибель навеки.

Спрашиваю иногда посетителей:

– Есть у вас дети?

– Как же, – отвечают, – сыновья и дочери.

– Как же вы хотите устроить их судьбу?

– Да так: сына хочу видеть инженером, у него самого к этому наклонности, дочерей замуж отдать за богатых и знатных людей.

– И вы думаете, что они будут счастливы?

– Конечно! – отвечают с уверенностью.

А о том, как постараться, чтобы дети стяжали Христа, не думают. Говорят, все можно купить за деньги. Только Христа ни за какие сокровища мира нельзя купить. А без Христа нет жизни, нет спасения. Удивлялись студенты, как удалось мне все сказать на пользу. Я же ответил им, что я не сам придумал, что сказать, а говорил то, что возвестил мне Господь.

Господи, и мы часто стараемся устроить счастье своих детей по своему разумению, как этого требуют обычаи мира сего, и уверены, что они от этого будут счастливы. И мы не заботимся, чтобы наши дети стяжали Христа, а без Христа нет жизни, нет спасения. Господи, прости нас.

30. Осмотрительность в делах духовной жизни

Что же вам сказать в утешение и назидание? Сегодня я прочел одну статью, которая вам может быть полезна. В Сибири живет много инородцев, в том числе бурят. Живут они патриархально, добры, простодушны, по вере – буддисты. Однажды приехало ревизовать сибирские области одно высокопоставленное лицо – какой-то генерал-губернатор. Побывал он и у бурят, отнесся к ним милостиво и был, по видимому, поражен огромным идолом. Встал он перед ним на колени и помолился со слезами. На обратном пути он заехал опять в тот улус (селение), где была кумирня Будды, снова поклонился ему и попросил всех бурят с их жрицами и старейшинами собраться для беседы.

– У меня к вам большая просьба, исполните ли вы ее?

– Непременно исполним, ваше превосходительство! Вы так уважаете нашего Будду, что мы считаем вас своим.

– Да, я буддист, и вот у меня к вам просьба: дайте мне на время вашего Будду, я свезу его домой в Иркутскую губернию, в свою семью, чтобы они все поклонились ему. Я воздвигну ему кумирню, а затем приезжайте за ним, я отдам вам его.

Все согласились.

– У нас есть подставной Будда, он будет покамест вместо настоящего.

Уложили в ящик, и генерал отправился в путь. Проходит месяц, два, целый год. Соскучились буряты о своем боге: что же его превосходительство не возвращает Будду? Написали ему, он ответа не прислал. Написали в другой раз, он ответил уклончиво. Поехали старшины в Иркутск, оказалось, что его превосходительство перевелся в Петроград и бога взял с собой. Погоревали, погоревали буряты, да что же делать?

Но неужели генерал действительно верил в идола? Ничуть! Ларчик просто открывался: Будда был сделан из чистого золота и стоил больших денег. Поклонился он не Будде, а золоту и употребил сатанинскую хитрость: золоту принес жертву. Идола он велел разбить на куски и перелить на монетном дворе.

Отрекся он от Христа, поклонился золоту, тому золотому тельцу, которому и раньше поклонялись неразумные люди и теперь кланяются.

Да сохранит вас от этого Господь!

Господи, прости нас, что иногда мы золото ценим выше своей веры во Христа, готовы обманывать простодушных людей и даже кланяться золотому тельцу. Господи, прости нам наше неразумие.

На днях я уезжаю в место, мне совсем неизвестное, знаю только, что везде Бог. Конечно, не найти мне таких отцов и братии, как здесь; единицы будут, но чтобы все были одного направления и искали только Христа – в этом сомневаюсь. Жизнь становится все слабее. Монастырек, говорят, бедненький, но этим я не смущаюсь. Господь пошлет, и нуждаться не будем. Когда я принимал настоятельство от отца Иосифа, он вручил мне сто рублей денег, из которых велел заплатить 54 рубля одному козельскому торговцу, у которого он брал для скита рыбу и другие припасы. Следовательно, на содержание скита осталось только сорок шесть рублей. Сначала мне приходила на ум мысль, как буду на такие средства содержать скит? Но затем я успокоился, положившись на волю Божию. Ведь скит-то не мой, а Иоанна Крестителя, он нас и прокормит, чего мне смущаться? И действительно, Иоанн Креститель не оставил скит, и в настоящее время он вполне обеспечен.

Глубокая вера старца Варсонофия в то, что скитом управляет не он, а святой Иоанн Креститель, помогает нам понять, что и нам надо верить, что это действительно так. Прости нас, Господи, что не умеем доверять тому святому лицу, которому посвящен монастырь и который заботится о своих насельниках.

Мы ни в чем не нуждались. Рекой лились пожертвования. В скиту у нас пища простая, но вкусная и питательная, всего вдоволь. Не знаю, как в духовном, отношении, а внешне все хорошо. Просил я себе, как милости, оставить и старчество, и настоятельство, и духовничество, позволили бы мне только удалиться в мою безмолвную келлию, чтобы оплакивать свои

грехи, но разрешения не получил, и я вполне подчиняюсь решению Священного Синода. Кто будет здесь настоятелем и старцем, не знаю; верю, что Господь пошлет и, может быть, более достойного, чем я, грешный.

Господи, умение подчиниться решению Священного Синода, даже если бы ты был не согласен с этим решением, является важной чертой в послушании. Прости нас, Господи, к такому безропотному послушанию мы не готовы.

Я не запрещаю вам приезжать в Оптину, а если захотите посмотреть, как живет грешный Варсонофий, то загляните в Голутвин. Провожать меня до монастыря не благословляю, неудобно это, чтобы не давать повода для всякого рода рассказов. А когда устроюсь, Бог благословит, если пожелаете. Да спасет нас всех Господь.

Осмотрительность в делах, чтобы избежать всякого рода рассказов, важная черта старческого поведения. Она должна стать присущей и нам. Господи, прости нас, что мы, будучи неосмотрительными и не имея рассудительности, навлекаем на себя пересуды людей и осуждение. Господи, помоги избегать провокации к осуждению.

Все, о чем говорил сейчас всечестнейший отец наш священноархимандрит Ксенофонт, о тех трудах, которые мне пришлось перенести, я не приписываю своим силам, но Благодати Божией, «немошная врачующей» и «оскудевающая восполняющей». По святым молитвам Вашим, всечестнейший отец архимандрит, и всей братии до одного, Господь помогал мне. Иначе моими немощными силами я ничего не мог бы сделать. Честнейшие отцы, и братия, и чада мои духовные, я старался любить вас. Насколько Господь помогал мне исполнить это, не могу судить, но Христос принимает и намерение – мое желание было всегда любить вас. «От Господа стези человеку, и Той управит путь его», – сказал отец архимандрит, и истинны слова его.

Господи, мы стараемся любить своих близких, и Ты помогаешь нам. Мы знаем, что от Тебя стези человеку, и Ты «управишь стези его». Прости, Господи, что не всегда помним эти слова и теряем мир в душе своей.

Хотя со скорбью в сердце принял я известие о моем назначении – тяжело мне расставаться со всем тем, что дорого мне, но я надеюсь, что и там Господь не оставит меня. Не думал я, что придется уезжать отсюда, но решение Священного Синода принимаю как волю Божию, памятуя слова Апостола: *«не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем»* (Евр. 13, 14).

Прошу святых молитв ваших за меня, недостойного.

Господи, когда тяжело на душе и надо принимать решение о себе священноначалия, то принимать его надо как волю Божию, памятуя слова: *«не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем»*. Господи, прости нас, что не можем мы спокойно принимать подобные о себе решения и склонны бываем унывать.

Давно это было, в V веке, то есть от Рождества Христова прошло пятьсот лет. Два образованнейших мужа, и притом глубоко верующих, решили совершить кругосветное путешествие и обойти все существовавшие тогда монастыри, чтобы узнать и записать особенные случаи милости и Благодати Божией в назидание себе и другим. В настоящее время, к сожалению, образованность светская и глубокая вера не соединяются, а сплошь и рядом случается, что светские образованные люди бывают неверующими и часто ведут порочную жизнь. Но с этими мужами было все иначе. Образование не удалило, а приблизило их к Богу. Путешествие свое они совершили и составили книгу под заглавием «Луг духовный».

Люди летом стремятся покинуть душные города, чтобы подышать свежим воздухом: одни на неделю, другие на месяц, а более состоятельные уезжают на все лето. Подобно тому, как освежающе действует на человека, природа, так и эта книга освежает человека духовно. Издается она в Троице-Сергиевой лавре, цена высокая, но стоит она дороже всех денег.

Среди прочего там говорится про монахиню, удалившуюся в пустыню, чтобы не быть соблазном для полюбившего ее юноши. Она живет там восемнадцать лет, питаясь мочеными бобами, которые она взяла из города. Про мужа и жену,

отдавших пятьдесят монет Богу и потом получивших обратно вшестеро больше...

Господи, прости нас, что образование часто отдаляет нас от Тебя, а не помогает приблизиться к Тебе. Господи, прости нас, что книги «Луг духовный» мы не читали и духовной мудрости из нее не почерпнули.

Подобно тому, как освежающе действует на человека природа, так и эта книга освежает человека духовно. Господи, мы мало стремимся к духовному освежению, и поэтому эта книга не стоит на видном месте в нашей библиотеке. Мы не стремимся к духовной свежести, которую дает эта книга. Прости нас, Господи.

Господи, мы не имеем такого доверия Тебе и такого бескорыстия, как у людей из «Луга духовного». Прости нас и умудри держать эти примеры в своей памяти и в похожих обстоятельствах поступать подобно им.

31. Переправа на другую сторону

Сегодня одна из моих духовных дочерей просила меня подписать карточку. Еще до обедни я подписал ее, как обыкновенно надписывают: «Боголюбивой рабе Божией такой-то от грешного архимандрита Варсонофия», хотел уже выставить дату, но сначала раскрыл Евангелие, и вышла 4-я глава от Марка, 35-й стих: «...Переправимся на ту сторону». Эти слова я написал, а потом уже выставил дату.

Господи, мы не приучены делать подписи на открытках и, прежде чем поставить дату на ней, раскрывать Евангелие и выписывать из него слова, какие выйдут. Прости, Господи, что нет у нас подобной культуры.

Идя к обедне, я раздумывал, что бы означали эти слова. Как вы знаете, я уже говорил вам, что Евангелие имеет двоякое значение: одно историческое, другое – глубоко таинственное, относящееся ко всякой христианской душе. Так и здесь. Слова «переправимся на ту сторону» Господь сказал Своим ученикам при таких обстоятельствах. Христос и Апостолы находились на западном берегу Генисаретского озера. Кто не совсем забыл географию, тот знает, что это озеро находится в Азии, в Палестине, расположенной у Средиземного моря. Христос сказал: «Переправимся на ту сторону, – и ученики, взяв с собой Иисуса, поплыли». Они находились на середине озера, как поднялась сильная буря. Волны заливали лодку, а Христос спал у кормы. Ученики в страхе начали будить Его: «Учитель, проснись, мы погибаем!» И, восстав, Господь запретил ветру, и сделалась великая тишина. Так говорит Евангелие об этом событии.

Господи, мы часто не размышляем над словами Евангелия, прости нас. Господи, мы редко слушаем тишину и до конца не воспринимаем, как она наступает. Прости нас, Господи, и научи, хотя бы в храме, слышать и чувствовать Твою тишину.

Но есть еще и другой смысл этого повествования. Каждая душа ищет блаженства, стремится к нему, но греховная жизнь не дает человеку истинной радости, напротив, несет с собой

тоску и разочарование. И вот в душе раздается голос Божий: «Переправимся на ту сторону». Господь зовет начать новую жизнь во Христе.

Томится душа и нигде не находит утешения. Обращается к родным, но и те не понимают ее: «Надо тебе развлечься, пойдем в театр, мы уже и ложу взяли». Знакомые тоже предлагают разного рода развлечения, но все это не в состоянии утешить душу ищущую Бога. К кому идти? Рассказывать все священнику? Но пойти к нему на дом стеснительно, а в церкви поговорить с ним трудно. Конечно, можно прийти на исповедь, но у каждого священника масса исповедников, в пост до двух тысяч и более бывает, где же ему взять время еще и для беседы?

Но вот Господь посылает ищущей душе руководителя – в лице подруги или духовника, она может теперь с их помощью переправляться на другую сторону.

Но есть еще и другой смысл этого повествования. Господи, прости нас, что хоть душа наша и ищет блаженства, и стремится к нему, но греховная жизнь не дает нам истинной радости. Она несет нам даже тоску и разочарование. Прости нас за это и помоги услышать в своей душе глас Твой: «Переправимся на ту сторону». Господи, Ты зовешь нас начать новую жизнь, а мы не слышим и не трогаемся в путь. Прости нас, Господи.

Господи, томится душа наша и нигде не находит утешения. Обращается и к родным, и к знакомым, но те не понимают ее: «Надо тебе развлечься». Но никакие развлечения не в состоянии утешить душу, ищущую Бога. Господи, прости, что крайне редко просим у Тебя руководителя своей бедной ищущей душе. А Ты посылаешь его нам – в лице подруги или духовника, и душа наша с их помощью может переправиться на другую сторону. Господи, прости нас, что отказываем своей душе переправиться на другую сторону.

Когда ученики сели в лодку, то взяли с собой Иисуса. Так и в плавании по житейскому морю необходимо быть с Господом. Замечательно, что Христос находился на западной стороне и поплыл к востоку; и всякая христианская душа стремится к востоку, к Горнему Иерусалиму. Но враг не оставляет человека.

Вот поднимается сильная буря – буря страстей и скорбей. Нестерпимо тяжело, а Господь как будто все позабыл и спит. «Господи! Господи! Спаси меня, я погибаю», – должна вопиять душа, и Господь, может быть, не скоро, но все-таки услышит ее, а когда войдет Он в душу, то воцарится великая тишина, умолкнут страсти, водворятся мир и радость.

Когда ученики вошли в лодку, то взяли с собой Иисуса. Так и в плавании по житейскому морю необходимо быть с Господом, ведущим нас к востоку, к Горнему Иерусалиму. Господи, прости нас, что мы не задумываемся и не чувствуем, куда берет курс наша лодка, когда отправляется в плавание по житейскому морю.

Но враг нас не оставляет. Вот начинается сильная буря – буря страстей и скорбей. Господи, прости нас, что когда нам нестерпимо тяжело от страстей и скорбей, мы не вопием к Тебе, Господу нашему, постоянно и неотступно, чтобы тишина воцарилась в нас, умолкли страсти и воцарились мир и радость. Прости, Господи, нас за отсутствие этого к Тебе вопля о спасении.

Часто обращаются ко мне с вопросом: «Как спастись?» «Как получить Царство Небесное?» В Евангелии сказано: «...Аще не снесете плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе» (Ин. 6, 53). Следовательно, тот, кто принимает Пречистое Тело и Кровь Христовы, тот получает залог Жизни Вечной.

Для спасения необходимо быть членом Православной Церкви. В настоящее время развелось множество сект, все они находятся во вражде между собой и только в одном сходятся – в непримиримой вражде к Православной Церкви, в желании устроить ей какую-нибудь пакость. Особенно распространились теперь вредные баптистские секты, похищающие многих из лона Православной Церкви. Приходила ко мне недавно одна женщина в большом горе: муж ее изменил Православию, перешел в баптисты и оставил ее с малыми детьми. Спрашиваю:

– Отчего же он перешел? За деньги?

– Нет, он был верующим, все книжки читал и хотел спастись, да, к несчастью, встретился с баптистами. Те говорят ему: «Переходи в нашу веру, так как истина на нашей стороне». Он и поверил им. Сначала перестал ходить в церковь, два года не причащался, а теперь и совсем ушел к баптистам, а нас бросил. Что будет с ним?

– Он погибнет, – отвечаю, – если не вернется к Православию.

Иногда приходят ко мне сектанты:

– Вот мы веруем во Христа и ищем Его, где Он?

– Он, во-первых, на Небе проявляет Свое особенно славное присутствие, а во-вторых, на земле – в Церкви. Вы находитесь в ней?

– Нет, от Церкви мы отошли, но все-таки надеемся спастись.

– Ну, так суетна ваша надежда, вне Церкви спасение невозможно.

Люди, находящиеся в Православной Церкви, направляются к Горнему Иерусалиму, то есть к Царствию Небесному, верным путем. Они плывут по житейскому морю в ладье, где кормчий – Сам Христос. Те же, которые вне Церкви, стремятся переплыть это море на одной доске, что, конечно, невозможно, и гибнут безвозвратно.

Господи, и мы иногда оставляем посещение церкви и подолгу не причащаемся Святых Даров, не получаем залог Жизни Вечной, прости нас.

32. Созерцание Премудрости Божией

Господь беспредельно благ. Жертва, принесенная на Голгофе, бесконечно велика. Так что грехи всего мира по сравнению с этой жертвой «яко ничесоже». Это все равно, как если бы кто взял горсть или пригоршню песка и бросил в море. Замутилось бы оно? Разумеется, нет, море осталось бы по-прежнему незамутненным. Но и эта горсть может погубить нас, если мы не считаем себя грешниками и не каемся перед Господом. Причащение Святых Тайн восполняет урон, нанесённый душе грехами, отчего, особенно у простых людей, всегда спрашивают, причащался ли больной перед смертью. Если выясняется, что усопший сподобился Святого Причащения, то успокоительно произносят: «Слава Тебе, Господи!»

Со слов преподобного Варсонофия мы теперь знаем, что Причащение Святых Христовых Тайн восполняет тот урон, который нанесен душе грехами. Господи, прости нас, что мы и урона от грехов по-настоящему не чувствуем, и восполнения этого урона не вымаливаем у Господа.

Однажды, когда я был еще послушником, теплой июльской ночью вышел из своей безмолвной келлии. Луны не было, но бесчисленное множество звезд сияло на темном небе. Любил я ходить по уединенной аллее скитского сада в это позднее время, чтобы, оставшись наедине с Богом, отрешиться от всего житейского. Подхожу к большому пруду и вдруг вижу одного нашего схимника, отца Геннадия, проведенного в скиту уже шестьдесят два года. В последнее, время он, совсем не выходил за скитские ворота и позабыл про мир. Стоит неподвижно и смотрит на воду. Я тихо окликнул его, чтобы не испугать своим внезапным появлением, подошел к нему:

- Что делаешь ты тут, отче?
- А вот смотрю на воду, – отвечает он.
- Что же ты там видишь?
- А ты ничего в ней не видишь? – в свою очередь спросил отец Геннадий.

– Ничего, – ответил я, – вода и вода.

– А я, – сказал схимник, – созерцаю Премудрость Божию. Я ведь полуграмотный, только и научился Псалтирь читать, а Господь возвещает мне, убогому, Свою волю, и дивлюсь я, что часто ученые люди не знают самого простого относительно веры. Видишь ли, все это звездное небо отражается в воде, так и Господь вселяется в чистое сердце, следовательно, какое блаженство должны ощущать души, стяжавшие чистоту: *«Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят»* (Мф. 5, 8).

Господи, Ты и нам даешь возможность созерцать Твою Премудрость и напоминаешь нам, что Ты вселяешься в чистое сердце, наподобие звездного неба, отражающегося в воде. Господи, прости нас: мы не имеем чистоты сердца и не умоляем Тебя дать его нам.

– Вот я, сколько ни стараюсь, не могу стяжать душевной чистоты, хотя и знаю, как это важно.

– А понимаешь ли ты, что такое чистота сердца? – спросил отец Геннадий.

– По собственному опыту не знаю, так как не имею этого, – ответил я, – но думаю, что чистота заключается в полном беспристрастии. Кому неведомы ни зависть, ни гнев, никакая другая страсть, у того и есть чистое сердце.

– Нет, этого мало, – возразил схимник, – недостаточно только ополоснуть сосуд, надо наполнить его еще и водой. По искоренении страстей надо заменить их противоположными добродетелями, без этого сердце не очистится.

Господи, чистота сердца достигается не только победой над страстями, но и трудом над заменой их противоположными добродетелями. Без этого сердце не очистится. Господи, прости нас, что нам ещё далеко до стяжания чистоты сердца.

– А вы надеетесь войти в Царствие Небесное, отец Геннадий?

– Надеюсь, что там буду, – сказал он уверенно.

– Так как же вы говорите, что не имеете чистоты душевной, а только *«чистии сердцем Бога узрят»*.

– А милосердие Божие? Оно и восполнит все, чего недостает. Оно беспредельно, и я имею твердую надежду, что и

меня Господь не отринет, – сказал схимник, и в его словах слышалась глубокая вера и искренняя надежда на милосердие Божие.

Господи, мы хотим искренне верить в милосердие Божие и иметь твердую надежду, что Господь нас не отвергнет. Господи, прости нас за малую веру, что милосердие Твое восполнит все, чего нам не будет доставать.

Что Такое Царство Небесное, мы не в состоянии себе представить, мы не можем его постигнуть. Апостол Павел, который был восхищен до третьего Неба, говорит только, что *«...око не виде, и ухо не слыша... яже уготова Бог любящим Его»* (1Кор. 2, 9).

У нас в скиту жил один подвижник, отец Игнатий, 95-летний старец. Вел он высокодуховную жизнь, но так умел скрывать это от людей, что очень немногие про то знали. Когда скончался батюшка Анатолий, то я иногда навещал отца Игнатия и уходил от него радостным и полным новых сил. Раз я спросил его (а когда я был новоначальный, то задавал иногда просто нелепые вопросы), видел ли он когда-нибудь рай.

Господи, Царство Твое Небесное, которое «око не видело и ухо не слышало» уготовано любящим Тебя. Мы же не умеем любить Тебя так, чтобы любовь влекла нас познавать то неведомое, что Ты приготовил нам. Господи, прости за слабую любовь к Тебе и помоги осуществлять в своей жизни влечение к Божественному и понимать язык того прекрасного, что Ты, Господи, готов открывать нам по Своей неизреченной милости.

– А тебе на что это знать? – удивился старец.

– Да очень хотелось бы, так как рай представляется в различных видах.

– За твою любовь скажу: только не я видел рай, а один подвижник (он назвал его имя). Однажды уснул он и видит море необычайно красивого цвета, какого он еще никогда не видел. «По ту сторону возвышается великолепный город, – рассказывал он, – где рядом стоят дворцы и храмы. Вхожу я в город и не могу надивиться его неизреченной красоте. Эти великолепные дворцы заселены прекрасными, исполненными великой радости насельниками. Встретили они меня, и я

исходил с ними весь город, все время, дивясь его величию. Начал проситься, чтобы меня там совсем оставили, но мне возразили, что пока еще нельзя, но и мне уготовано здесь жилище. Я просил показать его. Показали дворец необычайной красоты, я даже и передать не могу, что это было такое. «Это твое вечное жилище, – сказали мне, – а пока поживи еще в скиту Оптиной пустыни, в своей келейке». – И я заплакал от умиления. «Господи, Господи, недостойн я этого, за что Ты так бесконечно милосерд? Я желал быть хоть в каком-нибудь углу сего дивного града...» – и проснулся».

Господи, мы удивляемся и воодушевляемся этим рассказом о рае и его красоте. И одновременно расстраиваемся от неумения приходить в умиление от бесконечного милосердия Твоего, Боже. Прости нас, Господи, что мы не можем оценить по-настоящему красоту рая, показанного подвижнику Оптинского скита.

«Открываю глаза, вижу: вся подушка мокрая от слез, а я – в своей келье, тот же образ Казанской иконы Божией Матери в углу, та же бедная обстановка, стул, из которого видно мочало, – все то же. И, вспоминая виденное во сне, прославил я благодать Божию, милующую и спасающую нас, грешных...» Да сподобит же и всех нас Господь войти в Его Царствие.

Господи, как же нам, слышащим о видении рая подвижником, не прославить благодать Твою, милующую и спасающую нас! Господи, прости нас, что наша молитва о том, чтобы Ты сподобил нас Твоего Царствия недостаточно настойчива.

Вот приехали вы в Старо-Голутвин под покров преподобного Сергия, слетелись к нему, как птички, с разных концов, всех-то он нас знает наперечет и не оставит за усердие к святой обители. Храните свою лампаду веры и любви к Богу. У Толстого она разбилась, и он погиб навеки. А ведь раньше был он верующим человеком, как говорила мне его жена, и в церковь ходил, и причащался. К несчастью, в Париже сошелся с одним невером, и это погубило его. Взял он своего нового друга в Ясную Поляну и стал отдаляться от Церкви, повертывал он и вправо, и влево, пока не погиб окончательно. Мне пришлось

разговаривать о Толстом с одним епископом, который сказал: «Ведь несомненно было у него желание повернуть к Богу, иначе он не приехал бы в Оптину» (кстати, приснопамятный Зиновий и мою дверь показывал ему, но он не вошел).

Господи, мы не храним со всякими предосторожностями свою лампаду веры и любви к Тебе, Богу нашему, и, если не исправимся, то погибнем навеки. Господи, прости нас, что подпадаем под влияние неверов, начинаем удаляться от Церкви и духовно умираем. Сохрани нас, Господи, от окончательной гибели.

Мой путь близится к концу. Чувствую слабость, и энергия уже не та, что была пятнадцать лет назад. Дел множество, и я уже не надеюсь здесь успокоиться, молю только Господа, да успокоит Он меня в Будущей Жизни.

Господи, и нам свойственно чувствовать слабость и испытывать оскудение энергии, но порученное дело надо делать и надеяться, что Ты, Господи, успокоишь нас в Будущей Жизни. А сейчас, Господи, прости нас за еще не выполненные нами дела.

Недавно приехал сюда священник Главного Штаба Левашов (он бывает, во многих религиозных кружках) и встретился, между прочим, с И. и Б., которые постарались убрать меня из Оптиной. Зашел разговор о том, как стоит теперь старчество в Оптиной и почему взяли отца Варсонофия из пустыни, ведь ему было там хорошо. На это они ответили, что их надо благодарить, так как, переведя отца Варсонофия в Голутвинский монастырь, они тем самым подняли его.

Конечно, я стараюсь привести в порядок эту обитель. Сначала мне было здесь очень трудно, монастырь я нашел в полном упадке, братия восставала, но теперь, слава Богу, все налаживается, и, разумеется, насколько хватит моих сил, я буду исполнять святое дело устройства Голутвина монастыря, только сильно сомневаюсь, чтобы те, которые услали меня из Оптиной, имели именно это в виду. Но все во власти Божией. Мир вам.

Господи, большое дело верить, что всё находится во власти Твоей и не умалять трудов своих на благо Твоей Церкви. Мы же

склонны унывать, когда видим подобное к себе отношение, так называемых, «благодетелей». Прости нас, Господи, за это.

33. Желание уединения и уподобление Отцу

Писал мне один студент Духовной академии: «Не знаю, что мне делать? Профессора дают мне массу знаний, но они не успокаивают мою душу. Ищу я аскетического настроения, а его нет, и нет мира. Жажду бежать от всего этого». Я посоветовал ему сначала окончить Академию, а там видно будет. Он послушался, окончил и теперь получил место в семинарии, но неудовлетворенность так и осталась, мирская жизнь тяжела для него.

Господи, так масса знаний, которую мы получаем во время занятий, не успокаивает нашу душу. Мы ищем аскетического настроения, а его нет. Господи, прости нас за это и помоги, чтобы послушание старцу принесло нам мир и удовлетворенность.

Все великие писатели томились суетой и молвой народной. Пушкин всегда стремился к одиночеству. Когда он женился на известной красавице Гончаровой и был сделан камер-юнкером, то, конечно, возникло множество препятствий для уединенной жизни. Вот и вы, детки, по-видимому, тяготитесь миром. Если съехались сюда и живете здесь, то, верно, оттого, что находите удовлетворение своим духовным запросам.

Господи, мирская жизнь создает нам много препятствий для уединенной жизни. Вот и стремится наша душа в монастыри, чтобы там найти удовлетворение своим духовным запросам. Господи, прости нас, что такое желание у нас есть, но мы медлим с осуществлением его, и остаемся теплохладными к этим своим запросам.

Над моим окном много ласточкиных гнезд. Ничего с ними не поделаешь, нечистоплотные они, но разорять гнезда жалко. С утра до вечера носятся они над обителью. Вот и вы, подобно ласточкам, свили себе гнездышко около преподобного Сергия и отдыхаете вдали от шумных городов – Петербурга, Москвы и так далее. Что привлекает вас здесь, как и в Оптиной привлекало? Конечно, желание уединения. Ходите вы здесь в церковь, говеете, причащаетесь Святых Тайн и набираетесь сил

душевных и телесных. Все вы здесь под покровом преподобного Сергия. Наш монастырь основан им, а случилось это так.

Желание уединения очень часто привлекает нас в разные монастыри и обители. Здесь мы ходим в церковь, говеем, причащаемся Святых Таин и набираемся сил душевных и телесных. Господи, прости, что мы мало бываем в монастырях с этой именно целью. Мы больше из любопытства стремимся зайти в монастырь, а не ради духовной над собой работы. Прости нас.

По внушению Божию преподобный Сергей дал свой посох ученику своему Григорию и послал его на место слияния Москвы-реки и Оки. Григорий сначала возразил: «Отче, ведь там разбойничье гнездо, меня непременно зарежут». Но преподобный велел ему идти на послушание. И вот, несмотря на искушение врага, внушавшего ученику, что его зарежут, как барашка, он пошел; Молитвами преподобного совершилось чудо: разбойники из волков и тигров превратились ягнят, все они стали монахами, и лишь немногие, не согласившиеся на это, ушли вглубь лесов.

Господи, молитвы и благословение преподобного Сергия совершило чудо: и ученик остался жив, и часть работников обратилась ко Христу. Господи, прости нас, мы в подобных случаях не вооружаемся верой в победоносную силу послушания.

Само название монастыря – Голутвин – произошло от слова «голытьба» – так называли разбойников. Да и название Оптины произошло от разбойничьего имени. Когда-то в лесах, и ныне окружающих эту обитель, жили три знаменитых разбойника: Опта и два брата – Добрый и Лютый. Но Господь умилосердился над ними и обратил к покаянию. Раскаявшись в своих злодеяниях, они изменились и сделались монахами, основав монастырь...

Господи, название Голутвина монастыря от слова «голытьба» дает и нам пищу сопоставить себя с разбойниками, которые могут словом или делом нанести вред окружающим людям. Господи, мы раскаиваемся в своих злодеяниях, прости

нас, и надеемся Твоею милостью измениться и сделаться добрыми христианами.

Существует предание, что преподобный Сергей посещал нашу обитель, и даже благочестиво живущие иноки видели его. Я лично его не видел, да и теперь о чудесных посещениях преподобного что-то не слышно: мы недостойны этого, но верим, что духом он с нами.

Думая о преподобном Сергии, мы верим, что он участвует в нашей практической жизни. Господи, прости нас, что к этой вере мы не прилагаем соответствующих дел.

Ослабело теперь монашество. Еще сорок лет назад были такие духовные исполины, как батюшки Амвросий, Анатолий, из белого духовенства Иоанн Кронштадтский. Ныне же что-то не слышать о таких, может, они и есть, но мы не знаем. И, несмотря на это, все-таки в монашестве легче спастись. Я не зову вас в монастырь, но у каждой из вас свой круг обязанностей. Исполняя их о Господе, можно спастись и в миру. Читайте Жития святых! Это чтение побудит вас к подражанию, а может быть, Господь и разорвет круг, стесняющий вас, выведет на широту заповедей Христовых и вселит вас в святую обитель. В монастырь поступить – дело большое. Вот одна из вас не убоялась и поступила, да поможет ей Господь.

Исполняя свой круг обязанностей о Господе, мы можем спастись и в миру. А чтение Житий Святых побудит и нас к подражанию им, и Господь выведет нас на широту заповедей Христовых и поставит на твердый путь спасения. Прости нас, Господи, что стремление так жить у нас переменчивое, и мы то хотим этого, то не хотим. Господи, укрепи в нас «хотение» выйти на широту Твоих заповедей.

А что делается в миру? Много расплодилось всяких еретиков, и каждый стремится увлечь в свою веру. «У нас только истина, идите к нам», – кричат они, но не слушайте их. Время всяким Ренанам (Эрнест Ренан – французский писатель, подвергший ревизии христианское Предание), они оставили Христа и, страшно сказать, не стыдятся Его. Некоторые не стыдятся раскланиваться с распутной женщиной, или с каким-нибудь пьяницей, а Господа стыдятся, чтобы не уронить себя в

глазах неверующих. Но слово Христово остается неизменным: «...Кто постыдится Меня и Моих словес в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8, 38). Забывают сии слова и стыдятся признаться, что они христиане.

Господи, прости нас, что и мы в некоторых ситуациях стыдимся признаться, что мы христиане.

Ныне иконы сохранились далеко не у всех. Их встретишь в квартирах священников, купцов, и то старорежимных, у мелких торговцев. Но в домах так называемых интеллигентных людей икон не держат. Про одного толстовца рассказывают, что в переднем углу у него висел портрет Толстого с зажженной перед ним лампадой. Когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил: «Я преклоняюсь перед разумом Толстого». Вот Толстого не постыдился, а Христа стыдится.

А что скажет на это Христос на Страшном Суде Своем? Ужасно будет состояние грешников. А если сейчас явится Христос, где Он вас поставит? Надеюсь, одесную. Не по делам, конечно, но по вере. И будем хранить веру Христову и по силе исполнять Его святые заповеди. Только не надейтесь на свои собственные силы, а просите помощи у Господа: «Господи, помози мне», – и поможет.

Господи, прости нас, что слабо возгреваем в себе веру во Христа и святые заповеди Его выполняем без усердия. Мы больше надеемся на свои собственные силы, а помощи у Тебя, Господа нашего не просим. Прости нас, Господи. Помоги нам, Господи, – взываем к Тебе и несомненно верим, что Ты нам поможешь возгревать в себе веру.

Всем известен великий композитор Моцарт. Имя его стяжало бессмертие. Однажды один немец, тоже музыкант, пожелал увидеть Моцарта и отправился в Италию. Прибыл он в Милан и вдруг узнает печальную новость – Моцарт умер. Музыкант был в большом горе, но его успокаивали:

- Умер отец, зато жив сын.
- А он похож на Моцарта?
- Вылитый отец!

– Ну хорошо, посмотрю на сына.

Ему сказали, где его можно увидеть: он служил в банке. Музыкант пришел к нему и нашел его сидящим за прилавком.

– Вы ли сын знаменитого Моцарта? – спросил немец.

– Я, а что вам угодно?

– Ничего, я пришел только посмотреть на вас.

– Что же на меня смотреть?

– Вы так же любите музыку, как ваш отец? Наверное, уже написали какое-нибудь бессмертное произведение? – продолжал музыкант.

– Никакого, уверяю вас. Вот единственная музыка, которую я люблю, – и Моцарт-сын погремел червонцами, – всякую же другую музыку я терпеть не могу.

Разочарованный немец вернулся в Германию и рассказал собравшимся товарищам о своем посещении Моцарта. Все задумались, а один из слушателей произнес: «Да, не в отца». Действительно, сын был не в отца. Печальная история!

Мы, пожалуй, склонны осудить Моцарта-сына, но посмотрите лучше на себя. Все мы дети Отца Небесного и должны были бы походить на Него. Что ж выходит на деле? И про нас можно сказать: «Не в Отца!» А между тем, чтобы достигнуть Царствия Небесного, непременно нужно быть в Отца, иначе туда не пустят. Вот святые были в Отца. Они и называются преподобными, то есть в высшей степени уподобившимися Богу. А нам, грешным, хоть бы подобными-то быть, чтобы не лишиться Вечной Жизни.

Господи, у нас проблема, если и про нас говорят: «Вы не в Отца». И нас тогда не пустят в Царство Небесное, потому что для этого нам нужно быть в Отца. Господи, прости нас, что мы мало трудимся над достижением Царствия Божия и свое уподобление Отцу не увеличиваем в себе. Прости нас, Господи, и не лиши нас Вечной Жизни в общении с Тобой.

34. Жертва Богу – чистое сердце

Тяжело нынче спастись. Монастыри оскудели духовной пищей и часто не дают хлеба просящим. Не имею в виду калача или сайки, а хлеб духовный – Слово Божие. Многие души огрубели: и очами не видят, и ушами не слышат. Есть слепота и глухота телесная – трудно переносить их, но духовная глухота и слепота гораздо ужаснее. Да избавит нас от этого Господь.

Господи, мы оскудели духовной пищей и часто не даем духовного хлеба просящим: Слово Божие. Прости нас: мы огрубели душой: и очами не видим, и ушами не слышим. Прости нас за духовные глухоту и слепоту, которые мы проявляем к людям. Избави нас, Господи, от духовного оскудения, восполни наши духовные силы словом Твоим.

То, о чем я хочу побеседовать с вами, полезно и для монашествующих, и для мирян. В книге Притчей говорится: *«Сыне... всяцем хранением блюди твое сердце...»* (Притч. 4, 20, 23) и еще: *«Даждь ми, сыне, твое сердце...»* (Притч. 23, 26) – эти слова говорит Сам Господь через премудрого мужа. Святой пророк Давид восклицает: *«Сердце чисто созижди во мне, Боже...»* (Пс. 50, 12). Это значит, что псалмопевец просит Господа избавить его сердце от страстей, чтобы чистым отдать его Богу.

Господь сказал про сердце человека: *«от сих бо исходища живота»* (Притч. 4, 23). Сердце – это центр всего, от него все зависит: *«Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше»* (Мф. 6, 21).

Господи, и нам следует знать, что мы ищем очищения сердца от страстей, чтобы чистым отдать его Богу. Господи, прости нас, что и не знаем этого и что не стремимся чистым отдать его Богу. Мы забываем, что сердце – это центр всего, что от него все зависит, особенно где будет сокровище наше. И не радим о чистоте его и о сокровище его. Прости нас, Господи.

Необходимо дать себе отчет, к чему лежит наша душа, что составляет ее содержание. Носим ли мы Христа или привязываемся к чему-либо земному? Хорошо, если каждая из

вас вечером будет посвящать час или два на рассмотрение своего сердца, чтобы определить, любит ли оно Бога или что-то временное. А возлюбить всей душой Христа необходимо: «Даждь ми, сыне, сердце...» Но что мы ныне замечаем? Отдают свое сердце чему угодно, но не Господу. Один привязывается к богатству, и вся его радость заключается в приобретении денег; другой ищет славы: ему ничего более не надо, только бы все говорили и преклонялись перед его талантом – это большей частью люди ученые или художники; третьи отдают свое сердце красоте: восторгаются красотами мира сего, особенно же преклоняются перед красотой женщины – это снова художники.

Господи, у нас нет привычки вечером посвящать час или два на рассмотрение своего сердца, чтобы определить, любит ли оно Бога или что-то временное. Прости нас за это, Господи, и помоги возлюбить Тебя всей душой своей. Прости нас, что отдаем свое сердце чему угодно, но не Тебе, Господи. Прости, что кто-то из нас привязывается к богатству и всю радость видит только в приобретении денег; кто-то ищет славы: и ему ничего не надо, только бы все говорили и преклонялись перед его талантом. Прости нас, Господи, за этот поиск славы. Кто-то из нас отдает свое сердце красоте: восторгается красотами мира сего, особенно же преклоняется перед красотой женщины, а Христу в нашем сердце из-за этого оставляется очень мало места. Прости нас, Господи.

Тургенев, например, высоко ценил женщину. Все женщины в его произведениях окружены ореолом, мужские типы очерчены менее ярко. Из наших великих русских писателей только Гоголь, также поклонник всего прекрасного, в последние годы своей жизни ищет в женщине прежде всего христианку, и христианку истинную. Он, впрочем, такой не встретил не потому, что среди русских женщин не было таких. Нет, женщины-христианки у нас всегда были и будут, они воспитывают молодое поколение, они являются как бы залогом нашего счастливого исторического будущего... Но, верно, Гоголю это было бесполезно.

Сегодня беседовал я с одной интеллигентной особой, окончившей гимназию и собирающейся поступить на курсы. Она восхищена Тургеневым. «Куплю, – говорит, – полное собрание

сочинений, все прочитаю, очень уж ярко у него обрисованы женские типы». Да, она говорила справедливо. Тургенев – замечательный художник, но плохо он кончил: не отдал своего сердца Господу.

В одной своей статье, написанной незадолго до смерти, Тургенев говорит: «Довольно гоняться за красотой... и так далее», но, к сожалению, до конца жизни он гонялся за красотой. Много раз Тургенев увлекался, наконец, свою последнюю любовь, все, что осталось в его душе, он отдал безвозвратно женщине, а Христу не осталось ничего. Его он отринул от себя. И кого же так полюбил Тургенев? Предметом его последнего (многолетнего) увлечения была ветреная женщина, итальянская еврейка Виардо.

Господи, и мы, подобно Тургеневу, увлекаемся красотой женщины, безвозвратно отдаем ей свое сердце, а Христу в нем не остается ничего. Прости нас, Господи, за эту неправильность и убереги от такого губительного выбора.

Вчера я служил молебен в Боброве и после него был у директора завода. Здесь я познакомился с одной дамой, которая лично знала многих наших писателей: Полонского, Гончарова, Тургенева. Про Ивана Сергеевича она рассказывала, что Виардо ужасно относилась к нему, третировала его и даже гордилась, что с великим русским писателем она обращается как с последним лакеем. А что же Тургенев? Он был ослеплен любовью и все переносил. Жалкое ослепление души! Перед смертью те, кто был, рядом с Тургеневым (нашлись все-таки добрые люди), позвали священника, но он отказался причаститься, да так и умер. Предстал он Господу, а Господь требует прежде всего сердце, Ему преданное, но Тургенев отдал свое сердце человеку, а не Христу. Еще на земле он принял возмездие, а какая участь ждет его за гробом – страшно и подумать. А ведь было время, когда Тургенев был верующим человеком и высоко ценил веру (бывал он и в Оптиной). В одной своей статье он восставал против нигилизма, говоря, что «ныне новое нашествие на Святую Русь, нашествие гораздо страшнее монгольского. Те, татары, поработили нас политически, а нигилистическое направление старается отнять у

нас веру. Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея». Напоследок Тургенев сам встал в ряды врагов веры и погиб, подобно Толстому. Лермонтов тоже искал красоту и погиб из-за женщины. Печальная судьба и Пушкина – одного из самых великих русских поэтов. Правда, он скончался причастившись. Может быть, Господь и простил его, но как (приходится) ему там, мы не знаем.

Он увлекался преходящей красотой, служил суете, хотя по временам и тяготился этим. Есть у Пушкина стихотворение, очень подходящее по содержанию к нашей беседе. Однажды Пушкин был у одной, красавицы, и она стала просить написать ей что-нибудь в альбом.

– Да что же я вам напишу?

– Все равно что, ведь вы – гений. Напишите экспромтом несколько строк и подпишите свое имя. Пушкин исполнил ее желание и написал:

Что в имени тебе моем?

Оно умрет, как шум печальный

Волны, плеснувшей в берег дальний,

Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке

Оставит мертвый след, подобный

Узору надписи надгробной

На непонятном языке...

Это стихотворение стало как бы пророческим: действительно, на земле-то Пушкина помнят, но, может быть, для Неба имя поэта и умерло.

Господи, есть и в нашей жизни увлечение суетной красотой и служение суете, хотя по временам мы тяготимся этим. Прости нас, Господи, что наше сердце умирает для Неба и больше живет привязанностью к земле.

Убедительно прошу вас: не привязывайтесь ни к чему душой, пусть один Господь царствует над ней. Но некоторые хотят совместить любовь ко Христу с любовью к тленному. Невозможно это! Одна, например, страстно любит богатство или славу, или, наконец, человека. Она хочет любить страстной

любовью жениха и оставаться всей душой преданной Христу, но это несовместимо. В любви к жениху, конечно, нет греха, но если любовь к нему сильнее любви к Богу, то она отдалит от Христа. Сам Господь сказал: *«Никто не может служить двум господам...»* (Мф. 6, 24).

Господи, многие из нас хотят совместить любовь к Тебе с любовью к тленному. Умом понимаем, что это невозможно! Господи, прости нас, что мы не даем Тебе царствовать над нами, что пытаемся служить двум господам.

35. Проблема разочарования

Чтобы работать только Христу, и в монастыри идут – великое это дело. Но вот часто случается, поступят в монастырь, а затем разочаровываются. Пишут мне: «Я надеялась найти в монастыре полный душевный покой, думала, что там я проникнусь молитвенным духом, а что выходит на деле? В монастыре такая же серенькая жизнь, как и в миру: зависть, интриги, сплетни... Нет, не могу я переносить этого, что мне теперь делать?» Я отвечаю: «Терпи. Ты ошибочно думала о монастыре, что там только одна молитва. Необходимо понести и досаду на сестер, чтобы омыться от приставшей духовной скверны». Снова пишут: «Батюшка, нестерпимо мне трудно, сестры восстают и возводят всякую клевету, матушка игуменья тоже нападает, защиты найти не в ком». «Молись за обижающих тебя, – говорю, – не игуменья нападает на тебя, а так нужно для твоей пользы». «Не могу я молиться, – отвечает, – за тех, которые приносят мне столько огорчений и зла». – «Не можешь? Проси Господа, и даст тебе силу полюбить их».

Господи, прости нас, что не готовы потерпеть зависть, интриги и сплетни, не готовы понести досаду на сестер. Нам нестерпимо трудно: сестры возводят клевету, матушка игуменья нападает. Господи, прости нас, что не молимся за обижающих нас и не просим себе сил полюбить этих людей.

К одному петербургскому священнику Колоколову, отличавшемуся высотой духовной жизни, пришел однажды один из министров и жаловался: «Батюшка, научи меня, что делать? У меня много врагов, которые без всякой причины ненавидят меня и клеветуют на меня государю. Я могу через их клевету потерять место, а если сам уйду, то государь может подумать, что враги мои правы, и имя мое будет запятнанным. Как мне поступить?»

– Молитесь за восстающих на вас, – отвечал батюшка, не только дома молитесь, но, главное, в церкви поминайте их, пусть на литургии вынимают частицы за их здоровье.

– Какая же от этого польза? – удивился, министр.

– А вот увидите... Каждая частичка, вынутая из просфоры, означает душу человека. Частицы опускаются в потир и они наполняются Кровию Христовой. Послушайте меня, запишите на записочку имена всех врагов ваших, например Леонида, Иоанна, Владимира...

– Да, да, вот Владимир-то особенно на меня ополчается...

– Ну так за него подавайте каждый день.

Проходит неделя, месяц, и его высокопревосходительство пять приходит к отцу Колоколову. Поклонившись ему в ноги, он стал благодарить его:

– Батюшка, произошло просто чудо. Мои прежние враги не только больше не восстают на меня, но относятся ко мне с уважением и любовью. Вместо прежней клеветы они даже чересчур меня превозносят.

Вот что свершил Господь! И вам советую, молитесь за врагов ваших, и они обратятся в друзей. Молитвой вы спасете их души от сетей врага.

Господи, великое дело работать только Тебе. Но часто случаются и разочарования. Поступит человек в монастырь или в храм на работу. И думается ему: обрету полный покой, проникнусь молитвенным духом, а что выходит на деле? В монастыре или в храме такая же серенькая жизнь, как и в миру: зависть, интриги, сплетни... Вот и кажется нам, что перенести всего этого не умеем, понести досаду от сестер или братьев, омыться от приставшей духовной скверны не умеем. Прости нас, Господи. Когда же нестерпимо трудно будет, сестры (или братья) восстают и возводят всякую клевету, матушка игуменья (или настоятель) тоже нападает, защиты найти не в ком, то по совету старцев, надо молиться за обижающих нас, и еще помнить надо, что не игуменья (или настоятель) нападает на нас, а так нужно для нашей же пользы. Господи, прости нас, что порой не можем молиться за огорчающих нас, и дай нам силу полюбить их. Помоги нашей молитвой о них спасти их души от сетей врага.

Что делать? Жизнь, особенно монашеская, полна скорбей, но избежать их совершенно невозможно. Но, несмотря на все скорби и лишения, в монастыре легче спастись. Все лучшие

писатели преклонялись перед иноческой обителью. Тургенев, например, Лизу – героиню своего лучшего романа «Дворянское гнездо» – поместил в монастырь. Эта девушка была особенно несчастна тем, что полюбила женатого человека. И вот она все оставляет и идет работать Единому Богу.

Шекспир устами своего героя Гамлета превозносит монастырь: «Офелия, – говорит, – ступай в монастырь. Если бы ты была чиста, как снег на вершинах гор, и тогда мир забросает тебя грязью. Если ты будешь чиста, как кристалл, то мир протянет к тебе грязную руку и осквернит тебя». Поэтому счастливы те, которые пребывают в святой обители, да поможет вам Господь.

Жизнь монашеская, как и мирская, полна скорбей, но избежать их совершенно невозможно. И только работа Единому Богу может спасти нас от трудных испытаний. Прости нас, Господи, что в минуты испытаний мы не умеем взяться за работу только Тебе, Единому Богу.

Простите, не могу продлить беседы с вами: множество дел по монастырю не позволяет уделить вам много времени. В Оптиной я был более свободен. Помните, как мы собирались в моей маленькой молельной, которая едва могла всех вместить. Кто располагался на диванчике, кто на стульях, а кто и на скамеечке. И беседовали мы иногда, часа по два или три при мерцающем свете лампы перед ликом Спасителя, кротко взиравшего на нас, а с полотна проступала белоснежная фигура Ангела. Хорошо нам было! Отдыхали и вы и я душой. Но что делать, надо благодарить Бога и за то, что есть: если нет белого хлеба, то едят черный, а иногда и черствый, все лучше, чем ничего. Так и мы будем довольствоваться тем, что есть. Я раньше вам говорил и теперь повторяю, что наступит время, когда люди будут обтекать горы и моря, чтобы найти слово, и не найдут.

Господи, и нам хочется очень часто обтекать горы и моря, чтобы найти слово назидания. Прости нас, Господи, что бывают и такие минуты, что нам не хочется этого делать, и сами мы не ищем такого назидательного слова, слова о спасении нашей души.

Вот наступает Успенский пост, все вы будете говеть и причащаться Святых Тайн. Некоторые мирские думают, что говеть нужно только один раз в году, но это неправильно, лучше говеть почаще. Многие мои духовные дети часто причащаются, оттого и исповедовать мне их легче, я знаю всю их душу. Тех же, которые по два или три года не говеют, исповедовать трудно, очень уж замаранной становится душа, не знаешь, как и очистить ее.

Господи, мы ещё не приучили себя чаще исповедоваться и причащаться, потому и трудно нас исповедовать. Прости нас, Господи, что приходим на исповедь с очень замаранной душой.

Это все равно как в жизни. Мои предшественники очень запустили квартиру, в которой я теперь живу, и рабочим много труда пришлось положить: белить, красить, пока она не приняла приличный вид, – так и с душой бывает. Люди, преданные миру, часто и совсем оставляют Церковь, начинают увлекаться чем-либо другим, например спиритизмом. Один образованный человек, оставив университет, окончил Духовную академию, и теперь даже в сане иеромонаха, говорил мне, что одно время увлекался спиритизмом, а затем познал, что в спиритизме действует диавол. А другой, ранее неверующий, человек передал мне, что пришел к вере, когда однажды, занимаясь спиритизмом, увидел сатану. Вид его был как бы человеческий, но так ужасен, что увидевший его лишился чувств, а после навсегда отказался от спиритических сеансов и вернулся в Церковь. Спириты разделяются на две категории: одни в обольщении верят, что будто спиритизм не противен христианству, и даже молятся перед началом сеанса, читая различные молитвы и псалмы; другие, не маскируясь, прямо заявляют, что их бог – сатана, который помогает им.

Господи, у нас в миру много разных увлечений, с помощью которых мы запускаем свою душу, так что даже и Церковь оставляем. Некоторые даже и диаволу ее предают, как спириты. Господи, прости нас за это.

Вот до каких ужасов доходят люди. Да спасет вас всех Господь.

Когда я пришел в скит, то здесь, в лесу, деревья все были великанами, а теперь уже многие повырублены, так и нас вырубают. Помню, еще в Казани шел я однажды со знакомым монахом, на пути был базар – самое шумное место. Отец Афанасий, так звали монаха, улыбнулся, смотря на торговцев. Я спросил, чему он улыбается.

– Да как же, – ответил он, – вот люди волнуются, топчут, суется, а пройдет сто лет – и никого из них не будет; видите, там младенец – и того не станет.

– Да, это правда, но хорошо, что вы посмеялись миру, а другие не могут от всего отрешиться. Вот и я, например, должен заботиться о земном, не только о себе, но и о родных: у меня мать, брат.

– И вы будете иноком.

– Ну это сомнительно, я об этом не думаю.

– Будете монахом, – уверенно сказал отец Афанасий.

И, как видите, слово его исполнилось, хотя он был обыкновенным человеком, но Господь внушил ему сказать мне это.

Господи, Ты и простому человеку можешь дать способность открывать то, что будет с ним в будущем. Прости, что не умеем вслушиваться в эти слова и доверять Твоему промыслу.

Вот встретился сейчас нам инок Исихий. Он из малороссов. Вдруг собрался и пришел в монастырь. А дома, когда он начал собираться, мать спрашивает: «Куда?» «В церковь», – отвечает. Заныло сердце у матери, предчувствовало оно, что сын навсегда уходит из родительского дома. «Нет, ты не в церковь идешь», – говорит она.

Сын собрался, вышел, затем на крыльце низко поклонился матери и ушел. Ушел в Оптину пустынь, двадцать лет прожил здесь, но никто не знал, где он находится. Теперь просится в Киев. Зачем ему туда? Отец и мать его уже умерли, – что ему делать в разоренном углу? Нет ему туда пути.

Господи, Ты уводишь нас из мира и устраиваешь, но, когда приходит время, Ты испытываешь: крепко ли прилепился к нему человек. Господи, прости, что не сразу распознаем Твои суды.

Старо-Голутвинский монастырь. Рождественские беседы

36. Творческая сила смирения

Фарисеи и книжники осуждали Христа за то, что Он Себя называл Богом: «...равен Ся творя Богу» (Ин. 5, 18). Господь в ответ на их порицание не сказал: «Я единосущный Отцу Бог», но возразил им: «...Бози есте, и сынове Вышняго вси» (Пс. 81, 6). Это относилось к израильтянам, фарисеи ничего не могли ответить на это и замолчали.

Но каким образом человек уподобляется Богу, как можно применить к нему это название? У древних греков были боги, олицетворяющие собой разные свойства людей, как хорошие, так и порочные, но здесь не про таких богов говорится. Конечно, быть такими же, как Господь, не только из людей, но и из Ангелов никто не может, но уподобляться Богу должен каждый человек, если хочет достигнуть Царствия Небесного. Святых, подражавших в высшей степени Богу, так и называют преподобными, но каким образом они похожи на Бога?

Поясним это примером. Если взять несколько капель воды, то хотя они и малы, но по своим свойствам соответствуют воде того озера или реки, из которых взяты. Так и святые заимствуют от Господа Его свойства: благость, любовь, милосердие – и таким образом уподобляются Господу.

Господи, мы должны уподобляться Тебе, если хотим достичь Царства Небесного. А для этого мы должны заимствовать от Тебя Твои свойства: благость, любовь, милосердие – и таким образом уподобляться Тебе, нашему Богу. Прости нас, Боже, что процесс уподобления весьма не успешен у нас.

Мне вспоминается случай, бывший на моей далекой родине. В одно торговое заведение был взят в услужение семилетний мальчик, сирота. Один богатый человек увидел его кроткое лицо, мальчик ему понравился. Он взял его к себе. Вскоре этот господин уехал из села и увез мальчика с собой. В городе он отдал его в гимназию, затем в университет. Прошло много лет, и бывший сирота, окончив курс в университете, приехал на время в свое село. Поселяне, знавшие его

мальчиком, говорили: «Неужели это Митенька?» Точно, это был он, но как он изменился! Сделался образованным человеком, Димитрием Павловичем, приобрел все свойства интеллигентного человека. Его товарищи, с которыми он играл в бабки и другие игры, тоже выросли, но по своему развитию резко отличались от него, его свойств не имели. Подобно тому и грешные люди не имеют тех свойств, которыми отличаются святые, а те, в свою очередь, заимствуют эти свойства от Господа. Но большая разница между сознанием человека, приобретающего земные знания, и святого, приобретающего Благодать Божию. Человек, учась в гимназии, затем в университете, ясно сознает, что обогащается все новыми и новыми знаниями, а святой, наоборот, приближаясь к Богу, считает себя все хуже и хуже, так как видит перед собой идеал – Христа, которому он стремится уподобиться, но неизбежно сознает, как он далек от этого идеала.

Господи, мы – грешные люди и не имеем тех свойств, которыми отличаются святые, заимствуя их от Тебя. Мы, земные люди и приобретаем земные знания, а святые стремились приобретать Благодать Божию. Мы, как земные, стремимся обогатиться все новыми и новыми знаниями, а святые, приближаясь к Богу, считают себя все хуже и хуже, так как видят перед собой идеал – Христа, Которому и стремятся уподобляться. Господи, прости нас, что наше стремление к этому идеалу очень и очень плачевное, ибо мы остаемся далекими от Него.

Один человек, обладавший 50-ю тысячами капитала, считался богатым в родном селе. Но вот он приезжает в Александрию и видит, что здесь много людей гораздо богаче его, а когда посетил Константинополь и увидел там миллионеров, то понял, что по сравнению с ними его богатство совершенно ничтожно. Так святые, сравнивая свои добродетели с бесконечными совершенствами Божиими, считают себя за ничто. А что же скажем мы, грешные? Чтобы уподобиться Богу, надо исполнять Его святые заповеди, а если рассмотреть, то окажется, что ни одной-то по-настоящему мы не исполнили. Переберем их все, и окажется, что той заповеди мы едва

коснулись, другую, может быть, тоже только начинали, а, например, к заповеди о любви и не приступали. Что же остается нам, грешным? Как спастись? Единственно – через смирение: «Господи, во всем-то я грешен, ничего нет у меня доброго; надеюсь только на Твое милосердие!»

Святые, сравнивая свои добродетели с бесконечными совершенствами Божиими, считают себя за ничто. Святые, уподобляясь Богу, исполняли Его святыя заповеди, а мы, когда смотрим на себя, то видим, что ни одной заповеди по-настоящему мы не исполнили: одной едва коснулись, другую, может быть, только начинаем, а к заповеди о любви и не приступали. Прости нас, Господи, и помоги спастись единственно через смирение.

Мы – сущие банкроты перед Господом, но за смирение Он не отринет нас. И, действительно, лучше, имея грехи, так и считать себя великими грешниками, чем, имея какие-нибудь добрые дела, надмеваться ими, считая себя праведными. В Евангелии даны два таких примера в лице мытаря и фарисея. Фарисей, гордый своими мнимыми добродетелями, все только выставляет себя: «Я сделал то-то и то-то», все только «я» и «я». А мытарю нечем хвалиться: он крал и, собирая подати, брал лишнее, а потому, сознавая свои грехи, он смиренно молил Господа: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Вам известен конец: фарисей осуждается, а мытарь оправдывается. Усвойте молитву мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешной». И не только в церкви, но и становясь на обычную утреннюю или вечернюю молитву, произносите эти слова, да и на всякое время. Сидите, например, дома, упал ваш взор на икону, и вспомните сейчас же эту молитву. Молитва эта выражается и другими словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Всегда мысленно произносите эти великие слова, так как в них заключается смирение, а где смирение, там и вера. Одно знание закона Божия не спасет нас. Фарисей знал закон во всех деталях, но его знание было мертвым капиталом, не приносившим никакой пользы, так как оно не воплощалось в жизнь.

Мы перед Господом – банкроты, но за смирение Он не отринет нас. Для нас лучше, имея грехи, считать себя великими грешниками, чем, имея какие-либо добрые дела, надмеваться ими, считая себя праведными. Господи, мы так еще не делаем, грешниками себя не считаем, а в праведники так и рвемся. Прости нас, Господи. Мы и молитву мытаря не усвоили, и Иисусову молитву не произносим как великие слова, так как в них заключается смирение, а где смирение, там и вера. Господи, прости нас, что, зная все это, мы не воплощаем закон Твой в жизнь.

В первые века христианства жил в Греции замечательный подвижник по имени Марк. Рано он оставил мир, поселился на Фраческой горе, где в уединении и безмолвии подвизался о Господе. От людей он не мог заимствовать примеров, но в законе Господнем поучался день и ночь. Однажды прибыл Антоний, чтобы погребсти его тело, так как Господь призывал уже Марка к Себе. Когда Антоний пришел, Марк встретил его с любовью и завел с ним духовную беседу.

– Как теперь живут христиане? По-прежнему ли их преследуют? Ведь я вот уже девяносто лет в пустыне и за это время не видел ни одного человека.

– Твоими святыми молитвами, отче, гонения прекратились, всюду открыто совершается христианское богослужение, – ответил Антоний.

– Слава Богу! – воскликнул Марк. – А есть между христианами такие, которые скажут горе сей: «Ввергнись в море», и она их послушает?

Когда Марк произнес эти слова, то вдруг раздался страшный треск и гора, на которой были подвижники, сдвинулась со своего места и вверглась в море. Марк, обратясь к горе, как к живому существу, сказал:

– Стой спокойно, я не тебе говорю.

Следовательно, слова Марка имели творческую силу, так как он был творцом закона.

Мы, грешные, конечно, не можем творить таких дел, но если, по слову Спасителя, будем иметь веру с зерно горчичное

и смиряться, то Господь не отринет нас, а спасет, какими Сам весть судьбами.

Господи, мы, грешные, не имеем творческой силы, ибо не умеем быть творцами закона, не имеем веры хотя бы с горчичное зерно, не умеем смиряться. Прости нас, Господи и Тебе известными путями спаси нас.

37. Желание исправления

Нынче в церкви поются дивные песнопения: *«Христос рождается – славите! Христос с Небес – срящите! Христос на земли – возноситеся! Пойте Господеву, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися»*. Что означают эти слова? «Христос рождается – славите» – не языком или легкими, но прославлять Христа нужно своей жизнью. «Христос с Небес – срящите», то есть встречайте Его верой и добрыми делами, неразрывно связанными с верой. Вера без дел мертва есть. «Христос на земли – возноситеся» – это не то, чтобы возноситься над другими, гордиться, нет, это означает, что необходимо отрывать свое сердце от всего земного, суетного, тленного.

Господи, рождение на земле Твоего Сына мы призваны славить не языком или легкими, а своей жизнью; встречать Его верой и добрыми делами, неразрывно связанными с верой; и возносить Его, отрывая свое сердце от всего земного, суетного, тленного. Господи, прости нас, что мы задание Церкви – славить, встречать и возносить Христа – не держим в фокусе внимания, забываем о них и теряем горение духа.

Когда я жил еще в миру, то был однажды в одном аристократическом доме. Гостей было много. Разговоры шли скучнейшие: передавали новости, говорили о театре и тому подобное. Людей с низменной душой удовлетворял этот разговор, но многие скучали и позевывали. Один из гостей обратился к дочери хозяина дома с просьбой сыграть что-нибудь. Другие гости также поддержали его. Та согласилась, подошла к дивному концертному роялю и стала петь и играть: «По небу полуночи Ангел летел, и тихую песню он пел. И месяц, и звезды, и тучи толпой внимали той песне святой. Он пел о блаженстве безгрешных духов под кущами райских садов, о Боге великом он пел, и хвала его непритворна была», – пела девушка, и окружающая обстановка так соответствовала этой песне. Все это происходило на большой стеклянной террасе,

была ночь, из окон был виден старый дворянский сад, освещенный серебряным светом луны...

Я взглянул на лица слушателей и прочел на них сосредоточенное внимание и даже умиление, а один из гостей, закрыв лицо руками, плакал как ребенок, – а я никогда не видел его плачущим. Но отчего же так тронуло всех это пение? Думаю, что произошло это оттого, что пение оторвало людей от земных житейских интересов и устремило мысль к, Богу – Источнику всех благ.

Стихи эти написал Лермонтов, человек грешный, да и исполняла их не святая, но слова этого прекрасного стихотворения произвели сильное впечатление. Не тем ли более слова церковных песнопений (не только Евангелия), тропарей, канонов могут наполнить душу, не совсем еще погрязшую в житейском море, блаженством. Но чтобы пение церковное производило должное впечатление, необходимо вникнуть в смысл этих песен, и тогда оторвешься от всего земного, а если многие бесчувственно стоят в церкви, позевывают и только ждут, когда окончится служба, то это потому, что не понимают они смысла церковных песнопений. Особенно трогают душу старинные напевы. У нас в монастыре, конечно, этого нет. Поют шесть иноков, как им Бог на душу положит, уж простите, чем богаты, тем и рады. А есть храмы с очень хорошими певцами. Но для спасения жизни нужно петь Господу не голосом, а самой жизнью своей. В Священном Писании жизнь во Христе называется пением. *«Крепость моя и пение мое Господь, и бысть ми во спасение»* (Пс. 117, 14) *«Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дóндеже есмь»* (Пс. 145, 2).

Господи, слова церковных песнопений, тропарей, канонов могут наполнять душу, не совсем еще погрязшую в житейском море, блаженством. Но чтобы пение церковное производило должное впечатление, нам необходимо вникать в смысл этих песен, и тогда мы сможем оторваться от всего земного. И если многие бесчувственно стоят в церкви, позевывая, и только ждут, окончания службы, то это потому, что не понимают смысла церковных песнопений. Господи, прости нас, ибо всем этим

согрешаем и мы. И еще, Господи, для спасения жизни нам петь нужно Тебе не голосом, а самой жизнью своей, а мы об этом забываем. Прости нас.

В Оптиной пустыни подвизался насадитель старчества отец Лев. Сильно восставал враг на него за то, что тот принимал народ и советом спасал многих. Дьявол вооружил против сего старца не только мирян, но и иноков. Однажды некоторые из монахов, ненавидевшие отца Льва, донесли на него архиерею: «У него все бабы да бабы, и он возится с ними с утра до ночи, это вовсе не подобает монаху», – писали иноки владыке.

Архиерей сам приехал в Оптину, чтобы лично убедиться в справедливости написанного. Когда он пришел к батюшке отцу Льву, тот действительно был окружен толпами народа, в большинстве состоявшего из женщин. Вдруг принесли бесноватого, который с пеной у рта бился на руках приведших его людей.

– Не запрещал ли я вам принимать народ? – строго сказал архиерей, – но вы все-таки принимаете!

– «Пою Богу моему, дóндеже есмь», – ответил старец. – Посмотрите, Владыко, – продолжал он, указывая рукой на бесноватого, – этот человек почти потерял человеческое подобие, неужели же я, как скотину, прогоню его? А эти женщины, жаждущие спасения души, если я их отвергну, то Господь меня отринет.

Архиерей понял глубокое значение слов старца и признал его действия правильными.

Господи, и против нас дьявол вооружает разных людей, если Ты сподобляешь нас сделать какое-нибудь доброе дело, направленное на спасение этих людей. Прости нас, Господи, что мы не научены еще распознавать козни дьявола и не умеем с кротостью и смирением объяснить зложелательным людям соотношение своих поступков с волей Божией.

Вот теперь торжественный праздник Рождества Христова, в котором воспоминается, как Господь родился от Пресвятой Девы Марии и был яко Младенец среди нас и нас ради.

Но для чего приходил на землю Единородный Сын Божий? Много здесь причин. Прежде всего, конечно, чтобы спасти

людей от грехов и сделать их богами, а также принести мир на землю. *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение»* (Лк. 2, 14). Господь хочет, чтобы мы любили друг друга и прощали обиды, а мы часто мстим обидчикам, а если не удастся отомстить, то сожалеем об этом. Не должно так поступать христианам; нужно отбросить гордость и тщеславие и считать себя хуже всех, тогда мы не будем осуждать других, и мстить им за обиды.

Господь хочет, чтобы мы любили друг друга и прощали обиды, а мы часто мстим обидчикам, а если не удастся отомстить, то сожалеем об этом. Господи, прости нас и помоги отбросить гордость и тщеславие и считать себя хуже всех. Господи, помоги нам не осуждать других и не мстить им за обиды.

Печальную новость узнал я недавно. Одно духовное лицо, человек, известный своей ученостью и богословским образованием, защитник Православия, вдруг отрекся от него. Прямо не хочется верить! Прекрасно, красноречиво он говорил и жил не худо, не был ни убийцей, ни блудником, не имел, и других пороков, но вдруг пошатнулся и отрекся от Господа. Отчего это случилось? Правда, он был поставлен в очень тяжелые условия, враг со всех сторон нападал на него, и он не устоял. Погубило его тщеславие. Те обширные знания, которые он имел, не принесли ему пользы, а, напротив, повредили ему, так как надмили его ум. А тщеславие бывает от недостатка смирения. Человека смиренного никакие скорби не победят, не падет он, так как, смиряясь, находит, что за грехи свои достоин еще и большего наказания. Смиренный уподобляется человеку, построившему дом свой на камне: *«и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся, основана бо бе на камени»* (Мф. 7, 25).

А камень-то этот – смирение. Тщеславный же подобен человеку, построившему дом свой на песке, без основания. *«И сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася... то есть со всей силой устремились к храмину той, – и падеся: и бе разрушение ея велие»* (Мф, 7, 27).

Смиримся же перед Богом. Ныне, 25 декабря 1912 года, положим маленький кирпичик в основание своего домика, то есть желание исправиться, а Господь Сам спасет нас по Своей неизреченной благодати.

Господи, и нас может погубить тщеславие. Оно бывает от недостатка смирения. Человека смиренного никакие скорби не победят, не падет он, так как, смиряясь, он находит, что за грехи свои достоин и большего наказания. Смиранный уподобляется человеку, построившему дом свой на камне. А камень этот – смирение. Господи, прости, что не строим дом свой на камне. Тщеславясь же, мы строим дом свой на песке, без основания. И не выдерживаем испытаний и искушений, согрешаем и подвергаемся падениям. Прости нас, Господи.

38. Противостояние работающим суете

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра» – этими словами начинаются тропари, поющиеся в особо важных, торжественных случаях.

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра», – скажем теперь и мы с вами, собравшись для духовной беседы. Бывало, так же собирались мы и в Оптиной, в моей маленькой молельне, при свете зеленой лампы. Только там круг слушателей был меньше. Помню, располагались трое или четверо на диване, затем на стульях и на скамеечках; всего на беседах бывало человек двенадцать, самое большее – семнадцать. А теперь двадцать восемь собралось. О чем же беседуем мы с вами? С различных концов прибыли вы сюда: из Петрограда, Москвы, из далекого Тамбова и так далее. Все вы съехались, чтобы получить духовное утешение и отдохнуть здесь от житейской суеты. Не материальные расчеты руководили вами, когда из дальних мест стремились вы в нашу тихую обитель. Эти святки, или святые дни, вы проводите здесь как должно, как учит наша Святая Православная Церковь, посещаете храм Божий, молитесь, слушаете убогую беседу... А все вы знаете, как проводят святки в миру. Театры, балы, концерты, маскарады и тому подобное. Светские развлечения совершенно закружат человека, не давая ему времени подумать о чем-либо духовном.

Господи, в святые дни мы мало времени проводим в храме Божиим, молимся и слушаем духовные беседы. Светские развлечения: театры, балы, концерты и прочее, – совершенно затягивают нас, не дают подумать ни о чем духовном. Прости нас, Господи, за подобное времяпровождение и за пустоту, которую они приносят в нашу душу.

А после этого времяпровождения остается пустота на душе. Вспоминаются суетные разговоры, вольное обращение, увлечение мужчинами, а мужчин – женщинами, И такая пустота остается не только от греховных удовольствий, но и от таких, которые являются не очень греховными.

Господи, мы вспоминаем суетные разговоры, вольное обращение, увлечение мужчинами, а мужчин – женщинами. И такая в душе пустота, что всё внимание сосредотачивается на негативной стороне жизни. Прости нас, Господи.

А что, если среди таких развлечений призовет к Себе Господь? Слово Господне говорит: «В чем застану, в том и сужу». А потому такая душа не может пойти в обитель света, но в вечный мрак преисподней. Ведь это на всю вечность!

Господи, и нам полезно вспоминать о Твоих, Господи, словах: «В чем застану, в том и сужу». Как это страшно лишиться области света и идти в вечный мрак преисподней! Господи, прости нас, что мы развлекаемся совершенно бездумно и не задумываемся о Суде Твоем.

Мне вспоминается ужасный случай, происшедший на одном балу, еще в то время, когда я был в миру. В одном богатом аристократическом доме был бал-маскарад (я на нем не был, но мне рассказывали товарищи). На этом балу была одна замечательная красавица. Единственная дочь богатых родителей, она была прекрасно образована, воспитана (конечно, только по-светски), отчего не доставить ей удовольствие? Родители ничего для нее не жалели. Ее костюм изображал языческую богиню, стоил не одну сотню рублей, об этом костюме много говорили. Бал открылся, как всегда полькой, затем следовали другие танцы, наконец, французская кадрили. Во время кадрили красавица вдруг упала в предсмертной агонии. Она сорвала с себя маску, лицо ее почернело и было ужасно. Челюсти скривились, в глазах выражался ужас с мольбой о помощи, которую никто не мог ей оказать. Так и умерла она среди бала. Погоревали о ней, особенно родители, похоронили, поставили над ее прахом великолепный памятник, и все земное окончилось для нее. А что стало с ее душой? Конечно, пути Божии неисповедимы, но, по нашему убогому разумению, не быть ей в Царстве Света. Предстала она суду Божию, а Господь же сказал: «В чем застану; в том и сужу» – вот и застал ее Господь среди игрища в одежде богини разврата, и пошла ее душа в мрачные затворы ада. Вот чем кончается служение миру!

Господи, как тут не задуматься об участи своей души, когда она предстанет Твоему Суду. Господи, прости нас за необдуманное проведение времени и за уподобление языческим персонажам, одеваясь в одежды которых мы можем унаследовать и их участь: мрачные затворы ада.

Работающим суете служение Христу представляется тяжким и неудобовыполнимым, а разве в миру легко работать? Какие тяжкие цепи налагает он на своих последователей! Хотя бы эти визиты подчиненных к начальству на праздник! Вместо того чтобы побывать в храме Божиим, люди с утра до вечера ездят по этим нелепым визитам, бывают у таких людей, которые им и несимпатичны, и их там не любят, а между тем не сделать визита – значит иногда лишиться места, поневоле приходится исполнять этот скучный обычай. И возвращается человек с таких визитов усталый, разбитый, проклиная суровый обычай мира сего. Но как поступить в этом случае христианину? Святой апостол Павел говорит: «Творите все то, что не против вашей совести, а что противоречит, от того отвращайтесь».

Господи, если служение Тебе кажется нам тяжким и неудобовыполнимым, то это значит, что мы работаем суете с бóльшим прилежанием, чем Тебе. Прости нас, Господи, за неверно расставленные приоритеты.

Совсем не сноситься с мирскими людьми невозможно, иначе нам пришлось бы выйти из мира. Мир сильно не любит тех, которые не следуют его законам. Он награждает их названиями монашек, в устах мира это позорное название ненормальных, отсталых и так далее.

Господи, нам приходится сталкиваться с трудными обычаями мира сего, когда за служение Христу тебя именуют монашкой, то есть ненормальной, отсталой. Господи, прости, мы не всегда выносим этот приговор мира.

– Знаете ли вы, – говорит один другому, – про такую-то? Еще в прошлом году она была очень мила. На святках на маскарадном балу на ней был чудный костюм, изображавший Диану, преследуемую охотниками. Многих она заинтересовала, а теперь? Нигде не бывает, только ходит в церковь да читает святые книги, вообразите!

– Да, она стала ненормальной.

Вот приговор мира сего. Пока служила она врагу, считалась умной, а когда перешла на сторону добра, то – ненормальной. Правда, смотря что принимать за норму, если отречение от Христа, то она, действительно, ненормальная. И мир осуждает такую и смеется над ней. Но надо все переносить, чтобы остаться верной Христу. Первые христиане так и поступали.

Господи, понимаем, что должны переносить эти насмешки мира и оставаться верными Христу. А у нас нет-нет да сердце и дрогнет, уныние окутает душу и жизнь становится какой-то безрадостной. Прости нас, Господи, за утрату мужества от этих пересудов человеческих.

Приводят, например, на допрос великомученика Феодора Тирона.

– Кто ты такой? – спрашивает мучитель.

– Я – христианин!

– Но какого ты звания?

– Раньше, – ответил Феодор, – я был рабом богатого человека, а теперь я – раб Христа Спасителя.

– Но отчего же ты от такого богатого человека перешел к Христу? – дознавался мучитель.

– Потому, что познал истину.

– Но если ты не отречешься от Христа, я буду тебя мучить.

– Мучай, – отвечает святой, – Господь даст мне силы перенести все твои мучения. Тело ты можешь мучить, но не коснешься моей души.

Феодор с твердостью перенес все страдания, но остался верен Христу...

Господи, мы остаемся Тебе верными, потому что познали Твою истину и потому, что верим в Твою помощь в страданиях за Тебя. Мы также знаем, что тело наше может быть подвергнуто пыткам и мучениям, но душа наша останется нетронутой, ибо она принадлежит Богу. Господи, прости нас, но мы верим, что дашь нам силы с твердостью перенести всякие страдания за Христа.

Правда, были и такие, которые отрекались. Ужасен был вид кипящих котлов с раскаленным оловом, в которые бросали

людей живьем, и те обращались в пепел. Загоняли гвозди под ногти, вытягивали жилы и вешали на них, строгали железными когтями тело, отсекали голову – эти и подобные казни смущали малодушных, и они отрекались. Нынче христиан не мучают на площадях, не предают, торжественно сожжению, всюду открыты христианские храмы, в которых истово совершается богослужение. Но многие и без мук отпадают от Христа – до чего же гнусное явление! Мир преследует рабов Христовых насмешками и презрением, и многие не переносят этого.

Господи, мир преследует нас насмешками и презрением, и мы не всегда выносим это, если теряем внутренний мир и твердую веру. Господи, прости нас за малодушие.

– А ты что-то часто стала ходить в церковь? – язвительно задают вопрос.

Молчание.

– Конечно, отчего не сходить на праздники, но ты уж чуть ли не каждый день ходишь? Кажется, и посты соблюдаешь? Уж не собираешься ли ты в монастырь?

Снова молчание. А иная, совсем обнаглевшая, начинает задавать вопросы:

– Вот ты все читаешь святые книги, а читала ли ты Ницше?

Да так и засыплет именами своих богов (у них ведь тоже есть боги).

– Если ты религиозна, – продолжается допрос, – то должна рассмотреть вопрос со всех сторон, не бойся услышать и противоположное мнение.

Не надо слушать подобные слова. Не читайте безбожных книг. Оставайтесь верными Христу. Если спросят вас о вере, отвечайте.

Господи, нам не надо бояться подобных вопросов и уметь убежденно отвечать на них. А еще лучше не слушать этих слов и не читать безбожных книг. Господи, прости нас, мы не умеем самоотстраняться от подобных людей, мы не умеем давать им отпор своими убедительными ответами.

– Ты зачастила, кажется, в церковь?

– Да, потому что нахожу здесь удовлетворение.

– Уж не в святые ли хочешь?

– Каждому, конечно, хочется быть святым, но это не от нас зависит, а от Господа.

– Не в монастырь ли ты собираешься?

– Нет, в монастырь я не собираюсь.

Подобными ответами отразите врага. Конечно, тяжело, очень тяжело подчас бывает, скорби облекают со всех сторон, и приходит даже уныние, особенно это уныние нападает на монашествующих. Кажется, что и Господь оставил, и, может быть, временно Господь оставляет человека, но зорко следит за такой душой и не даст ей погибнуть.

Подчас очень тяжело бывает нам: скорби облекают нас со всех сторон, и приходит даже уныние. Кажется, что и Господь оставил, и, может быть, временно Господь оставляет нас, но зорко следит за душами нашими и не даст им погибнуть. Господи, прости нас, мы часто унываем и теряем надежду на Твою помощь.

39. Труд над своим спасением

Враг ненавидит монастырь, оттого-то с такой силой и нападает на иноков. Помню, когда я был еще в миру, монастырь представлялся мне страшной скукой. Там только редька, постное масло да поклоны. Но, бывая в великосветском обществе, я все равно скучал. А если кто-нибудь начнет особенный разговор, то его поднимут на смех: вот явился пророк! Да, только пустые, праздные разговоры, даже музыки не слышно. Стоит великолепный рояль, и есть хорошо играющие, но никто до него не дотронется. Все более и более отходил я от мира, хотя заметных изменений не было. Это отпадение продолжалось десять лет, пока я совершенно не отошел от него. Труднее всего мне было оставить театр, оперу, серьезную музыку... Но случилось нечто – я оставил мир и стал иноком. Может быть, конечно, я только внешне отошел от мира, блаженны отошедшие от него внутренне. Под миром подразумеваются здесь не люди, а служение страстям, где бы оно ни происходило. Можно быть и мирскими инокинями, и в монастыре жить, как в миру. Черные одежды сами по себе не спасают, и белые не губят. Не зову вас в монастырь, живите в миру, но вне мира -и благо будет вам.

Блаженны будем мы, если отойдем от мира внутренне. Под миром подразумеваются здесь не люди, а служение страстям, где бы оно не происходило. Господи, прости нас, что не умеем отказывать страстям и не умеем жить в миру, но вне мира.

От скорбей не надо приходить в уныние, в отчаяние, надо терпеть. Многие начавшие идти за Христом бывают вначале очень требовательны: «Господи! сделай меня святой!» Правда, это законная просьба, но нельзя сразу достигнуть святости. Были редкие примеры, когда из грешников сразу становились святыми, но они были исключительными, эти примеры, а нам, грешным, указан путь постепенного восхождения. Поступая так, не впадешь в сети врага. И люди говорят, что если нищему дать сразу миллион, то он, пожалуй, от неразумного потребления денег и сам погибнет, и других погубит, а если дать ему рублей

тридцать-сорок, то он на ноги встанет. Если так рассуждают люди, то не тем ли более Господь раздает Свои дары на пользу, а не на гибель. Должно помнить, что Господь любит и печется о нас, а потому надо вполне предавать себя на волю Божию: твори со мной, Господи, что хочешь. Нельзя стать святым, то есть исполнить заповеди Божии без труда, а этот труд троякий: он состоит из молитвы, поста и бдения. В Евангелии говорится, что однажды привели к ученикам Христовым бесноватого. Сколько Апостолы ни старались изгнать злого духа, он не слушал и говорил: «Не выйду». Тогда бесноватого отвели ко Христу, и Сам Господь изгнал беса. Ученики, оставшись наедине со Христом, с оттенком упрека говорили Ему: «Почто мы не возможем изгнати его?» Господь сначала сказал: «За неверие ваше», затем же добавил: *"Сей род (то есть злые духи) изгоняется токмо постом и молитвою"* (Мф. 17, 21). Итак, молитва, пост и бодрствование над собою, то есть хранение своих мыслей и чувств, делают нас победителями врагов нашего спасения.

Должно помнить, что Господь любит и печется о нас, а потому надо вполне предавать себя на волю Божию: твори с нами, Господи, что хочешь. А мы, Господи, и не помним этого, и не предаем себя на волю Твою. Прости нас за это и твори с нами, что хочешь. Нельзя стать святым, то есть исполнять заповеди Божии без труда, а это труд троякий; он состоит из молитвы, поста и бдения. Господи, прости, что слабое хранение мыслей и чувств, не делают нас победителями врагов нашего спасения.

Самое трудное из этих дел – молитва. Всякая добродетель вследствие упражнения превращается в навык, а молитва до самой смерти требует побуждения и является следствием подвига.

Молитва трудна, так как ей противится наш ветхий человек. Но она трудна еще и потому, что враг всей силой восстает на молящегося. Молитва для диавола есть вкушение смерти, хотя, конечно, он уже умер духовно. Но молитва как бы снова поражает его, а потому он всячески противится ей. Даже святые уж, кажется, должны бы только утешаться молитвой, но по

временам она и для них трудна. Правда, молитва несет с собой и высокое утешение, и не только праведнику, но и грешнику.

Наш известный поэт Лермонтов испытывал сладость молитвы и описал это в своем стихотворении:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

К сожалению, молитва не спасла Лермонтова, так как он ожидал от нее только восторгов, а труда молитвенного понести не хотел. Поэт погиб – он был убит на дуэли.

Господи, молитва трудна и для нас, так как ей противится наш ветхий человек. Да и враг всей своей силой восстает на нас, когда мы молимся. Враг противится молитве, ибо она поражает его. Из-за этих обстоятельств мы оставляем молитвенный труд. Прости нас, Господи, мы больше ожидаем от молитвы восторгов, а труда молитвенного понести не умеем. Прости нас.

Враг сильно нападает, внушая уныние, отчаяние и какой-то необычайный страх. *«Тамо убояшася страха, идеже не бе страх...»* (Пс. 13, 5). Иногда человек чувствует свое полное бессилие и руки опускает. Но такая печаль незаконна: нужно молитвой и крестным знамением, в котором сокрыта непостижимая сила, противиться козням врага.

Враг и на нас сильно нападает, внушая уныние, отчаяние и какой-то необычайный страх. Иногда мы чувствуем полное бессилие и опускаем руки. Прости нас. Но такая печаль незаконна: ее нужно отгонять от себя молитвой и крестным знамением, в котором сокрыта непостижимая сила противиться

козням врага. Прости нас, Господи, что этой силой мы забываем пользоваться в моменты уныния и не ставим врагу божественной преграды.

Второе средство для получения спасения – это пост. Пост бывает двоякий: внутренний и внешний. Первый есть воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от всего скверного и нечистого, второй – воздержание от скоромной пищи. Тот и другой пост неразрывно связаны друг с другом. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Приходит такой человек куда-нибудь в общество и в разговорах там сплошь и рядом принимает деятельное участие в осуждении ближних, и много похищает от их чести. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную пищу: котлеты, поросеночка. Он долго отказывается.

– Ну покушайте, – уговаривают хозяева, – ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что из уст!

– Нет, в этом я стоик, – заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем перечеркнул пост.

Вот отчего так необходимо трезвение над собой и хранение своих мыслей и вообще всех чувств. Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце, и вместо прежних зависти, ненависти и злобы в нем рождается любовь. Древние христиане жили в любви и согласии, все у них было общее. Апостолы ничего не имели, а достаточные (богатые люди) приносили разную снедь, имущество к ногам Апостолов, те же раздавали всем нуждающимся. Собирались они вместе на вечерю любви и вкушали от предложенной трапезы.

Второе средство для получения спасения – это пост. Внутренний пост – это воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от скверного и нечистого. Внешний пост состоит в воздержании от скоромной пищи. Оба поста неразрывно связаны друг с другом. Господи, прости нас, что мы не храним трезвения над собой и не наблюдаем за своими мыслями и вообще за своими чувствами. Господи, помоги нам трудиться над своим спасением, мало-помалу очищать свое сердце и,

вместо прежних зависти, ненависти и злобы, сподобиться рождению в нас любви.

40. Звезды мыслей, зажигающие «сердца дремлющую мглу»

Все усердствуют мне боголюбивые души, а я только разделяю эти дары между мирянами и монашествующей братией. Идет известный вам отец Григорий и, стучась к какому-нибудь иноку, передает приношение.

– О ком молиться? – спрашивает тот.

– Имена их Ты веши, Господи, – отвечает отец Григорий.

Господи, когда мы получаем приношения от боголюбивых душ, то должны поделиться ими с ближними своими и помолиться об этих людях. Господи, прости, что не всегда делимся и не всегда молимся о них.

Когда Господь Иисус Христос посылал Своих учеников на проповедь, то говорил: *«Когда же приведут вас в синагоги, к начальством и властям, не заботьтесь, как или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить»* (Лк. 12, 11–12). И слова Господни исполнились. Простые, неграмотные рыбаки своим учением покорили всю Вселенную. Мудрецы века сего не могли противостоять такому учению. Дух Святой и теперь действует через Священное Писание и через преданных Богу людей. Оттого-то святые книги, в частности Жития святых, так благотворно влияют на душу человека, так как это слово жизни. В писаниях же неверующих Ренана, Ницше и прочих – смерть, потому что мраком, тоской и отчаянием покрывается душа от подобного чтения, точно мрачные туманы спускаются со всех сторон и облегают сердце человека, а слово Духа Святого – животворит.

Дух Святой и теперь действует через Священное Писание и через преданных Богу людей. Отчего и святые книги, в частности Жития святых, так благотворно влияют на наши души, так как это слово жизни. Господи, прости, что мы не всегда с охотой пользуемся этим словом, прости, что слово жизни теряет для нас свое воспитательное значение. Слово Духа Святого животворит нас, а слова неверующих несут нам смерть, потому что мраком, тоской и отчаянием покрывают наши души.

Господи, прости нас за мрачные туманы, которые со всех сторон от чтения неверующих авторов облегают наше сердце и заставляют нас тосковать и наполняют безнадеем наши души.

В истории известен такой пример. Грозный завоеватель Аттила (двадцать лет был предводителем гуннов) двинулся на Западную Европу. Его огромные полчища все уничтожали на своем пути, и вот Аттила подступил к стенам Рима. Рим со своими несметными сокровищами и громкой славой возбудил у Аттилы желание смирить этот город. Римляне с трепетом ожидали гибели, а святой папа Лев отправился в стан Аттилы и убеждал его отступить от города. Молча слушал Аттила великого старца, и мысль его колебалась. Сподвижники грозного завоевателя уговаривали его не слушать папу и двинуться на город. Миллионное войско было наготове, но Аттила вдруг решительно воскликнул: «Назад!» Удивленные воины вопросительно взглянули на Аттилу. «Назад!» – повторил он, и все двинулись обратно. Когда они были уже за Дунаем, а может быть, и за Днепром, воины спросили Аттилу, отчего он не взял город, а послушался какого-то старика. «Я не мог не послушаться его, – ответил завоеватель, – так как в словах его была невыразимая сила».

Действительно, Дух Святой говорил через святого папу Льва, оттого-то и не мог противиться этому слову человек.

Господи, прости нас, мы не умеем говорить убедительно, защищая город свой от разрушения иноверцами, и Дух Святой не говорит через нас, и слова наши не имеют невыразимой силы убеждения. Нам не хватает для этого веры. Господи, прости нас за недостаток веры, мужества и бесстрашия.

Нечто подобное было и с нашим поэтом-полувером Пушкиным. Он был в большой славе, его стихи приводили в восторг всех не только в России, но и за границей. Не было, да и, кажется, не будет равного ему по музыкальности и звучности стиха. Но эти стихи описывают лишь земное и тленное, сам поэт говорит: «...лире моей вверял изнеженные звуки безумства, лени и страстей». И вот на этого поэта громадное влияние имело слово митрополита Московского Филарета,

заставляя его задуматься и раскаяться в своем пустом времяпрепровождении.

Однажды митрополит Филарет говорил проповедь в Успенском соборе. Пушкин стоял, скрестив руки, боясь проронить и слово. Возвращается он домой.

– Где ты был? – спрашивает жена.

– В Успенском соборе.

– Кого там видел?

– Ах, оставьте, – сказал Пушкин и, закрыв лицо руками, зарыдал.

– Что с тобой? – удивилась жена.

– Ничего, дай мне бумагу и чернила.

И под впечатлением слов митрополита Филарета Пушкин написал свое чудное стихотворение, за которое, наверное, многое простил ему Господь.

В часы забав иль праздной скуки

Бывало, лире я моей

Вверял изнеженные звуки

Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой

Невольно звон я прерывал,

Когда твой голос величавый

Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,

И ранам совести моей

Твоих речей благоуханных

Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной

Мне руку простираешь ты

И силой кроткой и любовной

Смиряешь буйные мечты.

Последнее четверостишие особенно замечательно:

Твоим огнем душа палима

Отвергла мрак земных сует,

И внемлет арфе Серафима

В священном ужасе поэт.

Пушкин, конечно, не слышал серафимского пения, но, очевидно, подразумевает под этим нечто великое, с чем только и можно сравнить слова митрополита Филарета.

Дети мои, читайте Священное Писание и творения святых учителей Церкви, так как через них говорит Сам Дух Святой. Но не читайте таких «учителей», которые могут оторвать вас от Христа. Да спасет нас от них Господь! Будем следовать только Христову учению – и спасемся.

Господи, на нас столь сильно не оказывают свое влияние слова святителя Московского Филарета, когда с высоты духовной он руку простирает нам и силой кроткой и любовной смиряет буйные мечты. Господи, прости нас, что наша душа не отвергает мрак земных сует. Мы в священном ужасе не внимаем словам Священного Писания и святых отцов и учителей Церкви, а ведь через них нам говорит Дух Святой. Прости нас, Господи. И ещё мы виноваты тем, что читаем и смотрим экранизации таких «учителей», которые отрывают нас от Тебя, Христа Бога нашего. Прости, Господи, нас за это дозволение отрывать нас от Тебя.

У Хомякова есть прекрасное стихотворение «Звезды», в котором он небесный свод с миллиардами звезд сравнивает с учением галилейских рыбаков, то есть с Евангелием.

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В Горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампы
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли;
Вновь взглядишь – и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями

Бездны синие горят.
В час полночного молчанья
Отгнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в Писанья
Галилейских рыбаков.
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
Лучезарной красотой.
Узришь – звезды мыслей водят
Тайный хор свой вокруг земли;
Вновь взглядишь – и там вдали
Звезды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без числа,
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Да, истинное учение Христово способно зажечь и холодные сердца. *«Огня приидох во врази на землю...»*, – говорит Спаситель. Всех идущих за Христом покрывает и спасает Благодать Божия.

Господи, «в объеме книги тесной галилейских рыбаков» для нас еще не раскрывается «бесконечный свод небесный лучезарной красотой». Мы не умеем вглядываться в «звезды мыслей», которые «тьмы за тьмами всходят, всходят без числа», и их огнями не зажигается «сердца дремлющая мгла». Господи, прости нас, что Твое учение не зажигает наши холодные сердца и под покровом Твоей благодати помоги нам идти вслед за Тобой.

41. Жизнь – это книга, листы которой перелистывает Господь

Недавно была у меня девочка, лет семи, с матерью. Спрашиваю девочку, как меня зовут.

– Вар-со-но-фий!

– Верно. Ну а тебя?

– Ва-лен-ти-на.

– Валя, – добавляет мать. – Ну, Валя, не вались, – говорю ей.

– Сам не знаю, отчего я это сказал, только сегодня пришли они ко мне опять.

– Батюшка, – говорит мать, – а знаете, что с Валею случилось? Был у нас погреб открыт, моя девочка не заметила да оступившись, упала прямо в него, а он глубокий. Мы с мужем в ужасе думали, что она разбилась насмерть, а она осталась жива и невредима. Вот чудо! Ну и вспомнились нам ваши слова: «Валя, не вались!»

Ведь вот враг стремится погубить человека, а Благодать Божия спасает. Да спасет Господь и нас от страшного и мрачного погреба, который есть различные вражеские козни, всюду расставляемые нам врагом.

Господи, Твоей Благодатью Ты и нас спасаешь от страшного и мрачного погреба, который есть вражеские козни, всюду расставляемые врагом. Мы нет-нет, да и валимся в этот погреб по своей неосторожности и невниманию. Прости нас, Господи, и спаси от страшного и мрачного погреба вражеских козней.

Вчера служил я обедню в соборе. Много причащалось детей, все подходят спокойно, видно, что соединяются со Христом. Вдруг приносят девочку, лет двух с половиной. Она сильно закричала, затем, высвободив ножку, ударила по потиру. Я обомлел. Ведь Святые Дары могли пролиться на пол! Не знаю, как удержал Чашу в своих старческих руках. Верно, Ангел-хранитель, который всегда стоит около нас, ослабил силу удара. Спрашиваю, как зовут девочку, говорят: «Зинаида». Принесла

ее тетка, так как мать неверующая, в церковь никогда не ходит. Тетке еле удалось оторвать девочку от матери для причащения. И подумалось мне, что ждет этого ребенка впереди? Господу известна судьба каждого человека. Говорят, что с Толстым в детстве было нечто подобное. Да спасет и помилует нас всех Господь!

Когда дети спокойно подходят к чаше для причащения, это признак того, что они соединяются со Христом. Господи, прости нас, что мы не учим этому своих детей и редко приносим их в храм для причащения, поэтому они и ведут себя у святой чаши как «дикари».

Начну свою беседу теми же словами, как и в прошлый раз: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». Своим пастырским словом свидетельствую вам, что вы совершили подвиг, приехав сюда из разных мест на великий праздник Рождества Христова. Верю твердо, что милосердный Господь вознаградит вас. Как, не знаю, но не оставит вас ни в этой жизни, ни в будущей. Еще лет сорок-пятьдесят тому назад это время от Рождества Христова до Крещения называлось святыми днями. «Это было на святых днях», – говорили. Теперь эти два слова совмещены в одно – «святки». Что подразумевают под этим словом теперь? Обыкновенно – период времени от Рождества до Крещения, но часто с этим понятием соединяется понятие о греховных удовольствиях, которых так много бывает именно в это время. Враг издевается над христианами, и время, в которое совершалась тайна нашего спасения, обращается в разгул всевозможных пороков. Оттого-то и назвал я подвигом то, что вы оставили все мирские удовольствия: театры, балы, маскарады – и приехали в нашу тихую обитель, чтобы провести эти дни в молитве, духовной беседе и удалении от мирской суеты. Здесь вы говели и приобщались Святых Тайн. Это великое дело – принять в себя Самого Господа. В Таинстве Покаяния, или исповеди, разрываются векселя, то есть уничтожается рукописание наших грехов, а причащение истинных Тела и Крови Христовых дает нам силы переродиться духовно. Правда, это совершается не сразу и, пожалуй, неощутимо для нас: *«...не приидет Царствие Божие*

с соблюдением» (Лк. 17, 20), но несомненно, что это перерождение рано или поздно совершится и мы начнем новую жизнь, жизнь во Христе.

Господи, и нам предлежит подвиг спасения в святые дни от Рождества Христова до Крещения: это и поездка в скит, это и отказ от греховных удовольствий; это желание провести святые дни в молитве, духовной беседе и удалении от мирской суеты; это говение и причащение Святых Тайн, это исповедание своих грехов, это и восприятие силы Христовой для духовного перерождения. Господи, прости нас, что мы к этому подвигу искренно не стремимся и духовное перерождение в нас едва заметно теплится.

Есть еще великое Таинство Елеосвящения, или соборование. В этом море милосердия Божия потопляются все наши забвенные грехи, а таких у каждого немало найдется. Жизнь сложна, враг сильно нападает на тех, которые желают спастись, но Таинства, молитва и крестное знамение разрушают все козни и делают их «яко ничесоже».

Господи, и нам в дни поста следует топить в море милосердия Твоего все наши забвенные грехи, в своем разуме осмысливая факт нападения на нас, желающих спасения, врага. Прости нас, Господи, за то, что Таинствами, молитвою и крестным знамением мы не разрушаем все козни дьявола.

Жизнь – это книга. Листы ее – это события нашей жизни, все – от важных до ничтожных случаев. В нашей жизни нет ничего, что не имело бы значения, только мы-то часто этого и не понимаем, и лишь просветленные Божественной Благодатью умы понимают смысл каждого случая. В книге бывают опечатки. В жизни бывают ошибки, часто труднопоправимые, и Господь может исправить их... Книги бывают тоненькие, объемистые и даже многотомные, так и жизнь человека. Часто возникает вопрос: отчего умирает младенец? Почему живет старец? Отчего лишь только появился на свет человек, заплакал, окрестили его, и Господь берет его жизнь, а другой живет до глубокой старости? Тонка книга младенца – всего несколько страниц, а книга старца многотомна. Все это Тайна Божия, которую мы не можем постигнуть.

Господи, наша жизнь похожа на книгу, листы которой – это события нашей жизни. В ней нет ничего, что не имело бы значения, только мы часто этого не понимаем. Прости нас, Господи, за непонятливость и озари Своей Божественной Благодатью смысл каждого случая, чтобы понимать нам Твою заботу о нас.

Сохранился рассказ матери известного декабриста Рылеева, напечатанный в свое время в одном журнале.

Рылеева была вдовой и имела единственного сына, которого любила всей душой. И вот однажды ее пяти- или шестилетний сын заболевает. Долго лечили его, и, наконец, врачи, бессильные что-либо сделать, ушли, а мать опустилась на колени перед иконами и начала усиленно молиться о спасении сына. Среди молитвы на нее напал легкий сон, и видит она большую площадь, звуки военной музыки, гул толпы. Вдруг выдвигается эшафот, на нем виселица, на эшафот вводят ее «сына и вешают... Она в страхе просыпается. «Господи! – воскликнула горестная мать, – знаю, что это сон – не мечта, а послан для моего вразумления, но все же молю Тебя, оставь в живых моего сына».

Господь услышал ее молитву, сын поправился, к великому изумлению врачей, неизвестно чему приписавших подобный случай (впрочем, и врачи в то время были верующими).

Прошло много лет, Рылеев вырос, сошелся с людьми, отвергавшими Бога и все святое, желавшими закрыть все церкви и прекратить богослужение, а также восставшими против самодержавной власти. Они составили союз с целью ниспровергнуть самодержавие и учредить республику. Но заговор был раскрыт, его участники, в том числе и Рылеев, были казнены. И вот мать Рылеева наяву увидела большую площадь, толпы народа, звуки военной музыки. Воздвигли эшафот, на нем виселицу, и Рылеев был повешен. Его мать не возроптала, не пришла в отчаяние, но с твердостью произнесла: «Прав Ты, Господи, и правы суды Твои».

Господь лучше нас знает, что для нас полезно, а что вредно, потому надо верить Его водительству. Пребывайте в Церкви, будьте верны Христу Богу.

Господи, мы верим: Ты лучше нас знаешь что для нас полезно, а что вредно, потому мы вверяем себя Твоему водительству. Но часто эта вера подводит нас, и мы настаиваем на своем. Господь удовлетворяет наше прошение, а мы, получив просимое, ропщем и приходим в отчаяние. Прости нас, Господи, что в таком случае не готовы бываем сказать: «Прав Ты, Господи, и правы суды Твои».

42. Думы о христианской кончине

Не далее как сегодня в «Московских ведомостях» я прочел такую историю. Одна молодая девушка, красивая собой, встретила на балу с молодым человеком, тоже очень красивым, и они полюбили друг друга. Чуть ли не здесь же он сделал ей предложение, и она, не спросив родителей, изъявила свое согласие. Обвенчались они, живут месяц, другой, третий и утопают в блаженстве. Она так и думала всю жизнь прожить в счастье, но вышло иначе. Ее муж любил женщин и даже от такой прекрасной жены стал уходить к другим. Сначала она только делала замечания ему, затем пошли ссоры. Он начал брать у нее деньги. Сперва она охотно давала, но его требования становились все более нахальными, а когда она ему однажды отказала, он избил ее до синяков. Кроме женщин, муж пристрастился к вину и все уносил из дома. Тяжело было жене, не столько физически сколько нравственно она измучилась. Каково ей было смотреть на своего развенчанного кумира! Наконец мать сжалилась над дочерью и предложила ей переехать к себе. Дочь взяла с собой единственное свое сокровище – пятилетнего сынишку. Муж явился и сюда с требованием денег. Бить ее здесь он не мог, но осыпал колкими словами... «Ты разлюбила», – говорил он, «Нет, и теперь люблю тебя, – возражала жена, – брось свою распутную жизнь, и я опять вернусь к тебе. Есть у меня еще кое-какие крохи, будем жить на них, да и я еще имею право на наследство родителей». Но муж не пожелал измениться. Вот однажды приходит он к жене. Швейцар его не пускает. «Мне только надо видеть Надю», – настаивает он. Верно, сунул что-нибудь швейцару, тот пропустил его. У жены он требовал денег, а когда она отказала ему, нанес ей пять ударов финским ножом. Она упала, обливаясь кровью. И все это видел маленький сынишка. Какой пример получил он на всю жизнь! Убийца убежал, а ее похоронили. Печальная история! Но отчего рассказал я вам ее? Прежде всего, для того, чтобы показать вам, что вне Церкви не может быть счастья. Они познакомились на балу, где, конечно, и

мысли не было о Боге. Думается мне, что и потом они жили вне Церкви.

Господи, какой ужасный, но поучительный пример! Он говорит нам, что вне Церкви нет счастья: познакомились на балу, где и мысли не было о Боге, да и жили вне Церкви. Господи, прости нас, что в какой-то мере многие идут подобным путем, идут им и наши дети, ибо мы их не учим важные жизненные шаги делать с благословения родителей и святой Церкви.

Нынче расплодилось много еретиков, они считают себя истинно верующими. Но какая же это вера, когда что-то они признают, а что-то отвергают. Мне случилось говорить с толстовцами. Насколько же мрачно их мировоззрение! Полное отчаяние, никакого света! Тяжело мне было. «Вот лежит ваш учитель на смертном одре, – говорил я им, – передайте ему, что здесь пастырь, который может примирить его с Богом». Но меня не допустили до Толстого.

Еще раз повторяю: не ходите на собрания еретиков, которые могут погубить вашу душу. В страшное время мы живем. Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению. Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через тысячу лет, нет, это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верными Христу, Господу нашему.

Господи, и у себя мы замечаем изъяны в вере, ибо что-то признаем, а что-то отвергаем. Прости нас, Господи, за это. Господи, прости нас и за то, что мы благодушно не переносим насмешек и осуждения, когда исповедуем Господа Иисуса Христа нашим Богом и посещаем храм Божий, а иногда и открытое гонение.

Надеюсь, что вы все останетесь Ему верны и не отвернетесь от Господа своего. Молитесь, чтобы Господь послал вам христианскую кончину: **«Христианская кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном Судищи Христове просим».**

Кончина есть конец жизни, и добро тем, кто сподобится христианской кончины. Один епископ при возгласении этой ектении всегда творил земной поклон. И вы не забывайте если не в землю поклониться, то сделать поклон поясной или хотя бы свое внимание сосредоточить на этом прошении. И заметьте, что люди, верующие в Бога и на деле исполняющие Его святой закон, умирают спокойно, а смерть безбожников обычно страшна.

Господи, и мы не всегда бываем внимательны к словам ектении «Христианския кончины», забываем в землю или в пояс поклониться и сосредоточить свое особое внимание на этом прошении. Прости нас, Господи.

Все образованные люди знают известного немецкого писателя Гёте. Незадолго до смерти он дошел до такого безумия, что, поклоняясь языческому богу Зевсу, отвергал Христа и издевался над Ним. Правда, в его произведении «Фауст» добро торжествует над злом, быть может, потому, что «Фауст» написан в лучшую пору жизни, когда он еще был верующим. Ужасна была его кончина. «Света, света больше!» – кричал он в предсмертной агонии. Очевидно, вечный мрак уже начинал окутывать его душу, и вспомнил он о Присносущном Свете, да уже поздно. Как ни стараются почитатели Гете объяснить иначе его последние слова, но истина остается в своей силе.

Другой знаменитый писатель, Шекспир, хотя и принадлежал к англиканскому исповеданию, но всегда признавал Бога. Был он идеалистом, его произведения отрывают от мелочной житейской суеи. Умирая, он говорил: «Я спокоен». Это было не спокойствие отчаяния, но спокойствие, посланное Богом за веру в Него.

Страшна смерть неверов и кощунников, а теперь их так много! Писатель Спенсер характеризует многих людей так: «Люди – это деревяшки, а сердце их – рубль». Какая корысть от деревяшки и от рубля, а это выражение очень метко характеризует людей, погруженных в мелкие земные интересы и вовсе не думающих об иных, высших идеалах. И действительно, Господь «поругаем не бывает» (Гал. 6, 7).

Господи, и мы согрешаем, погружаясь в мелкие земные интересы и не думая об иных, высших идеалах. Прости нас.

Закон возмездия остается в полной силе. Грешники наказываются не только в будущей, но еще и в этой жизни. В Житиях святых из сонма примеров возьмем хотя бы один – святую мученицу Агафию. Ее подвергают ужаснейшим пыткам, желая вынудить отречение от Христа, но мученица остается непобедимой. Наконец голову ее усекают мечом, а мучитель, захватив ее богатства, довольный собой, едет в Рим к императору Декию с сокровищами Агафии. Доехав до реки, он поставил лошадей на паром. Одна из лошадей вдруг бросилась на мучителя, изгрызла ему лицо, а затем, схватив зубами за одежду, бросила его в воду. Никого другого не тронула. Вот как этот мучитель еще при жизни подвергся казни Правосудия Божия. Так и во всем земная мудрость ничто в сравнении с мудростью небесной, хотя земные знания и бывают нам полезны в сей жизни, но они не ведут нас в Царство Света.

Господи, приведенный пример говорит нам о Твоем правосудии и указывает нам на опасность забывать о нем в делах греховных. Господи, прости нас, что многие наши дела, не продиктованные небесной мудростью, отзовутся плачевными последствиями и станут препятствием на пути в Царство Света.

Помню, когда я был еще в миру, то, побывав однажды в Гефсиманском скиту, удивлялся, почему там утренняя была в 2 часа ночи.

– А вы бы когда думали? – спросил меня настоятель.

– Да часа в три-четыре.

– Нет, – ответил он, – необходимо вставать в 12 часов ночи, так как сохранилось предание, правда нигде не записанное, но в которое веруют и Восточная и Западная Церковь, что Христос в полночь придет судить мир. **«Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща»**. А потому так важна полуночная молитва! Если уж трудно идти к утрени, то, по крайней мере, дома нужно в это время помолиться. Важна молитва церковная, лучшие мысли и чувства приходят именно в церкви; правда, и враг сильнее в церкви нападает, но крестным знамением и молитвой Иисусовой отгоняйте его. Хорошо встать

в церкви в какой-нибудь темный уголок и молиться Боженьке. «Горе имеем сердца!» – возглашает священник, а ум наш часто стелется по земле, думая о непотребном. Боритесь с этим! Молитесь Господу, чтобы мое убогое слово принесло вам пользу.

Сохранилось предание, что Христос в полночь придет судить мир. «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща». Потому так важна полночная молитва! Дома в это время нужно помолиться. Господи, мы виноваты перед Тобой, что не принуждаем себя в это время помолиться. Прости нас за это и за то, что и во время молитвы ум наш стелется по земле, думая о непотребном. Господи, прости нас, что мы не боремся с этим.

43. Источники водные и препятствия на пути к ним

Батюшка отец Амвросий говорил своим слушательницам:

– Ах, как хотел бы я повести вас на источник воды живой!

Раздается голос:

– Батюшка, поведите!

– Да я и сам там не был, – отвечает отец Амвросий, – но сильно хочу быть там.

В действительности же старец властно вел своих почитателей на источник живой воды.

Господи, желание быть поведенными на источник воды живой у нас есть, но умение проходить этот путь под руководством старца у нас утеряно. Прости нас, Господи, и пошли нам духовного руководителя, знающего путь на источник воды живой.

Вот собрались вы здесь и, может быть, какая-нибудь из вас думает: «Родители мои стары, умрут они, останусь я одна, надо замуж выходить» Что же, это дело хорошее, глядишь, Господь пошлет мужа по сердцу! А другая поднимает тоном выше: «Страшно выходить замуж, вдруг муж изменит и бросит, а еще и беспокойство о детях. А лучше поступить в монастырь – работать Единому Богу». И такое намерение Бог благословляет. А иная хочет, оставаясь в миру, жить в девстве и целомудрии, да поможет и ей Господь!

Читайте Священное Писание, а также и Жития Святых, особенно святых великомучениц Екатерины, Варвары, Ирины, Евдокии, потому что каждый святой дает частичку своей крепости читающему его Житие с верой и поможет при прохождении мытарств.

Мы мало читаем Священное Писание и Жития Святых, мы еще не исполнились мыслью, что каждый святой, чье житие мы читаем с верой, даёт нам частицу своей крепости и поможет нам при прохождении мытарств. Прости нас, Господи, за оскудение веры по этому вопросу жизни.

Священное Писание – это книга жизни, писания же еретиков ведут к смерти. Не читайте их, чтобы мрак сомнений не окутал

вашу душу.

Господи, мы верим, что Священное писание – это книга жизни, писания же еретиков ведут к смерти. Господи, прости нас, что, читая их, мы позволяем мраку сомнений окутывать нашу душу. Господи, прости нас за потерю бдительности к охранению наших душ от мрака сомнений.

Англичанин Джеймс написал свою исповедь, в которой рассказывает, почему стал православным христианином. Это случилось так. Джеймс с товарищем (православным) поехал однажды кататься. На пути они увидели часовню, и товарищ решил зайти туда. «А мне можно?» – спросил Джеймс. – «Конечно». Товарищ его пошел приложиться к иконе Божией Матери, а Джеймс смотрел на икону и думал: «А что, если я подойду?» Вдруг случилось великое чудо: Светоносная Жена, Сама Царица Небесная подошла к Джеймсу и покрыла его Своим омофором. Джеймс испытал неизъяснимое блаженство и бесповоротно пошел за Христом, сделавшись православным. Но ведь много неверов, может быть, было в часовне, отчего же Мать Божия подошла именно к Джеймсу? Это тайна, которую и не будем стараться постичь.

Посещение часовен и прикладывание к иконам Богородицы и святых имеет своим плодом невидимое приближение к нам Самой Царицы Небесной и осенение нас честным Ее омофором. И то, что мы часто делаем это бездумно, делает нас нечувствительными к этому приближению Богородицы и соответственно теплохладными. Господи, прости нас за это нечувствие.

Некоторые говорят, что наука и искусство, особенно музыка, перерождают человека, доставляя ему высокое эстетическое наслаждение, но это неправда. Под влиянием искусства, музыки, пения человек действительно испытывает наслаждение, но оно бессильно переродить его.

Когда я был еще в миру, то очень любил музыку, и в частности игру на фисгармонии – рояль не может так передать глубину чувства. У нас в Казани жил известный композитор Пасхалов. Чтобы усовершенствоваться в игре, я стал брать у

него уроки. Часто мы вели с ним беседы. Однажды разговор зашел о Святом Причащении.

– Ну, в это я не верю, – сказал музыкант.

– А вы верите, что есть Америка?

– Конечно, это знает каждый ученик приходского училища.

– Ну, а если бы кто-нибудь сказал: я не верю, что есть Америка, то от этого она, конечно, не перестала бы существовать? Так и великое Таинство Тела и Крови Христовых остается в полной силе, несмотря на то, что вы в него не верите.

– Да, действительно, возможно, вы правы, впрочем, со мной еще никто так не говорил.

– Ну вот, Александр Васильевич, сходите вы в это воскресенье в церковь, послушайте там певчих, помолитесь. А во вторник у нас будет урок, мы с вами поговорим.

– Хорошо, согласен, – сказал Пасхалов.

– Вот вы говорите, что искусство перерождает душу, а на деле выходит иначе. Вы пьете, знаете, что это худо, а бросить не можете – нет сил. Развелись с женой, не сохранили к ней верности, а Священное Писание говорит, что ни блудники, ни пьяницы Царствия Божия не наследуют.

Пасхалов задумался. По-видимому, беседа произвела на него сильное впечатление. Прошло три дня, и Пасхалов явился ко мне с тетрадью в руках.

– Разрешите мне сыграть мое последнее произведение, – сказал он, указывая на тетрадь.

– Пожалуйста, – отвечаю, – но отчего же последнее?

– Так я чувствую. Перелистывал я недавно книжечку Полонского и остановился на стихотворении «Плохой мертвец», вот и решил в последний раз переложить его на музыку.

Никогда еще, ни раньше, ни позже, не слышал я таких звуков, полных мощи и воодушевления.

– Больше заниматься музыкой не буду... Не хочу раздваиваться, чувствую, что вы правы, – произнес Пасхалов, несколько успокаиваясь, – помните рассказ про великого художника Ван Дейка? Когда он ушел в монастырь, то не захотел уже раздваиваться между любовью к Богу и

художеством, а потому, несмотря на советы игумена, предложившего ему писать иконы, он бросил кисть и краски в протекавшую около монастыря реку Тахо. Оставлю все и приду к вам за наставлениями.

– О нет, – воскликнул я, – я не могу вас учить, сходите лучше к профессору Казанской духовной академии отцу Антонию (который стал впоследствии Петроградским митрополитом), он вас наставит. А главное, бросьте пить вино!

Пасхалов обещал. Прошло несколько дней. Вдруг приходит ко мне один знакомый, хорошо знавший Пасхалова.

– Я к вам с новостью, – начал он. – Пасхалов умер.

Потом он рассказал печальные подробности кончины знаменитого композитора.

Пасхалов исполнил свое слово, был у отца Антония, который, между прочим, советовал ему не бросать музыку, но заняться переложением церковных песнопений. Также взял с него обещание не пить. Дня три-четыре Пасхалов не пил, но на пятый день ушел из дома и вернулся поздно ночью. Горничная, которая отворила дверь, с ужасом увидела, что Пасхалова ведет какое-то «страшилище» с огромными сверкающими глазами. Втолкнув его в двери «страшилище» сказало: «Бери своего барина!» Пасхалов был совершенно пьян.

На другое утро его нашли кончившим свою жизнь самоубийством. А одному из родственников композитора явился враг и с адским хохотом кричал: «А! Он спастись захотел! Нет, я его задушу!»

И действительно задушил.

Вся Казань сошлась на похороны знаменитого композитора. Тело его утопало в цветах. Отпевали торжественно. Затем собрали большую сумму денег и воздвигли ему великолепный памятник. Я тоже был на похоронах и, идя за гробом, думал горестную думу: на что ему теперь это торжество, когда душа его погибла. Конечно, неизвестно, какова воля Божия, но да сохранит нас всех Господь от такой кончины.

Некоторые говорят, что наука и искусство, особенно музыка, перерождают человека, доставляя ему высокое эстетическое наслаждение, но это неправда. Под влиянием искусства,

музыки, пения человек действительно испытывает наслаждение, но оно бессильно переродить его. Неспособно оно переродить и нас. Господи, прости нас, что мы часто с искусством и музыкой связываем необоснованные надежды на изменение своей греховной жизни. Наслаждение ими отчасти получаем, а улучшения жизни не происходит. Господи, помоги нам прилагать усилия к посещению богослужений, к исповеди, Причащению святых Тела и Крови Христовых и служить Богу молитвой и бдением над своей душой. И спаси нас, Господи, от вероломного нападения на нас врага нашего спасения, несущего нам гибель.

Веруйте в Господа, исполняйте по силе Его святой закон, и верю, что спасетесь. Никогда не приходите в отчаяние. А то так случается: затоскует душа и не какого-нибудь невера, а душа истинного христианина. И заповеди по силе исполняет, и говеет, и посты соблюдает, но вдруг покажется ей, что Господь ее ненавидит. Какая диавольская мысль! В Писании сказано, что Господь ненавидит только гордых, даже жидов и магометан Он принимает, если они к Нему обратятся, – и вдруг: христианскую душу ненавидит! Нет, Господь любит всех, а мысль о ненависти Божией – это стрела врага, завидующего человеку. Много посылал он стрел, а эта уж последняя, которую надо изловчиться и отразить, то есть совершенно пренебречь подобной мыслью.

Господи, и нам случается, хотя и заповеди по силе исполняем, и говеем, и посты соблюдаем, затосковать душой так, что кажется, будто Господь нас ненавидит. Какая диавольская мысль! Нет, Господь любит всех, а мысль о ненависти Божией – это стрела врага, завидующего нам. Много посылал он стрел, а эта последняя, которую надо изловчиться и отразить, то есть совершенно пренебречь подобной мыслью. Господи, прости нас: мы не нарабатываем подобной ловкости своей душе и, не делая ничего, погибаем.

44. Углубление в свое сердце

Когда кончается год, то подводится итог того, что мы сделали за это время, Конечно, каждым совершено много промахов, ошибок, но будем надеяться на милость Божию и пожелаем друг другу не нового счастья, а новой Благодати Божией.

Господи, прости нас, что поздравляя друг друга с новым годом, мы склонны желать не новой Благодати Божией, а нового счастья.

Не смущайтесь и не бойтесь скорбей. Скорби и радости тесно соединены друг с другом. Вам это кажется странным, но вспомните слова Спасителя: *«Жена, егда раждает, скорбь имат, яко прииде год ея: егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир»* (Ин. 16, 21). День сменяет ночь, и ночь сменяет день, ненастная погода – вёдро; так и скорбь, и радость сменяют одна другую.

Господи, мы не приучаем себя, что скорби и радости сменяют друг друга и не следует этим смущаться. Господи, прости нас, что к скорбям мы относимся недружелюбно, а к радостям с повышенным вниманием.

Апостол Павел произнес грозное слово на тех, которые не терпят от Бога никакого наказания: если вы останетесь без наказания, вы – незаконные дети. Не надо унывать, пусть унывают те, которые не веруют в Бога; для тех, конечно, скорбь тяжела, так как, кроме земных удовольствий, они ничего не имеют. Но людям верующим не должно унывать: скорбями они получают право на сыновство, без которого нельзя войти в Царство Небесное.

Господи, прости нас, что случается и нам не терпеть от Тебя, нашего Бога, никакого наказания, так что, оставаясь без наказания, мы вписываем себя число в незаконных детей. И унываем. Прости нас, Господи, и помоги скорбями получить право на сыновство и войти в Царство Небесное.

«Отроцы благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше, огненнаго прещения не убояшася, но

посреде пламене стояще, пояху; отцев Боже, благословен еси». (Ирмос Рождества Христова, глас 1, песнь 7).

Скорби есть огненное прещение, или испытание, но не надо их бояться, а, как преподобные отроки, воспевать Бога в скорбях, веруя, что они посылаются Богом для нашего спасения.

Да спасет же всех нас Господь и введет в Царство Незаходимого Света!

Огненного прещения – скорбей – нам не надо бояться, а подобно отрокам в скорбях следует воспевать Бога, веруя, что они посылаются Богом для нашего спасения. Мы же испытания скорбями не выдерживаем и воспевания Бога в скорбях совершать не умеем. Господи, прости нас.

Сегодня подписывая книгу одной моей духовной дочери под заглавием «Невидимая брань» и выставляя дату – 6 января, я вспомнил, что это как раз день смерти епископа Феофана, который перевел эту книгу с греческого языка на русский. Епископ Феофан перевел ее не то что дословно, но даже передал и дух этой книги, подобно Жуковскому, который переводя Шиллера, так проникался духом поэта, что перевод трудно было отличить от оригинала.

Господи, мы мало знакомы и даже совсем не знакомы с этой замечательной книгой, которая учит нас быть воинами Христовыми и воевать за свою преданность Господу. Прости нас, Боже, что не научились еще вести невидимую брань с врагом нашего спасения.

Сегодня не удалось мне служить. Простудился во время исповеди в пятницу. Исповедников было человек тридцать, исповедь продолжалась довольно долго. Стоял я у окна и чувствовал, что холод меня пронизывал, но прекратить исповеди или перенести на другой день счел неудобным, вот и расхворался так, что и на Крещение не мог служить.

Был у нас в Оптиной пустыни великий старец отец Макарий. Он вел однажды беседу с одним посетителем и тоже, сидя у окна, простудился. Чувствовал, что сильно дует, но оставить беседу неоконченной не захотел. От этой простуды отец Макарий потом всю жизнь страдал, так и умер от этой болезни.

Принимая исповедь или ведя беседу, старцы иногда делали это в физически неблагоприятных условиях и даже от этого болели потом долго, но не находили удобным прекратить их или перенести на другой день. Мы же собственное самочувствие часто ставим выше послушания и заботимся больше о себе, а не о трепетном выполнении послушания. Прости нас, Господи.

Вы совершили подвиг, приехав на праздники в нашу тихую обитель на свои маленькие средства, добытые честным, а часто и очень тяжелым трудом. Думаю, что отдохнули вы здесь душой Причастились Тела и Крови Христовых и утешение от Господа получили по мере восприятия каждой – одна больше, другая меньше, но все же, думается, все получили. Может, и телом вы отдохнули здесь, хотя и терпели некоторые неудобства. Гостиница у нас маленькая, позволяет жить всего три-четыре дня. Приходилось снимать помещение у крестьян, которые, конечно, не могут предоставить многих удобств. Да вознаградит вас за все Господь! Теперь опять возвращаетесь вы к своим занятиям, снова начинается для вас трудовая жизнь, может быть, полная скорбей. Что делать? Скорби неизбежны, хотели бы мы миновать их. Жизнь представляется нам в виде белой полосы, на ней черные точки – скорби, от них нам желательно поскорее отделаться, а на самом деле жизнь есть черная полоса, и на ней рассеяны белые точки – утешения. *«...В мире скорбни будите, – сказал Христос, – но держайте, яко Аз победих мир»* (Ин. 16, 33). А где найти утешение в скорбях, которые обступают нас со всех сторон? Необходимо углубиться в себя, в свой внутренний мир, так как в нем таится источник утешения.

Действительно, Господи, жизнь представляется нам в виде белой полосы, на которой черные точки – скорби, от которых хочется отделаться. На самом же деле жизнь есть черная полоса и на ней рассеяны белые точки – утешения. А найти утешение в скорбях мы можем только углубляясь в себя, в свой внутренний мир, так как в нем таится источник утешения. Господи, прости нас, что мы ещё не сумели отыскать в себе этот источник утешения.

Именитые для отдыха уезжают за границу, под южное небо Сицилии, а мы углубляемся в свое сердце, в коем заключен целый чудный мир, может быть, многим неизвестный. Но как войти в него? Единственный ключ – Иисусова молитва, которая открывает нам дверь в этот мир. Но, чтобы углубиться во внутренний мир, необходимо уединение. Некоторые святые бежали для этого в глубочайшие пустыни и оставляли всех и вся, чтобы только упражняться в Иисусовой молитве. Известный подвижник Лука Элладский бежал в пустыню для усовершенствования в молитве, так как постоянные толпы народа, приходившего за советом и утешением, мешали ему сосредоточиться. Поступил он подобно Арсению Великому, который был научен Самим Господом: «Бегай людей и спасешься».

Углубиться в чудный мир своего сердца мы можем только через уединение. А чтобы войти в него, мы должны иметь ключ – Иисусову молитву, которая открывает нам дверь в этот мир. Господи, прости нас, что не умеем открывать дверь своего сердца Иисусовой молитвой, совершаемой в уединении.

Возникает вопрос: правомочно ли поступил Лука, оставив народные массы ради спасения своей собственной души? Вполне! Ученые, чтобы издать какой-нибудь научный труд, удаляются от общества и углубляются в свою работу. Ученик, готовясь к экзамену, уходит в отдельную комнату, а если нет таковой, то часто, закрыв уши, чтобы не слышать чего-либо постороннего, зубрит свои предметы. Не тем ли более святой для приготовления себя к Вечной Жизни имеет право на уединение? И удаляется он от людей не по ненависти к ним, не в силу своего эгоизма – но и там, в пустыни, служит тому же миру молитвой о нас ко Господу.

Господи, и нам полезно уединение с целью углубления в молитву и приготовления себя к Вечной Жизни. Господи, прости нас, что, уединяясь, мы не эти вечные вопросы решаем, а ищем себе покоя и отдыха. Господи, прости, что не молимся о других, когда бываем в уединении.

Одному схимнику однажды явилась Матерь Божия и спросила:

– Кто ты такой?
– Я – грешнейший и недостойнейший раб Твой, – ответил он.

– Но каково твое звание?

– Я – схимник.

– А что значит – схимник?

Старец затруднился ответить. Тогда Сама Владычица Матерь Божия объяснила ему:

– Схимник есть молитвенник за весь мир.

Святые, удаляясь от всех людей, не перестают любить их и молитвами своими отвращают от грешных гнев Божий. Один известный писатель, Вальтер Скотт, говорил, что если бы ему предложили на выбор жизнь, полную довольства и богатства, но лишили бы его возможности остаться наедине с самим собой, или одиночную тюрьму, то он выбрал бы последнее.

Святые удаляются в уединение не по ненависти к нам, не в силу эгоизма, а чтобы и там, в пустыне, служить миру молитвой о нас ко Господу. Так, святые, удаляясь от всех людей, не перестают любить их и своими молитвами отвращают от грешных гнев Божий. Господи, прости нас, что, уединяясь, мы желаем убежать от людей, а не предстоять Тебе, нашему Господу, в молитве о них.

45. Лествица в Чертог Небесного Царя из монастыря и мира

Во время духовной беседы окружают нас стены, над нами потолок, за ним крыша, а там – небо, на небе – мир ангельский. В эту минуту смотрят на нас Ангелы, видят наше сердце, знают наши помышления и помогают нам. Особенно близок к нам Ангел-хранитель, который постоянно молится за нас и стремится наставить нас на все благое, защитить от всякого зла. А потому каждый из нас обязан молиться своему Ангелу-хранителю и утром, и вечером: «Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне, грешной». Также ежедневно нужно призывать и ту святую, имя которой носишь.

Господи, прости нас, что не молимся ежедневно своему Ангелу-хранителю, который постоянно молится о нас и стремится наставить нас на все благое, защитить от всякого зла. И ещё, Господи, прости, что святого, имя которого мы носим, забываем ежедневно призывать себе на помощь.

Смотрит теперь на нас и мир злых духов и уже куёт оковы, желая разрушить слова грешного Варсонофия, но не бойтесь! Господь спасет нас от их злой силы. Читайте Священное Писание, Евангелие, Послания, а также Жития святых. Великое значение имеет это чтение, но вот что грустно: Жития святых печатаются, может быть, некоторыми приобретаются, но большинство их не читает. А между тем, какую пользу можно извлечь из этого чтения! В нем найдем мы ответы на многие наши вопросы, святые научат нас, как выйти из затруднительного положения, как устоять, когда мрак со всех сторон окутывает душу так, что кажется, будто и Бог оставил нас.

Смотрит на нас и мир злых духов и куёт свои оковы, чтобы разрушить слова, ведущие нас ко спасению. Господи, прости нас, что не хватает нам веры в Твою помощь, не достаёт прилежания читать Священное Писание, Евангелие, а также Жития святых. Господи, прости нас, что не стремимся извлечь пользу из этого чтения: не ищем ответы на многие наши

вопросы, чтобы выйти из затруднительного положения, чтобы устоять, когда мрак со всех сторон окутывает душу. Не оставляй нас, Господи, в такие минуты, будь с нами Твоею благодатию!

Посещайте храм Божий, особенно в скорби: хорошо встать в каком-нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: «Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжкого положения, но Ты, Господи, помог мне!» Тесен и прискорбен путь, вводящий в Жизнь Вечную. Мы идем как бы по лезвию ножа, а по сторонам простирается пропасть. Страшно ввергнуться в нее! *"Блюдайте убо, – говорит Апостол, – како опасно ходите..."* (Еф. 5, 15). После этой земной жизни нам предстоит экзамен, решающий нашу участь на всю вечность: переэкзаменовок не будет. Науки земные не помогут нам выдержать этот экзамен.

Господи, мы не проявляем большой охоты посещать храм Божий даже в скорбях, чтобы помолиться и поплакать от души, ожидая Твоей помощи. Господи, прости нас, что мы не готовимся к предстоящему экзамену, решающему нашу участь на всю вечность. Господи, прости, что твердо не усвоим: переэкзаменовок не будет, что все надо делать правильно с первого раза.

Некоторые ученые, зная множество наук, совершенно не знают своей души и понятия не имеют о жизни духовной. Явится такой на этот великий экзамен, и спросят его: «Сотворил ли ты заповеди Христовы, а если не сотворил, то каялся ли в том? Веровал ли в Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Божия?» И этот ученый, прославленный на земле, оказывается на таком экзамене дурак дураком. Он не только не исполнял заповеди, но даже и не веровал в Бога. Какова же участь его? В Чертог Небесного Царя его не пустят, и будет он отринут во мрак преисподней. Ведь неверы хуже бесов. Те ненавидят Бога и трепещут, а неверы даже отрицают Его существование. Какое же утешение они могут иметь в загробной жизни? Земная ученость без веры в Царство Небесное не ведет, не вводит туда и искусство. Поэты и художники испытывают высокое эстетическое наслаждение, но это только душевное чувство,

оно не способно переродить душу. В своем стихотворении «Пророк» жизнь до духовного возрождения Пушкин называет «мрачной пустыней».

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.

Поэты и художники, которые удовлетворялись только восторгами, полученными от искусства, подобны людям, дошедшим до портика царского дворца, но не вошедшим внутрь чертога, хотя им и предлагали.

Но как же спастись? Как войти в Чертог Царя Небесного? Есть лестница туда и из монастыря, и из мира. Можно спастись и в богатстве, и в бедности. Сама по себе бедность не спасает. Можно обладать миллионами, но сердце иметь у Бога и спастись. Вот, например, Филарет Милостивый: он имел огромное богатство, но этим богатством приобрел себе Царство, помогая бедным и бездомным. Авраам тоже был богат, его богатство по тогдашнему времени заключалось в огромных стадах, но это не помешало ему спастись. А можно и в бедности погибнуть, привязавшись к деньгам. Стоял, например, один нищий на паперти, терпел голод и холод – лишь бы накопить денег. Накопил рублей сорок-пятьдесят и умер. И пошла его душа в ад, так как привязана была к деньгам, а не к Богу.

Господи, мы совершенно не знаем своей души и о жизни духовной имеем скудные понятия. Мы боимся великого экзамена, на котором нас спросят: «Исполнили ли вы заповеди Христовы, а если не исполнили, то каялись ли в том? Веровали ли в Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Божия?» Господи, прости нас: мы плохо исполняем заповеди и вера у нас была слабая, не подтвержденная добрыми делами. Господи, прости нас, что забываем простую истину: земная ученость без веры, не вводит нас в Царство Небесное, не ведет туда и искусство. Они пробуждают только душевное чувство, которое не способно, однако, переродить душу. Чтобы войти в Чертог Небесного Царя, нам необходимо отыскать лестницу, которая ведет туда из монастыря и из мира. Восходя по ней, необходимо сердцем прилепиться к Богу и спастись, как это делали Филарет Милостивый, праведный Авраам. Они

богатством приобрели себе Царство Небесное, помогая бедным и бездомным. Господи, прости нас, ибо мы не подражаем им.

Спасаящихся в монастырях часто упрекают в эгоизме: надо же, говорят, такой-то поступил в монастырь! Он делал в миру то-то и то-то, так много приносил пользы и вдруг все бросил. Это – грех! Не смущайтесь подобными речами. Если Господь призывает человека на служение Себе в иноческом чине, то надо все бросить и последовать призыву Божию. Впрочем, и в миру спасаются, но с большим трудом. В Житиях святых рассказывается про двух женщин, двух сестер, из которых одна пошла в монастырь, а другая вышла замуж, и обе спаслись. Правда, та, которая пошла в монастырь, получила высшую награду от Господа, но спасение получили обе. Как же спастись в миру, когда там так много соблазнов? Апостол говорит: *«Не любите мира, ни яже в мире...»* (1Ин. 2, 15). Впрочем, здесь надо оговориться. Под словом «мир» подразумевается не Вселенная, а низменное, пошлое, греховное. Можно жить в миру и вне мира.

Господи, прости нас, что не умеем жить в миру, не любя мира, не уделяя внимания низменному, пошлому, греховному. И научи нас, Господи, жить в миру и, в то же время, вне мира.

Когда Бог хотел дать людям закон, Он поставил между Собой и людьми праведного Моисея. И Моисей, чтобы беседовать с Богом, поднялся на гору Синай. Не с народом, а оставив его у подошвы горы, поднялся Моисей вверх один. Зачем он это сделал? Почему бы ему не беседовать с Богом, оставаясь среди народа? Думаю, потому, что народ мешал ему сосредоточиться. Где народ, там суета, а суета заглушает голос души человеческой. Трудно быть с Богом, оставаясь среди людей, и мы, по примеру праведного Моисея, удалимся от суеты и молвы людской, пойдем на Синай.

Господи, мы мало тренируемся подниматься на гору Синай, чтобы беседовать с Тобой. Мы все время хотим быть среди народа, а где народ, там суета, а суета заглушает голос ищущей души. Господи, прости нас, что не удаляемся от молвы и суеты людской и не восходим мыслью и душою своею на Синай.

Хорошо там! Хорошо быть с Господом! А на Фаворе с Христом Спасителем, пожалуй, еще лучше. Так хорошо там было, что Апостолу Петру захотелось остаться там навсегда. *«Господи, добро есть нам zde бытии... сотворим zde три сени...»* (Мф. 17, 4). Хорошо на Фаворе, и идут туда многие, многие люди. Кто до половины горы добрался в этой жизни, кто немного поднялся, а кого смерть застала в начале подъема. И все они Божии. Есть и такие, что тянутся к Фавору, хотят начать восходить, да так у них выходит, что сделают они шаг вперед да два назад. И не хватает у них силы идти вперед. Но и этих спасает Господь. Силен Он покрыть немощь стремящихся к Нему людей. Силен Он их перенести и не на два шага вперед, а довести до вершины горы. Только бы двигаться, а не стоять на месте, как рассерженные гуси. Бывает, что эти птицы, что-то гогоча, топчутся на одном месте, не сходя с него. Так и некоторые люди. И среди них многие писатели. Пушкин, например. Бывали у него минуты просветления, рвался он к Небу, и фантазия несколько поднимала его над толпой, но привычка потакания своим страстям притягивала его к земле. Как орел с перебитыми крыльями, рвался он к Небу, но полз по земле.

Страшно так жить! Нужно идти на Фавор! Но помнить надо, что путь на Фавор один: через Голгофу – другой дороги нет. Устремляясь к жизни с Богом, надо подготовиться ко многим скорбям.

Господи, хорошо быть на Фаворе со Христом Спасителем. Хорошо на Фаворе, и идут туда многие, многие люди. Силен Господь покрыть немощи стремящихся к нему людей. И нам надо двигаться, а не стоять на месте, как рассерженные гуси. Бывает, что эти птицы, что-то гогоча, топчутся на одном месте, не сходя с него. Так бывает и у нас. Устремляясь к жизни с Богом, нам надо подготовиться ко многим скорбям. Прости нас, Господи, что не через Голгофу стремимся попасть на Фавор.

46. Искра богообщения

У художников в душе есть некая жилка аскетизма. Чем выше художник, тем ярче горит в нем огонек религиозного мистицизма. Пушкин был аскет в душе и стремился в монастырь, что и выразил в своем стихотворении «К жене». Той обителью, куда стремился он, был Псково-Печерский монастырь. Совсем созрела в нем мысль уйти туда, оставив жену в миру для детей, но сатана не дремал и не дал осуществиться этому замыслу.

Замечу, вообще, что стоит кому-нибудь принять твердое решение уйти в монастырь, как сатана строит против него всякие козни. Отсюда видно, что монашество для сатаны вещь весьма неприятная. Конечно, про нас, монахов последних времен, нельзя сказать, чтобы мы вели особенно деятельную борьбу с врагом, – какие уж монахи! Но все же боремся, как можем. А в миру эта борьба давно забыта, сатана диктует законы миру, и мир слепо идет за ним. Не подумайте, что говоря так, я зову вас в монастырь. Нет! Я только хочу сказать, что живя в миру, не нужно забывать Бога, не нужно терять общения с Ним, а пока не порвана связь, не разрушено богообщение – жива душа человека, хотя бы и впал он в грехи...

Господи, и мы, живя в миру, забываем про борьбу с врагом нашего спасения. Сатана диктует миру свои законы, и мир слепо идет за ним. В числе идущих за ним часто оказываемся и мы. Прости нас, Господи, за это и помоги не забывать Тебя, помоги не терять общения с Тобою. Станем почаще напоминать себе, что пока не порвана связь, не разрушено богообщение – то душа наша жива, хотя бы мы и впали в грехи.

Когда же связь обрывается, душа умирает. Казалось бы, тут противоречие: душа бессмертна, а я говорю о ее смерти. Поясню примером. Приезжает ко мне девушка, лет девятнадцати. Лета еще как будто не старые, а говорит, что жизнь потеряла для нее смысл, так как умер человек, которого она любила всем существом своим. Он умер, а она осталась совсем одна.

– В Бога-то веру не потеряли?

– Нет, в Бога я верю... Но поймите, умер тот, кого я любила больше всего на свете...

В разговоре выясняется, что «умер» надо понимать не буквально, что этот человек жив, но он изменил ей, надсмеявшись над любовью, бросил ее. Для этой девушки он действительно умер, хотя, может быть, они и на улице встречаются, и видит она его.

Так и душа может умереть для Бога, потому что, когда нарушается богообщение, тогда душа перестает существовать для Бога. Но и такую, умершую, душу Бог силен воскресить и спасти.

Наша душа может умереть для Бога, если нарушит общение с Ним. В этом случае душа перестает существовать для Бога. Господи, прости нас, что попускаем своей душе существовать без Тебя, но верим, что Ты силен воскресить и спасти умершую таким образом нашу душу.

Была здесь у меня и другая девушка. Она из купеческой семьи, обладающей колоссальными средствами. Враг, когда хочет погубить душу, начинает с того, что выкрадывает у нее веру в Бога, чтобы пресечь общение с Ним, тогда она оказывается целиком в его руках. И на эту девушку устремил он свои стрелы. Орудием его оказался один человек, молодой по летам, но опытный по развращенности и порокам. И этого человека она полюбила, а он начал с того, что украл у нее веру в Бога. Ведь это так легко: «Кто все это видел? Как можно этому верить? Все это суеверные бредни...»

Договорился до того, что вера стала в ее глазах всего лишь пустым предрассудком невежественных людей. А дальше... дальше он заставил уверовать в законность свободной любви и развратил ее совершенно, а потом бросил. Она дошла до такого состояния, что чуть не покончила с собой. Но Бог способен спасти и такую душу – и Он спас ее, так как в душе ее всегда тлела искра стремления к небу, к какому-то ею самой не осознанному идеалу.

Художница в душе, она очень любила музыку, особенно минорную, и звуки ее навевали ей мысль о Боге. Ее

развратитель этого не любил и часто насильно захлопывал крышку рояля, протестуя против этих, как он выражался, «телячьих нежностей». Ему – бурсаку по происхождению – больше была присуща грубость. Именно эта грубость вместе с врожденной тоской и стремлением к Богу, которое жило в душе девушки, и выручили ее – теперь она спасена. Приехала она сюда, обновилась душой, а теперь вышла замуж за хорошего человека.

Враг, когда хочет погубить душу, начинает с того, что выкрадывает у нее веру в Бога, чтобы пресечь общение с Ним, и тогда душа целиком оказывается в его руках. Господи, мы мало об этом думаем и легко оставляем вне фокуса своего внимания свою веру в Бога, поэтому отступаем от дел, совершаемых по вере. Прости нас, Господи.

Вот этой-то искоркой стремления к богообщению и надо дорожить, не давая окружающему мраку погасить ее. Опять повторяю: лучшие наши писатели стремились к Богу, хотя теперь как-то забыли об этом, и студенчество сейчас ничего не читает, а о Шекспире и Пушкине и понятия не имеют. А эти писатели могли поднять их от будничной серой, обыденной жизни и привести к Богу. Впрочем, надо сказать, что такое чтение хотя и может довести до мыслей о Небе, но ведет оно все-таки окольными путями. Лучше же избрать прямую дорогу, которая открыта перед нами, лучше читать творения святых отцов Церкви, Жития святых.

Мы должны дорожить искоркой стремления к богообщению, и так дорожить, чтобы окружающий мрак не погасил её. Господи, прости, что окружающий мрак по нашему недосмотру готов эту искорку погасить, а мы этого не предотвращаем. Силы для этого мы должны черпать, читая святых отцов Церкви, Жития святых. Господи, прости нас, что мы этого не делаем.

47. Знания об искусстве искусств – жизни по Боге

Кто сидит в гоголевском кресле? Я потому спросил, что с гоголя хочу начать сегодня речь. Его называли помешанным... За что? За тот духовный перелом, который в нем произошел и после которого Гоголь твердо пошел по пути богослужения. Как же это случилось?

Господи, мы тоже нуждаемся в духовном переломе, чтобы пойти по пути богослужения. Господи, прости нас, мы часто уклоняемся от пути служения Тебе, Богу нашему, и тогда переживаем духовный упадок и крайне бедствуем.

В душе Гоголя, насколько мы можем судить по сохранившимся письмам, а еще больше по рассказам о нем, всегда жила неудовлетворенность жизнью, ему хотелось лучшей жизни, а найти ее он не мог. «Бедному сыну пустыни снился сон...» – так начинается одна из его статей. И сам он, и все человечество представлялось ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человека изображено в Псалтири. Там народ Божий, алча и испытывая жажду, блуждал по пустыне, ища града обительного, и не находил его. Так и все мы алчем и жаждем этого града обительного и, ища его, тоже блуждаем в пустыне.

Господи, нам, хотя бы отчасти, знакома эта неудовлетворенность жизнью и желание отыскать жизнь лучшую. Господи, прости нас, что мы вжились и живем образом «бедного сына пустыни» и не испытываем алчбу и жажду в поисках «града обительного».

Это состояние духа знакомо и Лермонтову. В одном из своих стихотворений он жаловался, что не может найти твердый утес, чтобы опереться на него и твердо знать, что ему любить и петь. Но Лермонтов так и не нашел града обительного, то есть Царства Небесного, и кончил плохо.

Господи, и нам свойственно это состояние духа, которое побуждает нас искать твердый утес, чтобы опереться на него и твердо знать, что любить и петь. Господи, прости нас, что поиск

«града обительного» мы откладываем со дня на день, и сохрани нас, чтобы не кончить плохо.

Иной была судьба Гоголя. Мы знаем из его жизнеописания, что он удостоился мирной христианской кончины. Как же он достиг этого? Был в Москве один дом, где собирался весь цвет, все сливки, так сказать, общества того времени, не аристократического общества, а интеллигенции. Это был дом Погодина. Речи там велись чаще всего на тему о богоугождении. В те времена интересы интеллигентного общества были несколько иные, чем теперь. Безбожников почти не было, были сомневающиеся, и много говорили о Боге и Царстве Небесном.

Господи, и мы алчем и испытываем жажду, блуждая по пустыне, ища «града обительного», то есть Царства Небесного, и не находим его за суетой жизни. Господи, прости нас, что и речи не ведем о богоугождении и мало говорим в обществе о Боге и Царстве Небесном.

Случалось и Гоголю быть у Погодина. Со свойственной ему экзальтацией Гоголь много говорил о своих исканиях, о том, что жить так, как он живет, невозможно, а как надо жить, он не знает.

– Читайте Евангелие.

– Читал, оно-то и сказала мне, что так жить нельзя, но как перестроить жизнь, как сделать ее святой – не знаю.

– Однако было много людей, угодивших Богу, читайте Жития святых, особенно Жития преподобных (преподобный – это человек, исполнивший заповеди). *«Будите убо вы совершенни, якоже Отец ваш Небесный совершен есть»* (Мф. 5, 48). Преподобные очистили душу и освятили ее так, что она по всем свойствам стала подобна Богу. Понятие о подобии предметов мы встречаем в математике. Один треугольник маленький, другой – большой, но по свойствам своим этот маленький совсем похож, или подобен большому, подобен, но не равен. И в природе мы часто сталкиваемся с подобием предметов. Люди, по свойствам души своей уподобившиеся Богу, называются преподобными. Раньше их жизнеописаниями интересовались, теперь эти книги основательно забыты, к великому нашему несчастью.

Евангелие подсказывает нам, что так, как мы живем, жить нельзя, но как перестроить нашу жизнь, чтобы сделать ее святой – не знаем. Прости нас, Господи, за это. Нам надо читать Жития святых, особенно Жития преподобных, людей, исполнивших заповеди. Преподобные очистили душу и освятили ее так, что она по всем свойствам стала подобна Богу. Господи, прости нас: мы мало интересуемся их жизнеописаниями и основательно забываем об этих книгах.

– Читал я Жития и вот на что наткнулся: много было святых, все они устремлялись к Богу, но шли к Нему разными путями. Представьте себе круг: к середине его, к центру, сходится множество радиусов, идут все они к одной цели, но с разных сторон – сверху, снизу, справа, слева. Центр – Христос, радиусы – люди, святые, идущие к Нему разными путями. Один спасался путем смирения, другой – терпения, третий – рассуждения, и все они разными путями пришли к Богу. И я хочу идти к Богу, но пути к Нему найти не могу и «...человека не имам» (Ин.5, 7).

Гоголь здесь разумел евангельское сказание о расслабленном при Силоамской купели. Вспомните это сказание. При купели собралось много больных, жаждущих исцеления. По временам сходит Ангел Господень и возмущает воду, и тот больной, который после этого первым погрузиться в воду, получает исцеление. Лежит при купели расслабленный, долгие годы ждет он исцеления и не получает. Отчего? «Человека не имам» – не имеет человека, который бы его спустил в целительную воду. Так и лежит расслабленный, а Бог смотрит на него.

Господи, под расслабленным, получившим исцеление, мы можем разуместь человека наблюдательного, проворного и организованного. Но им евангельский расслабленный не был. Он терпеливо ждал милости от Бога в лице человека, готового помочь ему первым опуститься в воду. Господи, прости нас, мы таким терпением не обладаем и не умеем дожидаться милости Божией в совете человека знающего.

Под тем расслабленным можно разуместь всебольное, расслабленное человечество, бедное, зараженное первородным

грехом и ждущее исцеления. Томилось человечество, а Бог смотрел на него.

Конечно, Своей всемогущей силой Он в одно мгновение мог возродить человечество, сделать его из грешного святым. Силен был сделать это Господь, но не допустила того Правда Божия. Нельзя было дать повод сатане упрекнуть Бога в несправедливости. Для спасения человечества нужен был человек же. Долгие годы люди ждали Этого Человека и томились, подобно расслабленному при Силоамской купели. И пришел Человек, и искупил человечество, очистив его от первородного греха.

Господи, не только мы, но и всё человечество томилось в ожидании Человека, Который подвел бы нас к источникам воды живой. Господи, прости, что наше томление не столь ясно выражено и не приобретает черты подвига, поиска и стяжания плода.

Ну а теперь мы опять заблудились, опять ждем человека, который бы подвел нас к источникам воды живой. Так томился и Гоголь и высказал свое томление у Погодина.

– Теперь-то я понял, что вам надобно, – сказал хозяин, – человека вам надобно, так ли?

– Поняли? Только теперь поняли? Не можете ли вы помочь мне? Можете ли указать такого человека?

– Да! Такой человек есть.

– Где же искать его?

– Надо ехать в один монастырь...

При этих словах Гоголь сразу нахохлился:

– В монастырь? Да что можно услышать в монастыре? Бывал я в Италии у католических монахов, не дали мне они удовлетворения.

– И все-таки я повторяю: съездите в этот монастырь.

– Ну хорошо, в какой же?

– Он называется Оптиная пустынь и находится в Калужской губернии. Это не так далеко от Москвы. Вы человек холостой, семьи у вас нет (известно, что Гоголь не был женат), и при выдаваемой вам по приказанию Государя пятитысячной пенсии эта поездка будет вам по силам. В Оптиной есть один старец,

иеросхимонах Макарий, вот с ним-то вы и поговорите. Это и есть тот человек, которого вы ищите.

– Макарий? Что-то я никогда этого имени не слышал.

– Вот то-то и грех, что вы не знаете этого человека. Мало ли лиц вы видели, мало ли представителей искусства и науки встречали, сколькими художественными произведениями любовались...

– Да, я был в Риме, был в Дрездене по совету своих знакомых и что за чудные минуты пережил, рассматривая произведения старинных мастеров... Стоял перед «Мадонной» Рафаэля, да мало ли еще пришлось видеть произведений искусства...

– Вот видите, многое пришлось вам видеть, а гения искусства из искусств – жизни по Богу – старца отца Макария не знаете!

– Хорошо, послушаюсь вас, поеду, положившись на вашу ученость и доверяя вашей искренности.

И поехал, и прибыл в Оптину.

Господи, и мы знаем о круге и радиусах к его центру, и о святых, которые этими радиусами устремлялись к Богу. Ибо Центр – Христос, радиусы – люди. Но мы «не имеем человека» (Ин. 5, 7), который бы, по Евангелию, опустил бы нас в целительную воду. Мы ждем своего времени, мы ждем человека, который подвел бы нас к источникам воды живой. Господи, где же нам найти его? Господи, прости нас, что не вопрошаем об этом сведущих людей и не предпринимаем соответствующих путешествий, чтобы познакомиться с человеком, обладающим глубокими знаниями жизни по Богу.

48. Благотворное действие на душу христианина чтения Житий святых

А недавно другой гениальный писатель, Толстой, тоже приезжал сюда, подходил к этой моей двери и к дверям другого старца, Иосифа, и ушел. Отчего? Что помешало ему войти в эту или другую дверь? Не гордыня ли его? Что может сказать какой-то старец? Кому? Льву Толстому, перед которым преклонялся весь мир... О чем ему говорить с этими старцами? Не мог он сломить своей гордыни – и ушел. Конечно, это только предположение, но кто знает? Не близко ли оно к истине? Ушел куда? В вечность. В какую? Страшно сказать! И все это произошло почти на моих глазах...

Господи, старец Варсонофий приобщает нас к визиту Л. Н. Толстого в Оптину пустынь, чтобы показать нам до чего доводит человека гордыня: доводит до гибели. Господи, прости нас за имеющуюся в нас гордость и сохрани нас от её увеличения.

Иначе было с Гоголем. Есть предание, что старец отец Макарий предчувствовал приход Гоголя. Говорят, он был в это время в своей келлии, и, кто знает, не в этой ли самой? Отец Макарий быстро ходил взад и вперед и говорил бывшему с ним иноку:

– Волнуется что-то сердце у меня, точно что-то необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то...

В это время доложили, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

В Евангелии рассказывается, что когда к Иисусу Христу пришли эллины, Он возрадовался духом и произнес: «...*Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем*» (Ин. 13, 31). Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но не себя, а Николая Васильевича Гоголя.

Волновалось сердце отца Макария перед приходом к нему Гоголя. Возрадовался духом старец Макарий, что Сын Человеческий прославляется в нем. Господи, прости нас, что не приходят в наше сердце мысли о прославлении Бога в

перемене жизни великого писателя. Господи, прости нас, что более земное мудрствуем, чем небесное.

– Проси.

И вот Гоголь у старца. Начинается беседа. Без свидетелей происходила она, никем не записана, но во время ее невидимо присутствовал Бог, и Божественная Благодать преобразила душу Гоголя. Как бы я желал, да и вы, я думаю, тоже не отказались бы послушать эту замечательную беседу великого старца с великим писателем. Вероятно, она была весьма содержательна и представляла величайший интерес. Старец Макарий в высшей степени обладал даром властного слова, и речи его имели огромное влияние на душу слушателей. Выйдя от старца, Гоголь говорил:

– Да, мне сказали правду! Это единственный из всех известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источник воды живой.

И Гоголь переродился. Он сам говорил: «Вошел я к старцу одним, а вышел другим».

Господи, доверяя свидетельству Гоголя, мы тоже можем видеть в старце Макарии человека в высшей степени обладающего даром властного слова и имевшего силу повести на источники воды живой. Господи, прости нас, что мы не усматриваем для самих себя в нем авторитетнейшего руководителя в духовной жизни.

Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разнообразной полноте. С этой целью он начал свою поэму «Мертвые души» и написал уже первую часть. Мы знаем, в каком свете там отображена русская жизнь: Плюшкины, Собакевичи, Ноздрёвы, Чичиковы... Вся книга представляет собой душный и темный погреб пошлости и низменности интересов. Гоголь сам испугался того, что написал, но утешил себя тем, что это только накипь, только пена, снятая с воды житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей его красоте, во всей чистоте. Как это сделать, Гоголь не знал. Приблизительно в это же время и произошло его знакомство с отцом Макарием.

Господи, показом русской жизни через Плюшкиных, Собакевичей, Ноздрёвых, Чичиковых, Гоголь вводит нас в душный и темный погреб пошлости и низменности интересов, заставляя мысленно отскочить от них душой и не вводить их в фокус внимания христианской жизни. Господи, прости нас, что эта пена, снятая с воды житейского моря, западает в нашу душу и подталкивает нас к копированию отдельных эпизодов из этой книги. Господи, прости нас и пробуди страх Твой, охраняющий нас от подобных повторов.

С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, но не оставил мысли написать второй том «Мертвых душ» и работал над ним. Но потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить во всей полноте тот образ-идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении. Вот причина сожжения второго тома «Мертвых душ». Друзья и современники не поняли, что произошло с ним. Такой великий ум – Белинский – только обругал Гоголя. Белинский тоже плохо кончил. Вряд ли он спасен, так как был он неверующим, хотя умер не в полном разрыве с Церковью, как Толстой. А Гоголь умер истинным христианином.

Наше знакомство с перерождением Н. В. Гоголя под влиянием разговора с отцом Макарием весьма полезно для нас. Он нашел в Оптиной человека, имевшего власть и силу повести его на источник воды живой. И Гоголь переродился, решительно переменил свою жизнь и направление творчества. Мы же далеки от такого решительного перерождения. Прости нас, Господи, и помоги нашему перерождению.

Есть предание, что незадолго перед смертью Гоголь говорил одному из своих близких друзей:

– Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял!

– Что вы потеряли?

– То, что не стал монахом. Отчего отец Макарий не взял меня к себе в скит?

Неизвестно, заходил ли у Гоголя с отцом Макарием разговор о монашестве, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что отец Макарий и не звал его, видя, что он не снесет трудностей нашей скитской жизни.

Монашество... Сколько раз у нас заходила речь о нем, и всегда я советую, если уж сами не идете в монастырь, то, по крайней мере, читайте описание жизни святых монахов и преподобных. Они нас могут многому научить.

Господи, мы мало размышляем о монашестве, мало думаем о том, что нам нужно учиться у монахов молитве и служению Богу; мы мало читаем описание жизни святых монахов и преподобных, чтобы многому научиться у них. Прости нас, Господи, и дай нам силы быть прилежными в этой учебе.

Когда-то раньше я говорил вам о моем гимназическом товарище. Учился он прескверно. Как-то вижу, запустил он свои рученьки в волосы и углубился в чтение. Со свойственным мальчикам любопытством я стал заглядывать, что он читает. Запись с одной стороны, с другой – оглавления не видно.

– Что читаешь?

– А тебе что?

– Да интересно, редкое явление (а он никогда ничего не читал).

– Уйди!

Пришлось отойти. Позже смотрю, кончил он читать, отложил книгу и задумался. Я подошел.

– Что читал, скажи.

Он показал мне лист с заглавием. Оказалось, жизнеописания знаменитых ученых и художников.

– Интересно? – спрашиваю.

– Очень. И знаешь что? Я буду знаменитым ученым!

– Ну, брат, много захотел. Ты вот лучше уроки алгебры поаккуратнее делал бы, а то у тебя все двойки да единицы!

– Нет, это кончено! Буду ученым!

И что же? Начал хорошо учиться, закончил гимназию прекрасно, а потом, как я слышал, и был если не великим, то одним из известных наших ученых. Вот какое воздействие может оказать прочитанная книга: прочел и переменился. Так и на нас чтение Житий святых может подействовать благотворно.

Господи, мы понимаем теперь, что чтение Житий святых может благотворно подействовать на нас. Господи, прости нас,

мы не пользуемся плодами этой благотворности должным образом.

В Прологе рассказывается следующее. В пустыне жил один подвижник. К нему пришли представители языческой школы стоиков и начали спрашивать, что он делает в пустыне и в чем, по его мнению, заключается преимущество его жизни над жизнью людей из секты. «Ты постишься – постимся и мы, ты бодрствуешь – и мы не спим, ты нищ – и мы ничего не имеем. Но мы занимаемся наукой, мы изыскиваем новые пути для человеческой мысли, а ты что делаешь? Какую ты приносишь пользу человечеству?» – «Что я делаю? Ничего. Я охраняю свою душу от губительных помыслов».

В Прологе не сказано, как отнеслись к этому ответу стоики, но старец в этих словах выразил всю сущность монашеского делания.

Господи, мы видим сейчас для себя духовную пользу и задание: охранять свою душу от губительных помыслов. Прости нас, Господи, еще ни разу в жизни так ярко не ставился перед нами принцип христианской жизни: охранять свою душу от губительных помыслов. Помоги, Господи, организовать это охранение.

Охранять свою душу от помыслов – это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: «Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, что же бороться с ней?» Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысл заставит человека вовсе свернуть с определенного пути и пойти совсем в другом направлении.

Великое воздействие на нас может оказать прочитанная книга: прочел и переменялся. Чтение Житий святых действует на всех нас благотворно. Так, например, мы можем получить урок – как охранять свою душу от губительных помыслов. Господи, мы не охраняем свою душу от помыслов, прости нас, ибо иной помысл заставляет нас свернуть с определенного пути и пойти совсем в другом направлении. И на деле так часто и бывает. Прости нас, что не видим опасности в приходящих в сознание помыслах.

49. Наука различать помыслы

Святые отцы говорят, что есть помыслы от Бога, помыслы от себя, то есть от своего естества и помыслы от бесов. Для того, чтобы различить, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом или враждебной силой или происходят от естества, требуется великая мудрость.

Господи, чтобы различать помыслы от нас требуется великая мудрость, ибо есть помыслы от Бога, от себя и от бесов. Мы же, не обладая еще подобной мудростью, не умеем различать помыслы и потому с трудом решаем многие жизненные задачи.

Часто, принимая людей не на этой половине, а там, у мужчин, живущих больше умом, а не сердцем (женщина живет больше сердцем, чувством), я слышу, как жалуются на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врага, страшно за нее становится, что одолевают ее эти мутные волны неверия и ереси. Я всегда отвечаю:

– Не беспокойтесь! За Церковь не беспокойтесь. Она не погибнет, «...врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18) до самого Страшного Суда. За нее не беспокойтесь, а вот за себя бояться надо.

И правда, наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда – гибель. Те, кто последовали за Христом, преподобные Его, те и воцарятся с Ним.

Господи, когда одолевают нас помыслы беспокойства за Церковь, то это помыслы бесовские. Она не погибнет. За себя беспокоиться можно, а за Церковь нет. Прости нас, Господи, за допуск в наше сердце волн неверия и ересей и за отпадение от Христа.

Но мы знаем других преподобных, уподобившихся не Христу, а врагу Его – сатане. Вероятно, и вы знаете этих преподобных, если не по их произведениям, то хотя бы по

именам: все эти Ницше, Ренаны и прочие развратители нравственности – знаете, какова их участь? Во всем уподобившись виновнику всякой мерзости, всякой нечистоты – дьяволу, они по смерти попадают в его власть, по русской пословице: свой своему поневоле брат.

Часто и к нам приходит беспокойство за Церковь: не одолеют ли ее мутные воды неверия и ересей. За нее беспокоиться не надо, она не погибнет, *«врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18) до самого Страшного Суда. А вот за себя мы должны бояться: как бы не последовать нам за сатаной, виновником всякой мерзости, всякой нечистоты и по смерти не попасть в его власть. Господи, прости нас, что мы не приучили себя бояться за самих себя. Вот и ходим по краю пропасти и часто срываемся в нее, доверившись слугам сатаны.

Послужившие же Христу воцарятся с Ним. Он им тоже «Свой». Теперь особенно легко отпасть от Христа и подпасть под власть темной силы. Идешь по улице и видишь: в витрине выставлена книга, трактующая ну хотя бы о Божественности Христа. Помысл говорит: зайти, купи книгу, прочти. Хорошо, если человек не поверил этому помыслу, если сообразил, что внушается ему эта мысль сатаной, что книга эта враждебна учению Святой Церкви. А другой, смотришь, зашел, купил книгу, прочел – да и повернул в другую сторону, отпал от Христа. Где начало его падения? В помысле лукавом.

Господи, начало отпадения от Христа – в лукавом помысле. Эти помыслы непрестанно стучатся в наше сознание. Господи, прости нас, мы не распознаем лукавства бесов, принимаем подобные помыслы и, попав под их влияние, отпадаем от Христа.

Да и Толстой не от помысла ли погиб? Ведь мог бы быть праведником. Известно, что иногда он спрашивал жену: «А что бы ты, Сонечка, сказала, если бы я вдруг поступил в монастырь?»

Неизвестно, что отвечала ему София Андреевна, да и Толстой говорил это, вероятно, полушутя. Помните, у Гоголя в «Старосветских помещиках» Афанасий Иванович любил пугать Пульхерию Ивановну и говорил ей, что вот возьмет, соберется

да и пойдет с турками воевать. Пульхерия Ивановна отмахивалась от таких страшных слов мужа. Как относилась к речам Льва Николаевича София Андреевна, мы не знаем, но жизнь Льва Николаевича могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он погибельного помысла.

Господи, нам надлежит быть очень внимательными к лукавым помыслам, дабы они не завели нас в тупик и не привели к гибели. Господи, прости, что не распознаем помыслы своевременно, пускаем их в себя, и враг, уловив нас в свои сети, губит, как это было с Толстым.

Появилась у него мысль, что Иисус Христос не Бог, и он поверил ей. Потом пришло в голову, что Евангелие написано неправильно, и этой мысли он поверил и перекроил по-своему Евангелие, отпал от Церкви, уходил все дальше и дальше от Бога и кончил плохо. Приходил он как-то сюда, был у батюшки отца Амвросия, вероятно, пришел под видом жаждущего спасения. Но отец Амвросий хорошо понял его, а Толстой заговорил с ним о своем евангелии. Когда Толстой ушел от батюшки, тот сказал про него только: «Горд он!» И поверьте, этим охарактеризовал он весь его душевный недуг.

Господи, бывает и у нас, что мы приходим к высоким духовным лицам под видом жаждущего спасения, а высказываем им свои резоны и доводы на жизнь, так и не поговорив о спасении. Прости нас, Господи, за это проявление гордости и уклонение от пути спасения.

Толстой вернулся в гостиницу, а там жил известный в то время писатель Леонтьев. Они были между собой знакомы, и Толстой стал рассказывать ему о посещении скита. Тот, будучи человеком горячим, пришел в негодование и воскликнул:

– Как могли вы осмелиться, граф, говорить со старцем о вашем евангелии?

– А, так вы хотите донести на меня обер-прокурору? Ну что же, доносите! Посмотрим, что из этого выйдет.

Вот как Толстой его понял и в чем заподозрил!

Господи, нам надо быть очень осторожными к приходящим помыслам, ибо если эти помыслы от врага, то в них укрывается

погибель человека и подстрекательство на бесчестные дела. Господи, прости нас, падких на подстрекательство.

А мало ли других случаев, когда с помысла начинается гибель человеческой жизни. Вот, например, молодой человек любит девушку и начинает размышлять: «Мне она по душе, да и она, кажется, любит меня. Она рассчитывает выйти за меня замуж. Что же мне, жениться? Но тогда она мне будет в тягость. Я получаю такое-то содержание. Теперь оно идет на меня одного, а тогда, после женитьбы, придется делиться с ней. Я лучше обману ее, возьму от нее все, а ее брошу, как выжатый лимон». И если он еще усомнится в своем помысле, тут какой-нибудь советчик найдется, который скажет, что понятия о нравственности условны, церковные заповеди необязательны, что жизнь дана для наслаждения и надо брать от нее все, что она может дать. Жизнь – борьба за существование. Надо жить для наслаждения и шагать через слабейших, для своего удовольствия, не задумываясь о предстоящих страданиях жертвы. Вот и кончено. Удобная философия найдена, и человек бессовестно пользуется доверчивостью другого лица.

Кто-то и из нас может подумать, что понятия о нравственности условны, церковные заповеди необязательны, что жизнь дана для наслаждения и надо брать от нее все, что она может дать. Кто-то может подумать, что надо жить для наслаждения и шагать через слабейших для своего удовольствия, не задумываясь о предстоящих страданиях жертвы. Господи, прости нас, если мы такие мысли допускаем и такой философией руководствуемся в своей жизни.

Английский философ Дарвин создал целую систему, по которой жизнь есть борьба за существование, борьба сильных со слабыми, где побежденные обрекаются на гибель, а победители торжествуют. Это уже начало звериной философии, и уверовавшие в нее люди не задумываются, как это – убить человека, оскорбить женщину, обокрасть близкого друга? Все воспринимается совершенно спокойно, с полным осознанием своего права на все эти преступления. И начало всего этого опять в помысле, которому поверили люди, в помысле, что нет

ничего запретного, что Божественные заповеди необязательны, а церковные постановления стеснительны.

Нельзя доверяться этим помыслам. Надо раз и навсегда подчиниться требованиям Церкви, как бы ни были они стеснительны. Да они не так уж и трудны!

Начало всякого преступления в помысле, которому мы начинаем верить, в помысле, что нет ничего запретного, что Божественные заповеди необязательны. Господи, прости нас, что подобные мысли мы допускаем в свое сердце.

Что требует Церковь? Молись, когда надо – постись, это нужно исполнять. Про Свои заповеди Господь говорит, что они не тяжки. Какие же это заповеди? *«Блажени милоситви...»* (Мф. 5, 7). Ну это мы еще пожалуй исполним. Умягчится наше сердце – и мы окажем милость, поможем бедным людям. *«Блажени кротци...»* (Мф. 5, 5). Вот тут стоит высокая стена – наша раздражительность, которая мешает нам быть кроткими. *«Блажени есте, егда поносят вам...»* (Мф. 5, 11). Тут уж в нашем самолюбии и гордости почти непреодолимая преграда в исполнении этой заповеди. Милость мы окажем, пожалуй, даже справимся со своей раздражительностью, но снести поношения да еще добром заплатить за них – это вовсе невозможно. Это преграда, которая отделяет нас от Бога, ее мы и не стараемся преодолеть, а преодолеть надо. Где искать силы для этого? В молитве.

Господи, есть в нашем сердце преграды, которые отделяют нас от Тебя: нежелание оказать милость, помочь бедным; раздражительность, которая мешает нам быть кроткими; самолюбие и гордость. Господи, прости, что мы не стараемся преодолеть эти преграды и не ищем силы для этого в молитве.

50. Духовное преображение

Есть прекрасная книга, описывающая действие молитвы.

Происхождение этой книги таково. На старом Афоне жил один старец по имени Дезидерий. Когда там поднялись волнения и жизнь русских иноков стала слишком тяжела, им грозили выселением с Афона, тогда русские афонцы стали совещаться: что же делать? Голоса разделились. Некоторые предлагали обратиться к английской королеве с просьбой продать им земли в Австралии для устройства там новой обители. Но это предложение было отвергнуто, а остановились на другом – переселиться на Кавказ. Здесь император Александр II бесплатно пожертвовал участок земли, где и был основан Новый Афон. В числе других иноков, переселившихся сюда, был и отец Дезидерий. Но скоро шум общежития стал его тяготить, и он удалился в горы Кавказа для безмолвия, удалился не самочинно, а с благословения старцев. Здесь он проводил поистине равноангельскую жизнь. Чем он питался – трудно сказать. Был, кажется, у него огород, значит, овощи и вода служили ему пищей и питьем. Здесь познал он истинное счастье в общении души с Богом, которого напрасно ищут люди, гоняясь за скоропреходящими радостями мира.

Для общения души с Богом нам необходимо углубляться вниманием в книгу, говорящую об Иисусовой молитве, то есть о внутреннем делании. Господи, прости нас, что мы мало углубляемся вниманием во внутреннее делание.

Отец Дезидерий имел одного ученика, с которым вел беседы о внутреннем делании, то есть об Иисусовой молитве. Когда отец Дезидерий умер, ученик похоронил его святое тело. Беседы эти он постепенно записывал. Когда к нему пришел третий афонец, отец Венедикт, то он увидел эти рукописи, и ему пришло в голову их издать. С этим предложением он приезжал к нам в скит.

Не имея средств, достаточных для этого предприятия, я направил его к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, которая предоставила возможность издать эту прекрасную

книгу. Несколько экземпляров есть у меня, и я могу дать кое-кому. Книгу надо прочитать несколько раз, чтобы вполне воспринять всю глубину ее содержания. Она должна доставить громадное наслаждение людям, имеющим склонность к созерцательной жизни.

Господи, мы не имеем этой книги и у нас нет желания углубиться во внутреннее делание, связанное с творением Иисусовой молитвы. Прости нас, Господи, за нашу духовную инертность.

Дай Бог, чтобы чтение это принесло вам не только высокое духовное наслаждение, но также помощь в деле спасения своей души.

Есть предание, что Преображение Господа нашего Иисуса Христа знаменует для нас начало Жизни Вечной, а потому так важно причащаться Святых Тайн именно в этот праздник. Господь всех призывает к Себе, всем обещает жизнь, но вот грустное явление – не хотят идти. Не хотят к Господу и не чувствуют, что есть потребность духа, и, кроме удовлетворения прихотей тела, ни к чему не стремятся.

Апостолы, бывшие со Христом на Фаворе, исполнились великой радости, они даже позабыли себя. *«Господи, добро есть нам zde бытии, – восклицает за всех Апостол Петр, – аще хоцещи, сотворим zde три сени: Тебе едину, и Моисеови едину, и едину Илии»* (Мф. 17, 4). А про себя-то и не говорит, не просит позволения устроить еще сень или кущу для трех Апостолов. Таково блаженство от созерцания славы Господней, блаженство, ни с чем несравнимое.

С праздником Преображения Господня мы связываем начало Жизни Вечной и причащаемся Святых Тайн, показывая этим свое желание быть в числе насельников Жизни Вечной. Прости нас, Господи, что не идем к Тебе, не созерцаем Твоей славы, не вкушаем ни с чем несравненного блаженства. Господи, преобрази наше скверное и нечистое житие.

Но может быть, кто-нибудь захотел бы в этой жизни быть все время на Фаворе! Невозможно это. Один святой сказал: «Сначала побудь на Голгофе, а потом уже взойдешь на Фавор». Святитель Исаак Сирин говорит: «Сперва нужно потерпеть

досаду креста, а потом уже ощутить славу креста». Чтобы ощутить эту славу, чтобы духовно преобразиться, нужно очистить свое сердце от страстей. «Возбраняй уста свои от клеветы, – продолжает святитель, – храня сердце свое от страстей и, очищая сердце свое от страстей, на всяк час зри Господа. Аще любишь чистоту, да не восклевети на брата своего. Хочеши увидити Господа внутри себя, ухищрай очистить сердце свое непрестанной памятию Бога».

Господи, нам хочется взойти на Фавор, не побывав на Голгофе. Нам хочется ощутить славу креста, не потерпев досаду креста. Нам хочется духовно преобразиться, не очистив сердце от страстей. Нам хочется увидеть Тебя, Господи, внутри себя, не потрудившись очистить свое сердце непрестанной памятию о милости Твоей. Прости нас, Господи, за столь необдуманное поведение, возбраняющее нам достигнуть спасения.

Главное, что требуется от каждого человека – это никого не осуждать. Кажется, просто, а начни исполнять – окажется трудно. Враг сильно нападает на человека и внушает ему помыслы осуждения. Господь говорит: «Прости», а враг внушает: «Отомсти обидчику. Он тебя поносит, и ты его поноси». Не нужно слушать врага, необходимо бороться с ним.

Господи, Ты открываешь нам, как сильно враг нападает на нас, внушая помыслы осуждения. Господи, прости нас: мы часто слушаем врага и не боремся с ним.

Все люди в этом отношении разделяются на три категории: плотские, борющиеся и совершенные. Люди плотские – это те, которые являются рабами страстей, страсти ими повелевают. Например, диавол внушает: «Убей такого-то, он тебе много сделал зла», и человек это совершает. Люди, отдающиеся во власть страстям, погибнут, если только не покаются, а если раскаются в своих грехах и начнут по силе бороться со страстями, то будут спасены. Примером может служить разбойник на кресте: он убивал, грабил, совершал всякие злодеяния, но когда покался и воззвал: «...Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» (Лк. 23, 42), – то был помилован.

Господи, как же часто мы замечаем за собой признаки плотских людей, которые являются рабами страстей, и страсти нами повелевают. Прости нас, Господи, что и страстям отдаемся, и не раскаиваемся в своих грехах.

Люди второй категории – это борющиеся со своими страстями: гневом, блудом, злобой, они стараются не подчиняться им. Например, чувствует такой человек злобу к кому-нибудь: так бы, кажется, и разорвал своего противника на части, но он не поддается страсти, не выражает своего раздражения, даже стремиться сделать какое-либо добро ненавидимому – такой человек борется со страстью. И так во всем. Борющиеся будут спасены, Господь не попустит таким погибнуть.

Надеюсь, все мы относимся ко второй категории людей, боремся по силе со своими страстями. Конечно, иногда страсти побеждают, но иногда и мы побеждаем страсти, и эта борьба ведется всю жизнь. «Немощная Врачующий и оскудевающая Восполняющий» даст нам явиться победителями страстей.

Господи, не попусти нам погибнуть и прости нас, что не боремся по силе своей со страстями. Господи, «немощная Врачующий и оскудевающая Восполняющий», дай нам силу явиться победителями страстей.

Наконец, люди совершенные – это те, которые владычествуют над страстями. У них есть страсти, но они смогли взять над ними власть. Эти люди особенные, а нам, грешным, хорошо и среди борющихся со страстями, и за это, слава Господу, будем иметь надежду на спасение.

Господи, старец дает нам понимание, кто такие люди совершенные. Ими являются те, которые владычествуют над страстями, страсти у них есть, но они смогли взять над ними власть. Господи, мы плохо знаем таких людей и не умеем на них равняться. Господи, помоги нам быть среди борющихся со страстями.

Надо бороться со страстями, а если они победят, то будем каяться и исповедоваться во всех грехах своих. Вот на Страшном Суде уже не будет покаяния, не будет там ни Варсонофия, ни Гавриила, а только одна Правда Божия.

Постараемся преобразиться духовно, для такого преображения и в монастырь идут.

Господи, борьба со страстями теоретически нам доступна, но мы не умеем переводить её в разряд практических действий и поступков. Прости нас. А когда страсти победят, мы откладываем «на потом» необходимость каяться и исповедаться во всех грехах своих. Прости нас, Господи, и духовно преобрази нас.

51. Послушание, самоотвержение и терпение

Когда я поступал в монастырь, то думал, что там только и делают, что стоят с воздетыми горé руками и молятся, а оказалось иначе... Мало труда молитвенного, необходим еще труд, который в монастыре называется послушанием: один в саду, другой в огороде, тот в поварне, иной в квасоварне, некоторые занимаются сапожным или портняжным ремеслом. Это необходимо. Нужно терпеть и труд, и досаду братии, чтобы действительно преобразиться.

Один студент из богатой семьи решил все оставить и посвятить себя Богу. Внес он большой вклад и поступил в число братии. Послали его на огород, и там в грязи и сырости пришлось ему работать. Враг, не терпящий такого смирения, стал вооружать против него братию, особенно из простецов.

– Ну зачем ты, болван, сюда пришел? – говорит ему однажды один из иноков.

– Хочу спасти свою душу.

– Еще бы! Хлеб монастырский жрать – вот для чего ты явился сюда.

– Прости, Христа ради, – ответил бывший студент и тем победил врага.

Инок, грубо отнесшийся к послушнику, потом раскаивался. А обиженный пошел к старцу и рассказал ему обо всем, прибавив: «Я не жалуюсь на него, но прошу святых молитв ваших, чтобы благодушно перенести всякое оскорбление».

В монастыре дают такие уроки, и ими приобретается смирение незаметным для монаха образом. А пройдет лет 20–30, и узнает инок – не назад он шел, а вперед. И, постепенно очищая свое сердце от страстей, сподобится он Царствия Небесного, которого да сподобит и нас всех Господь.

Господи, чтобы духовно преобразиться необходимо иметь молитвенный труд и труд, именуемый послушанием, а также умение благодушно переносить оскорбления от окружающих. Прости нас, Господи, всего этого мы не имеем и не терпим оскорблений. Молитвами наших наставников, Господи, помилуй

нас и помощи очищать свое сердце от страстей ради Царствия Небесного.

...Вот еще странное явление: в настоящее время многие преклоняются перед нравственным учением Христа Спасителя и хотят исполнять Его законы, но отвергают Законодавца, то есть хотят создать христианство без Христа. Таков, например, Толстой и многие другие, ему подобные.

Господи, мы часто ловим себя на том, что преклоняемся перед нравственным учением Христа и законы его исполнять желаем, но отвергаем Самого Законодавца. Прости нас, Господи, что склонны бываем созидать в себе христианство без Христа.

Некоторые говорят, что трудного? В Новом Завете все только любовь да любовь. Да, но это-то и составляет подвиг: любить всех по Евангелию, совершенной любовью это дело далеко не легкое и требует громадного труда и содействия Благодати Божией. Заповеди Ветхого Завета легче заповедей Евангельских, их мог исполнять человек невоздержанный, но для Нового Завета это невозможно.

Любить всех по Евангелию и наш долг, и наш подвиг. Господи, прости нас, что не берем на себя этот громадный труд и пошли нам содействие в нем Твоей благодати. И помоги нам быть воздержанными во всем.

Таинства Православной Церкви имеют такую великую силу, что человек крещеный, будь он даже злодей, если покается, может начать новую жизнь, исполняя Евангельский закон во всей полноте. Господь требует от нас прежде всего веры: *«Без веры угодить Богу невозможно...»* (Евр. 11, 6). Сколько бы кто ни делал добрых дел, но если он совершает их не во имя Христово, то они не имеют никакой цены. Поясним примером. Возьмем человека неверующего, но старающегося жить праведно и злодея, но не отвергающего Христа. Умер первый, и Господь отверг его: *«Я тебя не знаю, ты не признавал Меня во время земной жизни, а Я отвергаю тебя в Жизни Вечной»*. Такова поистине судьба невера. Ну, а злодей? Много совершил он всевозможных преступлений, но вот приблизился его смертный час: *«Господи, Господи, что будет со мной, хуже меня*

нет ни одного человека в мире!» Зовет он священника, открывает ему свои прегрешения, которые действительно очень велики, тот накладывает епитрахиль, читает разрешительную молитву, и все грехи бывшего злодея потопляются в море милосердия Божия. А затем он сподобляется принятия Святых Тайн и отходит ко Господу оправданный, идет в рай.

Господи, свои добрые дела мы не всегда совершаем во имя Христово и тем теряем цену им. Прости нас и утопи наши грехи в море милосердия Твоего.

У нас в Оптиной некоторое время жил инок Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ. Батюшка отец Лев говорил, что из него может выйти Арсений Великий. Но Арсения не вышло, не выдержал он искуса. Отец Лев, желая приготовить из него подвижника, испытывал его смирение. Бывало, пойдет куда-нибудь, возьмет и молодого Брянчанинова с собой и велит ему ехать за кучера. Остановится где – оставит его в конюшне с лошадьми, как будто забудет про него. Потом скажет: «А у меня там дворянчик с лошадьми остался, нужно ему чайку предложить». Подобным испытаниям батюшка частенько подвергал его, и он не выдержал. Однажды Брянчанинов заболел и временно, как бы на поправку, перешел в Любенский монастырь, но оттуда не вернулся. Потом он стал епископом, но Арсением Великим не сделался. Монашеская жизнь требует полного самоотвержения: *«...отвергнись себя, и возьми крест свой...»* (Мф. 16, 24).

Господи, прости нас, нередко и мы не выдерживаем искуса в смирении и делаем шаги не в пользу самоотвержения. Прости нас, что не умеем отвергнуться себя, и не берем креста своего.

Царствие Небесное нельзя заслужить, махая тросточкой. Мы все ищем избежать скорбей, а Священное Писание говорит: *"Егда не обрящеши скорбей, тогда убойся"*. В монастыре, прежде всего, необходимо смирение и терпение, надо быть готовым перенести всякое оскорбление.

Господи, и мы ищем избежать скорбей, забывая сказанное в Священном Писании. Господи, прости нас, что желая приобрести смирение и терпение, мы не готовы перенести всякое оскорбление.

52. О молитве Иисусовой

Молитва Иисусова имеет громадное значение в жизни христианина. Это кратчайший путь к достижению Царствия Небесного, хотя этот путь нелегкий, и, вступив на него, мы должны быть готовы к скорби. Правда, немалое значение имеют и другие молитвы, и человек, проходящий Иисусову молитву, слушает в церкви молитвословия и песнословия, совершает обязательные келейные правила. И все-таки именно Иисусова молитва скорее других приводит человека в покаянное настроение и показывает ему его немощи, следовательно, скорее приближает к Богу. Человек начинает чувствовать, что он величайший грешник, а это Богу только и нужно.

Господи, и нам хочется обрести кратчайший путь к достижению Царства Небесного. Этот путь нелегкий, и мы должны быть готовы к скорби. Этот путь обретается теми, кто слушает в церкви молитвословия и песнословия, совершает обязательное келейное правило. Молитва Иисусова скорее других приводит нас в покаянное настроение и показывает нам наши немощи. Господи, прости, что мы не все эти действия вводим в свою жизнь, в свою повседневную практику и потому не умеем чувствовать себя величайшими грешниками.

Враг всячески старается отклонить христианина от этой молитвы, ее он больше всего боится и ненавидит. Действительно, человека, всегда творящего эту молитву, сила Божия сохраняет невредимым от вражеских сетей. Когда же человек вполне проникается этой молитвой, то она отверзает ему райские врата, и хотя бы он на земле на получил особых даров и благодати, душа его будет дерзновенно вопиять: *«Отверзите мне врата правды...»* (Пс. 117, 19).

И вот враг внушает различные помыслы для смущения неразумных, говоря, что молитва требует сосредоточенности, умиления и так далее, а если этого нет, то она только прогневляет Бога. Некоторые слушают эти доводы и бросают молитву на радость врагу.

Господи, мы то и дело соприкасаемся с действиями врага, стремящегося отклонить нас от молитвы Иисусовой. Прости нас. Мы не напоминаем себе, что действие этой молитвы привлекает к нам силу Божию, которая и сохраняет нас от вражеских сетей. Прости нас, что слушаем различные помыслы врага, смущаемся ими и бросаем эту спасительную молитву.

Начинающий Иисусову молитву подобен гимназисту, поступившему в первый класс гимназии и надевшему форму. Можно думать, что он впоследствии и кончит гимназию, может быть, и в университет пойдет. Но вот проходят искушения первого же урока, например, по арифметике ученик не понял, и помысл ему говорит: «Первого урока не понял, тем более не поймешь второго, а там, глядишь, вызовут. Лучше скажись больным да посиди дома». Если же у ученика есть состоятельные родственники, то тут искушений еще больше, тот же соблазняющий голос говорит: «У тебя дедушка и дядюшка богатые, чего тебе учиться, у них погости». Слушает эти речи гимназист, перестает учиться, теряет зря время, а через несколько лет вырастает никуда не годный балбес. Время ушло, какое тут учение – и исключают его из гимназии.

Так и с молитвой может случиться. Не следует внимать искусительным помыслам, надо гнать их далеко от себя и, не слушаясь, продолжать молитвенный труд. Пусть незаметны плоды этого труда, пусть человек не переживает духовных восторгов, умиления, но все-таки бездейственной молитва остаться не может. Она бесшумно совершает свое дело.

Господи, прости нас, что внимаем искусительным помыслам, не гоним их подальше от себя, смущаемся ими и оставляем молитвенный труд. Помоги, Господи, чтобы молитва эта бесшумно совершала в нас свое дело.

В бытность в Оптиной известного старца отца Льва один инок, двадцать два года проходящий Иисусову молитву, впал в уныние – вроде как бы не видел никаких благоприятных результатов своего труда. Он пошел к старцу и высказал ему свое горе.

– Вот, отче, двадцать два года совершаю я Иисусову молитву и не вижу никакого толка.

– А какой же ты хочешь видеть толк? – спросил старец.

– Как же, отче, – продолжал инок, – я читал, что многие, совершая эту молитву, стяжали духовную чистоту, имели дивные видения, достигали полного бесстрастия. А я, окаянный, искренне сознаю, что я самый великий грешник, вижу всю свою скверну и, размышляя о сем, идя по дороге от монастыря к скиту, часто трепещу, чтобы не разверзлась земля и не поглотила бы такого нечестивца, как я.

– А ты видел когда-нибудь, как матери держат на руках своих детей?

– Конечно, отче, но как это ко мне-то относится?

– А вот как. Если ребенка потянет к огню и он даже будет плакать из-за этого – позволит ли мать обжечься ребенку? Конечно, нет, она его унесет от огня. Или вышли вечером женщины с детьми воздухом подышать, и вот один младенец потянулся к луне и плачет: дай ему ее поиграть. Что же делать матери, чтобы его утешить? Нельзя же ему дать луну. Она его в избу унесет, в зыбку положит, покачает: «Никшни, никшни, молчи!» Так и Господь поступает, чадо мое. Он благ и милостив и мог бы, конечно, дать человеку какие угодно дары, но если этого не делает, то для нашей же пользы. Покаянное чувство всегда полезно, а великие дары в руках человека неопытного могут не только принести вред, но и окончательно погубить его. Человек может возгордиться, а гордость хуже всякого порока: гордым Бог противится. Всяк дар надо выстрадать. Конечно, если царь просто так, от своих щедрот, преподносит дар, то нельзя, отказавшись, бросить его ему в лицо обратно; надо принять с благодарностью, но и стараться употреблять с пользой. Бывали случаи, что великие подвижники, получив особые дарования, за гордость и осуждение других, не имеющих таких даров, ниспадали в глубину гибели.

– А все-таки хотелось бы от Бога гостинчика, – продолжал инок, – тогда и трудиться было бы и спокойнее, и радостнее.

– А ты думаешь – это не милость Божия к тебе, что искренно сознаешь себя грешником и трудишься, совершая молитву Иисусову? Продолжай поступать так же, и если Господу будет угодно, Он даст тебе и сердечную молитву.

Через несколько дней после этой беседы по молитвам отца Льва совершилось чудо. В один воскресный день, когда инок тот по послушанию подавал пищу братии и, ставя миску на стол, произнес «Примите, братия, послушание от меня, убогого», он почувствовал в своем сердце что-то особенное, точно какой-то благодатный огонь вдруг подпалил его. От восторга и трепета инок изменился в лице и пошатнулся. Братия, заметив это, поспешили к нему.

– Что с тобой, брат? – спрашивали его с удивлением.

– Ничего, голова заболела.

– Не угорел ли ты?

– Да, верно, угорел, помогите мне, Господа ради, дойти до моей келлии.

Его проводили. Он лег и совсем забыл о пище, забыл все на свете и только чувствовал, что сердце его пламенеет любовью к Богу, к ближним. Блаженное состояние! С тех пор молитва его стала уже не устной, как прежде, а умно-сердечной, то есть такой, которая никогда не прекращается и о которой Священное Писание говорит: «*Аз сплю, а сердце мое бдит...*» (Песн. 5, 2).

Впрочем, не всегда Господь посылает умно-сердечную молитву, некоторые всю жизнь молятся устно молитвой. С ней и умирают, не ощутив восторгов сердечной молитвы, но таким людям не следует унывать. Для них духовные восторги начнутся в Будущей Жизни и никогда не кончатся, а будут увеличиваться с каждым мгновением, постигая все больше и больше Божии совершенства, в трепете произнося: «Свят, Свят, Свят».

Господи, помоги и нам на протяжении долгих лет своей жизни совершать молитву Иисусову и сознавать себя грешником, Прости, что нам не хватает постоянства в делании этой молитвы, не хватает и умения не унывать, когда не видим явных утешений от молитвы.

Из Жития преподобного Пимена Великого известен такой случай. К нему пришла однажды его мать из далекой Африки и хотела его увидеть. Когда об этом сообщили преподобному, то он ответил:

- У меня нет матери.
- Как же нет, – возразили ему, – эта приехавшая женщина убедительно говорит, что она твоя мать.
- У меня нет матери, – повторил святой, но все равно спросите мою мать, желает ли она меня видеть.
- Станный вопрос, отче, если бы она не желала тебя видеть, то не предприняла бы такое путешествие.
- Нет, спросите ее, где она желает меня видеть, в этой жизни или в будущей?

Когда это передали матери святого Пимена, она поняла его значение и ответила: «Желаю свидеться с моим сыном в Будущей Жизни», и ушла обратно.

Этот случай очень назидателен. Может быть, если бы мать настояла на том, чтобы непременно увидеть сына, она не увидела бы его в Будущей Жизни. Когда же ее великий сын обещал с ней увидеться за гробом, то этим обещал ей вечное спасение. Отсюда можно сделать и такой вывод: совершая Иисусову молитву, мы можем не ощущать святых восторгов в этой жизни, но зато в полной силе ощути́м их в будущей.

Господи, совершая Иисусову молитву, мы можем не ощущать святых восторгов в этой жизни, но зато в полной силе ощути́м их в будущей. Этому убеждению мы еще не имеем и не напоминаем себе о нем и поэтому легко отстаем от этой молитвы. Прости нас, Господи.

53. Ступени Иисусовой молитвы

Молитва Иисусова разделяется на три, даже на четыре ступени. Первая ступень – молитва устная, когда ум часто отбегает и человеку надо употреблять большое усилие, чтобы собрать свои рассеянные мысли. Это молитва трудовая, но она дает человеку покаянное настроение.

Господи, Ты даешь нам знать, что Иисусова молитва разделяется на четыре ступени. Первая ступень предлагает нам молитву устную, когда ум часто отбегает и нам надо употреблять большие усилия, чтобы собрать свои рассеянные мысли. Господи, прости, что эта трудовая молитва не всегда бывает нам по плечу и даруй нам, Боже покаянное настроение, происходящее от неё.

Вторая ступень – молитва умно-сердечная, когда ум и сердце, разум и чувства – заодно. Тогда молитва совершается непрерывно, чем бы человек ни занимался: ел, пил, отдыхал – молитва все совершается.

Господи, упражняясь в трудовой молитве, мы должны стремиться к молитве умно-сердечной, чтобы ум и сердце, разум и чувства были у нас заодно. Тогда молитва начнет совершаться непрерывно, чем бы мы ни занимались. Господи, прости нас, что подобное стремление мы теряем в своей жизни.

Третья ступень – это уже молитва творческая, которая способна передвигать горы одним словом. Такую молитву имел, например, преподобный пустынник Марк Фраческий. К нему однажды пришел для назидания один инок. В разговоре Марк спросил: «Есть ли у вас теперь такие молитвенники, которые могут и горы передвигать?» Когда он это говорил, гора, на которой они были, содрогнулась. Святой Марк обратился к ней, как к живой: «Стой спокойно, я не о тебе говорю».

Господи, мы должны знать, что есть еще молитва творческая, которая способна передвигать одним словом горы. Ее имели величайшие подвижники: мы должны молиться им, чтобы они умолили Господа, и Он бы даровал нам молитву сильную и крепкую, способную утвердить в нас веру

непоколебимую. Господи, прости нас, что забываем о такой перспективе молитвенного труда, не смиряем себя и не прибегаем к опыту и молитвам святых людей. Прости нас.

Наконец, четвертая ступень – это такая высокая молитва, которую имеют только Ангелы и которая дается, может быть, одному из всего человечества.

Покойный батюшка Амвросий имел умно-сердечную молитву. Эта молитва ставила его иногда вне законов природы. Так, например, во время молитвы он отделялся от земли. Его келейники сподобились видеть это. Последнее время батюшка был болен и все время полулежал в постели, так что не мог ходить в церковь. Все службы, кроме обедни, совершались у него в келлии. Однажды совершали всенощную. Батюшка, как всегда, полулежал. Один келейник стоял впереди образа и читал, а другой – позади батюшки. Вдруг он видит, что отец Амвросий садится на кровати, затем поднимается на десять вершков, отделяется от кровати и молится в воздухе. Ужаснулся келейник, но пребыл в безмолвии. Когда пришла его очередь читать, то другой, встав на место первого, сподобился того же видения. Когда закончили службу и келейники пошли к себе, то один сказал другому.

– Ты видел?

– Да.

– Что же ты видел?

– Видел, что батюшка отделился от кровати и молился на воздухе.

– Ну, значит, это правда, а то я подумал, что мне только это кажется.

Хотели они спросить о том отца Амвросия, да побоялись: старец не любил, когда говорили что-нибудь о его святости. Возьмет, бывало, палку, стукнет любопытствующего и скажет: «Дурень, дурень, что грешного Амвросия об этом спрашиваешь?» – и больше ничего.

Господи, Ты открываешь нам знание и о четвертой ступени молитвы. Такой молитвой молятся только Ангелы и которая дается, может быть, одному из всего человечества. Господи, прости нас, что наши знания не придают нам трепета и страха

Твоего интересоваться делателями такой молитвы, каким был, например, преподобный Амвросий.

В настоящее время в Кавказских горах спасается отец Иларион. Жил он сначала в общежительном монастыре на Афоне, а теперь все оставил и служит Богу в подвиге пустынночества. С ним живет еще молодой (тридцати лет) монах – отец Венедикт. Ему даны старцем некоторые поручения и среди прочего – узнать, как в монастырях совершается молитва Иисусова. Он объездил многие монастыри (мужские и женские) и пришел к печальному выводу. Эта необходимейшая молитва почти всюду оставлена, особенно в женских монастырях. Исполнители ее кое-где, как свечи, догорают.

Прежде молитву Иисусову проходили не только монахи, она была обязательна и для мирских (например, известный исторический деятель Сперанский, издатель законов, упражнялся в творении Иисусовой молитвы и был всегда радостен, несмотря на многообразные труды свои). Теперь даже монахи недоверчиво относятся к этому подвигу. Один, например, говорит другому:

– Слыхал?

– Что?

– Да отец Петр начал совершать Иисусова молитву.

– Неужели? Ну, верно с ума сойдет.

Есть пословица: нет дыма без огня. Действительно, бывали случаи, что и с ума сходили люди, но отчего? Да брались за эту молитву самочинно, без благословения, и, начав, сейчас же хотели попасть в святые, лезли на Небо напролом, как говорится, ну и срывались.

Господи, и нами эта необходимейшая молитва почти совсем оставлена. Мы извиняем себя бесчисленными делами, якобы мешающими нам заниматься ею, или же докучливыми кривотолками. Прости нас, Господи, что беремся за нее самочинно, без благословения и сразу же хотим попасть в святые.

(Отец Венедикт недавно был в Оптиной, уехал после Преображения Господня. С батюшкой Варсонофием он вел продолжительные беседы и на вопрос об Иисусовой молитве

получил ответ: «Все рабы Божии – и в монастыре, и в скиту – проходят молитву Иисусову, только трудовую, то есть первой ступени»).

Впрочем, и на этой ступени есть до тысячи градаций, и проходящие эту молитву поднимаются, так сказать, с одной линейки на другую. Но человек не может определить сам, на каком уровне он стоит. Считать свои добродетели было бы фарисейской гордостью. Надо считать себя стоящим ниже всех и стремиться получить от Господа те дары, которые несомненно несет с собой Иисусова молитва, – это **покаяние, терпение и смирение**.

Господи, мы не умеем считать себя стоящими ниже всех и не стремимся получить от Тебя те дары, которые несомненно несет с собой молитва Иисусова – это покаяние, терпение и смирение. Прости нас, Господи за это.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ, был послушником в Оптином скиту и спросил однажды одного инока: «Скажи, отче, на пользу моей душе, самодвижная ли у тебя молитва?» Тот, видя, что вопрос предложен не из любопытства, сказал: «Слава Господу, сподобившему меня сего дара. Но получил его внезапно, точно молния озарила меня однажды после долгих лет трудовой молитвы».

По замечанию батюшки Варсонофия, есть в скиту иноки, которые по сорок лет совершают молитву, но она у них все еще трудовая: мысли расходятся. Некто спросил у отца Амвросия: «На каком слове молитвы Иисусовой делать ударение. Не на слове ли Иисус?» «Это великое слово Господа, – отвечал старец, – но для нас, немощных, полезнее делать ударение на слове «грешный».

Господи, у нас нет даже трудовой молитвы и мысли расходятся, и акцент в молитве мы не умеем делать на слове «грешный». Прости нас за это.

ИСПОВЕДЬ XVI. ДУХОВНАЯ АЗБУКА ДЛЯ НОВОНАЧАЛЬНОГО

*Беседы преподобного Варсонофия Оптинского,
записанные преподобным Никоном Оптинским*

1. Краеугольный камень иноческого жития

Помоги мне, Господи, довести до конца то, что я начал – батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько, раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его, Господи! Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а только отдельные наставления:

– Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келье ничего съестного не держите, всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусной. Заметьте, что те монахи и послушники, которые не трапезовали со всеми, а брали пищу себе, хворали и даже умирали.

Господи, один из признаков иноческого жития – всё делать самим, не прибегая к чужим услугам. Мы же все время нарушаем эту отеческую установку, прости нас. Мы забываем, что Ты, Господи, благословляешь скудную пищу и делаешь ее вкусной. Прости нас, Господи, за тяготение к разносолам и поиску пищи вкусной.

– В церковь ходите обязательно и всегда до начала, первыми старайтесь прийти. Утренняя – одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу... За пятисотницу держитесь, как за столп, в ней великая сила. Почему? Это тайна, это закон монашеской духовной жизни.

Господи, мы не находим в себе прилежания ходить в церковь обязательно до начала службы, не стараемся прийти первыми. Прости нас за это разгильдяйство. И труд ходить к утрени почитаем для себя тяжелым и потому великой силы в себе не обретаем. Господи, прости, что к этому труду мы относимся без должного уважения. Господи, пятисотница еще не стала для нас тем столпом, за который надо держаться. Прости, Господи, что, оставляя ее, мы не вникаем в тайны духовной жизни.

– Пейте чай у себя, в келье, к другим не ходите, а будут звать – отказывайтесь. В келье же у себя пейте по три чашки. За

трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем необязательны.

Господи, мы любим ходить по гостям и часто за предлагаемой трапезой вкушаем до пресыщения, прости нас. Господи, прости нас и за то, что пост и воздержание, которые необходимы будут нам впоследствии, на этой стадии своего жития мы применяем к себе утрированно, без всякой меры.

– Краеугольный камень иноческого жития есть терпение, смирение и послушание, с которыми можно применить к жизни и прочие добродетели в телесном отношении. Если есть гордость, все пропало. Так, с одной стороны, для нас губителен порок гордости, а с другой – спасительно смирение. «На кого воззрю: только на кроткого и смиренного, и трепещущего словес Моих», – говорит Господь (Ис. 66, 2). А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его, невозможно.

Это непонятно человеку, не вступившему на этот путь: нужна практика. Перед вами огромная завеса, и вот она начинает с нижнего уголка чуть-чуть приподыматься. Вся земная жизнь, правда, имеет некоторый смысл и цель, главным образом для доставления удобств в земной плотской жизни, по сравнению же с иночеством она ничто, или, лучше сказать, копейка в сравнении с миллионами.

Господи, Ты открываешь нам, что терпение смирение и послушание помогают нам приобрести различные добродетели. Господи, Ты взираешь только на кроткого и смиренного и трепещущего словес Твоих, а мы слабо озабочены иметь эти качества, чтобы привлечь к себе Твое внимание. Прости нас, Господи, и помоги в практике земной жизни эти качества приобретать, ибо без них не спасёмся. Господи, избави нас от порока гордости.

Один известный мне человек, высокообразованный, получивший европейское образование, учился в Московском Университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества.

О еще более высоком назначении инока святой апостол Павел говорит, что в будущей жизни будут различные степени блаженства: «Ина слава солнцу и ина слава луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе» (1Кор. 15, 41). Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимо количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего звания живущие, будут в числе Серафимов. Вот как велико назначение инока. Поэтому как должны мы благодарить Бога, что Он привел нас сюда, в Скит.

Дивно глубок смысл иночества, а назначение инока еще выше. И в будущей жизни будут различной степени блаженства. И первая из этих степеней принадлежит инокам, а схимонахи, живущие достойно своего звания, будут в числе Серафимов. Господи, прости нас, что относимся к монахам без должного уважения к их званию, трудам и опыту.

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. «Никто не может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его» (Ин. 6, 44). От Бога нам дана свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся, но Он, Милосердный, спасает нас при нашем на то желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в миру. Сами поразмыслите теперь, за что Господь оказал вам такую милость, что привел вас сюда в монастырь, в наш укромный тихий Скит. Да... Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

Господи, мы еще не положили в своем сердце мысль, что не можем придти на служение Богу, «если не Отец Небесный привлечет нас». Господь спасает нас, а мы не спасаемся, но Он спасает нас при нашем на то желании. Господи, прости нас, что не умеем благодарить Тебя за оказанную нам милость. Господи, окажи нам помощь при прохождении этого тесного и скорбного пути.

На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних

благой, а с другой – он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен, но только для тех, кто вступает на него или по принуждению, без внутреннего расположения, или из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряды иноков с твердым, чистым желанием и намерением служить Господу Богу в духе и истине, он легок. Правда, бывают скорби, но это облачка на чистом, лучезарном небе.

Путь исполнения заповедей Господних нам кажется тесным и прискорбным, потому что вступаем на него с принуждением без внутреннего расположения, или же из-за каких-либо иных целей, кроме спасения своей души. Прости нас, Господи. Поэтому он для нас тяжел. Господи, помоги нам быть в числе лиц с чистым желанием и намерением служить Тебе, Господу Богу нашему, в духе и истине. И для этого испытать, что этот путь Твой для нас легок.

Вот Вы, Николай Митрофанович, поживёте здесь, если только Господь сподобит нас такой милости, два-три года и увидите, какое блаженство иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро идет здесь время. Пройдут годы, может быть, десятки лет, а Вам будет казаться, что Вы поступили сюда только вчера.

Я спросил однажды у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: «Долгим ли показалось вам время, прожитое в монастыре?» – «Нет, – отвечает он, – мне кажется, что я здесь пятьдесят дней, а не пятьдесят лет. Да и не пятьдесят дней, а пятьдесят минут». Да, очень быстро летит время в монастыре...

Господи, если и мы будем думать и стараться исполнять заповеди Твои, то и для нас время полетит быстро. Но мы думаем об этом мало, а чтобы исполнять – и того реже. Прости нас, Господи.

Никого никогда в свою келью не пускайте без молитвы, пусть сначала пришедший произнесет молитву, и тогда только впустите его. Выходя и входя в свою келью, кладите четыре уставных поклона с молитвами, а вообще всегда навывайте молитве Иисусовой. Если кого-либо встречаете из братии – всегда кланяйтесь первым, у иеромонаха берите

благословение. Смиряться, смиряться, смиряться. Теперь читайте книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет читать. От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на одну сотую сантиметра, другому – на тысячу верст. Одному много, другому мало. Но и малого достаточно для жизни ему.

Господи, у нас, в мирской жизни, нет обыкновения пускать в свою комнату с молитвой. Нет и привычки выходя и входя в свою комнату делать четыре уставных поклона с молитвами. Не навыкаем в молитве Иисусовой. Прости нас, Господи, за нерадение и за отсутствие памяти смиряться. Господи, мы мало читаем книги, потому и не крепнет наше произволение спасаться, а читая Евангелие, мы не углубляемся умом в его тайны. Прости нас, Господи.

В жизни нашей действуют вера, любовь и надежда. Сии три необходимы. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр. «Ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Мф. 16, 16), – исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком. Но и из апостолов он является представителем веры. Любвию обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов. Представителем надежды является Иаков. Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, преобразился именно перед этими учениками.

Господи, в своей жизни мы не умеем равняться на святых апостолов Петра, Иакова и Иоанна Богослова, обладавших соответственно верой, надеждой и любовью. Прости нас, Господи, что за слабые качества веры, надежды и любви мы не готовы бываем воспринимать славу Твоего Преображения.

Краеугольный камень иночества есть смирение.

Между прочим, батюшка рассказывал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями: терпением и непрестанной умной молитвой, произносимой в сердце. Один монах, видя огненный столп от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в

огне, стоящего на коленях и молящегося. Этого монаха, отца Феодота, знает и помнит один скитский монах.

– В Глинской пустыни недавно был рясофорный послушник отец Феодот. Он прежде был солдатом, и за его высокий рост и крепкое телосложение заставили его, когда он поступил в монастырь, носить дрова и воду в кухню. Так он до конца жизни и оставался на этом послушании. Был у всех в презрении, спал, где придется: когда на полу, когда на дровах. Никто не обращал на него внимания. Так он дожил лет до семидесяти.

Однажды отец архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной. И воздух не такой, и растения, и деревья, и плоды на них не такие, как на земле. Одним словом, сад неизреченной красоты. И вот среди сада отец Илиодор видит отца Феодота. «Это ты, отец Феодот?» – «Я, батюшка». – «Как ты здесь?» – «Да это мне дано», – «А что это?» – «Это рай». – «А ты можешь мне дать этих плодов?» – «Могу». Тут отец Илиодор увидал в раю своего отца, и, бросив данные ему плоды, побежал к отцу.

В это время на дворе раздался крик. От этого крика отец Илиодор проснулся, и все исчезло. А на дворе он видит, что за отцом Феодотом бежит повар и бьет его палкой по спине; отец Илиодор остановил истязание отца Феодота, запретив повару бить его. Затем, позвав к себе в келью отца Феодота, отец Илиодор спросил его, где он был. «На кухне, – был ответ, – я не так дрова положил, ну и повар меня побил. Да что, мне этого мало, я сам виноват. Да мне и больно не было, я надулся, ну палка и отскакивала от меня, мне и не больно». – «Нет, отец Феодот, скажи мне, где ты сейчас был?» – «Да на кухне». – «Встань, отец Феодот, перед образами на колени, и я встану. Я твой духовный отец, скажи мне, где ты сейчас был?» – «Ну если так, то обещаю тебе перед Богом, что никому не скажешь этого до моей смерти...» Тот обещался. «В раю, да и тебя там видел». Тут отец Илиодор понял, что он видел не простой сон, а действительно сподобился видеть рай. «А что, отец Феодот,

могли бы очутиться при мне те плоды, которые ты мне дал?» – «Конечно, но, значит, так судил Бог».

Смирение, терпение и непрестанная умная молитва – вот чем обладал отец Феодот. Это такая молитва, о которой мы и понятия не имеем. Заметьте, что все святые, которые удостоились видеть рай, изображали его как неопикуемой и неизреченной красоты сад. Оказалось, что отец Феодот был гораздо выше отца Илиодора, хотя первый был послушник, а последний – архимандрит. Но не то важно, какое исполняется послушание, а то важно, как оно исполняется: со смирением, терпением и молитвой.

Да, краеугольным камнем христианской жизни есть смирение. В сочетании с другими добродетелями: терпением и непрестанной молитвой, произносимой в сердце, можно и нужно исполнять всякое послушание в своей жизни. Господи, прости, что мы не держим в фокусе своего внимания память об исполнении своего послушания со смирением, терпением и молитвой. А если не помним, то и не делаем. Прости нас.

Окончил отец Варсонофий тем, что вспомнил своего старца отца Анатолия, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего старца-наставника.

«Послушание паче поста и молитвы», – говорил батюшка. – Не смущайтесь, если придется опаздывать или даже пропускать вообще церковную службу. Открывайте все свои помыслы, особенно те, которые долго вас не будут оставлять. Постепенно нужно проходить иноческое житие, это наука из наук. Как всякую науку нужно проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но «единого достоит вопрошати», – ибо может произойти духовное разделение.

Своих наставников надо вспоминать с великим благоговением, как это делал старец Варсонофий. Мы же при воспоминании о благоговении забываем. Прости нас, Господи. Мы не научены открывать свои помыслы духовнику, особенно те, которые долго нас не оставляют. Христианское житие необходимо проходить под руководством более или менее

опытного священника и «вопрошать достоин единого». Господи, прости нас, что наша жизнь не утверждена на этом основании.

2. Практическое испытание «духа» христианской жизни

– Без веры во что-нибудь нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну хоть ваш брат, желает стать врачом. Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде и во всем. Точно так же для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. «Мы не можем верить, – говорят иные, – нет на то доказательств. Иное дело наука, там все доказано». Хорошо, но, прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Святой Иоанн Богослов прямо говорит, что надо испытывать «дух». Но надо испытывать на практике. Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле: правда ли, что «блаженны нищие духом» (Мф. 5, 3), «блаженны кроткие» (Мф. 5, 5), и так далее. Если вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие – ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном Суде сих людей спросят: «Что, читали ли вы Евангелие?» – И получится обязательно три ответа: первый – «нет», второй – «кое-как», третий – «да читали, конечно, только не поняли». Да, обязательно получатся эти три ответа.

– На первый ответ можно сказать, что они сами виноваты: никто не запрещал читать, напротив, даже просили читать, теперь самих себя вините. На второй ответ почти то же можно ответить. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелие, то есть поверить, хотя вам был дан ключ разумения: «испытывайте духов, от Бога ли они» (1Ин. 4, 1). Почему вы не хотели испытать? Значит вы сами и виноваты. Таким образом, и эти безответны.

Господи, прости нас, что мы недостаточно веруем в Бога. Христа, Евангелие. Мы на практике не умеем испытывать «дух», то есть: живем ли по евангельскому учению и на деле узнаем ли правду, что «блаженны нищие духом, блаженны кроткие» и так далее. Прости нас, Господи. При чтении Евангелия нам дан

ключ разумения: «испытывайте дух». Мы виноваты, Господи, что не хотели испытывать дух. Прости нас.

– Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо, – сразу скорби, искушения и оскорбления.

Необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби.

Показатель плохой жизни – никто тебя не трогает, а хорошей – сразу скорби, искушения и оскорбления. Господи, прости нас: мы не умеем смиренно переносить оскорбления, наносимые нам другими и вообще скорби.

– Монахи, вообще вся наша братия – тоже люди, а раз люди, то обязательно есть и свои страсти, пороки: один гордый, другой злой, третий блудник и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться – кто от чего, и вылечиваются при помощи Божией. Я это говорю потому, что вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать – это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страсти, мы должны прощать.

Господи, девиз монашеской жизни – стараться никого не осуждать при видении пороков братии, ибо все люди немощны, у всех есть страсти, и мы должны прощать их. Этот же девиз относится и ко всем христианам. Все хотят вылечиться кто от чего, и с помощью Божией вылечиваются. Господи, прости нас, что мы забываем об этом так рассуждать и соответственно поступать. Помогите, Господи, их прощать.

– Вероятно, было у вас, или у ваших родных, или даже у предков какое-либо доброе дело по отношению святого Иоанна Крестителя, если он принял вас сюда к себе.

– А со мной вот что было. В Казани я как-то захотел говеть Великим постом и весь пост пропустил, осталось только три дня. Ну, хоть три дня, да поговеть. Иду и думаю: где же поговеть и исповедаться? У полкового священника мне не хотелось. Где же? И вот смотрю – монастырь, бедный, грязный (послушники какие-то отчаянные), наполовину развалившийся. «Это какой монастырь?» – «Ивановский, во имя Иоанна Крестителя». – «Хорошо, можно здесь поисповедоваться?» – «Пожалуйста». Так я там и говел. А потом стал туда часто к службе ходить.

Стою иной раз, а помысл мне и говорит: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую, получше». Купил, и как-то приятно стало мне смотреть на нее. Потом киот на большую икону купил. И так я полюбил все в монастыре! Воистину: «Где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше». А сколько радости испытывал я после исповеди и приобщения Святых Христовых Тайн! Вот за какие пустяки святой Иоанн Креститель сподобил меня принять в свой Скит.

Господи, и нам дороги слова Писания: «Где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Забота о храме, куда ходим молиться, новая лампада, новый киот на икону, который мы можем купить для храма, – все это добродетели, за которые святой покровитель храма сподобляет своей помощи и посылает испытывать радость после исповеди и приобщения Святых Христовых Тайн. Прости нас, Господи, что мы не выказываем своей благодарности святым за их покровительство.

Когда я зашел в Казани в тот монастырь в первый раз, я спросил, между прочим: «Кто здесь, настоятель?» – «Игумен Варсонофий». Только потом я понял, что это значило: в этом бедном грязном монастыре я увидел образ своего душевного внутреннего состояния.

Господи, мы можем видеть образ своего душевного внутреннего состояния по храму, в который ходим; по его внешнему виду заключать о бедности своей души к проявлению добродетелей. Прости нас, Господи, за это.

Через много лет, когда я принял управление скитом, меня спросили: «Как вы будете содержать скит?» Я отвечал, что и не думаю об этом и не дерзаю, ибо хозяин не я. Я только приказчик святого Иоанна Крестителя.

Господи, через преподобного Варсонофия Ты даешь нам знак, кто управляет обителью или храмом. Прости нас, что мы забываем об этом.

В день памяти святого Игнатия Богоносца, в 8 часов утра, мы пришли к батюшке за благословением идти одеваться в послушническую одежду и, получив благословение, в 9 часов пошли за благословением к отцу архимандриту Ксенофонту.

Получив от него благословение, мы отправились на могилки к старцам. Взяв от них благословение и помолившись, мы пошли в рухольную.

Примерив и с молитвой надев одежду, мы опять пошли за благословением на могилки к старцам и к отцу архимандриту. Встретили отца Феодосия и взяли у него благословение.

Затем пришли в скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к батюшке. Здесь нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец пришли к батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились батюшке. Батюшка благословил, поцеловал и начал молиться. «Благодарю Тебя, Господи, яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна». Потом молился о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

– Вот вам оружие, нещадно бейте этим невидимых врагов. Прежде всего имейте страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в Скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: «Были почти наши, теперь пришли сюда спастись, как это можно?» – и тому подобное. Но не бойтесь. Считаю долгом сказать вам про себя: еще в Казани, когда я решил все окончательно бросить и подал прошение об увольнении, я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом. Еду на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене которой была икона Спасителя во весь рост, с распростертыми руками. Обыкновенно я благоговейно крестился и более ничего, проходил мимо.

На этот раз я ехал, задумавшись и опустив голову. Поднимаю голову и вдруг вижу эту самую икону, и мне будто кто-то говорит прямо в сердце: «Теперь ты Мой». Христос, казалось, прямо говорил мне: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы...» Никогда от той иконы такого впечатления не было, как тогда. Я умилился,

слезы выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Так это и врезалось в память на всю жизнь.

Господи, мы видим замечательный пример и значение благословения на ношение послушнической одежды. Начиная новую жизнь, надо иметь страх Божий, ибо без него ничего не достигнем. Господи, прости, что всего этого мы почти не имеем.

Прости нас, Господи, и за то, что мы, вступив на церковное служение, не услышали по невнимательности Твой голос, Христе, в сердце своем: «Теперь ты мой». Мы не изменили образа жития своего, чтобы быть Твоими. Прости нас, Господи, за это.

Затем батюшка дал нам обоим три книги: «Кончина праведника – письмо Клавдии Прокулы – жены Пилата», «Материкон – собрание наставлений аввы Исаии инокине Феодоре» епископа Феофана и «О внешнем благоприличии и поведении новоначальных послушников» епископа Игнатия Брянчанинова.

– Вот обоим вместе, ибо вы должны быть едино. Затем батюшка спросил о практической стороне дела в рухольной и у отца архимандрита. Но мы ничего не переговорили с отцом архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник отец Иоанн.

Батюшка быстро переспросил:

– Что, что?

Я повторил.

– Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все же и через меня бывают откровения. У меня вчера был этот отец Иоанн. Мне, как духовному отцу, все известно про него. Последнее время на него напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Пришел ко мне и говорит:

– Благословите уходить.

Я ему отвечаю:

– Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парусах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь...» Вот то же и теперь.

– Да это, батюшка, не то!

– Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь перед смертью погубить и тем столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно.

Был здесь один случай. Какой-то сын миллионера поступил в Скит. Прежде жил он очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь?! Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту и более ничего. Но отец Иоанн, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

Господи, и нам необходимо знать, что бесы, когда видят, что человеку недолго осталось жить, стараются вытащить его из монастыря, надеясь перед смертью погубить и столкнуть его в бездну. Одно нарушение обета уже губительно. Господи, прости нас, что забываем об этом знании и соответственно уступаем искушению нарушить обеты.

3. Поиск Бога через соблюдение заповедей

Батюшка говорил про смирение:

– И отец Макарий, и отец Амвросий, и отец Моисей, и все наши старцы всегда говорили: «Смиряться, смиряться». Подобно тому, как апостол Иоанн Богослов под конец своей жизни только и говорил: «Чадца! Любите друг друга!» Так и наши старцы твердили: «Смиряться!» Эти две добродетели – любовь и смирение – как бы обуславливают одна другую, равно как теплота и свет. Как огонь невозможно вообразить без теплоты и света, так и здесь.

Господи, блаженные старцы Макарий, Амвросий, Моисей и другие приковывают наши взоры к двум душеспасительным добродетелям – любви и смирению. И если огонь невозможно вообразить без теплоты и света, то и здесь эти добродетели обуславливают одна другую. Господи, прости нас, что этой закономерности мы не осознаем и имеем вредную привычку смирение и любовь проявлять не в одном ключе.

Был у батюшки, удалось побеседовать.

– Сомнения, батюшка, и хульные помыслы у меня.

– Сомнения, равно как блудные помыслы и хулы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: «любить» и «хулить». Очевидно, что есть еще какая-то сила злая, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это – серафимский ум. Поэтому несколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие. Не обращайтесь на них внимания.

Господи, сомнения, блудные помыслы и хулы мы презирать не умеем, а обращаем на них внимание. Будем презирать их, враг-диавол не выдержит, уйдет от нас, ибо он горд и не выносит презрения. Господи, прости нас, мы не пользуемся

презрением дьявола, как орудием, чтобы удалить от себя его нападения.

Сколько было искренно верующих людей, которые сильно пострадали от того, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского, – какая разница у него в первой и второй половине его жизни. Лермонтов тоже был сильный ум, Тургенев и другие.

Поэтому надо презирать эти сомнения, и хулы, и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят. Особенно если будете открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу. Особенно блудные помыслы – засыпать скорее, закрыть надо навозом эту смердящую яму, а не копаться в ней.

Господи, и мы принимаем эти сомнения, рассматриваем их, а надо их презирать, и хулы, и помыслы блудные, тогда они не повредят, но открывать их надо не подробно, иначе они повредят и нам, и старцу. Господи, прости, что так не делаем, и особенно блудные помыслы не засыпаем, не закрываем навозом эту смердящую яму. Прости, что копаемся в ней.

– Да вот, батюшка, у одного из братии вижу то, у другого – другое...

– Ну, это дьявол всегда так. Он иногда нам представляет взгляд брата совсем другим, не таким, какой он на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно для тебя, а на самом деле этого вовсе нет. Так дьявол может представить нам что-либо другое.

Вот какой был здесь случай. Был здесь один иеромонах отец Венедикт и еще монах отец Арсений, монах хорошей жизни. Он почти не выходил из келии вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Однажды идет отец Венедикт к себе в келию, а у крыльца отца Анатолия (Зерцалова) он видит – стоит отец Арсений. Взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит.

Отец Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Идет он и только что он начал заворачивать за церковь, ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет отец Арсений. Лицо у него веселое, подходит он под

благословение. Отец Венедикт, еще больше удивляясь, спрашивает:

– Где ты был?

– У отца Тимона.

– Как? Я тебя сейчас видел около крыльца батюшки отца Анатолия.

– Это тебе помешалось. Сам видишь, откуда я иду. Тогда отец Венедикт пошел за разрешением сего к батюшке отцу Анатолию.

– Ну что же здесь удивительного? Ты иеромонах, и этого-то не знаешь? Это был, конечно, бес в образе отца Арсения, – сказал отец Анатолий.

Да, бывают такие случаи, о них в миру и понятия не имеют, а здесь они не подлежат сомнению...

Господи, мы должны помнить, что враг-диавол представляет нам взгляд другого человека совсем другим, не таким, каким он является на самом деле. Нам может показаться, что он посмотрел на нас злобно, оскорбительно, а на самом деле этого вовсе нет. Господи, прости нас, что не распознаем козни врага и не подвергаем их сомнению и презрению.

– Ну, а еще что? – спросил батюшка.

– Горд я очень, батюшка, тщеславен.

– Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что у всякого, даже у святого есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза! Не горды только Ангелы – они чисты, да еще те, которые переходят отсюда туда, на небо. А то у всех есть гордость.

Господи, прости и нас за гордость и тщеславие. Глубока и в нас эта зараза.

– Как внутреннее устройство? Имеете ли на устах имя Иисусово?

Я говорю:

– Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

– В этом-то и дело, чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова. Но не удивляйтесь, что все забываю. Надо только стараться. Ведь не сразу вы в

Университет пошли, а сначала азбуку выучили, так? Авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел на духовные.

Да, так всегда бывает...

Господи, мы свое внутреннее устройство не научились еще связывать с призыванием имени Иисуса Христа, Сына Божия и потому-то оно у нас не меняется на лучшее. Господи, прости нас.

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря ему привозили пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял его подвиг. Когда он возвратился, отец архимандрит при духовнике его спросил: «В чем, главным образом, заключалась твоя деятельность, и много ли ты преуспел, скажи нам: мне и твоему духовному отцу?» Он отвечал, что акафисты, все службы – все заменял он Иисусовой молитвой. «И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита».

Вот какая глубина! А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так вам нечего удивляться. Это приобретается годами и не сразу. В один день этого невозможно приобрести, хотя и бывают исключения, но общее правило таково.

Господи, каждый из нас хотел бы иметь на устах имя Иисусово, но часто мы забываем о молитве. Это памятование приобретается годами и не сразу. Господи, мы мало употребляем к тому усилий, прости нас и научи «понимать и чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита».

Батюшка не один раз мне говорил:

– Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами – слова молитвы Иисусовой.

Господи, прости нас, мы еще не навыкли этому правилу.

– А что, батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

– Обязательно. Всегда имейте четки при себе, за службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть или смотрят, не смущайтесь, перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной, можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают.

За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Когда в келии пишете, читаете, то четки должны быть за поясом. Когда же так сидите, то творите молитву по четкам. При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй», а можно даже и молитву Иисусову...

Вообще, я понял так, что, когда только можно, нужно всегда творить молитву Иисусову по четкам, а если нельзя – тогда молитва должна быть всегда в уме без четок.

Господи, мы не всегда имеем при себе четки, за службой в церкви и на правиле забываем торить молитву Иисусову. Прости нас. За обедней мы призваны внимать тому, что поется и читается, а молитву Иисусову оставлять. Мы же об этом правиле забываем, прости нас, Господи.

– Ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой «живописью». А вы пришли сюда, искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога – это цель монашеской жизни.

Потом батюшка указал, что можно и жить в монастыре, да не быть монахом.

– Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки – все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдать заповеди, особенно смирение, поступить в монастырь. Они же не хотели соблюдать заповеди, особенно смирение. Хотели пройти как-либо переулками, поближе, покороче. О целомудрии были весьма скудного понятия. Вот, например, Байрон или Рафаэль – развратнее его трудно найти, а писал Мадонну...

Знаете стихотворение Пушкина «Пророк»? Там он говорит: «В пустыне мрачной я влачился». Пустыня – это жизнь. Он понимал, что жизнь – пустыня. «Влачился», да, прямо-таки ползал всем телом. Далее: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился». Здесь он, может быть, имел в виду себя, не знаю, являлся ему он или нет. Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится, что он постиг и «херувимов горнее стремление, и гад морских подводный ход». Ангелы чисты, они только «горняя мудрствуют». А в нас есть и «гад морских подводный ход». Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается, а только ход гад морских будет все тише, и можно достигнуть того, что будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть... Вот я вам и говорю: смиряйтесь и смиряйтесь. Помогите вам, Господи!

Найти Бога – и наша цель жизни. Чтобы найти Бога надо соблюдать заповеди, смиряться, стремиться к целомудрию; надо «горняя мудрствовать», чтобы «ход гад морских» в нас становился все тише и, наконец, осталось одно горнее стремление, а гады исчезли. Господи, прости нас, что мы мало заботимся о поисках Тебя, Бога нашего, заповеди не соблюдаем, смирения и целомудрия не ищем, «горняя не мудрствуем», даем в своем сердце простор для «гад морских подводный ход». Прости нас.

Очень утешает он меня, недостойного его любви. Я очень лениво исполняю его наставления, вообще живу нерадиво. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни, ничего не прочел. Батюшка все покрывает своей любовью, какие гадости ему про себя ни расскажешь. Сколько раз батюшка говорил, что надо встать до службы, даже до звона:

– Колокольный звон изображает глас Архангела. «Блажен, егоже обрящет бдяща». Надо встать заранее, подготовиться, умыться. Главным образом, надо содержать руки в чистоте. Как вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Затем, подготовившись, ожидать звона или будильщика и тотчас

же идти. А к обедне идите до звона, как только прочтете утренние молитвы.

Господи, мы лениво исполняем наставления духовника, живем нерадиво: не держим руки в чистоте, не приходим к обедне до звона. Прости нас, Господи.

4. Дар рассуждения, приобретаемый через старческое окормление

– Чем более монах живет в монастыре, тем больше узнает, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог, может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещался ум свыше. Возьмите в пример земного царя. Ведь он может, встретив нищего, дать ему несколько тысяч или даже десятков тысяч рублей, и нищий станет богат, хотя до сих пор самый большой капитал его был сорок копеек. Так же Господь может просветить разум человека. Одно дело ум, другое – рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас есть дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным, может удовлетворять самым низменным потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные, эти повыше плотских. И, наконец, есть люди духовные.

Господи, большее время жизни ведет нас к большему научению. Особенно важно для нас научиться рассуждению. Оно выше всех даров и приобретается не сразу. Господи, прости, мы совершенно безрассудны, когда удовлетворяем самым низменным своим потребностям. Господи, прости, что плотское начало довлеет в нас над душевным и духовным.

Разница между душевными людьми и духовными громадна. Ибо, как говорит апостол: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием» (1Кор. 2, 14). Он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию, но духовного рассуждения не имеет.

Господи, и мы не умеем подмечать разницу между людьми душевными и духовными, мы не принимаем того, что от Духа Божия. Прости нас, Господи.

Здесь я напомнил батюшке слова апостола: «Слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам

сила Божия есть» (1Кор. 1, 18).

– Да, для них юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. И заметьте, сказано: «спасаемым», а не «спасенным», и «погибающим», а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано «погибающим», ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Господи, мы еще не научились «слово крестное» воспринимать как «силу Божию». Прости нас, погибающих.

– Каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти семидесятилетний старик, и вот, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям. Отмолили.

Господи, мы не научены замечать, как чудо милосердия Божия совершается над нами грешными и у нас хватает сил нести свое жизненное послушание. Прости нас, Господи, за очерствение нашей души. И еще мы не умеем просить и надеяться на молитвы наших доброжелателей. Прости нас, Господи.

Догорает теперь старчество. Везде уж нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его сети. Везде он старался его погасить и погасил! Есть монахи исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна форма монашеского жития, одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы?

Господи, мы мало знаем о старчестве, об откровении помыслов, молитву Иисусову редко творим. Прости нас за это опущение здравого порядка жизни.

При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина II прямо закрывала монастыри, старцы и ученики бежали кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, Паисий Величковский, бежал на Афон... Ученики

его насадили опять старчество у нас и в других обителях после того, как позволено было им снова возвратиться в Россию. И старчество процветало, а теперь везде угасло, забыто.

Господи, у нас нет живых «ниточек» связи со старчеством. Поэтому мы испытываем духовное оскудение в своей жизни. Прости нас, Господи, за это.

Враг начинает с невинных вещей, увлекает в грехи. Подымет головную боль да скажет, что надо пойти пройтись, голова и пройдет, ибо душа наша может слышать голоса бесов. Пойдет из келлии по Скиту, подойдет к воротам: «Почему не выйти?» Выйдет. Смотрит: лужайка, скамейка. «Почему не посидеть, здесь очень хорошо!» Сядет, понравится ему здесь. И на следующий день выйдет, и каждый день начнет ходить. Выходит, садится там однажды, и вдруг подходит девочка, начинает заговаривать с ним, он отвечает, познакомились. Вот и идет к себе в келию и думает: «Что же это я делаю?» Опомнился. Идет к старцу и кается. Старец говорит: «Да, это нехорошо, больше не ходи туда, если встретишь где-либо, не кланяйся». Тот слушается старца, и весь злой план дьявола рушится.

А план был таков, чтобы свести их вместе, чтобы она забеременела и родила, принудила его выходить из монастыря и жениться. А там в миру завертит его совсем, враг заведет у его жены любовников, он будет ревновать. Наконец застанет жену с любовником и сгоряча убьет его и себя. Вот и пропали, погибли бы три души. А старец все разрушил. Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

– Да, батюшка, – говорю я, – когда хочу только записать то, что Вам сказать, мне уже становится, легче, я это замечал.

– Да, вы только пишите, а он уже бежит!..

Господи, камертоном, которым определяется уровень христианского жития, является монашество. Только равняясь на него, мы обретаем тот прямой путь, который ведет нас к спасению. А камертоном для монахов является старческое руководство, молитва Иисусова и откровение помыслов. Господи, прости нас: мы мало знаем о старчестве, об

откровении помыслов, о творении молитвы Иисусовой. Господи, прости нас, что невинными вещами враг увлекает нас в грехи, заставляет утаивать помыслы, гасит желание иметь старческое руководство. Господи, помоги хотя бы не забывать о необходимости старческого руководства и пробуди в нас желание равняться в своей жизни на правильное монашеское житие и подвиг.

Враг всегда особенно нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Например, увлекаая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо он этим может разрушить свою работу: пожалуй, человек станет скупиться и для угождения чреву. Или, увлекаая в сети сребролюбия, он не станет еще напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал: с тех пор, как я сказал батюшке про свои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не беспокоят; и я помню, батюшка сказал, что они меня оставят, даст Бог. И действительно, оставили, – другие всякие приходят в голову, а этих нет по батюшкиным молитвам.

Господи, мы должны всегда помнить, что метод врага состоит в том, чтобы нападать только с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Мы об этом не задумываемся и уступаем этому напору врага. Прости нас, Господи. И еще мы не находим в себе сил для открытия помыслов своему духовнику и тем увлекаемся в грехи. Прости нас, Господи, за нашу неоткровенную жизнь.

Вчера вечером я окончил читать Псалтирь в 8 часов и пошел к батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с ним. Когда я вошел, батюшка сказал мне сесть на стул под часами и побезмолвствовать, а сам ушел. Через некоторое время, довольно скоро, батюшка пришел и начал занавешивать окна. В окна прямо из-за деревьев светила луна. Уже подряд три-четыре ночи были такие же красивые, как я описывал раньше. Батюшка указал мне на это:

– Видите, какая красота?

– Да, батюшка, а вот когда теперь я иду к себе в келию после Псалтири, мне все это нравится: и луна, и снег, а когда приду к себе в келию, мне там еще лучше.

– Конечно, в келии лучше.

И прибавил: «А на душе еще лучше!»

Господи, чтение Псалтири помогает и в природе, и дома замечать необыкновенную красоту. Мы редко читаем Псалтирь и потому не умеем радоваться проявлениям Божией милости через красоту природы. Прости нас, Господи.

Потом батюшка начал рассказывать про одного нашего монастырского монаха отца Феодула.

– Живет на кухне монах, совсем простой, может быть, даже неграмотный. Никто о нем ничего не знает. Даже отец архимандрит не знал, чего он достиг душой. Ну а мне, как духовному отцу, известно все. Он постоянно молчал и произносил Иисусову молитву. Все видели, что четки постоянно при нем и всегда в движении, но никто не предполагал, что делается у него внутри. Устную молитву он до того усвоил, что начинал подходить уже к внутренней. Редко мне приходилось с ним беседовать, но когда случалось, это доставляло великое наслаждение. Заболел он и лег в больницу, а я, когда на первой седмице исповедовал братию монастырскую в больнице, зашел к нему, поговорил. Спрашиваю, не хочет ли он чего.

– Нет, батюшка, ничего.

Потом я его опять спросил, не хочет ли он чего.

– Ничего... да вот разве, батюшка, кисленького чего-нибудь

– Хорошо, – говорю я.

На следующий день принес ему два яблока да два апельсина. И как рад был он! Как мало нужно для монаха! Не то что в миру: там дадут миллион – мало, давай другой. Все хотят забрать. А здесь такой пустяк и столько доставляет радости.

Потом я его как-то спросил:

– Как тебе?

– Да скучно здесь, батюшка, жить!

– Да где же весело? – спрашиваю я.

– Вон там, – указывая на небо, сказал он.

– Да, там весело, если только примут. А ты готов?

– Да то-то и дело, что не готов. Я грешник, хуже всех.

На следующий день прихожу и спрашиваю:

– Не надо ли тебе чего?

– Нет, батюшка, ничего. Единого желаю: разрешиться и со Христом быть (ср. Флп. 1, 23). Помолитесь о мне, батюшка. Далекий, неизвестный путь предлежит мне – благословите, батюшка, идти.

– Бог благословит, иди. Когда будешь предстоять Престолу Господню, помяни меня, своего духовного отца.

– Хорошо, помяну, еще буду.

– Ну уж, конечно, если будешь...

Сегодня прибегает послушник и говорит, что отец Феодул скончался. И верую, что пошел в райские селения. Вот как здесь умирают, и как в миру: предавшись сатане, с раздробленным черепом, с проклятием на устах идут они на дно адово. И вот на Страшном Суде узнается, кто был разумнее – профессора, ученые, художники или такие простецы, как отец Феодул.

Пример жизни монаха отца Феодула показывает нам какая польза бывает от прохождения Иисусовой молитвы каждым из нас. Он усвоил устную молитву до того, что начал подходить к внутренней, и напоследок дней единственным его желанием было разрешиться и со Христом быть. Это пример как умирают в монастыре. Господи, мы далеки от подобного устроения, прости нас и помоги прийти в разум истины, чтобы на Страшном Суде дать разумный ответ о прожитой жизни.

Потом батюшка посадил меня вместе с собой на диван и сказал:

– Основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись.

Когда батюшка говорил мне про смирение, он рассказал следующее:

– В древности одна женщина, еще молодая, как-то попала на необитаемый остров – во время ли кораблекрушения, или еще как, но только она там провела одна, никого не видя, лет сорок. Конечно, одно утешение в молитве – и она начала подвизаться в посте, бдении и молитве, налагала на себя

разные подвиги. Потом как-то к острову пристал корабль, и ее взяли с собой. Когда ее привезли, она для проверки своих подвигов отправилась к одному великому подвижнику и говорит: «Пробыла сорок лет одна, и так, и так подвизалась, – скажи, отче, много ли преуспела и приобрела?» – Старец же ее спрашивает: «А, что, принимаешь ли ты хуления, яко благословение?» – «Нет, отче». – «Иди, ничего же не имаши!»

Вот видите, чем испытывается преспеяние. Поэтому я говорю: есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже, говорят некоторые, спастись одним смирением без всяких трудов.

Господи, основание монашеской жизни – смирение. Им можно спастись даже без всяких дел. Глядя на монахов, мы видим, что не спасаемся смирением, у нас его просто нет. Господи, прости нас.

Одно время, когда я был болен, и думал, что уже не встану. Но за меня стали молиться, и мне дана отсрочка. Есть одна блаженная, она видела сон: как будто она подходит к скиту и видит, что меня через святые ворота выводят из скита какие-то жена и муж. «Я, – говорит, – их спрашиваю:

– Куда же вы выводите батюшку?

– В монастырь.

– Зачем же вы его в монастырь? Ведь в монастырь из скита только когда кто умрет выносят, а батюшка в скиту нужен. Оставьте его.

– Никак нельзя.

Тогда я начинаю со слезами просить:

– Да оставьте его, пожалуйста... – Тогда муж тот, и жена стали советоваться и решили, что можно оставить, и увели опять в святые ворота в скит».

Это она рассказала Нилусу, а он мне. Ему она рассказала, когда я еще был здоровехонек, за некоторое время до болезни, и говорила, что из этого она заключает, что со мной должно что-нибудь случиться.

Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в свое сердце, и не тесно там, но что поделаешь? Не хотят некоторые, сами не идут. Да я их и не виню, все это дело

дьявола, они не виноваты. Были на меня гонения, да Господу вот как угодно было сделать...

По молитвам других даже в смерти может быть дана отсрочка. А мы живем бестолково, и своим служением Богу не располагаем других молиться о нас. Прости нас, Господи, и помоги быть нужным для научения спасению своих ближних.

5. Исполнение любого дела за послушание

Что Вы теперь читаете?

– Да вот, батюшка, кончил авву Дорофея, благословите начать Петра Дамаскина.

– Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные, таинственные места. Там увидите, как святые начинают познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимого механизма вещей, а смысл их они понимают. Подобно тому, как мы пользуемся часами, и нам никакого дела нет до устройства механизма и химического состава их. Или еще, мы едим яблоко, ощущаем приятный вкус и не заботимся о том, какой его химический состав. Да, святые действительно начинают познавать смысл видимой природы. Вы понимаете меня?

– Да, батюшка. Я понимаю так, как говорится в псалме: «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6).

– Да, да. Конечно, не само творение хвалит Бога: как, например, снег будет хвалить Его? Но он сам собою доказывает славу и премудрость Создавшего его. Также огонь, ветер, град не сами хвалят Бога, а только показывают собою славу, силу и премудрость Господа. А сознательно прославляющим Бога является уже человек, который, познавая творение, прославляет Творца. В этом смысле и сказано: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

– А вот некоторые поэты говорили подобное, например Лермонтов: «Когда волнуется желтеющая нива...».

– Да, это стихотворение вы хорошо напомнили мне... да... В таком же смысле вообще всякое творение говорит. Что, например, птицы имеют свой язык, это даже признают некоторые ученые. Поет соловей – конечно, славит Бога.

Господи, читая духовные книги, мы должны видеть, как святые начинали познавать смысл видимой природы и вникать в то, как «всякое дыхание да хвалит Господа». Господи, прости нас, что, познавая Твое творение, мы не готовы бываем прославлять Тебя, Господа Бога нашего и Творца. Замалчиваем славу Твою. Прости нас.

Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно для них есть ярмо, мешающее жить вольно, свободно творить грех. Еще Гете один раз выразился про христианство так: «Только две вещи ненавижу я: клопов и христианство!» Смотрите, какая насмешка, какое кощунство. Когда он умирал, то закричал: «Света больше! Света!» Страшные слова. Значит, на него уже надвигалась адская тьма. Вот так и теперь ненавидят христианство и по смерти идут на дно адово. А здесь, в тиши, спасаются, как, например, отец Феодул.

Про него с самого начала батюшка сказал:

– У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что «Лице Его бе грядущего в Иерусалим» (Лк.9, 53), такое восковое. Он уже и не думал ни о чем мирском, – потерял всякое пристрастие к миру. Такое выражение лица я замечал еще у художников. Например, на одном вечере Майков и Полонский читали свои произведения, и у Майкова оно чуть было заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления. Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам...

Господи, и нам приходится видеть, как люди ненавидят христианство, понимая, что оно мешает им вольно жить, свободно творить грех. Такие люди по смерти пойдут на дно адово. Господи, прости нас, что, пересекаясь с такими людьми, мы соблазняемся свободно творить грех. И творим его. Прости, что нет у нас в лице евангельского признака «иметь лицо человека, грядущего в Иерусалим» и мы внутренне его в себе не созидаем.

На мой рассказ о дьявольском наваждении батюшка сказа:

– Вот и увидели большее. И чем более будете стараться жить по-монашески, тем более будете испытывать.

Я припоминаю, что во время сего наваждения, когда мне стало страшно, я порывисто начал творить Иисусову молитву, и на первом же слове, лишь я произнес: «Господи», – сразу все прекратилось, хотя, может быть, и на время, я теперь уже не помню. Когда я сказал и об этом, батюшка прибавил:

– Да, и познали силу молитвы.

Господи, во время диавольских наваждений нам сразу же следует творить Иисусову молитву, не забывать о ней, ибо ею прекращается всякое наваждение бесовское. Мы же так не делаем. Господи, прости нас и помоги нам стать людьми, познающими силу молитвы.

Кстати, запишу еще кое-что из наставлений, бывших на исповеди.

– Когда у вас бывают какие-либо мечтания, то вы сами им не противоречьте и не отгоняйте, а просто возьмите да «Камнем» их, а «Камень» есть Имя Христово, Иисусова молитва. Не гордитесь, не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Сказано: не трубите перед собой и перед другими (ср. Мф. 6, 2), а считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям, что вы их достойны и что избавиться от них можете только по милости Божией. Хотя это нелегко, и только святые достигают того, что считают себя достойными адских мучений, и худшими всех считают самих себя.

Господи, при мечтаниях мы не умеем ни противоречить им, ни отгонять их, а просто метнуть в них «Камень», а «Камень» есть Имя Христово, Иисусова молитва. Господи, прости нас, что не утруждаем себя метанием «Камня». Господи, прости нас: мы гордимся, тщеславимся и сами в себе и перед другими, не считаем себя хуже всех и не свыкаемся с мыслью, что мы приговорены к адским мучениям, что мы достойны их и избавиться от них мы можем только по милости Твоей. Прости нас, ибо не считаем себя достойными адских мучений и худшими всех.

Сегодня праздник иконы Божией Матери «Споручница грешных», и у меня в келье праздник, так как батюшка благословил меня иконой Божией Матери как раз «Споручница грешных».

Господи, прости нас: мы не умеем чувствовать в своем доме праздник, когда видим иконы Божией Матери и святых, которым в этот день в храме воздается честь и совершается богослужение.

Еще припомнил, что батюшка говорил о совершенствовании человек и духов.

– Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь, на земле, но главным образом в будущей жизни. На небе все бесплотные духи все время совершенствуются, низшие подражая высшим. Самые высшие духи – это Серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, и они подражают Богу, насколько им возможно. А Серафимам уже подражают Херувимы и так далее и, наконец, человек подражает Ангелам. Итак, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога. Но полностью ни познать, ни увидеть Его никогда не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть Существо беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограничены.

Господи, для нас еще далека мысль о познании Тебя по мере того, как будем совершенствоваться еще здесь, на земле, Но, главным образом, в будущей жизни. Прости нас за это стояние «издалека» и неготовность совершенствоваться, подражая Ангелам.

Была одна попытка, не только сравняться с Богом, но даже стать выше Его, и окончилась она тем, что этот Серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И потому так и ненавидит гордость, что это есть диавольская, сатанинская черта.

Господи, научи нас кротости и смирению, и дай нам способность ненавидеть гордость, ибо это есть диавольская черта. Господи, прости нас, что через гордость и дерзость мы приобретаем различные отрицательные качества.

Если Господь захочет вам, например, возвестить что-либо, то Он Свою волю возвещает Серафимам, а они Херувимам и так далее, и уже Ангел-хранитель скажет вам, чтобы выехали в Оптину и остались там. Но на то, конечно, была воля Божия.

Господи, воля Твоя возвещается нам через Серафимов, Херувимов и так далее, а нам уже возвещает ее Ангел-хранитель. Вот почему нам надо молиться Небесным Силам, ибо через них мы познаем волю Божию о нас. Прости, Господи, за то, что не осознаем участие бесплотных сил в нашей жизни и не призываем их помогать нам в христианской жизни.

– Да, – отвечаю я, – у меня спросил один монах: «Как у вас началось желание поступить в монастырь»? А я и не знаю как. Помню, что чаще стал ходить в церковь, читать Евангелие, и подобное сему. А как именно явилось это желание – совершенно не могу сказать.

– Да, в вас было всеяно семя, а как семя растет в земле, никто не знает и не может сказать...

Еще припоминаю, как батюшка говорил, что человек должен исполнять заповедь: «Будите святы, якоже Аз свят есмь» (Лев. 11, 45).

Господи, и в нас всеяно семя христианской жизни, и как семя растет в земле, никто не знает и не может сказать. Прости нас, Господи, мы мало об этом размышляем и не благодарим Тебя за него.

Начал читать Петра Дамаскина. Мне нравится эта книга. Это серьезная и глубокая книга, и читать ее быстро я не могу. Я сказал об этом батюшке, и он подтвердил мои слова:

– Эта книга глубже аввы Дорофея. Еще бы, авва Дорофей – это азбука монашеской жизни, хотя, читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию. Она имеет берег, и от берега можно ходить сначала по колено, потом глубже и глубже. Иной – сразу в глубину.

Господи, мы с неохотой читаем книги аввы Дорофея, Петра Дамаскина. Читая их, можно открывать для себя все новое и новое. Господи, прости нас, что не видим в них берега и не ходим от берега сначала по колено, потом глубже и глубже.

– Есть маленький секрет, чтобы легко вставать к утрени и не просыпать: не осуждать тех, кто просыпает и опаздывает. Если не будете осуждать других, и вам будет, легко... К обедне надо вставать за час до начала. Я думаю, вам полчаса достаточно,

чтобы умыться, одеться и прочесть утренние молитвы, а как зазвонят – начинайте читать синодики.

Господи, мы не знали до сих пор маленького секрета, чтобы легко вставать к утрени и не просыпать: не осуждать тех, кто просыпает и опаздывает. Прости нас, Господи, за то, что осуждаем других и сами опаздываем к утрени.

На мой вопрос о страхе, который находит на меня иногда в темноте, батюшка сказал, что это, конечно, вражье:

– Отгоняйте страх псаломским словом, как учили старцы: «От страха вражия изми душу мою...» (Пс. 63, 2).

Господи, когда находит на нас в темноте страх, то надо знать, что это – вражье и отгонять его псаломским словом: «От страха вражия изми душу мою...» (Пс. 63, 2). Господи, прости, что именно так мы забываем делать.

Книги читайте, но не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит ум ваш. Мне так сказал батюшка отец Анатолий. На мой вопрос: «Почему так?» – Отвечал: «Запутаешься!» Вот так и я говорю вам.

Господи, по слову старца при чтении книг не следует входить в тонкости и вдаваться в анализ. Надо только молиться Богу, да просветит ум наш. Иначе можем запутаться. Господи, прости, что не поступаем по этому совету преподобного.

Если приходится пропустить что-либо из правила, то на следующий день не исполняйте пропущенное, но мне (духовнику) надо сказать, ибо впадете в неоплатные долги. А пропустили, так пропустили, делать нечего.

Случается и нам пропустить что-либо из правила, и кажется нам, что на следующий день надо нам исполнить пропущенное. Но делать этого не следует. Прости нас, Господи, что от неразумной ревности, мы это делаем.

Веруйте, что на пользу, будет вам то, что исполняете за послушание. По вере вашей и я говорю вам то, что для вас потребно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется, вспоминаю прочитанное и слышанное и говорю на пользу по вере вопрошающих. А бывает так, что приходят просто из любопытства, или, когда не имеют цели для

пользы душевной, – и тогда я положительно ничего не могу сказать, говорю: «Молись!», – и более ничего.

Господи, мы верим, что на пользу пойдет нам то, что будем исполнять за послушание. Господи, прости нас, что иногда из любопытства вопрошаем духовно опытных людей, а иногда не имеем цели получить от них пользу духовную.

– Великое дело – архипастырское благословение, – сказал батюшка. Сам епископ может быть и грешным, как все люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу, как диавол не восставал против вашего поступления в монастырь, какие бы препятствия не строил, чтобы опять столкнуть вас в то вонючее болото, все одолели его святые молитвы...

В Москве как-то раз пришли мы вместе или я один, точно не помню, к Владыке. Он всегда принимал нас очень хорошо, так же и на этот раз. Мы переговорили, о чем было нужно, и вдруг Владыка говорит.

– Эти дни я все что-то вспоминал вас, и, признаться, даже молился за вас. С вами ничего не случилось особенного?

Теперь я хорошо не помню, только я ответил, что, кажется, ничего. А все может быть, что-нибудь и было... только мы были ограждены святительскими молитвами и ничего особенного не почувствовали.

Господи, мы не всегда придаем архипастырскому слову великое значение и от молитв его не воспринимаем великую силу. Господи, прости нас за это.

6. Душеспасительный подвиг проверять себя и бороться за каждый жизненный шаг

Книгу святого Игнатия Брянчанинова, том третий, я уже давно окончил. Как-то я сказал батюшке, что, несмотря на то, что вообще мне книга понравилась, есть в ней некоторые места, в которых я чувствовал некоторое сомнение, например мытарства, или еще престол на небе, чины ангелов, рай и тому подобное.

– Все это надо духовно понимать, – отвечал батюшка, – это только намек на самую действительность. А некоторые, не понимая, что здесь все сказано в вышнем, духовном смысле соблазняются. Например, на небе пред престолом Бога – завеса, которая раздвинулась, когда подошла к ней блаженная Феодора... Конечно, это надо понимать в другом смысле. Подобно тому, как говорят, что у евреев было на глазах покрывало. Ведь это не значит, что действительно над всеми евреями было некое вещественное покрывало. Или еще: говорится про Серафимов, что они закрывают лица крыльями. Какие же могут быть у них крылья? Это значит, что они не могут видеть всей славы Божией.

Господи, мы еще не научились многие вещи из духовной жизни понимать духовно, мы не видим в них только намек на самую действительность. Прости нас.

– Батюшка, Вы не раз говорили мне, чтобы я держался за пятисотницу. Что это значит?

– Держаться – значит аккуратно и исправно исполнять ее в положенное время. Вот и отец Амвросий так говорил одному из своих учеников – схимонаху Мельхиседеку, который об этом передавал мне сам: «Держись за пятисотницу, как за спасительное вервие, не заблудишься». Почему так? Очевидно, потому, что в ней есть особая сила. Отец Амвросий не открыл нам, какая это сила и в чем она заключается, но можем думать, что в произношении имени Иисуса Христа. Многие думают, что сила в том, что пятисотница ведет свое начало от древних отцов Египта и Палестины...

Господи, мы не умеем держаться за пятисотницу, у нас нет должного навыка аккуратно и исправно исполнять её в положенное время. Прости нас, Господи, что не видим в ней особую силу, которая помогает не заблудиться. Эта сила скрыта в произношении имени Иисуса Христа. Господи, прости, что не видим в имени Иисуса Христа спасающей нас силы Божией.

– А вот, батюшка, когда справляю пятисотницу, всякая глупость в голову лезет, так мысль и скользит по всему, что придет в голову.

– Когда читают всякие другие молитвы, все еще ничего; когда же начинают справлять пятисотницу, сразу нападают помыслы. Враг сразу ополчается. Из этого мы познаем, что пятисотница имеет великую силу, если она столько ненавистна врагу...

Господи, когда мы будем справлять пятисотницу, то испытаем и мы, как всякая глупость лезет в голову, а мысль скользит по всему, что в голову придет. Это враг сразу же ополчается, атакуя нас помыслами. Не выдерживая этих атак, мы теряем великую силу, которую имеет пятисотница. Господи, прости, что не выдерживаем атаки помыслов и не побеждаем их вниманием в молитве и усердием.

– Батюшка, авва Дорофей, преподобный Петр Дамаскин, епископ Игнатий Брянчанинов – все говорят, что необходимо внимать себе, проверять свою жизнь за день вечером, а за ночь – утром. Благословите Вы мне также проверять себя.

Господи, мы не испрашиваем благословения и не внимаем себе, не проверяем за день прожитый вечером, а за ночь утром. Прости нас, что не желаем проверять себя.

– Бог благословит! Проверяйте себя и кайтесь в согрешениях своих. Конечно, утром припоминать можно только грубые отступления, – например, проспал и опоздал к утрени, осудил за утрени кого-либо, вольно держал себя и тому подобное, ибо ночь проходит у нас во сне, а у древних отцов она проходила в бдении. Епископ Игнатий говорит: «То, что святые отцы древних времен относят к новоначальным, может теперь относиться только к значительно преуспевшим инокам».

Действительно! И вы, должно быть, согласитесь, что теперешнее монашество мало и походит на прежнее.

Проверка своей жизни приводит к познанию своих грехов, познание своих грехов приводит к познанию своей немощи и покаянию, а это приводит, в конце концов, к мысли о Боге и смерти. Поэтому достаточно будет, если мы будем вспоминать свои согрешения, проверять свою жизнь и каяться в своих согрешениях, бывших за день и за ночь: «Прости мне, Господи, что я оскорбил брата или сделал то-то и то-то».

Господи, прости нас, что не выработана у нас программа познания самих себя и мы ежедневно к ней не прибегаем.

Отогнать помыслы не в вашей силе, а не принять – в вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно помыслу попускается беспокоить вас, надо терпеть помысл, не соглашаясь с ним.

Господи, прости нас, что мы не умеем терпеть помысл, когда ему попускается беспокоить нас, не соглашаясь с ним. Мы именем Твоим, Иисусе, не отгоняем его. Прости нас.

– Батюшка, если пропустишь проверку себя утром или вечером? И если проверяешь себя, то вам все говорить, что было, или нет?

– Пропустил, так пропустил, что делать. Не сразу можно привыкнуть. Цель такой проверки себя – получить навык в этом. Сначала будете пропускать, может быть, по три дня, потом эти пробелы будут все меньше и меньше, и через десять лет вы уже приобретете этот навык – всегда проверять себя. А после проверки говорить мне не надо. Только самое важное, только грубые отступления.

– Например, проспал?

– Да, это важно.

– Или еще пустословие? И самому неприятно, что пустословишь.

– Да, это очень важно. Это в вас начатки внимательной жизни. Когда кто пустословит, тогда он не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия – молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная

жизнь – цель монашеской жизни. Сказано: «Внемли себе». Молчание, без которого нельзя жить, есть подвиг. Ибо когда кто молчит, то враг тотчас говорит другим: «Смотри, какой он гордец, даже говорить с тобой не хочет». А это вовсе не так. Отсюда скорби. Поэтому, если кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и нелегко дается.

Господи, цель проверки себя – получить навык в этом. Замечать за собой, что мы проспали, пустословили и другое – это очень важно. Это начатки внимательной жизни. Господи, прости нас: мы никак не приучим себя к самопроверке. Когда мы пустословим, то не можем внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия – молитва. Внимание себе, внимательная жизнь – цель монашеской и вообще христианской жизни. Сказано: «Внимай себе». Молчание, без которого нельзя жить, есть подвиг. Господи, прости нас, что этот подвиг мы обходим стороной, не готовимся к скорбям.

Оно так высоко и необходимо, потому что «молчание есть тайна будущего века». Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни. Батюшка отец Макарий это часто говорил: «Посмотрите, все святые молчали: преподобный Серафим Саровский молчал, Арсений Великий молчал, да потому он и Великий, что молчал». Когда преподобного Арсения спрашивали, почему он все время молчит, он отвечал: «Поверьте, братья, что я вас всех люблю, да не могу быть и с вами, и с Богом, поэтому я и убегаю от вас». И Иоанн Лествичник говорит: «Когда я говорил даже о душеполезном, я часто раскаивался, а в том, что молчал, – никогда».

Господи, если «молчание есть тайна будущего века», то мы ее сторонимся и не готовимся к жизни будущего века. Господи, прости нас за небрежение в подготовке к жизни будущей, мы не любим молчание, потому что хотим быть и с людьми, и с Богом; мы не умеем подражать святым, которые любили молчание. Прости нас.

Отец Макарий говорил: «Был великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой

дорогой. Это – епископ Игнатий Брянчанинов. Это был великий ум!»

Еще в прошлую беседу про Игнатия Брянчанинова батюшка сказал:

– Вы не знаете, что было, когда хоронили епископа Игнатия?

– Нет, батюшка.

– Ангелы дорносили его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие». Вот была ангельская песнь...

Я помню, еще до Пасхи батюшка сказал мне:

– Есть еще один скит вроде нашего – на Белом море, за Соловками. Были бы и еще, только старчества нет в них... А у нас здесь благодать. Вот в монастыре все завалены послушаниями, а сюда к нам не хотят, не могут жить в Скиту. То, что для нас самое приятное – сидеть в своей келии, того они не хотят...

Да, поистине, хорошо у нас в Скиту. Начинаю, кажется, понимать батюшкины слова: «Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты оторвал нас от мира и привел сюда?!»

Господи, напоминанием о великих людях каким был епископ Игнатий Брянчанинов, Ты отрываешь нас от мира и делаешь сотаинниками жизни и кончины великого святителя. А у нас почему-то нет чувства благодарности за этот отрыв от мира и углубление в жизнь святой Церкви. Прости нас, Господи.

Вчера батюшка говорил нам про утреню.

– Утренняя у нас в Скиту имеет громадную важность. На ней держится вся скитская жизнь, но она также представляет немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, это одно из самых трудных положений скитской жизни. Поэтому не надо давать себе поблажки с начала.

«Смотрите, не просыпайте утреню, – говорил отец Анатолий, – это очень опасно. Бывали случаи, что многие от этого уходили и пропадали». Сразу надо браться за это дело, с самого начала.

Господи, наше участие на утрене для нас проблематично, ибо много в ней нам непонятно, а вникать в ее смысл мы не

научены. Вот и хочется опоздать. Господи, прости нас за небрежное отношение к утрени.

Вчера я каялся батюшке, что не исполнил правила вследствие усталости.

– Бог простит, – сказал батюшка, – но все-таки нужно укорять себя. Так учили наши великие старцы. При самоукорении это даже приносит пользу. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть невидимое восхождение. Подобно тому, как человек не замечает, как он растет, как из маленького становится взрослым, так и духовный рост человека идет совершенно незаметно для него. Этот невидимый духовный рост человека и есть самоукорение.

Господи, случается и нам оставлять молитвенное правило по усталости, но мы не укоряем себя за это. А самоукорение приносит нам духовную пользу и есть невидимое восхождение. Господи, прости нас: мы редко пользуемся самоукорением.

– Когда я творю Иисусову молитву или справляю пятисотницу, я бываю очень рассеян, мысль так и перескакивает от одного к другому, она везде побывает, только не в словах молитвы.

– А все-таки уста освящаются именем Господа Иисуса Христа, – сказал батюшка.

Господи, случается и нам во время произнесения молитвы Иисусовой замечать за собой рассеяние мыслей, которые перескакивают с одного предмета к другому. Господи, прости, что мысль в это время отсутствует в словах молитвы. И расстраиваясь по этому поводу, мы не напоминаем себе, что уста наши освящаются именем Иисуса Христа. Прости нас, что мысль об этом освящении выпадает из нашего сознания.

Вчера на благословении батюшка сказал мне:

– Дьявол вам не даст сделать ни одного шага, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при постройке храма? – В одной руке – заступ, а в другой – меч? Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, мы должны исполнять Евангельские заповеди, а с другой – отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

– Батюшка, а как я должен отбиваться, какой это меч?

– У нас один меч – это молитва Иисусова. Сказано: «Бей этим мечом, невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле». Если вдуматься в эти слова внимательно, страшно подумать, ибо нет более сильного оружия даже на небе. «О имени Иисусове всяко колени поклонится небесных и земных, и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос...» (ср. Флп. 2, 10). Какие страшные времена придут...

Да, молитва Иисусова – вот оружие, а я, окаянный, совершенно забываю про нее. Да, не так скоро дается все истинно духовное, Божие, как я думал.

Господи, мы забываем, что за каждый шаг нам надо бороться, ибо диавол не будет давать нам его сделать. Господи, прости нас, что забываем о долге исполнять заповеди Божии и отбиваться от врага мечом молитвы Иисусовой. Господи, прости нас за нашу забывчивость. И еще забываем о молитве Иисусовой, как об оружии на диавола. Дай нам, Господи, память, что всё истинно духовное дается не скоро и не легко.

Вечером на благословении я сказал батюшке, что прочел одну статью о молитве Иисусовой епископа Игнатия Брянчанинова.

– Я не знаю, как я жил бы без познаний, которые я там почерпнул. Батюшка, не благословите ли вы по времени и все его сочинения прочесть?

– Да, по времени. Да у него все на одном и том же – на молитве Иисусовой. Какая ширина! Теперь вы видите это. А прежде, может быть, видели вы в монастыре, как и большинство мирских, одну редьку, квас и глубочайшее невежество. Да и понятно: «Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь» (ср. Пс. 33, 9). Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое блаженство.

Ангелы могут петь. В житии святого Спиридона Тримифунтского или святого Тихона Амафунтского, не помню, говорится, что он один во всей церкви служил. Делает возглас, а ему отвечает хор чудный... То же самое было с одним священником. Тогда в церкви, кроме него, был один поляк,

который после этого принял Православие, как я вам об этом, помните, рассказывал.

Господи, мы очень мало знаем о молитве Иисусовой, а, тем более, иметь возможность вкусить от плодов её. Прости нас, Господи, за малую любознательность в отношении совершения молитвы Иисусовой.

7. Прикосновение к «ризе Божества» через самоукорение

Пришел вечером к батюшке на благословение. Не успел еще и слова сказать, как батюшка сам начал говорить:

– Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. «Боже, милостив буди мне, грешнику!» (ср. [Лк. 18, 13](#)) – вот эта молитва прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите, мытарь хоть и сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: «Я пришел спасти не праведных, а грешных» (ср. [Мф. 9, 13](#)). Кто здесь разумеется под праведными? Люди, не сознающие своей греховности и все-таки грешные. Но также это сказано про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят перед Богом, мы себе даже представить не можем. Мы не можем понять, с какой ненавистью относятся они к Богу. Но «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» ([Иак. 4, 6](#)). Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или завистливым, или еще каким-либо, а сказано, что именно гордым? Потому, что бесовское это свойство. Гордый становится как бы уже сродни бесу.

Господи, мы не бережем в себе чувство своей греховности и не возгреваем в себе надежду на Твою, Боже, милость. Прости нас. Мы также не осознаем той гордыни, с которой бесы предстоят пред Тобою, Боже, с какой ненавистью они относятся к Тебе. Господи, прости нас за гордость, через которую мы становимся как бы сродни бесу.

Один человек говорит:

– Читаю я Псалтирь, но ничего не понимаю. Может быть, мне гораздо лучше положить эту книгу на полку?

А старец отвечает:

– Нет, не надо.

– Почему же? Ведь я ничего не понимаю.

– Зато бесы понимают. Они понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут. Следовательно, чтением

Псалтири мы прогоняем от себя бесов...

Господи, часто и нас смущает помысл: нужно ли читать Псалтирь, если мы в ней многого не понимаем? – Мы, может быть, и не понимаем, но бесы понимают и бегут. Господи, прости нас, что внимаем этому помыслу и оставляем чтение Псалтири.

Еще батюшка рассказал про одну девицу, приехавшую сюда с сестрой и матерью, что она одержима бесовской силой и повредила умом, хотя её ум, сознание, иногда возвращаются, как, например, тогда, когда она была у батюшки и очень просила его, чтобы он спас ее. Батюшка говорит: «Я спасти не могу, спасает один Бог». – «Но через вас же, батюшка», – сказала она.

– Видите, – сказал мне батюшка, – начинает рассуждать, а в гостинице мать свою бранит всякими скверными словами. Такого там шуму наделала! Ругается, кричит, стекла в окнах побила. Какая бесовская сила движет ею!

Господи, одержимость бесовской силой может приводить людей к повреждению ума. Нам надо помнить об этом и, при случае, снисходительно относиться к таким людям, понимая, что это не они, а бесовская сила двигает ими. Прости нас, Господи, что мы забываем о бесовской силе, мешающей нашему спасению.

Сегодня память старца отца иеросхимонаха Макария – день его кончины. Батюшка сказал, что в письмах отца Макария разъясняется, как нужно читать и понимать в настоящее время святоотеческие древние писания. И батюшка благословил всем прочесть или жизнеописание, «к сожалению, очень краткое; его жизнь вполне, необъятна», или какой-либо том его писем к монахам. «А то мы его совсем забыли», то есть отца Макария.

Батюшка заповедал нам обращаться молитвенно к отцу Макарию. И ничего не делать самочинно, без смирения и благословения старца, ибо ни пост, ни бдение, ни молитва не приносят пользы, если совершаются без смирения и благословения. «Постом, бдением и молитвою небесные дарования приим». Иным ничем нельзя получить их, другого

пути нет, но к этому необходимо нужно, как основание всего, смирение. А у отца Макария и было глубокое великое смирение.

Господи, мы совсем еще не «открыли» для себя жизнеописание отца Макария, а он «постом, бдением и молитвой небесные дарования приим». Господи, прости нас, мы не приобрели ещё, как основание всего, смирение.

На утрени батюшка говорил, что должно иметь любовь друг к другу и удаляться празднословия.

– Пророк Давид сказал: «Оскуде преподобный». Почему же оскудел? Потому что «умалишася истина, суетная глагола кийждо» (см. [Пс. 11, 1–3](#)), потому что не говорят о душеполезном, а повсюду празднословие, только и говорят о пустяках.

Господи, мы не имеем любви друг к другу и не удаляемся празднословия. Прости нас. И в наших устах «умалилась истина», и мы говорим не душеполезное, а предаемся пустословию и говорим о пустяках. Прости нас, Господи.

Одному иноку было видение. Стоят несколько монахов и празднословят, и видит он, что между ними и вокруг них бегают грязные кабаны. Это были бесы. Потом увидел он монахов, говорящих назидающее душу, и между ними стояли светлые Ангелы.

Господи, Ты открываешь нам через преподобного Варсонофия, что празднословие привлекает к нам бесов и они, в виде грязных кабанов, шныряют между нами, а говорящие назидающее душу привлекают к нам святых Ангелов. Господи, прости нас, что первый вариант поведения у нас в большем почете, чем второй.

Потщимся, братие, не погублять своих трудов за послушаниями празднословием, а более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: «Смирихся и спасе мя Господь». Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в одном псалме: «Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя» ([Пс. 24, 18](#)). Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда.

Господи, мы не прилагаем усердия к тому, чтобы не губить трудов послушания празднословием. Прости нас. И помоги

стяжать смирение, помня слова пророка Давида: «Смирися и спасе мя Господь». Истинное смирение никогда не бывает без труда, а мы про этот труд забываем. Прости нас, Господи.

Я по нерадению позабыл, что батюшка говорил о старцах наших и об отце Льве. Помню только следующее: отец Лев подвергся по клеветам недоброжелателей гонению (он – основатель старчества в Оптиной пустыни), и даже преосвященный Николай, увидев его, окруженного толпой народа, с упреком сказал ему: «Что же ты делаешь?» – «Пою Богу моему, дóндеже есмь!» (Пс. 103, 33), – ответил старец.

Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа. Да, батюшка отец Лев пел Богу всем строем своей жизни...

Господи, как же мы далеки от подобного строя жизни, чтобы давать подобный ответ при нападении наших недоброжелателей. Господи, прости нас и дай нам способность петь Тебе, доколе мы существуем.

Еще стоят монастыри, как какие крепости. Будучи еще мирским, я как-то пожил дней шесть в пещерном Черниговском монастыре, что за Сергиевой Лаврой: готовился, исповедовался, насколько это возможно мирянину, и приобщался. После принятия Святых Тайн мне было отрадно, легко на душе. Передо мной лежала Псалтирь в русском переводе. Я раскрываю и читаю: «Кто введет, меня в укрепленный город» (Пс. 59, 11), «во град ограждения» по-славянски. Тогда мне подумалось: да ведь это (то есть монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование, и оказалось, что это так.

Господи, «град ограждения» – это монастырь и приходской храм. Здесь мы говеем, исповедуемся, причащаемся. Господи, прости нас, что делаем это неумело, с долей небрежения, и потому не дается нам от Господа легкость на душе.

В миру большинство даже верующих людей не верят в существование бесов, а здесь – это несомненная истина. Вот какой случай рассказал мне однажды батюшка:

Отец Амвросий показал отцу Венедикту (Орлову) бесов таким образом. Накрыв его мантией, потом подвел его к окну и говорит: – Видишь?

– Да, вижу, батюшка, вижу, что идет множество арестантов, грязных, изодранных, со страшными зверскими лицами. Батюшка, откуда столько их? Идут, идут, и конца нет, и кто их пустил одних в скит? Вероятно, весь скит оцепили казаки? А арестанты эти все идут, идут, расходятся направо, налево, за церковь.

– Ну что, видишь, отец Венедикт?

– Да, батюшка, что же это?

– Это – бесы. Видишь, сколько должно приходиться на каждого из братии?

– Батюшка, да неужели?

– Ну, а теперь смотри.

Снова посмотрел отец Венедикт, и уже ничего более не увидал, все было тихо по-прежнему.

Вот видите, против скольких мы должны бороться, но, конечно, Бог попускает борьбу сообразно силам каждого...

Господи, мы не очень-то верим в существование бесов, по крайней мере, практически. И против них мы должны воевать, но этого не делаем. Прости нас.

Господь помогает мне, недостойному, вставать к утрени. Я просыпал утрени редко, по милости Божией.

Однажды, когда я каялся батюшке, что проспал лишнего, час или около этого, не помню, батюшка мне сказал:

– Это вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преподобного Серафима Саровского, и преподобного Ефрема Сирина, который составил всем известную молитву «Господи и Владыко живота моего». Смотрите, что он поставил на первом месте: «Дух праздности» – и, как следствие праздности: «уныния не даждь ми». Это – лютый бес. На вас он нападает сном, а на других уже наяву – унынием, тоской. На кого как может, так и нападает. Ведь вы не можете сказать, что находитесь в праздности?

– Да, батюшка, почти нет минуты свободной.

– Ну вот, он на вас и нападает сном. Ничего, не скорбите.

Господи, борет нас бес уныния и нападает сном, праздностью. Прости нас и помоги не скорбеть при нападении сном.

Как-то вечером на благословении, после исповедания мною моих немощей и прегрешений за истекший день, а, может быть, и за прежнее время, батюшка начал мне говорить о самоукорении.

Из батюшкиных слов я вообще заметил и понял, что нужно укорять себя за свои немощи и смиряться, всячески гнать от себя уныние, расслабление. Что бы ни случилось, унывать не надо, а сказать все старцу.

– Бог простит, – говорил батюшка. – Укоряйте себя. Укорить себя нетрудно, а некоторые и этого не хотят. Перенести укор от брата труднее, а самому укорить себя нетрудно. Хотя если мы и будем укорять себя, но не будем бороться со страстями – будем есть сколько хочется, спать сколько хочется, то такое самоукорение, как незаконное, не принесет пользы. Если же мы укоряем себя, борясь со страстями, хотя и побеждаясь немощью и впадая в согрешения невольно, то такое самоукорение законно. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрестанно идем вперед.

Нам осталось одно: смирение. Время же суровых подвигов прошло, должно быть, невозвратно.

Господи, мы не умеем укорять себя за свои немощи и смиряться, не гоним от себя уныние, расслабление. Господи, прости нас, что хоть и укоряем себя, но не боремся со страстями. Мы едим сколько хотим, спим сколько хотим. При таком образе жизни самоукорение не принесет нам пользы. Господи, прости нам такое противоречие по жизни. Открой нам тайну борьбы со страстями, которая состоит в том, что если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, то непрестанно идем вперед. Господи, прости, что не углубляемся в тайну самоукорения и не смиряемся.

Батюшка говорил о монашестве:

– Не все монашество заключается в подряснике да каше. Надел подрясник, стал есть кашу и думает: «Я теперь монах». Нет, одно внешнее не принесет никакой пользы. Правда, нужно и носить монашескую одежду, и поститься, но это не все!

Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения – светить. Пожалуй, ее кто-либо толкнет и разобьет в темноте. Чего же недостает? Огонька! Правда, необходим и фитиль, и керосин, но раз нет огня, если она не зажжена, она не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве: одна внешность не приносит пользы, необходим внутренний огонек. Отец Анатолий говорил, что «монашество есть сокровенный сердца человек».

Задумаемся и мы о монашестве, о его назначении: светить. Лампа, если не зажжена, не приносит никому пользы. Когда же зажжена, сразу же польется свет. Так и монашествующим необходим внутренний огонек. Им для иноков является «сокровенный сердца человек». Господи, прости нас, что не зажжен еще в нас этот огонек.

Вчера на благословении я каялся батюшке, что проспал раннюю обедню в монастыре. На это батюшка ответил:

- Бог простит. Укоряйте себя.
- Батюшка, как же, собственно, надо укорять себя?
- Как укорять? Очень просто. Совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а вам останется только согласиться, что плохо сделали, и смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении.

Господи, мы не умеем укорять себя: когда совесть заговорит, сразу будет обличать нас, тогда надо согласиться, что плохо сделали и смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении. Прости нас, Господи, что мы так не делаем и себя не укоряем.

- Да, батюшка, сначала станет как бы неприятно. Укоришь, обличишь себя, а через очень короткое время забудешь об этом, как будто ничего и не было.

- Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорять себя так. Наше дело – укорить себя хотя бы на очень короткое время, а остальное предоставим Богу. А ведь были святые отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение. Но нам до этого далеко. Когда мы себя укоряем, мы исполняем силы, становимся сильнее духовно. Это закон духовной жизни.

Господи, нам надо укорять себя обязательно, хотя бы на короткое время, а остальное предоставлять Богу. Когда мы укоряем себя, мы исполняем силы, становимся духовно сильнее. Это закон духовной жизни. Прости нас, Господи, что мы его не вводим в неперемный состав нашей жизни.

Как в нашей телесной жизни мы подкрепляем силы пищей, так и в духовной жизни наши духовные силы подкрепляются самоукорением. Вы только приняли пищу в желудок, а как пища переваривается в питательные соки, как ваше тело питается ими, вы не знаете. Точно так же и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению святых отцов, есть невидимое восхождение, но почему и как – мы не знаем. Это – закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее.

А что такое самоукорение? – Смирение. А что такое смирение? – Это риза Божества, по слову Лествичника. Мы касаемся этой ризы тогда, когда укоряем себя...

Господи, мы отмечаем для себя, что в духовной жизни мы должны питаться самоукорением, которое есть невидимое восхождение. Питаясь духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее. Самоукорение порождает в нас смирение, а смирение – это риза Божества. Господи, прости нас, что мы не осознаем и практически не касаемся этой ризы через самоукорение.

Я недавно узнал от батюшки, что он писал стихотворения. Одно из них, «Иисусова молитва», мне очень понравилось.

– Здесь нет ничего сочиненного, – говорил батюшка, – все это вылилось у меня из сердца. Вам, вероятно, особенно понравился конец. Это состояние – переход к внутренней молитве в сердце – нельзя передать на словах так, как оно есть на самом деле... Его поймет и может понять только тот, кто сам его испытал... Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий идущий этим путем испытывает скорби. Раз решился идти этим путем, пошел – то не ропщи: если встретятся трудности, скорби – нужно терпеть...

В стихотворении говорится: «И ты увидишь, полный изумленья, иной страны сияющую даль...» Да, именно

«полный», то есть все существо человека исполнится изумлением, увидев «иной страны сияющую даль».

Господи, состояние перехода к внутренней молитве в сердце – факт для нас неведомый. Мы его еще не испытывали. Путь молитвы Иисусовой нами еще даже не начат. Потому и ропщем много от скорбей, которые должны испытать на этом пути. Прости нас, Господи, за отсутствие готовности идти самым кратчайшим и удобным путем. И сподоби нас, хотя бы отчасти, увидеть «иной страны сияющую даль» и измениться.

8. Музыка души

Сегодня в конце литургии батюшка сказал небольшое слово-поучение. Содержание слова было о поведении инок в скиту, особенно в праздники; чтение святоотеческих книг, обучающих разуметь заповеди Христовы и тем любить Самого Христа; воздержание от хождения без крайней надобности в монастырь и по келиям: «Сиди в своей келии, и она всему тебя научит».

Господи, и наше поведение в праздники должно быть связано с чтением святоотеческих книг, обучающих нас разуметь заповеди Христовы и тем любить Самого Христа. Господи, прости нас, что мы не приучены сидеть в своей комнате (келье), чтобы она всему научила нас, особенно любви к Тебе, Христу и Богу нашему.

– Старайтесь быть всегда готовыми к смерти, ибо смерть близка и к старым, и к молодым, и к монахам, и к мирянам одинаково. Часто она приходит внезапно и неожиданно. Пусть каждый подумает, что будет с его душой.

Господи, мы не готовимся к смерти, не думаем, что она приходит часто внезапно и неожиданно. Прости нас, что не думаем, что будет с нашей душой.

– Состояние до получения внутренней молитвы хаотическое, ужасно тяжелое. Игра на скрипке, если кто умеет играть, очень приятна, но при учении игре на скрипке – убийственные звуки. Так и это состояние есть как бы настройка инструмента, начальные гаммы. Инструмент есть, рояль раскрыт, готов, перед нами ряд белых клавиш... – Игрока нет. Кто же этот игрок? Бог. Нам должно подвизаться, а Господь по обещанию Своему: «Придем к нему и обитель у него сотворим» (см. Ин. 14, 23), – придет к нам, и наш инструмент заиграет.

Про эту музыку часто говорится в псалмах: «Крепость моя и пение мое Господь...» (Пс. 117, 14). «Пою и воспою Господеви...» (Пс. 26, 6), «Пою Богу моему дóндеже есмь...» (Пс. 103, 33). Это пение – пение неизглаголанное, чтобы его получить и идут в монастырь и получают, но один через пять

лет, другой через десять, третий через пятнадцать, а четвертый через сорок лет...

Господи, получивший от Тебя внутреннюю молитву уже не может слушать музыку, даже и серьезную. Он непрестанно слышит иную музыку, о которой говорится в псалмах: «Крепость и пение мое Господь...» (Пс. 117, 14), «Пою Богу моему дóндеже есмь» (Пс. 103, 33). Господи, прости нас, мы не испытываем стремления к такой музыке, да и мало употребляем усилий, чтобы через молитву такой навык приобрести. Прости нас, Господи.

Тут мне припомнился мой товарищ по гимназии. Он был человек невысокой нравственности: неприличные разговоры, анекдоты, плохие умственные способности, весь его наружный вид, отношение видимое к религии, его ближайшие сотоварищи, отзывы о нем моих товарищей – все это подтверждало плохое мнение об его нравственности. Однажды он принес скрипку в класс. Надо заметить: он прекрасно играл на скрипке, он был по природе музыкант. Итак, однажды за отсутствием преподавателя вышло у нас свободное время, и этот товарищ мой по просьбе всего класса стал играть. Он играл наизусть, без нот. Лишь только раздались звуки, он весь переменялся, в нем не стало заметно обыкновенной легкомысленности, смешливости, он стал серьезен. Это заметили многие.

Вот это я и рассказал батюшке, а отсюда пошел и весь наш разговор.

– Видите, – сказал батюшка, – как может отрешать от земли музыка. Что чувствовал внутренне ваш товарищ, если он даже внешне изменился? Этих его чувств никто не может понять, если сам их не испытает. А если так отрешает от земли музыка, то тем более молитва.

Господи, Ты показываешь нам, как отрешает от земли музыка и зовешь нас самым испытать подобные чувства в молитве. Прости нас, Господи, что у нас нет умения отрешаться от земли в молитве и по молитвам преподобного Варсонофия научи нас, как надо это делать.

Сейчас за обедней батюшка сказал краткое слово, напоминая нам о смысле и значении нашего иноческого призвания.

– Святой Иоанн Лествичник говорит: «Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру». Вспомните, что мы должны быть светом миру, что наше грядущее назначение – быть царями и священниками. Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель.

Господи, мы мало задумываемся о словах святого Иоанна Лествичника: «Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру». Мы не помним этих слов, и нет у нас усердия, при воспоминании о них, устремляться их выполнять. Прости нас, Господи.

У епископа Игнатия Брянчанинова есть слова преподобного Исаака Сирина: «Что есть чистота? Чистота – есть сердце, исполненное милости о всяком создании. А что есть милостивое сердце? Это – горение сердца о всякой твари, о человеках, о птицах, о животных, о бесах, – словом, о всяком создании».

Господи, мы с изумлением узнаем, что «чистота – это сердце, исполненное милости о всяком создании». Такое сердце исполнено горения о всякой твари: о человеках, о птицах, о животных, о бесах. Господи, прости нас: мы такой чистоты даже понять не можем, не то, чтобы ею исполниться.

Я невольно остановился на словах «о бесах» и спросил об этом батюшку:

– Как можно чувствовать милость к бесам, когда они ищут нашей гибели, когда говорится в псалмах: «Совершенною ненавистью возненавидех » (Пс. 138, 22)?!

– Заметьте, это не сам епископ Игнатий говорит, – отвечал батюшка, – а он приводит только слова преподобного Исаака Сирского. Это единственный святой, который молился о бесах. Но как молился? Можно молиться, чтобы Господь уменьшил их муку, ослабил по неизреченной Своей милости. Но что можно этому великому святому, того нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех орел, подобно орлу и святой Исаак парит между святыми. Нам же молиться за бесов опасно.

Знаю одну начальницу общины. Она молилась за бесов. Я предостерегал ее. Она не послушалась и продолжала. Вскоре бесы стали являться ей и благодарить за молитвы о них.

Последствием всего этого было то, что она пала с одной сестрой своей обители однополым грехом, а затем стала с этой же сестрой заниматься спиритизмом. Конечно, обе они ушли из общины. Смотрите, как же плохо они кончили.

Господи, нам надо крепко запомнить: что можно великому святому, того нельзя нам. Нам молиться за бесов опасно. Господи, прости нас, если когда-нибудь такая мысль и мелькнет у нас, и мы дадим ей приют в своем сердце.

– Замечайте события вашей жизни, – говорил мне батюшка, – во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется.

Когда отец Анатолий еще не имел священного сана, к нему кто-то подошел под благословение. Когда мы прочли об этом в записках, то батюшка рассказал про себя, что, и к нему подходили под благословение, когда он не имел еще сана священства.

Господи, мы не умеем замечать события своей жизни и не видим в них глубокого смысла. Прости нас за непонятливость.

Вчера, батюшка, читая письмо какой-то девушки, бывшей у него, рассказал мне про нее следующее. Эта девушка прекрасно играет, она любит классическую музыку.

– Кого вы больше всего любите играть? – спросил ее батюшка.

– Бетховена, Гайдна, – отвечала она.

– А есть музыка еще лучше.

– Какая же? Моцарта?

– Нет, еще лучше.

– Может быть, Баха?

– Нет, нет.

– Какая же, не знаю, – сказала она.

– Музыка души!

– Души? Музыка души? Что ж это за музыка?

– Это покой души. Тот самый покой, про который говорится в Евангелии: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 29–30).

Вот этот самый покой. Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Ну вот, покой души (равняется) блаженство. Это – музыка, гармония всех душевных сил.

– Так вот какая музыка!

Господи, мы никогда не задумывались над тем, что есть музыка души, и что она являет собой тот покой, о котором говорит Евангелие: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Господи, мы не ищем такого покоя для своей души, не ищем блаженства, музыки, гармонии всех своих душевных сил. Господи, прости, что нет подобной музыки в нашей душе.

– Так она мне понравилась, – продолжал батюшка. Вот придет одна такая, и все позабудешь: и тяжести, и скорби. С другими приходится все говорить «сказку про белого бычка». Вы знаете эту сказку? (Я ответил утвердительно.) Ну вот, а такая душа сразу все поймет... Вы понимаете меня?

– Да, батюшка.

– Я вас за то и люблю, что вы меня понимаете. Есть и еще, которые меня понимают.

Господи, как важно быть человеком, который понимает слова собеседника и старца. Эта понятливость порождает любовь. Прости нас, Господи, что страдаем непонятливостью и не снимаем с плеч духовника тяжести и скорби.

– Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей, всеми душевными силами человека. Одна барыня рассказывала, что был у нее сын. Он был очень религиозен, целомудрен, вообще был хороший мальчик. Сошелся с дурными товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать. Очевидно, что эта посторонняя сила – сила злая. Источник ее – диавол, люди же являются только орудиями, посредством. Это антихрист идет в мир, это – его предтечи. Про это Апостол говорит: «Пошлет им духа заблуждения, духа лестча... зане любви истины неприяша...» (см. 2Фес. 2, 10–12).

Что-то мрачное, ужасное грядет в мир... Человек остается даже как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая

сила, что он не сознает, что делает. Даже внушается самоубийство и совершается. А почему это происходит? Потому что не берут оружия в руки: не имеют при себе Имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову да крестное знамение: «Это такие археологические древности, совершенно отжившие свой век, ведь мы...»

Господи, весь мир испытывает на себе влияние какой-то силы, которая овладевает умом, волей, всеми нашими душевными силами. Эта сила посторонняя и злая, источник её диавол. Люди же являются только орудиями, средством. Про это апостол говорит: «Пошлет им духа заблуждения, духа лестча... зане любви истины неприяша». И остаемся мы как бы беззащитными, не осознающими, что делаем. Господи, прости нас: в большинстве случаев мы сами виноваты в этом, ибо не берем в руки оружия, не имеем при себе Имени Иисусова и крестного знамения. Прости нас, что не пользуемся этим спасительным оружием.

Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», и открывайте помыслы. Имя Иисусово разрушает все дьявольские приращения, они не могут противиться силе Христовой. Все козни дьявольские разлетаются в прах. Почему так и как это происходит – мы не знаем. Знаем только, что это действительно так.

Все святые отцы говорят, что ночь особенно способствует молитве. Силы души как-то не развлекаются. Вообще ночью хорошо молиться...

Господи, прости нас, мы не имеем при себе Иисусову молитву и не открываем помыслы духовнику. Прости и за то, что ночные часы не посвящаем молитве.

9. Спасительное умение видеть окружающий мир «пещью страстей» и наполненным множеством идолов

Сейчас на благословении я сказал про тщеславные помыслы, беспокоящие меня особенно во время келейного моего правила:

– Я стараюсь читать, по возможности, не спеша и вникая в смысл читаемого. Часто вот и приходит такая мысль, что будто я читаю, и кто-либо из родных или знакомых слушает меня и даже видит, хотя я их и не вижу. При этой мысли я начинаю более вникать в смысл читаемого, иногда даже прибавляется чувство, вообще я начинаю читать лучше. И мне представляется, что слушающие остаются довольны моим чтением, – вот это я батюшке и сказал.

– Да, это тщеславие, с которым надо бороться. Не принимайте этой мысли.

– Как же мне это не принимать?

– Не принимать – значит не обращать внимания. Этот бес не сразу отстанет. Не обращайте внимания. А если вы видите, что начинаете читать лучше и с большим чувством, то обращайтесь к Богу с благодарением и с самоукорением. Тогда этому бесу нечем будет попользоваться от вас, и он уйдет. Но не совсем, он вас не оставит и на следующий раз опять пожалует. Да, у монаха все время идет брань в помыслах!

Господи, тщеславные помыслы и нас посещают на домашней молитве. Господи, прости нас за это тщеславие и помоги, Господи, обращаться к Тебе с благодарением и самоукорением, чтобы избавиться от этих помыслов.

Преподобный Иоанн Лествичник считает тщеславие не отдельной страстью, а присоединяет его к гордости. «Тщеславие, усилившись, обращается в гордыню. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый становится бодрым» и тому подобное. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, замечая это, удивляется лукавству, хитрости и злобе этого беса. И как все

святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились!

Господи, мы узнаем для себя новое о тщеславии. Мы узнаем, что оно, усилившись, обращается в гордыню. Оно делает с нами невероятные вещи: безголосые мы начинаем петь, будучи ленивыми, мы становимся ретивыми, будучи сонливыми, мы становимся бодрыми. Господи, мы постоянно замечаем в себе эти душепагубные превращения и можем только удивляться лукавству, хитрости и злобе этого беса. Прости нас, Господи, за склоненную перед тщеславием нашу голову.

Батюшка благословил поминать, то есть записать в свое поминание, каждому из нас непрославленных подвижников, известных своей жизнью.

– Это великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы – в их молитвах. И если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же.

Господи, великое дело поминать каждому из нас непрославленных подвижников, известных святостью своей жизни. Если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же. Господи, прости нас, что многие подвижники не внесены в наши помянники, и мы не поминаем их.

Батюшка говорил, что надо знать наизусть тропарь «Заступница усердная» (Казанской Божией Матери) и читать его ежедневно. Затем псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго» читать также ежедневно, а молитву «Богородице Дево, радуйся» утром и вечером читать по 12 раз. Эта молитва имеет так же великую силу: ее надо читать каждый час не по одному разу, но отец Амвросий говорил, что «читать за дневные 12 часов – утром, а за вечерние – вечером».

Господи, с чувством изумления узнаем от старца, что каждый день нам необходимо читать тропарь «Заступница усердная», псалом 90-й и молитву «Богородице Дево, радуйся», которую необходимо читать за дневные часы 12 раз – утром и за вечерние – 12 раз вечером. Господи, прости нас, что такого порядка на молитве мы часто не придерживаемся и на практике просто их не читаем.

– Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять скоро возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом, – таким окаменелым и живет. А женщина так не может.

Господи, жизнь без веры – невозможна, ибо неверие женщину быстро разлагает, а мужчину превращает в соляной столп. Прости нас, Господи, что не возвращаемся к вере при отступлении от неё или же живем окаменелыми. Знаем, что то и другое плохо, помоги нам обрести живую веру в Тебя, Господи.

– Вы знаете, какой для меня день 17 декабря?

– Нет.

– В этот день я оставил Казань в 1891 году, чтобы уже более никогда в нее не возвращаться. Сегодня память трех отроков, вышедших из печи невредимыми. И меня Господь сподобил уйти из мира, который тоже есть печь страстей, именно в этот день. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклоняться идолам, поэтому Господь и вывел их из печи невредимыми. Также и мы, монахи – и я, и вы – вышли из мира, конечно, потому, что не хотели поклоняться идолам. А идолы там везде расставлены: идол блуда, идол гордости, чревоугодия и так далее. Будем молить Господа, да сподобит Он нас Царства Своего Небесного. А там красота, которую воистину и «око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша...» (см. 1Кор. 2, 9).

Господи, Ты открываешь нам, что мир – это печь страстей. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклоняться идолам, поэтому и вывел их Господь из печи невредимыми. А идолы в мире везде расставлены: идол блуда, идол гордости, идол чревоугодия и так далее. И мы, живя в миру, очень часто им поклоняемся. Прости нас, Господи, за это и сподоби нас Царства Твоего Небесного и видения его неизреченной красоты.

Однажды батюшка с Преосвященным Кириллом, пораженные чудным видом в лунную ночь в Казани, невольно перешли к разговору о вечной, нетленной красоте в Царстве Небесном. «А там-то как?! А там-то как, Павел Иванович?! – говорил Преосвященный Кирилл.

– И теперь, конечно, наслаждается он там, чего мы здесь даже вообразить не можем себе. Блаженная душа! С ним я любил побеседовать... Да вот и с вами поговорить доставляет мне все-таки утешение...

Господи, как же мало мы рассуждаем о вечной, нетленной красоте в Царстве Небесном. Прости нас за это, Господи. И ещё, Господи, прости нас, что не являемся собеседниками, которые доставляют своему духовному отцу утешение.

Батюшка не раз говорил мне, что к нему приходят «блаженные души». Да и вообще при разговоре неоднократно употреблял это выражение. А вчера батюшка объяснил мне, почему он называет их блаженными.

– Я их называю блаженными, потому что у них есть великое сознание своей немощи, греховности, и при этом сознании – твердая вера в Бога.

Господи, блаженные души это те, которые имеют великое сознание своей немощи, греховности, и при этом сознании – твердую веру в Бога. Господи, прости, что мы не так понимаем этих людей и вкладываем в это наименование оттенок насмешливости и пренебрежения, тогда как они заслуживают глубочайшего уважения.

А также недавно говорил следующее:

– Был человек богат – стал вдруг нищим. Это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным, и это поправимо, ибо и с нищим, и с больным есть Христос. А потеряешь веру – великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры.

Господи, потерять веру – великое несчастье, ибо с потерей веры мы теряем опору в жизни. Прости нас, Господи, что мы не умеем пожалеть такого человека и помолиться, чтобы над ним умилился Христос.

20-го декабря 1908 года скончался великий светильник земли Русской – протоиерей отец Иоанн Кронштадтский. После панихиды батюшка сказал краткое слово об отце Иоанне.

– Отец Иоанн Кронштадтский был светильником «горяй и светяй», он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как

могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова Апостола: «Сила Божия в немощи совершается». (2Кор. 12, 9).

Господи, мы редко вспоминаем слова Апостола: «Сила Божия в немощи совершается» (2Кор. 12, 9). Господи, прости, что этими словами мы не укрепляем в себе и в людях веру в помощь Божию.

Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из этой жизни на день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом или имел одинаковый с ним дар. Так и отец Иоанн скончался в день памяти святого Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой внутренней молитвы... Помолимся по силе о упокоении его души...

Господи, Ты открываешь нам, что святой священномученик Игнатий Богоносец является родоначальником внутренней Иисусовой молитвы. А мы, не зная этого, не молимся ему о научении нас этой молитве. Прости нас, Господи, что мы не увлечены подобным, сродным ему подвигом молитвы.

10. Пагубная для нас опасность – стать «местом безводным»

Батюшка привел мне текст из Евангелия:

– Апостол Филипп уверовал в Господа и возвестил благую весть о Христе Нафанаилу, но тот не поверил. А когда Господь сказал ему: «Прежде даже не возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя» (Ин. 1, 48), – и он уверовал. Господь, видя веру его, «рече ему: «Зане рех ти, яко видех тя под смоковницею веруеши, больша сих узриши» (Ин. 1, 50). Эти слова относятся ко всем, и я вам говорю: «Больша сих узрите».

Это начало очищения ума, когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, чего он даже и не предполагал. Господь постепенно снимает покров с внутренних очей.

Господи, Ты возвещаешь благую весть о Христе разным людям, желая, чтобы они уверовали во Христа. Ты посылаешь им очищение ума, чтобы видеть то, чего они прежде не замечали, чего и другие не замечают, чего они даже не предполагают. Господи, прости нас, что не заботимся об очищении ума, ожидая, что Ты, Боже правый, снимешь покров с внутренних очей наших.

Вот Георгий Затворник, хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что однажды писал: «Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать; там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Священное Писание все тайнами повито...» Да... Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы сначала одну чешуйку, затем другую, третью и так далее – вот также и в Священном Писании: уразумел человек один смысл, за этим смыслом есть другой, более глубокий, за вторым – третий и тому подобное. Вот как Господь просвещает разум Своих подвижников.

Господи, и для нас Священное Писание повито тайнами. Господи, прости, что мы не умеем видеть в нем глубину и смысл

неисчерпаемый! Господи, просвети наш разум к пониманию закона Твоего.

Как-то батюшка говорил мне о том, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, то есть что помимо голых фактов есть глубокий прообразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека.

Так, например, переход евреев через Чермное море прообразовал собою новозаветное крещение, без которого никто не может войти в Царство Небесное.

Господи, мы не ищем в Священном Писании глубокого прообразовательного смысла и не работаем над очищением ума своего. Прости нас, Господи.

Этот факт – переход через Чермное море – действительно был. Дело было так. Евреи подходят к морю. Сзади их преследует фараон со всем воинством, с других сторон пустыня – может быть, и есть проход, но через дикие племена, что представляет немалую опасность. Одним словом, евреи в очень стесненном положении. Что делать? Куда идти? И вот Моисей получает от Бога извещение (Исх. 14, 13–16) и ударяет по морю жезлом. Он ударил и как бы начертал прямую линию в вертикальном направлении. Море расступилось до дна, и евреи по дну моря, как посуху, начали переходить между двумя стенами вод. Сколько верст так они прошли по дну моря, не знаю, но все-таки их переход продолжался не час, не два, а более продолжительное время.

Итак, евреи сначала сошли на дно моря, потом стали подниматься на другой берег, а фараон с войском решился преследовать их по дну моря. Таким же образом начали сходить на дно моря египетские войска, а евреи уже начали выходить. Наконец все евреи вышли, а египтяне погрузились. Тогда Моисей получает опять от Бога повеление ударить жезлом. И он ударил так: взял обеими руками жезл и, держа его в горизонтальном положении, ударил им в сторону, повелевая таким движением сомкнуться водам. И действительно, воды сомкнулись, и все египетское войско с фараоном во главе погибло в водах. «И не один от них избысть» (см. Исх. 14, 28).

Так вот все это было и составляет внешнюю сторону факта. А внутренний смысл таков. Первое движение Моисеева жезла начертало вертикальную линию, а второе – горизонтальную. Обе линии вместе составляют крест. Понимал ли это Моисей, исполнивший в точности Божие повеление? Надо полагать, что понимал – единственный человек из всех ветхозаветных.

Господи, Ты открываешь нам, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, которая имеет прообразовательный смысл этих же самых голых фактов. Господи, прости нас, что не очищаем ум свой и поэтому внутренний смысл библейских событий нам едва-едва приоткрывается.

Вся совокупность этих событий, как я уже сказал, прообразовала Таинство Крещения. Человек при крещении погружается в воду и оставляет в купели, которую прообразовало Чермное море, всю свою греховность: оттуда он выходит совершенно чистым, святым. Таким образом, фараон с воинством означает насилующий человека грех, власть дьявола, ибо до крещения, то есть до искупления человека Христом, все были под властью дьявола, независимо от праведности их жизни. Крещением человек освобождается от всего этого, как израильтяне избавились от фараона, выйдя из моря в безопасности от погони.

Господи, вся совокупность событий, связанных с переходом евреев через Чермное море, прообразовала Таинство Крещения. В купели Крещения, которую прообразовало Чермное море, мы оставляем всю свою греховность и выходим оттуда совершенно чистыми, святыми. Господи, прости нас, что не сохранили эту чистоту в своей жизни и были захвачены насилующим нас грехом.

Однажды, когда я беседовал с батюшкой, он, между прочим, объяснил мне один текст из Евангелия от Луки: «И проходит сквозь безводные места, ища покоя, и не обретает». (Лк. 11, 24).

Что разумеется здесь под «безводными местами»? Души людей слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. Дьяволу неинтересно соблазнить, навести на грех такого

человека, для которого грешить не только мыслью и словом, но и делом, есть дело обыкновенное. Такого человека он вводит в грех без всякой борьбы, как, обыкновенно, он действует в миру.

Господи, мы разумеем себя в числе «безводных», то есть душой слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. И грешить для нас не только мыслью и словом, но и действием – дело обыкновенное. Господи, прости нас, ибо по этой причине враг вводит нас в грех без всякой борьбы.

Наконец он опять решается возвратиться к тому человеку, из которого он исшел, и приходит... Когда он исшел из этого человека, человек ощутил умаление борьбы со страстями; они его как бы перестали тревожить. И он предался рассеянности, перестал внимательно следить за собой, впал в беспечность. Вот в таком-то состоянии его и находит, возвратившись к нему, диавол. Видя его не готовым к борьбе с собой, пользуясь его беспечностью, диавол идет и берет с собой еще семь духов злейших себя, и «вшедше живут ту, и бывает человеку тому последняя горша первых...» (Лк 11, 26) Поэтому всегда надо внимать себе.

Господи, когда диавол оставляет нас, мы ощущаем умаление борьбы со страстями, они перестают нас тревожить. Тогда мы предаемся рассеянности, перестаем внимательно следить за собой, впадаем в беспечность. Господи, прости нас, что таким состоянием мы создаем в себе благоприятные условия для прихода в сердце диавола, и не одного его, но еще и семи духов, злейших его. И бывает нам «последняя горша первых».

Не помню хорошо, кажется, батюшка говорил, что такой человек, по утишению страстей, дал место в себе гордости, что и способствовало тому, что он пришел, наконец, в такое бедственное положение.

Господи, по утишению страстей мы склонны давать в себе место гордости и тем приходим, наконец, в такое бедственное положение. Господи, прости нас, что через гордость и беспечность мы делаем себя «местом безводным», не имеющим никаких добродетелей.

Сравнительно недавно батюшка рассказал мне следующее:

– Хочу рассказать вам про одного англичанина... Не знаю, занимаются ли современные англичане подобными вопросами... Так вот, однажды сидел этот англичанин и пристально глядел в окно. Вдруг он говорит:

– Теперь мне это понятно!

– Что тебе понятно? – спросила его жена.

– Теперь мне понятно, – сказал он, – как наши тела после всеобщего воскресения мертвых будут прозрачны.

– Почему же это тебе стало понятно? – спросили его.

– Вот, – отвечал он, – я гляжу на стекло и думаю: ведь стекло прозрачно, тогда как его составные части: земля, уголь и другие – вовсе не имеют этой прозрачности. Поэтому и тело человека, обратившееся по его смерти в прах и землю, по Божью велению может восстать в ином, нетленном, светлом виде.

Господи, и нам понятно объяснение англичанина о прозрачности тела человека, обратившегося по его смерти в прах и землю. По Божью повелению оно может восстать в ином, нетленном, светлом виде. Господи, прости нас, что не помним «последняя своя» и не думаем, как это может быть.

11. Смирение и послушание – путь к пониманию тайны старческих наставлений

Недавно батюшка рассказал мне следующее:

– Я в гимназии учился хорошо, шел первым по классу. Были у нас тогда полугодовые репетиции. Я сдал все хорошо и, приехав домой, размышлял, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы, ибо свободного времени было около двух недель: с 24 декабря по 7 января. Пришел, сел за стол. Передо мной лежала бумага. Я беру перо и пишу: «Возрождение». Что такое? Какое возрождение? И начинаю писать далее: «Давно, в дни юности минувшей...» А мне тогда всего было пятнадцать лет.

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.

Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
От пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной,
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...

Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений.
И Он приник к моим стенаньям
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.

Не чудо ли это? Мне было всего пятнадцать лет, а я написал вперед всю мою жизнь...

Господи, когда-то в юности минувшей и в нас горел огонь святой. Тогда покой нашей души был безмятежен, и Дух Святой невидимо хранил ее от злобы и сомненья, и силой чудною живил.

Господи, и мы, увлекшись жизнью шумной, не смогли сохранить свою невинность, красоту, и светлый мир, и чистоту. Прости нас, Господи, за то, что охваченные вихрем страстных увлечений, мы погибаем. Господи, помоги нам с слезами горьких сожалений взывать к Тебе. И мира Ангела пошли, и к жизни чудной призови, и исцели наши страдания, Господи.

Беседуя, старец коснулся духовной монашеской жизни, смирения, и высота смирения как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку. Батюшка для выяснения монашеской жизни взял пример из жизни святого Иоанна Дамаскина. Батюшка передал мне известную историю отсечения и исцеления его руки.

Когда дамаский калиф увидел, что над Иоанном совершилось чудо, то уверовал в Бога, познал невинность Иоанна и предлагал ему прежнее место при дворе своем. Но Иоанн отказался и просил только одного, а именно: чтобы пустили его в иноческую обитель. Делать нечего, и калиф отпустил его. Тогда Иоанн отправился в обитель святого Саввы. Приходит и объявляет о своем желании посвятить себя иноческой жизни. Его, конечно, принимают и отдают в послушание старцу. Старец, принимая его, спрашивает:

– Зачем ты пришел сюда? Ты ищешь чудных откровений, видений, высших таинств? Нет, еще рано, ты недостойн. Сначала тебе надо приобрести смирение.

Иоанн же отвечает:

– Одного ищу я – спасения души своей.

– Да, но сначала тебе надо приобрести смирение и послушание.

– Я на все готов.

– Так, хорошо. Вот тебе послушание: не смей отселе ничего писать.

Иоанн ничего не возражал и перестал писать, хотя и не-легко ему это было, ибо он не мог писать и в защиту святых

икон. Наконец, он не вытерпел и написал чин погребения, который полностью принят Церковью и до сих пор совершается нами. Тогда старец сказал Иоанну:

– Так. Ты ослушался. Иди и чисти за это везде отхожие места.

Иоанн смирился и пошел исполнять новое послушание и, вероятно, немалое время исполнял его.

Так как же вы полагаете? Старец по глупости и грубости наложил на Иоанна таких два тяжких послушания? Великая мудрость была у старца. Смысл всего становится ясным из первых слов, которые сказал старец, принимая Иоанна. Он поставил смирение выше всего, ибо оно поставляет имеющего его выше всех. Святые отцы называют смирение ризой Божества. Смирение – первое условие спасения: только им мы и можем спастись.

Господи, покажи и нам высоту смирения, покажи её нашему внутреннему человеку через размышление о жизни святого Иоанна Дамаскина. При поступлении в монастырь, отданный в послушание старцу, он услышал: «Сначала тебе надо приобрести смирение и послушание. Вот тебе послушание – не смей отселе ничего писать». А когда ослушался и написал чин отпевания, то получил новое послушание: чистить в монастыре все отхожие места, и он немалое время исполнял его, проявив смирение. Господи, и нам следует уяснить себе, что смирение выше всего. Святые отцы называют смирение ризой Божества. Смирение – первое условие спасения: только им мы можем спастись. Господи, прости нас: мы не поставляем смирение выше всего в своей жизни, не видим в нем «ризу Божества».

Далее батюшка, насколько помню, в связи с этим говорил:

– Этот путь унижений, смирения и терпения тяжел. Многие за него брались, решались идти им и не выдерживали. Хотел идти этим путем и епископ Игнатий Брянчанинов и не выдержал. Ведь он был и в Оптиной. Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не может (его сочинения дают ясное понятие об иночестве), а все-таки он не Арсений Великий. Правда, святой,

а все же не Арсений. У нас сохраняется предание, что батюшка отец Лев сказал про епископа Игнатия Брянчанинова:

– Если бы пошел иным путем, то он был бы второй Арсений Великий.

Господи, тяжесть пути унижений, смирения и терпения устрашает нас, и мы не решаемся идти им. Прости нас.

Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим «сотаинником». Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, батюшку! Я все более и более начинаю видеть, что батюшка – великий старец. И, к моему сожалению, батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его «изочтены суть». «Я совершенно один, – говорил как-то батюшка, – а силы слабеют».

– Мы, я и батюшка отец Амвросий, все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду да скажу: «Батюшка, отец Амвросий, тяжело что-то». – «Ну что тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...» Да, а теперь-то они и пришли. Монахов много, много хороших, а утешать некому. Теперь я понял, что значит: «Придут дни...»

Господи, мы не прилагаем усилий к тому, чтобы духовный наставник наш наименовал нас своим «сотаинником». Господи, прости нас, что вместе со своим наставником не делаем все вместе, друг друга не утешаем в скорбях.

Недавно батюшка сказал мне следующее про монашество:

– Монашество – есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство – на небе, в будущей жизни, но нижняя ступень его – на земле. В той жизни оно только продолжается.

Господи, Ты открываешь нам важную истину: монашество есть блаженство, ибо дает ключ к внутренней жизни. Господи, прости нас, что мы еще не готовы проникнуть в эту тайну, и не озабочены созиданием в себе блаженства.

Немощи – это ничего, если укоряем себя и смиряемся. А то вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряться, смиряйтесь! Да, скажу я вам,

брат Николай: не хотят смиряться. Это – язва, язва современного монашества...

Господи, сознавая свои немощи, мы не укоряем себя и не смиряемся ими. Господи, прости нас, что мимо наших ушей проходит старческий призыв к смирению.

– Вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль – все бросить, уйти в какую-нибудь келию. Страшно становится жить, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был батюшка отец Варнава, то поехал бы к нему, но его уже нет. А сам боюсь: боюсь, как боится часовой уйти с поста – расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: «Спаси мя, Господи!» Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет гибели и не говорит: «Погуби меня, Господи». Все и всегда могут сказать: «Спаси мя, Господи». Но он прибавляет далее: «Яко оскуде преподобный» (Пс. 11, 2).

Не к кому обратиться, Господи, спаси меня. Только теперь мне становится понятным: почему бежали святые отцы от мира, а ведь именно бежали... И хотелось бы и мне убежать в пустыню.

Господи, другой раз и нам хочется бросить все и уйти куда-нибудь, оттого что страшно становится жить и не с кем посоветоваться, как преодолеть приходящий помысл. Боязно нам самовольно уйти с жизненного пути, как часовой боится уйти с поста. Господи, прости нас за эти помыслы, которые мы пригреваем в своем сердце и через них оскудеваем. Господи, научи нас понимать слова пророка Давида: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный».

Незадолго до этого, как-то вечером, батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить:

– Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низкой пробы. А у нас блаженство, даже немножко как бы похоже на рай. Бывают, конечно, и скорби, но это

временно. Хорошо, кто заботится о внутренней, созерцательной жизни, ибо она даст ему все.

Господи, прости нас, что, живя в миру, мы ищем радости самой низшей пробы, а блаженство, о котором знает монашество, нам мало доступно. Господи, прости, что не заботимся мы о внутренней созерцательной жизни и не стремимся к возрождению в нас духовных основ жизни и блаженства.

– Блудные и другие помыслы не будут поставлены вам в грех, если вы не услаждаетесь ими.

– Да я, батюшка, не то, чтобы услаждаюсь, а как бы несколько медлю, не сразу отгоняю, как бы не соображаю, что должно противиться.

– Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться.

– Да я, батюшка, когда очнусь, начинаю творить Иисусову молитву.

– Вот про это-то я вам и хотел сказать: раз у вас нет своих сил бороться с помыслами, то будем призывать Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от вас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставлены не будут. Например, разве вы виноваты, что, когда отворили дверь келии, вас охватил ветер и засыпало снегом. Никакой в этом вины нет. Но раз вы видите, что вам не под силу идти при такой вьюге, то можно спастись только бегством, то есть захлопнуть дверь. А другой, покрепче, он, пожалуй, и пойдет по этой вьюге. Но нам до таких далеко. Они могут, подобно Давиду, выходить на единоборство, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа? С камнем. А что означает «камень»? «Камень же бе Христос!» (см. 1Кор. 10, 4). Вдумайтесь-ка в это. Значит, и он не один вышел на борьбу, а с «Камнем».

Господи, когда наседают на нас помыслы, противится им могут только святые, а нам следует призывать имя Господа Иисуса, и оно, своей силой, будет прогонять от нас помыслы. Давид вышел на Голиафа с камнем. «Камень же бе Христос». Господи, прости нас, что мы этот «Камень» не держим под

рукой, и как только помыслы нападут на нас, мы не готовы бываем употребить этот «Камень» против них.

В этот же вечер батюшка говорил мне:

– Нам, то есть стоящим на таком посту, несущим такое послушание, нельзя отдыхать. Сегодня я очень плохо себя почувствовал и думаю: «Надо отдохнуть, лягу». «Брат Никита, – говорю я, – сегодня не будем отпирать женскую половину, в первый раз за три года. А я лягу, и часов до трех не будите меня». Лег, а помысл говорит: «А может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбью или другой какой насущной нуждой своей, как же так? Надо отпереть». Позвал брата Никиту, сказал, чтобы он открыл, а сам встал, вскоре вся слабость прошла. А там, действительно, пришли те, которых надо было принять. И вот как Господь подкрепляет в таких случаях.

Господи, пример старца Варсонофия показывает нам, что он жил жизнью приходящих к нему людей, их скорбями и нуждами, для них открывал двери своей кельи, и Бог давал ему силы преодолевать собственные немощи. Господи, мы мало живем нуждами людей, отказываем им в помощи, не «носим немощи немощных» и потому оскудевают наши силы. Прости нас, Господи, что собственные немощи ставим выше немощей других.

Подобные же происшествия батюшка рассказывал и раньше. Например, батюшка не мог совершенно читать при огне вследствие страшной рези в глазах. Когда батюшку посветили во иеромонахи, он заявил, что при огне служить не может, а отец архимандрит отвечал, что Бог поможет. И действительно, батюшке была дана возможность служить при огне. А теперь даже при огне пишет, читает и вообще имеет возможность работать, так как этого требует его положение.

Господи, при появлении определенных трудностей в несении послушания и мы нередко говорим, что не можем этого сделать. Вот тут-то и надо напомнить себе, что Бог поможет. Господи, прости нас за слабую веру в Твою помощь, которая приходит ко всякому делающему в надежде выполнить волю Божию о себе.

12. Видение глубокого смысла, сокрытого в обстоятельствах нашей жизни

Однажды батюшка говорил мне:

– За советом надо обращаться к одному кому-нибудь. То, что я сейчас говорю, чрезвычайно важно, и блаженны те, кто это знает. Бывает так, что придет кто-нибудь в Оптину, посоветуется с одним, потом с другим, иногда у трех-четырех побывает. Каждый советует по-своему, и у вопрошающего получается смущение: он не знает, как поступить, чьему совету последовать. А нужно было спросить у того, к кому он первому пришел, и что тот посоветует – принять во внимание, считая это за волю Божию.

Господи, Ты открываешь нам через старца, что за советом надо обращаться к кому-нибудь одному, а не ко многим. Господи, прости нас, что вопрошая первого, не принимаем во внимание его совет, и не считаем его за волю Твою, Боже.

– Ни у меня, ни у вас, конечно, нет в мыслях расстаться друг с другом. Но, право, хорошо помереть в такие годы, когда душа ваша еще не очерствела, и у нас в Скиту...

– Да, – говорю я, – мое желание – остаться навеки в Скиту и лечь здесь в могилу. Но только преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «неочистившиеся, аще желают смерти, поступают безумно...».

– Зачем же желать вам смерти; право желать этого предоставляется мне. А все может случиться: у Бога свои расчёты, и кого из нас раньше потребуют отсюда – неизвестно.

Господи, мысль о том, чтобы умереть, когда душа еще не очерствела, безусловно, мысль ценная. Ценна и другая мысль: «неочистившиеся, аще желают смерти, поступают безумно» (преп. Иоанн Лествичник). Господи, прости нас, что эти мысли еще не стали твердым достоянием нашей души.

– В Казани был архиепископ Афанасий. Про него много чудесного рассказывали. Например, когда он только что приехал в Казань, он поспешил в Кафедральный собор. Отслужив обедню, молебен и сказав краткое слово, он начал благослов-

лать народ. В общей массе, в толпе, подходит также какая-то барыня. Он благословляет ее, а руку целовать не дает. Она подумала, что он сделал это, спеша окончить благословение. Но все же она опять подошла под благословение, и опять он, благословив, не дал поцеловать руки. Она подходила к нему несколько раз, и повторялось то же. Тогда она говорит ему: «Владыка святой, неужели я такая грешная, что недостойна поцеловать у вас руку?» – «Вот еще, – говорит преосвященный, – у меня рука словно у мужика». Барыня покраснела, поняв, что преосвященный узнал ее мысли, ибо он сказал то, что она подумала, подходя под благословение. Было и еще много подобных случаев, доказывающих его прозорливость.

Господи, подходя под благословение к священнослужителю, нам необходимо сосредотачивать внимание на самом благословении, а не на рассматривании ничего постороннего по отношению к этому благословению. Господи, прости нас, что иногда видим не руку епископа, а руку мужика и, тем самым, лишаем себя плодов духовных, через благословение подаваемых.

Характерная черта многих святых: позвать гостей, радушно принять их и угостить – замечалась и у преосвященного Афанасия. Он любил в праздники позвать к себе гостей. Так и было однажды. После обедни сразу из церкви с гостями он приходит к себе.

Господи, для общения с людьми характерной чертой для нас должна стать: позвать гостей, радушно принять их и угостить. И еще с ними побеседовать. У нас этот обычай еще не упрочился и, особенно, в праздники мы этого не делаем. Господи, прости нас за это отсутствие радушия по отношению к людям.

Попив чайку и несколько побеседовав с гостями, преосвященный предложил им пообедать. Приказав келейнику подавать обед, он с гостями сел за стол. Подают огромную, прекрасно приготовленную щуку. Посмотрев на нее, Владыка говорит:

– Ее кушать нельзя, она проклята...

Все несколько удивленно посмотрели на преосвященного.

– Она проклята, ее есть нельзя, – повторил Владыка. Призывает келейника и приказывает убрать ее со стола. Тот даже не решается убрать. Тогда преосвященный велит позвать повара. Тот приходит. Владыка смотрит на него и, замечая завязанный палец, спрашивает:

– Что у тебя с пальцем?

– Порезал нечаянно, Владыка святой.

– А что ты при этом сказал?

– Простите, Владыка, я сказал: чтобы ты была... нехорошо сказал.

– Ну, вот видишь, теперь ее есть нельзя. Эту бросьте, а другую надо приготовить.

Вот видите, даже проклятие простого человека – повара, так сильно действует.

– Собственно, батюшка, – спросил я, – непонятно, как это узнал владыка Афанасий, и почему нельзя после проклятия есть?

– Проклятие повара произвело в рыбе какие-то изменения, которые преосвященный заметил своими прозорливыми очами. Вследствие этих изменений нельзя стало кушать рыбу. Этим объясняется, почему в миру, в богатых домах, в самых дорогих кушаньях нет того вкуса, который мы ощущаем в наших кислых щах: там все делается без молитвы, с руганью и проклятиями, а у нас в монастыре с молитвой и благословением.

Господи, беседа старца Варсонофия показывает нам как надо относиться к проклятию даже простого человека, ибо оно (проклятие) производит какие-то изменения в том, что проклинают. Господи, прости нас, что считаем проклятие за ничто и не отказываемся от кушаний, приготовленных без молитвы, с руганью и проклятием.

В заключение всего запишу слова батюшки, сказанные мне однажды: «Духа держитесь! Дух животворит – буква убивает» (ср. 2Кор. 3, 6).

Господи, мы не имеем прилежания «держаться Духа», чтобы Он животворил нас. Прости нас, Господи, за отсутствие памяти об этом наказе и неготовность к тому, чтобы Дух нас животворил.

Вчера была память святого. Варсонофия и батюшка был именинник. На днях батюшка говорил мне, что он, будучи в Казани еще мирским, очень любил становиться в Соборе около мощей святого Варсонофия. Когда у батюшки начало появляться желание богоугодного жития, он часто обращался к святому Варсонофию, как бы предоставляя на его решение, какой путь жизни избрать ему. И угодник Божий не оставил втуне молитву с верой к нему прибегающего и указал батюшке иноческий путь и даже сподобил его принятия при пострижении своего имени.

Господи, нам, когда мы желаем богоугодного жития, тоже следует обращаться к святому, чье имя мы носим, предоставляя на его решение выбор жизненного пути. Господи, прости нас, мы не придерживаемся такого благочестивого обычая и часто остаемся в неведении, как поступать в жизни.

– В Казани, когда была поставлена в первый раз на сцене опера «Гугеноты», я был в одной ложе в театре с некоторыми моими хорошими знакомыми. Я очень любил оперу. Внезапно напала на меня тоска, а в душе как будто кто-то говорил: «Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: «В чем застану в том и сужу...» Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?» Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: «Надо уйти». Тогда начинает говорить другой голос: «А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк...» Опять первый голос: «Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать на их вопросы».

Началась борьба, но первый голос взял верх, и я решил уйти. Тихо поднялся со стула, едва слышными шагами добрался до двери, быстро закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, крикнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр и действительно не ходил.

Потом об этом, как и обо всем, с течением времени я позабыл. Затем прошли годы, я снова вспомнил... и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда память. Я справился и узнал, что тогда было 4 октября, память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев...

Господи, да ведь это меня святой Варсонофий вывел из театра. Теперь я думаю: какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается точно по какому-то особенному таинственному плану.

Господи, мы часто не задумываемся о том, какой глубокий смысл сокрыт в событиях нашей жизни, как она располагается точно по какому плану, особенному и таинственному. Господи, прости нас, что не задумываемся о глубоком смысле, сокрытом в событиях нашей жизни, не выявляем святых, которые помогают нам в это время и не благодарим их.

Батюшка рассказал мне про то, что в 1870 году, когда поджигали город Оренбург и выгорело семь восьмых его, мать батюшки со своей сестрой и с ним, тогда еще Павлом Ивановичем, со всем домом и имуществом были чудесно спасены от пожара.

– Для пожара был выбран ветреный день, – говорил батюшка, – ветер быстро разнесся по большей части города. Адское пламя уже надвигалось на наш дом. Тогда мы положили на повозку свои пожитки и выехали за город, а незастрахованный свой дом мы оставили на волю Божию. Была ночь. Мы скрылись за уцелевшую часть вала, построенного во время Пугачева и даже ранее. Что делать? Старушка мать встала на молитву: «Господи, спаси нас». – И я встал и говорю: «Матерь Божия, спаси нас...»

И вдруг ветер переменяет направление, пламя полетело в другую сторону. Наша часть города уцелела...

Прошло два-три месяца, разговор о пожаре не умолкал в городе. И однажды некто Силин сказал:

– Вы спрашиваете, почему уцелела эта часть города? Да вот почему: кто-то живет монахом, да еще, быть может, в монастырь поступит, вот ради него и спас Господь эту часть города.

Я тогда еще не думал о монашестве, и поэтому только улыбнулся на слова этого человека, но потом не раз вспоминал их. Он сказал истину про меня... Видите, как дорого Господу монашество.

Господи, для нас звучит откровением, что ради проживания в городе живущего по-монашески Господь спасает эту часть города от пожара. Господи, прости нас, что мы не знаем эту истину и до конца не разумеем сколь дорого Господу монашество.

13. Радование нашего духа Божественной силой МОЛИТВЫ

Я помню, как батюшка сказал мне:

– В человеке заключается три части: тело, душа и дух. Это видно из слов Богоматери, сказанных ею на приветствие праведной Елизаветы: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасе Моем». Здесь очень ясно видно разделение: одно – дух, а другое – душа, а что тело и душа суть две различные части – это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затрагивает дух человека, и дух, вынужденный Божественной силой молитвы, возрадуется...

Я постарался припомнить то, что говорил тогда батюшка но не знаю, верно ли я передал это.

Господи, и нам надо заметить для себя последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится и к нам, когда мы начинаем молиться и прославлять Бога. Господи, у нас не всегда эта последовательность сохраняется: мы не умеем умом прислушиваться к словам молитвы и воспринимать смысл молитвы. Прости нас, Господи. И дух наш не вынуждается Божественной силой молитвы радоваться. Прости нас, Господи.

Батюшка говорил мне о том, какая борьба была у него в душе, когда послали на войну в Муллин. Когда батюшке объявили о назначении, он почувствовал всю трудность этого послушания, но не отказался, а принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых.

– Здоровье мое было плохое. Как поеду, – думал я, – куда такому хилому старику проехать несколько тысяч верст... Я

думал, что не доеду... Затем были в уме и другие мысли, а именно: «Как ты будешь отправлять требы, крестить младенцев, когда ты ни разу еще не крестил? Как ты будешь отпевать усопших, когда ты ни разу еще не отпевал? Как ты будешь ладить с начальством и врачами, если они будут над тобой издеваться? Как ты сразу из скита впадешь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия? (Батюшка говорил, что все эти мысли были бесовскими клеветами.) Как на твое здоровье повлияет климат, к которому ты не привык? И прочее и прочее..."

Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это пересилил, враг переменил свои действия, он начал возбуждать к клеветам на меня едущих со мной... Это было очень тяжело... Так продолжалось до Харбина.

Когда мы получаем назначение на другое, часто неожиданное послушание, то, хоть и принимаем его как от руки Господней, но избежать «наезда» помыслов нам не удастся. Они теснятся в голове и от них можно отбиться только Иисусовой молитвой. Господи, прости нас, ибо мы не отбиваемся от них силой сладчайшего имени Иисуса Христа, Сына Божия.

Когда же я был отправлен в Муллин, я избавился от «гонящих мя», свободно вздохнул и попал словно в рай. Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов. Между мной и окружающими установились простые дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские люди и верующие, в том числе, конечно, сестры милосердия (некоторые из них и сейчас относятся письменно к батюшке). Хорошо мне там было.

Я думаю: несмотря на то, что для батюшки все слагалось так неблагоприятно, он, будучи верен добродетели послушания, получил возмездие. Много скорбей понес батюшка. Враг сильно ополчился, но Божия Благодать не оставляла батюшку.

Господи, среди многих скорбей мы не умеем хранить верность добродетели послушания. Господи, прости нас, что не видим, как враг ополчается на нас и не возгреваем в себе надежду на помощь Благодати Божией.

– Молитва бывает, – говорил батюшка, – во-первых – устная, во-вторых – внутренняя, сердечная, в-третьих – духовная. Внутреннюю, сердечную, молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят на все с внутренней стороны, постигают смысл вещей, а не внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников, в сравнении с их духовным восторгом, есть ничто, ибо он душевнее.

Господи, мы понимаем, что Ты открываешь нам эти молитвенные высоты, чтобы увидеть сколь мы не готовы к ним, чтобы мы уважали и по-особому ценили тех, кто их достиг и может нам передать свой опыт. Господи, прости, что мы мало подвигаемся в первых двух видах молитвы и потому не готовы знакомиться с третьим. Прости, Господи, что не вымаливаем себе наставника, обладающего духовной молитвой.

Просвещение научное может быть усваиваемо всеми народами без различия, но нравственное просвещение и чистота свойственны только христианину...

Господи, прости нас, мы плохо усваиваем нравственное просвещение и чистоту и поэтому мало подтверждаем свое христианское звание.

В монастыре достигнуть нравственного усовершенствования удобнее, чем в миру... Как в миру, так и в монастыре волнуют человека страсти, но в миру с наслаждением предаются страстям, если не на деле, то в слове и мысли, а в монастыре идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение...

Господи, до нас с трудом доходит мысль: в миру мы с наслаждением предаемся страстям, если не на деле, то в слове и мысли. Прости нас за это, Господи. В монастыре же в это самое время идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение. Господи, прости нас, что редко посещаем монастыри, не

перенимаем в них опыт борьбы со страстями и лишаем себя награды от Господа за нравственное очищение.

Преподобный Серафим Саровский говорит, что кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот не монах... и страшно подумать, что добавляет: «...тот обгорелая головешка...». Да, необходимо иметь какую-нибудь молитву, хоть самую маленькую.

Господи, прости нас, ибо мы со всей справедливостью можем попасть в разряд людей, именуемых «обгорелой головешкой»; прости, что не творим Иисусову молитву, хотя бы в самой малой мере.

Вчера одна молодая девушка, служившая в горничных в Калуге, принесла батюшке подарок: крест медный и бархатные, вышитые серебром воздухи.

– Сердце умиляется, – говорит про нее батюшка, – эта девушка лет восемнадцати. Она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела намерение когда-либо еще побывать и принести мне подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на один рубль более прежнего: пять рублей в месяц. Целых три года она копила деньги. Наконец накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездила в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и у других киевских святынь и купить там подарок для батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за семь рублей, а воздухи за десять рублей, всего, значит, семнадцать рублей, да еще самая поездка в Киев обошлась рублем двадцать. Выходит – тридцать семь рублей, а в Оптиной еще проживет, израсходует, и сама блаженствует.

– Теперь я спокойна, говорит, взяла благословение у Киевских угодников Божиих, сделала подарок батюшке.

Конечно, принята Богом ее жертва.

Господи, умиляется сердце старца при виде усердия юной девушки, возымевшей намерение когда-либо еще побывать в Оптиной и принести ему подарок. Она не только возымела желание, но и осуществила его, поэтому и была принята её жертва. Господи, прости нас, что благочестивых намерений у

нас много, но не хватает настойчивости и терпения доводить их до конца.

Сегодня Духов день. Очень мне понравилось за обедней то, что в двух-трех саженях от храма на яблоню сел соловей и пел. И как же он пел! Было слышно в храме. Сколько простоты, сколько самой чистой поэзии.

Господи, умение восхищаться природой, слышать в пении соловья простоту и чистую поэзию не совсем нам присуще. Прости нас, Господи, что даже в праздничные дни наша душа не настроена на простую радость и чистую поэзию.

– Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что, при взгляде на них, они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей видел я. Однажды я подумал, не видение ли вижу, ибо было что-то неземное.

Господи, прости нас, что на лицах благочестивых людей Ты, Господи, редко сподобляешь видеть и для себя отмечать отпечаток этой святости. Господи, прости, что лица этих людей не поражают нас и не производят сильного впечатления.

Я недавно просил у батюшки благословения выписать цветочных семян и посеять у себя под окном. Батюшка благословил, сказав, что эта моя мысль – самая невинная. Батюшка тоже любит цветы, и прежние старцы любили. Отец Анатолий, кажется, сам участвовал при рассаживании цветов.

Я с детства любил цветы. Бывало, сам копал грядки, клумбочки для цветов. Сажал, сеял, пересаживал. А иногда даже и воровал цветы у бабушки, за что мне в один прекрасный день и попало.

Господи, мы мало любим цветы, не горим желанием посадить их под окном или на подоконнике. Господи, прости нас за это безразличие к цветам.

Батюшка всегда ложится с четками, надев их на руку. Однажды пришли к батюшке на благословение только что поступившие и одевшиеся послушники. Между прочим батюшка сказал:

– Никогда не ложитесь даже без четок, пусть они непременно будут при вас.

Я одно время спал без четок, а потом стал опять с четками, по примеру батюшки. А теперь я узнал, наверное, что нужно ложиться, с четками.

Господи, прости нас, что ложимся спать, не надев четки на руку, ибо если молимся по ним, то и спать надо с ними.

Недавно у батюшки была одна девица, к которой батюшка относился очень хорошо. Насколько была возможность, батюшка беседовал с ней, исповедовал. Он оставлял ее еще побыть в Оптиной, но она спешила куда-то и поэтому уехала в Духов день. Перед отъездом она пришла к батюшке. Батюшка принял ее очень ласково и хорошо простился с ней. Вдруг вскоре после ее ухода приходит с гостиницы мальчик и приносит письмо от этой девицы. Батюшка читает письмо и не может понять, ради чего она написала подобное письмо. Ей показалось, что батюшка очень холодно, даже с ненавистью простился с ней, она очень расстроилась и, наконец, решила написать батюшке, пока не уехала, прося объяснить причину этой ненависти. Батюшка тотчас написал ей утешительное письмо, а мне сказал:

– Вот видите, что диавол делает! Он может беседующим или встретившимся представить лица друг друга совершенно иными, не такими как в действительности. Это нужно и нам всем всегда помнить, ибо враг пользуется этим для того, чтобы поселить между людьми – братьями или друзьями – ссору, раздор, ненависть.

Господи, Ты открываешь нам, что диавол, строя нам козни, может беседующим или встретившимся людям представить лица друг друга совершенно иными, чем в действительности. И делает он это для того, чтобы посеять между ними ссору, раздор, ненависть. Господи, прости нас, что мы не умеем различать его козни и идем на поводу у него: гневаемся, ссоримся, ненавидим.

14. Терпеливое пребывание в молитвенном подвиге

Как-то батюшка сказал мне:

– Все несут свой крест, и вы несете свой крестик, хоть и одним пальчиком, а все-таки несете. Несение креста необходимо потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. Да, все крест несут и несли. Даже вочеловечившийся Бог нес крест, и Его крест был самый тяжелый, как заключающий в себе кресты всех людей. И заметьте: Бог несет крест, а человек (Симон Киринейский) помогает тем, что берет от Него крест и сам несет его. Значит, и мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении креста, то есть готовимся быть Его слугами на небесах в лице бесплотных духов. Какое высокое назначение!

Господи, через старческое назидание Ты полагаешь в наш ум мысль о крестоношении. Мы, неся свои кресты помогаем Тебе, Господи, в несении креста и, тем самым, готовимся быть Твоими слугами на небесах в лице бесплотных духов. Мы же, Господи, эту мысль не держим в уме своем и не готовимся быть Твоими слугами. Прости нас, Господи, за то, что не помогаем тем, кто берет от Тебя крест и сам несет его. Пример Симона Киринейского ещё не оказывает на нас своего благодного воздействия. Прости нас.

Когда батюшка говорит о молитве Иисусовой, я всегда чувствую некоторое воодушевление и интерес. Так было на днях: «Был в Петербурге митрополит Гавриил. Жил он хорошо. Он много читал о молитве Иисусовой и сам несколько раз занимался ею, но, несмотря на это, все же у него были какие-то недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига.

Господи, при разговорах о молитве Иисусовой мы не всегда чувствуем в себе некоторое воодушевление и интерес. Имеем мы и некоторые недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига. Прости нас за это, Господи.

Тогда он задает своим близким вопрос:

– Кто может разрешить мне мои сомнения и указать на главное условие успеха в молитве?

Ему отвечают:

– Владыка святой, позовите монаха отца Клеопу, он вам, пожалуй, кое-что скажет.

– Едва ли, – говорит владыка, – ведь он необразованный. Верую, что он хорошей жизни, но мне нужно не то... Ну а все же пусть придет.

Позвали к нему отца Клеопу.

– Ты кто будешь?

– Грешный Клеопа.

– Садись.

Тот, молча, садится. «Да, это, должно быть, действительно монах», – подумал митрополит.

– Я тебя позвал для того, чтобы спросить тебя, в чем заключается главное условие успеха в молитве? Можешь ли ты мне на это дать ответ?

– Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге. Враг всячески, старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. С этой целью он борет и справа и слева. То внушает мысли, что не стоит трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь, смотри, мол, сколько времени ты трудишься и еще ничего не достиг.

Или борет с другой стороны, внушая мысли, что ты уже достиг святости, что уже не надо творить молитвы Иисусовой, что это совершенно лишнее. Также и подобные им помыслы будут бороться подвижника с целью сбить его с молитвенного пути, но он должен терпением побеждать их, то есть терпеливо продолжать начатый подвиг молитвы и не прекращать его ни в коем случае, – это сказал отец Клеопа, зная хорошо эту борьбу из личного опыта.

Услыхав от отца Клеопы эти мудрые слова, Владыка обнял его, поцеловал и сказал:

– Ты в одну минуту разрешил все мои недоумения и вопросы.

Вот что значит опытное знание. Итак, в молитвенном подвиге главное – это терпение...»

Господи, и нам важно знать главное условие успеха в молитве, который достигается терпеливым пребыванием в

молитвенном подвиге. Врагу хочется оторвать нас от молитвы Иисусовой, внушая, с одной стороны, что не стоит трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь, раз до сего времени многого не достиг. А с другой стороны, внушая, что мы достигли уже святости и не надо творить молитвы Иисусовой, что это уже лишнее. Господи, мы часто побеждаемся этими помыслами и сбиваемся с молитвенного пути. Прости нас, что не побеждаем их терпением и приостанавливаем начатый подвиг молитвы.

Сегодня я, грешный, сподобился исповедать свои грехи. После исповеди Батюшка сказал мне:

– Почаще пускайте Волгу, она все смывает и промывает. А Волга – это смирение, которое очищает всякую греховную душу.

Господи, какая светлая мысль: пускать Волгу в свою жизнь! Оказывается воды Волги – это смирение, которым очищается всякая греховная душа. Господи, мы виноваты перед Тобой: любим этими водами любоваться, а в свою душу не пускаем их. Прости нас, Господи: мы исповедь не используем как условие для пуска очистительной воды.

Затем я вспомнил, что иногда у меня бывают помыслы, осуждающие батюшку или ропщущие на него. Я сказал это батюшке. Он, выслушав, сказал:

– А вы отвечайте на это помыслу: «Это не мое дело, за это старец отвечает, а не я».

Господи, исповедуем и мы, что иногда бывают у нас помыслы, осуждающие духовника или ропщущие на него, и что мы не умеем отвечать помыслу: «Это не мое дело, за это старец отвечает». Прости нас, Господи, за отсутствие сопротивления нездоровым помыслам.

– Ум, – говорил как-то батюшка, – есть сила самодвижная, но от нас зависит, что ей дать. Подобно тому, как жернов вертится сам, а от человека зависит, что под него подсыпать: пшеницы, ржи или семя какой-либо ядовитой травы. И мука выйдет – или хорошая, или ядовитая – соответственно тому, что положено. Так вот и ум, он все переработает, но давать ему нужно только хорошее.

Господи, Ты одарил нас самодвижным умом, который можно сравнить с жерновом, который все может перемолоть. От

нас же зависит, что под него подсыпать: пшеницу, рожь или семя ядовитой отравы. И мука выйдет сообразно тому, что положено. Господи, прости нас, что мы часто под него высыпаяем не самое лучшее, и качество муки получается не сообразное жизни праведного.

– Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных, и вообще несогласных с моим мирозерцанием, хотя и не изменяет моих взглядов, но все же оставляет какой-то осадок.

– Да, – отвечал батюшка, – святые отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение.

Господи, по совету святых отцов нам следует читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение. Прости нас, Господи, что мы так не делаем и читаем книги, несогласные с нашим мировоззрением.

Уезжая, батюшка говорил, чтобы я во время его отсутствия занялся собой. Как-то на днях я каялся батюшке, что проспал утреню. На это батюшка ответил:

– Укоряйте себя, Бог простит. А вот когда я уеду, вы уже не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь это время собой... Побезмолвствуйте... Просыпание утрени и другие немощи происходят от недостатка решимости. Надо сделать во что бы то ни стало, тогда Господь помогает за такую решимость. Вот, например, вы решили оставить мир, и Господь помог вам, и вы его оставили. И так во всяком деле и всегда.

Господи, мы не занимаемся собой: и то опаздываем на утреню, то совсем пропускаем ее и не укоряем себя за это. Прости нас, Господи, за недостаток решимости при посещении богослужений, да и в каждом нами совершаемом деле. Господи, помогай нам в наших благих намерениях и делах!

В воскресенье на литургии читалось Евангелие воскресное и пророку Елисею. Это Евангелие кончается словами: «Он же (то есть Иисус Христос) прошед посреде их, идяше» (Лк. 4, 22–30). Батюшка пояснял:

– В сегодняшнем Евангелии говорилось, что евреи разъярились на Господа, возвели Его на гору «да быша Его низринули. Он же прошед посреде их, идяше». Что же это

значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, то есть что иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: разъяренные евреи обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо, и, пройдя, оставляет их сзади себя, и идет вперед и вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму – Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь, них, но идет и далее...

Господи, «разъяренные евреи» – страстные помыслы – стремятся ввергнуть нас в бездну. Господи, прости, что ум наш не всегда проходит их невредимо и не идет вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму.

Георгий, Задонский Затворник, пишет про себя, что он, еще будучи в миру, был идеалистом, всюду искал красоты. Он и сам был красив. Познакомившись с одной красавицей, он даже сделал ей предложение, на что она согласилась. И кажется, в ту же ночь он видит сон: как будто перед ним стоит красавица, каких он никогда не видел, перед которой та, которой он сделал предложение, – ничто. И он в изумлении говорит: «Кто ты? Как твое имя?» – «Мое имя – целомудрие», – и он просыпается. «Так вот она где, красота! Ничего мне не надо». – И он удалился в затвор, все презрев.

Да, иногда Господь вразумляет и при помощи чувственных образов. Георгий Затворник в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти, не понимал он, что надо искать ее в совершенно ином, а Господь этим сном поставил его на путь истины.

Господи, открой и нам ту красоту, имя которой «целомудрие». Господи, прости нас, что ищем в миру красоты, там, где ее нельзя найти. Господи, помоги искать её совершенно в ином – в целомудрии, чтобы сказать: «Так вот она где, красота!» И поставь нас на путь истины.

Недавно батюшка говорил мне о молитве Иисусовой. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова необходимы, они, так сказать, азбука, слоги. Сочинения же епископа Феофана

Вышенского суть уже грамматика, они глубже. Их даже преуспевшие читают с некоторым затруднением.

– Недавно один иеромонах, – сказал батюшка, – спрашивал о молитве Иисусовой и просил меня указать книги. Я ему ответил. Он, видно, хочет познать эту молитву из одного чтения. Необходимо познать ее личным опытом, надо приступить к ней самому. Молитва Иисусова, – продолжил батюшка, – безбрежное море. Невозможно исчерпать его. Невозможно всего описать в книгах. Многие начинают, но мало кто кончает. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое делание теперь почти совсем забыто... Никто о нем даже не беседует.

Господи, нам хочется читать книги о молитве Иисусовой, но из одного чтения ее не познаешь. Ее необходимо познавать личным опытом, надо приступить к ней самому. Господи, прости нас, что про это великое дело мы почти совсем забываем.

Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совсем забыли об этом. Дьявол всем нам внушил, что ни его (то есть дьявола), ни адских мук не существует. А святые отцы учат, что обручение геенне, все равно как и блаженство, начинается еще на земле, то есть грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники – блаженство... только с той разницей, что в будущем веке и то и другое будет несравненно сильнее.

Господи, прости нас, что отвлеченно думаем об адских муках и даже совсем забываем о них. Прости нас, Господи, что таким образом, мы обручаемся геенне и еще на земле испытываем адские муки.

15. Вера ученика – опора в отношениях со старцем

Батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал такие два случая. Первый, кажется, современный, то есть бывший, может быть, лет пять-десять назад.

«Один богатый купец имел сына, этот сын поступил в одну из святых обителей, но не ужился в ней и ушел в мир, то есть из чертогов царских – в вонючее болото. Вскоре после ухода он женился и жил с женой и детьми в своем доме. Потом он понял, чего лишился, но было уже поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у старьевщика старый, рваный послушнический подрясник. Принес он подрясник домой и в большие праздники удалялся в самую дальнюю комнату – моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие в святой обители.

И вот еще: однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Тогда отец спрашивает сына:

– Ты что смотришь мне на спину?

– У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно.

Тогда отец понял, что невинному чистому младенцу были открыты глаза, и что это черное пятно не что иное, как параман, ибо он прежде был монахом...»

Господи, опасно нам уходить из монастыря в мир, даже мыслями. Такой уход можно уподобить уходу из чертогов царских в вонючее болото. И когда мы это осознаем, то не удержимся, чтобы не предаться горькому плачу, и помня, что остается на теле человека, бывшего раньше монахом, черное пятно – своеобразная память о парамане, который он носил, будучи монахом. Господи, прости нас, что не сочувствуем тем людям, которые ушли из монастыря, и не разделяем с ними их скорби.

...Недавно, когда я провожал батюшку в монастырь, мы, по обыкновению, зашли на могилы старцев. Поклонившись

старцам, батюшка указал рукой на памятник, стоящий прямо за главным алтарем Введенского храма. Потом спросил меня:

– Я вам рассказывал об этом памятнике?

– Нет, – ответил я.

И батюшка мне рассказал следующее: «Давно это было, кажется, еще при старцах отце Льве и отце Макарии. Однажды в Оптину приехала молоденькая девушка именем Варвара, красавица собой. Ей очень понравилась Оптина. Но все же нужно уезжать, и она поехала со своей матерью из Оптиной. Едут, а по дороге из Козельска несут на кладбище гроб. В гробу лежит молодая девушка.

Тогда был обычай (едва ли он теперь сохранился), что девушку на кладбище всегда должны нести тоже девушки. С этой целью, когда одна такая умирала, собирали отовсюду девушек, одевали их в белые одежды, украшали цветами, тоже белыми. Они все вместе брали на руки гроб, тоже белый и украшенный белыми цветами, и несли его сами на кладбище. Вот такая похоронная процессия и встретила на дороге этой девице Варваре. Она, полная восхищения от этой картины, воскликнула:

– Вот счастливая, вот счастливая!

Мать удивилась этим восклицаниям и говорит:

– Что ты, глупая. Я тебя повезу в Москву и Петербург. Там ты будешь у меня первой красавицей на балах.

Но дочь не слушала ее, пораженная этой белой похоронной процессией.

Приехали они домой, но чистая девушка почувствовала себя чужой среди блеска и роскоши и захотела опять в Оптину. Наконец отпросилась и поехала. В Оптиной она поговела, приобщилась и собралась уже ехать домой. Села в тележку и поехала, но когда стала спускаться к реке Жиздре, лошадь вдруг понеслась и прямо в Жиздру. И когда выловили девушку, она была уже мертва.

Собрались на совет старцы: что делать и где хоронить эту девушку. И решили похоронить ее за главным алтарем, дав ей первое место в своей пустыни за великую ее любовь к Оптиной. Вот такая девица Варвара. Видите, как Бог слышит молитву и

видит восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Она сочла только счастьем, а Господь исполнил ее желание...»

Господи, этот случай, рассказанный старцем, показывает нам, что Ты слышишь молитву и видишь восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Господи, прости нас, что мы не заботимся о чистоте и невинности своей души и огрубеем в земных удовольствиях. Господи, прости нас, что не имеем столь великой любви к месту подвигов святых, какое имела эта невинная девушка.

Рассказал мне батюшка и про отца архимандрита Моисея: «Однажды мужичок привез в Оптину целый воз яблок для продажи, ибо тогда еще в Оптиной не было яблок, то есть садов. Отец Моисей вышел к мужичку и спросил:

– Какие это яблоки и какая цена?

Мужичок, думая, что отец Моисей не понимает толку в яблоках, хотел обмануть и отвечает:

– Это – «Добрый крестьянин», яблоки – первый сорт.

Отец Моисей видит, что это недозрелая антоновка, и говорит:

– Как, как они называются?

– «Добрый крестьянин».

– Да этого крестьянина не Антоном ли звали?

Мужичок понял, что отец Моисей узнал сорт яблок, и в смущении отвечает:

– Простите, батюшка, значит, мне обратно ехать?

– Зачем? Позови ко мне отца эконома.

Когда тот пришел, отец Моисей приказал ссыпать яблоки в подвал, а мужичку дал ту цену, какую он запросил с самого начала...»

Господи, когда мы видим, что нас желают обмануть при покупке, то не умеем хранить спокойствие и доброжелательность, как это делал старец отец архимандрит Моисей. Господи, прости нас за отсутствие в нас святого благоразумия.

Однажды батюшка говорил, что по любимым игрушкам в детстве можно узнать будущий нрав человека.

– Это бывает так всегда. Конечно, есть отступления от общего правила, когда, например, гордый. Дерзкий человек поступает в монастырь и силою благодати становится кротким, незлобивым. Но общее правило таково, и я лично делал опыты. Однажды взял я трех маленьких детей и повел их в игрушечный магазин. Там я попросил положить на прилавок игрушки, а детям сказал, что можно выбирать только одну игрушку каждому. И каждый ребенок после некоторых колебаний и сомнений выбрал себе игрушку. Первый взял гармонию, это означало, что в нем сидит художник, любитель красоты; второй взял солдата, это означало его будущий сильный характер; третий взял раскрашенную резиновую лягушку-жабу, это означало его низменные наклонности. Выросли эти дети, и на каждом из них оправдалось это правило. А на последнем особенно, ибо он мне за мою любовь к нему отплатил «как следует», нечего сказать.

Господи, оказывается, по любимым игрушкам детства можно узнать будущий нрав человека: сидит ли в нем художник, или сильный характер солдата, или же – низменные наклонности. Господи, прости нас, что мы не очень наблюдательны за поведением людей и теряем с ними бдительность.

6 сентября батюшка рассказал мне про отца игумена Вениамина Наифской пустыни, что около Казани. Рассказ был о том, что в отношении ученика к старцу главное – вера ученика.

– Если спрашивают с верой, то Господь по вере спрашивающего и открывает ему Свою волю. Даже мирские священники по вере обращающимся к ним открывали волю Божию. Святые отцы говорят, что если с верой спросить младенца, то и через него Бог откроет Свою волю. А если спрашивать с испытующим духом, то Бог внушит и пророку сказать ложь.

Господи, Ты открываешь нам об отношениях ученика к старцу: в них главное – вера ученика. И мы, если вопрошаем с верой, то Ты, Господи, по вере вопрошающего, открываешь нам Свою волю. Господи, прости нас, что более с испытующим

духом мы вопрошаем духовников и старцев и поэтому Бог скрывает от нас Свою волю.

Я вам не рассказывал про отца игумена Вениамина, как он, не имея никого, к кому бы мог обратиться за советом, решил спросить у первого встретившегося ему младенца. Давно у него было желание построить колокольню в обители, а средств и благодетелей не было. Тогда он решил пойти в ближайшую деревню и у первого младенца спросить: строить колокольню или не надо. Идет, проходит около версты и видит, что идет женщина с маленькой девочкой. Когда они приблизились к нему, он, благословив их, спрашивает девочку:

– Как тебя зовут?

Та отвечает:

– Маша.

– Сколько тебе лет?

Она отвечает, что ей чуть ли не тридцать миллионов лет, а мать сказала, что ей около четырех лет.

– Ну хорошо, так скажи мне: строить мне колокольню или нет?

– Штрой (то есть строй).

– Спаси тебя Господи, деточка, – сказал отец игумен и возвратился в обитель. В этот же день приказал, он нанимать рабочих, готовить леса и вообще сделал надлежащие распоряжения. На следующий день приходит к нему какой-то подрядчик и говорит:

– Вот, батюшка, явилась у меня мысль пожертвовать вам в обитель заготовленный у меня кирпич – один миллион штук, только смущаюсь я тем, что вам некуда будет употребить.

А отец игумен и говорит:

– Спаси вас Господи, ведь я начал строить колокольню, и кирпич очень нужен.

– Ну вот и слава Богу, – отвечает подрядчик, – так я вам сегодня же начну перевозить кирпич.

И пошло дело, и выстроил хорошую колокольню. Вот видите, что значит вера...

Господи, вера и нам помогает делать дела Твои. Для этого надо только с верой спросить хотя бы младенца. И Ты

откроешь нам Свою волю и окажешь помощь при её исполнении. Господи, прости, что не имеем надлежащей веры в делах своих.

16. Запас терпения на целый обоз

Вспомнил батюшка те времена, когда в чудные лунные ночи он имел возможность ходить по скиту:

– Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по скиту и возвращаюсь потом в келию свою. А в келии у меня было всегда чистенько, перед иконами сияет лампадочка, а в окно смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келейку синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты, что их никак нельзя передать на словах. Я не могу передать вам на словах то блаженство, какое я тогда испытывал, необходимо самому это почувствовать... Вот и теперь такая же поющая и ликующая ночь.

Господи, как же важно для нас иметь чуткую и отзывчивую душу при виде красоты природы, от которой отрадно и покойно на душе. Господи, прости нас, что мало трудимся над тем, чтобы испытывать блаженство от созерцания поющей и ликующей ночи, от чистоты в своей комнатке, от сияния лампадочки.

Я пошел от батюшки с каким-то тихим, хорошим настроением. Быть может, батюшка поведал мне часть своих чувств, высоких и святых, насколько можно было передать их на словах и насколько могла их воспринять моя душа.

Выйдя от батюшки, я пошел тихо и остановился на перекрестке перед колокольной, облитой лунным светом. Я залюбовался этой картиной. Дубы и сосны стояли неподвижно, получив от лунного света какую-то особенную красоту. Все молчало в безмолвии своем, поя хвалебную песнь Вседержителю Богу. И я стоял безмолвно и неподвижно, как бы боясь нарушить эту тишину. Наконец я пошел в келью и встал на молитвенное правило...

Господи, нас не так часто посещает тихое и хорошее настроение от тех чувств, высоких и святых, которые мы слышим от духовно опытных людей и насколько их может воспринять наша душа. Господи, прости: мы не умеем любоваться красотой и безмолвием ночи, мы не умеем

услышать как в безмолвии своем все поет хвалебную песнь Вседержителю Богу. Прости нас, что после открывшихся переживаний, мы не встаем на свое молитвенное правило.

Батюшка говорил, что «сущность нашего иноческого жития – борьба со страстями... и нельзя самочинно проходить путь иноческой жизни...».

Господи, мы забываем, что суть монашеского жития – это борьба со страстями. Прости нас, Господи, что не боремся со страстями и самочинно проходим путь своей христианской жизни.

Однажды батюшка сказал мне:

– Вы поступили в скит через святителя Трифона. Это – великое дело. Конечно, в лице его действовал своими молитвами святой мученик Трифон. Вы должны ему молиться каждый день. Быть может, вы его какой-нибудь потомок, святые зорко следят за своим потомством. Ведь вы знаете, какая благодать дана святому мученику Трифону. Он охраняет от злых духов.

– А вот, батюшка, я прочел его житие перед первым моим приездом в Оптину. Оно мне понравилось, но то место, где повествуется, что святой приказал бесу явиться в лице черной собаки, мне тогда не понравилось, ибо я тогда этому не очень верил. Я имел о духах самое отвлеченное и строго невещественное понятие. И вот что я сейчас вспомнил: когда я жил у отца Кирилла (умер иеросхимонахом Кириаком), еще в первый мой приезд в Оптину, явился один из запоздавших посетителей. Было часов 9–10, когда он подошел к гостинице и видит, что дверь заперта. Тогда он постучал ко мне в окно и попросил, чтобы я ему открыл. Я пошел открывать, но не взял с собой огня, а была темная весенняя ночь (Великим постом было дело).

Я отворил дверь и жду, когда придет этот постоялец, чтобы запереть дверь опять, и вдруг, вижу, что из тьмы как бы отделяется тьма, и двигается ко мне, и входит на лестницу уже в виде черной собаки средней величины, наклонившей голову немного набок, медленно переступает она лапами по ступеням и идет к двери. Я в страхе захлопнул дверь, и все исчезло.

Через несколько секунд вошел постоялец, я ему, конечно, не сказал ни слова.

– Господи, – сказал батюшка, – Господи, – и, помолчав, продолжал: – Всегда захлопывайте дверь, когда к вам будет приходить эта собака. А она будет приходить, она не оставит вас, еще много раз придет к вам...

Господи, мы не молимся святому мученику Трифону, а ведь он охраняет нас от злых духов. Господи, прости нас за это и за то, что о духах имеем самое отвлеченное и строго невещественное понятие. А они, оказывается, могут приближаться к нам в виде черной собаки. Сохрани нас, Господи, от прихода подобной собаки.

За обедом батюшка сказал очень краткое слово:

– Считаю долгом напомнить вам, братия и отцы, в этот день, день памяти святого Иоанна Богослова, что необходимо всякому христианину, а наипаче облаченному в иноческий чин, иметь мир с Богом и людьми. Святой Иоанн Богослов говорит, что человек не может любить Бога, если не любит своего брата, что такой человек «ложь есть». Поэтому, братья, напоминая вам эти слова святого апостола Иоанна Богослова, я прошу вас не таить злобы в сердце своем на кого-либо, а иметь мир и любовь к ближним.

Это была главная и единственная мысль во всем кратком слове.

Всякому христианину необходимо иметь мир с Богом и людьми. И какую страшную ошибку допускаем мы, когда желаем любить Бога, не любя ближнего. Господи, прости нас, что не любя брата, думаем любить Тебя, Бога нашего. Такая мысль ложна. Прости нас, Господи, за неё.

Батюшка сказал, чтобы я прочел из «Невидимой брани» о четырех страшных и последних искушениях, бывающих перед смертью. Надо знать их и готовиться к ним...

Господи, мы еще не знакомы с четырьмя страшными и последними искушениями, бывающими перед смертью. А их надо знать и готовиться к ним, чтобы отразить их. Это четыре главных искушения: колебания веры, отчаяние, тщеславие и разные образы, в какие облакаются демоны, и какие

представляют отходящим из сей жизни. Господи, прости нас, что мы ничего не знаем об этих искушениях и остаемся неготовыми к ним.

Батюшка прочел мне немного из своего дневника и сказал:

– Я писал тогда каждый день и перечитывал свой дневник так: приходит, положим, 20 августа или другое число, и я беру все свои дневники и прочитываю то, что думал, чувствовал и делал в то же число и месяц в другие годы. Великое дело – так следить...

Господи, мы не научены вести дневник своей жизни, потому нам и нечего перечитывать каждый год, чтобы увидеть о чем мы думали, что чувствовали и делали в то же число и месяц другого года. Господи, прости нас, что не внимали себе и не размышляли о прожитой жизни.

«В 1888 году, 17 сентября, я видел сон, будто входит ко мне в номер старец и, указывая на часы, спрашивает:

– Сколько времени?

Я отвечаю, глядя на часы:

– Полчаса седьмого.

Старец опять:

– Сколько времени?

Я отвечаю:

– Полчаса седьмого.

Старец опять:

– Сколько времени?

Я даже в некотором раздражении:

– Полчаса седьмого.

Старец:

– Через три года в этот день и час ты умрешь.

И я просыпаюсь, подхожу к окну, отдергиваю занавеску, беру стоящие на столе часы и смотрю: они показывают 35 минут седьмого. Я был поражен: вот какие еще сны бывают, соответствующие действительности. И подумал я: надо исправлять свою жизнь.

Проходит два года, уже и третий подходит к концу, наступил уже сентябрь, месяц. Значит, скоро умру. Поехал я тогда в Раифскую пустынь. Приехал я туда 13 сентября, в день

обновления храма Воскресения. Была пятница. 14 сентября – Воздвижение Креста, а тогда как раз на новую колокольню подымали крест, и подумал я: не мой ли это крест возноситься? 15-го было воскресенье. Я подготовился и 17-го числа приобщился Святых Христовых Тайн, но не умер. Пришел к себе в гостиницу в номер, и думаю: не поступить ли в святую обитель? И начал подыскивать себе место. И в этот же день 17 сентября 1891 года я получил от отца Амвросия благословение поступать в скит (смерть для мира). Это было его последнее благословение; Смотрите, как все премудро происходило».

Господи, нам тоже Ты посылаешь мысль: надо исправлять свою жизнь, потому что и наша смерть не за горами. Господи, прости, что медлим в деле исправления своей жизни и помоги опыт этой подготовки к исправлению взять из жизни старца Варсонофия.

«Все это предзнаменовало то, что предстояло мне в духовной жизни: 13 сентября – обновление храма, это значило, что мне надо прежде обновить храм свой душевный. Затем 14 сентября – Воздвижение Креста, то есть что когда храм обновлен, то на него надо воздвигнуть крест, крест духовной жизни. Это воздвижение бывает и общее и частное. Оно бывает с каждым человеком, но многие, прожив всю свою жизнь, не заметили ничего подобного. И, наконец, 15 сентября было воскресенье, то есть когда на мой душевный храм воздвигнут крест и душе остается только воскреснуть к духовной жизни». Затем батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так:

– Лучше умру, а не уйду из скита.

Господи, сподоби нас приспособить к своей жизни план размышления, что нам предстоит сделать в своей духовной жизни: сначала обновить храм наш душевный, затем воздвигнуть над ним крест духовной жизни и, наконец, когда на наш душевный храм воздвигнут крест, то душе остается только воскреснуть к духовной жизни. Господи, прости нас: мы не работаем над собой по этому плану и не готовимся к перенесению скорбей, которыми враг хочет отвлечь нас от указанного плана.

К батюшке был не расположен скитоначальник отец Иосиф, будучи раздражаем по действию диавола другими. Зная это, я спросил:

– Как же вы относились к отцу Иосифу?

– Я относился к нему как к своему начальнику, на все брал у него благословение, например выйти из скита и прийти. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их отцу Венедикту, и то решился на это не иначе как с благословения отца Иосифа. Я веровал, что через него, как через поставленного на сие место, действует благодать.

Господи, примером жизни старца Варсонофия Ты ставишь нам на вид как следует себя вести, если начальство не расположено к нам, будучи раздражаемо по действию диавола другими. Господи, помоги нам понять, что главным остается в этом случае закон послушания: все делать с благословения начальствующего и даже испросить у него благословение открывать помыслы другому духовнику.

– Если Богу угодно и вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре, то знайте, что это – тяжелый крест. Отец Амвросий говорил: «Монаху простому нужен терпения воз, а настоятелю – целый обоз».

Господи, если Тебе угодно будет возложить на нас начальственный крест, то помоги нам помнить слова старца Амвросия: «Монаху простому нужен терпения воз, а настоятелю – целый обоз». Господи, прости, что этот «обоз терпения» мы не запасаем и не берем из него необходимую порцию в различных жизненных обстоятельствах.

Затем батюшка говорил, как побеждать страсти, чтобы приобрести чистоту сердца: для этого необходимо читать Жития святых и современных подвижников, как живые яркие примеры борьбы со страстями, и вообще читать святоотеческие писания...

Господи, старец Варсонофий учит нас побеждать страсти ради чистоты сердца, читая Жития святых и жизнеописания современных подвижников, отыскивая в них живые примеры борьбы со страстями, и читать другие святоотеческие писания Господи, прости нас, что читаем их не с этой целью, а чаще и

совсем не читаем их, все нам некогда. Господи, вразуми нас как нам вымолить у Тебя прощение.

17. Твердость и вера в перенесении скорбей

Как-то после бдения я сказал батюшке, что с трудом выстоял службу. Батюшка спросил:

– По какой причине? – Я говорю:

– По телесной немощи.

– Да, – говорит батюшка, – а иногда уходят из храма из-за помыслов. Это, конечно, неразумно. Враг поднимает брань помыслов с целью вывести из храма. Не должно поддаваться врагу. В большинстве случаев у молодых бывают блудные помыслы, а у старых – помыслы гнева, воспоминания старых обид. Враг как бы говорит: «Ты помнишь, такой-то вот тебя оскорбил, а ты смолчал, ни слова ему не сказал. Эх, ты! А ты ему вот то, и вот это сказал бы». – Иногда от подобных помыслов человек весь вспыхнет от гнева. Надо бороться.

Господи, нередко помыслы уводят нас из храма. Господи, прости, что поддаемся им: или блудным, или гневным, или вспоминаем старые обиды, и не боремся с ними.

Я спросил батюшку:

– Может ли быть Иисусова молитва в человеке страстном?

– Может, – отвечал батюшка, – может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побеждает его, а во второй период при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть. Страсть остается в человеке до самой смерти, и бесстрастие может быть только относительное. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники (например, преподобный Иаков), проводя жизнь в подвигах, впадали в грех.

Господи, в нас, страстных, молитва Иисусова может быть: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в нас, часто побеждает нас, а во второй период при всяком возбуждении страсти мы можем побеждать ее. Господи, прости, что мы не усвоили себе этого закона молитвенного и при неудачах бываем искушаемы оставить эту молитву.

Я помню, в Казани был блаженный Николушка. Он говорил, обращаясь к людям доброй жизни: «Как покойники-то? Спят?» Я

тогда не понимал смысла этих слов, и понял их только здесь, в скиту, и удивился глубине смысла их. Он страсти называл покойниками. Покойник лежит, значит, существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть в проходящем молитвенный подвиг и достигшем уже внутренней молитвы подобна покойнику.

Господи, существует у духовных людей обычай называть страсти «покойниками». Покойник лежит, значит, существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть. Господи, прости нас, ибо наши «покойники» еще живы и досаждают нам своими «наездами», и мы уязвляемся ими.

Я спросил:

– Непарение мысли, то есть внимательность, при молитве считается первым даром в любом случае или это касается только молитвы Иисусовой?

Батюшка ответил, что только молитвы Иисусовой.

Господи, Ты открываешь нам ценное наблюдение делателей Иисусовой молитвы – считать внимательность первым даром только Иисусовой молитвы. Прости, Господи, что этого дара мы у Тебя не выпрашиваем и непарение мысли не считаем для себя обязательным.

– Спрашивают, как легче спастись? Один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а другой только смиряется – с таким вопросом обратились к преподобному Варсонофию Великому, а он ответил (я говорю, конечно, приблизительно к его словам): «Чадо, ты не так ставишь вопрос. В псалме сказано: «Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя...» Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения: одно должно быть необходимо сопровождаемо другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться и смиряться, как сказано в псалме: «Виждь смирение мое и труд мой», то получим награду – оставление грехов, как сказано: «...и остави вся грехи моя». Поэтому необходимо упражняться и в том и в другом».

Господи, Ты приковываешь наше внимание к двум составляющим наше спасение: к истинному смирению, которое никогда не бывает без труда, и к истинному труду, который никогда не бывает без смирения. Господи, прости нас, что мы не упражняемся в том и другом.

Читали с батюшкой об Иисусовой молитве. И батюшка заповедал мне творить молитву Иисусову устную и на военной службе, но хранить эту тайну, не открывая ее никому, не уча никого, хотя, быть может, и будут встречаться люди хорошие.

– Теперь решают так, – говорит батюшка, – молись не молись – все равно не достигнешь молитвы. Теперь прошли, дескать, те времена. Это, конечно, внушенная диаволом мысль. Иисусова молитва необходимо нужна для входа в Царство Небесное. Многим бесполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы, Бог дает ее или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой. Когда я это прочитал, я усомнился: верно ли я это понимаю? И начал искать подтверждения этому и нашел во многих творениях святых отцов, а также и у Паисия (Величковского). А теперь мы прочитали еще и здесь (в книге «На горах Кавказа»).

Господи, Ты открываешь нам, что Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное. Прости нас, Господи, что не усердны в молитве и бываем склонны возгордиться. Вот и уходит от нас внутренняя молитва. Прости нас.

Вчера на бдении батюшка говорил нам слово вместо поучения.

– Сегодня, – говорил батюшка, – Святая Церковь празднует в честь святых Бесплотных Сил Небесных, в лике которых святой Архистратиг Михаил занимает одно из первых мест. Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту после обедни, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, по-видимому, своему сыну, говорит:

– Вот смотри: идет ангельский чин.

Эти простые слова очень повлияли на меня. Да, действительно, монах должен быть подобен Ангелу.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и Ангелы, то есть что монаху в борьбе со страстями и дьяволом помогают Ангелы. Бывший прежде Ангел – Денница, а ныне отверженный, падший злой дух – дьявол – везде и всегда старался и старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение. Он воздвиг гонение на христиан, он породил массу ересей, он воздвигал всякие немирствия и беспорядки, и ныне он старается посеять то же самое и, увы, часто успевает.

Господи, для нас целое открытие, что монах должен быть подобен Ангелу, ибо ему в борьбе со страстями и дьяволом помогают Ангелы. Дьявол всегда и везде старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение, он воздвигает всякие немирствия и беспорядки. Поэтому и необходима нам помощь Ангелов. Господи, прости, что плохо молимся бесплотным силам, чтобы они боролись за нас с демонами.

Ко мне приходят вести, что один ропщет или скорбит на другого, а один обижен другим. Ко мне приходят с жалобами. А что я отвечаю таким? Конечно, одно: надо помириться; пойдти, попроси прощения, поклонись... Некоторые, к сожалению, медлят, и проходит иногда значительное, время во вражде. Это не должно быть так, честные отцы и братия. Монах должен быть исполнен любви к Богу и ближнему. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. А все заповеди сводятся к двум: 1) «Возлюби Бога всем сердцем твоим, всей душою своею и всей крепостию своею» (Мф. 22, 37) и 2) «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (ср. Мф. 22, 39). Эти две заповеди совмещают в себе весь закон и заповеди Божии.

Ангелы на небесах преуспевают в любви. Вся жизнь монаха должна быть – любовь. Наши великие старцы: отец Лев, отец Макарий, отец Амвросий, отец Анатолий – действительно имели эту любовь. А какой чести и славы сподоблялись они еще при жизни их за эту любовь, можно видеть из следующего. Когда батюшка отец Анатолий по приглашению отца Иоанна

Кронштадтского поехал для соборного служения с ним и когда началась литургия, то отец Иоанн увидел, что с отцом Анатолием служат два Ангела. Неизвестно, видел ли их сам отец Анатолий или нет, но отец Иоанн ясно видел их...

Господи, мы не всегда готовы пойти, попросить прощения, поклониться тем, кто ропщет или скорбит на нас или обижен, чтобы восстановить мир. Господи, прости нас. Ведь мы, христиане, живущие в миру, как и монахи, должны быть исполнены любви к Тебе, Богу нашему, и ближнему, стать исполнителями всех заповедей Твоих. Прости нас, Господи, что жизнь наша не наполнена делами любви к Тебе, Богу нашему и к ближним.

Я счел нужным напомнить вам именно в этот день о высоком назначении монаха... Да будет между нами, согласие, и любовь. Старец преклонных лет отец иеросхимонах Игнатий, скончавшийся лет двенадцать назад, говорил мне так: «В мое время вся Оптинская братия отличалась взаимным согласием и любовью, а в особенности скитяне». Постараемся, братие, и мы следовать этому...

Господи, и нам необходимо помнить о высоком назначении христианина, хранить между собой согласие и любовь. Господи, прости нас, не имеющих взаимного согласия и любви.

Иногда выражают мне некоторые свое желание высшей монашеской жизни, высших подвигов. А что может быть выше прощения обид, оскорблений, терпения скорбей и немощи братской? Вы, вероятно, помните случай из жития преподобного Пахомия. К нему приходит инок и говорит: «Авва, благослови меня, я хочу предать себя на мучение, дабы иметь мученический венец». А преподобный Пахомий говорит: «Нет, отче, советую тебе оставаться в обители, нести всю тесноту иноческого жития и немощи собратий и отречься от своей воли, – и это вменится тебе в мученичество».

Видите, значит, всякий монах, терпящий все благодушно, имеет мученический венец!

Батюшка говорил, что смирение и любовь – самые высокие добродетели и должны быть отличительной чертой всякого монаха.

Господи, когда мы прощаем обиды, оскорбления, терпим скорби и немощи ближних, мы отрекаемся от своей воли и это вменяется нам в мученичество. Господи, мы забываем об этом, не терпим все благодушно. Господи, прости нас за отсутствие стремления получить мученический венец, проявляя смирение и любовь в отношениях с ближними.

Говорил батюшка, как трудно ему приходилось, когда он был рясофорным монахом, какие были на него гонения:

– Я все это говорю вам для того, чтобы показать, что нам нужно надеяться только на Бога. Иногда приходилось так, что впору уходить из Скита. Но я решил: лучше умереть, нежели уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь... И кто тогда мог подумать, что этот всеми уничижаемый послушник через несколько лет будет игуменом скита и старцем?.. И предполагать этого нельзя было, но раз такова воля Божия, то так и вышло, никакие препятствия не помешали. Не напрасно сказано в псалме: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения» (см. [Пс. 145, 3](#)), а надейтесь на Бога. Только эта твердость и вера помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизреченно утешал меня. Любил я читать святых отцов, а в особенности Псалтирь, – и какие глубины иногда открывались мне. Так вот я вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак не на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка.

Господи, нам в несении своего жизненного креста необходимо надеяться только на Тебя и на Твою Пречистую Матерь. Господи, прости нас, что не имеем твердости и веры в перенесении скорбей и помоги надеяться только на Тебя, чтобы всякое зло отпадало от нас как отрубленная ветка.

18. Соединение всех сил души воедино для устремления их к Богу

Хочется записать одну из бесед с батюшкой о молитве Иисусовой. Когда я пришел к батюшке под впечатлением прочитанного в книге «На горах Кавказа», батюшка сказал:

– Я долго не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это означает соединение всех сил душевных воедино для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в молитве Иисусовой, а везде. Какую, например, имеют красоту нота или звук, взятые в отдельности или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных композиторов дают нам воспринять великую силу и красоту. Про живопись и другое я уже не буду говорить...

Господи, нам трудно понять, что такое соединение ума с сердцем. Старец Варсонофий открывает свое понимание сущности этого соединения. Оно означает соединение всех сил душевных воедино для устремления их к Богу. Господи, прости нас, что силы душевные у нас по большей части разъединены и поэтому не устремлены к Тебе. Господи, прости нас, что не умеем пользоваться законом единения не только в молитве Иисусовой, но и везде.

Ум, когда упражняется в чтении Священного Писания, молитве и тому подобном, очищается от страстей и просветляется. Когда же он погружен только в земное, то он становится как бы неспособным к пониманию духовного.

Господи, мы мало упражняем ум в чтении Священного Писания, молитве и тому подобном и по этой причине не даем ему возможности очищаться от страстей и просветляться. Господи, прости, что погружением только в земное мы делаем свой ум как бы неспособным к пониманию духовного.

Страсти легко побеждать в помыслах, но когда они перейдут в слова и дела и укоренятся, то – очень трудно, почти невозможно...

Господи, прости нас, мы не ищем победы над страстями в помыслах.

17 ноября батюшка рассказал нам с отцом Никитой, как ровно двадцать лет назад, 17 ноября 1889 года, он чуть не умер. В августе 1889 года числа 26–28-го, батюшка был в первый раз у отца Амвросия.

На желание батюшки поступить в монастырь отец Амвросий посоветовал ему дослужить до пенсии, то есть еще два года прослужить, и тогда поступать, а пока жить в миру богоугодно и до Рождественского поста, то есть с августа до 15 ноября, поговеть четыре раза. Это батюшке показалось странным и непонятным: почему так?

Господи, мы довольно часто теряем из вида мысль, что нам надо жить богоугодно и говеть. Прости нас.

Но все было исполнено, и вот 17 ноября батюшка вдруг почувствовал себя дурно, послали за доктором и за священником.

– А мысль мне говорит: ты сейчас умрешь. Я только об одном молил Бога, чтобы приобщиться Святых Тайн. Ужас смерти овладел мной. Наконец приходит священник. Начал меня исповедовать, я ничего не могу сказать, только: «Грешен, грешен». Священник сделал мне несколько вопросов, разрешил меня и приобщил. Я успокоился, хотя доктор сказал, что до утра едва ли доживу.

Господи, редкий из нас переживал ужас смерти. Острая необходимость исповедаться и причащаться Святых Тайн еще не стала достоянием нашего сознания. Господи, прости нас, что не вспоминаем «последняя своя» и не готовимся к переходу в жизнь иную.

«Я лег на кровать, накрыли меня одеялом, и я остался один. Вдруг слышу, словно какой-то голос с неба: «До-о-он... н...», – это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе моей кто-то сказал: «Будешь жив...» Мне стало отрадно, и я уснул. Наутро мой денщик приходит и поднимает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю:

– Ты что, Александр? Денщик обрадовался и говорит:

– Да Вы живы, Ваше Высокоблагородие?!

– Да, жив, – отвечаю, хотя после этого и лежал два месяца, борясь со смертью. Я просил раскрыть дневное Евангелие и прочесть мне его. Александр взял и начал читать притчу о бесплодной смоковнице: «Во грядущее лето посечеши ю, аще не сотворит плода» (Лк. 13, 9). Я и подумал, что, действительно, я – бесплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели, потому что был по внешности исправен. И решил я переменить свою жизнь. Ждал я смерти и на следующий год в этот день, но остался жив, и ныне уже прошло двадцать лет с того времени...

Когда я был еще послушником, я начал искать подтверждения сему, ибо это говорит только один преподобный Симеон. И вспомнил текст Евангелия: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8). Если переставить слова, выходит так: Бога узрят только чистые сердцем.

Господи, необходимо и нам задумываться на предмет нашего соответствия «бесплодной смоковнице», хотя и имеем разные добродетели, потому что по внешности мы исправны. Господи, прости нас за наше бесплодие, очисти наше сердце, чтобы мы могли чистым сердцем видеть Тебя.

Внутренняя молитва Иисусова и есть соединение ума и сердца для устремления к Богу...

Запишу слова преподобного Симеона Нового Богослова о внутренней молитве Иисусовой: «Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не соединится с Ним». Это мы с батюшкой прочитали в книге «На горах Кавказа», в том месте, где говорится о необходимости молитвы Иисусовой. «Это страшные слова», – говорил батюшка.

Господи, внутренняя молитва Иисусова важна для нас соединением ума и сердца для устремления их к Богу. Господи, мы эту цель не ставим перед собой, когда произносим слова этой молитвы. Господи, прости нас, что не доискиваемся этого смысла и не страшимся слов святых: «Кто не соединится с Господом Иисусом Христом здесь на земле, тот и никогда не соединится с Ним».

Я думал, что если бесы могут внушать нам мысли, и если душа может слышать слова бесов, то бесы видят и слышат наши мысли. Но батюшка сказал, что это не так.

– Бесы могут нам внушать мысли, но не могут знать, приняли ли мы их или нет. Поэтому они делают так: внушают нам мысль и смотрят на лицо, желая по его выражению узнать, как отнеслись мы к этим мыслям.

Это мне многое открыло и сделало понятным.

Господи, старец открывает нам, что бесы не могут знать, приняли ли мы или нет внушенные ими мысли, но они смотрят на наше лицо, пытаясь понять, как мы отнесемся к их мыслям. Прости нас, Господи, что не следим за своим лицом и выдаем себя на поругание бесам.

– Я помню, когда я был маленький, – рассказывал батюшка, – у нас была картина в доме. Она изображала следующее: стоит Петр Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какое-то преступление. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, потому что он стар, не сможет перенести тяжких трудов, кроме того, в нем нуждается семья.

– Лучше меня сошли в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен, – сказал юноша.

Петр Великий прослезился и сказал:

– Освобождаю этого отца за то, что у него есть такой сын.

Так мне рассказал про эту картину мой отец и учил меня молиться за него. Да и вообще учил он меня молиться. Возьмет, бывало, меня и поставит с собой и велит прочесть «Богородицу», «Царю Небесный» и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть в один день. Конечно, я и теперь молюсь за него каждый день.

Господи, мы не учим своих детей молиться о нас, как это делал отец преподобного Варсонофия, и заступаться за нас пред Тобою, Боже. Прости нас, Господи, что не научили своих детей каждый день молиться о нас. Прости нас, что не помним каким именно молитвам нас научили отец и мать.

Батюшка говорил мне о покойном отце Анатолии, великом старце.

– Он любил Бога, как только можно было Его любить! И это чувствовалось всякому, кто к нему приходил...

Господи, мы не подражаем в любви к Богу, как это делал отец Анатолий, великий старец. Аромат этой любви чувствовал всякий, кто к нему приходил. Господи, прости нас, что не развиваем в себе обоняние на присутствие в нашей жизни духовной любви к Богу святых.

Батюшка указывал на поучения преподобного аввы Дорофея как на прекрасные, поучающие нас внешнему и внутреннему монашеству:

– Сначала надо приобрести внешнее монашество или монашеское ученичество, но на этом не останавливаться, а идти далее. Вот преподобный авва Дорофей и учит, как соединять одно с другим. Внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой.

Господи, нам важно знать о соединении внешнего и внутреннего монашества. Авва Дорофей учит, что внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой. Господи, прости нас, что не пользуемся молитвой Иисусовой для очищения сердца от страстей.

Припоминается мне батюшкина беседа о господине Погожеве, известном более под псевдонимом Поселянин. Он пишет статьи духовно-нравственного содержания.

– Вы себе представить не можете, какая громадная разница между теперешним его лицом и прежним. Ничего нет общего!

Я помню, был он у нас в скиту за трапезой лет пятнадцать-семнадцать назад. Я сидел в уголке около портрета отца Паисия Величковского, а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что я говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях.

Было лето, окна в трапезной были растворены. Он сидел как раз перед окном, спиной к читающему. Помню, подали уже второе или третье, он скушал две-три ложки и, положив ложку, устремил свой взгляд в окно. И чувствовалось мне, что смотрит

он на храм, на чудные сосны, затем поднимает взор все выше и выше, в голубые небеса с мыслью о великом и бесконечном Боге. Я подумал тогда: «Господи, каким же должен быть внутренний мир этого человека?!»

Господи, мы не умеем любоваться внутренней красотой человека, которое выступает наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях. Эта красота чувствуется и во взгляде. Господи, прости нас, мы не умеем любоваться внутренней красотой человека, не умеем замечать явных признаков этой красоты. Прости, что не умеем задуматься: «Каким же должен быть внутренний мир этого человека?»

До тех пор я уже знал его по сочинениям, а тогда и просто полюбил его. Я попросил у отца Иосифа благословения познакомиться с ним, и отец Иосиф прислал его ко мне в келию, и там была у нас беседа с ним первая и последняя.

Вот я ему и говорю теперь, когда он был у меня:

– Вы помните тогдашнюю нашу беседу?

– О да, она вся у меня здесь. – Он прижал руки к сердцу.

– Помните, я тогда говорил о внутреннем, или, как его называют иногда, о мистическом монашестве, которое вам, собственно, и нравится... Так вот поступайте к нам в Скит, вам еще не поздно. Но только не думайте, что сразу, нужно на небо взлетать и мертвых воскрешать. Нет, сначала нужно упражняться во внешнем монашестве, перешагнуть его. А приступать сразу ко внутреннему нельзя, нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления, и внутри себя от диавола, и совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое. Поступайте к нам в скит, дам вам келию. Будете ночью выходить любоваться чудным звездным небом... И сами посудите, что принес вам мир? Какую получите вы от него пользу?

– Хорошо. Теперь я буду приезжать в Скит. Ну а если я поступлю в Скит, то меня заставят бревна таскать, а я этого не могу...

– Нет, вас не заставят бревна таскать прежде всего потому, что вы не сможете ни одного бревна поднять. Послушание всегда дается сообразно с силами.

Видите, вот какие у него в этом дикие понятия о монашеской жизни, хотя про монашество он всю жизнь писал. А почему? – потому что не проходил личным опытом монашеской жизни.

Господи, прости, что, не имея правильного представления о монашеской жизни, мы судим о ней поверхностно, не испытываем личным опытом внутренних и внешних основ монашества, не пытаемся ими изменить свою жизнь.

Когда батюшка кончил говорить, я спросил:

– А что нужно относить к внешнему и что к внутреннему монашеству?

– Над этим вопросом потрудились много и епископ Игнатий, и епископ Феофан. Епископ Игнатий написал об этом отдельную статью во втором томе, а епископ Феофан отдельную книгу «Внутренняя жизнь». Внешнее монашество – это упражнение в подвигах: пост, бдение, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество – это борьба со страстями, очищение сердца.

Господи, будем также знать, что внешнее монашество – это упражнение в подвигах поста, бдения, исправного по внешности посещения церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество – это борьба со страстями, очищение сердца. Господи, прости нас, мы весьма мало уделяем внимания и сил, чтобы обе стороны подвига присутствовали в нашей жизни.

19. Спасительное чувство ученичества

Однажды, перед вечерними молитвами, батюшка сказал так:

– Долго я не понимал слов псалма: «Глас Господа, пресецающего пламень огня» (Пс. 28, 7). И уже в монастыре я подумал так: на земле мы имеем огонь, пламень которого имеет и жар, и свет. Но между адом и раем огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без всякого света жжет грешников в аду, ибо пишется, что бездна адского пламени находится во тьме, и даже грешник не может видеть никого другого... Господи, спаси и помилуй!

Господи, «глас Твой пресекает пламень огня». Господи, прости нас, что не знаем этой истины и не готовим себя к восприятию света, который находится в раю и веселит праведников. Господи, спаси и помилуй нас.

Адские муки, несомненно, существуют, и эти муки будут вещественны. Души праведников и грешников имеют даже одежду. Например, ведь святители являлись в святительских одеждах. Там, может быть, будут города и тому подобное. Все видят адские муки в условиях земного существования, только там будет не это грубое тело, а более тонкое, вроде газообразного. Но все это будет до Страшного суда, а что будет после него, того никто не знает, даже Ангелы. Это тайна...

Господи, у нас нет спасительного страха перед адскими муками, а ведь они будут вещественны. Господи, прости нас за непонимание того, что «там» ожидает нас. Чем хочешь накажи нас, Господи, здесь, только помилуй там.

Батюшка прилег немного отдохнуть, а я сел читать «Отечник» епископа Игнатия Брянчанинова.

– Вы хорошо сделали, что стали читать эту книгу. Она составлена так: епископ Игнатий выписывал то, что отвечало на волнующие иноческие вопросы. С этой стороны этот труд его незаменим. Многие недоумения, долго волновавшие кого-нибудь, сразу разрешаются какой-либо выпиской.

Господи, прости нас, что редко берем в руки «Отечник» епископа Игнатия Брянчанинова и тем самым лишаем себя разрешения многих недоумений, случающихся в духовной жизни. Господи, подружи нас с этой замечательной книгой.

Была у меня беседа с батюшкой...

Когда скончалась моя мать, я не поехал ее хоронить, я был уже в скиту, а поручил все сделать одному доверенному лицу. После ее похорон мне переслали тысячу рублей, и я решил эти деньги дать отцу Иосифу на вечный помин родителей.

Я был тогда уже рясофорным. Не знаю почему, меня записали на главную таблицу, как и следует по сумме вклада, как раз после отца Иосифа. И я и все, конечно, слышали, как всегда поминали: «Иеромонаха Иосифа, монаха Павла» и далее. И вот мне помысл говорит:

– Ты будешь после него начальником и старцем, ты будешь его преемником...

Я отвечаю:

– Как я могу им быть, когда я всеми унижаем, презираем, гоним и неспособен по болезни глаз?

Проходят годы, я остаюсь таким же бедным послушником... Проходят годы, настает японская война, и я еду на войну, по назначению за послушание, и говорю своему помыслу:

– Ну вот, как же я буду старцем? Когда возвращусь?

Потом оканчивается война, и я возвращаюсь в скит. Когда приезжаю в скит, то узнаю, что отец Иосиф так заболел, что до утра даже, кажется, не доживет... И действительно, меня назначают духовником, старцем и начальником скита.

Вот я и говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл... Но если бы я не был начальником скита, вас бы не приняли в скит...

Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я был у отца Варнавы, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне:

– Будут тебе все кланяться. Будешь жить и творить молитву Иисусову.

Господи, ничего нет случайного в нашей жизни. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл. Мы же не всегда этим случайностям придаем надлежащее значение, связанные с Твоим, Господи, Промыслом. Прости нас, Господи, и помоги предсказанное отцами с трепетом и благоговением удерживать в нашей памяти, жить и творить молитву Иисусову.

На благословении я сказал батюшке, что замечаю в себе рассеянность и нерадение. Когда я это сказал, батюшка прижал мою голову к своей груди, положил свою руку и накрыл своей полумантией, и, осеняя меня и мою голову крестным, знамением, прочитал псалом 90-й – «Живый в помощи Вышняго».

Господи, случается и нам замечать в себе рассеянность и нерадение. Поэтому, когда это случается на благословении у духовника нам надо об этом ему сказать. Господи, прости, мы на благословении этого не говорим и потому не получаем молитвенного от него подкрепления в своей немощи.

В день памяти преподобного Макария я был у батюшки. Батюшка сел на диван и посадил меня рядом, как раз под портретом отца Макария. Я читал книгу «На горах Кавказа»: Эта книга написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой – путь ее прохождения, цель и плоды.

Между прочим, я прочел там место о том, что хорошо трудиться на молитвенном пути, созерцая «несозданную красоту» Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Это место очень глубоко, и я прочел его батюшке. Батюшка ответил, что это, вероятно, из творений преподобного Макария (19-я беседа).

Господи, книга «На горах Кавказа» написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой – путь её прохождения, цель и плоды. Господи, прости нас, что мы с этой книгой не знакомы или едва знакомы, так что не знаем и не можем трудиться на молитвенном пути, созерцая «несозданную красоту» Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Господи, прости нас.

- Сегодня память преподобного Максима Исповедника.
- Обратили ли вы внимание на кондак этому святому?

Я говорю:

– Нет.

– Дайте сюда Псалтирь. Читайте.

Я начал:

– «Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне...»

– Здесь говорится про молитву Иисусову, – прервал мое чтение батюшка, – теперь дальше читайте.

– «Являюща Божественная концем неудобопостижных разумений ты сказуяй, блаженне, и Троицу всем, Максиме, воспроповедуй ясно пресущную, Безначальную».

– Ну вот, теперь понятно, почему отец Амвросий под подушкой имел творения святого Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны.

Господи, через святого Максима Исповедника Ты открываешь нам, что он является нам «концом неудобопостижных разумений Божественных и Троицу всем воспроповедуяй ясно». Господи, прости нас, что мы не прибегаем к помощи Преподобного, когда встречаются нам «неудобопостижные разумения».

Батюшка добавил:

– Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, тот смирялся и более всех, а теперь лишь заметят, что нужен, – возгордится, и тронуть его нельзя.

Господи, сколь важно для нас наблюдение старца Варсонофия, говорящего об одной особенности жизни в монастыре и храме: «Кто замечал, что нужен обители или храму, тот смирялся и более всех, а теперь лишь заметит, что нужен – возгордится, и тронуть его нельзя». Господи, прости нас, что полностью подпадаем под эту меру о возгордении и ведем себя недостойно.

– И еще сказал батюшка:

– Да, вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец и ученик единомушно. Как старец говорил с учеником, так я только с вами говорю.

– Глубокая истина. Ученик должен быть всегда при старце, который должен знать и чувствовать все, чем дышит и что

переживает ученик. При многолюдстве это невозможно. Не потому ли такой преданный ученик, как епископ Игнатий, покинул своего старца, отца Льва?

Господи, мы редко и неглубоко задумываемся, как единодушно прежде жили старец и ученик. Ученик должен быть всегда при старце, который должен знать и чувствовать все, чем дышит и что переживает ученик. Господи, прости, мы так не говорим со своим духовником. У многих из нас нет этого спасительного чувства ученичества. Мы преимущественно самоучки, слушать никого не желаем. Прости нас.

Батюшка говорил о страстях и особенно о блудной, о том, что блудная страсть и сребролюбие одинаково сильны, от них никто не застрахован, хотя, конечно, каждому возрасту соответствует преимущественно одна страсть. У старых – обыкновенно скупость и сребролюбие, а у молодых – блуд.

Господи, каждому возрасту, говорит старец, соответствует преимущественно одна страсть. У старых – скупость и сребролюбие, а у молодых – блуд. Господи, прости, что эти страсти поднимают в нас свою голову и сильно досаждают нам, а мы слабо с ними боремся.

20. «Молитва да прилепится дыханию твоему»

Я спросил батюшку:

– Вы мне сказали, что молитву Иисусову за церковной службой надо творить только тогда, когда не слышишь, что читают, или когда плохой чтец, так что трудно разобрать. Также и относительно пения. Когда вы мне это говорили, то специально упоминали, что так учил отец Амвросий. Но вот я прочитал у епископа Игнатия и у преподобного Серафима Саровского, что надо молитву Иисусову творить за службой все время. Здесь я чувствую разногласие, а потому хочу понять, как примирить между собой оба эти учения?

Господи, нам известно, что молитву Иисусову за церковной службой надо творить только тогда, когда не слышишь что читают или поют. Другое мнение – что молитву Иисусову надо творить за службой все время. Господи, прости нас, что не знаем как примирить эти два учения между собой. И помоги разобраться в этом.

Прежде всего, каждый учит по своему личному жизненному опыту. Кроме отца Амвросия так учили отец архимандрит Моисей и отец Макарий. А, несомненно, они были опытны и имели внутреннюю молитву. Затем, одно приличествует новонаначальному, другое – уже приобретшему внутреннюю молитву. Имеющему внутреннюю молитву молитва так же свойственна и естественна, как дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают. Этого не понимал ученик одного старца и просил его разъяснить, как же это так: и слушает, и молитву творит. Старец спросил:

– Скажи мне, брат, что мы сейчас делаем?

– Беседуем.

– Да. А скажи, мешает ли нашей беседе то, что мы дышим?

– Нет.

– Ну вот, так же и молитва идет у тех, кто стяжал молитву внутреннюю. Она им так же естественна, как и дыхание. По-

этому сказано: «Молитва да прилепится дыханию твоему». Даже когда человек спит, молитвенное действие не прекращается у него в сердце по слову: «Аз сплю, а сердце мое бдит». Но этого мы не имеем. Мы просыпаемся и не имеем даже на устах имени Господа Иисуса.

Господи, Ты открываешь нам, что новонаначальному приличествует молитва внешняя, словесная, а уже приобретшему внутреннюю молитву – соединять ее с дыханием. Господи, прости нас, что мы мало уделяем внимания качеству нашей молитвы и почти не следим, чтобы наша молитва прилеплялась к нашему дыханию. Господи, прости нас и за то, что не приучаем свое сердце быть бдительным пред Тобой.

– Теперь скажу и о службах. Наша молитва не получила еще такой собирательной силы. Наши мысли не имеют еще сосредоточенности. Мы еще не можем так глубоко вникать в молитву Иисусову, а поэтому мы за службой, если будем творить молитву, то будем плохо слушать, что читают и поют, да и в самой молитве будем окрадываться рассеянностью и получится, что ни к тому, ни к другому не пристали. И ничего не выйдет.

Господи, прости нас, ибо молитва наша не получила еще собирательной силы. Наши мысли еще не имеют сосредоточенности. Мы еще не можем глубоко вникать в молитву Иисусову, а поэтому и за службой плохо слушаем, что читают и поют. И в самой молитве рассеянность крадет у нас внимание и благоговение к Тебе. Прости нас, Господи.

Внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Конечно, иногда бывает, что полезнее человеку творить молитву, нежели слушать службу, вследствие каких-либо внутренних обстоятельств. Здесь надо иметь рассуждение.

Господи, Ты еще открываешь нам тайну молитвенного делания: она состоит в том, что внимать словам читаемого и поемого легче, чем сохранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Господи, прости нас, что не имеем

соответствующего рассуждения при воплощении этого правила в жизнь.

Я сказал батюшке, что мне приходят тщеславные помыслы, что я буду то старцем, то игуменом и прочее.

– Да и я так думал, – ответил батюшка, – желать этого не следует, а, конечно, все может быть, и поставит вас Господь на это место, а возможно, что и укроет вас где в келии. Но, простите меня Господа ради, я считаю последнее выше.

Господи, нас постоянно беспокоят тщеславные помыслы, говорящие о занятии нами начальственных должностей. Прости нас, Господи, что эти помыслы переходят у нас в желание занять какую-либо из них, а нам лучше бы иметь в сердце мысль, что Ты, Господи, укроешь нас где-либо в келье.

Еще батюшка говорил мне:

– Всякому человеку нужно претерпеть время искушения и борьбы – тяжелое болезненное состояние... Про эти муки говорится в псалме: «Объяша мя болезни яко рождающая», и далее: «и извел мя еси на широту» (см. [Пс. 17, 20](#)). «Женщина, когда приходит время рождения, испытывает сильные боли, а когда родит, радуется, ибо родился человек в мир» ([Ин. 16, 21](#)). Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел «на широту». Кто не испытал этих рождающих болезней в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру.

– А в чем заключаются эти болезни?

– В борьбе со страстями. Страсти будут восставать. На кого-то блудная страсть напала, конечно, по действию диавола, а на вас, может быть, гнев – на всех будете сердиться. Или еще мания величия и прочие страсти. И враг вас не оставит: если победите одну страсть, воздвигнет другую и так далее. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя, а не слагать оружия. Терпение необходимо.

– Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала и до конца. Вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив, – сколько продержит меня Господь, – вам ничего, а

когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преподобного Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь научайтесь терпению.

Господи, нам необходимо претерпеть время искушения и борьбы – тяжелое болезненное состояние. Чтобы это осуществить – нам нужна молитва Иисусова, а без нее ни одна душа не выдержит. Господи, прости нас, что не настроили себя на долготерпение во время испытания и скорбей. Прости и за то, что не помогаем себе претерпеть до конца нам посылаемые испытания с помощью Иисусовой молитвы.

Неоднократно приходилось мне слышать от батюшки, как он говорил мне и другим:

– Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути – это гибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить «и нашим и вашим».

Господи, Ты открываешь нам, что лицемерие, двойственность, лукавство – погрешительны и доводят нас до гибели. Господи, прости нас и сохрани от служения «и нашим и вашим».

Батюшка говорил мне о том, как он переносил скорби, когда был послушником, рассуждая так:

– Должно быть, я достоин всех этих скорбей. Значит, все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти.

Переносил батюшка скорби, никому не говоря о них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков.

Мало только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

Господи, и нам надо переносить скорби, рассуждая так: «мы достойны всех этих скорбей, они нужны, чтобы смыть с нас гордыню и прочие страсти». Господи, прости нас, что нет такого рассуждения в нашем сердце. Господи, прости, мы без конца жалуемся на причиняющих нам их и не стараемся не озлобляться на обидчиков.

Открывал батюшке свои помыслы. Сначала сказал свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысл, особенно за службой, на правиле, что монашеская жизнь безотраднa, идет день за днем, и главное – ожидать впереди нечего, все те же службы, та же трапеза и прочее.

– Это один, из самых ядовитых помыслов, – сказал батюшка. – Монах все время должен быть как бы «в муках рождения, пока не придет в меру возраста совершенства Христова». А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... И что теперь для такого человека отяготительно, то впоследствии будет для него великим утешением, например хождение к службам и утрени. Тогда применимо будет к такому человеку псаломское слово: «Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем» (Пс. 121, 1). Тогда уже в нем будет все исполнено светом и радованием о Господе.

– Вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклеывал, так и уходили из обители...

Господи, и об оплошностях своих мы говорить не любим, и помысл о безотрадности христианской жизни от себя не гоним, прости нас. Мы все время находимся как бы «в муках рождения, пока не придем в меру возраста совершенства Христова». Господи, прости нас, что наш ветхий человек продолжает давать о себе знать страстями, тоской, унынием, мы тяготимся хождением к службам и утрени. Мы еще не «веселимся о рекших нам: в дом Господень пойдем». Прости нас и исполни все светом и радованием.

– Иногда бывает, – говорю я батюшке, – что, читая что-либо, никак не могу понять, что читаю, – я говорю не про внутренний смысл, а про внешний. Словно какой туман найдет: читаешь, перечитываешь и ничего понять не можешь.

– Тогда нужно, – отвечал батюшка, – закрыть книгу, сесть и сотворить сто молитв Иисусовых. Можно и встать, и даже поклоны положить, а можно и по скиту пройти с молитвой Иисусовой.

Господи, иногда бывает, что читая что-либо, мы никак не можем понять, что читаем. Словно туман какой найдет: читаем, перечитываем и ничего не понимаем. Господи, прости нас, что так у нас бывает, а мы не преодолеваем свое невосприятие прочитываемого с помощью молитв Иисусовых, отдыха и прогулок.

21. Правило прохождения пути Божия

Как-то батюшка сказал:

– Вход в рай, в вечное блаженство, открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и искупительной жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. Прежде всего, это совершается через Таинство Крещения, которым смывается первородный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной Благодати Господа Иисуса Христа, которой мы вводимся в жизнь вечную. А наши добрые дела, то есть совершение Евангельских заповедей, нужно только как доказательство нашей любви к Господу, ибо сказано в Евангелии: «Любяй Мя, заповеди Моя соблюдет» (Ин. 14, 15). Без любви к Господу невозможно блаженство, нельзя войти в рай, обязательно спросят: «А ты любил Господа?» – «Любил». – «А чем ты это докажешь?» – «По силе моей, сколько мог, исполнял заповеди Божии, которые и есть доказательство любви». – «Ну, иди».

Господи, со слов старца Варсонофия вход в вечное блаженство, в рай, открывается не нашими трудами и делами, а заслугами и искупительной жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. А наши добрые дела – это совершение Евангельских заповедей – это доказательство нашей любви ко Господу. Без нее невозможно блаженство. Господи, прости нас, что любим Тебя, но мало, ибо заповеди Твои не соблюдаем.

А если бы вход в рай открывался не заслугами Спасителя, то тогда (не) могли бы войти в него язычники, магометане, евреи и прочие. Поэтому мы должны надеяться не на свои дела, а на милосердие Божие...

Господи, прости нас, что чаще надеемся на свои дела, а не на милосердие Твое.

– Одна мысль постоянно стоит передо мной, – сказал батюшка, – как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго. Вам все известно: получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут ни при чем. Это действует на них через меня Благодать Божия по вере их...

Только здесь, на этом месте я познал все свое падение и греховность. Ну, ничего, ничего нет доброго! Прежде я думал, что что-нибудь да имею, а теперь вижу – ничего. Это я не только говорю, но и сознаю себя именно таким. Это не одни слова. И благодарю Бога, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что по Своему милосердию Господь спасет меня: не уничтожит сердца сокрушенного и смиренного.

Господи, старцем нам дан пример, как смотреть на себя перед лицом Божиим: не видеть в себе ничего доброго, а видеть как действует на людей через нас Благодать Божия по вере их. Господи, прости нас, что не всегда сознаем свою греховность и не благодарим тебя, что спасаешь нас Своим милосердием.

Утешаюсь я еще словами отца Анатолия – великого старца: «Ничего не имеет грешный Анатолий, разве, только кто вздохнет о нем к Богу?» И я искренно прошу всех помолиться обо мне и вас прошу: помолитесь. Я сравниваю себя с моими предшественниками: старцами отцом Макарием, отцом Амвросием, отцом Анатолием – и вижу все свое ничтожество, а до других, поверьте, мне дела никакого нет...

Господи, и нам надо научиться утешению, которым утешался старец отец Анатолий. Он говорил: «Ничего не имеет грешный Анатолий, разве, только кто воздохнет о нем к Богу» Господи, мы не приучены себя сравнивать с отцом Макарием, отцом Анатолием, отцом Амвросием, великими старцами и поэтому не видим свое ничтожество. Господи, прости нас за отсутствие интереса к познанию самих себя.

Самый трудный пост в Скиту – это первая седмица Великого поста. Но и она, по милости Божией, не особенно отяготительна для меня. Кроме того, помогает сознание, что велики дни сии, что иначе и быть не может. И удивляюсь я тому, что делал я раньше, нарушая святой пост, не понимая и не сознавая его святости и необходимости. Мне часто приходилось слышать от батюшки, что «от невоздержания всякое зло происходит», что «пост возбуждает к молитве».

– Мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу: приходят ко мне, на совет и на исповедь – советую соблюдать святые посты. Со

всем соглашаются, а как дело коснется поста: «не хочу, не могу» и прочее. Враг так возбуждает, не хочется ему, чтобы соблюдались святые посты.

Господи, старец Варсонофий нас учит понимать великость святого поста, сознавать его святость и необходимость. Вот слова старца, говорящие об этом: «От невоздержания всякое зло происходит», «пост возбуждает к молитве», «мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу». Господи, прости нас, что не хочется нам соблюдать постов и тем козням врага противиться.

Батюшка говорил, что доживем мы до страшных времен, но что Благодать Божия покроет нас.

Однажды я сказал батюшке:

– Пока вы живы, я всегда могу спросить, что читать и как читать. Ну а когда вас не будет, что тогда? Что мне читать и в каком порядке читать? Ведь обратиться не к кому... Вот я и хотел вас спросить об этом, не можете ли вы указать мне порядок чтения?

– Здесь быть определенного ничего не может. Общее правило такое: вначале надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной... Вас Сам Господь будет учить...

Господи, мы должны знать общее правило чтения: вначале надо прочесть книги, учащие деятельной жизни, а потом уже созерцательной. И молиться. И Ты, Господи, нас Сам научишь. Господи, прости, что не готовим себя понимать научение, которое исходит от Тебя через духовно-опытных людей.

Недавно батюшка сказал мне:

– Вы знаете, какая у диавола тактика? Вам это надо записать. Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжкий, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески умаливает степень тяжести греха, внушая такие мысли: «Это не важно, Бог тебе это простит...» – и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедовать этот грех духовнику на исповеди, то диавол всячески увеличивает его тяжесть, внушая, что грех этот

настолько велик, что даже Бог никогда не простит его. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг. Он отлично знает, что исповедью смываются все грехи, поэтому и не допускает человека до исповеди, а если он исповедуется, то враг всячески смущает.

Господи, мы, читая или слыша о тактике врага, мешающего нам исповедоваться, склонны о ней быстро забывать. Прости, что соглашаемся забыть о грехе, желая оттянуть исповедь, умаляем степень тяжести греха, не распознаем хитрости врага и уклоняемся по этой причине от исповеди. Прости нас, Господи и за борение смущением, которое мы часто не выдерживаем.

Батюшка рассказал, что, когда он был маленький, лет семь-восемь, ему очень понравилось житие преподобного Малха, память которого 26 марта. Однажды после чтения этого жития отец сказал ему, что, если он будет любить Бога, Господь спасет его от видимых и невидимых врагов. И в этот же день, 26 марта, батюшка был пострижен в рясофор.

Господи, то, что любили святые, надо любить и нам. И нам надо прочесть житие преподобного Малха, память которого 26 марта. А прочитав его, понять: почему того, кто будет любить Бога, Господь спасает от видимых и невидимых врагов. Господи, прости нас, что узнав об этом спасении, что называется, авансом, мы не готовимся познать это личным опытом.

Недавно батюшка рассказал следующее:

– Приходит ко мне однажды мирской человек и обращается с таким вопросом:

– Как проходить путь Божий? Как ему научиться? Скажите мне это в немногих словах. – Я даже несколько задумался. Что же ему сказать? А потом и говорю:

– Ты читал Псалтирь?

– Читал.

– Ну так вот там сказано: Господь научит кроткия путем Своим» (Пс. 24, 9). Значит, прежде всего надо знать, что учит путям Господним Сам Господь, но учит не всех, а только тех, кто кроток, кто смиряется. Так вот и ты смирайся, будь кроток, и

Господь тебя не оставит и Сам научит, как проходить путь Господень, и в чем он состоит.

– Спаси Господи, батюшка, вы мне все разъяснили, – сказал мне он тогда и ушел.

Господи, мы тоже озадачены вопросом: как проходить путь Божий? И получаем от старца ответ: этому Ты, Господи, Сам учишь, но не всех, а только тех, кто кроток и смиряется сердцем. Господи, прости нас, что знание как проходить путь Твой мы не связываем с успехами в кротости и смирении.

Батюшка сказал мне так:

– Смиряйтесь, смиряйтесь. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в этих словах: «Смирихся и спасе мя Господь». Смиряйтесь и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай...

Господи, Ты даешь нам знать всю науку и мудрость жизни, заключенную в словах: «Смирихся и спасе мя Господь». Господи, мы хотим научиться смирению и терпению, имея в душе мир, но у нас не всегда это получается. Прости нас и помоги исправиться.

– Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение – это всё. Есть смирение – всё есть, нет смирения – ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-то повышение, как, например, в миру, когда дают офицерский чин. Там получивший чин считает своим долгом гордиться этим повышением. А у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: «Кто хочет быть большим, да будет всем слуга» (см. Мф. 20, 26; Мк. 10, 43). Смиряйтесь и смиряйтесь... Теперь вас больше будет утешать Благодать Божия, но и враг будет больше озлоблять.

Господи, нам надо помнить, что на монашеском знамени начертаны слова: «Кто хочет быть большим, да будет всем слуга». Нам надо смиряться и тогда Благодать Божия всё более будет утешать, а враг будет озлоблять. Господи, прости нас, что не смиряем себя и не желаем быть всем слугой.

– Припомните, как вы поступали в монастырь, какие препятствия строил вам враг, чтобы не дать вам возможности поступить в святую обитель. Но Богу угодно было, чтобы вы

поступили в монастырь, и враг как бы ослабил свою борьбу с вами, вас стала более утешать Благодать Божия. А теперь враг опять с большей силой будет нападать на вас. Поэтому предупреждаю вас – будьте готовы к скорбям и искушениям. Надо терпеть...

Господи, нам очень полезно припомнить какие препятствия нам строил враг, чтобы не дать возможности выполнить свое желание поступить в святую обитель. Господи, прости, что готовность к скорбям и искушениям еще не созрела в нас, и мы не готовы к терпению их. Прости нас.

Затем батюшка приветствовал нас с пострижением и начал благословлять не по старшинству, а кто как стоял. И когда всех благословил, пожелал нам всякого успеха и сказал, чтобы зашли к отцу Иосифу на благословение, что мы и сделали. Отец Иосиф только благословлял и давал листочки.

Далее я поклонился у церкви до земли. И наконец, я пришел в свою келейку, сотворил поклоны поясные и земные и возблагодарил Создателя за Его ко мне милости.

Господи, по окончании всего процесса вхождения в монашеский чин или вступления в должность церковно и священнослужителя, мы забываем и оставляем невыполненными те уставные поклоны, которыми благодарим Тебя, Создателя нашего, за Твои к нам милости. Прости нас, Господи, за нарушение традиций вступления на путь, ведущий к служению Тебе.

22. «Вспахивание земли» и сеяние на ней зерен – молитвы Иисусовой

– Батюшка, года полтора или два тому назад вы дали мне по моей просьбе листики со стихотворением: «Молитва Иисусова». Я говорю: «Зачем так много?» А вы мне ответили: «Я хочу, чтобы вы шли этим путем, то есть молитвой Иисусовой». Потом я говорю вам: «Вы мне дали эти листики и сказали, чтобы я шел этим путем, а одет я в подрясник 29 января, в день памяти святого Игнатия Богоносца». А вы мне ответили: «Больше сих узриши».

– Право, я совсем об этом забыл. Конечно, на вас теперь действует особая благодать... Вот и продолжайте путь молитвы Иисусовой...

Господи, старец Варсонофий большое внимание уделяет памяти тех святых, которые приходятся на тот или иной день. Это побуждает его делать особые замечания о судьбе человека. Отсюда – «больше сих узриши». Господи, прости нас, что мы не обращаем на это своего внимания и не вносим соответствующие уточнения в свою жизнь, пополняя ее содержание святыми истинами.

Я уже говорил вам, что монашество есть внешнее и внутреннее. Миновать внешнее нельзя, но удовлетвориться им одним тоже нельзя. Одно внешнее без внутреннего даже приносит вред. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши – ничего не вырастет, если ничего не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а пшено – молитва Иисусова, которая освещает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силу в борьбе, в особенности она необходима при перенесении скорбей, искушений.

Господи, нам делается понятным осмысление внешнего монашества через уподобление его вспахиванию земли, а внутреннего – сеянию, где зерно – молитва Иисусова, которая освещает всю внутреннюю жизнь человека. Господи, прости нас, мы не заботимся о вспахивании земли, и о качестве сеяния,

чтобы воспринять себе силу для борьбы со скорбями и искушениями.

В Великую Субботу перед Светлой заутреней батюшка мне и говорит:

– Вы, быть может, заметили, что я теперь стал к Вам строже. Мне, когда я был пострижен в рясофор, отец Анатолий в свое время сказал так: «Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое дает себе направление и настроение монах в первое время по пострижении в рясофор, то останется у него до гроба».

– Вот как, – я говорю, – а я думал, что настоящая монашеская жизнь начинается с пострижения в мантию.

– Да, время пострижения в рясофор имеет великую важность в жизни монаха. Поэтому вам надо быть теперь особенно внимательным к себе и избегать смехотворства. Батюшка сказал, что, когда он был послушником, всеми гонимым и презираемым, настроение его было более радостное и светлое, чем теперь... Теперь ему приходится читать иные книги – книги душ человеческих.

Господи, можно провести параллель между пострижением в рясофор и облачением чтеца или певца в стихарь. И тогда к облаченному в стихарь можно будет отнести слова старца отца Анатолия: «Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое даст себе направление и настроение алтарник в первое время по облачении в стихарь, такое у него останется до гроба». Господи, время облачения в стихарь имеет великое значение для церковнослужителя. Господи, прости нас, что мы не относимся к этому факту серьезно и не начинаем быть особенно внимательными к себе, не избегаем смехотворства, не воспитываем в себе смирение. Прости нас.

Однажды батюшка спросил меня:

– Когда вас постригали в рясофор?

– 16 апреля.

– Каких святых?

– Святых мучениц Ирины, Агапии и Хионии.

– Что значат эти имена?

Я посмотрел:

– Агапия – любовь, Ирина – мир, Хиония – снежная.

– Это значит, что вы должны иметь, по слову Апостола, мир и святыню со всеми. Кроме этих добродетелей – мира и любви – должны очиститься от страстей, то есть убелиться. А Хиония – значит снежная. Вот и вам надо очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: «паче снега убелюся» (Пс. 50, 9). А что дальше сказано? «Слуху моему даси радость и веселие». Это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уж и «возрадуются кости смиренные». Здесь в псалмах тонкая последовательность...

Господи, старец Варсонофий дает нам урок, как надо воспринимать имена угодников Божиих, приходящихся на наши памятные даты. Так, если продолжим сравнение пострижения в рясофор с облачением алтарника, или чтеца, в стихарь, то с 16 апреля, когда мы облачены были в стихарь, мы должны будем иметь мир и святыню со всеми. Кроме этих добродетелей мира и любви, мы должны очиститься от страстей, чтобы наша душа стала белоснежной. Господи, прости нас, что мы не озадачены переменой своей жизни, если нам благословили носить священную одежду.

Томительное, часто безотрадное состояние, предваряющее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым... Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой тот, что достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет себе место томительное состояние духа.

– В Казани, когда я был еще на военной службе, митрополит Петербургский Анатолий прислал мне только что вышедшую из печати книгу: «Откровенные рассказы странника». Я прочитал ее и говорю себе: «Вот еще путь спасения, самый краткий и надежный – молитва Иисусова. Надо принять это к сведению».

Достал я себе четки и начал Иисусову молитву. Вскоре начались разные звуки, шелесты, удары в стену, в окно и прочие явления. Их слышал не только я, но и мой денщик; Мне стало страшно и ночевать одному, я стал звать к себе денщика. Но эти устрашения не прекратились, и я через четыре месяца не выдержал и бросил занятия молитвой Иисусовой, Потом я

спрашивал отца Амвросия об этом. Он мне сказал, что не должно было бросать.

Господи, Ты открываешь нам общий порядок стяжания молитвы Иисусовой: достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет место томительное состояние духа. Господи, прости нас, что не хватает у нас мужества заниматься стяжанием молитвы Иисусовой до конца, не оставляя ее.

Между прочим батюшка объяснил нам, что значат слова псалма: «Молнии и дождь сотвори». Под молнией разумеется гнев Божий на людей за грехопадение их в лице праотца Адама. И этот гнев продолжался до воплощения Христа Спасителя, когда была дарована людям благодать, которая в псалме названа «дождем».

Господи, Ты «молнии и дождь сотвори». Под молнией нам надо понимать гнев Божий на людей за грехопадение их в лице праотца Адама. Под дождем нам надо разумеать благодать, которая была дарована нам Иисусом Христом. Господи, прости нас, что не разумеем этих слов псалма и не углубляемся в понимание его смысла.

Беседовали с батюшкой о молитве Иисусовой. Он задал мне вопрос:

– Какой признак Промысла Божия о человеке?

– Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промысления о человеке. Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы.

Отсюда перешли уже к молитве.

– «Ее начало – тесный путь». Но приобретение внутренней молитвы необходимо. Без нее нельзя войти в Царство Небесное. Одна внешняя, устная, недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» Великая! Ибо Господь дает молитву молящемуся, только не надо ее оставлять.

Господи, признак особого Твоего промысления о человеке – это непрестанные скорби, посылаемые нам. Смысл скорбей многообразен, но приобретение внутренней молитвы

необходимо. Прости нас, Господи, за оставление молитвы Иисусовой.

Был у нас в скиту иеромонах Михаил. Он творил молитву, это я знаю, хотя и не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался и все ушли из его кельи, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, батюшка. Помолись ты за меня». И вдруг я вижу: он улыбнулся. Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал Псалтирь. Я подошел к аналою, взял Псалтирь и развернул, где у него была закладка, то есть, где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: «Отверзите мне врата правды, вшед в ня исповемся Господеви» (Пс. 117, 19). Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву...

Господи, наше желание обрести внутреннюю молитву, и никогда ее не оставлять, несет нам великую пользу. И чтение Псалтири при ее поддержке открывает нам новые глубины понимания Священных текстов. Так, слова 117-го псалма (ст.19): «Отверзите мне врата правды, вшед в ня исповемся Господеви», – воспринимаются нами как слова души, обретшей внутреннюю молитву. Господи, прости нас, что мы не углубляемся во внутреннюю молитву, и душа наша не получает благодати к разумению Писаний.

Батюшка делал мне напоминание, что со сном надо бороться.

– Надо иметь желание и решение встать, тогда вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во что бы то ни стало, то если бы над тобой колокольня была, и то проспишь.

– Кроме того, молитесь своему Ангелу-хранителю, а так же святому Варсонофию Тверскому и Казанскому, которому дана благодать помогать от многоспания.

Господи, для нас тоже важно напоминание, что со сном надо бороться. А для этого надо иметь желание и решение встать, тогда встанем вовремя. Господи, прости нас, что в огромном большинстве случаев мы таких желания и решений не имеем. А также мы не молимся своему Ангелу-хранителю и святому Варсонофию Тверскому и Казанскому. Господи, прости нас: мы этого не делаем, а оказывается это очень важно.

И еще говорил мне:

– Я вам и раньше говорил, что нужно приходить к службам до звона, чтобы звон заставлял вас уже в храме. Почему так? Потому что в это время Матерь Божия входит в храм. Это я читал где-то прежде. Потом читал про Киевского отца Паисия... Это был подвижник монах, юродствовавший. Однажды он пришел к вечерне, отзвонили. В храме нет никого, Пономарь, оправив все, вышел из храма. Остался он один. Вдруг он слышит шелест, как будто кто идет. Он посмотрел и видит Величественную Жену высокого роста в сопровождении святого апостола Петра и еще кого-то. Она оглянула храм и произнесла такие слова: «К вечерне отзвонили, а монахов нет». Затем, обратившись к отцу Паисию, благословила его, осенив широким крестным знамением, и пошла из храма, подымаясь в то же время от земли. Отец Паисий вышел за Ней из храма, провожая ее взглядом. Она поднималась все выше и выше, пока не исчезла совсем из глаз отца Паисия...

Когда и отец Анатолий – великий старец – обращался к отцу Макарию, то он ему тоже сказал, что необходимо ходить к службам до звона, что это очень важно.

– Почему? – спросил отец Анатолий.

– Потом скажу, – отвечал тот и через несколько лет сказал:

– Потому что в это время Божия Матерь входит в храм.

Господи, по завету старцев нам нужно приходить к службам до звона, чтобы звон застал нас уже в храме. Это очень важно, ибо в это время Божия Матерь входит в храм. Господи, прости нас, что мы об этом не думаем и не готовим себя к Ее встрече.

23. Молитвенные дары от Господа молящемуся

Сегодня батюшка мне сказал:

– Дал бы Господь пожить мне еще хотя до вашей мантии, чтобы вы укрепились в духе. Есть мантия вещественная, есть мантия духовная. Надо, конечно, укрепляться в духе.

– А в чем же состоит это укрепление в духе? – спросил я.

– В самоотвержении ради Господа Иисуса Христа. В отвержении чего бы то ни было. Во вменении всего, яко уметы ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни.

Господи, нам необходимо укрепляться в духе, то есть укрепляться в самоотвержении ради Господа Иисуса Христа. В отвержении всего чего бы то ни было ради Господа. Господи, прости нас, мы еще даже не приблизились к этой тайне духовной жизни.

Я заметил, что пятисотница умиротворяюще действует на душу. Однажды я встал на совершение пятисотницы недовольный чем-то, с некоторым ропотом, осуждением и неразлучным с ним самооправданием. Когда же я кончил ее, то почувствовал в теле некоторую усталость от поклонов, а в душе умиротворение.

Господи, для нас ценно замечание, что пятисотница благотворно действует на душу. Господи, прости нас, что не пользуемся её умиротворяющим действием на душу.

Батюшка сказал:

– Когда я учился, нас посылали в кузницу делать подковы. Там я видел, как мастер, сделав для ружья какую-то часть, начал ее закаливать, чтобы она не испортилась, когда ее будут пускать в дело.

Так вот и я хотел бы закалить вас, ввиду ожидающих вас впереди скорбей и искушений от демонов-бесов, от человеков, от соблазнов мира, которые вы должны будете перенести, пока не выйдете на широту христианской любви и свободы.

Господи, каждый из нас нуждается в закаливании в виду ожидающих нас впереди скорбей и искушений от демонов, от людей, от соблазнов мира, которые мы должны будем

перенести, пока не выйдем на широту христианской любви и свободы. Господи, прости нас, что мы обманчиво думаем, что будто бы без закаливания мы сможем достичь означенной любви и свободы.

Я начал читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой. Между прочим я прочел следующее: «Иноку, решившемуся проходить молитвенный подвиг, предстоят немалые труды, постоянные и многолетние, а также и разные скорби, но придет время, когда молитвенник увидит «Утро Воскресения Христова» и получит отраду. Как только я прочел это, батюшка и говорит:

– Вот вы сейчас говорили, что всегда будут скорби. Да, но внутреннее состояние человека будет уже другое...

Я понял так, что хотя скорби и будут, но достигший молитвы будет их переносить легко, ибо с ним будет Христос, Который будет наполнять неизреченной радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не пересилит никакая скорбь.

Господи, мы должны знать, что если решаемся проходить молитвенный подвиг, то нам предстоят немалые труды, постоянные и многолетние, а также и разные скорби. Но внутреннее состояние человека будет другим. И хотя скорби и будут, но при наличии молитвы их переносить будет легко, ибо с нами будет Христос. Господи, прости нас, что не готовимся проходить молитвенный подвиг и труды, с ним связанные. Господи, будь с нами и наполни неизреченной радостью наши сердца, чтобы никакая скорбь не пересилила эту радость о Тебе.

– Пятый том сочинений епископа Игнатия, – говорил батюшка, – заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...

Господи, святитель Игнатий учит нас в своем пятом томе, как должно читать писания святых отцов. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта. Господи, прости нас,

мы редко заглядываем в этот том святителя и не перенимаем его опыт в чтении святых отцов.

Батюшка говорил:

– Первый от Господа дар в молитве – **внимание**, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия.

Господи, первый от Тебя дар в молитве – внимание, когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами. Но сердце при такой молитве еще молчит, Господи, прости нас, что мы не выпрашиваем себе дара внимательной молитвы, ибо чувства и мысли у нас разъединены, нет в них согласия.

– Вторая молитва – второй дар – это молитва **внутренняя**, то есть когда мысли, чувства в согласии направлены к Богу. До сих пор всякая схватка со страстями оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, то есть чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, они могут ожить при нерадении. Здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть только страсть зашевелится, бьет ее и побеждает.

Господи, второй от Тебя дар в молитве – это молитва внутренняя, мысли и чувства в ней в согласии направлены к Тебе, ум и сердце в ней молятся вместе и страсти побеждены, но не уничтожены. Господи, прости нас, мы очень малый труд прилагаем, чтобы внутренняя молитва возобладала нами. И наши чувства и мысли, в Тебе сосредоточенные, побеждали бы наши страсти.

– Третий дар есть молитва **духовная**. Про эту молитву я ничего не могу сказать, здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом и мыслями он весь в Боге на небесах. Некоторым даже открывались служения ангельских чинов. Это молитва – молитва видения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например состояние души человеческой

так, как мы видим чувственные предметы, как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух. Постоянно ли они находятся в видении или по временам – не знаю. Они не говорят о том, что видят, редко открывают другим свои видения. Как-то, помню, батюшка говорил, что схимник называется «молитвенником за весь мир».

Господи, третий от Тебя дар молитвы – это молитва видения. В человеке уже нет ничего земного, умом и мыслями он весь в Боге на небесах. И смотрит он очами духа, потому и видит духовные предметы, как будто на картине. Господи, прости нас, что не упражняем ум и мысли пребывать в Тебе на небесах и за то, что много в нас всего земного.

После откровения помыслов батюшка сказал:

– Святые отцы учат: со всякой страстью борись, но от блуда спасайся бегством... Да, а нам приходится почти от всякой страсти спасаться бегством. Под бегством здесь разумеется не буквально бегство: ощутил в себе блудную страсть – так и уходи из обители. Нет, под бегством разумеется имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, ибо сказано: «камень прибежище заяцем». Под зайцами разумеются все робкие и смиренные, которые не могут бороться со страстями своими силами...

Господи, старец Варсонофий открывает нам учение святых отцов: со всякой страстью борись, но от блуда спасайся бегством. Под бегством мы должны разуметь Твое, Господи Иисусе, имя, молитву Иисусову, Ибо сказано: «камень прибежище заяцем». Зайцы – это мы, робкие и смиренные, не могущие бороться со страстями своими силами. Господи, прости нас, что мы об этом приеме борьбы со страстями знаем мало, или совсем ничего не знаем и потому не делаем его для себя необходимым.

Сегодня день кончины старца отца Макария. Пятидесятилетний юбилей со дня его блаженной кончины. После трапезы батюшка сказал нам краткое слово.

– На каждом из нас лежит обязанность подражать тем святым, имена которых мы носим. Батюшка отец Макарий носил имя преподобного Макария Египетского, житие которого сейчас читалось. Вы слышали, когда читали, как сказал преподобному

дьявол: «Ты мало спишь, а я вовсе не сплю; ты много постишься, а вовсе не ем. Одним ты меня побеждаешь». – «Чем?» – спрашивает святой. «Смирением», – отвечает дьявол.

– Вот эту-то добродетель смирения, подражая житию своего святого, и положил в основание своего подвига наш приснопамятный старец Макарий. Ибо если смирение необходимо для всех христиан вообще, то для иноков в особенности. Есть смирение – все есть, нет смирения – ничего нет. Смиранный выск перед Богом, хотя бы он был и совершенно неграмотный.

– У отца Макария в письмах постоянны напоминания о смирении. Будем почаще заглядывать в них и учиться смирению сперва из книги, а потом, по милости Божией, понемногу будем вводить его и в свою жизнь... Да поможет нам Господь молитвами приснопамятного старца отца Макария и да утвердит в этой высокой добродетели смирения.

Господи, Ты напоминаешь нам, что на нас лежит обязанность подражать тем святым, имена которых мы носим. Так, например, старец Макарий Оптинский подражая житию своего святого, положил в основание своего подвига добродетель смирения. «Есть смирение – все есть, – говорил он, – нет смирения – ничего нет». Господи, прости нас, что мы не подражаем ему в смирении и помоги учиться смирению сперва из книги, а потом, по Твоей милости, научи вводить его и в свою жизнь.

24. Талант, закопанный в землю

Недавно батюшка сказал мне:

– В Евангелии сказано: «молитесь за врагов ваших» – и действительно, враги наши, желая нам досадить и сделать что-либо злое, делают это исключительно по своему нерасположению к нам, но по большей части своим злом пресекают еще большее зло, которое грозило нам.

Например, один человек, узнав про другого, что тот хочет жениться на хорошей девушке, написал ложное письмо этой девушке, в котором всячески очернил его, и этим расстроил партию. Проходит несколько лет, и этот человек, который хотел жениться, ушел в монастырь Богу служить.

А если бы он женился, то, будучи связан, не мог бы этого сделать. Вот и спрашивается, что клеветой принесено: вред или польза? – Конечно, польза – клеветник оказался этому человеку благодетелем.

Господи, мы, по Евангелию, должны молиться за врагов наших. Ты, Господи, попускаешь им сделать нам злое для того, чтобы своим злом они пресекли еще большее зло, которое грозило бы нам в будущем. Господи, прости нас, что не видим пользы, которую Ты собираешься дать нам, попуская совершиться злему замыслу наших врагов.

Я прочел у епископа Феофана в «Пути ко спасению», что надо отыскивать в себе главную страсть. Я подумал и не смог остановиться ни на какой страсти. Я сказал об этом батюшке, и он мне ответил, что «надо молиться, чтобы Господь открыл эту главную страсть, сам ее не найдешь. А найти ее очень важно, для того чтобы знать, куда направить свои силы, то есть знать, с какой страстью нам надо преимущественно бороться».

Господи, помоги нам отыскать главную страсть в себе. И помоги, Господи, знать, куда направить свои силы, чтобы этой главной страсти навязать борьбу за свое спасение. Господи, прости нас за то, что эта страсть еще не стала для нас очевидной, и что мы еще не подыскивали способов борьбы с нею.

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось двадцать два года. Батюшка служил. В конце обедни, когда батюшка вышел с Крестом Животворящим, сделав отпуск, он сказал:

– Честные отцы и братия, вот я с Животворящим Крестом в руках прошу и умоляю вас прекратить между собой неудовольствия. Неудовольствия, если не сказать вражда, увеличиваются. Если это так в миру, то да не будет сего между нами в обители. Первая заповедь – любовь. Апостол Павел сказал: «Если я говорю языками ангельскими и человеческими, но любви не имею, то я – ничто; если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я кимвал звенящий». Любовь выше всего. Я вам решил это напомнить в день памяти святого Иоанна Богослова – апостола любви. Не останавливайтесь на одной внешней исправности, хотя и она нужна, но главное – это искоренение из сердца страстей, в особенности злобы...

Господи, через старца Варсонофия Ты напоминаешь нам и умоляешь, что надо прекратить между собой неудовольствия и вражду. Этим мы нарушаем первую заповедь, заповедь о любви. Не будем останавливаться на одной внешней исправности, хотя и она нужна. Главное же помоги, Господи, искоренить из сердца страсть злобы. Господи, мы виноваты перед Тобой, можно сказать, купаемся в неудовольствиях друг к другу и доводим их до вражды. Прости нас и умножь в нас любовь друг к другу.

Батюшка сказал по поводу читанного на трапезе о талантах:

– В Евангельской притче о талантах сказано, что один раб закопал свой талант, данный ему от Бога, в землю. Некоторые понимают слова «закопал в землю» буквально, как есть. Весь свой талант, данный Богом, человек употребил исключительно на приобретение земного, суетного, тленного – ничего для жизни будущей, вечной он не приобрел. Так, например, профессора, ученые, если они ограничились только научными знаниями, ничего не делая полезного для своей души, то, конечно, они зарыли свой талант в землю. А вы, оставив весь этот тлен, ушли во святую обитель, значит, не зарыли свой талант. Это я говорю вам для укрепления вашего...

Господи, и у нас бывают минуты и часы жизни, когда мы готовы бываем «закапывать в землю» свой талант, полученный от Тебя. Это значит, что данный Тобою талант мы употребляем на приобретение земного, суетного, тленного и ничего для жизни будущей не приобретаем. Господи, прости нас, что, занимаясь житейскими полезными делами, мы ничего не сделали полезного для своей души.

– А вот, батюшка, в поучении, которое я читал, сказано, что если человек имеет возможность или дар проповедовать, учить и этого не делает, то, значит, он зарывает талант в землю. А из Житий святых и современных подвижников известно, что многие, например преподобный Арсений Великий, имели возможность учить и проповедовать, но молчали по смирению. Как это примирить со сказанным в поучении?

– Кому что дано: кому деятельность, кому безмолвие, даров Божиих много. Преподобному Арсению дано было равноангельское житие – служить Богу в безмолвии. Другие, наоборот, служат Богу в кипучей деятельности. Но уподобляются зарывающим свой талант те, которые отказываются от того, куда их поставляют, согласно воле Божией. Например, преподобный Серафим Саровский отказался от настоятельства, и что же? Едва не впал в отчаяние, перенес великие скорби и искушения. Ему потребовалось подъять на себя великий подвиг – трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказываться.

Так вот и я стою на этом месте. Боюсь отказываться. Отец архимандрит говорил мне: «А перенесете ли вы то, что может случиться, если Вы откажетесь?» Вот я и стою...

Господи, Ты открываешь нам, что уподобляются зарывающим свой талант в землю те, которые отказываются от того послушания, на которое их поставляют, согласно воле Твоей. Господи, прости нас, что мы не боимся отказываться, когда нам дают новое послушание, и не задумываемся о тех последствиях, которые будут ожидать нас в результате отказа: справимся ли мы с ними?

Еще батюшка рассказывал мне, какие у него были скорби и как Господь всегда избавлял его Своей Благодатью.

– Это я вам говорю для того, чтобы поселить в вас веру в Господа, потому что вам придется ее впоследствии показать. Одна у меня надежда – на Бога, истинно говорю вам: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческие...»

Господи, во время скорбей нам никогда нельзя забывать про Благодать Твою, которой Ты избавляешь нас от скорбей. Господи, прости нас за забывчивость и посели в нас веру в Тебя, Спасителя нашего, которую впоследствии нам нужно будет показать.

Еще как-то батюшка сказал, мне:

– Вы поступаете в монашество при самых благоприятных условиях, потому что позже будут вам великие скорби, но вы их перенесете, ибо уже окрепнете, и они послужат для прославления имени Божия и для получения венцов...

Господи, нам говорится Тобой о подготовке, при теперешней Твоей милости, к великим скорбям, которые нам придется переносить и которые послужат нам для прославления Твоего святого имени и для получения венцов. Господи, прости нас, что мы не готовим «духовный запас» веры, терпения и исповедания Твоего имени, чтобы мужественно переносить скорби во славу имени Твоего.

Иногда из слов и дел батюшки я вижу, насколько мне доступны мудрость и рассуждение батюшки, вера в Бога, надежда на Его милость и другие иноческие добродетели, а я истинно нищ и убог есмь. Далеко не всегда сознаю я это, но бывают минуты. Господи, даждь мне смирение.

Господи, мы не задумываемся, насколько нам доступны мудрость и рассуждение нашего духовного руководителя, его вера в Бога, надежда на Его милость и другие добродетели, не осознаем мы собственную нищету и убогость. Господи, прости нас за это и даруй нам смирение.

Как-то батюшка сказал мне, что отец Макарий – великий старец – через каждые три года перечитывал авву Дорофея и «Лестницу» и находил все новое и новое, ибо рос духовно. Перечитывал их и батюшка, и мне сказал, что надо через

каждые три года перечитывать их. Батюшка благословил мне прочитать житие преподобного Никодима, Кожеезерского чудотворца (3 июля), а потом благословил начать изучение устава Богослужения. Батюшка прибавил, что это нужно для всякого послушника. За разрешением недоумений батюшка благословил обращаться к отцу Кукше, а в пособие взять из библиотеки книгу Булгакова. Праздники батюшка благословил употреблять на чтение, так как это единственно свободное у меня время, но благословил делать и проходы по скиту или за скитом, сказав, что это для меня будет полезно.

Господи, и нам полезно перечитывать через каждые три года авву Дорофея и «Лествицу». Господи, прости нас, что не придерживаемся такого порядка и не перечитываем этих книг для своего духовного возрастания.

Читал письма старца Макария. Батюшка говорил мне, чтобы в один день я не брал разных книг: то ту, то другую, а чтобы читал что-либо одно.

Господи, прости, что не читаем что-либо одно, а набираем в один раз много книг.

Я спрашиваю батюшку:

– Исповедь и откровение обязательно должны быть у одного лица или можно у одного исповедоваться, а другому открывать помыслы?

– Конечно, исповедь – одно, откровение помыслов – другое. Святые отцы пишут: когда не к кому обратиться, то избери себе единогодушного брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже не имеющему священного сана... (отец Иосиф, отец Нектарий).

Господи, Ты даешь нам знание, что исповедь – это одно, а откровение помыслов – другое. Помыслы можно открывать даже единогодушному брату, не имеющему священного сана. Господи, прости нас, что не умеем делать ни того, ни другого.

ИСПОВЕДЬ XVII. НАСТАВЛЕНИЯ, СОГРЕВАЮЩИЕ НАШУ ХОЛОДНУЮ ДУШУ

См. также: Беседы великих русских старцев
по беседам преподобного Нектария Оптинского
(1857–1928)

1. Трудности, возникающие в поисках правды Божией

Батюшка Нектарий испытывал сердца приходящих к нему и давал им не столько утешение, сколько путь подвига, он смирял и ставил человека перед духовными трудностями, не боясь и не жалея его малой человеческой жалостью, потому что верил в достоинство и разумение души и великую силу благодати, помогающей ищущему правды.

Господи, и мы нуждаемся в подвиге, смирении и поставлении перед духовными трудностями, но мы боимся их, жалеем себя малой человеческой жалостью и поэтому не движемся по пути подвига. Прости нас, Господи, за саможаление, помоги верить в достоинство и разумение души и великую силу благодати в поиске Твоей Правды.

Основными чертами батюшки Нектария были смирение и мудрость, и свет его был как светлый меч, рассекающий душу. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой меркой и говорил: «Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому человеку надо давать по его мерке. Нельзя всем одинаково».

Господи, примером своей жизни и отношения к людям старец учит нас подходить к каждому человеку лично, индивидуально, с особой меркой, говоря: «Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы». Господи, прости нас, что мы не учитываем особенностей и способностей других людей, общаясь с ними.

«В скит я поступил в 1876 году», – вспоминал батюшка Нектарий. Через год после сего батюшка отец Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, а он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и

утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старцев нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостойн. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной этому «моя вера и любовь к старцу, и что если он относится к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу; как человек относится к старцу, так точно и старец относится к нему».

Господи, попечительность и любовь к нам старцев имеет своим основанием нашу веру и любовь к ним. Как мы сами относимся к старцу и духовнику, так и старец относится к нам. Господи, прости нас, что мера веры и любви к духовным авторитетам у нас занижена, и нам не случается пожинать их любовь к нам.

Дальше батюшка Нектарий вспоминает: «К сожалению, были среди братии некоторые порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и бессмысленные речи таких людей, хотя всегда старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров явился мне во сне духовный отец мой иеромонах Анатолий и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководствуясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия дает отчет только Богу, значения их мы не постигаем». Так отцу Нектарию объясняли духовные отцы и учителя высокое значение и духовные законы старческого служения.

Господи, и нам случается выслушивать дерзкие и бессмысленные речи людей, порицающих старца или другие авторитеты, а, может быть, и самим порицать их. Прости нас, Господи, что, не имея права обсуждать поступки старца, мы, однако, обсуждаем их, руководствуясь своим недомыслием и дерзостью. Мы должны помнить: старец за свои действия дает отчет только Богу, значения их мы не постигаем. Господи, пособи нам высокое значение и духовные законы старчества вместить в наши сердца и руководствоваться ими на пути спасения.

И отец Амвросий, и отец Анатолий вели его строго истинным монашеским путем. Батюшка Нектарий рассказывал так о

том старческом окормлении, что он получал: «Вот некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: «А не грешны ли мы? – Может, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает?» Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, приду я к батюшке отцу Амвросию, а тот мне: «Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келье да молился!» Больно мне станет, но я не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: «Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?» Так и уйду я в келью. А там у меня большой, во весь рост, образ Спасителя; бывало, упаду перед Ним и всю ночь плачу: «Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!»

Господи, часто мы ропщем на старца, духовника и на священников вообще и думаем, что они якобы не входят в наше положение и не принимают нас. А оказывается, нам надо обернуться на себя и подумать: «А не грешны ли мы? – Может старец потому нас не принимает, что ждет нашего покаяния и испытывает нас?» Господи, прости нас, что таких мыслей не достает в нашей голове, и мы не прибегаем к покаянному плачу: «Господи, какие же мы великие грешники, что и старцы нас не принимают!» Господи, прости нас за отсутствие в нас покаянного дерзновения видеть себя в свете старческого вразумления. Прости нас, что не домогаемся глубокого покаянного исправления.

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот ответил: «Нет! Мне это и в голову не могло прийти. Только раз провинился я чем-то и прислали меня к старцу Амвросию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!). А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что старец за палку берется, я – бежать, и о том прощения просил».

Господи, нам трудно сказать, что мы не возмущались против своих учителей. И за это прощения не просили. Господи, прости нас за наше возмущение и дерзость.

Про отца Анатолия Зерцалова старец рассказывал: «Я к нему двадцать лет относился и был самым последним сыном и

учеником, о чем и сейчас плачу». И, обращаясь к посетительнице, прибавил: «Так вот, матушка, если хочешь быть монашенкой, так и ты считай себя последней дочерью и плохой ученицей. Нужно всегда думать о себе, что находишься в новоначалии».

Господи, нам следует, если хотим быть настоящими христианами, считать себя последним сыном или дочерью и плохими учениками. Господи, прости, что не думаем о себе, что находимся в новоначалии, что не считаем себя «последними».

Та же монахиня рассказывает: «Однажды старец спросил ее: «Что же, матушка, благоденствуешь?» – «Очень хорошо, батюшка!» – по простоте ответила она. «Хорошо!» – повторил он. Потом ушел к себе и через некоторое время вернулся суровый, сердитый. Она его спрашивает о житейском, о доме, о разных вопросах, что тут решить надо, а он молчит. А потом сказал, направляя к другому духовнику: «А ко мне и не ходите! Отказываюсь я от вас!» Она плакать, а он и не глядит, других батюшка принимает, а с ней и не занимается. Отчаянные помыслы пошли у нее. Тогда он взял ее за руку и подвел к угольнику: «Говори, хочешь в Царство Небесное?» – и так сурово, только что не кулаком толкает. Та молчит. «Говори, хочешь?» Та сквозь слезы: «Хочу!» – «Ну вот! Лучшего и не ожидай. Я другой дороги туда не знаю. А если ты хочешь, то поищи сама», – и опять ушел. А у нее от скорби все в голове мутится. Тогда он словно смягчился немного и дал в книжке прочесть жизнеописание двух Саровских старцев, одного очень сурового, а другого мягкого, и как новоначальных суровый больше посылал к мягкому, а то они его суровости не выдерживали и отпадали. Так сурово воспитывали батюшку Нектария его старцы и так же вел он ближайших своих учеников, но, не натягивая тетиву, а временами давая как бы отдых, чтобы силы не перенапряглись.

Господи, вопрос о Царстве Небесном – хотим ли мы в него войти? – стоит и перед нами. И два пути суровых или мягких требований открывается перед нами. Нам необходимо знать об этом и придерживаться тех или иных духовных установок

старца. Господи, прости нас, что не выдерживаем установок суровых и готовы бываем отпасть от старца.

Старец сказал однажды своей ученице: «Уверяю тебя, что у нас будут экзамены и маневры, а после экзаменов у нас духовная радость будет». А та возражала: «Батюшка, я же взрослая, какие у меня будут экзамены?» Батюшка улыбнулся: «Нет, нет! Обязательно у нас будут экзамены и переэкзаменовки».

Господи, для успешности духовной работы над собой, каждому из нас необходимо участвовать в «экзаменах и маневрах», после которых бывает духовная радость. Господи, прости нас, что, считая себя взрослыми, мы полагаем, что они нам не нужны.

2. Первая необходимость – послушание Богу

Послушанию старец придавал величайшее значение. «Самая высшая и первая добродетель – послушание. Это самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир, и жизнь человека на земле есть послушание Богу. В послушании нужно разумение и достоинство, иначе может выйти большая поломка жизни».

Господи, мы не всегда придаем великое значение послушанию. Мы не ценим его и свою жизнь на земле не связываем с послушанием Тебе, нашему Богу. Господи, прости нас, что послушание не ценится нами как главное приобретение. И помоги, Господи, в послушании проявлять разумение и достоинство и сохрани нас, тем самым, от большой жизненной поломки.

«Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окоченение, и человек не может двинуться дальше. А в послушании сначала трудно – все время точка и запятая, а потом сглаживаются все знаки препинания».

Господи, прости, что живем без послушания и имеем печальные этому последствия – переживаем расслабление, охлаждение и окоченение. И помоги, Господи, подружиться с послушанием и полюбить связанный с ним труд.

«Нашим прародителям дано было обетование, которое они ждали от Каина. Каин был первенец, но предпочтение они оказывали Авелю, потому что он был кроток, смирен и послушлив, а Каин был жесток и груб, творил свою волю. Ему было досадно, что Авелю отдают предпочтение, и он омрачился и опустил лицо свое. А Господь сказал ему: «Каин, грех лежит у порога, властвуй над ним, а то он обратится и сокрушит тебя». А он не вник, не послушался Бога – грех лежал у порога сердца его, а он не вник, посмотрел на порог дома – видит, там никто не лежит, он не стал об этом думать и пошел, убил брата своего, отказался от послушания Богу и попал в послушание греху.

Господи, мы не так часто в своем сердце отдаем предпочтение Авелю, его кротости, смирению и послушанию. Мы кичимся своим первородством и позволяем себе жестокость и грубость, желаем творить волю свою. Господи, прости нас, что нам симпатичнее Каин и, подобно ему, мы часто омрачаемся и опускаем лицо свое, не слушаемся Бога и не видим, что грех лежит у порога нашего сердца. Господи, прости: мы отказываем в послушании Тебе, нашему Богу и Спасителю, и попадаем в послушание греху.

А уж как он мучился потом! Господи! Он всегда бежал отовсюду и всего боялся и трясся». Так старец в образной форме учил разумению и внимательности в послушании. Он указывал, что нельзя понимать духовных указаний буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним; надо смотреть не только на порог дома, но главным образом на порог своего сердца.

Господи, старец и нас учит разумению и внимательности в послушании. Господи, прости нас, часто понимающих духовные указания буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним. Господи, научи нас смотреть не только на порог дома, но и на порог своего сердца.

Приводя какой-нибудь текст или пример из Священного Писания, он обычно говорил о прямом, буквальном, и об иносказательном его значении. Например: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (Пс. 1, 1). Со стороны внешней это значит, что ублажается человек, избегающий нечестивых собраний, не принимающий участия в еретических или антицерковных учениях, но мужем называется и ум, когда он не принимает приходящих от врага помыслов. Запретить приходить помыслам нельзя, но можно не вступать с ними в совещание, в разговоры, а вместо этого говорить: «Господи, помилуй!» Вот поступающий таким образом и называется мужем.

Господи, обращая внимание на тексты Священного Писания, мы должны научиться воспринимать их и в буквальном, и в иносказательном значении. Так, слыша слово «блажен муж», нам следует видеть человека, который избегает нечестивых собраний и связанных с ним людей. Но мужем называется еще и ум, когда он не принимает приходящих от

врага помыслов, не вступает с ними в разговоры, а вместо этого говорит: «Господи, помилуй!» Господи, прости, что, желая приобрести мужество, мы не всегда поступаем подобным образом.

Назначая какое-нибудь послушание, он с величайшей точностью и заботливостью разъяснял его, указывал, как лучше исполнить, соразмерял его с силами человека, но, раз назначив, требовал исполнения неукоснительного и безотлагательного. Однажды он послал одну свою духовную дочь с поручением. Она задержалась в хибарке, с кем-то разговаривая. Старец вышел и сказал: «Две минуты прошло, а ты еще здесь!»

Господи, назначая кому-либо послушание, мы не утруждаем себя с точностью и заботливостью разъяснить его, указать, как лучше его исполнить, соразмеряя его с силами человека. Назначив же послушание, мы должны требовать его неукоснительного и безотлагательного исполнения. Господи, прости нас, что в жизни своей мы так не поступаем.

О постриге он говорил одной монастырской послушнице: «Когда ты поступила в монастырь, ты давала обещание Господу, и Господь все принял и записал все твои обещания. И ты получила монашество. А это только обряд монастырский. И когда ты будешь жить по-монашески, то все получишь в будущей жизни, а когда ты получишь мантию, а жить по-монашески не будешь, с тебя в будущей жизни ее снимут».

Господи, давая обещание Тебе, мы верим, что Ты исполнишь Свое и дашь нам, просимое у Тебя. Но если мы будем жить вне соответствия с полученным, то в будущей жизни мы лишимся полученного. Господи, прости нас за то, что наша жизнь не соответствует полученному от Тебя дару.

Мать А., слушавшая это поучение, говорит батюшке: «Я очень плохо живу». А он в ответ: «Когда учатся хоть какому искусству, то всегда сначала портят, а потом уже начинают делать хорошо. Ты скорбишь, что у тебя ничего не выходит. Так вот, матушка, когда Господь сподобит тебя ангельского образа, тогда Благодать тебя во всем укрепит». Мать А. возражает: «Батюшка, ведь вы только что говорили, что не нужно

стремиться к мантии?» – «Матушка, таков духовный закон: не нужно ни проситься, ни отказываться».

Господи, мы не знакомы с духовным законом, который гласит: «не нужно ни проситься, ни отказываться». Господи, прости нас, что не умеем дожидаться, когда Благодать призовет нас к послушанию или же освободит от него. Господи, укрепи нас быть исполнителями Твоего духовного закона.

Монашество он ставил очень высоко. Оптинскому послушнику отцу Я. (впоследствии о. Георгий) говорил: «У тебя три страха: первый страх – отречения от монашества бояться; второй страх – начальства бояться; третий страх – молодости своей бояться. Какого же страха надо тебе больше всего бояться? Я тебе заповедую монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят – и то монашества не отрекайся».

Господи, как же мудро старец высказывался о страхах. «Первый страх бояться отречения от монашества; второй – бояться начальства; третий страх – бояться своей молодости». Но больше всего старец заповедал хранить монашество. Господи, прости нас, что мы мало внимания уделяем размышлению о страхах, и свое призвание служить Тебе не оберегаем от измены.

3. Исправность во внешнем делании – основание для деятельности внутренней

О своем рукоположении старец рассказывал: «Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш благостнейший Владыка Макарий, то он святительским своим оком прозревал мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем краткое и сильное слово, и настолько было сильно слово это, что я до сих пор помню, сколько уже лет прошло, до конца дней моих не забуду. И много ли всего-то он и сказал мне! Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: «Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: «Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего – иеромонаха Нектария». Только всего ведь и сказал Владыка, но слово его спасло меня раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властью».

Господи, слова, сказанные старцу рукополагавшем его архиереем, могут относиться и к нам, когда мы бываем скорбны, унылы и когда на нас найдет тяжелое искушение, тогда мы должны только одно твердить: «Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего – имя рек». Господи, прости нас, что во время малодушия своего мы не научены так поступать. Господи, помоги, чтобы это слово спасало и нас, как оно спасало старца.

В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух оставался и в старости. В те первые годы своего жителства в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь «Разбойника благоразумного». Но в скиту был обычай: раз в год, как раз в Великом посту, приходил в скит монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил перевод из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь «Разбойника благоразумного» было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить, настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не поднимался.

Господи, старец Нектарий этим эпизодом своей жизни учит нас жертвовать своими выгодами и утешениями в пользу основного направления своей жизни – быть и оставаться в скиту. Господи, прости нас за то, что престижные моменты жизни пересиливают в нас основное направление жизни – работать на духовное свое развитие и совершенствование.

Второе искушение обуяло его, когда он был уже иеромонахом и полузатворником. Получив мантию, он почти совсем перестал выходить из своей кельи, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна его кельи были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из кельи – в храм да в могилу. Но в эти же годы он учился и читал. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Говорил он с посетителями о Пушкине и Шекспире, Мильтоне и Крылове, Шпенглере и Хаггарде, Блоке, Данте, Толстом и Достоевском. В единственный час отдыха своего после обеда он просил читать ему вслух: Пушкина или какие-нибудь народные сказки русские или братьев Гримм.

Изучал языки – латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной Православие; по-латыни он часто цитировал); был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения.

У художника Болотова, принявшего монашество, он учился живописи. Художник Болотов, окончивший Петербургскую Академию художеств, товарищ Репина и Васнецова, основал в Оптиной иконописную мастерскую, в которой преподавал по методам Академии, и отец Нектарий сохранил интерес к живописи до конца жизни.

Уже во время иеромонашества обуяло отца Нектария желание поехать путешествовать, поглядеть дальние страны. В это время и пришло в Оптину требование откомандировать иеромонаха во флот для кругосветного путешествия, и отец архимандрит предложил это назначение батюшке. Тот с

радостью стал собираться. Только уже перед самым отъездом он пошел за напутственным благословением к старцу Иосифу, а тот не благословил. Так и пришлось батюшке остаться в Оптиной.

Господи, старец Нектарий какое-то время своего иеромонашества переживал повышенную любознательность к делам современного ему мира и увлекался многими интересами к различным сторонам научного и литературного образа мышления. Господи, и мы страдаем повышенным интересом к делам мира сего и часто в ущерб своего духовного развития. Прости нас за это, Господи.

Третье искушение было, уже, когда батюшка сам был старцем. Ему, почти семидесятилетнему, захотелось бросить старчество и уйти странником. «Только здесь я уже сам понял, что это искушение, поборол себя и остался», – рассказывал он.

Господи, пошли нам духовную мудрость к уразумению находящихся на нас искушений и прости нас, что не борем себя к преодолению их.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты поверх подрясника, сливал в один котел все кушанья, подаваемые на трапезной – и кислое, и сладкое, и соленое, ходил по скиту – валенок на одной ноге, башмак – на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчества своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, пароходики, поезда и самолетики. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики, и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке образования в школах и вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно было ему для его служения Богу и людям.

Господи, мы не можем сказать, что интерес к общему течению жизни для нас характерен. Мы слабо интересуемся

новинками современной литературы, образованием в школах, вузах. Прости нас за этот пониженный интерес к жизни вообще и несоответствие тем знаниям, которыми интересуется интеллигенция. Господи, прости, что не чувствуем нужду в этих знаниях для нашего служения Богу и людям.

Однажды, еще до революции, пришли к нему семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. «Юноши! – обратился он к ним, – Если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех вашей жизни».

Господи, и нам надо научиться жить так, чтобы наша научность не портила нравственности, а нравственность научности. Господи, прости нас за слабое старание соответствовать высказанной старцем истине и потому за отсутствие полного успеха в нашей жизни.

Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: «Не знаю, может быть, образование совсем не нужно и от этого только вред. Как это совместить с Православием?» Старец возразил, выходя из кельи: «Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находятся, раковины и другие остатки морского дна и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна, иногда научность».

Господи, обладание научными знаниями необходимо подчас нам для убедительного пояснения недоуменных вопросов жизни. Мы же не имеем нужной любознательности и достаточного для подобных пояснений объема знаний, и потому уподобляемся «рыбам безгласным», когда нужны бывают пояснения в защиту веры. Господи, прости нас за наше безгласие.

Часто он говорил: «Я к научности приникаю». Об истории он говорил: «Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает как бы нравственные уроки Вселенной». Говоря о математике, он любил спрашивать, может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий пример: «Бог –

центр круга, люди – радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой». О внешнем делании он говорил: «Внешнее принадлежит вам, а внутреннее – Благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется».

Господи, и нам надо «приникать к научности», чтобы в истории увидеть, как Бог руководит народами и дает нравственные уроки Вселенной. Господи, прости нас: мы мало дорожим возможностью воспринимать уроки истории себе на пользу. Господи, прости нас, что не достаточно прилежно делаем внешнее, которое принадлежит нам, и не доводим его до полной исправности, и потому внутреннее, которое принадлежит Благодати Божией, не может образоваться в нас. Господи, помоги делать внешнее и доводить его до исправности, чтобы могло в нем образовываться нечто от Царствия Божия.

«Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать».

Господи, мы не смотрим на Божественную литургию как на чудо, к которому мы должны «приникать». Господи, прости нас: мы не умеем приникать к этому чуду.

4. От дум – к мышлению

Он учил внимательности в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать – это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думание, займитесь мышлением. Была «Дума», которая думала, а не мыслила государственно – Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум».

Что же касается внимательности в мысли, то оно у нас на самом низком уровне. Господи, прости нас, что много думаем, расплываясь мыслью и теряя целенаправленность. Господи, прости, что не отбрасываем думание и не начинаем мыслить, ибо мысли выше дум.

О жизни он говорил: «Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь».

Господи, старец учил определять жизнь тремя смыслами: мерой, временем и весом. Самое доброе, прекрасное дело, по его словам, если оно выше меры, теряет свой смысл. Господи, прости нас: мы мало уделяем внимания этим трем смыслам и ими не определяем свою жизнь, не приникаем к ним.

Он рассказывал, что в молодости много наблюдал жизнь насекомых и животных.

Господи, мы не умеем с любовью взирать на жизнь насекомых и животных, мы не наблюдаем за ними. Прости нас.

Однажды старец сказал: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и Ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы». В это время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

Господи, Ты говоришь нам через старца Нектария, что Ты требуешь от нас, чтобы мы возрастали в познании тех откровений, которые необходимы для нашего спасения. Господи, прости, что мы не движемся к новым и новым познаниям; прости, что неумело работаем Тебе.

В другой раз он сказал: «Одному пророку было явление Божие не в световом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но если он дерзнет проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника».

Господи, Ты являешь Себя пророку не в световом окружении, а в треугольнике. Это стало для нас знамением того, что к Твоей неисследимой глубине мы не можем приближаться и испытывать ее. Господи, прости нас, что мы не испытываем Твое окружение и не имеем благоговения и страха Твоего при этом испытании.

Говорил старец и об искусстве и литературе. «Заниматься искусством можно, как всяким делом, как столярничать или коров пасти, но все это надо делать как бы перед взором Божиим».

Господи, нам хочется заниматься искусством. Прости нас, что не умеем воспринимать искусство под Твоим присмотром и научением.

Есть большое искусство и малое. Вот малое бывает так: есть звуки и свет. Художник – это человек, могущий воспринимать эти другим невидимые и неслышимые звуки и свет. Он берет их и кладет на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и свет как бы убиваются. От света остается цвет. Книга, картина – это гробницы света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит «воскрешение смысла»: И тогда круг искусства завершается. Перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только свою часть работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений – один есть Творец, а люди только и

делают, что убивают слова и образы Творца, а затем от Него полученной силой духа оживляют их.

Господи, мы не умеем творчески смотреть на произведения искусства, так, чтобы воспринимать невидимые и неслышимые свет и звуки, положенные на холст или бумагу, и «воскрешать смысл» изображенного художником на холсте или бумаге. Прости нас, невнимательных, Господи, к Твоему творчеству, ибо только Ты один есть Творец, а мы умеем лишь убивать Твои слова и образы, чтобы потом полученной от Тебя же силой духа оживлять их.

Но есть и большое Искусство – слово, убивающее и воскрешающее (псалмы Давида, например), но путь к этому искусству лежит через личный подвиг художника, это путь жертвы, и один из многих тысяч доходит до цели».

Господи, нам следует знать, что есть и большое Искусство – это слово, убивающее и воскрешающее, путь, к которому лежит через личный подвиг художника, это путь жертвы. Господи, прости нас, что мы не владеем этим искусством.

«Все стихи в мире не стоят одной строчки Священного Писания».

«Пушкин: был умнейший человек в России, а собственную жизнь не сумел прожить».

Господи, мы еще не пришли к убеждению, что все стихи в мире не стоят одной строчки Священного Писания, потому что только Оно помогает нам правильно прожить свою жизнь. Господи, прости нас, что слова Священного Писания не полагаем в основу своей жизни.

Старец любил цитировать «Гамлета»: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Господи, прости нас, ибо мы не умеем себя смирять словами, которые старец любил цитировать: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Он говорил о необходимости для писателя продумывать каждое слово: «Прежде чем начинать писать, обмакните перо семь раз в чернильницу».

Господи, прости нас, что, переводя свои мысли на бумагу, мы продолжительное время не обдумываем что написать, «не

обмакиваем семь раз перо в чернильницу».

Признавая значение театра как средства народного воспитания, советуя артистам соблюдать в игре соразмерность; он однажды не благословил идти на сцену одну девушку, мечтавшую об этом. Когда его спросили, почему он не благословляет, он ответил: «Она не осилит и развратится. Здесь сила нужна. Застенчивость – по нынешним временам большое достоинство. Это не что иное, как целомудрие. Если сохранить целомудрие (а у вас, интеллигенции, легче всего его потерять) – то всеохранишь».

Господи, оказывается не всякому по силам играть на сцене. Не каждый осилит сохранить здесь свое целомудрие. Господи, прости нас, что не умеем блюсти целомудрие, когда посещаем театры, а тем более, когда собираемся играть в них.

5. Повторение нами ошибки Адама: не молиться и не благодарить Бога

Вспоминая старца Амвросия отец Нектарий говорил: «Это был небесный человек и земной Ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества».

Господи, вспоминая подвижников нашей христианской веры, мы мыслим о них, как «о небесных человеках и земных Ангелах» и, сравнивая с ними свою жизнь, видим себя едва поддерживающими славу Православия. Господи, прости нас за оскудение желания возвышать своей жизнью славу Православия.

С тонким юмором он говорил: «Я – мравий и ползаю по земле и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высока – до облак подымается».

Господи, мы не склонны бываем отождествлять себя с муравьем, ползающим по земле и видящим все выбоины и ямы. Господи, прости, что мы не идем к муравью и не желаем ревновать его житию.

«О, лениве, пойдй ко мравью и поревнуй его житию!» – это сказал не светский писатель, а в церкви читается. Паремии слышали? А кто мы такие – батюшка Анатолий и мы? Только мравки. И вы к нам пришли. А вот Крылов, ваш петроградский библиотекарь про мравия писал, как к нему стрекоза пришла. Вы знаете?» Батюшка начинает улыбаться, рассказывая конец басни. Однако тут же обращается к образам, творит краткую молитву и отпускает посетителя: «Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимались, а только подходите. А еще надо пройти сквозь дверь, и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией. А потому первым делом надо просить: *Милосердия двери, Господи, отверзи ми.*

Господи, сколько у старца смирения, когда он называет себя «мравием», к которому приходим мы. И приходиться надо с особым настроем, а не как стрекоза в известной басне. Господи, прости, что не умеем вдумчиво подходить к старцам, не умеем пройти сквозь дверь и страдаем дерзким желанием самовольно

войти в нее, не рассчитывая на милость Божию. Господи, прости нас, что мы не просим Тебя: «Милосердия двери, Господи, отверзи нам».

Все испрашивается молитвой! Адам в раю. Заповедь: Возделывай и храни – о молитве. А Адам беспечно только созерцал красоту, он не благодарил Бога».

Смирение, любовь к ближним и покаяние батюшка считал важнейшими в духовном пути.

Господи, все в жизни человеческой испрашивается молитвой. И заповедь «возделывай и храни» – о молитве. Адам в раю беспечно только созерцал красоту, но не благодарил Бога через молитву. Прости нас, Господи, что мы повторяем ошибку Адама: не молимся и не благодарим Тебя.

«Положение Иова – закон для всякого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: *Господи, помилуй!* Только мера унижения разная».

Господи, мы не вдумываемся в положение Иова, оно не стало законом для нас. Господи, прости нас, что мы не взываем: «Господи, помилуй!» – когда Ты являешься нам и беседуешь с нами.

«Главное, остерегайтесь осуждения близких. Как только придет в голову осуждение, так сейчас же со вниманием обратитесь: *Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего*».

Господи, мы не остерегаемся осуждения близких и не обращаемся тотчас же со вниманием говоря: «Господи, даруй нам зрети наши согрешения, и не осуждати брата моего». Господи, прости нас за отсутствие остережения.

С умилением старец говорил: «У меня плохо, зато у Благодати хорошо. Тем только и утешаюсь, что у Благодати хорошо. И как дивно хорошо! Когда посмотрю на себя и вижу, что у меня плохо, а у брата хорошо, то и это меня утешает. У меня плохо, признаюсь. Но у Благодати хорошо и у брата хорошо. А я с братом одной веры. И «хорошо» брата и на меня переходит в Благодати, не мое хорошо, а брата». Здесь поразительны слова

об одной вере с братом, ибо это единство веры создает как бы среду для действия Благодати.

Господи, удивительно наблюдение старца о Благодати. Она создает атмосферу взаимодействия хорошего и плохого у нас и у брата. Хорошее ближнего переходит в Благодати к нам, когда нам плохо, когда есть единство веры. Господи, прости нас, что единство веры мы не воспринимаем в рамках Благодати Твоей и не видим, как Благодать и в скорбях утешает нас «хорошим» наших братьев.

6. Страшная суть уклонения от Православия

Старец много предостерегал приходивших к нему против уклонения от Православия, против «Живой церкви» и ложных мистических течений.

О «Живой церкви» он высказывался решительно: «Там Благодати нет. Восстав на законного Патриарха Тихона, живоцерковные епископы и священники сами лишили себя Благодати и потеряли, согласно каноническим правилам, свой сан, а потому и совершаемая ими литургия кощунственна». Своим духовным детям старец запрещал входить в захваченные живоцерковниками церкви; если же в тех церквях находились чудотворные иконы, например Иверская, то заповедал, входя в храм, идти прямо к ней, ни мыслью, ни движением не участвуя в совершающемся там богослужении, и свечи к иконе приносить из дома или из Православной церкви.

Господи, прости нас: теперь мы знаем, что правильнее ни мыслью, ни движением не участвовать в совершающемся у живоцерковников богослужении и свечи к иконе приносить из дома или из Православной церкви.

«Мистика – это многоцветная радуга. Один конец ее упирается в море, другой – в землю, а там что – одна грязь, а у них остается море – высокая область... Что, поняли?» – спросил он слушателей. Образ моря в святоотеческой литературе – это образ неверного, колеблемого, обуреваемого.

Господи, прости нас, что не знаем о радуге, которая олицетворяет мистику. Один конец ее упирается в море, другой в землю. Прости, мы не ведаем, что море – это образ неверного, колеблемого, обуреваемого человека, стремящегося в высокую область.

Особенно боролся старец с увлечением спиритизмом. «Люди ученые часто увлекаются спиритическими учениями, искренне думая, что этим путем можно найти спасение. Ан – нет! Вот отсюда-то и истекают болезни».

Господи, мы охотно слушаем, а то и сами увлекаемся спиритизмом, искренне думая, что этим путем можно найти

спасение. Прости нас, неосторожных в своем любопытстве, приводящем к болезням.

Быков, бывший когда-то видным спиритом, описал в книге «Тихие приюты» свое посещение старца Нектария и привел слова старца о спиритизме: «О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и через своих слуг-бесов, которые появляются на спиритических сеансах незаметно для человека, он, сатана, сатанинской лестью древнего змея заводит человека в такие ухабы и такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил выйти самому, ни даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает через это Богом проклятое деяние человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным, естественным. У спиритов появляется страшная гордыня и часто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им...

Господи, под прикрытием христианского учения на спиритических сеансах незаметно для человека приходит сатана и своей сатанинской лестью заводит человека на такие ухабы и в такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил выйти самому, ни даже распознать всю опасность своего положения. Через это проклятое Богом деяние сатана овладевает человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному грехом уму преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным, естественным. У спиритов появляется страшная гордыня и часто сатанинская озлобленность на всех им противоречащим. Господи, прости нас, что, слушая рассказы о них, мы попадаем под влияние их страшной гордыни и озлобляемся на других.

Таким образом, последовательно, сам того не замечая – уж очень тонко (нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме!) – отходит человек от Бога, от Церкви, хотя заметьте! – в то же время дух тьмы настойчиво через своих духов посылает запутываемого человека в храмы Божии служить панихиды, молебны, читать акафисты, приобщаться

Святых Тайн и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли, что все это ты мог бы делать и сам, в домашней обстановке и с бóльшим усердием, с бóльшим благоговением...

Господи, уж очень тонко сатана воздействует на человека в спиритизме, и он начинает отходить от Бога, от Церкви. Господи, эта психология ухода от Церкви, от Бога, складывается в нас и при совершении других грехов, и мы, не замечая этого тонкого обмана, перестаем ходить на богослужения и замыкаемся в самостийности. Господи, прости нас, что мы позволяем духу тьмы обманывать нас.

И по мере того, как невдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих падений, все больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Если бы он был еще не поврежденным сатаной, он бы прибег за помощью к Богу и святым угодникам, к Царице Небесной, к Святой Апостольской Церкви, к священнослужителям, и те помогли бы ему своими молитвами, а он со своими скорбями идет к тем же духам, к бесам, и они еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия.

Господи, мы, опускаясь в бездну своих падений утрачиваем благословение Твое, что проявляется в утрате желания прибегать за помощью к Тебе и святым угодникам, к священнослужителям, чтобы они помогли нам своими молитвами. Господи, прости тех, кто так делает – не идет за помощью к своим, а предпочитает идти к чужим, к бесам. Господи, прости, что таким поведением мы даем втягивать себя в засасывающую тьму греха и проклятия.

Наконец от человека совершенно отходит Божие благословение, у него начинается необычайный, ничем внешним не мотивированный развал семьи... от него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди...

Господи, перестав осмысливать свое падение в грехи, мы перестаем чувствовать, как Божие благословение отходит от нас, начинается необычайный, ничем не мотивированный развал семьи, от нас отходят близкие, самые дорогие нам

люди. А это признаки, по которым мы можем убедиться, что со своими скорбями мы идем к тем же духам и бесам, и они втягивают нас в тину новых грехов и проклятий. Господи, прости таковых за потерю Твоего благословения и восстанови их способность «на дела Твоя подвизаться милосердием Твоим».

Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней ступени своего, с помощью сатаны, самозапутывания, она или теряет рассудок, человек становится невменяемым в самом точном смысле этого слова, или кончает с собой. И хотя говорят спириты, что среди них самоубийства редки, это неправда. Самый первый вызыватель духов – царь Саул, окончил жизнь самоубийством за то, что он не соблюл слова Господни; и обратился к волшебнице».

Господи, прости таковых с помощью сатаны самозапутываемых и сохрани их по молитвам Церкви от потери рассудка или от самоубийства. Пусть будет им предостережение от царя Саула, первого вызывателя духов, первого самоубийцы, не соблюдавшего слова Господня и обратившегося к волшебнице.

Старец говорил: «В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Во дни Ноя было так: потоп приближался. О нем знал Ной и говорил людям, а те не верили. Он нанял рабочих строить ковчег, а они, строя ковчег, не верили, и потому за работу свою они лишь получали установленную плату, но не спаслись. Те дни – прообраз наших дней. Ковчег – Церковь. Только те, что будут в ней, спасутся».

Господи, в последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Мы должны верить в это и спастись только в Церкви. Господи, прости нас, что кто-то думает иначе, не понимая, что вне ковчега нет спасения.

7. «Капельница» из Слова Божия и благодати его

О софийности в душе человеческой старец говорил, что она возгорается, когда душа воззовет к Богу: «Отец мой и вождь девства моего!» Тогда Бог душе блудницы возвращает девственность и она становится «невестой Христовой, сестрой Слова».

Господи, удивительная вещь! Когда в душе возгорается мудрость и она воззовет к Тебе: «Отец мой и вождь девства моего!» – тогда Ты душе блудницы возвращаешь девственность, и она становится «невестой Христовой, сестрой Слова». Господи, прости нас, что мы не знаем об этой тайне возрождения души и не взываем к Тебе указанными старцем словами.

Старец определял духовный путь как «канат, протянутый в тридцати футах от земли. Пройдешь по нему – все в восторге, а падешь – стыд-то какой!».

Господи, для нас открыто понимание о духовном пути как о канате, протянутом высоко над землей. Пройти по нему – восторг, а упасть с него – стыд. Господи, прости нас, что пока у нас больше стыда, чем восторга.

С тихим вздохом сказал однажды старец: «Общественная жизнь измеряет годы, века, тысячелетия, а самое главное: *И бысть вечер, и бысть утро, день един* (Быт. 1, 5). Бывает в движении сужение и расширение, но, сколько бы человек ни прожил, все так будет: *И бысть утро, и бысть вечер, день един*. Самое твердое – камень, самое нежное – вода, но капля за каплей продалбливает камень. Человеку даны глаза, чтобы он глядел ими прямо».

Господи, среди всех движений общественной жизни остается главный отсчет времени: «И бысть вечер, и бысть утро день един» (Быт. 1, 5). Господи, прости нас, мы не ценим того блага, которое Ты посылаешь нам на каждый день. И еще: сердце наше, ставшее твердым как камень, продалбливается самым нежным веществом – водой, которая капля за каплей устраняет твердость камня. Слово Божие, уподобляясь «воде

живой», достигает наше сердце и в моменте прикосновения каждый день точит его. Господи, прости нас, что мы не ставим себе «капельницу» из слова Божия и благодати его и не боремся с затвердением нашего сердца. Господи, прости, мы еще не научились смотреть на проблему спасения «прямо», а все время куда-то косим своими глазами.

Он говорил о великой постепенности духовного пути, о том, что «ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед и вы хотите покушать и слышите вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу – везде требуется пождание и терпение».

Господи, мы недолюбливаем постепенности на духовном пути и принуждения. Прости нас за поспешность в деле спасения и научи нас каждое дело делать с «пожданием и терпением».

«Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он ей», то есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. «Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоразумение, он и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение, и часто бывает: человек, как лошадь, везет и везет, и вдруг на него находит такое... стихийное препинание».

Господи, Ты даешь нам жизнь на то, чтобы она нам служила, а не мы ей. Мы же, служа жизни, теряем соразмерность, работаем без рассудительности и приходим в грустное недоразумение: зачем мы живем? Господи, прости нас за это вредное недоумение во время стихийного препинания.

Батюшка разъяснял символы пеликана и феникса. «Пеликан кормит своей кровью птенцов – это символ Божественной Благодати. Феникс предчувствует, что приближается смерть его. Тогда он собирает в кучку щепочки, веточки и садится на нее. От жара его тела развивается такая теплота, что костер зажигается, и сам он на этом очистительном костре сгорает и тогда, очистившись в огне, из пепла возрождается вновь в юности и красоте».

Господи, через старца Нектария Ты даешь нам знание символов пеликана и феникса: первый – символ Божественной благодати, второй – очистительного огня, в котором мы сгораем и возрождаемся из пепла вновь в юности и красоте. Господи, прости нас, что знакомство с этими символами не подталкивает нас к духовной над собой работе: к восприятию Божественной благодати и к готовности духовно обновляться в очистительном огне, приводящем к возрождению из пепла в юности и красоте.

Старец заповедал ученикам своим никогда самовольно не заниматься Иисусовой молитвой; он говорил о ней: «Знай, что сначала тебе будет очень тяжело и трудно, ведь надо войти в свою душу, а там такой тебя встретит мрак, и только потом – не скоро – забрезжит свет, и надо ждать, и принять много скорби».

Господи, наше занятие Иисусовой молитвой не должно быть самовольным и должно быть связано с терпением и умением принимать скорби. Господи, прости нас, что у нас нет подобного умения ждать и принимать скорби ради стяжания Иисусовой молитвы.

Батюшка много, с любовью говорил о молитве. «Молитвой, словом Божиим, всякая скверна очищается. Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой. Без молитвы душа мертва перед благодатью. Многословие вредно в молитве, как апостол сказал. Главное – любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть один день одну молитву, другой – другую, чем обе зараз. Одной-то будто бы и довольно».

Это не значит, что старец ограничивал молитвословие или ежедневное правило одной молитвой. Он говорил о мере новоначальных, которые имели силу сосредоточиться только на одной молитве, а другие читали рассеянно. Это – снисхождение к немощи, что старец и проявил дальнейшим примером. «Спаситель взял Себе учеников из простых, безграмотных людей. Позвал их – они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила – дал полную свободу, льготу, как детям. А Сам Спаситель, как кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился. Он Своих учеников Сам звал, а к Иоанну Крестителю ученики приходили по своему желанию – не звал их Креститель, а к нему приходили. Какое он

им давал правило, это осталось прикровенным, но молиться он их научил. И вот, когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся, а те и спохватились – вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве, и так серьезно к Нему приступили, как бы с укором, – что вот ученики Иоанновы молятся, а мы нет. А если бы ученики Иоанновы не сказали им, то они бы и не подумали об этом, – заметил старец, поглядывая на одну послушницу, которая попросила у него молитвенного правила, узнав, что другим ученикам старец такое назначает. – А Спаситель им сице: «Отче наш...» И так их и научил, а другой молитвы не давал».

Господи, Иисусе Христе, мы забываем очищать молитвой и словом Божиим скверну души своей, обязательно со вниманием прочитывая хотя бы одну молитву, тем самым проявляя любовь и усердие к Богу. Господи, Учителю благий, прости нас за неумение и отсутствие усердия уединяться после работы и заниматься молитвой. Господи, благих Подателю, научи нас молитве .

8. Дары Благодати: грусть и умиление, и покаянные слезы

«Есть люди, которые никогда не обращаются к Богу, не молятся, и вдруг случается с ними такое – в душе тоскливо, в голове мятежность, в сердце – грусть, и чувствует человек, что в этом бедственном положении ему другой человек не поможет. Он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: «Господи, помилуй!» Казалось бы, довольно нам в молитве сказать один раз «Господи, помилуй», а мы в церкви говорим и три, и двенадцать, и сорок раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить «Господи, помилуй», и за них говорит это Церковь. И Господь слышит, и сначала – чуть-чуть благодать, как светоч, а потом все больше и больше, и получается облегчение». Одному духовному сыну батюшка сказал: «Аз возжегох вам светильник, а о фитиле вы позаботьтесь сами».

Господи, жизни Подателю, и у нас бывает на душе тоскливо, в голове мятежность, в сердце – грусть. Прости нас, Господи Иисусе Христе, мы раньше не знали, что молитва Церкви «Господи помилуй», повторенная три, двенадцать, сорок раз – это молитва за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить «Господи, помилуй» и за них говорит это Святая Церковь. Господи, многомилостивый Владыка, помоги нам осознать эту заботу Церкви о страдальцах и прости нас, что не вникаем своим сердцем в эту заботу.

Одна женщина говорит старцу: «Батюшка, сильно раздражаюсь», а он отвечает: «Как найдет на тебя раздражение, тверди только: «Господи, помилуй». Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе».

Господи, в минуты сильного раздражения мы забываем твердить: «Господи, помилуй» и не ищем утешения в работе. Прости нас.

Старик-возчик Тимофей падает перед батюшкой на колени. Лицо у Тимофея все преображено верой, умилением и надеждой: «Батюшка, дайте мне ваше старческое наставление,

чтобы ваш теплый луч прогрел мою хладную душу, чтобы она пламенела к горнему пути». После этой мудреной фразы он просто говорит: «Батюшка, у меня слез нет!» А старец с чудесной улыбкой наклоняется к нему: «Ничего, у тебя душа плачет, а такие слезы гораздо драгоценнее телесных».

Господи, как же редко мы вспоминаем, что у нас нет слез, что душа у нас не плачет. Прости нас.

Сам старец молился с детской верой и простотой, иногда простирая к образам руки.

Одна его духовная дочь рассказывала, что долго сидела у него и беседовала. Потом он отпустил ее. Уходя, она обернулась и увидела, что он стремительно двинулся в угол к иконам, простирая к ним руки. Она незаметно вышла.

Господи, Иисусе Христе, мы не умеем с дерзновением, простирая руки, молиться Тебе о людях. Прости нас.

Исповеди у него – самое прекрасное и страшное, что она видела в жизни. Она всегда, знала, что и без ее слов он знает не только то, что она скажет, но и то, что еще не дошло до ее сознания. Он был очень строг на исповеди, указывал на духовное значение помыслов, а не только дел. Иногда же он был ласков, даже шутил. Так, он однажды дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась. «Ты что?» – «Я думаю, грешна я этим или нет». – «Ну подумай! А то ты, может быть, вычеркнешь это в книжке». И улыбка.

Господи, исповедуясь, мы не всегда осознаем духовное значение своих помыслов и дел. Прости нас.

Очень хорошо рассказывала об исповеди у него одна женщина, которая не исповедовалась с юности, от Церкви была далека, даже не отдавала себе отчета, верит она или нет, и к старцу попала, лишь сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее большое впечатление, и, когда он предложил ей исповедаться, она согласилась. «Вхожу я, – рассказывает она, – а он подводит меня к иконам: «Стань здесь и молись!» Поставил ее, а сам ушел к себе в келью. Стоит она и смотрит на иконы. И не нравятся они ей – нехудожественны они, и даже лампадка кажется ей никчемной. В комнате тихо. Только за стеной батюшка ходит. Шелестит чем-то. И вдруг начинает

находить на нее грусть и умиление, и невольно, незаметно начинает она плакать. Слезы застилают ей глаза, и уже не видать икон и лампадки, и только радужное облако перед глазами, за которым чудится Божие присутствие. Когда вошел батюшка, стояла она вся в слезах. – «Прочти „Отче наш“». Кое-как, запинаясь, прочла. «Прочти „Символ веры“». – «Не помню». Сам старец стал читать и после каждого члена спрашивает: «Веришь ли так?!» На первые два ответила: «Верю». Как дело дошло до третьего члена, то сказала, что ничего здесь не понимает и ничего к Богородице не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать «Символ веры». И про большинство других членов «Символа веры» женщина эта говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя и бессмысленно было бы скрывать и что вот сейчас с ней как бы прообраз Страшного суда, а батюшка о личных грехах спрашивал ее, как ребенка, так, что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, а потом отпустил ей грехи с младенчества до сего часа.

Господи, Боже, Спасителю наш, дай нам память и научи молиться Тебе, когда готовимся к исповеди. Дай нам память, что надо встать перед иконами, смотреть на них и ждать, когда благодать Божия пошлет нам грусть и умиление и... слезы. А за ними почувствовать Божие присутствие, и дать ответ на каждый член «Символа веры» и, наконец, пережить прообраз Страшного суда над собой. Господи, мы горько сожалеем, что нет у нас такого порядка, когда готовимся к исповеди. Прости нас.

Однажды одна его ученица на время отошла от него, уехала, но молча очень без него тосковала; ее подруга, сказала старцу: «Она очень одинока сейчас». – «А что, она причащается?» – спросил старец. «Да!» – «Тогда она не одинока».

Господи, случится и нам переживать одиночество. Но если мы в это время причащаемся, то мы – не одиноки. Прости нас, Господи, что забываем об этой простой истине и разрешаем себе тосковать от одиночества.

О преодолении беспричинного страха он говорил: «А ты сложи руки крестом и три раза прочитай «Богородицу», и все пройдет». И проходит.

Господи, когда и на нас нападает беспричинный страх, мы понятия не имеем как его преодолеть. А на самом деле это делается очень просто: «Сложим руки крестом и три раза прочитаем «Богородицу». И все пройдет. Прости нас, Господи, что не знаем этого и, соответственно, не делаем так.

Старец говорил: «Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле, кажется, страшно ноги запачкать, а, если поискать, можно увидеть бриллианты – вот тебе, твою шею украсить».

Господи, мы боимся верить, что «из самого дурного может быть самое прекрасное». Прости нас за это и помоги увидеть среди грязи земной бриллианты и украсить ими свою шею.

Батюшка с простотой давал деньги. Однажды одной духовной дочери нужны были деньги. Она попросила у старца. Он вынес с улыбкой скомканную пачку: «Вот, сосчитай эти тряпочки».

Господи, мы не всегда относимся к деньгам с простотой, как к «тряпочкам» и не умеем ими помогать другим. Прости нас.

Он говорил, что милостыню надо подавать с рассуждением, а то можно повредить человеку.

Господи, прости, что не умеем милостыню подавать с рассуждением и потому не избегаем случаев повредить человеку. Прости нас, милосердный Господи.

Келейник его рассказывал, что он всегда хотел подробно знать нужду человека, зря не любил давать, а если давал, то щедро, на целые штиблеты или даже на корову или лошадь.

Господи, соприкасаясь с проблемой нужды человеческой, мы ленимся узнать подробно перед чем Промысл Божий поставил человека и, если помогаем, то щедрости он от нас не дожидается. Прости нас, Господи.

Особенно внимателен был батюшка к более грешным посетителям или восстающим против него своим духовным детям. Тот же келейник говорил, что он «девяносто девять праведных оставлял, а одну (овцу) брал и спасал».

В периоды непослушания и возмущения он был отечески ласков, звал не по имени, а «чадо мое», «овечка моя» – и возмущение стихало, потому что самая возмущенная и упрямая душа чувствовала искренность этой великой любви, о которой старец сказал однажды сам: «Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь – любовь-однодневка, наша и сегодня и через тысячу лет – все та же».

Господи, мы не умеем любить той великой любовью, которая никогда не изменяется. Прости, Господи, что любим любовью-однодневкой.

Однажды духовная дочь спросила старца: должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их страдания и утешить. Он ответил: «Ты сама поняла, поэтому я скажу тебе – иначе облегчить нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней – так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда к немощи твоей приходит Благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев, и можешь принимать сначала».

Господи, чтобы облегчить страдания и боль других, необходимо брать на себя их страдания и грехи. Прости нас, что мы, даже зная об этом, не берем на себя грехи и боль другого человека и для преодоления их тяжести не ждем помощи от Благодати Божией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беседы великих русских старцев «О Православной вере, спасении души и различных вопросах духовной жизни». М., «Ковчег», 2003.
2. Преподобный Никон Оптинский (Беляев). **Дневник 1907 – 1910 гг.** «Сардоникс», 2003.
3. **Старец Нектарий: подвиги и чудеса** (Серия: Подвижники благочестия XX столетия). М., «Трим», 1994.

**ИСПОВЕДЬ XVIII. СВЯТОЕ ВОЗНОШЕНИЕ
БОГУ. По духовным беседам
преподобного Гавриила, старца
Седмиезерной пустыни (1844 – 1915).**

1. Богатство благодати Божией

Говорю вам, делатели виноградника Христова, спасающиеся о Господе, – не думайте, что исчерпаете когда-нибудь всю сладость у Господа. Нет! Он – неисчерпаемая бездна сладости. Если бы весь мир небесный и земной неотступно стремился познавать Его, то и тогда Он бы только все более и более открывал нам Свою Премудрость и Любовь, восходя от силы в силу, от совершенства к совершенству, и от восторга и благоговения люди бы, как Ангелы, вечно зывали: *свят, свят, свят Господь... полны небеса и земля славы его, Аллилуиа!*

Господи, Боже наш! Мы призваны осознать себя делателями виноградника Христова, спасающимися тем обилием благодати и милосердия, которые Ты даруешь нам. И как таковые мы обязаны вкушать и испытывать сладость от плодов растущего в нем винограда. В Тебе, Господи, неисчерпаемая бездна сладости от познания Твоей Премудрости и Любви. Господи, прости нас, ибо, не вкушая Твоих плодов, мы не восходим от силы в силу, от совершенства к совершенству и от восторга и благоговения не зываем: «Свят, свят, свят Господь, полны небо и земля славы Твоея. Аллилуиа!»

Делатели виноградника Христова! Пусть не познавшие Бога с недоверием спрашивают: «Когда это будет? Не мечта ли все это?» Мы слышим призыв Христа Спасителя: *Аще кто жаждет да приидет ко Мне и пьет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы (Ин. 7, 37–38)*, и молитву Его к Отцу: *Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и сии познаше, яко Ты Мя послал еси: И сказах им имя Твое, и скажу: да любы, еюже Ты Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них (Ин. 17, 25–26)*, мы знаем, что Он принес людям Богосыновство и верующим во имя Его дал радость *быть чадами Божиими (Ин. 1, 12)*

Господи, очень часто, имея уши, мы не слышим призыв Твой: приходить к Тебе и с верой пить воду живую, реки которой

через слух текут в наше сердце. Прости нас, Господи, за потерю жажды к воде живой. Признак воды живой – в познании праведного Отца и посланного Им в мир Сына Своего. Сердцевина этого познания – любовь Отца к Сыну, которая становится и нашим достоянием, если мы храним единство со Христом. Результат этого единения – наше усыновление Богу по благодати и введение в ту благодатную реальность (в Церковь), где мы действительно можем быть «чадами Божиими». Господи, прости нас, что любовь Твоя к Сыну еще не вошла в должной мере в наше «зажатое» сердце так, чтобы она руководила нашей жизнью. Прости нас и за то, что мы не возгреваем в себе благодатный дар быть «чадами» Твоими.

Делатели виноградника Христова! Только сердцам смиренномудренно следующим по стопам Сына Божия открывается любовь Божественная, которая всюду видит Отца Небесного, всюду слышит призывающий, наставляющий и утешающий голос Его. Эти чада Божии следуют завету Спасителя: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29)*, они исполняют волю Его, и осуществляется в них обещание Христово: *придем к ним, и обитель у них сотворим*. Они делаются жилищем Отца и Сына, и Дух открывает им глубины Божии (1Кор. 2, 10).

Господи, не получается у нас смиренномудренно следовать по стопам Твоим. Прости нас. И любовь Божественная еще не вошла в нас. Поэтому мы не видим всюду Отца Небесного, не слышим всюду призывающий и утешающий голос Твой. Мы не следуем завету Спасителя быть кроткими и смиренными сердцем и не исполняем волю Твою. Прости нас, Господи, и осуществи в нас обещание Твое: *придти к нам и обитель Себе в нас сотворить*.

Делатели виноградника Христова! Нам еще здесь, на земле, Блаженство Богопознания доступно. Здесь, в сердцах людей, еще облеченных брэнной плотью, воцаряется Царство Божие. Только бы не мечтали люди, что они сами приобрели это великое сокровище. *Не вы Мене избрасте, – прямо против этого говорит Христос, – но Аз избрах вас и положих вас, да вы*

идите и плод принесете, и плод ваш пребудет, да, его же просите от Отца во имя Мое, даст вам (Ин. 15, 16).

Господи, по свидетельству старца, и нам здесь, на земле, доступно блаженство Богопознания. В наших сердцах, еще обрамленных брэнной плотью, может воцариться Царствие Божие. Только надо оставить мечты, что мы сами можем приобрести это великое сокровище. Господи, прости, что подобные мечты довольно часто посещают нас и становятся препятствием к получению сего великого сокровища.

Смирняя себя, вседушно следуй Слову Божию и исполняй волю Его, и по молитве твоей в сердце свое примешь Господа и тогда поистине будешь повсюду видеть и слышать Его.

Господи, помоги нам смирять себя, от всей души верить слову Твоему и исполнять заветы Твои. И помоги нам, Господи, вместе со словом Твоим принимать в свое сердце Тебя Самого, чтобы повсюду видеть и слышать Тебя. Прости нас, Господи, что мы не стремимся к этой цели.

Делатели виноградника Христова! Смирняющий себя, когда поносят его и злословят на него, слышит вразумляющий голос Божий, видит указующий на греховные раны перст Его и с благодарностью приемлет от руки Врачующего этот жгучий, но цельбоносный пластырь. Он знает, что нет ни от кого такой пользы, как от врагов, и легкой, даже желанной становится для него заповедь: *Любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы (Мф. 5, 44).* Смирняющий себя человек считает их своими благодетелями, способствующими ему приблизиться к Богу, войти в Царствие Его, и не только не ненавидеть и не сердиться, но и любить их даже больше других и скорбеть об их ожесточении и гибели. Вспоминая своего Спасителя, молящегося на кресте за врагов, и он взывает к Богу: *Авва, Отче, не вмени им греха сего!*

Господи, встречаясь с лицами, поносящими нас, мы не умеем с благодарностью принимать от их руки врачующий, хоть и жгучий, но цельбоносный пластырь. Прости нас за это неумение, Господи. Мы не научились еще видеть спасительную пользу от врагов, для нас еще не стала легкой и желанной

заповедь Твоя о любви к врагам. Прости нас за отсутствие такой любви. Поэтому мы и не считаем их своими благодетелями, способствующими нам войти в Царство Небесное. Мы не стараемся через них приблизиться к Тебе, Богу нашему, не любим их больше других и не скорбим об их ожесточении и гибели. Господи, прости нас и дай нам способность взывать к Тебе: «Авва, Отче, не вмени им греха сего!»

Делатели виноградника Христова! Поистине, когда возгорится в сердце человека пламенная любовь к Богу, он на все бывает готов, все с радостью терпит ради Возлюбленного своего. Как воск тает от огня, так сердце его тает под горящими лучами любви. Как угодно обидь его тогда, он и не заметит обиды, ибо он будет осознавать себя ничтожеством в сравнении с всегда стоящим пред его глазами Божественным Страдальцем, понесшим на кресте все наши немощи и скорби. *Прездзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, – воззовет он, – и не подвижуся!* (Пс. 15, 8). Он ощущает и видит простирающуюся к нему силу благодати от Креста Иисуса Христа распятого; событие прошедшее являет ему силу в настоящем подвиге.

Господи, мы смиренно ожидаем, когда и в нашем сердце возгорится пламенная любовь к Тебе, нашему Богу, и мы испытаем готовность все с радостью потерпеть ради Тебя, нашего Возлюбленного. Но не горит еще в нашем сердце такая любовь к Тебе, сердце наше не тает под горящими лучами Твоей любви. Господи, прости нас. Мы замечаем обиды, потому что не сознаем себя ничтожеством в сравнении с всегда стоящим перед нашими глазами Божественным Страдальцем, понесшим на Кресте все наши немощи и скорби. Прости нас, что не ощущаем и не видим простирающуюся к нам силу благодати, исходящую от Креста Иисуса Христа распятого нашего ради спасения. Господи, прости, что событие крестной смерти Сына Божия не оказывает на нас своего благодатного воздействия и не используется нами в настоящем подвиге.

Делатели виноградника Христова! Нам надлежит видеть в сердце своем спасительный рост (приращение) сокровища

Божия, которое откроется нашему пониманию более ярким возгоранием в нем (в сердце) Любви Божественной, и захочется нам еще теснее прильнуть ко Господу своему и взойти от прежней силы в новую, большую. Вот награда за поношение! Вот бесконечное милосердие Божие к страдающему ради Него сердцу! Вот неопишемое и конца неимущее блаженство!

Господи, мы призваны наблюдать приумножение Твоего богатства в нашем сердце, которое обычно сказывается в нас более ярким возгоранием в нас Твоей Божественной любви, более тесным единением с Тобой, Господом нашим, и вхождением в новую, большую силу по сравнению с прежней. И это воспринимается нами поощрительной наградой за благодушно перенесенное ради Тебя поношение. Господи, прости нас, что мы не наблюдаем за умножением Твоего богатства, Твоей Божественной Любви в нас; прости и за неумение переносить приходящие поношения как страдания ради Тебя.

Делатели виноградника Христова! Знайте, что человек, приняв в себя это богатство, именуемое Любовью Божественной, сам как бы горит, отражает и распространяет вокруг тот свет, о котором сказал Господь: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). Сердце сокрушенное и смиренное заменяет ему все правила, и, идя во свете Божиим, он приближается прямо к Богу, в простертые к людям объятия Его.

Господи, мы призваны принять в себя богатство Твоей Любви, загореться от нее сердцем, отражать и распространять вокруг себя тот свет, о котором Ты сказал: «Аз есмь свет миру». Господи, прости, что мы не выполняем это призвание, что сердце наше еще не наполнено смирением и сокрушением, в каждом правиле этот свет не присутствует и не приближает нас прямо к Тебе, Богу нашему. Господи, прости нас, что не видим простертых к нам объятий Твоих и не богатеем Твоей Любовью.

Делатели виноградника Христова! Умягчим же сердца свои и смирим их, и они тогда сами научат нас всему.

Господи, прости нас, что не умягчаем своих сердец и не смиряем себя так, чтобы они учили нас всему.

2. О смирении

Сложное дело – наше спасение: из многих подвигов оно составляется. Каждый подвиг имеет в нем свое место, тесно связан с другими, и все они вместе составляют стройное, отделанное здание спасения. Здесь своего рода есть основание, стены, возглавия.

Господи, старец Гавриил учит нас, что дело спасения – это совокупность подвигов, согласованное действие которых похоже на строительство здания, в котором есть основание, стены, возглавия. Господи, прости нас, что мы с этой точки зрения не смотрим на дело нашего спасения, и не заостряем своего внимания на составляющих его подвигах.

Что же составляет основание подвига спасения? Таким основанием служит смирение. Все подвиги стягиваются и утверждаются на одном главном – самоотвержении, самоотвержение же происходит от смирения. Без смирения все добродетели, как здание без фундамента, не могут прочно созидаться, как и долго стоять. Без смирения нельзя иметь ни самоотвержения, ни чистой, совершенной любви к Богу и ближним. Нечего уже и говорить о подвигах поста, бдения, упражнения в чтении Писания, вольной нищеты и других: эти служат только средствами к возведению здания.

Основанием строящегося здания является самоотвержение, происходящее от смирения. Без него не может быть чистой, совершенной любви к Богу и ближним. Без смирения мы не устоим в подвигах поста, бдения, упражнения в чтении Писания, вольной нищеты. Господи, прости нас, нежелающих дело спасения строить на прочном основании смирения.

Очистив самоотвержением душу от нечистот греха и заложив в ней прочный фундамент смирения, можно возводить и самое здание духовное – совершенство. Оно возводится, слагаясь из трудов добродетеля и богоугождения.

Господи, старец говорит нам, что, заложив прочный фундамент смирения, нам необходимо возводить и самое

здание духовное, именуемое совершенством. Оно слагается из трудов доброделания и богоугождения. Господи, мы подобных трудов на себя не берем, и поэтому здание спасения у нас не возводится. Господи, прости нас, утрачивающих перспективу строительства.

Здание духовного совершенства возглавляется конечной и высочайшей добродетелью – любовью. Любовь к Богу и ближним – душа всех подвигов благочестия, конец всех выпренных (высоких, высших) стремлений духа. Она есть, по учению Священного Писания, первая и большая заповедь, сущность закона, совокупность, верх духовного совершенства. Без любви, никогда не престающей, все прочие добродетели и духовные дары (даже дар чудотворения и подвиг мученичества) не имеют цены, как средства без цели. Она есть высшее совершенство для человека, ибо ведет его к конечной цели его бытия – единению с Богом. Бог есть любовь по преимуществу, так что пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает.

Господи, здание спасения возводится и возглавляется конечной и высочайшей добродетелью – любовью. Мы же в суете жизни эту конечную цель забываем, и любви к Богу и ближним не делаем душой нашего благочестия, завершением всех стремлений духа. Господи, прости, что все сделанное нами теряет свою ценность как средство без цели. Только любовь ведет нас к конечной цели бытия – единению с Тобой, нашим Богом (1Ин. 4, 16). Господи, прости, что чувство единения с Тобой и Твоего пребывания в нас нам почти не свойственно.

Так как Бог есть существо беспредельное и совершенное, то и любовь к Богу должна быть развита до высшей степени (или лучше, развиваться до бесконечности), быть чистой, без всяких побуждений самолюбия и земных расчетов; Бога должно любить для Самого же Бога.

Господи, Ты – Существо беспредельно совершенное, и наша любовь к Тебе должна развиваться до бесконечности, быть чистой, без всяких примесей самолюбия и земных расчетов. Господи, прости нас, что мы не умеем любить Тебя для Самого же Тебя.

Эта любовь, по учению Спасителя нашего, должна обнимать собою и оживотворять все силы души: *Возлюбиши, – говорит Он, – Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею* (Мф. 22, 37). После своей действительности эта любовь, объемля и упражняя все силы души, должна иметь также владычество над человеком, чтобы он и мыслил только о Боге, и желал единого Бога, и жил и дышал только Им. Все мысли, расположения, намерения такого человека делаются отпечатком жизни Божественной, образом Божественной истины, святости, блага, лепоты.

Господи, именно такая любовь должна иметь над нами такое владычество, чтобы мы мыслили только о Тебе, желали только единого Тебя, жили и дышали только Тобой. Господи, прости нас, что любви, над нами владычествующей, мы еще не имеем. Господи, помоги нам, чтобы все наши мысли, расположения, намерения и желания имели отпечаток жизни Божественной, образ Божественной истины, святости, блага, красоты.

На этой высоте своего развития любовь к Богу делает нас чистыми орудиями воли Божией, совершенными органами жизни Его, так что душа взывает с апостолом Павлом: *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Господи, прости нас, что мы не стали еще чистыми орудиями воли Твоей, совершенными органами Твоей жизни. Господи, прости нас, что мы не можем сказать, что Ты живешь в нас.

Любовь! – само слово это звучит в моей мысли и сердце как бы слово «Бог». Какая же преграда существует к приобретению этого сокровища? Почему многие его не имеют и не ищут? Причина тому – злосчастное самолюбие. Нет надобности толковать это слово – оно всякому понятно; это – прямая противоположность любви Божественной: одно – любить Бога, а другое – любить себя.

Господи, в наших мыслях и сердце слово «Любовь» еще не звучит как слово «Бог». И причина тому – наше злосчастное самолюбие, прямая противоположность любви Божественной. Господи, прости нас за то, что мы отдаем предпочтение

самолюбию, когда приходится делать выбор между любовью к Тебе, Богу нашему, и любовью к себе.

Вот это-то самолюбие, как непроницаемая стена, и заграждает от многих свет Божественной Любви. Самолюбие, как говорит Господь, – есть смерть для души: *кто возлюбит душу свою, погубит ю* (Мф. 16, 25). Самолюбие, поясняет святой Максим Исповедник, есть причина всех страстных помыслов, ибо от него рождаются три основных страсти: пресыщение, сребролюбие и тщеславие, а прочие все следуют за которым-нибудь из сих трех; – отсеки страсть самолюбия, ты отсеки и все страсти, от нее происходящие.

Господи, по словам старца, самолюбие имеет свойство быть непроницаемой стеной между Богом и человеком. Из-за него свет Божественной Любви не доходит до нас. Помимо мрака самолюбие несет нам смерть. Господи, прости, что мы без опаски пользуемся самолюбием и не наблюдаем опасных результатов его действия в нашей душе. Самолюбие – причина всех страстных помыслов, от него рождаются три основных страсти: пресыщение, сребролюбие и тщеславие. Господи, прости нас, что мы не отсекаем действия в себе страсти самолюбия, а с нею и всех прочих, от нее происходящих.

О Боже! Ужас объемлет меня при взгляде на мир: как он самолюбив, какой в нем непроглядный мрак страстей! Легион имя им... и ничем иным они не могут быть изгнаны, как молитвой и постом (Мк. 9, 29).

Господи Боже! Ужас должен охватывать и нас при взгляде на мир, ибо он самолюбив, в нем непроглядный мрак страстей! Легион имя им... Господи, прости нас, что в силу собственной страстности чувство ужаса редко посещает нас. И нет у нас усердия к молитве и посту, которыми изгоняются страсти. Прости нас.

Авва Исаак Египетский так любомудрствует о сем цельбоносном врачевании (в связи со всем подвигом спасения): цель монаха – совершенство сердца, говорит он, и состоит в непрерывном и неразвлекаемом пребывании в молитве и, сколько возможно, в непоколебимом спокойствии духа и

всегдашней чистоте. Для достижения сего мы имеем нужду в телесных трудах, сокрушении духа и прочих добродетелях.

Преподобный Исаак Египетский говоря о цели монашеской жизни, утверждает, что она состоит в совершенстве сердца, то есть непрерывном неразвлекаемом пребывании в молитве и, сколько возможно, в непоколебимом спокойствии духа и всегдашней чистоте. Господи, прости, что указанные преподобным отцом качества сердца мы не насаждаем в себе. Господи, прости и за то, что беспечно относимся к нужде в телесных трудах, сокрушении духа и прочих добродетелях.

Между тем и другим есть неразрывная связь: ибо, как без добродетели нельзя приобрести постоянной, совершенной, чистой молитвы, так и добродетели без постоянства молитвы не могут достигнуть совершенства.

Господи, прости нас, что мы разрешаем врагу стирать в нашей памяти простую истину: без добродетели нельзя приобрести постоянной, совершенной, чистой молитвы, и без постоянства молитвы добродетели не могут достигнуть совершенства. Господи, прости нас, что хромаем то на одно, то на другое колено, и честь совершенства не дается нам.

Итак, закончу я беседу с вами тем, с чего начал, будем подражать повиновению второго Адама, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, которое Он оказал Отцу Своему. *Аз бо, – говорит, – от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю (Ин. 12, 49–50).*

Господи, и нам, желающим построить здание спасения, необходимо подражать Христу в Его повиновении Отцу Своему и в умении говорить только то, что посылающий нас на дело Отец дает нам употребить в своей речи. Господи, прости нас, что такому подражанию мы еще не научены.

Как в праотце первом Адаме и в его последователях корень всех зол есть превозношение, так и в новом Адаме – Богочеловеке Иисусе Христе и в желающих жить подобно Ему, начало, основание и источник всех благ есть смирение. Противное врачуется противным. Посему, если вина всех зол в непокорности и кичливости, причина же благ – повиновение, то желающим жить праведно надлежит жить в повиновении у

искусного старца. А так как силы наши настолько слабы, что и тогда, когда хотим сделать добро, скорее делаем зло, то необходимо нам еще непрестанно обращаться с молитвой о помощи к Богу, подающему всем вся во благое.

Господи, Ты говоришь нам, что последователям первого Адама мешало превозношение, а для последователей второго, Спасителя нашего Иисуса Христа, началом, основанием и источником всех благ явилось смирение. Вот и у нас причину всех зол надо искать в непокорности и кичливости, а основание и источник всех благ полагать в смирении. Господи, прости нас, что эти истины не стали еще для нас убеждением, и мы не корректируем ими нашу христианскую жизнь. Господи, помоги нам, желающим жить праведно, полюбить повиновение и непрестанно обращаться с молитвой о помощи к Тебе, нашему Богу, подающему всем всё во благое.

3. О борьбе со страстями

Вы спрашиваете, как бороться против страстных помыслов? По свидетельству опытных подвижников, много облегчает сию брань усердная молитва к Пресвятой Деве Богородице, а также к тем святым, которые сами выдержали сильную брань с вожделениями или претерпели мученичество за целомудрие. Молитва к ним, как некая небесная роса, угашает раскаленные стрелы лукавого.

Господи, при посещении нас страстными помыслами, многие из нас не прибегают с усердной молитвой к Пресвятой Деве Богородице и к святым, которые сами перенесли сильную брань с вожделениями. Потому, по их молитвам, к нам не нисходит некая небесная роса, угашающая раскаленные стрелы лукавого. Прости нас, Господи, за небрежение к такой молитве.

Необходимы для сохранения душевной и телесной чистоты также частая исповедь и причащение Святых Тайн Тела и Крови Христовых.

Господи, при преодолении страстей нам очень трудно бывает оставить житейскую суету и потратить определенное время на подготовку к частой исповеди и причащению святых Тайн Тела и Крови Христовых. Господи, прости нас, что этот важнейший прием борьбы мы недооцениваем и к нему не прибегаем.

Вообще при борьбе с какой бы то ни было страстью всемерно нужно стараться отвлечь внимание от обуревающих помыслов в сторону любви к Богу.

Господи, при борьбе с каждой страстью нам надо всемерно стараться отвлечь внимание от обуревающих помыслов в сторону любви к Богу. А мы просто этого не умеем. Сделаем два-три робких шажочка в этом направлении и бросаем это занятие, все пуская на самотек. Господи, прости нас за пренебрежение этим способом борьбы со страстями.

К объятой любовью к Богу душе не может приблизиться ни один нечистый помысел, все равно как на горячий сосуд не сядет ни одна муха, будь в нем даже самое лакомое кушанье.

Уязвленные любовью к Богу, – говорит преподобный Петр Дамаскин, – даже не едят в продолжение многих дней, забывая свои тела; или если едят, то вовсе не замечают, когда, что и сколько; в таком состоянии души, какие страсти могут приступить к ней? Предавшись в волю Божию, таковые люди всеми силами души стремятся к единому Богу любви, как растение к солнечному свету и теплу.

Господи, нам следует помнить, что к душе, объятай любовью к Тебе, Богу нашему, не может приблизиться ни один нечистый помысел. Господи, прости нас, что не предаемся в волю Твою и всеми силами души не стремимся к Тебе единому Богу любви, как растение к солнечному свету и теплу. Господи, умиласердись и пошли нам такую сильную любовь.

Сокрушают страсти также искреннее сознание своей немощи, смирение, нищета духовная, если они охватывают всю душу, простираются на все расположения, желания, мысли. Даже этого не должно иметь: пристрастия даже к вещам первой необходимости, например, к одежде, сосудам и тому подобное, ибо пристрастие и к малой ничтожной вещи губит чистоту сердца подобно тому, как и один ноготь орла, запутавшийся в сети, не позволяет ему воспарить в небеса, на родную ему высоту. «От того-то и бывает, – говорит авва Моисей, – что некоторые, отказавшись от многочисленных своих имений, не освободились от прежнего пристрастия к вещам. Они возмущаются гневом за самые маловажные вещи, например, за ножичек, грифель, перо и прочее, и с такой бережливостью хранят свои книги, что никому не дают читать, даже прикасаться к ним не позволяют. От чего можно было бы приобрести приращение в терпении и любви, в том они находят случай к нетерпеливости и гибели. Таковые никогда не могут достигнуть совершенной, описанной апостолом (1Кор. 13, 2–7) любви.

Господи, нам следует сокрушать страсти искренним осознанием своей немощи, смирением, нищетой духовной. И непременно ими охватывать всю душу, простирать на все расположения, желания, мысли. Господи, прости нас, что не умеем эти качества души держать в рабочем состоянии и

простирать их на все состояния души, желания, мысли. И в дополнение к этому нам необходимо побеждать в себе пристрастие к разным вещам, ибо они дают повод к нетерпеливости и гибели. Господи, прости нас: мы таковым пристрастием не в состоянии бываем достигнуть совершенной, описанной апостолом, любви.

Прекрасный для достижения бесстрастия совет дал авва Дорофей своему келарю: «Если не хочешь, – говорит он, – впасть в ярость и злопамятство, то отнюдь не имей пристрастия к вещам и не беспокойся много о каких-нибудь сосудах, впрочем, и не пренебрегай ими. Если кто хочет взять у тебя, давай; если по небрежности или же как-нибудь случайно разобьется или затеряется какой-нибудь из них – не печалься. Но это должно делать не по небрежению о монастырских сосудах, а по желанию сохранить себя без смущения. Этого же можешь достигнуть, когда будешь всем распоряжаться не как своим, а как Божиим имуществом, которое вверено тебе для употребления».

Господи, по совету аввы Дорофея, мы должны наблюдать за собой, не впадаем ли мы в ярость и злопамятство, которые появляются у нас через пристрастие к вещам и беспокойство по-поводу их утраты, а иногда и пренебрегаем ими. Господи, прости нас, что не преодолеваем в себе наличие этих отрицательных качеств; прости, что испытываем пристрастие к разным вещам и сильно печалимся при их утрате. Господи, прости нас, что не даем ближним того, что они у нас просят. Господи, прости, что мы не научились еще распоряжаться имуществом не как своим, а как Твоим, Боже наш, которое Ты дал нам для употребления.

Итак, будем ходить как приставники к дому Владыки, пред очами Его, – тогда само собой явится страх Божий. Он сделается непогрешимым руководителем во всех делах наших, и не нужен станет нам совет человеческий. *Начало премудрости – страх Господень и совет святых Его – разум (Притч. 2, 10).*

Господи, мы призваны Тобой быть ответственными работниками в доме Твоем и ходить пред очами Твоими. Когда у

нас начнет это получаться – само собой явится страх Божий. Господи, прости, что не чувствуем себя ответственными послушниками в Твоем доме и не ходим пред Твоими очами, почему и не является в нас страх Твой, чтобы непогрешимо руководить нами.

4. О тщеславии и смирении

Не тщеславься! – Тщеславный – бесплатный работник, труд несет, а награды не получает. – Как дырявый мешок не сохраняет в себе того, что в него положено, так тщеславие губит мзду добродетелей. – Воздержание тщеславного – дым, выходящий из печи; то и другое рассеивается в воздух. – Ветер замечает след человека, и тщеславие заглаживает всякие добрые дела и ни во что обращает милостыню и молитву. – Когда надмевает тебя помысел и в сердце слышатся какие-либо славолюбивые доводы, – тогда отвечай им словами псалма: *Да возвратятся абие стыдящееся глаголющи ми: благоже, благоже* (Пс. 69, 4).

Господи, старец Гавриил дает нам замечательный образ тщеславного человека: это бесплатный работник, дырявый мешок, дым, выходящий из печи, ветер, замечающий следы всяких добрых дел, и ни во что обращающий милостыню и молитву. Сквозь описанный образ вглядываясь в себя, мы видим, что эти качества присущи и нам. Господи, прости нас, мы пригреваем эту змею у себя на груди и не готовы бываем надмеваяющим нам помыслам и славолюбивым доводам отвечать словами псалма: «Да возвратятся абие стыдящееся глаголющие ми: благоже, благоже».

Сердце смиренномудренное есть сокровищница, отовсюду огражденная Благодатью Божиею, возграждение, *идеже ни червь, ни тля тлит, идеже татие не подкопывают, ни крадут* (Мф. 6, 20). Обилие здоровых плодов нагибает до земли древесные ветви, а страх Божий – добродетельную душу. – Возделывай ум поучением в законе Божиим, потому что непрестанное поучение в нем искореняет худые помыслы. – Памятуй всегда о Боге – и небом сделается ум твой. – Радуйся смирению, ибо порождается им высота великая, пасть не могущая.

Господи, наше сердце умудряется смирением. И когда это происходит, оно становится сокровищницей, местом, огражденным благодатью Божией, где «моль и ржа не

истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». В этой сокровищнице действует страх Божий, ум воспитывается поучением в законе Господнем и всегдашней памятью о Боге. Господи, прости нас, что не умудряем своего сердца смирением, поучением в законе Твоем не искореняем худых помыслов, памятью о Тебе не делаем ум свой небом, не умеем радоваться смирению, от Тебя исходящему в наше сердце.

5. Призыв грешников ко спасению

Страх и ужас объял бы тебя, брат, если бы ты увидел, как души наши изъязвлены грехами. Поистине не осталось в них целого места. Все они покрыты гнойными струпьями, зияющими язвами и слились в сплошную воспаленную рану. Где искать лекарства от этой душевной болезни, где найти цельбоносный источник, заживляющий эти язвы? Кто откроет его, чтобы почерпая из него с верой, мы прохладили души наши, грехами и страхом Суда Божия сокрушенные? Каждый, наверное, задавался целью отыскать его, многие, как та евангельская больная, истратили все свое имение, ища его среди людей, но не нашли, ибо нет против этих язв лекарств у людей.

Господи, к большому сожалению мы не видим, как наши души изъязвлены грехами, поистине в них не осталось целого места. И нет у нас страха и ужаса. Прости нас, Господи. И мы редко задаемся вопросом: где искать лекарства от этой душевной болезни? Прости нас, Господи, что ищем лекарства против этих язв у людей, а не у Тебя.

На наши недоумения и запросы (об источнике исцеления) отвечает Слово Божие, указывая прообраз для нашего исцеления в медном змии, вознесенном на древо Моисеем в пустыне. Как угрызаемые змеями сыны Израилевы, взирая с верой на того медного змия, исцелевали от смертных язв; так и нам, угрызаемым от адского змия, змия древнего – дьявола, должно взирать на вознесенного грех ради наших на древо Христа Сына Божия и с умиленным и сокрушенным сердцем просить исцеления от язв греховных, ибо *Он есть Агнец Божий, возьмляй грехи мира (Ин. 1, 29). Той же язвен бысть за грехи наша... Его язвою мы изцелехом (Ис. 53, 5).* Так и Он Сам учил, говоря: *якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает возвестися Сыну Человеческому, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3, 14–15).*

Господи мы редко вспоминаем о медном змии, вознесенном на древо Моисеем в пустыне. И не ассоциируем этот образ с вознесенным на крест Сыном Божиим. Мы с

умиленным и сокрушенным сердцем не просим у Тебя исцеления от язв греховных. Прости нас, Господи.

Итак, всякому согрешающему должно взирать на Христа Распятого, к Нему, сидящему ныне одесную Бога Отца, возводить сердечные очи и с верой просить греховным ранам исцеления. Вот цельба нашим греховным ранам! Вот источник животворящий!

Господи, и нам должно взирать на Христа Распятого, к Нему возводить сердечные очи и с верой просить исцеления нашим греховным ранам. Господи, прости нас, мы недостаточно ценим ту целебную силу, которую Ты посылаешь для исцеления наших греховных ран. Прости нас и за упущенное для исцелений время, в которое мы об этом животворящем Источнике не вспоминали и к силе его не прибегали.

Слышу многих, говорящих: «И хотели бы мы исцелиться от пьянства и других грехов, да не можем сделать над собой усилия, чтобы с верой воззреть на Распятого, с решимостью припасть к ногам Его». Не обманывайте, возлюбленные, себя и других: можете, но не хотите. Не хотите познать любви Божией к вам и ринуться в объятия Господни. А если бы захотели, смогли бы.

Господи, чтобы получить исцеление от пьянства и других грехов, нам необходимо делать над собой усилия, с верой воззреть на Распятого, с решимостью припасть к ногам Его. Господи, прости нас, что не хотим познать любви Твоей и ринуться в объятия Твои. Известно нам: хотящему все возможно, ибо Ты, Господи, помогаешь всякому, хотящему придти в Твои объятия.

Хотящему все возможно, ибо Сам Бог, повелевший нам изыти из сего греховного мира, помогает всякому, хотящему прийти в объятия Его. Он любящих Его любит, прилепляющихся к Нему приемлет, ищущим Его идет навстречу и желающим насладиться любви Его неоскудно дает сладость (см.: Притч. 8, 17). Бог любви изливает господство Духа Святого в сердца наши (см.: Рим. 5, 5). Это господство Духа – не насилие над нами, а благодать, добровольно всех приводящая в единство (см.: Ин. 17, 21). В этом и состоит сущность предложенного нам

лекарства. Это высочайший дар союза любви с Самим Иисусом Христом. Всем он преблаген, все им в силах воспользоваться, ибо действующий при этом не немощной человек, а всемогущий Бог.

Господи, Ты неоскудно даешь сладость Свою тем, кто Тебя любит, кто прилепляется к Тебе, кто Тебя ищет, кто желает насладиться Твоей любовью. Им Ты даешь господство Духа Святого, так что сердца их вкушают радость нашего единства с Небесным Отцом (Ин. 17, 21). Вот суть лекарства, предлагаемые нам Тобою! Господи, прости нас, что редко пользуемся этим лекарством и, потому, дар единения с Тобой в себе не возгреваем.

Не отказывайтесь же от предлагаемого вам спасения немощью. Ведь и святые Божии люди, подвизавшиеся о Христе, такие же были, как и мы, земные, плотяные, и, однако, они презрели и победили мир, да и теперь многие презирают и побеждают. Как же им это – возможно, а нам нет? Возжелаем, возлюбленные, понудим себя – и мы сможем. Отвратим сердца наши от неправых путей, размыслим о грядущих бедах, будем взирать на обещанное блаженство и горячая надежда, воскреснув, понудит нас приблизиться к источнику цельбы, и исцелит унылое сердце каждого из нас.

Господи, прости нас за отказ от предлагаемого нам спасения, ссылаясь на немощь. Мы не отвращаем наших сердец от неправых путей, не размышляем о грядущих бедах, не взираем на обещанное блаженство. Господи, воскреси в нас горячую надежду, которая бы понудила нас приблизиться к Тебе, Источнику цельбы, и исцели наше унылое сердце.

Охваченные огнем все бросают и, хотя жалеют о доме и имуществе, однако, без оглядки бегут, чтобы спасти свою жизнь. Поверьте, возлюбленные мои о Господе, истину говорю вам: если бы увидели гибельность греха и будущую сынов Божиих славу, и вы бы, презрев царские диадемы, всю мира сего славу и все сокровища его, без сожаления бежали бы из огня греховного, охватывающего вас со всех сторон в мире, и к тому единому потщились бы, чтобы удостоиться оной славы. Тогда не только прелести мира сего, но и самое тяжкое мучение не

воспрепятствовало бы вам. Не достойны бо суть страсти нынешнего времени сравнительно со славой, хотящей явиться в нас (см.: Рим. 8, 18).

Господи, мы мало размышляем о гибельности греха и будущей славе сынов Божиих. Мы не бежим без сожаления от огня греховного, охватывающего нас со всех сторон в мире. Мы не стремимся позаботиться о том, чтобы удостоиться славы сынов Божиих. Господи, прости нас за то, что страсти нынешнего времени мы не научились ставить ни во что по сравнению со славой, хотящей явиться в нас.

Поверьте, если бы показал Бог адские мучения, которые, думаю, представляют собой все муки и горе мира сего, собранные в единую тьму вечного мучения, то ваша горделивая честь, слава, богатство и вся красота мира сего показалась бы вам горькой полынью и вы были бы в ужасе и плакали, дабы не прийти на место мучения сего.

Господи, Ты через старца говоришь нам, что адские мучения представляют собой все муки и горе мира сего, собранные в единую тьму вечного мучения. Господи, прости нас, что мы не чувствуем именно так адские мучения и поэтому нам не кажется горькой полынью горделивая честь, слава, богатство и все красоты мира сего. Поэтому мы и не плачем в ужасе, чтобы Ты, Господи, не дал нам прийти на место мучения сего. Прости нас за эту бесстрашность.

Увы нам, братие! ей, ей увы! и ей, ей мы не чувствуем, что Бог будет судить народы по Своему всеведению (см.: Ис. 11, 2–3). Покаемся, пока есть время покаянию; и переплавит нас покаяние, как огонь переплавляет серебро и золото, и Бог мира будет для нас, как щелочь очищающая (см.: Мал. 3, 1–3).

Господи, Ты будешь судить народы по Своему всеведению. Ты даешь нам время на покаяние, чтобы переплавить нас им и Самому стать для нас щелочью очищающей. Господи, прости нас, что мы не пользуемся покаянием как огнем, переплавляющим нас подобно серебру и золоту.

Вспомним, что Богу будут служить все народы, племена и языки (см.: Дан. 7, 14). Примем во внимание воплощение Сына Божия и вольное Его страдание. Ради кого Он пришел в мир и

пострадал? Нас ради, ради каждого человека. Он сжалился над нами, погибающими, и сошел на землю, дабы Своими страданиями избавить нас от вечного мучения и ввести в жизнь бесконечную. О, дивное дело Божие, о, дивный о нас Промысл Его! Великое и непостижимое будет вечное блаженство, бесконечное, ценой купленное или, лучше, возвращенное нам! Неужели мы пожелаем грехами своими опять, вторично потерять его? Сжались над собой, ибо о нас сожалеет Бог.

Господи, Ты учишь нас принимать во внимание воплощение Твоего Божественного Сына, Который нас ради сошел на землю, чтобы Своими страданиями избавить нас от вечного мучения и ввести в бесконечную жизнь. Господи, прости нас: мы не ценим вечное блаженство, бесконечной ценой Тобою возвращенное нам.

Богу душа одного человека дороже неба и земли и всей вселенной. Эту Он создал одним словом (Рече, и быша), а ради души человеческой Сам в мир пришел, воплотился, пострадал и умер. О человеколюбие Божие! О достоинство души человеческой! Так эту благородную, бесценную душу ты хочешь поработить чувственному миру, поработить пьянству, исполнить всякой нечистоты, бросить опьяненную в грязь? Этот многоценный бисер повергаешь в кал тинный? Нет! Пропади ты мир, со всеми своими прелестями! Пусть ищут тебя сластолюбцы и наслаждаются тобой не познавшие Христа.

Господи, душа каждого из нас Тебе дороже неба и земли и всей вселенной. Ты ради души человеческой Сам в мир пришел, воплотился, пострадал и умер. Господи, прости, что мы не испытываем восторга от Твоего человеколюбия и от достоинства нашей человеческой души. Господи, прости, что нашу благородную, бесценную душу мы желаем поработить чувственному миру, поработить пьянству, исполнить всякой нечистоты, бросить опьяненную в грязь.

Нам же, о христиане, да будет един Христос – красота, премудрость, сладость, честь, слава, похвала, утешение, радость, веселье, блаженство, ныне в тайне сердца нашего сокровенные, в день же онъ явиться имущие во откровении славы сынов Божиих!

Господи, Ты для нас всё – красота, премудрость, сладость, честь, слава, похвала, утешение, радость, веселие, блаженство, ныне сокровенные в тайне нашего сердца. Господи, прости: мы не созерцаем в тайне своего сердца этих качеств, которые Ты сообщаешь нам Твоим присутствием в нас. Господи, прости нас, что не ждем Твоей помощи в деле раскрытия этих качеств во вне, в нашем поведении, и не готовимся к откровению и для нас славы сынов Божиих.

Он – наше сокровище, которое мы ныне носим в скудельных сосудах плоти нашей. Его, как золото закопченное, презирают и как Маргарит, в грязи валяющийся, попирают, мы же в Нем и Он в нас и довлеет нам.

Господи, мы не ценим Тебя, наше Сокровище, которое мы носим в скудельных сосудах нашей плоти. Прости нас, что мы часто смотрим на Тебя как на закопченное золото и как на Маргарит, драгоценный камень, валяющийся в грязи. Господи, помоги нам почувствовать, что мы в Тебе, и Ты в нас, и что этого чувства нам для жизни достаточно.

Верите ли вы этому? Если верите, то отвратитесь от призрачных сокровищ, которыми, как какими-нибудь миражами, мир прельщает любителей своих, обратитесь ко Христу и у Него взыщите истинного сокровища.

Господи, мы не испытываем своей веры и потому не отвращаемся от призрачных сокровищ, которыми, как каким-нибудь миражом, мир прельщает нас, прости нас. Мы относимся к людям, более любящим мир, и не обращаемся к Тебе, Христу и Богу, чтобы у Тебя найти истинное сокровище, прости нас, Господи.

Если же не верите ныне, то тогда, в день тот, своими глазами увидев, как праведники просветятся, яко солнце, во Царствии Отца их (см.: Мф. 13, 43), с сожалением и теснотой сердца убедитесь, только уже позднее, и бесполезное будет то убеждение.

Господи, если же маловерие одержит верх в нас, то в день, когда мы увидим, что праведники, как солнце, просветятся в царстве Отца их, то это убеждение придет к нам поздно и

окажется бесполезным. Господи, прости нас за маловерие, которое навеки подведет нас.

6. Страх Суда Божия

Со страхом и стыдом идет человек на суд человеческий, представьте же с каким чувством явится грешник на Суд Божий. Стоит преступник на суде человеческом, закованный в железо, покрытый стыдом, одержимый страхом; его обличают свидетели, открываются его незаконные дела, ему износят осуждение, лишают его чести и отлучают из числа добрых.

Господи, страшна нам процедура суда человеческого, она наводит на нас ужас, покрывает стыдом, сковывает страхом; на нём открываются наши незаконные дела, выносятся осуждение, нас лишают чести и отлучают от лица добрых. Господи, прости нас, что не вдумываемся в суть этой процедуры и не даем себе воли испытать стыд за свои поступки.

Этот суд, стыд, страх, бесчестье – только некая тень одного суда, стыда, страха, бесчестья или даже ничто в сравнении с ними. Там истинный страх и ужас, ибо Судья – Бог, ведущий и тайное сердца, от Которого ничто уже не укроется. Явится Он в Божественной славе Своей, окруженный тьмами Архангелов и Ангелов, откроется книга совести и каждому пред лицом всего мира, Ангелов и людей представится содеянное им делом, словом, помышлением, тайно и явно. Увидит грешник праведный гнев Того, Который ради него приходил в мир, пострадал и умер, но был им неблагодарно отвержен, и обымет его сокрушение, теснота и ужас. Вострепещет он, как лист от ветра, услышав за неблагодарность грозный приговор Судии, заклеят его печатью осуждения, отвергнут от лица Божия, отлучат от лица праведных навеки, причислят к духам злобы, заключат с ними в темницу вечного мучения, и будет он пить вечную, горькую чашу гнева. Вспомните и вообразите в уме праведный и страшный оный Суд – и отыдет от вас любовь к миру. Поверьте, всегдашняя память и размышление о последнем Суде отвратит вас от суетных желаний и подвигнет к истинному покаянию, молитве и той единой заботе, чтобы не посрамиться там.

Господи, Судие праведнейший и человеколюбивый! Страшнее суда человеческого для нас Суд всемирный, на котором будешь Судьей Ты, Бог ведущий и тайное сердца, от Которого ничто уже не укроется. Господи, Ты явишься в Божественной славе Своей, окруженный тьмами Архангелов и Ангелов, откроется книга совести и всем нам представится соделанное нами делом, словом, помышлением, тайно и явно. И увидим мы праведный гнев Твой, страдания и смерть Которого мы неблагодарно отвергли. И услышим мы за неблагодарность грозный приговор Судии, и заклеят нас печатью осуждения, отвергнут от лица Твоего, отлучат от лица праведных навеки, причислят к духам злобы. Господи, прости нас, что мы не вспоминаем и не воображаем в уме праведный и страшный Суд Твой и, поэтому не отходит от нас любовь к миру сему. Господи, помоги нам утвердиться верой, что всегдашняя память и размышление о последнем Суде отвратят нас от суетных желаний и подвигнут к истинному покаянию, молитве и единой заботе, чтобы не посрамиться там.

В таком состоянии будет грешник тогда, когда вся вселенная вострепещет и поколеблется от страха разгневанного Судии, когда увидит он перед очами огненную реку, в которой он будет гореть и не сгорать, вкушать смерть и не умирать? В тот час цари и вельможи, богатые и судьи неправедные, у которых мзда заменяла правду, сильные и славные и всяк раб и свободный возжелают скрыться в пещерах, посреди горных камней и будут говорить горам и камням: *падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?* (Апок. 6, 16–17). Что тогда будете делать вы, содержатели и посетители театров, портретных, маскарадов? Закроют ли ваши маски преступные порывы ваши, как закрывают их здесь от людей? Вы, посетители ресторанов, бильярдные игроки, спасут ли вас ваши трактиры и погребки от ярости и огня, готового пожрать грешников? Горе вам, которые зло называете добром и добро – злом, тьму почитаете светом и свет тьмой, жизнь смертью и смерть жизнью! Горе вам, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собой! Горе

храбрым пить вино и готовить крепкие напитки, оправдывающим за подарки виновных или лишаящих правых законного!

Господи, мы, согрешившие на земле, в день, когда вся вселенная вострепещет и поколеблется от страха гнева Твоего, Судии нашего, когда мы увидим пред очами огненную реку, в которой мы будем гореть и не сгорать, вкушать смерть и не умирать, возжелаем скрыться в пещерах, посреди горных камней и будем говорить горам и камням: «Падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» Господи, прости, что не держим в уме этой страшной картины Суда Твоего и в свете этого Суда не видим в себе преступных порывов, склонности добро называть злом, и зло – добром, тьму почитать светом и свет тьмою... Господи, прости, что мы мудры в своих глазах и разумны перед собой, прости за храбрость пить вино и готовить крепкие напитки, прости, что за подношения оправдываем виновных и лишаем правых законного.

Горе вам, которые не заповедям Божиим внимаете, а о суете единой замышляете, не Богу, а себе угождаете, не Создателя и Благодетеля Своего, а себя и тварь любите и почитаете, не Божией, а своей чести и славы ищете! За то, как огонь поедает солому и пламя истребляет сено, так истлеет корень ваш, и цвет ваш развеется, как прах.

Прости, Господи, что не заповедям Твоим внимаем, а о суете единой заботимся, не Тебе, Богу нашему, а себе угождаем, не Тебя, Создателя и Благодетеля нашего, а себя и тварь любим и почитаем, не Твоей, Боже, а своей чести и славы ищем. Не помяни всего этого на Суде Твоем.

Вы отвергли закон Господа Саваофа и презрели слово Святого Израилева, за то возгорится гнев Господа, прострет Он руку Свою и поразит вас так, что содрогнутся горы, и трупы ваши будут, как помет на улицах, и при всем том гнев Его еще не отвратится и рука Его будет простерта, и вот Он (опять) придет легко и скоро (см.: Ис. 5, 20–26). Кто мы, чтобы противостоять Ему тогда? Земля мы и пепел! Помыслите сие и

исправьте сердца ваши. Да слышится в ушах ваших, и души ваши да уразумеют пророческое слово: *Господь во век пребывает, уготова на суд Престол Свой, и Той судити имать... людям в правоте* (Пс. 9, 8–9). Готов Судья на Суд, готов Престол Его, готовы Ангелы Его вострубить и собрать всех на Суд, готово Царствие Небесное благословенным, готова геенна нераскаянным грешникам, но ожидает нашего покаяния (Творения святого Тихона Задонского). Не замедлит Господь исполнить обещанное, как некоторые думают, но долготерпит нас, *не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние придут* (2Петр. 3, 9).

Господи, мы отвергали закон Твой и презирали слово Святого Израилева. Мы не размышляем об этом и не исправляем наших сердец. У нас не на слуху и душой мы не уразумели пророческое слово: «Господь во век пребывает, уготова на Суд Престол Свой, и Той судити имать... людям в правоте» Господи, прости нас, что не ждем исполнения обещанного Тобою и забываем о Твоем долготерпении по отношению к нам, грешным.

Как в сем веке те, которые обрабатывают землю, трудятся, сеют, – с радостью собирают в свое время плоды трудов своих, а ленивые гуляки и пьяницы не имеют чем и пропитаться, и смотря на довольство трудящихся, скорбят и окаивают себя, так будет и в век онъ.

Господи, две категории людей предстанут на Твой Суд: одни обрабатывали землю и с радостью собирали в свое время плоды трудов своих; другие – ленивые гуляки и пьяницы останутся без пропитания, о чем скорбят и впадают в безумство своего окаянства. Господи, прости нас, мы больше тяготеем ко второй категории людей, чем к первой.

Боголюбцы с радостью пожнут плоды своей веры и благочестия и получают благая, *их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*» (1Кор. 2, 9), а мирлюбцы, видя тех награжденными, а себя лишенными таковых благ, восплачут и возрыдают. Но тогда уж бесполезно будет покаяние *еже бо сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, истлевая*

вечно... а сеяй в Дух, от Духа пожнет живот вечный (Гал. 6, 7–8). Се работавшие Ми, скажет тогда Господь, ясти будут, вы же пьяницы, сластолюбцы, беззаконники, взалчете; се работающие Ми возрадуются и возвеселятся, вы же покрыйтесь срамом, возопийте в болезни сердца вашего и возрыдайте в сокрушении духа. И поразят грешников жалость, скорбь и болезнь, когда они увидят в славе, радости и несказанном блаженстве со Христом праведников; когда увидят, что это были все такие же немощные и с такой же плотью люди, как и они сами, что между ними и те, которых они на земле презирали, осмеивали, злословили, считали злодеями или лицемерами, попирали, как какой-нибудь сор; когда увидят их в Царствии Божием, себя же в крайнем окаянстве, бедствии и бесчестии, отверженными от источника жизни и света навеки; тогда они познают суетность своей минувшей жизни, в которой они вместо истины гонялись за ложью и тьмой, и сие познание еще более увеличит их мучение, и будет, – по слову Господню, – плачь и скрежет зубом, егда узрите Авраама и Исаака и Иакова и вся пророки во Царствии Божии, вас же изгонимых вон (Лк. 13, 28).

Господи, на Твой Суд предстанут люди, жизнь которых была наполнена любовью к Тебе, и другие, жизнь которых была пронизана любовью к миру. Первые с радостью пожнут плоды своей веры и благочестия, получают обещанные Тобою блага. Вторые будут лишены таковых благ, их ждет плач и рыдание. Господи, прости нас, мы мало думаем, что из-за любви к миру нас ожидают раны от жалости, скорби и болезни от увиденной нами славы, радости и несказанного блаженства со Христом праведников. Господи, прости нас, что отступаем от пути праведности, презираем людей, осмеиваем их, злословим, считаем их злодеями или лицемерами, презираем их как какой-нибудь сор.

О вечность злополучная, коль горька память твоя страшная! Тяжко будет вечно терпеть вечное жжение огня геенского, болезнь лютую и несносную, скрежет зубов, угрызение червя неусыпающего и от всего этого страдать душой и телом! Познайте убо вечное страдание от временного и берегитесь, да

не впадете в тое и вы; ныне сходите умом во ад, да не потом душой снидете (Творения святого Тихона Задонского). Помышляй о суде и муках – и в твое сердце вселится страх и внимание к своей судьбе. Вонми слову Спасителя: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26).

Господи, сколь же важно нам размышлять о жжении огня геенского, о болезни лютой, о скрежете зубов, об укусах (угрызении) червя неусыпающего, приводящим к страданию души и тела! Господи, прости, что не вникаем в суть вечных страданий, не сходим умом своим во ад сейчас, чтобы не сойти в него душой своей потом. Господи, помоги нам усвоить себе страх Твой и внимание к нашей вечной судьбе.

7. Вхождение в вечные селения Божии

Знаете ли, с каким торжеством и ликованием воины, победив неприятельские силы, возвращаются в свое отечество? Народ встречает их с радостью, похвалами и благодарностью, везде им оказывают честь, сам царь дает каждому из них награду по заслуге... Несравненно большее бывает торжество душ, здесь подвизавшихся против мира, плоти и диавола, когда они, победив этих врагов, восходят в отечество свое – на небо. Там они являются пред лицом Царя Небесного, Христа Бога нашего, приемлются Им в объятия, приветствуются радостью и торжеством от Ангелов Божиих и святых, и слившись во едины уста со всеми небожителями, поют благодарственную песнь Богу. Мирно и сладко упокоятся в вечном животе эти души, которые на земле трудились, боролись, подвизались, умножили таланты Господа своего, забудут все здешние труды, беспокойство, перенесенные обиды, скорби, печали и болезни (см.: Евр. 4, 10). Они наследуют град славный вышний Иерусалим, его же Художник и Содетель – Бог.

Господи, мы не готовим себя к торжеству, как те души, которые здесь подвизались против мира, плоти и диавола. И победив этих врагов, они восходят в свое отечество – на небо, чтобы явиться пред лицом Небесного Царя, быть принятыми Им во объятия, получить радостное и тожественное приветствие от Ангелов Божиих и святых, слиться со всеми небожителями во едины уста, воспевая благодарственную песнь Тебе, Нашему Богу. Господи, прости нас, что для этой цели мы мало на земле трудились, боролись, подвизались, умножая таланты, полученные нами от Тебя. Мы не научились забывать здешние труды, беспокойства, перенесенные обиды, скорби, печали и болезни. Прости нас, Господи, за это и помоги нам наследовать славный Твой град, Иерусалим вышний.

Кто может описать красоту его? – ибо *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова* (в нем) *Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9). Правда, видели и теперь видят оный град святой, но не могут виденного передать нам; потому

что как слепому не рисуй красоты – он не видит, и глухому сколько не кричи – он не услышит, так и нам, которые еще не стяжали в себе Царствия Божия, сколько не описывай – не поймем, пока не вселится в нас вся испытующий и ведущий Дух Божий и не откроется зрение душ наших.

Господи, печаль наша открыта Тебе: мы еще не стяжали в себе Царствия Твоего, в нас еще не вселился все испытующий и ведущий Дух Твой, и не открылось зрение нашей души. Господи, прости нас за пренебрежение желанием войти во град, которого Ты – Художник и Создатель.

Истинно слово тех, кто говорит нам об этом граде, ибо они приняли откровение Духа и сами видели то, что описали в Слове Божиим. Град оный из золота чистого подобен стеклу чистому, и основание стены всяким драгим камнем украшено, и стогны града – злато чисто, яко стекло пресветло (см.: Апок. 21, 19–21), описывает тайновидец Иоанн Богослов, стараясь подобием видимых вещей дать нам понятие о невидимом нами. В этом граде в доме Отца небесного – обители мнози (см.: Ин. 14, 2). В этих обителях пресладких, на вечной трапезе Христовой (см.: Лк. 22, 30) и водворятся души избранников Божиих. *Блажени живущие в доме Твоем, Господи, во веки веков восхвалят Тя* (Пс. 83, 5). Тогда упиются праведники те от тука дому Господня и потоком сладости насытятся (см.: Ис. 65, 13–14), оденутся они в виссон чистый, в ризу спасения и одежду веселия (см.: Апок. 19, 8), и преобразится тело смирения их, яко быти ему сообразну телу славы Христовой (см.: Флп. 3, 21), так что просветятся они, как солнце, в Царствии Отца их (см.: Мф. 13, 43). Будет там слышаться непрестанное пение Ангелов и святых, по всем стогнам града того будут петь пресладкую песнь: *аллилуиа, яко воцарися Господь Бог Вседержитель, радуемся и веселимся, и дадим славу Ему, яко прииде брак Агнчий и жена его уготовила есть себе* (Апок. 19, 6–7). И будут избранники Божии вовеки торжествовать над врагами своими, смертью и адом, ибо сбудется слово написанное: *пожертва бысть смерть победою* (1Кор. 15, 54). Между избранниками Божиими будет царствовать совершенный мир, согласие и любовь; Ангелы и люди будут тогда едина Церковь, едино

стадо. Единными усты и единым сердцем будут они хвалить и воспевать Пресвятую и Животворящую Троицу, Бога и Содетеля своего. О любезное и вожделенное дружество, в котором человеки соединятся с Ангелами и Бог будет всяческая во всех! В Боге, в этой самосветящейся бездне сладостной любви Его, почивают святые. О какой радостью они возрадуются тогда пред Царем славы!

Господи, мы неуважительно относимся к свидетельству тех, кто говорит нам об этом граде, вышнем Иерусалиме; они сами видели то, что описали в Слове Божиим. Господи, прости нас, мы редко заглядываем в книгу, именуемую Откровением святого Иоанна Богослова. Мы подчас не можем воспроизвести в своей памяти, что это за город и кто будет населять его. А, не зная этого, мы не будем готовить себя к жизни в нем, не обретем вожделенного дружества, в котором мы соединимся с Ангелами и Бог будет всяческая во всех! И допущенные в него мы возрадуемся пред Царем славы! Господи, прости, что не готовимся к этой встрече с тобою в Небесном Иерусалиме.

Того, ради Которого на земле поношение, бесчестие, гонение, страдание терпели, Того Самого увидят уже не верой, но лицом к лицу; прославятся, вознесутся, возвеличатся, увенчаются с Ним, как уды с главой, как меньшие братья с первородным своим. Как сильно желание человека, уязвленного любовью к Богу, увидеть Его! Томится он этой жаждой, восклицая с пророком: *имже образом желает елень на источники водная, сице желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому: когда приду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 2–3). Тогда утолит человек алчбу свою и жажду свою прохладит непрестанным видением прелюбезного Бога: ныне, – говорит боголюбивая душа, апостол Павел, – *ныне видим, якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу* (1Кор. 13, 12), *верую бо (ныне) ходим, а не видением* (2Кор. 5, 7). Ныне благодеяниями снабждаемся, Благодетеля же Своего не видим, тогда и Самого Благодетеля увидим, как дитя видит отца, и возрадуется сердце наше и радости нашей никтоже возмет от нас. Ныне слышим святое слово Его, пророками и апостолами Его явленное, стоим пред

Ним и обращаемся к Нему в молитве, Кому же молимся, поклоняемся и поем, – не зрим. Тогда же и Самого лицом к лицу узрим и будем без сытости зреть Его, яко же Он нас (см.: 1Ин. 3, 2), и поклоняться, петь и хвалить без труда. Тогда исполнится слово оное: *Якоже мати утешает дитя свое, тако утешу вы... узрите и возрадуется сердце ваше* (Ис. 66, 13. 14). И будут у избранных Божиих тела нетленные, здоровые, благоцветущие, краснейшие, славные. Легкие, светлые, одухотворенные, по слову апостола: *сеется в тление, восстает в нетлении: сеется не в честь, восстает в славе: сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1Кор. 15, 42–44).

Господи, мы не умеем еще терпеть поношение, бесчестье, гонение, страдание ради Тебя. Наше сердце не уязвлено любовью к Тебе так, чтобы появилось сильное желание видеть Тебя, томиться этой жаждой, подобно оленю, стремящемуся к источникам вод. Господи, прости нас за отсутствие нужных качеств в нашей душе, которыми пробуждается и укрепляется желание видеть Тебя, нашего Благодетеля, как дитя видит отца, и узрев, возрадоваться сердцем своим.

О прекрасная и вожделенная весна, которая произращает такие цветы на земле новой! Горю благодарностью за все к Богу, предстанут тогда пророки, апостолы, святители, преподобные, исповедники, мученики, праведники и праведницы, и все святые, течение свое добре совершившие и веру соблюдавшие, и вместе с Ангелами сольются во едины уста, исповедуя и прославляя Господа, Царя славы.

Господи, мы не горим благодарностью к Тебе за все, мало стараемся течение свое по жизни добре совершить, веру соблюдать и сливаться в единые уста вместе с Ангелами, исповедуя и прославляя Тебя, Господа и Царя славы.

И воспоют: «Прославляем Тебя, Бога Спасителя нашего, прославляем Имя Твое Святое, ибо Ты был нам покровителем и помощником и по множеству милости Твоея избавил нас от гибели, от сети языка клеветнического, от уст, сплетающих ложь и от восставших на нас; исхитил нас от зубов, готовых пожрать нас, от руки, искавшей души нашей; от многих скорбей,

случавшихся с нами, от удушающего со всех сторон огня, из среды пламени, в котором мы горели в мире, из глубины чрева ада освободил нас. Души наши близки были к смерти, и жизнь наша была близ ада преисподнего, со всех сторон враги окружали нас, и не было нам помогающего. Искали мы глазами заступления от людей – и не было его.

Господи, прости нас, ибо мы не всегда чтили Тебя Покровителем и Помощником нашим, в должной мере не замечали множества милости Твоей, которой Ты избавлял нас от гибели, от сети языка клеветнического, от уст, сплетающих ложь и от восстающих на нас, от многих скорбей, случавшихся с нами и от руки, искавшей души нашей. И очень часто (ох, как часто) искали мы глазами заступления от людей – но его не было. Прости нас, что не там мы его искали.

И вспомнили мы, Господи, о Тебе; о Твоих страданиях, которые Ты за нас претерпел, о Твоей милости и делах Твоих от века сущих – как Ты избавлял надеющихся на Тебя и спасал их из руки врагов.

Господи, во дни испытания веры нашей, когда мы больше ожидали помощи от людей, мы забывали вспоминать о Тебе, о Твоих страданиях, которые Ты за нас претерпел, о Твоей милости, которой Ты избавлял нас, надеющихся на Тебя и спасал нас от руки врагов. Прости нас за эту забывчивость.

И вознесли мы от земли моления наша и воззвали к Тебе, Господи, и к Отцу Твоему, чтобы Ты не оставил нас во дни скорби нашей, когда не было помощи от людей, и избавил нас от смерти. Теперь мы лицом к лицу предстоим Тебе, Господи, и воочию видим спасение наше. Господи Боже наш! будем хвалить Тебя и превозносить непрестанно и славословить во веки, ибо Ты услышал молитвы наши, спас нас от гибели и от злого времени избавил нас. Тобою Тебя будем прославлять и благословлять. Господи! Хвала наша во устах наших будет пищей и питьем и никогда мы не насытимся ею.

Господи, прости нас за то, что не возносили мы от земли моления наши, не взывали к Тебе и Отцу Твоему, чтобы Ты не оставил нас в дни нашей скорби, когда не было нам помощи от людей. Господи, прости, что не обучились мы Тобою Тебя

прославлять и благословлять. Прости нас, Господи, что хвала наша в устах наших не стала еще пищей и питием, которыми мы никогда не сможем насытиться.

О дыхание наше, воскресение и жизнь вечная! Будучи еще юными, прежде нежели пойти странствовать по пути спасения, искали мы Твоей премудрости, в храме Твоем молились Тебе о ней и не оставили поисков ее до смерти. Как виноград, зреющий под лучами солнечными, радовались сердца наши, озаряемые светом ее, ноги наши следовали за нею от юности нашей. Понемногу наклоняли мы выи наши под иго ее, принимали и слагали ее в сердце своем, и, находя в ней много полезных наставлений для себя и для других, удивлялись и восклицали: «Воздадим славу Давшему нам мудрость!» Мы решили следовать ей до конца и не постыдились. В награду Ты дал нам Себя Самого и вложил в уста наша сладость Твоего хваления.

Господи, от юности своей мы вяло искали Твоей премудрости, не молились Тебе о ней в храме Твоем и позволяли себе слабинки, когда оставляли поиск её. Господи, прости нас, мы не научились радоваться сердцем, когда оно озарялось ее светом, не наклоняли постоянно головы своей под ее иго, не принимали и не слагали ее в сердце своем. Господи, прости нас, мы в помрачении своем не видели многих полезных наставлений для себя и для других. Господи, помоги нам впредь следовать Твоей мудрости и вложи в наши уста сладость Твоего хваления!

Господи Боже наш, поклоняемый от Херувимов, Серафимов, Престолов, Господств и от бесчисленного воинства сил небесных певаемый и хвалимый! Ты отверз уста наша к хвалению – и мы славословим Тебя! Преклоняем выи, колена наши, понесшие благое иго Твое. Ты дал нам его, дал и силу снести его, поэтому души наши принимали и смиренно исполняли сродное им учение Твое. Теперь видим глазами своими, что немного потрудились и нашли себе великое успокоение! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, давшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом в Дусе Святе! Слава Тебе во веки веков!

Господи, Ты, безусловно, отверзаешь наши уста к Твоему хвалению, но мы не научились еще неразвлекаемо делать это. Мы не склоняем головы своей, не можем свидетельствовать, что наши колени смиренно понесли благое иго Твое. Господи, прости нас, мы не учились принимать и смиренно исполнять сродное нам учение Твое.

Потщимся, возлюбленные, и мы приобрести такое расположение сердца к Богу и смиренно, отвергнув свою волю, предадим себя воле Всевышнего Бога в терпении и труде. Поспешим куплю деять, ибо только здесь, в мире сем, – место торга и время умножать Богом данные таланты доброделанием; здесь путь странствия, а там место упокоения, там отечество и дом. Кто чем может, будем деять куплю: кто благотворя от мамоны неправедной, кто служа физическим трудом, кто полагая душу свою за других, – чтобы приобрести нам Жениха-Христа; и Он будет помощником во спасение со Отцом и Духом Святым. Бросим худые привычки наши, будем пуще огня бояться пьянства и всякого другого греха, трезвиться, подавать милостыню святым – тогда и нас милостиво примет Господь в вечные кровы Свои. Пока имеем время, будем делать добро, тогда и час смерти нашей не смутит нас, ибо милость и добро и на суде хвалятся. Умножая, умножит Господь милость Свою на нас и за все, за все воздаст в свое время щедрой наградой. Пойте же и превозносите Его во веки. Аминь.

Господи, мы не умеем предавать себя воле Твоей в терпении и труде, не уделяем время умножению талантов доброделанием. Господи, прости нас. Мы не наблюдаем с помощью чего мы осуществляем свою торговлю: благотворя от мамоны неправедной, служа физическим трудом или полагая душу свою за других. Господи, прости нас и благослови бояться всякого греха, и милостиво прими нас в вечные Свои кровы.

8. О молитве Иисусовой, в сердце творимой

Великое дело – умная молитва. Хочешь ли узнать, как она необходима? – Без нее никому нельзя спастись, потому что мы спасаемся не своей силой, а помощью Божией, как учит Христос, говоря: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); и как свидетельствует Его апостол Павел, говоря о себе: *Вся могу о укрепляющем мя Иисусе* (Флп. 4, 13).

Господи, мы еще не умеем видеть в молитве Иисусовой великое дело, необходимое нам для спасения. Мы обманываем себя, когда считаем, что можем спастись своей силой, а не Твоей помощью. Прости нас за эту самонадеянную установку.

Помощь же подается от Христа только по молитве, как свидетельствует тот же апостол, побуждая нас всякой молитвой, молением, прошением, благодарением молиться на всякое время духом (см.: Еф. 6, 18). Хочешь ли узнать, как она чудна и честна? Душа, занятая ею, подобна купине, виденной Моисеем на Хориве, или девственной утробе Богоматери, вместившей Бога воплощаема. В нее, как в утробу Богоматери, вселяется Бог, она, как некогда купина, пламенеет всегда огнем благодати и не сгорает. Об этом, охватывающем душу огне, говорил Христос: *Огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгорется* (Лк. 12, 49). Это есть тот огонь совершенной любви и радости, которых просил Спаситель у Отца для Своих учеников, идя на страдание: пусть они имеют радость Мою, исполненную в себе... *пусть любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет и Я в них* (Ин. 17, 26). Это есть Царствие Божие, вселившееся в людях (см.: Лк. 17, 21).

Господи, из-за своей самонадеянности мы опускаем возможность молитвой, молением, прошением, благодарением молиться на всякое время духом. Прости нас. Наша душа, когда мы занимаемся этой молитвой, уподобляется купине неопалимой или девственной утробе Богоматери, вместившей Бога воплощаема. В душу, как в утробу Богоматери, вселяется Бог. Она, как некогда купина, всегда пламенеет огнем благодати и не сгорает. Этот огонь совершенной любви и радости,

охватывающий душу молящегося, и есть само Царствие божие, вселившееся в людей. Господи, прости, что мы не умеем следить за своей душой, когда огонь совершенной любви и радости касаются ее.

Познав такое великое благо умной молитвы, уподобимся, братия, евангельскому купцу и взыщем сего доброго бисера – сердечного призывания имени Иисусова. Изучим искусство делания и хранения мысленного рая, и, подобно поселённым Богом в раю прародителям, начнем возделывать Царствие Божие в сердцах наших.

Господи, нам еще недоступно благо сердечного призывания имени Иисусова, мы не изучаем искусства делания и хранения этого мысленного рая и не возделываем в наших сердцах Царства Божия. Господи, прости нас, что мы не ищем этого евангельского бисера и оставляем землю сердца своего невозделанной для сеяния в ней молитвы.

Начало этого умного делания есть внимание, собранность мыслей в Боге. Святой Иоанн Лествичник так говорит об этом: *сидя на высоте, наблюдай, если только умеешь, и тогда увидишь, как, когда и куда, сколько и какие тати приходят, чтобы войти и украсть твои грозди... Душа, утомившись, встает и молится, потом опять садится и мужественно принимается за прежнее делание* (Святой Иоанн Лествичник, Слово 29 о умной молитве).

Господи, начинать умное делание необходимо со внимания. Его суть – в собранности мыслей в Боге. А для этого нам необходимо наблюдать за собой, чтобы увидеть тех воров, которые крадут из нас плоды молитвенного делания. Господи, прости нас, мы не следим за вниманием, совершая свое молитвенное делание.

Чтобы яснее познать значение внимания для умной молитвы, возьмем другое сравнение. Сердце человека подобно лампаде; внимание, сосредоточенное в себе, подобно маслу, наполняющему ее. Когда в лампаде горит масло, от нее исходит свет и тепло; так и в душе, когда внимание занято молитвой Иисусовой, ощущается просветление, теплота, радость. И наоборот, подобно тому, как если выгорит масло,

остается одна только холодная, мрачная, смердящая лампада; так и сердце, когда внимание удалится из него и ум начнет блуждать по разным нечистым предметам, – делается холодным, мрачным, наполненным смердящим дымом греховных помыслов; благодатный огонь угасает и молитва делается пред Богом мерзкой жертвой, подобной молитве братоубийцы Каина.

Господи, Ты учишь нас через старца, что наше сердце подобно лампаде, и что маслом для нее является внимание, собранное в себе. Когда в лампаде есть масло, она излучает тепло и свет, так и в душе, когда внимание занято молитвой Иисусовой, ощущается просветление, теплота, радость. Господи, прости, что мы молимся без внимания и пожинаем плоды удаления его из сердца – блуждание ума по нечистым предметам, наполнение его смердящим дымом греховных помыслов. Господи, прости нас, что допускаем угасание в сердце благодатного огня и уподобляем нашу молитву молитве братоубийцы Каина.

Итак, если хочешь начать сие священное делание молитвы умной, прежде всего сосредоточься вниманием, молись неисходно в сердце. Так молиться учит нас своим примером святой апостол Павел. *Хощу, – говорит он, – пять словес умом моим глаголати... нежели тмы словес языком (1Кор. 14, 19).* Так молиться заповедует и Христос, говоря: *Ты, егда молишися, вниди в клеть свою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему иже в тайне (Мф. 6, 6).* Святой Василий Великий поясняет: клеть – это сердце, затворить двери – значит сосредоточиться вниманием на сердце.

Господи, чтобы начать это священное делание умной молитвы нам необходимо – сосредоточиться вниманием и неотходно молиться в сердце. Господи, нам хочется этого, но мы не умеем входить в свое сердце, как в клеть, и в нем сосредотачивать свое внимание. Господи, прости нас, не умеющих «молиться Отцу Твоему в тайне».

Второе условие для непрестанного делания молитвы Иисусовой – ограждение себя от греховных помыслов. Всеми силами души старайся не заниматься представляющимися тебе

худыми помыслами. *Не обманывайте себя*, – говорит об этом апостол Павел, – *ни воры, ни блудники, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые Царства Божия не наследуют* (см.: 1Кор. 6, 9–10), если не покаются и не оставят своего нечестия. И святой Иоанн Богослов учит: *в Царствие Небесное не войдет ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи* (Апок. 21, 27). Сознавая это, пророк Давид молился: *Сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс. 50, 12). Невозможно молиться, не очистив наперед сердца от греховных помыслов и пожеланий. Ибо сердце – источник всей жизни человека, и когда оно нечисто, то и помышления от него исходят злые (см.: Мф. 15, 19), потому и Христос прямо заповедует: *очисти прежде внутренность... чтобы чиста была и внешность* (см.: Мф. 23, 26). Если помыслы и пожелания греховные оскверняли сердце и делали его нечистым, то имя Господа Иисуса, произносимое с благоговением, помыслы о нем, о Его заповедях и Царствии послужат оружием, с силой изгоняющим из сердца все греховные пожелания и не допускающим греху овладеть волей человека.

Господи, у нас недостаточно усердия для ограждения себя от греховных помыслов. Все силы нашей души, подверженные влиянию на них греха, всегда готовы устремиться за ними, внимать им и тем осквернять наше сердце. Господи, прости нас, что не ковим в себе силы для хранения себя от худых помыслов и пожеланий. Господи, помоги нам, чтобы имя Твое, произносимое нами с благоговением, помыслы о Тебе, о Твоих заповедях и Твоем Царствии послужили нам тем оружием, которое с силой изгоняет из сердца греховные пожелания, и не допусти греху овладеть нашей волей.

Зная такую силу молитвы против греха, святой Иоанн Златоуст умоляет христиан, говоря: *молю вас, братие, не оставляйте никогда призывания Господа нашего Иисуса Христа, но при всяком занятии в страхе Божиим непрестанно трисвятое имя Его произносите*. И апостол Петр заповедал: *Господа Бога святите в сердцах ваших* (1Петр. 3, 15). Кто освящает свое сердце именем Господним, у того все чувства

бывают святы и для врагов спасения неприступны. У такого сердце делается исходящем живота (см.: [Притч. 4, 23](#)), из сердца такого человека истекут, по обещанию Господа, реки воды живой, то есть мысли духовные, полные жизни и мира (см.: [Ин. 7, 38](#); [Рим. 8, 6](#)).

Господи, мы мало работаем над собой, чтобы опытно узнать силу молитвы против греха. При всяком занятии мы в страхе Божиим непрестанно не произносим пресвятое имя Господа нашего Иисуса Христа. Мы забываем святить имя Божие в своих сердцах. Господи, прости нас за такую «теплохладность» и помоги нам освящать сердце свое Твоим именем, чтобы наши чувства стали святы и неприступны для врагов спасения.

Господи, помоги нам в нашем собственном сердце найти исходы жизни и обрести исходящие из него реки воды живой – мысли духовные, полные жизни и мира.

Чтобы достигнуть этой чистоты сердца и свободы его от греховных помыслов, необходимо иметь страх Божий, непритворное смирение, постоянное сокрушение сердечное, терпение во всем и молчание. Последнее особенно советуют святые отцы, сами проходившие подвиг умной молитвы. По их словам, нет ничего возмутительнее многословия, или как они называют – языкоболия, – нет ничего зловреднее болтливости языка; ибо ничто так не расстраивает спокойствия души, как смех и многоглаголивые уста. Отсюда рождаются плотские скверные и суетливые помыслы, которые суть смерть для души, ибо покоряющиеся им не могут уже покоряться закону Божию (см.: [Рим. 8, 6–7](#)). Поэтому благо душе того человека, который с пророком Давидом желает, чтобы не говорили уста его дел человеческих (см.: [Пс. 16, 4](#)), который возлюбил сладость безмолвия, безмятежной жизни, чтобы предаваться внутренней непрестанной молитве. Многие святые отцы приучали себя к молчанию и тем стяжали Духа Святого. Они всегда радовались, непрестанно пребывая в молитве, благодаря за все Бога, сердца их были исполнены плодов духовных: любви, радости, мира, долготерпения, веры, милосердия, кротости, воздержания (см.: [Гал. 5, 22](#)).

Господи, желая приобрести чистоту сердца и свободу от греховных помыслов, нам необходимо иметь страх Божий, непритворное смирение, постоянное сердечное сокрушение, терпение во всем, молчание. Господи, прости нас, мы этими качествами своего сердца не располагаем и работа над их приобретением нами не ведется. А вот возмутительного многословия у нас так много, что им мы расстраиваем спокойствие наших душ. Господи, прости нас, что своими многоглаголивыми устами мы порожаем скверные и суетные помыслы, мешающие нам покоряться закону Твоему. Господи, направи наши души ко благу, чтобы, следуя примеру пророка Давида, уста наши меньше говорили о делах человеческих, чтобы мы возлюбили сладость безмолвия и предавались внутренней непрестанной молитве. Господи, помоги нам приучать себя к молчанию и заботиться о стяжании Духа Святого. Господи, исполни сердца наши плодов духовных.

Итак, молчание есть самый прямой путь, которым водворяется Царство Божие в сердцах людей, которым являет Господь спасение Свое и благословляет людей Своих миром.

Господи, Ты открываешь нам путь, которым водворяется Царство Твое в наших сердцах, которым являешь нам спасение Твое и благословляешь нас миром. Этот путь – молчание. Мы же на него не желаем вставать, и любить молчание нам не хочется. Прости нас, Господи.

Представьте теперь себе, братие, какое неизмеримое блаженство вкушает человек, соединившись через умную молитву с Господом. Как невеста Христова, как родной Ему, он в радости восклицает: *уязвлен (есмы) аз любовью к Тебе (Песн. 2, 5), прильпе душа моя по Тебе... десница Твоя поддерживает меня (см.: Пс. 38, 4), возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому, когда приду и явлюся лицу Божию (Пс. 41, 3).* Тогда понятным для него становится слово: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1Кор. 12, 3).* Тогда он *от трудов добродетели своей снесет (см.: Пс. 127, 1–2).*

Господи, вступая в единение с Тобой через умную молитву, мы сможем вкушать неизмеримое блаженство. В этом случае мы будем «уязвляться любовью к Тебе», душа сможет

прилепиться к Тебе, сердце будет согреваться, и в поучении нашем будет возгораться огонь, души наши начнут испытывать жажду к Тебе, Богу Крепкому и Живому. Тогда мы сможем вкусить труды своих добродетелей, с надеждой смотреть вперед, зная, что Ты исправляешь наши пути, от Тебя мы сможем получить радость и спасение, в соединении с Тобой мы сможем найти истинное успокоение. Господи, оставляя умную молитву, мы теряем перспективу духовного развития и не можем вкушать труды наших добродетелей, прости нас.

Всецело предавшись воле Божией, он с надеждой будет смотреть вперед, зная, что от Господа исправляются пути его (см.: Притч. 4, 29), от Него он получит радость и спасение, в соединении с Ним найдет истинное успокоение. Его осеняет Благодать Божия, внутри его – постоянно пламенеющий огонь любви Божией. Господь, по неложному обещанию Своему, пришел к нему с Отцом и сделал жилищем для Себя (см.: Ин. 14, 21–23). Водворилось внутри его Царство Божие (см.: Лк 17, 21), правда, мир и радость во Святом Духе (см.: Рим. 14, 17); Бог мира и его приобщил к миру Своему. Одно воспоминание имени Божия делает то, что душа такая, забывая все земное, стремится любовью к Нему одному – Царю Небесному, погруженная в безмолвие и бесконечное славословие Господу Богу, она восходит от совершенства к совершенству, воскресает, оживляется, живет для Бога и наслаждается причастием жизни Его.

Господи, видя наш молитвенный труд, Ты осеняешь нас Благодатью Твоею, можешь поселить внутри нас постоянно пламенеющий огонь любви Твоей, можешь сделать нас жилищем для Себя. Как Бог мира, Ты можешь приобщать нас Твоему миру. Господи, прости нас, что мы не живем ожиданием всего этого сбывающимся. Господи, помоги нам жить для Тебя и наслаждаться причастием к Твоей жизни.

Не вдруг достигает этого блаженного состояния грешник, решившийся принять на себя подвиг молитвы. Впереди ему предстоит еще трудная борьба с собой и с миром, дерево молитвы разрастается в душе постепенно, по мере ее очищения.

Господи, прости нас, что мы не готовим себя к трудной борьбе с самими собой и с миром и не предупреждаем рост древа молитвы в себе очищением души.

Море жизни, окружающее подвижника, – бурно; враг его спасения возбуждает против него полчища страстей, вздымает волны невзгод, грозит разбить его корабль искушениями. Когда тебя, брат, начинающего свой подвиг, окружают все эти опасности и ты при виде их почувствуешь свое бессилие и беспомощность, тогда вспомни святых апостолов, как они, застигнутые на море сильной бурей, зывали: *Наставниче, Наставниче*, спаси нас, погибаем (см.: Лк. 8, 24). Взирай и ты на подвигоположника Христа и сердечно зывай: «Наставниче, спаси, погибаю!» И как тогда Он, встав, запретил ветру и волнению водному, так и к тебе придет и водворит в сердце твоём тишину велию. Ибо если и мы не отказываем в помощи утопающему, тем более Он не оставит без исполнения искренней молитвы.

Господи, бурное море жизни окружает нас, желающих совершать молитвенный подвиг. Враг нашего спасения будет возбуждать против нас полчища страстей, вздымать волны невзгод, грозить разбить наш корабль искушениями. Господи, прости нас, что мы часто испытываем свое бессилие и беспомощность, когда встречаемся с невзгодами. Мы часто забываем обращаться к Тебе в таком состоянии апостольскими словами: «Наставниче, Наставниче, спаси нас, погибаем!» Господи, прости нас за эту забывчивость и ослабление надежды на Твою помощь.

Затворись же, брат, в клети сердца твоего, смирай себя, помня, что место на нем же ты стоишь, свято, ибо ты предстоишь Самому Богу. Непрестанно зывай в мыслях: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* Или когда начнут одолевать какие-либо страсти или помыслы: Сыне Божий, помози мне; Христе мой, помилуй мя! Твой есмь аз, сохрани мя, Господи!

Господи, через старца Гавриила Ты ставишь перед нами наисерьёзнейшую задачу: «затвориться в клети своего сердца, смирать себя и помнить, что место, на котором мы сейчас стоим, свято, ибо предстоим Самому Богу». Господи, прости,

что мы не учимся среди обстояния страстей и худых помыслов, непрестанно взывать к Тебе в мыслях: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

И, я верую, последует тебе Его помощь, все страсти твои замрут и греховные помыслы отпадут, как зажившие болячки. Постепенно, по мере омертвения в тебе греха, начнет пробиваться в твою душу благодатный огонь молитвы. Мало-помалу овладеет он твоим умом и приведет его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать в сердце, возбуждая его от сна смертного. Пройдет Дух Божий по всем изгибам его, отымет всякую греховную нечистоту, и ты, как бы вновь рожденный, встретишь начало обновленной жизни в слезах и радости умиления.

Господи, утверди в нас веру в Твою помощь и пробуди надежду, что страсти наши Твоею помощью замрут и греховные помыслы отпадут. При этом мы должны учитывать, что по мере омертвения в нас греха, создается тот благодатный «коридор», через который начнет пробиваться в душу благодатный огонь молитвы и мало-помалу овладеет нашим умом, приведет его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать в сердце, возбуждая его от сна смертного. Господи, прости нас, что мы не освоили еще последовательности зарождения и действия в нас молитвы. Боже, пошли Дух Твой по всем изгибам нашего существа, отними всякую греховную нечистоту и дай нам разумение встречать начало обновленной жизни в слезах радости и умиления.

Если ты, брат, уразумел важность умного делания и, возжелав его, не знаешь, как его осуществить, – воспользуйся наставлениями опытных в этом деле старцев. Я приведу советы не древних, а ближайших к нам, живших в наше грешное время подвижников.

Господи, мы желаем уразуметь важность умного делания, но советы опытных старцев не изучали и поэтому мало преуспеваем в этом делании, прости нас.

Священноиннок Дорофей, Российский подвижник, так учит о молитве Иисусовой: «Кто молится устами, а о душе небрежет и сердца не хранит (от греха), такой человек молится воздуху, а

не Богу и напрасно он трудится, потому что Бог внимает уму и усердию сердца, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего, от души и ума, в сокрушении сердца со страхом Божиим, тогда умная молитва не допустит входить во внутренность сердца ни мечтанию, ни скверным помыслам.

Господи, при устной молитве мы замечаем за собой, что часто о душе небрежем и не храним сердце от греха, делаем нашу молитву многоречием. Прости нас, Господи, что не ум и усердие сердца предлагаем Тебе в молитве просто, и что молимся Тебе не от всего усердия своего, от ума и души, в сокрушении сердца со страхом Твоим. Прости нас, Господи, что умной молитвой не препятствуем входить во внутренность сердца нашего мечтаниям и скверным помыслам.

Хочешь ли научиться деланию умной, сердечной молитвы, – продолжает угодник, – сначала должно тебе творить Иисусову молитву голосом, устно, вслух себе одному. Когда насытятся уста и чувства молитвой, произносимой гласно, тогда гласная молитва прекратится и начинает она произноситься шепотом. Тогда умная и сердечная молитва сделается манием и будет самовластно и непрестанно действовать во всякое время, при всяком деле, на всяком месте, и сделается хвала Его во устах твоих, как Хлеб Небесный.

Господи, желая творить Иисусову молитву, мы не усвоили еще ее последовательности: сначала устно, вслух себе самому, потом гласная молитва прекратится и произносится шепотом. Господи, прости нас, ибо умная и сердечная молитва не становится в нас манием и не действует в нас самовластно и непрестанно, и хвала имени Твоего в наших устах еще не становится Небесным Хлебом. Господи, прости.

Саровский старец отец Серафим советует: «Когда бы ты ни произносил имя Божие и молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, – внимай себе, то есть собирай ум и соединяй его с душой. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом отдельно, внимая каждому слову особо. Тогда Господь согреет сердце твое теплотой Благодати Своея и соединит тебя в един дух, тогда потечет эта молитва непрестанно и всегда будет с тобой, будет наслаждать и питать

тебя, тогда исполнятся на тебе слова псалмопевца: *чашу спасения приму, когда имя Господне призову.*

Господи, мы не умеем еще «внимать себе». Мы не умеем собирать ум и соединять его с душой, не умеем творить Иисусову молитву одним умом отдельно, внимая каждому слову особо. Господи, прости нас, мы еще этому не научились, да и учимся этому неохотно. Господи, согрей наше сердце теплотой Благодати Твоей и соедини нас в единый дух с Тобою.

«И тогда, когда ты стоишь в храме при богослужении, занимайся молитвою Иисусовой; она удержит ум от скитания, ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже, гораздо лучше будешь внимать чтению и пению церковным и в то же время неприметным образом и постепенно обучишься умной молитве» (Наст. 6)

Господи, мы забываем на богослужении заниматься Иисусовой молитвой, и потому не удерживаем своего ума от скитания и не сосредотачиваемся на службе. Прости нас, Господи, за это.

«Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в суетный и пустой разговор, но и остерегайся осуждать разговаривающих и смеющихся» (Наст. 32).

Господи, мы не умеем молчать, не умеем чувствовать Твое присутствие и призывать имя Твое. Прости нас. Господи, суетные и пустые разговоры притягивают нас. Мы вступаем в разговор с ними, а когда не вступаем, то осуждаем других, разговаривающих и смеющихся. Господи, прости нас.

Когда ум и сердце трудом молитвы будут соединены воедино, тогда сердце согреется теплотой духовной, тогда воссияет в душе свет Христов, и радость и мир исполнят всего внутреннего человека. Ничто бо есть лучше мира во Христе, – мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Этот мир как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью, говоря: *Мир оставляю вам, мир даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается* (Ин. 14, 27).

Господи, трудом молитвы у нас еще не соединены ум и сердце, и мир Твой еще не вошел в нашего внутреннего человека; мир, в котором разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Господи, прости, что не только всего этого не имеем, но и хорошенько не ищем.

Если через умную молитву этот мир Христов вселится в сердце твое, храни, брат, со всевозможным старанием сей драгоценный дар Божий. Мир Христов – это веяние Духа Святого, – тонок, почти незаметен для нас, грешных, и немедленно отступает от души, которая предается греху. Чтобы сохранить его, нужно избегать всякого гнева, ярости, осуждения других, ничего не желать себе из сущего, никого не возненавидеть, ни уничижать, отдалять от себя уныние, ибо, по слову премудрого, *печаль многих уби, и нет в ней пользы* (Сир. 30, 25).

Господи, у нас нет хотя бы посильного желания через умную молитву искать мир Христов. Нет у нас и старания хранить этот дар Божий, когда Ты даруешь его нам. Господи, прости, что мы не замечаем, как он отступает от нас по нашим грехам: мы не избегаем гнева, ярости, осуждения других, все время желаем приобрести нечто из сущего, разрешаем себе ненавидеть и унижать других, не удаляем от себя уныние. Прости нас, Господи.

Есть еще одно особенное искушение, в которое впадали многие неопытные подвижники и которого нужно бояться тебе, брат, начавший подвиг умной молитвы. Многие, потрудившись над умным деланием, впадают в прелесть: считают себя праведниками, желают творить чудеса, пророчествовать, требуют от Бога, как некогда фарисеи, знамения с небес, искушающие Его (см.: Мк. 8, 11). Бойся этого, брат, смотри, как бы свет, который в тебе, не оказался бы тьмой (см.: Лк. 11, 35). Ведь каким бы ни был праведным человек, праведность эта не его, но от Бога, как говорит и апостол Павел: *Благодатию естé спасéни чрез веру: и сие не от вас, Божий дар: не от дел, да никтоже похвалится* (Еф. 2, 8–9).

Господи, мы не заостряем внимания на том, какого качества свет, который в нас – не тьма ли он? – и впадаем в самообман.

Прости нас, Господи, что часто мы праведность приписываем себе, тогда как она от Тебя, нашего Бога, от Твоей благодати, а не от наших дел.

Потерявший мир Христов по собственной вине лишается вместе с тем и благодатной молитвы. В душу его опять входят греховные страсти и начинают терзать ее, и бывает тому человеку последняя горше первых.

Господи, прости нас за потерю Твоего мира, и, по этой же причине, благодатной молитвы; прости, что впадаем в греховные страсти, которые терзают нашу душу, принося нам горечь утраты.

Береги же, брат, раз возженный в тебе огонь благодати. Не ищи пресыщения; ибо когда пресытишься и упьешься, священный мир перестанет в тебе действовать, и грех опять возобладает тобой. Не позволяй себе никакой дерзости, ибо надолго прекратится в тебе действие мира. Не люби земного, не пристращайся к вещам и человеку, не ищи здесь правды и успокоения, ибо ты их не найдешь, а мир непременно отступит от тебя. Не услаждайся греховными блудными помыслами, ибо они будут терзать тебя, а мир душевный, как не терпящий никакого зловония греховного (особенно блудного и тщеславного), надолго, надолго, если не навсегда, оставит тебя.

Господи, мы тщательно не бережем возженный в нас огонь благодати, не остерегаемся пресыщения, позволяем себе дерзость. Господи, прости нас, ибо, делая это, мы возбраняем действовать в нас священному миру.

Господи, мы любим земное, пристращаемся к вещам и людям, хотим найти правду и спокойствие здесь, на земле, услаждаемся греховными блудными помыслами, через что теряем надолго мир душевный. Прости нас, Господи, что допускаем в себе проявление греховного зловония.

Словами святого апостола Павла умоляю вас, братие, непрестанно *молитесь* (1Фес. 5, 17) и удаляйтесь от худых и скверных дел, слов, помышлений, и тогда мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердце ваше и помышления

ваша во Христе Иисусе, и Бог любви и мира будет с вами (см.: Флп. 4, 7; 2Кор. 13, 11). Аминь.

Господи, заповедь о непрестанной молитве не часто посещает наш ум, мы не удаляемся от худых и скверных дел, слов, помышлений и теряем мир Твой. Прости нас за это и помоги нам исправляться, держи нас, Боже, в единстве жизни с Тобою.

9. Возбуждение к подвигу

Теките, теките, возлюбленные мои о Господе! Теките, – Владыка Христос всерадостно объятия Свои отверзает. Теките, да постигнете Христа, и Он явит вам Самого Себя сладостью – Благодатью Духа Своего. Придет и обитель Свою сотворит внутри вас, водворит Царствие Небесное в сердцах ваших. Тогда, очистив душу, освятив силы, стяжав не мятущийся и не увлекающийся страхованиями помыслов ум, почтите и возлюбите паче всего другого Творца и Владыку всех.

Господи, и нам необходимо возбуждение к подвигу, а для этого притекать ко Христу, постигать Его и принимать от Него сладость – Благодать Духа. Мы должны готовить себя к исполнению на нас словес Твоих, чтобы Ты сотворил обитель Свою внутри нас, водворил Царствие Твое в сердцах наших. Господи, прости нас: мы не заботимся об очищении души, не освящаем силы, не приобретаем ум, не мятущийся и не увлекающийся страхованием помыслов.

К Нему обратите все свои желания, со страхом и трепетом осяжите Его, вкусите бессмертной трапезы Его, обоняйте воню духовную от риз Его, и узнаете, что нет никого другого более прекрасного, приятного, сладостного, могучего, премудрого, кто бы мог животворить, делать бессмертными и нетленными, как Бог.

Господи, прости нас, что мы не обращаем все желание к Тебе, не осязаем Тебя со страхом и трепетом, не вдыхаем благоухание духовное от риз Твоих. Господи, оживотвори нас и сделай бессмертными, ибо Ты – Бог наш.

Не смущайтесь, родные мои, что, начав, подвиг, вы чувствуете себя как бы в безводной пустыне, вдали от обетованной земли, текущей млеком и медом. Напротив, ободряйте себя к дальнейшим подвигам тем, что хотя вы и в пустыне, зато избавились от рабства фараону мысленному – врагу спасения нашего, перешли посуху бурное море страстей и стоите у камня, источающего воду живую, у ног Самого Христа, Бога нашего.

Господи, как же часто мы смущаемся тем, что начав подвиг, мы чувствуем себя находящимися как бы в безводной пустыне, вдали от обетованной земли, текущей молоком и медом! Господи, прости нас, ибо мы не ободряем себя к дальнейшим трудам тем, что хотя мы в пустыне, но зато избавились от рабства фараону мысленному, перешли посуху бурное море страстей и стоим у камня, источающего воду живую, у ног Самого Христа, Бога нашего.

Взирайте на Христа очами веры и непрестанно взывайте к Нему: *даждь нам сию воду, да не вжаждем во веки!* – и Он источит из ребра Своего Кровь и живую воду, – и они утвердят вас в вере, сделают вас готовыми умереть за Христа, за заповеди Его, умирать радостно, в убеждении, что такая смерть (страдания) за Христа приносит жизнь (см.: Мф. 16, 25), нищету обращает в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знатность. Тогда, ничего не имея, вы всем будете обладать. Это – состояние уже познавших Христа, стяжавших Его неисследимое богатство.

Господи, прости нас, мы не взираем на Тебя очами веры и не взываем к Тебе: «Даждь нам сию воду, да не испытаем жажды во веки!» Господи, источи нам из ребра Своего Кровь и живую воду, чтобы утвердиться нам в вере, сделаться готовыми умереть за Тебя, за Твои заповеди, умереть радостно, в убеждении, что такая смерть принесет нам жизнь, даст возможность обладать Твоим неисчислимым богатством.

О, как счастливы они, взирающие на все видимое, как на прах и дым; вера во Христа делает не только то, что они небрегут о приятностях жизни, но еще и то, что терпеливо и благодушно переносят всякое находящее искушение, печали, скорби и неприятности, ожидая, пока благоволит Бог призреть на них.

Господи, мы мало походим на тех, кто на все видимое взирает как на прах и дым. Господи, наша вера в Тебя еще не отгоняет от нас заботу о приятностях жизни, еще не помогает нам терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, печали, скорби и неприятности, покорно ожидая пока Ты благоволишь призреть на нас. Прости нас за это.

Подражая Давиду, они говорят себе: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39,2), то есть терпя скорби, уповаю, что Господь поможет мне, что Он, видя, как я, не колеблясь, ожидаю помощи от Него, призрит на меня и явит мне милость Свою.

Господи, прости, что терпя скорби, мы слабо уповаем на Тебя и на Твою помощь, колеблемся в ожидании её, и не готовимся принять милость Твою, изливающуюся на нас.

Родные мои о Господе! Вы знаете, как восхваляет Христос таких терпеливо стремящихся к Нему: *блажени, – говорит, – жаждущие, яко тии насытятся*. Верю этому неложному обетованию Божию и надеюсь, что и вы будете утешены Им, ибо и вы ищете и жаждете Царствия и правды Его. Только бы не возроптать вам как-нибудь в жажде вашей и терпеливо ждать помощи Божией; посетила бы тогда это терпение ваше Божия Благодать, и настал бы тогда конец ваших очистительных странствований по пустыне и начало наследования земли обетованной, ибо это конец всех чаяний и стремлений человека, верх его совершенства.

Господи, и нам надлежит терпеливо стремиться к Тебе, искать и жаждать Царствия и правды Его. Прости нас, ибо нет у нас терпения и жажды, о которых Ты говоришь нам. Прости нас, Господи, что не преодолеваем в себе ропот в жажде нашей и терпеливо не ожидаем помощи Твоей во время наших очистительных странствий по пустыне.

Не очистившие себя от нечистот египетских, сожалеющие еще о египетском мясе не могут войти в этот покой; но смиряющие, предающие себя воле Божией непременно войдут. Они познают Руку Божию, помышляющую об их спасении, отсюда явится у них полная вера, а с верой надежда. Откроется им ведение, вселится в них страх Божий, любовью к Нему растворенный. С одной стороны, сознание своей немощи и греховности, с другой – ощущение Божественной любви и своего возвеличивания – приведут в трепет сердце, умягчат душу – и потекут из глаз радостотворные слезы умиления. Род Божий, семя Божие нетленное – есмы, скажут таковые, и по такому благородству, данному нам, невозможно нам быть

рабами каких-либо страстей или пороков; ни за что не сойдем мы с высоты, на которую приставлены Всемогущей Рукой Спасителя нашего.

Господи, нам важно знать о необходимости очищения себя от «нечистот египетских», о смирении, которое помогает нам предавать себя воле Твоей. Нам следует познавать Руку Твою, промышляющую о нашем спасении и подающую нам полную веру. Нам следует приобретать ведение и страх Твой, любовью к Тебе растворенный. Как же огорчительно нам от того, что не осознаем мы своей немощи и греховности; мы не готовы бываем ощущать Твою Божественную любовь и свое возвеличивание ею, которое приводит в трепет сердце и умягчает душу, дает радостотворные слезы умиления. Господи, прости нас, что все это спасительное делание не попадает в центр нашего внимания, и мы не осознаем себя Твоим нетленным семенем и не дорожим полученным от Тебя благородством. Прости нас, Господи, что не удерживаем себя на высоте, на которую нас поставила Всемогущая Рука Твоя.

Еще и еще взываю с апостолом Павлом и возбуждаю вас: *Тако тецыте, да постигнете* (1Кор. 9, 24). На вас взирает с высоты небес Сам Подвигоположник Иисус Христос, держа в руках неувядаемые венцы. Выходите же, подвизайтесь, сражайтесь, предваряйте друг друга, тщитесь получить венец и украсить оным победоносную свою главу. Не щадя сил, спешите к столь великой почести, да Жениха-Христа приобретете.

Господи, знание пути и достижение поставленной Тобой цели открывают нам Твое желание спасти нас, ибо неувядаемые венцы, которые Ты держишь в руках, говорят нам об этом. Господи, прости нас, мы не спешим выходить, подвизаться, сражаться, не опережаем друг друга, не прилагаем старания получить венцы. Господи, прости, что жалеем себя и не спешим к великой почести, чтобы приобрести Тебя, Христа-Жениха.

Я же буду умолять Господа моего, да ниспошлет Он вам Благодать Святого Своего Духа, Духа мудрости, веры, мужества, упования на спасение. Верю, что услышит Бог мою молитву, хотя и немощна она; ибо Он для того и сошел с небес,

чтобы нас туда возвести; для того Он и воплотился и дал нам Плоть Свою ясти и Кровь Свою пречистую пролил, чтобы заветом этим примирить нас с Отцом Своим; для того и умер и воскрес, чтобы нас вчинить наследниками жизни. Еще ли это не довольное уверение в том, что мы не рабы, но сыновья и дочери, наследницы Божии через Иисуса Христа (см.: Гал. 4, 7).

Господи, теперь мы имеем уверение преподобного Гавриила молиться о нас, внимающих его наставлениям, что он испросит нам у Тебя Благодати Пресвятого Духа, Духа мудрости, веры, мужества, упования на спасение. Господи, прости, ибо мы не готовы воспринять плоды молитв преподобного отца как уверение, что мы наследницы Твои через Иисуса Христа.

Возлюбленные Богу, наследники Царствия Его, сыны и дочери Божии! Вам отверста искуплением прежде заключенная райская дверь, вход в жилище святых открыт верой в Сына Божия, страсть ослаблена, зависть посрамлена. Злоба скрылась, тьма грехов светом Благодати Божией рассеяна; время гнева уступило место милосердию, поносное рабство греху уничтожено, явилась истинная свобода чад Божиих и благословение небесное покровительствует вам! О блаженство, более которого нельзя и пожелать смертному!

Господи, мы возлюблены Тобой и являемся наследниками Твоего Царства, сынами и дочерьми Твоими по благодати. Ты отверз нам искуплением прежде заключенные райские двери, верой в Тебя, Сына Божия, нам открыт вход в жилище святых, страсть ослаблена, зависть посрамлена, злоба скрылась, тьма грехов светом Твоей Благодати рассеяна. Нам понятно, что время гнева уступило место милосердию, поносное рабство греху уничтожено, явилась истинная свобода чад Божиих и небесное благословение покровительствует нам. Мы же все эти блага не храним в памяти своей и, как четки, не перебираем умом своим, чтобы приблизить себя к блаженству, более которого нельзя и пожелать смертному. Господи, прости нас за это.

О торжество всех верующих мира сего! Теките же, теките, чтобы радость и мир Божий, всяк ум превосходящий,

водворился в сердцах ваших Господом (см.: Флп. 4, 7). Мира, который вселяет в душу неизглаголанную радость и спокойствие, – мира Божия, которого никакие мирские увеселения и выгоды не могут дать, но только Бог, – мира, превосходящего всякий ум. То есть такого, которого не в силах обнять, а кольми паче выразить ум человеческий – сего-то мира всеусердно вам желаю и радостно взываю: мир вам и союз любви, да возможем вси едиными усты и единым сердцем святое возношение Богу приносить и преблагая глаголати: «Слава Тебе, Боже наш, во веки веков». Аминь.

Господи, мы забываем прибегать к Тебе, чтобы Твои радость и мир водворились в наших сердцах, и вселили в душу радость и спокойствие. Господи, прости нас за вялость в поисках спасения и пробави нам мир и союз любви, да возможем едиными устами и единым сердцем приносить Тебе святое возношение.

10. Путь к Богу – любовь

Господь и Бог наш Иисус Христос вчера и днесь Той же и во веки! Если это так, если Господь не изменился, по-прежнему любвеобилен и милосерд, то чем объяснить, что когда-то за Ним следовали ученики Его и бесчисленная толпа народа, теперь же мы не слушаем зова Его и не следуем по стопам Его? Чем, как не нелюблением Его и путей Его? Возлюбленные, неужели мы не любим Спасителя своего, неужели мы дошли до такого скотского состояния, что смехом будем отвечать на Его призыв, с яростью будем попираť заповеди Его? Оставим наше безумие и с радостью последуем за Господом нашим, как следовали за Ним некогда ученики Его. Ныне ближайшее к нам спасение, нежели в их времена, нынче легче следовать за Господом, чем тогда; ибо нет теперь ни мучения, ни гонений, какие были раньше, ныне вера Христова – господствующая. Последуем же за Христом радостно, послушно и доверчиво, как дети, ибо иначе не будем и в Царствии Его. Так говорит Сам Он: *аще не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное*, кто умалился и смирился, как дитя, тот больший в Царствии Божием наречется, ибо здесь на земле примет Господа в себя (см.: Мф. 18, 2–5).

Господи, Ты вчера и сегодня и во веки Тот же, Ты не изменился, но по-прежнему любвеобилен и милосерд. Мы же на Твою любовь отвечаем отсутствием любви к Тебе и путям Твоим, часто смехом отвечаем на Твой призыв и с яростью попираем заповеди Твои. Господи, прости нам такое безумие и дай нам силу с радостью следовать за Тобой, нашим Спасителем, следовать послушно и доверчиво, как и положено детям Твоим.

Смотрите, как Господь заботится о таковых: не презрите, – говорит, – никого из умаливших себя Меня ради, ибо Ангел-хранитель его на небесах всегда предстоит пред лицом Отца Моего и ходатайствует о нем.

Господи, мы не умаляем себя Тебя ради, хотя и знаем, что Ангел-хранитель всегда предстоит пред лицом Отца Твоего и

ходатайствует о нас. Господи, прости нас, что зная это ходатайство, мы не меняем жизнь свою в знак ответной к Тебе любви.

И еще: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибших; и нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один от малых сих* (см.: Мф. 18, 10–11). Отсюда видно, как оберегает Господь возлюбленных Своих рабов, да не погибнет ни один из них; как Он и заблудших сынов, обратившихся от заблуждения, радуясь, приемлет в объятия Свои. Облачив их в одежды первой чистоты, Он слугам Своим – Ангелам, повелевает устроить пир и радоваться о обратившихся (см.: Лк. 15, 23). Обратившихся же сынов не только облакает в одежды света, но и насыщает от трапезы Любви Своей. Так Он обещал через пророка Иеремию: *упокоих, – говорит, – всяку душу жаждущую и всяку душу алчущую насытих* (Иер. 31, 25), и через псалмопевца, говоря: *упиются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоея напоиши я* (Пс. 35, 9). Так Он и сделал, сшедши на землю и собирая как Добрый Пастырь, рассеянные овцы на пажить Свою. *Аз приидох, – свидетельствует Он, – да живот имут и лишше имут* (Ин. 10, 10). Он радуется о возвратившихся к Нему сынах, говоря домочадцам Своим: *возрадуемся и возвеселимся, яко сын Мой мертв бе, и оживе, изгибл бе, и обретеся* (см.: Лк. 15, 32).

Господи, мы не спешим отстать от заблуждений своих и поэтому не видим объятий Твоих, всегда готовых принять нас. Господи, прости нас за это и сподоби одежды первой, одежды света и участия в трапезе Любви Твоей.

Такую любовь и милосердие Господь оказывает, такой радостью Он радуется всякий раз, когда греховное упорство и гордость побеждается в людях смирением, – и непрестанно взывает ко всем нам: *аще обратитесь, свободит Сын Божий вас от грехов и поистине свободны будете!* Зачем же в нас это губительное пренебрежение к призывам Божественной Любви, ненависть друг к другу и эта доходящая до смешного напыщенность, этот нарыв самомнения, готовый всякую минуту лопнуть и выпустить смердящий гной. Покаемся, братие! Господь вчера и днесь, Той же и во веки. Он всегда

любвеобилен и милостив и всегда простирает Свои отеческие объятия кающимся. Аминь.

Господи, Ты любовь и милосердие оказываешь нам, когда мы греховное упорство и гордость побеждаем смирением. Господи, прости нас, что показываем гибельное пренебрежение к призывам Твоей Божественной Любви, ненависть друг к другу и доходящую до смешного напыщенность нашу. Господи, прости нас и за нарыв самомнения, готовый лопнуть всякую минуту. Милостиво прими наше покаяние, Господи, и прости к нам Твои отеческие объятия.

**ИСПОВЕДЬ XIX. СТЯЖАНИЕ ЧИСТОТЫ
ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. По беседам
иеромонаха Владимира (Мусатова)
(середина 19 века).**

1. Основанное на вере убеждение

Чадо Боголюбивое, ищущее «доброго бисера!»

Прежде всего помни, что в жизни каждого человека есть спасительная цель – навык к святой Иисусовой молитве. Этот навык основывается на убеждении, что только усиленным принуждением к непрестанному ее совершению удобно достигается эта цель. Нам должно с верой и с твердым терпением нудить себя произносить эту молитву во всяком состоянии духа и во время совершения всякого дела. Эта молитва есть ключ к Царствию Божию, а Господь, Спаситель наш, изрек, что *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Господи, Боже спасения нашего, утверди в нас навык к святой Иисусовой молитве. Подаждь нам крепкое убеждение, основанное на вере, к понуждению себя непрестанно совершать ее, чтобы удобнее достичь означенной спасительной цели. Господи, прости нас, что оставляет нас твердое терпение в принуждении себя во всяком состоянии духа и во время всех своих дел произносить эту молитву. Господи, прости нас и за отсутствие ревности учиться ей и пробуди желание «восхищать» Твое Царство, понуждая себя к этому.

Чадо! Тебе необходимо поселить в свою душу *печаль ради Бога* (см. Кор. 7, 10), а достигается это телесным воздержанием, строгим рассуждением о деяниях своих и исследованием своей жизни от самой юности.

Господи, наше убеждение произносить святую Иисусову молитву мы должны обогащать «печалью ради Тебя, Бога нашего», нашего Подвигоположника. И для стяжания этой «печали» принуждать себя к воздержанию, строгому рассуждению о делах своих и исследованию своего пути от самой юности. Господи, прости, что свой молитвенный подвиг мы не обогащаем этими спасительными качествами.

Чадо! Борись с самолюбием, то есть с излишним к себе уважением. Оно будет усиливаться в тебе от недостатка самопознания. Оно вырастает в душе при нашем невнимании к

себе и при внимании к льстивым похвалам от людей. Корень самолюбия – гордость, прирожденная нашей греховной природе. Уничтожай самолюбие памятованием о смерти, внимательным исследованием своих поступков, а паче представлением Страшного Суда Божия.

Господи Боже, Спасителю и Судие праведнейший! Во свете повелений Твоих мы видим в себе наличие пребезмерного самолюбия, которое дает о себе знать излишним вниманием и уважением к самим себе, в отсутствии самопознания, и доверием к льстивым похвалам людей. Прости нас, Господи, за этот «набор» горделивых склонностей. Помоги нам, Господи, уничтожать в себе самолюбие памятью о смерти, внимательным исследованием своих поступков на предмет согласия их с заповедями Твоими. Помоги иметь память о Страшном Твоем Суде. «Вонми гласу моления моего, Господи», и исцели душу мою от самолюбия.

Чад! Тебе в жизни придется сталкиваться с холодным отношением твоей души к духовным предметам. И тогда ее надо будет разогревать представлением сладчайших плодов того духовного мира, которые приобретаются посредством подвига; накапливаются они познанием себя и светлым взглядом на природу; утверждаются произвольным напряжением духа в исполнении заповедей Твоих и, наконец, памятованием скрытой в правосудии Божиим вечной казни грешным и неизъяснимой небесной награды праведным.

Господи, мы можем сказать о себе, что довольно часто испытываем в душе холодность к духовным предметам, а возгревать в душе жар не спешим, прости нас. И средства для возгревания души мы оставляем без внимания. Это те сладчайшие плоды духовного мира, которые приобретаются посредством подвига; это познание самих себя и светлый взгляд на природу; это произвольное напряжение духа в исполнении Твоих заповедей, Боже наш; это и память о вечной казни грешным, это и обновление памяти о неизъяснимой небесной награде праведным, скрытой в Твоем, Боже праведный, правосудии. Господи, прости нас за оставление

борьбы в преодолении холодности души к духовным предметам.

Чадод! Побеждай дух уныния, когда он нападает на тебя. Воспользуйся для этого, во-первых, чтением душеспасительных книг, которые останавливают на себе внимание и согревают сердце; во-вторых, рукоделием, сопровождаемым молитвой Иисусовой; в-третьих, братским советом человека, опытного в духовной жизни и искусного в распознавании духов лестных.

Господи, на пути в Царство Небесное нам будет угрожать нападением, и реально будет нападать, дух уныния. И тогда нам надлежит быть во всеоружии и отражать эти нападения. У нас должна быть под рукой книга душеспасительного содержания, должна срабатывать привычка к рукоделию, сопровождаемому молитвой Иисусовой; и в кругу нашего общения с ближними должен быть человек, опытный в духовной жизни, человек, искусный в распознавании духов лестных. Господи, прости: мы еще не владеем этими приемами борьбы и остаемся неискусными воинами.

Чадод! При охлаждении духа приводи себе на память подвиги прежде бывших отцов, прилагая свои скорби к их терпению, и в них ищи себе утешения и поощрения к дальнейшим подвигам.

Господи, прости нас, что не обращаем свой взор к жизни и подвигам святых. Мы не сверяем свои скорби с их скорбями, и свое терпение с их терпением. Прости нас, Господи, и помоги обретать в них утешение и поощрение к дальнейшим подвигам.

Чадод! Дух уныния побеждай послаблением на некоторое время постоянного твоего воздержания. Этим способом ты убедишься в пустоте и суетности утешений жизни и даже самого позволительного развлечения, и получишь теплое расположение к большим подвигам.

Господи, прости нас за неумение давать себе способы к убеждению в пустоте и суетности утешений жизни. Вразуми, Господи, в этой брани приобретать теплое расположение к большим подвигам.

Чадод! Учись искусству обуздания своего языка и напоминай себе произносимый Святой Церковью к Богу псаломский глас:

Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устах моих (Пс. 140, 3).

Господи, мы не проходим подвиг обуздания своего языка, не работаем над хранением устен своих (не полагаем дверь ограждения о устах своих). Прости нас, что не хватает у нас убеждения в огромной важности этого делания.

Чадо! Начиная жизнь духовную надобно рассуждать в себе: позволение говорить среди духовных лиц пристойно только преуспевшим, а ты считай себя недостойным разговора с ними. Когда же спросят тебя, отвечай с благоговением.

Господи, начиная жизнь духовную, нам необходимо учиться смиренному рассуждению о себе, а так же напоминать себе, что говорить среди духовно преуспевших надобно в духовном разуме, которого у нас нет. Господи, прости нас за отсутствие должного в себе рассуждения, позволяющего нам вкушать плоды смирения.

Чадо! Если ты когда-либо увлечешься своей слабостью (поговорить), то кайся в этом и старайся неотложно исправиться. Знай несомненно, что язык – это неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда; *если же кто не согрешит в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело (Иак. 3, 8. 2).*

Господи, помоги нам не забывать, что язык способен наполнять нас смертоносным ядом, который мы по неосторожности предлагаем своим ближним. Господи, прости нас за несдержанность в языке и неспособность обуздывать свое тело.

Чадо! Не соблазняйся поведением людей, выражающих свои мысли вольно. И не оскорбляйся, когда не видишь у юных кротости в обращении с другими. Уверь себя в этом случае, что это кажется тебе от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какой целью они это делают, равно с какой целью и я с кем-либо так или иначе поступаю. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других.

Господи, прости нас за склонность и желание осуждать людей, вольно выражающих свои мысли. Мы соблазняемся,

когда не видим у юных наличия кротости в обращении с другими. Прости нас.

Господи, мы столь самонадеянны, столь влюблены в свою компетентность по любому вопросу, что и думать не хотим о своей невнимательности и о своей нерассудительности. Прости нас, Господи, за нежелание уверять себя в этом, за осуждение других и за отсутствие желания внимать себе.

Чад! Когда тебе кажется, что у братии нет к тебе любви, и ты не получаешь от них наставление от словес Священного Писания, то задумайся, что такого быть не может, чтобы у них не было любви, и только так думай. Если же ты не видишь в них любви, то потому, что сам в себе не имеешь любви. Покажи прежде сам истинные признаки любви и тогда увидишь, что любовь в них обитает и обильно для тебя хранится.

Господи, Любовь неизреченная! Открой наши глаза на любовь ближних. Особенно, когда желаем услышать от брата наставление от словес Священного Писания. Нам кажется, что мы не находим любви в них, а этого не может быть. По крайней мере, так должно думать. Господи, прости нас, что мы не убеждены в этом. Если же мы не видим в них любви, то потому, что мы сами в себе не имеем любви. И мы сами должны проявить в себе истинные признаки любви и тогда увидим, что любовь в ближних обитает и готова изобильно излиться на нас. Господи, прости нас, что не умеем смотреть на себя под этим углом зрения.

Братья! Мы имеем заповедь Божию: любить чистосердечно ближних, а о том, чтобы мы имели право требовать от них любви, без любви к ним, нигде не сказано. А что они не могут, или, лучше сказать, не дерзают беседовать с тобой от Писания, то ты не должен искать этого с ревностью. Где смирение, там и простота, а эта отрасль Божественной мудрости не испытывает судеб Божиих, она только верой повинуетя и до времени довольствуется теми понятиями, которые ей открывает вера.

Господи, Ты дал нам заповедь чистосердечно любить ближних, а о том, чтоб мы имели право требовать от них любви, без собственной любви к ним, Ты нигде не говоришь. Господи, прости нас, за готовность предъявлять ближним свои права на

их любовь без свидетельства собственной любви к ним. И когда брат наш не имеет дерзновения беседовать с нами от Писания, то мы должны смириться с этой его неготовностью. Господи, прости нас за неумную ревность к брату по этому вопросу.

Чад! Знай, что Бог не будет судить послушника за то, почему он не богословствовал, но почему он не внимал себе. Если Богу благоугодно будет, то для их спасения Он откроет им тайны Своего смотрения; и разум, просвещенный светом Божиим, по мере веры, выше всякого учения, ибо, и по естеству рассуждая, видим, что разум изобрел учение, а не учение породило разум.

Господи, мы мало внимаем себе, но любим богословствовать. Прости нас за это. Пусть Твоя благая воля открывает нам тайны Твоего смотрения о всех нас и просвещает наш разум светом Твоим по мере нашей веры. Господи, прости нас, что не ищем просвещения нас светом Твоим.

2. Неполадки в духовной деятельности

Чадо! Всегда помни: вера теряется от подозрительности, благоговение – от дерзости, а недействие старческих назиданий на сердце бывает от слушания слов старцев только из любопытства. По своей пытливости ты соблазняешься тем, что они решают твои вопросы самыми простыми понятиями. Оставь любопытство, храни умеренность в вопрошании; веруй, что Бог в лице других руководствует тобой; не высокоумствуй; держись в простоте сердца послушания и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей.

Господи, Сердцеведче и Правосуде, Тебе открыто наше сердце, и Ты видишь, что мы часто теряем веру из-за нашей подозрительности, а благоговение – от дерзости. Прости нас. Мы много раз убеждались в недействии на наше сердце советов духовников (старцев) и понимали, что происходило это от слушания их слов из любопытства, и потому, что считали их советы неудобноисполнимыми для себя. Господи, прости нас за легкомысленность и самость.

По своей пытливости мы соблазнялись тем, что духовники наши решают наши вопросы самыми простыми понятиями. Прости нас за это, Господи, и помоги оставлять любопытство, хранить умеренность в вопрошании и верить, что Ты в лице других руководишь нами. Огради нас, Господи, от высокоумствования, удержи наше сердце в простоте нести свое послушание.

Чадо, имей благоразумную простоту и приобретай ее неверием себе и памятью о твоём намерении, приведшим тебя в обитель. Вспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале твоего водворения в святой обители. Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобного: истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким.

Господи, мы мало знакомы с благоразумной простотой. Мы не ищем ее через неверие к себе и через память о нашем намерении, с каким пришли трудиться в храм или обитель.

Прости нас. Нам на память слишком редко приходят воспоминания о жаре и тех расположениях души, которые посещали нас в самом начале выбранного пути. Господи, прости нам нашу забывчивость и помоги иго послушания, при Твоей, Боже, помощи, нести всегда легко и радостно.

Чадо, если тебя посещают искушения, не малодушествуй. Помни, что никакие искушения сами по себе не превышают даров Божественных, они дают послушнику силы и средства к преспеянию в добродетели, почему желающий спастись все может силой укрепляющего Господа Иисуса. Да ведает сердце твое эту священную истину и, имея сколько-нибудь живой веры, никогда в ней не сомневайся. И пусть через маловерие пылинка не кажется тебе горой, а наличие веры делает тебя способным переставлять горы искушений весьма удобно и легко.

Господи, в самый первый момент «наезда» на нас искушения, мы склонны малодушествовать. Прости нас, что сомневаемся в силе Твоих спасительных даров и не прибегаем к тем спасительным средствам, с помощью которых мы преуспеваем в добродетели. Господи, нет в нас спасительного убеждения, что все сможем преодолеть Твоей, Господи, Иисусе Христе, силой, и более всего свое маловерие, показующее и пылинку горой. Прости нас, Господи, за это малодушие и помоги легко и удобно переставлять горы искушений при наличии живой веры.

Чадо, когда чувственная страсть ратует на душу сильнее прочих, то знай, что первое и обыкновенное средство к отсечению ее состоит в удалении от предметов, разжигающих душу. Это удаление потребует от тебя строгого воздержания, соединенного с безмолвием. Трудно уцеломудриться среди соблазнов мира. Также памятуй о своей тленности и скором приближении часа смертного и тем поможешь себе погасить эту страсть.

Господи, наша жизнь в этом мире вся пронизана рекламой плотской похоти. Она везде, и соблазн её въедается в наше сердце. Что же мы противопоставим ей? Старец Владимир советует отсекал ее удалением от предметов, разжигающих душу похотью, присовокупив к этому строгое воздержание,

соединенное с безмолвием. Господи, прости нас за незнание этих средств, помогающих нам уцеломудриваться среди соблазнов мира.

Чадó, если ты не познал еще сладость целомудрия и не начал вести чистую внутреннюю жизнь, то тебе может быть полезно представление пагубных последствий блудной страсти. Она, всецело отвлекая душу от любви Божией (что гибельнее всякого греха), сама в существе своем весьма гнусна. Как жалко видеть людей, прежде обладаемых ею, поверженными в неудобоцелимые болезни, или лишившимися ума, или изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменой и мучающимися прежде смерти в адском огне отчаяния.

Господи, как же мы далеки от познания сладости целомудрия и не ведем чистой внутренней жизни! Прости нас за удаление от области целомудрия в далекую страну своеволия и блуда. Поэтому нам рекомендуется «приходить в себя» напоминанием пагубных последствий блудной страсти. Сия страсть, всецело отвлекая душу от любви Божией, заселяет ее гнусностью: она повергает ее (душу) в неудобоисцельные болезни, лишает ума, изнуряет ревностью, пронзает вероломством и изменой, мучает прежде смерти адским огнем отчаяния. Господи, прости нас, что позволяем этой страсти владеть нами и наполнять этой гнусностью наш внутренний мир.

Чадó, тебе не раз придется в своей жизни испытывать «находы» помыслов тщеславия. Поэтому знай, что древние отцы находили действенными для их истребления следующие средства. Во-первых, ты должен понимать, что ты только начинаешь свой подвиг и всегда думать о себе как о человеке, неразумевшем благодеяний Божиих, ежеминутно льющихся на тебя. Не погрешай пред Ним неблагодарностью, почитая Его дарования своими собственными, за что не похвалы, а порицания будешь достоин.

Господи, у нас нет настроения истреблять в себе тщеславие благодарной памятью о Твоих благодеяниях, ежеминутно изливаемых Тобою на нас. Мы нет-нет да припишем успехи в делах себе. Прости нас.

Во-вторых, чадо, придется тебе иногда усладиться похвалой человеческой и этим презреть Божии щедроты, которыми ты награжден единственно по человеколюбию Подателя всех благ. Чаще представляй себе, что Тот, Который наградил тебя ими, без сомнения, может и лишить их.

Господи, увлечься похвалой человеческой для нас означает то же, что презреть Твои, Боже наш, щедроты, Твое человеколюбие. Господи, прости нас за столь опрометчивые поступки и не отнимай от нас Твоего человеколюбия.

В-третьих, чадо, хвала и честь, надмевающие твою мысль, проистекают со стороны других более от лести, нежели от прямого к тебе уважения. Тебе следует их отвергнуть, как дары, подносимые с лукавством и не от искреннего сердца.

Господи, как же часто нам приходится слушать похвалу и принимать честь от людей, что надмевает нашу мысль. Прости нас, что не отвергаем подобные похвалы и не видим в них лукавых действий врага нашего спасения.

В-четвертых, чадо, знай, что многие отцы убегали чести и славы и, будучи возведены на высоту почестей, равнодушно их с себя слагали. Так, Исаак Сирин, пробыв полгода епископом, ради смирения оставил сан этот и удалился на безмолвие; так святой Ефрем Сирин, когда хотели против его воли возвести его в сан архиерейства, притворился юродивым; так Дамаскин, ученый, мудрый и сановный муж, охотно променял всю славу свою на самое строгое послушание простому инок.

Господи, мы имеем склонность к похвалам и не усмиряем себя приведением на память примеров многих отцов, возведенных на высоту почестей и равнодушно сложивших их с себя. Господи, прости нас, что не готовы вдохновляться их подвигами и продолжаем смущаться желанием почестей и славы этого мира.

Чадó! Ты принимаешь иноческий чин и должен помнить, что делаешь это при торжественном собрании Ангелов и человеков, в присутствии Самого Бога. Ты добровольно произнесешь обет быть готовым к исполнению всякого благого дела. Содержи же в памяти твоей этот день святых обетов. Воспоминание о нем (дне обетов), обнимая более и более всю твою душу и мысли,

сопровождающие твой подвиг, породит ревность к стяжанию благих дел и изгонит всякую тяжесть в обленении духа. А чтобы тяжесть плоти не отнимала у духа бодрственности, тебе нужно самое умеренное употребление пищи, питья и удаление от людей, ищущих телесного наслаждения.

Спасительные подвиги каждого человека тесно связаны с теми обещаниями, которые он полагает в основание своей жизни. Значимость этих обетов подчеркивается торжественным собранием Ангелов и человеков и присутствием на нем Самого Бога. Такие обеты дает каждый человек в чине Крещения, инок при монашеском пострижении, священник при принятии благодати рукоположения. Все мы, добровольно произнося соответствующие обеты, обязуемся быть готовыми к исполнению всякого благого дела, не забывая и о самом дне святых обетов. Господи, мы неохотно вспоминаем об этих обетах и дне их возложения на себя. Прости нас, Господи.

Господи, помоги нам не забывать о наших обетах, все более и более обнимающих душу и мысли, и дай нам силу стяжать благие дела, истреби всякую тяжесть плоти, пробуждающую в нас обленение духа. Господи, прости, что мы утрачиваем бодрственность духа, разрешая себе неумеренное употребление пищи и питья. Прости нас, что не удаляемся от людей, ищущих телесных наслаждений. Господи, помоги нам победить лень к спасительным подвигам.

Чадо! Дознавай опытом, что всякого рода скорби, облегающие душу, для пользы душевной врачуются благоговейным размышлением о спасительных страстях Иисуса Христа, нашего Икупителя. Вспоминай постоянно предание Его иудеям руками неверного ученика, премудрое и смиренное молчание на суде пред Пилатом, жестокое ударение по ланитам, бесчисленные раны, на Пречистое Тело Его наложенные, возложение на главу тернового венца, пригвождение ко Кресту и прободение ребер; представляй себе, что все страдания Его открыли совершенное терпение Его и окончились молитвой о врагах, ясно показавшей крайнее Его незлобие. Пусть мысль скорбящая, направляясь по спасительным следам Распятого за нас Господа, скажет тебе:

«Бесконечно малы твои страдания в сравнении со страданиями Всесладостнейшего Иисуса».

Господи, наш подвиг во имя Твое связано с определенными трудностями. И чтобы ободрить себя при всякого рода скорбях, тисками сжимающих душу, нам надлежит умом своим погрузиться в благоговейное размышление о спасительных страданиях Иисуса Христа и, следуя за Ним шаг за шагом, понять Его незлобие и ему последовать. Господи, прости нас за нечастое прибегание к памяти о Твоих страданиях и смиренном уточнении сколь малы наши страдания при сравнении их с Твоими, Христе Иисусе. И ободрь нас, Господи, Твоим примером для продолжения нашего подвига.

Чадю, полезно тебе исследовать причину, по которой душа ощущает некоторую теплоту, приходящую в душу по действию благодати Божией, чтобы удержать ее на более продолжительное время. Она может оказаться порожденной посредством благочестивого размышления, или через какую-либо благую деятельность. В этом случае надо устремить все внимание на расширение этой деятельности. И поскольку, во всяком случае, ощущаемая душой теплота возрастает по действию на душу Божественной Благодати, то, как можно более, надлежит смиряться, признавая себя не по достоинству, но туне принявшим столь драгоценный дар Божий.

Господи, через старца Ты открываешь нам, что каждому необходимо исследовать причину появления некоей теплоты, приходящей в душу по действию Благодати Твоей. Цель наблюдения – удержать ее на более продолжительное время. Господи, прости нас, мы совсем не умеем этого делать. А казалось бы, все это делается просто. Нам надо только научиться наблюдать: посредством благочестивого ли размышления, или же через какую-либо благую деятельность эта теплота рождается в нас. А заметив ее рождение, нам следует устремить все внимание на расширение этой деятельности. Господи, прости нас, что не находим в себе внимания и тонкости к такому исследованию.

Чадю! Замечай, как часто получаемая теплота духа охлаждается в нас и оттого, что, ощутив ее, мы приписываем ее

приход к плодам нашего подвига. Для поддержания теплоты духовной нам полезно блюсти хранением великим свое сердце от страстных помыслов и печалей житейских, ибо при усилении их, любовь чувственная, преодолевая небесную, удаляет сердце от Сладчайшего Иисуса.

Господи, мы не поддерживаем в себе теплоту духовную великим хранением своего сердца от страстных помыслов и печалей житейских. Прости нас, Господи, что разрешаем себе наполнять наше сердце плотской любовью столь мощно, что она вытесняет в нём любовь небесную. Господи, прости нас, что удаляем свое сердце от Тебя, Сладчайшего нашего Иисуса.

Чад! Если ты ощутил, хотя однажды, восхищение духа, то при охлаждении душевном можешь согреть себя приведением на память тех золотых минут, которые разверзли в душе твоей небесный мир. И еще помни, что Божественное речение при твердой надежде на Божественную помощь всегда сильно возгревает духовный огонь в нашем сердце.

Господи, при духовном охлаждении мы редко вспоминаем те минуты нашей жизни, в которые мы, хоть однажды, ощутили восхищение духа. Господи, прости нас, что при охлаждении сердца, мы не приводим себе на память тот небесный мир, который посещал нашу душу и давал нам надежду на Твою Божественную помощь. Господи, помогай нам в возгревании нашего духа Твоей Благодатью.

Чад! Охладевая, ты можешь согреть свою душу Словом Божиим, молитвой, смирением, покаянием и благодарным в отношении к Богу чувствованием сердца во всех изменениях, не только внешнего состояния, но и внутреннего.

Господи, прости нас, что этот комплекс согревающих нашу душу занятий нами не используется. Господи, прости нас и за отсутствие в нашем сердце чувства благодарности Тебе во всех изменениях и внешнего и внутреннего состояния.

3. Благоразумная умеренность в подвиге

Чадо, когда тебе случится быть в обществе людей, которые в разговорах между собой повествуют о происшествиях, вызывающих смех, то тебе следует думать так: я не понимаю по скудоумию моему, почему и с какой целью они так говорят, а, не зная их цели, не должно смеяться.

Господи, Боже, смысла Подателю, умудри нас держать себя правильно, когда мы попадаем в общество людей, в разговорах своих повествующих о событиях, вызывающих смех. В этом случае нам следует со всею строгостью напомнить себе о том скудоумии, которое мешает нам понимать скрытый в их словах смысл. Господи, прости нас за склонность к смешливости.

Чадо! Если же нечаянно и невольно ослабишь лицо свое, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства святых отцов, что ничто так «не разрывает цепь добродетелей и любви евангельской, как смех и смехотворство».

Господи, мы не обвиняем себя, когда вспоминаем истинные свидетельства святых отцов, говорящих: «ничто так не разрывает цепь добродетелей и евангельской любви, как смех и смехотворство». Господи, прости нас, что не стоим на страже добродетели и, допуская смех, разрываем цепь добродетелей и евангельской любви.

Чадо! Как кружение скверных мыслей во внутренней нашей храмине лишает душу присутствия благодати, так упражнение в смехе и склонность к нему удаляет от нас Ангела-хранителя. У изыскивающего повод к смехотворству добродетели бывают тщетны, вокруг каждой обвились какие-либо соблазнительные помыслы, и ее душевные корни сушат какие-либо пороки. Ограда бодрствования и мира разрушается. Сам Господь наш, Спаситель мира грозит вечной горестью любящим смехотворство: *Горе вам, смеющиеся ныне!* (Лк. 6, 25).

Господи, старец делится с нами своим духовным опытом, говоря: «кружение скверных мыслей во внутренней нашей храмине лишает душу присутствия благодати, а упражнение в смехе и склонность к нему удаляет от нас Ангела-хранителя.

Господи, мы испрашиваем у Тебя прощения и за скверные мысли, и за смехотворство. Прости нас за искание повода к смехотворству и за тщетность в связи с этим добродетелью, прости за разрушение ограды мира и бодрствования и помоги нам помнить Твои слова, когда распаляемся смехом: *Горе вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6, 25).

Чадо! Чтобы избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в присутствии лиц противоположного пола, но и при случайном воображении о них тебе должно хранить ум и чувства от всякого развлечения и движений нескромных, особенно ничего не следует говорить без осмотрительности и скорее удаляться из их собрания.

Господи, и мы в своей жизни часто подвергаемся сильным ощущениям сладострастия. Происходит это в двух случаях: от соприкосновения с лицами противоположного пола или при воображении о них. Господи, прости нас, что мы и то и другое впускаем в свою душу и, в конечном счете, этими ощущениями побеждаемся. Господи, мы не храним ум и чувства от всякого развлечения, задерживаемся в обществе лиц противоположного пола, не удерживаем себя от нескромных движений и в своих речах допускаем неосмотрительность. Господи, прости нас.

Чадо! Если же тебя соблазняет воображение, воспламеняемое демонской лестью, то старайся удерживать порывы мыслей и с благоговением ограждай себя крестным знамением.

Господи, прости, что соблазны воображения мы еще не научились связывать с демонской лестью и пламя его с порывами мыслей. Господи, мы не приучили себя при появлении этого пламени прибегать под сень креста, с благоговением осеняя себя этим спасительным знамением. Прости нас.

Чадо! Приобретай себе, при Божией помощи, умение предохраняться от плотских и мысленных сладострастных волнений благоразумной во всем умеренностью. А для этого предваряй своей молитвой каждую мысль, умоляя Господа Всемогущего помочь тебе в защите от нападения на тебя этой лютейшей страсти, ибо человек сам собой никогда ее не

победит. Но при нашем произволении и молитве Бог Премилосердный угасит порывы этого пламени тихим наитием Своей Благодати.

Господи, мы еще не владеем благоразумной умеренностью во всем и потому сладострастные плотские и мысленные волнения потрясают нас. Прости нас за это и помоги научиться предварять свои жизненные шаги молитвой к Тебе, Премилосердному Богу, о помощи, чтобы угасить пламя этой лютейшей страсти тихим наитием Твоей Благодати.

Чадод! Когда по демонскому насилию, поползновенный твой ум обуяют сладострастные помыслы, то сойди мыслью своею в преисподнюю и при свете Божественного Писания, равно и некоторых тайнозрителей, посмотри там на мучения плотоугодников. И ответь себе на вопрос: неужели ты за временную сладость греха пожелаешь себе вечной гибели?

Господи, мы не должны забывать, что наш поползновенный ум может подвергаться насилию демонов, которые окружают его (ум) сладострастными помыслами и угрожают нам гибелью. Господи, прости нас за забвение этой простой, но важной для спасения истины, и помоги помнить всегда, что временная сладость греха влечет за собой ужаснейшую и вечную гибель.

Чадод! Непрестанно помни час смертный и страшное безобразие разрушающейся тогда нашей телесной красоты. Смиренно проси Бога Помощника, да отразит разжженные эти стрелы врага, неукротимо бунтующего против законов нашего духа.

«Господи, воздвигни силу Твою», чтобы с Твоей помощью не забывать нам о часе смертном и о том безобразии, в которое облакает нас разрушающаяся тогда наша телесная красота. Господи, прости, что не ищем в этом подвиге Твоей спасающей и просвещающей наш ум благодатной силы. Смиренно просим Тебя, Господи, отрази от нас эти разжженные стрелы врага, стремящегося через помыслы уклонить нас от исполнения законов нашего духа.

4. Подъятие первых подвигов крестоношения

Чадó! За нанесенную тебе обиду в твоей душе могут появиться помыслы, побуждающие тебя к осуждению ближнего, а рассвирепевшая буря мысли может устремить тебя к отмщению. Но ты удержи себя от этого, соотнеся состояние своей скорби с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Этот Великого Совета Ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел от грешников величайшее поругание и скорби; не тем ли более должны терпеть горесть и оскорбления мы – люди грешные, достойные наказаний. В подобных случаях мы должны сами обвинять себя за нашу гордость, нетерпение, за преступную слабость и леность в подъятии первых подвигов крестоношения, на которые призывает всех Господь наш и к которым обязались обетом.

Господи, нанесенные нам обиды, к сожалению, частые гости в нашей душе. Они побуждают нас к осуждению ближнего и свирепостью мыслей, подобно буре, устремляют нас к отмщению. Господи, прости нас, что мы невнимательны к себе и не боремся с осуждением ближних и желанием им отомстить. Господи, вложи в наше сердце мысль: сравнивать состояние своей скорби с состоянием Твоей скорби, Спасителю мира. Ведь Ты, будучи без греха, терпел от грешников величайшие поругания и скорби. Неужели же мы, люди грешные, не принудим себя потерпеть горести и оскорбления, выпадающие на нашу долю? Господи, прости, что «циклон» осуждающих и мстительных помыслов мы не вытесняем «антициклоном» смиренномудренных мыслей, побуждающих нас сначала обвинить себя за гордость, нетерпение, за преступную слабость и леность к первым подвигам крестоношения.

Чадó! С возмутителем нашего духа, невидимым филистимлянином, мы должны сражаться оружием самоосуждения. Помни, что он хочет обокрасть богообразный кивот нашей души. Поэтому того, кто наносит тебе оскорбления, ты должен считать своим благодетелем. Только ты терпеливо принимай обиду, ибо это послужит для твоей души

благоприобретением. Таким образом, когда ты будешь почитать обижающих тебя благодетелями и когда начнешь приучать себя к самообвинению, тогда приметно успевать будешь в образовании своего внутреннего человека.

Господи, мы не замечаем и пропускаем «провокации» возмутителя нашего духа, невидимого филистимлянина, и не сражаемся с ним оружием самоосуждения. Прости нас, что не оберегаем мирного состояния нашего духа, применяя оружие самоосуждения. Прости и за то, что даем врагу обкрадывать богообразный кивот своей души.

Господи, наносящих нам оскорбления нам следует почитать своими благодетелями и терпеливо принимать от них обиды, что и послужит нашей душе благоприобретением. Господи, прости нас, что мы не ищем этого блага для души своей.

Господи, все сказанное нам старцем должно послужить к образованию нашего внутреннего человека. Господи, прости нас, что приметы этого образования – почитание обижающих нас благодетелями и умение в первую очередь обвинять самих себя – нами не насаждаются в собственной жизни.

Чадю! При создании нашего внутреннего человека наше сердце, с помощью Вышнего, может сделаться мягким и кротким и дух наш станет вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа наша почувствует такой мир, которого мы прежде не ощущали и вкушать не могли. Этот-то мир будет просвещать разум подвижника; заря кротости духовной прольет лучи свои на ум, слово, чувство и видение, и тогда он удобнее может отражать зло, покорять и посвящать сердце всему тому, что только спасительно; а нанесенные другими огорчения тогда будут казаться нам уже радостными и приятными.

Путеводной звездой, или целью такого делания, для нас должны стать сердце мягкое и кроткое и дух наш, вмещающий благодать и мир духовный. Некогда волхвы, водимые звездой, достигли места, где родился Спаситель мира. Мы же, указанными старцем признаками – мягкостью и кротостью сердца, благодатью и миром духовным – не руководствуемся. Прости нас, Господи.

Если же пойдем на «огонек» этой звезды, то душа сможет почувствовать такой мир, которого мы прежде не ощущали и вкушать не могли. Господи, в нашей молитве к Тебе нет означенной старцем темы: о просвещении нашего разума миром Твоим и о пролитии лучей кротости духовной на наши ум, слова, чувства и видение. Господи, прости нас за это упущение.

Господи, Твой мир и свет кротости духовной должен помогать отражать зло и посвящать свое сердце мыслям и вещам спасительным. Господи, прости нас, что светом Твоей духовной кротости мы не покоряем свое сердце нашим духовным интересам и, поэтому, не умеем воспринимать напрасные огорчения от других с радостью.

Чадод! Тебе часто придется сталкиваться с проблемой умягчения своего сердца, когда оно раздражено или предается холодности, когда никакая святая мысль и представление не действуют на него. Тогда тебе необходимо уединиться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда же душа несколько умягчится, тогда должно изыскивать причину такой холодности.

Господи, означенная старцем проблема и решение ее актуальны и для нас. Над умягчением сердца должны работать и мы, когда никакая святая мысль или представление на него не действуют. Господи, прости, что уединение, молитва, излияние души пред Тобою не употребляются нами по невниманию для умягчения сердца и создания необходимого условия для отыскивания причины такой холодности.

Чадод! При возникновении духовного нечувствия от неудовлетворения какой-либо страсти, с презрением отнесись к ее (страсти) движению и удали от себя предмет, ее разжигающий. Если же столь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Всеведущего Господа, да отразит Своею Благодатью все страстные прилоги и теплотой ее да согреет охладевшее сердце твое.

Господи, духовное нечувствие – это объект наблюдения и тревожной озабоченности каждого христианина. Его может вызвать страсть, нами неудовлетворенная, и предмет, ее

порождающий. Они гасят в нас духовное чувство. Господи, прости нас, допускающих его проявления в себе. В другом случае горестная ожесточенность возникает в нас от непроницаемых причин, и ее преодоление будет зависеть исключительно от нашей усердной молитвы к Тебе, всеведущему Богу. Цель этой молитвы – умолить Тебя, Господи, послать нам Твою Благодать и ею отразить все страстные прилоги. Господи, прости нас за то, что мы и просим, и, одновременно, не просим Тебя отразить Твоею Благодатью все нападения врага. Господи, Ты Сам теплотою Твоей благодати согревай охлаждающее наше сердце. Вонми воздыханию души нашей и пробуди в нас ревность о спасении и горение духа.

5. Омертвление души действием страстей

Чадо! Когда желаешь избавиться от тщеславия, ощущая в себе не только склонность, но и самые его действия, то можешь успеть в том, если будешь искренно продолжать послушание, ибо тогда не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волей и выискивать их благоволения к себе.

Господи, тщеславие – это одна из самых прилипчивых к человеку страстей. Она заявляет о себе в нас настоятельным склонением старших к соглашению с нашей волей и выискиванием их благоволения к себе, что, в свою очередь, побуждает нас выполнять свое послушание неискренно. Господи, прости нас, что по этим признакам не выявляем действия в нас тщеславия и снижения качественного выполнения порученного нам послушания.

Чадо! Более всего ты можешь преуспеть в победе над тщеславием, если в духе сокрушения и совершенном сознании своих немощей, ты повергнешь свое ничтожество пред Богом. И тогда всемогущая Благодать Его не оставит тебя страдать этим недугом неисцельно, и ты сможешь, со временем, избавиться от тщеславия.

Господи, и нам необходим дух сокрушения и смиренное сознание своих немощей. Только с их помощью мы сможем почувствовать свое ничтожество пред Тобою, Господи, в надежде, что Твоя всемогущая Благодать не оставит нас страдать этим недугом неисцельно. Господи, прости нас за эти неполадки в стяжании победы над тщеславием, и помоги нам избавиться от этого недуга.

Чадо! Эта страсть от юности до преклонных лет, а нередко и до самого гроба обдержит человека. Она не только преуспевающих, но иногда и совершенных преследует, почему и требует со стороны человека немалой осмотрительности. Лишь бесстрастный Творец может искоренить ее в нас. О, коль трудно душе избежать этого яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей!

Господи, до нас с большим трудом доходят эти слова старца. Мы еще не приобрели основанное на вере убеждение, что эта страсть будет до самой смерти держать нас в осаде. Прости нас за это неустойчивое знание об этой страсти, за нашу неосмотрительность к проникновению ее в нас, за склонность этот яд впускать в свою душу. Господи, помогай нам искоренять эту страсть и тем сохранять плоды добродетелей.

Чадо! В преодолении стремления страстей тебе необходимо желание исправиться. Бог Всемогущий даст тебе по сердцу твоему, ибо начало добродетелей в их источнике – есть расположение, желание добра о Господе.

Господи, сколь немаловажно для нас наставление старца! Причина доброделания – в преодолении стремления страстей погубить нас, а источник, начало его (доброделания) – это расположение, желание делать добро ради Тебя, Господи. Прости нас, Господи, что не углубляем свое сознание в причины доброделания и не отыскиваем в себе их источника. Прости, что от этого наше доброделание становится легкомысленным, лишенным спасительного содержания.

Чадо! Страсти человек должен обуздывать, но победить их сам собой не может. Это дело десницы Вышнего, произведение Его Божественной силы. С нашей стороны должно только неослабно хранить данное нам от Бога святое произволение и по оному прилагать старание достигнуть святой области бесстрастия, а Вышний, без сомнения, увенчает успехом подвиг желающего.

Господи, Ты открываешь нам, что человеку в духовной жизни нужна узда. С понятием узды мы связываем две вещи, содействующие положительному росту: с самого начала жизни научиться делать полезное для себя, как это делает новорожденный младенец, когда мать приложит его к своей груди; и второе – собственно говоря, удила; мы связываем это понятие с уздой, которой всадник управляет дикой, необъезженной лошастью. Поэтому, если мы желаем обуздать страсти, мы должны научиться у груди Матери Церкви вкушать «чистое словесное молоко» заповедей Божиих и наставлений святых отцов, которое обеспечивает жизнь и рост церковного

человека. Мы должны, одновременно, в этих законах видеть «правлящую» руку Божию и ей подчиняться. Мы же об этом мало думаем и не учимся делать духовно полезное для себя, прильнув к «грудям» Матери Церкви, к Ее Таинствам и обрядам, и уздой послушания Ей не готовим себя быть послушными чадами Церкви.

Господи, прости нас, что победу над страстями мы не вручаем твоей Божественной силе и не храним в активном состоянии данное нам Тобою святое произволение. Прости, что мы не направляем его в святую область бесстрастия. Прости нас, что не питаем себя надеждой, что Ты, Вышний увенчаешь наш подвиг, если мы будем всеми мерами очищать свою душу от страстей.

Чадом! Желая воспрянуть от омертвления страстей, возымеи внимательную мысль, попечение, неуклонную деятельность и ревность о ней. Веруй и уповай на Могущего показать силу Свою в наших немощах, Благодатью Своей, Бога – и спасешься.

Господи, мы не держим в «рабочем» состоянии внимательную мысль, попечение, неуклонную деятельность и не ревнуем о ней. Потому-то и с горечью видим, как страсти сковывают и умерщвляют нас. Прости нас, Господи, за это и помоги воспрянуть от омертвления страстей.

Чадом! Чтобы избавиться от рассеяния мысли во время молитвы, тебе следует молясь устами, молиться и умом, устремляя ум свой в силу слов молитвы. Если по немощи или прилогу вражью увлечешься среди молитвы размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, воздохни с сокрушением ко Господу и с большим жаром углуби свое внимание в молитву; всегда поступай так и ощутишь пользу. Постоянство ума и бодрственность привлекают в душу особенные дары благодати Божией.

Господи, в молитвенном труде от нас требуется умение устремлять свой ум в силу слов молитвы. Господи, прости, что, молясь устами, мы не всегда молимся и умом. Бывают у нас случаи, когда по немощи или вражью прилогу мы во время молитвы увлекаемся размышлением о каком-либо предмете. Прости нас, Господи, за эту неосмотрительность; прости, что

при этом не воздыхаем с сокрушением к Тебе, нашему Спасителю, и не углубляем внимания своего в слова молитвы. Прости, что не отслеживаем той пользы, которую приносит подобный труд; прости, что, не имея постоянства ума и бодрствования, лишаем проникновения в нашу душу особенных даров Твоей, Боже наш, благодати.

6. Священное рвение в борьбе со страстями

Чад! Решительно сражайся с ленью, чтобы победить ее. Скоро восставай против нее с твердым намерением, хотя и не без внутренней болезни, и с помощью Божией одерживай над ней победу. Отражать врага есть знак верного и доброго воина, но обращать хребет свойственно одному ленивому и недостойному оруженосцу. До самого гроба наблюдай за собой относительно этого порока, чтобы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца.

Господи, лень – это один из злейших врагов нашего спасения. Мы замедляем в борьбе с ней, и плоды победы оставляем за нею. Господи, прости нас, что не имеем твердого намерения победить ее. Господи, мы не присягаем Тебе быть верными и добрыми воинами в борьбе с нею, и потому, как ленивые и недостойные оруженосцы, обращаем к ней хребет свой. Прости нас и помоги до самого гроба наблюдать за собой относительно этого порока.

В Священном Писании сказано, что верному до смерти даст Господь венец жизни (ср. Откр. 2, 10). Значит, дается венец только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, не оставлять оружия даже в минуту самых ужасных опасностей и не предает сердца своего врагу. Таковой хотя и бывает иногда повержен, однако не ослабляет своего священного рвения и никогда не теряет надежды; а потому, успевает или не успевает, за одно свое намерение и непреклонность венчается, как добрый воин, стремившийся к небесной почести.

Господи, здесь старец говорит о том, чтобы каждый в борьбе со страстями был верен до смерти, и тогда он увенчается венцом жизни. Господи, прости нас, что мы на борьбу со страстями не выходим с подобной установкой и не ожидаем с ее помощью получить «венец жизни». Выходя на единоборство со страстью, мы не запасаемся для борьбы желанием вести ее до последнего издыхания, не оставлять

оружия даже в минуту крайней опасности и не предавать сердца своего врагу. Прости нас, Господи.

При осознанной борьбе со страстями мы забываем, если бываем повержены, о священном рвении и теряем надежду на победу и на то, что в любом случае за одно свое намерение и непреклонность достичь небесной почести мы не потеряем своей награды. Господи, прости нас, что не укрепляем в себе решимость быть добрыми воинами.

Чадод! И ты не сможешь избежать борения, приходящего от духа уныния. Как только ты это поймешь, уясни для себя причину этого борения – ты, вероятно, увлекаешься к нему собственной волей, ибо не оставляешь самораспоряжения и не стремишься выполнять предприятия и дела с благословением. Только с благословением ты пожнешь мир душевный и прочие плоды Святого Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать невыносимой тяжести уныния.

Господи, дух уныния – еще один враг, который воюет на нас. Условия для окружения и вхождения его в наше сердце создаем мы сами: мы притягиваем его к себе склонностью к самораспоряжению и твердым навыком все свои предприятия и дела совершать без благословения. Господи, прости нас, что дух уныния мы привлекаем в свою жизнь сами, собственной волей. Господи, помоги нам все делать с благословения духовника и тем пожинать мир душевный и другие плоды Святого Духа. Господи, помоги нам быть готовыми оставлять свою волю и тем избегать невыносимой тяжести уныния.

Чадод! Помни, как только утихнут свирепствующие волны страстей, то на их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестная любовь, которые приосенят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь в подвигах послушания непрерывное внимание и неослабное самонаблюдение, то уподобишься мудрым девам и внидешь в чертог бессмертного Жениха.

Господи, мы не ждем от Тебя ясности мыслей, тишины помыслов, кротости духа, нелестной любви на том месте, где утихают страсти, не видим в этом Твоей к нам милости. Только при этом условии мы сможем пребывать в подвиге послушания,

сохранять непрерывное внимание и неослабное самонаблюдение. Господи, прости нас, что сознательно не извлекаем пользу от утихомиривания своих страстей, что не видим и не ждем от победы – ясности мыслей, тишины помыслов, кротости духа и нелестной любви, которые Ты посылаешь нам. Помоги, Господи, обрести в себе эти добродетели и, подобно мудрым девам, войти в Твой бессмертный Чертог.

Чадо! Вслушайся в глас тайнозрителя: «Се, Жених грядет в полнощи!» Блюда же, да не отягчишь сердце твое унынием. Воздай славу Господу Богу нашему, *доколе Он еще не навел темноты* (Иер. 13, 16). Гряди во имя Господне, путем самоотвержения, если желаешь истинно спастись.

Господи, мы не приучаем себя вслушиваться в слова тайнозрителя: «Се, Жених грядет в полнощи» и потому не оберегаем свое сердце от уныния. Прости нас, Господи, и сохрани нас от «наведения (на нас) темноты», и дай нам мудрость путем самоотвержения унаследовать спасение.

Чадо! Уныние преследует всех, даже в великих подвижниках может оно погубить спасительные плоды трезвения. Поэтому нужно внимание к себе и постоянство на пути подвижничества. Кто отвергся себя и стезею послушания идет с упованием на Бога, тому о чем унывать? В таковом иноке *врагу оскудеши оружия в конец* (Пс. 9, 7).

Господи, уныние – это враг каждого человека от новонаначального до великого подвижника. Цель уныния – нанести урон спасительным плодам трезвения. Уныние и наш враг. Нам необходимо противопоставить ему в битве внимание к себе и постоянство на пути подвижничества. Господи, прости, что этим приемам борьбы мы плохо обучены или же считаем их очень простыми, чтобы пользоваться ими, и помоги, чтобы оружие против этого врага – отвержение себя и послушание с упованием на Тебя, нашего Бога, – не оскудели в нас до конца.

7. Врачевство, истребляющее грех

Чадó! Врачевство, истребляющее грех, именуется покаянием. Оно есть небесный дар и чудесная сила, которая, по милости Божией, превозмогает возмездие за преступление закона. Вот почему оно не отвергает блудника, не отгоняет прелюбодея, не отвращается пьяницы, не гнушается идолослужителя, не презирает укорителя, ни хульника, ни гордого, но всех переменяет, ибо покаяние есть горнило, полностью очищающее любой грех.

Господи, покаяние и для нас – врачевство, потребляющее грех, лекарство, освобождающее сердце от греховной тяжести. Сила этого лекарства – в Твоей, Боже наш, благодати, которая возмездие за преступление закона от нас отводит и освобождает от отрицательных его последствий. Господи, прости нас, что этим небесным даром и чудесной силой мы в полной мере не пользуемся, о грехах говорим, а исправления своей жизни согласно заповедей Твоих не являем.

Чадó! Наша настоящая жизнь есть время покаяния. Великая опасность предстоит нам, обремененным грехами, если покаянием не предотвратим вечного наказания, *не предварим лице Его в исповедании* (Пс. 94, 2) и не угасим пожар греховный слезами раскаяния и умиления. Велик огонь греха, но угашается слезами.

Господи, мы, хоть и считаем настоящую жизнь временем для покаяния, но фактически уделяем ему только те часы, в которые готовимся к исповеди и Причащению. Прости нас за это, Господи. Ежедневно не всем нам удается задумываться о великой опасности, подстерегающей согрешающего человека. Предотвратить ее мы можем только покаянием, исповеданием пред лицом Твоим и слезами покаяния. Господи, прости нас, что сами разжигаем в себе пожар греховный и не гасим его слезами покаяния и умиления. Освободи нас, Господи, от вечного наказания за грехи.

Чадó! Бог не требует долгого времени к покаянию. Грешник, как только в истинном сокрушении объявит грех свой, так и

оправдается, как только искренно покался, так и помилован стал. Не время удовлетворяет правде Божией, но усердие кающегося уничтожает грех; ибо один человек, долгое время проводящий покаянную жизнь, может не получить спасения, а другой, за короткое время искренно покайся, может освободиться от греха.

Господи, Ты открываешь нам, что в покаянии не долгота времени является определяющим началом, а истинное сокрушение с объявлением греха своего. Правде Твоей, Господи, удовлетворяет наше усердие к покаянию. Господи, проси нас, что возможность и в краткое время искренно каяться мы лениво отвергаем, и грех остается с нами.

Чадó! Бог долготерпит нашим грехам, чтоб согрешающий покался. Апостол Петр пишет: *Господь... долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию (2Петр. 3, 9)*. Человек, даже всю свою жизнь проведенный во грехах, будет спасен, если покается. Только следует веровать в крестные заслуги Сына Божия и надеяться на Его человеколюбие. Поелику покаяние привлекает милость Божию, а человеколюбие Божие безмерно и Благодать Его неизреченна.

Господи, Ты долготерпишь нашим грехам, чтобы мы имели возможность покаяться. Прости нас, ибо мы забываем об этом и грехи свои Тебе не открываем. И еще, Господи, принося покаяние ради своего спасения, мы не уделяем должного внимания заслугам Твоим, Сыне Божий, и слабо надеемся на Твое человеколюбие. Прости нас и сподоби помнить, что человеколюбие Твое безмерно и благодать неизреченна к прощению наших согрешений.

Чадó! Наша злоба имеет меру, а преизбыток спасающей благодати меры не имеет. Каков бы ни был наш грех, он есть грех человеческий, и неизреченное милосердие Божие всегда сильнó преодолеть нашу злобу, в какой бы степени она, по нашей немощи, ни развилась. *А когда умножился грех, – говорит святой апостол, – стала преизобилывать благодать (Рим. 5, 20)*. *Остаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак (Рим. 6, 1)*.

Господи, старец убеждает нас помнить, что Твоя спасающая благодать меры не имеет. Милосердие Твое имеет силу преодолеть нашу человеческую злобу. Господи, прости, что мы слабо надеемся на преизбыток Твоей благодати, когда греховная тяжесть приклоняет нас к земле и не дает нам возможности возвести сердца свои «горé» и умолять Тебя о прощении.

Чадó! Нам необходимо знать, что не место спасает человека, но добронравие и сердечное произволение. Адам, и в раю живя, согрешил, а Лот и в Содоме спасся; Иов на гноище заслужил оправдание, а Саул, и в чертогах царских находясь, лишен царствия настоящего и будущего. Спаситься возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся.

Господи, прости нас, что часто забываем, что не место спасает нас, а добронравие и сердечное произволение. Господи, помоги нам спастись на всяком месте и при всякой доле.

Чадó! Бог более всего отвращается *надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея* (Сир. 25, 4). Отвращается еще и памятозлобного человека, надменного сердцем и гневливого душой. Хотя бы мы были и довольно праведны, но если памятозлобствуем, то все дела наши тщетны и бесплодны и спасения получить не можем. А потому всякую вражду непременно должно уничтожать и всегда *иметь мир и любовь со всеми, без которых никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14).

«Господи, – говорит пророк Давид, – не отврати лица Твоего от Мене и уподоблюся нисходящим в ров» (Пс. 142, 7). Этими «нисходящими в ров» старец называет надменного нищего, лживого богача, старика-прелюбодея, человека памятозлобного, надменного сердцем и гневливого душой. Как дети, возрастая, частично бывают похожи на разных своих родственников, так и мы, Твои дети, Господи, временами бываем похожи на «нисходящих в ров». Прости нас за это, Господи, за память об этих злых людях, которой мы вытесняем

из своего сердца память о Тебе, Боге и Спасителе нашем. И помоги, Господи, всегда иметь мир и любовь со всеми.

Чад! Случается, что человек, не употребляющий вина, бывает пьян, а пьющий вино имеет трезвость. В Писании упоминается *опьяневший, но не от вина* (Ис. 51, 21). Без вина упивается тот, кто выходит из благочестивых порядков жизни и не удерживает буйства страстей богомудрым рассуждением. Можно и употребляющему вино быть трезвым душой и добрым во всех душеспасительных делах: ибо если бы это было невозможно, святой апостол Павел не дал бы святому ученику своему, апостолу Тимофею, такого совета: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1Тим. 5, 23).

Господи, случается и нам вести себя как «опьяневшим, но не от вина» (Ис. 51, 21), ибо и мы умом своим часто исходим из благочестивых порядков жизни и не удерживаем буйства страстей богомудрым рассуждением, Прости нас за это, Господи, и помоги так употреблять вино, чтобы оставаться трезвыми душой и добрыми во всех душеполезных делах.

Чад! Пьянство не что иное есть, как исступление естественного ума, превращение сердца, оскудение смысла, лишение разума. И все это не от одного винного пьянства происходит, но и от пьянства ярости и непорядочного похотения.

Господи, как же сильно преследует нас пьянство, но не от вина. Плоды его весьма печальны для нас: мы можем от него терять разум (исступление естественного ума), подвергаться сердечному изменению под давлением страстей, наши речи могут оскудевать смыслом, и мы даже можем оказаться на больничной койке из-за лишения разума, которые производит в нас пьянство ярости и непорядочных похотений. Прости нас, Господи, за «запьянцовское» поведение.

8. Сущность человеческой добродетели

Чадó! Добродетель человека, в своем существе, есть любовь к Богу, знание самого себя и честность в отношении к ближним. Потому не составляют ее ни богатство (да не боимся нищеты), ни здоровье тела (да не страшимся болезни), ни народное мнение (да не вменяем в бесчестие злословие), ни жизнь (да не ужасна будет смерть). Добром именуется беспристрастие к разным вещам, а потому уклонившийся от мира ради Господа уже более не должен прилепляться к мирским вещам, потому что исчезнувшие страсти удобно опять возвращаются в человека.

Господи, высказанное старцем определение добродетели для нас в известной мере ново. Мы не умеем в добродетели вычленять важные составные компоненты: любовь к Богу, знание самих себя и честность в отношении к ближним. Господи, прости нас за неосмысленное понятие о добродетели. Никакие производные страхи: боязнь нищеты, опасение за свое здоровье, вменение себе в бесчестие злословия, страхования смерти не должны стать препятствиями на путях ее совершения, как это происходит у нас. Господи, прости нас за отыскивание ложных причин для уклонения от добродетели, за пристрастие к разным вещам. Господи, прости нас: мы, отрекшись от мира, разрешаем себе снова прилепляться к мирским вещам, забывая, что исчезнувшие страсти удобно через них овладевают нами.

Чадó! Оставившему мир для блага души необходимо избрать для жительства такое место, где нет суетных утешений и нет пищи для тщеславия и гордости. Если же останемся с теми же страстями, как и прежде, то подобно птицам будем только перелетать с места на место, нисколько не прибавляя в сокровищницу души духовных благ, необходимых для вечного нашего спасения. В избранном месте полезно также скрывать свое благородство и не величаться ни богатством, ни знатностью.

Господи, желая оставить мир ради спасения души, нам следует избирать такое место, где нет суетных утешений и пищи для тщеславия и гордости, чтобы удобнее было неразвлекаемо собирать духовные сокровища для спасения своей души. Господи, прости нас, что, подобно птицам, перелетаем с места на место и теряем способность видеть и умножать в себе духовные блага.

Чадо! Непостоянство сердца и перемена мест не из послушания привлекают к монаху соблазны и бедствия. Склонные к переходу с места на место часто сами не знают, чего ищут. Если они ищут, как и подобает монаху, подвигов самоотвержения, то зачем бегут от них? Если же они ищут убежать от них, то где с ними не встретятся? Для монаха место или обитель, в коей он обитает, да будет гробом, а из гроба никто до общего воскресения не исходит. Знай притом, что когда мы, намереваясь перейти с одного места на другое, чувствуем внутри себя борьбу, то это да будет знаком, что на прежнем месте наше служение было угодно Богу.

Господи, непостоянство нашего сердца и желание к перемене мест не из послушания весьма нам бесполезны, ибо привлекают к нам соблазны и бедствия, лишают нас подлинного знания, чего мы ищем. Прости нас, Господи, что бежим, переходим с места на место, ища самоотвержения не там, где надо, и пытаемся выйти из гроба, которым является место нашего обитания до всеобщего воскресения. Прости нас, Господи за склонность к перемене мест.

И еще, Господи, мы не уяснили себе определенный подвигом отцов знак: внутренняя борьба видя при желании переменить место свидетельствует, что прежнее место служения было угодно Тебе, нашему Богу и благому Руководителю нашей жизнью.

Чадо! О наносящих тебе оскорбления должно думать как о друзьях, содействующих нашему улучшению, а об озлоблениях, наносимых ими, надобно знать, что они очищают нашу душу от страстей. Часто люди, когда нас в лицо бранят обидными словами, открывают чрез это наши недостатки и таким образом возбуждают в нас желание исправиться.

Господи, на оскорбляющих нас мы не умеем смотреть как на друзей, содействующих нашему улучшению, их озлобления против нас мы не считаем средствами к очищению наших душ от страстей. Господи, прости, что наши недостатки, ими открываемые через брань, не побуждают нас к исправлению.

Чадó! Никогда не слушай клевет и не уважай того, кто клеветает на ближнего; лучше сказать таковому: «Перестань, брат, я сам ежедневно еще в более тяжелые впадаю грехи, а потому не могу и не должен никого осуждать». Этими словами, как целебным лекарством, исцеляются две болезни – в себе и в ближнем.

Господи, встречаясь в своей жизни с клеветой и клеветущими людьми, мы, вопреки этому совету, прислушиваемся к ним и тем выражаем им уважение. Господи, прости нас и за то, что слушаем клевету, и что не останавливаем клеветущего.

Чадó! Многоглаголие побеждай познанием того, что многоглаголие есть знак невежества, истребление сердечного умиления и рассеяние мыслей. Любящий ходить по распутьям выгоняется из храмины души своей своим же многоглаголием. Редкие могут удержать воду без плотины, редчайшие – обуздать свои невоздержные уста. Молись со усердием Богу: *Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих!* (Пс. 140, 3).

Господи, Ты даешь нам возможность через совет старца уразуметь те потери, которые приносит нам многоглаголие: это и невежество, и истребление сердечного умиления, и рассеяние мыслей, и изгнание себя из храмины души своей своим же многоглаголием. Прости нас, Господи, что не умеем обуздывать свои невоздержанные уста, прости, что оставляем молитву о хранении наших уст, как учит этому пророк Давид.

Чадó! Знай также, что только изнуривший свое чрево силен заградить уста свои. Ибо от невоздержания в пище и питии усиливается язык, а потому всеми силами должно сражаться с чревом своим, побеждать его и всячески трезвиться.

Господи, дверью ограждения для наших уст является изнурение своего чрева. Прости нас, Господи, что

невоздержанием в пище и питии мы усиливаем возможности языка к многоречию. Прости, что не сражаемся с чревом своим, не побеждаем его и всячески не трезвимся.

Чадод! Чревообъедение и неумеренность есть причина многих наших зол и елей для пламени страстей. Оно было причиной падения Адама, гибели Исава, пагубы израильтян, обнажения Ноя, истребления Гоморрского, кровосмешения Лота и смерти сынов первосвященника Илия. Всю жизнь свою не должно верить воплям брэнной своей плоти, ни надеяться на воздержание, требуемое природой телесной; не должно думать, что мы очень осторожны в своей жизни и поэтому не можем впасть в излишество. Только пост и молитва суть действительные средства к возвышению духа и его бодрственности в обуздании плоти.

Господи, чревообъедение и неумеренность всегда готовы проявлять себя и в нашей жизни. Господи, прости, мы слишком много доверяем своей брэнной плоти, теряем воздержание и не дружим с осторожностью, чтобы не впасть в излишество. Господи, помоги помнить, что только пост и молитва могут действительно содействовать возвышению нашего духа и дают способность обуздывать нашу плоть.

Чадод! Ничто не может так смирить нашу надменность, как искреннее послушание и сидение своим умом у ног Спасителя. Мы являем себя прямыми боголюбцами, когда «горé имеем сердца», всемерно убегаем горделивой высоты и своей опорой имеем духовную скудость, приписывая Благодати Божией все свои добрые успехи.

Господи, нашу надменность может смирить только искреннее послушание и сидение, подобно евангельской Марии, своим умом у Твоих ног, Спаситель мира. Господи, прости, что «приемы» борьбы с надменностью нам незнакомы. Мы еще очень далеки от глубокой любви к Тебе, ибо не всегда имеем свои сердца «горé», не избегаем горделивой заносчивости и не приписываем действию Твоей благодати все свои добрые успехи. Господи, прости нас за отсутствие глубокой любви к Тебе по указанным причинам.

9. Скрижаль послушания

Чадó! Убедись, что время всегда одинаково, равно и природа людей одна. На людей не время действует или споспешествует развитию сил духа, а произволение и собственное их сердце. Кто истинно и вправду хочет спастись, того ни время, ни место, ни обстоятельства жизни, одним словом, ничто не совратит с евангельского пути. Бог всегда был, есть и будет Богом спасения. Так же были, есть и должны быть до последнего дня люди ангельской чистоты. Мир не мог бы стоять, если бы во всяком роде и в каждом периоде времени не было таких людей, которые силой молитв своих служат оплотом человечества и ходатайствуют пред Божиим милосердием за грешных собратий.

Господи, мы не всегда задумываемся, что время одинаково, как и природа людей одна. И что развитию сил нашего духа споспешествуют наше произволение и сердце, независимо от времени и места. Господи, прости нас, мы позволяем себе не соглашаться с этим утверждением и потому сворачиваем с евангельского пути.

Господи, Ты во все времена был Богом нашего спасения и всегда соблюдал среди рода человеческого людей ангельской чистоты, чтобы они силою молитв своих были оплотом человечества и ходатайствовали пред Твоим милосердием за грешных собратий. Господи, прости, что вера в это положение вещей у нас слаба, и в трудных обстоятельствах мы из-за этого теряемся среди искушений и унываем.

Чадó! Никакое дело святое, предпринимаемое с чистой и святой целью, не противно обетам монашества. Кто ради спасения своей души странствует по святым местам, тот получает великую пользу. Он молитвой своей ко святым, именами которых прославлены самые места их земного жительства, снискивает себе в них сильных помощников и теплых предстателей пред Богом и здесь, и в день последнего Суда.

Господи, совет старца учит нас делать дела святые, у которых есть чистая и святая цель и которые совершаются ради спасения нашей души. Именно такие дела не идут в разрез с обетами (крещения, монашества, иерейского служения) и приносят нам пользу. Господи, прости нас, что не даем себе труда совершать святые дела с чистой и святой целью и ради спасения своей души. Именно в этом состоит суть паломничества по святым местам. Господи, прости нас, ибо мы не посещаем мест, прославленных жителем святых. Господи, мы молитвенно не обращаемся к ним, чтобы они отныне стали нашими сильными помощниками и теплыми предстателями за нас пред Тобою. Господи, прости нас, что мы часто паломничество подменяем туризмом и не пользуемся для достижения спасения примерами тех святых, по местам жительства которых мы совершали паломничества.

Чадод! Самая лучшая книга для чтения – это скрижаль послушания. В ней все написано для нашего спасения: пост, вретище, пепел, слезы, исповедь, молчание, смирение, бдение, мужество, мороз, труд, бедствие, унижение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, ласковость, простая и нелюбопытная вера, небрежение о мире, оставление его благ, бесстрашие, простота с незлобием, самопроизвольное презрение себя. Кто успешно изучает эту скрижаль, тому не вредна никакая книга, исполненная мудрости и читаемая смиренными подвижниками.

Господи, нам малознакома книга, именуемая скрижалю послушания. В ней все написано для нашего спасения. Но, к сожалению, практическое освоение языка, слов и понятий этой книги, без духовного руководства, остается нам почти недоступно. Господи, прости нас, что без усердия изучаем эту скрижаль, и потому не достигаем той мудрости, которой через нее достигали смиренные подвижники.

Чадод! Коварство злых духов столь многообразно и непонятно, что не много находим таких, которые разумеют сатанинские помышления. Действительно, от чего это бывает, что мы иногда, постясь и плоть свою изнуряя, бедственно погружаемся в сон? Или каким образом, будучи в безмолвии,

ожесточаемся, а в обращении с людьми бываем умиленны? Когда бываем тощи, искушение претерпеваем во сне, а когда пищей удовольствованы, без искушения остаемся? В молитве являемся рассеяны и жестокосерды, а когда бываем в умилении, внутренне этим превозносимся? Да внимаем себе, чтобы не быть нам поруганными от истинного врага нашего.

Господи, из наставления старца мы видим, что злые духи своими многообразными уловками так заводят нас в тупик, что от нелогичности их мыслей мы приходим в недоумение и унываем. Господи, прости нас, что не внимаем себе и часто из-за этого бываем поруганы от истинного врага нашего. Господи, окажи нам Свою милость и дай способность уметь распознавать сатанинские помышления и благодатью Твоею удалять их из своего сердца.

Чадо! Змея своей старой кожи не может совлечь с себя, если не проползет сквозь тесную скважину или ущелье. И мы не можем совлечь с себя застарелых своих к грехам привычек и греховной одежды ветхого человека, если не будем ходить по тесному и прискорбному пути пощения и самоотвержения.

Господи, Ты говоришь нам в святом Евангелии: «Будьте мудры как змеи...» Змеи умеют совлекать с себя свою старую кожу, подавая нам пример мудрости. И нам, имеющим застарелые привычки к грехам и греховной одежде ветхого человека, необходимо совлекать их, как змея кожу, проходя по тесному и прискорбному пути пощения и самоотвержения. Господи, прости нас, что не ищем указанной мудрости в самоотвержении и обновлении своей жизни.

Чадо! При молитве не мудрствуй своими словами, но и не возбраняй устам словес, истекающих из чистого и распаленного молитвой сердца, ибо часто простой и нехитрый детский лепет бывает приятен Небесному Отцу. Многоглаголанье при молитве не приносит пользы, ибо Божественное Писание очевидно уверяет, что и мытарь умилиствовал Бога, и разбойник спасся кратким речением, произнесенным с верой.

Господи, нам иногда хочется на молитве молиться своими словами, мудрствовать в них, прости нас. Иногда же словам, истекающим из чистого и распаленного молитвой сердца, мы

боимся дать свободу и не отступаем от записанного молитвенного правила. Господи, прости нас, возбраняющих своим устам говорить слова чистые и пером молитвенного сердца подсказанные. Господи, прости нас и за многоглаголение при молитве, что не всегда приводит нас ко спасению. Помоги, Господи, нам помнить, что мытарь умиловил Тебя, нашего Бога, и разбойник спасся кратким речением, произнесенным с верой.

Чадо! Когда тебя просят помолиться о спасении другого, то ты не отрицаться от этого, как нестяжавший еще дара молитвы. Часто вера того, кто просит, спасает его при его старании исправить свою жизнь.

Господи, прости нас за отсутствие у нас молитвы за другого по причине отсутствия, как нам думается, дара молитвы. А оказывается, вера просящего спасает его при старании его исправить свою жизнь. Господи, прости, что в просьбе другого о молитве мы не видим его веры и старания исправить свою жизнь.

10. Научение быть добрыми и достойными чести

Чадó! Души людей, зараженных страстями, подобны различным водным вместилищам. Так души чревоугодников и винопийц подобны грязным и зловонным водам, а души сребролюбцев и любостяжателей – водам, наполненным жабами и разными кровожадными насекомыми; души гордых и завистливых подобны водам, в которых витают змеи. Гордый разум подобен гнилой воде: никому не хочется почерпнуть оттуда, по причине гордости нрава и зловония нечистых дел.

Господи, мы призваны иметь представление о душах людей, зараженных страстями, по аналогии с резервуарами, наполненными водой. Господи, прости, что при взаимодействии с подобными людьми мы этими аналогиями не пользуемся и не остерегаемся почерпнуть оттуда воду. Содержимое этих вод представляет для нас определенную опасность. Так чревоугодники и винопийцы предлагают нам грязные и зловонные воды, сребролюбцы и любостяжатели – воду, кишашую жабами и кровожадными насекомыми; гордые и завистливые предлагают нам воду, в которой витают змеи. Господи, прости, что при безразличном, неосторожном соприкосновении с ними мы подхватываем «вирусы» указанных страстей и не можем источать из себя чистые «реки воды живой». И еще, Господи, прости, что наш гордый разум, подобно гнилой воде, не располагает людей почерпнуть из него воду, по причине гордости нрава и зловония нечистых дел. Господи, помоги нам быть осмотрительными и богомудрыми при допуске этих людей в свою жизнь.

Чадó! Когда увидишь человека по жизни развратного, а по словам соблазнителя, то вспомни о змие, о котором говорит Писание: *Змей же был мудрее всех зверей, сущих на земле* (ср.: Быт. 3, 1), и не последуй, подобно Еве, его злым обаяниям. Эта мудрость и ему во вред, потому что не сопровождается добродетелью и должна устрашать всякого невинного и неопытного как самая губительная, смертоносная язва.

Господи, для нас не новость, что бывают люди по жизни развратные, а по словам соблазнитель. При виде таковых старец советует вспомнить о змие, прельстившем Еву, и не следовать его злему обаянию. Господи, прости нас, что, внимая злой мудрости обольстителя, мы наносим вред и развратному по жизни человеку, не подталкивая его к доброделанию, и своими словами не устрашаем всякого невинного и неопытного, уподобляя слова обольстителя губительной и смертоносной язве.

Чадо! Ты – инок и нисколько не стесняйся, что при всем твоим добром поведении тебя не достигает заслуженная почесть.

Знай, что честь не в нашей власти, в нашей власти только возможность сделаться достойными ее. Лучше стараться о том, чтобы быть достойными истинной похвалы от братии, избегая всячески гласного ее изъявления. Ничто не делает нас более достойными чести, нежели равнодушие к мнению людей, соединенное с пламенным желанием поступать право и делать добро. Поэтому должно учиться быть добрыми и достойными чести и вместе равнодушными к ней.

Господи, бывают у нас минуты, когда, как предвестник уныния, в нашем сознании появляется мысль, что при добром поведении нас стороной обходит заслуженная почесть. И мы теряемся, забывая, что она – не в нашей власти, и мы недостаточно старались сделаться достойными ее. Господи, прости, что по временам нам хотелось иметь похвалу от братии, и мы даже не избегали гласного об этом изъявления. Господи, только равнодушие к мнению людей, соединенное с пламенным желанием поступать право и делать добро, может делать нас достойными чести. Господи, прости, что не учимся этому.

Чадо! Духовным отцам не должно объявлять преступлений грешника, чтобы не отнять у него средства ко спасению, поселив в нем боязнь к святому Таинству Покаяния. Не следует этого делать и потому, чтобы выше силы не обличить грешника тогда, когда он после подробного исповедания грехов своих получает непосредственное прощение в них из уст самого же духовного отца.

Господи, прости нас, что иногда мы испытываем боязнь к святому Таинству Покаяния, сомневаемся в долге духовника хранить тайну исповеди и в его власти прощать наши грехи. Господи, подавай нам твердое, основанное на вере убеждение, что Покаяние – единственный путь к нашему спасению.

Чадо! Наблюдай за отношением настоятеля к тебе, чтобы понять: не снисходит ли он к твоим порокам, под видом человеколюбия и кротости. Не потворствует ли он и не прельщает ли тебя, к духовной ли ведет пользе. Уясни себе, что для засыпающей во грехе твоей совести такое потворство уготовляет мягкое возглавие.

Господи, у каждого из нас есть немощи, и настоятель может к ним относиться по-разному: снисходить к ним или строжить, ведя к духовной пользе. Когда он снисходит к нашим порокам, потворствует и прельщает нас, то подумай: для нашей засыпающей во грехе совести, не будет ли оно мягким возглавием, размягчающим нашу волю для борьбы с пороком? Господи, прости нас, что ищем себе не строгого настоятеля, а потворствующего нам в духовном бездействии.

Чадо! У святых мужей *любовь никогда не перестает* (1Кор. 13, 8). Но для усовершенствования искушаемых в терпении, братолюбии и самоотвержении и праведные мужи входили иногда в разногласие между собой, не выходя, однако, из своего незлобия и искреннего благожелательства. Причиной таких разногласий могли служить чудные сплетения обстоятельств и недоразумений, вмешательство чужих нечистых страстей. И даже воодушевление любовью, смирением, безусловным послушанием воле Божией и бескорыстное служение благу своих ближних не останавливало их. Это впрочем есть один из высших крестных подвигов мужей высокой святости, недоступный плотскому суду и разумению человеческому.

Господи, дивны дела Твоих святых мужей, ибо их «любовь не перестает», даже если они «нестандартно» ведут себя при несении подвигов высокой святости. Господи, прости нас, что мы не знаем и не ценим людей высокой святости и дерзновенной рассудительности.

11. Желание приобрести добродетель

Чадо! Желая приобрести добродетель, ты должен прежде возненавидеть противное ей зло. Ты хочешь иметь печаль о Боге и плач, тогда должен возненавидеть суетные радости и смех. Хочешь быть воздержанным? Возненавидь пресыщение. Хочешь быть целомудренным? Возненавидь сладострастие. Хочешь быть милостивым? Возненавидь сребролюбие. Желающий жить в пустыне, подвизаться в безмолвии пусть возненавидит суету и гордость житейскую. Желающий не развлекаться пусть пребывает в уединении. Желающий удержать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желающий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит самомнение и тщеславие, возлюбит скорби и тесноту и тогда искренно может служить Богу.

Господи, приобретать добродетели – огромное наше желание, которое приводит нас к желаемому результату, если предваряется ненавистью к противоположному ей злу. Под ним понимаются: суетные радости и смех, пресыщение, сладострастие, сребролюбие, суета и гордость житейская, всякого рода развлечения, склонность без разбора слушать многое, самомнение, тщеславие, ленивое избегание скорбей и тесноты. Господи, прости нас, что еще не научились с ненавистью относиться к указанному злу и потому мало успеваем в качественном доброделании.

Чадо! Если тебя смутит помысл, что ты напрасно отрекся от мира и не можешь спастись в монастыре, то знай, что у тебя два пути: войти в землю обетованную или же возвратиться в Египет. И хотя грехи наши и препятствуют нам войти в землю обетованную, однако же, лучше ходить (странствовать) по пустыне, чем возвратиться в Египет.

Господи, и у нас часто возникает подобный помысл, который говорит нам: в этом месте или на старой работе мы не можем спастись. И мы унываем. Прости нас, Господи, и помоги в эти минуты вспоминать, что лучше странствовать по пустыне, чем возвратиться в Египет.

Чадо! В каком бы состоянии ты ни жил, знай, что по вере в заслуги Христа Спасителя и при помощи Его Божественной Благодати ты будешь идти ближайшим путем спасения, только следуй примеру святых отцов. Если до конца пребудешь в истинной вере, любви и уповании на Бога, то придешь наконец туда, где все лики святых отцов, и будешь участвовать с ними вечно в радостях небесных.

Господи, вера в Твои, Христе, заслуги и надежда на Твою Божественную Благодать дает нам возможность идти ближайшим к спасению путем. Надо только следовать примеру святых отцов. Господи, прости, что и вера в Твои, Христе, заслуги в нас слаба и надежда на Твою Благодать хрупка. Господи, помоги нам до конца пребыть в истинной вере и уповании на Тебя, Бога нашего, и сподоби участвовать в небесных радостях.

Чадо! Самая труднейшая добродетель в подвижничестве – молиться Богу непрестанно. Как только ты захочешь молиться, враги будут стараться отвлечь тебя, ибо знают, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ты ни предпринимал, после усиленного труда ты получишь удовольствие, а молитва, хотя и доставляет по временам небесные и святые утешения, но до последней минуты жизни подвижника требует от него бдительности. Чтоб неослабно иметь побуждение к молитве, ты, инок, должен непрестанно внимать себе и обличать душу свою, говоря: «Увы мне! Как я предстану на Суд Христов, и чем буду оправдываться перед Ним?» Если всегда будешь так размышлять, можешь спастись.

Господи, молиться Тебе, Богу и Спасителю нашему, непрестанно – это, по словам старца, в подвижничестве – самая труднейшая добродетель, ибо при любом желании молиться враги стараются отвлечь нас от молитвы. Они знают, что молитва к Тебе, Богу нашему, противодействует им в их кознях, направленных к нашей гибели. Господи, прости нас, что в совершении этой труднейшей добродетели мы упражняемся мало, забываем и оставляем молитву, так что она лишается статуса «непрестанной».

Господи, молитва от нас требует бдительности до последней минуты жизни. И если усиленный труд в любом подвиге приносит нам успокоение, то в молитвенном подвиге никогда нельзя поставить точку. Как любовь никогда не перестает быть, так и молитва живет в нашем сердце трезвением. Господи, прости нас, мы забываем об этом и даем себе пагубное разрешение делать перерывы в молитвенном подвиге. Прости нас, что те, по временам приходящие от молитвы небесные и святые утешения, мы переживаем без трезвенной бдительности и думаем, что можем теперь дать себе отдых.

Господи, прости и за то, что не обличаем свою душу словами: «Увы мне! Как я предстану на Суд Христов, и чем буду оправдываться перед Ним?» Господи, помоги эти слова приводить себе на память и надеяться, что Ты нас спасешь.

Чадó! Ты хочешь, чтобы Бог услышал молитву твою, ты доброго дела желаешь. И это действительно произойдет, когда ты встанешь пред Ним и прострешь к Нему руки свои, и прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, от всего сердца своего помолишься о врагах своих. За это доброе дело Бог услышит тебя, если предмет молитвы Ему угоден.

Господи, чóдные дела Ты открываешь нам для того, чтобы Ты услышал нашу молитву к Тебе: нам надо встать пред Тобою, воздеть руки к Тебе и в первую очередь помолиться о врагах своих. И второе – соотнести предмет молитвы с Твоими велениями. Господи, прости, что эти условия молитвы мы выполняем невдумчиво и вообще забываем о них.

Чадó! Твоим сокровищем должна стать произвольная нищета, а драгоценным украшением – послушание. Имеющий послушание будет услышан Богом и с дерзновением предстанет перед Распятым, ибо воплотившийся Господь был *послушным даже до смерти* (Флп. 2, 8).

Господи, стремление к произвольной нищете и послушание помогают нам «в Тебя, Бога нашего, богатеть» и служат прекрасным украшением в нашем духовном возрастании. Господи, прости нас, что мы не спешим украсить сокровищницу своей души этими драгоценными вкладками. Господи, дай нам

дерзновение предстоять пред Тобою и быть послушными до смерти.

12. Очищение сердца от злых помыслов

Чадо! Пред Богом особенно драгоценны три подвига: Первый – приятие с благодарением новых искушений, когда предыдущие еще не оставили тебя. Второй подвиг – это старание вести свои дела сокровенно от людей, хранить их чистыми пред Богом, исключая из них суетные побуждения. Третий – обязывает нас пребывать в послушании своему духовному отцу и отказ от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих.

Господи, нам следует поставить себе на вид три эти подвига. Во-первых, при впадении в напасть не падать духом и быть готовыми к новым искушениям, благодаря за них Тебя, Бога и Спасителя. Господи, прости нас, ибо к этому подвигу мы не относимся с должным вниманием. Во-вторых, мы не умеем вести дела, приближающие нас к Тебе, сокровенно от людей, не храним их чистыми пред Тобою, наполняем их суетными побуждениями. Прости нас, Господи. И наконец, в-третьих, мы не пребываем в послушании своему духовному отцу и не отказываемся от своих желаний. Прости нас, Господи, за это.

Чадо! Среди ежедневных обязанностей инока есть одна, внимание к которой надо уделять каждодневно вечером. Эта обязанность связана с желанием и умением давать себе самому отчет о том, какие дела ты совершил с памятью о Боге, чтобы убедиться, что они из числа тех, каких требовал от нас Бог и не допустил ли дел, запрещенных Богом. Так ты должен проводить всю свою жизнь.

Господи, инок – это тот, кто дал обет верности Тебе, Богу нашему. И мы даем обеты во святом Крещении на верность Христу. Поэтому «смотри» своей верности мы должны совершать неопустительно каждый день вечером и убедиться, что эти дела мы совершили с памятью о Тебе, Господе и Спасителе нашем, и какие именно дела мы совершили из числа тех, которых Ты требуешь от нас, и не допустили ли дел, запрещенных Тобой. Господи, прости нас маловнимательных к своей жизни и часто не помнящих того, что мы сделали в истекший день. Господи,

прости, что мы не настраиваем себя именно так проводить всю свою жизнь.

Чадю! Составной частью этой обязанности является старание предстоять пред Богом каждый день и молиться Ему так, как бы ты был пред Ним лицом к лицу. Старайся не предписывать самому себе произвольно измышленных заповедей и никого не осуждать. Тебе должны быть чужды клятвопреступление, ложь, проклятие, обида и смех.

Господи, мы мало знакомы с каждодневной практикой стояния пред Тобою и молиться Тебе так, как бы мы были пред Тобою лицом к лицу. Прости нас. Господи, мы часто ловим себя на мысли, что сами измышляем для себя заповеди, которые способствуют осуждению ближних, прости нас. Господи, такие грехи как клятвопреступление, ложь, проклятие, обида, смех – не стали для нас чужими, мы с ними дружим, они стали содержанием нашей жизни. Прости нас и помоги, Господи, ежедневно работать над искоренением их.

Чадю! Иноки, живущие в пустыне, непременно каждую субботу и воскресенье приходят в церковь, ибо в Писании сказано: *Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже (Пс. 41, 2)*. Олени в пустыне едят много змей, и потом, когда яд змеиный начнет жечь их, они быстро бегут к воде, и, когда напьются, воспаление яда проходит. Так и иноков, живущих в пустыне, жжет яд злых помыслов, внушаемых бесами, и они с нетерпением ждут субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить к Телу и Крови Господней, чтобы очистится от скверн лукавого.

Господи, не случайно говорят, что монахи учатся у ангелов, а миряне у монахов. Эти слова и в высказывании старца получают подтверждение. Монахи непременно по субботам и воскресеньям неотложно приходят в храм, чтобы исповедоваться и причащаться Святых Христовых Тайн. И нам следует делать то же, ибо яд злых помыслов, внушаемых бесами, начинает нас жечь. Именно борьба с этими помыслами заставляет нас, как оленей к воде, бежать в храм, чтобы там, через участие в Таинствах и общей молитве, очиститься от

скверн лукавого. Господи, прости нас, что именно с этой целью – очистить сердце от злых помыслов – мы по воскресеньям и праздничным дням не спешим в храм.

13. Преодоление испытаний

Чадо! Уподобляй время поста пустыне, в которой нет постоянного жилища. Во время поста стремись вперед, доколе не достигнешь земли обетованной – духовного бесстрастия и единения с Богом. На пути тебе встретятся воды Мерры – уныние, душевная тягость и горечь. Повергай в них древо креста – живое размышление о страданиях Господа, за нас подъятых, – и горечь усладится. Нападут амаликиты – темные помыслы, нечистые пожелания? Ты простирай руки, подобно Моисею, во образ креста, к Спасителю, – и враг отразится. Будут угрызать змеи – внешние соблазны от мира и плоти? Паки подобно израильтянам, исцелявшимся от воззрения на вознесенного в пустыне змея, взирай на древо креста – и силой Распятого на нем исцелится всякая язва. Мы считаем дни говения, а там, на небе, уже сочтены дни нашей жизни. Будем бодрственны в подвиге, ибо мы трудимся ради своего спасения. Придет время, когда за день люди заплатят веком, целой вечностью.

Господи, Ты учишь нас воспринимать пост, как живой процесс духовного выживания в экстремальных условиях окружающего мира. Пост – это пустыня, в которой нет постоянного жилища и в которой все подчинено главной цели – войти в землю обетованную, достичь духовного бесстрастия и единения с Богом. Господи, прости нас, что такого подхода к посту у нас нет, и подобная целеустремленность нами не поддерживается.

Господи, прости нас и за то, что мы не готовим себя к разного рода испытаниям, которыми враг будет мешать нам достигать земли обетованной: это и горькие воды Мерры, и нападения амаликитян, и укусы змей. Господи, прости нас, мы не изучаем своего противника.

Господи, под водами Мерры подвижники подразумевают уныние, духовную тяжесть и горечь; под образом амаликитян они видят темные помыслы и нечистые пожелания, воюющие против нас; с укусами от змей они сравнивают внешние

соблазны от мира и плоти. Господи, мы еще не знаем в лицо этих врагов и пребываем в беспечности, не готовим себя к «боевым тревогам» по уничтожению «условного противника». Прости нас, Господи.

Господи, мы не имеем тех видов вооружения, которым побеждается враг. Так воды Мерры мы можем лишить их горечи погружением в них древа креста, то есть живым размышлением о страданиях Твоих, Господи, поднятых за нас. И горечь усладиться. Нападение Амалика мы должны побеждать воздействием к Тебе, Спасителю нашему, рук, подобно Моисею, – и враг отразится. Во время укуса змей нам необходимо взирать на древо Креста и силой Распятого на нем исцелиться всякая язва. Господи, мы мало вникаем во внутреннюю суть этого оружия, в секреты его действия. Прости нас.

Чадод! Всячески оберегай себя от объедения и пьянства. Они – начало и корень блуду и нечистоте, ходатаи и предуготовители вечной муки. От них тягость души, помрачение ума, воспаление плотской похоти, возгорание гнева, удобный приступ к нам беса, а Божественной любви отчуждение. Напротив, жизнь воздержанная и трезвая есть рай – еще на земле, тогда как растленная и греховная – есть величайшее томление души и ад на земле.

Господи, и мы должны давать себе труд, чтобы внимательно относиться к приему пищи и питья. Неумеренность в этом вопросе полагает начало и становится корнем блуду и нечистоте, а объедение и пьянство ходатайствуют и предуготовляют нам вечную муку, воспламеняют гнев, воспаляют плотскую похоть, создают благоприятные условия для пагубного воздействия на нас бесов и Божественную любовь делают для нас чужой. Господи, прости нас за то, что все эти признаки невождержания мы видим в своей душе и даже исправиться желаем, но результат исправления все-таки далек от нас. И получается, что жизнь воздержанная и трезвая, которая есть рай еще на земле, удаляется нами из круга наших интересов, а растленная и греховная – величайшее томление души и ад на земле – поставляется нами в центр желаний.

Господи, прости нас, что не ратуем за правильность своей жизни, за ее духовную зрелость.

Чад! Если бы грех наш, отчего сохрани Бог, превзошел всякую меру, и тогда не должны мы отчаиваться и безнадежно скорбеть, потому что нет греха, побеждающего милосердие Божие. Все наши грехи не сравняются с бездной щедрот нашего Господа, Который спасает нас туне милосердием Своим.

Господи, мы так приучены смотреть на свои грехи, что они кажутся нам горой, за которой совершенно не просматривается бездна щедрот Твоих, Боже. В этом причина нашего отчаяния и безнадежной скорби. Господи, прости нас, что мы не видим бездны щедрот Твоих и не вводим себя в область милосердия Твоего, чтобы спастись.

Чад! Ты можешь приносить отраду душе усопшего брата. Эта радость приносится милостынями и молитвами за него, а особенно – бескровной жертвой, приносимой за него. Душа преставившегося обретается на время в некотором месте в удержании за свои прегрешения (которых у кого нет?), но совершаемые Церковью молитвы сильны искупить его от долгов, и мы, грешные, этим брату нашему поспешествовать можем.

Господи, и мы должны приносить радость нашим усопшим милостынями и молитвами, а особенно бескровной жертвой, приносимой за них в церкви. Господи, прости, что не всегда бываем озабочены доставлением радости нашим усопшим. Души преставившихся обретаются на время в удержании в некотором месте за свои грехи и могут быть искуплены от долгов только совершаемыми за них Церковью молитвами. Господи, прости нас, что мы еще не всегда прибегаем к силе этих молитв, и помощи нашим усопшим ради искупления их от грехов не оказываем. Прости нас.

Чад! Наша жизнь очень похожа на море, постоянно воздвигаемое бурей напастей, страстей и соблазнов; продолжение жизни – непрерывное плавание, ежеминутно сопряженное с великими опасностями. Опасность в плавании по ней производят ветры искушений, внезапные приключения. В этой многобедственной жизни много путей и на каждом

встречаются свои скорби; на пути добра нужна борьба со злом. Утешительно для нас то, что не попустит нам Бог искушиться сверх наших сил, но дарует Свою помощь, чтобы мы могли эти искушения перенести.

Господи, у нас нет стойкого мироощущения, что наша жизнь – это беспокойное море, по которому нам надо непрерывно плыть среди опасностей и бед от страстей и соблазнов. Господи, прости, что мы не видим в этом море, на его просторе, сколько сокрыто бед. Эти беды кроются в тех искушениях и внезапных приключениях, с которыми, как с носителями зла, нам надо бороться, отстаивая добро. Господи, прости, что мы не всегда в этих опасностях видим притаившееся зло и бываем не готовы к борьбе с ним.

Господи, прости нас и за то, что мы забываем усматривать за этими приключениями Твое всемогущее присутствие, которое не попустит нам быть искушенными сверх наших сил. Господи, помоги нам чувствовать Твое дыхание, как некогда праведный Иов, в ноздрях своих.

Чадó! Если ты видишь соблазны вокруг себя, то вниманием своим отвращайся от них к святилищу твоего духа, и они легко останутся вне тебя. Гнетут ли сердце твое обиды, обращайся к живущему в тебе Духу благодати, и они составят евангельское блаженство. Затрудняют ли путь твоей жизни мрачные обстоятельства, держись помазания, которое имеешь от Святого, и оно научит тебя всему (ср.: 1Ин. 2, 20). Изнемогают ли в чем твои силы, ты и прежде не должен был надеяться на них, а теперь опытом убеждаешься прибегать к Силе Божией, которая любит совершаться в наших немощах.

Господи, Ты учишь нас замечать, как соблазны окружают нас, как сердце гнетут обиды, как мрачные обстоятельства затрудняют наш путь, как собственные силы изнемогают. Господи, прости нас, что, видя все это, мы не видим тех бед, которыми враг усиливается отвлечь нас от пути Твоего, Христе, лишить нас надежды на спасение, перенаправить наше внимание с пути Твоего, Христе, на темные дела сатанинские. Господи, прости, мы не учимся владеть своим вниманием, устремляя его к святилищу нашего духа; мы не обращаем его к

живущему в нас Духу благодати, не заставляем его держаться помазания, которое имеем от Святого и обучающему нас всему спасительному. Господи, прости нас и за то, что мы чрезмерно надеемся на свои силы и мало прибегаем к Твоей силе, которая любит совершаться в нашей немощи.

14. Библейские основания в духовной жизни христианина

Чадо! Дух и жизнь верующего содержится в Библии. Учение Церкви есть раскрытие того, что содержится в Священном Писании, а потому мы крепко должны быть убеждены в том, что учение пастыря Церкви берет свою силу от Божественных словес. Священное Писание произведено не человеческими усилиями, но просвещаемые от Святого Духа говорили святые Божии человеки.

Господи, и для нас дух и жизнь Церкви доносится из Священного Писания, и мы должны быть уверены в том, что учение пастырей Церкви воспринимает свою силу от Божественных словес. Мы же в словах наших наставников хотим видеть более человеческую мудрость, нежели евангельскую силу. Прости нас за это, Господи. И ещё. Мы не видим в них преемников святых Божиих человеков, которыми от просвещения Духа Святого написано Священное Писание. Поэтому, целуя на исповеди Евангелие, и мы должны воспринимать дух и жизнь во Христе. Прости нас, Господи, что это восприятие не всегда нами бывает осознаваемо и поэтому слабо внедряемо в нашу жизнь.

Чадо! К видению Бога тебя пусть путеводит чистота сердца. Росток ее всходит и цветет в душе при отвращении от всего греховного. Если хочешь, чтобы сердце твое было чистым местом для тайн нового мира, то прежде обогати его заповеданными иноку делами: постом, бдением, служением, подвижничеством, терпением, истреблением худых помыслов. Прилепись умом своим к чтению Священного Писания и упражняйся в нем.

Господи, в этих словах старца и для нас – урок для очищения сердца, чтобы в нем видеть Бога. А для этого нам надо отворотиться от всего греховного, чтобы росток ее (чистоты) взошел и зацвел в душе. А чтобы сердце наше стало чистым местом для тайн нового мира, мы должны обогатить его постом, бдением, служением и другими заповеданными нам делами. А

также прилепиться умом к чтению Священного Писания и усердно упражняться в нем. Господи, прости нас, что мы уроки, служащие к очищению сердца выполняем небрежно, неохотно, и допускаемых ошибок не исправляем.

Чадо! Всегда имей перед очами своими заповеди Господни. Непрерывным упражнением в молитве исторгай из сердца твоего всякий образ и предмет, которыми ты был занят прежде. Приучи ум твой всегда упражняться в размышлении о благах, дарованных нам Спасителем, и тогда уразумеешь, сколь полезна чистота.

Господи, в своем стремлении к чистоте мы не всегда имеем перед своими очами заповеди Твои, нет в нас и непрестанной молитвы для исторжения из сердца предметов и образов, которыми мы были заняты прежде. И ещё мы не упражняем свой ум в размышлении о благах, Тобою дарованных нам. Господи, прости нас и открой наши глаза на благие дела, и помоги увидеть в них пользу чистоты.

Чадо! Область терпения широка и протягивается в долготу всей жизни человека. Она объемлет собой и все судьбы человечества в этом мире. С терпением человек приобретает и сохраняет блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приращения зол. Выйдя из терпения, он тотчас в опасности утратить благо и пострадать от зла или, что более бедственно, сделать зло. Без терпения нет подвига, а без подвига нет ни добродетели, ни дарования духовного, ни спасения. Ибо *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11, 12).

Господи, мы должны приучать себя видеть и ощущать ту реальность, которая именуется областью терпения. Эта область весьма широка и тянется в долготу дней всей нашей жизни. Она объемлет собою все судьбы человечества в этом мире. Господи, прости, что мы забываем об этой реальности и не добиваемся согласия с ней в собственной жизни. Считая себя приписанными к области терпения, мы многое приобретаем: блага от Бога, успех в предприятиях, исполнение желаний, безвредно выдерживаем приращения зол. Господи, прости, ибо мы забываем, что область терпения есть для нас родина, связь с

которой мы должны чувствовать каждой клеточкой своего существа. Выход же из нее грозит нам многими опасностями: утратить благо, пострадать от зла и даже самим это зло сделать. Господи, прости нас, что без терпения мы утрачиваем тяготение сердца к подвигу, к добродетели, к возгреванию и развитию дарований духовных и спасения. Господи, помоги нам проявлением силы Твоего Духа войти в Царство Небесное.

Чадó! Чтобы всегда иметь покой, не должно полагаться на свои силы, а постоянно поучаться в Божественном Слове. Оно нам опора, крепость и спокойное пристанище. Есть в Священном Писании обетование Господне, которое для нас стена и ограда. Господь нам изрек: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20).

Господи, все мы желаем себе и другим покоя, но забываем, что он приходит не от наших человеческих усилий, а от постоянного поучения в Божественном слове. Господи, прости нас за эту забывчивость и неохотное изучение «глаголов жизни вечной», предлагающих людям войти в вечный покой. Господи, прости нас и за то, что Твое обетование о пребывании с нами «до скончания века» мы не связываем со стеной и оградой, за которыми мы наследуем спасение.

Чадó! Скорби, подобно водам Мерры, неизбежно встречаются на пути нашем к Небесному Отечеству. И венец мы получаем не иначе, как неуклонным несением креста. Когда глава наша увенчана тернием, прилично ли ногам ходить по пути, усыпанному розами? Скорби и болезни суть святые врачевства; мы можем услаждать их верой и усердной молитвой. По большей части мы сами делаем их горькими, прилагая в чашу испытаний примесь наших нетерпения и маловерия. А притом скорби всегда полезны. Они в деснице Господа суть средства для уврачевания духовных наших недугов, для смирения гордости и укрощения страстей. Они смягчают жестокое сердце наше, заставляют прибегать с молитвой к Богу, делают нас нищими духом и ничтожными в собственных глазах.

Господи, скорби и болезни – это святые врачевства, которые, подобно водам Мерры, могут быть горькими. Большей

частью мы сами делаем их такими, подпуская в чашу испытаний горькую примесь нетерпения и маловерия. Господи, прости нас, на пути к Небесному Отечеству мы не готовим себя к встрече со скорбями, посылаемыми Тобою, Господом нашим, как святым средствам для врачевания наших духовных недугов, для смирения гордости и укрощения страстей. Господи, смягчая наше жестокое сердце скорбями, побуди нас через них прибегать к Тебе, Богу и Спасителю нашему, дай нашим глазам возможность увидеть собственную духовную нищету и осознать свое ничтожество.

Чадо! Все пути Провидения Божия относительно нас имеют целью преславный конец: иногда наше внешнее благо, необходимое для этой жизни, а всегда – благо духовной и вечной нашей жизни. Все так называемые случаи, которые видим в мире, служат той же цели. Они направлены к распространению славы Отца Небесного и спасению верных чад Его. Каждая болезнь или немощь, приключившиеся с нами, каждая потеря, нами понесенная, всякая укоризна, потребовавшая от нас терпения, всякое несправедливое презрение, для нас нелегкое, всякое бедствие, огорчающее наше сердце, всякие тоска и мука, терзающие нас, – все служит нашему благу.

Господи, непросто нам увидеть то увенчание жизни, которое пути Твоего Провидения готовят нам: иногда это внешнее благо, необходимое для этой жизни, и всегда – благо духовной и вечной жизни. Господи, мы каемся в несостоятельности нашего видения: смотреть и видеть результаты Твоего провидения в отношении к нам. Господи, прости нас за это. И во всех случаях, приключающихся с нами, мы большей частью не видим блага, направленного к распространению славы Небесного Отца и спасению верных чад. Господи, прости нас, что, видя не видим распространение славы Твоей в каждом эпизоде нашей жизни.

Чадо! Напасти учат нас выше ценить исполнение обязанностей святой веры, помогают ненавидеть мир или, по крайней мере, ослабляют любовь к нему. Они заставляют нас уклоняться от земных вещей, открывая их непостоянство и тленность; побуждают прилепляться сердцем к Богу, не искать

надежного утешения в людях. Словом, через них в душе скорбящего благие желания менее обретают препятствий, немощь – менее преткновений, вера сердечная находит более пособий, страсти – более обуздания, даже добродетель – более цены.

Господи, Ты посылаешь нам разного рода напасти, чтобы с их помощью мы лучше оценили важность исполнения обязанностей святой веры и ослабили нашу любовь к этому миру. Так непостоянство и тленность земных вещей под воздействием напастей побуждают нас уклоняться от них. Они же пробуждают в сердце потребность прилепиться к Богу и не искать надежного утешения в людях. Господи, прости нас, ибо напасти не рассматриваются нами как способ положительного влияния Твоего Промысла на нашу жизнь. А ведь под благодатным влиянием Твоего Промысла благие желания лучше преодолевают те препятствия, которые возникают на их пути, немощь теряет свою расслабляющую силу и реже ставит нам «подножку» к претыканию, сердечная вера крепнет и оказывает большее влияние на нашу жизнь. Господи, прости нас и помоги все услышанное от старца прилагать к себе, обуздывать страсти и более ценить добродетель.

15. «Чрез меры трудного для тебя не ищи»

Чадó! Утешение от дружбы – это дар небес, и от небес только, из дальних стран Горнего Отечества нашего можно его получать. А потому утешает нас не друг, но Бог посылает нам друга в различных обстоятельствах жизни. Когда бываем мы в огорчении, Бог дает нам друга в утешение; когда находимся в нужде, то друг наш несет нам вспоможение; когда мы больны – для уврачевания; если же уязвлены – во исцеление, если находимся в недоумении – для советов и принятия важных решений.

Господи, каждому человеку хочется иметь друга, а в дружбе находить для себя утешение. Но в желании дружить мы должны усвоить для себя простую истину: утешает нас не дружба сама по себе, а Ты, Господи. Ты посылаешь нам это утешение как дар небес, и взор наш должен быть направлен к небу, в дальнюю страну Горнего Отечества, чтобы оттуда его получить. В результате такого взирания на небо у нас должно рождаться убеждение, что через друга Ты Сам подаешь нам дары утешения в различных обстоятельствах жизни. Господи, прости, мы еще не доросли до такого убеждения, еще не воспринимаем друга как условие Твоего драгоценного участия в нашей жизни. И еще, Господи, мы не можем сказать о себе, что научены поступать по слову пророка Давида: «Как очи раба в руки господина его, как очи рабыни в руки госпожи своей, так и очи наши к Тебе, Господу и Богу нашему», чтобы Ты одарил нас щедротами Твоими в разных обстоятельствах жизни: в огорчении – утешением, в нужде – вспоможением, в болезни – врачеванием, при уязвлении сердца оскорблениями – исцелением, в недоумении – советом и принятием решений. Господи, прости нас, что Твою щедрость в обретении друга мы приписываем не Тебе, а считаем свое удачей.

Чадó! Если у тебя появится желание знать конечные судьбы намерений Божиих на земле, то вспоминай слова премудрого Сына Сирахова: *Чрез меры трудного для тебя не ищи, и что выше сил твоих, ты не испытывай* (Сир. 3, 21). Сколько нам

дано знать, видим, что слава Божия и наше спасение есть конец всех намерений Божиих на земле. Все, что видим в мире должно служить к увеличению Царства Божия на земле. Добродетель и пороки, владычество и подчинение, успех и неудачи, богатство и бедность народов, возвышение и упадок государств – словом, все в порядке земных законов должно содействовать образованию и возвышению в сердцах людей Горнего Иерусалима. Тираны очистили веру гонениями, праведные подкрепляют всё любовью, святые угодники суть свидетели чистоты его, пастыри – хранители учения, а православные цари суть покровители веры и Церкви.

Господи, наша любознательность простирается до исследования конечных судеб Твоих, Боже, Твоих намерений на земле. Господи, прости нас, что не смиряем свою пытливость напоминанием – «не искать чрез меры трудного для нас и не испытывать того, что выше наших сил» (ср. Сир. 3, 21). Нам дано знать, что слава Твоя и наше спасение есть конец всех намерений Твоих на земле, и что нашей обязанностью должно стать увеличение Царства Божия на земле. Господи, прости нас, что мы не содействуем образованию и возвышению в наших сердцах Иерусалима Горнего. Господи, помоги впредь содействовать этому святому процессу, препровождающему нас к пониманию конечных намерений Твоих, Боже Спасителю наш, на земле.

Чадо! Всеми силами твоей души сторонись славолюбия. Земная слава не что иное, как обман духа нашего и следствие этого обмана. Еще курится фимиам народной хвалы над прахом умершего, но пройдет один день, и все исчезло. Без особой Божией помощи и благодати ни одно сердце не может охладеть к волшебным прелестям этой страсти. Юношу она пленяет своими лучезарными призраками, лавровым венком и рукоплесканием народным, а старца слава манит к своим долговечным монументам, к памятникам заслуг и благодарности потомства.

Господи, сколь любезно бывает нам порой славолюбие и, одновременно, сколь пагубно оно для нашей души действием своих волшебных прелестей?! Земная слава – это обман

нашего духа и следствие этого обмана. Мы желаем насладиться фимиамом народной хвалы, но проходит день и все исчезает. Господи, прости нас, что не задумываемся об этом в дни приражения этой страсти и не замечаем этого обмана, который предлагает любовь к славе. Господи, прости, что не прибегаем к Твоей Божественной помощи и благодати для распознавания обмана нашего духа и его последствий. Прости, что в дни юности мы пленялись лучезарными его призраками, мечтой о лавровых венках и о народных рукоплесканиях, а в дни старости бредили желаниями выразить себя в долговечных монументах и в виде памятников заслуг и благодарности потомства. Господи, пролей Твою благодать и помощь в удалении от нас лучезарных прелестей человеческой славы.

Чадю! Из всех страстей самой опаснейшей для истины и добродетели является зависть. *Завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24). Завистью же и грех плодится в земной юдоли. Этот один порок порождает многие другие и особенно опасен потому, что обладаемые им скрывают его даже от самих себя. Этот непримиримый враг добродетели и заслуг раздражается всем тем, что возбуждает в людях удивление, и не прощает никому и ничему, кроме порока и незнатности.

Господи, среди всех страстей наибольшую опасность для истины и добродетели в нас являет зависть. Ею «в мир вошла смерть», ею же и грех плодится в земной юдоли. Этот порок порождает в нас и все другие и побуждает скрывать его даже от нас самих. Господи, прости нас, что не задумываемся о том, какую огромную опасность для истины и добродетели в нас таит в себе зависть. Она – непримиримый враг им, ее порождает все то, что вызывает удивление у людей, она не прощает никому и ничего, кроме порока и незнатности. Господи, прости нас за невнимательное и не бдительное отношение к пагубным действиям этой страсти.

Чадю! Тебе необходимо соделаться недостойными всеобщего воззрения, чтобы привлекать к себе его взоры и пощадю. Нет зла, которому не сродни была бы зависть. Нет такой низости, на которую она бы не решилась и которой не старалась извинить. Как скоро зависть возобладает душой, то

ее из сосуда, уготованного в честь, делает сосудом бесславия и всякой мерзости.

Господи, и нам необходимо иметь такое поведение, которое не привлекало бы к нам всеобщего внимания, и тем удалять от себя всякий интерес для этой страсти. Господи, прости, что через зависть к нам липнет всякое зло, и каждая низость находит в ней свое оправдание. Господи, прости, что свое сердце, предназначенное быть сосудом чести, мы наличием зависти делаем сосудом бесславия и мерзости.

Чадó! Старайся иметь искреннее раскаяние о грехах своих, свидетельствуя о нем малым говорением и решительными действиями. Приходя в чувство, спеши изменить к лучшему жизнь свою в уверенности, что настала для тебя минута спасения. Волнуясь сильными размышлениями о превратностях мира и переменах своей прежней жизни, изыскивай уединенное место, где бы ты мог беседовать с собою и проливать обильные слезы. Теряя силу владеть своей печалью при воспоминании прежних своих деяний, преклоняй чело свое к земле и страшись возводить взоры свои к небесам, откуда, впрочем, ожидай помощи и избавления. Чаше воздыхай ко Господу из глубины сердца и проси у Него помощи к укоренению в добродетели.

Господи, мы мало пользуемся приемами искреннего раскаяния: не наблюдаем за молчаливостью в речах и решительностью в действиях; придя в чувство, не приходим в уверенность, что настала для нас минута спасения; не ищем уединенного места для свободной беседы с собою и пролития обильных потоков слез; не приклоняем чело свое к земле, бесстрашно возводим взоры свои к небесам и не часто воздыхаем из глубины сердца к Тебе, Богу и Спасителю нашему, прося помощи для укрепления в добродетели. Господи, прости, мы без усердия добиваемся искреннего раскаяния, не стремимся переменить свою прежнюю жизнь на лучшее.

16. Ополчение окружающего мира, направленное против нас

Чадó! Не подумай, что можно спастись одной милостыней. Ты напрасно будешь раздавать имение нищим, если в сердце твоём не будет любви, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается... все покрывает, всему верит (см. 1Кор. 13, 4. 5, 7). Без исправления нравов щедроты наши одни сами собой не могут спасти нас.

Господи, многие щедроты Твои мы надеемся получить творя милостыню, но часто забываем, что эта добродетель требует от нас наличия любви в сердце. Господи, прости нас, что мы не напоминаем себе о свойствах любви, как о них говорит апостол Павел, и не предваряем щедрот своих возгреванием в сердце любви к ближнему.

Чадó! Милостыня очищает грехи, в которых мы раскаялись, но не оправдывает тех, в которых упорно коснеем. Она есть наш долг, но не единственный долг, и хотя не исполнять его – значит нарушить закон в самом основании его, однако же, исполнив оный, мы обязаны сохранить и другие заповеди закона.

Господи, творение милостыни связано еще и с покаянием. Она очищает от грехов, в которых мы раскаялись, и не имеет спасающей силы для тех, в которых мы закоснели. Господи, прости нас, что рука дающего без собственного исправления жизни не может принять плодов этой добродетели. И еще, Господи, прости, что мы теряем из вида комплексность подготовки себя к творению милостыни: милостыня не единственная обязанность наша, она имеет право на жизнь через сохранение и других заповедей закона.

Чадó! Ты среди многих хочешь жаловаться на этот мир потому, что он исполнен искушений и все, что не окружает нас, ополчается вместе с растленной нашей природой против нас: богатство развращает нравы, бедность выводит из терпения, счастье надмевает, несчастье крушит, дела развлекают,

бездействие нежит, знания напыщают, невежество сдруживает с заблуждением, здравие поддерживает страсти, немощи склоняют к нечувствительности или ропоту, словом, всё, что ни есть в нас или окрест нас, становится для грешного и неосмотрительного человека сетью и камнем преткновения. Одна надежда ко спасению осталась для человека – простирать непрестанно вопль к Престолу Всемилосердного Бога, да благоволит Сам прийти на помощь нашу, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи, управить к победе духовную борьбу и восставить от падения.

Господи, этот мир исполнен многих искушений. Они окружают нас и ополчаются совместно с нашей растленной природой против нас, что и дает нам основание жаловаться на этот мир. И действительно, как же нам объяснить появление на нашем жизненном пути камней преткновения. Ими становится богатство, когда оно развращает нравы; бедность, которая выводит из терпения; счастье, способствующее надменности; несчастье, сокрушающее душу; дела, развлекающие нас, и бездействие, склоняющее душу нежить тело; знания, служащие причиной напыщенности; невежество, сдруживающее с заблуждением; здравие, когда оно поддерживает страсти; немощи, склоняющие к нечувствительности или ропоту. Господи, прости нас, что не видим на нашем пути камней преткновения и не усиливаемся обойти их. Господи, мы страдаем неосмотрительностью и потому попадаем в сети мира сего. Господи, укрепи в нас надежду спасения возношением непрестанного вопля к Твоему Престолу, да благоволишь Сам прийти нам на помощь, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи и управить к победе нашу духовную борьбу.

Чадó! Знай, что плоды запрещенного древа по нашим грехам размножились везде. Змеи-искусители доселе не перестают шептать в слух каждого: не умрете, а *будете как боги* (Быт. 3, 5). Преступая закон Божий, мы повторяем преступление нашего праотца, а через это и в святом месте предаемся опасности погубить свою душу. Нужно внимание к

себе и трезвенное житие, чтобы наше пребывание в обители (в храме) соделалось душеспасительным для нас.

Господи, Ты напоминаешь нам о плодах запрещенного древа, которые и по нашим грехам размножаются везде. И нам змеи-искусители нашептывают на ухо: не умрете, но «будете как боги», все время провоцируя нас повторять преступление Адама. Господи, прости нас, что доверяем этому шепоту и предаемся опасности погубить свою душу. И даже святое место монастыря (храма) не гарантирует нам безопасность, если утрачиваем внимание к себе и теряем трезвенное житие. Господи, прости, что время пребывания в монастыре (храме) мы не употребляем для душеспасительных целей.

Чад! Будь готов, вступая на путь христианского жития отражать от сердца своего похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую.

Если приближается к твоему сердцу похоть плотская и своими воплями призывает нас к чувственному наслаждению, то говори ей: «Удались от нас, мы пришельцы и странники, а на пути не пиршествуют и не роскошествуют. Мужественно перенеся лишения нашего странничества, мы безмерно будем вознаграждены в нашем Отечестве».

Господи, старец нас учит распознавать приближение плотской похоти по ее воплям, призывающим нас к чувственному наслаждению. А слышав их, говори своему пожеланию: «Удались от нас, пришельцев и странников на земле, в дороге не пиршествуют и не роскошествуют. Мужественно перенесем все лишения странничества в надежде, что они будут безмерно вознаграждены в небесном Отечестве». Господи, прости нас за неумение распознавать искушающую силу плотской похоти и за отсутствие желания противостоять ей.

Если похоть очес наших представит воображению тленные богатства и разные земные, тленные вещи и спросит, для чего мы мало имеем их, для чего не стараемся пользоваться ими более, отвечай ей: «Мы пришельцы и странники, а для странников всегда удобнее нести с собой мало, чем много, и благоразумнее нести несокрушаемое, нежели скорогибнущее.

Сохранив душу нестяжательностью в странничестве, в Отечестве найдем для нее сокровища, которые *ни моль, ни ржа не истребляют и ... воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 20).

Господи, похоть очес должна распознаваться нами через контроль над воображением, представляющим нам тленные богатства и разные земные, тленные вещи и говорящим: для чего мы мало имеем их, для чего не стараемся пользоваться ими более? Противостанем этой похоти словами несогласия: «Мы пришельцы и странники, а для странников всегда удобнее нести с собой менее, чем более. Благоразумие требует также нести несокрушаемое, нежели скорогибнущее. Сохраним же свою душу нестяжательной в странствии своем, чтобы в небесном Отечестве найти для нее сокровища, которые «ни моль, ни ржа не истребляют и... воры не подкапывают и не крадут». Господи, прости нас, что не контролируем свое воображение на предмет интереса к земному богатству и разным тленным вещам, отвлекающим наше внимание от наследия богатств небесного Отечества.

Чадо! Если гордость житейская станет беспокоить нас, зачем мы не довольны возвышены и почтены, отвечай ей: «Не смущай нас напрасно, мы здесь пришельцы и странники, а имеем такое высокое Отечество, где невысоким почитается возвышенное на земле. Поэтому горами ли, дебрями ли ведет нас невидимая рука Провидения, все равно, только бы привела нас в Горнее Отечество».

Господи, гордость житейская беспокоит нас вопросами: почему мы не довольны возвышены и не окружены почетом? Почувствовав лукавство, скрытое в этом вопросе, говори ей: «Нам, странникам и пришельцам на земле, не подобает смущаться, имея такое высокое Отечество, где невысоким почитается возвышенное на земле. Поэтому горами ли, дебрями ли ведет нас невидимая рука провидения, нам все равно, только бы привела нас в наше Горнее Отечество» Господи, прости нас, что часто смущаемся подобными вопросами и забываем об условиях проживания в нашем

будущем Горнем Отечестве и слабо противимся проявлению в нас житейской гордости.

17. Вѣдение нашего неспрепьяния

Чадѡ! Помни, что лицемерие – это великий грех. Оно побуждает согрешающаго в нем говорить о мире с ближними своими, а в сердце таить злое (ср. Пс. 27, 3). Лицемерие часто побуждает приветствовать ближнего гласом ангельским, обнимает отверстыми объятиями, целует, являет готовность к услужению и дружбе, но тогда же направляет лук, готовит стрелы, еже *сосстреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

Господи, лицемерие порождает в душе своей жертвы коварство «двойных стандартов»: говорить о мире с ближними, а в сердце таить зло; говорить с ближними голосом ангельским, заключать в раскрытые объятия, целовать его, изъяслять готовность к услужению и дружбе, и в то же время – натягивать лук, готовить стрелы, чтобы во мраке стрелять в правых сердцем. Господи, прости, что мы не видим злого коварства этой страсти и потому не предаем ее власти над нами большого значения.

Чадѡ! Пророк Давид изображает свойство лицемера словами: *умякнуша словеса его паче елеа, и та суть стрелы* (Пс. 54, 22). И точно стрелы! «Лучше меч поражающаго врага, нежели язык льстиваго», – сказал некто из отцов. Врага можно избежать, но от лести лицемера кто удобно может избавиться? Ибо когда лобзает, тогда предает; когда услуживает, тогда погубляет и разоряет; когда хвалит совершенства, тогда, как злое насекомое, умножает раны, громко проповедуя слабости и падения ближнего, видит всякий сучец в глазу брата своего. Великий и язвительный грех есть лицемерие!

Господи, главное свойство лицемера готовить и пускать стрелы в правых сердцем, и эти стрелы – в мягкости словес, снабженных ядовитым наконечником. Они могут настичь каждого и уязвлять, нанося нам раны. Так лобзание может таить предательство, услужливость – пагубу и разорение; похвалой совершенств умножить раны. Господи, прости нас, что не усматриваем ядовитости этого греха и, неожиданно для себя, становимся мишенью для его стрел.

Чадó! Иногда Бог может надоумить тебя размышлением о стяжании духовных плодов (духовных утешений), которые ты хотел бы видеть от твоего жительства в монастыре. В этом случае напомни себе, что не все даже после продолжительных трудов приходили к полному духовному утешению. Иные редко вкушали на земле наслаждения духовные. И это по смотpению небесного Раздаятеля всех благ – Бога, Который всегда лучше о нас промышляет. Ибо мы, подобно младенцам в рассуждении полезного для нас, нередко у Него просим того, что по достоинству своему и силе спасительно, но по нашему неискусству может быть употреблено нами со вредом для нас. Поэтому любвеобильный Отец светов скрывает от некоторых и благочестивых Свои дары. Он, хотя и всегда внимлет молитве избранных Своих, но желаний их иногда не выполняет, и единственно для того, чтобы по Божественному Своему смотpению устроить лучшее.

Господи, проживая в монастыре (или трудясь в храме) мы, сами того не осознавая до конца, ожидаем получать от Тебя за свой продолжительный труд духовные утешения. Господи, прости нас за эти неблагоприятные желания, в которых «наше» опережает «Твое». Ведь не многие на земле были удостоены ощущать духовные утешения, хотя и доверяли Твоему Провидению больше, чем себе. Они предпочитали благоразумно думать, что Ты, Господи, знаешь достоинство и силу посылаемых Тобою даров, знаешь и наше искусство распоряжаться ими спасительно, не во вред себе. Именно поэтому Ты, Господи, скрываешь от нас Свои утешения. Прости нас за то, что мы не вверяем себя Твоему Божественному смотpению и не ожидаем лучшего от сдержанного проявления Твоего милосердия.

Чадó! Не видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное неспеяние. Когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся усиливать свое стремление к Богу. Когда мы находим себя лишенными добродетелей и потому не имеем самомнения, то это самое может привлекать к нам Божественное призрение, которое укрепит нас надеждой против смертного греха – отчаяния.

Успели ль мы или не успели в добродетелях, нет ближайшего средства ко спасению, чем смиренномудрие. Высокомерие и при добродетелях богопротивно, но кроткая мысль пред Богом забвена не будет.

Господи, мы часто видим себя непреспевающими в добродетели и сильно от этого расстраиваемся. А старец Владимир говорит нам, что такое наше суждение неверно. Видеть себя вне преспеяния еще не значит иметь совершенное непреспеяние. Просто видеть надо не только внешний успех, но более сокрытый в тайне Твоего умолчания. Раскрытие этой тайны и есть преуспеяние ради Тебя. Господи, прости нас, что не умеем видеть импульсы благодатного устремления к Тебе, скрытые в этой тайне и при полном осознании отсутствия в себе плодов духовных не усиливаем своих стремлений к Тебе, Богу нашему. Видя себя лишенными добродетелей, мы должны разглядеть в себе понижение уровня самомнения, что и привлечет к нам Твое, Господи, Божественное призрение и укрепит нас надеждой победить грех отчаяния. Господи, прости нас, что не умаляем в себе самомнения и тем не истребляем в себе грех отчаяния. Господи, прости нас за высокомерие, которое и при добродетелях богопротивно. Господи, наполняй кроткими мыслями наше сердце!

18. Навыкание внутренней молитве

Чадо! В иноческой практике имеются много способов навыканию внутренней молитве.

Во-первых, обрети уединение и устройся так, чтобы очи, уста и слух ограждены были от всего возмущающего. Держи пост до некоторого изнеможения и неопустительно пребывай в телесных трудах. Убегай общения с людьми, чтобы вовсе искоренить гнев и осуждение; подчини себя в безусловное послушание наставнику и прими от него правило, как расположить свои действия по часам дня и ночи и какое число молитв произносить по четкам и сколько полагать коленопреклонений.

Господи, глагол «навыкнуть» означает приобщаться опытом. Навыкнуть внутренней молитве значит, соответственно, присоединиться нашим опытом к знанию и делам святых. К молитве внутренней они себя готовили тем, что старались найти для себя уединение и там устраивали себя так, чтобы поставить преграду и устам, и очам, и слуху своему для всего возмущающего. Они держали пост до некоторого изнеможения и неопустительно пребывали в телесных трудах. Они убегали общения с людьми с целью искоренить в себе гнев и осуждение. Они подчиняли себя в безусловное послушание своему наставнику и принимали от него правило, как расположить свои действия по часам дня и ночи и какое число молитв произносить по четкам и сколько полагать коленопреклонений. Господи, прости, что мы опытно этого не делаем: уединения не ценим и не ищем, всякого рода возмущения не оставляем, поста до некоторого изнеможения не держим, телесных трудов не особенно любим, не искореняем в себе гнева и осуждения, не стремимся быть в послушании у наставника, правила молитвенного с ним не уточняем, опытно себя ко всему этому не присоединяем. Прости нас, Господи.

Чадо! Если ты найти уединения не можешь, то наипаче должен держаться телесных трудов, чтобы более смириться; в общении с людьми храни как можно более молчание; и

памятование о Боге при всех занятиях непрестанно удерживай в мысли.

Господи, святые, не находя уединения, более и более упражнялись в телесных трудах, чтобы смиряться, в общении с людьми хранили молчание, во всех занятиях непрестанно удерживали в мыслях памятование о Тебе, Боге нашем. Господи, прости нас, что мы говорить об этом умеем, но опытно осуществлять эти правила себя не утруждаем. Прости нас.

Во-вторых, чадо, в слух себе одному языком говори молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. При усталости можешь ее вслух не произносить. Когда же будут одолевать помыслы или дремание, опять говори ее гласно. Тебе, молящемуся телесною молитвой (со вниманием и гласно), даст Бог умную молитву, а пребывающему в ней со тщанием – безвидную и не воображенную.

Господи, мы видим подвижников, которые творили молитву творчески. Они произносили молитву Иисусову языком, говоря её вслух самим себе, при усталости, при одолении помыслами и дремании они снова говорили её гласно. Ты, Господи, говорили они, даешь молитву умную молящемуся со вниманием и гласно, а пребывающему в ней со тщанием – безвидную и не воображенную. Господи, прости нас, мы их опыт молитвы не приближаем к своему собственному опыту молитвы и не просим, Твоей, Господи, помощи для утверждения в молитве внимательной и гласной в надежде, что Твое милосердие дарует нам и молитву умную, а потом и безвидную и не воображенную. Господи, даруй нам прилежание и тщательность в молитве.

В-третьих, чадо, старайся более упражняться в богомыслии, в благочестивых беседах, читай Священное Писание и отеческие наставления о молитве и силе её.

Господи, прости, что исполнение этих благочестивых установок мы не связываем с успехами в молитве.

В-четвертых, в книге «Добротолюбие» дается такой совет: «Сев в келье безмолвно и собрав ум твой, введи оный в путь, где воздух входит в сердце, и подвижи его, принудя вкупе

сойтись со вдыхаемым духом в сердце; и тогда ум твой, по соединении с душой, исполнится неизреченной сладости и веселия. А потому старайся приучить ум не скоро оттуда исходить, ибо при начале нередко от созатворения и утеснения внутренних он унывает; но когда привыкнет, тогда с охотой удаляется от всего внешнего, познав, что Царствие Божие внутри нас есть (ср.: Лк. 17, 21). Причем должно знать, что ум, находясь в таком положении, не должен быть в праздности, но непрестанно поучаться в этой молитве: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.

Господи, книга «Добротолубие» полезна и нам своим советом о молитвенном делании. И нам опытно надо осваивать внутреннюю молитву, взирая на подвижников веры. А они безмолвно садились в своей келье, собирали ум свой, чтобы ввести его в путь, где воздух входит в сердце, и подвигали его понуждением совокупно с вдыхаемым духом сойтись в сердце. В результате ум их, по соединении с душой, исполнялся неизреченной сладости и веселия. Они старались приучить ум свой не скоро оттуда выходить, ибо при начале от созатворения и утеснения внутренних он нередко унывал, но когда привыкал, тогда с охотой удалялся от всего внешнего, познавая, что «Царствие Божие внутри нас есть». Они, находясь в таком положении, не разрешали уму находиться в праздности, но непрестанно поучались в молитве: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Господи, прости нас, что мы не взираем на их подвиги и потому не подражаем деланию и вере их. Господи, прости нас, что довольно часто мы приклоняем ум свой к праздности.

Чадо! Помни и слова святого Иоанна Златоуста, который говорит: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы этой. Должен инок, когда ест, или пьет, или сидит, или служит, или путешествует, или иное что творит, непрестанно вопить это: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Да имя Господа Иисуса, сходящее в глубину сердца, смирит змия, содержащего пажити, душу же спасет и оживотворит. Убо непрестанно пребуди в имени

Господа Иисуса, яко да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и да будут два сия в едином».

Господи, мы довольно часто нарушаем и даже презираем правила этой молитвы. Мы во всех делах своих не приучили себя вопить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Господи, мы не способствуем имени Твоему, Иисусе Христе, сходить в глубину нашего сердца, чтобы смирить змия, спасти и оживотворить душу и сердцем поглотить Тебя, Господи, а Ты – наше сердце, да будут два во едином. Господи, прости нас, ибо всего этого нет в нашей жизни.

В-пятых, тебе, чадо, необходимо приобретать искреннее расположение к молитве и в простоте сердца всегдашнее предание себя Богу с сильным желанием в правом намерении сердечной молитвы, – и тогда увидишь исполняющимися над тобой слова преподобного Мелетия Галисийского: «Молитва, возлюбленный, учителя не требует, но тщания, но рачения и множайшего усердия, и бывает ее учителем Сам Бог во всех».

Впрочем, чтобы вышеизложенные способы сопровождались верным успехом, нужен искусный руководитель. Если найдешь такового, держись его как твердого оплота и повинуйся ему.

Господи, нам по примеру имевших подвиг молитвы, необходимо приобретать искреннее расположение к молитве, умение в простоте сердца предавать себя Тебе, нашему Богу, всегда нам необходимо иметь сильное желание и правое намерение достичь сердечной молитвы. Господи, прости нас, что указанный набор необходимых для молитвы вещей у нас микроскопически мал, и потому не в силах оказывать помощь в видении, что в молитве Ты, Господи, Сам нас учишь всему и во всем. Прости нас и за то, что теряем тщательность, старание и многое усердие соответствовать правилам совершения молитвы.

Господи, прости, что не ищем надежного в этом деле руководителя, а, найдя, не держимся его.

19. Значение душевных качеств и чистейшего девства

Чадо! Случалось, что Божественные веления были открываемы мужам праведным во сне. Но такие сны имели ясный признак откровения свыше, ибо сопровождались явлением ангелов или святых угодников и даже Самого Христа. Но вообще в сновидениях должно остерегаться, как бы через них не впасть в самообольщение, ибо через веру снам многие прельстились. Любомудрый старец Феостирикт, составивший Параклисис Пресвятой Богородице, вверившись снам, наконец так ими прельстился, что погиб. Поэтому нужна осторожность, чтобы не увлечься сонными мечтаниями. Верующий сновидениям подобен бегущему за своей тенью и покушающемуся ее схватить, а никакому мечтательному сну не верующий есть истинный любомудр.

Господи, случается, что мы доверяя снам, впадаем через них в самообман и уподобляемся человеку, бегущему за своей тенью. Прости нас.

Чадо! Пресвятая Дева Мария удостоена высочайшего избрания, потому что по Своим душевным качествам и чистейшему девству Она явилась превысшей всех. Подражающий Ее девству может ожидать особенной благодати Божией и приближения к Богу. Славящие уста утомились бы в продолжение веков, если бы на глас молитв и песнословий не присещала верующих Пресвятая Богородица Своей могущественной помощью, принося их душам благодать Иисуса Христа, подобно как Она является носящей Его на руках в наших священных изображениях. Если опасность, бедствия, скорби, тебя постигающие колеблют твоё мужество и истощают твоё терпение, то помяни Матерь Господа, стоящую при Кресте Его, и рассматриванием Ее безмерной и безвинной скорби, непобедимого мужества и терпения возбуди себя к мужеству и терпению в твоих, конечно, малых и, вероятно, не безвинных скорбях, прося в то же время от Нее помощи к благодушному их перенесению. Приятен же Ей тот, кто творит волю Сына Её

Иисуса Христа и в покаянии провождает жизнь до конечного издыхания.

Господи, мы неизреченно рады видеть, что Ты превознес Свою Пречистую Матерь выше всех за Ее душевные качества и чистейшее девство. Этот ободряюще радостный взгляд дает нам возможность подражать Её девству и ожидать от Нее особенной благодати Твоей, Сыне Божий, только бы наши уста не утомлялись славить Тебя в молитвах и песнословиях. Господи, прости нас за потерю радости и желания подражать Твоей Богоматери девству, прости нас и за то, что не имеем обыкновения взирать на священное изображение, где Пречистая Дева, стоит при Кресте Сына Своего в неопикуемой и безвинной скорби, и этим взиранием не просим себе мужества и терпения к перенесению наших далеко не безвинных скорбей. Господи, помоги нам помнить об условии быть принятыми и обласканными Твоей Пречистой Матерью – творить волю Твою, Сыне Божий, и проводить свою жизнь в покаянии, и видеть в Ней благою Помощницу.

Чадо! Первоначальной причиной всех несчастий являются грехи; за грехи посылаются печали, за грехи – беспокойства, за грехи – брани, за грехи – страдания, и все, ныне приключающееся нам; неудобоисцелимые болезни первоначально произошли от греха. Бог, налагая жене за преступление наказание, сказал ей: *в болезни будешь рождать детей* (Быт. 3, 16), и болезнь оказалась плодом греха. Но как рождающийся от древа червь снелает самое древо, так и печаль, от греха рожденная, потребляет грех, если соединяется с покаянием. *Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2Кор. 7, 10).

Господи, нам важно знать не только о причине греха, но и о печали, рождаемой от греха, которая истребляется только покаянием. Господи, прости нас, что в основании печалей, беспокойств, браней, страданий мы не видим своих грехов, а увидев, желаем преодолеть их без покаяния.

Чадо! Кто без благословной вины исходит из церкви прежде окончания Божественной Литургии, тот уподобляется Иуде-предателю, который вышел с последней вечери, когда все еще

оставались. Если бы он не выходил, не сделался бы предателем; если бы не оставлял прочих учеников, не погиб бы; если бы от пастыря не отлучился, не был бы похищен зверем.

Господи, присутствие каждого человека за Божественной Литургией до ее окончания является обязательным. Исходящий со службы раньше ее окончания уподобляется Иуде-предателю и привлекает на себя те же беды, что постигли его. Господи, прости нас, что без благословной вины исходим из храма раньше окончания Божественной Литургии.

Чадод! Оканчивая прошедший и встречая Новый год, мы должны, сокрушаясь сердцем, размыслить о прошедших днях нашей жизни, безвозвратно протекших, чтобы ответить себе: что же доброго мы сделали в утекшее время? Оставшееся время приближает нас к старости, кончина неизвестна, а Суд Божий не задержится. Потому каждому непременно должно начать новую жизнь о Христе Иисусе.

Господи, при переходе из одного года в другой, при так называемой встрече Нового года, мы должны сокрушенным сердцем поразмыслить о прошедших днях нашей жизни, о безвозвратно ушедшем времени и о добрых делах, совершенных во славу Божию, и были ли таковые. Господи, прости нас, что не подводим мы итогов нашей жизни в ожидании приближающейся старости и кончины, а также испытания своей жизни на предмет доброго ответа на Суде Твоем. Господи, помоги нам встречать Новый год как благословенную возможность начать новую жизнь.

Чадод! Один богобоязненный и трудолюбивый инок, когда у него спросили, имеет ли он родных, отвечал так: «Имею. Отец мой на земле тот, кто поучает меня постоянству в подвиге и печется об очищении моих грехов; мать моя – сердечное сокрушение, могущее смыть мои нечистоты; брат – вместе подвизающийся и помогающий в путешествии к небу; сожительница – память смертная; чада – сердечные стенания; слуга – тело, а друга стараюсь стяжать в Ангеле-хранителе, да сопутствует мне по разлучении души моей от тела».

Господи, духовно ищущему человеку, кроме обычного взгляда на родство, необходимо воспитывать в себе знание

родства духовного: отца, мать, брата, сожительницу, чад, слугу, друга. Господи, прости нас, что оказываемся людьми, не помнящими этого родства.

Чад! Приобретай христианские книги по мере средств своих. Это весьма полезно, ибо и самый взор на эти книги останавливает в нас стремление ко греху и побуждает сильнее стремиться к правоте. А чтение Священного Писания есть великая защита от греха; незнание же Божественных писем есть великая стремнина и глубокая пропасть. Между книгами полезнейшие для инока – писания святых отцов Церкви и сказания о жизни святых угодников Божиих.

Господи, иметь христианские книги для нас весьма полезно, ибо один взор на них останавливает в нас стремление ко греху и побуждает сильнее стремиться к правоте. Господи, прости нас, что, не читая книг Священного Писания и святых отцов, мы повергаем себя в великую стремнину и глубокую пропасть.

Чад! Видимая природа – это огромная книга, в которой крупными буквами написаны и в живых картинах изображены необходимые и первоначальные истины, направляющие нас на путь спасения; ее могут и должны читать все. Благодетельные явления природы раскрывают и питают чувство любви и благодарности к Господу; явления грозные внушают чувство страха и благоговения к Нему; явления тихие – чувство кротости; явления трогательные – чувство умиления и молитвенное расположение духа; явления высокие и поразительные порождают в нас чувство человеческой нашей немощи и бессилия, а потому возбуждают чувство смирения, производят веру и живое упование на Творца вселенной.

Господи, мы не умеем читать книгу видимой природы так, чтобы прочитывать в ней первоначальные истины, необходимые для спасения. Ее язык заключен в разнообразных проявлениях природы: благодетельных, грозных, тихих, трогательных, высоких и поразительных. Воспринимая этот язык, мы отзываемся на него разнообразными чувствами: то любовью и благодарностью к Тебе, нашему Господу, то чувством страха и благоговения к Тебе, то чувством кротости, то чувством умиления и молитвенного расположения духа, то чувством

человеческой немощи и бессилия, то чувством смирения, веры и живого упования на Тебя, Боже. Господи, прости нас, что мы не умеем классифицировать явления природы и не изучаем их благотворного воздействия на нас. Названные чувства – это ответ нашего «я» на воздействие на нас этих явлений природы, и мы должны вникать в их содержание. Господи, прости, что не делаем этого.

20. Приносимые нами жертвы Богу

Чад! День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом через творение и промысление Творца вселенной: *День дни отрыгает глагол*, – говорит Псалмопевец, – *и ночь ночи возвещает разум* (Пс. 18, 3). Христианский день есть проповедник сколько величия и славы Божией, столько долготерпения и неизреченного милосердия Божия, явленных и являемых нам Спасителем нашим. День каждого человека есть начало новой жизни его, определяющейся разными родами его деятельности; потому каждый день для нас есть новое побуждение к преуспеянию в доброделании.

Господи, Ты через старца говоришь нам о трех днях жизни: естественной, христианской и просто человеческой. Каждый из них имеет свою смысловую нагрузку. День естественный наполнен неумолкающей проповедью величия и славы, которые мы видим через творение и Твое промысление о нас, Творче вселенной и Боже. День христианский исполнен проповедью о величии Божиим, раскрывающим себя через долготерпение и неизреченное милосердие Твое, Спасителю наш. И, наконец, день каждого человека – это начало его новой жизни, это новое побуждение к преуспеянию в доброделании. Господи, прости нас, что мы по утрам не напоминаем себе об этой проповеди наступающего дня.

Чад! Верно слово: если ты со Христом умрешь для греха, то и оживешь с Ним; если переносим скорби, живя по учению Иисуса Христа, то с Ним и царствовать будем. Но если отвергнемся умереть для греха и жить по учению Христову, то и Христос отвергнется нас. Помни же это верное слово, говорит апостол Павел (2Тим. 2, 11. 12).

Господи, мы верим Твоему слову о необходимости умереть для греха и жить по учению Иисуса Христа. Господи, прости нас, что в какие-то минуты жизни мы бываем не готовы умереть для греха и не руководствуемся Твоим учением, когда необходимо исправлять грех. Господи, не удаляйся от нас за эти промахи.

Чад! На земле нет совершенного счастья, ибо здесь не время утешения, но скорби. Высокий сан имеет свои труды и лишения, простое звание – особенные печали и неудобства, мир – свои прихоти, уединение – свои горесть и скуку, брачное состояние – свои утраты и заботы, дружество – свои неприятности и вероломство, благочестие – свои горести. По уставу, неизбежному для чад Адамовых, всяк обретает на своем пути волчцы и терние. Тысячи случаев убеждают нас, что к блаженству нашему на земле всегда многого и многого недостает.

Господи, по Твоему уставу каждый человек на своем пути обрящет волчцы и терние. Для людей высокого сана ими являются труды и лишения, для людей простого звания – особенные печали и неудобства; мир рождает прихоти, уединение – свои горесть и скуку, брачное состояние – свои утраты и заботы, дружба – свои неприятности и вероломство, благочестие – свои горечи. Господи, прости нас, ибо в волчцах и тернии видеть те «печали» мира сего, которыми омрачается наша жизнь на земле, и которые лишают нас светлых элементов счастья.

Чад! В духовной жизни должно совершаться подобное тому, что некогда представлялось в Ветхозаветном Храме. Ты закалаешь твою жертву, когда духом умерщвляешь плоть свою со страстями и похотьми; омываешь ее, когда оплакиваешь прежние грехи твои; возжигаешь ее, когда огонь любви Божией объемлет и наполняет сердце твое, так что его силой темные стихии ветхой и плотской жизни разрешаются и очищаются и сквозь них проникает новая светоносная, горé парящая, жизнь духа. Ты приносишь фимиам – одну из самых благовонных для неба жертв, проникающую во святая святых, – когда приносишь молитву. Ибо еще во дни сени и гаданий разрешал эту священную тайну тот, который воспевал: *Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку́ моею – жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). Приносишь в жертву главу, когда пленяешь разум твой в послушание веры и умом твоим предаешься богомыслию. Приносишь рамо (плечи), когда благодарственно приписываешь Богу силу, тебе дарованную.

Приносишь тук, когда посвящаешь Богу твою радость и веселие. Приносишь агнца, когда ходишь в незлобии. Приносишь птенца голубина, когда хранишь чистоту. Приносишь рабочего тельца или юницу, когда ревностно подвизаешься для Бога и благодушно трудишься ко благу ближнего.

Господи, мы должны знать какие жертвы совершались в Ветхозаветном Храме и какие духовные жертвы соответствуют им в завете новом. В ветхом завете жертва заколалась, омывалась, возжигалась. В духовном плане этим священнодействиям соответствуют умерщвление духом нашей плоти с ее страстями и похотями; оплакивание прежних наших грехов и наполнение любовью Божией нашего сердца с тем, чтобы силой этого огня тайные стихии ветхой плотской жизни разрешились и сквозь них проникла новая, светоносная, горé парящая, жизнь духа. Господи, прости нас, что мы не знаем об этих тонкостях духовной жизни и не приносим Тебе соответствующих жертв.

Господи, мы приносим в жертву также фимиам: голову, рамо (плечи), тук, агнца, тельца и горлицу. Принося фимиам, мы приносим молитву, эту «жертву вечернюю» (Пс. 140, 2). Приносим голову, пленяя разум свой в послушание веры, и умом предаемся богомыслию; рамо, приписывая Богу силу, дарованную нам; тук, посвящая Богу свою радость и веселие; агнца, ходя в незлобии; горлицу, сохраняя чистоту; тельца, подвизаясь ревностно для Бога; юную телочку – трудясь во благо ближнему. Господи, прости нас, что и этих жертв духовных мы не приносим Тебе сполна.

Чадó! Священник есть раздаятель небесных благословений по чину благодатного тайноводства. Еще в первоначальном постановлении о законном священстве Бог сказал священникам: *благословляйте сынов Израилевых* (Чис. 6, 23), и паки о них же: *Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я (Господь) благословлю их* (Чис. 6, 27). Благословение иерея во имя Святой Троицы изливает свет и мир в души, цельбу в тела, благопоспешество в начинания и дела, благоустройство в семейства, освящение на благословляемые места и вещи, невидимую, но плодотворную

небесную росу на землю. Потому просящий благословения должен стараться, чтобы грехами своими не отдалять от себя силы благословения.

Господи, Ты желаешь благословлять народ Свой через священников (Числ. 6, 27), которых и поставил быть раздаятелями небесных благословений по чину благодатного таиноводства. Поэтому благословение иерея во имя Святой Троицы изливает свет и мир в души, цельбу в тела, благопоспешество в начинания и дела, благоустройство в семьи, освящение на благословляемые места и вещи. Господи, прости нас, мы не ценим благословение иерейское, не видим тех духовных и житейских благ, которые оно приносит и грехами своими отдаляем от себя силу благословения.

**ИСПОВЕДЬ XX. СЛОВЕСНОЕ СЛУЖЕНИЕ
БОГУ И БЛИЖНИМ. По духовным беседам
старца Николая (Цариковского), духовника
Киево-Печерской лавры (1829 – 1899).**

1. Ответственность за произносимые слова

Брате, как только каждый из вас утром пробудится от сна, сейчас же благодари Бога за то, что еще оставлен на покаяние, и проси у Него помощи на труды послушания в течение всего дня.

Господи, у нас еще не вошло в привычку каждое утро благодарить Тебя за то, что еще оставлены Тобою на покаяние. Господи, прости нас, что по утрам не благодарим Тебя за предоставленную возможность еще приносить покаяние. Прости нас и за то, что мы не испрашиваем у Тебя благословения и помощи на труды послушания в течение всего дня.

Брате, начиная всякое твое дело, призывай Бога на помощь. Желаешь ли молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо, призывай Господа Бога, Его Пречистую Матерь и святых угодников Его, говоря: «Господи, благослови и помоги мне грешному!» Ибо Сам Господь сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), то есть без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром.

Господи, без призывания Тебя и испрашивания Твоей помощи мы не должны начинать никакое свое дело. Собираемся ли мы молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо мы обязаны говорить: «Господи, благослови и помоги мне грешному!» Мы знаем, что без Тебя, Боже наш, и без Твоей помощи мы не можем свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром. Господи, прости, что повседневной памяти о Тебе не держим в своем сердце и, соответственно, благословения и помощи у Тебя не просим на свои дела.

Брате, если скажешь: «Я сам то и то сделаю» – и не призовешь Бога на помощь, то с тобой силы и помощи Божией не будет. Тогда и диавол скажет свое «я» и будет употреблять старания, чтобы противиться начатому тобою делу и с успехом вредить ему, и достигнет того, что и молитва твоя будет в грех, и вообще все дела так осквернит, что они будут противны Богу,

ибо ты на себя надеялся, а не на Бога, и творил их без Его помощи и защиты.

Господи, случается и нам забывать призывать Тебя на помощь, самонадеянно говоря: «Я сам то и то сделаю», и лишаться Твоей, Боже наш, силы и помощи. Господи прости нас за самонадеянность, склоняющую нас забыть о словах Твоих: «Без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела». А где нет Твоей помощи, там приходит диавол и употребляет все свои старания, чтобы навредить нам: дать молитве превратное направление, так что она будет нам в грех, да и все дела так осквернит, что они будут противны Тебе. Господи, прости нас, ибо мы сами виноваты в этих превратностях, надеялись на себя, а не на Тебя, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, ибо творили свои дела без Твоей помощи и оград.

Брате, тебе никого не следует бранить (ругать), а тем паче проклиная. Особенно же это касается родителей, которые не должны делать этого в отношении к своим детям. От недоброго, злого, матерного слова иные дети всю жизнь болеют, другие, возрастая, не повинуются ни отцу, ни матери, сами мучаются и других мучают. Какая-то сила действует на них через матерные слова.

Господи, брань, как таковая, а тем более проклятия, должны быть исключены из нашего лексикона. Особенно это запрещение касается родителей, когда они взаимодействуют со своими детьми. Переступающие черту этого запрета и адресующие недобрые, злые, матерные слова своим детям, наносят им непоправимый вред: их недобрые слова становятся причиной нездоровья детей, неповиновения родителям и старшим. Язвы от этих слов мучают их, а через них и других. Господи, прости нас за бранные слова, которыми мы выражаем свое недоброе отношение к детям своим.

Родители, а особенно, матери, должны помнить, что они дадут на Страшном Суде ответ о детях. Господь спросит их тогда: «Я создал дитя, отдал тебе его на воспитание, дал тебе здоровье и все что нужно было. Где Мое создание?» Кто воспитывал детей и молился о них, тот скажет: «Господи, се аз

и дети, их же дал ми еси!» А кто бранил, проклинал, истреблял отравой детей, которые получили бы Царствие Небесное, те будут страшный ответ давать на Страшном Суде.

Господи, о детях, которых Ты дал нам на воспитание и вправе спросить нас: «Я создал дитя и отдал его вам на воспитание, дал здоровье и все, что нужно. Где создание Мое?» И будет у нас великая трудность с ответом, ибо, если молились и воспитывали их, мы сможем сказать: «Вот, Господи, я и дети, которых Ты дал мне!» Те же, которые бранили, проклинали, истребляли своих детей отравой, со стыдом дадут страшный ответ на Страшном Суде. Господи, мы ужасаемся от второго варианта своего поведения, просим Тебя простить нас за него и помочь дать добрый ответ на Твоем Суде, с радостью свидетельствуя: «Вот я и дети, которых Ты дал нам».

2. Опасность славу Божию отдать диаволу

Брате, некоторые ходят к ворожеям, кланяются им, просят у них помощи. Дьявол очень радуется, что христиане кланяются ему в лице ворожей и просят у него помощи через его слуг. Он записывает таких, и если кто, не покайся в этом на исповеди, умрет, то дьявол скажет тогда Ангелу-хранителю: «Эта душа принадлежит мне: она оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила помощи у меня», – и увлечет такую душу во ад. Вот только и пользы людям от посещения ворожей, что дьявол низринет их души во ад, если они не покаются на исповеди. Тяжесть греха от посещения ворожей особенно увеличивается оттого, что посещающие их отвергаются от Бога.

Господи, ходить к ворожеям, кланяться им, просить у них помощи – дело гибельное оттого, что этим мы радуем дьявола, которому в лице ворожей кланяемся и просим у него помощи. Таковые попадают у дьявола в особый список и, если не покаются на исповеди, то когда умрут, он скажет о такой душе Ангелу-хранителю: «Эта душа принадлежит мне, ибо оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила у меня помощи». Сказанного достаточно, чтобы быть увлеченной им во ад. Господи, прости тех, кто пытается ходить к ворожеям, кто через них выпрашивает у дьявола помощи и не идет на исповедь в храм, чтобы покаяться в этом страшном грехе – отвержения Тебя, нашего Бога и Спасителя, Врача и Целителя душ и телес наших.

Брате, знай, что Сам Господь наш никогда не отвергает нас, а, напротив, всячески привлекает к Себе, поучает нас всегда и за всем потребным обращаться к Нему. Он говорит: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам; если с верою просите, все получите (Мф. 7, 7; 21, 22)*. И, несмотря на это, посещающие ворожей не верят Богу, Который создал их, дал им душу и тело и всё потребное, еще и Царство Небесное обещал даровать им. Они же Ему не доверяют и не просят Его, а идут к ворожеям, им кланяются, их просят и славу

Божью через это отдают дьяволу. Это есть мерзость пред Господом и прикрытое идолопоклонство.

Господи, хождение к ворожеям – дело не просто так содеваемое, безразличное к правде Божией. Оно выявляет наше негативное отношение к Тебе, Богу Живому и Крепкому. Ты, Господи, не отвергаешь нас, привлекаешь к Себе, учишь нас всегда и за всем потребным обращаться к Тебе, говоря: «Просите, и дано будет вам...» Господи, прости нас, что мы не понимаем и не принимаем этой Твоей заботы о нас. Посещая же ворожей, или видя и слыша их призывы по телевизору, мы теряем веру к Тебе, Создателю нашему, давшему нам душу и тело и все потребное, еще и Царствие Небесное обещавшему нам. Господи, прости нас, что не доверяем Тебе и не просим Тебя о помощи, когда идем к ворожеям, им кланяемся, просим их о помощи и, тем самым, славу Твою, Боже, через это отдаем дьяволу. Господи, прости нас за эту мерзость и прикрытое идолопоклонство.

3. Очи раба, взирающие на «руки» Господа Бога своего

Брате, знай, что некоторые на исповеди утаивают грехи свои. Кто так делает, тому нет ни прощения, ни спасения. Подходит он к Святой Чаше и вкушает Святые Тайны в суд и осуждение себе. От чаши он отходит более черным, чем был прежде. Сам Господь, зная нашу немощь, что человек после Крещения не может оставаться чистым и святым, дал покаяние и исповедь. Явившись Апостолам после Своего воскресения, Он дунул на них и сказал: *Приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им; имже держите, держатся* (Ин. 20, 22. 23).

Господи, исповедь для некоторых из нас становится неким камнем преткновения, когда хочется утаить грехи свои. Делающим так – нет ни прощения, ни спасения. Подходя к Святой Чаше в таком случае, мы вкушаем Святые Тайны в суд и осуждение себе, и отходим от нее более черными, чем были прежде. Господи, прости нас за такую дерзость, когда нам случится такое.

Господи, Ты знаешь нашу немощь, знаешь, что после Крещения мы не можем оставаться чистыми и святыми. Для нашего исправления Ты даровал нам покаяние и исповедь. И не только дал, но и послал Своих Апостолов, чтобы они прощали нам грехи действием через них Духа Святого. Ты сказал им после Своего воскресения: «*Приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им; имже держите, держатся*» (Ин. 20, 22–23). Господи, прости нас, мы не ожидаем для себя от покаяния и исповеди исправления под воздействием Духа Святого. Шажок такого исправления подвигает нас быть ближе к Царству Небесному, ибо без действия Духа Святого мы даже и помыслить ничего благого не можем. Господи, прости нас, трудно исправимых.

Брате, когда ты каешься на исповеди и чистосердечно открываешь грехи свои, то иерей прощает и разрешает тебя и Сам Господь прощает и разрешает. Если же утаишь грехи, нет

тебе ни прощения, ни очищения, ни спасения, так как, приступая ко причащению Святых Тайн, вкусишь их в осуждение себе. В случае же смерти диавол возьмет тебя как свой жребий, ибо никакая нечистота не явится пред Богом в блаженном Царствии Небесном.

Господи, Ты Сам прощаешь и разрешаешь нас, если мы чистосердечно открываем грехи свои на исповеди, и если иерей прощает и разрешает нас от них. Господи, прости нас, мы это условие покаяния – чистосердечно, без утаивания, открывать свои грехи на исповеди – не всегда соблюдаем. В результате не получаем ни прощения, ни разрешения, ни очищения, ни спасения. И само причащение Святых Тайн тогда служит нам в осуждение. Господи, прости, что такие случаи, происходящие на исповеди, умножают нашу нечистоту и будут мешать нам предстать пред Тобою в блаженном Царствии Небесном.

Брате, Бог сказал нам: «В чем застану, в том и сужду». Кого застанет в покаянии, тот получит Царство Небесное и блаженство вечное, такое блаженство, какого, по словам апостола Павла, *око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не приходило* (см. 1Кор. 2, 9). А кто погордится и не покается в своей жизни, умрет без покаяния и исповеди, тот получит не Царство Небесное, а наказание вечное, будет отлучен от Бога, рая и всего блаженства и вместе с диаволом будет ввержен во ад.

Господи, грозно звучат для нас слова Твои: «В чем застану, в том и сужу». А застать Ты можешь нас либо кающимися, либо гордящимися и не приносящими покаяния. Для первых, кающихся, Ты готовишь Царство Небесное и блаженство вечное, такое блаженство, которого «око ни видело, ухо ни слышало, и на сердце человеку ни приходило». Другие же, по гордости не кающиеся в этой жизни, будут отлучены от Тебя, своего Бога, от рая и от всего блаженства и низринуты вместе с диаволом во ад. Господи, прости нас, что наши очи, уши и сердца не смотрят, как говорит пророк Давид, в Твои „руки“, Господине наш, предлагающие нам вечное блаженство, а все время заглядываем в „руки“ того, кто низводит нас во ад.

Брате, представь себе огонь, который будет жечь без света; там червь, который будет есть тело, как колоду, – червь вечный и тело вечное. От этого всего будет происходить смрад. Тем смрадом нужно будет дышать и глотать его. Жажда будет такая, что хотя бы кто каплю воды дал, но никто не даст, ибо грешники отлучены от Бога. Во аде один кричит, другой скрежещет зубами, иной проклинает всех, но друг друга они не видят, потому что находятся в бездне и тьме.

Господи, сколь страшно, наводя ужас и трепет, описывает старец жизнь душ, попавших во ад. Огонь без света, червь неусыпающий, который без сытости будет есть наше тело, зловонный смрад, которым надо будет дышать и глотать, жажда страшная, которую никто не утолит даже каплей воды, – вот главные пытки, которые ад предлагает попавшим туда. Дополняют эту жуткую картину мучений во аде крики одних, скрежет зубов других, проклятия третьих. И все происходящее друг для друга будет безвидно, ибо происходить будет в бездне и тьме. Господи, прости нас за то, что мы в это описание жизни во аде не вдумываемся, не утруждаем себя представить всю горечь, которая ждет и нас, если не будем каяться еще здесь, на земле. Господи, прости, что не до конца понимаем ужас отлучения от Тебя, нашего Бога и Спасителя, в этот момент перехода в вечность без покаяния. Увы, нам, Господи, увы, согрешавшим и не покаявшимся!

Брате, помни, что наша жизнь кратка и готовит нас для участия в вечности. Ты должен готовить добрые дела. При смерти ты все оставишь: и дома, и серебро, и золото, и все свои вещи. С тобой пойдут лишь добрые дела и злые. В содеянном зле заблаговременно кайся, а добрые дела собирай для вечности.

Господи, мы должны помнить о краткости нашей жизни и о том, что в вечность мы ничего тленного с собой не возьмем, с нами пойдут только наши дела – добрые или злые. Поэтому наша задача номер один состоит в накоплении добрых дел и в совершенном удалении от себя дел злых. Господи, прости, что в злых делах по рассеянности и забвению мы заблаговременно не

каемся, и добрых дел не собираем для вечности, не делаем их ради Тебя.

Брате, помни также, что нужно ходить в церковь и молиться Господу Богу, Божией Матери и угодникам Его. Каждый должен и сам за себя молиться, и просить о себе молитв у священника, а также и о священнике молиться. А без церкви и священников нельзя нам спастись, как на море без корабля и кормчего. Священник есть посредник между Богом и людьми, а глава Церкви – Христос. Кто ходит в церковь, молится Богу, Божией Матери и Его угодникам и случается, что часто грешит и по правосудию Божию должен быть строго наказан, но за молитвы к Богу и Его угодникам еще оставляется на покаяние.

Господи, нам крайне необходимо ходить в церковь и молиться Тебе, Господу Богу, Твоей Пречистой Матери и угодникам Твоим. Молиться следует и самим за себя, и просить молитв у священника, а также молиться и за священника. Господи, прости, мы не всегда справляемся с этой обязанностью. Иещё, без церкви и священника нам спастись нельзя, как без корабля и кормчего нельзя спастись на море. Священник в церкви – посредник между Богом и людьми, а Христос – Её глава. Поэтому, если кому случится согрешить пред Тобою, Господи, и по правосудию Твоему ожидать себе наказания, то надо будет обратить свой взор на надежду, что ради хождения в церковь, ради молитв к Тебе Самому, к Твоей Пречистой Матери и угодникам Твоим мы будем Твоею милостию оставлены на покаяние. Господи, прости нас, что, будучи на корабле, мы желаем спрыгнуть с него в открытое море. Господи, прости нас за это безрассудство.

4. Усилия дьявола лишить нас Небесного Царствия

Брате, помни, что наша брань с дьяволом за Царствие Небесное продолжится до окончания нашей жизни. Дьявол, как дух, сверженный с неба за гордость и непослушание Богу, позавидовал прародителям нашим – Адаму и Еве и, обольстив их, ввел в гордость и непослушание Богу и тем лишил рая. Так же он и теперь преследует людей и более всего православных.

Господи, наша брань с дьяволом ведется за право быть нам в Небесном Царстве, и будет вестись до конца нашей земной жизни. Дьявол, как дух, низверженный с неба за гордость и непослушание Тебе, нашему Господу и Богу, старается теперь и нас обольстить и, как некогда Адама и Еву, ввести в гордость и непослушание Тебе, Богу нашему, и тем лишить рая. Господи, прости нас, что мы не призываем Твоего имени, чтобы им, победив дьявола, войти в Царство Небесное. Ибо это удел всех православных.

Брате, дьявол своей лестью всячески старается войти в нашу душу (голову). При помощи притворства, скрывшись так, чтобы человек и не подозревал его, представляет ему всякие прелести, разнообразные лица, скарёдности, в соответствии с тем, какой кто страстью заражен в большей степени. Кто услаждается той или иной из возбужденных таким образом страстей, то дьявол этим услаждением входит к человеку, как к своему другу, соединяется с его душой, оскверняет ее, потом водворяется на его сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела. Если являются у тебя на уме скверные, недобрые мысли, это есть дьявольский приход, приступ. Тогда ты скажи дьяволу: «Не соглашаюсь с тобой» – и не допускай себя усладиться теми мыслями. Тогда твой Ангел-хранитель будет отгонять от тебя дьявола, а Бог, за такое сопротивление врагу-дьяволу, пошлет тебе отпущение грехов и награду: для тебя будет сплетаться неувядаемой славы венец.

Господи, духовный опыт старца Николая открывает и нам внутреннее зрение на действие врага-дьявола на нашу душу. Он всячески старается своей лестью проникнуть в нее. Сначала

он употребляет притворство, скрываясь так, чтобы мы и не подозревали о нем, а далее он представляет нам всяческие прелести, разнообразные лица, скарденности, в соответствии с той страстью, которая в большей мере владеет нами. Когда мы начинаем услаждаться той или иной из возбужденных таким образом страстей, то диавол этим услаждением входит к нам, как к своим друзьям, соединяется с нашей душой, оскверняет ее, потом водворяется на наше сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела, пленяя наш ум недобрыми мыслями. Это есть диавольский приход, приступ. Господи, прости нас, что мы не отслеживаем диавольское проникновение в нашу душу и тем самым поддаемся его лести. А чтобы этого не случилось, нам надо ему сказать: «Не соглашаюсь с тобой» – и не допускать себя усладиться этими мыслями. Тогда наш Ангел-хранитель будет отгонять от нас диавола, а Бог, за такой подвиг противления врагу-диаволу, пошлет нам отпущение грехов и награду: для нас будет сплетаться неувядаемой славы венец. Господи, прости нас, что мы не даем отпор врагу, не привлекаем на свою сторону Ангела-хранителя, и не готовим себя к получению небесной награды – неувядаемой славы венца.

Брате, всячески старайся не допускать диавола до своей души, ибо она есть невеста Христова. Бог ее создал для того, чтобы она вечно Его славил и вечно радовалась пред Ним. Диавол все силы употребляет, чтобы ее осквернить, чтобы через это она лишена была Царствия Небесного и радости Божественной. А во время искушений нужно помнить (и не унывать), что за помыслы, всеваемые врагом в душу, еще нет осуждения человеку, ибо это вражеская брань. Только за услаждение помыслами и соизволение с диаволом на грех постигают человека осуждение от Бога и праведный гнев Его.

Господи, мы крайне мало трудимся над тем, чтобы не пускать диавола в свою душу и не напоминаем себе, что душа наша – невеста Твоя, Христе, созданная Тобой для Твоего прославления и вечной радости пред Тобой. Господи, прости нас за это. И еще забываем мы, что диавол все свои силы употребляет, чтобы осквернить нашу душу и лишить ее Царства

Небесного и радости Божественной. Господи, прости нас за короткую об этом память.

Господи, мы редко задумываемся, что помыслы, всеваемые в нашу душу во время искушений, – это диавольская брань на нас, и за них мы не будем осуждены. Только услаждение помыслами и соизволение на грех вменяются нам в осуждение, и праведный гнев Твой будет уделом такого человека. Господи, прости нас, что унываем, когда видим то сбывающимся.

Брате, заботливо сопротивляйся всякой страсти: гневу ли, гордости, зависти, тщеславию и делай это сейчас же после появления помыслов этих страстей, не соглашаясь мысленно с тем, что внушает невидимо враг. Нельзя давать этим помыслам и минуты пробыть в душе и укорениться в ней, ибо чем дольше с ними не бороться, тем труднее с ними становиться борьба, и Ангел-хранитель может отступить от нас за несопротивление злу, греху. Если же человек не соглашается с диавольскими помыслами страстными, то Ангел-хранитель, видя благое произволение души, сейчас же отгоняет от нее врага. Богу и врагу нашему нужно только произволение наше, так как нам дана свобода избирать благое или злое и отвергать противоположное избранному. Ни Господня благодать, ни враг не принуждают человека насильно делать что-либо, но только предлагают: благодать – благие помыслы к совершению воли Божией, а враг – помыслы лукавые, греховные, злые, соблазняющие ко греху. Только уже склонение человека своим произволением в сторону добра или зла вменяется ему в заслугу или осуждение.

Господи, наша сопротивляемость всякой страсти крайне мала, и с появлением помыслов этих страстей мы не поставляем преграды, не соглашаясь мысленно с ними. Господи, прости нас за это и помоги нам не давать им надолго оставаться в нашей душе. Прости и за то, что этим медлением мы отдаляем от себя Ангела-хранителя, не оказываем сопротивления врагу и греху.

Господи, сопротивляясь страстным диавольским помыслам, мы побуждаем Ангела-хранителя отгонять от нас врага. В основу этой борьбы полагается наше произволение: избирать

благое или злое, и отвергать противоположное избранному. Господи, прости нас, что мы теряем из вида, что благодать предлагает нам благие помыслы к совершению Твоей, Боже, воли, а враг – помыслы лукавые, греховные, злые, соблазняющие ко греху. Забываем мы и о том, что только склонение нашего произволения в сторону добра или зла вменяется нам в заслугу или во осуждение. Господи, прости нас за это неразборчивое поведение.

Брате, когда призываешь имя Божие, полагай на себе крестное знамение. Старайся совершать это знамение правильно: на челе, на персях, на правом и левом раменах, чтобы и все тело чувствовало прикосновение руки, сложенной для крестного знамения. Тогда и тело освящается, и враг трепещет.

Господи, прости, что истовость крестного знамения нами не всегда соблюдается, тело от этого не освящается, и враг не устрашается.

5. Смиренномудрие по опыту святых подвижников

Брате, тебе необходимо выяснить суть смиренномудрия, которая состоит в том, чтобы никогда и никого сердцем своим не осуждать, и не держать в душе своей памяти о причиненном зле, и отпускать ближним согрешения их против нас; считать себя ниже и хуже всех людей, всегда и во всем быть готову отдать предпочтение другим пред собой; пред Богом же всегда и во всем себя осуждать и не считать себя достойным тех естественных и благодатных Даров, которыми Он награждает. Такой человек пред Судом Божиим, как не судящий и не осуждающий ближнего, – не судится, как прощающий всем согрешения их – прощается, и как смиренный, смиряющий себя перед всеми – оправдывается. Вот так и поступать должно.

Господи, чтобы смирить себя, нам необходимо учиться мудрости, которая состоит в том, чтобы никогда и никого не осуждать своим сердцем и не держать в душе своей памяти о причиненном нам зле и отпускать ближним их согрешения против нас. Господи, прости нас, ибо наша мудрость не изобилует этими качествами. Дополнительно к этому нам необходимо считать себя ниже и хуже всех людей, всегда и во всем быть готовыми отдать предпочтение другим, пред Богом же всегда и во всем себя осуждать и не считать себя достойными тех естественных и благодатных даров, которыми Ты, Боже, награждаешь нас. Господи, прости нас, что так согрешая, мы не страшимся Суда Твоего, не вымаливаем себе пощады прощения и оправдания. Господи, помоги нам с горечью осознать, что мы так не поступаем.

Брате, для научения смиренномудрию нужно обращаться к опыту святых подвижников, явивших в своем лице великие примеры смиренномудрия. Такое назидательное чтение о некоторых событиях из жизни святых запечатлеет в сердце твоём великое значение и крайнюю необходимость добродетели смиренномудрия, без которого ни одна добродетель и доброе дело не могут иметь пред Богом цены.

Господи, учиться смиренномудрию нам лучше всего основываясь на опыте святых подвижников, явивших в своем лице великие примеры смиренномудрия. Их опыт запечатлевает в нашем сердце великое значение и крайнюю необходимость добродетели смиренномудрия. Все они утверждают важную истину: ни одна добродетель и доброе дело без смиренномудрия не имеют цены пред Тобою, Господи. Мы просим у Тебя прощения за небрежение к этой добродетели и за отсутствие в нашем сердце печати смиренной мудрости.

Брате, ни о чем враг наш диавол не заботиться, как о том, чтобы лишить нас смирения, привлекающего благодать Божию, и ввергнуть в гордость, отвергающую от нас Бога. Поэтому нужно иметь о себе такое мнение, какое имели святые, чтобы совершенно враг не мог подступить к сердцу, ибо смирения, как силы Божией, сатана трепещет и бежит от него. А гордость, напротив, в один миг может лишить милости Божией и подвергнуть рабству диаволу, как это случилось с одним святым, который, причащаясь Святых Тайн, в самомнении помыслил о себе, что вот он достойно принимает Святые Тайны. Но в тот миг, как он это помыслил, Ангел Божий взял у него из рук Святое Причастие, а на него напал диавол.

Господи, старец говорит нам, что смирение привлекает благодать Твою, Боже, а гордость отвергает нас от Тебя. Поэтому враг-диавол хочет нас лишить смирения и ввергнуть в гордость. Смиренный должен иметь о себе такое же мнение, какое имели святые люди. К ним враг не мог подступить, ибо в сердце их видел смирение, понимая, что в нем проявляет себя Твоя, Господи, сила, трепетали и бежали от них. Господи, прости, что наши очи мысленные не видят этого, и мы не стремимся приобретать смирение.

Господи, гордость же, наоборот, в один миг может лишить нас Твоей милости и подвергнуть рабству диаволу. Господи, прости нас, что в самомнении высоко о себе думаем и тем даем повод диаволу нападать на нас.

Брате, для подтверждения значения и силы смирения в борьбе с врагом полезно почаще прибегать к примеру из жизни преподобного Симеона Столпника: диавол, во образе Архангела

Михаила, на огненной колеснице, запряженной огненными конями, по Попущению Божию, явился этому преподобному и говорит ему: «Вот ты уже угодил Богу, как Илия пророк, поэтому Бог послал меня и огненную эту колесницу, чтобы взять тебя, как Илию, на небо». А святой ему ответил в своем глубочайшем смиренномудрии: «Ты, вероятно, ошибся и прибыл не к тому человеку, к которому послан, ибо то, что ты говоришь, не может относиться ко мне: я человек грешный». Как только он это сказал, диавол, палимый, как огнем, смирением подвижника, мгновенно исчез.

Господи, очень полезно нам для подтверждения силы и значения смирения напоминать себе пример из жизни преподобного Симеона Столпника. Явившемуся ему в образе Архангела Михаила диаволу и сказавшего подвижнику: «Вот ты угодил Богу, как Илия пророк, поэтому Бог прислал меня и эту огненную колесницу, чтобы взять тебя, как Илию, на небо». И в ответе святого услышал диавол слова смиренномудрия: «Ты, вероятно, ошибся и пришел не к тому человеку, ибо я человек грешный». И диавол, палимый, как огнем, смирением подвижника, мгновенно исчез. Господи, как же нам не хватает подобного смирения для отражения искушений вражеских, провоцирующих нас поступать гордо. Господи, помоги нам не забыть противопоставить ему доводы смиренномудрия.

Брате, чадо духовное! Когда ты отмечаешь, что не имеешь смирения и смиренномудрия, а, напротив бываешь постоянно борим противоположными качествами, то тогда следует тебе отказаться от своего «я» самолюбивого и начать труды самоотречения. А главное – нужно молиться Богу, чтобы Он даровал смирение, и очищать свою душу покаянием и исповеданием пред духовным своим отцом помыслов. Без труда же самоотречения и без очищения души скорбями и лишениями и, особенно, без возможно частого исповедания пред опытным духовником греховных помыслов, живя в покое, человек постепенно начинает быть всячески довольным собой, помышлять о своих мнимых достоинствах как о действительных и, сравнивая себя с другими людьми, мытарями и грешниками, считает себя святым и безгрешным. Если же случится, что кто-

либо, по Божью попущению, только прикоснется, например, словом укора или обиды, оскорбления к душе так помышляющего о себе, то и станет очевидной вся его мнимая добродетель: он никак не может перенести обиды, унижения и начинает озлобляться на обидчика и всячески мстить ему, уподобляясь неведущему учения Христова язычнику.

Господи, иногда мы замечаем в себе, и не так уж и редко, отсутствие смирения и смиренномудрия. Это отсутствие смирения сопровождается борением нас противоположными качествами. Наличие этой беды преодолевается отказом от своего самлюбивого «я» и трудом самоотречения. Господи, прости нас, мы совсем не имеем смиренномудрия и не боремся за него. Господи, мы не молимся Тебе о даровании смирения и не очищаем свою душу покаянием и открытием своих помыслов духовному отцу. А для этого необходимы труды самоотречения и очищение души скорбями и лишениями. Господи, прости нас за неготовность к подобным трудам. Пребывая в покое, мы постепенно становимся самодовольными, помышляем о своих мнимых достоинствах как о действительных и, сравнивая себя с другими людьми, начинаем считать себя святыми и безгрешными. Господи, прости нас за мнимое о себе представление. И помоги через слова укора или обиды, оскорбления увидеть свои мнимые добродетели. Господи, избави нас от озлобления на обидчика и мести ему.

Брате, чадо духовное, не забывай и всегда помни о смирении, о том, что своего ничего не имеем, а что имеем, не наше, а Божие. Тело – от Бога, душа – от Бога, ум и все душевные силы – от Бога, различные знания и искусства, образование – дар Божий, сан, власть и все благое, что имеем для душевной и телесной жизни, своей и ближних своих, – это дары милости Божией, за пользование которыми нужно будет отдать в свое время строгий отчет.

Господи, мы хоть и с трудом, но осознаем в минуты вдумчивой жизни, что ничего своего не имеем, а что имеем, не наше, а Твое, Боже. Тело, душа, ум и все душевные силы, знания и искусства, образование, сан, власть и все благое для душевной и телесной жизни, своей и близких – это дары Твоей

милости к нам. За них в свое время нам придется дать строгий отчет Тебе, Подателю жизни. Господи, прости нас за рассеянное об этом внимание и память.

Брате, мы и греха не должны считать своим собственным произведением, принадлежащим нашей собственной природе. Ибо если грех и живет в нас, людях, то и он не наше произведение, а вошел к нам от врага Божия и нашего. Поэтому если мы оказываемся не имеющими ничего своего, а все у нас от Бога, то у нас нет чем тщеславиться и гордиться. Напротив, мы должны за все благодарить Бога и всячески смиряться, готовясь дать во всем ответ Ему. Ибо наша жизнь земная есть жизнь подготовительная и краткая и дана нам не для того, чтобы тщеславиться или гордиться один перед другими своими достоинствами и преимуществами.

Господи, нам интересно отметить для себя, что даже грехи – не наше собственное произведение, принадлежащее нашей природе. Те грехи, которые живут в нас, вошли к нам от врага Твоего, Боже, и нашего. Поэтому мы оказываемся не имеющими ничего своего и нечем нам тщеславиться и гордиться. Господи, прости нас, что мы готовы бываем тщеславиться и гордиться и считать своими совершаемые нами грехи, а они в нас от Твоего, Боже, врага и нашего. И если нашего у нас ничего нет, то нам надо прибегать к смирению и за все всегда благодарить Тебя и готовиться дать Тебе ответ. Наша земная жизнь, хоть и коротка, но готовит нас не тщеславиться и гордиться своими успехами и преимуществами. Своими делами мы призваны прославлять Тебя, Творца всяческих. Господи, прости нас, мы часто, ох, как часто, отступаем от подобного понимания цели своей жизни.

6. Вред самопроизвольных подвигов

Брате, мы рождаемся в этом мире для того, чтобы прославлять Творца и послужить Ему, потрудиться во славу Его над созданием Его рук, – этим видимыми миром, порученным нам во владение, и через это обрести милость у Бога, потрудиться для своего блага и спасения, и для блага и спасения ближних. И несмотря на то, что мы должны весьма много в своей жизни трудиться и всегда молиться, как неключимые рабы, нам нельзя ни на минуту забывать того, что спасает нас Господь Бог по велицей милости Своей, а не по нашим делам.

Господи, цель нашего рождения в этом мире одна – прославлять Тебя, Творца нашего, и послужить Тебе, потрудиться во славу Твою над созданием Твоих рук – этим видимым миром. Ты поручил его нам во владение, обещал нам Свою милость, чтобы мы могли потрудиться для своего блага и блага и спасения ближних. Господи, прости нас, что настоящее благо, определенное Тобою нам во спасение, мы для себя слабо реализуем, а для ближних еще меньше. Родившись в этот мир, мы, как рабы неключимые, должны много потрудиться и всегда молиться. Нам нельзя даже на минуту забывать, что Ты, Господи, спасаешь нас единственно по Своей милости, а не по нашим делам. Господи, прости нас, что и трудимся мало, молимся не всегда и любим своим трудам приписывать наше спасение.

Брате, бедствие человека состоит в том, что он или не знает ничего о себе и о своем положении в этом мире, или, если и знает, то забывает. Если же не знает или забудет об этом, то ввергает сам себя в различные бедствия. Забыв, например, что мы спасаемся, несмотря на все наши труды и заслуги, единственно только по милости Божией, подвижник начнет уже с иной целью и намерением, расположением духовным, и поститься, и молиться, читать душеполезные книги. Он с горделивым намерением самопроизвольными подвигами, совершаемыми с тщеславием, захочет сам заслужить, как бы

купить себе у Бога спасение. Но без руководства и наставления опытных руководителей, которых он не хочет слушать, своими неразумными подвигами так испортит себя, расслабит свои силы, что станет не способным ни к какому делу – послушанию, и начинает уже лечиться всю жизнь, а не подвизаться.

Господи, нам грозит беда, когда забываем, что ничего не знаем о себе и о своем положении в этом мире. А если же знаем и забываем, то – тоже ввергаем себя в различные бедствия. Господи, прости нас, что не готовим себя эти бедствия предупреждать.

Господи, забывая, что мы спасаемся единственно по милости Твоей, мы по-иному смотрим на свои труды и заслуги и с иной целью, намерением и духовным расположением и постимся, и молимся, и читаем душеполезные книги. У нас, в этом случае, появиться горделивое намерение самопроизвольными подвигами, с тщеславием как бы выкупить у Тебя, Спасителя и Бога, свое спасение. Господи, прости за столь горделивое намерение и дело. Без руководства опытных наставников мы так испортим себя, расслабим свои силы, что станем неспособны ни к какому послушанию. Господи, прости нас за неразумные подвиги, следствием которых будет необходимость лечиться, а не подвизаться.

Брате, избегай гордости и тщеславия особенно потому, что они имеют столь пагубные последствия. И не берись за подвиги поста и молитвы без духовного руководителя, чтобы вместо пользы и спасения, не потерпеть тебе тяжкого вреда или даже не впасть в совершенную погибель. Нужна осторожность, чтобы по самомнению или из тщеславия и гордости не взять на себя трудов и подвигов, превышающих силы, и без помощи духовного руководителя подвигами не зайти туда, где очень тонко. Ибо, не удержавшись, не умея удержаться на духовной высоте, можно упасть с нее и не только ушибиться, но и искалечиться, сделаться непригодным ни для подвигов духовных, ни для прохождения послушания.

Господи, нам следует избегать гордости и тщеславия из-за их пагубных последствий. Подвиги поста и молитвы без духовного руководства способны вместо пользы и спасения

нанести нам тяжкий вред и даже ввергнуть в совершенную гибель. Господи, прости нас за неосторожность, когда по самомнению, из тщеславия и гордости желаем взять на себя труды и подвиги, превышающие наши силы. Господи, прости, что без духовного руководителя не боимся зайти туда, где очень тонко, и не умея держаться на духовной высоте, можем с нее упасть, ушибиться и даже разбиться. И в результате сделаться непригодными для духовных подвигов и прохождения послушания. Господи, прости нас за бесстрашие саморуководства и помоги все делать за послушание духовному отцу.

7. Радость о Боже неотъемлемая

Брате, старайся не смотреть за тем, как другие живут и действуют, а непрестанно следи за собой, что и как сам делаешь. А если перестанешь строго следить за собой, то, естественно, сейчас же будешь обращать внимание на других и начнешь судить их. «Тот или этот не так живут, как следует, а этот не так, как следует, действует». Но пройдет немного времени, смотришь, а сам судивший и осуждавший других за осуждение и гордость так расстроится (ибо благодать отступает от него), что не знает, как и быть, как исправиться, поправить свои обстоятельства, и сам начинает допускать такие поступки, каких и другие, осужденные им, не делали, и не может перестать их делать, хотя и самому стыдно, и от Бога, и людей осуждение. И сам, без особой милости и помощи Божией, пока не покается, не может выйти из своего поистине бедственного состояния. Всегда должно помнить, что каждый сам за себя даст ответ Богу.

Господи, и к нам это наставление старца имеет прямое отношение. Мы не стараемся не смотреть за тем, как другие живут и действуют, и забываем следить за собой, чтобы оценить свои поступки. Господи, прости нас, что не следим за собой, а обращаем внимание на других, осуждаем их за поступки и действия. Судить других небезопасно для нас, ибо осуждением расстраивается наша собственная жизнь, благодать отступает от нас, и мы делаем поступки гораздо худшие, чем те, кого мы осуждали. Господи, прости нас, что мы не можем перестать так делать, хотя и стыдно нам за них.

Господи, прости, что без Твоей особой милости и помощи, без покаяния, мы желаем выйти из этого бедственного состояния. Прости и за то, что не готовимся сами за себя дать ответ Тебе, нашему Богу, когда Ты решишь судить нас за прожитую в осуждении и гордости жизнь.

Брате, что бы ни случилось с тобой, не показывай и вида печали, скорби, уныния. Враг не знает того, что в глубине души христианина скрывается, а узнает об этом только из того как

человек ведет себя. Ища только повода, чтобы «морочить» человека, заметив, что он начинает унывать от чего-либо, враг сейчас подносит ему еще и еще что-либо тяжелое, обидное, оскорбительное, чтобы увеличить печаль и скорбь и незаметно довести до полной бездеятельности, отчаяния и гибели, когда человек, как говорится, голову потеряет, опустит руки и не хочет уже придумывать и просить у Бога помощи найти какие-либо средства выйти из бед и несчастья.

Господи, во всех случаях и обстоятельствах жизни, мы не должны показывать и вида печали, скорби и уныния. Враг не знает того, что скрывается в глубине нашей души. Он узнает об этом только из того, как мы ведем себя. Он всячески ищет повода, чтобы «морочить» нас. И когда враг видит от какой страсти мы начинаем унывать, тотчас начинает подносить нам что-либо тяжелое, обидное, оскорбительное, чтобы увеличить нашу печаль и скорбь, незаметно довести до полной бездеятельности, отчаяния и гибели. Господи, прости, что любим показывать себя расстроенными по тому или иному поводу, терять голову, опускать руки, не желаем подумать как выйти из этого печального состояния и не просим у Тебя, Боже правый, помощи к отысканию средств для выхода из этого кризиса, именуемого бедой и несчастьем.

Брате, если заметишь, что согрешил в чем-либо, познаешь себя в грехе, сейчас, не медля ни минуты, иди до Бога и кайся, прости у Него прощения, *ибо несть грех, побеждающ человеколюбие Божие*. Мы должны в этом отношении уподобляться малому дитяти, которое если во время игры упадет, или ушибется, или кто его обидит, то сейчас же бежит к отцу или матери, ища защиты и утешения. А мать тотчас берет его на руки, утешает его, и оно сейчас же забывает о своем несчастье и снова весело начинает играть и бегать.

Так бывает и с душой человека; согрешила ли она или впала в какое-либо несчастье, если тотчас с искренним покаянием и усердной молитвой прибегает к Богу, то снова получает благодать и помощь от Бога и снова радуется и утешается милостью Божиею.

Господи, Ты даешь нам утешение через старца, говоря: как только заметим, что согрешили в чем-либо, познаем себя в грехе, так сразу же, не медля ни минуты, надо идти к Тебе, Утешителю нашему, и покаяться, прося у Тебя прощения. Делать мы это должны с твердой верой, что нет греха, который бы победил Твое человеколюбие. Господи, прости нас за то, что мы, заметив себя в грехе, не прибегаем к Тебе с просьбой о помощи, не возгреваем в себе веру в Твое человеколюбие, которого не победит ни один наш грех. Господи, мы не уподобляемся детям, которые как-либо пострадав в игре, бегут к отцу или матери за утешением и, получив его, снова веселы и жизнерадостны.

Господи, Ты учишь нас так же поступать со своей душой, когда согрешим или впадем в какое-либо несчастье. Только надо с искренним покаянием и усердной молитвой прибегнуть к Тебе, благому Утешителю, и снова получить у Тебя благодать и помощь, чтобы с радостью идти по жизни и утешаться Твоей милостью. Господи, прости нас, что мы не чувствуем Твоего Отеческого за нами «пригляда», не спешим к Тебе за утешением и Твоей благодатной помощью не ищем у Тебя радости и утешения в своей скорби.

Брате, мы должны стараться, чтобы всегда иметь радость о Бозе неотъемлемой. Жизнь нам дана не на печаль, а на радость, и потому каждый должен стараться всегда быть веселым: это освежает все силы человека, воображение, память, ум.

Господи, мы мало стараемся всегда иметь радость о Тебе неотъемлемой. Прости нас. Жизнь дана нам на радость. Отсюда обязанность – всегда быть веселыми и ею (веселостью) освежать свои мысли, силы, воображение, память, ум. Господи, прости нас, что не боремся за присутствие в нас веселости, даруемой Твоей благодатью.

Брате, послушания твои разные (работу) выполняй со смирением, прося усердно у Бога помощи. Успех же дела должно предоставлять воле Божией и особенно о нем не беспокоиться. А главное – никогда не хвалиться и не говорить с похвальбой: «Я то и то сделаю», потому что если за тщеславие

благодать отступит от тебя, то хотя бы ты и начал работать, например, написать какое-либо сочинение, то уж не будешь в себе иметь той силы, какую давала благодать.

Господи, многие свои рабочие моменты (послушания) мы еще не научились исполнять со смирением, усердно прося у Тебя помощи. Мы еще не имеем мужества успех дела предоставлять Твоей, Господи, воле и любим с похвальбой говорить: «Я то и то сделаю». Подобные заявления свидетельствуют о нашем тщеславии, а из-за него может от нас отступить Твоя благодать, и мы утратим для исполнения послушания ту силу, которую должна давать только Твоя благодать. Господи, прости нас за эти тщеславные, безблагодатные дела. Господи, помоги нам всегда со смирением искать у Тебя благодатную помощь.

Брате, если ты нуждаешься в помощи Божией, то проси Его об этом, потому что Он Сам сказал: «Просите и дастся вам». Если просим, то и получаем, а не просим, то и не получаем. Во всем должно на Бога надеяться, а не на себя, на свои силы, способности и средства, и Бог никогда не оставит Своей всесильной помощью и благодатью прибегающих к Нему, ибо сказал: «Скорее мать забудет свое дитя, чем Я забуду тебя».

Господи, в нас слабо уживается память о Твоей о нас «Материнской» заботе, и потому мы не спешим прибегать к Тебе за помощью в случае нужды, просить Тебя о ней. Господи, прости, что больше надеемся не на Тебя, а на свои силы, способности и средства. Господи, прости нас, что мы слабо верим, что Ты никогда не оставишь нас Своей всесильной помощью и благодатью. И помоги помнить Твои слова: «Скорее мать забудет свое дитя, чем Ты забудешь нас».

8. Научение умной молитве

Брате, чадо духовное, ты должен научиться непрестанно молиться, дышать, так сказать, умной молитвой Иисусовой. Ее можно совершать и без четок, но со смирением и терпением. Она имеет великую силу. С нею можно и в миру безбедно, безопасно жить, а без нее и в монастыре трудно. Ею особенно нужно пользоваться тогда, когда враг нападает и старается или через внешние чувства, или через греховные помыслы войти в душу. Даже когда он, пользуясь неопытностью или нерадением человека, проникнет в сердце его и начнет уже властно принуждать его ко греху, действуя на кровь, то изгнать из сердца этого лютого врага может только одна молитва Иисусова, сказываемая умом в сердце с верою и любовью, с терпением и усердием. Она, как огонь вещество, невидимо, силой Божией опалает диавола и его демонов, так что, не вынося ее, он оставляет человека.

Господи, и нам нужно научиться непрестанной молитве, научиться дышать умной молитвой Иисусовой. Ее нужно совершать нам со смирением и терпением. Господи, прости, что к выполнению этого положения христианской жизни мы себя не устремляем. Когда враг нападает и старается войти в нашу душу, воздействуя на внешние чувства через греховные помыслы, то вернейшее средство против него – Иисусова молитва. Даже когда враг, пользуясь нашей неопытностью и нерадением проникнет в наше сердце и начнет властно принуждать ко греху, действуя на кровь, то изгнать его из сердца может только молитва Иисусова, которую мы должны произносить умом в сердце, произносить с верою и любовью, с терпением и усердием. Господи, прости, что это спасительное средство мы «не держим под рукой» и незамедлительно не пользуемся им для изгнания врага из нашего сердца.

Господи, помоги помнить и верить, что эта молитва, как огонь вещество, невидимо, силой Твоей благодати опалает диавола и его демонов и они, не вынося её, оставляют нас.

Господи, умножь в нас доверие к этой, исполненной Твоей силы, молитве!

Брате, нам всегда должно исполнять волю Божию, заповедь апостольскую: *непрестанно молитесь* (1Сол. 5, 17). Но, трудясь в молитве постоянно, не должно ждать сейчас же и плодов ее, например каких-либо духовных утешений, духовно-благодатной сердечной молитвы, как бы награды за труды. Если будут в душе добродетели и усердие, то Бог в свое время, когда нужно будет, пошлет и духовно-благодатную, сердечную молитву.

Господи, исполнять апостольскую заповедь: «непрестанно молитесь» – наш долг перед Тобой. Трудясь в молитве постоянно, нам не следует тотчас ожидать ее плодов, духовных утешений, духовно-благодатной сердечной молитвы как награды за труды. Господи, прости нас, что согрешаем подобными ожиданиями воздаяния, часто за неумелые труды, прости за отсутствие в душе добродетели и усердия. Господи, благослови утвердить в своем сердце веру, что Ты, в свое время, когда нужно будет, пошлешь нам и духовно-благодатную сердечную молитву.

Брате, молитву Иисусову нужно творить и иноку, и мирянину, не взирая на сухость душевную: эта самая сухость душевная пройдет от терпеливого совершения молитвы.

Господи, мы не должны сухость душевную считать уважительной причиной, препятствующей творению молитвы Иисусовой. Терпеливое совершение этой молитвы, как дождь размягчает сухую землю, будет помогать нам устранять сухость душевную. Господи, прости нас, что ощущение сухости душевной ослабляет наше усердие к деланию молитвы Иисусовой.

Брате, чадо духовное! Для упражнения в умной молитве определи какой-либо час ночи или утра раннего, когда царит полнейшая тишина, и всегда уже в этот час упражняйся в ней не особенно долго, четверть часа, а то и менее, по силам.

Господи, и нам следует определить для упражнения в умной молитве какой-либо час ночи или раннего утра, когда царит полнейшая тишина. И всегда нам должно именно в этот

час упражняться в ней не особенно долго, четверть часа, а то и меньше, по силам. Господи, прости нас, что такая практика неведома нам, и даруй нам силу Твою, чтобы ее освоить.

Брате, чадо духовное, богослужение церковное посещай по возможности неопустительно и упражняйся всегда в умной молитве.

Господи, прости нас, что нарушаем это церковное правило.

Уж лучше при произнесении молитвы Иисусовой не сосредотачивать внимания и ума ни в каком месте своего тела и так трудиться, пока не пошлет Господь дара сердечной молитвы.

Господи, лучше для нас при произнесении молитвы Иисусовой не сосредотачивать внимание и ум ни в каком месте своего тела, и так трудиться пока Ты, Господи, Сам не пошлешь нам дара сердечной молитвы. Господи, прости нас за отсутствие терпения в ожидании Твоего дара – сердечной молитвы.

Брате, если хочешь, чтобы тебя послушали и приняли к сердцу слова твои, если намереваешься принести кому-либо духовную пользу посредством слова, то прежде чем кому говорить что-либо, помолись о нем Богу, а потом уже скажи что следует. Тогда Бог, приняв твою молитву, расположит его сердце к принятию от тебя слова наставления.

Господи, как часто нам хочется, чтобы нас выслушали и приняли к сердцу наши слова! Как же часто мы намереваемся принести кому-либо духовную пользу посредством слова! Но также часто в этих своих желаниях мы забываем правило: прежде чем кому говорить что-либо, надо помолиться Тебе, нашему Сердцеведцу, а потом говорить что следует. И верить надо, что Ты, Боже наш, примешь нашу молитву, расположишь сердце собеседника к принятию от нас слова наставления. Господи, прости нас, что не придерживаемся этого правила.

Литература

1. Беседы великих русских старцев «О Православной вере, спасении души и различных вопросах духовной жизни». М.: Трифонов Печенегский монастырь, «Ковчег», 2003.
2. Великие русские старцы. Жизнеописания, чудеса, духовные наставления. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: «Ковчег», 2011.
3. *Симеон (Холмогоров), архимандрит*. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елиазаровой пустыни. СПб, 1996.
4. Собеседник православных христиан. СПб, 1995.
5. *Владимир (Мусатов) иеромонах*. Ответы старца на вопросы келейного ученика. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002.
6. *Иеромонах Адриан*. Жизнеописание иеросхимонаха Николая (Цариковского), духовника Киево-Печерской Успенской Лавры. (по изданиям 1899 г).